

Concordia Discors

ISSN 2077-6365

БЕРЕГИНЯ • 777 • СОВА,
2016, № 4 (31)
Научный журнал

Москва – Воронеж • 2016

Берегиня • 777 • Сова. Научный журнал / Гл. редактор профессор Р.Г. Гостев, зам. гл. ред. профессор Е.П. Белозерцев, профессор Г.К. Сафаралиев. – М.: Еврошкола, Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2016, № 4 (31): Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / Отв. ред.: А.А. Галкин, А.А. Богдашкин, Л.С. Окунева. – 383 с.

ISSN 2077-6365

ISBN 978-5-87456-862-7

В журнале опубликованы материалы международного исследовательского проекта «Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность».

Статьи рецензируются. Не рецензируются статьи чл.-корр., академиков РАН, РАО, руководителей политических партий, представленных в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, членов редакционного совета.

Мнения авторов могут не совпадать с позициями редакционного совета.

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

ISSN 2077-6365

ISBN 978-5-87456-862-7

© Берегиня • 777 • Сова, 2016

© Авторы, 2016

© Оформление обложки С.В. Вашурин

Издается с 2009 года

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р.Г. Гостев, доктор исторических наук, профессор – главный редактор (г. Москва)

Е.П. Белозерцев, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ – заместитель главного редактора (г. Воронеж)

Г.К. Сафаралиев, член-корреспондент РАН, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации – заместитель главного редактора (г. Москва)

Д.В. Ливенцев, доктор исторических наук, профессор – заместитель главного редактора (г. Воронеж)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

С.В. Алексеев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

С.Н. Бабурин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Г.А. Балыхин, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва)

А.В. Белоусов, доктор экономических наук, профессор (г. Воронеж)

М.Н. Берулава, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Москва)

И.М. Братицев, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН (г. Москва)

Жан Брио, профессор (Франция)

В.В. Варава, доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)

А.А. Горелов, доктор педагогических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

В.И. Гусева, доктор экономических наук, профессор (Кыргызстан)

Л.Н. Доброхотов, доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Н.А. Душкова, доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

М.В. Дюжакова, доктор педагогических наук, профессор (г. Воронеж)

В.С. Каменков, доктор юридических наук, профессор (г. Минск, Беларусь)

Владимир Крыльян, профессор (Сербия)

В.И. Лисов, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва)

В.Н. Лихачев, доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

А.В. Лотоненко, доктор педагогических наук, профессор (г. Воронеж)

А.Ю. Минаков, доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

А.А. Лютых, доктор исторических наук, профессор (г. Чикаго, США)

В.И. Мунтиян, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии Украины (г. Киев)

Д.Н. Нечаев, доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)

С.П. Обухов, доктор политических наук (г. Москва)

Д.С. Папазов, профессор (Болгария)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)
Джованни Перрино, профессор, поэт (Италия)

В.П. Пешков, доктор социологических наук (г. Москва)

Г.Г. Провадкин, доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.В. Репринцев, доктор педагогических наук, профессор (г. Курск)

Т.Х. Рыскалиев, доктор философских наук, профессор (Казахстан)

А.Ф. Сафонов, доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.А. Слезин, доктор исторических наук, профессор (г. Тамбов)

С.И. Филимонова, доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)

В.Н. Фурсов, доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

М.В. Шакурова, доктор педагогических наук, профессор (г. Воронеж)

С.Р. Гостева, кандидат исторических наук, доцент, ответственный секретарь (г. Воронеж)

Учредители: ООО «Научно-исследовательский Центр «Еврошкола», Р.Г. Гостев, Е.П. Белозерцев

ФАШИЗМ И ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Общее руководство проектом осуществил:

Гостев Руслан Георгиевич – доктор исторических наук, профессор
(Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственные редакторы:

Галкин Александр Абрамович – доктор исторических наук,
профессор, академик РАН (Москва, Россия)

Богдашкин Александр Андреевич – кандидат исторических наук
(Воронеж, Россия)

Окунева Людмила Семеновна – доктор исторических наук,
профессор (Москва, Россия)

Отв. секретари:

Строганова Елена Дмитриевна – кандидат исторических наук
(Москва, Россия)

Рори Йомэнс – доктор истории (София, Болгария)

Члены редакционной коллегии:

Алленов Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент
(Воронеж, Россия)

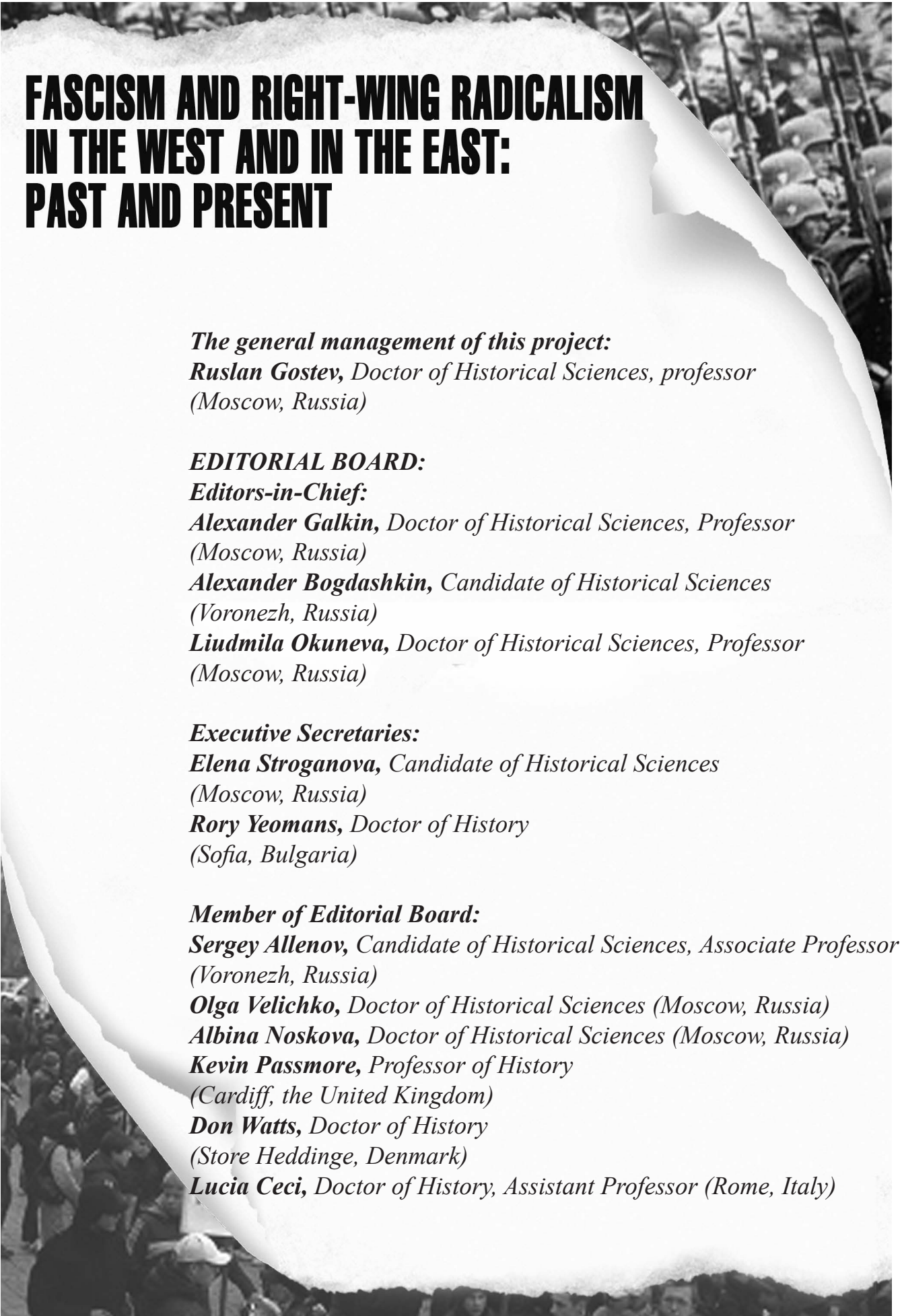
Величко Ольга Ивановна – доктор исторических наук, академик РАН
(Москва, Россия)

Носкова Альбина Федоровна – доктор исторических наук
(Москва, Россия)

Кевин Пэссмор – доктор, профессор истории
(Кардифф, Великобритания)

Дон Ваттс – доктор истории (Сторе Хеддинг, Дания)

Лючия Чечи – доктор истории, ассистент профессора
современной истории (Рим, Италия)

FASCISM AND RIGHT-WING RADICALISM IN THE WEST AND IN THE EAST: PAST AND PRESENT

The general management of this project:

***Ruslan Gostev, Doctor of Historical Sciences, professor
(Moscow, Russia)***

EDITORIAL BOARD:

Editors-in-Chief:

***Alexander Galkin, Doctor of Historical Sciences, Professor
(Moscow, Russia)***

***Alexander Bogdashkin, Candidate of Historical Sciences
(Voronezh, Russia)***

***Liudmila Okuneva, Doctor of Historical Sciences, Professor
(Moscow, Russia)***

Executive Secretaries:

***Elena Stroganova, Candidate of Historical Sciences
(Moscow, Russia)***

***Rory Yeomans, Doctor of History
(Sofia, Bulgaria)***

Member of Editorial Board:

***Sergey Allenov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Voronezh, Russia)***

Olga Velichko, Doctor of Historical Sciences (Moscow, Russia)

Albina Noskova, Doctor of Historical Sciences (Moscow, Russia)

***Kevin Passmore, Professor of History
(Cardiff, the United Kingdom)***

***Don Watts, Doctor of History
(Store Heddinge, Denmark)***

Lucia Ceci, Doctor of History, Assistant Professor (Rome, Italy)

СОДЕРЖАНИЕ 2016, № 4 (31)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ФАШИЗМЕ И ПРАВОМ РАДИКАЛИЗМЕ

- Аристотель Каллис** (Великобритания) Есть ли у фашизма будущее: размышления об истории печально известного понятия 8
- Дэвид Д. Робертс** (США) В поиске осмысления фашизма: взаимовлияние фашистских сил между двумя мировыми войнами 19
- Жан-Ив Камю, Николя Лебур** (Франция) Движение и государственные режимы крайне правых в Южной Европе (1945–1989).....30
- Окунева Л.С.** (Россия) Об одной давней, но столь актуально звучащей сегодня дискуссии (К 40-летию дискуссии «К проблемам современных правоавторитарных режимов» на страницах журнала «Латинская Америка»).....41

РАЗНОВИДНОСТИ ФАШИЗМА И ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

- Роберта Пергер** (США), **Джулия Альбанезе** (Италия) Из истории исследований итальянского фашизма и германского нацизма: режим, общество и проблема согласия.....72
- Алессио Гальярди** (Италия) Промышленная элита фашистского режима.....88
- Лючия Чечи** (Италия) Католическая церковь и фашизм в Италии: модернизация, войны, антисемитизм (1929–1945 гг.).....99
- Ричард Джеймс Бун Босворт** (Великобритания) Границы фашистского тоталитаризма.....112
- Терехов О.Э.** (Россия) Проблема традиционализма и правого радикализма в немецкой «консервативной революции» в историографическом дискурсе.....121
- Роберт Геллатели** (США) Гитлеровская «консенсусная диктатура» в 1933–1939 гг. 128
- Марк Неоклеус** (Великобритания) «Да здравствует смерть!» Фашизм, воскресение, бессмертие: культ павшего воина как важная составляющая фашистских идеоустановок 140
- Корнева Л.Н.** (Россия) Национал-социализм как политическая религия (историографический аспект) 154
- Дон Ваттс** (Дания) Ультраправые в Дании: Датская народная партия.....164

ФАШИЗМ, ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ДИКТАТОРСКИЕ РЕЖИМЫ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

- Томас Лорман** (Великобритания) Миклош Хорти как попутчик и союзник Гитлера.....172
- Бернд Дж. Фишер** (США) Фашистские режимы в Албании в период Второй мировой войны 181

Франсиско Вейга, Карлос Гонсалес-Вилья (Испания) Подавать пример. Влияние и воздействие новых ультраправых Востока Европы на Запад (1991–2015 гг.) 194

ФАШИЗМ И ДИКТАТОРСКИЕ РЕЖИМЫ В ИБЕРО-АМЕРИКЕ

- Мануэл Лофф** (Португалия) Бог, отечество, власть: католическая церковь и иберийские фашизированные режимы (1933–1945 гг.) 204
- Жоан Мария Томас** (Испания) Единая партия режима Франко 215
- Рубен Домингес Мендес** (Испания) Диктатуры на Пиренейском полуострове и латиноамериканский популизм: лицом к лицу (Франко, Салазар, Варгас и Перон) 221
- Франко Саварино** (Мексика) Фашизм в Мексике: ускользающее присутствие 235
- Одилон Калдейра Нету** (Бразилия) (Нео)фашизм и диктатуры в странах латиноамериканского Южного конуса: от старых взглядов к новым представлениям.....246
- Леандру Перейра Гонсалвис, Одилон Калдейра Нету, Гильерми И. Франку ди Андради** (Бразилия) Бразильские ультраправые в период восстановления демократии: ипостаси неонацизма в Бразилии и Латинской Америке..256

ПРОБЛЕМЫ ФАШИЗМА И ТИПОЛОГИИ ДИКТАТОРСКИХ РЕЖИМОВ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

- Уолтер Скайя** (США) Великая Европейская война и подъем радикального синтоистского ультранационализма в Японии 266
- Кристофер Спильман** (Япония) Размышления о фашизме в новейшей истории Японии (1918–1941 гг.) 276
- Томас Дэвид Дюбуа** (Австралия) Идеология и контроль: инструменты авторитаризма в японской Маньчжурии.....291
- Э. Брюс Рейнольдс** (США) Тайский национализм в эпоху фашизма 303
- Бенжамин Захария** (Германия) Истоки индийского фашизма.....319
- Питер Вьен** (США) Арабы и фашизм в теории и на практике 331
- Стефан Ириш** (Израиль) Турецкие корни национал-социализма?.....341
- Христоф Маркс** (Германия) Оссевабрандваг как фашистская организация.....352
- Балезин А.С.** (Россия) Фашизм в Юго-Западной Африке.....367

Наши авторы.....376

CONTENTS 2016, № 4 (31)

Aristotle Kallis. DOES 'FASCISM' HAVE A FUTURE? REFLECTIONS ON THE EXCITING AND PERILOUS LIFE OF A NOTORIOUS CONCEPT.....	8
David D. Roberts. RETHINKING FASCISM IN ITS EPOCHAL INTERACTION.....	9
Jean-Yves Camus, Nicolas Lebourg. EXTREME RIGHT MOVEMENTS AND STATES IN MEDITERRANEAN EUROPE, 1945–1989.....	30
L.S. Okuneva. CONCERNING A LONG-STANDING SCIENTIFIC DEBATE WHICH IS STILL RELEVANT TODAY: COMMEMORATING THE FORTIETH ANNIVERSARY OF THE WORKSHOP «TOWARDS THE PROBLEM OF THE CONTEMPORARY RIGHT AUTHORITARIAN REGIMES» PUBLISHED IN THE ACADEMIC REVIEW «LATIN AMERICA».....	41
Roberta Pergher, Giulia Albanese. WRITING THE HISTORY OF ITALIAN FASCISM AND GERMAN NAZISM: REGIME, SOCIETY, AND THE QUESTION OF CONSENT.....	72
Alessio Gagliardi. THE INDUSTRIAL ELITES DURING THE FASCIST REGIME.....	88
Lucia Ceci. THE CATHOLIC CHURCH AND FASCISM IN ITALY: MODERNIZATION, WARS, ANTI-SEMITISM 1929-1945.....	99
Richard James Boon Bosworth. THE LIMITATIONS OF FASCIST TOTALITARIANISM.....	112
O.E. Terekhov. PROBLEM OF TRADITIONALISM AND THE RIGHT RADICALISM IN THE GERMAN «CONSERVATIVE REVOLUTION» IN THE HISTORIOGRAPHIC DISCOURSE.....	121
Robert Gellately. CONSTRUCTING HITLER'S «CONSENSUS DICTATORSHIP», 1933–1939.....	128
Mark Neocleous. LONG LIVE DEATH! FASCISM, RESURRECTION, IMMORTALITY: THE CULT OF THE FALLEN SOLDIER AS AN IMPORTANT PART OF FASCIST IDEOLOGICAL GUIDELINES.....	140
L.N. Korneva. NATIONAL SOCIALISM AS A POLITICAL RELIGION: HISTORIOGRAPHICAL DIMENSIONS.....	154
Don Watts. THE FAR RIGHT IN DENMARK: THE DANSK FOLKEPARTI.....	164
Thomas Lorman. MIKLÓS HORTHY: HITLER'S RELUCTANT ALLY.....	172
Bernd J. Fischer. FASCIST REGIMES IN ALBANIA DURING THE SECOND WORLD WAR.....	181
Francisco Veiga, Carlos González-Villa. PREACHING BY EXAMPLE: THE INFLUENCE AND IMPACT OF THE NEW FAR-RIGHT FROM EASTERN TO WESTERN EUROPE, 1991–2015.....	194
Manuel Loff. GOD, FATHERLAND, AUTHORITY: THE CATHOLIC CHURCH AND IBERIAN FASCISTICISED REGIMES, 1933–1945.....	204
Joan Maria Thomàs. THE FRANCO REGIME'S STATE PARTY.....	215
Rubén Domínguez Méndez. IBERIAN DICTATORSHIPS AND LATIN AMERICAN POPULISM FACE TO FACE: FRANCO, SALAZAR, VARGAS AND PERÓN.....	221
Franco Savarino. FASCISM IN MEXICO: AN ELUSIVE PRESENCE.....	235
Odilon Caldeira Neto. (NEO)FASCISM AND DICTATORSHIPS IN THE SOUTHERN CONE: BETWEEN OLD AND NEW PROSPECTS.....	246
Leandro Pereira Gonçalves, Odilon Caldeira Neto, Guilherme I. Franco de Andrade. THE EXTREME RIGHT DURING REDEMOCRATIZATION: THE PATHS OF NEO-NAZISM IN BRAZIL AND LATIN AMERICA.....	256
Walter Skya. THE GREAT EUROPEAN WAR AND THE RISE OF RADICAL SHINTO ULTRANATIONALISM IN JAPAN....	266
Christopher W.A. Szpilman. SOME REFLECTIONS ON THE QUESTION OF FASCISM IN MODERN JAPANESE HISTORY, 1918–1941.....	276
Thomas David DuBois. IDEOLOGY AND CONTROL: INSTRUMENTS OF AUTHORITARIANISM IN JAPANESE MANCHURIA.....	291
E. Bruce Reynolds. THAI NATIONALISM IN THE FASCIST ERA.....	303
Benjamin Zachariah. LINEAGES OF INDIAN FASCISM.....	319
Peter Wien. ARABS AND FASCISM: EMPIRICAL AND THEORETICAL PERSPECTIVES.....	331
Stefan Ihrig. THE TURKISH ROOTS OF NATIONAL SOCIALISM? EXAMPLES FROM THE EARLY 1920s, THE TURKISH WAR OF INDEPENDENCE AND THE ARMENIAN GENOCIDE.....	341
Christoph Marx. THE OSSEWABRANDWAG AS A FASCIST ORGANIZATION.....	352
A.S. Balezin. FASCISM IN SOUTH-WEST AFRICA.....	367

УДК 329.18
ББК 66.0

ЕСТЬ ЛИ У ФАШИЗМА БУДУЩЕЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ ПЕЧАЛЬНО ИЗВЕСТНОГО ПОНЯТИЯ

Аристотель Каллис,
профессор Килского университета
(Великобритания)
a.kallis@keele.ac.uk

Перевод с английского Л.А. Кац

Аннотация. После почти трех десятилетий впечатляющего прогресса по поиску определения фашизма в его собственных интеллектуальных и идеологических терминах, я считаю, что мы достигли той точки, от которой этот процесс стал развиваться по убывающей. Настоящая статья, по существу, – призыв к исследованию фашизма в рамках всеохватывающей концептуальной сложности вместо таксономической точности. Я утверждаю, что будущее исследований фашизма лежит далеко за пределами уже имеющихся удобных концептуальных, дефиниционных и таксономических достижений. Вместо этого уяснение сути феномена фашизма возможно путем поиска в различных «скоплениях пересекающихся и взаимодополняющих эвристических находок», которые могут помочь идентифицировать «фашизм» в рамках «более широкой (интеллектуальной, политической, культурной) картины», в которой он был сформирован.

Ключевые слова: фашизм, таксономия, пересечения, фашизация, новые правые, неофашизм, популизм, гибридные конструкции.

DOES 'FASCISM' HAVE A FUTURE? REFLECTIONS ON THE EXCITING AND PERILOUS LIFE OF A NOTORIOUS CONCEPT

Aristotle Kallis, Professor of Modern History,
Keele University, United Kingdom

Abstract. After nearly three decades of impressive progress in terms of defining fascism on its own intellectual and ideological terms, I argue that we have reached the point of diminishing returns. This article is essentially a plea for embracing conceptual impurity instead of taxonomical precision. I maintain that the future of fascism studies lies well outside the comfort zone of its earlier conceptual, definitional, and taxonomical advances; instead it should be sought in the various “constellations of overlapping and complementary heuristic devices” that may help identify “fascism” as part of the “bigger (intellectual, political, cultural) picture” that shaped and nurtured it in the first place.

Key words: fascism, taxonomy, intersection, fascistisation, Nouvelle Droite, neofascism, populism, hybridity.

В поисках определения фашизма

Слово «фашизм» появилось в историческом лексиконе сразу после окончания Первой мировой войны. 23 марта 1919 г. на небольшой площади Сан-Сеполькро в центре Милана Бенито Муссолини объявил небольшой группе своих сторонников об

основании фашистской организации «Союз борьбы» (*Fasci di Combattimento*) – предшественницы Национальной фашистской партии (1921). С первых дней своего существования движение представляло собой беспрецедентное смешение радикальной националистической риторики, фанатической веры в

историческую миссию по установлению «нового порядка» в результате фундаментального разрыва с декадентским прошлым, агрессивной враждебности к потенциальным врагам и активной, зачастую насильственной деятельности, доминирующей над доктринами и идеями. Менее чем через четыре года со дня учредительного собрания в Милане фашистское движение под руководством своего основателя и лидера, ставшего премьер-министром, добилось неоспоримого успеха. «Фашистская революция», которую Муссолини провозгласил в 1922 г., стала первым важным шагом к тому, что один из видных историков фашизма Эрнст Нольте охарактеризовал как «эпоху фашизма» [1].

При этом фашизм надолго остался загадкой. На протяжении более десяти лет с момента своего зарождения у фашистов не было никакой программы или официально изложенной идеологии. Даже в «Доктрине фашизма» – самом авторитетном идеологическом трактате, написанном философом Джованни Джентиле совместно с Муссолини и опубликованном спустя десять лет после того, как диктатор пришел к власти в 1932 г., – утверждалось лишь то, что «фашизм – это действие и мысль; действие, в котором доктрина имманентна и вытекает из данной системы исторических сил, в которую она помещена и работает на них изнутри. У нее, следовательно, есть форма, коррелированная с непредвиденными обстоятельствами времени и пространства. Но она также имеет и идеальное содержание, которое делает ее выражением истины в высшей сфере истории мысли» [2].

Именно этот «имманентный» характер фашистской идеологии, ее зависимость от «непредвиденных обстоятельств времени и пространства», акцент на действии как составном элементе учения, а не наоборот – все это и придало фашизму непомерно высокую идейно-политическую гибкость.

Историк Джордж Л. Мосс, которому приписывают первенство в систематике фашизма как специфического идеологического явления, сравнил его с «прожорливой амёбой», которая поглощает самые разнородные идеи доминирующей политической мысли лишь затем, чтобы снова синтезировать их в инструменты революционной программы [3].

Некоторые послевоенные историки не соглашались с такой трактовкой. Так, например, Дж. П. Тэйлор считал, что итальянский фашизм был «мошенничеством» [4]. Британский историк Денис Мак Смит определял итальянский фашизм как упражнение в политическом обмане без какой-либо идеологической субстанции или когерентности и называл Муссолини «шутком» [5]. Недавно один выдающийся ученый – специалист по сравни-

тельному анализу итальянской и немецкой истории Мак-Грегор Нокс – описал «родовой фашизм» как «пустынное поле битвы, заваленное стогоревшими ржавеющими горами неудачных теорий» [6].

Тем не менее, начиная с 1980 г., начал выкристаллизовываться научный консенсус, согласно которому фашизм все же был идеологией с ядром общих ценностей и транснациональным охватом [7]. Новаторская книга Роджера Гриффина «Природа фашизма» содержала наиболее убедительные доводы в пользу того, что фашизм являлся специфической политической идеологией [8]. Возрождение интереса к «родовому фашизму», вызванное публикациями Гриффина, Стэнли Пейна, Роджера Итвелла и других, породило внушительное количество новых сложных концептуальных интерпретаций.

Вместе с тем акцент на определении фашизма и признаков, отличающих его от других родственных идеологий, породил целый ряд новых вопросов, в том числе о том, к каким из предложенных определений и классификационных категорий можно отнести отдельные движения и режимы. Различные таксономии сдвинули границы включения и исключения, так что менее радикальные на первый взгляд правые диктатуры и националистические движения перестали вписываться в новые концептуальные ориентиры. Листая страницы все возрастающей в объеме литературы о фашизме, слишком часто сталкиваешься с уродливыми и эвристически бессмысленными утверждениями, что движение «х» или режим «z» является/не является «фашистским» или «недостаточно фашистским». Более того, некоторые теоретики даже ставят под сомнение слывшую ранее ортодоксальной позицию, согласно которой итальянский фашизм и немецкий национал-социализм были «парадигматическими» примерами фашизма.

Идея о том, что у фашизма есть будущее в качестве общей концепции, была впервые сформулирована Гильбертом Эллардайсом еще в 1970-е гг. [9]. Она получила дальнейшее хождение в историографии фашизма благодаря тезису Зеева Стернхелла о том, что интеллектуальные истоки фашизма нужно искать во Франции и Италии и «ни в коей мере... не отождествлять с национал-социализмом» [10].

Таким образом, предметное поле фашизма оказалось в парадоксальном положении: повышенная концептуальная изоциренность повлекла за собой все более сложные, спорные и запутанные таксономии. В целом исследователи фашизма попытались провести классификационные линии, которые бы разграничили фашизм и другие, менее радикальные и/или агрессивные современные политические явления так называемых «старых» правых, которых, как правило, называли «авто-

ритарными» или «диктаторскими». Действительно, предыдущие двойственные классификации: демократические/диктаторские, революционные/реакционные, модерн/антимодерн, тоталитарные/авторитарные или плюралистические – фашистские/тоталитарные/авторитарные – при ближайшей эмпирической проверке начали разрушаться. Возникла потребность в создании множества новых промежуточных таксономических категорий для «не совсем фашистских»: «полуфашистских», «парафашистских», «квазифашистских», «псевдофашистских», «как бы фашистских», «фашизоидных» явлений. Это уже, очевидно, похоже на классификационный кошмар.

Создатели названных новых категорий, судя по всему, испытывали удовлетворение от концептуальной усложненности новых парадигм «родового фашизма». Я же считаю, что настало время прекратить, наконец, наши историографические игры, которые стимулируют дефиниционные и таксономические упражнения и подгоняют запутанную эмпирическую реальность под наши предвзятые категории. Это необходимо сделать отчасти потому, что концептуальные и аналитические инструменты, уже имеющиеся в нашем распоряжении, чрезвычайно сложны для **концептуального** и исторического анализа фашизма – как национального, так и «родового», а также, не в последнюю очередь, потому, что стремление к всеобъемлющему «консенсусу» уже давно достигло того предела, за которым он может породить обратный эффект [11].

Наиболее актуален не столько вопрос «что такое фашизм» или «является ли конкретное движение или режим фашистским», сколько то, в каком историческом, концептуальном и методологическом контексте может быть наиболее плодотворно проанализировано это понятие. При утвердившемся уровне концептуальной сложности и дефиниционной точности понятие фашизм рискует стать эвристическим монстром – либо слишком узким, либо слишком широким для эмпирического подхода к различным историческим событиям. Поэтому, на мой взгляд, применение концептуальной неточности вместо таксономической точности, использование непредсказуемых пересечений вместо четких разделительных линий, динамических транснациональных взаимодействий вместо аккуратных национальных, политических или хронологических границ может дать гораздо более адекватное понимание фашизма как части широкого поля радикальных идей и политики, которое сохраняет актуальность в современном мире способами, далеко выходящими за рамки того, что мы именуем фашизмом.

Фашизм: виды, компромиссы, пересечения и гибриды

Даже самая сложная и теоретически тщательно проработанная модель «родового фашизма», созданная в лабораторных условиях, не работает в области познания конкретных политических режимов. Тем не менее, Стэнли Дж. Пейн в своем детальном обзоре межвоенного фашизма [12] предложил «семиуровневую таксономию национальных авторитарных режимов в тогдашней Европе» с такими обозначениями, как «синкретический», «полуавторитарный», «полуплюралистический», «преторианский», «бюрократический», «ограниченный» и т.д. Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в таксономии режимов Майкла Манна с отдельной категорией «фашистских режимов», отделяемых от других, которые определяются как «корпоративистские», «полуреакционные» и «полуавторитарные» [13]. Истоки этих усилий очевидны. Пересечения фашизма и традиционных авторитаризмов были нормой в межвоенной политике. Более того, казалось, что они работают в сходном направлении. Различия в сложившихся сочетаниях привели к историографическим членениям и градациям, которые иногда свидетельствуют об изменении степени успеха, а в некоторых случаях отражают качественные отличия.

Следует однако учитывать, что особенности фашизма как политической идеологии во многом определялись тем, что сразу после своего появления в качестве идеологического феномена он стал ассоциироваться с режимом и политическим движением фашистской Италии. За сравнительно краткое время своего доминирования он не предъявил ключевых идеологических установок, отдавая приоритет действию над доктриной. Поэтому все наши знания о фашизме мы на протяжении многих лет черпаем, главным образом, из опыта политического режима в Италии, а затем и Германии. Только в этих двух странах движение, которое определяется большинством как фашистское, не только пришло к власти, но и осуществляло ее на протяжении значительного времени. Оно оставило позади себя своеобразные институты и следы экспериментов в области массовой политики. Непродолжительное существование режимов во главе с фашистскими движениями было также отмечено в ряде других европейских стран во время войны, но в большинстве случаев эти режимы были «марионетками» национал-социалистической Германии. В результате они, с одной стороны, не просуществовали достаточно долго, чтобы выработать свое собственное политическое лицо, а с другой – не обладали высокой степенью политической независимости от

стран Оси, чтобы определить свою собственную форму правления на основе автохтонной фашистской идеологии.

Многие эксперты предостерегают от преждевременных выводов об идеологических особенностях фашизма на примере этих двух да и любых других режимов. Причины такого предостережения многообразны. Фашистские режимы в Италии и Германии возникли в результате политического компромисса с представителями существовавшего порядка. Муссолини и Гитлер первоначально возглавляли коалиционные правительства, опираясь на поддержку части консервативного и либерального истеблишмента, и так никогда полностью и не избавились от существовавших институтов (или не хотели этого). Муссолини, как известно, все время пребывания у власти работал вместе с Савойской династией и с Ватиканом. На своем пути к политической победе и Муссолини, и Гитлер шли на политические компромиссы и отказывались от своего раннего радикализма в таких ключевых вопросах, как религия, экономическая политика и конституционное правление.

Например, ранний итальянский фашизм времен митинга на площади Сан-Сеполькро демонстрировал свой антикапиталистический и антиклерикальный характер. Муссолини на пути к власти постоянно смягчал оба эти аспекта, стремясь успокоить напуганные элиты. Именно его роль в обеспечении резолюции по «римскому вопросу» — спор о суверенитете Папы над Римом и другими территориями центральной Италии — привела к самому резкому идеологическому развороту в истории итальянского фашизма. Подписание Латеранских договоров в 1929 г. не только положило конец давнему спору и повысило престиж Муссолини как государственного деятеля, но и зафиксировало значительные уступки католической церкви.

Точно так же ранняя идеология национал-социализма содержала ряд радикальных положений, которые полностью исчезли из последующих партийных документов и политики режима. Программа НСДАП 1920 г., состоявшая из 25 пунктов, содержала требования полной конфискации всех военных прибылей (п. 12), национализации всех смежных отраслей (п. 13), разделения прибылей всех отраслей тяжелой промышленности (п. 14), бесплатной экспроприации земли для общественных нужд и отмены налогов на землю (п. 17). Несколько лет спустя, после поражения нацистов на выборах 1928 г., Гитлер решил переделать политическое послание партии, чтобы, обращаясь к среднему классу — как городскому, так и сельскому, — в то же время развеять опасения политических и

экономических элит Веймарской Германии относительно намерений национал-социалистов [14].

Кроме того, оба лидера столкнулись с неудовлетворенностью внутри своих движений теми компромиссами, на которые они пошли на пути к власти. Отсюда распространившиеся в соответствующих партиях расчеты на «вторую волну» революции. Находясь под растущим давлением консервативных военных и политических элит, а также внутренних сил в собственной партии, Гитлер решительно отмежевался от своего давнего соратника Эрнста Рема и жестоко расправился с ним и его военизированными структурами «СА» в ходе так называемой «Ночи длинных ножей» 30 июня 1934 г.

В Италии многие фашистские «тяжеловесы» возмущались подписанием Латеранских договоров. Также они резко критиковали Муссолини в частном порядке и на встречах за закрытыми дверями за его растущее политическое сотрудничество с нацистской Германией [15, 16].

Как Муссолини, так и Гитлер возглавляли движения со значительным разнообразием мнений по целому ряду вопросов. Поэтому им и приходилось идти на компромиссы для обеспечения стабильности своих режимов. Не случайно современные наблюдатели, как правило, признают наличие в обоих режимах как общих исторических целей, так и существенных идеологических и политических разногласий. Как отмечал Дэвид Робертс, фашистская Италия имела больше общего с «неудачливым» квазифашистским режимом Франко, чем с гитлеровской Германией [17].

Квазифашистский? Неудачливый фашистский? Что означают эти термины и по какой шкале успеха о них судят? Действительно, существует еще одна сложность в истории фашизма как формы политического правления. Успех, одержанный в то время итальянским и немецким режимами, привлек к себе внимание не только радикальных националистов и фашистов других стран. Крупные политические деятели из консервативных и авторитарных кругов высоко оценивали стремление фашистских режимов к порядку, их эффективность, иерархию, а также их хладнокровный подход к решению сложных проблем. Эти люди, которых вряд ли можно отнести к сочувствующим фашизму, восприняли его как набор решений, которые, при условии их избирательного и гибкого применения, могли бы проложить путь к ликвидации левого движения и демонтажу либерально-парламентской системы, не ставя при этом под угрозу статус-кво. В 1920-е и особенно 1930-е гг. в большинстве стран Южной, Центральной и Восточной Европы парламентские системы были заменены новыми вариантами авто-

ритарных диктатур, которые, несмотря на то, что, их, как правило, возглавляли традиционные деятели консервативного или военного истеблишмента, заимствовали (и адаптировали) идеологические, политические и организационные идеи фашистской Италии либо национал-социалистической Германии.

Эти диктаторские режимы, как известно, трудно классифицировать. Несмотря на то, что они не ставили перед собой таких радикальных целей, как итальянские и особенно немецкие фашисты, они были существенно радикальнее, чем ранние формы авторитарного правления, наглядно демонстрируя, таким образом, влияние фашистского опыта. Первую гибридную диктатуру возглавил в Испании генерал Примо де Ривера (1923–1930). Он открыто восхищался Муссолини и видел в итальянском фашистском режиме новый политический и конституционный механизм, свободный от ограничений либерально-демократического правления и жестко контролируемый сверху одним лицом [18, 19]. После назначения Гитлера канцлером Германии в январе 1933 г. домино авторитаризма смело большинство оставшихся демократий в Южной, Центральной и Восточной Европе. Как правило, во главе новых диктаторских режимов встали представители консервативных кругов, которые, тем не менее, переняли опыт фашистских режимов и проводили у себя ряд соответствующих радикальных экспериментов [20].

«Авторитарная половина Европы»: эффект домино фашизации?

Накануне нацистского нападения на Польшу в сентябре 1939 г. предложенное Майклом Манном теоретическое понятие «Европа, разделенная на “авторитарную”/диктаторскую и “демократическую” половины», стало ощутимой реальностью. При этом оба блока оказались на грани катастрофического военного столкновения. Ось Рим-Берлин (формально единая с момента подписания пакта в мае 1939 г.) представляла собой единственный полюс квазистабильности в сильно поляризованной идейно-политической обстановке. К 1941 г. к антикоминтерновскому пакту, сколоченному нацистским режимом в середине 1930-х гг., присоединилось (в дополнение к Японии) большинство европейских диктатур, в том числе ряд коллаборационистских режимов, установленных в оккупированных европейских странах (Дания, Финляндия).

«Успехи» фашистской Италии и национал-социалистической Германии в деле политической консолидации и радикализации своего блока, воспринимаемые как «решение» зачастую табуирован-

ных «проблем, создали критическую политическую массу, которая начала оказывать непропорционально сильное влияние на «антидемократическое пространство». Радикальные пути, избранные фашистской Италией и национал-социалистической Германией, были во многих отношениях различны – даже тогда, когда они начали сближаться во второй половине десятилетия. Тем не менее, более важным было то, что множество политических деятелей межвоенной Европы признали их опыт единственной успешной и все более желательной политической альтернативой как либерализму, так и социализму. Тем самым оба режима были признаны симпатизирующими им наблюдателями и сторонниками правых сил легитимным прецедентом, наметившим новые (ранее недоступные) пути радикального политического действия и предлагающим инструментарий для радикальных политических перемен – в целом или, по меньшей мере, частично.

Естественно, что разные политические силы реагировали на этот «успех» и «желательность» далеко не однозначно. Значительная их часть находилась под сильным впечатлением обещания фундаментальной, исторической трансформации цивилизации, общества и положения человека. Роджер Гриффин недавно приравнял их состояние к «лиминоидному», родившемуся под тяжелым прессом недавнего опыта и осознания предстоявших многочисленных опасностей. Эти люди, ощущавшие себя «солдатами» интернационального «фашистского» фронта, были по преимуществу членами многочисленных «фашистских» движений, появившихся на европейском континенте в 1920-е и особенно 1930-е гг.

Среди них было немало таких фигур, как Леон Дегрель и Эзра Паунд, лидер голландской «Национал-социалистической партии» Антон Мюссер и деятели так называемой «делегации Зигмаринген» – французские коллаборационисты Марсель Деа, Пьер Лаваль и Луи-Фердинанд Селин и некоторые другие.

Немало было и тех, кто позволил втянуть себя в «магнитное поле фашизма» в результате своеобразного рационального и рефлексивного процесса, попавших под воздействие «наглядной демонстрации» «успеха» фашистских режимов. Сопротивляться искушению смоделировать «авторитарную линию поведения» по образу и подобию фашистской Италии и/или нацистской Германии становилось все труднее, т.к. политико-идеологическая поляризация оставляла мало «нейтрального» политического пространства. Даже консервативные партии с сильной привязанностью к традиционным

институтам, таким, как монархия или церковь, почувствовали притяжение, исходившее в том числе и от наиболее радикальных кругов в их собственных рядах. Именно это и произошло во время войны в Словакии, где радикальные, националистические фракции, такие, как «Наступ», возглавляемая премьер-министром Войтехом Тукой, и военизированная «Родобрана», контролируемая министром внутренних дел Александром Махом, оказывали сильное давление на руководство клерикальной Словацкой народной партии во главе с монсеньором Иосифом Тисо [21].

В подобный процесс, который казался тогда сверхуспешным, включились и многие из тех, кто участвовал в работе марионеточных режимов, навязанных странами «Оси» во время Второй мировой войны, – кто из «благоговения перед новой властью», а кто, скорее всего, по расчету. «Эффект присоединения к большинству» особенно остро ощущался в конце 1930-х гг. и во время первых победных для стран «Оси» лет Второй мировой войны. И наоборот: в 1944 и 1945 гг., когда стало очевидным, что война проиграна и что развязавшие ее режимы теряют свой статус, многие из прежних участников фашистского блока (например, режим Хорти в Венгрии, Антонеску в Румынии и даже Видкуна Квислинга в Норвегии) начали дистанцироваться от альянса – не только в военном и дипломатическом, но и в политическом и идеологическом отношении. К этому процессу присоединились и две диктатуры – в Испании и Португалии, форсировавшие «водораздел» в 1945 г. [22].

Таким образом, транснациональная сила, которую мы теперь определяем как фашизм и которая стояла в 1930-е – начале 1940-х гг. на пороге, как тогда казалось, исторической победы, приобрела немало сторонников в лице «активистов» и «верующих», а также новообращенных – бывших скептиков и прагматиков, боявшихся оказаться на проигравшей стороне событий.

Все эти разнообразные и крайне неустойчивые идейно-политические взаимовлияния, доминировавшие в межвоенной и военной Европе, наглядно демонстрировали признаки становления гибридного политического пространства. Я бы назвал этот процесс фашизацией. Этот термин признает главный политический и, в некоторой степени, идеологический вклад фашистской Италии и нацистской Германии в экстраординарную «авторитарную линию поведения» и отражает ее незавершенность и неустойчивую динамику. Термин «фашизация» также подразумевает, что «конечное назначение» или «главное намерение» в каждом случае не были или не могли быть одинаковыми. Термин признает

важные политические различия (по степени и видам) всего зарождавшегося блока правых (постлиберальных и антисоциалистических) диктатур, не сбрасывая со счетов их общий источник вдохновения и трансгрессивного расширения. Он подходит к гибридным политическим результатам всех этих экспериментов с их селективным заимствованием и реконтекстуализацией не только как к «неудачам» определенного радикального политического проекта, но и как к новым явлениям, возникшим из-за беспрецедентной политической/идеологической размытости значений «фашистский», «радикальный» и «правоконсервативный». Прежде всего этот термин свидетельствует о том, что сегодняшнее концептуально сложное понимание «родового фашизма» довольно часто расходится с восприятием и взглядами политических деятелей того времени, когда история межвоенного фашизма только разворачивалась как вихрь «исторического времени» и превращалась в катастрофу для многих ее современников [23, 24, 25].

1945: «Год Зеро» фашизма?

1945 год стал концом эпохи «исторического фашизма». Он был морально заклеен за спровоцированный его идеологами глобальный военный конфликт с миллионами жертв и огромными материальными утратами. Международный суд над политическими и военными лидерами нацистского режима и ряд последующих трибуналов, проходивших в Нюрнберге с 1945 по 1949 гг., пролили свет на ужасающие подробности беспрецедентно беспощадных деяний режима и его союзников и их кровавой расправы с еврейским населением Европы. Эта оценка может быть в значительной степени распространена и на правые профашистские диктатуры, которые срочно пересекли «водораздел» в 1945 г.: на Португалию (где режим во главе с Антонио Салазаром существовал до 1974 г.) и на Испанию (где генерал Франсиско Франко правил вплоть до своей смерти в 1975 г.), хотя их устойчивость была в значительной степени основана и на способности вовремя дистанцироваться от фашизма Гитлера и Муссолини [26].

После 1945 г. слова «фашистский» или «национал-социалистический» были, за немногими исключениями, удалены из названий соответствующих партий и их программных документов и заменены на менее одиозные. В качестве примера можно сослаться на Юнионистскую партию, ставшую преемницей Британского союза фашистов в Великобритании.

Означало ли это конец фашизма как радикальной идеологии [27]? Нет. Пример Итальянского социального движения (ИСД) показал, как силы,

бывшие ранее неотъемлемой составной частью фашистского движения, не без успеха переделывают свою повестку дня и приспособляются к преобразованной политической системе. Движение было основано в декабре 1946 г. группой фашистских ветеранов, которые последовали вслед за Муссолини и его недолгой Итальянской социальной республике (ИСР), созданной под немецким щитом на севере Италии (1943–1945). Среди учредителей ИСД были Джорджо Альмиранте, в прошлом министр пропаганды ИСР, и Артуро Микелини, бывший секретарь Национальной фашистской партии и ветеран гражданской войны в Испании, сражавшийся там на стороне Франко.

ИСД стала основной движущей силой в ходе попыток организовать транснациональную сеть радикальных правых партий, перекрасившихся в «европейских националистов» – сторонников независимого мощного европейского сообщества. В 1951 г. было создано Европейское социальное движение (ЕСД), включившее в свой состав также Юнионистскую партию Освальда Мосли, Фалангистскую партию Испании и Социалистическую партию рейха Германии. Несмотря на стремление членов ЕСД избежать ассоциации с фашизмом, они, по сути, подтвердили свою приверженность основополагающим ценностям «исторического фашизма», провозгласив жесткую оппозицию либерализму и парламентской демократии, ярый антикоммунизм, приверженность корпоративизму и расизму в качестве составной части миссии по защите Европы [28].

Возникли и другие более радикальные движения, идеологически связанные с межвоенным фашизмом и полагавшие, что ЕСД не удалось в должной мере поднять такие ключевые идеологические темы, как биологический расизм и белый супрематизм, а также доказать свой непримиримый антикоммунизм и антидемократизм. В 1950-е гг. появилось также множество аналогичных групп (например, «Новый европейский порядок»), пытавшихся проложить идеологические и политические пути, расположенные где-то между ностальгией и самообновлением.

Те, кто слишком явно демонстрировал стремление к фашистскому возрождению (например, неонацистские и неофашистские группы, зачастую работавшие подпольно), как правило, объявлялись вне закона, подвергались судебному преследованию. Обычно они оказывались не в состоянии завоевать сколько-нибудь заметную популярность. Интернет, возможно, мог бы способствовать появлению дополнительной среды, открытой для идеологической радикализации. Тем не менее, социаль-

ный и культурный вес таких организаций оставался малозначительным.

От «Новых правых» к новым праворадикальным движениям

Шли годы, и, если не считать узкого круга ностальгирующих неофашистов, связь послевоенных праворадикальных движений с «историческим фашизмом» становилась все менее очевидной. Оглядываясь назад, время с 1945 г. до начала 1970-х гг. можно охарактеризовать как период «междущаствия». Радикальные интеллектуалы были вынуждены смириться с сокрушительным поражением 1945 г. Вместе с тем они продолжали искать способы актуализации отдельных элементов радикального проекта фашизма и сделать это в изменившемся мире, в котором «экстремизм» утратил политическую и социальную значимость. Отсюда идеологическое экспериментирование в рамках широкого диапазона относительно небольших праворадикальных образований, действовавших во многих европейских странах, как правило, на периферии политической системы и не имевших целостной идеологической повестки дня, с помощью которой можно было бы бросить вызов сложившемуся на Западе послевоенному либерально-демократическому консенсусу.

Одним из таких новых идеологических течений, появившихся во Франции в конце 1960-х гг., стало движение «Новых правых» (НП). Оно сложилось в турбулентном политическом контексте в связи поразившим страну алжирским кризисом и студенческими волнениями 1968 г., но оказало существенное влияние на правых радикалов во всей Европе и за ее пределами. Самый влиятельный идеолог НП Ален де Бенуа был убежден, что «радикально-революционные правые силы» могут стать успешными в послевоенной Европе только в том случае, если они будут стремиться к политической респектабельности и вернуться в идеологический мейнстрим» [29].

Несмотря на то, что многие взгляды де Бенуа были характерны и для первого поколения праворадикальных идеологий, возникших сразу после 1945 г. (акцент на европейское единство как средство противостояния и коммунизму, и американскому капитализму, идея «третьего пути», отражавшая стремление быть одновременно «справа и слева», ожесточенная критика либерализма и эгалитаризма), они сопровождались сдвигом в подходе к некоторым ключевым вопросам. В частности, критика им расизма и антисемитизма, а также идеи «столкновения цивилизаций» привели к выработке доктрины «культурного дифференци-

ализма», или «этноплюрализма». Согласно этой идее глобальные культуры следует понимать не как высшие или низшие, но как разные. Каждая из них представляет собой набор ценностей, разделяемых сообществом, которое занимает конкретное географическое положение. Таким образом, культурное разнообразие является положительным явлением, только если разнообразные культуры остаются разграниченными. Отсюда яростное отвержение массовой миграции и либерального мультикультурализма.

Несмотря на то, что НП оказались в конечном счете политически несостоятельными, они сформировали идеологический профиль нового поколения праворадикальных движений и партий. Так называемые новые правые радикалы (НПР), появившиеся в 1980-е гг., предложили на этот раз более успешную идеологическую платформу. Они смогли перезапустить некоторые фундаментальные темы, которые всегда были частью идеологических установок правых радикалов, обрядив их в новые, менее спорные и достаточно привлекательные политические одежды. Идейно-политическими пионерами новой волны праворадикальной политики стали «Фламандский блок» Филиппа Девинтера во фламандском регионе Бельгии, Национальный фронт Жан-Мари Ле Пена во Франции, а также Партия свободы Йорга Хайдера в Австрии. Они использовали популистские аргументы и методы как средство прорыва в мейнстрим общественного мнения, убедительно сформулировав идеологический разрыв с фашистским прошлым [30, 31]. Успех эксперимента стал впервые очевидным в конце 1980-х и в 1990-е гг., когда иммиграция превратилась в центральный аспект политического дискурса и наметился устойчивый рост электоральной поддержки этих и других появившихся впоследствии похожих партий (например, Северная лига в Италии).

Вследствие нестабильности, возникшей после окончания холодной войны, в ряде европейских стран появилось новое поколение популистских движений и праворадикальных партий. В их числе голландская «Список Пима Фортейна» (на базе которой в 2005 г. сложилась ныне действующая Партия свободы, руководимая Гертом Вилдерсом), Датская народная партия, партия «Истинные финны», а также Партия независимости Великобритании и Лига английской обороны, «Платформа за Каталонию», «Йоббик» в Венгрии и «Золотая Заря» в Греции.

Вопрос о том, можно ли использовать термин «фашизм» применительно к современным праворадикальным объединениям, все еще остается открытым. Да, новые правые радикалы затратили

немало усилий, чтобы дистанцироваться от ряда аспектов идеологического радикализма «исторического фашизма» и собственного наследия. Подавляющее большинство современных сторонников праворадикальных идей не носят воензированной формы, не рыщут по улицам в поисках предполагаемых врагов, не одобряют насилия и не призывают к установлению авторитарной власти. Они громогласно отрицают какой-либо намек на склонность к фашизму.

Новое поколение праворадикальных/популистских партий с их хорошо организованными презентациями, технически подкованными стратегами и современными харизматичными лидерами вроде бы нашли свое место в новом мире. Их наиболее успешные политики поставили правильный диагноз: спрос на старомодную экстремистскую политику давно прошел. Поэтому они соответствующим образом адаптировали свою современную политику. Язык их выступлений продолжает нарушать многие табу, но не ставит под сомнение фундаментальные ценности либерального общества. Они приняли, пусть лишь «стратегически», демократию и принцип равенства людей и ведут агитацию против иммиграции, исходя лишь из предполагаемой «культурной несовместимости». Большинство из них формально отвергли расизм и веру в неравенство в пользу аргументов, утверждающих значимость «абсорбционной способности» и «культурной несовместимости». Они сменили национализм в его старом виде на призывы к самобытности и суверенитету. Они научились использовать язык свободы и прав человека, чтобы начать агрессивную защиту нативизма, направленного против всякого рода «других». Неудивительно, что многие из них были вознаграждены таким уровнем электоральной поддержки, которая была невообразима всего лишь несколько лет назад. И эта поддержка все еще демонстрирует значительный потенциал дальнейшего роста.

Но достаточна ли такая дистанция, чтобы совсем избавиться от использования термина «фашистский»? Означает ли она подлинный идеологический отход от «исторического фашизма» или всего лишь косметический, оппортунистический или даже фиктивный презентационный сдвиг? Иными словами, отличается ли идеология новой волны праворадикальных партий по виду, степени или форме от основных идеологических установок «исторического фашизма»? Мнения ученых по этому вопросу разделились. Некоторые из них утверждают, что, несмотря на смещение фокуса взглядов от антисемитизма, биологического расизма, насилия и неприятия парламентаризма, новые

праворадикальные партии остаются сторонниками идеологической парадигмы межвоенного фашизма. Их трансформация, утверждают они, носит в основном косметический и оппортунистический характер. Появляется своего рода «дизайнерский фашизм», когда старые идеи одеваются в современные, более тонкие одежды [32].

Другие ученые, однако, утверждают, что новая волна правого радикализма в идеологическом плане значительно отделилась от «исторического фашизма». А это требует иных рамок толкования, а также отказа от эмоциональных оценок. Они признают некоторую степень преемственности между межвоенным фашизмом и «неофашистским» возрождением, но ссылаются на фундаментальный разрыв, в результате которого складывается генеалогия нового праворадикального движения, включающего появившиеся в Европе современные популистские антииммиграционные партии [33].

Преемственность фашизма и нового правого радикализма

На вопрос о преемственности или разрыве «исторического фашизма» и современного правого радикализма нельзя ответить однозначно. Спустя почти столетие после появления фашизма в Италии можно было бы ожидать, что с течением времени в самих идеях, в их общем обрамлении и практическом воплощении, а также в методах их презентации произойдут глубокие изменения. Например, Пьеро Игнаци назвал «постиндустриальное общество» основным фактором дифференциации между традиционными и новыми праворадикальными движениями [34]. В то же время Пьер-Андре Тагьеф сомневается в том, можно ли считать послевоенных новых правых частью традиции прежних правых, учитывая их антитрадиционные позиции и «идеологический долг» перед левыми [35].

При ближайшем рассмотрении можно, однако, выделить ряд ключевых идеологических тем, общих для большинства партий, которые формируют семейство современных правых радикалов. Эти темы продолжают быть связанными с определяющими идеями межвоенного фашизма.

В их числе:

Ультранационализм и нативизм. Праворадикальные партии строят свою идеологию на ультранационалистических установках, исходя из которых атакуют такие современные явления, как либеральный мультикультурализм, космополитизм и международное сотрудничество. Их радикальный национализм и эмоциональный нативизм могут содержать и маскировать сильные этноцентристские и даже расистские полутона, опирающиеся на не-

реформированные предрассудки в отношении конкретных групп «других», отличающихся цветом кожи, религией, этническим происхождением и/или культурой [36].

Популизм. Дискурс праворадикальных партий ведется простым, эмоциональным языком, который перекликается с манихейским взглядом на мир («или-или») и демонстрирует, что представляет интересы «простых людей», выступая против равнодушия и коррупции элит [37].

Ограниченный «круг эмпатии»/демонизация «других». Хотя все большее число праворадикальных партий, похоже, готовы заявить о своей вере в основные права человека, они утверждают эту веру, прибегая к нативизму и гиперационализму. В результате они либо ограничивают «круг эмпатии» своей малой группой, либо отдают приоритет правам коренных групп за счет всех других. Такая исключительность способствует проявлению сильных ксенофобских, а иногда и расистских тенденций.

Лидерство и харизма. От Муссолини и Гитлера к Йоргу Хайдеру, Пиму Фортуну и Жан-Мари Ле Пену. Праворадикальные движения всегда отличались ориентацией на харизматических лидеров [38]. Как и в межвоенной Европе, эти движения, как правило, сильно иерархизированы и безоговорочно подчинены своим руководителям.

Атаки на «декаданс». Современным праворадикальным партиям свойственно гротескное видение нынешнего упадка культурной и социальной жизни, который-де угрожает выживанию нации. В поисках причин декаданса они ссылаются на политические и экономические элиты, городские ценности, космополитизм, либерализм, а иногда и на саму демократию.

Этноплюрализм/культурная дифференциация. Даже когда праворадикальные партии вроде бы признают (пусть «стратегически» или вообще цинично) понятие человеческого равенства – в отличие от ставки «исторического фашизма» на неравенство – они, как уже отмечалось, пропускают это равенство через «этноплюралистическую» призму, в результате чего различные культурные и религиозные группы рассматриваются как неразрывно связанные с географией и историей. Поэтому, демонстрируя в очень узком смысле веру в национальную или даже «европейскую» идентичность, они отвергают сосуществование различных культурных и религиозных групп и утверждают, что «коренные европейские культуры» находятся под экзистенциальной угрозой из-за увеличения уровня иммиграции и «либерального» мультикультурализма [39].

Фашизм и праворадикальные движения в новом тысячелетии

Как и любой другой термин с существенным моральным багажом, понятие «фашизм» прикладывается в современном дискурсе к различным объектам. Пожалуй, наиболее тревожным является употребление термина «исламофашизм», который пребывает в обращении уже в течение более двух десятилетий и используется по отношению к Хезболле, Аль-Каиде, а теперь и к ИГИЛ* [40]. С некоторых пор слово «фашизм» широко используется как украинцами, так и русскими, чтобы дискредитировать друг друга в ходе гражданского конфликта на Украине [41]. В свою очередь, бывший греческий министр финансов Янис Варуфакис как-то назвал партию «Золотая Заря» чистейшим продуктом возрождения исторического фашизма [42].

Если мы апеллируем к термину «фашистский» или «нацистский» с тем, чтобы указать на опасность возрождения «исторического фашизма» как идеологии или политического движения, то такое использование глубоко проблематично и может вводить в заблуждение. Учитывая это, Умберто Эко в свое время описал диахроническую форму фашизма, которую он назвал «ур-фашизмом» и которая не привязана к какому-либо конкретному историческому или культурному контексту и лежит в основе идеологической преемственности «исторического фашизма» и новых форм правого радикализма. Он предупреждал, что «ур-фашизм» до сих пор витает вокруг нас, иногда в гражданских одеждах. «Для нас было бы намного проще, если бы кто-то вышел на мировую сцену и сказал: «Я хочу новый Освенцим, я хочу, чтобы снова чернорубашечники маршировали по итальянским площадям». Но жизнь не так проста. «Ур-фашизм» может вернуться в самом невинном образе. Наша обязанность заключается в его разоблачении и в разоблачении любого из его новых видов – ежедневно и в любой части света» [43].

Если же мы используем этот термин для обозначения идеологического и политического пула идей, подгоняемых к совсем иному, современному политическому контексту, то «фашизм» становится полезным маркером, облегчающим обнаружение преемственности и высвечивающим различия. Один из выдающихся историков фашизма Вальтер Лакер предварил недавнюю международную дискуссию о понятии «фашизм» фразой «у фашизма было свое время». Таким образом, Лакер выразил свой скептицизм по поводу полезности употребления этого термина после 1945 г. и применения его к современным явлениям радикализма и экстремизма [44].

Возможно, Лакер прав, не только в том смысле, что современные и будущие проявления правого радикализма не могут быть до конца поняты в том же эвристическом контексте, который используется для анализа «межвоенного фашизма».

Поиски четко выраженного, не поддающегося упрощению определения сущности фашизма и выработка пригодного для использования его универсального определения существенно продвинулись вперед и объединили всех тех, кто готов воспользоваться преимуществами сравнительного/универсального подхода. Возможно, будущее исследований, посвященных фашизму, лежит далеко за пределами уже имеющихся удобных концептуальных, дефиниционных и таксономических достижений. Будущее следует искать в различных «скоплениях пересекающихся и взаимодополняющих эвристических находок», которые смогут помочь идентифицировать фашизм в рамках сформировавшейся его «более широкой картины». Мы слышим все больше призывов к новой волне исследований, посвященных фашизму, а также новому правому радикализму, авторитаризму, диктатуре, популизму и экстремизму, исследований, которые отразили бы расплывчатость таксономий, противостояли бы искушению вешать ярлыки постфактум, плодотворно выявили бы многосложность идеологий и динамические процессы, лежащие в их основе, а также разные итоги, к которым эти процессы приводят.

Примечания:

1. *Nolte, E.* Three Faces of Fascism: Action Française, Italian fascism, National Socialism. – London, 1965. – P. 20-22.
2. *Mussolini, B. (with Gentile, G.)* The Political and Social Doctrine of Fascism // *Enciclopedia Italiana*. – 1932 (оригинал); переведено и переиздано в журнале: *The Political Quarterly*. – 1933. – Vol. 3. – No. 3. – P. 341-356.
3. *Mosse, G.L.* Towards a general theory of fascism // *Masses and Man: Nationalist and Fascist Perceptions of Reality* / Ed. by G.L. Mosse. – Detroit, 1987. – P. 28.
4. *Taylor, A. J. P.* The Course of German History: A Survey of the Development of German History since 1815. – London/New York, 2001. – 2nd ed. (first ed. New York, 1946/1961).
5. *Smith, D.M.* Mussolini. – New York, 1982.
6. *Knox, M.* Common Destiny: Dictatorship, Foreign Policy, and War in Fascist Italy and Nazi Germany. – Cambridge, 2000. – P. 56.
7. *Griffin, R.* The Primacy of Culture: The Current Growth (or Manufacture) of Consensus within Fascist Studies // *Journal of Contemporary History*. – 2002. – Vol. 37, No. 1. – P. 21-43.
8. *Griffin, R.* The Nature of Fascism. – New York/London, 1991.

*Запрещенная в РФ организация. – Прим. редколлегии.

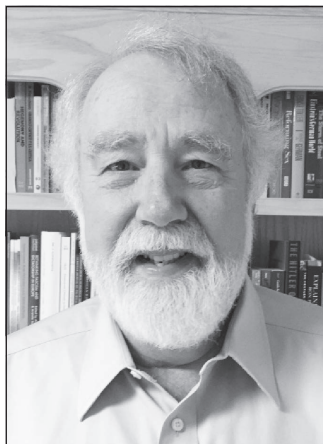
9. *Allardyce, G.* What Fascism is Not: Thoughts on the Deflation of a Concept // *American Historical Review*. – 1979. – Vol. 84. – P. 367-388.
10. *Sternhell, Z.* The Birth of Fascist Ideology. – Princeton, 1994. – P. 6.
11. *Kallis, A.* El concepto de fascismo en la historia anglófona comparada // *El fascismo clásico (1919–1945) y sus epígonos* / Ed. by J.A. Mellon. – Madrid, 2012. – P. 50-70.
12. *Payne, S. G.* A History of Fascism, 1914–1945. – London, 1997.
13. *Mann, M.* Fascists. – Cambridge, 2004. – P. 44–46.
14. *Childers, T.* The Nazi Voter: The Social Foundations of Fascism in Germany, 1919–1933. – Chapel Hill, 2010. – P. 128-132.
15. *Pollard, J. F.* The Vatican and Italian Fascism, 1929–1932. A Study in Conflict. – Cambridge, 2005. – P. 62.
16. *Kallis, A.* «A question of loyalty»: mussolinismo and the collapse of the Italian Fascist regime in 1943 // *Journal of Modern Italian Studies*. – 2001. – Vol. 6, No. 1. – P. 68-93.
17. *Roberts, D.D.* Fascism and the Framework for Interactive Political Innovation during the Era of the Two World Wars // *Rethinking Fascism and Dictatorship* / Eds. by A. C. Pinto, A. Kallis. – Basingstoke, 2014. – P. 57.
18. *Tusell Gómez, J.; Saz Campos, I.* Mussolini y Primo de Rivera: Las relaciones políticas y diplomáticas de dos dictaduras mediterráneas // *Boletín de la Real Academia de la Historia*. – 1982. – No. 179. – P. 413-483.
19. *Ben-Ami, S.* Fascism from Above: Dictatorship of Primo De Rivera in Spain, 1923–1930. – Oxford, 1983.
20. *Mann, M.* Op. cit. – P. 43.
21. *Nižnanský, E.* Expropriation and Deportation of Jews in Slovakia // *Facing the NS Genocide: Non-Jews and Jews in Europe* / Eds. by B. Kosmala, F. Tych. – Berlin, 2004. – P. 205-230.
22. *Europa unterm Hakenkreuz. Okkupation und Kollaboration (1938–1945): Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik* / Hrsg. von W. Röhr. – Berlin/Heidelberg, 1994.
23. *Saz Campos, I.* Fascism, Fascistization and Developmentalism in Franco's Dictatorship // *Social History*. – 2004. – Vol. 29, No. 3. – P. 342-357.
24. *Vincent, M.* Spain // *The Oxford Handbook of Fascism* / Ed. by R.J.B. Bosworth. – Oxford, 2009. – P. 362-337.
25. *Kallis, A.* «Fascism», «Para-fascism» and «Fascistization»: on the Similarities of Three Conceptual Categories // *European History Quarterly*. – 2003. – Vol. 33, No. 2. – P. 219-250.
26. *Payne, S. G.* Op. cit. – P. 380-382.
27. *Griffin, R.* Interregnum or endgame? Radical Right Thought in the «Post-fascist» Era // *The Journal of Political Ideologies*. – 2000. – Vol. 5, No. 2. – P. 163–178.
28. *Mammone, A.* Transnational Neofascism in France and Italy. – Cambridge, 2015.
29. *Bar-On, T.* Where Have All the Fascists Gone? – Aldershot, 2007.
30. *Minkenberg, M.* The Renewal of the Radical Right: Between Modernity and Anti-modernity // *Government and Opposition*. – 2000. – Vol. 35, No. 2. – P. 170-188.
31. *Prowe, D.* «Classic» Fascism and the New Radical Right in Western Europe: Comparisons and Contrasts // *Contemporary European History*. – 1994. – Vol. 3, No. 3. – P. 289-314.
32. *Wolin, R.* The Seduction of Unreason. The Intellectual Romance with Fascism from Nietzsche to Postmodernism. – Princeton, 2006. – P. 256-277.
33. *Ignazi, P.* Extreme Right Parties in Western Europe. – Oxford, 2003.
34. *Ignazi, P.* New Challenges: Postmaterialism and the Extreme Right // *Developments in West European Politics* / Eds. by M. Rhodes, P. Heywood and V. Wright. Basingstoke. – Macmillan, 1997. – P. 300.
35. *Taguieff, P.A.* From Race to Culture: The New Right's View of European Identity // *Telos*. – 1994. – No. 98-99. – P. 99-125.
36. *Rydgren, J.* The Populist Challenge. Political Protest and Ethno-National Mobilization in France. – New York & Oxford, 2004.
37. *Wodak, R.* The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. – London, 2015. – P. 5-8.
38. *Eatwell, R.* Charisma and the Revival of the European Extreme Right // *Movements of Exclusion: Radical Right-wing Populism in the Western World* / Ed. by J. Rydgren. – New York, 2005. – P. 101-120.
39. *Fennema, M.* Populist Parties of the Right // *Movements of Exclusion ...* – New York, 2005. – P. 4-5.
40. *Hitchens, C.* Defending Islamofascism // *Slate*. – 2007. – Oct., 22. – URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/fighting_words/2007/10/defending_islamofascism.html
41. *Cohen, J.* Putin says Ukraine being overrun by fascists – and he may be right // *Jerusalem Post*. – 2015. – May, 16. – URL: <http://www.jpost.com/International/Putin-says-Ukraine-being-overrun-by-fascists-and-he-may-be-right-403205>
42. *Lower, M.* Why did Greece's Varoufakis bring up Nazis in Berlin? – *BBC News*. – 2015, Feb. 6. – URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-31170591>
43. *Eco, U.* Ur-Fascism // *New York Review of Books*. – 1995. – June, 22. – P. 9. – URL: <http://www.nybooks.com/articles/1995/06/22/ur-fascism/>
44. *Laqueur, W.* Introduction // *Fascism: Past and present, west and east. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right* / Eds. by R. Griffin, W. Loh, A. Umland. – Stuttgart, 2006.

УДК 329.17

ББК 66.3(2Рос)3

В ПОИСКЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ФАШИЗМА: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ФАШИСТСКИХ СИЛ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Дэвид Д. Робертс, заслуженный профессор истории им. Альберта Берри Сейя университета Джорджии (США)
droberts@uga.edu

Перевод с английского С.В. Белкина

Аннотация. В статье, основанной на недавно опубликованной книге автора «Взаимовлияние фашистских формаций» (*Fascist Interactions*), речь идет о необходимости избегать недостатков редукционизма, эссенциализма и телеологизма, всё ещё свойственных исследованиям фашизма. При этом при рассмотрении влияния различных видов фашизма, по мнению автора, следует уделять большее внимание их наднациональным связям, поскольку фашизм был по своей сути международным явлением. В статье анализируются также недостаточно исследованные взаимоотношения фашистов и консерваторов, в том числе свойственный им синергизм.

Рассмотрение взаимовлияния различных национальных моделей фашизма должно способствовать лучшему пониманию того, почему этот феномен мог стать современным и влиятельным, будучи в высшей степени эфемерным.

Ключевые слова: фашизм, тоталитаризм, консерватизм, наднациональное взаимовлияние направлений фашизма, фашизация, фашизм как неопределённая траектория, фашизм как эпохальное явление, телеология.

RETHINKING FASCISM IN ITS EPOCHAL INTERACTION

David D. Roberts,
Albert Berry Saye Professor of History, Emeritus,
University of Georgia, United States of America

Abstract. Drawing on the author's recent book *Fascist Interactions*, this essay argues that first we must do better at avoiding the pitfalls of reductionism, essentialism, and teleological thinking that still lurk in fascist studies, compromising understanding. Moreover, in considering fascism in interaction, we need a broader shift of focus, encompassing but not limited to transnational interaction among fascist groupings because fascism was so crucially embedded in interaction more widely. Another look at the interaction between fascists and conservatives on the domestic level reveals modes of synergy and fascistizing directions that prevailing lines of inquiry often miss. Focus on fascism in its interactions enables us better to see how it could have been at once modern and substantive on the one hand, hollow and even ephemeral on the other. The article concludes that fascism was so deeply embedded in the contingent interactions of the era of the two world wars that little from it can be isolated as quintessential.

Key words: fascism, totalitarianism, fascism and conservatism, supranational fascist interaction, fascistization, fascism as uncertain trajectory, fascism as epochal, teleology.

Многообещающие перспективы в исследованиях фашизма

Предметом данного исследования является рассмотрение фашизма не только как единичного явления, но и как совокупного феномена, характерного для периода, ограниченного двумя мировыми войнами. Можно ли считать исследования фашизма, проведенные после 1945 г., завершёнными или их следует продолжить? На этот вопрос первостепенной важности автор склонен ответить положительно.

Есть все основания согласиться с проживающим в Венгрии румынским историком Константином Иордачи, являющимся признанным сторонником нового транснационального подхода к феномену фашизма. Он, в частности, утверждает, что мы не можем довольствоваться лишь параллельными исследованиями отдельных явлений, поскольку различные фашистские силы влияли друг на друга, производя, по его словам, «транснациональное взаимное обогащение антилиберальными политическими идеями и их практическим исполнением» [1]. По мнению Иордачи, многополярная креативность была неотделима от взаимовлияния проявлений фашизма, поскольку локальные импульсы и внешние влияния объединились для создания специфических форм идеологического синкретизма [2].

Новый взгляд на фашизм и особенно использование транснационального подхода к этому явлению представляет большую потенциальную ценность. Тем не менее, в своей последней книге я поставил под сомнение некоторые новые акценты, одновременно предположив необходимость не останавливаться на достигнутом [3]. Мы должны идти дальше подхода Иордачи к фашизму, изучать его с большей объективностью, обращаясь к широкому спектру частных явлений, особенно при рассмотрении наднациональных взаимовлияний. Прежде всего представляется необходимым рассмотреть более широкий спектр взаимовлияний — те факторы, которые Иордачи и другие исследователи, видимо, имели в виду.

Вечные заблуждения

Прежде чем воспользоваться преимуществами более традиционной точки зрения на наднациональные взаимосвязи фашизма, рассмотрим роль трёх устойчивых препятствий на пути к лучшему пониманию фашизма, таких, как *редукционизм*, *эссенциализм* и *теологизм*. Их недостатки ясно прослеживаются во всех исторических исследованиях. Но особое влияние они оказывают на понимание фашизма и его места в истории. Тенденция к *редук-*

ционизму уже давно известна в своих как неопределённых психологических, так и социологических формах. С одной стороны, он рассматривался как отражение психологических или характерологических свойств, таких, как паранойя и ксенофобия, по отношению к так называемым иными совокупностям личностей. С другой — считалось, что фашизм зародился ввиду недовольства мелкобуржуазных элементов, проигравших состязание с индустриальным модернизмом. Однако подобный подход к фашизму предполагает *a priori* ситуацию нормального развития и игнорирует любые попытки вникнуть в то, как фашизм воспринимал себя сам. Отход от редукционизма предполагает более серьёзное отношение к этому явлению, определёнno критическую попытку понять его верования, не утверждая при этом *a priori*, что либеральный модернизм следует считать идеалом или что единственная альтернатива фашизму — коммунизм.

Рассмотрим еще два заблуждения.

Как историческая проблема фашизм особенно неудобен для исследования потому, что в рамках режимов и движений, которые мы называем фашистскими, и даже в самих отдельных движениях наблюдалась существенная разнородность.

По вопросу об осях разделения и даже по поводу того, кого или что мы считаем фашизмом и фашистами, всегда существовали и существуют разные точки зрения. Стремясь систематизировать эти разграничения и углубить проводимые исследования, многие ученые пытались точно определить некое ядро, или «*фашистский минимум*», прибегая при этом к использованию более широких классификаций. По крайней мере в англоязычном научном сообществе самой значимой попыткой выявить такой минимум при определении фашизма за последнюю четверть века был, несомненно, «палингенетический миф» Роджера Гриффина [4].

При всем этом любая попытка определить «природу фашизма» продолжает находиться под угрозой эссенциализма, или ректификации. Реагируя на исследования Гриффина, британский исследователь Кевин Пэссмор, удачно вычленив эту проблему, справедливо отмечает: «В теоретических исследованиях фашизма могут содержаться либо чисто эвристические категории, либо предположение, что на самом деле ядро движения устанавливается определительными характеристиками. Это, в свою очередь, вдохновляет учёных устанавливать значение исторических явлений с помощью теоретических предположений». Другими словами, подобный минимум кажется чересчур убедительным. Мы ищем и затем находим, или считаем предпочтительным, то, что устраивает и маргинализирует

остальных, принимая это не только как *идеосинкретическое* явление – каждое явление будет по-своему уникально, но и как нетипичное. Поэтому, когда мы стремимся к ограничению минимумов фашизма и его идеальных видов как чисто эвристических, они могут включать в себя так много факторов *a priori*, что это в состоянии чрезмерно повлиять на наши исследования и ограничить воспринимаемый диапазон частотностей. При этом мы можем не учесть в должной степени разнообразия и даже несоответствий в наших исследованиях.

В более широком смысле потребность в минимальных дефинициях приводит к необходимости отдавать предпочтение тому или иному набору характеристик, таких, как насилие, харизматическое лидерство, национализм, расизм, репрессии возвышение роли государства. Все эти характеристики можно, несомненно, найти в фашизме, несмотря на то, что любая из этих комбинаций, скорее всего, произвольна, как будто фашизм не был чем-то неопределённым, – во всяком случае до тех пор, пока с ним не было покончено. Вряд ли поможет найти правильное определение понятия «фашизм», уподобляя его оппозиции либерализму и коммунизму.

Адекватно ли мы восприняли явление фашизма? Адекватно ли мы оценили предел, до которого фашизм был одной из попыток отмежеваться от либерализма и коммунизма, а не просто реакцией на то и другое? [5].

Углубляет проблему исследования и тенденция к *телеологическому* мышлению. Фашизм, завершившись разрушениями и катастрофами, обернулся определенным триумфом как демократий, так и победившего Советского Союза. В результате сложилось впечатление, что поражение и дискредитация фашизма были неизбежны. Рухнула даже созданная в Италии пресловутая корпоративистская система. Поэтому после поражения фашизма она либо игнорировалась, либо воспринималась как нечто, не имеющее шансов на развитие. Не было уделено должного внимания позитивным устремлениям корпоративизма и его роли в самоидентификации итальянского фашизма. Да, фашизм телеологически продвигался к своему катастрофическому поражению. Но если не принимать во внимание случайностей, драмой истории являлось создание предпосылок для появления альтернативных фашизму направлений и последствий.

Прежде чем появились призывы к новым методам и транснациональному подходу к исследованиям, мы сталкивались с предложениями воспринимать фашизм более серьезно, что подразумевало призыв пойти дальше наиболее выраженных форм редукционизма. Адриан Литтелтон недавно заме-

тил, что самый значительный прорыв в исследованиях фашизма за последние сорок лет произошел благодаря серьезному отношению к самоидентификации фашизма. Объяснения этого явления с социальной точки зрения, некогда считавшиеся обязательными, были отвергнуты, поскольку мы осознали, что характер любых политических движений можно объяснить лишь при рассмотрении его целей и верований [6].

Вообще говоря, серьезное восприятие означает признание не только традиционных методов, но и возможности проведения основательного дополнительного анализа. На сегодняшний день широко распространено мнение, что фашизм был не только протестом против модернизма, но и потребностью создания альтернативного модернизма, который, по крайней мере косвенно, означал бы преодоление проблематичного, неопределённого и неограниченного во времени конформистского либерального модернизма [7]. Фашизм, возможно, был даже в своём роде «революционным». Другими словами, он был не просто реакцией на коммунистическую угрозу и либеральный мейнстрим, но, будучи движением за завоевание постлиберального пространства, соперничал с коммунизмом.

Несмотря на убедительные доводы Литтелтона, серьезное восприятие фашизма до сих пор считается проблематичным. Даже те, кто призывают к подобному восприятию, иногда сталкиваются со стандартными подводными камнями. И Роджер Гриффин, и Майкл Манн, каждый по-своему, в своих авторитетных исследованиях предлагают замысловатые вариации устоявшихся психологических и социологических форм редукционизма. Даже Гриффин, значительно углубляя свои аргументации в книге «Модернизм и фашизм», написанной в 2007 г., отмечает тенденцию к палингенетическому обновлению, питающему фашизм и демонстрирующему психологическую слабость перед лицом современного краха традиционных устоев и беззакония [8].

По Манну, то, что подпитывало и утверждало фашизм, отражало, по существу, слабости нормального, здорового мирового развития [9]. Манн считает, что страны северо-западной Европы, создавшие прочные демократические институты, способные справиться с кризисом, представляют собой здоровый модернизм. Другие страны имели проблемы, поскольку у них не было для сравнения надлежащих условий, традиций и институтов. Поэтому вопреки утверждениям Манна о том, что фашизм был неотъемлемой частью модернизма, относительная отсталость этих стран остаётся основой прошедшей дифференциации. Безусловно, фашизм

был реакцией на кризис. Вопрос о том, что именно было природой кризиса и каким образом он мог быть преодолен, выводил на проблемы мейнстрима модернизма. Одним из ключевых моментов фашизма, который обусловил крайности более широкой модернистской тенденции, Манн убедительно считает приверженность нации идее государства. Но поскольку фашистская версия была не просто альтернативой модернизму, но и отражала серьёзную связь с либеральными и марксистскими традициями, она могла претендовать на альтернативное направление даже для модернистского западного мейнстрима.

Хотя и под несколько другим углом зрения, Мишель Добри и видный норвежский учёный Стейн Угельвик Ларсен открыто критикуют современные тенденции *эссенциализма и телеологизма* в исследованиях фашизма и предлагают придать большее значение непредвзятости и случайным фактам [10]. В то время как Добри открыто, а Ларсен более опосредованно ставят под сомнение понятие Гриффина о палингенезисе, Иордачи принимает палингенезис как нечто само собой разумеющееся, как сущность фашизма, и призывает к проведению более широкого спектра экспериментов [11]. Известный британский исследователь современной Испании Мэри Винсент выступает даже с более заостренных позиций, обращаясь к «палингенетическому видению, лежащему в основе фашизма», несмотря на то, что она также считает, что фашизм должен рассматриваться более глубоко [12].

Подобное использование палингенезиса даже ярыми скептиками является убедительным доказательством того, что эссенциалистские тенденции, которые отмечались нами ранее как неприемлемые эвристические категории и идеальные типы, всё еще прослеживаются в дискуссиях учёных. Хотя «палингенезис» и остаётся исключительно важным фактором при исследовании, некоторые авторы предлагают взамен ему фактор политической религии. К примеру, греческий учёный-новатор Аристотель Каллис, живущий в Британии, в книге, опубликованной в 2009 г., считает, что «фашизм по своей природе представляет собой тысячелетнюю политическую религию» [13]. Хотя эти категории и проливают некоторый свет на проблему, они могут ограничить наше понимание фашизма, увести нас от рассмотрения множественной креативности и экспериментов, которые Иордачи – с наибольшей выпуклостью – считает самыми важными критериями в исследованиях.

Учёт фактора частоты проявлений фашизма, свидетельствующий о его реакции на либеральную демократию и модернизм мейнстрима, может

только затруднить наши исследования. Игнорирование каждой отдельной модели или эволюционного фактора может означать, что не существует нормального, здорового и рационального способа оценки современного мира. Это даже может вызывать сомнение в правомерности использования оси «левый-правый». Поэтому мы должны с большей объективностью соотносить корпоративизм и другие фашистские установки с «нормальными» либеральными взаимоотношениями и процессами.

Акцент на фактор наднационального взаимовлияния проявлений фашизма вряд ли сможет помочь нам в изучении проблемы, поскольку при этом подходе мы сталкиваемся с традиционными подводными камнями. В частности, исследования Марка Анлиффа, посвящённые взаимовлиянию французского фашизма и фашизма в Италии, и работы Федерико Финчелстейна, рассматривающие взаимовлияние фашизма в Италии и движения новых правых в Аргентине, в какой-то мере являются новаторскими, показывающими насколько действенным может быть фактор взаимовлияния. Тем не менее, оба эти исследования слишком ограничены представлением о том, что определяло итальянский фашизм, – тоталитаризм и корпоративизм, насилие, мифы или динамика, ставшая результатом взаимодействия этих и других факторов [14]. Но для того чтобы эти исследования были плодотворными, следовало бы, акцентируя внимание на взаимосвязи проявлений фашизма, последовательней рассмотреть эволюцию итальянского фашизма с учётом как очевидных фактов, так и широкого спектра частоты этих явлений. Похоже, что ни Анлифф, ни Финкельштейн не принимают во внимание ту степень, в какой их собственные открытия предполагают необходимость более гибкой структуры.

Существенное и несущественное

Однако даже если мы сумеем воспринимать фашизм более серьёзно, настраиваясь на его существенные параметры, мы столкнёмся с другим набором проблем. В то время, как некоторые исследователи стремятся воспринимать фашизм более серьёзно, другие – в определённой степени справедливо – считают, что существует некая тенденция чрезмерно преувеличивать роль фашизма, воспринимая его слишком серьёзно. В качестве типичного примера можно привести мнение Р. Дж. Босворта, хотя его работы полностью посвящены фашизму в Италии [15]. Его скептицизм отражает свойственное ему восприятие влияния фашизма в Италии как несущественного. Многие, по его мнению, могло бы произойти в стране и без фашистского режима [16].

Можно также напомнить и о более критическом заявлении Гильберта Аллардайса, содержащемся в его спорной работе 1979 г. [17]. Говоря об «эре фашизма», он высказался против преувеличения значимости проблемы. Не следует забывать, подчеркивал он, насколько пустотелым и эфемерным оказался фашизм, несмотря на его несомненно катастрофические последствия.

Несомненно то, что, воспринимая фашизм серьёзно, мы должны отдать должное и свойственным ему гетерогенности и внутренним конфликтам. С учетом опыта Первой мировой войны кажется не удивительным, что фашизм в Италии представлял собой столь беспорядочную комбинацию противоречивых проявлений. Но именно эта беспорядочность и ставила под угрозу его эффективность. Следует также обратить внимание на чрезмерность риторики и мифотворчества, иллюзий и когнитивного диссонанса, являвшихся главными факторами разнообразия проявлений фашизма.

Представляется, что многие из этих проблем можно решить, отдав должное как существенному, так и несущественному в феномене фашизма, принять как одно, так и другое, и прийти к совокупному результату, уяснив связь между ними. Но в какой степени эта проблема может быть решена с помощью транснационального подхода и акцентирования внимания на взаимовлиянии?

Взаимовлияние на четырёх уровнях

Призывая сделать акцент на транснациональные взаимовлияния проявлений фашизма, Иордачи имеет в виду, в частности, взаимосвязь между формациями фашистов, возникшими сразу же после Первой мировой войны. Я же полагаю, что, рассматривая явления фашизма в их взаимовлиянии, необходимо расширить акценты, не сводя их только к вопросу о транснациональных взаимовлияниях фашистских группировок, поскольку фашизм был более широко распространён в своих взаимосвязях. Прежде всего, необходимо рассмотреть наиболее очевидные взаимосвязи между фашистами, с одной стороны, и консервативными элитами и официальными институтами – с другой, в том числе и на локальном уровне. То, что мы называем фашизмом, было частью более широкого движения новых правых. Он был его главным, но отнюдь не единственным структурным элементом.

Границы новых правых, как справедливо отметил несколько лет назад Мартин Блинкорн, были неясны. И «насколько же сложными, изменчивыми и едва различимыми были отношения между радикальными и консервативными правыми» [18]. На самом деле, как отмечал автор, «существовала не

только неопределённая граница между фашистами и авторитарными консерваторами: эта граница с каждым годом становилась всё более размытой». Однако на международном уровне следует лучше понять роль взаимоотношений с либеральными демократиями, с одной стороны, и с Советским Союзом – с другой.

Приведу несколько примеров, дающих представление о важности использования этого подхода.

На локальном уровне фашистские организации стали налаживать взаимодействие с официальными элитами и институтами. Это наблюдалось не только в Италии и Германии, где фашистским движениям удалось прийти к власти, но и в Австрии, Румынии и Испании, а также в некоторых других странах, где они приобщались к власти лишь частично или на непродолжительное время. В каждом случае консерваторы располагали собственными программами взаимодействия с фашизмом. Поэтому следует, в первую очередь, уяснить, кто из них был главнее и кто кого приручал или оболванивал.

В ряде случаев консерваторы в какой-то степени могли обуздать фашизм. Нередко все происходило и наоборот – как, например, в Германии или в Италии. Наши традиционные исследователи до сих пор не совсем правомерно придают значение этим аспектам. Новый же подход, акцентирующий внимание на взаимовлиянии, предполагает более углубленное рассмотрение этой стороны дела.

Вначале консерваторы намеревались использовать фашизм в оборонительных целях. Тогда под действием краткосрочных обстоятельств их взаимовлияние могло быть динамичным и даже синергетичным, изменяя каждую из сторон или обе стороны и одновременно модифицируя природу взаимоотношений.

Рассмотрим только два противоположных примера. Блинкорн придерживается широко распространённой концепции, согласно которой каждая отдельная партия при новом антидемократичном режиме проявляет тенденцию к слиянию с радикальными фашистами и консерваторами. Его главный пример, относящийся к Испании, невозможно оспорить. Хотя роль фашистской Фаланги оставалась незначительной, по крайней мере, до начала сороковых годов XX в., очевидно, что в апреле 1937 г. Франко объединил фалангистов с карлистами, монархистами и другими правыми в рамках единой партии зарождавшегося режима. Блинкорн считает, что этот процесс, если бы он управлялся иначе, был бы схож с процессом слияния фашистской партии с Итальянской националистической ассоциацией и клерикальными ультрас, произошедшим в Италии после 1922 г. По мнению учёного, результатом в

обоих случаях стал компромисс, при котором наблюдались маргинализация радикалов и в определённой степени нарастание недовольства членов фашистских партий этим слиянием [19].

Несмотря на формальное слияние с фашистской партией в 1923 г., итальянские националисты всегда считались авторитарными консерваторами, находящимися в оппозиции к *аутентичному* фашизму. По мнению Блинкхорна, объединение с националистами, несомненно, способствовало укреплению авторитета Муссолини и фашизма в консервативной среде и в кругу монархистов.

Националист Луиджи Федерцони, занимавший при фашистском режиме, в особенно смутный для страны период (с 1924 по 1926 гг.), пост министра внутренних дел, создал прочный «мост» между режимом и монархистскими кругами. По убеждениям он был близок к идеям консервативного авторитаризма и олицетворял модернистское направление в рамках фашизма.

Аналогичные позиции занимал его соратник Альфредо Рокко – главный идеолог Националистической ассоциации. В качестве министра юстиции, в котором он пребывал с 1925 по 1932 гг., он стал центральной фигурой, внёсшей в фашистские круги идеи тоталитаризма и корпоративизма. Рокко был не просто консервативным сторонником авторитарной власти. Он даже заявлял о себе как о более радикальном новаторе, чем Федерцони. Настаивая на устранении парламентской демократии, которая, по его мнению, продемонстрировала свою неэффективную и коррупционную сущность, Рокко в известном смысле говорил от имени многих консерваторов, в том числе проживавших за пределами Италии, которые, оказавшись перед лицом политической нестабильности и слабости парламентских правительств, стали склоняться к поддержке новых правых [20].

Именно эти настроения и определяли политику Рокко [21]. Не будучи фашистом, он исходил из того, что фашизм, как казалось, открывал дополнительные возможности реализации новой модели действий [22]. Поэтому, будучи министром юстиции, он в полной мере использовал имевшиеся у него полномочия, чтобы «развязать руки» фашистской партии и созданному ею режиму.

Пример Рокко показывает, что могло бы произойти, если бы новые возможности фашизма привлекли к себе больше традиционных авторитарно настроенных консерваторов. Результатом мог стать *синергетический синтез*, который сам по себе был бы «фашистским», а не тем, что, по мнению Блинкхорна и других исследователей, можно было бы считать укрощением «аутентичного» фашизма. По-

скольку взаимовлияние притупляло другие аспекты фашистской угрозы, возникновение фашизма как ещё нового, не оформившегося и потенциально подверженного реформированию явления придавало дополнительную энергию националистам и ищущим выхода радикальным консерваторам.

Противоположный пример синергизма можно найти в исследовании Джулии Готлиб, рассматривающей роль женщин в Британском союзе фашистов Освальда Мосли, и в работе Кевина Пэссмора, посвящённой организации «Боевые кресты», возглавляемой Франсуа де Ла Рокком, преобразованной в 1936 г. в партию Французский народный фронт.

Подчёркивая важность роли женщин в Британском союзе фашистов, Готлиб показывает, что большинство состоявших в нем женщин добровольно присоединялось к фашистским организациям, несмотря на то, что им было свойственно особое отношение к гендерным различиям и мужественности. Идентифицируя себя с этим движением, женщины решительно заявляли о своей независимости, выступая против ортодоксального феминизма, хотя и не совсем с традиционных позиций [23]. Развивая эту тему, следует отметить, что приход фашизма к власти и недовольство женщин своим положением в обществе сочетались синергетически, открывая путь для специфической самоидентификации женщин – явлению, которое не могло появиться раньше.

Подобно Британскому союзу фашистов французское движение «Боевые кресты» включало в себя значительное количество женщин, особенно после его превращения в политическую партию. Пэссмор отмечает, что женщины присоединялись к этому движению с их собственными специфическими взглядами, целями и социокультурным капиталом. Женщины не могли открыто противостоять авторитету ветеранов войны, которые были ядром этого движения. Но они подвергали сомнению то, что дух ветеранов мог возродить нацию. И они пересматривали политическое содержание движения с социальной, моральной и религиозной точек зрения.

Лидер партии Ла Рокк активно поддерживал идею участия женщин в ее работе. В результате их роль в ней становилась все важнее и влиятельней [24].

Пэссмор убедительно показывает, что на примере женского движения можно лучше оценить феномен фашизма в целом. И роль женщин в «Боевых крестах» (Французском народном фронте), и их роль в обществе в целом отражали комплекс уже существовавших представлений и моделей поведения. Проповедуя семейный уклад, лидеры организации одновременно мобилизовывали женщин

на участие в программе социального умиротворения. По мнению Пэссмора, это осуществлялось в целях стимулирования некоей формы активности, обрамлённой религиозным и профессиональным дискурсами, отражающими опыт женщин в таких областях, как образование и социальная работа. По его мнению, это может послужить важным индикатором для традиционного определения сущности фашизма в целом [25].

Примеры, которые приводят Пэссмор и Готтлиб, предполагают наличие синергетического эффекта взаимовлияния. Появление в фашистском движении некоторых новых элементов, выходящих за политические рамки и претендующих на нечто большее, открыло консервативно настроенным женщинам возможность изменить свое положение в обществе. Перспективы приобретения более активной роли в обществе придавали им энергию, способствовали осознанию ими того, что они оказывают должное влияние на соответствующие движения.

В своей книге я также рассматриваю возможности подобного синергизма, но на примере взаимовлияния фашистских режимов Италии и Германии с большим бизнесом, с одной стороны, и с доминирующей церковью (и церквями) – с другой [26]. Последние исследования таких авторитетных учёных, как Ричард Штайгманн-Галл, Вальтер Адамсон, Марчелло Де Чекко и Стивена Линднера, подтверждают мои доводы. Тем не менее, мне еще предстоит многое изучить, рассматривая результаты исследования этих учёных с акцентом на возможности синергизма во взаимовлиянии фашистов и консерваторов.

Обращаясь к наднациональным взаимосвязям фашизма с новыми правами, нетрудно также выявить возможности синергизма, делающие неясными традиционные классификации. Так, Мэри Уинстон считает, что устоявшееся представление о различиях между фашизмом и авторитаризмом при изучении режима Франко в Испании обусловило неудачу попыток должным образом оценить радикализирующее взаимовлияние антиреспубликанских правых и фашистских организаций Испании и крайне правых в других странах Европы на протяжении всех 1930-х гг. В результате их радикализации, констатирует автор, зарождающийся режим Франко не стал ни фашистским, ни сугубо авторитарным, а представлял собой гибрид «фашизированного» государства [27].

Несколько расширив этот довод, можно предположить, что, если система, внедренная Франко, не была фашистским и/или тоталитарным режимом, и что это был сугубо авторитарный, консервативный и/или традиционалистский режим, мы

упустим из виду его новизну для новых правых со всеми вытекающими из этого последствиями.

Вообще в процессе исследования часто сложно сфокусироваться на наднациональном взаимовлиянии новых правых. Это во многом обусловлено двойной асимметрией: Германия и Италия как главные фашистские державы *vis-à-vis* другие страны и усиливающаяся Германия *vis-à-vis* Италия. То, что подобная асимметрия неизбежно способствовала процессу взаимовлияния, даже отдалённо не объясняет сложные взаимоотношения этих двух главных фашистских государств. В качестве очевидных примеров можно привести Австрию, Венгрию и Румынию. Несмотря на асимметрию их взаимовлияний, эти страны параллельно пошли по пути фашизации.

В каждом из этих государств взаимовлияние было обусловлено непредвиденными обстоятельствами, появившимися в результате последствий Первой мировой войны и процесса мирного урегулирования. Эволюция была продолжительнее и драматичнее в Венгрии и Румынии, поскольку каждая из этих стран, сохраняя свою идентичность, оказалась, тем не менее, вовлечённой в орбиту нацистской Германии в начале Второй мировой войны. Хотя консервативные элиты и стремились маргинализировать фашистскую партию Венгрии «Скрещённые стрелы» и дважды пытались подавить «Железную гвардию» Румынии, взаимодействие консерваторов и нацистской Германии устойчиво подпитывало фашистские движения в этих странах. В этой связи следует особо отметить их готовность осуществить реализацию систематической геноинженерии, антисемитские кампании, этнические чистки и другие рецепты евгеники.

Анализ взаимовлияния на международном уровне предполагает освещение вопроса о географических границах фашизма в период между мировыми войнами. Отсюда возрастание интереса к эффекту взаимодействия европейских и неевропейских новых правых. В своём последнем исследовании Стефан Ириш отмечает влияние турецкого режима Мустафы Кемаля (Ататюрка) на нацизм и нацистскую Германию. На самом деле нацисты открыто признавали режим Кемаля «ролевой моделью» и нередко причисляли Кемаля (как и Муссолини) к числу первооткрывателей нового курса [28].

Но главным вопросом, несомненно, является влияние европейского фашизма за пределами Европы. Стейн Угельвик Ларсен подчёркивает, что идеи и модели фашизма, воспринимаемые как успешные в Европе, служили катализатором для движений в других странах, даже в тех, где эти модели не были скопированы [29]. Другими словами, распространение этой модели побуждало «новых правых» в

этих странах к экспериментам, которые бы не состоялись без влияния фашистской модели.

Брюс Рейнольдс, использовавший ситуацию в Японии для дискуссий о фашизме в Азии, подчёркивал значительное влияние фашизма, причем не только на доминировавшую фракцию Чан Кайши в Китайской национальной партии, но и на Бирму и другие азиатские страны [30]. В то же время в исследованиях этой темы мы обнаруживаем значительную степень неуверенности, неопределённости, селективного заимствования, принятия желаемого за действительное и слепоты.

До определённого времени режим Кемаля нередко сравнивал себя с фашистской Италией, а впоследствии с нацистской Германией как с инициаторами революционного шага от либерализма с его предвзятым пониманием индивидуальной свободы личности и стремлением к обострению классовых конфликтов. Но особенно значительным и очевидным было само использование Турцией итальянского опыта. Итальянские организационные модели и система массового образования использовались как в государственном секторе, так и в остальной экономике. Именно эти модели и побудили часть кемалистов выступить в поддержку корпоративизма. Турки скопировали также тоталитарную модель, ставшую базовой в Италии. Вместе с тем у них отсутствовали такие черты итальянской фашистской модели, как конкуренция и неопределённость в отношениях между партией и государством, а также оценка того, что считать тоталитарным.

Итальянцы, со своей стороны, внимательно следили за развитием событий в Турции и расценивали кемалистскую систему как своего рода должника итальянского фашизма – явное отражение самоуверенности итальянцев. Во всяком случае, Фикрет Аданир считает, что режим Кемаля имел большее сходство с Италией Муссолини, чем обычно предполагают.

Имело место и то, что можно назвать «негативным взаимовлиянием». Несмотря на то, что кемалисты откровенно заимствовали опыт фашистской Италии, они в то же время настойчиво подчеркивали различия между их режимом и фашизмом, рассматриваемым как находящуюся под контролем государства новую модель западного империализма. Более того, некоторые кемалисты считали фашизм диктатурой буржуазии. К тому же процесс радикальной трансформации, проходивший в Турции – отсталом по тому времени государстве, – радикально отличался от процессов в Европе. И Турции предстояло завершить этот процесс, двигаясь своим путём [31].

В Японии (по крайней мере до 1930-х гг.) устойчиво фиксировались как значительный ин-

терес к европейскому фашизму, так и нежелание безоговорочно принять его опыт, частично из-за его империалистической и расистской направленности. Однако исследователи неизменно ищут убедительный ответ на вопрос, как охарактеризовать отношения между японскими новыми правыми и европейским фашизмом и как оценить влияние европейского фашизма на Японию?

Общепризнанно, что сугубо фашистские идеи, заимствованные у Европы, стали частью японской системы взглядов, главным образом, благодаря агентству «Исследовательская ассоциация Сёва», созданному в 1933 г. мозговому центру. Однако, оценивая то, к чему это привело, следует обратить особое внимание на различия между исследованиями Майлса Флетчера и Грегори Каза.

Флетчер считает что, фашистские идеи и идеи правящей элиты правого крыла никогда полностью не совпадали. Инициативы интеллектуалов «Исследовательской ассоциации Сёва» принимались только в тех случаях, когда они «отвечали потребностям законных лидеров и политических сил, не угрожая при этом основным группам интересов [32]. Истеблишмент имел свои интересы и цели, интеллектуалы – свои. То, что инновации были в состоянии убедить интеллектуалов в том, что их влияние усиливается, было для Флетчера иллюзией. Военные просто использовали риторику, почерпнутую у европейского фашизма, для легитимации внутривластной тирании и утверждения своей власти. Тем не менее, интеллектуалы могли поверить и в то, что военные реализуют более разумную политику, решая острые социально-политические проблемы [33].

Эта иллюзия обеспечила власти поддержку видными интеллектуалами «нового порядка» в Японии [34]. Вывод Флетчера заключался, таким образом, в том, что этот «порядок» не был основан на европейских моделях, хотя его и можно считать фашистским.

Оценивая эту позицию, следует указать на необходимость выявления и более сложных взаимодействий японской и европейских моделей. В Японии, как и везде, взаимовлияния привели к синергизму между теми, кто, перенимая многое у европейского фашизма, был наиболее близок фашизму, и принадлежавшими к истеблишменту консерваторами. Подобный синергизм делал радикальными влиятельных представителей правящих кругов Японии, реализуя то, что было только возможностью.

В свою очередь Грегори Каза, хотя и не особенно глубоко рассматривая эту проблему, приходит к ясному выводу, что в Японии, даже в ситуации приближавшейся войны, не мог возникнуть квазифашистский новый порядок ввиду национальных особенностей этой страны. Влияние европейского фашизма

оказалось существенным не только потому, что способствовало легитимации деспотичного военного режима – рано или поздно это должно было произойти, – но, главным образом, потому, что европейский фашизм вдохновлял Японию на новые решения. Япония, подобно другим фашистским державам, прокладывала себе новый «третий путь», не имевший ничего общего с парламентской демократией [35].

Главным отличием фашистских движений и режимов от демократий являлась новая тоталитарная модель действий. И это следует подчеркнуть, несмотря на то, что ещё не вполне определённая категория тоталитаризма оспаривается и остаётся проблематичной. Это понятие со всей очевидностью предполагает не только установление тотального контроля, но и новые устремления в управлении, основанные на осознании необходимости коллективных действий в свете вызовов и возможностей исторического момента [36].

Не причислял себя к демократиям и сталинский эксперимент. Он также может быть определён как тоталитарный, несмотря на то, что этот ярлык постоянно подвергался сомнениям. В любом случае, несмотря на то, что советский эксперимент был, вне сомнения, постлиберальным, фашистам он казался неправомерным по другим причинам. Фашисты и СССР вели борьбу за постлиберальное пространство, и фашисты противопоставляли себя главным образом сталинскому эксперименту. В результате синергизм со всеми его негативными последствиями стал отличительным признаком нацистской Германии [37].

Это было характерно и для Италии Муссолини [38]. Фашистские идеологи обычно отмечали, что советский эксперимент подчеркивал обособленность фашистского третьего пути, который противопоставлял «идеализм материализму», а «корпоративизм – бюрократическому *государству*» [39].

Даже более благожелательно настроенные к СССР исследователи полагали, что сталинизм неизбежно приведёт к фашизму как к единственно жизнеспособной альтернативе либеральному мейнстриму [40-41-42].

Осознание фашистами того, что они находятся на переднем крае развития, придавало фашистам избыточную самоуверенность, создавало мифы и одновременно вводило в заблуждение тех, кто наблюдал за развитием фашизма извне. В более общем смысле, в оценках фашизма одними авторами как национального явления, а другими – как наднациональной модели содержались значительные иллюзии, стремление выдать желаемое за действительное, селективное заимствование и эфемерность.

Фашизм как явление своей эпохи

Поскольку всё то, что мы понимаем под фашизмом в период, очерченный двумя мировыми войнами, было связано с рядом взаимовлияний, трудно и даже невозможно выделить некую сущность фашизма, его ядро. Осмысление важности этого явления, вплетенного в историческую паутину взаимоотношений, предполагает невозможность его определения как некоего неисторического психологического феномена или произвольной комбинации таких характеристик, как *паранойя, насилие и ненависть*. Отход от эссенциализма и теологического мышления поможет нам лучше осмыслить фашизм как неопределённый, до какой-то степени открытый, динамичный, переплетающийся с наднациональным взаимовлиянием процесс, завершившийся с окончанием Второй мировой войны. Фашизм был отражением своей эпохи – неопределённым и изменяющимся явлением. Поняв взаимосвязь между фашизмом и временем, в котором он существовал, мы уже с меньшей уверенностью будем говорить об определении «природы фашизма».

Установленная взаимосвязь свидетельствует, что фашизм был привязан к своей эпохе. Поэтому определение категории фашизма не только не помогает, но даже мешает понять более поздние, не столь опасные его проявления. Однако поскольку фашизм рассматривается нами как динамический процесс и включает в себя разнообразные модели взаимовлияний, сама идентичность фашизма представляется неясной и трудноопределимой. Именно поэтому так трудно добиться точных определений категории фашизма, когда имеешь дело с правыми движениями. Приходится избавляться от традиционных подходов. Но есть ли им замена?

Рассматривая ситуацию в Японии, Грегори Каза примечательно определил границы традиционных категорий и отличительные особенности некой промежуточной категории, адаптируя неприводимый японский термин «*kakushin right*» (правые радикалы) для характеристики нового направления, складывавшегося не только в Японии, но и в не меньшей степени в Европе к концу 1930-х гг. Он задаётся вопросом: зачем настаивать на бесполезных, ни к чему не приводящих дебатах о том, были ли на самом деле японские правые консервативно-авторитарными или фашистскими, умеренно реформистскими или революционными элементами. По ряду причин они включали в себя все эти характеристики, и поэтому ни одна из них нас не устраивает. Считая необходимым отказаться от понятия фашизм, заменив его понятием «*kakushin right*», Каза предлагает для классификации другую основу, иной типологический ряд. Эта классифи-

кация представляет собой сплав устойчивых категорий. Нам необходим более динамичный подход, в котором было бы место для анализа синергизма. Термин «фашизация» устраивает нас больше: в нём предлагается не статичная классификация, а подход, учитывающий динамичный процесс с неопределённой траекторией.

Но даже основываясь на откровенно неясных категориях, мы, тем не менее, можем проводить серьёзные исследования. При дифференцировании верований, движений или режимов как фашистских, переосмысленное понятие «тоталитаризм» («тоталитарность») является более удачным критерием — в отличие от таких, как палингенезис или политическая религия, или таких определений, как насилие, харизматическое лидерство или однопартийность.

Понятие «тоталитаризм» («тоталитарность») продуктивно используется Альбертом Кечичьяном в его исследовании движения «Боевые кресты», в котором он делает вывод, согласно которому в этом термине отсутствует значение *тоталитарная воля подлинного фашизма* [43]. Таким образом, он не соглашается с положениями таких учёных, как Робер Суси и Кевин Пэссмор, которые считают организацию «Боевые кресты» квинтэссенцией французского фашизма. Но даже если понятие «тоталитарность» приемлемо для определения этого движения лишь в относительной степени, нам необходим новый гибкий подход, и не только потому, что это понятие воспринималось как неопределённая и спорная категория при рассмотрении наднациональных взаимовлияний того времени.

Привязывание фашизма к его эпохе даже отдалённо не означает, что нам нечего вынести из его уроков. Всё, что нам требуется, — это не выделять какую-то сущность фашизма, ядро или *минимум*, а учитывать его неопределённость и динамику для лучшего понимания его истории. Только при этом условии мы сможем лучше понять, как это непредвиденное и не до конца осмысленное явление могло оставить такой глубокий след и привести к таким ужасающим последствиям.

Примечания:

1. Iordachi, C. Fascism in Interwar East Central and Southeastern Europe: Toward a New Transnational Research Agenda // East Central Europe. — 2010. — Vol. 37. — P. 195.
2. Ibid. — P. 196.
3. Roberts, D. D. Fascist Interactions: Proposals for New Approach to Fascism and Its Era, 1919–1945. — New York — Oxford, 2016.
4. Griffin, R. The Nature of Fascism. — London, 1993. — P. 26–45.
5. Dobry, M. Desperately Seeking ‘Generic Fascism’: Some Discordant Thoughts on the Academic Recycling of Indigenous Categories // Rethinking the Nature of Fascism ... — P. 60, 71–74.
6. Lyttelton, A. Concluding Remarks // Rethinking the Nature of Fascism ... — P. 273, 275.
7. В качестве наиболее ярких примеров см.: Griffin, R. Op. cit. — P. 47; Morgan, P. Fascism in Europe, 1919–1945. — London, 2003. — P. 192; Mann, M. Fascists. — Cambridge, UK, 2004. — P. 1.
8. Griffin, R. Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. — Basingstoke, UK, 2007. Мои критические замечания см. в Roberts, D. D. Fascism, Modernism, and the Quest for an Alternative Modernity // Patterns of Prejudice. — 2009. — Vol. 43, No. 1. — P. 91–95, 101–102.
9. Mann, M. Op. cit. — P. 31–91.
10. Dobry, M. Op. cit. — P. 53, 56, 58–59, 65, 67–69; Larsen, S. U. Decomposition and Recomposition in Theories: How to Arrive at Useful Ideas Explaining Fascism // Rethinking the Nature of Fascism, Op. cit. — P. 25, 29–30, 36, 38–40, 43.
11. См., напр.: Iordachi, C. Op. cit. — P. 197.
12. Vincent, M. Spain // The Oxford Handbook of Fascism / Ed. by R.J.B. Bosworth. — Oxford, 2009. — P. 376.
13. Kallis, A. Genocide and Fascism: The Eliminationist Drive in Fascist Europe. — London–New York, 2009. — P. 321.
14. Antliff, M. Avant-Garde Fascism: The Mobilization of Myth, Art, and Culture in France, 1909–1939. — Durham, NC, 2007; Finchelstein, F. Transatlantic Fascism: Ideology, Violence, and the Sacred in Argentina and Italy, 1919–1945. — Durham, NC, 2010.
15. См.: Bosworth, R.J.B. Introduction // Oxford Handbook ... — P. 3–6. Также см.: Bosworth, R.J.B. The Italian Dictatorship: Problems and Perspectives in the Interpretation of Mussolini and Fascism. — London, 1998. — P. 21, 26–27 и другие работы автора.
16. См. особенно: Bosworth, R.J.B. Mussolini. — London, 2002.
17. Allardyce, G. What Fascism is Not: Thoughts on the Deflation of a Concept // American Historical Review. 1979. — Vol. 84, No. 2. — P. 367–398 (with comments by S.G. Payne and E. Nolte and a reply by Allardyce).
18. Blinkhorn, M. Introduction: Allies, Rivals, or Antagonists? Fascists and Conservatives in Modern Europe // Fascists and Conservatives: The Radical Right and the Establishment in Twentieth-Century Europe / Ed. by M. Blinkhorn. — London, 1990. — P. 3–4, 9, 12.
19. Ibid. — P. 10.
20. См., напр.: Rocco, A. Manifesto of *Politica* // Italian Fascisms from Pareto to Gentile / Ed. by A. Lyttelton. — New York, 1975. — P. 251–252, 260.
21. См.: Roberts, D.D. The Syndicalist Tradition and Italian Fascism. — Chapel Hill, NC, 1979. — P. 144–150.

22. *Rocco, A.* Crisi dello Stato e sindacati // *Rocco, A.* Scritti e discorsi politici / 3. vols. – Milano, 1938. – Vol. 2. – P. 631-645.
23. *Gottlieb, J.V.* Feminine Fascism: Women in Britain's Fascist Movement, 1923–1945. – London, 2000.
24. *Passmore, K.* Op. cit. – P. 132-36. См. также: *Idem.* Women, Gender and Fascism in Europe, 1919–1945 / Ed. by K. Passmore. – New Brunswick, NJ, 2003.
25. *Passmore, K.* Theories of Fascism ... – P. 133-34, 136-37.
26. *Roberts, D.D.* Fascist Interactions ... – P. 71-95.
27. *Vincent, M.* Op. cit. – P. 365, 375, 378-379.
28. *Ihrig, S.* Atatürk in the Nazi Imagination. – Cambridge, MA, 2014. – P. 113-118, 226-227.
29. *Larsen, S.U.* Was there Fascism outside Europe? Diffusion from Europe and Domestic Impulses // Fascism outside Europe: The European Impulse Against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism / Ed. by S.U. Larsen. – Boulder, CO, 2001. – P. 732-737.
30. *Reynolds, E.B.* Introduction // Japan in the Fascist Era / Ed. by E. B. Reynolds. – New York, 2004. – P. xi.
31. *Adanir, F.* Op. cit. – P. 354-359.
32. *Fletcher, W.F., III.* The Search for a New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan. – Chapel Hill, NC, 1982. – P. 155.
33. Ibid. – P. 155, 160.
34. Ibid. – cit. – P. 4.
35. *Kasza, G.J.* Fascism from Above? Japan's *Kakushin* Right in Comparative Perspective // Fascism outside Europe... – P. 190-91, 199, 201, 205, 213-214, 218-219, 221, 223-225.
36. Я развиваю этот аргумент в кн.: *Roberts, D.D.* The Totalitarian Experiment in Twentieth-Century Europe: Understanding the Poverty of Great Politics. – London–New York, 2006.
37. Я особо хочу отметить ценный совместный труд *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared* / Eds. by M. Geyer and S. Fitzpatrick. – Cambridge, UK, 2009. В этой книге можно отметить решительный отход от старого понятия тоталитаризма, который на сегодняшний день дискредитирован.
38. *Bottai, G.* Esperienza corporativa (1929–1934).c– Firenze, 1934. – P. 546.
39. *Bertoni, R.* Il trionfo del fascismo nell'U.R.S.S.c– Roma, 1934, especially – P. 144, 148-158.
40. Ibidem.
41. *Schnapp, J.T.* Building Fascism, Communism, Liberal Democracy: Gaetano Ciocca–Architect, Inventor, Farmer, Writer, Engineer. – Stanford, CA, 2004. – P. 21-32.
42. *Ciocca, G.* Giudizio sul bolscevismo: Com'è finito il piano quinquennale. – Milano, 1934.
43. *Kéchichian, A.* Les Croix de Feu à l'Âge des Fascismes: Travail, Famille, Patrie. – Paris, 2006.

УДК 329(4) «1945-1989»
ББК 66.79(4)6

ДВИЖЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕЖИМЫ КРАЙНЕ ПРАВЫХ В ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ (1945–1989)

Жан-Ив Камю, директор Центра по изучению политического радикализма при Фонде им. Жана Жореса (Франция)

juscatus75@yahoo.fr

Николя Лебур, сотрудник Центра по изучению политического радикализма при Фонде им. Жана Жореса (Франция)

nicolaslebourg@yahoo.fr

Перевод с французского О.В. Окуневой

Аннотация. Окончание Второй мировой войны по-разному сказалось на праворадикальных силах, особенно на юге Европы. Крах фашистских режимов заставил фашистов задуматься о новом месте под солнцем в изменившихся геополитических условиях. Они пытались совместить антикоммунистическую политику и ниспровержение демократических институтов, а также порой прибегали к террористическим акциям (во Франции периода Алжирской войны и в Италии после 1968 г.). Изменившись в политическом отношении и оказавшись в политическом тупике, часть радикальных сил дрейфует в сторону новых форм самовыражения, в первую очередь связанных с культурой, что и демонстрирует расцвет движений «новых правых». После падения режима Виши во Франции национально-католические режимы в рассматриваемом регионе остаются лишь в Испании и Португалии. Однако обстановка «холодной войны», конфликты, сопровождавшие процесс деколонизации, и Второй Ватиканский собор позволили крайне правым силам переориентироваться и создать сети соответствующих объединений в сфере культуры. Единственный праворадикальный режим, пришедший к власти после 1945 г., – в Греции – был бы невозможен без контекста «холодной войны»; его ликвидировали, как только он пошёл на национал-империалистическую авантюру. Крайне правые силы в качестве оформившегося политического режима обречены на провал, стоит им лишь выйти из замкнутого пространства, в котором они до поры до времени оставались. Однако при этом не прекратилась кропотливая работа по выработке предложений (из арсенала крайне правой идеологии) для партий, участвующих в избирательном процессе и делающих ставку на популизм.

Ключевые слова: фашизм, национализм, католицизм, новые правые, терроризм, популизм.

EXTREME RIGHT MOVEMENTS AND STATES IN MEDITERRANEAN EUROPE, 1945–1989

Jean-Yves Camus, Director, Observatory for the Study of Political Radicalism (ORAP), Jean Jaurès Foundation, France

Nicolas Lebourg, Fellow, Observatory for the Study of Political Radicalism (ORAP), Jean Jaurès Foundation, France

Abstract. The parties of the extreme right, especially those in the countries of Southern Europe, were not a direct continuation of those which existed before and during the Second World War. When the Axis powers collapsed, the fascist parties had to find a way to insert themselves into a new geopolitical order. As a result, they tried to fight against Communism but also, by subversive means, against the democratic systems in their respective nations, especially during the Algerian War in France, then during the post-1968 years in Italy. The

ideological renewal which took place after 1945, as well as the cul-de-sac of violent action, led right-radical militants to devise new means of political action, above all in the domain of culture. This gave birth to the "New Right." After the Vichy regime had been overthrown in France, national Catholic-inspired governments remained in power only in Portugal and Spain. The Cold War, the end of colonization and the Second Vatican Council also led Catholic fundamentalists to move their pattern of action onto the cultural sphere. The only real extreme right regime that emerged after 1945 was the Greek dictatorship, and its coming to power was a direct result of the Cold War. However, it was quickly overthrown after it orchestrated an expansionist coup in Cyprus.

The extreme right was doomed to failure when it tried to impose its rule outside of its own national borders. On the other hand, more perceptive extremists understood that there was a demand for populist parties to contest elections within the framework of democracy. These changes in the activities of the extreme right were subject to the balance of power between the East and the West and they were made more difficult by the delegitimizing of everything associated with the regimes which were defeated in the Second World War.

Key words: *fascism, nationalism, Catholic traditionalism, New Right, terrorism, populism.*

После окончания Второй мировой войны страны Южной Европы (Греция, Португалия, Испания, Франция, Италия) быстро перешли к существованию в условиях «холодной войны», что выразилось как в сохранении диктатур на Пиренейском полуострове, так и в гражданской войне, полыхавшей в Греции до 1949 г. Крайне правые силы оказались перед необходимостью собраться и перестроиться в новом порядке, что они и сделали. Упрочение позиций национал-католиков нашло выражение в салазаристском и франкистском режимах. Однако Алжирская война и Второй Ватиканский собор, преобразовавший римско-католическую церковь, дали им новые поводы для собственной агитации и пропаганды в сфере культуры. В парламентских режимах репутация радикальных правых была явно обесценена [1]. Но неудача в борьбе за сохранение французского Алжира позволила им предпринять структурную перестройку собственной идеологии, которая сопровождалась появлением так называемых «новых правых». Неофашисты активно прибегали к насильственным действиям, особенно в Италии времен «свинцовых семидесятых». Борьба с коммунизмом, а затем за ценности, определявшие идентичность и относившиеся к постматериалистическому миру, вызвала к жизни и популистские политические образования.

Национал-католицизм

Смычка между национализмом и католицизмом произошла в Южной Европе еще в конце XIX в. Во Франции журнал «Аксон франсез» начал издаваться в 1898 г. в период активного обсуждения «дела Дрейфуса». Этот журнал уже тогда придерживался националистической и антипарламентской направленности, хотя на тот момент ещё не отбрасывал республиканских идей. С приходом Шарля Морраса (1868–1952) он превратился в рупор «интегрального национализма», постулаты ко-

торого были сформулированы Моррасом. Название журнала дало имя как сплотившемуся вокруг этого издания движению, так и ежедневной газете (1908).

Журнал исповедовал неомонархические взгляды, трактуя монархию как институт, а не как выражение симпатии к потенциальным наследникам престола, которые, кстати, отреклись от этого издания. «Аксон франсез» отстаивала интегральный национализм, наделяя его авторитарными чертами и децентрализаторскими устремлениями. Выше всего она ставила идею порядка, даже если во имя его пришлось бы посягнуть на католическую религию (которой, впрочем, придавалось большое значение) и свести её суть к простому подчинению индивидуума «естественному порядку» (Моррас, не прибегая к мистике, определял такой порядок как «организующий эмпиризм»). Речь шла о том, чтобы совместить «реальную» и «законную» ипостаси страны, положив конец индивидуализму, восстановив естественную иерархию и общинные начала (семья, профессия), уменьшив роль централизованного государства и возродив былые провинции.

На международном уровне идеи Морраса циркулировали с 1919 по 1960-е гг. Самый восторженный приём им был оказан на Пиренейском полуострове. И генерал Франко, пребывавший во главе Испании с 1939 по 1975 гг., и Антониу де Оливейра Салазар со своим «Новым государством» (Португалия, 1933–1970) знали и ценили теоретическую работу Морраса. Интегральный национализм служил источником вдохновения также в Бельгии, Швейцарии, во французской Канаде, Бразилии и Аргентине [2].

В Испании радикализм теолого-политического толка дополнительно подпитывался «карлизмом» — контрреволюционным движением, зародившимся в 1833 г. Он был положен в основу идеи «двух Испаний» и оказал влияние на появление во франкизме в 1936 г. мотива крестового похода.

Способность карлистов приспособиться к местным условиям и их постоянные трансформации проявились особенно после того, как Франко нанес им ряд сокрушительных ударов. Часть из них поддержала левых и приобщила к идеям самоуправления. Подобный дрейф можно отчасти сравнить с эволюцией ряда членов «Аксьон франсез», которые в 1971 г. образовали «Новую Аксьон франсез» (в 1978 г. они назвали себя «Новым роялистским действием») и, подчеркнув свой окончательный и бесповоротный разрыв с предшественниками, поддержали на президентских выборах социалиста Франсуа Миттерана.

Католический интегризм появлялся и в других странах Южной Европы. Впервые использование этого термина было зафиксировано в Испании в 1880-е гг., когда публицист Рамон Носедал основал Национальную католическую партию, более известную как «Интегрისტская». Несмотря на неодобрение папского престола, склонность «интегрлистов» к антимодернизму продолжала крепнуть. Более того, успехи итальянской христианской демократии, появление прогрессистского католицизма и движение, приведшее ко Второму Ватиканскому собору (1962–1965), породили в качестве реакции активизацию тех, кто продолжал называть себя «католическими интегритами», их стремление сплотить свои ряды и найти новые формы самовыражения. 1945–1956 гг. стали для них временем переустройства и воссоединения. В этот период появилось множество новых журналов и объединений, выступавших в роли идейных наследников «Аксьон франсез» [3]. Да и сам Шарль Моррас, пребывая после войны в тюремном заключении, тоже вернулся к католицизму.

Во Франции в 1946 г., продолжая свою теоретическую работу, начатую еще при режиме Виши в рамках «Юного Легиона»*, Жан Уссе создал «Центр критических и обобщающих исследований», переименованный в 1949 г. в «Католический град», и приступил к изданию журнала «Глагол». В годы Алжирской войны провозглашаемые им идеи интенсивно воздействовали на офицерскую среду – особенно на тех, кто был расквартирован в Алжире и приписан к пятому батальону психологического воздействия, которым командовал полковник Лашруа. Считая себя теоретиком «революционной войны», Лашруа, действуя совместно с полковником Тренкье, внушал офицерскому составу мысль о необходимости установления военного контроля за гражданским населением – поскольку отныне война приобрела тотальный характер и требует от него послушания и беспрекословного исполнения налагаемых войной обязанностей.

С 1956 г. проникновение идей «Католического града» в военную среду обернулось созданием в армии множества структур, руководствовавшихся его взглядами [4]. Значительное распространение интегристская идеология получила среди членов и сторонников «Организации секретной армии» – террористической сети военных и гражданских сторонников сохранения Алжира в составе Франции. По иронии судьбы, национал-католические режимы на Пиренейском полуострове пали именно в результате выступления офицеров («революция гвоздик» в Португалии, 1974) или инициативы монарха (энергичные действия короля Хуана Карлоса по возвращению к демократии в Испании, 1978).

Картина мира, которую рисовали интегристы, выглядела следующим образом. Христианский Запад вступает в схватку с атеистическим коммунизмом, который собирается стереть с лица земли любой след «естественного порядка». В таком эсхатологическом противостоянии вопрос о правах колониальных народов – лишь инструмент подрывной деятельности. Это, в свою очередь, порождает доктрину «национальной безопасности», с успехом экспортируемую за пределы Европы, в частности, в Латинскую Америку.

Подобно пчелиному рою, «Католический град» создавал всё новые группы членов и сторонников, но оставался сосредоточенным на своём основном поприще. На съезде «Града», состоявшемся в 1964 г., были представлены Франция, Швейцария, Великобритания, Австрия, Бельгия, Канада, Испания, Ирландия, Португалия и Габон. Из 1300 присутствовавших на нем делегатов одну тысячу составляли представители Франции и 250 – Швейцарии [5]. Вскоре, однако, «Католическому граду», раздираемому разногласиями, пришлось менять свою структуру и наименование.

Последовавший подъем интегристского движения был обусловлен деятельностью близкого к «Граду» епископа Марселя Лефевра. В ноябре 1970 г. он создал в Швейцарии «Братство священников имени Пия X». Лефевр принадлежал к группе прелатов, не признавших реформы, утвержденные Вторым Ватиканским собором, сочтя их «разрывом с двухтысячелетней католической традицией». Враждебно относясь к экуменизму, он хотел вернуть католицизму роль государственной религии, а церкви – её миссионерские функции. Примерами для него были режимы Франко, Салазара и Пиночета. Созданное им «Братство» быстро распространило свое влияние за пределы изначального фран-

* Юный Легион – движение, связанное с Французским легионом ветеранов (организацией, созданной маршалом Петеном в 1940 г. для поддержки режима Виши). – *Прим. перев.*

ко-швейцарского ареала, но поплатилось за это. В 1988 г. Лефевр и его соратники были отлучены от церкви.

Впрочем, интегрлисты не ограничивались оппозицией Второму Ватиканскому собору. Они поставили под сомнение сам католический характер своей церкви после собора. Самые радикальные из них утверждали даже, что престол Св. Петра следует теперь считать пустующим. Теоретически эти взгляды обосновал в 1978 г. епископ Герар де Лорье. Он утверждал, что с момента принятия собором постановления о религиозной свободе (1965 г.) папа Павел VI и его преемники лишились не только верховной власти понтификов, но и божественного вдохновения. В Италии идея непризнания действующего папы была также взята на вооружение несколькими радикальными движениями из Тренто, отличавшимися откровенным антисемитизмом [6]. Во Франции в роли основного распространителя постулата о вакантности папского престола выступила «Группа католической контрреформации», которую создал в 1967 г. аббат Жорж де Нант (годом ранее он, как и Лефевр, был запрещён в служении). При всем этом аббат не пошёл на полный разрыв с церковью и предпочел вместо этого заняться политической деятельностью, основав «Католическую, королевскую и общинную фалангу», выступавшую за восстановление во Франции монархии и предлагавшую учреждение – в качестве переходного периода – «диктатуры общественного блага» по образцу режимов Франко, Петена и Салазара. До 1985 г. это движение пользовалось некоторым влиянием, в том числе в армейских кругах.

То, что образцами политических режимов служили в данной среде диктатуры Франко и Салазара, не случайно. После падения идеологически родственного им режима Виши дальнейшее существование этих диктатур было далеко не очевидным. Прогнозируя «эффект домино» после краха держав Оси, французские власти даже рассматривали такое развитие событий, при котором франкистский режим рухнет, что приведёт к массовому исходу его адептов во Францию [7]. Некоторое отстранение от стран Оси во время Второй мировой войны и выбор западного лагеря в ходе войны «холодной» позволили данным диктатурам пережить 1945 г. и определили их облик. Не будучи вовлечёнными в годы Второй мировой войны в дела, связанные с восточным фронтом и не страдая манией «второго пришествия», пиренейские диктатуры «работали» над тем, чтобы избавиться от собственных радикалов. Так, франкистское государство укрепляло свои ряды в ходе противостояния «левому» фалангизму

Онесимо Ребондо и Рамиро Ледесмо Рамоса и гораздо более «правому» фалангизму своего предшественника Хосе Антонио Примо де Риверы. С 1958 г. режим свел деятельность фалангистов до незначительного уровня. Подобным же образом Салазар и его «Новое государство» в Португалии усмиряли национал-синдикализм Франсишку Ролау Прету. Как и в случае Испании, праворадикальная партия «Национальный союз» сохранила здесь меньшее значение, чем то, которым обладали административные структуры разных уровней. Корпоративная система, ориентированная на модель итальянского фашизма, была изрядно разбавлена социальным католицизмом.

Новые правые

После установления независимости Алжира национал-католицизму пришлось иметь дело с враждебностью даже в среде крайне правых. Национальный миф, увязанный с католицизмом, вызывал резкую критику и бывших сторонников «Организации секретной армии». На этом фоне явное предпочтение стало отдаваться европеизму и неоязычеству. В этом направлении следует искать и истоки «Новых правых», стремившихся обновить тот паневропейский национализм, основу которому заложили международные объединения неонацистских сил. Поскольку такое обновление происходило в изменившемся социальном и правовом контексте (в частности, во Франции с 1972 г. было законодательно введено строгое преследование за расизм), новым правым представлялось крайне важным найти не только более приемлемую идеологию, но и респектабельное наименование. Большое влияние на эти поиски оказали изменения, происходившие тогда в ФРГ.

Флагманом европейских новых правых выступила «Группа исследований европейской цивилизации». По-французски совокупность первых букв слов, составляющих ее наименование, звучала как GRECE – Греция.

Основал эту группу в 1968 г. из разрозненных адептов европейского национализма со значительной долей неонацистских элементов Ален де Бонуа. Первые двадцать лет ее существования некоторые исследователи (в частности, Пьер-Андре Тагиев) подразделяют на несколько периодов: биологического расизма* и нетерпимости к марксизму (1968–1972); антиэгалитаризма и индоевропейско-

* В оригинале статьи вслед за Пьером-Андре Тагиевым авторы употребляют термин «расиализм»: по мнению П.-А. Тагиева, он отличается от расизма тем, что хотя и объясняет социальные феномены наследственными и расовыми факторами, но не призывает к насилию и дискриминации. – *Прим. перев.*

го культурного расизма, враждебного к идее иудео-христианской цивилизации (1972–1979); антилиберализма и прочих «ограничительных» теорий, не приемлющих всё американское (1979–1983); этно-плюрализма и революционного «третьего пути» (1984–1987) [8].

На Пиренейском полуострове к восприятию идей «Группы GRECE» добавилось, изрядно осложнив картину, неоязычество [9]. Так, в Португалии новые правые во главе с Жайме Ногейрой Пинту решили вновь обратиться к стратегии идейной борьбы, распространяя положения Алена де Бенуа. Правда, такая «консервативная революция» ориентировала публику не на предложивших этот концепт немецких мыслителей (Армин Молер, Эрнст Никиш), а на Рейгана и Тэтчер [10].

После падения режима Салазара его ревностный сторонник Ж. Ногейра Пинту отправился в добровольное изгнание. Он так и остался в рядах клерикально-реакционных правых, закосневших в ностальгии по «Новому государству» Салазара и португальской колониальной империи. В 1980 г. он основал журнал с типичным для новых правых названием «Будущее сегодня». В то же время он вступил во влиятельную американскую неоконсервативную организацию «Херитейдж Фаундейшн», но основой его взглядов по-прежнему оставался традиционный католицизм.

Причудливое сочетание неолиберализма и идей группы GRECE, свойственное новым правым Португалии, естественно, нашло отражение в направленности журнала «Будущее сегодня». С одной стороны, он стремился способствовать возрождению правых сил, а с другой – выступал за ограничение американского гиперкапитализма и критиковал неоязычество, свойственное французским правым. Авторы журнала приобрели в Португалии широкую известность, однако их идеи так и не пришли по вкусу читателям.

В Италии издавались три журнала новых правых: «Трасгрессиони», «Диорама литерарио» и «Футуро презенте». В них нашла отражение специфика итальянских крайне правых, взявших на вооружение идеи Юлия Эвола о наличии некоей «исконной традиции», породившей языческие религии. В результате они не замыкались на одном католицизме. Например, Клаудио Мутти одним из первых в Европе усмотрел пример для европейских националистов в деятельности полковника Каддафи в Ливии и аятоллы Хомейни в Иране. В дальнейшем эту систему взглядов стала транслировать группа «Третья позиция». Её поддержал Алэн де Бенуа, определявший шиитский режим в Иране как «революционный традиционализм» [11].

Подобную интеллектуальную игру необходимо воспринимать в общем контексте, свойственном крайне правым радикалам. Если раньше в их рядах находилось место «нацистскому маоизму» и «национал-большевизму», то Мутти добавил к ним «европейский шиизм» – фантастическое сочетание несочетаемого. Идеологическая основа взглядов Мутти при этом не менялась. Он оставался, при всем прочем, приверженцем идеи превосходства арийской расы в духе Юлия Эвола. Очевидно, что, используя понятие «европейский шиизм», его изобретатели рассчитывали активировать ударный потенциал первоначального фашизма, вписав его в новый геополитический контекст. Впрочем, подобные взгляды не нашли поддержки большинства итальянских новых правых.

При всем этом одна из заметных партий итальянских новых правых «Нуова дестра», основанная в 1977 г. молодыми членами «Итальянского социального движения», взяла на вооружение некоторые из этих взглядов. Идейный вдохновитель партии Марко Тарки критиковал христианство с тех же позиций, что и Алэн де Бенуа, усматривая в нём образец универсализма и эгалитаризма. Поэтому, на его взгляд, партия, интересы которой он отстаивал, должна была быть открытой как для католиков, так и для сторонников взглядов Эвола.

Смычка идей Эвола и эволюции новых правых не случайна. Эвола критиковал модернизм как проповедь «обратного развития», проповедуя духовное возвращение к ранним временам, когда традиция находила не только духовное, но и политическое воплощение, превозносил аристократию, отрицал такую форму организации, как политические партии, предпочитая им установления «священного порядка» и определяя расизм не как биологический, а духовный феномен («раса духа»). В том, что относилось к поиску истоков европейской идентичности, к идее объединения этнокультурных регионов или к оценке расизма, многие новые правые исповедовали схожие взгляды.

Новая расстановка сил в фашистском лагере

С 1942 г., когда фашистам потребовалась дополнительная мобилизация людских ресурсов для борьбы против Красной армии, а национальный

* Помимо общеупотребительного значения выражения «третий путь», речь может также идти об организации под названием «Третий путь» – партии во Франции, образованной в 1985 г. и самораспустившейся в 1992 г., однако затем возродившейся уже в XXI в. и запрещённой правительством Франции в 2013 г. Партия выступала против коммунизма, сионизма, всемирных США, транснациональных корпораций и банков; при этом находилась во враждебных отношениях с Национальным фронтом. – *Прим. перев.*

миф сменился европейским, фашистские движения начали превращаться в неофашистские. В 1945 г. радикальный правый экстремизм как политический режим и как идеологическая конструкция был уничтожен. Однако в распылённом состоянии и без жесткой привязки к одной стране он продолжал существовать. После войны стали постепенно возникать международные объединения неофашистов; в 1951–1961 гг. были основаны «Европейское социальное движение», «Новый европейский порядок» и «Молодая Европа».

Расклад сил на правом фланге был усложнен «холодной войной». Английский исследователь Роджер Гриффин предлагал считать характеристикой неофашизма 1945–1989 гг. появление международных структур с рассеянным управлением, подобных побегам одного корневища и действующих в области культуры [12]. Однако подобная форма организации была исторически близка французскому фашизму, но чужда организационным структурам зрелых фашистских режимов. Вот почему в послевоенное время могло бы показаться, что радикальные крайне правые «улетучились».

Спустя почти два десятилетия после поражения стран Оси Морис Бардеш, которого в свое время окрестили «самым фашистским из французских интеллектуалов», писал, что «фашистская идеология потерпела столь сокрушительный и всеобъемлющий крах, что это само по себе стало загадкой для историка. Был ли в истории аналогичный случай, когда могущественная идея после военного поражения так же быстро пошла ко дну, подобно огромному кораблю, который, затонув, оставил после себя лишь несколько разрозненных обломков? Кроме альбигойцев, других примеров этого нет» [13].

В 1956 г. ЦРУ, перечисляя в своём докладе деятельных участников «фашистского интернационала», назвало всего лишь 134 фамилии: в их числе 31 немца, 30 французов, 17 шведов, 11 бельгийцев, 10 итальянцев, 9 датчан, 6 австрийцев, 5 испанцев, 3 норвежца, по четыре человека англичан, голландцев и швейцарцев и всего одного финна [14]. Показательно полное отсутствие в этом списке португальцев и греков и общее слабое присутствие именно южной Европы. Неофашизм был представлен прежде всего там, где действовали влиятельные коммунистические партии (например, во Франции и Италии). И это демонстрирует как неофашизм, невзирая на свой дискурс, встроился в антикоммунистический западный лагерь.

О том же свидетельствовал пример Греции. Диктатура «черных полковников» (1967–1974) была единственным праворадикальным режимом, утвердившимся в Европе в послевоенный период.

Неофашистские движения поддерживали его идеологически. Но что фашистского было в Греции времён господства полковников, если не считать их антипарламентаризма и антикоммунизма? Власть военной хунты зиждилась на союзе крупной буржуазии и среднего класса. У фашистов были позаимствованы способы управления населением и репрессивный аппарат. При этом отсутствовали как слияние партии и государства (и в виде разрастания партии до размеров государства, и в виде отождествления государственного и партийного руководства), так и планы по созданию «нового человека». Иными словами, те признаки фашизма, которые мы констатируем в случае Греции, относились не к «фашизму как течению», а к «фашизму как режиму» в его наиболее консервативной фазе. По утверждению французского исследователя Пьера Мильзэ, наблюдатели приписывают военной хунте «насеристские»* (популистские) устремления. Однако за внешним «революционным» фасадом скрывалась, по сути, та же политика, до этого которую проводили прежние правящие круги. Просто хунта проводила эту политику более эффективно, удовлетворяя к тому же собственные амбиции [15]. Перефразируя одно из распространенных клише, можно было бы назвать Грецию тех времен «страной выродившегося фашизма». От фашизма ей достались лишь радикальные проявления политической реакции, вписанные в контекст глобального противостояния, свойственного «холодной войне».

Единственным крайне правым движением на Пиренейском полуострове, получившим международный резонанс в годы «холодной войны», был «Испанский круг друзей Европы», созданный в 1962 г. на базе мадридской группы «Молодая Европа» и получивший в 1966 г. статус «культурной ассоциации» с центром в Барселоне. Это объединение стремительно эволюционировало в направлении неонацизма, демонстрируя при этом свирепый расизм и антисемитизм, на которые до него испанские крайне правые попросту не решались. Покровительствовали ему (а возможно и финансировали его) скрывавшиеся в Испании бывшие видные нацисты (Отто Скорцени и Леон Дегрель). Кроме того, группе кое-что перепало «от щедрот» как франкистского режима, так и «арабских шейхов» (причём речь могла идти и о представителях Саудовской Аравии, и о главном муфтии Иерусалима Хадже Амине аль Хусейни) [16]. Группа поддерживала отношения с объединением «Новый европейский порядок» и французскими неонацистами из «Федерации национального и европейского действия». В конце 1970-х гг. на этой

* По имени Гамалья Абделя Насера, президента Египта в 1956–1970 гг. – Прим. перев.

основе возникла французская секция «Испанского круга друзей Европы» [17]. В 1979 г. «Круг» учредил «Европейскую национально-революционную партию», но основное внимание уделял изданию антисемитских сочинений и текстов, отрицавших преступления нацизма.

В целом в это время крайне правые радикалы особенно активно внедрялись в культуру и контркультуру. В Греции в 1980 г. по образцу «Испанского круга» было создано объединение «Золотая заря», присоединившееся вскоре к «Новому европейскому порядку». Во Франции сторонники европейского национализма (национал-европеисты) занялись выработкой своей стратегии культурной борьбы. Итальянские неонацисты из группы «Янус» с 1970-х гг. сочиняли и исполняли песни в стиле хард-рок с соответствующими идеологическими текстами. К 1977 г. в Великобритании крайне правые силы стали уделять значительное внимание работе среди пролетарских слоёв населения; произошла поляризация крайне правых сил, действующих в этой среде, и в частности, скинхедов. В 1983–1986 гг. это же фиксировалось во Франции и в Греции [18].

Свинцовые годы

После 1968 г. неонацисты все чаще прибегают к заимствованию ряда положений повестки дня радикальных левых. Это диктовалось их стремлением, избавившись от груза прошлых наслоений, получить дополнительный заряд неконформизма и вновь обрести тот боевой настрой и социальную направленность, которые были свойственны первому фашистскому манифесту 1919 г. В каждой стране соответствующие идеи заимствовались у наиболее влиятельных на тот момент левых течений. «Национал-революционеры» Франции вдохновлялись троцкизмом, итальянцы черпали вдохновение в маоизме, испанцы – в анархо-синдикализме.

В Испании в обстановке разложения франкистского режима неонацисты стали активно ссылаться на преследования со стороны Франко. В это время возникло множество различных фаланг, каждая из которых провозглашала себя самой подлинной, социально ориентированной и боевой – в отличие от всех остальных. Одной из них была созданная в 1976 г. «Испанская традиционалистская фаланга хунт национального синдикалистского наступления». В 1983 г. члены объединения «Национал-революционной молодёжи», возникшего в 1978 г. после раскола «Испанского круга друзей Европы», создали так называемые «Автономные базы» – своеобразную сеть низовых групп, подобную тем, которые

уже действовали в Германии и Франции. Хотя эти группы укоренялись, главным образом, в мадридских университетах, они стали значимым элементом «национал-революционного» движения Испании. При этом они попытались сделать своим символом имя легендарного испанского анархиста Дуррути, сражавшегося против фашистов в годы гражданской войны в Испании.

Рост популистских настроений внушал «национал-революционерам» надежду на то, что в 1980-е гг. им удастся выбраться из трудного положения, в котором они оказались в постфранкистской Испании. Ставка делалась ими и на международные контакты. 3 апреля 1987 г. «Автономные базы» и «Испанская традиционалистская фаланга...» участвовали во встрече в Париже, инициированной французской группой «Третий путь». На встрече присутствовали также «Партия новых сил» (Бельгия) и «Движение национального действия» (Португалия). Ее участники утвердили разработанную французским «Третьим путём» «Хартию идеологических принципов». В начале 1986 г. «Третий путь» опубликовал свой вариант «Манифеста европейской нации», под которым затем подписался ряд неонацистских организаций. И первыми в их числе были испанские фалангисты. После Парижской встречи к образовавшейся сети примкнули «Третья позиция» (Италия), «Третий путь» (Швейцария) и только что появившийся на тот момент «Третий путь» из Испании [19].

Эпоху, наступившую после 1968 г., нередко называли тогда «свинцовыми годами». Она во многом являлась прямым продолжением предшествующей превентивной контрреволюции, а также была связана с опытом антитеррористических действий, полученным в ходе Алжирской войны. Подражание и стилистические заимствования неонацистов у крайних левых стимулировались также деятельностью греческих «чёрных полковников», прежде всего использовавшимися ими мерами противодействия подрывным планам. Не случайно именно тогда в Греции побывали и итальянец Франко Фреда, и француз Ален де Бенуа [20].

В этой связи необходимо отметить, что тогдашнее геостратегическое положение Италии позволяло неонацистам колебаться между тактикой подрывных действий (в надежде свергнуть Итальянскую республику) и противоположным, по сути, выбором в пользу антитеррористических действий (например, поддержкой государственного репрессивного аппарата). Так, «Группы революционного действия» – боевая структура сторонников фашизма, действовавших в 1945–1947 гг. и

руководимых выходцем из «СД» («службы безопасности» «СС») – стала центром сети «Лос-Анджелес», развернутой ЦРУ для слежки за итальянскими коммунистами [21]. Впоследствии многие члены этой сети пополнили ряды руководимого Стефано Делле Киайе «Национального авангарда» (основан в 1959 г., распущен в 1966 г. и воссоздан в 1970 г.) – организации, участвовавшей в проведении ряда террористических актов, обрушившихся на Апеннинский полуостров, – от теракта на площади Пьяцца Фонтана в Милане в 1969 г. (16 убитых, 88 раненых) до теракта на вокзале в Болонье в 1980 г. (85 убитых, 177 раненых).

Определяющей чертой этого времени стало политическое насилие: из 4290 деяний такого характера, совершённых в Италии с 1969 по 1980 гг., 67,55% приходилось на долю неонацистов из организации «Новый порядок» и её сателлитов [22].

Многие неонацистские активисты, в том числе пребывавшие на воинской службе, длительное время носились с идеей путча. Однако итальянскому государству удалось расстроить их планы. В 1973 г. оно распустило «Новый порядок» (насчитывавший около 2,5 тыс. членов), обвинив его в воссоздании «Национальной фашистской партии». Однако запрет «Нового порядка» вызвал появление новых террористических групп, в частности, «Чёрного порядка», который заимствовал эмблему предшественника и приступил к изданию информационного листка под названием «Нулевой год». Его редактором стал Клементе Грациани – лидер итальянских неонацистов, некогда поставлявший оружие французской «Организации секретной армии» и приобретший навыки как террористической, так и контртеррористической борьбы у её бывших членов, которые создали новое подпольное подразделение под видом португальского новостного агентства «Ажинтер-Пресс». Его подлинной целью было проведение операций против коммунистов в Западной Европе; также оно участвовало в различных акциях устрашения.

Грациани бежал в Испанию, поскольку итальянское правосудие преследовало его за участие в терактах. Однако пребывание за рубежом не стало препятствием для его активного сотрудничества с французом Франсуа Дюпра, начавшим издавать собственный бюллетень «Нулевой год», украшенный изображением обоюдоострого чёрного топора [23].

У европейских неонацистов последовательность в выборе символики была настолько сильна, что даже 20 лет спустя испанская группа «Авангард» продолжала по-прежнему использовать это изображение.

При этом далеко не все правые радикалы полностью отказывались от политической борьбы и участия в выборах.

Партии, участвовавшие в выборах

Основанное в Италии в 1946 г. «Итальянское социальное действие» претендовало на сохранение духа «республики Салó» – созданного силами «СС» марионеточного государства, которое неонацисты считали воплощением очищенного от примесей «революционного фашизма». Для посвящённых аббревиатура MSI (по первым буквам итальянского названия «Итальянского социального действия») расшифровывалась как «Mussolini Sei Immortale» («Муссолини, ты бессмертен»). Долгое время эта партия была флагманом европейских крайне правых. Во время так называемого «длительного мая 1968 г.» она включила в свои ряды главных тяжеловесов антикоммунизма, что позволило ей, выступив как «Итальянское социальное действие – Национальная правая сила», получить голоса на выборах 1972 г.

Эта деятельность послужила примером для основанного в 1969 г. французского неонацистского движения «Новый порядок», которое, следуя тому же образцу, создало в 1972 г. «Национальный фронт». До его успеха, одержанного на выборах 1984 г., именно «Итальянское социальное действие» служило образцом для всех остальных правопопулистских партий. «Итальянское социальное действие» не только помогало финансировать аналогичные ему образования, но и сформировало список движения «Европейских правых» на первых выборах в Европарламент в 1979 г.

Однако получить властные полномочия «Итальянскому социальному действию» удалось лишь после съезда 1995 г., на котором Жанфранко Фини провозгласил обновление партии, окрещённое в свое время, по аналогии со сменой змеёй своей старой кожи, «постфашистской линькой».

В Италии, как и в других странах Европы, возникло лишь одно этнонационалистическое движение – «Лига Севера». Опиралось оно на представление о специфике региона, который, однако, никогда не существовал в прошлом. Североитальянская «Падания»*, о которой так много говорит «Лига Севера», была всего лишь географическим понятием, существовавшим до Первой мировой войны и наполненным политическим смыслом лишь в 1970-е гг. усилиями небольшой группы под названием «Альпийская звезда». «Лига Севера» по-

* Совокупность северных областей Италии (Ломбардии, Пьемонта и других), названная по латинскому обозначению реки По – Паданус. – *Прим. перев.*

заимствовала у неё и символику, и отсылку к Падании. После объединения Ломбардской (основана в 1982 г.) и Венецианской лиг и возникла в 1989 г. база для «Лиги Севера за независимость Падании».

Склонность лидера «Лиги Севера» Умберто Босси перегибать палку, бросающаяся в глаза даже на фоне непростой итальянской политической жизни, позволила Лиге укрепиться в роли антисистемной партии. Ее избирателей привлекал прежде всего проект независимой Падании. Однако форменные рубашки ее активистов (пусть зелёного, а не чёрного цвета) свидетельствуют о том, сколь рискованную игру ведёт её руководство. При всем этом Лиге пришлось проявить и значительную гибкость и заменить первоначальный лозунг независимости требованием автономии Севера. Её сторонники перестали оскорблять жителей юга Италии, пытаясь, таким образом, выйти на общеитальянский уровень. Эти усилия вскоре дали заметные результаты. В 1990 г. Лига собрала на региональных выборах в северных областях около 20% голосов. В 1992 г. на национальных выборах за нее проголосовали 8,6% избирателей.

Иначе обстояли дела у радикальных правых Испании. На общеевропейских выборах 1979 г. испанская партия «Новая сила» получила 2,1% голосов. А уже с 1982 г. ее электорат сократился до 0,5%. Подобная маргинализация, жертвой которой стали и другие неонацистские силы, свидетельствовали о том, что католический интегризм уже не востребован избирателями. Объяснялось это, главным образом, двумя причинами. Во-первых, «Народная партия» – крупнейшая консервативная партия, основанная в конце перехода от франкизма к демократии, вобрала в свой состав всех умеренных франкистов. В результате на этом фланге просто не осталось кислорода для других правых политических образований. Во-вторых, воспоминания о том, как франкизм подавлял каталонский и баскский национализм, практически лишили крайне правых возможности развернуться именно там, где националистические настроения проявлялись с наибольшей силой.

Несколько лучше обстояли дела для неонацистов во Франции. После того, как государство выпустило в 1973 г. «Новый порядок», основная масса правых радикалов нашла убежище в «Партии новых сил», попытавшейся утвердить себя в роли связующего звена всех правых сил. Попытку собрать вокруг себя всех правых экстремистов предпринял также сохранивший группу своих сторонников Жан-Мари Ле Пен. Франсуа Дюпра и некоторые другие правые радикалы убедили его изменить программные установки в преддверии парламентских

выборов 1978 г., переключившись с традиционного антикоммунизма на угрозу нарастающей массовой иммиграции.

Приход к власти в 1981 г. левых (четыре министра-коммуниста и абсолютное большинство социалистов в парламенте) побудил новых правых немедленно переориентировать программы своих партий на вопрос национальной идентичности, выставляя его в качестве идеологического и стратегического противовеса левым идеям. Появление в политической жизни страны (начиная с выборов в Европарламент в 1984 г.) «Национального фронта» позволило объединить вокруг Ле Пена все группировки – как новых правых, так и национал-католиков. Первоначально «Национальный фронт» представлял собой форму компромисса националистических сил. Однако с 1989 г. бразды правления оказались в руках выходцев из среды новых правых.

На протяжении всего рассматриваемого времени коллективный портрет сторонников «Национального фронта» менялся. Одновременно менялись и его результаты на выборах различных уровней. На выборах в Европарламент в 1984 г. список Ле Пена собрал 10,95% голосов. Основу его электората составила консервативная буржуазия, стремившаяся наказать традиционных правых за то, что они позволили левым прийти к власти.

Среди тех, кто в 1981 г. голосовал за правого неонациста Жака Ширака, в 1984 г. 21% отдал свои голоса Ле Пену. Для сравнения приведём такие цифры: из тех, кто в 1981 г. голосовал за коммуниста Жоржа Марше, через три года Ле Пену отдали свои голоса лишь 3%.

Партийный список Ле Пена собрал около 17% голосов – как в Нёйи-сюр-Сен, так и в XVI округе Парижа (в самом зажиточном предместье и наиболее шикарном округе французской столицы). Из рабочих за Ле Пена проголосовало лишь 9%, а среди торговцев и мелких производителей – 21%. В первом туре президентских выборов 1988 г. Ле Пен получил 14%. Во втором туре (куда Ле Пен не прошёл) поддержавшие его избиратели проголосовали следующим образом: 65% – за Ширака, 19% – за Миттерана, 16% воздержались. Полученные результаты позволили «Национальному фронту» стать важной частью блока правых и перестать шокировать собственных избирателей.

Заключение

Подавляющее большинство государств и партий, основанных на крайне правой идеологии, было сметено в 1945 г., когда великогерманский империализм расписался в поражении и пошёл на безо-

говорочную капитуляцию. Пережили 1945 г. лишь диктатуры Пиренейского полуострова – Салазара и Франко. Однако заикленность на прошлом и отсутствие устремленности в будущее (иберийские диктатуры, стремившиеся сохранить в неизменности традиционную иерархию в обществе, представляются настолько же «застывшими во времени», как и обособленными в территориальном отношении) привели к краху и эти режимы. В случае с Новым государством Салазара к этому добавляется ещё и неизбежный провал, которым закончилась попытка спасти колониальную империю посредством войн. Всё это запустило процессы, приведшие к «революции гвоздик» 1974 г. Единственным крайне правым режимом, пришедшим к власти в Европе после 1945 г., была «диктатура полковников» в Греции. Однако её судьбу предрешила авантюра с Кипром в июле 1974 г. Единственным режимом, сохранившимся на протяжении жизни его лидера, была диктатура Франко, зажатая между Пиренеями и устьем разграничивающей Испанию и Португалию реки Гуадианы.

Что касается движений крайне правой направленности, то представляется, что все они не только критиковали существующий миропорядок, но и в значительной степени зависели от перемен в нем. Конвульсивные изменения приводили к перестроению крайне правых групп, которым пришлось проявить заметную идеологическую гибкость, оставаясь при этом зависимыми от сложившихся геополитических рамок – будь то деконструкция или «холодная война».

Политический потенциал фашизма и национал-католицизма пережил породившие их режимы и продолжал существование не столько в виде партий, сохранивших преемственность с предшественниками, сколько в форме «интеллектуальных группировок». Переход от крайне правых режимов к крайне правым образованиям, которые утвердились как своеобразные этнокультурные лобби в рамках общего плюралистического расклада сил, позволяющего сосуществовать разным институциональным силам, продемонстрировал, что видение мира, зародившееся в XIX в., сумело в очередной раз приспособиться к новым реалиям.

Разумеется, последующие десятилетия внесли немало новых элементов в описанную ситуацию. Но это уже другая тема, требующая особого осмысления.

Примечания:

1. Здесь и далее под праворадикальными течениями мы будем понимать ту часть крайне правых, которая появилась после Первой мировой войны и ко-

торая стремилась ко всеобщей революции (как антропологической, так и социальной), ниспровергая всё наследие политического либерализма. Фашизм является основным, но не единственным выражением радикальных крайне правых взглядов (здесь можно также назвать традиционализм Ю. Эволы, национал-большевизм Эрнста Никиша и др.).

2. *Dard, O.* Charles Maurras. Le Maître et l'action. – Paris, 2013. – P. 236-245.
3. *Girardet, R.* L'Héritage intellectuel de l'Action Française // *Revue française de Science politique*. – 1957. – Vol. 7, № 4. – P. 765-792.
4. *Garrigou-Lagrange, M.* Intégrisme et national-catholicisme // *Esprit*. – 1959. – Nov. – № 271. – P. 515-543; *Schmidt-Trimborn, A.-C.* Charles Lacheroy Discours et conférences. – Metz, 2012.
5. Direction Centrale des Renseignements Généraux. Un congrès de l'intégrisme // *Bulletin hebdomadaire Notes et études*. – 1964. – 5 p., AN 19820599/65.
6. *Loriga, S.* Une vieille affaire? Les «Pâques de sang» d'Ariel Toaff // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. – 2008. – Vol. 63, № 1. – P. 143-172.
7. Письмо министра внутренних дел Франции французскому же министру обороны, 3 апреля 1946 г. – ADPO 38W66.
8. *Taguieff, P.-A.* Sur la Nouvelle droite. – Paris, 1994. – P. 64-105.
9. Так, в Испании в 1993–2000 гг. выходит издание «Геспериды» под эгидой Хосе Хавьера Эспарса и фонда «Культурный проект «Аврора». «Геспериды» так и не избавились от искушения влиять на выработку идей в лоне испанской Народной партии (притом, что из всех правых партий в Европе она наиболее близка к американским неоконсерваторам).
10. *Marchi, R.* A extrema-direita portuguesa na “Rua”: da transição à democracia (1976–1980) // *Locus: revista de história*. – 2012. – № 8. – P. 167-186.
11. *Le Monde*. – 25.08.1987.
12. *Griffin, R.* Fascism's New Faces (and New Facelessness) in the 'Post-Fascist' Epoch // *Erwägen Wissen Ethik*. – 2004. – Vol. 15, № 3. – P. 287-300.
13. *Bardèche, M.* Qu'est ce que le fascisme ? – Sassetot-le-Mauconduit, 1995 (первое издание – 1962 г.). – P. 85. Альбигойцы – французское обозначение движения катаров, считавшихся католической церковью еретиками; в XIII в. церковь учинила над ними жестокую расправу.
14. CIA. The fascist international, 09.01. 1956. P. 5-16, FOIA 519a6b28993294098d51133c
15. *Milza, P.* Les Fascismes. – Paris, 1985. – P. 445-446.
16. *Casals Meseguer, X.* La Tentación neofascista en España. – Barcelona, 1998. – P. 132-133.
17. Это одно из последствий перегруппировки «Национал-революционных низовых групп» после убийства в 1978 г. их руководителя Франсуа Дюпра, одновременно являвшегося вторым человеком после Ле Пена в Национальном фронте.

18. См.: *Tipaldou, S.* The Dawnin of Europe and Eurasia? The greek Golden Dawn and its transnational link // Eurasianism and the European far right. Reshaping the Europe-Russia relationship. / M. Laruelle (dir.). – Lanham, 2015. – P. 193–219; (eds.) White Power Music – Scenes of Extreme Right Cultural Resistance. Mapping the Far-Right. Searchlight Magazine / Radicalism and New Media Research Group / Eds. by A. Shekovtsov and P. Jackson. – Londron, 2012.
19. Troisième Voie, TV Rapport d'activités mai 1986 (документ для внутреннего пользования); Idem, Pour la France, 1986 (буклет); Idem, Pour l'Europe (буклет), 1987; *Boutin, Ch.* L'Extrême droite française au-delà du nationalisme 1958–1996 // Revue Française d'histoire des idées politiques. – Premier trimestre 1996. – № 3. – P. 153.
20. Direction Centrale des Renseignements Généraux. Les Groupes de Recherches et d'Études pour la Civilisation Européenne, juillet 1970 // Bulletin mensuel confidentiel Documentation-Orientation. – № 160. – 5 p., AN F7/15585.
21. CIA, Net Project: Los Angeles 1947, 41 p. FOIA 519cd821993294098d516f71
22. *Sommier, I.* La Violence politique et son deuil. – Rennes, 2008. – P. 99.
23. *Reiter, F.* Ordine Nuovo Verità e menzogne Riposta alla Commissione Stragi. – Rome, 2007, s.p.; *Laurent, F.* L'Orchestre noir. – Paris, 1978.

УДК 94:329.17(8=6)«19»

ББК 63.3(70)6-3

ОБ ОДНОЙ ДАВНЕЙ, НО СТОЛЬ АКТУАЛЬНО ЗВУЧАЩЕЙ СЕГОДНЯ
ДИСКУССИИ
(К 40-ЛЕТИЮ ДИСКУССИИ «К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ
ПРАВОАВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ»
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА»)

Окунева Людмила Семеновна,
доктор исторических наук,
профессор МГИМО МИД России;
ведущий научный сотрудник Института
Латинской Америки РАН
(Москва, Россия)
liudmila31@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления научной дискуссии по проблематике правоавторитарных режимов, опубликованной в 1975–1976 гг. на страницах журнала «Латинская Америка». Высказанные авторами точки зрения звучат весьма актуально и зачастую корреспондируют с представленными вниманию читателей материалами исследовательского проекта «Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность».

Ключевые слова: Латинская Америка, Бразилия, Чили, Уругвай, Боливия, фашизм, правоавторитарные режимы.

CONCERNING A LONG-STANDING SCIENTIFIC DEBATE WHICH IS STILL
RELEVANT TODAY: COMMEMORATING THE FORTIETH ANNIVERSARY
OF THE WORKSHOP «TOWARDS THE PROBLEM OF THE
CONTEMPORARY RIGHT AUTHORITARIAN REGIMES» PUBLISHED
IN THE ACADEMIC REVIEW *LATIN AMERICA*

L.S. Okuneva,
Doctor of History,
Professor, Moscow State University of International Relations,
Principal Researcher, Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the main directions of the scientific debate on the right authoritarian regimes published between 1975 and 1976 in the academic review «Latin America». The views expressed by the authors sound very relevant today and correspond with the sources and evidence in the research project «Fascism and right-wing radicalism in the West and in the East: Past and Present» presented to readers here.

Key words: Latin America, Brazil, Chile, Uruguay, Bolivia, fascism, right authoritarian regimes.

Всем нам – историкам, политологам и специалистам других гуманитарных специальностей, занимающихся изучением фашизма и правого радикализма – хотелось бы обсуждать данную тематику

в чисто историческом ключе. Однако, к сожалению, проблематика фашизма не только не принадлежит к прошлым временам, но и обладает острой актуальностью. Представленные вниманию читателей

статьи не дают готовых и окончательных ответов на сложнейшие вопросы, а побуждают ко многим размышлениям и концептуальным поискам, способствуют научным дискуссиям. Один из важных в научном, да и в политическом отношении вопросов, на котором заострено внимание в работах российских и зарубежных авторов, – различия между фашизмом и другими правыми движениями или режимами. Мы видим, что споры в историографии и политологии по этим вопросам далеко не закончены. Но самое интересное состоит в том, что и начались эти споры – применительно к отечественному обществоведению – далеко не сегодня.

Пример тому – состоявшаяся без малого 40 лет назад чрезвычайно плодотворная научная дискуссия на страницах журнала «Латинская Америка», органа академического Института Латинской Америки. Приуроченная к 30-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне, она была опубликована в двух номерах журнала: № 6 за 1975 и № 1 за 1976 годы (в те времена журнал выходил 6 раз в год)*. Новое, сегодняшнее, обращение к идеям, высказанным в те далекие времена, привело к констатации удивительных феноменов. Во-первых, поразительно, каким образом в те времена, традиционно считающиеся у нас «царством» догмата, единомыслия и рутины, ученые, бывшие на тот момент *современниками* военных режимов в странах латиноамериканского Южного конуса (а не изучавшими эти страны, как мы сегодня, уже с высоты пройденного ими опыта), сумели (не обладая таким значительным преимуществом нынешних исследователей, как интернет и другие мгновенные способы получения информации) и точно и глубоко выявили суть тех режимов, и аргументированно дискутировали на данные темы. Во-вторых, – налицо поразительное *созвучие* основных споров в *тогдашнем и сегодняшнем* научном сообществе; существо острых дискуссий осталось практически тем же, что вновь приводит нас к высказанной выше мысли о сугубой актуальности нашего нынешнего проекта. А упомянутый выше спор о различиях между фашизмом и другими правыми диктатурами (один из главных в современном познании сущности фашизма) был главным водоразделом и в дебатах отечественных латиноамериканистов середины 1970-х годов. Помимо всего прочего, квинт-эссенция тех дебатов (которые развивались в контексте *своего* времени, и в них использовался научный инструментарий именно *той* эпохи) может стать для современных исследователей своеобразным *источником* по изучению состояния исторической и политической науки того времени.

Предлагаем вниманию читателя обзор главных «опорных пунктов» той давней дискуссии.

Открывая дебаты, главный редактор журнала **Серго Анастасович Микоян**** сформулировал их основные цели: обсудить особенности правоавторитарных режимов, причины их появления, их экономическую и социально-политическую природу, механизмы политического господства. И сразу же подчеркнул: «...нельзя сказать, что исчерпаны до конца вопросы о генезисе, сущности, основных составных элементах фашизма. ... Возникает целый ряд вопросов – определяется ли наличие фашизма размахом правого террора? Скажем, правомерно ли считать, что если такой террор касается сотен людей, то это еще не фашизм, а если десятков тысяч, то уже фашизм? История – даже новейшая – знает великое множество террористических режимов. В каких случаях это просто реакционная террористическая диктатура, а в каких фашизм? Появляется необходимость разобраться, является ли террор определяющей чертой фашизма или всего лишь сопутствующей? Кстати, некоторые полагают, что открытый массовый террор – не всегда обязательный признак фашистского режима, что такими обязательными признаками являются определенные социально-политические и экономические категории. Верно ли это?» [1]

И далее, уже в ходе дискуссии, С.А. Микоян сформулировал свою позицию «о понятии “фашизм” и возможностях применения этого термина»: «Думается, что наша дискуссия уже достигнет важного результата, если поможет выработать современное понимание фашистской модели, определить значение терминов «фашистский режим», «фашистская идеология». Тем более это важно для уяснения всех смежных вопросов, поставленных на обсуждение. <...> Нельзя слишком догматически подходить к определению фашизма, исходя из того или иного «классического образца». Прежде всего, не ясен вопрос, что является подобным образцом – режим Гитлера или режим Муссолини? Кро-

* К проблеме современных правоавторитарных режимов // Латинская Америка. – 1975. – № 6. – С. 97-120; 1976. – № 1. – С. 98-133. Участники дискуссии – сотрудники Института Латинской Америки, ИМЭМО и других академических институтов, а также коллеги-политологи из латиноамериканских стран.

** С.А. Микоян (1929–2010 гг.) – отечественный историк-латиноамериканист, доктор исторических наук, в 1970–1990 гг. – главный редактор журнала «Латинская Америка», поставивший журнал «на ноги» и внесший неоценимый вклад в становление и плодотворное развитие этого крупнейшего и авторитетного органа российской латиноамериканистики. Автор работ по внутренней и внешней политике латиноамериканских стран, а также Индии, Пакистана, США и др. Главный труд его жизни – получившая большой научный и общественный резонанс монография «Анатомия Карибского кризиса» (М.: Academia. – 2006. – 1072 с.).

ме того, почему все должно повторяться в том же виде? Ведь прошло 30 лет, так много изменилось в мире за эти десятилетия! Фашистский вирус, как и биологические вирусы, приспосабливается, меняет отдельные свои свойства, применяет мимикрию. Наша задача – выявить то основное содержание, которое составляет понятие фашизма, выяснить, в чем его сущность, так сказать, первичные признаки, а в чем – вторичные признаки. Было бы неверным, антиисторичным искать полного тождества, а если его нет налицо, отрицать наличие фашизма вообще. Теоретически это несостоятельно. Политически – это крайне опасно, так как подобный подход мог бы привести к заключению о том, что фашизм окончательно похоронен в 1945 г. и принадлежит лишь истории» [2].

Поставленные во главу угла дискуссии вопросы, удивительно актуально звучащие сегодня, задали тон последовавшим дебатам, в центре которых стояло обсуждение доклада **Кивы Львовича Майданика***. Однако прежде чем мы перейдем к изложению основных положений его доклада, сделаем небольшое отступление в историю острых и бурных дебатов в латиноамериканской общественной мысли по вопросу о характере и уровне развития капитализма в странах континента**: эти дебаты, имевшие самое прямое отношение к проблематике фашизма и правого авторитаризма, оказали непосредственное влияние на тогдашнюю отечественную латиноамериканистику, которая в полном соответствии с собственно латиноамериканской политической мыслью раскололась (в теоретическом отношении) на два концептуальных лагеря (сторонников теории о «слаборазвитом и зависимом латиноамериканском капитализме» VS приверженцев концепции так называемого «среднего уровня развития капитализма» в странах континента)***; соответственно, точно так же наши латиноамериканисты разделились и по вопросам об альтернативах дальнейшего развития стран континента.

Итак, в 1960-е гг. на авансцену идейных дискуссий в Латинской Америке (но в особенности – в Бразилии) вышли представители влиятельного течения общественной мысли, объединившего в своих рядах ученых левого фланга. Ими была выдвинута «теория зависимости», рассматривавшая вопрос об особенностях развития и модернизации в странах континента, о характере, пределах и возможностях бразильского (и латиноамериканского) капитализма, альтернативах выхода из структурного кризиса.

Сформировавшись под воздействием Кубинской революции и роста популярности идей марксизма в Латинской Америке в начале 1960-х гг.,

депендентизм (от испанского *dependencia* и порт. *dependência* – зависимость) приобрел большую известность не только в Бразилии и во всей Латинской Америке, но и далеко за рубежами континента, оказал огромное воздействие на леворадикальную политэкономии США, на социологию и политологию левого направления во Франции, Италии, ФРГ, а также в афро-азиатских странах.

Складывание в Бразилии «теории зависимости» (и, соответственно, «школы зависимости», «депендентизма») происходило в период господства военного режима, приход которого (1964 г.) ознаменовал собой правоавторитарную альтернативу выхода из кризиса, охватившего все стороны жизни бразильского общества. Сутью исследований бразильских депендентистов явилось стремление дать теоретическое обоснование новых явлений в экономическом и политическом развитии стран континента, сформулировать выводы о месте Латинской Америки в системе мировой экономики, разработать прогноз альтернативных путей эволюции континента.

Будучи единым идейным направлением, депендентизм в то же время совмещал в себе концепции, по-разному трактовавшие проблему соотношения консервации отсталости, с одной стороны, и возможностей капиталистического развития в условиях зависимости от развитых стран – с другой. Одни исследователи акцентировали внимание на углублении отсталости и усилении зависимости Латинской Америки, не видя возможностей ее развития и адаптации форм зависимости к реальным условиям; другие же делали упор на возможностях определенного экономического роста и в условиях зависимости. Наиболее отчетливо эта полемика прослеживается в работах двух крупных социологов и экономистов – Т. Дос Сантоса и Ф.Э. Кардозу

* К.Л. Майданик (1929–2006 гг.) – видный отечественный историк и политолог, крупнейший специалист по Латинской Америке и иберийским странам, труды и взгляды которого оказали значительное влияние на развитие российской латиноамериканистики.

** Подробно о концепциях депендентизма и дебатах в латиноамериканской политологии 1960-х–1980-х гг. см.: Окунева, Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М., 2008. – С. 37–49.

*** Особого размаха дискуссия достигла в 1977–1980 гг. Именно тогда на страницах журналов «Латинская Америка», «Мировая экономика и международные отношения», «Проблемы мира и социализма» были опубликованы основополагающие статьи ведущих отечественных латиноамериканистов с изложением их позиций, а также сама дискуссия о характере и степени развития латиноамериканского капитализма. См.: Как оценивать особенности и уровень развития капитализма в Латинской Америке? // Латинская Америка. – 1979. – № 1. – С. 53–101; 1979. – № 2. – С. 82–131.

(будущего президента Бразилии), символизировавших собой столь разные, но объединившиеся в рамках одной школы идейные направления, как радикализм левого толка и умеренно-прогрессистский подход.

Леворадикальный экономист Т. Дос Сантос исходил из того, что постоянное возникновение все новых внутренних противоречий препятствует дальнейшему развитию латиноамериканских стран. Сформулировав вывод о воспроизводстве слаборазвитости и зависимости как основополагающем феномене латиноамериканской модели капитализма, он считал невозможным дальнейшее развитие капитализма на континенте: будучи неспособным ликвидировать отсталость, «зависимый капитализм» не может решить «ни одну из проблем латиноамериканской действительности». В результате развития «зависимого капитализма», писал Дос Сантос, в Латинской Америке происходит постоянное воспроизводство зависимости и слаборазвитости, отсталости, нищеты и маргинализации населения. Усиление зависимости от развитых «центров», все возрастающий приток иностранных капиталов подрывали и материальную основу латиноамериканской буржуазии, сократили до минимума ее возможности определять модель автономного капиталистического развития.

Теории Т. Дос Сантоса противостояла умеренно-прогрессистская, центристская линия Ф.Э. Кардозу, который подверг критике отрицание возможности дальнейшего развития капитализма в «странах периферии» и теоретически обосновал возможность развития капиталистических отношений и в условиях зависимости. Кардозу считал, что в Латинской Америке в условиях распространения новых форм монополистической экспансии и эксплуатации шел процесс развития капитализма, который он назвал «зависимо-ассоциированным развитием». Эта модель, по мнению Кардозу, выражалась во все возрастающем переплетении интересов трех секторов: местного капитала, государства и транснациональных корпораций. Кардозу считал, что возможности «зависимо-ассоциированного развития» государств континента далеко не исчерпаны: «капиталистическое развитие слаборазвитых стран» Латинской Америки позволяет достичь некоторого динамизма экономической жизни, способствует накоплению капиталов, развитию промышленности, концентрации ренты и «создает острова развития на фоне бедности». Такие понятия, как «зависимость», «монополистический капитализм» и «развитие», не рассматривались Кардозу как взаимоисключающие; напротив, в наиболее развитых странах континента происходит «зависимо-капита-

листическое развитие»; таким образом, проникновение ТНК отнюдь не означает стагнации капитализма.

Естественным образом разработка проблем развития бразильского капитализма логически привела бразильских политологов к постановке вопроса и о политических альтернативах дальнейшего развития. В 1970-е гг. сформировались два разных подхода, вытекавших из вышеупомянутых противоположных представлений о характере и особенностях латиноамериканского капитализма. Если Кардозу говорил о демократической перспективе для Бразилии, выступал за создание коалиции организаций гражданского общества, широкого альянса партий, отражающих интересы всех классов и слоев бразильского общества, и о борьбе за демократические преобразования, то позиция Т. Дос Сантоса была диаметрально противоположной. Отрицая развитие капитализма в Латинской Америке, говоря о невозможности превращения латиноамериканских стран в «новые капиталистические центры силы», т. е. в развитые капиталистические страны, он полагал, что разрешение противоречий Латинской Америки требовало не просто разрыва отношений с внешним миром, что вызвало бы полный хаос зависимых структур, а перехода к иной социально-экономической системе – социализму. В этом и состояла суть его концепции «социализм или фашизм», взятой на вооружение многими его коллегами-теоретиками да и практиками освободительной борьбы и получившей достаточную популярность в 1970–1980-е гг. Поскольку, полагал Дос Сантос, развитие по пути капитализма неспособно преодолеть слаборазвитость и углубляет зависимость, а проникновение иностранного капитала неспособно индуцировать экономический рост, на первый план выдвигается радикальная альтернатива «с ориентацией на социализм» как «единственная возможность» противостояния зависимому капиталистическому развитию. В случае же, если она не реализуется, восторжествует фашизм. Так возникла формула «социализм или фашизм» как якобы «единственно возможные» альтернативы для Латинской Америки (да и для всего мира): все остальные, в том числе и демократия, «утопичны».

К.Л. Майданик недвусмысленно склонялся к концепции Дос Сантоса. В своем докладе на дискуссии о правоавторитарных режимах он, правда, стремился соединить оба подхода. Его формула: в Латинской Америке сложился «среднеразвитый зависимый капитализм». Отсюда – умозаключение о «переходе от кризиса системы среднеразвитого (и зависимого) капитализма к системе зависимого государственного-монополистического капитализма».

С другой же стороны, в своих оценках политических последствий развития данного типа капитализма автор доклада прямо указывал на «антикапиталистическую, социалистическую альтернативу» как единственно возможный выход из структурного кризиса.

Исключительная сложность проблематики и хода мысли ученого, приведенная им система аргументации склоняют нас к необходимости – в целях максимального точной передачи его позиции – дать слово ему самому.

Согласно точке зрения Майданика, установление военных диктатур в странах Южного конуса в 1960-х гг. стало реакцией империализма и правящих классов на успехи социалистического развития Кубы и складывавшуюся, по его мнению, революционную ситуацию в других странах континента. Для выхода из структурного кризиса и ответа на социалистическую альтернативу правящие классы разработали новую, воплотившуюся в указанных режимах модель капиталистического развития, главные черты которой – уничтожение буржуазной представительной демократии, сложившейся системы партий, массовых организаций, ликвидация гражданских свобод, оттеснение традиционных буржуазных группировок от власти и ее переход в руки «тройственного союза»: верхушки армии, высшей госбюрократии и ТНК, а также буржуазии, связанной с госсектором (при этом государство приобретало большую степень автономии по отношению к традиционным эксплуататорским классам). Важной чертой стало усиление эксплуатации трудящихся при усилении централизации и концентрации капитала. «Жесткая концентрация и централизация власти в руках узкой фракции эксплуататорских классов, откровенно авторитарный, воинствующе антидемократический характер ее – таков первый атрибут рассматриваемой модели». Второй – «консервация социальной ситуации»: «террор, диктатура в решающей мере необходимы именно для того, чтобы обеспечить политическую стабильность в условиях социальной консервации и снижения жизненного уровня большинства до предела «биологического выживания». Следующая черта – «ускоренный, форсированный приток иностранного капитала (привлеченного, в первую очередь, низкой зарплатой рабочих современных отраслей промышленности и политической стабильностью), который и делает возможным быстрый экономический рост при сохранении прежней социальной структуры, осуществление зависимой индустриализации страны, возникновение новой системы империалистического господства. В ходе данного процесса наиболее современные,

наиболее динамичные отрасли промышленного производства переходят в руки международных монополий, в которые на правах младшего партнера интегрируется часть местной буржуазии. Твердая власть и низкая зарплата являются предпосылками беспрепятственного ввоза и вывоза иностранного капитала, его воспроизводства на новой основе». Но есть и особенность – в «развитии государственного регулирования, вмешательства государства в экономику, да и в социальные процессы». В итоге сложилась «своеобразная «биполярная» социально-экономическая система с двумя ведущими секторами: международные монополии и государственный сектор, базовая промышленность и инфраструктура».

Что касается характеристики массовой базы режима, то вначале имел место «разгон парламента и партий; кровавые репрессии, период максимального сужения и массовой базы режима», но затем появилась заинтересованность режима в хотя бы минимальной массовой поддержке, а также в расширении внутреннего рынка; отсюда – «потребность в стабилизации и даже в улучшении положения средних слоев».

«Идеология <бразильского военного> режима носит воинствующе антидемократический, элитарно-технократический и шовинистический характер», характеризуется «националистической шумихой», носит «ярко выраженные экспансионистские тенденции, притязания на роль «младшего партнера» (или старшего приказчика) США в системе господства последних на латиноамериканском континенте, стремление к «субгегемонии» в Южной Америке и т. п.». Эта политика «получила броское определение “субимпериализм”». Главное в политике режима – «сознательная и безусловная поддержка империализма США во всех стратегических вопросах, подчинение коренным его интересам».

«Каждый из основных аспектов рассматриваемой модели в той или иной мере отвечает реальным потребностям капиталистического развития, а в сумме своей они представляют органичный структурам среднеразвитого зависимого капитализма, латиноамериканской действительности вариант общественной эволюции – в интересах империализма «метрополии», местных эксплуататорских классов и слоев, в рамках зависимого капиталистического развития».

«В рамках данной модели возможно зависимо капиталистическое «преодоление» нынешнего кризиса структур (что <...> отнюдь не требует, чтобы были решены все проблемы этого кризиса). А это, в свою очередь, позволяет определить социально-экономическую сущность «преодоления» или – что

одно и то же – сущность той новой системы общественных структур, переход к которой призвана обеспечить правоавторитарная модель. Речь идет о переходе от кризиса системы среднеразвитого (и зависимого) капитализма к системе зависимого государственно-монополистического капитализма». Если в странах «периферийной Европы» «ведущей альтернативой решения проблем кризиса системы среднеразвитого капитализма оказалась революционно-социалистическая», то «на классическом Западе» «формой политического обеспечения капиталистической альтернативы на этом развилке истории повсеместно стал фашизм» [3].

Далее К.Л. Майданик перешел к центральному вопросу своего доклада, являющемуся ключевым и для нас сегодня в нашем проекте: сравнительному анализу правоавторитарных режимов и характеристике понятия «фашизм». Приведем эти рассуждения полностью.

Сравнительная характеристика, «классификация» правоавторитарных режимов предполагает соотнесение их с уже известными образцами – как в Латинской Америке, так и в других районах мира.

Очевидна недостаточность, неопределенность – особенно в рамках глобального анализа – понятия «правоавторитарный». Не удовлетворяя требованию объяснения данного явления, это определение еще в меньшей мере отвечает задаче применения его к практическим потребностям борьбы против режимов подобного рода.

Представляется, что наилучшее сочетание требований научности анализа и действенности борьбы обеспечивается определением, в основе которого лежит понятие фашизма («зависимый фашизм», «военный или военно-технократический фашизм» и т.п.). Политические, мобилизующие преимущества такого четкого определения в мире, где еще достаточно жива память о 30–40-х годах, очевидны. Реакция мира на события в Чили достаточно доказала это.

В какой мере, однако, данное определение является научным? Ведь волюнтаризм терминологии, смешение теории с пропагандой могут отражать потерю реального представления об объективных особенностях того процесса, к которому тот или иной термин прилагается, и способствовать еще большей утрате этого представления. А это, в свою очередь, взимает тяжелую дань с исторической, революционной практики.

Представляется, например, и сегодня научно неоправданной характеристика как фашистских режимов, подобных парагвайскому, гаитянскому или никарагуанскому. Отнюдь не потому, что ре-

жимы эти заслуживают доброго слова, а потому, что соответствуют они качественно иной стадии общественного развития, решают – по мере своих палаческих возможностей – иные задачи, опираются на иные силы и закономерности, нежели тот тип режима, который вошел в науку, в теорию как фашистский. И потому пути борьбы против этих режимов должны отличаться от классической стратегии антифашистской борьбы.

Точно так же можно вспомнить и о том не-малом вреде, который принесло революционному движению некоторых стран Латинской Америки применение термина «фашистский» для характеристики ряда популистских режимов 30–40-х годов.

Все это так. Однако на этот раз налицо действительные черты глубинного, структурного сходства базовых элементов между «правоавторитарными» режимами Латинской Америки и европейским фашизмом 20–40-х годов XX в. Но речь идет при этом не о капиталистически высоко-развитой Германии, которая, по нашему мнению, явилась скорее исключением, но не «правилом» фашистской модели, а об остальных фашистских странах. О тех странах Южной и Восточной Европы, где потерпела временное поражение революционно-социалистическая альтернатива выхода из кризиса структур среднеразвитого капитализма: Италия, Испания, Польша, Венгрия, Латвия, впоследствии Греция...

Перечислим основные из совпадающих элементов:

а) общность национальных исторических ситуаций, породивших данные режимы (зрелость однотипного кризиса структур в странах, отмеченных – хотя и в разной мере – печатью зависимого развития; непосредственная угроза реализации революционно-социалистического варианта решения проблем кризиса);

б) общность исторической функции режимов (борьба с революционно-социалистической альтернативой; обеспечение выхода из кризиса на путях капиталистической модернизации; обеспечение условий для капиталистической индустриализации, для перехода к структурам ГМК);

в) общность ведущей социально-экономической тенденции, ведущих системообразующих факторов капиталистической модернизации (усилении экономической роли государства, роли госсектора и его «управляющих» при одновременном возрастании мощи монополий);

г) общность главных политических параметров режима (диктаторский – тоталитарный и элитарный характер власти; высокая степень

автономии государства по отношению к традиционным правящим классам; кровавый, беспощадный террор по отношению к революционной оппозиции);

д) общность важнейших элементов социальной политики (отказ от структурных реформ; «замораживание» существующих структур общества и пропорций национального дохода);

е) несомненное родство ряда аспектов идеологии (националистическая и «антикоррупционная» демагогия, культ государства и «производства» и т.п.) и внешней политики (экспансионистские тенденции, гонка вооружений);

ж) опора режима – и в момент победы, и в фазе зрелости – на основную часть средних слоев.

Говоря об отличиях латиноамериканского фашизма от фашизма европейского, надо иметь в виду неоднородность последнего. Несомненно, что испанский (или греческий) вариант фашистского режима значительно ближе к латиноамериканским, нежели итальянский, не говоря уже о германском.

Первый блок различий: несравненно меньший вес социальной демагогии в идеологии режима; отсутствие массовой фашистской партии; значительно более пассивный характер поддержки режима со стороны мелкой буржуазии; та незначительная роль, которую играют в установлении режимов и в их функционировании деклассированные, выбитые кризисом из привычной жизненной колеи элементы. Очевидна теснейшая связь этих моментов друг с другом. В сумме их отсутствие лишает латиноамериканский фашизм одной из отличительных черт: сочетания действий «сверху» и «снизу», придающего фашистскому движению и переворотам формальную видимость «революции» против существующего режима. Однако говорить поэтому о неприменимости понятия «фашизм» к латиноамериканской правоавторитарной модели, на наш взгляд, неверно.

Достаточно напомнить, что никто пока не ставил под сомнение фашистский характер испанского, португальского, греческого режимов, между тем рассматриваемый аспект там, по существу, отсутствовал. Конечно, можно сказать, что определять все эти режимы как фашистские теоретически неточно, что определение это правомерно лишь в том случае, если налицо «низовой момент». Но тогда неминуемо встанет вопрос о том, в рамках какого родового понятия можно объединить и данный вид «чистого фашизма», и франкистский, и салазаровский, и «полковничий» режимы. Если такое понятие будет найдено, то в рамках его все равно не может не найтись места

для некоторых режимов Латинской Америки. Каких именно – покажет анализ этой проблемы.

Так же решаются и вопросы, связанные с очевидной для Латинской Америки ведущей ролью армии в установлении фашистского режима.

Нельзя отвлекаться и от чисто тактических аспектов практики и идеологии режима; лидеры его не могут не считаться с тем, насколько скомпрометирован фашизм своей европейской «классической». Это тоже неизбежно влечет за собой и реальные различия и, чаще, видимость их. Думается, однако, что главное различие между европейским фашизмом и его латиноамериканским переизданием в другом. Коренится оно в самом изначально зависимом характере капиталистического развития Латинской Америки (в странах периферийной Европы эта черта общественной эволюции уже прослеживалась, но была выражена значительно слабее). Результатом же зависимости от империализма становится биполярная структура социально-экономической власти в фашистской стране. С одной стороны, госсектор – «естественный» для фашизма гегемон в области социально-экономического развития. С другой стороны, на роль системообразующего претендует и мощный сектор международных монополий. А это уже решительно выходит за рамки фашистской традиции. Сегодня можно говорить и о «плодотворном симбиозе» между этими секторами (Бразилия), и в то же время о существовании в его рамках двух тенденций социально-экономического развития.

При одной из них сектором-гегемоном становится государственный, а сектор международных монополий переходит на положение младшего партнера. (Речь идет, разумеется, о госсекторе, функционирующем в рамках и в интересах зависимого капиталистического развития, выступающем в виде неравноправного партнера государственно-монополистического капитала «метрополии».) Подобная эволюция приведет, думается, к развитию «классических» черт режима. И, напротив, превращение госсектора в «младшего партнера» международных монополий скорее всего породит такие тенденции, которые «размоют» специфически фашистские черты режима, усиливая при этом элементы прямой зависимости от империалистических центров решения. Эту особенность режима, которая временами является его силой, а временами – его слабостью, будут, очевидно, всячески использовать противники режима, вскрывая, усиливая противоречия между носителями обеих тенденций. Нам представляется важным при этом не поддаваться соблазну видеть в «классических» фашистах националистов и застраших

антиимпериалистов, а в носителях «проекта монополий» – либералов и завтрашних демократов.

Известная жизнеспособность правоавторитарной модели фашистского типа ни в коей мере не означает ни ее соответствия интересам нации, ни – тем более – потребностям эксплуатируемого, трудящегося большинства, ни ее способности решить главные проблемы кризиса структур. Назовем лишь несколько таких проблем, которые не только не будут решены, но, напротив, еще более обострятся функционированием симбиоза тоталитарного государства и международных монополий:

— проблема дальнейшей дезинтеграции национальной экономики и общественной жизни в целом; «частичный», исключаящий характер экономического развития; рост контрастов и диспропорций между традиционным и современным сектором; между городом и деревней, полудюжиной «центров прогресса» и стагнирующей периферией, экономическим бумом и социальной неподвижностью и т.д. и т.п.;

— проблема независимого развития, т.е. развития, которое было бы функцией от интересов данного национального общества, а не иностранных интересов; усиление нормы и объема империалистической эксплуатации; расширение «все-присутствия» иностранных монополий; усиление технологической зависимости;

— проблема социальных язв – от детской смертности, крестьянского безземелья и жилищного кризиса до безвыходной (в рамках данного пути развития) ситуации в сфере занятости; и одновременно проблема сохранения вопиющих классовых привилегий, зачастую еще докапиталистического происхождения;

— как результат совокупного воздействия двух предыдущих факторов – узость внутреннего рынка, становящаяся на определенном этапе важнейшим препятствием для экономического роста;

— проблема демократии, участия большинства в выработке жизненно важных для общества решений или, по крайней мере, его влияния на эти решения; соблюдение элементарных гражданских прав и свобод, начиная от права на жизнь и на то, чтобы не быть подвергнутым пыткам;

— наконец, все рассмотренные изъяны развития препятствуют созданию массовой социальной базы режима.

Вряд ли какая-либо из этих проблем станет сама по себе смертельной для фашистского режима, рубежом, который он не сможет преодолеть (не говоря уже о том, что большинство из них он принципиально не пожелает решать). Но именно

те проблемы, которые не может или не хочет решить фашизм в стадии своего становления и последующего развития, указывают, очевидно, на оптимальные опорные пункты и направления мобилизации и деятельности антифашистских сил.

Так как конкретная разработка этой темы не входит в задачу данного доклада, хотелось бы лишь подчеркнуть те черты антифашистской стратегии в Латинской Америке, которые прямо вытекают из анализа самой природы фашистской модели.

1. Из сказанного, по-видимому, следует вывод о том, что не приходится полагаться на изначальную обреченность фашистского режима. Но если пагубны «фаталистически-оптимистические» установок на то, что время является естественным союзником антифашистских сил, то не менее пагубна и позиция фаталистического пессимизма и пассивности (симптомы которых усилились одно время среди части реформистской интеллигенции в странах Южного конуса), которая к тому же подчас сменялась подчеркиванием «объективно-прогрессивных аспектов режима» и изъятием (со вздохом) готовности сотрудничать с ним в реализации оных.

Все, о чем шла речь выше, говорит о том, что любой компромисс с носителями фашистских тенденций, с режимом, поддержка тех или иных аспектов его деятельности будут использованы сильной, «абсорбирующей» фашистской моделью, а не ее хитроумными либеральными попутчиками.

2. Нарастание фашистской угрозы отнюдь не означает в условиях Латинской Америки необходимости строго «оборонительной» стратегии революционеров, стратегической умеренности в постановке и решении ими проблем социальных преобразований, принесения последних в жертву интересам защиты институтов буржуазной демократии. И не только потому, что последняя в большинстве случаев является фикцией. А потому, что фашизм означает здесь не сохранение статус-кво, но обеспечение условий для капиталистической модернизации общества, для перехода его на качественно высшую ступень. Поэтому действенной альтернативой ему не может быть ни чисто оборонительная борьба, ни реформистское латание существующего строя (поскольку речь идет о странах, где фашизм не пришел к власти), ни установка на возвращение к «старым добрым временам» или на поиски некоего режима, смонтированного из атрибутов различных моделей развития (поскольку речь идет о странах, где фашизм уже прорвался к власти). Такой реальной стратегической альтернативой фашизму может быть, в

конечном счете, лишь всемерное развитие процесса, утверждающего противоположный фашизму антиимпериалистический и антикапиталистический вариант решения проблем кризиса структур. И проводя реалистическую тактику, направленную на всемерное использование противоречий в стане противника, на максимально возможное расширение круга социальных и политических участников антифашистской борьбы (которая потенциально может объединить большие силы даже по сравнению с борьбой антиимпериалистической), революционеры отдают себе отчет в том, что лишь «бросок вперед» на пути революционного преобразования общества является стратегической гарантией победы над фашизмом.

3. При анализе возможностей борьбы с фашистским режимом в стадии его консолидации целесообразно, на наш взгляд, выделить трех ее этапов.

Первый, непосредственно следующий за переворотом, неблагоприятен для антифашистской борьбы. Определяющими в этом смысле факторами являются: а) деморализация, растерянность масс; б) частичная дезорганизация политического (партийного и профсоюзного и т.д.) аппарата антифашистских сил, его неприспособленность к новым условиям, частично его обескровленность; в) массовая поддержка режима со стороны средних слоев; г) фактор сохраняемой фашизмом инициативы, успешно осуществляемой им функции разрушения институтов прежней политической власти и т. д.

Второй этап представляет наибольшие возможности и для развертывания антифашистского движения и, по-видимому, для нанесения им решительного контрудара. Массы постепенно приходят в себя от первого шока; их организации перестраиваются, реорганизуются, приспосабливаются к новым условиям. С другой стороны, фашистский режим еще не консолидировался – во всяком случае, пока речь идет о путях, методах, механизме, социальной базе выполнения им своих «созидательных» функций. Мелкая буржуазия и родственные ей слои, вчера еще признававшие переворот, под воздействием процессов, о которых говорилось выше, переходят к пассивной оппозиции режиму. Одновременно происходит последняя вспышка сопротивления традиционных буржуазных партий, организаций и институтов прежнего режима.

История (Италия 1924–1925 гг., Германия 1934–1935 гг.) показала, что совокупное действие всех этих процессов создает кризисную для фашистского режима ситуацию – развязка ее в решающей мере зависит от состояния революци-

онных сил, от их способности использовать благоприятные объективные условия. Если, однако, сила режима, слабости революционеров, неблагоприятная для них международная ситуация (или опять-таки все эти факторы, вместе взятые) склоняют в этот момент чашу весов в пользу фашизма, режим консолидируется.

Развитие событий в 1974–1975 гг. характеризуется ослаблением попыток фашистского наступления в Латинской Америке. Это связано и с силой антифашистского сопротивления в ряде стран (Чили, Уругвай), и с твердой позицией правительства Перу, и с развитием экономического кризиса, поразившего весь мир капитализма, и с положительными сдвигами в политике ряда буржуазных, в основном реформистских правительств в Карибской зоне континента. Но то, о чем говорилось ранее, указывает, нам кажется, на структурный (а не конъюнктурный) характер фашистских тенденций в Латинской Америке. Поэтому и сегодня для большинства стран Южной Америки борьба против фашистской опасности остается объективно одним из магистральных направлений революционной антиимпериалистической и антикапиталистической борьбы. По-видимому, в этом субрегионе именно антифашистская борьба станет основным, определяющим моментом «третьего тура» революции. Подобно тому, как в годы «первого тура» такой детерминантой была борьба непосредственно против империализма и традиционных форм власти олигархии, а в годы недавнего революционного подъема – борьба против первой череды режимов буржуазно-империалистической альтернативы (реформистских и «неоимпериалистических»). В последнее время все настойчивее ставят вопрос об угрозе фашизма и необходимости антифашистской мобилизации и прогрессивные силы Центральной Америки.

В этой связи встает целый ряд конкретных вопросов, правильное решение которых очень важно для исхода антифашистской борьбы: фашизм и армия; фашистские тенденции в малых странах; фашизм и империализм (империалистическая система в целом, «головной» империализм, иностранные монополии, использование межимпериалистических противоречий); фашизм и церковь (эта проблема стоит в Латинской Америке по-иному, нежели в Европе 30-х годов, и имеет очень большое значение); фашистский экспансионизм и проблемы латиноамериканской интеграции и многие-многие другие, требующие отдельной и срочной разработки.

«Если фашизм победит в Чили, это станет началом долгой фашистской ночи в Латинской

Америке». В этих словах генерального секретаря католического Латиноамериканского профцентра трудящихся Э. Масперо выражено опасение, для которого есть основания. Для того чтобы оно не реализовалось, необходимо, чтобы события 11 сентября 1973 г. для общественного сознания Латинской Америки и всего мира стали тем, чем был приход фашизма к власти в Германии для мирового общественного сознания 30-х годов. Необходимо широчайшая антифашистская мобилизация, подобная той, которая была осуществлена 40 лет назад вокруг событий в Испании. Необходимы эффективные действия против фашизма: от защиты революционного Перу (ныне главной стратегической мишени фашистского наступления на континенте) и кампании по изоляции и расшатыванию наиболее уязвимых сегодня чилийского и уругвайского звеньев фашистской цепи – к контр-наступлению по всему фронту, с применением всех средств политической и идеологической борьбы, находящихся в распоряжении мирового антифашизма [4].

На основе доклада К.Л. Майданика развернулась дискуссия, основные положения которой высвечивают столь актуально звучащие сегодня научные проблемы фашизма и правого радикализма. Основные положения споров настолько созвучны современным дебатам, что, сходя со страниц того давнего обсуждения, как бы «перемещаются» в наши дни. Пусть прозвучит «прямая речь» основных участников дискуссии (ряд выступлений дается в сокращенном виде).

А.А. Галкин*. Я бы сказал, что доклад К.Л. Майданика состоит из добротных кирпичей <...>, но вот здание, которое построено из этих кирпичей, не очень прочно. Цель, которую я перед собой ставлю, – указать на слабые места предлагаемой нам конструкции. Они мне кажутся существенными и побуждают задуматься над тем, стоит ли ее совершенствовать или, быть может, попытаться построить из уже изготовленных кирпичей и блоков иное здание.

Я согласен с тем, что было сказано докладчиком по поводу опасности чрезмерно широкой трактовки понятия «фашизм». Однако, высказав эту мысль, докладчик, в конечном счете, сам встал на путь весьма расширительного толкования этого феномена. Некоторые другие ученые, следуя по этому пути, предлагают рассматривать интересующее нас явление в широком историческом аспекте и по сути дела растворяют его в понятии «тоталитарный, тоталитарный режим». Разумеется, такое выделение

тоже вполне возможно. Но мне кажется, что при такой широкой трактовке понятия мы теряем его реальные черты. Поэтому я лично выступаю за суженную трактовку понятия и попытаюсь пояснить, что я имею в виду.

В докладе не фигурирует определение фашизма. Но из содержания его несомненно следует, что под фашизмом понимается политическое движение в странах со средним уровнем развития капитализма, пытающееся преодолеть кризис социально-экономических структур и использующее в качестве инструмента крайне насильственные, террористические формы.

При такой трактовке непонятно, как быть с индустриально развитыми странами, которые переживают сейчас кризис социальных и политических структур. Как специалист по фашизму в странах индустриально развитого капитализма, я бы хотел получить разъяснение.

Ведь именно сегодняшний кризис сделал актуальной угрозу неофашизма в Италии – стране, которая в целом, бесспорно, относится к развитому региону. Кроме того, при таком определении выпала очень важная характерная черта фашизма. Это наличие не просто социальной базы, а организованной и активизированной массы, поддерживающей террористический режим, в конечном счете, вопреки собственным социальным и политическим интересам. Если этого нет, то можно ли говорить о фашизме?

В данном случае речь идет не о примере, а о понятии как таковом. Трактовка фашизма докладчиком побудила его вывести за скобки (как нетипичный) германский фашизм. Я же, напротив, считаю, что понять фашизм как социально-политический феномен невозможно без учета уроков господства нацистов в Германии. Это полностью относится к фашизму в восточноевропейских странах в предвоенные годы – фашистские черты в политической

* А.А. Галкин – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Выдающийся отечественный исследователь проблематики фашизма, автор свыше 20 книг, в том числе ставших классическими монографий «Германский фашизм» (М.: Наука, 1967, 1989) и «Социология неофашизма» (М.: Наука, 1971). Символическим образом А.А. Галкин олицетворяет связь времен и непрерывность исследовательской мысли: участник освещаемой нами той давней дискуссии в журнале «Латинская Америка», он является главным редактором и одним из авторов издания о фашизме и правом радикализме, которое читатель держит в своих руках [Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность / Берегиня • 777 • Сова: общество, политика, экономика. Научный журнал. – 2014. – № 4 (23), 2015. – № 3 (26); Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / Берегиня • 777 • Сова: общество, политика, экономика. Научный журнал. – 2016. – № 4 (31)].

структуре этих стран складывались под большим влиянием Третьего рейха. Испанский фашизм, как мы знаем, был насажден в значительной мере благодаря Германии и Италии и во многом, особенно на первых порах, копировал их структуру. Я не отрицаю тем самым возможности возникновения и ускорения фашизма в странах со средним уровнем развития капиталистических отношений. Однако до сих пор наиболее «канонические» формы фашизма были типичны для индустриально развитых капиталистических стран. Во всяком случае, у нас нет оснований при анализе ситуации в латиноамериканских странах отбрасывать опыт, накопленный в прошлом, естественно, отдавая себе отчет, что прошлое есть прошлое и что латиноамериканские страны обладают значительной спецификой. Хотелось бы, в частности, знать, в какой из стран латиноамериканского континента ультраправые, военно-террористические режимы располагают активной, организованной, массовой социальной базой. Если такой базы нет, то оценка этих режимов как фашистских в «классическом» смысле преждевременна.

Однако имеется одно «но», которое сближает мою точку зрения с точкой зрения докладчика. Пример фашистских режимов прошлого, в частности, в Восточной Европе, свидетельствует, что при определенных обстоятельствах фашистские силы, не имеющие массовой базы, могут создать ее после прихода к власти. Подобный ход событий вполне возможен и в отдельных латиноамериканских странах: режимы, пришедшие к власти как чисто военно-диктаторские, создав себе массовую базу, могут трансформироваться в фашистские в «каноническом» смысле. Но создать массовую базу нельзя, стоя на позициях социальной консервации. Такая массовая база возникает лишь в ходе экономической и социальной модернизации. Опыт прошлого показывает, что прочность фашистских режимов обеспечивалась не только расстрелами, концентрационными лагерями и демагогическим словоизвержением, но и тем, что он практически осуществлял определенную социальную модификацию. Другое дело, что сама социальная модернизация бывает различной. Она может быть направлена на подрыв существующего строя или иметь своей целью его укрепление. Фашизм осуществляет такую модернизацию ради спасения капиталистической системы.

Это очень важное обстоятельство. Если нынешние латиноамериканские правые делают ставку только на тюрьмы и концлагеря и даже не пытаются решать социальные проблемы, если ограничиваются лишь экономической модернизацией, то чем же

они отличаются от традиционных военно-диктаторских режимов? Иными словами, очень многое зависит от того, осуществляется ли в названных странах социальное маневрирование фашистского типа [5].

М.И. Поляков. Какие цели ставили перед собой фашистские режимы – те режимы, которые были разгромлены в ходе Второй мировой войны? Практика показывает, что это была модернизация социально-экономической структуры. Для стран разного уровня развития это понятие может иметь разное содержание: либо как переход к государственному или государственно-монополистическому капитализму, либо на какую-то новую ступень. Какими средствами традиционные фашистские режимы добивались выполнения поставленных перед собой задач? Это убийства, аресты, репрессии. Именно эти средства применяют военные режимы, возникшие в Латинской Америке в последнее время. Они превратили пытки в метод правления.

В подобных условиях мне представляется несколько странным говорить о социальном маневрировании применительно к Чили и даже к Бразилии. Бразильский режим добивался спада забастовочно-го движения именно репрессиями.

Встает вопрос о социальной базе тех правоавторитарных режимов, которые появились в Латинской Америке в последнее время. Для большинства традиционных фашистских режимов была характерна широкая социальная база. Этого нет в Латинской Америке, хотя совершенно очевидны попытки военной хунты в Чили создать социальную базу, прежде всего за счет маргинальных слоев [6].

Э.Е. Кузнецова. Здесь говорилось о значении социального маневрирования для определения характера того или иного правоавторитарного режима. Остановлюсь на проблеме социальной политики бразильского режима, которую нельзя игнорировать при изучении его характера, особенно с появлением в последние годы признаков социального маневрирования.

Действительно, если взять бразильский режим сразу же после переворота 1964 г., то кроме террора и экономического гнета, которым подверглись трудящиеся, в глаза ничего не бросалось. Однако с конца 60-х – начала 70-х годов буржуазия переходит к более гибкой и изощренной политике. В чем же это прежде всего проявилось? В меньшей степени в той традиционной тактике, которую можно было бы назвать тактикой удовлетворения экономических потребностей трудящихся и которая получила большое развитие в последние годы в Мексике, Венесуэле, Колумбии. Но зато бразильская буржуазия активно пытается включить рабочих и трудящихся

вообще в систему капиталистической собственности. Это особенно ярко проявилось в плане «социальной интеграции» (сентябрь 1970 г.).

С одной стороны, создание согласно этому плану «фонда участия» за счет взносов предпринимателей фактически было изысканием средств для самофинансирования предпринимателей (но не без помощи государства). С другой, объявив о распределении части средств фонда среди трудящихся, идеологи правящих военно-монополистических кругов старались увлечь трудящихся новой перспективой, возможностью «общей собственности», стремились интегрировать их в капиталистическую систему. В этих условиях борьба рабочего класса за улучшение своего положения, за повышение заработной платы приобретает важное значение, так как срысывает планы буржуазии по умиротворению пролетариата.

Подобно <...> социальной интеграции, которая охватывала трудящихся частного сектора, в основу социальной программы для государственных служащих, принятой в конце 1970 г., была положена идея «образования собственности». В этом проявилось стремление военно-монополистических кругов Бразилии охватить единой социальной политикой различные слои трудящихся.

Фактически план «социальной интеграции» и эта программа представляют собой одну из разновидностей системы «инвестиционной заработной платы», системы, которая распространена в странах развитого капитала. Бразильские идеологи, несмотря на то, что они постоянно подчеркивают национальную специфику своих программ, многое позаимствовали у западногерманской буржуазии.

Первая попытка приобщить рабочих к собственности была предпринята еще в 1967 г., когда был создан фонд гарантированных пособий за выслугу лет. Отменив одно из важнейших завоеваний трудящихся – гарантию стабильной занятости при трудовом стаже 10 лет, военное правительство предоставило рабочему право использовать средства, внесенные предпринимателем на его личный счет по истечении пяти лет при сохранении трудового договора.

Несколько слов об изменении отношения военного режима к профсоюзам, которое мы наблюдаем в Бразилии. Если сразу после переворота на профсоюзы обрушились жестокие репрессии, то к 1970 г. отношение к ним несколько меняется, особенно с приходом к власти правительства Медиси. При нем издаются декреты, по которым профсоюзы получают ряд прав в области управления отдельными небольшими участками здравоохранения, образования, социального обеспечения и

т. д., им отводится определенная роль в ликвидации неграмотности. <...> Можно было привести и другие примеры политики маневрирования в области социального обеспечения, особенно в части расширения прав сельскохозяйственных рабочих, жилищного строительства, образования и др. <...> [7].

Рикардо Сакслунд (Уругвай). Поистине головокружительны ритмы изменений в мире за 30 лет, прошедших после победы над фашизмом. <...> Эти изменения затронули и Латинскую Америку. <...> Империализм покровительствует и фашиствующим диктатурам в Уругвае, Боливии, и «старым» диктатурам типа стресснеровской в Парагвае. Угроза фашизма нависает и над другими народами. <...>

Чему же учит уругвайский опыт? Уругвай долгое время оставался «витриной» господства либеральной буржуазии и примером буржуазной демократии. Но и он не смог избежать общего для латиноамериканских стран кризиса. И структурный кризис, который обострялся со второй половины 50-х гг., потряс уругвайское общество, вовлек его во всеобщий экономический, социальный и политический кризис. Одновременно росло и крепло рабочее и народное движение; все обостряющаяся классовая борьба наложила сильнейший отпечаток на жизнь Уругвая. За чрезвычайным положением, введенным в 1968 г., следует состояние внутренней войны, объявленной в апреле 1972 г., и приказ вооруженным силам принять участие в репрессиях. Олигархия делает вид, что целится лишь по движению «тупамарос», по так называемым группам «прямого действия». Но на самом деле целью всегда было движение с революционной перспективой, связанное с массами.

В феврале 1973 г. появляются первые признаки военно-политического кризиса, когда вооруженные силы выдвигают социально-политическую программу, в которой преобладает прогрессивная направленность <...> Февральский кризис заканчивается сделкой, благодаря которой империализм и реакция выигрывают время: начинается период маневрирования и борьбы, которая завершается государственным переворотом в июне 1973 г., когда правая военщина, поддержанная империализмом и «гориллами» Бразилии, сумела захватить власть и изолировать патриотов-военных. Государственный переворот направляет свою атаку в основном против рабочего и народного движения. Национальный конвент трудящихся (НКТ) объявляется вне закона, и коммунистическая партия уходит в подполье. Но проникнутый фашиствующими тенденциями переворот бьет по всем политическим, буржуазно-демократическим институтам страны,

включая парламент и политические партии. Однако с первого дня государственного переворота дает себя знать тот факт, что эти действия реакции и империализма происходят в стране, где они встречают мощное противодействие со стороны народа. Нельзя не считаться со всей опасностью фашизма (типа индонезийского или чилийского), но ясно одно, что сила народного ответа на переворот определит судьбу диктатуры. Уругвай становится страной с наибольшим количеством политических заключенных по отношению к общему количеству населения, самые зверские пытки становятся обычным, ежедневным явлением. <...> Диктатура опирается лишь на правую военщину, занимающую руководящие посты в армии. Ее поддерживает империализм. Диктатура связана с бразильскими «гориллами», она заигрывает с Пиночетом, Стресснером и Бансером, устанавливает связи с южноафриканскими расистами. <...>

Мне кажется излишним дискутировать о том, укладывается ли современный фашизм в Латинской Америке в рамки определения «классического» фашизма, т.е. гитлеровского или Муссолини. Не только потому, что «различные» фашистские режимы существовали в разных европейских странах (Германии, Италии, Испании, Португалии, Греции и т.д.) или Японии, но потому, что мы могли бы дойти до абсурда, будучи вынужденными отрицать его присутствие, если в точности не повторяются те же явления в каждой стране. Также неверно говорить лишь о «террористических фашистских методах» в Латинской Америке. Правда проста и ясна: фашизм существует и предстает многоликим.

Фашизм в Латинской Америке проявляется в яром антикоммунизме. Он преподносит себя в качестве спасения для народов перед лицом «мирового наступления коммунизма». Полагаю, нет нужды далее развивать этот аспект, поскольку он всем известен. Один лишь пример: реакционная уругвайская газета «Паис» без колебаний сегодня утверждает, что германский нацизм и военная катастрофа 40-х годов – детская игра в сравнении с «коммунистической угрозой». Верно, что на нашем континенте мы можем говорить, в известной степени, о диктатурах «старого» и «нового» стиля. Но названия мало меняют сущность, ведь в обоих случаях речь идет об инструментах для одной объективной цели, которая есть не что иное, как империалистическое господство.

Если мы посмотрим на весь континент в целом, а не на каждую страну в отдельности, <...> мы увидим, что у фашизма в Латинской Америке те же составные части, что и у «классического». Изменились лишь условия в мире. <...>

Латиноамериканский фашизм нередко имеет массовую базу. В качестве наиболее ярких примеров можно вспомнить деятельность католических масс в Бразилии в 1964 г. или деятельность широких секторов средних слоев в Чили в 1973 г.

Что касается конкретно характера уругвайской диктатуры, то я не думаю, что в настоящий момент ее можно квалифицировать как фашистскую. Однако в нее входят и в ее рамках действуют влиятельные фашистские группы. И фашизм в Уругвае, как и в других странах, – это вполне реальная угроза, это логический шаг для наиболее реакционных слоев господствующих классов перед ситуацией структурного кризиса <...> [8].

Н.С. Константинова. Мне бы хотелось остановиться только на одном аспекте «бразильской модели», а именно на идеологическом, который для консолидации и стабильности бразильского режима имеет не меньшее значение, чем, скажем, аспект экономический или политический. Тем более, что судить о характере режима можно лишь на основе подробного рассмотрения той идеологии, на которую данный режим опирается. Сразу же после своего прихода к власти военное правительство направило все усилия на то, чтобы подвести теоретическую базу под свою политику, понимая всю важность идеологии на современном этапе. Для этого нужно было, прежде всего, отмежеваться от идеологических и политических предшественников. И новое правительство начало с резкой чистки политики президента Гуларта, одновременно выдвигая свою модель развития страны. Праворадикальный, реакционный характер идеологии нового режима проявился с первых же дней его установления. Чтобы противопоставить себя предшествующему правительству, идеологи нового режима выдвинули лозунг: «Мы не националисты», – понимая при этом национализм как синоним антиимпериализма и даже антикапитализма. «В отличие от своих политических предшественников, – заявили они, – мы заботимся не только о своей собственной стране, но и о судьбе всего Западного полушария». На деле эта «забота» вылилась в пропаганду необходимости политической, идеологической и экономической интеграции стран Западного полушария под эгидой США, за которыми Бразилия открыто признавала роль лидера. Это стало программным тезисом официальной идеологии. Космополитизм, который теоретики «бразильской модели» выдвинули в качестве альтернативы предшествующему, в первую очередь – леворадикальному национализму, в действительности представлял собой не что иное, как крайне правую разновидность современного буржуазного национализма <...>.

После переворота вновь были вытащены на свет теории об «уникальности и неповторимости бразильской цивилизации». Однако на этот раз они были призваны не столько констатировать эту «неповторимость», сколько обосновать якобы вытекающее из нее право на господство в Латинской Америке и других близлежащих районах земного шара. <...> Конечно, не может быть проведено прямой параллели между расистскими теориями гитлеровского фашизма и пропагандой «исключительности» бразильской нации. Однако симптоматична сама по себе все усиливающаяся тенденция к пропаганде «избранности» и «особой исторической миссии» Бразилии в «третьем мире». Перекликаясь с идеологией американизма, бразильский национализм выступает с тезисом о «цивилизаторской миссии» экспансионизма, стараясь преподнести ее как «благо» для других народов, ищущих выхода из глубокого структурного кризиса. Отсюда безудержная пропаганда «бразильского пути» как единственной альтернативы радикального преодоления отсталости и слаборазвитости. Лейтмотив современного бразильского национализма – тезис о «национальной безопасности», которой якобы постоянно угрожают как внутри страны, так и извне. В связи с этим основной целью внутренней и внешней политики провозглашена защита «безопасности». <...> [9].

А.П. Караваев. Возникновение фашизма связано с вполне определенной исторической эпохой – эпохой империализма и всеобщего кризиса капитализма. Однако временные рамки его появления было бы полезно уточнить. Мне представляется, что фашизм был антитезисом, реакцией буржуазии на Октябрьскую революцию, на рост революционности пролетариата во всем мире. Это очень важный момент. Отсюда, в частности, вытекает такая характерная для фашизма черта, как яркий антикоммунизм. Одновременно для фашистских движений и режимов характерен крайне агрессивный (а не оборонительный) национализм, шовинизм, расизм и т.п.

Думается также, что фашизм является не только открытой террористической диктатурой, но и диктатурой тотальной, т.е. пронизывающей все общество, – в этом одно из его существенных отличий от других реакционных диктатур. В свою очередь, приобрести всеохватывающий характер диктатура буржуазии может лишь в странах достаточно зрелого и развитого капитализма. Наиболее адекватным экономическим базисом для политической надстройки фашистского типа является, по-видимому, государственно-монополистический капитализм или, по крайней мере, монополистический капитализм в странах, где созрели условия для

его перехода в государственно-монополистическую стадию. Этот важный элемент присутствует в определении фашизма, сформулированном XIII пленумом ИККИ, однако он не вполне учитывается некоторыми участниками дискуссии, отстаивающими тезис о фашистском характере нынешнего политического режима в Бразилии.

Между тем, новейшая политическая история Европы показывает, что фашистские режимы возникали в странах монополистического капитализма, в империалистических государствах. С моей точки зрения, классических образцов фашистских режимов всего два – итальянский и германский. Я не отрицаю фашистского характера некоторых других режимов, появившихся в Европе между двумя мировыми войнами, в первую очередь испанского, но мне кажется, что это были режимы эпигонские, подражательные. Они возникли в тот период, когда фашизм в Германии и Италии уже показал свою «эффективность» в решении некоторых актуальных для буржуазии вопросов, стал своего рода модой и распространялся, как чума. Однако подобные режимы смогли консолидироваться только в тех странах, где процесс концентрации производства и централизации капитала привел к возникновению своих собственных монополий, своего собственного финансового капитала, а также своих собственных, пусть даже «скромных», империалистических притязаний. Такой страной, например, была Испания в канун франкистского мятежа 1936 г. Возникновение к тому времени местных монополий и отдельных групп финансового капитала – научно доказанный и бесспорный факт, так же, как и появление империалистических притязаний у крупной буржуазии. И все же в связи с недостаточно высокой степенью зрелости испанского монополистического капитализма и «хилостью» испанского империализма (так он охарактеризован в программе КПИ) франкистский вариант фашизма формировался как подражательный.

Важнейшим элементом (и признаком) фашизма является наличие массовой базы, причем базы организованной и активизированной. Этот важный вопрос уже поднимался в нашей дискуссии. Об этом говорил Пальмиро Тольятти в своих знаменитых «Лекциях о фашизме»: «Фашизм не означает лишь борьбу против буржуазной демократии, и мы не можем применять это выражение только тогда, когда налицо борьба именно такого рода. Мы должны употреблять его исключительно в тех случаях, когда борьба против рабочего класса развертывается на новой массовой базе мелкобуржуазного характера...».

Для завоевания и удержания под контролем мелкобуржуазных и полупролетарских масс руко-

водство фашистских режимов и движений всегда широко прибегало к националистической и социальной демагогии. Этим целям служил культ сильной личности, харизматических лидеров, якобы наделенных сверхъестественной силой, на деле же опытных демагогов, обладающих способностями манипулировать настроениями масс, гальванизировать толпу, играя, как правило, на ее низменных инстинктах. В этом отношении, а также по социальному составу массовой базы у фашистских движений и режимов много общего с популистскими движениями. Более того, мне представляется, что фашистские движения – это реакционное вырождение популистских движений, их крайне правый, шовинистический вариант.

На очень важный признак фашизма обратил внимание в своем выступлении на этой дискуссии А.А. Галкин, отметив, что фашистский режим не может обеспечить себе массовую базу только расстрелами, концентрационными лагерями и демагогическими словоизлияниями – для этого необходима также экономическая и социальная модернизация. Действительно, хотя фашизм – диктатура реакционная, направленная на сохранение и укрепление господства классов, представляющих историческое прошлое, для него характерна тенденция к модернизации общества на реакционной основе.

Еще один существенный признак фашизма – корпоративизм, т.е. огосударствление профсоюзов, объединение рабочих и предпринимателей в единых синдикатах, регулирующих трудовые отношения при арбитраже государства. Подобная система, изобретенная в фашистской Италии, использовалась и в некоторых латиноамериканских странах. В частности, в 30-х годах ее ввел в Бразилии Ж. Варгас, в 40-х годах в Аргентине – Х. Перон. Однако в условиях режимов популистского типа при арбитраже государства, не имеющего фашистского характера, эта система нередко работала иначе. Иногда даже, как мне представляется, далеко не всегда в пользу предпринимателей (например, в Бразилии в 1961–1964 гг.).

Наконец, для фашистских режимов характерна, на мой взгляд, строго монопартийная структура.

Рассматривая явления и факты латиноамериканской действительности сквозь призму отмеченных признаков, безусловно, нетрудно обнаружить, что некоторым правоавторитарным режимам, пришедшим к власти в последние годы, присущи отдельные черты, характерные для фашистской модели. Это прежде всего террористические методы осуществления власти, ярый антикоммунизм. В то же время нужно, по-видимому, констатировать, что некоторые другие существенные признаки фа-

шизма, присущие режимам Латинской Америки, отнюдь не безоговорочны или даже практически отсутствуют в соответствующих «моделях». Думаю, что это в первую очередь относится к Бразилии. Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие массовой фашистской партии и вообще какого-либо организованного массового движения, служащего опорой военного режима. Более того, именно в результате государственного переворота 1964 г. в стране перестало существовать широкое, хотя и аморфное, движение популистского типа, правые течения которого, возглавляемые Карлосом Ласердой и Адемаром де Барросом (вскоре после переворота оба эти деятеля были лишены политических прав), в потенции могли бы стать базой для создания фашистской партии.

Ликвидация некоторых традиционных институтов буржуазной демократии, репрессии против прогрессивных сил и вообще инакомыслящих, официальный отказ от принципа национализма во внутриэкономической и внешней политике, наконец, осуществление в первые же месяцы после переворота ряда мероприятий, направленных на значительное понижение реальной зарплаты трудящихся, не только не могли обеспечить режиму массовую базу, но и способствовали ее сужению. Режим вскоре лишился поддержки и значительной части мелкой буржуазии, которая в своей массе приветствовала переворот.

За исключением, может быть, весьма ограниченных мер, проводимых в рамках так называемой «программы социальной интеграции» (провозглашена в 1970 г. и предусматривает создание за счет отчислений от некоторых налогов, выплачиваемых компаниями, специального фонда, из которого входящий в синдикат рабочий и член его семьи может получить «свою квоту», устанавливаемую в зависимости от размера заработной платы и стажа работы в случае свадьбы, полной потери трудоспособности, увольнения или смерти), военный режим до сих пор практически не прибегал к политике социального маневрирования в фашистском духе. В его пропаганде сравнительно редко использовались элементы социальной демагогии и вообще «харизматические» средства политического контроля над массами. Напротив, военные руководители демонстрируют подчеркнуто сухой, отнюдь не демагогический стиль и демонстративно опираются главным образом на авторитарные методы, на грубую силу. В экономической области военный режим открыто проводит курс на ускорение темпов капиталистического накопления за счет усиления эксплуатации трудящихся и расширения сотрудничества с иностранным капиталом.

Для регулирования трудовых отношений используется корпоративная система, введенная в стране еще в начале 30-х годов. Однако в силу того обстоятельства, что в годы, которые непосредственно предшествовали перевороту, министерство труда и специальные суды по разбору трудовых конфликтов нередко принимали решения в пользу рабочих, эта система плохо выполняет свою политическую функцию, заключающуюся в том, чтобы обеспечивать правительству хотя бы частичную поддержку трудящихся.

В связи с недавними высокими темпами развития экономики во внутренней пропаганде и во внешней политике Бразилии появился оттенок великодержавности. Однако, на мой взгляд, пока нет достаточных оснований утверждать, что бразильский национализм уже полностью утратил оборонительные черты и приобрел явно агрессивный характер. В частности, мне кажется неправомерным использовать применительно к Бразилии термин «шовинизм», как это сделано в основном докладе, ибо шовинизм означает проповедь национальной исключительности и проведение соответствующей политики. Откровенно шовинистическая и тем более расистская пропаганда едва ли может найти широкий отклик в Бразилии, учитывая традиции и этнический состав населения. Следует, по-видимому, указать и на то, что подобная пропаганда находилась бы в явном противоречии с политикой открытых дверей в отношении иностранного капитала.

Прибегает ли правительство к модернизации политических, социальных и экономических структур? Безусловно, да. В то же время это модернизация весьма относительная, направленная на то, чтобы придать больший динамизм существующему режиму, усовершенствовать способы эксплуатации рабочей силы и природных ресурсов, приблизив их к уровню развития капиталистических стран.

Думается, что запретить старые партии и заменить их двумя другими, преимущественно «декоративного» характера, периодически отменять выборы или аннулировать результаты голосования, приучить депутатов (под угрозой лишения политических прав) вести себя осторожно по отношению к правительству — еще не значит модернизировать политическую структуру. Едва ли можно считать новаторством и то, что некоторые важные политические декреты называются теперь «институционными актами». Политический механизм военного режима еще далеко не отлажен и пока, в сущности, больше напоминает политический механизм традиционных военных диктатур, нежели фашистских.

Осуществляет военный режим и социальную модернизацию, но проводится она не столько

в связи с прямым вмешательством государства в социальную структуру общества, а главным образом как побочный результат ускорившегося в последние годы развития экономики и капитализма. Принудительный выкуп части земель у некоторых помещиков на Северо-Востоке и размещение там нескольких тысяч крестьянских семей с оплатой приобретаемой собственности в рассрочку, так же, как и осуществление планов колонизации земель вдоль новых дорог, прокладываемых в некоторых отдаленных районах страны, оказывают ограниченное влияние на социальную структуру.

Не является в принципе чем-то новым и оригинальным набор основных средств, используемых для модернизации экономики. Большинство из них, и прежде всего замораживание зарплаты, увеличение налогов при одновременном сокращении социальных и других «менее важных» издержек государства в качестве антиинфляционных мер, а также поддержание реального обменного курса национальной валюты, либерализация (именно либерализация, а не автаркия, что является характерной чертой фашистской экономической модели) внешней торговли и режима для иностранного капитала как одна из главных мер восстановления равновесия платежного баланса, уже не одно десятилетие входит в перечень стандартных рекомендаций Международного валютного фонда странам, переживающим экономические трудности. <...>

С моей точки зрения, в Бразилии пока отсутствует еще один признак или, говоря точнее, существенная предпосылка для формирования политического режима фашистского типа — наличие собственного монополистического и финансового капитала. Вообще процесс концентрации и централизации капитала и производства происходит в Бразилии в форме, характерной для стран зависимого капитализма. Подавляющее большинство крупнейших частных объединений и предприятий являются либо филиалами иностранных монополий, либо теснейшим образом связаны с ним через систему участия, патентных соглашений и т. п. Важно подчеркнуть, что после переворота тенденция к дальнейшей ассоциации крупнейших компаний с иностранными монополиями значительно усилилась, причем в последние годы в партнерство с иностранным капиталом стали вступать не только частный капитал, но и такие важнейшие предприятия госсектора, как «Петробраз», «Сидербраз», «Вале-до-Рио-Досе» и др. Вызывает большие сомнения, что на подобном экономическом фундаменте может быть построена политическая надстройка фашистского типа. Едва ли можно состыковать в рамках единой системы такие блоки, как полити-

ка ассоциации с иностранным капиталом на правах младшего партнера и ярый национализм, характерный для фашизма.

Вышеизложенное позволяет, как мне представляется, сделать вывод, что у нас нет достаточных оснований квалифицировать военный режим в Бразилии как фашистский. По многим своим признакам это скорее диктатура традиционного типа, более активно использующая для модернизации и ускорения развития капитализма некоторые инструменты из современного арсенала вмешательства буржуазного государства в экономику.

В заключение хотелось бы добавить, что военный режим Бразилии не только не нашел адекватную и стабильную политическую структуру, но и осуществляет эти поиски непоследовательно, с большими элементами импровизации в зависимости от обстоятельств. «Политическая стабильность», характерная для Бразилии, не так уж прочна, как это иногда кажется на первый взгляд, ибо ее основой в значительной степени был экономический бум, продолжавшийся с 1968 г., но который, по мнению многих экономистов, уже закончился. Окончательное мнение о способности бразильской модели к адаптации, о том, оказывает ли она притягательное воздействие как «работающий» вариант выхода из кризиса структур, можно будет вынести лишь после того, как эта модель пройдет испытания в нынешних неблагоприятных условиях экономического кризиса, в который все глубже втягивается капиталистический мир в целом. Пока же выносить такое суждение преждевременно. <...> [10].

Б.И. Коваль. На мой взгляд, тема дискуссии затрагивает одну из самых острых политических проблем современной Латинской Америки. События последнего десятилетия показали, что внутренняя реакция при самой активной поддержке международных монополий пытается найти выход из глубокого кризиса политических и экономических структур зависимого капитализма на путях отхода от классической буржуазной демократии и установления режимов фашистского типа. Начиная с переворота 1964 г. в Бразилии, эта тенденция в политике – какими бы терминами мы ни пользовались – приобретает не частный, а общий характер. Профашистские движения и партии действуют сейчас практически во всех странах континента, хотя, разумеется, имеют неодинаковые масштабы и возможности. Игнорировать эту крайне опасную тенденцию нельзя. Более того, есть основания думать, что она будет усиливаться, ибо является последним ответом реакции на продолжающееся развитие революционных процессов вообще и выдвижение

пролетариата на позиции класса-гегемона, в особенности.

Проблема фашизма не сводится к дискуссии о том, стоит ли он у власти или собирается ее захватить. Вопрос формулируется шире: может ли сегодня развиваться в странах региона фашистская тенденция? Ответ зависит от оценки двух факторов: а) внешнего – разрядка международной напряженности и ее воздействие на развитие классовой борьбы на континенте; б) внутреннего – структурный кризис, уровень развития капитализма, степень зрелости революционной ситуации и др. <...>

Следует учитывать, что социальная база фашизма обычно шире, чем классовое содержание фашистской власти. Вот почему в докладе Г. Димитрова на VII конгрессе Коминтерна сначала определяется классовый характер фашизма как международного явления, а затем характеризуется его социальная база и формы в зависимости от конкретных национальных условий. При этом специально подчеркивается, что было бы грубой ошибкой устанавливать какую-то общую схему развития фашизма для всех стран и народов.

В условиях Латинской Америки фашизм неизбежно приобретает своеобразные черты ввиду особого, зависимого положения государств континента от империализма США. Фашизм здесь возможен лишь в его проимпериалистическом варианте и служит интересам монополий США. Немаловажной его особенностью является и определенная слабость местных монополистических группировок, и относительная сила реакционных групп крупных аграриев, и гипертрофированная роль вооруженных сил в политике, и воздействие традиций, режимов сильной власти, и исключительно важное стратегическое положение континента, и многое другое.

Иногда это своеобразие стараются выразить терминами «правый экстремизм», «правый радикализм». Но такое определение слишком расплывчато. Понятие «правый экстремизм» («правый радикализм») по своему смыслу шире понятия «фашизм». Последний является как бы «высшей» и последней формой такого экстремизма. Однако его «низшие» формы: политический террор, демагогия, насилие против трудящихся, усиление исполнительной власти, нарушение конституции и т.д. – могут эпизодически или более менее регулярно использоваться и при сохранении основ буржуазной демократии. В этом и таится особая опасность процесса постепенной фашизации.

Общей чертой всех разновидностей фашизма является стремление выдать себя за радетеля национальных интересов. Однако если прежде дикта-

торские режимы в той или иной степени проводили буржуазно-националистический курс, то теперь латиноамериканские фашисты, как и их довоенные предшественники в малых странах Европы, на деле выступают против буржуазно-националистической ориентации. Это естественно, так как для наиболее реакционных групп финансового капитала, особенно для международных монополий, любое проявление буржуазной демократии, а тем более нацеленное, хотя и очень робко, против империализма, представляет серьезную опасность.

Что же касается водораздела между так называемой «традиционной военной диктатурой» и современным фашизмом, то его можно провести весьма условно. Форма власти, приемы политического управления, роль насилия и многое другое фактически остаются без изменения, меняется лишь классовый характер власти, ее социальная база, масштабы и направленность репрессий.

Традиционная военная диктатура в Латинской Америке олицетворяла по преимуществу власть помещичьей (или буржуазно-помещичьей) олигархии. Фашизм же есть главным образом власть монополистических групп буржуазии – как местной, так и иностранной. Аграрная олигархия не отстраняется от власти вообще, но играет уже «вторую скрипку». Министры в генеральских мундирах выполняют при этом роль менеджеров, обладают относительной самостоятельностью, но экономические рычаги власти находятся в руках международных монополий.

Можно сказать, что современный фашизм – это военная диктатура самых реакционных групп местного и международного монополистического капитала. Даже самые примитивные диктатуры (Дювалье на Гаити, Стресснера в Парагвае), словно цепные псы, защищающие интересы империализма, могут быть отнесены к общему феномену неофашизма. Факт их ублюдочности, зависимости, примитивности не меняет дела, ибо в широком плане эти диктатуры – власть международных монополий, а не парагвайской или гаитянской олигархии, хотя, конечно, и местная реакция прямо заинтересована в сохранении тираннии.

В других странах неофашизм, будучи порождением монополистического капитала, способствует ускоренному формированию государственно-монополистической структуры местного капитализма, т.е. по мере своей эволюции укрепляет новый классовый характер власти по сравнению с традиционной военной диктатурой.

Латиноамериканский вариант неофашизма, таким образом, имеет собственное лицо. По функции он практически ничем не отличается от европей-

ских фашистских режимов: подавление революции, развитие государственно-монополистической структуры, использование антикоммунизма, террора и т.д. По происхождению он сохраняет многие черты традиционных военных диктатур, отличающаяся от них не столько методом господства, сколько классовым характером власти. Во многом он навязан извне, экспортирован империализмом, является его сателлитом. Социальная база неофашистских режимов очень ограничена, массовой поддержки они не имеют и иметь не могут. Главной опорой для них служит армия.

Военно-фашистские режимы, не имея собственной партийно-политической структуры, стремятся с помощью корпоративизма интегрировать массы в «новый порядок». Как известно, именно корпоративизм служил стержнем движения предпринимателей, торговцев, владельцев грузовиков и ДРУГИХ против правительства Народного единства в Чили. Немаловажным отличием «классических» форм фашизма от традиционных военных диктатур является слабое развитие принципа фюреризма. Искусственные попытки возродить культ вождя пока не увенчались успехом, главным образом, ввиду невозможности мобилизовать массы на проимпериалистической платформе.

Эти и другие черты свидетельствуют о высокой приспособляемости фашизма к конкретным условиям Латинской Америки, о том, что мы имеем дело с его новым, адаптированным изданием. Вот почему в данном случае более всего подходит термин «неофашизм».

Ахиллесова пята неофашизма – это именно отсутствие массовой социальной базы. Но, как подчеркивал Г. Димитров, было бы крайне опасно строить иллюзии насчет хилости (некоторые даже говорят – невозможности) фашизма в странах, где он не располагает широкой массовой базой. Мы имеем примеры таких стран, как Болгария, Югославия, где фашизм, не имея широкой базы, все же приходил к власти, опираясь на вооруженные силы, а потом пытался расширить свою базу путем использования государственного аппарата. В Португалии фашизм также, не имея массовой базы, тем не менее господствовал почти 50 лет. В Греции режим «черных полковников» никогда не имел поддержки в массах, но держался около семи лет.

Исходя из этого, вряд ли было бы верным считать, что неофашизм вообще лишен какой-либо социальной базы. В действительности у него нет активной социальной базы, но есть пассивное примиренчество массы обывателей. Иногда это своего рода «молчаливое большинство», иногда – «крикливое меньшинство». Масса обывателей может

быть пестрой в классовом отношении, но общий тон, как правило, задают в ней представители мелкой буржуазии. Эти последние особенно подвержены влиянию официальной пропаганды, надеются с помощью «нового порядка» поправить свои житейские дела. <...> [11].

Луис Падилья (Боливия). Приход к власти 21 августа 1971 г. правительства Бансера означал для Боливии наступление периода политической реакции, полную утрату буржуазно-демократической системы правления. Правда, утрата республиканских институтов, выборности органов власти и буржуазного парламента – не исключительное явление в нашей бурной и драматической истории. Даже при относительной прогрессивности президентства Альфредо Овандо Кандиа (1969–1970 гг.) и несомненно патриотическом характере правления Хуана Хосе Торреса (1970–1971 гг.) власть ими осуществлялась де-факто, без строгого соблюдения конституционных норм. Но сегодня в Боливии полностью исчезли буржуазно-демократические формы правления, приведшие к разрыву с буржуазной законностью и уничтожению демократических свобод, – в стране установлена антинациональная террористическая диктатура, стремящаяся утвердить авторитарную политическую структуру по образцу бразильской модели. <...>

Наступление местной и иностранной реакции было направлено против ориентации правительства Торреса. Хотя это правительство не имело широкой социальной поддержки, а рабочее движение не достигло должной организованности, не сумело изолировать ультралевые группировки, было ясно, что в тот период открывалась возможность радикализации народного движения, расшатывания устоев империалистического господства, дальнейшее существование которого вообще ставилось под сомнение. Американские стратеги с самого начала ощутили наличие в стране таких политических устремлений. В то же время они погашали слабость боливийской олигархии, ее неспособность собственными силами изменить ход событий и поэтому постоянно ослабляли правительство Торреса экономическим саботажем и дипломатическим давлением, широко использовали авантюристические действия ультралевых для запугивания средних слоев, для изоляции патриотически настроенных военных, для последовательной нейтрализации офицеров-конституционалистов и сближения их позиций с путчистами из правых группировок, выступавших под личиной «защитников родины». Эти же стратегии подобрали состав «Командо политико» (политического руководства), куда вошли поддерживаемые ЦРУ военные руководители и представители важ-

нейших буржуазно-националистических партий – Боливийской социалистической фаланги (образована 15 августа 1937 г., носила чисто фашистский характер, постоянно провозглашала и практиковала насильственные методы; большинство ее лидеров и членов – представители землевладельческих и мелкобуржуазных кругов; хотя ее «основная доктрина», принятая в 1958 г., повторяет положения христианских демократов и представляет отклонение от фашистской ортодоксии, эта партия до сего дня стоит на антикоммунистических позициях; ее концепция государства заключена в положении: «Индивидуум должен принимать участие в органическом единстве государственности через корпоративный режим») и Националистического революционного движения (речь идет не обо всей партии НРД, а лишь о буржуазно-националистической группировке, которой руководит Виктор Пас Эстенсоро). Таковы были некоторые из основных целей, достигнутые заговорщиками еще до переворота. Когда он произошел, вся эта клика и ее зарубежные ассистенты намеревались даже спровоцировать «отделение» департамента Санта-Крус (оплота заговорщиков) и превратить его в базу сепаратистского государства, на предполагаемых восточных границах которого бразильские военные были готовы «оказать помощь» в случае разгрома мятежников в Ла-Пасе.

Как известно, героическое сопротивление рабочих, трудящихся, студентов было жестоко подавлено путчистами. В различных районах страны были убиты и ранены сотни людей, жестокие репрессии обрушились на политических, профсоюзных и студенческих лидеров, тюрьмы и концлагеря заполнились тысячами патриотов, многие из которых были вынуждены впоследствии эмигрировать. Под запретом оказались левые партии, Боливийский рабочий центр, закрыт университет. Стремясь закамуфлировать свои бесчинства и злодеяния, путчисты обвинили правительство Торреса в том, что оно «поставило на грань катастрофы существование боливийского государства» своей «утопической, инфантильной политикой». Они уверяли, что энергичное восстановление «порядка, безопасности и социального мира» направлено на построение «современного, национального государства», вдохновляемого идеалами «народного национализма».

В этот период ликвидации экономических, социальных и политических достижений народа (первой фазы превращения буржуазно-националистической диктатуры в фашизированное государство) Народный националистический фронт («надпартийный» альянс НРД и БСФ, в который превратилось «Командо политико») не испытывал

особых трудностей. Его лидеры и идеологи открыто поддерживали репрессии против коммунистов и левых политических и профсоюзных руководителей, а члены фаланги явно придерживались еще более жесткой линии. Пользуясь попустительством полиции, они организовали собственные вооруженные группы, своих «куклуксклановцев» (или «белорубашечников») по образу и подобию бразильского «эскадрона смерти».

Весь государственный аппарат Боливии был поставлен на службу буржуазии. Ее фаворитами стали те круги, которые теснее всего были связаны с монополиями. Стоит упомянуть в этой связи о владельцах рудников, а также о крупных ското-промышленниках, сахарозаводчиках и хлопковых плантаторах из департамента Санта-Крус, которые финансировали переворот, и чьи аферы имеют большое воздействие на банковскую и торговую активность. <...> Что касается мелкой городской буржуазии, то на ее отношение к перевороту парализующее действие оказывала антикоммунистическая пропаганда. Эта часть буржуазии надеялась улучшить свое положение, прельстившись обещаниями, которые беззастенчиво раздавались направо и налево буржуазными националистами.

Организованное рабочее движение, потерпев серьезное поражение, не было однако уничтожено. Оно с самого начала стало центром сопротивления народа. <...> Со своей стороны, военные лидеры стали домогаться контроля над крестьянским движением, опираясь на коррумпированных крестьянских «касиков» и ссылаясь на патерналистские традиции вооруженных сил, имеющие своей основой так называемый «военно-крестьянский пакт». Создавалась картина всеобщей (по крайней мере, формально) поддержки режима.

Можно сказать, что до последнего времени союз БСФ и ПРД, учитывая давнее соперничество этих партий, был одним из самых неожиданных достижений американо-бразильской стратегии. Но постепенно между обеими партиями стали возникать противоречия по проблемам экономической политики режима, контроля над государственным аппаратом, которые совпали по времени с усилением сопротивления народа диктатуре. Начался второй этап фашизации Боливии. В области экономической политики эти противоречия концентрируются вокруг той роли, которую должны играть в развитии капитализма государство, местные предприниматели и иностранные вкладчики. На фоне крепнущей борьбы трудящихся выявились и другие внутренние противоречия Народного националистического фронта, возникшие вокруг выбора оптимального варианта капиталистического раз-

вития. <...> Третий этап фашизации боливийского государства характеризуется вмешательством Бразилии, концентрацией власти в руках военных и БСФ. <...> Процесс фашизации Боливии идет относительно сложным и медленным путем. Он не был таким стремительным, как в Чили, что объясняется специфическими условиями развития политического процесса в стране [12].

Рожерио Фрейтас (Бразилия). Реакционный переворот 1964 г. открыл дорогу фашизму в Бразилии. В стране воцарился режим, носящий антирабочий, антидемократический и антинациональный характер. Этот режим, стремясь подавить сопротивление рабочего класса и всех трудящихся масс и подчинить экономической политике, благоприятствовавшей монополиям, прибег к сугубо фашистским методам правления. Были уничтожены самые элементарные буржуазно-демократические свободы, ликвидировано право на забастовку, взят жесткий курс на замораживание заработной платы, отменен закон об ограничении деятельности иностранного капитала. По мере того, как в той или иной форме проявлялась оппозиция диктатуре, принимались все более реакционные меры.

Так произошло во время выборов губернаторов в 1965 г. Кандидаты оппозиции победили в двух крупных штатах – Гуанабара и Минас-Жерайс. Диктатура отреагировала на это частичное поражение принятием «институционного акта № 2», который отменил прямые выборы губернаторов и провозгласил создание двух партий: Национального союза обновления (АРЕНА) – официальной правительственной партии – и Бразильского демократического движения – единственной официально дозволенной оппозиционной партии. В 1968 г. народные и студенческие демонстрации привели к принятию «институционного акта № 5», который установил режим ничем не ограниченной власти президента. Противоречия внутри самой правящей партии отражали в значительной степени растущие трудности диктатуры. В июле 1972 г. Г. Медиси выступил с речью, в которой недвусмысленно провозглашался фашистский характер бразильского государства. Дальнейшая фашизация страны стала ответом господствующих классов на крепнущее сопротивление бразильского народа политике, служащей интересам монополий. Эта политика привела к формированию новой системы господства монополий, в которой государство было поставлено целиком на службу частного капитала. Следует подчеркнуть, что в 1964 г. страна переживала тяжелый экономический, социальный и политический кризис. Коренное противоречие бразильского общества – между блоком монополистической ино-

странной буржуазии и связанной с нею местной буржуазии и латифундистами, с одной стороны, и народом, с другой, – обострилось до крайних пределов. Требовались срочные и эффективные меры для его разрешения. <...>

Переход к ГМК в конкретных условиях Бразилии вызвал необходимость прибегнуть к сугубо фашистским методам правления, что подтверждает высказывание А. Грамши о том, что фашизм «есть попытка разрешить проблемы производства и обмена с помощью пулемета и револьвера». Фашистские методы правления, которые вначале использовались спорадически, стали методами, которые монополии нашли для решения проблем социально-политического и экономического кризиса. <...> Переворот 1964 г. открыл путь для создания ГМК в Бразилии, который по мере укрепления фашистских тенденций приобретал фашистскую направленность. В Бразилии появился ГМК фашистского типа. <...>

Конкретное содержание бразильского фашизма может быть охарактеризовано следующим образом: 1) внедрение фашизма в Бразилии происходило в течение более или менее длительного времени, когда фашистские тенденции, проявившиеся после переворота 1964 г., переросли в систему господства; распространение фашизма в Бразилии происходило «сверху», а не «снизу», как в некоторых других странах, где движения фашистского толка пришли впоследствии к власти; 2) террор и насилие фашистской диктатуры в Бразилии развивались от стадии всеобщих и сплошных репрессий к стадии оформления высокоорганизованной репрессивной системы, которая проводит в жизнь «научно» разработанную политику ликвидации любой реальной угрозы режиму. Создана военно-полицейская система, осуществляющая почти абсолютный контроль над жизнью нации. Этот контроль проводится под маской некоей видимости «представительной демократии»; 3) массовая база диктатуры очень узка. Это в основном те слои средней и мелкой буржуазии, доля которых в распределении национального дохода в период так называемого «бразильского чуда» выросла. Узость социальной базы фашизма в условиях Бразилии предопределяет огромное значение для сохранения режима манипуляции общественным мнением и вообще социальной демагогии; 4) бразильский фашизм не опирается на массовую партию. В современных условиях он пытается использовать низкий уровень организованности масс. Народные массы не допускаются к какой бы то ни было политической деятельности, что сделало практически неосуществимым создание фашистской партии. На практи-

ке роль такой партии взяли на себя вооруженные силы; 5) главная цель диктатуры по отношению к профсоюзному движению состоит в том, чтобы, используя корпоративный тип его структуры и опираясь на жестокие репрессии, превратить профсоюзы в организации, занимающиеся лишь досугом трудящихся и распределением некоторых социальных услуг. При этом делается попытка лишить профсоюзы какого бы то ни было классового содержания; 6) социальная политика глубоко пронизана фашистскими идеями: «сотрудничества» классов, достижения «гармонии» интересов хозяев и пролетариев, отрицания классовой борьбы и объединения народа вокруг целей, якобы имеющих общенациональное значение. В Бразилии целенаправленно работают над внедрением в массы иллюзии об их растущем участии в распределении национального богатства. Это делается для того, чтобы «интегрировать» народные массы в существующую систему; 7) режим опирается на силу оружия и репрессивного аппарата, который непрерывно совершенствуется; 8) бразильский фашизм превратился в один из главных инструментов неоколониалистской политики североамериканского империализма не только в Латинской Америке, но и в Африке. Речь идет об использовании Бразилии в качестве оперативной базы в борьбе против народов соседних стран; чтобы не допустить повторения кубинского опыта, осуществляется политическое, экономическое и даже военное вмешательство. <...> [13].

М.Л. Чумакова. <...> Отдельные аспекты официальной идеологии, а также особенности современного внешнеполитического курса Бразилии служат подтверждением положений, содержащихся в докладе К.Л. Майданика. <...> Доктрина «национальной безопасности» начала разрабатываться военными стратегами Бразилии четверть века назад в обстановке «холодной войны» и углубляющегося внутривнутриполитического кризиса. К моменту прихода военных к власти эта доктрина представляла комплекс технократических, неокapиталистических и геополитических концепций, основное идеологическое содержание которых определялось задачами обеспечения «национальной безопасности страны» от «коммунистической угрозы». Неприкрытый антикоммунизм – важная и определяющая черта доктрины; другой важный ее элемент – вариант теории «неокапитализма», предусматривающий модернизацию капиталистического развития страны с помощью иностранного капитала и технологии. неотъемлемым ее компонентом является идея создания «сильной национальной власти», обеспечивающей «порядок и стабильность». Как уже отмечалось в ходе дискуссии, на практике это вылилось в террор

и репрессии. С помощью пресловутой «сильной национальной власти» идеологи режима намеревались превратить Бразилию в развитое современное государство, преодолеть глубокий социально-экономический кризис. Именно этим объясняется крайний национализм доктрины, выразившийся в идеях бразильской исключительности и «великого предназначения» Бразилии, превращения ее в великую державу в конце XX в. Идеи «великого предназначения», занимающие важное место в арсенале правительственной пропаганды, во многом напоминают идеи бразильских фашистов-интеграллистов 30-х годов, поддерживавших контакты с идеологами германского и итальянского фашизма. Их лидер Плинио Салгадо призывал «дать бразильскому народу идеал, который приведет к исторической цели. Эта цель, способная поднять народ, – национализм, устанавливающий порядок и дисциплину внутри страны и утверждающий нашу гегемонию в Латинской Америке». Один из крупнейших военных теоретиков Бразилии генерал Голбери Коуту-э-Силва еще в 50-е годы на основе работ немецкой геополитической школы разработал долгосрочную внешнеполитическую стратегию Бразилии. Теоретические послышки Голбери, занявшего в правительстве Гайзелера пост начальника гражданской канцелярии, быть может, не представляли бы особого интереса, если бы военные правительства не работали над их реализацией. В соответствии с геополитическими посылками военных стратегов первоочередное внимание уделялось и уделяется странам Ла-Платы, которые стали ареной экономического и политического проникновения Бразилии. Экспансия, однако, не ограничивается пределами континента. Намеченный еще 15 лет назад идеологами Высшей военной школы курс на расширение влияния Бразилии в Южной Атлантике практически претворяется в жизнь. Активизация бразильской дипломатии в Западной Африке мотивируется нуждами «безопасности» Атлантики перед лицом «коммунистической угрозы» (т.е. освободительного движения на африканском континенте). <...>

Представляются очень плодотворными идеи К.Л. Майданика о биполярной структуре бразильского капитализма (госсектор и международные монополии) и возможной последующей трансформации бразильского режима [14].

Э.Л. Левыкин. Прежде всего хотелось бы указать на один существенный момент, который сразу же определяет позицию тех или иных участников дискуссии: устойчивые, ярко выраженные реакционные террористические черты фашистское движение приобретает, лишь вступив в тесный контакт с крупным промышленным и финансовым

капиталом. Без этого союза, без опоры на империализм фашистские организации при своем зарождении еще подвержены колебаниям и противоречиям, которые присущи мелкой и средней буржуазии и которые проявились бы сразу, как только волна контрреволюционного психоза пошла на убыль. Не случайно, например, Муссолини, перед тем, как захватить власть, заручился поддержкой крупной промышленной буржуазии. Итальянский промышленник Пирелли так отозвался о беседе с Муссолини: «Промышленники были полны восхищения от найденного ими человека, который мог обсуждать проблемы с большим знанием дела и с глубоким пониманием их сложности и важности». Однако из этой беседы не следует, что промышленники познакомились с Муссолини непосредственно перед его «походом на Рим». Представители крупного бизнеса редко афишируют свои связи с фашистскими лидерами. Они предпочитают оставаться в тени. Об этом свидетельствует тот факт, что два крупных итальянских бизнесмена, братья Марио и Пио Пероне, еще в 1914 г. тайно оказывали поддержку Муссолини в борьбе с социалистической партией, финансируя его газету «Пополо д'Италия». <...>

Огромное значение для фашизма имеет наличие массовой социальной базы.<...> В Чили приход к власти не означал победу лишь небольшой кучки военных. В своих действиях они, бесспорно, опирались на определенные социальные слои, на их финансовую и моральную поддержку. <...> К.Л. Майданик верно отметил тот факт, что в момент установления режима фашисты опираются на массовую поддержку, а в последующий период их социальная база сокращается. Спорным остается вопрос о том, всегда ли расширяется социальная база режима в период экономического подъема. По-видимому, не все показатели экономического роста страны могут свидетельствовать о расширении границ социальной базы режима.<...> [15].

Отто Санчес (Гватемала). Процесс фашизации Гватемалы начался в 1954 г. сразу после вооруженной интервенции США, приведшей к падению демократического правительства Хакобо Арбенса. С тех пор и поныне основной целью реакционных сил, утвердившихся у власти с помощью империализма, стало создание централизованного, авторитарного и репрессивного государства неофашистской ориентации, которое гарантировало бы буржуазно-землевладельческой олигархии, высшим военным чинам и иностранным монополиям «порядок» организованного и узаконенного грабежа и насилия. <...> За 20 лет на фоне острейшей классовой борьбы в стране сменилось восемь контрреволюционных правительств, произошло два ре-

акционных государственных переворота, состоялись четыре избирательных кампании и два плебисцита, результаты которых были беззастенчиво фальсифицированы. За это же время были утверждены две антидемократические конституции: первая — для легализации иностранной интервенции, вторая — для закрепления результатов военного переворота Энрике Перальта Асурдиа в 1963 г. Кроме того, был принят целый ряд репрессивных актов, подобных закону об «общественном порядке» или так называемому закону «в защиту демократических институтов». <...> Ст. 207 и 214 конституции, впервые за всю историю нашей страны предусматривающие создание корпоративного государственного совета, почти целиком и полностью повторяют ст. 83, 102 и 103 португальской конституции 1933 г., в которых говорится об организации корпоративной палаты. Избирательные фарсы приводили лишь к созданию правительств, целиком и полностью ставивших себя на службу буржуазно-землевладельческой олигархии и иностранных монополий, не пользующихся никакой поддержкой народа. Режим Хулио Сесара Мендеса Монтенегро явился продолжением военной диктатуры Перальты Асурдиа, но с конституционным фасадом. Режим Арана Осорио принял форму военно-террористической диктатуры. Режим Эухенио Лаугеруда, узурпировавшего власть в июле 1974 г., в сущности, почти ничем не отличается от предыдущих правлений и может быть определен как правототалитарный. Таковы некоторые из примет фашизации Гватемалы, самой бесчеловечной, зверской стороной которой являются репрессии и террор. <...> [16].

Элоина Рапп (Испания). На наш взгляд, не следует создавать жесткую схему всех характерных черт фашизма, хотя мы согласны с классическим определением фашизма, данным Г. Димитровым. <...> Еще в 30-е годы отмечалось, что фашистская диктатура стремится найти опору в массах. Я подчеркиваю «стремится», потому что она не всегда этого достигает. Пример Португалии наглядно показал, что диктатура не имела здесь опоры в массах. Хотелось бы обратить внимание и на то, что нельзя терять из виду «эволюцию» фашизма, который <...> может со временем «видоизменяться». Черты фашизма, характерные для одной страны, не являются таковыми для другой. <...> Но, кроме того, в разные исторические моменты фашизм может приобретать различные формы в одной и той же стране. Поэтому надо всегда иметь в виду два фактора: конкретная страна и время, в том числе в той же конкретной стране.

В Испании, например, фашизм не одинаков в разные годы. Я не разделяю оценки Х.К. Мариате-

ги <...> в отношении диктатуры Примо де Риверы. Ее можно определить как военно-фашистскую диктатуру, но это еще, если можно так выразиться, «зарождающийся фашизм». Да и франкистская диктатура не остается неизменной. В 30-40-е годы она — одно, сейчас — другое. Нет сомнения, что произошла определенная эволюция: обстановка внутри страны и в мире несомненно накладывает свой отпечаток и на франкистскую диктатуру.

Сомнений в фашистской сущности режима в современной Испании, в фашистском характере правящей верхушки у нас нет. Демократические свободы, права народа урезаны. Пролетариату не разрешено иметь свои классовые профсоюзы, запрещено право на собрания, на свободное выражение своего мнения, на создание объединений. Продолжаются репрессии: упомянем хотя бы процесс против десяти руководителей рабочих комиссий в декабре 1973 г., убийства рабочих в Гранаде, Мадриде, Эль-Ферроле, в Стране басков. По данным политической полиции, только за четыре месяца 1974 г. число жертв режима превысило 400 человек. А общее число людей, ожидающих приговора специальных трибуналов, достигло 20 тыс. человек. К этому надо добавить преследования забастовщиков, демонстрантов, новый репрессивный закон, опубликованный 27 августа 1975 г. и приравнивающий любое политическое действие оппозиции к террористическому акту. Новым свидетельством фашистской сущности режима стал приведенный в исполнение 29 сентября этого года смертный приговор, вынесенный военным трибуналом пяти испанским антифашистам. <...>

<...> От фашизма уже отошли очень важные слои, например, определенные круги церкви, которые или способствовали приходу его к власти, всегда его поддерживали, или такие, как «традиционалисты» (карлисты). <...>

Фашизму нельзя отказать в умении маневрировать. Франкизм в Испании изворачивался на протяжении всего своего существования. Так, он выработал политику социального лавирования. Он всегда маневрировал и с точки зрения политической: в вопросе о кортесах, которые не имеют ничего общего с подлинно демократическими учреждениями, с законом о преемственности власти (Испания формально являлась монархией, но без короля). <...>

События в Чили и Португалии ставят перед нами еще раз вопрос о роли армии в современном обществе. <...> Конечно, мы не можем ожидать, что капитаны в Испании восстанут и откроют народу двери свободы. Испанская армия не стоит перед фактом проигранной колониальной войны, которая

привела бы к осознанию ее средним звеном необходимости демократии. С другой стороны, надо учитывать и особенности страны: после опыта 1936 г. <...> в испанской армии, пожалуй, превалируют тенденции к неучастию в политической борьбе. <...>

Не следует забывать, что затянувшийся франкистский режим представляет собой постоянную опасность для континента. В Испании всегда находили убежище и поддержку фашисты (нацисты, итальянские фашисты, члены ОАС, усташы и т.п.). В настоящее время там пытается обосноваться разгромленное отребье Португалии. <...> [17].

К.Л. Майданик (заключительное слово). В дискуссии выявились моменты, по которым уже сложилось, если не одинаковое, то преобладающее мнение, и моменты, обсуждение которых только началось. По-видимому, существует достаточная общность мнений (хотя и не единодушие) в вопросе о том, связано ли появление «режимов нового типа» в Латинской Америке с глубинными процессами социально-экономического развития или же это «отклонение» в развитии <...>. Все или почти все, о чем здесь говорилось, свидетельствует о том, что установление этих режимов (как бы мы их ни называли) – явление глубоко закономерное и новое для Латинской Америки <...>.

В дискуссии был затронут важный вопрос: можно ли называть данные режимы фашистскими? Классическое определение фашизма, данное на VII конгрессе Коминтерна, ответило прежде всего на главный вопрос: «В чьих руках власть?» Определение это было противопоставлено трактовке фашизма как мелкобуржуазного течения, власти мелкой буржуазии. В условиях 30-х годов оно сыграло очень важную роль. Но в нем не отражена ни специфика, ни связь фашизма с проблемой перехода к ГМК, отсутствует анализ механизма власти – моментов, всю важность которых показали последующие события. По этим и иным причинам ограничиваться определением, данным VII конгрессом Коминтерна, для полной научной характеристики такого сложного явления, как фашизм, сегодня, сорок лет спустя, уже неправомерно. Я думаю, что такое определение будет еще выработано. Но сегодня, говоря о фашизме, приходится в основном прибегать к «описательному методу».

1. В докладе названы несколько главных аспектов, сближающих режим бразильского (или чилийского) типа с «классическими» фашистскими диктатурами. По сути дела, никто из выступавших не опроверг того, что данные аспекты присущи и «классике», и латиноамериканской реальности. Критика шла в другом направлении: указывалось на те черты европейских фашистских режимов, кото-

рых латиноамериканские страны лишены. Названы были три главных «несовпадения»: экономическая база, проблема однопартийности (и харизматического лидера) и проблема «низового» элемента режима, особо активной роли, которую играют в его установлении и функционировании мелкобуржуазные и деклассированные элементы.

Никак не могу согласиться с положением А.П. Караваева о том, что экономической базой всех (или большинства) фашистских режимов в Европе явился высокий уровень развития монополистического или даже государственно-монополистического капитализма, поскольку, кроме как в Германии, такого уровня не было ни в одной фашистской стране. А.П. Караваев сравнивает фашизм с «чумой», которая распространялась в 20–30-х годах по всему миру и которой мог «заболеть каждый». Возникает однако вопрос: почему одни ею заболели в тяжелой форме, что приводило к победе фашизма, а другие, скажем, Англия – на одном полюсе – или Аргентина – на другом, при наличии симптомов болезни (будь то полукарикатурное движение Мосли или отдельные элементы фашистской политики у Перона) – нет? Случайно ли, что за пределами Германии фашизм не победил ни в одной из стран высокоразвитого капитализма, где переход к ГМК повсеместно произошел не в фашистской оболочке? В то же время нет ни одной европейской капиталистической страны среднего и ниже-среднего уровня развития, к межвоенному режиму которой не прилагалось бы определение «фашистский». И если не всегда это было столь оправдано, как в случаях с Италией, Испанией, Португалией, Грецией, Венгрией, Литвой, Латвией, Румынией, Польшей, Болгарией, то сам тот факт, что установление фашистских режимов не предполагает высокого уровня развития монополий, представляется совершенно очевидным. И тем в меньшей мере работает соответствующий довод (о слабости монополий или ГМК) против положения о фашистской природе соответствующих режимов в Латинской Америке (особенно с учетом деятельности международных корпораций). Разве капитализм в Бразилии, Чили или Аргентине сегодня развит меньше, чем в Испании 30-х годов, Италии 1921–1922 гг.? Говорить же о ГМК как о базе фашизма неверно с любой точки зрения. Фаза ГМК является, условно говоря, не основой, а целью развития, обеспечить достижение которой со стартовой площадки неразвитого капитализма мог – во всяком случае, в первой половине XX в. – только фашизм. С этой точки зрения отсутствие зрелого ГМК скорее является стимулом, чем препятствием для установления фашистского режима: последний в борьбе с со-

циалистической альтернативой призван обеспечить переход к первому. Иначе говоря, природа кризиса структур среднеразвитого капитализма порождает фашизм как преобладающую тенденцию перехода к ГМК (т.е. буржуазного решения этого кризиса), ибо, а) здесь эволюционный «мирный» переход к ГМК не подготовлен ни экономически, ни социально в отличие от стран высокоразвитого капитализма; б) здесь несравненно сильнее, чем в последних, социально-политические предпосылки социалистической альтернативы, пролетарской революции.

Второй из спорных вопросов этой группы: о монопартийной системе, «без которой не может быть фашизма и которой нет в странах Латинской Америки, в частности, в Бразилии». Этот довод, мне кажется, основан на смешении проблемы «формы и содержания» при анализе механизма реальной власти. Ибо в той же Бразилии существует реальная монопартийность. Просто соответствующая партия называется армией, в то время как формально действующие партии к реальному механизму власти прямого отношения не имеют. С другой стороны, подобная ситуация не есть нечто совершенно новое в истории фашизма. По большей части военно-фашистские режимы обходились без партий итало-германского типа. Ведь и в Испании реально правящей партией была армия, а не фаланга (которая была сугубо второстепенной частью сил, поднявших фашистский мятеж и захвативших власть). Какая партия правит сегодня в Чили? Или недавно правила в Греции? Иначе говоря, армия может выполнять в фашистском механизме власти функцию партии, и в этом плане подобные режимы монопартийны.

С этим связана и проблема харизматического лидера. В условиях, когда реальная власть осуществляется, прежде всего, через военный аппарат с непосредственной опорой на вооруженные силы, объективная потребность в фюрере значительно слабее и сам он приобретает некие пародийные черты (Франко явился понятным – три года войны – исключением. Но вспомним о Пападопулосе да и о Пиночете). Но это не делает соответствующие режимы менее опасными.

Остается, таким образом, действительное различие, связанное с проблемой «низового элемента». Но слабость этого элемента в Бразилии или Чили не является, по-моему, достаточным основанием для того, чтобы отказать режиму в целом в фашистском характере. Ибо при всей важности аспектов, которые определяются «низовым» элементом фашистского движения в странах, где тот имел место, они не являются непереносимыми атрибутами всех режимов, которые и в нашей, и в зарубежной ли-

тературе устойчиво определяются как фашистские. Речь идет о режимах испано-португало-греческого типа, которые, хотя и имели некую массовую базу, так же, как чилийский и бразильский переворот, но не имели организованного «низового» движения, опирались не на слои, «выбитые из колеи», а, напротив, на «традиционно забитые».

Думается, что в основе стремления найти отличное от фашизма (пусть, по существу, и сходное) определение для рассматриваемых режимов зачастую лежит закономерное для нас отождествление «общefaшистского» содержания с гитлеровской формой. В значительной мере по тем же причинам многие видят в фашизме преимущественно политико-психологически-идеологический феномен (абстрагируясь от иных аспектов явления). Именно в этой сфере, особенно с точки зрения формы, различия между Германией и, скажем, Бразилией больше, чем в других. В этой связи предложение Б.И. Коваля о том, чтобы сузить разногласия и дать дефиницию фашизма, исходя по сути дела лишь из политической его сущности, представляется мне весьма привлекательным – на политико-пропагандистском уровне. Но в конечном счете это не решает проблемы. Ибо рано или поздно все равно возникнет необходимость анализа социально-экономической структуры. Кроме того, при таком подходе – особенно в условиях повсеместного проникновения международных монополий – любой реакционный режим в Латинской Америке, в том числе и традиционная реакционная диктатура, будет отвечать формуле фашизма (понимаемого как военная диктатура самых реакционных групп местного и международного монополистического капитала). Но поможет ли реальной борьбе игнорирование качественных различий между теми режимами, которые сейчас возникли в наиболее развитых странах Латинской Америки? Сомнения в этом заставляют высказаться в пользу исследования политических, социальных и экономических аспектов латиноамериканского фашизма и в пользу определений, на таких исследованиях основанных. Причем не давая их задним числом. Ждать же, чтобы данные режимы сначала проявили себя всесторонне и во всех испытаниях и лишь затем давать их характеристику, значит, на мой взгляд, смешивать задачи и методы естественных и общественных наук, объяснять явления *post factum*, отказываясь от активного воздействия на них.

2. С рассмотренной в дискуссии темой тесно переплетаются две другие: об отдельных проблемах фашистских режимов (социальная опора, массовая база и др.) и о соотношении режимов рассматриваемого типа с «нормальным неокapиализмом».

Я согласен с высказанным на дискуссии мнением, что социально-экономической базой фашизма в Латинской Америке являются в гораздо большей мере международные, нежели местные монополии. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что не менее важной базой, на которой развивается и которую развивает фашизм, служит соответствующим образом ориентированный госсектор. Подобный госсектор зависит от мирового ГМК, он, как правило, идет на соглашения с международными монополиями, подчас срачиваясь с ними. (Хотя между ними могут возникать и довольно существенные расхождения и противоречия). Мне кажется, что мы зачастую идеализировали государственный сектор как таковой, видя в нем – при любой ситуации и ориентации режима – элемент не только социально-экономического, но и политического прогресса. Однако имеется уже достаточно примеров (начиная с европейского фашизма и кончая, скажем, современной Индонезией), когда государственный сектор являлся основой самых реакционных режимов. И есть основания предвидеть, что это, к сожалению, повторится в «третьем мире» еще не раз.

О социальных связях фашизма. Бесспорно, история дает нам картины своеобразной пульсации как и социальной основы, так и массовой базы фашистских режимов. В частности, проблема отношения буржуазии стран «среднекапиталистической» фазы к фашизму, действительно, не так проста. Определенным слоям буржуазии на определенных этапах развития действительно не нравится установление фашистского режима, свойственных ему форм хозяйствования. Не в силу приверженности этой буржуазии, демократии или национальным интересам, а потому что она не может выдержать модификаций, которые несет фашизм, и прежде всего тенденции к возвышению монополий, роли государства в экономике, специфических тоталитарных приемов.

Тенденция к возвышению роли буржуазного контрреволюционного государства, к превращению государственной собственности в первичную (а не вторичную) представляет собой, очевидно, одну из главных тенденций данных режимов в сфере экономического развития. И связанные с этой тенденцией силы (а это и монополии) навязывают свою волю аутсайдерам буржуазии. Вместе с тем вряд ли следует абсолютизировать и приверженность монополий фашистским формам господства. Э.Л. Левыкин говорил о том, что социальная основа фашистского режима не может быть уже «ядра», т.е. монополий. Это, по-моему, неточно. После 20 июля 1944 г. главные силы немецких монополий, по сути дела, перешли в пассивную оппозицию нацистско-

му режиму. Тем не менее, тот продолжал существовать еще почти год, и уничтожение его стоило еще много крови. На мой взгляд, ядром специфически фашистского режима являются не столько монополии вообще, сколько та часть госаппарата и та часть монополий, которые непосредственно связаны с фашистскими методами управления и хозяйствования. Хотелось бы сослаться и на то, что происходит сейчас в Испании, где значительная часть не только буржуазии вообще, но и монополий (и, быть может, современные монополии в большей мере, чем буржуазия в целом) уже тяготеет к франкистскому режиму. И тем не менее режим все еще держится.

О массовой базе. М.И. Поляков в принципе прав: если на стороне режима армия, массовая поддержка нужна меньше. Но конкретные примеры Бразилии и Чили не подтверждают мысли об отсутствии массовой опоры у путчистов. Поддержкой средних слоев в момент переворота они обладали. Вспомните мартовские демонстрации в Сан-Пауло в 1964 г., октябрь 1972 г. или август 1973 г. в Чили. Хотелось бы напомнить и о сотнях тысяч доносов, которые получила чилийская хунта в первые дни переворота. Кто их посылал?

Лишь после переворота происходит та эволюция средних слоев, о которой упоминалось в докладе. Хунта или военный режим на каком-то этапе себя изолирует. Так было в Бразилии в 1967–1968 гг., в Чили – с января-февраля 1974 г. Что происходит далее? В Бразилии политический кризис 1967–1969 гг. кое-чему научил правящие круги. Да и эволюция экономического положения давала им новые возможности. В прежнюю политику вводятся компенсирующие моменты – будь то по линии экономики (в частности, развитие госсектора) или по линии националистической пропаганды. К 1971–1972 гг. режим вновь перетягивает на свою сторону значительную часть средних слоев. Но позволяет ли это говорить о «неокапиталистической модели», об интеграции масс в нечто, схожее с обществом потребления на Западе? Думаю, нет. В Латинской Америке такое общество – даже в те редкие периоды, когда действуют соответствующие процессы, – создается на резко суженной основе. В него «интегрируются» (даже в качестве потребителей) лишь 10-15% населения.

В связи с этим кругом проблем развернулась интересная дискуссия относительно «социальной модернизации» – или «социального иммобилизма» – в современной Бразилии и в странах «классического» фашизма. Действительно, все зависит от того, как понимать социальную модернизацию. Если речь идет о социально-экономической модернизации – это бесспорно одна из главных черт поч-

ти каждого фашистского режима. С этим согласны все, хотя одни говорили, что сущность такой модернизации заключается в переходе от системы среднеразвитого капитализма к ГМК, другие – от капитализма высокоразвитого (в случае Германии). Другое толкование понятия «социальная модернизация» сводится к абсолютному изменению положения тех или иных социальных слоев, улучшению этого положения и т. д. В этом смысле можно говорить о том, что при определенных условиях, на определенной стадии фашистского режима подобная социальная модернизация действительно имеет место (уничтожение безработицы в Германии, например).

Здесь, правда, есть немало «но». Если это улучшение происходит за счет увеличения абсолютного размера затрат труда эксплуатируемыми классами, но без изменения их доли в национальном доходе – назвать такое явление социальной модернизацией, социальным сдвигом в собственном смысле слова, думаю, нельзя. То же можно сказать и о ситуации, когда подобное улучшение достигается за счет прямого ограбления завоеванных стран и народов. Там, однако, где нет ни абсолютного повышения жизненного уровня основной массы трудящихся, ни повышения их доли в национальном доходе, говорить о социальной модернизации, о примате (или равноправии) метода социального маневрирования над методом репрессий не приходится. Факты, приведенные в одном из выступлений относительно «социального маневрирования» в Бразилии, в этом плане весьма красноречивы – думаю, что участники дискуссии без труда узнали форму и даже формулы немецкого, итальянского, испанского (в 40–50-е годы) хозяйствования.

По общему правилу, фашистский режим присоединяет к реальной политике социальной консервации лишь те или иные методы социальной демагогии. Причем формы последней становятся еще одной чертой сходства этих режимов в Европе и Латинской Америке и в то же время отличают и те, и другие от политики буржуазии в странах развитого ГМК.

По этой проблеме хотелось бы высказаться определеннее. Вопрос о дефиниции рассматриваемых режимов (определим ли мы их как реакционно-авторитарные, фашистские, праворадикальные и т. д.) – при всей его важности – не имеет решающего значения. Это тема дискуссионная, и любой термин имеет право на существование, коль скоро мы признаем, что имеем дело с чем-то качественно отличным и от того, что было до сих пор в Латинской Америке, и от того, что есть сейчас в странах развитого капитализма. Но когда утверждается,

что нынешние режимы в Бразилии или Чили представляют собой «неокапитализм» с какими-то незначительными поправками и что, если мы будем слишком много говорить о фашизме в Латинской Америке, то вот тогда-то там и появится настоящий фашизм, – это совсем другое дело.

Подобные оценки либо приукрашивают латиноамериканские режимы, уподобляя их западноевропейским, либо резко искажают реальную ситуацию в странах Запада; они объясняются, как мне кажется, в некоторых случаях «антиультралевым синдромом»: главную причину всех бед ищут в действиях ультралевых, которые-де и толкнули буржуазию и средние слои к фашистскому извращению «нормальных» неокапиталистических тенденций. Фашизм как закономерная и господствующая линия буржуазии – в условиях кризиса данного типа – начисто исчезает.

Я думаю, что объяснять приход к власти фашистов (и, очевидно, обличения левобуржуазной прессы) действиями ультралевых соблазнительно, но неверно. Однако в принципе можно представить себе иную, более обоснованную аргументацию положения о «неокапиталистическом» характере режимов бразильско-чилийского типа: и здесь, и на Западе ведущей тенденцией является рост государственно-монополистических тенденций хозяйствования и управления.

Мир стран развитого ГМК находится ныне на пару витков спирали капиталистической эволюции выше, чем Латинская Америка. И это не может не дать качественного различия даже в подходе к решению параллельных проблем, в развитии однотипных процессов. Так (и об этом говорилось в дискуссии), в Латинской Америке, как некогда в европейских странах «среднего уровня развития», буржуазия, ощущая или осознавая невозможность обеспечить выход из кризиса структур, переход к структурам ГМК «экономическими», реформистскими методами, не может не прибегать к методу, в основе своей внеэкономическому. Поскольку же речь идет о переходе к «неокапитализму» или, точнее, к ГМК в странах Запада, то здесь, кроме Германии, этот переход (от структур развитого капитализма) произошел – в национальных рамках – без катастрофических потрясений; впоследствии правящие круги с достаточным успехом (во всяком случае, до начала нынешнего сырьевого и энергетического кризиса) применяли в основном экономические методы управления, манипулирования, хозяйствования.

Быть может, эти различные методы господства буржуазии сблизятся в будущем по мере развития кризиса системы ГМК. Но абсолютизировать эту

возможность, даже отвлекаясь от перспективы революционного решения проблем кризиса системы ГМК на Западе, не стоит. Ибо различным фазам капитализма свойственны и качественные различия в формах их преодоления – путем ли полного разгрома системы (революция), посредством ли внутриформационного перехода к новой капиталистической структуре. Вряд ли существует решение единое как для перехода от среднеразвитого капитализма к ГМК, так и для преодоления того кризиса ГМК, который, быть может, уже начинается и который действительно даст какие-то новые, неизвестные нам еще формы господства капитализма, если революционные силы не смогут навязать социалистическую альтернативу.

Думаю, что в эпоху научно-технической революции шансы традиционного фашизма в странах развитого ГМК невелики. Прежде всего потому, что слишком большое значение для общества имеет уничтожаемый в условиях тоталитарной диктатуры механизм обратной связи. Попытки создать там «классический» фашистский режим в конечном счете идут против ведущих тенденций объективного развития самого капитализма. Беда, однако, в том, что история знает не только закономерности, но и случайности, зигзаги развития. <...> Но то, что для Запада – «случайность», для Латинской Америки – закономерность, и в этом коренное различие между ними.

Именно в связи с этим хотелось бы высказать соображения по поводу термина «неофашизм» в применении к современной Латинской Америке да и к Западной Европе. Лично мне такое использование данного термина представляется, если можно так выразиться, не своевременным и потому нецелесообразным. Клеточку классификации, на которой написано «неофашизм», я бы оставил как раз для тех тенденций, которые рождаются – или могут родиться – в будущем на почве кризиса развитого ГМК. Сегодня же речь скорее об эпигонах «классического фашизма» в Италии, Германии или о латиноамериканской разновидности последнего.

Для соответствующих режимов в сегодняшней Латинской Америке вполне подходит термин «фашизм» или «военный фашизм» (я его предлагал в качестве одного из наиболее приемлемых, по крайней мере на сегодня, терминов).

Возвращаясь же к содержательной проблеме уподобления нынешних процессов и ситуаций в Латинской Америке и на сегодняшнем Западе, хочется еще раз выразить мнение о том, что подобное уподобление политически вредно, прежде всего для антифашистской борьбы в Латинской Америке, и научно несостоятельно.

О слабостях фашистских режимов и об оптимальных путях борьбы с ним. Здесь мне хотелось бы вторично возразить Б.И. Ковалю (с остальными положениями его выступления я согласен). Он говорил о том, что даже возврат к буржуазно-демократическому прошлому лучше, чем настоящее (фашистская диктатура), что VII конгресс Коминтерна призвал защищать буржуазную демократию от фашизма. Я думаю, что здесь мы возвращаемся к проблеме различия между высокоразвитыми и среднеразвитыми капиталистическими странами. Постановка этой проблемы Коминтерном исходила из условий стран высокоразвитого капитализма. Не только имея в виду непосредственные интересы рабочего класса, компартий, демократических сил, не только потому, что в этих странах буржуазная демократия действительно и долго существовала, пустила глубокие корни, стала фактором массового сознания, была живой и живучей. Но и потому, что здесь, защищая от фашизма даже прошлое, революционные силы отстаивали вместе с тем реальный путь в будущее, ибо, как показала практика, «представительная демократия» оказалась для этих стран гораздо более жизненной формой выхода из кризиса системы, перехода к «следующей ступени», чем фашизм. Но в странах среднеразвитого капитализма ситуация иная. Здесь фашизм выступает как действенное орудие буржуазной модернизации структур, находящихся в глубоком кризисе. И защищать, как это делают некоторые буржуазные политики, прежние структуры, призывая к возвращению времен Гуларта или, скажем, Пачеко Ареко в Уругвае и т.д., стратегически бесперспективно. Также обстоит дело и в «периферийной» Европе между двумя войнами. В условиях кризиса структур среднеразвитого капитализма единственно действенный путь антифашистской борьбы заключается именно в движении вперед через революционно-демократические преобразования к социалистической перспективе, как это было во всех тех странах Европы, где велась борьба с фашизмом.

Другой вопрос, как называть переходный режим. Формулы сейчас возникают разные, но важна суть дела: реальной альтернативой фашизму, как говорит и опыт Кубы, и опыт Чили, и опыт Перу, не является ни возвращение к режиму свободной конкуренции, ни возвращение к режиму псевдodemократии, «чистой демократии» и т.д. Это надо иметь в виду и потому, что в последние два года настойчиво проповедуется идея: «Сколько фашизм ни ругайте, он дело сделал, а демократия и этого сделать не сумела в свое время. Авторитарный режим оздоровил экономику, осуществил индустриализацию, возвысил нацию» и т.д. Правда,

экономический маразм в Чили и Уругвае, трудности и буксование бразильской экономики в 1975 г. лишают подобные аргументы действенности. Но не забудем и того, что эта ситуация в экономике фашистских стран связана не только со структурными, но и с конъюнктурными моментами. И изменение последних может вновь привести к ситуации, когда подобное противопоставление динамичного фашизма гниению и бессилию традиционной псевдодемократии может воздействовать на политически пассивные массы. Вокруг лозунга борьбы за возвращение к прошлому или в основном к прошлому можно сплотить на определенное время очень широкий блок сил, но я думаю, что в конечном итоге он будет нежизнеспособным и недейственным в сопротивлении фашизму, также, как не был жизнеспособным ни в одной из стран этого типа в прошлом. Разумеется, там, где демократические учреждения по той или иной причине сильны и перспективны (Коста-Рика, Венесуэла), там и защита их необходима (впрочем, в этих странах и фашистская угроза значительно слабее).

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что фашизм (об этом убедительно говорила Элоина Рапп) не остается неизменным. Есть фашизм «свежий». Наше главное пожелание чилийским товарищам будет, очевидно, заключаться в том, чтобы они <...> стали первыми в мире, кто покончит со «свежим» фашизмом. Есть фашизм уже зрелый, который начинает проводить социальную политику более широкого масштаба, постепенно отходя от «чистой» социальной демагогии. Есть фашизм, уже сделавший свое дело, не нужный тем социальным силам, на которых он раньше работал верой и правдой, не нужный никому, кроме самого себя. Это то, что происходит сейчас в Испании. И, наконец, фашизм, протухший на корню, не сумевший выполнить своей социально-экономической функции, державшийся в силу специфической исторической конъюнктуры, сбросить который в решающий момент оказалось не более трудно, чем русское самодержавие в феврале 1917 г., – португальский (вернее, салазаровский, ибо в Португалии и после 1974 г. остается историческая почва для иного, «бразильского» варианта фашизма).

На каждом этапе, в каждой из подобных ситуаций существуют свои закономерности борьбы против фашизма, свои возможности, свои трудности <...> [18].

Заключительное слово К.Л. Майданика подвело итоги дискуссии, однако представляется необходимым сделать одно необходимое отступление/примечание. Обзор дебатов был бы неполным, если

бы мы не привели мнение другой крупной фигуры отечественной латиноамериканистики, видного историка и политолога **Анатолия Федоровича Шульговского**, который, формально не участвуя в рассматриваемой дискуссии, имел свою принципиальную позицию по оценке правоавторитарных режимов в Латинской Америке. Его точка зрения сводилась к тому, что в 1960-е гг. в Латинской Америке при помощи контрреволюционных переворотов были установлены «авторитарно-модернизаторские репрессивные режимы, одни из которых носили открыто фашиствующий характер, а другие – элитарно-технократический»; по мнению Шульговского, если «наиболее ясно выраженные черты “тотальной” фашиствующей контрреволюции характеризовали политический режим в Чили (имелся в виду режим Пиночета. – *Прим. авт.*)», а также в Уругвае («репрессивно-авторитарный режим»), то для бразильского режима были более характерны «модернизаторски-технократические группировки военных» [19]. Это корреспондирует с позицией многих современных бразильских историков о скорее «военно-гражданском», «военно-технократическом», нежели чем об открыто «фашистском» характере бразильского режима 1964–1985 гг.

В качестве интересного дополнения к нашему уже *сегодняшнему* проекту хотелось бы воспроизвести посвященное Индии выступление С.А. Микояна – видного отечественного латиноамериканиста, который начинал свой профессиональный путь как индолог.

С.А. Микоян. <...> Мне хотелось бы обратить внимание и на азиатский континент, на опасность фашистской реакции в такой большой и важной для судеб Азии и всего развивающегося мира стране, как Индия. Реакционные движения, использующие многие фашистские методы, возникли там давно, еще до войны. Они не были связаны с европейским фашизмом и носили ярко выраженную религиозную окраску. Дело в том, что в стране – еще до ее освобождения от английского господства и до раздела – сложились напряженные отношения между двумя религиозными общинами: индуистской и мусульманской. Без всяких натяжек можно сказать, что религиозная вражда возникла в свое время (в начале XX в.) благодаря активным усилиям английских властей, которые затем не переставали ее провоцировать и обострять все дальше и дальше.

Думаю, что все же вполне правомерно считать партии типа «Хинду Махасабха», имеющие в качестве штурмовых отрядов военизированную ор-

ганизацию «Раштрия севак сангх», организациями фашистского толка. Правда, религиозная окраска и пропаганда религиозной ненависти не упоминаются ораторами в качестве одной из составляющих фашистской модели. Но мне кажется, что в определенных условиях они могут считаться таковыми. Почему бы, например, им не выполнять функции националистической, шовинистической истерии, пропаганды расовой ненависти? В условиях недостаточно развитого национализма религия выступает в качестве его заменителя. Заменитель для многих развивающихся стран вполне эффективный, способный поднять на слепые фанатические акции огромные массы людей.

До каких крайностей могли прийти упомянутые выше партии в Индии, говорит, в частности, тот факт, что именно на них лежала ответственность за убийство Ганди, проповедовавшего мир и терпимость между всеми религиями. На их совести и массовые убийства мусульман, вызвавшие, конечно, ответные акции, в результате чего в 1947–1948 гг. погибло не менее 1 млн человек, а 8 млн бежало из родных мест. <...> В настоящее время организации фашистского типа в Индии завершают свое развитие от примитивного религиозного фанатизма к четко выраженной классовой антисоциалистической позиции. Этому способствует положение, сложившееся в стране. С одной стороны, после бурных потрясений последних лет на субконтиненте нагнетание антипакистанской и вообще антимусульманской истерии перестало приносить солидный политический капитал. С другой стороны, правительство Индиры Ганди осуществляет серьезные мероприятия антимонополистического и даже антикапиталистического характера.

Если применять латиноамериканские аналогии, то Индия сегодня продвинулась дальше Бразилии Гуларта, хотя еще не достигла этапа Чили времен правительства Народного единства. Тем не менее, опасность для монополистической буржуазии, для иностранного капитала, для крупных землевладельцев старого и нового типа и других эксплуататорских слоев налицо. И это определяет их готовность к самым крайним мерам.

В Индии сильны традиции парламентской демократии. Кстати, когда произносишь эту фразу, невольно опять напрашивается аналогия с Чили и Уругваем. Тем не менее велики и различия. Прежде всего, армия никогда за почти 30 лет существования независимой Индии не играла какой-либо роли в политике. И это несмотря на периодические военные конфликты с Пакистаном, на большие военные ассигнования. Думается, что это все же различие,

хотя могут возразить, что в Чили и Уругвае было то же самое. Мне кажется, что нейтралитет армии в Чили всегда был весьма относительным, о нем можно говорить лишь в сравнении с другими странами континента. Конечно, в вооруженных силах Индии находились отдельные генералы и офицеры, время от времени призывавшие к установлению правой диктатуры, но показательно, что подобные призывы либо делались ими после отставки, либо служили причиной такой отставки. Преобладающее влияние на всю политическую жизнь правящей партии Индийский национальный конгресс и неоспоримое лидерство в ней Джавахарлала Неру создали прочный фундамент, на котором нынешнее правительство строит новое единство прогрессивных и патриотических сил.

Буржуазная законность, созданная в 1947–1950 гг., также дает – в отличие от Чили времен Народного единства – большие преимущества правительству. Но наделение исполнительной власти огромными полномочиями, предусмотренными конституцией, нормы о чрезвычайном положении имели в те времена целью обуздать в случае необходимости прежде всего левые силы, а также сепаратистские элементы. Как это ни парадоксально, ныне это законодательство служит для обуздания правых, для пресечения активности тех, кто стремится к фашистскому перевороту.

А альтернатива, вполне возможно, именно такова. Если бы правым удалось свергнуть правительство Индиры Ганди, они, несомненно, обрушили бы на прогрессивные силы кровавые репрессии, чтобы на манер пиночетовской хунты попытаться искоренить марксистские и социалистические идеи. Тот мощный государственный сектор, который сложился к настоящему времени в Индии, послужил бы базой соответствующей трансформации модели развития, обрисованной в докладе К.Л. Майданика. А партии фашистского толка, имеющие, кстати, солидную массовую опору среди реакционной и отсталой части населения, в том числе – средних слоев и деклассированных маргинальных групп, придали бы модели достаточно законченный вид, даже более близкий к так называемому классическому типу, чем режимы, возникшие в Индонезии или в ряде латиноамериканских стран.

Иное дело, что положение в стране неблагоприятно для реакции. <...> [20].

*** **

Таковы основные положения дискуссии 1975–1976 гг. Пройдя «испытание» четырьмя десятилетиями исторического развития, они дают толчок дальнейшему осмыслению сложной, неоднознач-

ной и многоликой проблематики фашизма* и правого радикализма. Почему идеология, «эстетика» и символика фашизма и нацизма получили в межвоенный период такое распространение по всему миру (хотя в разных странах они имели разное влияние), но при этом фашистская система власти сложилась лишь в некоторых государствах, какую роль в этом сыграли исторические и национально-культурные особенности различных стран; какие режимы и каких лидеров можно считать фашистскими, а каких – не более чем «подражателями» фашизму; в чем специфика и исторический контекст появления правоавторитарных и фашистских режимов, что считать «классическим» фашизмом, каково соотношение между ним и другими типами/видами фашизма, между собственно фашизмом и правым радикализмом, фашизмом и тоталитаризмом, фашизмом и репрессивно-террористическими военными диктатурами – все эти и многие другие вопросы, столь актуально звучащие сегодня и составляющие сердцевину современных исследований по фашизму, предпринимаемых, как показывает издание, которое читатель держит в руках, во всем мире, были злободневны и в прежние, весьма отличные от нынешних времена. Это говорит о том, что феномен фашизма до сих пор не изучен до конца и, более того, в его исследовании постоянно появляются новые грани: например, сегодня это – усиленное внимание к культурологическим вопросам, «возрожденческим» аспектам идеологии фашизма (возрождение нации, воспевание героев прошлого, исторических традиций) и др. [21].

Значение же той давней дискуссии на страницах журнала «Латинская Америка», представление о которой мы попытались дать современному читателю, состоит не только в том, что она послужила делу разработки способов познания фашизма, но и в том, что она оказала влияние и на другие исследования (например, об уровне и характере развития капитализма в Латинской Америке), которые, опираясь на латиноамериканский материал, выходили за его рамки, формулируя теоретические основы исследования общемировых формационных и цивилизационных процессов.

Примечания:

1. К проблеме современных правоавторитарных режимов // Латинская Америка. – 1975. – № 6. – С. 98.
2. Там же. – С. 118.
3. Там же. – С. 98-104.
4. Там же. – С. 104-109.
5. Там же. – С. 109-111.
6. Там же. – С. 114-115.
7. Там же. – С. 115-116.
8. Там же. – С. 118-121.

9. Там же. – С. 121-122.
10. К проблеме современных правоавторитарных режимов // Латинская Америка. – 1976. – № 1. – С. 103-108.
11. Там же. – С. 108-111.
12. Там же. – С. 111-114.
13. Там же. – С. 114-117.
14. Там же. – С. 118-119.
15. Там же. – С. 119-121.
16. Там же. – С. 121-122.
17. Там же. – С. 123-126.
18. Там же. – С. 126-133.
19. См., напр.: Шульговский, А.Ф. Введение // Политическая система общества в Латинской Америке. – М., 1982. – С. 24, 28-31.
20. К проблеме современных правоавторитарных режимов // Латинская Америка. – 1975. – № 6. – С. 116-118.
21. См. об этом подробнее: Богдашкин, А.А., Галкин, А.А., Йоменс, Р. Заключение // Берегиня•777•Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 299-302; Галкин, А.А. Фашизм как общественный недуг // Берегиня•777•Сова: общество, политика, экономика. – 2014. – № 4(23). – С. 11-21; см. также работы по отечественной историографии латиноамериканского и германского фашизма и общих причин его укоренения в Западной Европе: Строгонова, Е.Д. Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии // Берегиня•777•Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3(26). – С. 284-298; упоминание о роли рассматриваемой дискуссии в общем контексте эволюции взглядов отечественных историков на сущность фашизма см.: Алленов, С.Г., Сенчаков, А.Г. Характерные черты развития советской историографии германского фашизма (1945–1991) // Германия и Россия: События, образы, люди: Сб. российско-германских исследований: Вып. 1. Воронеж, 1998. – С. 143-159; Богдашкин, А.А. Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // Берегиня•777•Сова: общество, политика, экономика. – 2014. – № 4(23). – С. 41-69.

* Под «фашизмом» мы понимаем устоявшийся еще в советской идеологии и перешедший в историографию обобщенный термин, включающий в себя то, что в западном обществоведении называлось «итальянский фашизм» и «германский нацизм». – *Прим. авт.*

УДК 94:329.17(450)«19»

ББК 63.3(4ИТА)62-3

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА И ГЕРМАНСКОГО НАЦИЗМА: РЕЖИМ, ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМА СОГЛАСИЯ*

Роберта Пергер,

доктор истории, ассистент профессора
департамента истории
Индианского университета в Блумингтоне
(США)

rpergher@indiana.edu

Джулия Альбанезе,

научный сотрудник Падуанского
университета
(Италия)

giulia.albanese@unipd.it

Перевод с английского М.В. Землякова

Аннотация. В статье рассматривается историография истории фашистской Италии. Основное внимание сосредоточено на оценках учеными отношений между режимом и людьми. В центре исследования находится проблема согласия – о том, как, когда и почему историки усматривали соглашение и взаимодействие между итальянским населением и режимом Муссолини. В начале статьи излагаются общие соображения относительно концепции согласия и ее актуальности применительно к изучению тоталитарных режимов. Затем рассматриваются сдвиги, произошедшие в историографии Италии, когда историки пересмотрели свои прежние интерпретации, и вместо темы принуждения и насилия на первый план была выдвинута проблема консенсуса. События, повлиявшие на процесс осмысления фашистской Италии, сопоставляются с изменениями научных интерпретаций истории нацистской Германии. Авторы статьи считают, что ученые, заявившие о существовании в муссолиниевской Италии парадоксального силового поля, в котором согласие и принуждение были неразрывно связаны между собой, в наибольшей степени приблизились к истине.

Ключевые слова: согласие, сравнительные исследования фашизма, фашистская Италия, нацистская Германия, историография.

WRITING THE HISTORY OF ITALIAN FASCISM AND GERMAN NAZISM: REGIME, SOCIETY, AND THE QUESTION OF CONSENT

Roberta Pergher, Assistant Professor, Department of History,
Indiana University Bloomington, United States of America

Giulia Albanese, Researcher in Contemporary History,
University of Padua, Italy

Abstract. The article examines the historiography on Fascist Italy, focusing on the way in which the relationship between regime and people has been portrayed. The question of consent – of how, when, and why historians have seen an agreement and a synergy between the Italian population and Mussolini's regime – is at the center of the inquiry. The article starts with a general reflection on the concept of consent and its relevance in totalitarian regimes. It then traces historiographical shifts in Italy, where historians have moved from an interpretation that foregrounded coercion to one that emphasized consent. The article juxtaposes these historiographical developments in Italy to changing scholarly interpretations in relation to Nazi Germany, thus showing how two different scholarly traditions have over time dealt with their countries' not too distant dictatorial

* Данная статья является расширенной версией совместно написанного нами предисловия к изданной нами книге *In the Society of Fascists: Acclamation, Acquiescence and Agency in Mussolini's Italy* (New York: Palgrave 2012).

past. The piece advocates for a scholarship that examines the paradoxical force field in which assent and coercion were inextricably interwoven.

Key words: *consent, comparative fascism, Fascist Italy, Nazi Germany, historiography.*

Принуждение или согласие?

На протяжении 1950-х и 1960-х годов (и даже в 1970-е годы) многие исследователи, описывая межвоенный период, были предельно однозначны: диктаторские режимы, возникшие тогда в Европе, управлялись «железной рукой». В наибольшей степени подобная трактовка была характерна для сложившейся в годы «холодной войны» концепции тоталитаризма, в рамках которой и описывался дьявольский политический механизм, полностью подчинённый воле лидера и контролировавший общество снизу доверху. Теоретики тоталитаризма не были единодушны при оценке того, чем определялось тогда поведение населения: страхом или гипнозом. Однако даже последнее не исключало наличия свободы воли. При этом ситуация в Италии обычно не ставилась на одну доску с наиболее бесчеловечными тоталитарными режимами. Но даже в этом случае исследователи разделяли точку зрения, согласно которой режим и здесь насаждал свою волю силой [1].

Однако со временем историкам, занимавшимся исследованием фашизма, пришлось обратиться к оценке признаков консенсуса – в том числе там, где ранее виделся только террор. В отношении фашистской Италии такой поворот, инициированный в 1960-х годах новаторской книгой историка Ренцо ди Феличе, приведшего к выводу, что фашизм располагал широкой поддержкой [2], произошёл относительно рано. Об этом же свидетельствовал довоенный курс лекций Пальмиро Тольятти, трактовавшего фашизм не только как средство жестокого угнетения народных масс, но и, в не меньшей степени, как реакционное массовое движение и соответствующий ему режим [3].

В отношении нацистской Германии данный поворот был не столь резким и, как мы увидим, мог быть рассмотрен как реакция на многочисленные внешние интеллектуальные и этические конструкции [4, 5]. Однако и здесь представление о том, что нацистам удалось создать нечто вроде «единства нации» и установить определенную форму «общественного согласия», стало доминирующим в среде нового поколения историков Третьего рейха.

Названные перемены стали ценным инструментом, облегчившим понимание значимости массового участия в диктатурах межвоенного периода. Разумеется, было бы неправомерным рисовать в этой связи воображаемую картину «послушной», «готовой на все» массы. Она исказила бы противо-

речивые и менявшиеся отношения между тогдашними политическими режимами и народами.

Ни в одной стране того времени не существовало равновесия между ограничением и свободой воли, между угнетением и борьбой, между преданностью и непокорностью, между высокопарной риторикой и суровой реальностью в такой степени, как в фашистской Италии. Эта противоречивая и переменчивая основа и привлекала историков на протяжении более чем полувека.

Данная статья призвана рассмотреть научное направление, в рамках которого были изучены взаимоотношения итальянского правящего режима и общества и намечены пути, на которых возникали новые вопросы и разнообразные ответы на них. Мы поставили перед собой цели, которые бы отражали как уже имевшийся научный интерес к данной теме, так и новые моменты, вызванные изменившимся послевоенным политическим и нравственным климатом. Наша позиция формировалась и в сопоставлении с другими национальными историографическими направлениями. В статье, по сути, дается сравнение итальянского опыта и немецкой исторической школы с целью продемонстрировать способы взаимодействия между режимом и людьми, которые существовали на одной территории, но не обязательно в одно и то же историческое время. Однако прежде, чем вступить на путь историографических дебатов, в статье приводится рассуждение о том, что означает сама постановка вопроса о согласии.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда в публичное пространство впервые вошло представление о том, что фашистский политический режим характеризовался своего рода солидарностью, начались острые споры, инициированные массой новых работ. Авторы этих исследований стремились проверить тезис Де Феличе о том, что итальянский народ (и в частности, средние слои) длительное время поддерживали фашизм, рассматривая его в качестве надёжной и многообещающей альтернативы и либерализму, и социализму [6]. С этого момента и в историографии, и в общественном мнении идея о «единодушии народа» стала основным инструментом анализа отношений между режимом Муссолини и населением Италии. Отчасти это случилось потому, что исторические исследования, народная память и современное политическое манипулирование фашистским прошлым настолько всё запутали, что концепт согласия оказался перегруженным множественными и противоречивыми смыслами.

Особенно часто в итальянских общественных дебатах и научных работах подчёркивалась идея «нормативизации» фашизма: раз население как бы следовало за этим режимом, то логично было предположить, что он «был не так уж и плох» [7]. В случае с Германией использовался другой подход. Там современная наука приняла нацистские смертоносные расовые законы как данность и пыталась понять, в какой мере идеология и практика умерщвления были поддержаны простыми немцами. В случае же Италии представление о «мягком» фашизме сделало его вполне приемлемым для политиков и интеллектуалов, апеллировавших к фашистскому наследию и в то же время изображавших себя уважаемыми игроками на политической арене [8].

Парадоксально и то, что представление о сложившейся в то время «народной общности» привело не к публичному признанию соучастия населения в диктатуре, как это было в случае с Германией, но к обелению самого режима. Оно, в свою очередь, вызывало к жизни образ вымышленного «успешного и удовлетворенного общества». Характерно однако, что даже самые ярые приверженцы такого подхода не трактовали категорию «консенсуса» буквально [9]. Большинство из них признавало, что в действительности многие люди, которые, возможно, и могли поддерживать режим в каких-то конкретных обстоятельствах нередко высказывали немалое недовольство его деятельностью.

Подобное использование концепта «консенсуса» в диктаторских режимах XX в. свидетельствует о его характере. Возможности выбора были ограничены, оппозиция жестоко подавлялась. Определенному давлению подвергались даже те, кто так или иначе получали выгоды от правительственной политики.

Разумеется, фашистские режимы были способны выдвинуть на поверхность лидера, который был в состоянии привести к согласию если не все общество, то, по крайней мере, некоторые его группы. Однако не менее очевидно и то, что любой существующий общественный консенсус может быть понят только в сочетании с насилием. Даже публичная поддержка политического режима нередко бывает следствием не искреннего энтузиазма масс, а навязанного им выбора.

Следует подчеркнуть, что вопрос о согласии является одним из тех, которые ставятся историками в отношении диктатур XX в., но не абсолютных монархий XVIII в. Мы ставим его по отношению к Италии, находившейся под властью Муссолини, но не Франции Людовика XIV отчасти потому, что фашисты претендовали на представительство

интересов народа и подкрепляли эту претензию срежиссированной ими же массовой поддержкой. Выдвигая проблему согласия, мы отдаем себе отчет в том, что в эпоху «массовой политики» народы чувствуют себя способными либо оказать поддержку правящему режиму, либо воздержаться от нее. Это особенно справедливо для Италии и Германии, поскольку еще до прихода к власти Муссолини и Гитлера их народы уже достигли определённого уровня общественного развития [10].

По контрасту с демократией в диктатурах наблюдается полное отсутствие открытых выборов, инакомыслия и дискуссий, что препятствует формированию политических группировок, противоречий и несогласия, а также и одобрению, которое является квинтэссенцией демократического режима. Это и выводит нас на вопрос о «согласии».

Понятие «согласия» балансирует между «социальной интеграцией» и «социальной исключительностью». Что может подразумеваться при таких обстоятельствах под терминами «согласие» и «единодушие»? Историки констатируют недостаток достоверных сведений о мыслях, чувствах и надеждах людей, живших в условиях политических систем, имевших карательный характер. Нам неизвестно, насколько искренними были проявления лояльности. Поэтому нам так сложно дать оценку таким феноменам, как молчание и покорность режиму.

Проблема заключается в том, что историкам непросто определить не только идею «согласия», но и объяснить сам этот термин [11]. Часто «согласие» отождествляется с «консенсусом». И действительно, итальянское слово *consenso* соединяет в себе оба значения [12]. Тем не менее, два английских слова [*consensus* и *consent*. – прим. перев.] вмещают в себя несколько отличные друг от друга «уровни одобрения» режима народом. Слово *consent* подразумевает поддержку режима, которая может варьироваться от сдержанной до восторженной, однако в любом случае остаётся волеизъявлением, требующим реального внутреннего или внешнего акта поддержки. *Consensus* означает в большей степени пассивное состояние. Однако этот термин глубже, чем просто «согласие», разъясняет сущность «общественного договора». Таким образом, оба термина дают возможность для известных вариаций.

Использование обоих понятий, однако, не позволяет объяснить влияние народа на политический режим. Хотя «согласие» предполагает более активное единение с политическим руководством, чем «консенсус», оно в большей степени подразумевает одобрение народом действий и обещаний режима, чем влияние общества на политику диктатуры.

Подобная терминологическая неясность ставит перед нами вопрос о функции консенсуса на службе диктаторского режима. Можно предположить, что его могущество и длительность существования были прямым следствием народной поддержки. Однако нельзя отрицать, что успешными становились и те политические режимы, которые оставляли возможность выражения недовольства и протеста или каким-то образом переводили недовольство с фигуры лидера на окружающие его властные круги (например, на партию). Необходимость согласия должна была, с одной стороны, сдерживать, а, с другой, – легитимизировать политический режим, ограничивая рамки его действия. Те режимы, которые были способны мобилизовать партийный аппарат и игнорировать общественное мнение, имели гораздо большую свободу действия. Иными словами, сложная динамика властных отношений и неустойчивые границы между режимом и обществом неизбежно выходили за рамки бинарной формулы «насилие VS согласие».

Несомненно, что историографические школы двух политических режимов (Италии и Германии) не были одинаковы. Исследователи трактовали их деятельность по-разному. Часто высказываемое мнение о том, что литература об итальянском фашизме «следует» за историографией национал-социализма, иногда является верным. Но в целом оно не охватывает ряда исторических проблем и интерпретаций. Это определяется не только различной политикой этих двух политических режимов, но и неодинаковым наследием прошедшей эпохи.

В представленном вниманию читателя кратком обзоре историографии итальянского фашизма будет показано, что всё это время в ней не было единого подхода к самому понятию «консенсус». Его идеи, особенно в том виде, в каком они были сформулированы Де Феличе в 1960-х – 1970-х гг., оказали немалое влияние на авторов, писавших об итальянском обществе периода господства фашизма. И это несмотря на немалые расхождения между теми, кто уделял основное внимание различным сторонам проводимой «политики кнута и пряника».

Некоторые авторы фокусировали внимание на «выстраивании согласия», которое осуществлялось как государственными и партийными институтами, так и деятелями идеологии и культуры. Другие ставили во главу угла социальное содержание фашистского движения и исследовали составлявшие общество страты и их реакцию на действия режима. Третьи – явно либо скрыто – оспаривали саму идею единодушия, концентрируя внимание на насильственном, расистском и милитаристском характере режима в Италии, который, как они считали, лишь

в малой степени отличался от своего германского союзника.

Итоги этих изысканий отчетливо проявились в последние десятилетия в резком членении двух исследовательских траекторий. Одна из них была сосредоточена на анализе политики насилия и войны с акцентом на репрессиях и культивировании страха как ключевых компонентах фашистского порядка. Историки, относящиеся к этому лагерю, концентрировали свое внимание в большей степени на собственно политическом процессе, чем на его социальных последствиях. Представители другого историографического направления делали упор на проблематику социального согласия, уделяя углубленное внимание менее репрессивным сферам воздействия на общество: идеологии и культуре.

Подобного раздвоения в историографической традиции мы не увидим в исследованиях нацистской Германии, которые лишь позже обратилась к проблематике массовой поддержки режима. И это несмотря на то, что с 1990-х гг. перед ней все более остро вставала необходимость признания вины нации за осуществление политики насилия и расового террора.

Теория тоталитаризма и участие народа в поддержке диктатуры

После падения фашизма и нацизма обе школы вначале уклонялись от анализа вопроса о народном участии в поддержке обоих режимов. Одна из известных историографических тенденций сравнивала нацистскую Германию и Советский Союз и изображала обе системы как форму тотального надзора, подавлявшего любое проявление воли общества. В рамках теории тоталитаризма общество фигурировало не как народ, отдающий симпатии утвердившемуся режиму с полным осознанием своей ответственности, а скорее как аморфная масса.

Консервативные исследователи, как и приверженцы взглядов Ханны Арендт, предлагали читателям вывод, согласно которому нацисты, добываясь власти, воспользовались уязвимостью современного «массового общества», мобилизуя в качестве избирателей «банду», не имевшую определенных социальных корней, а придя к власти, находили опору в «ликующей толпе». В основе этого подхода лежало представление, что народные массы незрелы, а следовательно неспособны к *осознанному согласию*. Чем интенсивнее становилась «холодная война», тем больший упор приобретала ставка на осуществляемые сверху контроль и насилие.

Итальянский фашизм всегда играл меньшую роль в теории тоталитаризма. Ханна Арендт наиболее рельефно выразила свое представление о том,

что диктатура Муссолини не может служить идеальным образцом тоталитаризма. По ее мнению, эта диктатура обрела тоталитарный характер только с провозглашением расовых законов в 1938 г. [13].

Большинство итальянских историков предпочло не ставить пример своей страны в один ряд с печально известными образцами нацистской Германии. Историки левого толка не вписывали режим Муссолини в тоталитарную парадигму по политическим мотивам, а исследователи прочих убеждений (от либералов до радикалов) не желали проводить параллели между тем, что случилось в их собственной стране, и тиранией и насилием за ее рубежами.

Некоторые итальянские историки были убеждены в том, что Муссолини считал своё государство тоталитарным, и задавались вопросом, насколько были реализованы его амбиции. Однако согласно Альберто Аквароне, цель тоталитарного режима Муссолини – «полное единение общества в рамках государства» – никогда не была достигнута полностью [14]. Де Феличе также был убеждён, что случай Италии не может быть соотнесён с категорией тоталитаризма, и описывал фашизм как «несостоявшийся тоталитаризм» [15]. Только совсем недавно многие итальянские историки пришли к необходимости выделения характерных тоталитарных черт в фашизме, на что повлияли прежде всего труды Эмилио Джентиле.

Отмежевание итальянских историков от теории тоталитаризма однако не означало, что они представляли фашизм как систему, ориентированную на консенсус, или стремились доказать участие общества в управлении фашистской Италией. Единственное исключение составляет оценка ими позиции населения на ранних этапах становления фашистского движения [16], особенно той, которая фиксировалась на местном уровне [17]. Во многих ранних работах подчёркивалась жестокая и авторитарная форма прихода фашистского движения к власти [18]. При этом, размышляя о характере поддержки, оказанной тогда фашистам, историки вели речь лишь об отношениях режима с католической церковью и капиталистическими предприятиями.

В первоначальных исследованиях, посвященных истории церкви, утверждалось, что Латеранские соглашения 1929 г. укрепили режим, мобилизовав католиков на его поддержку. Авторы этих работ осуждали церковь за отсутствие реакции на расовые законы 1938 г. [19]. Возлагая на крупную буржуазию ответственность за поддержку фашистского режима, историки, стоявшие на марксистских позициях, рассматривали итальянское общество как объект притеснения или манипуляции [20]. Общественное

поведение за пределами сферы действия крупного капитала они изучали лишь для того, чтобы выявить проявления открытого политического сопротивления [21].

Наиболее ярким исключением из этой ведущей тенденции были работы Пальмиро Тольятти, который в числе первых обратился к оценке роли рядовых итальянцев в деле поддержки фашистского режима. Эта точка зрения стала наиболее влиятельной ввиду длительного и тесного сотрудничества Тольятти с Антонио Грамши, хотя первый и склонялся к более ортодоксальному марксистскому направлению [22]. Оба настойчиво пытались понять, почему массы сочли возможным поддержать политику, противоречившую их классовым интересам. В частности, в рамках этих размышлений Грамши пришел к осмыслению феномена, который он определил как «культурную гегемонию», позволяющую понять, как и почему взгляды отдельных людей могут постепенно превращаться в норму и, символизируя «здравый смысл», привести, в конечном итоге, к поддержке власти [23].

В своем критическом анализе итальянского фашизма Тольятти уделил особое внимание отношениям политической партии и государства, а также проблемам стабильности режима. В знаменитом «Курсе лекций», прочитанном в 1935 г. в Москве в Ленинской школе*, он предложил трактовку фашистского движения, в соответствии с которой особое внимание надлежит уделять «организации фашизма, опирающейся на [народные] массы», и раскрытию взаимоотношений между режимом, с одной стороны, и мелкой и крупной буржуазией, а также рабочими – с другой. Тольятти был уверен, что уяснение отношений этих групп с фашизмом имеет фундаментальное значение для понимания силы и устойчивости его режима и для выработки программы борьбы с ним. Его мысли стали основой последующих, часто повторявшихся интерпретаций фашистского строя как «реакционного массового режима». В силу того, что эти выводы не совпадали с точкой зрения руководства Коминтерна, Тольятти никогда их не публиковал. Слушатели его лекций также воздерживались от пропаганды идей Тольятти.

В 1969 г. работа Тольятти стала, наконец, известна общественности Италии и вызвала там серьезный научный отклик [24]. В то время была

* Записи этих лекций находятся ныне в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГА-СПИ); Ф. 527. Оп. 1. Д. 12. «Лекции, прочитанные Эрколи в Ленинской школе о враждебных партиях, 16.01–10.04.1935 г.» («Эрколи» – один из партийных псевдонимов Тольятти). – Прим. перев.

также опубликована книга Де Феличе, которая, в свою очередь, способствовала широкому переосмыслению сущности фашистской диктатуры. Уже в первых двух томах биографии Муссолини, посвящённых приходу к власти и организации фашистского государства до 1929 г., в центр концепции фашизма, предложенной Де Феличе, была поставлена роль среднего класса [25]. В третьем томе своей работы, озаглавленной «Муссолини-вождь: годы согласия, 1929–1936», Де Феличе пошёл ещё дальше, утверждая, что после консолидации диктатуры во второй половине 1920-х гг. режим, по меньшей мере до середины 1930-х гг., пользовался растущей поддержкой как населения в целом, так и особенно средних слоев [26].

При всем этом использование им для анализа понятия «консенсус» оставалось не очень определенным, поскольку применялось для описания как состояния общества, так и пропагандистских усилий режима. Зачастую Де Феличе оказывался не в состоянии провести различие между образом консенсуса, сконструированным пропагандой, и реальными общественными отношениями [27].

Некоторое время спустя, после публикации первых двух томов, Де Феличе, стремясь подкрепить свою аргументацию, доказывал в своём «Интервью о фашизме», что при фашистском режиме средний класс воспринимал себя как ту социальную силу, которая «стремится к самоутверждению, к закреплению своего положения в обществе, своей собственной культуры и политического влияния – в противовес буржуазии и пролетариату. Другими словами, он склонялся к революции» [28]. Таким образом Де Феличе, по сути, ассоциировал свои взгляды с установками фашистского движения о себе как о «третьей силе», наряду с капитализмом и коммунизмом, и как о «революции среднего класса».

Своеобразным итогом книги Де Феличе стало то, что общественная и научная дискуссии сконцентрировали свое внимание на проблеме участия среднего класса в деятельности фашистского режима. На протяжении многих лет споры на эту тему отражали позиции различных политических группировок, а следовательно, и поляризацию оценки ими исторических явлений. Однако впоследствии изучение эмпирического материала стало размывать идеологическую нагрузку. Представители разных идейных направлений признали, что для выработки адекватной позиции необходимо более глубокое изучение деятельности режима по мобилизации населения, его усилий, направленных на объединения различных социальных и экономических сил, и, что наиболее важно, откликов и реакции различных мелкобуржуазных групп [29].

Изучение проблематики «выстраивания согласия» в 1970-х гг.

Самая первая и жёсткая реакция на концепцию Де Феличе была высказана в книге «Фашизм и итальянское общество», опубликованной в начале 1970-х гг. под редакцией Гвидо Квадза [30]. Хотя авторы не заявляли о себе как о марксистах, это издание отражало классическую марксистскую точку зрения на фашизм, выдвигавшую на первый план отношения между ним и итальянскими элитами (включая крупную буржуазию, армию, католическую церковь и судебную власть). Изображая фашистский режим как реакционный продукт «позднего капитализма»*, авторский коллектив обращал основное внимание на репрессивную сущность фашизма. В частности, по мнению Квадза, находящийся в центре исследований анализ отношений фашизма и среднего класса мог отодвинуть на второй план такие проблемы, как практика насилия и репрессий, а также слабая поддержка фашизма населением на выборах начала 1920-х гг.** – единственных, когда население голосовало относительно свободно.

Анализ Квадза имел очевидные слабые места. Рассмотрев поддержку фашистского режима могущественными государственными структурами, он не коснулся ряда аспектов, рассмотренных Де Феличе и посвященных широкой социальной опоре фашизма (в частности, его поддержке средним классом). Более того, при освещении перехода от либерального к фашистскому государству Квадза упустил многие инновации режима Муссолини.

Ясно то, что авторы монографии оказались в сложной ситуации, отвечая не только на вызов, брошенный работами Де Феличе, но также оппонируя концепции Тольятти. Принимая во внимание несогласие Квадза с подходом Тольятти, утверждение первого, что во многих отношениях определение фашистского господства как «реакционного массового режима» «может быть принято», звучало неискренне [31].

В действительности любой историк марксистской ориентации принимал брошенный Де Феличе вызов, хотя итальянская марксистская историография всегда была разнородна и отказывалась от догматизма. В частности, в работах Эрнесто Раджоньери, вышедших в 1929–1934 гг., были в полной мере

* Термин «поздний капитализм» был предложен Э. Манделом для характеристики того экономического строя, который получил развитие после промышленной революции. – *Прим. перев.*

** Имеются в виду выборы мая 1921 г., на которых Муссолини поддержал премьер-министра Джованни Джолитти. – *Прим. перев.*

вскрыты взаимоотношения государства и общества (основанные на договоре государства и церкви), реорганизация национальной экономики и рынка труда под влиянием экономического кризиса, важная роль массовых организаций, а также харизматического лидерства Муссолини [32].

В тот же период вышло исследование британского историка Адриана Литтелтона о приходе фашизма к власти и о первых годах его правления. Эта работа стала одной из первых англоязычных публикаций, содержащих анализ как насилий режима, так и тех структурных изменений, которые требовал средний класс [33]. Рассматривая значение массовых организаций на первоначальном этапе существования фашистского режима, Литтелтон показал также приверженность режима к насилию и принуждению, продолжавшуюся значительно дольше первоначальной фазы укрепления его власти. Эти наблюдения историки начинают сейчас подкреплять дальнейшими исследованиями.

В то время, как Раджоньери и Литтелтон попытались очертить круг применения насилия, с одной стороны, и распространения согласия – с другой, в 1970-х гг. появились первые работы по анализу социального консенсуса, который базировался на использовании фашизмом массовой культуры как средства мобилизации населения в своих интересах. В этих исследованиях рассматривались методы, используя которые, фашистский режим добивался народной поддержки.

В книге «Производство согласия», которая была опубликована в 1975 г. с предисловием Де Феличе, Филипп Каннистраро утверждал, что при фашистском режиме понятия «культура» и «пропаганда» стали неразделимы [34]. Анализируя работу министерства культуры и СМИ, он показал способность режима насаждать свою культуру среди социальных групп, не затронутых элитарной культурой либералов, и включать интеллектуалов в диалог с массами. Он с полным основанием указывал, что, хотя распространение массовой культуры можно было наблюдать в межвоенный период по всей Европе, однако в диктаторских режимах (таких, как фашизм) с их отсутствием свободы слова и печати и жёстким контролем над всеми средствами массовых коммуникаций национальная культура становилась средством прославления диктаторов и отождествления народа с режимом. Вместе с тем Каннистраро расценивал консенсус в итальянском обществе как в большей степени результат пропаганды, нежели отражение активной включенности населения.

Прочие работы, вышедшие в то же время, также анализировали роль интеллектуалов в куль-

турных и научных организациях и их участие в пропагандистских программах, выработанных по инициативе режима. Эти работы пересекались с исследованиями степени участия среднего класса в становлении фашизма и выступали в качестве стороны в дискуссиях о том, существовала ли особая фашистская культура. Их на протяжении десятилетий вели исследователи не только исторического, но и современного фашизма, поскольку культура и участие народа в политическом процессе тесно переплетены друг с другом [35]. И в этом случае исследование итальянского фашизма во многих отношениях опережало историографию о нацистской Германии, где работы о вовлечении научной и интеллектуальной элиты в поддержку режима начали появляться только в 1990-е гг.

Исследуя эту тему, Марио Исненги различал «воинствующую» и «лояльную» интеллигенцию [36]. В то время, как многие историки оспаривали сам факт существования фашистской культуры, он сделал упор на таких её аспектах, как самобытность и жизнестойкость. Он продемонстрировал не только значимую роль интеллектуалов в функционировании режима, но и их способность приспособиться к нему. Исследование Исненги выявило также тесные отношения, складывавшиеся в этой связи между «высокой» культурой академической среды и «низкой» культурой народных масс, главными «носителями» которой были журналисты.

1970-е – начало 1980-х гг. были временем, когда особым объектом изучения стала университетская профессура как пропагандист фашистских ценностей [37]. Роль и влияние интеллигенции и образованной элиты в целом в фашистском государстве продолжают оставаться важным объектом изучения до сих пор наряду с анализом конструирования самосознания и механизмов, при помощи которых фашизм ставил себе на службу надежды и страхи носителей творческих профессий [38].

Бремя прошлого: сравнительный взгляд на изучение нацистской Германии

В 1960-х – начале 1970-х гг. наблюдались серьёзные сдвиги и в историографии нацистской Германии. Однако здесь исследовательская среда гораздо медленнее шла к признанию широкого общественного участия в установлении диктаторского режима. Когда же западногерманские исследователи стали всерьёз заниматься нацистским режимом, сразу же возникли споры о том, насколько самостоятельно планировал и контролировал события сам Гитлер. Структуралистские интерпретации (иногда соотносившиеся с функциональными), противостоящие общепринятым «гитлероцентрич-

ным» взглядам, исходили из того, что ключ к пониманию нацизма следует искать не столько в его общественном устройстве, сколько во властной структуре. В этом они были в некотором роде даже категоричнее, нежели их «интернационалистски» ориентированные коллеги.

Структура нацистского режима являлась для подобных «ревизионистов» чем угодно, только не простой иерархической моделью классической теории тоталитаризма. Напротив, они вроде бы отличались неупорядоченной и конкурентной организацией, которую сплотил харизматик Гитлер. Поскольку им не хватало элементов современного демократического режима, способных стабилизировать и легитимизировать систему, нацистское государство было обречено на растущую радикализацию и утрату единства.

Вместе с тем для структуралистов, как и для «интернационалистов», главными действующими лицами режима были всё же те, кто находился на вершине иерархии, — только в данном случае это были не Гитлер и его ближайшее окружение, а их полномочные представители на местах, соперничавшие в борьбе за власть. В этих построениях, если и фигурировал социальный консенсус, то он представлялся производным от дефицита регулируемых процессов общественной легитимации [39], чем-то несущественным с точки зрения тенденции ко всё большей радикализации государства.

Конечно, в 1960-е гг. росло и число исследований, в которых рассматривались социальные и национальные корни нацизма, особенно те, которые стали впоследствии выглядеть как его мелкобуржуазные истоки [40]. Подобно итальянским исследованиям, появившимся в 1950-х годах, эти работы не были посвящены изучению социального поведения в условиях диктатуры и не ставили вопроса о том, кто привёл нацистов к власти. Правда, Сеймур Мартин Липсет испытывал влияние Де Феличе с его концепцией фашизма как «центристской революции»^{*} и указанием на роль среднего класса в ее осуществлении. Однако в то время, как Де Феличе писал о становлении среднего класса, Липсет и другие исследователи нацизма считали, что потеря статуса, благосостояния и убеждений вела к радикализации лишь пограничных элементов этого слоя, прежде всего мелких предпринимателей — группы, которая практически голосовала за возврат к прошлому и была разочарована стратегическими действиями нацистского правительства [41].

Усиление народного недовольства и взгляды нацистской верхушки, долгосрочные планы которой всё заметнее расходились с чаяниями избирателей, приведших ее к власти, стали важными темами на-

учных трудов, написанных несколько позже, в конце 1960-х — 1970-х гг. [42]. Для Тима Мейсона, приводившего доводы, отражавшие позиции сторонников марксизма, воздействие на режим, приведшее к его радикализации, явилось результатом широкого народного недовольства нацистами. Мейсон считал, что нацистская Германия шла к войне потому, что не могла удерживать верхнюю планку налогового бремени каким-либо иным способом [43].

В целом первые целенаправленные усилия по изучению поведения населения Германии в условиях нацистского господства, пришедшиеся на 1960-е — 1970-е гг., в отличие от итальянского варианта, делали упор в большей степени на оппозицию нацистскому режиму, чем на процесс выработки согласия народа и режима. Доминирование теоретического спора «структуралистов» и «интернационалистов» не помешало появлению возраставшего числа работ, посвященных сопротивлению режиму и росту репрессивных акций [44]. Новаторское исследование, проведенное в Институте новейшей истории (Мюнхен), «Бавария в эпоху национал-социализма», первый том которого был опубликован в 1977 г., предложило более точную терминологию, объяснявшую различие между оппозицией, активным сопротивлением и пассивным несогласием; данная терминология широко используется и поныне.

Но только в 1980-х гг., более чем через 10 лет после того, как сходные понятия проникли в итальянскую науку, упор на оппозиционность и неконформизм сменился осознанием масштабов нацистской социальной опоры. Было показано, что нацисты сумели добиться успеха даже среди тех общественных слоёв, которые первоначально составляли лишь незначительную часть их избирателей (например, рабочих) [45]. В исследованиях как несогласия, так и поддержки нацистского режима, относившихся к более позднему времени, главенствующую роль в большой степени заняла «история повседневности», демонстрировавшая множественность уровней несогласия с режимом, а также и то, что многие из действий нацизма одновременно вызывали сочувствие [46].

Запоздалое — по сравнению с исторической наукой Италии — осознание западногерманской историографией «проблемы единения» частично явилось результатом различной интеллектуальной

^{*} Дословно авторы передают этот термин английским словосочетанием *centrist revolution*, которое не вполне точно отражает его содержание, поскольку оно пересекается с определением «сталинской революции» в том виде, в котором оно давалось итальянской левой фракцией КПИ (*Sinistra Italiana*) в начале 1930-х гг. — *Прим. перев.*

атмосферы в этих двух странах. После 1968 г. научные круги столкнулись с «новым возрождением» марксистской мысли, которая стала уделять всё больше внимания понятию и природе фашизма. При этом дискуссии вокруг рассматриваемой темы были первоначально в высшей степени теоретическими и абстрактными [47]. В Италии марксистская наука всегда выступала более гетерогенно и менее догматично, особенно после выхода в свет курса лекций Тольятти. В результате исследователи имели возможность трактовать фашизм по-разному. В Италии было легче признать согласие общества с фашистским режимом, который по сравнению с нацизмом однозначно выглядел «меньшим злом» [48]. Ведь здесь речь шла о системе, которая не стала столь абсолютно неконтролируемой, подобно германскому нацизму. А это облегчало разведение в политической и психологической плоскостях умеренного (итальянского) и радикального (германского) фашизма, а, следовательно, и разговор о возможности «общественного консенсуса» в первом.

Действительно, утверждение Де Феличе о народной поддержке итальянского фашизма оборачивалось в его трактовке преуменьшением преступлений итальянского фашизма, отрицанием его уподобления нацистской Германии и своего рода признанием его революционного и преобразовательного потенциала. При этом то, что Италия парадоксальным образом «не сошла с рельсов», подобно Германии, могло восприниматься как ссылка на пределы возможностей фашизма по мобилизации итальянского общества.

Как это ни парадоксально, но свою роль в этом подходе сыграла героическая история двухлетней борьбы итальянского Сопротивления с остатками фашизма* и его германскими союзниками. Именно потому, что итальянцы все же боролись против фашизма (в отличие от немцев, которые прошли вместе с ним путь вплоть до окончательной развязки), делало для них гораздо менее сложным признание прежней поддержки диктаторского режима. Множество исследований антифашистского движения Сопротивления, опубликованных в 1950-х – 1960-х гг., убедительно показало, что сложившаяся в стране несгибаемая оппозиция сохранила «коллективный дух» Италии. Это особенно важно теперь, когда фашизм кажется кому-то «прагматичным режимом», противостоявшим различным вызовам своего времени. Между тем в Западной Германии 1970-х гг. все ещё не существовало сопоставимой с итальянской школы изучения Сопротивления и оппозиции. Ей еще только предстояло возникнуть [49].

Изучение общественной мобилизации в 1970-х – 1990-х гг.

В середине 1970-х гг. итальянские исследователи сосредоточили свое внимание на изучении влияния фашизма на рабочий класс [50]. В то время считалось, что пролетариат являлся лишь объектом массовых репрессий. Однако новые работы этого направления выявили и значительную эффективность фашистской мобилизации рабочих. Подобно ранним исследованиям истоков фашизма, многие из этих работ были обращены к локальному уровню. Подходящим объектом изучения стал для них Турин как город с глубоко укоренёнными традициями рабочего движения [51].

Особое значение в рамках этого исследовательского направления приобрела «Устная история» рабочего класса Турина, изданная Луизой Пассерини в 1980-х гг. Труды этого автора (как и работы ряда других историков) показали, что после быстрого и жесткого натиска на организационные структуры рабочего движения фашизм выбил почву из-под левых сил, пригласив трудящихся к участию в собственных благотворительных и общественных организациях. Тот факт, что многие представители этого социального слоя охотно приняли эти приглашения, свидетельствовал о немалых возможностях режима по мобилизации различных социальных групп путем перехвата с помощью внешне аполитичных институтов традиционной повестки рабочего движения по экономическому обновлению и социальной трансформации.

Как утверждал Сальваторе Лупо, фашистский политический режим открыл множество новых возможностей для низших слоёв общества. Не подразумевая большей свободы и не предлагая участия в политическом процессе, они тем не менее по-новому устанавливали связь низших классов с государством и с обществом в целом [52].

Мысль о том, что фашистский режим создавал новые пространства и возможности для бывших ранее маргинальными групп и тем самым обеспечивал их разрыв с прошлым, возникла в результате исследований массовых фашистских организаций. Фундаментальное значение в числе этих работ приобрело исследование Виктории Де Грация об организации отдыха «Doppolavogo» [53]. Изучая ее деятельность, она особо вычленила стремление режима к модернизации общества и включению в свой преобразовательный проект основной массы обычных граждан. При этом, рассмотрев реакции итальянцев на эти действия, Де Грация иницииро-

* Т.е. с Итальянской социальной республикой, или республикой Сало на Севере Италии. – *Прим. перев.*

вала дискуссию о выборах в условиях диктаторского режима, показав, в частности, что методы вовлечение народных масс, применявшиеся режимом, менялись в зависимости от возникавших проблем, социального статуса и географических особенностей региона. Многие выводы Де Грация были подтверждены серией последовавших исследований социальной адаптации молодёжи другими организациями (включая саму Национальную фашистскую партию), занимавшимися внедрением фашистской идеологии в массы [54].

Многочисленные научные труды о женских, молодёжных и правительственных организациях, несмотря на различия в позициях их авторов, подчеркивали также значимость модернизационных импульсов, поступавших от режима и имевших целью «преобразование общества» и включение рядового человека в проекты трансформации личности.

Установка на анализ деятельности массовых организаций перекликалась в 1980-е гг. с растущим вниманием к тем способам, с помощью которых фашизму удалось, по словам Марьючче Сальвати, «сделать общественное частным, а частное – общественным». Как подчеркивала Сальвати, фашизм коренным образом отличался от предшествовавших ему либеральных режимов тем, что он вторгся в те сферы жизни, которые ранее были ограждены от воздействия общества, и видоизменял их [55].

В своём новаторском исследовании о положении женщин в годы фашистской диктатуры Де Грация также показала, что вмешательство государства в сферу частной жизни могло побудить женщин воздерживаться от общественной деятельности и со временем устраниваться из неё полностью [56]. Вместе с тем те процессы, которые включали женщину в общественное пространство, зачастую были характерны не только для фашизма, но являлись следствием более широкого развития модернизации и быстрого распространения массовой культуры.

В начале 1990-х гг. Симона Коларици предприняла углублённое изучение итальянского общественного мнения в условиях фашистского режима. Сосредоточившись на исследовании тех методов убеждения, которые использовали фашисты, Коларици проанализировала механизмы, с помощью которых фашистская диктатура изначально пыталась установить контроль над тем, о чем думали итальянцы. В результате ей удалось получить представление о трансформации установок людей на протяжении 1930-х гг. вплоть до падения Муссолини. Согласно её взглядам, первоначальная стадия насилия и подавления оппозиции расчистила дорогу для последующей фазы, стартовавшей в 1929 г. и характеризовавшейся приспособленче-

ством и конформизмом, когда большинство антифашистов предпочло перетерпеть и пережить режим. Только в 1943 г. становится очевидным недовольство низов фашистским режимом [57].

В конце 1990-х гг. Патриция Дольяни создала первый обобщающий труд об итальянской диктатуре, который включал как более ранние исследования различных социальных группировок, так и обзор современной для того времени политической, социальной и экономической истории фашизма [58]. Нарисованная ею картина свидетельствовала о противоречивости режима, который, с одной стороны, осуществлял политику, стремившуюся к охвату все большего числа людей (а в идеале – всех итальянцев), а с другой – представлял собой закрытую иерархию. Пропаганда и принуждение работали в тесной связке, воздействуя на жизнь итальянцев разнообразными путями. Однако даже у Дольяни единоголосие, рассматриваемое ею как возникшее снизу, выступало прежде всего как цель официальной политики.

Ликующая толпа и добровольные палачи? Исследования нацистской Германии, начиная с 1990-х гг.

До начала 1990-х гг. исследователи как нацистской Германии, так и фашистской Италии сосредотачивали свои усилия в большей степени на анализе конкретных возможностей и средств, навязанных режимом: деятельности службы безопасности, контроля над передвижениями и проведением досуга и т.д. – чем на выявлении более глубокой общности мировоззрения и культуры, характерной для фашистских движений. Безусловно, имелись и исключения. В этой связи можно назвать, например, Джорджа Мосса с его особым вниманием к феномену «огосударствления масс», созданию «новой политики» и преобразовательному потенциалу нацистской идеологии в деле создания «нового человека» [59].

Преувеличенно пристальное внимание большинства немецких историков к проблематике повседневных интересов стало причиной того, что в тени оказалась тематика, рассматривавшая восприятие народными массами новых специфических особенностей фашистской идеологии, особенно таких ее составляющих, как насилие и расизм. При таком подходе народ как бы не разделял ответственности за наиболее бесчеловечные и жестокие деяния режима. Вместо этого работы, посвящённые достижению консенсуса, характеризовали реакцию населения на режим как сложную смесь притяния, воодушевления и одновременно сдержанности.

Однако на протяжении последних десяти лет историческая германистика проявила больший ин-

терес к изучению проблемы соучастия населения в реализации нацистской диктатуры [60]. Историки стали рассматривать народную поддержку как неотъемлемый фактор всех видов деятельности режима. Михаэль Вильдт признавал, что национальное единение стало реальностью, созданной нацистским режимом, сумевшим добиться как длительной и широкомасштабной народной поддержки, так и того, что немцы стали осознавать себя частью «национальной общности». Это осознание подразумевало не только связь и общность судеб с соотечественниками, но и представление о разделительной линии между ними и другими «отверженными» народами.

Нацистская диктатура стала рассматриваться как система, опиравшаяся на народную легитимность; по словам Франка Байора – как «диктатура одобрения» [61]. Роберт Геллатели подчеркивал, что гестапо в гораздо большей степени опиралось на готовность населения доносить на соседей, нежели на разрастание полицейского аппарата [62]. Точно так же другие историки поражались степенью активного соучастия населения в реализации нацистской расовой системы – от восприятия нацистской риторики (которую нетрудно обнаружить в дневниковых записях немцев) до участия в позорных расистских уличных процессиях, от поразительной готовности терпеть и «не замечать» смертоносную расовую политику до согласия с тем, что «народная общность» в действительности ковалась с помощью геноцида [63].

Все эти обвинения могут быть оспорены [64]. Однако несомненно, что в научной оценке активного привлечения немецкого населения к поддержке специфической политической повестки нацизма произошёл существенный сдвиг.

В свою очередь итальянские исследователи внимательно следили за эволюцией взглядов своих немецких коллег. В 1990-е гг. итальянские историки идеологии и культуры вновь обратились к изучению стремления фашизма установить тотальный контроль над общественной сферой. Весьма влиятельным в этом отношении слыл Эмилио Джентиле [65]. Основываясь на множестве идей, высказанных Моссом и другими историками в отношении Германии, Джентиле доказывал, что фашизм был в высшей степени эффективен в деле выработки массовой политики не в последнюю очередь за счёт создания разновидности «политической религии» и формирования «нового человека» [66].

Значительное число исследований итальянских историков сфокусировано ныне на итогах усилий фашистских режимов, имевших целью создание «нового человека». В их работах обычно

подчёркивается тоталитарный характер фашизма и его попыток превратить своих молодых граждан в убежденных фашистов, используя для этого многочисленные молодежные организации [67-68]. В некоторых из них рассматриваются фашистские социальные институты и прежде всего та интенсивность, с которой режим пытался трансформировать жизнь своих граждан [69]. В частности, был осуществлен анализ отношений, складывавшихся между Национальной фашистской партией и государством. Особый интерес представляла в этой связи документация, в какой-то степени повлиявшая на исход прежних споров между «структуралистами» и «интернационалистами» [70].

Правда, во многих случаях даже тогда, когда в фокусе рассмотрения находился местный уровень, главное внимание уделялось не столько восприятию обществом порядков, установленных фашистской диктатурой, сколько структуре государственных институтов, разработке и проведению в жизнь политического курса. Важное исключение из этого ряда составляли монографические труды, посвященные экономической политике, в которых были по-новому оценены взаимные уступки различных эшелонов фашистской власти и непростые отношения между многочисленными институтами итальянского общества. При этом, как было показано в этих исследованиях, единство взглядов достигалось лишь в результате сложных переговоров и уступок с обеих сторон. Режим не выступал выразителем непосредственных интересов экономических элит, но и не пытался прямо навязывать им свою волю [71].

К этому времени наряду с исследовательскими направлениями, изучавшими ход разработки тоталитарной культуры и идеологии, стали все чаще появляться и работы, переключившиеся на изучение фашистских репрессий и насилия, ограничений свободы слова и передвижения. В этом плане особую важность приобрели исследования секретной полиции фашистов*, проведенные историками Мауро Канали и Миммо Францинелли. Они опровергли мнение, что режим Муссолини со временем становился «более мягким», доказав, что насилие неизменно оставалось одним из базовых элементов фашистского правления. Применение насилия цементировало фашистские группировки и способствовало их поддержке некоторыми слоями общества, в первую очередь – молодёжью. Работы Канали и Францинелли продемонстрировали также

* OBPA – Organo di Vigilanza dei Reati Antistatali – орган надзора за антигосударственными проявлениями. – *Прим. перев.*

особую роль, которая отводилась сети информаторов, составлявшей существенный дополнительный канал контроля режима над населением [72].

Общей характерной чертой современных исследований фашистского режима стало всё большее сосредоточение на выявлении не столько жертв насилия, сколько его форм и исполнителях. Одной из групп, привлёкших более пристальное внимание, были итальянские евреи [73]. Анализ обрушившихся на них бед показал, что фашистский расизм был гораздо продолжительнее, а расовая политика режима пользовалась гораздо большей поддержкой населения, чем это считалось изначально. Острые споры вызвала при этом оценка степени связи католической культуры с антисемитской сущностью фашизма и ролью священников (особенно папы Пия XII) в годы действия расовых законов [74].

И всё-таки в целом изучение в Италии степени поддержки населением фашистского режима стало ныне гораздо слабее, чем в немецкой исторической науке.

В последнее время исследования фашистского расизма во всех его проявлениях существенно продвинулись [75]. Расизм более не рассматривается как германское «нововведение» или как неожиданный поворот в иной по своей сути прагматичной политике Муссолини. Наоборот, идеология и практика расизма видятся теперь как неотъемлемая часть фашизма. Особый интерес стало вызывать изучение колониальных захватов фашизма. Были вскрыты насилия и зверства фашистов, но также показаны и популярность колониальных войн, и их роль в выработке социального консенсуса (хотя и лишь до тех пор, пока колониальная экспансия не привела к многочисленным жертвам) [76]. В целом исследование войн, в которые был вовлечен итальянский фашизм, способствовало упрочению в обществе взглядов на войну не как на случайность, но как на неотъемлемую часть фашистского проекта с самого его начала [77].

Таким образом, изучение итальянского фашизма, начиная с 1990-х гг., позволило глубже понять сущность созданного им режима и правящей в нем партии и взглянуть изнутри на механизмы его действий, цели и интеллектуальное прикрытие.

Менее охотно современные исследователи, за некоторым исключением, обращаются к проблеме участия общества в действиях рассматриваемого режима и его отношения к фашизму. Новейшие работы по идеологии и культуре, а также о насилии и войнах фашистского режима неохотно обращаются к этим проблемам, во-первых, потому, что их авторы зачастую не готовы рассматривать население в качестве действующего субъекта политики, считая его простым объектом воздействия, а во-вторых,

потому, что привыкли уделять основное внимание узкому кругу персонажей, приближённых к фашистскому режиму. Эта констатация, естественно, не исключает признания того, что в научной среде всегда присутствовало стремление к комплексному изучению взаимодействия режима и общества.

Примечания:

1. Наиболее важные позиции были обозначены Бенедетто Кроче, который рассматривал фашизм как досадное «отступление» на пути к модернизации Италии, Пьеро Гобетти, который видел в нём наивысшее воплощение недостатков демократии, свойственных Италии, и ортодоксальными марксистами, которые теоретически обосновывали фашизм как реакционное движение, поддерживаемое классом капиталистов.
2. *De Felice, R.* Mussolini il fascista. La conquista del potere 1921–1925. – Turin, 1966; *Idem.* L'organizzazione dello stato fascista 1925–1929. – Turin, 1968. В дальнейшем, в публикации 1969 г., Де Феличе выдвинул на первый план собственную интерпретацию «революции среднего класса», в которой он рассмотрел, в каком ключе и современники, и историки послевоенного периода воспринимали фашизм: *De Felice, R.* Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. – Rome-Bari, 1998.
3. *Togliatti, P.* Corso sugli avversari. Le lezioni sul fascismo / Ed. F.M. Biscione. – Turin: Einaudi, 2010. Пальмиро Тольятти был одним из основоположников Итальянской коммунистической партии в 1921 г. Он был генеральным секретарём ИКП большую часть времени, пока фашисты были у власти (на протяжении этих лет он жил в эмиграции в Советском Союзе) и после падения их режима (1944–1964 гг.). Он был ведущей фигурой в Коминтерне.
4. Различные интеллектуальные, политические и моральные основания нацизма в Германии будут раскрыты далее в тексте. О дискуссии вокруг «защитной реакции» Германии на обвинения в массовых преступлениях в 1950-х гг. и о тех способах, при помощи которых историки старательно придерживались представления о «хороших сторонах» в 1960-х – 1970-х гг., см.: *Frei, N.* 'Volksgemeinschaft'. Erfahrungsgeschichte und Lebenswirklichkeit der Hitler-Zeit // *Idem.* 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen, 2. Auflage. – München, 2009. – S. 121-124.
5. См.: *Wildt, M.* Volksgemeinschaft als Selbstermächtigung: Gewalt gegen Juden in der deutschen Provinz 1919 bis 1939. – Hamburg, 2007; и: *Bajohr, F.* Die Zustimmungsdiktatur: Grundzüge nationalsozialistischer Herrschaft in Hamburg // Hamburg Im "Dritten Reich" / Hrsg. von J. Schmid. – Göttingen, 2005. – S. 69-131. Также см. сборник статей: *Volksgemeinschaft. Neue Forschungen zur Gesellschaft des Nationalsozialismus* / Hrsg. von F. Bajohr und M. Wildt. – Frankfurt, 2009; и следую-

- щую статью: Süß, W.; Süß, D. 'Volksgemeinschaft' und Vernichtungskrieg. Gesellschaft im nationalsozialistischen Deutschland // Das "Dritte Reich." Eine Einführung / Hrsg. von W. Süß und D. Süß. – München, 2008. – S. 79-102. В качестве критического осмысления подобной линии аргументации см. работы: Kershaw, I. 'Volksgemeinschaft'. Potenzial und Grenzen eines neuen Forschungskonzepts // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2001. – Jg. 59. – S. 1–17.
6. По поводу этих споров см.: Kim, Y.W. From 'Consensus Studies' to History of Subjectivity: Some Considerations on Recent Historiography on Italian Fascism // Totalitarian Movements and Political Religions. – 2009. – Vol. 3-4. – P. 327-337; Roberts, D. Myth, Style, Substance and the Totalitarian Dynamic in Fascist Italy // Contemporary European History. – 2007. – Vol. 1. – P. 1-36; Cardoza, A.L. Recasting the Duce for the New Century: Recent Scholarship on Mussolini and Italian Fascism // The Journal of Modern History. – 2005. – Vol. 77. – P. 722-737; Bosworth, R.J.B. The Italian Dictatorship: Problems and Perspectives in the Interpretation of Mussolini and Fascism. – New York, 1998; Gentile, E. Fascism in Italian Historiography: In Search of an Individual Historical Identity // Journal of Contemporary History. – 1986. – Vol. 21, No. 2. – P. 179-208.
 7. См. работу: Corner, P. Italian Fascism: Whatever Happened to Dictatorship? // The Journal of Modern History. – 2002. – Vol. 74. – P. 325-351. Работа Корнера оказалась полезной при выявлении недостатков, свойственных парадигме общественного консенсуса и её воздействия на общественную память и легитимацию текущей политики.
 8. Данное мнение было особенно верным сразу после падения «первой республики» в Италии в начале 1990-х гг., находящей основу не в наследии Сопровитвления.
 9. Даже Де Феличе, который является признанным автором этой идеи, допускал гораздо больше нюансов во взгляде на согласие, нежели многие из тех, которые, ссылаясь на свои находки, убеждают нас просто в них поверить.
 10. Дискуссия об уровне демократии, достигнутом в Италии перед началом подъёма фашизма, весьма обширна. Несмотря на возможность точной аргументации того, что в социальном и политическом отношении итальянское королевство после Первой мировой войны едва ли было демократией, всё же имело место продвижение по пути демократической трансформации и вовлечение народа в политику на разных уровнях.
 11. В качестве обзора дискуссии о «единодушии» в общественных науках см. статью Маурицио Котты, озаглавленную *Consenso*, в работе: Enciclopedia delle Scienze Sociali. – 1st ed. – Rome, 1992.
 12. Morgan, Ph. The years of consent? Popular Attitudes and Forms of Resistance to Fascism in Italy // Opposing Fascism: Community, Authority and Resistance in Europe / Eds. by T. Kirk and A. McElligott. – Cambridge, 1999. – P. 163-179.
 13. Arendt, H. The Origins of Totalitarianism. (1951; repr.) – New York, 1960. – P. 256-257. Ценный исторический анализ использования и политического наполнения термина «тоталитаризм» содержится в книге: Traverso, E. Le totalitarisme: le XXe siècle en débat. – Paris, 2001.
 14. Aquarone, A. L'organizzazione dello Stato totalitario. – 1965; repr. – Turin, 1995. – P. 290.
 15. De Felice, R. Mussolini il Duce. Lo Stato totalitario 1936–1940. (1981; repr.). – Turin, 1996. – P. 3-14. В развитии взгляда Де Феличе на тоталитаризм см. работы: Gentile, E. Renzo de Felice. Lo storico e il personaggio. – Rome, 2003.
 16. Alatri, P. Le origini del fascismo. – Rome, 1962; Vaini, M. Le origini del fascismo a Mantova 1914–1922. – Rome, 1961; Valeri, N. Da Giolitti a Mussolini. Momenti della crisi del liberalismo. – Milan, 1967.
 17. Исследование локальной специфики фашизма продолжает двигаться в сторону создания «лаборатории» инновационного анализа. Одними из первых и до сих пор сохраняющих своё влияние работ о местных корнях фашизма были монографии: Arbizzani, L. L'avvento del fascismo nel Bolognese, 1920–1922 // Movimento operaio e socialista. – 1964. – No. 2-4; Colarizi, S. Dopoguerra e fascismo in Puglia (1919–1926). – Rome-Bari, 1971; Cavandoli, R. Le origini del fascismo a Reggio Emilia 1919–1923. – Rome, 1972; Corner, P. Fascism in Ferrara, 1915–1925. – London, 1975; Piva, F. Lotte contadine e origini del fascismo: Padova-Venezia 1919–1922. – Venice, 1977. В качестве раннего обзора см.: Granata, I. Storia nazionale e storia locale: alcune considerazioni sulla problematica del fascismo delle origini (1919–1922) // Storia contemporanea. – 1980. – Vol. XI. – P. 503-544. В отношении диалектической связи между «местным» и «национальным» в итальянской истории также см. введение и заключение в книге: Baris, T. Il fascismo in provincia. Politica e società a Frosinone (1919–1940). – Rome-Bari, 2007. Безусловно, не все исследования были так подробно сосредоточены на исключительности местного уровня. Например, см. следующие значимые работы: Salvatorelli, L.; Mira, G. Storia d'Italia nel periodo fascista. – Turin, 1956 и Santarelli, E. Storia del movimento e del regime fascista. – Roma, 1967.
 18. Не все исследования рассматривали насилие и социальный консенсус как взаимоисключающие категории. В качестве примера раннего осмысления взаимосвязи между ними см. прежде всего статью: Colarizi, S. Dopoguerra e fascismo in Puglia...; Corner, P. Fascism in Ferrara ... и Aquarone, A. Violenza e consenso nel fascismo italiano // Storia contemporanea. – 1979. – Vol. 1. – P. 145-155.
 19. См.: Ferrari, F.L. L'azione cattolica e il regime. – Florence, 1958 и Rossi, E. Il manganello e l'aspersorio. L'uomo della provvidenza e Pio XI (1958; repr.). – Milan, 2000. В качестве более детального исследования см. работу: Jemolo, A.C. Chiesa e Stato in Italia negli ultimi cento anni. – Turin, 1948. – P. 589-686.

20. См.: Rossi, E. I padroni del vapore. – Bari, 1955; Guerin, D. Fascismo e gran capitale. – Milan, 1956; Fascismo e capitalismo / Ed. por N. Tranfaglia. – Milan, 1976; Melograni, P. Gli industriali e Mussolini: rapporti tra la Confindustria e Mussolini dal 1919 al 1929. – Milan, 1972.
21. На самом деле в этот ранний период увидели свет некоторые из воспоминаний выдающихся антифашистов, а также и деятелей фашистского режима. Для уяснения взгляда антифашистов см.: Zangrandi, R. Il lungo viaggio attraverso il fascismo: contributo alla storia di una generazione. – Turin, 1948 и Fascismo e antifascismo: lezioni e testimonianze. – Milan, 1962. В числе множества мемуаров, опубликованных фашистами в первые годы после либерализации, см.: Rossi, C. Mussolini com'era. – Rome, 1947; Pini, G. Filo diretto con palazzo Venezia. – Rocca San Casciano, 1950; Anfuso, F. Roma, Berlino, Salò. – Milani, 1950.
22. Daniele, C. Togliatti editore di Gramsci. – Rome, 2005. Когда Тольятти читал свои лекции в Москве, он ещё не был знаком с тюремными записями Антонио Грамши. Однако два лидера итальянского коммунистического движения были близкими друзьями, обмениваясь своими идеями и оказывая влияние на мировоззрение друг друга. Грамши был одним из основателей Итальянской коммунистической партии и её генеральным секретарём. В 1926 г. фашистские власти арестовали лидера коммунистов. Он был приговорён к 20 годам тюремного заключения и умер в 1937 г. [от болезней, будучи уже отпущен на свободу. – Прим. перев.]. Помимо своего политического влияния Грамши широко известен благодаря своему интеллектуальному наследию; его «Тюремные тетради» являются фундаментальным трудом в интеллектуальной истории XX в.
23. Gramsci, A. Prison Notebooks. – New York, 1992.
24. Об истории создания и публикации этих лекций см. статью: Biscione, F.M. Togliatti, il fascismo, la guerra civile europea // Togliatti, P. Corso sugli avversari ... – P. 277-343.
25. De Felice, R. Mussolini il fascista. La conquista del potere 1921–1925. – Turin, 1966; Idem. L'organizzazione dello stato fascista 1925–1929. – Turin, 1968.
26. De Felice, R. Mussolini il duce. Gli anni del consenso 1929–1936. – Turin, 1974. Современную критику работ Де Феличе см. в статье: Santomassimo, G. Il fascismo degli anni Trenta // Studi storici. – 1975. – V. 16.
27. В качестве одного из множества критических отзывов на исследования Де Феличе см. введение Джулио Сапелли к его собственной монографии: La classe operaia durante il fascismo / Ed. por G. Sapelli. – Milan, 1981.
28. De Felice, R. Intervista sul fascismo / Ed. por M.A. Ledeen. – Rome, 1975. – P. 32.
29. Особый интерес в этом отношении представляет книга: Salvati, M. Il regime e gli impiegati: la nazionalizzazione piccolo-borghese nel ventennio fascista. – Rome, 1992.
30. Fascismo e società italiana / Ed. por G. Quazza. – Turin, 1973.
31. Quazza, G. Introduzione. Storia del fascismo e storia d'Italia // Fascismo e società italiana ... – P. 12.
32. Ragionieri, E. Storia d'Italia. Dall'unità ad oggi, tomo 3, vol. 4, La storia politica e sociale. – Turin, 1976. О взглядах Раджонери см.: Garin, E. Ernesto Ragionieri // The Journal of Modern History. – 1980. – Vol. 52, No. 1. – P. 85-105 и Detti, T.; Gozzini, G. Ernesto Ragionieri e la storiografia del dopoguerra. – Milan, 2001. Работы Раджонери относятся к устойчивой (хотя зачастую и обособленной) традиции неортодоксальной марксистской интерпретации, которая получила наибольшую подпитку в сочинениях Грамши. Некоторые из тем, охваченных Раджонери, в частности отношения между экономической политикой, корпоративистской идеологией и «фашизацией» общества, были отвергнуты в последующие годы; однако сегодня они находятся в центре ряда новых исследований. В отличие от книг Раджонери курс лекций Тольятти продолжал оказывать влияние на общую интерпретацию режима. Спустя несколько лет после Раджонери историк-марксист Джорджо Канделоро, опираясь на выводы Тольятти, представил фашизм в качестве реакционного режима нового типа, в котором массовые организации и техника достижения общественного согласия стали основополагающими элементами в деле пересмотра взаимоотношений государства и общества: Candeloro, G. Storia dell'Italia moderna. 9. Il fascismo e le sue guerre, 1922–1939. – Milan, 1981.
33. Lyttelton, A. The Seizure of Power: Fascism in Italy, 1919–1929. – London, 1973. Также см.: Idem. Fascism and Violence in Post-War Italy: Political Strategy and Social Conflict // Social Protest, Violence and Terror in 19th and 20th c. Europe / Eds. by G. Hirschfeld and W.J. Mommsen. – New York, 1982. Литтелтон находился в числе первых авторов, которые представили фашизм англоговорящей аудитории не как выражение итальянского фольклора, а как явление, вырастающее из структурной слабости страны.
34. Cannistraro, P.V. La fabbrica del consenso: fascismo e mass media. – Rome, 1975; а также: Idem. Burocrazia e politica culturale nello stato fascista: il ministero della cultura popolare // Storia Contemporanea. – 1970. – V. 1. – P. 273-298.
35. См.: Turi, G. Il progetto dell'Enciclopedia Italiana: l'organizzazione del consenso fra gli intellettuali. – Rome, 1972; Mangoni, L. L'interventismo della cultura. Intellettuali e riviste del fascismo. – Rome, 1974; Gentile, E. Le origini dell'ideologia fascista. – Rome, 1975 и Turi, G. Il fascismo e il consenso degli intellettuali. – Bologna, 1980.
36. Isnenghi, M. Intellettuali militanti e intellettuali funzionari. Appunti sulla cultura fascista. – Turin, 1979.
37. Об образовании в фашистском государстве см.: Isnenghi, M. L'educazione dell'Italiano: il fascismo

- e l'organizzazione della cultura. – Bologna, 1979; *Ostenc, M.* La scuola italiana durante il fascismo. – Rome-Bari, 1981; *Betti, C.* L'Opera Nazionale Balilla e l'educazione fascista. – Florence, 1984; *De Fort, E.* La scuola elementare dall'Unità alla caduta del fascismo. – Bologna, 1996; *Chernitzky, J.* Fascismo e scuola. La politica scolastica del regime (1922–1943). – Florence, 1996.
38. В этом отношении блестящей работой является: *Ben-Ghiat, R.* Fascist Modernities. Italy, 1922–1945. – Berkeley, 2001. См. также: *Turi, G.* Lo Stato educatore. Politica e intellettuali nell'Italia fascista. – Rome, 2002.
 39. *Roseman, M.* Beyond Conviction? Perpetrators, Ideas, and Action in the Holocaust in Historiographical Perspective // Conflict, Catastrophe and Continuity: Essays on Modern German History / Ed. by F. Biess, M. Roseman, H. Schissler. – New York, 2007. – P. 83–103.
 40. *Lipset, S.M.* Political Man. The Social Bases of Politics. – Garden City, N.Y., 1960; *Turner Jr., H.A.* Fascismus und Anti-Modernismus // *Idem.* Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Studien zum Verhältnis zwischen Nationalsozialismus und Wirtschaft. – Göttingen, 1972. – S. 157–182. Кроме того, см.: *Winkler, H.A.* German Society, Hitler and the Illusion of Restoration 1930–1933 // Journal of Contemporary History. – 1976. – Vol. 11, No. 4. – P. 1–16.
 41. *Lipset, S.M.* “Social Stratification” and ‘Right-Wing Extremism’ // British Journal of Sociology. – 1959. – Vol. 10, No. 4. – P. 346–382.
 42. Ральф Дарендорф утверждал, что нацисты не только отреклись, но даже окончательно уничтожили собственные консервативные основы, которые привели их к власти, и тем самым создали базис для демократического общества в послевоенный период: *Dahrendorf, R.* Society and Democracy in Germany. – Garden City, N.Y., 1967.
 43. *Mason, T.* The workers’ opposition in Nazi Germany // History Workshop Journal. – 1981. – Vol. 11. – P. 120–137; *Idem.* Social Policy in the Third Reich. The working class and the “National Community”. – Providence, RI, 1993.
 44. *Klotzbach, K.* Gegen den Nationalsozialismus; Widerstand und Verfolgung in Dortmund 1930–1945; Eine Historisch-Politische Studie. – Hannover, 1969; *Steinberg, H.-J.* Widerstand und Verfolgung in Essen, 1933–1945. – Hannover, 1969; *Bludau, K.* Gestapo, geheim!: Widerstand und Verfolgung in Duisburg 1933–1945. – Bonn-Bad Godesberg, 1973; *Broszat, M.; Fröhlich, E.; Wiesemann, F.* Bayern in der NS-Zeit. – München, 1977.
 45. Монография Детлефа Пойкерта: Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde: Anpassung, Ausmerze und Aufbegehren unter dem Nationalsozialismus. – Köln, 1982, в которой подзаголовок на немецком языке делает акцент на слове *Anpassung* (адаптация), а не на словах *Ausmerze* (искоренение) *Aufbegehren* (неповиновение), стала в этом смысле важной вехой. См. перевод на английский язык: *Peukert, D.* Inside Nazi Germany: Conformity, Opposition, and Racism in Everyday Life. – New Haven, 1987.
 46. В числе наиболее влиятельных исследований находятся: *Luedtke, A.* Eigensinn: Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus. – Hamburg, 1993 и *Niethammer, L.* Die Jahre weiss man nicht, wo man die heute hinsetzen soll: Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet: Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet 1930 bis 1960. – Berlin, 1983.
 47. *Herbert, U.* Vernichtungspolitik. Neue Antworten und Fragen zur Geschichte des ‘Holocaust’ // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik, 1939–1945: Neue Forschungen Und Kontroversen / Hrsg. von U. Herbert. – Frankfurt am Main, 1998. – S. 9–66.
 48. По этому вопросу см.: *Ben-Ghiat, R.* A lesser evil? Italian fascism in/and the totalitarian equation // The Lesser Evil: Moral Approaches to Genocide Practices / Ed. by Helmut Dubiel and Gabriel Gideon Hillel Motzkin. – New York, 2004).
 49. Восточногерманская историография гораздо раньше сконцентрировалась на изучении Сопротивления, основываясь на убеждении в том, что немецкое общество в своей массе не приняло нацистского режима. С другой стороны, в Западной Германии историки были склонны отвергать обвинения в «коллективной ответственности». См.: *Frei, N.* ‘Volksgemeinschaft’. Erfahrungsgeschichte und Lebenswirklichkeit der Hitler-Zeit // 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen, (2005; repr.). – München, 2009. – S. 121–124.
 50. Среди прочих см. работы: *Cordova, F.* Le origini dei sindacati fascisti. – Rome, 1974; *Bertolo, G.* Operai e contadini nella crisi italiana del 1943–1944. – Milan, 1974; La classe operaia durante il fascismo / Ed. por Sapelli. – Milano, 1981. О том импульсе, который оказывал подъем фашизма на рабочий класс на отдельных территориях, см.: Luciano Casali et al. Movimento operaio e fascismo nell’Emilia Romagna 1919–1923. – Rome, 1973; *Sapelli, G.* Fascismo, grande industria e sindacato: il caso di Torino, 1929–1935. – Milan, 1975. По поводу особенно глубокой дискуссии по вопросу о «единодушии» в среде рабочих и историографических спорах вокруг этой теме см.: *Passerini, L.* Work Ideology and Consensus under Italian Fascism // History Workshop. – 1979. – No. 8. – P. 82–108.
 51. *Passerini, L.* Fascism in Popular Memory: The Cultural Experience of Turin Working-Class. – Cambridge-New York, 1985. Первое издание на итальянском языке увидело свет в 1984 г.: *Griboaudi, M.* Mito operaio e mondo operaio: spazi e percorsi sociali a Torino nel primo Novecento. – Turin, 1987.
 52. См. по этой проблематике более новые работы: *De Bernardi, A.* Operai e nazione: sindacati, operai e stato nell’Italia fascista. – Milan, 1993; *Willson, P.*

- The Clockwork Factory: Women and Work in Fascist Italy. – New York, 1993; Piva, F. Azienda e partito: gli operai del Poligrafico dello Stato nel periodo fascista. – Rome, 1998.
53. De Grazia, V. The Culture of Consent: Mass Organization and Leisure in Fascist Italy. – Cambridge, 1981.
54. Koon, T.H. Believe, Obey, Fight. Political Socialization of Youth in Fascist Italy, 1922–1943. – Chapel Hill, 1985.
55. Salvati, M. L'inutile salotto. L'abitazione piccolo-borghese nell'Italia fascista. – Turin, 1993.
56. De Grazia, V. How Fascism Ruled Women. Italy 1922–1945. – Berkeley, 1993.
57. Colarizi, S. L'opinione degli italiani sotto il regime. – Rome, 1991.
58. Dogliani, P. L'Italia fascista, 1922–1940. – Milan, 1999, а также отредактированное и дополненное переиздание: *Idem*. Il fascismo degli italiani: una storia sociale. – Turin, 2008.
59. Mosse, G. The Nationalization of the Masses; Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich. – New York, 1975.
60. Goldhagen, D. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. – New York, 1996. О спорах вокруг этой книги и о её восприятии см.: The "Goldhagen effect": History, Memory, Nazism – Facing the German Past / Ed. by G. Eley. – Ann Arbor, 2000; Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit: der Streit um Daniel J. Goldhagen / Hrsg. von J. Heil und R. Erb. – Frankfurt am Main, 1998 и Ein Volk von Mördern?: die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Hrsg. von J.H. Schoeps. – Hamburg, 1996.
61. Bajohr, F. Die Zustimmungsdiktatur ...
62. Gellately, R. The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy, 1933–1945. – New York, 1990.
63. Zur Nieden, S. Alltag im Ausnahmezustand. Frauentagebücher im zerstörten Deutschland 1943 bis 1945. – Berlin, 1993; Wildt, M. Volksgemeinschaft als Selbstermächtigung ...; Dörner, B. Die Deutschen und der Holocaust: Was niemand wissen wollte, aber jeder wissen konnte. – Berlin, 2007; Kühne, T. Belonging and Genocide: Hitler's Community, 1918–1945. – New Haven, 2010.
64. См. примечание 71.
65. Gentile, E. La via italiana al totalitarismo: il partito e lo Stato nel regime fascista. – Rome, 1995.
66. Gentile, E. Il culto del littorio. La sacralizzazione della politica nell'Italia fascista. – Rome, 1993 и *Idem*. Le religioni della politica: fra democrazie e totalitarismi. – Rome, 2006.
67. Berezin, M. Making the Fascist Self: The Political Culture of Inter-war Italy. – Ithaca, 1996; Spackman, B. Fascist Virilities: Rhetoric, Ideology and Social Fantasy in Italy. – Minneapolis, 1996; Benadusi, L. Il nemico dell'uomo nuovo. – Milano, 2003.
68. См.: La Rovere, L. Storia dei Guf. Organizzazioni, politica e miti della gioventù universitaria fascista (1919–1943). – Turin, 2003.
69. См.: Melis, G. Due modelli di amministrazione tra liberalismo e fascismo. – Rome, 1988; Melis, G. Lo Stato negli anni trenta. – Bologna, 2008 и Giorgi, C. La previdenza del regime: storia dell'Inps durante il fascismo. – Bologna, 1994.
70. Lupo, S. Il fascismo. La politica in un regime totalitario. – Rome, 2000; Lo Stato fascista / Ed. por M. Palla. – Florence, 2001; Germino, D.L. Il partito fascista italiano al potere: uno studio sul governo totalitario. – Bologna, 2007; Di Nucci, L. Lo Stato-partito del fascismo: genesi, evoluzione e crisi: 1919–1943. – Bologna, 2009.
71. См.: Gagliardi, A. Il corporativismo fascista. – Rome, 2010; Pasetti, M. Tra classe e nazione: rappresentazioni e organizzazione del movimento nazional-sindicalista (1918–1922). – Rome, 2008; Santomassimo, G. La terza via fascista: il mito del corporativismo. – Rome, 2006.
72. Franzinelli, M. Delatori: spie e confidenti anonimi. L'arma segreta del regime fascista. – Milan, 2001 и Canali, M. Le spie del regime. – Bologna, 2004. Также весьма важной является новая книга Майкла Эбнера: Ordinary violence in Mussolini's Italy. – New York, 2011.
73. Классикой в этой теме считается: De Felice, R. The Jews in Fascist Italy: A History (1961; transl.). – New York, 2001. В качестве более новых работ см.: Storia della Shoah in Italia / Eds. por M. Flores et al. – Turin, 2010 и Sarfatti, M. The Jews in Mussolini's Italy: From Equality to Persecution (2000; transl.). – Madison, 2006.
74. См.: Miccoli, G. I dilemmi e i silenzi di Pio XII. – Milan, 2000; Kertzer, D. The Popes against the Jews: The Vatican's Role in the Rise of Modern Anti-Semitism. – New York, 2001; Fattorini, E. Pio XI, Hitler e Mussolini. La solitudine di un papa. – Turin, 2007 и Ceci, L. Il papa non deve parlare. Chiesa, fascismo e guerra d'Etiopia. – Rome, 2010.
75. См.: Cassata, F. "La difesa della razza": politica, ideologia e immagine del razzismo fascista. – Turin, 2008 и *Idem*. La menzogna della razza: documenti ed immagini del razzismo e dell'antisemitismo fascista. – Bologna, 1994.
76. Dominion, M. Lo sfascio dell'Impero. Gli italiani in Etiopia 1936–1941. – Rome-Bari, 2008; Rodogno, D. Il nuovo ordine mediterraneo: le politiche di occupazione dell'Italia fascista 1940–1943. – Turin, 2002. Обзор фашистской колониальной политики и размышления о достижении с её помощью согласия см. в книге: Labanca, N. Oltremare: storia dell'espansione coloniale italiana. – Bologna, 2002. – P. 220–224.
77. Il ventennio fascista: la seconda guerra mondiale / Ed. por M. Isnenghi, G. Albanese. – Turin, 2009; Rochat, G. Le guerre italiane 1935–1943. Dall'impero d'Etiopia alla disfatta. – Turin, 2005.

УДК 94:3(450)«19»
ББК 63.3(4Ита)6-2

ПРОМЫШЛЕННАЯ ЭЛИТА ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА

Алесслио Гальярди,
ассистент профессора
современной истории
Болонского университета
(Италия)
alessio.gagliardi@unibo.it

Перевод А.Ю. Терещенко

Аннотация. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать взаимосвязь между экономической элитой и итальянским фашизмом в период диктатуры. Это взаимоотношение имеет фундаментальное значение в процессе прихода фашизма к власти, а также в последующих усилиях по стабилизации режима. Компромисс фашизма с экономической элитой возник не только в результате необходимости политической стабилизации или установления социального консенсуса, но и от осознания того, что без него фашизм не мог преодолеть структурные ограничения итальянской экономики и, следовательно, реализовать свои политические цели. Взаимосвязь между экономической и политической властью определялась не только путем переговоров, обмена услугами и своекорыстия. Она возникла в результате более глубоких и длительных факторов: общее неприятие трудовых споров, которые сделали возможным установление гарантированного фашизмом социального равновесия при низком уровне заработной платы, отмене забастовок и свободы действий в профсоюзных организациях; возрастающее переплетение интересов руководителей Национальной фашистской партии, профсоюзных лидеров, государственной корпорации бюрократии и управленческого персонала частных компаний, вызванное уменьшением власти рынка и растущими государственными расходами; разработка «корпоративистского» способа взаимодействия государства и экономических интересов, основанных на непосредственном участии профсоюзов и объединений работодателей в государственной политике; совпадение культурных и идеологических интересов между фашистскими лидерами и членами экономической элиты (национализм, колониализм, протекционизм, строгая иерархия между социальными классами).

Ключевые слова: фашизм, Италия, синдикализм, промышленная политика, промышленное руководство, корпоративное государство.

THE INDUSTRIAL ELITES DURING THE FASCIST REGIME

Alessio Gagliardi, Assistant Professor of Contemporary History,
University of Bologna, Italy

Abstract. The aim of this article is to analyze the relationship between the economic elite and Italian fascism during the years of dictatorship. This relationship was fundamental to fascism's rise to power and in the subsequent effort to stabilize the regime. Fascism's compromise with the economic elite originated not only in the need for political stabilization or social consensus, but also from the awareness that without it fascism couldn't overcome the Italian economy's structural constraints and, therefore, realize its political aims. The relationship between economic and political power was determined not only by negotiated exchanges of favours and self-interest but also by deeper and more lasting factors such as a common rejection of industrial disputes that made possible a social equilibrium guaranteed by fascism, based on low wage levels and the abrogation of strikes and freedom in union organization; the growing entwinement of leaders of the National Fascist Party (Partito nazionale fascista), union leaders, the public corporate bureaucracy and private company management, driven by decreasing market

power and growing public expenditure; the development of a «corporatist» way of interaction between state and economic interest, based on the direct participation of unions and employers' associations in public policy; and a common cultural and ideological outlook among fascist leaders and members of the economic elite (for example, nationalism, colonialism, protectionism and the belief in a strict hierarchy between social classes).

Key words: *fascism, Italy, syndicalism, industrial policy, industrial leadership, the corporate state.*

1. Авторитарный компромисс

Связь между экономическими элитами и фашизмом была важнейшим компонентом «авторитарного компромисса», послужившего основой укрепления и стабилизации диктатуры [1]. Это была одна из многочисленных «диархий», на которые опиралось фашистское государство; другими его партнёрами стали монархия, церковь, армия и бюрократическая элита.

Хотя первые шаги к осуществлению этого компромисса можно проследить уже в двухлетие, предшествовавшее маршу на Рим, отношения между деловым миром и фашизмом по-настоящему сложились только после установления режима Муссолини, постепенно приняв форму компромисса двух властей. С другой стороны, «представляется неправдоподобной идея общности в вопросах, имеющих социальное и национальное значение», в форме национального государства, которая могла бы столь долго находиться в равновесии без существенного сближения политических и экономических властей [2].

Но сам факт существования авторитарного компромисса отнюдь не означает, что отношения бизнеса и фашистского государства складывались безоблачно, и тем более не свидетельствует о симбиозе или интеграции. Ещё в 1929 г. в ходе встречи Центрального межпрофсоюзного комитета Муссолини жаловался на политические позиции промышленников, на их низкий «уровень фашизации», заявляя, что «все они – могучие, активные, гениальные промышленники, но в вопросах фашизма их, в лучшем случае, надлежит тянуть на буксире» [3].

Кроме того, между фашизмом и бизнесом было немало трений, в особенности в связи со значительными политическими и экономическими поворотами, такими, как операция «Квота-90», вторжение в Эфиопию, союз с Германией и вступление в войну. Все эти события создавали напряжённость, в разной степени меняя статус-кво компромисса. В то же время ни одно из этих событий не обошлось без компенсаций со стороны правительства, а предприниматели, со своей стороны, всякий раз подтверждали свою верность фашизму. Таким образом, компромисс между режимом и классом предпринимателей оказался долговечным и начал рушиться лишь в 1942–1943 г., когда произошёл перелом в ходе Второй мировой войны.

Конечно, союз оказался столь прочным и долговечным в первую очередь благодаря чисто материальным факторам – и речь идет не только об экономической выгоде предпринимателей, но и о более глубинных изменениях в итальянской и международной экономике. С середины 1920-х гг. на смену рыночной динамике постепенно приходили государственное вмешательство и законодательное регулирование, что способствовало более тесному взаимодействию между экономическими субъектами и государством. Но компромисс между деловым миром и фашизмом сложился не только по экономическим причинам. Не менее важными представляются и два других фактора: усложнение отношений между государством и социальными группами, в результате которого представители фабрикантов начали принимать участие в государственных учреждениях, а также культурные и идеологические созвучия, соединившие эти два мира и соткавшие их взаимопонимание и взаимопроникновение.

Каждый из этих трёх аспектов заслуживает более глубокого изучения и анализа. Но прежде всего необходимо рассмотреть новый облик, в котором предстала промышленная буржуазия в период между двумя мировыми войнами. Именно в это время в её среде выстроилась новая иерархия и сформировалась новая элита, что сыграло решающую роль в выстраивании ее отношений с фашистским государством.

2. Равновесие и иерархия в мире экономики

Общие контуры и состав делового мира можно установить с лёгкостью. Он включал владельцев крупных, средних и мелких предприятий, наёмных менеджеров с обширными возможностями по части управления и принятия решений, а также представителей финансово-кредитной сферы. Но внутренняя конфигурация этого мира куда менее очевидна, поскольку она была подвержена вариациям в зависимости от исторического и национального контекста. Менялись пропорциональная важность различных сегментов и соотношение между ними, что было связано как с их ролью, так и с соотношением различных отраслей экономики. Менялась иерархия делового мира, в чём решающую роль играли размеры наличного капитала и доходов, а также реальный уровень экономической и политической власти. Изменение состава и иерархии делового

мира имеет, естественно, большое значение для определения господствующих интересов и выявления линии, которой придерживались организации, представлявшие деловое сообщество.

В годы между двумя мировыми войнами состав и иерархия предпринимательской буржуазии подверглись капитальным изменениям. Их главными причинами были трансформации, связанные с долгосрочным периодом развития промышленности (длинной волной второй промышленной революции), динамикой международного промышленного цикла (в особенности последствиями «деглобализации» 1930-х гг.) и политики фашистского правительства.

Особую роль в этом сыграла принятая в середине 1920-х гг. «Квота-90», которая привела к полному пересмотру экономических целей и стратегий, а также к смене лидирующих экономических групп. Новая политика была несовместима с традиционными, трудоёмкими и экспортно-ориентированными отраслями. Удельный вес текстильного сектора в итальянской промышленности значительно сократился. Вслед за ним потеряла своё значение и металлургия, другой исторический компонент промышленной системы, сложившейся в 80-е годы XIX в. На лидирующие позиции по числу рабочих, размерам бюджета, технологической интенсивности и способности влиять на политику выдвинулись активные предпринимательские группы, действовавшие в рамках монополии или олигополии, специализировавшиеся в отраслях, поднявшихся вместе со второй промышленной революцией: в химической промышленности, электроэнергетике и автомобилестроении. В 1930-е гг. в результате кризиса и действий правительства по борьбе с ним этот сдвиг закончился. Гегемония в итальянском деловом мире окончательно перешла от традиционных отраслей, поднявшихся в процессе экономического взлёта, а именно банков, металлургических предприятий и тяжёлого машиностроения, к предприятиям электроэнергетической и химической промышленности, «Фиату», миланским финансистам и Институту промышленной реконструкции [4].

Кроме того, непрерывный процесс концентрации промышленности привёл к возрастанию совокупного веса крупных предприятий как в национальной экономике вообще, так и в конкретных отраслях. Аналогичные процессы, обусловленные динамикой рынков, шли и в других крупных экономиках, но в Италии концентрация промышленности была ещё и результатом политического выбора. Этот процесс активно поддерживался и форсировался путем специальных налоговых мер, законодательства о консорциумах и о запрещении созда-

ния новых предприятий без особого разрешения правительства. Пропасть между небольшой кучкой крупных предприятий и огромной массой малых и средних компаний ещё больше расширилась как в экономическом плане, так и с точки зрения политического влияния. Это привело к консолидации узкого круга важнейших частных предприятий, которым предстояло в грядущие сорок лет стать основой крупного итальянского бизнеса.

При этом границы между государственной и частной собственностью становились куда более размытыми: создание Института промышленной реконструкции и национализация предприятий и банков привело к тому, что наёмные управляющие государственными предприятиями также заняли своё место в деловом сообществе.

Таким образом, сложился узкий круг индустриально-финансовой олигархии, который «при помощи сложной сети взаимного акционерного участия и обмена креслами в советах директоров» добился «практически тотального доминирования в итальянской экономике – как «государственной», так и частной» [5].

Убедительный портрет этой олигархии нарисовал в своей «Записной книжке буржуа» Этторе Конти – один из крупнейших представителей тогдашнего индустриально-финансового мира. Сошлемся в этой связи на запись от 15 сентября 1939 г.: «В наше время, когда каждый день заявляют о желании приблизиться к народу, сформировалась финансовая олигархия, которая напоминает старинный феодализм, только в промышленной сфере. Производство по большей части контролируется несколькими группами, во главе каждой из которых находится один человек. В их числе Аньелли, Чини, Вольпи, Пирелли, Донегани, Фальк и ещё два-три имени. Они обладают абсолютным господством над различными отраслями промышленности» [6].

Результатом описанных изменений стало усиление дуалистического характера индустриальной буржуазии: с одной стороны, небольшая элитная группа, состоявшая из крупных олигархов, а с другой – огромная масса владельцев малых предприятий. Хотя именно мелкий бизнес всячески прославлялся фашистской пропагандой, что служило эквивалентом политики рурализации в индустриальной сфере, власть, представлявшая интересы национального капитализма, находилась под практически полным контролем крупной буржуазии.

С середины 1920-х гг. именно эта экономическая олигархия и поддерживала авторитарный компромисс с фашизмом, извлекая из него значительные материальные выгоды, как правило, в ущерб разрозненной галактике мелких предпринимателей [7].

3. Экономика и материальный интерес

Формирование промышленно-финансовой олигархии, сосредоточившей в своих руках не только капиталы и предприятия, но и экономическую власть в целом, резко контрастировало с антибуржуазной риторикой фашистского политического проекта, который создавали Муссолини и чернорубашечники. Нападки на буржуазную элиту были несущей осью фашистской идеологии с самого начала и до образования республики Сало, особенно в конце 1930-х гг. [8]. В речах фашистов «буржуй» представлял как абсолютная противоположность «новому человеку», который должен был появиться благодаря усилиям режима. Этот «буржуй» характеризовался как вялый, трусливый, приземлённый и думающий только о своей выгоде. В отличие от него «новый человек» описывался как полная отвага, пылающая воинственным духом, возвышенно мыслящая личность, готовая пожертвовать собой во благо нации [9].

Антибуржуазная риторика всегда была характерна для фашизма, а с 1930-х гг. она приобрела направленность вообще против всех богачей. В первую очередь эта риторика звучала в выступлениях так называемого левого крыла фашистов. Но ей отдавали должное и те, кто играл важнейшую роль в структурах режима, не исключая и самого Муссолини. Для речей, которые произносил глава правительства, были характерны и антибуржуазная тональность, и апологетика сельской Италии, и отрицание капиталистического характера государства.

Весьма показательна в этом смысле его речь, прозвучавшая 13 ноября 1933 г. в конце заседания Национального совета корпораций. В ней содержались утверждения, прямо противоположные приведенной выше констатации Этторе Конти. Муссолини заявил, что Италия, если взглянуть на структуру её производственной экономики, вовсе не является капиталистической страной. Сообщив своим слушателям о «кризисе капиталистической системы» (а не просто о кризисе в капиталистической системе), он убеждал своих слушателей, что «экономика итальянской нации настолько разнообразна и сложна, что ее невозможно отнести к одному единственному типу». При этом он ссылаясь и на то, что «общее число итальянских производителей весьма велико – 523 тыс. чел.» – и что «почти все они являются собственниками малых или средних предприятий». «По моему мнению, – подчеркивал он, – Италия должна оставаться страной смешанной экономики, с сильным сельским хозяйством, ведь оно лежит в основе всего [...], со здоровыми малыми и средними промышленными предприятиями, с банком, который не занимает-

ся спекуляциями, с торговлей, которая выполняет свою незаменимую задачу – быстро и рациональным образом доставлять товары потребителю» [10].

Со всей очевидностью антибуржуазные и антиплутократические декларации плохо сочетались с экономической политикой правительства Муссолини, выгодной крупным промышленникам, и с самым стабильным компромиссом между Муссолини и крупной буржуазией. Но не следует, на наш взгляд, сводить это противоречие исключительно к лживости фашистской идеологии и к характерному для режима постоянному расхождению между словами и делами. Другой немаловажной причиной указанной риторики было то, как фашисты интерпретировали буржуазный вопрос.

Эта интерпретация в значительной степени сложилась под влиянием интеллектуального национализма начала XX в., проводившего грань между буржуазией «политиканов и паразитов» и буржуазией «тружеников и производителей». Это различие было в полной мере отражено в опубликованной в 1904 г. статье Джузеппе Преццолини, в которой утверждалось, что есть «Италия дела и Италия слов, Италия действий – и Италия дремоты и болтовни; Италия фабрик и Италия салонов, Италия созидаящая и Италия поглощающая, Италия, шагающая вперёд, и Италия, загораживающая дорогу». Вторая Италия состояла из политиков, «правлящей буржуазии», которая является «фальшивой аристократией» в силу своей бесполезности. Но существуют, как считал Преццолини, и другая Италия, и другая буржуазия, которая «выигрывает премии на международных выставках, борется за иностранные рынки, осмеливается прокладывать каналы, строить мельницы, возводить фабрики, бросать вызов вялому и неповоротливому правительству, ненависти и недоброжелательству черни и демагогов. Эта Италия работает и движется вперёд. Быть может, сама того не зная, она является единственной причиной и единственным источником нашего могущества и величия» [11].

Это разграничение с самого начала стало частью фашистской идеологии. Еще на втором съезде Итальянского союза борьбы (предшественника фашистской партии), состоявшемся в мае 1920 г., Муссолини утверждал: «Буржуазия ещё остается носителем технических и нравственных ценностей». А значит «нужно не топить буржуазное судно, а подняться на борт этого корабля и изгнать с него паразитирующие элементы» [12]. Так уважение к «производительной, индустриальной буржуазии» и её противопоставление «болтовне» и паразитизму стали идеологической предпосылкой фашистского подхода к ее оценке.

Конечно, фашистов и промышленную буржуазию сблизили не только идеологические предпосылки. Была и другая причина, гораздо более содержательная и практическая: осознание тесной связи между развитием промышленной мощи и экспансионистскими «имперскими» целями. Действительно, только промышленная держава могла стремиться играть серьёзную роль на международной сцене. В годы Первой мировой войны стало ясно, что современная война становится «тотальной», или, выражаясь словами Эрнеста Юнгера, «подчинённой власти машин», «битвой оборудования», исход которой непосредственно зависел от производительных мощностей воюющих стран [13].

Но выполнение задачи повышения производительных мощностей и эффективности национальной промышленности – будучи необходимой предпосылкой державной политики – затруднялась структурными ограничениями итальянской экономики, в первую очередь, нехваткой сырья и капиталов. Правительство Муссолини постоянно работало над тем, чтобы преодолеть эти ограничения и повлиять на производственную систему. С одной стороны, оно поощряло инвестиции в тяжёлую промышленность, заботясь об отрасли наиболее важной для державной политики, а с другой – поддерживало крупные объединения, защищая их от конкуренции мерами картелизации и препятствуя возможным соперникам.

Правда, как показали исследования по экономической истории, результаты усилий, рассчитанных на повышение эффективности производства и ускорение роста производственных мощностей, оказались гораздо скромнее, чем цели, поставленные правительством и руководством конфедерации итальянских промышленников [14]. Конечно, новые инвестиции сыграли немалую роль, особенно в условиях политики автаркии. В некоторых стратегических секторах удалось запустить отдельные программы модернизации. Важно, однако, отметить, что своего завершения эти программы достигли только после окончания войны [15].

Никакого ускорения технического прогресса в годы фашистского правления не произошло. Рост производительности был не таким высоким, как в эпоху Джолитти. Более того, главную роль в нём играла теперь гибель малоэффективных предприятий в результате кризиса, концентрация, более активная эксплуатация рабочей силы на фабриках и некоторый рост капитальных инвестиций [16].

Абсолютно провальные результаты войны – главного испытания, на которое ориентировались фашисты, – стали одним из красноречивых свидетельств опозданий и упущений промышленного аппарата и, следовательно, так и не ставшего реаль-

ностью технологического скачка [17]. Следовательно, союз фашистов и сословия предпринимателей был скреплён отнюдь не только экономическим ростом и развитием – в краткосрочной перспективе ничего подобного и не наблюдалось. С точки зрения предпринимателей речь шла скорее «о том, чтобы хитрым способом воспользоваться сложившейся ситуацией, чем о выдвижении (не говоря уж об осуществлении) стратегии обновления и развития итальянского капитализма» [18].

Важным следствием произошедших изменений стало сокращение объема выхода предприятий на конкурентный рынок и неоправданный рост государственного вмешательства в дела экономики. Урезание заработной платы, коснувшееся в первую очередь рабочих, заметно ограничило личное потребление, а международный экономический кризис и повсеместный переход к политике протекционизма привели к значительному снижению экспорта. Решения этой проблемы пришлось с огромным трудом добиваться путем многостороннего государственного вмешательства и значительного повышения государственного спроса.

Меры, предпринятые в годы кризиса и особенно в последовавшие за ним годы автаркии и подготовки к войне (таможенные тарифы, регламентация зарубежной торговли, контроль за обменом валюты, стимулирование концентрации промышленности и картелей, спасение неплатёжеспособных предприятий, национализация, государственные заказы и государственное финансирование программ автаркии), привели к тому, что государственные учреждения и крупные предприятия переплелись тысячами нитей. Так сложился феномен сосуществования и взаимопроникновения «государства-предпринимателя» и «капитализма для своих».

Кризис начала 1930-х гг. привёл к тому, что предприятия начали ещё сильнее нуждаться в помощи государства и государственных учреждений. Как констатировал, оценивая эти годы, Пол Корнер, вряд ли можно считать случайным, что «годы консенсуса» столь точно совпадали с годами тяжёлых экономических невзгод» [19].

Сложившейся ситуацией воспользовалась в первую очередь крупная промышленная и финансовая буржуазия, действовавшая в секторах экономики, находившихся под государственной защитой и имевших стратегическое значение для державной политики. А все расходы пришлось нести в основном мелким предпринимателям традиционных отраслей, ориентированных на экспорт, – им довелось на своей шкуре испытать последствия новой таможенной и валютной политики, так и не получив сколько-либо значимого вознаграждения.

4. Внедрение в государственный аппарат

Рост государственного вмешательства сопровождался «стремлением крупных предприятий постоянно прибегать к государственному посредничеству в поиске особо крупных долей рынка, а также при разрешении конфликта интересов» [20]. Как наблюдалось в военные годы (но эти наблюдения можно отнести и к тому, что происходило несколькими годами раньше), государство-предприниматель и нарастающее сближение частных предприятий и государственного аппарата скрепили «союз между режимом и экономическими группами». Режим получил «дискреционную власть», то есть возможность действовать по собственному усмотрению, а крупные предприниматели могли «манипулировать ею в зависимости от собственного политического веса». В то же время союзы и конфликты экономических групп, в конечном счёте, «стали оказывать прямое и косвенное влияние на динамику соотношения сил внутри режима; таким образом, способность выступать посредником в случае конфликта интересов экономических олигархов стала важнейшим испытанием режима на устойчивость» [21].

Иными словами, переплетение режима и предпринимательской буржуазии всё в большей степени превращало конфликты предпринимателей во внутренние конфликты режима. И это лишь отчасти было результатом действий Муссолини, желавшего загнать людей, не склонных в полной мере поддерживать фашизм, внутрь контролируемых структур. Это не в меньшей степени было следствием более общих изменений в отношениях между государством и социальными группами, происходивших после Первой мировой войны в значительной части промышленно развитой Европы. Особая авторитарная форма, в которой они проявились в Италии, отчасти была вызвана отсталостью и дисбалансами итальянского капитализма. В целом эти изменения вели к тому, что, с одной стороны, государство стремилось к большему контролю над обществом и экономикой, а с другой стороны – новые элитарные группы тоже начали принимать участие в выработке политических и административных решений [22].

В основе этих изменений лежало возросшее стремление делового мира завладеть государственными функциями и занять более заметное место в составе правящего класса. Действительно, промышленная буржуазия стала чаще избираться в парламент, пусть и заметно утративший своё значение по воле диктаторского режима [23].

Ещё более знаменательным – и гораздо более важным по последствиям – было присутствие фабрикантов непосредственно в составе правительства. Уже в годы Первой мировой войны произо-

шло вторжение «представителей мира экономики и крупной промышленности» в «склеротическую культуру государственной администрации» [24]. При фашистском режиме произошло прямое внедрение представителей деловых кругов в правительственный аппарат. Явным новшеством стала кооптация предпринимателей, финансистов и представителей Конфедерации итальянских промышленников (Конфиндустрии) в министерства.

Выходцами из сферы экономики или из предпринимательских ассоциаций были четыре министра: финансисты Джузеппе Вольпи (министр финансов с июля 1925 по июль 1928 гг.) и Антонио Стефано Бенни (министр коммуникаций с января 1935 по октябрь 1939 гг.), предприниматель-коммерсант Гвидо Юнг (министр финансов с июля 1932 по январь 1935 гг.) и генеральный директор Конфиндустрии и Ассоциации акционерных обществ Феличе Гварнери (главный инспектор, затем заместитель министра и, наконец, министр торговли и валют – с мая 1935 по октябрь 1939 гг.). В некоторых случаях работа на министерской должности продолжалась не один год и приводила к довольно важным результатам. Вольпи руководил всей сложнейшей операцией «Квота-90», Юнг принял участие в формулировании политики «спасательного круга» и в создании Института промышленной реконструкции, а Гварнери руководил внешне-экономической политикой на этапе автаркии [25].

Другим каналом, обеспечившим значительное представительство элиты частного предпринимательства в общественной сфере, стали многочисленные финансово-экономические организации [26].

Проникновение во власть не было чисто индивидуальным феноменом, связанным с отдельными представителями делового мира, пусть даже типичными и играющими значительную роль. Значительно возросло и коллективное представительство предпринимателей, то есть Конфиндустрии и федераций предпринимателей отдельных отраслей, которые из частных ассоциаций, отстаивавших интересы своих создателей, превратились в организации, игравшие особую роль в государстве. В новом профсоюзном законодательстве, которое отредактировал Альфредо Рокко, государственное признание и монопольное право на представительство получили лоббистские организации. Их официальный статус был закреплён в ходе последующих реформ профсоюзных уставов, проведённых правительством и утверждённых законодателями.

Несмотря на утрату законодательной автономии, предприниматели, состоявшие в отраслевых организациях, в отличие от рабочих профсоюзов сохранили широкие полномочия. Они по-прежнему

му могли сами назначать руководителей своих организаций и держать их под контролем. Они могли рассчитывать на полную независимость: их представительство в верхах режима в значительной степени осталось прежним [27]. Конфиндустрия сумела сохранить за собой возможность представлять и отстаивать интересы промышленников. Правда, взамен ей пришлось поступиться своей отстранённостью от политики. С середины 1930-х гг. Конфиндустрия взяла на себя задачу руководить фашизацией делового мира.

Другим орудием, укрепившим влияние бизнеса, стало включение его представителей в ведомства, задачей которых были планирование и осуществление вмешательства в экономическую политику, в частности, реализация таких мер, как процедура выдачи разрешений на постройку предприятия, их расширение, создание консорциумов, определение объёмов обязательных поставок и создание комиссий по распределению лицензий на право ввоза в страну товаров.

Это объясняет, почему предприниматели, на первых порах защищавшие свою автономию и прерогативы и видевшие угрозу в любом государственном вмешательстве, постепенно заняли лояльную позицию по отношению к власти. Они стали проявлять готовность принимать исходившие от режима меры по ограничению экономической свободы или «договариваться» с ним по этому поводу.

Немаловажную роль в этом сыграла корпоративная цепочка, созданная Национальным советом, объединившим двадцать две корпорации и провинциальные советы по корпоративной экономике. Как известно, корпоративные организации не смогли стать инструментом государственного вмешательства в экономику, ни, тем более, основанием новой экономической и политической модели «третьего пути», альтернативного как капитализму, так и коммунизму. Но они сумели взять на себя посреднические функции, представлявшие собой альтернативу традиционному посредничеству. Это была одна из корпоративных цепочек, выстроенная по модели треугольника (при этом в его основу была заложена структурная асимметрия, делавшая его невыгодным для рабочих). Этот треугольник занимался посредничеством между государством, организациями предпринимателей и профсоюзами в вопросах, связанных с промышленностью. Его задачей был контроль над рабочей силой и разработка направлений экономической политики.

Таким образом, предпринимательские организации входили в состав куда более масштабного механизма. Во многих случаях самые заметные представители промышленных и финансовых элит

лично представляли свою отрасль. Чтобы составить себе об этом представление, достаточно изучить состав 22 корпораций. В глаза бросается присутствие множества важнейших представителей итальянской экономической олигархии. Упомянем лишь несколько наиболее ярких имён: Джино Оливетти, Франческо Маринотти, Сенаторе Борлетти, Винченцо Ардиссоне, Артуро Боччарди, Луиджи Орландо, Агустино Рокка, Джузеппе Мадзини, Франческо Джордани, Гвидо Донегани, Акилле Гаджа, Джачинто Мотта, Джузеппе Чензато, Винченцо Аццолини, Альберто Бенедуче, Альберто Пирелли, Артуро Озио [28].

Отметим еще раз, что из всего производственного мира заметную общественную роль стали играть лишь представители крупной индустрии. Малые предприниматели по большей части не попадали в различные представительства и в учреждения, принимавшие существенные решения. Эта двойственность проявлялась даже в самих предпринимательских ассоциациях. Федеративные структуры, и особенно Конфиндустрия, в ещё большей степени, чем первоначально, выражали интересы крупных промышленников, а огромный мир мелких предпринимателей был в них представлен крайне слабо. Как неоднократно заявляли мелкие предприниматели, эта диспропорция особенно сильно проявлялась в отношениях с государственными учреждениями, вырабатывавшими экономическую политику и издававшими выделения ресурсов [29].

Итак, определённая часть делового мира стала играть важную роль в фашистском государстве. Это, однако, сопровождалось решительным изменением отношений между государством и социальной группой в целом.

6. Ценности, идеи и ментальность

Стремясь закрепить свои позиции в условиях политического доминирования фашистов, итальянские предприниматели стали все чаще прибегать к риторике, угодной политическим силам, в руках которых оказались ключи от высшей власти. Этому в значительной степени способствовало растущее вмешательство в их дела учреждений фашистского государства, навязывавших своим вольным и невольным партнерам фашистские формулы и речевые обороты. Подобная готовность позволяла промышленникам утверждать свою легитимность, укреплять позиции и служила «наилучшим средством избежать конкуренции, «которая во многих случаях, выйдя за свои естественные границы, начинала разрушать и распылять производительные силы» [30].

Однако со временем этот процесс стал приобретать органический характер. После поворота к

автаркии, резко усилившейся к середине 1930-х гг., все официальные коммуникации между предпринимателями стали абсолютно идеологизированы в фашистском духе. К фашистской риторике обратился Донегани и все руководство концерна «Монтекати́ни», игравшего важнейшую роль в борьбе за экономическую независимость Италии [31]. В аналогичном духе стали выступать магнаты химической промышленности, изображая ее не только как «наиболее эффективное средство противостояния эгоистической монополии некоторых богатых наций», но и как «незаменимое средство промышленного вооружения нации, которое позволит ей создать необходимые элементы национальной обороны» [32]. Руководство Института промышленной реконструкции выступило в 1937 г. с предложением преобразовать Институт в постоянное учреждение, сделав его «инструментом [...] участия в освоении Эфиопии и укрепления политики автаркии» [33]. Агостино Рокка и руководители государственных предприятий чёрной металлургии, защищая свой весьма спорный план реорганизации этого сектора, настойчиво подчёркивали его тесную связь с «национальной экономической независимостью».

Во всех этих случаях, как и во многих других, которые можно было бы привести, речь шла о сознательном использовании фашистской риторики для достижения своих целей. Вместе с тем эти выступления отражали и собственные идеологические установки, и культурные ориентиры. Немногочисленные частные источники, оставленные представителями крупной буржуазии: дневники, записные книжки и письма – несмотря на то, что многие из них были профильтрованы в годы, последовавшие за крахом режима, позволяют нам увидеть экономическую (да и не только экономическую) культуру, сильно отличающуюся от либерально-рыночной идеологии. Напротив, они в значительной степени разделяли убеждения, ценности и чувства фашистов.

Закат традиций и старинных связей, происходивший в 1920-е – 1930-е гг., а также распространившаяся убеждённость в том, что государство и рынок переживают необратимый кризис, сыграли решающую роль в сближении взглядов крупных бизнесменов и фашистов и в появлении у них точек соприкосновения, отнюдь не поверхностных и отнюдь не случайных [34].

Самые типичные представители промышленной буржуазии, хотя и не теряли способности самостоятельно мыслить, уже не скрывали своего восхищения «добродетелями» сильного государства, способного покончить с классовой борьбой, воссоздать социальную гармонию, восстановить

иерархию и воссоздать органическое единство нации, заявленное в Хартии труда 1927 г., первая статья которой гласила: «Итальянская нация является организмом, цель, жизнь и средства действия которого превышают силу, цели, жизнь и средства действия составляющих этот организм отдельных лиц и их групп. Она представляет собой моральное, политическое и экономическое единство, которое в полной мере осуществляется в фашистском государстве».

Эти понятия стали неотъемлемой частью идеологического багажа многих крупных бизнесменов. К примеру, Альберто Пирелли заявлял в речи, произнесённой в Неаполе в 1934 г., что «в самой корпоративной идее заложены добродетели и способности к экспансии, поскольку концепция атомизированного общества, вышедшая из индивидуализма энциклопедистов и Французской революции, отжила свой век во всех странах, уступив место концепции органического общества, складывающегося из профессиональных групп и категорий граждан; поскольку всё больше распространяется чувство сильного государства, обладающего истинным суверенитетом, вездесущего, чьи жизненные интересы и потребности стоят выше жизненных интересов и потребностей изолированных или собравшихся в группы индивидов» [35].

Всё это на деле означало отрицание принципа свободы профсоюзов и ассоциаций, запрет стачек, навязывание фашистских корпораций как единственных выразителей нужд рабочих, отмену ограничений на распоряжение собственностью, жёсткий контроль над рынком труда, сокращение зарплат.

Второй точкой соприкосновения промышленной буржуазии с фашизмом стал национализм. Многим казалось, что фашизм действует во имя высшей цели, а именно – укрепления позиций Италии на международной арене.

Миф «национальной и колониальной державы» укрепился в итальянской буржуазной культуре ещё в последние годы XIX в. Три поколения итальянцев жили в условиях господства образа сильной Италии, предназначенной играть руководящую роль в мире, и нередко разделяли это представление [36]. Победоносное окончание Первой мировой войны, казалось, стало подтверждением этого образа – а результаты мирных переговоров, в свою очередь, подтвердили, что остальная Европа ставит перед Италией немало препятствий и в значительной степени враждебна ей. Буржуазия, несомненно, была в первых рядах тех, кто принял этот подход и сформулировал его. Речь идёт, в первую очередь, о промышленной буржуазии – самом динамичном и

самом современном секторе буржуазного мира. В экономическом плане «державный миф», казалось, предлагал решение исторической проблемы Италии, а именно преодоления её внешнеэкономической слабости, вызванной стратегической зависимостью от поставок сырья из-за границы [37].

Если внимательно изучить индивидуальные жизненные пути многочисленных представителей индустриальной и финансовой олигархии, бросается в глаза ряд общих черт, достаточно очевидных – по крайней мере в тех случаях, когда архивные или историографические данные позволяют их уловить: все они были сторонниками агрессивной внешней политики, сочувствовали походу на Фиуме и разделяли националистические идеи и ценности. Например, обычно проявлявший крайнюю осмотрительность Раффаэле Маттиоли ещё в 1934 г. вспоминал «фиумское приключение» совместно с Д'Аннунцио; а Оскар Синигалья, в течение нескольких лет руководивший государственной чёрной металлургией, был одним из организаторов этого похода [38].

По этой причине внешняя политика режима пользовалась как индивидуальной поддержкой многих предпринимателей, так и коллективной – со стороны Конфиндустрии. Хотя бизнесмены, скорее, реагировали на инициативы власти, чем выражали самостоятельные позиции, они оказывали режиму серьёзную поддержку и одобряли его инициативы [39]. И даже самые спорные решения приводили к общей мобилизации предпринимательских организаций, как это произошло во время заключения союза с Германией, когда итальянские и немецкие организации предпринимателей обменивались бесчисленными визитами [40].

Немалую роль сыграл при этом и рост весомости фигуры «вождя». Высокая персонализация политической власти привела к созданию зеркального образа экономической власти, соотносившегося не с социальной группой, а с отдельными важными персонами. Для многих промышленников этот образ стал основой самоидентификации: на первый план выступили индивидуальность и способность к единоличному командованию, которое представлялось «миссией» и «призванным служением».

Этот элемент близости буржуазии и фашизма подтверждают и бесчисленные документальные свидетельства. В 1919 г. Джачинто Мотта, глава фирмы «Эдисон», главного итальянского электроэнергетического предприятия и крупнейшего акционерного общества в стране, писал в одном из своих писем, что директор предприятия должен «найти [...] всё внутри себя самого; его дар – предусмотрительность, его задача – инициатива [...]; его поле

деятельности – вся общественная деятельность, вся – сегодняшняя, завтрашняя и грядущая». Поэтому предприятие нуждается в ком-то, «кто сочетается браком с ним [...] и посвятит свою деятельность жизни и процветанию этого предприятия». Кроме того, вождь будет обязан указывать рабочим дорогу самым надёжным и авторитетным образом, поскольку его подчинённые «должны чувствовать, что вождь руководит ими» [41].

Ещё более откровенные рассуждения прослеживаются в переписке Джероламо Гаслини, менее известного деятеля, который однако же был лидером в сфере производства растительного масла и ведущим частным предпринимателем в Генуе: «Я реакционер, и чрезмерно многочисленные комитеты имеют для меня привкус демократического митинга. Если бы это было в моей власти, я бы в каждом подразделении этого мира назначил бы абсолютного владыку, и, если бы мне было нужно его выбрать, несмотря на свою скромность я бы выбрал [...] нижеподписавшегося» [42].

Существуют также многочисленные свидетельства внезапно охватившей многих страсти к теории управления, основанной на иерархии и руководстве. Альберто Пирелли дважды, сначала в 1934–1935 гг., а затем в 1938 г., вёл в Миланском политехническом университете курс, посвящённый «вождю» предприятия, прославляя роль личного лидерства в управлении [43]. И он был очень популярен.

Описанное самовосприятие получало подпитку в модели предприятия, утвердившейся именно в эти годы, после заключённого во дворце Видони в октябре 1925 г. договора и принятого в апреле 1926 г. профсоюзного закона Альфредо Рокко. Реакцией на «красное двухлетие» с его тяготением к Советам и широкому участию масс в управлении стал откат к жёсткой авторитарной модели, отличавшейся строгой иерархией внутри предприятия и полным вытеснением профсоюзов на обочину.

Склонность подчёркивать в собственной деятельности героизм и командные таланты, а не такие черты, как техническая или финансовая осведомлённость, готовность к инновациям или способность предвидеть тенденции развития рынка, подразумевала нечто, о чём никто не говорил вслух, – самоидентификацию с главой режима. Тот, кто представлял себя «вождём фабрики», как бы становился отражением вождя Италии. О многих предпринимателях можно сказать то, что было написано о Гаслини: «Образ политического лидера, который строит и укрепляет с очевидным старанием Муссолини, не может не нравиться предпринимателю, который во всё большей степени узнаёт себя в нём.

В разнообразии ролей вождя, которое отражается в нем самом, он находит в успокоение и подтверждение правильности собственных действий под знаменем тех ценностей, которые выбрал вождь и которые он сделал законными в глазах итальянцев». Многие деловые люди придерживались системы взглядов и самовосприятия, выраженных в предпринимательской этике «с самовластной фигурой начальника в центре, но являющегося начальником лишь потому, что он, обладая абсолютной властью, которую оправдывают его способности, несёт вместе с тем и полную ответственность, выполняя свои важнейшие обязанности» [44].

Таким образом, для многих магнатов и крупных предпринимателей поддержка фашизма была не только «браком по расчёту». Она представляла собой следствие постепенной самоидентификации с вождём и с особенностями его руководства или, по крайней мере, была логическим и неизбежным следствием совпадающих взглядов и убеждений.

Эта сложносоставная и трудная для восприятия совокупность идеологических соприкосновений и самоидентификаций была одной из важнейших причин поддержки фашизма промышленной буржуазией. Компромисс, заключённый этими двумя силами, оказался стабильным и долговечным и смог пережить трудности, связанные со вступлением во Вторую мировую войну. Его решительное крушение произошло, как уже отмечалось, лишь в 1942–1943 гг., когда в этой войне произошёл коренной перелом.

Примечания:

1. Я говорю об «авторитарном компромиссе», придерживаясь определения, данного Леньяни. См.: *Legnani, M.* Sistema di potere fascista, blocco dominante, alleanze sociali. Contributo a una discussione // *L'Italia dal fascismo alla repubblica. Sistema di potere e alleanze sociali* / A cura di L. Baldissara, S. Battilossi e P. Ferrari. – Roma, 2000. – P. 27-55.
2. *Petri, R.* I ceti economici dirigenti tra consenso e crisi di regime // *Sulla crisi del regime fascista 1938–1943* / A cura di A. Ventura. – Venezia, 1996. – P. 230.
3. ACS. Carte Cianetti. B. 5. F. 64. Partito nazionale fascista. Direttorio nazionale. Comitato centrale intersindacale. Seduta del 6 luglio 1929-VII. Al palazzo Viminale.
4. *Rugafiori, P.* Imprenditori e manager nella storia d'Italia. – Roma-Bari, 1999. – P. 64.
5. *Battilossi, S.* Gli industriali italiani verso il «Nuovo ordine europeo» // *L'Italia in guerra 1940–1943, «Annali della Fondazione “Luigi Micheletti”»* / A cura di B. Micheletti, P.P. Poggio. – Brescia, 1990–1991. – P. 368.
6. *Conti, E.* Dal taccuino di un borghese. – Bologna, 1986. – P. 432.
7. *Colli, A.* I volti di Proteo. Storia della piccola impresa in Italia nel Novecento. – Torino, 2002. – P. 51-52.
8. *De Felice, R.* Mussolini il duce. Lo Stato totalitario 1936–1940. – Torino, 1981. – P. 93-100.
9. О фашистском «новом человеке» см.: *Gentile, E.* L'«uomo nuovo» del fascismo. Riflessioni su un esperimento totalitario di rivoluzione antropologica. // *Gentile, E.* Fascismo. Storia e interpretazione. – Roma-Bari, 2002. – P. 235-264.
10. *Mussolini, B.* Discorso per lo Stato corporativo (14 novembre 1933). // *Mussolini, B.* Opera omnia. Vol. 26. Dal patto a quattro all'inaugurazione della provincia di Littoria (8 giugno 1933–18 dicembre 1934). – Firenze, 1958. – P. 92.
11. *Prezzolini, G.* Le due Italie (1904) // *Il Regno*. – 1904. – 22 maggio.
12. См., например: *Mussolini, B.* Discorso inaugurale al secondo congresso dei Fasci (24 maggio 1920) // *Mussolini, B.* Opera omnia. Vol. XIV, Dalla marcia di Ronchi al secondo congresso dei Fasci (14 settembre 1919–1925 maggio 1920) / A cura di E. e D. Susmel. – Firenze, 1964. – P. 469.
13. *Jünger, E.* Nelle tempeste d'acciaio. – Parma, 2000.
14. *Cohen, J.S.* Was Italian Fascism a Developmental Dictatorship? Some Evidence to the Contrary // *The Economic History Review*. – 1988. – № 1. – P. 95-113.
15. См.: *Petri, R.* Storia economica d'Italia. Dalla grande guerra al miracolo economico (1918–1963). – Bologna, 2002.
16. *Ciocca, P.* Ricchi per sempre? Una storia economica d'Italia (1796–2005) // Torino, 2007. – P. 212. См. также общие соображения: *Rossi, N.; Toniolo, G.* Un secolo di sviluppo economico. // *Il progresso economico dell'Italia. Permanenze, discontinuità, limiti* / A cura di P. Ciocca. – Bologna, 1994. – P. 15-46.
17. См.: *Come perdere la guerra e vincere la pace. L'economia italiana tra guerra e dopoguerra 1938–1947* / A cura di V. Zamagni. – Bologna, 1997.
18. *Toniolo, G.* L'economia dell'Italia fascista. – Roma-Bari, 1980. – P. XIV.
19. *Corner, P.* Italian Fascism: Whatever Happened to Dictatorship? // *The Journal of Modern History*. – 2002. – № 2. P. 339.
20. *Battilossi, S.* Gli industriali italiani ... – P. 390-391.
21. *Ibid.* – P. 387.
22. См. классический труд Майера: *Maier, C.S.* La rifondazione dell'Europa borghese. Francia, Germania e Italia nel decennio successivo alla prima guerra mondiale. – Bologna, 1999.
23. *Musiedlak, D.* Lo stato fascista e la sua classe politica. 1922–1943. – Bologna, 2003. – P. 148. P. 151.
24. *Melis, G.* Due modelli di amministrazione tra liberalismo e fascismo. Burocrazie tradizionali e nuovi apparati. – Roma, 1988. – P. 18.
25. К этим именам можно добавить ещё и Паоло Таона ди Ревеля, всемогущего министра финансов, занимавшего этот пост с января 1935 по февраль 1943 года. Партийный деятель, фашист «первого часа»,

- генеральный консул милиции, подеста Турина с 1929 по 1935 год, Таон ди Ревель был вместе с тем прямым представителем интересов сельского хозяйства. Кроме того, нельзя забывать про деловую дипломатию, которую вели фигуры, пользовавшиеся высочайшим уважением в коридорах учреждений – Этторе Конти и Альберто Пирелли.
26. *Melis, G.* Storia dell'amministrazione italiana. – Bologna, 1996. – P. 368.
 27. *Jocteau, G.C.* Gino Olivetti: la Confindustria e il corporativismo. Il ruolo dell'ideologia nel sindacalismo padronale italiano // *Annali di storia dell'impresa.* – 1992. – P. 367.
 28. Желая ознакомиться с оценкой роли корпоративной системы и её действительного содержания отсылаю к: *Gagliardi, A.* Il corporativismo fascista. – Roma-Bari, 2010.
 29. См., например, письмо, адресованное Муссолини «группой производителей из малых и средних предприятий» летом 1938 года: ACS. *Spd, Co*, f. 500.005/I. Lettera a Mussolini, 8 luglio 1938.
 30. Ibid. – B. 90. Fasc. 1. Argomenti generali sulla disciplina consortile, s.d.
 31. Archivio Montedison. Montecatini. Assemblee degli azionisti. Rapporto al consiglio di amministrazione, 31 marzo 1939.
 32. Aconf. Fondo Balella. B. 96. Fasc. 2. Corporazione della chimica, Considerazioni generali e riassuntive sui piani produttivi autarchici.
 33. ACS. Archivio Iri. Serie nera. B. 24. L'Iri – la sua situazione e la possibilità di farne strumento permanente per concorrere alla valorizzazione dell'Etiopia e alla politica di autarchia economica, 6 maggio 1937.
 34. См. в том числе по поводу некоторых нижеизложенных соображений: *Lanaro, S.* Nazione e lavoro. Saggio sulla cultura borghese in Italia 1870–1925. – Venezia, 1979; *Zunino, P.G.* La Repubblica e il suo passato. Il fascismo dopo il fascismo, il comunismo, la democrazia: le origini dell'Italia contemporanea. – Bologna, 2003. – P. 41–76; *Banti, A.M.* Storia della borghesia italiana. L'età liberale. – Roma, 1996.
 35. ACS. *Spd. Co*. F. 512.518. Discorso di A. Pirelli pronunciato a Napoli il 23 maggio 1934.
 36. *Isnenghi, M.* Il mito di potenza. // Il regime fascista. Storia e storiografia / A cura di A. Del Boca, M. Legnani, M.G. Rossi. – Roma-Bari, 1995. – P. 140–141, 147–148. См. также: *Gentile, E.* La Grande Italia. Il mito della nazione nel XX secolo. – Roma-Bari, 2006.
 37. *Petri, R.* I ceti economici dirigenti ...
 38. Archivio storico BancaIntesa. Banca commerciale italiana. Fondo Raffaele Mattioli. Copialettere Mattioli, n. 7. Mattioli a D'Annunzio, 12 giugno 1934; *Spagnolo, C.* Tecnici e politici in Italia. Riflessioni sulla storia dello Stato imprenditore dagli anni trenta agli anni cinquanta. – Milano, 1992. – P. 83.
 39. *Sarti, R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy 1919–1940. A Study in the Expansion of Private Power under Fascism. – Berkeley, 1971. – P. 125.
 40. Материалы некоторых из этих миссий и отчёты о них содержатся в: ACS. *Pcm*, 1937–1939. Fasc. 3.2.4.5120; Ibid. Fasc. 3.2.4.3933; Ibid. Fasc. 3.2.4.5169; Ibid. Fasc. 3.2.4.5300; Ibid. Fasc. 3.2.4.5243.
 41. Письмо Дж. Мотта (G. Motta) А. Барбаджелата (A. Barbagelata), 24 марта 1919 г. Цит. по: *Segreto, L.* Giacinto Motta. Un ingegnere alla testa del capitalismo italiano. – Roma-Bari, 2004. – P. 170.
 42. Письмо Дж. Гаслини (G. Gaslini) Э. Маральяно (E. Maragliano), 24 марта 1925 г. Цит. по: *Rugafiori, P.* Rockefeller d'Italia. Gerolamo Gaslini imprenditore e filantropo. – Roma, 2009. – P. 75.
 43. *Pirelli, A.* Teorica della direzione. Lezioni tenute a Milano presso il regio Istituto superiore d'Ingegneria al Corso per dirigenti di aziende industriali. – Roma, 1936. См. также: *Tranfaglia, N.* Vita di Alberto Pirelli (1882–1971). La politica attraverso l'economia. – Torino, 2010. – P. 225–227.
 44. *Rugafiori, P.* Rockefeller d'Italia ... – P. 75.

УДК 94:323:272(450)«1929/1945»

ББК 63.3(4Ита)62-3

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ФАШИЗМ В ИТАЛИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ, ВОЙНЫ, АНТИСЕМИТИЗМ (1929–1945 гг.)

Люция Чечи,
ассистент профессора
современной истории
Римского университета
Тор Вергата
lucia.ceci@uniroma2.it

Перевод А.Ю. Терещенко

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли католической церкви в создании народного консенсуса в период трёх войн (итальянской кампании в Эфиопии, гражданской войны в Испании и Второй мировой войны); рассматривается также роль церкви в фашистской политике, направленной против евреев. Особое внимание уделяется различным нюансам проблематики «нация и война» на религиозном, культурном и политическом уровнях. Углубленный анализ показывает, что два ключевых игрока в Италии того времени – католическая церковь и фашистский режим – оказывали друг на друга значительное влияние, что имело далеко идущие последствия для формирования коллективного сознания итальянцев в указанный период.

Ключевые слова: католическая церковь, фашизм, война, антисемитизм, антикоммунизм, империализм, Вторая мировая война.

THE CATHOLIC CHURCH AND FASCISM IN ITALY: MODERNIZATION, WARS, ANTI-SEMITISM, 1929-1945

Lucia Ceci, Assistant Professor in Contemporary History,
University of Rome Tor Vergata, Italy

Abstract. This article focuses on the role played by the Catholic Church in the construction of a popular consensus during three wars (the Italo-Ethiopian War, the Spanish Civil War and World War Two), and in the Fascist policy against the Jews. The article places strong emphasis on the key issues influencing ideas about the nation and war at the religious, cultural and political levels. For it was these questions that galvanized the main transformations that took place in the Catholic world. By looking more closely at them, we can better define the far-reaching contaminations that were taking place between the two formative agents – the Church and regime – in the construction of a collective consciousness that left its indelible mark on the Italian mind during this period.

Key words: the Catholic Church, fascism, war, anti-Semitism, anti-Communism, imperialism, World War Two.

1. Церковь и фашизм: примирение и конкуренция

В мае 1926 г. лидер Итальянской народной партии (религиозной партии – прим. перев.) Луиджи Стурцо заявил, что активно ходившие за границей слухи о твёрдом намерении Муссолини разрешить Римский вопрос ни на чём не основаны. К этому моменту Стурцо, выступавший против фашизма,

уже два года находился в эмиграции. Римским вопросом назывался конфликт между Святым Престолом и Итальянским королевством, начавшийся в 1870 г., когда произошло взятие Рима, увенчавшее объединение Италии, и со светской властью пап было покончено [1]. Священник ошибался. 11 февраля 1929 г. были подписаны исторические Латеранские соглашения. Им предшествовало че-

тыре года переговоров, в ходе которых Пий XI не прекращал искать выгодный компромисс с итальянским правительством [2].

Латеранские соглашения были изложены в трёх отдельных документах: договоре, конвенции и конкордате. По договору Италия признавала за Святым Престолом суверенный статус государства, расположенного на территории, получившей название Град Ватикан, а Святой Престол, в свою очередь, признавал Итальянское королевство. По финансовой конвенции государство предоставило ему значительные средства в качестве компенсации за убытки, понесённые с потерей Папской области. Наконец, конкордат урегулировал отношения между церковью и государством на территории Италии [3]. Муссолини уделил особое внимание договору, а в конкордате пошёл на широкие уступки, фактически согласившись на уменьшение суверенитета Италии и государственного влияния во многих сферах. Он согласился на внесение поправок в семейно-брачное законодательство, на преподавание католической религии в школе, на признание привилегированного положения священнослужителей, на нарушение принципа равенства граждан перед законом: статья 5 запрещала преподавание и занятие публичных должностей священникам, лишённым сана по решению церковных властей.

Конкордат в большей степени покончил со светским законодательством, созданным либералами, и наделял Италию чертами католического государства. Не случайно Пий XI через два дня после подписания Латеранских соглашений, выступая перед профессорами и студентами Католического университета Святого Сердца, признал, что новый конкордат – «один из лучших», подписанных Святым Престолом. Как утверждал папа, он «вновь вручил Бога Италии, а Италию – Богу», в том числе благодаря тому, что есть «такой человек, которого мы встретили волею Провидения; человек, который не испытывает тревог, характерных для либеральной школы» [4].

24 марта 1929 г. состоялись плебисцитарные выборы с голосованием по единому листу. Их задачей было избрать парламент для ратификации Латеранских соглашений. В этот день церковные иерархи и Итальянское католическое действие (Azione Cattolica), отказавшись от привычной своей сдержанности и аполитичности, приложили все усилия, чтобы добиться массового притока избирателей к урнам, хотя и сделали несколько двусмысленную попытку избежать того, чтобы голосование выглядело как безусловная поддержка фашизма [5].

В тени конкордата в Италии оформился церковный проект «католической нации». С точки зре-

ния его создателей Церковь должна была играть важнейшую роль в авторитарном конфессиональном режиме и завоевать своё место под солнцем. Речь не шла о возвращении к традиционным моделям, поскольку в основе нового политического строя был не «христианский государь», а «католическая нация». Создатели движения планировали преобразовать учреждения фашистского государства изнутри. Предполагалось, что фашизм можно «окатоличить», и нужно начинать долгую позиционную войну, чтобы консолидировать те элементы фашизма, которые представлялись позитивными, отеснив на обочину другие [6].

Видимость доброго согласия, которой режим ожидал от примирения с церковью, была на первых порах омрачена конфликтом, достигшим своей кульминации в 1931 г. Вследствие экономического кризиса 1929 г. правительство столкнулось с серьёзными трудностями, и Муссолини искал случая показать свою силу, чтобы компенсировать слабость правительства и избежать её открытого проявления [7]. В целом, несмотря на несомненные преимущества Латеранских соглашений для обеих сторон, в реальности давали о себе знать противоречия, возникшие из-за столкновения двух нетерпимых религий. Дело в том, что фашизм тоже постепенно приобретал черты новой религии со своими мифами, ритуалами, символами и кодифицированными догматами. Это была политическая и светская религия, обязывавшая повиноваться непогрешимому вождю, который к концу 1920-х годов уже сформулировал многие черты нового мировоззрения. Фашистская идея, как писал в 1929 г. миланский босс фашистской партии Марио Джампаоли, воспроизводя уже распространившееся к этому времени убеждение, «подобно христианской идее, представляет собой догмат в непрерывном развитии» [8]. На следующий год в Милане в рамках Университетской фашистской группы (ГУФ) зародилась Школа фашистской мистики, которая, с точки зрения её основателей Никколо Джани, Вито Муссолини и Фернандо Меццасома, должна была стать теоретическим центром, двигателем духовного и фидеистического измерения фашизма. В 1932 г. в своей «Доктрине фашизма» Муссолини решительным образом заявил, что фашизм – это «религиозная концепция жизни», «внутренняя форма и норма», «дисциплинирующая человека во всех смыслах» [9], которая находит своё воплощение в тоталитарном государстве, понимаемом как учреждение и как коллективная вера. Как следствие – и сам Муссолини, и часть фашистских организаций, в первую очередь университетские, воплощением которых был ГУФ, становились всё более и

более нетерпимыми к сети ассоциаций Католического действия, тем более что это движение, воспользовавшись пространством и методами, которые предоставил католикам конкордат, стало вести активную пропаганду и глубже проникать в общество.

В 1930 г. в прессе началась яростная кампания против Католического действия, обвинявшая организацию в подготовке кадров, которые могли бы в будущем заменить фашистские кадры. Обвинения в антифашистской деятельности привели к тому, что в разных областях страны католические кружки были взяты штурмом, с избиениями, поджогами и запугиванием. Муссолини считал, что нападения и разрушения, которые в прошлые годы привели к исчезновению других светских католических движений и их замене фашистскими организациями, и на этот раз увенчаются абсолютным успехом. Уровень напряжённости достиг предела, когда Пий XI опубликовал энциклику «Non abbiamo bisogno». Написанная 29 июня 1931 г., она была опубликована лишь 5 июля, уже после того, как её со всеми предосторожностями распространили в католических приходах за границей – папа напрямую посылал её своим нунциям в различных странах. Тон энциклики был непривычно суров: Муссолини находился во главе Италии уже почти десять лет, и впервые Пий XI с таким пылом реагировал на насилие со стороны вооружённых фашистских групп. Он сдерживал себя в первые годы своего правления, когда ярость чернорубашечников обрушилась на социалистов и, хотя и в меньшей мере, на католиков. Он промолчал и тогда, когда убили дона Минцони, и после этого, когда раз за разом свобода для политических противников режима всё сокращалась. В этой энциклике, в отличие от предшествовавших, уже не было традиционного разделения: с одной стороны, добрые предложения правительства и его главы, с другой стороны, дурные действия в провинции. Если раньше в энцикликах речь шла только об отдельных притеснениях, пусть и подробно описанных, теперь в важнейшем документе Святого Престола прозвучало осуждение всей концепции государства, приводившей к монополии правительства на образование молодёжи и распространению «религиозности», несовместимой с католической верой и с естественным семейным правом [10].

Дело в том, что ставки всё более поднимались. Если бы Церковь согласилась на полное уничтожение светских католических организаций, это означало бы полный отказ от борьбы за власть над умами молодого поколения, по крайней мере – в фашистском государстве. Кроме того, организация Католическое действие в отличие от других светских

католических объединений, была широко представлена и на международном уровне; таким образом, его уничтожение могло бы создать опасный прецедент. После периода сильной напряжённости Пий XI пошёл на переговоры. 2 сентября было заключено соглашение, в котором ещё раз подтверждалось, что Католическое действие не будет принимать участия в политических или профсоюзных делах. Кроме того, движение ставилось в прямую зависимость от епископов и отказывалось от права проводить спортивные мероприятия. Наконец, бывшим деятелям Народной партии запрещалось занимать какие-либо руководящие посты в Католическом действии.

На первых порах казалось, что новое соглашение было в наибольшей степени выгодно режиму – оно окончательно «обнуляло» всё, что осталось от влияния Народной партии. На деле примирение с режимом позволяло Церкви возобновить проникновение вглубь фашистского государства с целью его перенастройки изнутри. Когда молодёжные кружки были вновь открыты, выяснилось, что Католическое действие в ходе конфликта только окрепло, отнюдь не утратив способностей ни к выдвижению организационных инициатив, ни к агитационной работе. И даже потерянные были возможности из-за запрета на ряд видов деятельности, связанных с молодёжью, удалось компенсировать за счёт распространения религиозной деятельности внутри фашистских организаций. Конечно, ни для Пия XI, ни для большинства католиков речь не шла о подрывных действиях против режима – они стремились преобразовать фашистское государство, приблизив его насколько возможно к идеалу государства католического.

2. Католическая модернизация

Отец Агостино Джемелли, ректор Католического университета Святого Сердца в Милане, был убеждён, что новый политический климат позволит католикам играть ведущую роль в культуре и образовании нового правящего класса. По его мнению, конкордат означал, что Католический университет займёт особое место в подготовке кадров католического мира, которые будут действовать в важнейших сферах культуры [11]. Университет стремился выиграть битву за «итальянскость» и стать главным центром образования и научной деятельности во всей стране [12]. Это был весьма амбициозный проект, но за семь лет – с 1929 по 1936 гг. – число студентов в университете выросло с тысячи до более трёх тысяч, а число факультетов увеличилось до четырёх: юридический, филолого-философский, политических наук и педагогический. Разумеется, это привело к росту числа профессоров и расшире-

нию университетских структур. Кроме того, оформилась идея вмешательства в сферы культуры и науки, считающиеся наиболее важными (философия, экономика, социальная психология, биология), с целью способствовать исследованиям высокого уровня, в которых использование современной науки будет сочетаться с ортодоксальной теоретической системой, прочно привязанной к томизму. С этой целью Католический университет распространял такие периодические издания, как «Vita e Pensiero» («Жизнь и мысль»), «Rivista di filosofia neoscholastica» («Журнал неосхоластической философии»), «Rivista internazionale di scienze sociali» («Международный журнал социальных наук»), «Rivista del clero italiano» («Журнал итальянского клира»), а также открыл школу экспериментальной психологии, трудовой психологии, психопедagogики и основал издательство «Vita e Pensiero»: вся эта могучая и сложная структура была нацелена на то, чтобы сделать неосхоластику не только главной философией католического мира, но и итальянской национальной философией фашистского режима.

Если многие уже считали Италию католической страной, с точки зрения Джемелли католическую Италию ещё предстояло построить. В этой стране религия стала бы абсолютным гегемоном даже по отношению к фашизму. Многие бывшие члены Народной партии, объединившиеся в Национальный центр (Centro nazionale), поддержали проект Джемелли – одни по убеждению, другие из соображения выгоды. Впрочем, Пий XI уже в 1928 г. отказался признавать Национальный центр, и в 1930 г. он был распущен – после подписания Латеранских соглашений в нём уже не было смысла [13].

Среди этих деятелей, так называемых клирико-фашистов, были такие яркие представители католического мира, как Стефано Кавациони, представитель итальянского правительства в административном совете Католического университета и председатель Центрального кредитного института, с мая 1930 г. объединившего основные пострадавшие от кризиса 1929 г. католические банки и ставившего задачей избежать их крушения, в том числе используя для этого общественные средства. Но фашизм получил поддержку не только в политической и интеллектуальной среде. Уже в 1928 г. журналист Джулио де Росси Делл'Арно, писавший в журнале «Italia e Fede» («Италия и вера»), начал кампанию по привлечению священников к битве за зерно, получив поддержку Такки Вентури и ряда представителей римской курии [14]. Через два года благодаря изменению атмосферы и средствам, полученным от министерства сельского хозяйства, число приходов, задействованных в этой

инициативе, выросло с 464 до 1245. По мнению де Росси Делл'Арно, священники были убеждены, что «на полях с золотистыми нивами» «католическая душа» встретила «фашистскую душу» и слилась с нею воедино. По крайней мере, так он писал в брошюре «Католицизм и фашизм», получившей одобрение двухсот пятидесяти епископов [15]. По словам де Росси Делл'Арно, завоевание экономической независимости, достигнутое при важнейшей поддержке итальянского клира, стало предпосылкой, позволяющей итальянской нации осуществить свою цивилизующую миссию. Типичные антиномии, характерные для руралистской идеологии и католической апологетики (деревня/город, долг/развлечение, добродетель/аморальность), находили дополнительное уточнение, будучи вписаны в националистическую парадигму, в центре которой было восхваление самопожертвования – главной доблести крестьянина и солдата.

Вовлечение приходских священников в кампанию по мобилизации режима позволило фашизму проникнуть в сельские местности, традиционно враждебно настроенные по отношению к великим национальным проектам, вне зависимости от того, кто их защищал: традиционный нобилитет, чиновники или фашистские боссы. Поэтому священник и католические организации, объединявшиеся с фашизмом и создававшие в тени собора Св. Петра успокаивающую национальную перспективу, сыграли в сельском мире роль проводников «политической модернизации» [16]. С другой стороны, по своему содержанию и своей сущности это была модернизация опирающегося на массы авторитарного режима. Был избран путь ограниченной открытости современному миру, и обновление коснулось в первую очередь организационных и технологических элементов, а не культурных и религиозных. Одним словом, модернизация, оформившаяся в условиях фашистского государства и во многом обусловленная его атмосферой, оказалась реакционной.

Особенно примечательно в данной связи стремление Католического действия укрепить и расширить собственное присутствие в городе, нараставшее по мере того, как индустриализация изменяла, облик итальянских городов и деревень. Несмотря на соглашение 1931 г., организация оставалась массовой и повсеместной. Более того, в Католическое действие вновь начался приток людей, и членство в нём продолжало расти все 1930-е годы. Одна лишь Католическая молодёжь (Gioventù Cattolica), главой которой в Италии в 1934 г. стал Луиджи Джемелли, увеличила своё членство с менее 250 тыс. чел. в 1930 г. до почти 400 тыс. в 1939 г. Эта организация была в первых рядах, состязаясь с фашизмом в деле

создания нового человека, и становилась всё более современной в своих проявлениях. Это касалось как самой организации, вполне приспособившейся к городскому массовому обществу, так и методов образования, которые вполне могли соперничать с фашистскими. Но в то время как форма изменилась, содержание осталось прежним – католическое движение по-прежнему опиралось на жёсткую доктрину неприятия современного образа жизни. Католицизм не желал занять отведённое ему место в фашистском проекте господства над душами.

Впрочем, вне зависимости от того, на что рассчитывали организаторы католических молодёжных ассоциаций, они в первую очередь способствовали закреплению моделей буржуазной респектабельности, возникших в XIX в. в тесной связи с современным национализмом [17], считавшим своими главными атрибутами дисциплину, самопожертвование, храбрость и сдержанность [18]. Сразу после войны католические организации, особенно женские, начали «битвы за нравственность» [19], стремясь исправить обычаи всего итальянского общества. Членам юношеских ассоциаций предлагались образовательные модели, сфокусированные на «целомудрии» [20]. Всё это было попыткой найти порядок в мире, который под воздействием индустриализации, урбанизации и массового общества становился всё более хаотичным.

В разгар 1930-х годов подобный культурный настрой ценился как вклад в националистическую и воинственную политику фашизма. «Без целомудрия наша молодёжь не проявила бы героизма в битвах за Родину», – писал Джедда в 1939 г. [21]. В 1934–1937 гг. в центре ряда публикаций Итальянской католической молодёжи (Giac) были героические биографии молодых католиков и итальянских солдат, которые, пылко следуя своему долгу, жертвовали собственной жизнью, веруя, что исполняют волю Бога. Понятие «жертвы во имя Родины» вошло в словарь Giac из опыта Первой мировой войны, воспоминаний о ней, её освоения символическим миром фашизма. Но актуализировалась эта память лишь в середине 1930-х годов, когда в массовых фашистских организациях и в школе был сделан упор на военную педагогику.

Кампания в защиту нравственности использовала уже существующие инструменты, прессу и театр, но особый упор делала на современные средства коммуникации – радио и в первую очередь кино. В 1935 г. 1600 кинематографических кружков, почти треть от общего числа, были связаны с Церковью. С 1928 г. об их развитии рассказывал «Кинематографический журнал» («Rivista del cinematografo»), в котором можно было найти советы, каким должно быть содержание фильмов и как

следует оборудовать кинозал [22]. Журнал возник как ежемесячное издание при CUCE (Консорциуме пользователей назидательного кинематографа), который был создан в Милане в 1926 г. с целью оказывать организационную помощь в деле защиты нравственности в фильмах [23]. В первую очередь речь шла о юношестве и женщинах, которые, как считалось, по своей природе легче поддаются влиянию фильмов, чем мужчины [24]. Как утверждал Пий XI в энциклике «*Vigilanti cura*» (1936), католики несут на себе бремя двойной миссии: во-первых, они должны воздействовать на кинематографическую индустрию, добиваясь большей нравственности, особенно в вопросах секса и стабильности семьи; во-вторых, они должны сами создавать истинно католические фильмы. Эта борьба приобрела в Италии широкий размах. Основными методами были постоянное давление на правительственные цензурные комиссии, создание фильмов на католических киностудиях и, в первую очередь, постоянное расширение приходских кинозалов, которые возникли при помощи правительства, а теперь конкурировали с Национальным клубом послетрудового досуга (Opera del Dopolavoro).

К этому следует добавить прессу, развитию которой содействовали организации Католического действия, религиозные ордена, церковные приходы, епархии, миссионерские организации: одержимость «доброй прессой» создала издания, рассчитанные на абсолютно любых читателей, тщательно распространявшиеся как традиционными путями, так и посредством новых конгрегаций – салезианцев, антонианцев, паолинов из Альбы, издававших с 1931 г. журнал «Христианская семья», печатавшийся в 12 тыс. экз. Католическая пресса в Италии была впечатляюще развита и сама по себе, и особенно принимая во внимание, что она развивалась внутри диктатуры, уже десять лет попиравшей свободу печати [25].

3. Фашистские войны: Эфиопия и Испания

Появление в католическом мире средств массовой информации, проникавших через религиозные организации и церкви, вело к тому, что религиозная сфера становилась более однородной и националистически настроенной. Эта тенденция в полной мере проявилась в ходе завоевания Эфиопии (1935–1936 гг.), когда католическая Италия, казалось, слилась в едином чувстве с фашистской Италией. Именно в этот момент миф Римской империи показал всю свою притягательность для высшего и низшего духовенства, для верхов Католического действия, епископов и приходских священников, участвовавших в Битве за зерно, интеллектуалов,

связанных с Джемелли, благоразумных отцов-иезуитов, издававших журнал «Civiltà Cattolica», и, конечно же, небольших религиозно-фашистских групп, в которые собирались бывшие члены Национального центра. И даже те, кто до тех пор находился на умеренных позициях в отношении режима, в конечном счёте присоединились к фашистскому взгляду на войну, восславив вновь обрётённую имперскую миссию Италии, соединённую с распространением католической религии в мире. Лишь самые ближайшие сотрудники Пия XI знали, до какой степени папа был противником этой агрессивной войны, как он боялся, что итальянская политика в Африке повлечёт за собой новую войну в Европе, насколько он, папа миссионеров, тревожился за их будущее, опасаясь, что столкновение Италии с другими колониальными державами приведёт к тяжёлым последствиям для распространения христианской веры [26].

Из молчания папы по поводу эфиопской войны, повлекшей за собой, возможно, 300 тыс. смертей среди эфиопов, и восторженного участия епископов в фашистской мобилизации родилось представление о полном согласии Ватикана с режимом Муссолини. Молчание папы по поводу агрессивной войны объясняет ту огромную поддержку, которую в ходе африканской войны оказали режиму итальянские католики. Самым красочным и театральным моментом, связанным с итальянским католицизмом, стало мероприятие «Золото родины» [27]. В результате этого яркого пропагандистского хода, направленного против «несправедливых санкций» Лиги Наций, епископы и кардиналы всей Италии вручили сражающейся нации и фашистским деятелям епископские орденские цепи, кольца, драгоценности, в том числе фамильные. Они призвали верующих, даже самых бедных, последовать их примеру.

Архиепископ Монреальский даже повелел своим священникам пустить на переплавку драгоценности, принесённые верующими в знак благодарности, что вызвало протесты католиков вплоть до Венесуэлы. В провинции Гроссето приходской священник обратился за дозволением отправить на переплавку церковные колокола ради Отечества и ради вождя. Проповеди, пастырские послания, епархиальные новостные листки воздействовали на коллективное воображение, облакая завоевательную войну в миссионерские одежды, рассказывая, что фашистская империя открыла ворота распространению католицизма в Африке [28]. Епископы и кардиналы не просто возвеличивали африканское предприятие, но, по сути, освящали его и придавали ему ореол

легитимности. Эта война, говорили они, принесла «истинную» католическую религию туда, где доселе царили «варварство», «схизма» и «грубость».

Когда после семи месяцев войны маршал Бадольо вошёл в Аддис-Абебу, разгромив абиссинские армии в пяти сражениях, а Муссолини поспешно провозгласил возрождение империи «на судьбоносных холмах Рима» [29], высшее духовенство вновь хором восславilo победу. А епископ Изернии Пьетро Тезаури даже произнёс в проповеди: «В человеческом плане победа была одержана благодаря непреклонной воле вождя, чудесным образом двигавшей людей вперёд, благодаря гениальности генералов, которые вели наши славные армии от триумфа к триумфу, благодаря отваге бойцов, перенесших тяжелейшие лишения и совершивших сверхчеловеческие подвиги. Но само то, что в этот час Италия оказалась одарена этими гениальными полководцами и храбрейшими солдатами, — заслуга Провидения. [...] Каждый дар исходит от Бога, и когда дары столь обильны, тем очевиднее, что Бог покровительствует народу» [30].

Святой Престол молчал даже тогда, когда восторг клириков по поводу опустошительной фашистской войны достиг безумной экзальтации, несмотря на всё противоречие этой войны христианской нравственности и вероучению. И всё же не все голоса в Ватикане звучали в унисон. Некоторые даже подвергли фашистский режим и его вождя суровой критике, заклеив африканское предприятие как подлую агрессию, а по поводу священников сказав, что они выступили «неуравновешенными и фанатичными поджигателями войны» [31]. Подобные суждения высказал в своих рабочих записках монсеньор Доменико Тардини, один из ближайших сотрудников папы римского, но его взгляды не прозвучали в официальных выступлениях Святого Престола. В сущности, кроме некоторой критики в адрес фашистского режима со стороны Гвидо Гонелла на страницах «Acta Diurna», Ватикан придерживался линии на легитимизацию итальянского империализма, отказываясь вмешиваться даже по поводу систематического использования химического оружия или истребления 2 тыс. жителей монастырского города Дебре-Либанос в попытке уничтожить руководство эфиопской Церкви [32]. Более того, он не мешал тем миссионерам, которые накануне войны и в ходе военных действий занимались шпионажем, поддерживали фашистов, начавших превозносить «италийскую расу» и карали брачные союзы между итальянскими гражданами и населением колоний [33].

Союз католицизма с фашистским режимом укрепился в ходе гражданской войны в Испании. Святой Престол в течение двух месяцев придерживался осторожной линии в отношении мятежников Франсиско Франко, но после того, как республиканские власти не дистанцировались от жесточайших нападений на духовенство и церковное имущество, Ватикан решительно встал на сторону националистов [34]. В ряде случаев папа выступил, осуждая кровопролитие и осквернение, жертвами которых стали католики, и назвал жертв подобного насилия мучениками. Папа подчеркнул, что эти сатанинские насилия были запланированы заранее, очевидным образом намекая на роль Советского Союза и международного коммунистического движения.

Испанская гражданская война предстала перед глазами итальянских католиков генеральным сражением мирового масштаба, и они почти единогласно встали на сторону Франко. Эта поддержка была чем-то большим, чем просто согласие с действиями режима Муссолини. Конфликт в Испании предстал крестовым походом, решительной схваткой за судьбу не только Испании, но Церкви, западной цивилизации и, стало быть, всего человечества. Изображения осквернённых святынь в областях, остававшихся верными Республике, обошли весь мир, влияя на души верующих на уровне образов, куда более значимом, чем какие бы то ни было политические рассуждения. Поэтому не следует удивляться, что антирелигиозные преследования оказались в центре любых попыток анализировать гражданскую войну. Как и в случае с Эфиопией, поистине фашистская война, полностью соответствующая идеологии режима Муссолини, была пережита обществом как религиозная [35].

Борьба с коммунизмом играла важнейшую роль в сознании итальянских католиков со второй половины 1920-х годов. Но теперь, в результате иберийского кризиса, она предстала абсолютной схваткой между Римом и Москвой: «коммунистический «дьявол» теперь считался вездесущим» и по сравнению с мятежниками безусловно был «наибольшим злом» [36].

Как и во время итало-эфиопской войны звучали отдельные голоса тех представителей духовенства (к примеру, дона Стурцо и дона Маццолари), кто вопреки мнению большинства итальянских католиков отказался видеть в испанской гражданской войне крестовый поход. Но их было мало, и голоса их не были услышаны.

4. Вторая мировая война и антисемитизм

В политике Ватикана ожидание глобальной схватки с коммунизмом достигло своей кульмина-

ции с публикацией энциклики «*Divini Redemptoris*» (19 марта 1937 г.), осуждавшей коммунизм и провозглашавшей, что по сути своей он представляет собой лишь проявление атеизма. Но в последние годы правления Пия XI ситуация изменилась. Положение Церкви в Германии становилось всё более тяжёлым, а публикация энциклики «*Mit brennender Sorge*», обличавшей немецкий национал-социализм, обнародованной 14 марта 1937 г. и зачитанной в немецких церквях 21 марта, привела к новому усилению нажима на католиков, несмотря на то, что всего за несколько дней до этого нацисты с ликованием встретили осудившую коммунизм энциклику «*Divini Redemptoris*». В последние месяцы 1937 г. появилось ещё несколько знаков, указывавших на поворот в папской политике: в частности, Пий XI положительно отреагировал на предложение Мориса Тореза французским католикам о сотрудничестве, о чём свидетельствуют сообщения Ратти нескольким иностранным епископам в ходе частных аудиенций, записные книжки Пачелли и речь, произнесённая Пием XI в соборе Святого Петра 6 ноября 1937 г. [37]. Конечно, одной из причин этого решения было стремление Ватикана всегда находить общий язык с теми, кто находится у власти, но оно указывает и на желание папы дистанцироваться от нацизма и фашизма.

В остальном можно вспомнить несколько важных событий, произошедших в 1938 г.: продолжили ухудшаться отношения между Святым Престолом и нацистской Германией, по-прежнему притеснявшей немецких католиков; в мае была намечена, но так и не состоялась встреча Пия XI с Гитлером; 22 июня Ратти поручил американскому иезуиту Джону Ла Фаржу написать энциклику против расизма и антисемитизма [38]. Одним словом, Пий XI всё яснее осознавал, что опасность исходит не только от коммунизма, но и от нацифашизма. В глазах престарелого понтифика оба движения представляли собой угрозу для цивилизации: первое абсолютизировало классы, а второе – нацию [39].

В самой Италии отношения между Ватиканом и фашистским режимом достигли максимальной напряжённости летом 1938 г.: Муссолини стремился ко всё более тесному союзу с Германией, Пий XI несколько раз высказался против немецкого расизма, а Италия ввела антиеврейское законодательство, причём Муссолини пригрозил, что в числе запрещённых организаций окажется и Католическое действие. Фашистская политическая полиция пришла к выводу, что католическая организация, особенно её молодёжная часть, не только ускользнула от, казалось бы, всеобъемлющих тенет режима, но и заметно выросла, стала вести себя всё более агрес-

сивно в идеологическом плане и превратилась, если не в политическую партию, то в организационную структуру, способную конкурировать с фашизмом. Противостояние понемногу выдохлось и разрешилось дипломатическим путём, в ходе переговоров, закончившихся соглашениями 16 августа, которые, подтвердив соглашение 1931 г., обязали понтифика и Святой Престол воздержаться от публичных выступлений на тему расизма и еврейства [40].

Маховик расовых законов, запущенный в Италии указами от 5 и 7 сентября 1938 г., начал стремительно раскручиваться. В то время, как министерства собирали информацию, необходимую для подготовки дальнейших мер, а пропаганда неустанно вещала о губительных эффектах «иудейского присутствия» в национальной жизни, Муссолини и его правительство приступили к устранению последних институциональных препятствий на пути к государственному антисемитизму. Речь шла о короле и о Святом Престоле. 12 сентября Виктор-Эммануил уступил – добиться этого оказалось нетрудно [41]. Ватикан так легко не поддавался, но причиной этому было исключительно сопротивление Пия XI.

6 сентября 1938 г. в личной беседе с делегацией Бельгийского католического радио Пий XI попросил сообщить миру о мыслях папы в отношении евреев. Сцену описал монсеньор Луи Пикар, президент и основатель Бельгийского католического радио. Спустя несколько дней Пикар писал в «*La libre Belgique*», что папа прокомментировал несколько канонических стихов о смерти Авеля, об Аврааме и Мельхиседеке и заявил, что антисемитизм («антипатичное движение, с которым мы, христиане, не должны иметь ничего общего») несовместим с «высшими истинами», о которых повествует текст Библии. В этот момент Пий XI «уже не мог больше сдерживать свои чувства» и назвал антисемитизм «недопустимым», заявив, что «в духовном плане мы – семиты» [42].

Но наставления Пия XI не были услышаны в итальянском католическом мире. Причиной тому была неустойчивость и разнообразие взглядов среди представителей высшего духовенства, во дворцах которых, как свидетельствуют недавно открытые ватиканские документы, начали ходить антиеврейские суждения, пусть и сформулированные с культурной и политико-юридической точки зрения, а не с позиций биологического антисемитизма [43]. Но была и другая причина: наставления папы в Италии по ряду причин практически не распространялись. Режим воспрепятствовал их публикации, а в Ватикане многие приложили усилия, чтобы снизить накал полемики папы с фашистским правительством.

10 февраля 1939 г. папа Пий XI скончался. Его смерти ждали многие, в том числе и в рядах римской курии, а некоторые надеялись, что папа умрёт поскорее – слишком много трудностей он создал в отношениях с итальянским и немецким правительствами. В последние дни папа задумал и написал собственной рукой текст речи по случаю юбилея Латеранских соглашений, которая, как он считал, будет иметь огромную важность для отношений Церкви и фашистского режима. Через пять дней после смерти папы, когда Пачелли исполнял обязанности камерария и временного председателя (до избрания нового понтифика), государственный секретарь приказал уничтожить все материалы, связанные с последней речью Пия XI, в том числе оттиски, уже подготовленные в типографии [44]. Эта речь, как и энциклика о единстве человеческого рода, так никогда и не была опубликована. Спустя тридцать лет после Латеранских соглашений, 6 февраля 1959 г., Иоанн XXIII привёл несколько цитат из неё в своём письме итальянским епископам [45], но Пачелли на неё не ссылался никогда. Недавно рукопись была обнаружена в Ватиканском секретном архиве [46]. Самый резкий отрывок, посвящённый фашизму, описывает режим в виде центральной власти, которая шпионит и искажает слова папы, епископов и католической печати. По сути дела, ничего сногшибательного. Нет ни ультиматумов правительству, ни осуждения конкордата. Именно поэтому решение Пачелли не публиковать этот текст предстаёт ещё более показательным: речь шла о том, чтобы полностью изменить тональность в отношениях с режимом, избегать любых возможных поводов к трениям, просигнализировать о разрядке.

Пий XII, вступивший на папский престол 12 марта 1939 г., отошёл от линии папы Ратти. Он не стал публично осуждать антисемитизм, вообще отказавшись от произнесения таких слов, как «евреи» и «нацисты». Молчал не только понтифик, молчала вся Церковь: принимая во внимание размах трагедии, исключений было очень мало [47].

В Венеции кардинал Адеодато Пьяцца обвинил «иудейский народ, [...] рассеянный и смешавшийся с сотней других народов», в самых тяжёлых грехах – от «далёкого и неискупимого» Богоубийства до «испанской резни». В своей речи он постоянно прибегал к экзальтированному описанию кровавых бесчинств. Другие епископы выступали более спокойно, но при этом вставляли в свои речи различные нападки на евреев, прибегая к аргументам давно минувших дней. Это показало, насколько слабыми в католической культуре оказались анти-тела, защищавшие её от антисемитизма [48]. Впро-

чем, в религиозной системе, крепко привязанной к богословской традиции и её поучениям, другой подход был бы в высшей степени маловероятным, и дело было не только в давлении извне, но и в том, что религиозные деятели продолжали воспроизводить и вновь истолковывать старинные рассуждения, создавшие негативный и конфликтный образ еврейства [49]. С другой стороны, возвращение к этой перспективе, её подкрепление при помощи новых аргументов, указывали на желание солидаризироваться с господствующим режимом, пусть и сохраняя свою специфику: в конце концов, именно эта власть примирила государство и Церковь; к тому же епископы, священники и католические организации на протяжении долгих лет рассказывали об огромных заслугах этой власти перед католицизмом, ещё до католико-имперского апофеоза, каковым стало завоевание Эфиопии [50]. Конечно, были исключения. Нельзя отрицать важную роль христианских сообществ (монастырей, приходов, аббатств) и отдельных верующих в спасении евреев. Они выдавали им фальшивые удостоверения личности и справки о крещении, прятали их у себя дома, в первую очередь детей, помогали спастись бегством – и все эти действия осуществлялись просто и со спокойной храбростью [51]. Но хотя помощь, полученная отдельными людьми, значила очень много, она не закрывает собой тот факт, что церковное руководство (Ватикан, епископы, верхи Католического действия) так и не выступило с публичным осуждением преследования евреев, и не разрешало вопроса, которому с тех пор было посвящено множество исторических и теологических трудов: какова связь между истреблением евреев и антииудейской христианской традицией? [52]

Когда разгорелась новая мировая война, позиция Пия XII опиралась на несколько важных пунктов: регулярное обличение ужасов войны и организация, по мере возможности, мероприятий по помощи жертвам войны, а также отказ вникать в сущность дела, разбираться, чьим интересам служит война и кто несёт за неё ответственность. Обращает на себя внимание молчание Пия XII по поводу нацистских зверств в Польше, а также подробное освещение на страницах «*Osservatore Romano*» русского вторжения в Польшу и последовавшего нападения СССР на Финляндию. Именно эта война, а отнюдь не та, что развязали нацисты, предстала в статье, опубликованной ватиканской газетой 2 декабря 1939 г., войной нового типа, идеологической и тотальной [53].

Впрочем, тон газеты смягчился после падения Франции и вступления Италии в войну. Хотя папа призвал сохранять дисциплину и служить

родине, незадолго до этого, в мае, он обратился с мольбой о заступничестве к святым покровителям Италии, прося их подарить стране мир. Подобный тон сильно разочаровал фашистское руководство, ожидавшее тотальной мобилизации, как это было всего четырьмя-пятью годами раньше. Но теперь католические деятели упорно видели в войне «наказание Божье» [54]. Конечно, метаисторическая интерпретация конфликта позволяла намекнуть на ответственность правительств и политиков в развязывании войны. Но образ войны как «наказания» кардинально противоречил насаждаемой фашистским режимом коллективной вере в воинственную Италию и усложнял мобилизацию, необходимую для ведения мировой войны и тем более для революционной схватки во имя создания, после победы держав Оси, новой Европы и нового мирового порядка [55].

Идея священной войны вновь появилась в 1941 г. в связи с нападением на СССР, но лишь на первых порах и лишь в нескольких сферах: многие военные капелланы потребовали отправки на восточный фронт, будучи убеждены, что примут участие в миссии, которая приведёт к обращению России в полном соответствии с пророчествами Фатимы [56]. Но этот энтузиазм оказался недолговечным. Ватикан отказался принять участие в «антибольшевистском крестовом походе» под руководством национал-социалистов [57], а его отношение к войне оставалось неизменно прохладным. Сама война приносила всё больше насилия и смертей, в особенности на русском фронте. Как следствие, духовенство быстро растеряло своё воодушевление по поводу войны стран Оси против Сталина и пришло к надежде (которую разделял и Ватикан), что Советский Союз и нацисты истощат друг друга в противостоянии и освободят от себя католическую Европу [58].

Ход военных действий не оправдывал этих надежд, и соотношение сил в планетарном масштабе, ставшее очевидным в ходе мировой войны, убедило Ватикан сделать ставку на политический союз с Соединёнными Штатами. Причиной этому была растущая убеждённость в том, что лишь США, несмотря на свой временный союз с СССР, могут стать преградой на пути коммунизма. Поэтому Ватикан начал дипломатическое сближение с Вашингтоном [59], а в сентябре 1941 г. предложил американским епископам смягчённое толкование отрывка из энциклики «*Divini Redemptoris*», воспрещавшей поддерживать какие-либо отношения с коммунистами. Это позволило американским католикам полностью поддержать решение администрации Рузвельта о начале войны бок о бок с Советской Россией [60].

Отчуждённость итальянских католиков от войны впервые проявилась летом 1942 г. и углубилась в последующие месяцы: военные неудачи, а также начало бомбёжек и голода, наводивших ужас на итальянцев, разорвали связь между военной машиной режима и религиозными чувствами. После падения Муссолини 25 июля 1943 г. и формирования правительства Бадольо церковные деятели и католические публицисты призывали к национальному согласию и повиновению новому правительству. «Osservatore Romano» предпочёл избежать каких-либо политических рассуждений [61], а «Civiltà Cattolica», высказываясь по политическим вопросам не менее уклончиво, тем не менее опубликовала 7 августа призыв, обращённый к католикам и призывавший их «сотрудничать с легитимной властью посредством молитвы, действий и жертв, чтобы по окончании сурового времени, тяготеющего над судьбой Родины, открылся путь вверх» [62]. В аналогичном ключе была выдержана и опубликованная в том же номере журнала статья отца Андреа Оддоне под названием «Достоинство христианского повиновения гражданским властям», в которой автор теоретически обосновывал, почему Церковь безразлична к формам политических режимов. Из этого следовали два вывода: во-первых, что католики обязаны проявлять абсолютную лояльность по отношению к правительству Бадольо; во-вторых, что Церковь не несёт ответственности за свои тесные отношения с фашистским режимом и не обязана немедленно давать всестороннее обоснование своей политики в фашистское двадцатилетие [63].

Впрочем, тема повиновения властям была актуальной и до свержения Муссолини – этот вопрос активно обсуждался в некоторых малочисленных католических группах, критически относившихся к фашизму. В частности, дон Примо Маццолари 10 августа 1941 г. в «Ответе лёгчику» подчёркивал, что долг подчиняться существующим властям имеет свои ограничения, и даже указывал на легитимность «права на восстание», если государство предало ту цель, ради которой оно создавалось, а, значит, и общественное благо [64]. Подобное же мнение высказал летом 1942 г. дон Джузеппе Доссетти на межрегиональной встрече Католических лауреатов (Laureati cattolici, группа в составе Католического действия) в Пьяченце, проведя урок по «восстанию против закона». Но если обычно рассмотрение этой темы сопровождалось очередным публичным заявлением о лояльности ассоциации по отношению к существующей власти, Доссетти предложил другой подход и заявил, что христианин обладает законным правом восстания против тирании [65]. Эти соображения постепенно

начали распространяться среди интеллектуальных течений Католического действия. Маццолари развил этот подход после войны, размышляя об отказе от военной службы по убеждениям. Но некоторые соображения, хотя и не оказали немедленного влияния на действия Святого Престола, вкупе с другими факторами мотивировали многих католиков на борьбу против наци-фашизма.

В радиосообщении от 24 декабря 1944 г., в шестое Рождество, пришедшееся на войну, Пий XII признал, что благодаря яркой вспышке военной трагедии народы «как будто проснулись после долгого оцепенения» и воодушевлены «тенденцией к демократии», будучи убеждены, что, если бы их не лишили возможности проверять и исправлять действия публичных властей, мир не оказался бы вовлечён в смертоносный вихрь мировой войны [66]. В этом радиосообщении лидер Церкви впервые заговорил о политическом измерении прав человека, начиная с права граждан «выражать собственное мнение о тех обязанностях и тех жертвах, что на него возложены» [67]. Разумеется, не обошлось и без важных уточнений. Фундаментальным критерием для определения «истинной и здоровой демократии» папа по-прежнему считал подчинение её норм нравственному порядку, установленному Богом и истолкованному Церковью. Кроме того, он приглашал «избранных людей, придерживающихся твёрдых христианских убеждений», взять на себя роль наставников, чтобы «ввести в вены народа и государства, пылающие тысячей болезней, духовное противоядие ясности и дальновидности» [68]. Иными словами, и при демократии католическая Церковь должна была быть наделена важнейшими функциями – прокладывать путь обществу и контролировать его развитие. Было принято решение стремиться к постепенной конфессионализации государства [69]. Этот же взгляд, укоренённый в давней традиции религиозной мысли, признавал способность управлять обществом лишь за католиками, находящимися под руководством Церкви. Именно они должны были спасти общество от той пучины, в которую его ввергла фатальная цепь ошибок и антикатолических движений, достигшая своей кульминации в кошмарной мировой войне.

Благодаря метаисторическому взгляду на войну папа Пачелли был избавлен от необходимости углубляться в вопрос о том, кто несёт ответственность за мировую бойню, и мог намекнуть, что разные стороны конфликта были по-своему правы и неправы. Теперь, когда было очевидно, что наци-фашизм безусловно обречён на поражение, а будущий облик мира будет определять победа демократий, этот подход позволял по-новому проинтерпрети-

ровать роль католиков в минувших событиях. Церковь ни в коей мере не считала себя ответственной за искалеченные человеческие жизни; более того, она присваивала себе главную роль в борьбе против тоталитаризма. Сражения предыдущих лет, целью которых было укрепить власть Церкви и расширить её пространство, в устах понтифика превратились в борьбу за всеобщую свободу. Рим начал исторические манипуляции, в ходе которых католическая иерархия не только отпустила сама себе грех полной поддержки фашизма, но и продолжила заявлять, что лишь она способна взять в руки бразды правления итальянским обществом. Уровень доверия к Церкви был высок благодаря огромной помощи, которую священники и епископы оказали населению страны, в особенности в последнее военное двухлетие. И восстановленная невинность католической иерархии так и не прошла через купель общественной дискуссии. Никаких дискуссий и не было. Они были заблокированы на самом старте абсолютными принципами непогрешимости и безупречности Церкви, не дававшими хода каким бы то ни было критическим размышлениям о прошлом католического истеблишмента. Как максимум, позволялось признать отдельные ошибки. Таким образом, церковная иерархия не нуждалась в том, чтобы оправдать своё соглашение с фашистским режимом или предложить комплексную интерпретацию фашистского двадцатилетия.

Эту линию в полной мере восприняли политические лидеры, которые начали на все голоса призывать к демократическому католицизму. Это были как старые деятели Народной партии, оказавшиеся на задворках при Муссолини, так и молодые лидеры христианской демократии, принявшие участие в Соппротивлении. В то время, как выходцы из Народной партии в предыдущие два десятилетия не раз задавались вопросом близких отношений Церкви и фашизма, новая католическая партия старательно избегала говорить об этом. Трудно было занять критическую позицию по отношению к политике Ватикана, прошлой или настоящей. Дело в том, что критическое размышление могло привести к запросу на ревизию, а то и на отмену привилегий, которые церковная организация получила благодаря конкордату. Другой причиной было ожидание лобового столкновения с коммунизмом, объединявшее католический мир в единый блок и делавшее всё менее возможными возражения и несогласия с официальной линией.

Примечания:

1. См.: *Sturzo, L.* L'Italia e il fascismo. – Roma, 1926. – P. 117.

2. См.: *Pertici, R.* Chiesa e Stato in Italia. Dalla Grande guerra al nuovo Concordato (1914–1984). – Bologna, 2009. – P. 102–152.
3. Ibid. – P. 143 ss.
4. *Discorsi di Pio XI.* Ed. D. Bertetto. – Vol. I, 1922–1928. – Torino, 1960. – P. 14–19.
5. См.: *Rogari, S.* Santa Sede e fascismo. Dall'Aventino ai Patti lateranensi. Con Documenti inediti. – Bologna, 1977. – P. 251.
6. См.: *Ceci, L.* L'interesse superiore. Il Vaticano e l'Italia di Mussolini. – Roma-Bari, 2013. – P. 158–175. В настоящий момент готовится английское издание в издательстве Brill: *The Superior Interest. The Vatican and Mussolini's Italy.*
7. *De Felice, R.* Mussolini il duce. Vol. I. Gli anni del consenso, 1929–1936. – Torino, 1996 (впервые издано в 1974 г.). – P. 252.
8. *Giampaoli, M.* 1919. – Roma-Milano, 1929. – P. 346.
9. *Mussolini, B.* La dottrina del fascismo. – Milano, 1932 // *Mussolini, B.* Opera omnia / A cura di E. e D. Susmel. – Firenze, 1951–1963. – Vol. 34. – P. 118, 121.
10. См.: *Ceci, L.* L'interesse superiore. Il Vaticano e l'Italia di Mussolini ... – P. 145 ss.
11. См.: *Bocci, M.* Agostino Gemelli rettore francescano. Chiesa, regime e democrazia. – Brescia, 2002.
12. См.: *Mangoni, L.* L'Università cattolica del Sacro Cuore. Una risposta della cultura cattolica alla laicizzazione dell'insegnamento superiore // *Storia d'Italia. Annali.* № 9. La Chiesa e il potere politico dal Medioevo all'età contemporanea / A cura di G. Chittolini e G. Miccoli. – Torino, 1986. – P. 975–1014.
13. *Sorrentino, D.* La conciliazione e il “fascismo cattolico”. I tempi e la figura di Egidio Martire. – Brescia, 1980. – P. 66–70.
14. После войны де Росси Делл'Арно соединил самые значительные свидетельства о поддержке инициатив «Italia e Fede» со стороны епископов и священников в книгу: *Rossi Dell'Arno, G. de'.* Pio XI e Mussolini. – Roma, 1954. В этом труде он рассказал и об основных этапах движения (в частности, о его начальной фазе на с. 28–32).
15. *Rossi Dell'Arno, G. de'.* Cattolicesimo e fascismo. Plebiscito di vescovi per il regime. – Roma, [1931–1932].
16. См.: *Moro, R.* Il «modernismo buono». La «modernizzazione» cattolica tra fascismo e postfascismo come problema storiografico // *Storia contemporanea.* – 1988. – V. XIX, № 4. – P. 625–716.
17. См.: *Mosse, G.L.* Sessualità e nazionalismo. Mentalità borghese e rispettabilità (первое издание в 1982 году). – Roma-Bari, 2011.
18. См.: *Ponzio, A.* Corpo e anima: sport e modello virile nella formazione dei giovani fascisti e dei giovani cattolici nell'Italia degli anni Trenta // *Mondo contemporaneo.* 2005. – V. 1, № 3. – P. 51–104.
19. См.: *De Grazia, V.* Le donne nel regime fascista. – Venezia, 1993. – P. 322–326; *Gazzetta, L.* Cattoliche durante il fascismo. Ordine sociale e organizzazioni femminili nelle Venezie. – Roma, 2011. – P. 157–164.

20. См.: Piva F. Educare alla «purezza»: i dilemmi della Gioventù cattolica nel secondo dopoguerra, in Chiesa, laicità e vita civile / Studi in onore di Guido Verucci, a cura di L. Ceci e L. Demofonti. – Roma, 2005. – P. 383-398.
21. Цит. по: Ibid. – P. 388.
22. См.: Muscolino, M. La “Rivista del Cinematografo” dalla nascita al 1968 // Attraverso lo schermo. Cinema e cultura cattolica in Italia / A cura di R. Eugeni e D.E. Viganò. – Vol. 2. – Roma, 2006. – P. 181-196.
23. См.: Viganò, D. Un cinema ogni campanile. Chiesa e cinema nella diocesi di Milano. – Milano, 1997. – P. 33-45.
24. См.: De Grazia, V. Le donne nel regime fascista ... – P. 199-200.
25. La stampa cattolica italiana / A cura di A. Antoniazzi, prefazione di R. Manzini. – Milano, 1937 (дополнено 31 декабря 1936 г.). – P. 204-206.
26. Ceci, L. Il papa non deve parlare. Chiesa, fascismo e guerra d’Etiopia. – Roma-Bari, 2010. – P. 8.
27. См.: Terhoeven, P. Liebespfand fürs Vaterland. Krieg, Geschlecht und faschistische Nation in der italienischen Gold und Eheringsammlung, 1935/1936. – Tübingen, 2003.
28. См.: Ceci, L. Il papa non deve parlare ... – P. 94-107.
29. Mussolini, B. Opera omnia / A cura di E. e D. Susmel. – Vol. XXVII. – Firenze, 1959. – P. 268-269.
30. Цит. по: Picardi, L. Cattolici e fascismo nel Molise (1922–1943). – Roma, 1995. – P. 114-115.
31. См.: Ceci, L. Il papa non deve parlare ... – P. 136-134.
32. Об этой резне см.: Campbell, I. The Massacre of Debre Libanos. Ethiopia 1937. The Story of one of Fascism’s most Shocking Atrocities / Introduction by A. Del Boca, Preface by Asfa Wossen Asserate. – Addis Abeba, 2014.
33. См.: Ceci, L. Il papa non deve parlare ... – P. 160-169.
34. Raguer, H. La pólvora y el incienso. La Iglesia y la Guerra civil español (1936–1939). – Barcelona, 2001.
35. См.: I cattolici italiani e la guerra di Spagna. Studi e ricerche / A cura di G. Campanini, prefazione di G. De Rosa. – Brescia, 1987.
36. См.: Petracchi, G. I gesuiti e il comunismo tra le due guerre // La Chiesa cattolica e il totalitarismo / A cura di V. Ferrone. – Firenze, 2004. – P. 123-152.
37. См.: Levant, M. La “mano tesa”, la Chiesa di Pio XI e il Fronte popolare // Diplomazia senza eserciti. Le relazioni internazionali della Chiesa di Pio XI / A cura di E. Fattorini. – Roma, 2013. – P. 179-200.
38. Passelecq, G.; Suchecky, B. L’enciclica nascosta di Pio XI. Un’occasione mancata dalla Chiesa nei confronti dell’antisemitismo. – Milano, 1997.
39. См.: Fattorini, E. Pio XI, Hitler e Mussolini. La solitudine di un papa. – Torino, 2007. – Capitoli 5-7.
40. См.: Perin, R. Pio XI e la mancata lettera sugli ebrei a Mussolini // Rivista di Storia del Cristianesimo. – 2013. – № 10. – P. 181-206.
41. De Felice, R. Storia degli ebrei italiani sotto il fascismo, nuova edizione ampliata. – Torino, 1997. – P. 291-293.
42. Статья под названием «Заявления папы руководителям и делегатам Бельгийского католического радио» («Les déclarations du Pape aux dirigeants et aux délégués de Radio Catholique Belge») была опубликована без подписи на страницах газеты «La libre Belgique» 14 сентября 1938 года и воспроизведена в: La Documentation catholique. 20, 5 décembre 1938. Col. 1459-1460.
43. Wolf, H. Il papa e il diavolo. Il Vaticano e il Terzo Reich. – Roma, 2008. – P. 89-136; 194-239.
44. Fattorini, E. Pio XI, Hitler e Mussolini ... – P. 211-218.
45. На это указывал уже Анджело Мартини в своей книге: Martini, A. Studi sulla Questione romana e sulla Conciliazione. – Roma, 1963. – P. 249.
46. Полный текст речи см.: Fattorini, E. Pio XI, Hitler e Mussolini ... – P. 240-244.
47. Moro, R. La Chiesa e lo sterminio degli ebrei. – Bologna, 2009. – P. 13-21.
48. Miccoli, G. Santa Sede e Chiesa italiana di fronte alle leggi antiebraiche del 1938 // La legislazione antiebraica in Italia e in Europa. – Roma, 1989. – P. 163-274. В первую очередь см.: P. 203.
49. См.: Facchini, C. Antisemitismo delle Passioni. La «Palestra del clero» e il tema del deicidio // Storicamente, 7, 2011. Dossier Antisemitismo e chiesa cattolica in Italia (XIX-XX sec.), http://www.storicamente.org/07_dossier/antisemitismo/facchini_antisemitismo.htm
50. См.: Ceci, L. L’interesse superiore ... – P. 249-261.
51. См.: Zuccotti, S. Under His Very Windows. The Vatican and the Holocaust in Italy. – New Haven, 2000; Riccardi, A. L’inverno più lungo. 1943–1944: Pio XII, gli ebrei e i nazisti a Roma. – Roma-Bari, 2008.
52. Эта тема подробно рассматривается в исследовании: Miccoli, G. I dilemmi e i silenzi di Pio XII. Vaticano, Seconda guerra mondiale e Shoah. – Milano, 2000.
53. Acta diurna // L’Osservatore Romano. – 1939. – 2 dicembre.
54. Menozzi, D. Chiesa, pace e guerra nel Novecento. Verso una delegittimazione religiosa dei conflitti. – Bologna, 2008. – P. 149 ss.
55. См.: Ceci, L. L’interesse superiore ... – P. 266 ss.
56. См.: Franzinelli, M. Il riarmo dello spirito: i cappellani militari nella seconda guerra mondiale. – Pagus, 1991. – P. 105 ss.
57. См.: Garzia, I. Pio XII e l’Italia nella seconda guerra mondiale. – Brescia, 1988. – P. 194-199.
58. См.: Miccoli, G. I silenzi e i dilemmi di Pio XII ... – P. 213-228.
59. См.: Castagna, L. A Bridge across the Ocean. The United States and the Holy See between the Two World War. – Washington, 2014. – P. 150-166.
60. Miccoli, G. I silenzi e i dilemmi di Pio XII. – P. 217 ss.
61. См.: Durand G.D. L’Église catholique dans la crise de l’Italie (1943–1948). – Rome, 1991. – P. 9-49; Moro, R. I cattolici italiani e il 25 luglio // Storia contemporanea. – 1993. – V. 6, № 24. – P. 967-1017.

62. Nell'ora grave della Patria // *La Civiltà Cattolica*. – 1943. – № 94/3. – P. 173-174.
63. *Oddone, A.* La dignità dell'ubbidienza cristiana all'autorità civile ... – P. 184-191.
64. *Mazzolari, P.* Scritti sulla pace e sulla guerra / Edizione critica a cura di G. Formigoni e M. De Giuseppe. – Bologna, 2009. – P. 234-264.
65. См.: *Galavotti, G.* Il professorino. Giuseppe Dossetti tra crisi del fascismo e costruzione della democrazia 1940–1948. – Bologna, 2013. – P. 212 ss.
66. Речь имеется на сайте: www.vatican.va.
67. Об изменении тональности публичных речей Пия XII в отношении прав человека в начале 40-х годов см.: *Мон, S.* *Christian Human Rights*. – Philadelphia, 2015.
68. Pio XII. Radiomessaggio del 24 dicembre 1944.
69. См.: *Miccoli, G.* Cattolici e comunisti nel secondo dopoguerra: memoria storica, ideologia e lotta politica // *Studi storici*. – 1998. – № 38. – P. 951-991.

ГРАНИЦЫ ФАШИСТСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

Ричард Джеймс Бун Босворт

профессор, старший научный
сотрудник
Колледжа Иисуса
Оксфордского университета
(Великобритания)
richard.bosworth@jesus.ox.ac.uk

Перевод с английского М.В. Землякова

Аннотация. На протяжении нескольких десятилетий господствовала такая интерпретация диктатуры Муссолини, в рамках которой он представал как подлинный тоталитаризм, а большинство итальянцев рассматривались как приверженные фашизму «новые люди». В данной статье Ричард Босворт опровергает этот упрощенный подход. Он считает, что фашизм, несомненно, добавлял еще один пласт в жизнь итальянцев. Также нельзя отрицать, что это был порочный режим, ответственный за преждевременную смерть около 1 млн чел., почти половина из которых были итальянскими солдатами и гражданскими людьми, погибшими в развязанных им многих агрессивных войнах; другую же половину составляли арабы, берберы и многочисленные народы Эфиопии, ставшие жертвами осуществлявшихся режимом империалистических вторжений и установленного им правления. Сюда также надо добавить более 700 тыс. евреев, убитых в ходе поддержанного Италией нацистского Холокоста. История кровавой экспансии в Африку – это одновременно действия и фашизма, и Италии как государства, эту экспансию можно сравнить с захватами, проводившимися не только нацистской Германией, но и другими империалистическими державами. А в самой Италии в менталитете ее жителей господствовали отнюдь не только фашистские пристрастия, но и традиционалистские католические, региональные, классовые, семейные, гендерные, патрон-клиентские отношения. Социальная история того, что сам автор много лет назад назвал «итальянской диктатурой», гораздо более сложное понятие, чем то, как оно трактуется в теории тоталитаризма.

Ключевые слова: тоталитаризм, фашизм, диктатура, Муссолини, общество.

THE LIMITATIONS OF FASCIST TOTALITARIANISM

Richard James Boon Bosworth,

Professor and Senior Research Fellow in History,
Jesus College, University of Oxford, United Kingdom

Abstract. For some decades an interpretation of Mussolini's dictatorship which interprets it as a genuine totalitarianism where large numbers of Italians were converted into true believing new fascist men and women has gained in popularity. In this paper, Richard Bosworth takes issue with the over-simplification this implies. Fascism, he argues, undoubtedly added another layer of complexity to Italian lives. Equally, it cannot be contested that it was a vicious regime responsible for the premature deaths of about a million people. About half of them were Italian soldiers and civilians killed in its various aggressive wars. The other half were Arabs, Berbers and the various peoples of Ethiopia, victims of its imperial invasions and rule (plus more than 7000 Jews murdered as a result of Italy's complicity in the Nazi Holocaust). But this story of murderous expansion in Africa is simultaneously fascist, Italian (and European), bearing comparison with the behavior of other imperialist powers and not merely Nazi Germany. Similarly, at home, many traditional histories, Catholic, regional, class, family, gender, patron-client dealings and continued in Italian minds in ways that were not merely fascist. A proper

social history of what I long ago called 'the Italian dictatorship' thus needs to be far more textured than a mere application of the theoretics of totalitarianism can provide.

Key words: *totalitarianism, fascism, dictatorship, Mussolini, society.*

В феврале 1945 г. Мириам Петаччи, 21-летняя будущая кинозвезда, младшая сестра последней возлюбленной Муссолини Кларетты, написала длинное письмо итальянскому диктатору. Из его пассажей выделялась одна фраза: Муссолини, как она пишет, должен понять то, что уже осознала сама Мириам и вся семья Петаччи: «Кларетта всегда права». Этими словами Мириам неосознанно перифразировала главный пропагандистский лозунг режима «*Mussolini ha sempre ragione*» («Муссолини всегда прав») – символ культа дуче, его харизматической личной власти – и использовала его в собственных целях.

Подобная дерзость в толковании главной установки фашизма резко противоречила стремлению фашистской диктатуры навязать итальянцам тоталитарный режим и представлению об успешности этих намерений. Возможно, наиболее полно это стремление было отражено Эмилио Джентиле – исследователем из Римского университета. По его мнению, «в течение 20 лет под властью фашистского правительства торговые площади Италии – как в крупных городах, так и в крошечных деревушках – были трансформированы в огромные сцены, на которых миллионы людей в едином порыве отмечали национальные праздники, годовщины установления режима либо триумфа «революции»*, поклонялись павшим, прославляли героев, символику режима и появления дуче... Люди и нация были связаны прочной «паутиной смыслов», которая охватывала городской и природный ландшафты, механизмы и монументы, искусство и стиль, одежду и жесты; и на каждом предмете – от парадного оружия и до придорожных столбов – была изображена эмблема «ликторских фасций» [1].

Изложение Джентиле в полной мере отражает время его появления – 1990-е гг., когда историки стран Запада отказались от марксистской социальной истории. Примерно в то же самое время, когда произошёл распад СССР, а американский исследователь Фрэнсис Фукуяма провозгласил «конец истории» [2], они оказались загипнотизированы подходом к истории, именовавшимся «культурализмом».

Ключевое влияние на этот подход оказал американский антрополог Клиффорд Гирц (1926–2006) с его призывом к распутыванию «паутины смыслов», который был встроен в более общие теории постмодернизма, связанные с именами Мишеля Фуко и многих других авторов «лингвистического

поворота». Также он вернул к жизни теории тоталитаризма, расцвет которых в разгар «холодной войны» сменился упадком времен «разрядки» 1960-х гг., но затем, начиная с 1980-х гг., по мере активизации «холодной войны» и укрепления господства неолиберальной идеологии, оживились, расчистив путь «культуралистским» исследованиям [3].

Поведение итальянцев, описанное Джентиле, было в значительной степени определено диктатурой, при которой их мышление было скованно не столько террором, насилием и деятельностью секретной полиции**, сколько всеобщей и во многом мистической манипуляцией словами, образами и мыслями, с помощью которой объяснялось все происходившее в годы «двадцатилетия Муссолини». В этом плане и воспринимались обещания фашистов совершить обновление и «революцию», их решимость построить такое общество, где «всё для государства, ничего вне государства, никого против государства», где оно станет образцом политического строя, в котором намерения будут обращаться в действия. Итальянцы были разобщены, свобода мысли была уничтожена и подавлена. Не считая крошечного меньшинства противников режима, которых обычно жёстко принуждали к эмиграции, и тех, кто сам бежал из страны и кого клеймили как «людей вне закона», подавляющее большинство итальянцев выражало фашистскому режиму свою поддержку. Под властью диктатуры они трансформировались в «новых людей» фашизма. С этой точки зрения режим Муссолини можно было бы сравнить с другими, более ужасными межвоенными тоталитарными режимами [4], которые можно также представить в качестве «посредников», завещавших свое страшное наследие последователям в странах «третьего мира».

На протяжении последних двух десятилетий господства неолиберального подхода к историографии фашистского режима в Италии муссировался взгляд о его тоталитарном – по своим целевым установкам и действиям – характере. О чем бы ни шла речь: о вызывающих архитектурных творениях фашистского режима в столице Италии – Риме [5], о его деятельности по воссозданию Империи после присоединения Ливии [6], о его антисемитской по-

* Имеется в виду «революция чернорубашечников», т.е. захват власти Муссолини после похода на Рим 1922 г. – *Прим. перев.*

** ОБРА – Орган надзора за антигосударственной деятельностью. – *Прим. перев.*

литике [7], о его надеждах на построение «нового мирового порядка» в результате захватнической политики в ходе Второй мировой войны [8] и даже о его влиянии на моду в одежде и образе поведения [9] (а более широко – на эстетику в целом) [10] – все это рассматривалось как режим, идеология которого оставила глубокий отпечаток в душах итальянцев.

В наши дни классическим примером подобного взгляда является исследование молодого американского историка Майкла Эбнера об арестах инакомыслящих в период диктатуры Муссолини. Тему своего исследования он формулирует следующим образом: «Изложение в книге истории «фашистского архипелага»* имеет своей целью доказать, что режим Муссолини контролировал Италию посредством насилия». И далее: «Данный режим насилия серьезно воздействовал на повседневную жизнь фашистской Италии и тем самым являлся истинно тоталитарным. Возможно, он открыто не уничтожил такое количество людей, как это делали нацизм, большевизм или франкистская военно-националистическая диктатура. Но тем не менее насилие было ещё более важным стержнем идеологии и практики фашизма, чем в любом из перечисленных режимов» [11].

Очевидно, что слово «архипелаг» вызывает в памяти «архипелаг ГУЛАГ» и сталинские репрессии. Отсюда складывается представление, что тема насилия государства должна обязательно присутствовать в любом из исследований по истории муссолиниевской диктатуры.

Эбнер и сам пришёл к этому умозаключению: «Как и прочие политические утопии XX в., составившие свод правил для тоталитарных режимов, фашизм выковал военизированный, имперский тип общества, который полностью провалился. По множеству признаков фашистский режим оказался не в состоянии одинаково эффективно повсеместно проводить свой политический курс в провинциях. Его коррумпированный характер и патерналистский стиль правления привел его к краху» [12]. В период властвования Муссолини заявления и действия режима, что признает и Эбнер, неоднозначно соотносились друг с другом. Можем ли мы обнаружить образ ГУЛАГа в том, что не являлось ГУЛАГом в действительности?

Нелишне уточнить это определение. Фашистский режим использовал тайную полицию и поощрял информирование и доноительство среди населения [13]. Артуро Боккини, возглавлявшего итальянскую полицию [и тайную полицию ОВРА – *Прим. перев.*], вплоть до его смерти в 1940 г. недаром называли «вторым дуче» фашистского по-

литического режима [14]. Он был одним из тех, с кем напрямую беседовал дуче в рамках принятой тогда системы частных деловых встреч. Почти 15 тыс. итальянцев были подвергнуты наказанию, известному как «*confine*», т.е. ограничению свободы – заключению, которое они должны были отбывать на островах или на юге Италии, вдали от дома. Вдобавок к этому десятки тысяч итальянцев были помещены под особый надзор. Работа, благосостояние (как оно понималось режимом) и спокойная жизнь зависели от обладания партийным билетом и безусловного повиновения фашистскому правительству. Режим также возродил смертную казнь, отмененную либеральной Италией в 1889 г. Число казнённых на территории Италии в мирное время составило 9 человек, ещё 17 были приговорены к смерти в годы войны до начала июля 1943 г.

Несомненно, Эбнер был уверен в превосходстве американского капитализма и либеральной модели демократии. Но, как я отмечал в рецензии на его книгу, на протяжении нескольких десятилетий любой из губернаторов Техаса казнил больше своих граждан во время лишь одного срока своего правления, чем смог официально приговорить к смерти Муссолини на протяжении всей своей диктатуры [15].

Система заточения «*confine*» содержала в себе два вопиющих противоречия. Первое – из области географии. Фашизм постоянно повторял, что рассматривает страну как единое целое. Между тем, древнейшей доминантой исторического развития Италии был регионализм и, в частности, представление о том, что Север более развит, чем Юг, а жители городов более цивилизованны, чем крестьяне, которые по своим привычкам и взглядам на мир остаются, по всей видимости, «дикарями». Система «*confine*» закрепляла эти укоренившиеся убеждения. Антифашистов ссылали на Юг, где они должны были уживаться с крестьянами, с их архаическими убеждениями [16]. Когда она превратилась в главную карательную систему режима Муссолини, Италия перестала быть единым целым.

Второе обстоятельство: те, кого наказывали, редко отбывали весь свой срок (за исключением серьезных идеологических противников фашизма, таких, как лидер коммунистов Антонио Грамши или социалист-реформист и будущий президент Итальянской республики Сандро (Алессандро) Пертини). Более того, сроки заключения постоянно сокращались в результате амнистий, объявлявших-

* Имеются в виду те острова, которые располагались в Средиземном море и на которые в ходе правления Муссолини в 1920-х – 1930-х гг. ссылали инакомыслящих. – *Прим. перев.*

ся фашистским режимом в ознаменование либо побед (например, захвата Эфиопии), либо рождения детей или заключения браков в королевской Савойской династии.

В числе других парадоксов фашистского режима можно упомянуть и то, что диктатура сохранила итальянскую монархию: в 1922–1943 гг. король Виктор Эммануил III оставался главой государства. Личные архивы политических заключённых свидетельствуют, что чуть ли не каждый осуждённый после поселения на острове Понца, в сельской местности Базиликаты (Лукании) либо на задворках Сардинии сразу же начинал писать прошения в поисках покровителей (нередко – родственников, местных священников или женщин из окружения Муссолини и Савойского дома), способных защитить его от приговора. Подобные усилия иногда приносили успех, подкрепляя веру в то, что ловкач, нашедший верные рычаги воздействия и достаточно умело ими воспользовавшийся, мог выйти на свободу.

В этом вновь на практике проявлялись исторические традиции, глубокая вера во всецелые патрон-клиентские отношений, которые не только не были отвергнуты фашистским государством, несмотря на его тоталитарные амбиции, но напротив сохраняли определяющее влияние на менталитет итальянцев [17]. Диктатура могла официально заявлять, что у всех итальянцев одинаковое мировоззрение, она могла снова и снова выступать против «злоупотреблений» и «привилегий». Однако все это не давало результатов, и итальянцы (в том числе и сам Муссолини) продолжали составлять и принимать «рекомендательные письма» и действовать на их основе.

Итак, как же мы должны трактовать этот режим (который я осознанно почти 20 лет назад назвал «итальянской диктатурой»), чтобы, с одной стороны, показать его жестокость и тиранию, а с другой – его приспособление к давнишним традициям итальянской жизни? Как показал молодой итальянский историк Маттео Миллан, фашистские правящие круги никогда не отрекались от насилия первых «скавдристов»*, и на всём протяжении существования режима государственные посты занимали весьма жесткие политики, обладавшие немалым влиянием и рассматривавшие себя в качестве образцовой опоры государственного устройства [18]. Именно они в значительной мере сумели сформировать кадровый состав и руководство Итальянской социальной республики после сентября 1943 г., что усугубило радикализм режима и могло показаться «его возвращением к истокам» 1919–1921 гг.

Начиная с 1935 г., режим сознательно ввязывался во множество войн: в захватническую кампа-

нию в Эфиопии 1935–1936 гг., в гражданскую войну в Испании 1936–1939 гг., в завоевание Албании в апреле 1939 г. и во Вторую мировую войну (начиная с кровопролитного сражения с британскими и французскими войсками в 1940 г. и нападения на Грецию в октябре 1940 г. вплоть до участия вместе со своими нацистскими союзниками в реализации плана «Барбаросса» в июне 1941 г. [19], а также поддержки нападения Японии на американский флот в Перл-Харбор в декабре 1941 г. и последовавшей войны на Тихом океане.

В каждом из этих событий Италия выступала агрессором. Каждая из её операций сопровождалась громкой пропагандистской кампанией, свидетельствовавшей, что её мотивы и цели были сугубо фашистскими. Оценивая провозглашаемые ею лозунги, многие из считавших Италию подлинно тоталитарным государством рассматривали режим Муссолини как классический пример власти, руководствующейся бесчеловечной идеологией [20]. Хотя антисемитское законодательство было принято только в 1938 г., а уничтожение этнических евреев было отложено до заключения союза между Итальянской социальной республикой и нацистской Германией, когда немцы оккупировали Северную Италию, нет сомнений, что Муссолини с самого начала скрывал собственные расистские взгляды [21] и что его режим почти неизбежно скатывался к реализации практики Холокоста.

Из примерно 1 млн чел., уничтоженных диктатурой, около половины были итальянскими солдатами и гражданскими лицами (в основном это были потери в результате войн с участием Италии после июня 1940 г.), а минимум 250 тыс. из них умерли в период от начала сентября 1943 г. до окончательного наступления мира (формально в апреле 1945 г., но реально лишь через несколько месяцев, летом того же года). К тому же следует дополнительно провести подсчёт числа жертв итальянской военной экспансии в Европе, прежде всего в Испании, а также на различных фронтах Второй мировой войны. Более 7 тыс. итальянских евреев погибли в результате «услуг», оказанных нацистам Итальянской социальной республикой (большинство из них – в результате депортации под контроль немцев, но при активных приготовлениях к этим «деяниям» итальянского государства) [22].

* «Скавдристы», или чернорубашечники, или Добровольная милиция национальной безопасности (MVSN, *Milizia volontaria per la sicurezza nazionale*) – вооружённые отряды Национальной фашистской партии, организованные по личной инициативе Муссолини и по приказу Большого фашистского совета 1 февраля 1923 г. «Милиция» участвовала в боях в Ливии, Эфиопии и Испании. – *Прим. перев.*

Ещё 500 тыс. насильственных смертей были результатом фашистской агрессии и хозяйничанья на территории сколачиваемой фашистами Империи (Итальянской Северной и Восточной Африки). К 1940 г. в бывших владениях Османской империи, аннексированных Италией в 1911–1912 гг., обитало более 100 тыс. арабов и берберов. Большую часть этих территорий она потеряла в ходе Первой мировой войны и затем вновь вернула их после 1919 г. Вскоре после этого на захваченных территориях началось насаждение откровенного колониального режима. В результате численность местного населения стала резко сокращаться.

Огромное число людей, по свидетельству эфиопских историков, погибло в войне 1935–1936 гг. с Эфиопией, которую итальянцы вели при полном превосходстве в воздухе, готовые к открытому применению отравляющих газов, с которым экспериментировали до этого в Ливии. В 1936–1941 гг. режим требовал от общества все новых жертв, несмотря на отсутствие экономических и политических ресурсов, необходимых для воплощения в жизнь его территориальных притязаний. Признание наличия этих жертв, число которых было подсчитано очень приблизительно, приводит нас к выводу о стремлении Муссолини к «истреблению народов» (по крайней мере, в Африке).

Для утверждения о том, что фашистская Италия воплощала собой жесткое тоталитарное государство, обычно используют различную аргументацию. Прежде всего особо подчеркивается развернутая режимом идеологическая кампания, которая, мол, подтолкнула страну к агрессии.

Сам Муссолини, естественно, отвергал это, на что есть указание в одной из его бесед с Клареттой Петаччи, объёмистый дневник которой стал доступен историкам только в последние десять лет. В своём растрепанном облике дуче выступает как диктатор, в жизни которого перемешаны общественное и индивидуальное начала.

В изображении самой Петаччи Муссолини выглядит жестокой, кровожадной и в то же время противоречивой и неоднозначной личностью. Диктатор рассказывал своей молодой любовнице, что война имеет одновременно и плохую, и хорошую стороны. Как ветеран Первой мировой войны, он запомнил сражения отнюдь не в героическом ключе, а как время, «когда человек по-настоящему становится дикарём, наслаждаясь убийством и не думая о том, что при этом будет уничтожена чужая жизнь» [23]. Бомбардировки испанской Барселоны он именвал «ужасными». Женщины и дети уничтожались без жалости и промедления (но об отмене приказа об их проведении не шло и речи). Особо

важным, по его словам, было то, что война никогда не ведётся за идеалы или идейные установки. «Ни один человек, – утверждал Муссолини, – не ведёт войны, чтобы удовлетворить интересы другого. Он делает это в своих корыстных целях, для получения возможной добычи». Сам он всегда вступал в бой последним, «если только его не принуждали действовать раньше» [24]. До сих пор люди рождались, чтобы разрушать. Это было постыдно, но жажда убийства все списывала. Воспроизводя свою собственную политическую установку, Муссолини заявлял, что для мужчины война столь же естественна, как для женщины – материнство [25].

Судя по приведенной выдержке из воспоминаний, в сознании дуче имело место своеобразное смешение идей, которые не всегда примирялись друг с другом. Очевидно, что Муссолини считал, что развязывает войну не вследствие идейного фанатизма или утверждения порочной идеи, а для борьбы за национальные интересы. Страны Оси, говорил он Петаччи, не оказывали Италии бескорыстной поддержки.

Как-то в один из мартовских дней 1939 г. он размышлял вслух о том, почему французские и британские женщины не могут поддержать уровень рождаемости, необходимый их нациям. В этой связи он напомнил, что и немцев тоже не так уж и много – всего 20 млн – и что поэтому нацисты, стремясь повысить уровень рождаемости, уже подготовили 30 тыс. фармацевтов. Он сослался на то, что, поскольку на протяжении столетий немцы часто терпели поражения от итальянцев, они не будут нападать на них впредь. Однако «необходимо избавиться от иллюзий. Крайне сложно будет добиться того, чтобы немцы воспринимались итальянцами с сочувствием. На самом деле итальянцы в своём большинстве питают к ним отвращение». «Я и сам, – как-то писал он, – не питаю особых симпатий ни к одному из народов. В действительности я ненавижу всех их без исключения» [26].

Есть множество других составляющих, позволяющих понять особенности итальянской внешней политики в годы господства фашистского режима. Кровопролитные сражения того времени происходили, главным образом, на окраинах империи, в Африке и не представляли интереса ни для «национальной» (определяемой как расовая), ни для европейской политики нацистской Германии.

По общему мнению, в Восточной Африке и Ливии фашистская Италия, создавшая колониальную империю позже других европейских держав, вела самую антигуманную политику. «Новую Римскую империю» вряд ли можно сравнить с Великобрита-

нией и Францией, Бельгией, Испанией и США, как и с ее союзницей – нацистской Германией.

Единственным реальным случаем установления фашистских порядков в иностранных государствах Европы следует считать Албанию [27], хотя этот случай все еще недостаточно изучен. По крайней мере очевидно, что в этой стране итальянские захватчики проявили наибольшее стремление выстроить терпимые отношения с местными элитами, которые были готовы сотрудничать с оккупантами.

Таким образом, Муссолини, который представлялся окружающим «новым Цезарем», возглавившим фашистскую империю, выглядит, скорее, как убеждённый макиавеллист, чем создатель новой формы тоталитаризма. Он рассматривал мир как дарвиновскую борьбу видов, в которой любая власть при формировании внешней политики исходит, по сути, из «реальной политики» (*«Realpolitik»*). Он дважды посещал Ливию, ставшую к концу 1930-х гг. местом массового исхода населения. При этом, однако, он никогда не проявлял намерения посетить Аддис-Абебу или Тиграну и, по-видимому, не считал ни Албанию, ни Эфиопию важными с точки зрения итальянской дипломатии.

Попутно заметим, что, когда Италия фактически «превратилась в империю», королевская семья стала демонстрировать в ней свое господство над покоренными народами. Амедео, герцог Аостский и последний вице-король Эфиопии (1937–1941), в своём топи* охотно изображал из себя «двойника» членов британской, бельгийской или испанской королевских династий с их длительной имперской традицией.

В свою очередь, в состав пилотов итальянских воздушных сил, активно уничтожавших в ходе эфиопской войны африканские племена, были демонстративно включены два старших сына дуче – Витторио и Бруно, а также его зять Чиано, которые впоследствии охотно делились своими впечатлениями о бомбардировке незащищённых эфиопов [28].

Превознося свой режим, Муссолини не мог не осознавать, что Италия всё ещё остается «последней в ряду великих держав» [29] и должна соразмерять свои амбиции и реальные возможности. Однако это обстоятельство то и дело игнорировалось. Италия втянулась в гражданский конфликт в Испании, начало которого почти совпало с назначением на пост премьер-министра 9 июня 1936 г. неисклющённого во внешней политике Чиано. А ведь он был явно не способен предвидеть проблемы, вытекавшие из принятых роковых решений.

Имелось множество других свидетельств того, что внешнеполитические авантюры Италии были, скорее, устаревшими, нежели современными.

Через две недели после вступления Италии во Вторую мировую войну Муссолини хвастливо говорил Кларетте, что противостояние с Францией будет завершено «за четыре дня» [30]. Когда же этого не произошло, для поддержания престижа им в октябре 1940 г. была развязана «параллельная война» против Греции, которая не только не стала «блицкригом», но обернулась позорным провалом. Неудивительно, что исследователи истории «Тройственного союза» едины во мнении, что Муссолини никогда не действовал эффективно [31].

Провалы внешней политики фашистской Италии с особой силой высветили трудности и противоречия фашистского режима внутри собственной страны. Вернемся к уже упоминавшемуся лозунгу фашизма – «Муссолини всегда прав». В самом Риме, как известно, собственную непогрешимость с 1870 г. провозглашал его второй политический руководитель – Папа Римский [32]. Таким образом, в городе находились два харизматических лидера, каждый из которых претендовал на непогрешимость. При этом фашизм даже не мог рассчитывать на то, чтобы иметь столь же глубокую укоренённость в менталитете итальянцев, какой обладал католицизм.

Отношения государства и церкви под властью диктатуры Муссолини, несомненно, являются историей компромиссов и «сосуществования». Самый важный шаг на пути их реализации был предпринят в феврале 1929 г. вслед за подписанием Латеранских соглашений – «удачной коммерческой сделки», завершившей «холодную войну» между Ватиканом и итальянским национальным государством, начавшуюся после воссоединения Италии и штурма итальянскими войсками Рима 20 сентября 1870 г.

Хотя последовавшие за этим размолвки между диктатором Муссолини и Папой Римским никогда не были окончательно преодолены, достигнутый в 1929 г. компромисс просуществовал на протяжении всего периода фашистской диктатуры. Папу Пия XI (1922–1939) вполне устраивало понятие «тоталитарный» в качестве возможности определить собственную авторитарную власть над католической церковью [33].

Современные исследования тогдашней политики Ватикана изображают церковь как главного союзника диктатуры. По проникательному замечанию Джона Полларда, высказывания Эмилио Джентиле и его школы о фашизме как о «светской религии» были неспособны доказать, что режим на самом деле «беспардонно перенял весь набор

* Тропический шлем, изготовленный из расколотого кокоса. – *Прим. перев.*

католических ритуалов и символов». В подобном поведении содержалось «признание слабости, а не силы». «Католицизм, – добавляет Поллард, – оставался живой, а после Латеранских соглашений – даже возрождённой к жизни религией подавляющего большинства итальянского народа» [34]. Фашизм же таковым не был.

Это утверждение подкрепляется анализом дневников, содержащих подробности личной жизни Муссолини. Отец Кларетты, Франческо Саверио, много лет проработал в медицинской службе папы Римского. Главным занятием её матери, Жозефины Персикетти, были чётки. Время от времени Кларетта резко обличала священников, упрекая их в слабости, притворстве и коррупции (например, в 1944 г., когда Рим пал под натиском англо-американских сил, а Пий XII приветствовал освобождение города). Но точно так же она говорила о том, что готова увидеть, как Вечный город сравнивают с землёй, если его не сумеют должным образом защитить [35]. Подобные эмоции не помешали ей, однако, возносить молитвы святой Рите Кашийской (святой, помогавшей ей в безнадёжных ситуациях) [36] или популярной в 1920-х – 1930-х гг. Мадонне Помпейской – олицетворению Девы Марии.

Религиозность Кларетты ярко проявилась в июле 1944 г., когда она настаивала на том, чтобы священные реликвии сопровождали дуче в его непредсказуемой по своим последствиям поездке к Гитлеру (когда фюрер едва избежал гибели от бомбы Клауса фон Штауфенберга, а Муссолини появился позднее и поэтому остался невредимым). Эти реликвии были с ней и во время её последней совместной поездки с Муссолини в апреле 1945 г. Кларетта всегда держала чётки наготове. В воскресенье она могла отправиться к утренней мессе, а затем предаться любовным утехам с диктатором. В этом она была в гораздо большей степени истинной итальянской католичкой, нежели «новым человеком» в фашистском понимании этого термина [37].

Поскольку итальянские фашисты оставались католиками и были верны глубоко укоренившимся историческим традициям, привлекает к себе внимание неудачная попытка фашистской диктатуры преобразовать семью – не менее значимый институт итальянского общества. Мириам Петаччи определяла цель и устремления своих родителей, брата, сестры и свои собственные лозунгом «один за всех и все за одного» [38].

Англоязычная историография недавно обогатилась крупной работой о роли семьи в различных политических режимах в первой половине XX в. Вывод ее автора Пола Гинсборга в отношении фашистской Италии был следующим: он по-

казал, что фашизм «никогда не ставил семейную жизнь в центр своей политики и не определял точную модель семьи, которую хотел бы взять на вооружение». В результате случилось так, что и до 1922 г., и во время фашистской диктатуры, и после 1945 г. «господствующую модель семейной жизни в Италии предлагал именно католицизм» [39].

Фашизм, по Гинсборгу, «не мог игнорировать, но и не мог безоговорочно принять» церковную линию в отношении семьи. Политика итальянской диктатуры в отношении молодёжи, а также «высокоэффективная и изобретательная пропагандистская машина» привели к распространению её образа среди многих итальянских семей». И всё же по своему действительному эффекту фашистская политика не имела значительного влияния и не преуспела в «изменении существовавших долгое время верований, привычек и обычаев». «В конечном счёте, именно католицизм, а не фашизм, предопределял условия итальянской семейной политики в это время», – заключает Гинсбург [40].

Другой сферой, в которой существовала огромная пропасть между установками фашистского режима и реальностью, была демографическая политика. Режим, по определению, выступал как патриархальный, забыв о своих лозунгах раскрепощения женщин. Вместо него он провозгласил, что их основная общественная функция сводится к деторождению [41]. До 1945 г. итальянские женщины не имели избирательных прав. Однако модернизация видоизменила гендерные отношения, а ориентация режима на ведение военных действий побуждала преодолевать патриархальные установки семей даже молодым женщинам, которые, по словам американского историка Виктории де Грация, могли сами определять свою судьбу [42].

Рассмотрим и такую сторону фашистского режима, как однопартийность. После июня 1943 г. многие итальянцы заявляли о своем нежелании полностью идентифицировать себя с фашизмом. Но реальное ослабление влияния Национальной фашистской партии произошло еще раньше, в начале июня того года. Ее новый генеральный секретарь и старый фашист Карло Скорца докладывал о практически полном крахе партийных организаций [43]. В свою очередь, английский историк Пол Корнер доказал, что начало этого процесса можно было наблюдать в провинциях уже вскоре после провозглашения империи в мае 1936 г. По мнению Корнера, в Италии, несмотря на риторику режима Муссолини, сохранялся другой важный феномен итальянской истории – регионализм. Он пишет: «Динамичное наступление тоталитаризма потерпело неудачу из-за слабости, апатии и пассивности

народа, а позднее – из-за полного неприятия его массами вследствие бездействия местных партийных организаций. Это был провал партии, которая не сумела создать по-настоящему народный институт, способный объединить итальянское общество и руководить им. В результате все это оказалось фатальным для фашизма. Национальная фашистская партия была национальной только по названию, а по своей сути оставалась провинциальной. По существу, в рамках фашистского государства в борьбе центра и периферии выиграла периферия с катастрофическими последствиями для режима в целом» [44].

В заключение отметим, что при исследовании итальянского фашизма историк сталкивается с проблемой: «является ли стакан наполовину пустым или наполовину полным». Доминирующие тоталитарная и «культуралистская» теории, отстаиваемые школой Эмилио Джентиле и его сторонниками, исходят из того, что диктатура стремилась к особому рода революции в сознании итальянцев, стремясь побудить массы к новому восприятию мира. С позиции тоталитаризма, единственное, что имело и имеет значение при изучении фашистской Италии, – так это его особый, собственный фашизм. Можно, конечно, признавать, что фашистские лозунги были яркими и запоминающимися. Однако при сопоставлении пропаганды с реальной жизнью населения на первый план выступают сложности и противоречия. Изучение общественной жизни Италии при Муссолини приводит нас к выводу, что доминировал в стране не фашизм, а традиционный итальянский менталитет. Что же касается провозглашённого дуче тоталитарного режима, то его ограничения столь же зримы, как и его так называемые свершения.

Примечания:

1. Gentile, E. The Sacralization of Politics in Fascist Italy. – Cambridge, Massachusetts, 1996.
2. См.: Fukuyama, F. The End of History and the Last Man. – London, 1992.
3. О моем собственном «антикультуралистском» подходе к тому, каким образом историческая наука, изучая фашистскую Италию, была подвержена этим тенденциям, см.: Bosworth, R.J.B. The Italian Dictatorship: Problems and Perspectives in the Interpretation of Mussolini and Fascism. – London, 1998. Также см. более современные работы: The Oxford Handbook of Fascism / Ed. by R.J.B. Bosworth. – Oxford, 2009 и Totalitarian Dictatorship: New Histories. Essays in Honour of R.J.B. Bosworth / Eds. by D. Baratieri, M. Edele, M. and G. Finaldi. – London, 2014.
4. Среди прочих работ см., например: Roberts, D.D. The Totalitarian Experiment in Twentieth-century Europe: Understanding the Poverty of Great Politics. – New York, 2006.
5. См.: Gentile, E. Fascismo di pietra. – Bari, 2007. Ср., однако, мои собственные подсчёты: Bosworth, R.J.B. Whispering City: Rome and its Histories. – London, 2012.
6. Например, см.: Bernhard, P. Behind the Battle Lines: Italian Atrocities and the Persecution of Arabs, Berbers, and Jews in North Africa during World War II // Holocaust and Genocide Studies. – 2012. – Vol. 26.
7. См. из наиболее новых работ: Livingston, M.A. The Fascists and the Jews of Italy: Mussolini's Race Laws, 1938–1943. – Cambridge, 2014.
8. Например, см.: Rodogno, D. Fascism's European Empire: Italian Occupation during the Second World War. – Cambridge, 2006.
9. См., например: Pinkus, K. Bodily Regimes: Italian Advertising under Fascism. – Minneapolis, 1995.
10. Falasca-Zamponi, S. Fascist Spectacle: The Aesthetics of Power in Mussolini's Italy. – Berkeley, 1997.
11. Ebner, M.R. Ordinary Violence in Mussolini's Italy. – Cambridge, 2011. – P. 3; 7-8.
12. Ibid. – P. 16-17.
13. Разбор этой темы см. в книгах: Franzinelli, M. I tentacoli dell'Ovra: agenti, collaborator e vittime della polizia politica fascista. – Turin' Bollati Boringhieri, 1999; Canali, M. Le spie del regime. – Bologna, 2004.
14. См. популярную биографию дуче: Carafoli, D.; Bocchini Padiglione, G. Il Vice Duce: Arturo Bocchini, capo della polizia fascista. – Milan, 2003.
15. См.: American Historical Review. – 2013. – Jan.
16. В качестве примера классического описания см.: Levi, C. Christ Stopped at Eboli: The Story of a Year. – New York, 1980.
17. Данный мною «портрет» режима в связи с этой проблемой см. в кн.: Bosworth, R.J.B. Mussolini's Italy: Life under the Dictatorship. – London, 2006.
18. Millan, M. Squadristo e squadristi nella dittatura fascista. – Rome, 2014.
19. О чрезмерном кровопролитии см.: Schlemmer, T. Invasori, non vittime: la campagna italiana di Russia, 1941–1943. – Rome, 2009; Ср. более новую публикацию Нито Ревели на английском языке по устной истории крестьянства в составе итальянских войск: Revelli, N. Mussolini's Death March: Eyewitness Accounts of Italian Soldiers on the Eastern Front. – Kansas, 2013.
20. Подобный вариант трактовки (к сожалению, до сих пор незавершённый), при котором сравнивались фашистская Италия и нацистская Германия, см. в работе: Knox, M. To the Threshold of Power, 1922/33: Origins and Dynamics of the Fascist and National Socialist Dictatorships. – Vol. 1. – Cambridge, 2007.
21. Наиболее последовательная аргументация подобного утверждения – в кн.: Fabre, G. Mussolini razzista: dal socialismo al fascismo: la formazione di un antisemita. – Milan, 2005.

22. Блестящий пример краткого обзора этой темы: *Sullam, S.L.* I carnefici italiani: scene dal genocidio degli ebrei, 1943–1945. – Milan, 2015.
23. *Petacci, C.* Mussolini segreto: diari 1932–1938 / Ed. by M. Suttora. – Milan, 2009. – P. 93–95.
24. Ibid. – P. 196–197.
25. *Petacci, C.* Verso il disastro: Mussolini in guerra. Diari 1939–1940 / Ed. by M. Franzinelli. – Milan, 2011. – P. 122.
26. Ibid. – P. 79–80.
27. Непредвзятое описание см.: *Rosselli, A.* Italy and Albania: Financial Relations in the Fascist Period. – London, 2006.
28. *Bosworth, R.J.B.* Mussolini (rev. ed.). – London, 2010. – P. 249.
29. Мною было введено в употребление такое «структуралистское» понимание либеральной Италии, которое может быть применено к фашистскому периоду, в работе: *Bosworth, R.J.B.* Italy, the Least of the Great Powers: Italian Foreign Policy before the First World War. – Cambridge, 1979; издание в мягком переплёте – 2005 г.; ср. мою книгу: *Bosworth, R.J.B.* Italy and the Wider World, 1860–1960. – London, 1996.
30. *Petacci, C.* Verso il disastro ... – P. 339.
31. Объёмный обзор историографии Второй мировой войны на английском языке, в котором Италии, впрочем, отведена крайне незначительная роль: *The Cambridge History of the Second World War* / Ed. by E. Mawdsley / 3 vols. – Cambridge, 2015.
32. Типично упрощённый и односторонний рассказ в духе Джентиле о деятельности фашизма в городских предместьях см.: *Staderini, A.* Fascisti a Roma: il partito nazionale fascista nella capitale (1921–1943). – Rome, 2014.
33. См.: *Bosworth, R.J.B.* Mussolini's Italy ... – P. 259.
34. *Pollard, Jh.* The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914–1958. – Cambridge, 2014. – P. 158.
35. Центральный государственный архив в Риме, бумаги Петаччи, недатированное письмо [июнь-июль 1944 г.]. Также ср. с этой публикацией: *Mussolini, B.* A Clara: tutte le lettere a Clara Petacci 1943–1945 / Ed. by L. Montevercchi. – Milan, 2011. – P. 120–121.
36. Об условиях формирования её места в католической иерархии к началу XX в. см.: *Scaraffia, L.* La santa degli impossibili: vicende e significati della devozione a S. Rita. – Turin, 1990.
37. На эту тему см. мою готовящуюся к печати (и процитированную выше) публикацию: *Bosworth, R.J.B.* Mussolini's Last Lover ...
38. *Petacci, M.* Chi ama è perduto: mia sorella Claretta / Ed. S. Corvaja. – Gardolo di Trento, 1988. – P. 9.
39. *Ginsborg, P.* Family Politics: Domestic Life, Devastation and Survival, 1900–1950. – New Haven, 2014. – P. 167; 171.
40. Ibid. – P. 171; 193; 222–224.
41. В качестве примера замечательного повествования на английском языке см.: *Ipsen, C.* Dictating Demography: The Problem of Population in Fascist Italy. – Cambridge, 1996.
42. *De Grazia, V.* How Fascism Ruled Women: Italy, 1922–1945. – Berkeley, 1992.
43. См.: *Bosworth, R.J.B.* Mussolini's Italy ... – P. 492–493.
44. *Corner, P.* The Fascist Party and Popular Opinion in Mussolini's Italy. – Oxford, 2012. – P. 288. Также ср.: *Popular Opinion in Totalitarian regimes: Fascism, Nazism, Communism* / Ed. by P. Corner. – Oxford, 2009.

УДК 930:94(430).085
ББК ТЗ(4Гем)6

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА В НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Терехов Олег Эдуардович,
доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории и социально-
политических наук Кемеровского
государственного университета
(г. Кемерово, Россия)
terehov1968@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются трактовки в историографии проблемы соотношения традиционализма и правого радикализма в идеологии немецкой «консервативной революции».

Ключевые слова: «консервативная революция», национал-социализм, традиционализм, правый радикализм.

PROBLEM OF TRADITIONALISM AND THE RIGHT RADICALISM IN THE GERMAN «CONSERVATIVE REVOLUTION» IN THE HISTORIOGRAPHIC DISCOURSE

O.E. Terekhov, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. This article considers various historiographical interpretations relating to the ideological context of the German «conservative revolution», specifically, the extent to which it was influenced by traditional conservative thought, on the one hand, and right ideology on the other.

Key words: «Conservative Revolution», National Socialism, traditionalism, right radicalism.

Идеология немецкой «консервативной революции» в период Веймарской республики в Германии является одним из важнейших феноменов германского консерватизма прошедшего столетия. «Консервативная революция» попыталась возродить идеологические клише традиционного германского консерватизма в условиях его краха после Ноябрьской революции и поражения Германии в Первой мировой войне: национализм, мифотворчество, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации. Немецкий традиционализм выступал у идеологов «консервативной революции» в форме поиска «вечных ценностей» германской культуры и общества, особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идеи авторитарного и корпоративного

государства, бескомпромиссной борьбы против Веймарской республики. В этом отношении «консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера. Ее деятели стремились придать германскому консерватизму современный характер.

Интеллектуальный пазл между традиционализмом и правым радикализмом стал неким фирменным знаком и непримиримым противоречием многочисленных идеологических конструкций, которые создавали «консервативные революционеры». Сам пророк «консервативной революции» А. Мёллер ван ден Брук, четко понимая суть этого пазла, писал: «Суть природы, равно как и истории, заключается не в прогрессе, а в непрерывном продолжении, то есть традиции. Но даже традиция должна всегда восприниматься по-новому. Мы не

можем воспринимать традицию с реакционных позиций, путая происхождение и условия возникновения» [6, с. 303]. Ему вторил другой духовный лидер «консервативной революции» Эрнст Юнгер: «Слово «традиция» приобрело для нас новый смысл, мы уже видим в нем не какую-то завершенную форму, а вечно живой дух, за дела которого отвечает каждое новое поколение» [11, с. 81].

Идеология «консервативной революции», с одной стороны, апеллировала к германскому духу и традиционным мировоззренческим, культурным, общественно-политическим ценностям. С другой – обладала ясным пониманием того, что в неизменном виде эти ценности не сохранить. По словам Джеффа Эли, «то, что консервативная революция желала «сохранить», было уже «утрачено» (если оно вообще существовало, в чем можно было сомневаться), и, следовательно, должно было быть воссоздано» [12, с. 31]. К этому, несомненно, стоит добавить воздействие интеллектуального тренда так называемого «реакционного модернизма», на котором были замешаны многие идеологемы «консервативной революции» [8, 9].

Сложный синтез традиционализма и радикализма в «консервативной революции», а также оригинальность многих ее идей обеспечили этому направлению германского консерватизма XX века важное место в интеллектуальной истории. Однако наличие праворадикальных тенденций в идеологии «консервативной революции» сделало ее своеобразной «вечной тенью» национал-социализма, ибо проблема взаимоотношения «консервативной революции» и национал-социализма является одной из ключевых для понимания истории радикального германского консерватизма первой половины XX столетия. «Консервативная революция» и национал-социализм стали логическим результатом эволюции идеологии и политической практики немецкого консерватизма от его традиционалистских, монархических и охранительных форм к радикально-экстремистскому состоянию. Большинство «консервативных революционеров» не желало своего отождествления с национал-социализмом, но история распорядилась иначе.

По словам Франка-Лотаря Кроля, проблема взаимоотношений «консервативной революции» и национал-социализма стала одной из самых актуальных проблем в поле научно-гуманитарного и политического дискурса послевоенной ФРГ [19, с. 103-104]. То же самое можно сказать и об изучении данной проблематики в интернациональной историографии немецкой «консервативной революции». В задачу данной статьи не входит подробное рассмотрение историографии проблемы традиционализма

и правого радикализма в идеологии историографии «консервативной революции» [10]. Автор ставит перед собой цель показать основные подходы и концепции в исследовании этой проблематики.

Основоположник изучения «консервативной революции», немецко-швейцарский историк и публицист, один из родоначальников послевоенных «новых правых» Армин Молер указывал на ее исторические корни, укорененные в европейской интеллектуальной и политической традиции. Известное определение «консервативной революции» Молера гласит: «Консервативная революция – это процесс, имеющий европейский характер, который еще не завершен, но начало которого следует относить к Великой Французской революции. «Консервативная революция» – это контрреволюция, направленная против идей Великой Французской революции и в целом XIX столетия» [21, с. 19]. А. Молер причислял «консервативную революцию» к «немецкому движению», которое в области философии противопоставила немецкий идеализм французскому рационализму и английскому эмпиризму, а в области политической мысли являлось немецким вариантом начавшегося общеевропейского процесса консервативного ренессанса.

Труд Молера проводил четкую разграничительную линию между идеологией «консервативной революции» и национал-социализмом. Одной из задач книги было снятие вины и ответственности с «консервативных революционеров» за идейную подготовку национал-социализма. Молер полагал, что у национал-социализма, несмотря на присутствие в его идеологии «консервативно-революционных» элементов, другая мировоззренческая и политическая основа. Он называл «консервативных революционеров» троцкистами национал-социализма. Молер в своей трактовке «консервативной революции» придерживался консервативной точки зрения, в свете которой «консервативные революционеры» представляли как авангард защитников «истинного германства».

Однако либеральные исследователи феномена не разделяли благостных намерений автора «Консервативной революции в Германии». На рубеже 1950-х – 1960-х гг. американские исследователи Клеменс фон Клемперер и Фриц Штерн представили более жесткую критику основных идей «консервативной революции». Клемперер, хотя и соглашался с Молером по вопросу специфики идеологии «консервативной революции» и ее отличия от германского консерватизма кайзеровской эпохи, но констатировал, что она возникла в Веймарской Германии на волне дальнейшей радикализации немецкого консерватизма, которая придала ему экстремистские формы. Вторым направлением ради-

кального консерватизма в Веймарской республике стал, по мнению Клемперера, национал-социализм. Несмотря на различия во взглядах между «консервативными революционерами» и национал-социалистами, они никогда не вступали друг с другом в открытый конфликт. Для неоконсерваторов, как определял Клемперер «консервативных революционеров», национал-социалисты всегда были противниками, находящимися с ними на одном идеологическом поле [17, s. 210].

Штерн считал «консервативную революцию» проявлением реакционных и антимодернистских тенденций. Оценивая ее роль в истории, Штерн писал: «Выражение консервативная революция» в том смысле, в каком оно употребляется в этой книге, означает идеологическую атаку на модерн, на целый комплекс идей и учреждений, в которых осуществляется наша либеральная, светская индустриальная цивилизация» [27, s. 7]. Рассматривая идеологию «консервативной революции», Штерн выявляет идейные параллели между «фёлькише» – «консервативными революционерами» и национал-социалистами. Сторонники «консервативной революции», несмотря на некоторые опасения в связи с демагогией Гитлера, «видели в поддержке фюрера единственную возможность достижения своих целей» [27, s. 349].

Видный послевоенный германский политолог Курт Зонтхаймер в своей известной работе 1962 года «Антидемократическая мысль в Веймарской республике. Политические идеи немецкого национализма в 1918 – 1933 гг.» [26] углубил критический тон, проявляемый американскими исследователями при рассмотрении идейной сущности «консервативной революции» и ее отношения к национал-социализму. «Консервативная революция» была, по мнению Зонтхаймера, направлена против либерально-демократических ценностей Запада. «Эта революция – радикальная революция, она говорила решительное нет либерально-демократической эпохе», – констатировал Зонтхаймер [26, s. 120]. Ее функции заключались не только в том, чтобы интеллектуально подготовить национал-социалистическую революцию, но и в том, чтобы лишить демократическую республику духовной поддержки. Зонтхаймер указывал на тождество идейных установок нацизма и «консервативной революции» и характеризовал «консервативных революционеров» как «бессознательных предшественников национал-социализма в Германии» [26, s. 288].

В конце 1960-х годов оригинальную трактовку «консервативной революции» предложила Хайде Герстенбергер. Суть концепции Герстенбергер выражал тезис об идеологии «консервативной революции» как

выразительнице взглядов и настроений представителей «старого» среднего класса Германии, в первую очередь так называемой «образованной буржуазии», или, как их называет Герстенбергер, «академиков», особого социального феномена немецкой истории второй половины XIX – первой трети XX веков. «Революционный консерватизм» принадлежал к традиции охранительных идеологий буржуазно-либерального характера. В проявлении феномена «революционно-консерватизма» она усматривает выражение либерально-реакционной идеологии, приверженцы которой мечтали вернуться в эпоху домонополистического капитализма [15, s. 145-146].

Для Герстенбергер принципиальной и ключевой проблемой, которая определяла место «революционного консерватизма» в немецком консерватизме времен Веймарской республики, является его отношение к националистическим течениям германского консерватизма – идеологии «фёлькише» и национал-социализма. Герстенбергер отмечает идейную связь в русле консервативно-романтической традиции между этими радикальными идеологиями [15, s. 114]. Она считает, что идеологию «революционного консерватизма» следует относить к дофашистским идеологическим феноменам, несмотря на то, что идейно она шире, чем собственно фашизм [15, s. 11]. Обе идеологии интеллектуально подпитывали друг друга.

К концу 1960-х – началу 1970-х гг. либеральная трактовка феномена «консервативной революции», берущая свое начало в трудах Клемперера, Штерна и Зонтхаймера, приобрела господствующее влияние. В рамках этой трактовки «консервативная революция» определялась как реакционное идеологическое течение, отражающее самые негативные черты германского консерватизма и традиционализма, и которое занимает в ряду консервативных направлений Веймарской республики место идейной предтечи национал-социализма.

Подобный подход оставался доминирующим и в 1970-х гг. Характерны в этой связи взгляды крупнейшего французского исследователя «консервативной революции» Луи Дюпё, изложенные, прежде всего, в его докторской диссертации 1976 года. Дюпё определял «консервативную революцию» как идеологию «новых правых». Она явилась логическим продолжением идеалистической и националистической критики эпохи, распространенной среди немецких интеллектуалов в вильгельмовской Германии [14, s. 18]. В мировоззрении «консервативных революционеров» обнаруживаются черты универсальной европейской контрреволюции и специфически немецкого образа мысли. По мнению Дюпё, идеологи «консервативной революции» перенесли традиционный немецкий политический

романтизм на почву агрессивного антирационализма, который сознательно противопоставлял себя духовному наследию Просвещения. Политическим идеалом для «консервативных революционеров» стала идея «народного сообщества», которое понималось как государственный организм – сословный, но основанный на принципах солидарности.

В своих дальнейших работах Дюпё не изменил своей критичной точки зрения на сущность «консервативной революции»: «Двусмысленное понятие «консервативная революция» оправдано только в том случае, если встать на точку зрения Мёллера ван ден Брука и позже Молера (*имеется в виду Армин Молер*. – Прим. авт.). В конечном итоге, обозначаемая им позиция представляла собой широкомасштабный поход радикальной реакции против всего того, что составлял проклятый Запад: против рационализма, либерализма, марксизма, «версальского мироустройства», веймарской «системы» и т. д.» [5, с. 181].

Необходимо также отметить, что либеральная концепция «консервативной революции» в своих основных подходах совпадала с левыми трактовками феномена «революционного консерватизма», которые были характерны для марксистской историографии. В числе основных черт «консервативной революции» марксистские авторы выделяли следующие: 1) политическую реакционность; 2) антидемократическую направленность; 3) национализм; 4) антикоммунизм и псевдосоциалистическую фразеологию; 5) политический экстремизм. Раскрывая феномен «революционного консерватизма», марксистские исследователи всегда делали акцент на его протофашистской составляющей [3, 4, 1, 2, 7, 23].

Была ли справедлива оценка идеологических и политических основ «консервативной революции», данная в работах марксистских гуманитариев? И да, и нет. На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Во-первых, она сводила предпосылки появления идеологии «консервативной революции» к общему кризису буржуазной идеологии в эпоху империализма, не учитывая кризиса национального сознания в Веймарской республике. Во-вторых, изучение теоретического наследия идеологов «консервативной революции» было направлено на выявление его фашистской (протофашистской) составляющей, которая, однако, была только одним из элементов ее мировоззренческого каркаса. В-третьих, марксистские авторы не принимали во внимание антикапиталистические лозунги «консервативных революционеров», которые во многом были искренни. В-четвертых, в марксистской литературе не проводилась граница между авторитарными политическими установками «консервативной революции» и тоталитарными взглядами нацистов.

Иными словами, несмотря на явно выраженные тенденции политического экстремизма и радикализма, феномен «консервативной революции» был гораздо сложнее, чем он представлялся марксистским гуманитариям.

Именно на эту сложность и неоднозначность феномена стали обращать внимание исследователи, начиная с 1980-х гг. Речь прежде всего идет о трудах американского историка Джеффри Хэрфа и греческого политолога Панаётиса Кондилиса [16, 18], которые попытались изменить представление о западном консерватизме. Хэрф вводит понятие (концепцию) «реакционного модернизма», которое применяет для исследования праворадикальных идеологических и политических течений в Германии. В основе этой концепции лежит мысль о наличии в идеологии немецких правых наряду с апологетикой традиционалистских, романтических представлений о государстве, обществе, культуре и так далее, увлечение современными технологиями в широком смысле этого слова. Это создает, по его мнению, жесткую дихотомию и напряженность между модерном и антимодерном, рационализмом и иррационализмом, традицией и современностью. «Они объединили политическую реакцию с техническим прогрессом» [16, s. 1-2]. Такая гремучая идейная смесь была истинно немецкой и могла достичь своего логического завершения только в Германии, чему способствовало множество факторов, сформировавшихся в германской культуре и политике в межвоенный период.

Кондилис в своей работе по истории европейского консерватизма использовал историко-социологический подход к исследованию консерватизма. Он определял консерватизм не как историческое или антропологическое явление, а как «конкретное социологическое и историческое явление, связанное с определенным временем и местом» [18, s. 11]. Он утверждал, что консерватизм как феномен ушел в историю вместе с исчезновением с идеологической и политической сцены аристократии. «Консерватизм как конкретно-историческое явление с сопутствующей ему идеологией давно мертв и похоронен» [18, s. 507]. Идеино-политические феномены, которые мы называем консерватизмом применительно к правым течениям конца XIX – XX веков, имеют с ним мало общего и являются выражением ортодоксального либерализма или буржуазной реакции. «Консервативная революция» была не более чем реакцией буржуазии на послевоенный кризис и его последствия в Германии.

Кондилис отмечает фрагментарность идеологии «консервативной революции», которая, по его мнению, не была целостной. Ее характерной чертой

являлось то, что важнейшие вопросы трактовались не столько на теоретическом уровне, сколько в публицистической и литературной манере. Он обозначает следующие признаки различия «консервативной революции» и классического консерватизма: 1) ориентация «консервативных революционеров» на узко национальную проблематику, что противоречит поискам классического консерватизма основ универсального и божественно санкционированного порядка; 2) «фёлькишеская» ориентация национальной мысли «консервативных революционеров» была продуктом распада классического консерватизма, который иначе понимал и представлял национально организованное и иерархически унифицированное общество; 3) ориентация «консервативной революции» на современность и будущее, тогда как классический консерватизм был целиком обращен в прошлое, в «золотой век» аристократии [18, s. 475-477].

В 1989 г. вышло обобщающее исследование известного политолога Курта Ленка по истории немецкого консерватизма. Третья часть книги, где Ленк рассматривает консерватизм в Веймарской республике, целиком посвящена «консервативной революции». Тем самым он изначально признал её репрезентативность как основного направления немецкого консерватизма. «Консервативная революция хотела соединить национализм и «немецкий социализм» в новом синтезе», – характеризует он главную идею «революционного консерватизма» [20, s. 109].

Ленк приходит к выводу, что радикализация консерватизма в Веймарской республике была связана с возрастающим напряжением между духовными (от себя добавим – и политическими) поисками консерваторов и новыми явлениями жизни. «Консервативная революция отражала всеобщие тенденции, которые следует считать типическими для эпохи между двумя мировыми войнами», – пишет он по этому поводу [20, s. 111]. Поэтому она, унаследовав определённые черты предшествующего этапа развития немецкого консерватизма, являлась некой его новой радикальной формой.

Исследования «консервативной революции» на рубеже XX–XXI вв. продолжили тенденции, намеченные в 1980-х гг., что способствовало созданию ее более объемной картины. В трудах немецких историков, социологов и политологов: Штефана Бройера, Рольфа Петера Зиферле, британского историка-германиста Томаса Рокрэмера, одного из ведущих идеологов современных «новых правых» в Германии, историка и политолога Карлнхойста Вайсмманна – формируется современный интеллектуальный дискурс, повлиявший на образ и восприятие «консервативной революции». Отныне она рассматривается как сложный идейный феномен, вобравший в себя

различные традиции, как идеологическое направление, в котором проявились традиционалистские и модернистские черты, и как явление, которое не поддается однозначной оценке.

«Возмутителем спокойствия» стал Бройер. Его представления о «консервативной революции» нашли выражение в знаменитой работе 1993 года «Анатомия консервативной революции» [13], в которой он бросил вызов Армину Молеру, отвергнув его концепцию «консервативной революции». Возникновение идеологии «консервативной революции» стало возможно, согласно Бройеру, в результате острого кризиса «буржуазного сознания» и процесса модернизации в Германии в ходе Первой мировой войны. Не меньшее значение для ее появления имело психологическое и ментальное единство ее деятелей, принадлежащих в своем большинстве к одному поколению образованных юношей из буржуазных семей. Крах прежнего мира, отступление немецкой культуры перед натиском западной цивилизации, острое переживание неустойчивости модерна – с одной стороны, активизм, авантюризм, воля к жизни и власти – с другой, были той гремучей смесью, в которой формировалась идеология «консервативной революции».

Бройер считает, что и само понятие «консервативная революция» не совсем удачно. Оно скорее запутывает рассматриваемый феномен, нежели проясняет его. У его представителей невозможно выделить общее мировоззренческое ядро, что исключает целостность и самого феномена. Он был проявлением «нового» национализма, к которому Бройер относит также и национал-социализм. Национализм, рожденного в недрах «массового общества», стремившегося разрушить узкоклассовые интересы «старого» консерватизма и рассматривающего нацию как единое целое. «Консервативная революция» была одним из проявлений кризиса «буржуазного сознания» в форме «нового» национализма. Проблема взаимоотношений «консервативной революции» и национал-социализма выступает у Бройера как проблема взаимовлияния двух «модернистских» течений в радикальном германском консерватизме.

Проблема выявления модернистских черт «консервативной революции» стала лейтмотивом исследования Зиферле [25]. «В центре нашего исследования находится отношение «консервативной революции» к модерну, в особенности – к технической цивилизации», – констатирует он [25, s. 25]. Истоки «консервативной революции» Зиферле усматривает в реакции части крайне правых на кризис либерализма и социализма конца XIX – начала XX веков. Возникновение правого радикализма стало, по его мнению, специфическим ответом на кризис либерализма и социализма.

«Консервативная революция» была специфическим ответом справа на проблему влияния технической цивилизации на традиционные ценности. Этот ответ основывался не на радикальной критике техники, а на попытке её революционного преодоления.

Зиферле полагает, что «консервативную революцию» и национал-социализм следует понимать в проблемном поле современности. Оба этих идеологических и политических направления радикального германского консерватизма были настолько современны, насколько было современно породившее их общество. Принципиальным различием между «консервативной революцией» и национал-социализмом было, по мнению Зиферле, их отношение к расовой теории. Подводя итог своим размышлениям, он высказывает также интересную идею, согласно которой «консервативная революция» и национал-социализм были направлениями не альтернативными модерну, а альтернативного модерна [25, s. 221].

Говоря о влиянии концепции модернизации на изучение «консервативной революции», нельзя не упомянуть и о работе известного английского германиста Томаса Рокрэмера «Другой модерн? Критика цивилизации, природа и техника в Германии 1880–1933» [24]. Рокрэммер предложил рассматривать антимодернистские тенденции в Германии конца XIX – первой трети XX вв. не в контексте проявления идеологии различных реакционных движений, а как естественную реакцию на кризис процесса модернизации. Он выстраивает свое исследование вокруг правых критиков цивилизации и модерна, которые признавали факт индустриализации и технизации современного мира и в рамках этого признания пытались предложить свое альтернативное понимание современности.

Рокрэммер полагает, что «консервативная революция» не была консервативной в общепринятом смысле этого слова, но ее следует считать все же консервативной в контексте тех идеалов, которые она проповедовала. Рокрэммер считает оправданным для более точного определения феномена «консервативной революции» использовать понятие «реакционный модерн», под которым он подразумевал представителей экстремистского крыла немецких правых – «консервативных революционеров» и национал-социалистов. «Реакционные модернисты» проповедовали идею другого модерна, противоположного буржуазно-либеральному пониманию прогресса. Они были реакционны в выражении своей антидемократической политической ориентации, но современны в желании использовать достижения цивилизации в своих целях.

В 2005 году вышло шестое переиздание книги А. Молера – это был фактически новый труд, сохра-

нивший лишь старое название [22]. По просьбе Молера один из ведущих идеологов «новых правых» в ФРГ, политолог и историк К. Вайсманн взялся за переработку «Консервативной революции в Германии». В результате его усилий, с одобрения Молера, который перед своей кончиной в 2003 году успел ознакомиться и одобрить вариант новой редакции книги, фактически получился новый текст.

Становление идеологии «консервативной революции» Вайсманн датирует 1918 годом, когда вышли первые программные сочинения ее представителей: первый том «Заката Европы» О. Шпенглера и «Размышления аполитичного» Т. Манна. Вайсманн полагает, что, несмотря на попытки «консервативных революционеров» занять идейную и политическую позицию между правыми и левыми, «консервативная революция», несомненно, принадлежит к правым политическим течениям. Но это был консерватизм иного рода, чем традиционный довоенный немецкий консерватизм. «Консервативные революционеры» не разделяли реставрационных и монархических устремлений. Они не желали идти в фарватере простой контрреволюции, а хотели выиграть саму революцию, взяв итоги Ноябрьской революции в свои руки под лозунгом свершения «национальной революции».

Большое место Вайсманн отводит анализу взаимоотношений «консервативной революции» и национал-социализма. Он отмечает, что «консервативные революционеры» и национал-социалисты в борьбе против Веймарской республики использовали одинаковые лозунги и клише: «либеральная система», «позорный мир», «национальный социализм». Идеинная близость могла бы привести оба движения к сотрудничеству. Однако этого не произошло. Вайсманн выделяет следующие причины несостоявшегося сотрудничества «консервативных революционеров» и национал-социалистов: 1) элитарность политического сознания «консервативных революционеров»; 2) их скептическое отношение к политическим партиям; 3) недоверие к А. Гитлеру; 4) принципиальные различия в отношении расового вопроса и антисемитизма.

Поэтому, несмотря на желание ряда ведущих идеологов «консервативной революции» использовать нацистскую партию для достижения своих целей, подлинного сотрудничества между двумя радикальными направлениями немецкого консерватизма в Веймарской республике не получилось. Вайсманн замечает, что идейные различия между «консервативной революцией» и национал-социализмом не остались незамеченными и самими нацистами, которые считали «революционных консерваторов» представителями «старой» политической реакции.

В историографии ФРГ изучение феномена немецкой «консервативной революции», по существу, началось в рамках концепции «преодоления прошлого». Молер, написав оправдательный панегирик «консервативным революционерам», сам того не желая, спровоцировал выявление западной гуманитарной мыслью реакционных черт «консервативной революции». В 1950-х – 1970-х гг. она трактовалась как одно из ультраконсервативных течений германской общественно-политической мысли в Веймарской республике, способствовавшее становлению идеологии национал-социализма. Ситуация начала меняться начиная с 1980-х и особенно с 1990-х гг., когда ряд исследователей стал рассматривать «консервативную революцию» в рамках общей тенденции развития немецкого и европейского консерватизма. На изучение идеологического и политического профиля «консервативной революции», проблемы ее взаимоотношений и национал-социализма оказала влияние дискуссия о модернистской сущности нацизма в рамках «спора историков», которая вновь поставила вопрос о наличии модернизаторского потенциала немецкого консерватизма и его радикальных направлений.

Примечания:

1. Бланк, А.С. Германский фашизм и западногерманский неонацизм 1919–1969 гг.: Материалы к спецкурсу: в 3-х ч. Ч. 1. (1919–1939). – Вологда, 1971. – 148 с.
2. Бланк, А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. – М., 1978. – 208 с.
3. Галкин, А.А. Германский фашизм. – 2 изд. – М., 1989. – 350 с.
4. Галкин, А.А.; Рахимир, П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. – М., 1987. – 192 с.
5. Дюпё, Л. Под знаком Версальского мира. «Восточная идеология» и «национал-большевизм» в Веймарской республике // Германия и русская революция 1917–1924. – М., 2004. – С. 176–204.
6. Мёллер ван ден Брук, А. Третья империя // А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх. – М., 2009. – С. 112–364.
7. Рахимир П.Ю. Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии // Ежегодник германской истории, 1972. – М., 1975. – С. 409–431.
8. Терехов, О.Э. Между традицией и модерном: идеология «консервативной революции» в интеллектуальном пространстве Веймарской Германии // Диалог со временем. – 2014. – № 47. – С. 151–163.
9. Терехов, О.Э. «Консервативная революция» как феномен правого модерна в Веймарской республике / Исторический журнал: научные исследования. – 2015. – № 3(27). – С. 364–370.
10. Терехов, О.Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. – Кемерово, 2011. – 192 с.
11. Юнгер, Э. Соединяйтесь! // Э. Юнгер. Националистическая революция. Политические статьи 1923 – 1933. – М.: Издательская группа «Скимень», 2008. – С. 81–87.
12. Эли, Д. Теории фашизма: проблемы интерпретации // Берег. 777. Сова. – 2014. – № 4(23). – С. 22–40.
13. Breuer, S. Anatomie der Konservativen Revolution. – Darmstadt, 1993. – 232 S.
14. Dupeux, L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919–1933: kommunistische Strategie und konservative Dynamik. – München, 1985. – 492 S.
15. Gerstenberger, H. Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. – Berlin, 1969. – 171 S.
16. Herf, J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. – Cambridge, 1984. – 251 p.
17. Klemperer, K. von. Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. – München, 1962. – 276 S.
18. Kondyles, P. Konservativismus. Geschichtlicher Gehalt und Untergang. – Stuttgart, 1986. – 553 S.
19. Kroll, F.L. Konservative Revolution und Nationalsozialismus: Aspekte und Perspektiven ihrer Erforschung // Stand und Probleme der Erforschung des Konservativismus / Hrsg. C. von Schrenck-Notz. – Berlin, 2000. – S. 103–118.
20. Lenk, K. Deutscher Konservatismus. – Frankfurt am Main, 1989. – 330 S.
21. Mohler, A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. – Stuttgart, 1950. – 287 S.
22. Mohler, A.; Weißmann, K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: ein Handbuch. 6, völlig überarb. und erw. Aufl. – Graz, 2005. – XXV, 643 S.
23. Petzold, J. Konservative Theoretiker den deutschen Faschismus. Jungkonservative Ideologen in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1978. – 285 S.
24. Rohkrämer, Th. Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880–1933. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 1999. – 404 S.
25. Sieferle, R.P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). – Frankfurt am Main, 1995. – 250 S.
26. Sontheimer, K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918–1933. 3. Aufl. – München, 1992. – 336 S.
27. Stern, F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. – Bern, Stuttgart, Wien, 1963. – XIII, 420 S.

УДК 94:327(430)«1933/1939»
ББК 633(4Гем)62-3

ГИТЛЕРОВСКАЯ «КОНСЕНСУСНАЯ ДИКТАТУРА» В 1933–1939 гг.

Роберт Геллатели, профессор
им. Эрла Рейя Бека департамента истории
Государственного университета Флориды
(США)
rgellately@fsu.edu

Перевод с английского А.С. Огановой

Аннотация. Гитлеровская диктатура обоснованно рассматривается как жесткая террористическая система, что особенно рельефно проявилось в годы Второй мировой войны, особенно в странах Восточной Европы. Однако ее особенность состояла и в том, что в 1933–1939 гг. Гитлеру и его окружению удалось выстроить систему власти, которую можно определить как «консенсусную диктатуру». Нуждаясь в общественной поддержке, нацистский лидер добился ее, восстановив экономику, установив то, что воспринималось многими как «закон и порядок», и создав «бесконфликтную народную общность». Дополнительную популярность Гитлеру принесли первоначальные внешнеполитические успехи. В результате, как это ни печально констатировать, большинство немецкого населения с энтузиазмом поддержало установленный им режим. Поэтому, по убеждению автора, опасность нацизма состоит не только в том, что он проявлял беспрецедентную жестокость, но и в том, что и в наше время даже в демократических странах есть немало граждан, симпатизирующих его идеям. Это придает дополнительную актуальность изучению проблемы отношений гитлеровского режима и германского общества.

Ключевые слова: Гитлер, диктатура, консенсус, «закон и порядок», безработица, террор.

CONSTRUCTING HITLER'S «CONSENSUS DICTATORSHIP», 1933–1939

Robert Gellately, Earl Ray Beck Professor,
Department of History, Florida State University,
United States of America

Abstract. We are used to focusing on Hitler's dictatorship in terms of its murderous terror system, as demonstrated especially during the Second World War and in Eastern Europe. Yet one of the salient features of his dictatorship is that between 1933 and 1939, Hitler and those around him constructed a hybrid regime I term a «consensus dictatorship». The dictator wanted popular support and gained it by restoring the economy, introducing repressive «law and order» policies and violence against people already feared and despised, and taking steps to create a conflict-free and racially pure «community of the people». Until June 1940, easy foreign policy successes added to Hitler's luster so that, as this article shows, the regime transformed many members of the nation into enthusiastic followers. As a result, most of the German population enthusiastically supported the new regime. Therefore, as this article argues, the Nazi danger was represented not only in the fact that it showed unprecedented cruelty, but also that even in our time, in democratic countries, there are many people sympathetic to such ideas. This gives added urgency to studying the problem of the relations of the Hitler regime and German society.

Key words: Hitler, dictatorship, consensus, supporters, «law and order», unemployment, terror.

Обращаясь к событиям 30 января 1933 г., Адольф Гитлер и его сподвижники обычно характеризовали их как «захват власти». В действительности происходило нечто иное. Президент тогдашней Германии Гинденбург просто поручил лидеру НДСАП А. Гитлеру сформировать новое правительство. Это открыло для него и для руководимых им национал-социалистов формальную возможность монополизировать власть, осуществив операцию под наименованием «*Гляйхшальтунг*»*, в результате которой были ликвидированы все ненацистские политические партии и «нацизированные» другие общественные организации.

Сделав Гитлера канцлером, президент, по его представлению, назначил на март новые выборы. 28 февраля им был подписан декрет, который, используя смятение, вызванное провокацией с поджогом здания рейхстага, приостановил применение гражданских и юридических прав. Тем самым была создана «правовая основа» для создания секретной полиции (гестапо) и формирования концентрационных лагерей.

С самого начала нацисты прибегали к террору. В 1933 г. в концлагеря было заключено около ста тысяч граждан. В этом же году, по нашим подсчетам, было убито около 600 человек. Но на первых порах этот террор был обрушен, главным образом, на политически активное меньшинство заведомых или потенциальных оппонентов. К более массовым преследованиям нацисты тогда не прибегали. Но это вовсе не потому, что они избегали «излишней жестокости». Просто в ней отсутствовала необходимость. Большинство немецких граждан приняло приход нацистов к власти либо с безразличием, либо с нескрываемым восторгом.

При этом, стремясь еще больше укрепить свои позиции, Гитлер и его окружение сочли необходимым немедленно инсценировать «правовую революцию». Она была призвана убедить население в том, что новая власть при всей ее радикальности, нагло попирая конституцию, вроде бы не намерена полностью игнорировать основы законности и правовую атрибутику [1].

Гитлер был намерен скомпоновать своеобразную систему, в которой были бы переплетены принуждение и популизм. В результате возник гибридный режим, который я бы назвал «консенсусной диктатурой» [2].

Придя к власти, новый канцлер громогласно заявил о своем намерении ликвидировать безработицу и создать «народную общность». Эта установка нашла широкую поддержку немецкого населения. Однако действительные намерения диктатора были иными. Они определялись его амбициями

внешнеполитического плана. 3 февраля 1933 г., всего через несколько дней после вступления в должность, Гитлер, выступая на секретном ужине у главнокомандующего рейхсвером генерала Курта фон Хаммерштейна-Экворда, признав, что пока еще сложно определить способы излечения экономики, приоткрыл свои действительные планы. В качестве одной из ближайших целей он назвал завоевание и «безжалостное онемечивание» «нового жизненного пространства на Востоке». Для этого, говорил он, необходимо воссоздать армию, реализовать соответствующие военные проекты и свести на нет влияние на молодежь «яда пацифизма, марксизма и большевизма». Одновременно им были изложены идеи создания «компактного авторитарного государства» и уничтожения «рака демократизма» [3].

Приветствовавшие новый режим граждане не имели представления об этих тайных замыслах и вряд ли понимали, что восстановление экономики Германии будет основано на безудержных военных расходах. Но произошло это именно так. В 1933 г. расходы на военные нужды составляли лишь 2% бюджетных затрат, а в 1939 г. – до 25%. Численность армии увеличилась за этот период со 100 тыс. до 3 млн 706 тыс. чел. и продолжала расти. В октябре 1939 г. общие силы вермахта составили 4 млн 556 тыс. солдат и офицеров. Беспрецедентные военные расходы и увеличение численности армии, большие, чем в любой другой стране, убедительно свидетельствовали о захватнических планах [4].

Исследователи нацистского режима обычно делают основной упор на изучении свойственном ему насилия или на отношениях Гитлера с генералитетом и промышленниками. Для этого есть свои основания. Тем не менее, нельзя не констатировать отсутствие у них должного внимания специфике созданной нацистами управленческой системы, при которой большинство населения продолжало терпимо или даже позитивно относиться к установленному ими режиму.

Попытаемся заполнить эту лакуну.

Начнем анализ с констатации того, что большинство населения Германии с удовлетворением восприняло прекращение эксперимента с Веймарской республикой, который рассматривался как

* Гляйхшальтунг (нем. Gleichschaltung) – подключение, включение. Термин, использованный национал-социалистами для обозначения контроля над общественными и политическими процессами. На практике означал насильственное присоединение к системе нацистской идеологии, политике и административному управлению. Придуман и внедрен нацистским рейхсминистром юстиции Францем Гюртнером и впервые употреблен 31 марта 1933 г. в названии закона, лишавшего земли прав членов федерации. – *Прим. ред.*

бесспорный провал, усугубленный социально-политическим кризисом и потрясениями великой депрессии, начавшейся в 1929 г. К 1932 г. официальная безработица составила 6 млн чел. Более 2 млн чел., потерявших работу, по различным причинам не прошли регистрацию. Это означало, что в стране оказались без зарплаты около 40% взрослых работоспособных мужчин. Ситуация дополнительно обострялась тем, что государство сократило, а в ряде случаев и отменило, социальные пособия и страховку по безработице [5]. Воцарившиеся в стране растерянность и отчаяние непосредственно сказались на результатах парламентских выборов. В 1930 и 1933 годах большинство избирателей поддержало антиреспубликанские партии, враждебные демократии [6].

Публичное насилие, приобретающее форму уличных боев, практикуемых военизированными отрядами различных политических партий, стимулировало серьезный перелом в гражданской культуре. О безнадежности, утвердившейся в обществе, свидетельствовал и заметный рост числа самоубийств. В 1932 г. оно было в четыре раза выше, чем в Великобритании, и вдвое выше, чем в США [7]. Страну затопила волна преступности. Стали все заметнее размываться ее культурные и моральные ценности. В результате в обществе стала зреть тоска по сильному диктатору, который бы «установил порядок», оздоровил экономику и возвратил Германии ее «законное место» в Европе.

Поддержку многих слоев германского общества нашло обещание Гитлера преодолеть классовые различия, не уничтожая при этом элиту и вообще обеспеченных людей, а улучшая положение рабочих и других малоимущих. Заманчивым казалось и провозглашенное им намерение избавиться от раздраемого конфликтами классового общества, создав вместо него «гармоничную народную общность».

Показательно, что на последних свободных выборах (11 марта 1933 г.) ни одной политической партии не удалось заручиться поддержкой большинства избирателей. Однако больше всего голосов получили нацисты. Их поддержало более 17 млн дееспособных граждан (43,9% проголосовавших). Правда, этот результат не мог быть расценен как полная победа нацистов. Однако они оказались тогда единственной партией, приемлемой для тех, кто не поддерживал ни марксистов, ни католиков. А они, увы, составляли большинство [8]. 23 марта рейхстагом голосами всех депутатов, за исключением социал-демократов и коммунистов, был одобрен так называемый Закон об особых полномочиях, превративший Гитлера в диктатора, обладающего правом принимать любые законодательные акты.

Известный историк, познавший происходившее на личном опыте, писал о сложившейся тогда всеобщей «готовности к консенсусу» [9]. Другой исследователь, также переживший эпоху захвата власти нацистами, свидетельствовал, что все прошло так гладко, что походило скорее на «реадаптацию» [10]. Голо Манн, сын прославленного писателя Томаса Манна, вспоминал: «Было чувство исторической правоты Гитлера, что заставило большую часть нации проигнорировать ужасы захвата власти нацистами [...] Люди были к этому готовы» [11].

Конечно, многие немцы видели в происходящем едва завуалированную попытку разрушения демократии и верховенства права. Для одних происходящее было отвратительным. Другие эмигрировали. Третьи просто отвернулись от власти. Тем не менее, значительно большее количество проявляло согласие с новым режимом.

Я не одинок, обращая внимание на относительно «ограниченный» характер насилия в 1933 г., безусловно ужасного для тех, кого оно так или иначе коснулось. Аналогичных взглядов придерживается и очень известный немецкий ученый Ганс-Ульрих Велер, решительно указывающий на то, что было бы ошибкой оценивать созданную Гитлером систему просто как террористический режим, при котором крошечная группка головорезов поработила немецкое общество. Согласно его наблюдениям подобный подход использовался длительное время для того, чтобы избежать необходимости дать должную оценку «широкому консенсусу» между Гитлером и «массами немцев» [12]. Между тем, новейшие исследования в отличие от прежних свидетельствуют, что «высокий уровень консенсуса» наблюдался даже в регионах, слывших до этого опорой католиков, социал-демократов и коммунистов [13]. В некоторых из них были и неконформисты, но они не составляли для режима никакой угрозы.

Самой большой проблемой для Гитлера была в 1933 г. не вооруженное сопротивление, не оппозиция, а безработица. Но Германия стала восстанавливаться быстрее, чем Великобритания или США. А это, бесспорно, расширило социальную поддержку Гитлера. Многие рабочие принимали участие в становлении «национал-социалистического сплочения» [14]. На них производило большое впечатление то, что новое руководство страны всерьез занялось нуждами рабочих. Они приветствовали то, что нацисты сохранили майский праздник, провозглашенный днем «национального труда», а также внедрили программы организованного отдыха, о которых немецкие рабочие ранее не могли и помыслить. Была начата подготовка к выпуску дешевого

«народного автомобиля», доступного простым людям. Не следует игнорировать и то, что на немецких рабочих, как и на большинство остальных граждан, производили глубокое впечатление первые внешне-политические успехи [15].

Противниками гитлеровского режима оставались прежде всего коммунисты. В этом они заметно превосходили социал-демократов [16]. За 12 лет Третьего рейха нацистской полицией было арестовано, задержано и допрошено около 150 тыс. членов КПП. Но жестокому насилию подвергались и другие сторонники левых взглядов.

Обычно считают, что Гитлер избавлялся от всех атрибутов демократической системы. Это, однако, не совсем точно. Некоторые из них он использовал в своих интересах. Так, 14 июля 1933 г. с его подачи в конституцию была внесена поправка, разрешавшая проведение плебисцитов и референдумов. Тем самым была как бы узаконена своеобразная версия «прямой демократии». И вскоре она была использована для имитации выражения народной воли.

12 ноября 1933 г. в связи с решением власти о выходе Германии из Лиги Наций населению была предоставлена возможность выразить согласие с этим шагом. Результат был вполне ожидаемым: 92,1% избирателей одобрили это решение.

После смерти президента Пауля фон Гинденбурга 2 августа 1934 г. режим «попросил у народа» согласия на совмещение постов президента и канцлера. Положительно ответили на поставленный вопрос 38 млн 394 тыс. 848 чел., что составило 89,93% от располагавших правом голоса.

13 января 1935 г. 90,73% избирателей поддержали реинтеграцию Саара в состав Германии. 29 марта 1936 г. в форме плебисцита были проведены выборы в рейхстаг. Они как бы придали легитимность уже осуществленной Гитлером милитаризации Рейнской области. За нее высказались 98,8% избирателей. 10 апреля 1938 г. режим организовал голосование по вопросу о присоединении к Германии Австрии. На этот раз результат был еще «чудесней»: 99,1% голосов «за».

Зачем была нужна эта имитация? Йозеф Геббельс, будучи министром пропаганды, в интервью, данном еще в 1933 г., откровенно признавал, что режим хотел продемонстрировать всему миру поддержку нацией законов, принятых режимом.

Были ли результаты этих и других плебисцитов подтасованы, проводились ли они в условиях террора? Историки обычно настаивают на этом. Но исследования последних лет рисуют несколько иную картину. Разумеется, было немало махинаций и иных злоупотреблений. Но нацистское руковод-

ство все еще стремилось тогда не «перегибать палку». Так, когда местные бонзы пытались принять явно незаконные меры, чтобы воспрепятствовать голосованию тех, кто вызывал подозрения, Берлин пресекал эти попытки, поскольку не хотел, чтобы иностранные наблюдатели подвергли сомнению результаты опроса.

В 1936 г. Гитлер со всей очевидностью выглядел в глазах большинства немцев «национальным кумиром». Этому в значительной степени способствовали первые успехи новой власти на путях восстановления экономики и наведения в стране «надлежащего порядка». Данное обстоятельство приходилось в полной мере признавать и тем, кто был безусловным врагом нацистов. Пребывавшие в подполье социал-демократы в своих сообщениях, направляемых находившемуся в эмиграции руководству, обычно писали о несогласии и противоречиях, определявших отношение людей к нацистскому режиму. Но вот 17 марта 1936 г. их наблюдатель, присутствовавший в Мюнхене на параде вооруженных сил, переименованных нацистами из рейхсвера в вермахт, был вынужден признать: да, «энтузиазм народа был огромным. Поднялся весь Мюнхен». И, как бы отвечая будущим историкам, считающим террор главной причиной единодушия немцев, проявленного во время и после плебисцита по Саару, добавлял: «Людей можно заставить петь, но их нельзя заставить петь с таким энтузиазмом».

Будучи свидетелем событий 1914 г., автор послания формулирует следующий вывод: «Тогдашнее объявление войны не произвело на меня такого впечатления, как реакция публики на появление Гитлера 17 марта». Фюрер «приобрел популярность», и «его любят многие немцы» [18].

Одним из утопических увлечений Гитлера было создание расово чистого общества. Еще в 1933 г. перед голосованием за Закон об особых полномочиях его правительство заявляло о намерении создать в будущем «действительно народную общность». При этом подчеркивалась необходимость «морального очищения государства» [19]. Далеко не все отдавали себе тогда отчет, что эта «утопия» для «расы господ» станет адом не только для народов стран, которые намеревалась покорить нацисты, но и для многих немцев [20]. Более того: предложенные «меры по очищению» во многом импонировали устойчивым предрассудкам немецких обывателей.

С чего же Гитлер и его клевреты собирались начать «работу» по созданию такого общества? Учтя настроения, укоренившиеся в значительной части общества, – с репрессий против представи-

телей тех групп, которых боялись или ненавидели многие немцы. Первой и самой очевидной целью были, как уже отмечалось, коммунисты. Те, кто рассматривал себя в качестве собственника, с восторгом приветствовали этот выбор.

Уже в марте 1933 г. властью была создана система концентрационных лагерей. И это приветствовали не только нацистская, но и, нередко, слышавшая солидной пресса. Ее позиции обычно обосновывались тем, что коммунистов, как и других «врагов народа», надлежит держать в лагерях до тех пор, «пока они не осознают своих ошибок». Положение в лагерях не скрывалось. Более того, полиция их систематически рекламировала и ставила в пример [21].

К концу 1933 г. число концентрационных лагерей несколько сократилось, однако с 1936 г. начало вновь быстро расти. Особенно много их стало в годы Второй мировой войны.

Как реагировали на все это люди? По-разному. Первоначально «добропорядочные граждане», устав от беззакония и уличных беспорядков, приветствовали то, что считали предотвращением коммунистической угрозы. Заключение в концлагерей рассматривались ими, главным образом, как изгой общества, асоциальные элементы: преступники-рецидивисты, насильники, хронические безработные, нищие, алкоголики, гомосексуалисты и т.д. Отсюда – широко распространившееся доверие официальным утверждениям, согласно которым концентрационные лагеря – это всего лишь исправительные институты [22]. Впоследствии взгляды на концентрационные лагеря стали постепенно меняться, но лишь у немногих.

Кампании против «изгоев общества» велись на фоне патологического антисемитизма и других форм расизма.

Принятый 14 июля 1933 г. «Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями» сделал возможной обязательную стерилизацию. Первоначально рассчитанный на людей с подорванным здоровьем и нарушенной психикой, он стал «моделью для практики, ориентированной на принципы евгеники» и попутно на расправу с инакомыслящими [23]. В соответствии с этой программой было стерилизовано, в основном принудительно, 200 тыс. женщин и 200 тыс. мужчин [24]. В ходе стерилизации, умерли (фактически были умерщвлены) почти 5 тыс. пациентов, в основном женщин [25].

Массовая стерилизация всячески пропагандировалась прессой. В предвоенные годы было проведено более 50 тыс. собраний, на которых обсуждались проблемы «расовой и генетической гигиены».

В школах в учебный план был введен соответствующий специальный предмет. Этой теме были посвящены бесчисленные статьи, брошюры, книги и даже кинофильмы [26].

Основная часть населения отнеслась к практике стерилизации, если не положительно, то по меньшей мере равнодушно. Не поступало протестов и от церкви, хотя часть католиков и питала некоторые сомнения. Быть может, их молчание было связано с тем, что католическим больницам было разрешено не принимать участия в программе стерилизации.

Кстати, для оценки настроений обывателей того времени весьма показательно, что с идеей стерилизации носились не только нацисты. Еще в годы Веймарской республики в роли сторонников евгеники выступали социал-демократы. В частности, они добивались, хотя и тщетно, принятия закона о стерилизации некоторых лиц, совершивших преступления.

Были тогда у этой позиции и другие сторонники [27]. В США в 1937 г. провели опрос, в ходе которого 66% участников высказались в пользу обязательной стерилизации рецидивистов [28].

Важной составной частью «очищения государства и общества» была объявлена и борьба с преступностью. Она, подобно стерилизации, тоже рассматривалась как способ сохранения и упрочения массовой поддержки населения.

Своего рода новаторами в этом деле выступали, главным образом, Генрих Гиммлер, ставший со временем шефом всех полицейских служб Германии, Курт Далюге, отвечавший за «полицию порядка», а также глава «криминальной полиции» Артур Небе. Одной из сформулированных ими главных целей было утверждение процедуры «превентивного заключения», которое согласно их декларациям должно было предотвратить преступления еще до того, как они совершались. Результатом их усилий стали прусский декрет от 13 ноября и федеральный закон от 24 ноября 1933 г.

Согласно названному декрету полиции предоставлялось право подвергнуть превентивному заключению любого из тех, кто прежде преднамеренно совершал преступление или проступок и провел в тюрьме, по крайней мере, шесть месяцев по трем разным причинам. Были также установлены квоты на «превентивные полицейские аресты» для каждого района, подобные тем, которыми уже располагало гестапо, преследуя политических оппонентов [29]. Вскоре полиция получила ничем не ограниченное право задерживать любых индивидов, если у нее были основания считать, что они имеют «криминальные наклонности» и могут угрожать безопасности в будущем [30].

После 1 января 1934 г. любой человек, считавшийся «опасным рецидивистом», мог оказаться в «превентивном заключении» даже после отбытия установленного судом полного срока. При этом общество ставилось в известность, что жизнь за решеткой будет «малоприятной» [31].

В нацистских верхах постоянно шла речь о преимуществах такого порядка, при котором любой гражданин, преступивший несколько раз закон, может быть отправлен в концлагерь на всю оставшуюся жизнь [32]. Сторонники подобных действий, пытаясь придать им приемлемый характер, обычно ссылались на высказывание Гитлера, согласно которому «урожденный преступник» будет и останется преступником. Вместе с тем множество людей с преступными наклонностями «могут стать ценными членами общества в результате соответствующего воспитания» [33]. На практике же со временем все большее число «нарушителей закона» и «лиц с отклоняющимся поведением» включалось в список отнесенных к категории «урожденных преступников».

Курт Далюге как-то поведал публике, что «превентивное заключение» поможет полиции в создании общества, «в котором любой расово чистый человек сможет гулять по улице вечером, находясь в полной безопасности». Полиция будет следить за тем, чтобы с ним ничего не случилось [34]. Аналогичные заверения давали и другие ответственные чины [35].

Впрочем, реальная ситуация в стране заметно отличалась от той, которую они рисовали.

К операции по «очищению» была активно подключена и судебная система. Законодательство, принятое в ноябре 1933 г., предоставило судам возможность выносить приговоры, предусматривавшие «превентивное заключение» и рекомендовать принудительную стерилизацию «преступников с опасной моралью». И она широко использовалась судами. В 1934 г. к «превентивному заключению» были приговорены 3 тыс. 723 «преступника-рецидивиста». До 1938 г. численность таких приговоров несколько снижалась, но затем опять начала расти [36]. В 1934–1939 гг. в порядке «превентивного наказания» были лишены свободы 26 тыс. 346 чел. [37]. Было также принято много решений с рекомендацией принудительной стерилизации.

Германский историк обоснованно напоминает, что «в Третьем рейхе существовала тенденция решать проблему преступности так же, как в случае с наследственными болезнями, а именно радикально, путем «нейтрализации», «устранения» или «уничтожения». Лица, обвиненные в преступлении, не рассматривались больше в качестве индивидов,

имевших право на юридическую защиту, а считались паразитами, против которых не имело смысла открывать судебный процесс. Их уже нейтрализовали, а, следовательно, практически уничтожили» [38].

Первоначально для евреев концентрационные лагеря вроде бы не предназначались. Антисемитизм использовался главным образом, чтобы заручиться поддержкой соответственно настроенных групп населения. На протяжении 1933 и 1934 гг. Гитлер в своих публичных выступлениях не затрагивал эту тему [39]. Однако действовал он с самого начала в духе своих конечных целей. Спустя неделю после голосования в рейхстаге за закон по особым полномочиям (23 марта 1933 г.) Гитлер изложил свои действительные намерения относительно евреев в частном разговоре с послом Италии Виктором Черутти. В нем он выразил уверенность в том, что и через 500 или 600 лет его имя «будет прославляться во всем мире, как имя человека, который раз и навсегда истребил глобальное зло – еврейство» [40].

1 апреля 1933 г., поддержав «инициативу» нацистских активистов, начавших повсеместное преследование евреев [41], он объявил, что начатый ими «антиеврейский бойкот» является «контрмерой» против «чудовищной пропаганды», распространяемой евреями за границей, и благословил его [42]. Впрочем вскоре осознав, что бойкот обернулся пропагандистским провалом, нацистские власти пошли на его отмену [43].

Зато был избран метод «юридической дискриминации». 17 апреля 1933 г. был принят законодательный акт, согласно которому евреи были включены в число лиц, изгоняемых с государственной службы. Названный в пропагандистских целях «Законом о восстановлении профессионального чиновничества» этот акт должен был создать у публики впечатление, что его цель – усмирить бюрократию [44]. В действительности его задачей было создание верного нацистам, предельно послушного аппарата физического и духовного насилия. Сфера его действия была предельно широкой. Она включала всех чиновников любого уровня, в том числе судей, полицию, профессоров университетов, учителей школ и т.д. Им было, в частности, предусмотрено всеобщее анкетирование, проверка которого открывала неограниченные возможности всеобщей слежки [45]. Вместе с тем, его немаловажным следствием было и то, что отныне антисемитизм был утвержден в качестве официальной государственной политики.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие в так называемых Нюрнбергских законах, принятых в сентябре 1935 г. [46]. Один из них – «Закон

об охране германской крови и германской чести» – запрещал новые браки между евреями и неевреями, исключал внебрачные связи между ними. Евреи не имели права нанимать в качестве домашней прислуги нееврейских женщин моложе 45 лет. Им также не разрешалось вывешивать флаги Германии.

Гитлер был склонен утвердить расширенную версию Нюрнбергских законов, запреты которых могли быть применены к «лицам смешанной расы» (т.е. к детям евреев и неевреев). Однако он столкнулся с неодобрительной реакцией некоторых представителей своего окружения, полагавших, что в этом случае законы могли бы применяться слишком огульно [47].

В конечном итоге «смешанные браки» было разрешено сохранить, но наряду с этим легко расторгать. По сути, «смешанные семьи» рассматривались как изгои [48].

Большинство граждан, судя по всему, не одобряло дискриминационных мер, направленных против евреев [49]. Тем не менее, насилие и произвол постоянно росли. Во всяком случае, находившиеся в подполье социал-демократы то и дело сообщали о местных погромах [50].

Начиная с 1935 г., преследование евреев постоянно возрастало. Однако их жестокость меркла на фоне погрома в ноябре 1938 г. Наблюдатели – социал-демократы, представившие обширный доклад о произошедшем, – завершали его трагической фразой: «По всей видимости, начинается заключительная стадия кампании по уничтожению немецких евреев» [51]. Однако основные действия по такому уничтожению состоялись несколько позже, когда Германия развязала войну против Советского Союза.

Аналогичная судьба была уготована и цыганам. Предубеждения по отношению к ним общества и враждебная политика государства брали начало еще задолго до 1933 г. Однако нацисты придали им дополнительный мощный импульс.

Причины этого не совсем ясны. Синти и Рома, как предпочитали называть себя цыгане, составляли незначительное меньшинство. В Германии в 1933 г., по оценке, их проживало всего 20 тыс. Германские чиновники официально подвергали цыган преследованиям скорее всего потому, что за ними прочно закрепилось стереотипное восприятие как чуждой расовой группы, склонной к преступной деятельности, не желающей или неспособной работать, отказывающейся вести оседлый образ жизни и таким образом представляющей проблему для общества. Местные и региональные чиновники, даже не принадлежавшие к нацистской партии, стремились использовать «новый порядок» для разрешения соб-

ственных «цыганских проблем». Начиная с 1933 г., судьи, социальные работники, различные администраторы, как и чины полиции делали все, чтобы загнать цыган в концентрационные лагеря [52].

Для «упорядочения» «цыганской проблемы» была создана «Центральная имперская штаб-квартира по борьбе с вредом, который наносят цыгане». С октября 1938 г. ею руководила криминальная полиция. Резиденция Центра размещалась в Берлине.

Точно не установлено, сколько цыган было отправлено в концентрационные лагеря в ходе различных кампаний на протяжении 1938 г., но отдельные свидетельства позволяют предположить, что полицией для их ареста были использованы любые зацепки [53].

Еще задолго до установления господства нацистов немецкая полиция и органы социального обеспечения активно обсуждали проблему вычленения и описания асоциальных личностей. К их числу предполагалось относить главным образом тех, кто не мог быть причислен к категории «добропорядочных граждан» и не нес ответственности перед обществом. Нацисты, обещавшие «очистить» от них Германию, предельно расширили это понятие, включив в него всех тех, чей образ жизни не соответствовал их идеалам или не гармонизировал с тем, что они считали «здравым народным чувством» [54, 55, 56]. Многие немцы думали тогда, что проводимая нацистами чистка, возможно, ограничит преступность, поскольку уничтожит среду, порождавшую отклонения от нормы.

Гиммлер был ярким сторонником массовых арестов. Не случайно их первоначальная волна обрушилась на страну вскоре после его назначения главой полиции Германии. В начале 1937 г. криминальная полиция подготовила списки «профессиональных преступников и рецидивистов». В составленных ею документах в очередной раз разъяснялось, что, несмотря на сокращение преступности, на воле все еще пребывают личности, чьи поступки свидетельствуют об их асоциальности и даже об оппозиции к государству [57].

Другим идеологическим оправданием арестов «бездельников» и прочих «асоциальных личностей» служила ссылка на то, что долг полиции, добиваясь очищения государства, окончательно разделаться со всеми преступниками. Более того: ей надлежит, наводя в стране должную дисциплину, наказывать любого, кто не соответствует образу трудолюбивого гражданина и преданного члена расовой общности [58]. Большое число арестов в 1938 г. объяснялось также экономическими соображениями, в частности тем, что Германия испытывала нехватку рабочей силы [59].

Накануне войны число «изгоев общества» в концлагерях значительно выросло. Так, в Бухенвальде к концу октября 1938 г. среди 10 тыс. 188 заключенных числилось 1 тыс. 007 «профессиональных преступников» и 4 тыс. 341 «асоциальный элемент». Их было больше тех, кого задержало и направило в концлагерь гестапо на основании так называемого «обеспечивающего ареста» (3 тыс. 982 чел.). Кстати, гестапо арестовывало и многих «преступников-рецидивистов», в том числе «асоциальных элементов». Поэтому маловероятно, что все попавшие в концлагерь по линии гестапо были политическими противниками нацистов в полном смысле этого слова [61]. В годы войны в концлагеря автоматически отправляли любых признанных полицией «бездельниками», особенно если у них была прежняя судимость [60].

В качестве примера можно сослаться на ситуацию в концентрационном лагере Заксенхаузен, расположенном к северу от Берлина. Число заключенных выросло в нем с июня 1938 по сентябрь 1939 гг. с 6 тыс. до приблизительно 9 тыс. чел. [62]. В конце 1938 г. их согласно подсчетам было 12 тыс. 921 чел., а в конце 1940 г. – 13 тыс. 354 чел. [63]. Цифры показывают, что более половины заключенных в этот период считались «асоциальными элементами». Тем не менее, насколько можно судить, их основу составляли политические оппоненты власти.

Расистский режим уделял большое внимание регулированию проблем секса [64, 65, 66, 67]. Гитлер, как и многие другие нацистские лидеры, всячески убеждал население в том, что существование гомосексуалистов несет в себе угрозу государству. Такое же мнение было тогда широко распространено и в обществе. Хотя лесбиянство, по мнению нацистов, также оскорбляло «здоровое народное чувство», систематической кампании против него не велось видимо потому, что режим не считал лесбийскую любовь серьезной «опасностью для выживания нации» [68].

Начиная с 1933 г., нацистская полиция стала особо старательно исполнять существовавшие с XIX в. законы, рассматривавшие гомосексуальность как уголовное преступление. В конце октября 1934 г. в штаб-квартире гестапо в Берлине был создан специальный отдел по координации действий против геев. 28 июня 1935 г. режим, соответственно, ужесточил и уголовный кодекс [69]. В 1936 г. Гиммлером был создан еще один «орган по очищению» от лиц с «недостойным поведением» – «Имперское центральное бюро по борьбе с гомосексуализмом и абортами», которому была, в частности, поручена регистрации всех известных полиции гомосексуалистов.

С 1933 г. число арестованных геев неизменно возрастало. В 1934 г. оно составляло 948 чел., в 1935 г. – 2 тыс. 106 чел., в 1936 г. – 5 тыс. 320 чел., в 1937 г. – 8 тыс. 271 чел., в 1938 г. – 8 тыс. 562 чел. Правда, в начале войны был объявлен ряд амнистий, в результате которых число арестованных сократилось до 7 тыс. 614 чел. в 1939 г. [70, 71]. Всего в концентрационные лагеря попало, по разным оценкам, от 5 до 15 тыс. геев. И смертность в их рядах была очень высокой [72, 73].

Британский историк, рассматривая процесс «очистки» нацистами общества от «нежелательных элементов», высказывает предположение, что «важной частью народного согласия с режимом было то, что он воплощал, хотя и в крайних формах, установки, характерные для большей части немецкого населения [74, 75]. Многие одобряли враждебность режима к «неудобным меньшинствам» – как к евреям, так и к цыганам, – были довольны нетерпимым отношением власти к лицам с «отклоняющим поведением», приветствовали поведение полиции, загонявшей их в концентрационные лагеря, приветствовали ее строгое отношение к «неуправляемой молодежи». «Режим поощрял ценности и предрассудки, распространенные среди значительной части населения, придав им официальный статус «гласа народа» [76].

Известный немецкий историк, рассматривая реакцию граждан на действия режима по созданию «народной общности», пишет: «Это было не только шумное одобрение, которым искусно манипулировали, прибегая к плебисцитам. Аплодисменты сопровождали террор и насилие. Сторонники режима поддерживали их с энтузиазмом и гордостью» [77].

Об этом же пишет в своей истории Третьего рейха Элисон Оуинг. Женщины, дававшие интервью, сообщает он, сохраняли поразительно позитивное отношение к нацистскому режиму. Они с теплотой вспоминали о восстановлении «закона и порядка», когда могли без страха гулять даже ночью. Взятые спустя более пятидесяти лет после краха Гитлера и его Третьего рейха эти интервью, ясно показывали, что идеология нацизма, включая антисемитизм, глубоко проникла в образ мыслей людей [78].

До войны террор в самой Германии обрушивался на «изгоев общества» непропорционально. Это проявлялось, как количественно (их было все же меньшинство), так и качественно [79]. Для остальных, «расово чистых» членов «народной общности» террор был в основном тем, что касалось «других». Таким образом, он был не случайным, а в значительной степени предсказуемым.

Не приходится сомневаться, что некоторых происходившее беспокоило. Возможно, большинство

предпочитало, чтобы «закон и порядок» соблюдались в стране строго, но без нарушения верховенства права. Тем не менее, лишь немногие «добропорядочные граждане» действительно хотели получить реальное представление о том, что происходило в тюрьмах и в других подобных «институтах».

Подведем некоторые итоги.

Выше уже шла речь о том, как укреплял свою власть режим. Во-первых, ему удалось ликвидировать безработицу. Но еще до этого он сумел добиться массовой поддержки населения, используя возможности, создаваемые проведением выборов и плебисцитов. Особое внимание было уделено политике по отношению к рабочему классу, главному политическому врагу режима. Во-вторых, со временем многие поверили обещаниям режима. Как вспоминал впоследствии один рабочий, внезапно «все стало казаться возможным». У публики складывалось впечатление, что новая власть начала выполнять заявленную повестку дня. Было удовлетворено пожелание «добропорядочных граждан», мечтавших о возвращении «закона и порядка». Состоялись успешное «вычисление», остракизм и даже уничтожение многих «изгоев общества». Оказалось, что «добропорядочные граждане» вполне открыты для восприятия призывов диктатуры.

Да, некоторые ненавидели нацизм и пострадали за свои убеждения. Было бы кощунством забывать, что в годы торжества диктатуры «закона и порядка» многие были лишены основных гражданских прав и обрекались быть заключенными на неопределенные сроки. В концентрационных лагерях, которые нацисты изображали центрами перевоспитания, узников избивали, морили голодом, доводили до смерти непосильной работой.

Вместе с тем для многих из тех, кто намеренно закрывал глаза на преступления режима и продолжал превозносить Гитлера как спасителя нации, экономическая ситуация постепенно улучшалась. Новый режим не только покончил с безработицей и серией беспорядков, но и начал одерживать внешне «бескровные» внешнеполитические успехи. Было немало и таких, кто искренне восторгался программой вооружения, убеждая себя в том, что ее реализация поможет Германии добиться «справедливого мира», по которому она займет «достойное место» в Европе.

В течение 1930-х годов британская и французская политика «умиротворения» Гитлера привела помимо их желания к тому, что в глазах немецкого народа фюрер нацистов стал выглядеть как «великий человек», дипломатический, политический и военный гений. Это в еще большей степени способствовало усилению в германском обществе своеобразной модели политического консенсуса.

Когда англичане и французы на встрече 1938 г. в Мюнхене позволили Гитлеру разделиться с Чехословакией, все отчеты, содержавшие итоги опросов общественного мнения в Германии, отражали возникшую в стране «новую волну облегчения, восхищения и благодарности». О том, что это пролог к войне, ее народ в целом тогда и не задумывался [80].

Легкие победы во внешней политике и народное признание во многом преобразили Гитлера. Он стал увереннее и напористее, начал проводить все более жестокую расовую политику и, сбросив маскировку, яростно набросился на евреев. С более радикальными требованиями он стал выступать в сфере внешней политики. В марте 1939 г., даже после того, как Англия и Франция, отказавшиеся, наконец, от попыток «умиротворения», гарантировали независимость Польши, он с нарастающей страстью продолжал свои кровавые игры.

К маю и июню 1940 г., после очередного успеха вооруженных сил гитлеровской Германии в Западной Европе, данные исследования немецкого общественного мнения вновь засвидетельствовали, что подавляющее большинство опрошенных немцев выражает глубокую благодарность «Всевышнему» за «самую славную и могучую победу всех времен и народов», и что это большинство, ликуя и восхищаясь, «вместе с тем “полно надежды на установление мира”» [81].

Находившиеся в подполье немецкие социал-демократы оценивали сложившуюся ситуацию иначе. Они утверждали, что их страна «движется ко Второй мировой войне, которая, насколько можно судить, будет в конечном итоге проиграна». Несмотря на то, что они явно недооценили уровень восхищения Гитлером и не могли себе представить масштабов катастрофы, которая произойдет в 1945 г., на этот раз их прогноз оказался безошибочным [82].

При всем этом, к великому сожалению, нельзя не констатировать, что на многих людей, живших в те годы в Германии, позитивное впечатление производили не только фестивали и обещания светлого будущего, но и продолжавшаяся безжалостная борьба нацистского режима с «изгоями общества». «Молчаливое большинство», в том числе интеллектуалы и представители образованной элиты, продолжало относиться к режиму с огромным энтузиазмом. Гитлер в полной мере отвечал желаниям тех, кто хотел видеть во главе страны сильного лидера, не похожего на слабых и нерешительных политиков времен Веймарской республики. Большинство немцев, включая бывших врагов нацистов, приветствовали решение фюрера разорвать Версальский договор. В июне-июле 1940 г., прибыв в Берлин после побед над традиционными врагами Герма-

нии – Францией и Британией, он выглядел самым влиятельным политическим лидером континента, величайшим деятелем в истории Германии [83].

Менее чем через год, в июне 1941 г., тщеславие Гитлера, поддержанное военными и ведущими промышленниками, привело его к нападению на СССР. К ноябрю этого года некоторые из его наиболее компетентных военачальников заявили ему, что вермахт не сможет выиграть войну с Советским Союзом и что единственный выход из тупиковой ситуации – искать политических решений.

Закат Третьего рейха, как показали дальнейшие события, начался у ворот Москвы. Однако народам Советского Союза пришлось заплатить тяжелейшую цену за сокрушение гитлеровского режима.

Сейчас вполне очевидно, что развязывание Второй мировой войны было закономерным итогом нацистского «эксперимента». Начав ее, органы «СС» и в немалой степени «вермахт», стали реализовывать геноцид и другие зверства, которые замыслил Гитлер еще с 1920 г. В полной мере это нацистское кредо стало очевидным после нападения на Советский Союз.

Тем не менее, как показывает в своем исследовании историк Ян Кершоу, даже в 1942 г. «народная поддержка Гитлера все еще оставалась массивной». Она сохранялась даже тогда, когда Служба безопасности (СД) вынужденно регистрировала возрастающую критику режима и усталость народа от затянувшейся войны. Недовольство стало вырываться наружу только после поражения немцев под Сталинградом. Именно тогда режим начал использовать массовый террор и внутри страны, стремясь растоптать ростки инакомыслия [84].

Примечания:

1. См.: *Bracher, K.D.* The German Dictatorship: The Origins, Structure, and Effects of National Socialism / trans. J. Steinberg. – Harmondsworth, 1973. – P. 243-252.
2. *Gellately, R.* Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany. – Oxford, 2001.
3. См.: *Vogelsang, Th.* Neue Dokumente zur Geschichte des Reichswehr 1930–1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 1954. – Jg. 2. – S. 434-436.
4. *Tooze, A.* The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. – London, 2006. – P. 659 and appendix A4.
5. *Bessel, R.* Germany from War to Dictatorship // German History Since 1800 / Ed. by M. Fulbrook. – London, 1997. – P. 235-257.
6. *Lepsius, M.R.* From Fragmented Party Democracy to Government by Emergency Decree and National Socialist Takeover: Germany // The Breakdown of Democratic Regimes / Eds. by J.J. Linz and A. Stepan. – Baltimore, 1978. – P. 34-79, 46-49.
7. *Peukert, D.* Die Weimarer Republik: Krisenjahre der Klassischen Moderne. – Frankfurt am Main, 1987. – S. 246; 271.
8. *Fritzsche, P.* Germans into Nazis. – Cambridge (Mass.), 1998. – P. 204.
9. См.: *Wehler, H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914–1949. – München, 2003. – S. 679, 734.
10. *Broszat, M.* The Hitler State. – New York, 1981. – P. 349.
11. *Mann, G.* Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. – Frankfurt am Main, 1967. – S. 811.
12. *Wehler, H.-U.* Op. cit. – S. 676.
13. *Schmiechen-Ackermann, D.* Nationalsozialismus und Arbeitermilieus: Der nationalsozialistische Angriffe auf die proletarischen Wohnquartiere und die Reaktion in den sozialistischen Vereinen. – Bonn, 1998. – S. 712.
14. *Mehring, H.* Widerstand und Emigration: Das NS-Regime und seine Gegner. – München, 1997. – S. 84. См. также: *Herbert, U.* Arbeit, Volkstum, Weltanschauung: Über Fremde und Deutsche im 20. Jahrhundert. – Frankfurt am Main, 1995. – S. 79-119.
15. *Lüdtk, A.* The Appeal of Exterminating 'Others': German Workers and the Limits of Resistance // Resistance against the Third Reich 1933–1990 / Eds. by M. Geyer and Jh.W. Boyer. – Chicago, 1994. – P. 53-74, 66-67.
16. Историки из бывшей Германской Демократической Республики заявляли, что из 300 000 членов КПП к 1933 г. около половины подвергались преследованию. Эти цифры приводятся *Mehring, H.* Widerstand und Emigration ... – S. 84.
17. *Falter, J.W.* Hitlers Wähler. – München, 1991. – S. 225.
18. См.: *Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934–1940.* – Nördlingen, 1980. – Vol. 2: March 1935. – S. 278-279. Далее цитируется как Sopade.
19. *Hitler Reden und Proklamationen 1932–1945* / Ed. by M. Domarus. – Leonberg, 1973. – Vol. 1. – S. 229-237, 232-233.
20. *Hamann, B.* Hitler's Vienna: A Dictator's Apprenticeship. – Oxford, 1999. – P. 78-85.
21. Примеры пропаганды по лагерям см.: *Gellately, R.* Backing Hitler ... – P. 51-69.
22. *Konzentrationslager für Berufsverbrecher* // Völkischer Beobachter. – 1933. – 26/27 Nov.
23. *Friedlander, H.* The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution. – Chapel Hill, 1995. – P. 23.
24. *Ibid.* – P. 27.
25. *Bock, G.* Zwangssterilisation im Nationalsozialismus: Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik. – Opladen, 1986. – S. 230-238.
26. *Makowski, C.C.* Eugenik, Sterilisationspolitik, 'Euthanasie' und Bevölkerungspolitik in der nationalsozialistischen Parteipresse. – Husum, 1996. – S. 151-152.

27. *Wetzell, R.F.* *Inventing the Criminal: A History of German Criminology 1880–1945.* – Chapel Hill, 2000. – P. 249-250.
28. Цит. по: *Kühl, S.* *The Nazi Connection: Eugenics, American Racism, and German National Socialism.* – New York, 1994. – P. 46.
29. *Gruchmann, L.* *Justiz im Dritten Reich 1933–1945: Anpassung und Unterwerfung in der Ära Gürtner.* – München, 1988. – S. 719-721.
30. *Terhorst, K.-L.* *Polizeiliche planmäßige Überwachung und polizeiliche Vorbeugungshaft im Dritten Reich.* – Heidelberg, 1985. – S. 75 ff. Прусский декрет был расширен 10 февраля 1934 года.
31. *Konzentrationslager für Berufsverbrecher // Völkischer Beobachter.* – 1934. – May, 19.
32. *International Military Tribunal.* – Vol. 29. – P. 220: Dokument 1992(A)-PS, «Vortrag Himmlers über Wesen und Aufgabe der SS und der Polizei» из *Nationalpolitischer Lehrgang der Wehrmacht vom Januar 1937.*
33. *Hitler's Mein Kampf*, цит. по: *Deutsches Recht.* – 1936. – Apr., 15. – S. 142.
34. *Konzentrationslager für Berufsverbrecher // Völkischer Beobachter.* – 1933. – Nov., 26/27.
35. *Konzentrationslager für Berufsverbrecher // Völkischer Beobachter.* – 1933. – Dec., 29.
36. Цифры снижались до 1464 (в 1935), 946 (в 1936) и 765 (в 1937); потом был рост – 964 (в 1938), 1827 (в 1939); 1916 (в 1940) и 1651 (в 1941), последний год, за который мы имеем полную статистику. Статистика приводится: *Müller, C.* *Das Gewohnheitsverbrechergesetz vom 24. November 1933: Kriminapolitik als Rassenpolitik.* – Baden-Baden, 1997. – S. 54. Немного другие цифры приводятся в *Gruchmann, L.* *Justiz ...* – S. 727-728.
37. Между 1934 и 1939 годами суды отправили 5142 человека в государственные больницы, 885 алкоголиков – в реабилитационные центры, 503 человека – в работные дома, 1808 человек были отправлены на стерилизацию. *Müller, L.* *Gewohnheitsverbrecher ...* – S. 53.
38. *Broszat, M.* *Zur Perversion der Strafjustiz im Dritten Reich // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* – 1958. – S. 390-443, 395-396.
39. *Kershaw, I.* *The «Hitler Myth»: Image and Reality in the Third Reich.* – Oxford, 1987. – P. 232-234.
40. Цит. по: *Ullrich, V.* *Adolf Hitler: Die Jahre des Aufstiegs.* – Frankfurt, 2013. – S. 490.
41. См.: *Kershaw, I.* *Hitler 1889–1936: Hubris.* – London, 1998. – P. 472-473.
42. *Konzentrationslager für Berufsverbrecher // Völkischer Beobachter.* – 1933. – Mar., 30.
43. *Burleigh, M.; Wippermann, W.* *The Racial State: Germany 1933–1945.* – Cambridge, 1991. – P. 77-78; *Kershaw, I.* *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933–1945.* – Oxford, 1983. – P. 232
44. *Gesetze des NS-Staates / Hrsg. von I. von Münch.* – 3rd ed. – Paderborn, 1994. – S. 26-28.
45. *Caplan, J.* *Government without Administration: State and Civil Society in Weimar and Nazi Germany.* – Oxford, 1988. – P. 143-146.
46. *Kershaw, I.* *Hitler 1889–1936 ...* – P. 559-571.
47. *Friedländer, S.* *Nazi Germany and the Jews.* – New York, 1997. – P. 148.
48. *Gellately, R.* *The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy 1933–1945.* – Oxford, 1990.
49. *Bankier, D.* *The Germans and the Final Solution: Public Opinion under Nazism.* – Oxford; Cambridge (Mass.), 1992. – P. 38-40; *Longerich, P.* *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung.* – München, 1998. – S. 70-101.
50. *Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934–1940.* – Nördlingen, 1980. – July and Aug., 1935. – S. 800-814; 920-937, 922. С этой сноски используется сокращение СДПГ (Sopade) с указанием страниц и дат.
51. См. в ноябрьском сообщении СДПГ: Sopade. – 1938. – S. 1177-1211, 1177.
52. *Zimmermann, M.* *Rassenutopie und Genozid: Die nationalsozialistische «Lösung der Zigeunerfrage».* – Hamburg, 1996. – S. 93-94.
53. *Ibid.* – S. 115-116.
54. *Bleuel, H.P.* *Sex and Society in Nazi Germany.* – Philadelphia, 1973. – P. 211.
55. Закон Бремена (11 авг. 1933), воспроизведен в «*Gemeinschaftsfremde*»: *Quellen zur Verfolgung von «Asozialen» 1933–1945 / Hrsg. von W. Ayaß.* – Koblenz, 1998. – S. 33.
56. *Ibid.* – S. 42-43.
57. РКРА VE сообщения от 27 янв. 1937; 23 и 27 февр. 1937.
58. РКРА VE, (25 мая 1939 года).
59. *Tuchel, J.* *Konzentrationslager. Organisationsgeschichte und Funktion der «Inspektion der Konzentrationslager» 1934–1938.* – Boppard, 1991. – S. 361.
60. РКРА VE, «*Erfassung arbeitsscheue Personen*», (18 окт. 1939).
61. *Tuchel, J.* *Konzentrationslager ...* – S. 361. Эти аресты от 28 октября были до массовых арестов евреев, последовавших за «хрустальной ночью» в ноябре 1938 г.
62. См. таблицу в: *Zimmermann, M.* *Rassenutopie ...* – S. 120.
63. См.: *Terhorst, K.-L.* *Polizeiliche planmäßige Überwachung ...* – S. 153.
64. См.: *Gemeinschaftsfremde ...* – S. 3-5: Erlaß Göring to Police (22 Feb. 1933); Gesetz zur Abänderung strafrechtlicher Vorschriften (26 May 1933).
65. *Asoziale ...* – S. 187.
66. *Bock, G.* *Zwangssterilisation ...* – S. 417-418, полагает, что в результате облав 1933 г. «десятки тысяч» были отправлены в концлагеря или работные дома.
67. *Crew, D.F.* *Germans on Welfare from Weimar to Hitler.* – New York, 1998. – P. 150-151.
68. *Schoppmann, C.* *National Socialist Policies towards Female Homosexuality // Gender Relations in German History: Power, Agency and Experience from the*

- sixteenth to the twentieth Century / Eds. by L. Abrams and E. Harvey. – Durham, 1997. – P. 177-187.
69. Homosexualität in der NS-Zeit: Dokumente einer Diskriminierung und Verfolgung / Hrsg. von G. Grau. – Frankfurt am Main, 1993. – S. 173.
70. Во время войны численность осужденных продолжала сокращаться, 3773 в 1940, 3739 в 1941, 2678 в 1942, 2218 в 1943, это был последний год, за который имеется статистика. Данные воспроизводятся по: Ibid. – S. 197.
71. «Verführte» Männer: Das Leben der Kölner Homosexuellen im Dritten Reich / Hrsg. von C. Limpricht, J. Müller und N. Oxenius. – Köln, 1991. – S. 96-103, 82-94.
72. Jellonnek, B. Homosexuelle und dem Hakenkreuz: Die Verfolgung von Homosexuellen im Dritten Reich. – Paderborn, 1990. – S. 328
73. Burleigh, M.; Wippermann, W. Racial State ... – P. 196, здесь говорится, что «обычно» приводится цифра 10000, но можно предположить, что, вероятно, 15000 гомосексуалистов умерли в лагерях.
- Jellonnek, B. Homosexuelle ... – S. 328 даёт цифры от 5000 до 15000 человек.
74. Browning, C.R. The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942. – Lincoln, 2004. – P. 10.
75. См.: Nazism 1919–1945. – Vol. 2: State, Economy and Society 1933–1939: A Documentary Reader / Eds. by J. Noakes and G. Pridham. – Exeter, 1984. – P. 574.
76. Ibidem.
77. Wehler, H.-U. Gesellschaftsgeschichte ... – S. 681.
78. Owings, A. Frauen: German Women Recall the Third Reich. – New Brunswick, 1993.
79. См.: Gellately, R. Backing Hitler ... – P. 258.
80. См.: Kershaw, I. The «Hitler Myth» ... – P. 138.
81. Ibid. – P. 155.
82. Ullrich, V. Adolph Hitler: Biographie: Band 1: Die Jahre des Aufstiegs 1889–1939. – Frankfurt, 2013. – S. 838.
83. См.: Kershaw, I. The «Hitler Myth» ... – P. 156.
84. См.: Gellately, R. Backing Hitler ... – P. 224-236; Kershaw, I. The «Hitler Myth» ... – P. 184.

УДК 321:128
ББК 66.0:87

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ СМЕРТЬ!» ФАШИЗМ, ВОСКРЕСЕНИЕ, БЕССМЕРТИЕ: КУЛЬТ ПАВШЕГО ВОИНА КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФАШИСТСКИХ ИДЕОУСТАНОВОК*

Марк Неоклеус,
профессор политической экономии
Отделения политических учений Брунельского
университета, Аксбридж, Великобритания
Mark.Neocleous@brunel.ac.uk

Перевод с английского Л.А. Кац

Аннотация. Автор статьи настаивает на том, что необходимо дать серьезный анализ того центрального места, которое погибшие на войне занимают в фашистской идеологии. За основу берется фашистский лозунг «Да здравствует смерть!», и под этим углом зрения в статье рассматривается множество фашистских практик, сосредоточенных вокруг павших. Рассматривается положение Мартина Хайдеггера о том, что мы можем находиться в непосредственном общении с погибшими, а также ряд ритуалов и торжеств, которые предполагают, что мертвые либо по-прежнему присутствуют среди живых, либо вскоре воскреснут. Прибегая к критике других категорий, которые применялись к рассмотрению этого аспекта фашизма, – некрофилии (Фромм), суицида (Фуко, Делез и Гваттари), сурвайвализма (Тевелайт), автор статьи утверждает, что фашизм подпитывается идеями о воскрешении и бессмертии.

Ключевые слова: фашизм, смерть, воскресение, бессмертие, Хайдеггер, Шлагетер.

LONG LIVE DEATH! FASCISM, RESURRECTION, IMMORTALITY: THE CULT OF THE FALLEN SOLDIER AS AN IMPORTANT PART OF FASCIST IDEOLOGICAL GUIDELINES

Mark Neocleous, Professor of the Critique
of Political Economy, Brunel University,
United Kingdom and member of the Editorial
Collective of the journal *Radical Philosophy*

* В настоящей статье затрагивается проблематика, практически не представленная в отечественной историографии фашизма, – «мистический мир» фашизма. Автор настаивает, что это не мир коллективной памяти, а «мир бессмертного бытия». В статье рассматривается центральное место культа павших героев, борцов, погибших в боях за родину, в становлении идеологии фашизма и нацизма. Следует подчеркнуть, что почитание, поминовение, увековечивание павших героев не является чертой именно фашистского мировосприятия – это общепринятый канон, характерный для идеологического воздействия на массы в самых разных странах: павший солдат с его жертвенностью, самопожертвованием стал во всех европейских странах (и особенно, как подчеркивает автор, во всех воюющих державах Первой мировой войны) своего рода иконой, принесшей домой «смысл войны». Но именно в фашистской идеологии и политических ритуалах фашистских режимов этот символ в политической культуре поклонения предкам выступил в качестве важнейшей основы формирования идеологии национализма. Данный автором анализ этого аспекта фашистско-нацистской идеологии расширяет научные представления о природе фашизма и силе его воздействия на массы. – *Прим. ред.*

Abstract. *This article argues that we need to take seriously the centrality of the dead to fascist ideology. Organized around the fascist slogan 'Long Live Death!', the article examines a host of fascist claims and practices centered on the dead. These include Martin Heidegger's suggestion that we can be with the dead, and a range of provocations, tropes and ceremonies which suggest that the dead are either still present or are about to be resurrected. Through a critique of other categories which have been used to grapple with this dimension of fascism – necrophilia (Fromm), suicide (Foucault, Deleuze and Guattari), survival (Theweleit) – the article argues that fascism is animated by ideas about resurrection and assumptions about immortality.*

Key words: *fascism, death, resurrection, immortality, Heidegger, Schlageter.*

Средства массовой информации и либеральная интеллигенция интерпретируют осквернение фашистами могил как бессмысленный и оскорбительный акт насилия, направленный на то, чтобы унижить цивилизованных людей и продемонстрировать, что фашизм не признает социальных и демократических рамок. В отличие от них автор статьи исходит из того, что за осквернением могил скрывается большее – одно из центральных понятий фашистской идеологии.

Саул Фридлендер писал в этой связи, что «понять фантомы, которые лежали в основе отношений многих немцев к Гитлеру, – безумство их аплодисментов, привязанность к вождю до последнего момента», – можно только приняв во внимание «их превратные отношения с вождем и системой в силу неявных причин, которые не может выявить ни один опрос общественного мнения». Главная из них – «стремление к разрушению и смерти» [1]. Я не уверен, что Фридлендер доказал это в своей книге. Однако представляется, что в одном он попал в точку: чтобы понять фашизм, необходимо глубоко вникнуть в вопрос о его отношении к гибели на войне и к павшим.

Недавние работы, посвященные фашизму как политической религии, придают этому вопросу особую актуальность. Элиас Канетти с полным основанием отмечал, что «любой, кто изучает оригиналы документов любой религии, не может не поражаться той силой, которой обладает в них проблема павших» [2]. И это в полной мере относится к фашизму.

Наиболее тщательно изучает фашизм как политическую религию Эмилио Джентиле. Он не случайно отмечает, что фашизм рассматривает смерть, как и любая другая религия, помогая экзальтировать коллективное чувство, объединяющее людей вокруг идеи, согласно которой тот, кто погибает на поле боя, обретает бессмертие в «мистическом мире», созданном коллективной памятью [3]. Мне представляется необходимым довести эту идею до крайности. В частности, я утверждаю, что центральное место в фашистской идеологии занимает позиция, выраженная в лозунге «Да здравствует смерть!». Опираясь на этот

лозунг, я постараюсь продемонстрировать важность для фашистских идеологов представления о воскрешении, а также то, что «мистический мир», о котором в них идет речь, – это скорее всего «мир бессмертного бытия» [4].

Изложенная выше позиция позволяет отнести данную статью к разделу, представленному работами Роджера Гриффина, в которых фашизм рассматривается как палингенетический миф [5]. Воскресение Христа после смерти действительно несет в себе коннотацию возрождения в буквальном смысле, но также используется для описания возрождения человечества в Судный день; это буквальный процесс индивидуального и коллективного возрождения как части новой эры. Но воскресение – более сильная и действенная категория, чем возрождение. Сама по себе идея возрождения не является фашистской. Так, например, Гриффин относит революции 1789 г. во Франции и 1989 г. в Восточной Европе к понятию палингенетического мифа [6], а в последнее время можно найти множество указаний на «возрождение Британии» после 1997 г. Политическое образное выражение «возрождение» может иметь всевозможные смыслы – от возрождения определенных институтов, возрождения роли на мировой арене, возрождения голосов новых поколений и т.д. – и ни один из них не имеет никакой связи с мыслью о павших. Таким образом, когда дело доходит до определения фашизма с точки зрения палингенетического ультранационализма, то подчеркивается возрождение нового (человека, порядка, нации) после периода упадка: «радикально новое начало, которое следует за периодом краха»; «новое рождение, следующее за периодом, воспринимаемым как упадок» [7]. Вот почему роль погибших на войне была относительно не исследованным вопросом в литературе, посвященной палингенетическому мифу, т.е. он не выходил за рамки общих положений о жертвоприношении, мученичестве и «творческом разрушении». Действительно, даже упор фашистских идеологов на жертвенность и мученичество рассматривается как «образная версия культа павшего воина, общего для всех воюющих держав Первой мировой войны», или просто как иной аспект эстетизации поли-

тики, «которая рассматривает культ смерти в той же плоскости, что и торжественное чествование павших в двух мировых войнах, ежегодно проводимое у Кенотафа в Лондоне» [8]. Я же считаю, что, когда фашизм говорит о «мертвых», на самом деле имеется в виду гораздо большее. В этом смысле идея воскресения является гораздо более показательной категорией, чем возрождение. По Муссолини, воскресение должно начинаться с мертвых [9]. Ограниченность обсуждения данной проблемы на уровне жертвоприношение/мученичество/разрушение хорошо видна, если задать риторический вопрос: если фашизм представляет воскресение из мертвых как воскресение своих собственных павших, то как быть с павшими противника? Другими словами, если фашизму присуще мощное чувство значимости воскресения и бессмертия, то естественно предположить, что он обладает столь же мощным чувством и по отношению к своим врагам, в том смысле, что и они могут воскреснуть и/или быть бессмертными, т.е. вмещает ли «мистический мир» врагов так же, как и друзей? Этот аспект пока не был изучен в литературе по палингенезису.

Из этого вступления читатель может понять, что данная статья приведет в конце концов к вопросам эзотерического характера. Однако начну я с известного: с культа павшего солдата.

Память о павших

В «Майн Кампф» Гитлер пишет, что одной из его главных целей является «почитание тех, кто прошел горький путь смерти во имя немецкого народа» [10]. Комментируя послевоенное урегулирование, которое после четырех лет войны не принесло ничего, кроме всеобщего избирательного права, Гитлер обвиняет политиков в «гнусном бандитизме», в том, что они «украли цель войны из могил мертвых героев» [11]. Гитлер здесь обозначает то, что станет ключевой темой фашистской идеологии: павшие воины. Так, книга Альфреда Розенберга «Миф двадцатого века» посвящена памяти двух миллионов немцев, павших в Первой мировой войне. Среди прочего, Розенберг утверждает, что «удар в спину» после Первой мировой войны вполне мог стать основой нового движения: «в измученных душах живущих родственников павших воинов возродился миф о крови, ради которой герои умирали; этот миф был переосмыслен и пережит в своих самых глубоких последствиях... Мифология немецкого народа требует, чтобы два миллиона героев погибли не зря» [12].

В этом смысле Гитлер и Розенберг не сказали ничего оригинального. Известно, что павший солдат стал во всех европейских странах иконой, при-

несшей домой смысл войны, символом в политической культуре поклонения предкам, что составляет важнейшее измерение националистической политики. Но там, где для большинства политических движений вопрос о павших и практика их поминовения сводились к теме «возвращения на родину» (или «возвращения» павших на родину), к теме «предания погибших на войне родной земле для упокоения», возникавшие фашистские движения более решительно ставили вопросы политического и исторического плана, касавшиеся смысла этих смертей. В двух основных странах, в которых фашизм в конечном счете восторжествовал, культ павших приобрел особое значение, став центральным в воспитании масс в духе национализма и, таким образом, в консолидации фашизма как политической идеологии [13]. Первоначально фашизм стремился к «защите нации» и организации движения за достижение прежнего национального величия именно во имя погибших на войне.

Одним из аспектов этого нового значения «культа мертвых» стало их превращение в героев. Еще до захвата нацистами власти ультраправые провозглашали политическую и историческую значимость тех, кто пал в битве при Лангемарке. Выступая с поминальной речью у одного из мемориалов в 1932 г., Йозеф Магнус Венер восклицал: «Умирающие пели! Идущие в атаку пели! Молодых студентов убивали, а они пели: "Германия, Германия превыше всего". Павшие герои стали предзнаменованием для немецкого народа» [14]. Фашизм превратил подобные представления в некую философию жизни: наступление нового века будет основано на «героизме мертвых». Миф о Лангемарке, например, быстро стал основным в репертуаре национал-социалистической пропаганды с ее ежегодными церемониями и участием видных деятелей, таких, как Мартин Хайдеггер (в ноябре 1933 г.), в митингах по поводу этого исторического события.

В стандартной мифологии герой – либо исключительное существо, либо обычное существо, которое совершает исключительный поступок. Для фашизма же любой человек должен быть воспитан так, чтобы стать героем. Если каждый воспитан как герой (а только павшие на войне являются истинными героями), то каждый должен быть воспитан так, чтобы уметь принять смерть. Показательным в этом смысле является исследование Грегора Зимера о том, как «делали» нацистов в Германии. В своей книге «Образование для смерти» Зимер пишет, что во время своего пребывания в нацистской Германии он «посещал различные учреждения: дорожные клиники, пункты стерилизации, ясли, школы

для слабоумных, школы и другие образовательные учреждения для мальчиков и девочек всех возрастов, колледжи и колониальные школы. Я сделал там массу заметок, которые переписал подробно при первой возможности... Я сделал единственный вывод. Школы Гитлера делают свою работу дьявольски хорошо. Они подчиняются фюреру. Они готовят мальчиков и девочек к гибели за Германию» [15]. Это ясно из популярных песен, написанных специально для фашистских маршей: «СС маршируют! Освободите дорогу!... / Пусть смерть будет нашим боевым товарищем / Мы – Черные стаи» [16]. В хоровой песне «Героические терции», испанском гимне легионеров, были слова: «Легионеры – к борьбе / Легионеры – к смерти / Легионеры – к борьбе / Легионеры – к смерти». Румынская Железная Гвардия также любила петь: «Легионеры! Смерть, только смерть нам веселая невеста / Легионеры умирают и поют, умирая». Такие песни пели не только военные. Вот слова одной нацистской детской песенки:

Мы любим нашего фюрера,
Мы чтим нашего фюрера,
Мы следуем за нашим фюрером,
Пока не станем взрослыми;
Мы верим в нашего фюрера,
Мы живем для нашего фюрера,
Мы умираем для нашего фюрера,
Пока не станем героями [17].

Таким образом, можно заметить, что почитание «павших героев» выступает в качестве важнейшей основы фашистской идеологии и политических ритуалов фашистских режимов. Тело павшего становится священным телом мертвого героя, что приводит к «культу мертвых» в буквальном и явном смысле: освящении мертвых. Если фашизм является политической религией, то ореол «святости» перестает быть связанным с сугубо религиозным содержанием и начинает обрамлять светские и политические понятия, такие, как павший солдат. В то же время священными становятся места, где солдаты сражались и умирали за свой народ. Как выразился Розенберг, «священные места – это те места, где немецкие герои пали за эти идеи. Священными являются и места, где установлены мемориалы и памятники в честь героев» [18].

Однако стоит обратить внимание на важный перенос значения, который наблюдается в нескольких последних абзацах: от жертвы во имя нации (в случаях с павшими на войне) к жертве за фашистское движение и режим. Идеологи фашизма, провозгласившие своей целью стирание различий между различными группами, силами и властью (классовых различий нет, партия – это люди, лидер – это государство), смогли привлечь в свои ряды

многих возвращавшихся с войны солдат. Таким образом, освящение погибших на войне легко превращалось в освящение тех, кто умер во имя движения. Павшие при Лангемарке смешались с «мучениками Фельдхернхалле», культ павшего солдата был преобразован в культ павшего фашиста, а Неизвестный солдат стал Неизвестным штурмовиком. Таким образом, когда речь шла об отдельных «героях», они часто оказывались героями одновременно в военном (Первая мировая война) и в политическом (фашистском) смысле. Муссолини даже описывает тех активистов, что погибли в ходе нарастающего фашистского движения, как «последних павших в Великой войне» [19].

На этом основании фашистские режимы как в Германии, так и Италии, ввели в обиход атрибутику смерти – от эмблемы черепа с кинжалом в зубах для членов боевого фашистского отряда и кольца «Мертвая голова», которое носили эсэсовцы, до гораздо более сложных – государственных святынь и выставок в память погибших героев. В Италии была издана книга «Павшие члены милиции» (1932), содержащая биографии 370 чернорубашечников, которые «погибли за фашистскую революцию» в период с 1923 по 1931 гг. Каждое отделение партии хранило фашистскую святыню, на вымпелах фашистских групп были начертаны имена павших героев, которым часто посвящались новые художественные произведения и в чью честь назывались классные комнаты в школах. На Выставке фашистской революции, проведенной в 1932 г. в связи с десятилетием фашистского господства в Италии, была устроена отдельная «Фашистская галерея», посвященная боевым фашистским отрядам, а также зал, посвященный «мученикам» фашистской революции, – «Святынище мучеников», который стал общепризнанным шедевром и центром выставки. В Германии Гитлер заказал гробницы для захоронений партийных «мучеников» на Кёнигсплац в Мюнхене и составил планы гигантского Солдатского зала в Берлине в честь погибших героев, мавзолея и двух «кладбищ чести». Кроме того, нацисты планировали построить сеть гигантских цитаделей мертвых, которые должны были быть размещены на местах ключевых сражений по всей империи.

Понятие жертвенной смерти было также важно для идеологической обработки женщин. Муссолини, например, поощрял женщин посещать кладбища, чтобы почтить память погибших в войне, а также участвовать в «Дне обручальных колец» (1935), когда фашисты собрали сотни тысяч золотых обручальных колец у женщин в обмен на железные кольца от Дуче в ходе обряда мистического

брака под знаком Рождения и Смерти. Муссолини изобрел также женский «батальон смерти» для нападений на коммунистов, в который вошли вдовы и матери погибших фашистов. Траурной одеждой этих женщин стала разработанная им же черная униформа с черепом на груди. В речах, с которыми Муссолини обращался к итальянкам с 1936 по 1941 гг., он называл их всех вдовами, матерями, сестрами и дочерьми погибших солдат. Эти речи произносились на фоне черного задника с черепом и скрещенными костями, которые фашисты водружали также и на свои флаги. Не только колыбели, но и гробы упоминались в фашистских речах и сочинениях, посвященных роли женщин.

Таким образом, почитание павших присутствовало почти в каждой фашистской церемонии. Предпринимаемые время от времени некоторыми авторами слабые попытки кивать в сторону «традиционных» фольклорных обычаев, таких, как танцы вокруг майского шеста, не могут и близко сравниться с впечатляющими ритуалами, изобретенными для экзальтации поклонения мертвым [20].

«Быть с мертвыми»

В процессе поминовения фашистами своих павших кумиров для более серьезного поклонения часто выделялись отдельные персонажи, такие, например, как Хорст Вессель. Для того чтобы несколько расширить дискуссию, я хотел бы коротко рассказать о другом, менее известном герое – Альберте Лео Шлагетере.

Шлагетер сражался на войне, по-видимому, с особой храбростью. В конечном счете он был произведен в лейтенанты и награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. Короткое пребывание во Фрайбургском университете после войны только усилило его чувство разочарования в послевоенном политическом урегулировании, и поэтому он быстро присоединился к фрайкору. В качестве члена военизированного формирования Шлагетер оказался участником кампании против большевиков в Прибалтике, где в мае 1919 г. «освобождал» Ригу, был задействован в кровавых классовых стычках в Ботропе в 1920 г. и поддерживал литовцев в их борьбе с Польшей. В 1921 г. он, как член так называемой Специальной полиции, принял участие в ряде секретных операций, таких, как проникновение в польское подполье. Оказавшись в 1922 г. в Берлине, он вступил в нацистскую партию, а затем минировал железнодорожные пути с целью остановить транспортировку германского угля во Францию и тем самым подорвать французский контроль над Рурской областью. После одной такой операции с динамитом Шлагетер был арестован фран-

цузами, предстал перед военным трибуналом, был приговорен к смерти и казнен 26 мая 1923 г.

После смерти Шлагетер быстро стал героем немецких правых. В день его похорон в Мюнхене собралось около 25 тыс. человек, чтобы услышать панегирик в его честь, произнесенный молодым политическим активистом Адольфом Гитлером. Воодушевленные Ассоциацией «Мемориал Шлагетера» (тесно связанной с национал-социализмом в плане членства, идеологии, использования символов и, что немаловажно, желания прославить мертвых героев), правые превратили смерть Шлагетера в популярную тему своих «героических» песен и устраивали ежегодные поминальные службы у его могилы. Кульминацией этого прославления стал Национальный мемориал имени Шлагетера, открытый в 1931 г. с большой помпой и с участием знаменитостей из политического и делового мира. На самом мемориале возвышался железный христианский крест, наводивший на мысль о воскресении, а в основании памятника была надпись «Альберт Лео Шлагетер». Внутри мраморного склепа можно было прочесть имена всех тех, кто погиб в борьбе за Рур.

Память о Шлагетере нацисты старались держать под контролем на всем протяжении 1920-х годов. Например, в «Майн Кампф» его имя появляется в самом начале текста, сразу после посвящения тем, кто погиб у Фельдхернхалле. После захвата власти тем более не требовалось много усилий, чтобы полностью «контролировать» это наследие. Десятая годовщина смерти Шлагетера в 1933 г. совпала с захватом власти нацистами, а 20 апреля того же года состоялась премьера спектакля по пьесе Ганса Йоста «Шлагетер» в официальном государственном театре в Берлине, которая была приурочена также ко дню рождения Гитлера. Неудивительно, что эта популярная пьеса (число зрителей достигало 35 тыс. в 1935 г. и 80 тыс. в 1943 г.) служила восхвалению как Шлагетера, так и национал-социализма в целом. В первый год захвата нацистами власти прошли и многие другие подобные торжества, в том числе одно, длившееся три дня, – в Дюссельдорфе. К концу 1933 г. Шлагетер был объявлен первым национал-социалистическим немецким солдатом и тем самым занял свое место в пантеоне погибших «нацистских героев».

Таким образом, Шлагетер был без особых помех включен в «пантеон нацистских героев» и в культ павших; и к этому, казалось бы, добавить было нечего. Однако одно из памятных торжеств состоялось 26 мая 1933 г. во Фрайбургском университете, и одним из выступавших был не кто иной, как Мартин Хайдеггер. Тот месяц выдался для

маститого философа довольно напряженным: 21 апреля он был назначен ректором университета, а 1 мая вступил в нацистскую партию. Программная речь Хайдеггера-ректора будет произнесена 27 мая и будет называться «Самоутверждение немецкого университета». Эта речь была в центре внимания многих споров относительно идеологических связей Хайдеггера с национал-социализмом. Но на самом деле многое об этих связях (как, собственно, и о самом фашизме) можно узнать, изучив речь Хайдеггера, произнесенную накануне во время поминальной службы по Шлагетеру [21].

В своей речи Хайдеггер говорит о Шлагетере теми же словами, которые произносились и во всех других выступлениях о нем: «Давайте чтить его, размышляя о его смерти»; «Альберт Лео Шлагетер принял свою смерть с твердой волей и чистым сердцем»; «Студенты Фрайбургского университета! Пусть сила гор, родных для этого героя, укрепит вашу волю» и т.п. На последних словах: «Мы чтим героя и воздымаем руки в молчаливом приветствии» – примерно тысяча присутствующих вскинули руки в безмолвном приветствии. Во многих других отношениях речь Хайдеггера также согласуется с национал-социалистическими оценками Шлагетера. Например, он не упоминает о религиозных мотивах Шлагетера, что соответствовало характеру этого мероприятия, организованного секцией нацистов, которые исключали любую связь с католическими группами. Но кроме этого, речь Хайдеггера несла гораздо больший системный политический и философский смысл, потому что в своих ключевых моментах она соответствовала аналитике дазайна в его книге «Бытие и время».

Экзистенциальный анализ смерти в «Бытии и времени» основан на предположении о совокупности дазайна, а также на идее о том, что «Бытие самой этой совокупности должно пониматься как экзистенциальный феномен дазайна, и это бытие в каждом случае является его собственным» [22]. Это придает самосохранению ключевую позицию в онтологическом анализе существования; также и смерть становится центрально важной: «По самой своей сути, смерть в каждом случае моя, если она вообще «есть»... Что касается смерти, то для дазайна она является его собственным потенциалом бытия» [23]. Смерть, таким образом, становится составным элементом дазайна и ключом к онтологии Бытия и времени. Только смерть может обеспечить существование с достоинством совокупности. Это Бытие-как-стремление-к-смерти означает, что смерть как конец дазайна является собственной возможностью дазайна – безотносительной, абсолютной и как таковой безграничной, непревзой-

денной. Смерть как конец дазайна состоит в его Бытии-как-стремлении-к-этому-концу... Вопрос возможного Бытия-как-целого этого существа, которым является каждый из нас, будет правильным, если усердие как основное состояние дазайна «священо» со смертью – высшей возможностью для этого существа [24].

В своем стремлении продвинуть идею смерти как онтологической основы совокупности Хайдеггер различает подлинную смерть и смерть как повседневную тему «пустых разговоров» о «Тех». «Те» уже получили интерпретацию этого события... Выражение «кто-то умирает» распространяется на то, что достигается посредством смерти, и «кто-то» и есть «Те» ... «Процесс умирания» сводится к событию, которое, естественно, достигает и дазайн, но которое никому в частности не принадлежит» [25]. Но так как Хайдеггер хочет представить смерть как высшую возможность дазайна, то «дазайн должен осознать, что эта отличительная возможность оторвана от понятия «Те». Это означает, что в ожидании смерти любой дазайн уже оторвал себя от «Тех» [26]. Спасенная от «постоянного успокаивания смертью», бытуемого среди «Тех», смерть становится подлинной и подводит дазайн «лицом к лицу с возможностью быть существом, изначально свободным от забот и тревог, но существом, имеющим возможность существовать в страстной свободе стремления к смерти» [27].

В своей короткой речи Хайдеггер несколько раз отмечает, что Шлагетер «умер самой трудной и самой великой смертью». Он умер «самой трудной из всех смертей. Не на передовой как командир своей артиллерийской батареи, не в огне атаки и не в отчаянном сопротивлении. Нет. Он стоял беззащитным под французскими пулями». Таким образом, продолжает Хайдеггер, «в свой самый трудный час Шлагетер должен был добиться самого великого, на что только способен человек. Одиноким, опиравшийся только на собственную внутреннюю силу, он должен был думать не о своей душе, а о будущем пробуждении нации, ее чести и величии, так, чтобы он смог умереть с верой в такое будущее». В понятиях Бытия и времени смерть Шлагетера была «безотносительной, абсолютной и как таковая – безграничной, непревзойденной». Исторические обстоятельства, приведшие Шлагетера к его казни, и реальные исторические характеристики личности Шлагетера – послевоенное отчуждение и политическое недовольство, приведшие его к членству в добровольческом корпусе, – игнорируются в пользу внеисторической экзистенциальной концепции псевдо-политического принуждения: Шлагетер должен был добиться величайшей цели; он дол-

жен думать не о душе, но об определенном образе нации; он был вынужден поехать в Рур, вынужден был отправиться в страны Прибалтики, вынужден был оказаться в Верхней Силезии [28]. (Заметим, что те места, в которых он должен был оказаться – Прибалтика, Верхняя Силезия, Рурская область – это были места, в которых добровольческий корпус был наиболее активен) [29]. Другими словами, он должен был умереть.

В политическом экзистенциализме все фокусируется на самом экстремальном «кризисе»: «исключительное состояние», «чрезвычайная ситуация» или, в более широком смысле, смерть [30]. Если философию Хайдеггера можно охарактеризовать как форму политического экзистенциализма, то необходимо сказать, что Хайдеггер участвует не в чем ином, как культе смерти, рассматривая философскую стратегию, которая по своей сути является фашистской. Виктор Фариас утверждает, что в смерти Шлагетера Хайдеггер видел олицетворение судьбы немецкого народа после окончания Первой мировой войны и что «это согласуется с полемикой среди ультраправых и особенно национал-социалистов» [31]. Это, несомненно, так и есть; но в этой истории есть нечто большее, чем вопрос индивидуального самопожертвования и национального достоинства. Ссылки на горы и долины Шварцвальда, которые помогли сформировать «ясность сердца» и «твердую волю» Шлагетера, демонстрируют значительное развитие аргумента о Бытии и времени. Если в Бытии и времени дазайн существует сам для себя в «мире» (Welt), то в речи, посвященной Шлагетеру, и в других его выступлениях 1933 г. понятие пространства является менее абстрактным: это «горы, леса и долины Шварцвальда, родного дома этого героя» [32]. Ссылки на общую родину и общее происхождение являются не просто способом найти отклик у слушателей, но и стать для Хайдеггера и фашизма основным смыслом смерти. В речи Хайдеггера личная смерть Шлагетера представлена заново в понятиях коллективного будущего Германии и в качестве примера для немецкой молодежи. Основой амбиций Шлагетера было «величие пробуждающейся нации» и «будущее пробуждение народа». Поэтому он погиб «за немецкий народ и его Рейх». Или, как Хайдеггер скажет в другой речи спустя год о тех, кто пожертвовал собой: «Наши товарищи приняли раннюю смерть; однако, такая ранняя смерть – самая красивая и самая великая. Великая смерть, потому что она стала высшей жертвой во имя судьбы нации» [33]. Таким образом, анализ отдельной смерти в Бытии и времени в речи Шлагетера смещается в сторону дазайна, который колеблется между универсальностью и кон-

кретным политическим коллективным [сознанием] немецкого дазайна. «Свобода стремления к смерти» становится – в рамках общественного сознания – способностью пожертвовать своей жизнью ради нации. Насилие, присутствующее в философии Хайдеггера, является, таким образом, насилием, которое находится в созвездии сил, объединяющих коллективное Бытие и смерть.

Отсюда можно заключить, что культ павшего солдата и память о погибших выходят в фашистской идеологии далеко за рамки памятных торжеств, это, скорее, философия жизни; отсюда и любимая фраза всех фашистов: «Да здравствует смерть!». «Смерть», – говорит Хайдеггер; «Да здравствует смерть!» – восклицают фашистские активисты. Я полагаю, что эта последняя фраза и есть основа фашистской теории и практики – как в прошлом, так и в настоящем [34]. Однако напрашивается очевидный вопрос: что это значит?

Несложно было бы трактовать этот лозунг буквально: если так, то он объясняет, почему фашисты стремились уничтожить большое количество людей. Современные фашисты (или, как они предпочитают себя именовать, «расовые националисты» или «революционные националисты») настаивают на том, что их лозунг не является пропагандой геноцида. Они утверждают, что это «братский салют, приветствие, которое подтверждает, что революционные националисты готовы пожертвовать всем ради службы их благородному делу» [35]. Показательно высказывание Геббельса на этот счет. Выступая 5 февраля 1933 г. (то есть через несколько дней после захвата нацистами власти) на похоронах нацистского героя Ханса Майковски, Геббельс сказал в присутствии примерно 40 тыс. членов СС, СА и Гитлерюгенда: «Мы стоим здесь, у его открытой могилы, и уместно сказать пословицей, что мы собираемся вернуться в лоно матери-земли. Возможно, мы, немцы, не знаем многого о жизни, но о смерти мы знаем все прекрасно! Этот молодой человек знал, как умереть, и сделал он это прекрасно» [36]. Также у Муссолини и Джентиле мы находим, что наиболее важным элементом в становлении фашизма было то, что фашисты предпочитали действовать и бороться, а не вести научные изыскания и дебаты: «Дебаты были, но происходило что-то более священное и важное: смерть. Фашисты умели умирать» [37]. Тогда их лозунг означает, что фашисты знали, как пожертвовать свою жизнь во имя нации. Это значило умереть красиво, будучи героем, принять участь павшего солдата. Многие авторы действительно были готовы остановиться на таком толковании.

Однако, возможно, в этом лозунге кроется большее. Я хочу показать, что он не сводится к простому вопросу жертвоприношения или героизма. Я вижу в нем непосредственное отождествление фашизма и смерти. Это не «реальная» или «повседневная» смерть и ее мирская трагическая банальность, но смерть в ее высшей политической и эстетизированной форме. Попытки сравнивать фашизм с другими формами геноцида в смысле количества смертей (сравнение Холокоста с ГУЛАГом; Х млн по сравнению с Y млн смертей и т.д.) упускают центральное место смерти в фашизме; другими словами, они упускают часть ее качественной специфики. Но эта специфика заключается не только в том, что фашизм представляет собой движение, направленное на строительство такого общества, в котором «величайшим достижением» является лагерь смерти. Она также в том, что активное использование понятия смерти является основой теории и практики движения. Это активное использование, в свою очередь, основывается на предположении, что павшие в действительности никогда не умирают, и отсюда возникает вера в то, что их можно снова вести в бой. Другими словами, я пытаюсь сказать, что воскресение является одной из центральных категорий фашизма.

Пробуждение мертвых

Лозунг «Да здравствует смерть!» стал использоваться националистическими группами в Европе между Первой и Второй мировыми войнами. Его прославили легионеры д'Аннунцио и присвоили итальянские «Народные смельчаки», но наиболее известным он стал в контексте гражданской войны в Испании. Лозунг «Viva la Muerte!» был любимым девизом генерала испанской Фаланги Милана Астрея. В полемике между Мигелем де Унамуно и Астреем в Университете Саламанки в октябре 1936 г. один из сторонников генерала, как сообщалось, выкрикнул этот лозунг из задней части зала во время выступления Унамуно. Унамуно отреагировал: «Только что я услышал некрофилический и бессмысленный вопль: «Да здравствует смерть!»... Как авторитетный эксперт я должен вам сказать, что этот нелепый парадокс мне противен... Это [университет] храм интеллекта. И я его первосвященник... Вы победите, потому что у вас более чем достаточно грубой силы. Но убедить вы не сможете. Чтобы убеждать, вам нужно иметь то, чего у вас нет: Разум и Право». Утверждают, что в ответ на последние слова Астрея выкрикнул: «Смерть интеллигенции! И да здравствует смерть!». Приверженность этому лозунгу он проиллюстрировал тем, что приказал Унамуно под дулом пистолета покинуть университет.

Отметим, что это противостояние выражает самую суть иррациональной природы реакции фашизма на «рационалистические» политические доктрины, такие, как либерализм и марксизм, но в данной статье предметом исследования является другое. Интерес вызывают, скорее, слова Унамуно: «некрофилический вопль». Эта фраза и специфический культ смерти, который здесь описан, согласуются с утверждением Эриха Фромма о том, что фашизм есть некрофилическое явление, возглавляемое лидерами-некрофилами и поддерживаемое последователями-некрофилами. Такой подход подкрепляет утверждения многих авторов по поводу, как они любят выражаться, «творческого разрушения» внутри фашизма. Для Фромма это означает «страстное увлечение всем, что мертво, распалось, гнилостно и болезненно». Это «страсть превращать то, что живо, во что-то неживое, уничтожать ради уничтожения... Это страсть разрывать живые структуры» [38]. Напротив, Элиас Канетти утверждал, что в основе массовой политики лежит вопрос о выживании; мертвые, таким образом, приобретают символическое значение. «В представлении тех, кто еще жив, каждый, кто умер, потерпел поражение, которое состоит в том, что он не выжил» [39]. Чувство поражения, ассоциирующееся с умершими, противопоставляется чувству «превосходства» живых, особенно тех, кто сражался на войне. «Уже потому, что он все еще жив, оставшийся в живых чувствует, что он лучше, чем они [мертвые]. Он доказал себя, ибо он жив. Он доказал себя множеству других, ибо павшие не живы» [40]. Клаус Тевеляйт применил этот аргумент к фашизму, предполагая, что этот человек [Гитлер, это также относится к фашистам в целом] любит не трупы; он любит свою собственную жизнь. Но он любит ее... за способность выжить. Груды трупов показывают, что он победитель, человек, который успешно облек во внешнюю форму все то, что умерло в нем самом, человек, который гордо стоит, когда все остальное рушится» [41]. В этом аргументе есть некоторая сила, хотя он также страдает все теми же внеисторическими характерологическими определениями, которые ослабляют доводы Фромма.

В отличие от построений Фромма и толкования Канетти Тевеляйтом имеет место и утверждение о том, что разрушительная тенденция фашизма означает не его любовь к смерти, к накоплению опыта смерти, но стремление к своей собственной гибели: «конечной программой для Германии была национальная смерть... Гитлер приговорил Германию к национальной смерти» [42]. Как выразился Альберт Шпеер, сыгравший свою заметную роль в Третьем рейхе, последней лебединой песней нациз-

ма был смертный приговор немецкому народу [43]. В этом смысле фашизм можно толковать как идеологию суицида, а фашистское государство – как государство-самоубийцу. Фуко отмечает, что «целью нацистского режима было... на самом деле не уничтожение других рас. Уничтожение других рас было одним из аспектов этого проекта; другой же состоял в том, чтобы подвергнуть свою собственную расу абсолютной и всеобщей угрозе смерти» [44]. Таким образом, вероятность полного разрушения заняла центральное место в фашистском проекте, который должен был выйти на такой уровень, когда все население столкнется со смертельной угрозой. Об этом свидетельствует шквал указов, изданных между 18 марта и 7 апреля 1945 г., в которых Гитлер приказывал разрушать инфраструктуру Германии. «Эпидемия самоубийств» с февраля по май 1945 г. (в течение которой несколько тысяч немцев покончили с собой) отражает настроения того времени, а решение Гитлера пустить себе пулю в лоб, безусловно, стало кульминацией этой «суицидальной тенденции» – самоубийство лидера как символ самоубийства государства. Вот почему Жиль Делез и Феликс Гваттари утверждают, что при фашизме государство является скорее суицидальным, чем тоталитарным. Фашизм – это реализованный нигилизм. В отличие от тоталитарного государства, которое делает все возможное, чтобы, выражаясь языком авиации, «перекрыть все возможные линии полета», фашизм строится на «интенсивной линии полета», которую он превращает в линию чистого разрушения и уничтожения. Любопытно, что с самого начала нацисты объявили Германии о том, что они несут нации: одновременно свадебные колокола и колокола смерти, включая их собственную смерть и смерть всех немцев. Они верили, что погибнут, но их дело будет подхвачено по всей Европе, во всем мире и всей Солнечной системе. И люди ликовали не потому, что не понимали, что их ждет, а потому что они сами хотели принять такую смерть через смерть других... Самоубийство представлено не как наказание, а как славный конец, венчающий смерти других. Можно подумать, что эти туманные разговоры и есть идеология. Но это не так. Недостаточность экономических и политических определений фашизма не просто подразумевает необходимость привлекать смутные, так называемые идеологические определения. Нацистские высказывания... всегда содержат «тупой и отвратительный» вопль «Да здравствует смерть!» даже на экономическом уровне, где расширение производства вооружений заменяет рост потребления и где инвестиции помещаются не в средства созидания, а в средства чистого разрушения [45].

Фуко ставит вопрос еще резче: «У нас абсолютно расистское государство, абсолютно смертоносное государство и абсолютно суицидальное государство... Все три обязательно накладываются одно на другое» [46].

Некрофилия? Сурвивализм? Суицид? Эти термины имеют очевидную притягательную силу, предлагая удобный способ объяснить трансформацию кровавого мифа в кровавую баню и механизмы, с помощью которых все общество можно направить на производство трупов. Конечно, гораздо проще узаконить массовые убийства, когда у вас есть лозунг «Да здравствует смерть!». Так что в этом смысле «некрофилия», «сурвивализм» и «суицид» могут объяснить тенденцию к «творческому разрушению» и представить идею фашизма, по Жану Бодрийяру, как «эстетическое извращение политики, доводящее принятие культуры смерти до точки ликования» [47].

Но (и это колоссальное «но») этого совсем недостаточно. В каком-то смысле такие интерпретации, пожалуй, слишком гладкие. При всем заключенном в них радикализме они предлагают довольно легкий вариант толкования, так как либо вместе, либо по отдельности они подталкивают нас к тому, чтобы упаковать фашизм в коробку под названием «смерть» и оставить его там.

Однако рассмотрение идеи фашизма как некрофилии, сурвивализма или суицида приводит нас к сути вопроса. То есть во многих отношениях фашисты не любят смерть *per se* (как таковую). Скорее, фашизм представляет мертвых либо как живых, либо как обладающих возможностью стать снова живыми. В конце концов, «никто не может уйти из этого мира окончательно» [48]. Помните: «Альберт Лео Шлагетер жив!». В своей речи в день памяти Хорста Весселя в 1933 г. Гитлер говорит, что «своей песней, которую поют сегодня миллионы, Хорст Вессель воздвиг себе памятник в вечной истории, которая переживет этот мемориал из камня и железа... Хорст Вессель, покойщийся под этим камнем, не умер. Каждый день и каждый час его дух с нами, он марширует в наших рядах» [49]. «Хорст Вессель не умер» – этот мотив снова и снова повторялся ведущими деятелями фашизма. В 1935 г. на торжествах в память «мучеников Фельдхернхалле» Гитлер заявил, что они являются примером, потому что «для нас они не мертвы» [50]. Или, как в некрологе, посвященном Весселю, в газете Геббельса «Дер Ангриф» говорилось: «Покойный, который с нами, поднимает свою бледную руку и указывает в туманную даль: Шагайте через могилы! Там в конце лежит Германия!» [51].

Эта тема также превалировала в фашистской пропаганде. В качестве примера можно привести фильм «Квекс из гитлерюгенда» (1933) – историю юного Хайни Фолькера – сына коммуниста, который постепенно приходит к пониманию, что будущее не за коммунизмом, а за национал-социализмом. Заканчивается фильм смертью Хайни от рук коммунистов. В конце фильма идет монтаж, сменяющий бездыханное тело Хайни массой его марширующих соратников по направлению к камере, как будто они идут с экрана в зал, чтобы сказать: погибшие продолжают идти вместе с нами [52]. Аналогичным образом фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли», утверждая идею будущей (технологически модернизированной и высокооснащенной) Германии, в конечном счете, обращен к мертвым. Лоуренс Рикелс объясняет: «Лозунг нацистов о будущем новой, истинной Германии, обращенный к живым, в конечном счете, был нацелен на погибших в годы войны». Ведь павшие на войне не умерли: «В то время, как мы готовимся воспарить к Германии, которая станет и склепом, и небесами, мы все еще слышим звучащие в стране голоса: павшие воины не мертвы» [53].

Конечно, возникают трудности с утверждением, что павшие не умерли, потому что они, в конкретном смысле слова, действительно мертвы. Идеологическое решение этой проблемы лежит в том, чтобы представить их живущими либо в качестве бессмертных, либо в процессе воскресения, как часть великого будущего. Отсюда слова Геббельса и нацистского поэта Генриха Анакера о Весселе: «его душа возродилась, чтобы жить среди нас..., он марширует в наших колоннах» (Геббельс); «ты [Вессель] должен был сначала умереть/прежде чем стать бессмертным для нас» (Анакер) [54]. «Майн Кампф» – это призыв не только к немецкой нации, но и к павшим немцам; призыв к воскресению не только нации, но и самих мертвых. Тогда первым шагом на пути к воспитанию масс в националистическом духе становится цель «завоевать массы для национального возрождения»: «без ясного понимания расовой проблемы и, следовательно, еврейской проблемы воскресения немецкой нации не будет никогда». Не «механическая реставрация прошлого», а «воскресение нашего народа» [55]. Отсюда вывод: «души мертвых... торопят: «Неужели не разверзнутся могилы сотен тысяч – могилы тех, кто шли вперед с верой в отечество и не вернулись? Неужели эти могилы не откроются и не отпустят безмолвных, покрытых грязью и кровью героев как духов мести обратно на родину, которая столь цинично обманула их?» [56]. Или, как выразился Гитлер в своей речи в 1935 г. в память

«мучеников Фельдхеррнхалле»: «Эти шестнадцать солдат празднуют воскресение, уникальное в мировой истории... Сейчас они вступают в немецкое бессмертие... Но для нас они не умерли... Да здравствует наша национал-социалистическая Германия! Да здравствует наша нация! И пусть сегодня живут павшие во имя нашего движения, Германии и всех ее живых и мертвых!» [57].

Вот слова фашистской песни:
Звони, о колокол революции!
Звони и зови сражающихся воинов,
Зови седобородых, зови молодых,
Зови спящих с их постелей,
Зови юных дев из их покоев,
Зови матерей от их колыбелей.
Пусть воздух содрогнется от предостережения,
Предостережения о страшной мести!
Зови умерших из прогнивших склепов
С громовым криком мести.
Мсть! Мсть!
Германия, пробудись! [58].

Однако звать девушек из их покоев и отрывать матерей от колыбелей – это одно, а звать умерших из их склепов – совсем другое. В песне подчеркивается фашистская концепция континуума между жизнью и смертью. Она объясняет, почему нацисты в конечном итоге пришли к отрицанию культа Неизвестного солдата, – на том основании, что павшие не умерли, а живы, и что умершие воссоединились с живыми через их общую веру в нацистскую Германию. Все это также объясняет миф Мориса Барреса о *debout les morts* (восставших мертвых), в котором рассказывалось о погибших солдатах, приходивших на помощь живым в бою, – миф, возрожденный после войны в таких произведениях, как «Альманах бойца» Анри Бонне (1922) и «Пробуждение мертвых» (1923) Ролана Доржелеса, где показывалось, что павшие не были действительно мертвы, и утверждалось, что, учитывая их жертвенность, надо советоваться с ними о будущем Франции [59].

Для фашизма процесс поминовения мертвых состоит не столько в сохранении памяти о них, сколько в их увековечивании. Муссолини говорил: «Поминовение мертвых означает вхождение в сообщество душ, которое связывает живых и мертвых» [60]. Как писал один из ветеранов Лангемарка в 1935 г., «могилы Лангемарка светятся новым небесным светом. Мертвые в нас вернулись домой» [61]. Хор гитлерюгенда в день памяти провозглашал: «Лучшие из наших людей погибли не для того, чтобы живые могли умереть, а для того, чтобы павшие смогли ожить» [62]. Таким образом, когда Иосиф Магнус Венер восхвалял погибших

при Лангемарке, то, как говорилось выше, это делалось, чтобы показать, что павшие в бою не мертвы: «...они воскресали вновь и вновь, тысячу раз, и они снова поднимутся тысячи раз». И хотя герои Лангемарка погибли, их лица выражают «вечное счастье бессмертия... Они живее нас» [63].

Здесь заключены три идеи, которые требуется разграничить и каждую определить отдельно, но для фашистского мировоззрения они более или менее одинаковы: идея о том, что погибшие в бою не мертвы, идея воскресения и идея бессмертия. Павшие не мертвы именно потому, что они бессмертны. Их бессмертие позволяет им их воскресение, а их воскресение показывает, что они не мертвы. Такое пересечение является еще одним примером того, как фашизм способен оперировать, казалось бы, противоречивыми представлениями. Но тем не менее важно признать, что именно этот синтез играет ключевую роль в фашистской идеологии. С этой точки зрения погибшие присутствуют среди живых. Вышеупомянутая книга «Павшие члены милиции» открывается следующим призывом: «Пусть я буду всегда достойным наших Мертвых, чтобы они сами... могли сказать живым: МЫ ПРИСУТСТВУЕМ! (МЫ ЗДЕСЬ!)» [64]. Подобным образом на ступенчатом архитраве из белого мрамора – самом грандиозном из последних мест захоронения погибших итальянских воинов (мемориал Редипулья, где похоронены более 100 тыс. солдат) – слово «ЗДЕСЬ!» высечено многократно, как бы символизируя своего рода переключку павших. Похороны фашистов, погибших в военных действиях, также работали на идею их постоянного присутствия. Как выразился Джентиле, кульминационным моментом церемонии похорон была поименная переключка, во время которой «один из командиров выкрикивал имя убитого, а толпа, опустившись на колени, восклицала: «Здесь!»» [65]. Над именами погибших героев в «Святыни мучеников» на Выставке фашистской революции в Италии в 1932 г. повторялось слово «Здесь!», а на металлический крест была нанесена фраза «За бессмертное Отечество!»

Идея присутствия мертвых была неизменной темой в речах Гитлера, посвященных памяти «мучеников Фельдхеррнхалле»: «дух их тоже присутствует в наших рядах, и они вечно будут знать, что их борьба не была напрасной» (ноябрь 1934 г.) [66]. Иоахим Фест описывает церемонию, устроенную нацистами год спустя по тому же поводу: «Архитектор Людвиг Троост спроектировал в стиле классицизма два Храма почета для Кенигсплац в Мюнхене. Туда должны были перенести эксгумированные кости первых «мучеников» нацистского движения, помещенные в шестнадцать бронзовых саркофагов.

Накануне вечером, во время традиционного выступления Гитлера в Бюргербройкеллер, гробы поместили на похоронные носилки в Фельдхеррнхалле, который по этому случаю был украшен коричневой драпировкой и пылающими светильниками... С поднятой рукой Гитлер взойшел на лестницу, покрытую красным ковром. Он остановился перед каждым из гробов, «ведя безмолвный диалог». Шесть тысяч его последователей в фашистской униформе пронесли молча мимо гробов бесчисленные флаги и штандарты всех партийных отделений. На следующее утро, в приглушенном свете ноябрьского дня, началось мемориальное шествие. Над головами развивались сотни темно-красных вымпелов с именами «павших во имя движения», вписанных золотыми буквами. Громкоговорители транслировали песню Хорста Весселя, пока процессия не достигла одной из чаш для жертвоприношений, у которой выкрикивались имена погибших... Затем наступила торжественная тишина, когда Гитлер возложил гигантский венок к мемориальной доске. Под скорбное звучание «Германия, Германия превыше всего» процессия двинулась в сторону Кенигсплац сквозь тысячи и тысячи приспущенных флагов в знак приветствия павшим. Это был объединенный «Марш Победы», а имена павших были зачитаны в «последней переключке». Толпа отвечала «Здесь!» в ответ на каждое произнесенное имя. Таким образом, павшие заняли свои места в «вечном карауле» [67].

«Присутствие» погибших объясняет, почему мы «поднимаем руку в безмолвном приветствии» (Хайдеггер, приветствуя Шлагетера), так как эти шествия и торжественные поминовения являются фашистскими митингами особого рода: это митинги немертвых, которые проходят в другом, неявном мире, где жертвы истории навсегда присутствуют друг для друга [68].

Другими словами, фашистов мотивирует и мобилизует не некрофилия, сурвайвализм или тяга к суициду, а желание быть рядом с погибшими и в этом смысле – желание их воскресить. «Проснись, Германия!» становится призывом как к павшим, так и к живым. Это требование не только воскресения, но и политического действия. А можно сказать и так: требование воскресения как политического действия. Таким образом, центральное место в идеологии фашизма занимает попытка привить массам идею воскресения в качестве ключевой политической идеи. Вот почему фашистам легче общаться с мертвыми. В этом и заключается смысл тезиса Хайдеггера о необходимости быть с мертвыми. «Задерживаясь около него [умершего] в знак скорби и памяти, те, кто живы, остаются с ним... В этом Бытии-с-умершим сам умерший фактически больше

не «здесь». Однако... те, кто остался, по-прежнему могут быть с ним». [69]. Шлагетер и павшие продолжают жить: бессмертные, воскресшие, на грани возвращения. В воображении фашистов мертвые не умерли. Они – Немертвые [70].

Но если мертвые в каком-то смысле «немертвые», бессмертные, то это представляет для фашизма серьезную проблему. Если павшие все еще с нами или готовы вернуться, чтобы совершить акт исторической мести, то разве то же самое не верно в отношении погибшего врага? Другими словами, если хорошие немцы не умирают, а остаются бессмертными как часть вечной борьбы, то разве то же самое не относится к коммунистам, евреям, цыганам и т.д.? В конце концов, разве они не являются также частью вечной борьбы? Вспомните, что, несмотря на все разговоры о биологической основе расы, Гитлер все же был вынужден думать о евреях как об «абстрактной расе интеллекта» и поэтому отмечал очевидное: «раса интеллекта является более крепкой, более долговечной, чем просто раса, чистая и простая» [71]. Таким образом, враг также может принимать форму немертвого. И, конечно, немертвые не умирают, а множат новые жертвы и увеличивают свои силы.

Именно поэтому охранники концлагерей так ненавидели заключенных, которые кончали жизнь самоубийством. В своей книге «Непроизводимое сообщество» Жан-Люк Нанси цитирует одного заключенного концлагеря, который утверждал, что заключенные часто думали о самоубийстве, «хотя бы только затем, чтобы заставить эсэсовцев столкнуться с незапланированным мертвым объектом» [72]. Нанси думает об этом так же, как, вероятно, большинство: самоубийство становится для заключенного формой сопротивления, потому что охранников ждет самое сильное разочарование – они уже не смогут ни наказывать, ни пытаться мертвый объект. Но если воспользоваться приведенными мною аргументами, то причину разочарования эсэсовцев в результате самоубийств заключенных надо искать в том, что в их понимании заключенные не были действительно мертвы, а вошли в «царство немертвых», где они могли бы продолжать дело мирового господства, в которое конкретный охранник не в состоянии вмешаться. Фашизм страшится того, что его «умершие» враги не мертвы по-настоящему, что они тоже могут воскреснуть или стать бессмертными. И это, наконец, возвращает нас к вопросу об осквернении могил. По еврейским законам, «неуважительное отношение к трупу подразумевает веру в то, что смерть является окончательной и необратимой» [73]. Вот почему осквернение могилы является актом величайшей важности для фашизма: это способ напа-

дения на мертвых, потому что смерть не является ни окончательной, ни необратимой. Оскверняя могилы, фашизм лишь продолжает борьбу. Можно даже сказать, что фашисты идеологически обязаны осквернять могилы, так как их борьба с врагом обязательно должна вестись и на территории мертвых. Другими словами, фашизм опасается, что их «мертвые» враги не мертвы по-настоящему. А так как на самом деле вести борьбу в мире немертвых фашисты не в состоянии, они вынуждены нападать на могилы. Все это только усиливает мой главный аргумент: если мы проиграем битву с фашизмом, то даже мертвые/павшие не будут в безопасности.

Примечания:

1. *Friedlander, S.* Reflections of Nazism: An Essay on Kitsch and Death. – Bloomington, 1993. – P. 75.
2. *Canetti, E.* Crowds and Power. – London, 1962. – P. 262.
3. *Gentile, E.* The Sacralization of Politics in Fascist Italy. – Cambridge, 1996. – P. 66.
4. Этот аргумент основан на более широком тезисе о том, что политические взгляды – в частности, консерватизм, марксизм и фашизм – можно различать по отношению к мертвым. Это, в свою очередь, связано с идеей о «немертвых». Об этом см. мою книгу: *The Monstrous and the Dead: Burke, Marx, Fascism.* – Cardiff, 2005.
5. *Griffin, R.* The Nature of Fascism. – London, 1993.
6. Ibid. – P. 34.
7. Ibid. – PP. 33, 36.
8. *Griffin, R.* Shattering crystals: the role of 'dream time' in extreme right-wing violence // *Terrorism and Political Violence.* – 2003. – 15/1. – P. 57-95, at P. 76-77.
9. *Mussolini, B.* My Autobiography. – London, n.d. – P. 119.
10. *Hitler, A.* Mein Kampf. – Boston, 1943. – P. 687.
11. Ibid. – P. 199.
12. *Rosenberg, A.* The Myth of the Twentieth Century: An Evaluation of the Spiritual-Intellectual Confrontations of Our Age. – California, 1982. – PP. 460-461.
13. *Mosse, G.L.* The Nationalization of the Masses. – New York, 1985; *Mosse, G.L.* Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. – Oxford, 1990.
14. Цит. по: *Baird, J.W.* To Die for Germany: Heroes in the Nazi Pantheon. – Bloomington, 1990. – P. 8.
15. *Ziemer, G.* Education for Death: The Making of the Nazi. – London, 1942. – P. 21.
16. Из песенника СС, цит. по: *Höhne, H.* The Order of the Death's Head: The Story of Hitler's SS. – London, 2000. – P. 2.
17. Цит. по: *Ziemer, G.* Op. cit. – Ref. 15. – P. 45.
18. *Rosenberg, A.* Op. cit. – Ref. 12. – P. 463.
19. *Mussolini, B.* Op. cit. – Ref. 9. – P. 121. Подобный поворот можно также увидеть в законе, принятом

- нацистским режимом в феврале 1934 г., приравнявшим компенсации пострадавшим борцам за национал-социализм к тем, что выплачивались ветеранам и жертвам Первой мировой войны (см. *Heiden, K. Der Fuehrer. Book Two.* – London, 1944. – P. 575).
20. Я перефразирую высказывание Т. Адорно о Р. Вагнере: «За фасадом свободы Вагнера стоят смерть и разрушение» (*Adorno, Th. In Search of Wagner.* – London, 1981. – P. 14).
 21. См.: «Schlageter» // *The Heidegger Controversy* / Eds. by R. Wolin, Th. Adorno. – Cambridge, 1993. – P. 40-42.
 22. *Heidegger, M. Being and Time.* – Oxford, 1967. – P. 240. В английском переводе на полях указана нумерация страниц оригинального издания.
 23. *Ibid.* – P. 240, 249.
 24. *Ibid.* – P. 258-259.
 25. *Ibid.* – P. 253.
 26. *Ibid.* – P. 263.
 27. *Ibid.* – P. 266.
 28. См.: *Lowith, K. Martin Heidegger and European Nihilism.* – New York, 1995. – P. 161, 220.
 29. *Farias, V. Heidegger and Nazism.* – Philadelphia, 1989. – P. 93.
 30. *Marcuse, H. The struggle against liberalism in the totalitarian view of the state* // *Marcuse, H. Negations.* – London, 1968. – P. 36.
 31. *Farias, V. Op. cit.* – Ref. 29. – P. 91.
 32. *Heidegger, M. Op. cit.* – Ref. 21. – P. 41.
 33. *Heidegger, M. 25 Jahre nach unserem Abiturium: Klassentreffen in Konstanz am 26/27 Mai 1934* // *Heidegger, M. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. Gesamtausgabe Band 16.* – Frankfurt am Main, 2000. – P. 279.
 34. Степень важности этого вопроса подчеркивается наличием веб-сайтов различных групп, которые называют себя «революционными националистами», «белыми националистами», «расовыми националистами», «сторонниками третьей позиции» и т.д.
 35. Для примера см.: <http://www.rosenoire.org/essays/final-solution.php.html>; <http://www.stewarthomesociety.org/gba.html>; <http://unitedskins.com/interviews/razon.htm>.
 35. Националистическая партия Fanzine. – URL: <http://dSPACE.dial.pipex.com/finalconflict/all-4.html> (доступ 26.02.2003).
 36. Цит. по: *Baird, J.W. Op. cit.* – Ref. 14. – P. 97.
 37. *Mussolini, B. in collaboration with Gentile G. Foundations and Doctrine of Fascism* // *A Primer of Italian Fascism* / Ed. by J.T. Schnapp. – Lincoln, 2000. – P. 52. Точно так же в своей автобиографии он рассказывает о молодом фашисте, смертельно раненом коммунистами: «он произнес, что рад и горд умереть и что от меня он узнал, как надо умирать» (*Op. cit.* – Ref. 9. – P. 124).
 38. *Fromm, E. The Anatomy of Human Destructiveness.* – Harmondsworth, 1977. – P. 441.
 39. *Canetti, E.* – *Op. cit.* – Ref. 2. – P. 263.
 40. *Ibid.* – P. 2, 228.
 41. *Theweleit, K. Male Fantasies. Vol. 2.* // *Theweleit, K. Male Bodies: Psychoanalyzing the White Terror.* – Cambridge, 1989. – P. 19.
 42. *Haffner, S. The Meaning of Hitler.* – London, 1988. – P. 150, 158. Такое толкование является широко распространенным. В качестве другого примера см.: *Stern, J.P. Hitler: The Führer and the People.* – London, 1975. – P. 209.
 43. *Speer, A. Inside the Third Reich.* – London, 1971. – P. 591.
 44. *Foucault, M. Lecture, 17 March 1976* // *Foucault, M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–76.* – London, 2003. – P. 260.
 45. *Deleuze, G.; Guattari, F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia.* – London, 1987. – P. 230-231.
 46. *Foucault, M. Op. cit.* – Ref. 44. – P. 260.
 47. *Baudrillard, J. Symbolic Exchange and Death.* – London, 1993. – P. 186.
 48. *Hitler's Table Talk, 1941–1944.* – London, 1953. – P. 38, 144 (Entry for 23rd September 1941, evening and Entry for 13th December 1941, midday).
 49. *Hitler, A. Speech on 22 January 1933* // *Domarus, M. Hitler: Reden und Proklamationen 1932–1945. Band I.* – Wiesbaden, 1973. – P. 181 (*Domarus, M. Hitler: Speeches and Proclamations, 1932–1945. Volume One: The Years 1932 to 1934.* – London, 1990. – P. 220).
 50. *Hitler, A. Speech of 8 November 1935* // *Domarus M. Hitler: Speeches and Proclamations, 1932–1945. Volume Two: The Years 1935 to 1938.* – London, 1992. – P. 728.
 51. Цит. по: *Burleigh, M. The Third Reich: A New History.* – London, 2000. – P. 119.
 52. Обсуждение фильма в этом ключе можно найти в: *Schulte-Sasse, L. Entertaining the Third Reich: Illusions of Wholeness in Nazi Cinema.* – Durham, 1996. – P. 253-273.
 53. *Rickels, L. Nazi Psychoanalysis. Vol. 1: Only Psychoanalysis Won the War.* – Minneapolis, 2002. – P. 76.
 54. Цит. по: *Baird, J.W. Op. cit.* – Ref. 14. – P. 83, 86, 87.
 55. *Hitler, A. Mein Kampf.* – Ref. 10. – PP. 336, 339, 364, 494, 534.
 56. *Ibid.* – Ref. 10. – PP. 201, 205.
 57. *Hitler, A. Speech of 8 November 1935* // *Domarus, M. Hitler: Speeches and Proclamations, 1932–1945. Volume Two.* – Ref. 50. – P. 726-728.
 58. Песня из детской книги Мини Гроштельс «Битва за новый рейх», в которой рассказывается история немецкой молодежи, сражавшейся против коммунистов, цит. по: *Ziemer, G. Op. cit.* – Ref. 15. – P. 87.
 59. *Mosse, G.L. Fallen Soldiers.* – Ref. 13. – P. 105; *Idem. National cemeteries and national revival: the cult of the fallen soldiers in Germany* // *Journal of Contemporary History.* – 1979. – № 14. – P. 1-20, 7, 15.

60. *Mussolini, B.* Battisti!, 12 July 1917 // *Opera Omnia di Benito Mussolini*. Vol. IX. – Florence, 1952.
61. *Dreyse, W.* Die Deutschen von 'Langemarck', 22 October 1935, цит. по: *Baird, J.W.* Op. cit. – Ref. 14. – P. 10.
62. Цит. по: *Mosse, G.L.* National cemeteries. – Ref. 59. – P. 6.
63. Цит. по: *Baird, J.W.* Op. cit. – Ref. 14. – P. 8.
63. *Berezin, M.* Making the Fascist Self: The Political Culture of Interwar Italy. – NY, 1997. – P. 202.
64. *Gentile, G.* Op. cit. – Ref. 3. – P. 27.
65. *Hitler, A.* Speech of 8 November, 1934 // *Domarus, M.* Hitler: Speeches and Proclamations, 1932–1945. Volume One. – Ref. 49. – P. 542.
66. *Fest, J.C.* Hitler. – Harmondsworth, 1977. – P. 761-762.
68. См.: *Schnapp, J.T.* Epic demonstrations: fascist modernity and the 1932 exhibition of the fascist revolution // *Fascism, Aesthetics, and Culture* // Ed. by R.J. Golsan. – Hanover, 1992. – P. 30.
69. *Heidegger, M.* Op. cit. – Ref. 22. – P. 238.
70. Здесь игра со словами «немертвый» и «чудовищный». Подробнее см. мою книгу «Monstrous and the Dead».
71. Entry for 13th February 1945 // *The Testament of Adolf Hitler: The Hitler-Bormann Documents, February–April 1945* / Ed. by F. Genoud. – London, 1962. – P. 65.
72. *Nancy, J.-L.* The Inoperative Community. – Minneapolis, 1991. – PP. 158-159.
73. *Rabbi Breitowitz, Y.* Jewish law articles: the desecration of graves in Eretz Yisrael. – URL: <http://www.jlaw.com/Articles/heritage.html> (доступ 18.08.2003).,

УДК 930(430) «.../1990»
ББК 63(4Гем)6

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Корнева Лидия Николаевна,
доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории и социально-
политических дисциплин, Кемеровский
государственный университет
(г. Кемерово, Россия)
korneva_21@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы немецких авторов к освещению национал-социализма как политической религии. Подчёркивается, что концепция нацизма как политической религии получила дополнительный импульс в 90-е годы XX столетия в рамках теоретических дискуссий о силе влияния нацистской идеологии и пропаганды на массы немецкого населения. Критически анализируются работы учёных, оценивается место и значение исследований в общем русле немецкой историографии нацизма.

Ключевые слова: нацизм, политическая религия, нацистская идеология, христианство, тоталитаризм.

NATIONAL SOCIALISM AS A POLITICAL RELIGION: HISTORIOGRAPHICAL DIMENSIONS

L.N. Korneva, doctor of historical sciences,
Professor, Department of World History
and Social-Political Sciences, Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

Abstract. This article discusses German historians' approaches to the consideration of National Socialism as a political religion. The author emphasizes that the concept of Nazism as a political religion received added impetus in the 1990s within theoretical discussions about the impact of Nazi ideology and propaganda for the German masses. The work of scholars is critically examined and the place and significance of the research in German historiography of Nazism are evaluated.

Key words: Nazism, political religion, Nazi ideology, Christianity, totalitarianism.

Понятие «политическая религия» было введено в научный оборот в конце 30-гг. Э. Фогеляйном [1] и Р. Ароном [2]. Однако изучение нацизма как политической религии многие годы находилось на обочине исследований. Интерес к нему возрос в связи с оживлённым интересом к теории тоталитаризма.

Имела ли в действительности нацистская идеология религиозные корни? В настоящее время на эту тему ведутся дискуссии. Одни историки и по-

литологи утверждают, что нацистское движение было заражено мессианством. Другие соглашаются с тем, что нацистская идеология все же была политической религией. Третьи обращают внимание на противоречивость подхода к нацизму как к религии.

Ставя вопрос о религиозных корнях национал-социализма, авторы обычно выходят на такие проблемы, как отношения нацизма с церковью; причины Холокоста, который они нередко объясня-

ют не только социально-политическими, но и религиозными установками отдельных руководителей нацистского движения.

Обратимся к наиболее заметным работам на эту тему, сделанную немецкими исследователями.

Современный немецкий историк Г. Майер рассматривает тоталитарные организации и режимы в свете «нового религиозного движения» XX в. Он считает, что их оценка религиозными категориями была результатом религиозно-философских и религиозно-феноменологических изысканий времен Первой мировой войны и послевоенного периода. В их результате возникло новое понятие религии, которое преодолевало узкие индивидуалистические подходы XIX в. Религии в XX в. вместе с социальным измерением приобретают новые черты, выходящие за рамки обычного разума. Они требуют «экстаза» и «зловещности», диктуемых новым религиозным опытом [3].

Автор указывает также на такие типично религиозные инструменты, которыми оперируют «новые» политические религии, как запугивание, террор, вторжение в частную жизнь и т.п. Тоталитарные религии широко используют ритуалы. Для них, как и для религий в целом, характерен эзотеризм. Есть «посвященные» группы людей, включённые в общество, а есть и «исключённые» из него. В тоталитарном обществе для человека очень важно быть в группе «включённых». Тоталитарным движениям свойственна также ставка на обещания «благополучия», создание образа того, кто принесёт его. То, что национал-социализм активно использовал такие мифологические образы, как «кровь», «раса», «земля», лишь подчеркивает религиозную сущность нацизма.

Как всякий миф, отмечает Майер, тоталитаризм нуждается в воплощающей его фигуре. Таковой у нацистов был Гитлер. «Вестник господ», как его именовали поклонники в начале движения, был призван придать силу мифу. Не случайно в нацистской «церкви немецких христиан» портрет Гитлера размещался в алтаре. Это, по существу, было возвращением к своего рода слиянию церкви и государства, что присуще тоталитаризму как таковому [4].

Очевидно, что при внимательном рассмотрении суждения Г. Майера выглядят несколько упрощёнными. Преувеличены религиозные компоненты нацистской идеологии. Нацизм возник в определённом времени и пространстве. Он не мог, подобно многим религиозным сектам, игнорировать социально-политическую обстановку, сложившуюся в немецком обществе в 20-е годы XX в. Первое место в его программных установках занимали

конкретные политические и социальные задачи, способные вызвать отклик не столько религиозный, сколько гражданский. Однако верно, что обозначение в 25 пунктах нацистской программы евреев как «враждебного» немцам «элемента» имело эзотерический характер.

В 1997 г. вышел в свет сборник статей о нацизме как политической религии. Его появление было результатом работы научного симпозиума в Вене и приурочено к 50-летию освобождения Европы от нацистского террора [5]. Толчком к постановке на нем проблемы политических религий в XX в. послужила находка в гараже Имперской канцелярии нацистских «фресок» апокалипсического свойства. Участники симпозиума, они же авторы сборника – учёные из Италии, Германии, Австрии, Франции и Израиля, – задались вопросом, имеют ли эти фрески культурно-историческую ценность? Быть может, это очередной нацистский китч? Нужно ли сохранять его для потомков? Поиск ответа на этот вопрос вызвали острую полемику не только среди специалистов, но и в немецком бундестаге [6].

В сборнике была подвергнута детальному анализу точка зрения Э. Фогеляйна на политическое мессианство новейшего времени. Авторы сочли, что некоторые его тезисы спорны. Но они соглашались с тем, что нацизм содержит социально-религиозные элементы [7]. Эта сторона дела и стала главным предметом анализа.

Представленная в нем статья австрийского социолога М. Лея посвящена апокалипсическим движениям современности и роли антисемитизма в нацистской идеологии. Ее автор обращает внимание на то, что антисемитские мотивы весьма характерны для немецко-австрийской литературы конца XIX в. Она неустанно противопоставляла идеалы «чувственного немца» взглядам «бесчувственного, расчётливого еврея». Романтическое духовное наследие конца XIX в., подчеркивает автор статьи, вызвало к жизни новый романтизм. Нацизм и религия стали составной частью политической теологии романтизма [8].

Особое значение Лей придаёт рождению в Германии политического антисемитизма. К его видным апологетам он относит историка Генриха фон Трейчке, а также Пауля Лагарде – основателя немецкого «народного» движения», типичного сторонника консервативной революции и «христианско-германской» церкви. Лагарде, как и другие реакционные идеологи (например, А. Ролинг и Й. Ланц), открыто призывали к «освобождению» Германии от еврейства как необходимую предпосылку «святого» пути немецкого народа [9].

Автор напоминает, что Ролинг и Ланц были политическими «отцами» Гитлера в годы его пребывания в Вене. Оба они проповедовали «христианство на расовой основе». Спасение мира Ланц видел в восстановлении расовой чистоты и в геноциде «недоразвитых» рас. Гитлер был активным читателем Ланца и его взгляды, со всей очевидностью, сильно повлияли на будущего нацистского фюрера, утверждает автор [10].

Анализируя идеологию и философию младоконсерваторов, Лей показывает, что практически у всех консервативных теоретиков – от Адама Мюллера до Эрнста Юнгера и Карла Шмитта – присутствует идея «жертвы». «Национал-социализм сделал революционно-консервативную идею «жертвы» важнейшей частью своей идеологии» [11]. Нацистский апокалипсис Лей считает высшим проявлением гностицизма нового времени.

В поисках философско-религиозных основ гитлеровской идеологии есть смысл, если считать искренней веру Гитлера в христианское толкование мира. В своей книге «Майн кампф» он не раз ссылается на Библию и своё мессианское предназначение. Он утверждал, и не раз, что должен завершить борьбу с антихристом в лице евреев, которую начал ещё Христос, и что эта борьба священна [12]. В его многочисленных речах звучали и христианско-апокалипсические нотки.

Согласно взглядам Лея, нацисты видели в Гитлере инкарнацию Христа и считали «новой» Германию заделом тысячелетнего рейха. Об этом постоянно писал и антисемитский еженедельник нацистов «Дер Штюрмер» [13].

Слабость рассуждений Лея заключается в том, что он не видит различий между индивидуальной верой Гитлера и потребностями пропаганды. В ней же нацисты использовали любые средства, в том числе и библейские сюжеты.

Автор указывает также, что нацистские идеологи постоянно использовали термины «чистка», «очистка от грязи», «содержание в чистоте крови». После проигранной Первой мировой войны в некоторых кругах немецкого общества культивировались утрата смысла существования, потеря жизненной ориентации. Происходил распад традиционных структур. Эти настроения нашли отражение и в дневниках Геббельса середины 20-х гг.

Лей отмечает, что эти дневники пронизывают «паника и яростное стремление избежать краха», желание изменить социальные и политические отношения. Варварское поведение многих молодых немцев автор объясняет «нацистским мессианством», который требовал расправы с «силами зла». Политическую религию А. Гитлера многие

его сторонники воспринимали как «новый реализм», а некоторые молодые писатели старательно стилизовали «фюрера» под Христа, который должен победить смерть [14].

Другой автор сборника – К. Вондунг – рассматривает «нацистский апокалипсис» как религиозное экстатическое возбуждение. Он пишет, что «высвобожденный» экстаз должен был проявиться в опьянении кровавыми действиями. Ответственность за преступления нацизма, по его мнению, должна разделить и церковь, которая в течение многих столетий связывала борьбу за чистоту своего учения с чистотой крови [15].

Обращение Гитлера и Розенберга к библейским сюжетам, в частности, к апокалипсису, автор склонен оценивать как историко-спекулятивное. В то же время, он отмечает особый религиозный фанатизм, присущий Розенбергу. Он проповедовал, что «преодоление большевистского учения станет исключительно возможным только на основе новой веры и рождённой из этого мировоззрения воли к действию [16].

Как работал механизм связи между религиозным экстазом церкви и нацистов, более отчётливо показано в статье Й. Ридля. Он утверждает, что охота на дьявола, ведьм и заговоры на крови являлись многовековой христианской традицией. Часто они были связаны с изгнанием и убийством евреев. Политическая же религия национал-социализма, его аппарат террора способствовали массовости преследований и убийства евреев, кульминацией которых стал Холокост [17]. При этом Ридль, на наш взгляд, слишком прямолинейно изображает рассматриваемую связь, уподобляя Голгофу фабрикам смерти под знаменем свастики.

Ряд статей сборника посвящён религиозным мотивам в немецкой культуре и их использованию нацистами. В их числе исследования влияния творчества композитора Р. Вагнера [18], наличия апокалипсических тем в архитектуре и литературе, а также обоснования нацистских притязаний на мировое господство с помощью искусства [19].

Особое внимание уделяется в последнее время не только Гитлеру, но и другим личностям, стоявшим у истоков формирования идеологии нацизма, и прежде всего тем, кто стремился придать его идеологии черты религиозного фанатизма. Этот подход должен был объяснить появление фанатичных черт ментальности у поклонников нацизма, в частности, тех, кто был причастен к Холокосту.

Среди идеологов нацизма к религиозным фанатикам обычно причисляют Эккарта, Розенберга, Геббельса и некоторых других. Статья историка Э. Пипера посвящена Альфреду Розенбергу –

«пророку войны» и верующему нацисту. Автор с полным основанием утверждает, что в годы становления нацистского движения (1919–1923 гг.) на мировоззрение Гитлера, наряду с Г. Федером и Д. Эккартом, сильно повлиял Розенберг [20].

Обращение к «творчеству» этого деятеля оправданно, поскольку до сих пор роль Розенберга в нацистском движении оспаривается. Одни считают его оторванным от жизни, безобидным мечтателем, другие – стратегом нацизма, серым кардиналом гитлеровской команды. Анализируя многочисленные статьи Розенберга начала 20-х гг., Пипер демонстрирует «основательную» разработку им антисемитизма как основы расовой идеологии нацизма. Автор исследует также представление Розенберга о путях создания в Европе и в мире «нордического» расового сообщества. Можно согласиться и с замечанием автора, что эти рассуждения Розенберга были откровенной попыткой дезавуировать традиции христианства и создать эрзац-религию [21].

Пипер выступает против представления о книге Розенберга «Миф XX столетия» как заурядной расистской работе. Он убедительно показывает, что она была направлена и против католической церкви [22]. Разбирая взаимоотношения между Гитлером и Розенбергом, автор статьи констатирует, что первоначально Гитлер усвоил предложенную Розенбергом жёсткую антикатолическую позицию, но затем, исходя из прагматических соображений, сменил её на более мягкую [23].

Избегая грубых нападок на христианство, Гитлер, тем не менее, как пишет автор, «охотно участвовал в неправомерной адаптации христианских образов, понятий и символов». Когда, например, возникла первая нацистская группа за пределами Мюнхена, он сравнил её с христианскими общинами, которые сначала были единичными, а потом распространились по всему свету. «Присоединение» Австрии он называл «божеским решением», а референдум – «святым выбором», – пишет автор [24].

Пипер прослеживает также влияние Розенберга на взгляды и политику Гитлера в отношении России. В этом вопросе у них было много общего, что нашло впоследствии отражение в деятельности так называемого «ведомства Розенберга» по «оккупированным восточным территориям».

Автор справедливо обращает внимание на то, что Гитлер, в отличие от некоторых своих единомышленников в руководстве НСДАП был, прежде всего, политиком, а не религиозным деятелем. То же касается и Розенберга. Но, в отличие от него, Гитлер неоднократно подчёркивал «народный», а не религиозно-культурный характер нацистского движения [25].

Пипер опровергает мнение, будто после 1933 г. Розенберг утратил своё влияние. В действительности оно имело волнообразный характер и зависело от приоритета тех или иных задач в политике нацистов. С началом войны деятельность Розенберга существенно активизировалась. В январе 1940 г. Гитлер поручил Розенбергу работу по воспитанию в нацистском духе офицерского корпуса. Затем Гитлер назначил его руководителем упомянутого выше ведомства по восточным территориям.

В статье убедительно показано, что Розенберг не случайно оказался на скамье главных подсудимых Нюрнбергского трибунала, поскольку не был «безобидным мечтателем» о создании нордического государства. Он был реальным политиком, причастным к депортациям европейских народов, и руководителем «набегов своего штаба на культурные учреждения оккупированных областей с целью грабежа их культурных ценностей» [26].

Разумеется, все «теоретические усилия» нацистов (в том числе и Розенберга) в поиске своей идеологии имели малое отношение к науке. Вместе с тем, как отмечает Пипер, несмотря на любительский характер его изысканий и, может быть, именно поэтому предложенные им идеологические установки «оказались вполне понятными широким слоям немецкого населения» [27].

Анализ Пипером религиозных основ взглядов Розенберга во многом проясняет картину формирования расовой политики нацистов, а также их действий по отношению к церкви, культуре и искусству.

В статье Й.Х. Шёпса предпринята попытка найти ответ на острый вопрос: почему «люди молчали, когда в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. горели синагоги. Они молчали, когда на их глазах отправлялись в концлагеря транспорты с евреями» [28]. Автор считает, что с обычным инструментарием историков к пониманию равнодушия немцев к судьбе евреев не подступиться и что существует «теологическое измерение» этого феномена. Для его понимания необходим анализ религиозных основ нацистского «окончательного решения» еврейского вопроса, а также позиции протестантской церкви [29].

Шёпс приходит к выводу, что гитлеровский национал-социализм был «движением веры», которое располагало всеми признаками мифологической функции религии. По его мнению, идеология нацизма была органическим сплавом политики и религии. Поэтому тайна успеха Гитлера и нацистов частично связана с тем, что их «народная» идеология имела религиозное ядро [30].

Между тем, большинство немецких историков не разделяет религиозное обоснование популярно-

сти Гитлера, которое отстаивает Шёпс. В научных кругах доминируют методы исследования массовой базы нацистов, сложившиеся ещё в 60-е – 70-е гг., в которых ведущее значение придается социально-экономическим и психологическим мотивам. Не согласны они и с утверждением Шёпса, что нацисты считали уничтожение евреев более важным, чем войну на Востоке, которое он подкрепляет ссылкой на то, что транспортировка евреев в концентрационные лагеря не сократилась даже после тяжёлого поражения немцев под Сталинградом. «Гитлером, – пишет он, – владела навязчивая идея о необходимости уничтожения евреев в ходе «новой иудейской войны» [31].

У позиции Шёпса много других слабых мест. Не доказано, что планировщики и исполнители Холокоста были религиозными фанатиками. Вопреки его утверждениям, национал-социализм был не только разновидностью религиозного антисемитизма. Холокост определялся не только антисемитизмом, но и рядом других обстоятельств: ходом войны, менталитетом палачей и др. [32].

Вину протестантской церкви в насаждении антииудаизма и антисемитизма Шёпс видит в признании ее теологами работы Лютера «О евреях и их лжи», ставшей религиозным обоснованием политики нацистской «немецкой церкви». Поэтому ему представляется не случайным совпадение большого еврейского погрома 9 ноября 1938 г. с днём рождения Лютера [33].

Сила нацистов, по мнению автора, заключалась в том, что они сумели представить евреев всеобщим врагом, пропагандируя это утверждение на официальных съездах партии и используя многообразные методы воздействия на массы. «Всё это вместе взятое смело еще сохранившиеся моральные и этические плотины, мешавшие «борьбе с еврейством». Массовое истребление евреев становится понятным, с точки зрения Шёпса, «только при учете религиозно-христианского измерения. Существует связь между христианской идеей «спасения», христианским апокалипсисом и уничтожением еврейства» [34]. В основе агрессивной войны нацистского режима лежало не только завоевание жизненного пространства, но и «победа арийства над европейским еврейством», – пишет автор [35].

В целом, взгляды Шёпса показательны для тех историков Холокоста, которые, подобно известной исследовательнице тоталитаризма Х. Аренд, считают антисемитизм центром идеологии национал-социализма [36]. Не вызывает сомнений, что главная роль в расовой теории нацизма отводилась антисемитизму как предпосылке возрождения «арийства». Но это не исключало непримиримой враж-

дебности нацистов к «другим расам». Достаточно напомнить в этой связи о стерилизации различных «расово неполноценных», об эвтаназии «социально и расово неполноценных арийцев», о программах уничтожения многих народов. Другое дело, что евреи, в силу обстоятельств, оказались в числе первых жертв нацизма.

На наш взгляд, Шёпс преувеличивает и антисемитские мотивы в идеологии христианства, хотя критика им примиренческой позиции церкви в отношении нацизма представляется справедливой. Во всяком случае, было бы неверным игнорировать то, что в формировании нацистской идеологии и политики играло роль не само христианство, а его толкование «теоретиками» национал-социализма в угоду своим религиозно-политическим амбициям.

Рассмотрим в этой связи трактовку немецкими историками роли, которую играли в формировании нацистской идеологии религиозные взгляды самих ведущих «основателей» нацистской партии. Наиболее содержательно эта проблема анализируется в работе К.Е. Бэрша «Политическая религия национал-социализма» [37]. В центре внимания автора – анализ взглядов и влияния раннего окружения Гитлера. Рассматривая письменные источники, принадлежавшие этой группе, автор прослеживает динамику представления руководства партии и самого Гитлера о том, чем можно побудить народ встать на «правильный путь». Новым в работе как раз и является использование религиозно-политологических категорий для осмысления и анализа нацистской идеологии.

В первой части книги Бэрш анализирует содержание ранних работ руководителей нацистов – Эккарта, Геббельса, Розенберга и Гитлера. Во второй – рассматривает феноменологию таких понятий нацистского мировоззрения, как «рейх» и «фюрер», «народ» и «раса». При этом прослеживается связь между мистикой и апокалиптикой в национал-социалистических текстах.

Бэрш доказывает, что огромную роль в формировании религиозно-мистического понимания Третьего рейха сыграл Д. Эккарт – один из основателей партии, друг Гитлера и первый редактор партийной газеты «Фелькишер беобахтер». Именно он в 1919 г. ввёл в арсенал партии идеологему Третий рейх, придав ей антисемитско-религиозную направленность [38].

Вторым по значению влиянием на политическую религию нацизма обладал, по мнению автора, Геббельс. Большое значение для последнего имело строгое католическое воспитание и осознание национальной катастрофы, которое владело Геббельсом накануне вступления в нацистскую партию. Бэрш

показывает, что это и привело Геббельса к активным философско-религиозным поискам, имевшим целью придания политической борьбе религиозных форм, или чтобы, используя их, обосновать правомочность нацистских притязаний на власть [39].

Комплекс Третьего рейха, сложившийся у Эккарта и Геббельса и присутствовавший в более слабом виде у Гитлера, сводился, по мнению Бэрша, к следующим пунктам: Третий рейх – рейх будущего. Он должен рассматриваться как «христианское спасение»; переход от современности к будущему и предполагает качественный скачок, которому будет предшествовать всеобъемлющий кризис и катастрофа; для преодоления этой катастрофы потребуется борьба, понимаемая как схватка со злом; национал-социалисты – «божий» инструмент истории, а немецкий народ – субъект истории, и только он способен привести мир в Третий рейх; будущее общество должно возглавляться фюрером, который проведет борьбу и утвердит рейх. Главными носителями зла и слугами сатаны провозглашались евреи. Они – «демоны» распада. В ходе движения к рейху их следует уничтожить [40].

Согласимся с автором, что сам Гитлер толковал идею Третьего рейха в более традиционном смысле, т.е. в европейской политической традиции и в определённых географических рамках. Об этом свидетельствует его приверженность атрибутике средневековой немецкой империи, конфигурация самого Третьего рейха и функций прилегающих к ней областей после завоеваний на Востоке.

Можно согласиться также с утверждением Бэрша, что «интерес к политике и политической действительности у нацистов не предполагал обязательного поиска религиозной обоснованности и христианской правды» [41]. Этим автор объясняет появление в пункте 24 программы НСДАП требования поддержки «позитивного христианства». Добавим, что нацисты в своих политических интересах грубо искажали христианские ценности.

Важным представляется замечание Бэрша, что Эккарт и Геббельс попытались «по-новому» ответить на «вечные вопросы»: кто мы (*немцы* – Л.К.) есть, откуда пришли и куда идём. Ответ «откуда» ассоциировался с понятием арийской расы. Понятие «Третий рейх» отвечало на вопрос «куда идём». При ответе на этот вопрос утверждалась некая коллективная идентичность [42]. Как убедительно показывает специалист по теологии Бэрш, что трактовка нацистами взаимоотношений человека, апокалипсиса и «спасения» искажает смысл Евангелия.

В специальной главе автор исследует взаимосвязь лозунгов «Хайль Гитлер», «Айн фолк – айн

рейх – айн фюрер». («Один народ, один рейх, один вождь») и «Зиг – хайль» («Да здравствует победа»). Прослеживается значение веры в Гитлера для конструирования единства народа и рейха. Основой культа фюрера является вера в Гитлера как в спасителя, составлявшая важнейший элемент нацистской идеологии. Одновременно культ фюрера в определённой степени отражал недовольство формальной демократией [43].

Следует при этом упомянуть, что ещё раньше, в работе английского историка Яна Кершоу, на основе эмпирических данных было убедительно прослежено значение веры народа в своего фюрера. При этом Кершоу доказывает, что необычайная популярность и высокая оценка Гитлера имела и религиозные черты. «В условиях утраты доверия к церкви со стороны нацистов было ловким ходом предложить замену старой, христианской идеологии новой, в виде идеологии национал-социализма, соединяющей религиозные чувства с национально-патриотическими идеями», – пишет Кершоу [44]. Вместе с тем, убедительно показав силу веры в Гитлера как основу массового влияния нацизма, он счёл необходимым подчеркнуть, что чествование Гитлера имело псевдорелигиозный характер.

Бэрш оспаривает утверждение Кершоу о «псевдорелигиозном» характере поклонения Гитлеру. Он считает, что «вера тех людей, которые в массовом порядке подписывали свои письма лозунгом «хайль», тех, кто каждый день приветствовал им друг друга, имела и религиозное содержание». Приветствующие люди находились в этот момент «в поле взаимодействия религии и политики и были связаны друг с другом харизмой Гитлера» [45].

В свою очередь многие современные учёные, опираясь на донесения СД о внутреннем положении в рейхе, доказывают, что вера людей в Гитлера вовсе не была всеобъемлющей. Для многих приветствие вскинутой рукой было лишь формальностью (Фрай, Хуммель, Венд и др.) Согласившись с этим, добавим, что безграничная вера в фюрера была характерна, прежде всего, для узкого окружения Гитлера. А если брать сам народ, то это касалось, главным образом, самых фанатичных сторонников нацистской партии, большей частью из числа молодёжи, а также женщин. И определялось это воздействием не столько чисто религиозного, сколько эмоционального фактора, присущего этим категориям населения.

В формировании образа Гитлера как «спасителя» немецкой нации, считает Бэрш, большую роль сыграли позиции ряда представителей реакционно-консервативного лагеря. Известный «расовед»

Х.С. Чемберлен, а также сторонники радикального националиста композитора Вагнера и некоторые другие шовинисты, стремясь продвинуть в общество свои взгляды, всячески поддерживали в Гитлере убеждение о его призвании как мессии [46].

Одновременно существовала и полурелигиозная взаимосвязь между Гитлером и его ближайшим окружением. Так в духе религиозного экстаза он воспринимался Геббельсом. Вообще, Бэрш рассматривает фигуру Геббельса как идеально-типическую для анализа формирования культа фюрера. Поэтому он подробно прослеживает оценку Геббельсом мировоззрения Гитлера как «катехизиса новой политической веры» и видение им в Гитлере воплощения «народной идентичности» [47]. Большинство верующих нацистов, по мнению Бэрша, принимали этот модус.

Бэрш излагает также свои оценки восприятия Гитлера другими деятелями нацизма: Р. Гессом, Ю. Штрайхером, Г. Гиммлером, Б. фон Ширахом, Г. Герингом. В их восприятии Гитлера было много общего с восприятием Геббельса, но выделялась та или иная особенность.

Автор приходит к заключению, что все эти «революционеры» верили в Гитлера в религиозном духе. Они наполняли его характеристику теми чертами, которые охарактеризовал в свое время М. Вебер. Вера в харизму Гитлера рассматривалась как условие силы и победы движения. Одновременно она же стала основой криминального содержания нацистской «народной» политики [48].

Идеологические основы «народной» политики национал-социализма автор осмысливает, опираясь на содержание книг А. Розенберга «Миф XX столетия» и А. Гитлера «Моя борьба». Розенберг превыше всего ставит понятие «мировоззрение». Оно в его трактовке очень широкое и объединяет религию, науку и искусство. Его взгляды идентичны содержанию пункта 24 партийной программы о «позитивном христианстве».

На взгляды Гитлера и Розенберга (особенно – последнего), считает Бэрш, сильно повлияло учение немецкого средневекового мистика Майстера Экхарта о божественности немецко-арийской души и крови. Понятие «раса» и Гитлер, и Розенберг трактуют в биологическом смысле. И при этом четко прослеживается антропологически-религиозная интерпретация враждебности «ариев» и евреев [49].

Анализируя книгу Гитлера «Моя борьба», Бэрш пытается выяснить суть подхода руководителя нацистов к партийной идеологии. При этом он обращает внимание на одну из ее центральных категорий – «веру». Гитлер особенно подчёркивал

этот аспект нацистского мировоззрения. Он действительно заканчивал главу «Мировоззрение и партия» требованием создания догматов и символов веры нацистов [50].

Опираясь на этот факт, Бэрш приходит к выводу о рождении политической веры в рамках «народного» «религиозного» сознания [51]. Этот вывод представляется спорным, так как «символ веры» у Гитлера явно имел не религиозный, но политический характер. Другое дело, когда Бэрш обращает внимание читателя на то, что и в своих письмах, заметках и в речах Гитлер постоянно говорит о мессианской роли немецкого народа по «спасению» европейской культуры от «разрушения еврейством». Здесь Гитлер, действительно, оперирует религиозными и библейскими категориями.

Бэрш обращает внимание также на то, что в философских рассуждениях Розенберга и Гитлера большое значение придается приставке «иг», то есть, «первоначальный». «Первооткрыватель», «исходный тип», «исходный элемент» (Гитлер), «исходная субстанция», «исходный феномен» (Розенберг). Этому «исходному» процессу оба придают очень большое значение. Для них это – нечто настоящее, не извращённое, лучшее. Они признают лишь ту культуру, в основе которой лежит «первоначальная субстанция» [52].

Идеологема «расы» у Гитлера и Розенберга раскрывается через поиск силы, величия и гармонии. Раса является центром коллектива. Эта идеологема противопоставляется Просвещению с его идеями равенства, ответственности и совести [53].

Анализ представлений Гитлера и Розенберга, проведенный Бэршем, несомненно, облегчает понимание действий нацистского руководства в сфере расовой и культурной политики, а также помогает осмыслить взаимоотношения внутри узкого круга соратников Гитлера, большинство которых до конца сохранили верность своему «фюреру».

Суммируя, можно утверждать, что Бэрш находит религиозное содержание во всех компонентах нацистской идеологии: в её трактовке личности, общества, государства, права и истории в целом. «Вне религиозного измерения нельзя до конца понять оценочные категории национал-социалистов», – пишет автор. «Идеология национал-социализма, – продолжает он, – по праву может называться политической религией» [54]. «Нацистское мировоззрение религиозно, так как в противоположность науке и философии требует веры», – утверждает он в другом месте [55].

Можно согласиться с Бэршем в том, что идеологи нацистов сделали немецкий народ объек-

том своих религиозных манипуляций. Но всё же, не следует преувеличивать степень влияния этих компонентов на массы. Во-первых, не все идеологи нацизма придавали религиозный смысл тем понятиям, которыми оперировали. Это касается, прежде всего, Гитлера и Розенберга. Религиозных фанатиков среди руководителей было крайне мало, и только один из них – Геббельс – действительно был влиятельной фигурой Третьего рейха.

Гиммлер тоже слыл весьма влиятельным нацистом, будучи руководителем аппарата «СС». Но прежде всего он был эзотериком. Эзотерика же представляет собой нечто иное, чем религия. Возможно, следует говорить о дополнительных мобилизационных возможностях, которые предоставляли религиозные манипуляции в деле усиления влияния нацистской идеологии. Но они были рассчитаны только на определённую часть населения, настроенного одновременно и религиозно, и антицерковно. И Гитлер, и вся когорта нацистских идеологов были, прежде всего, политиками, а не религиозными деятелями.

Немецкий народ ждал от партий, в том числе и от нацистской, реального разрешения социально-экономических проблем и подъёма уровня жизни. И популярность нацистской партии у населения после ее прихода к власти и покоилась вплоть до начала войны, прежде всего, не на религиозных чувствах или антисемитских акциях, а на успехах социально-экономической и внешней политики в 1933–1939 гг.

Большая доля религиозных и эзотерических компонентов в идеологии национал-социализма свидетельствовала, прежде всего, о глубочайшем кризисе не только политического, но и религиозного сознания германского (и европейского) общества в 10-е – 20-е гг. XX в. Она была также отражением общего кризиса европейской культуры, отражённого в работе О. Шпенглера «Закат Европы».

Специальную главу книги Бэрш посвящает анализу причин геноцида евреев. С точки зрения нацистской религиозной идеологии ему представляется логичным процесс массового изгнания и убийства евреев в годы Второй мировой войны. Полемизируя с другими немецкими историками, которые считают Холокост кумулятивным процессом, результатом войны, следствием «генерального плана Ост» и ряда других причин, Бэрш на первое место выдвигает религиозную подоплеку. «Божественные арии» должны были проторить себе дорогу в «святой» рейх путём уничтожения евреев. Их истребление вытекало не из христианской идеологии как таковой, а из ее нацистской трактовки и искажения [56].

В свете споров о намерениях Гитлера на этот счёт, ведущихся в историографии, автор доказывает, что Гитлер был твердо намерен уничтожить евреев, если не сразу, то в ближайшем будущем. И это, по мнению Бэрша, не вызывает сомнений, несмотря на отсутствие соответствующих прямых письменных или устных распоряжений. Установка была очевидной. Чтобы построить «новый порядок», необходимо истребить другой народ. Уничтожение стало спецификой нацистской идеологии. Таково следствие ее религиозных основ. Автор ссылается на тот факт, что в нацистской идеологии большое значение придаётся понятию «жертва». Коллективной жертвой должен был стать еврейский народ. Таков постулат, который надлежит учитывать при осмыслении причин появления Освенцима, – считает автор [57].

Сам Освенцим для Бэрша – не загадка. «Рассматривая объективно, – пишет он, – в Холокосте речь идёт о ритуальном убийстве. Уничтожая евреев, Гитлер хотел исполнить «волю Всевышнего, действуя во имя Его блага». Эсхатологическое «спасение» преобразуется в головах главарей нацистов в намерение построить на земле рай для арийцев. Собственная «жертва» подменяется чужой жертвой. Она священна, поскольку обеспечивает уничтожение «Зла» в корне. В речах Гитлера не раз встречается утверждение: «Борясь с евреями, я борюсь за дело Господа» [58].

Этот подход, считает Бэрш, предписывался политической религией, объединявшей всех национал-социалистов. Нацистам она не оставляла выбора. Они были связаны этим решением. Им предстояло либо реализовать его, либо перестать быть нацистами. И это, по мнению автора, делало всех их соучастниками массовых убийств [59].

Этот раздел книги Бэрша и его выводы представляются убедительными и добавляют рельефности оценке массового уничтожения европейских евреев в годы Второй мировой войны. Многие его выводы идентичны тем, к которым приходят многие американские и израильские учёные. Вместе с тем представляется не очень верным связывать Холокост только с принесением евреев в жертву на религиозной основе. Ведь расправе нацисты подвергли и другие народы, пусть даже в меньшем масштабе. Холокост был обусловлен множеством обстоятельств, и религиозный экстаз был в нем далеко не самым главным.

Итогом исследования Бэршем взаимосвязи нацистского сознания с практикой уничтожения стали выводы, приводимые ниже.

1. Мировоззрение нацистов нельзя понять без должной оценки трактовки ими христианских цен-

ностей. В противном случае она бы не заразила все слои немецкого общества.

2. Успех нацистов после легального прихода к власти покоится на религиозном характере его идеологии. Политическая религия стала капиталом их бездушия.

3. В нацистском сознании идеологемы «раса», «народ» и «народная общность» конституировались как звенья связи Бога, арийцев и немецкого народа. При этом в их идеологии делалось различие между «народностью» и западноевропейским понятием демократии.

4. Оценку нацистами еврейской общности следует рассматривать как специфическую попытку нацистов искусственно конституировать коллективную идентичность, поскольку самоутверждение предполагает отрицание «чужого».

5. Массовое уничтожение евреев является, прежде всего, следствием религиозной импликации нацистской идеологии. Собственная жертвенность заменяется принесением в жертву представителей чужой расы.

6. Несмотря на все противостояние нацистов духу Просвещения, в их политической религии заметны элементы модернизма («дух модерна»). Сила и власть нацистов – продукт реально-исторической современности [60].

Со многими из изложенных тезисов можно согласиться. Особенно это касается оценки Бэршем нацистской трактовки роли «арийцев» и «еврейства» в мировой истории и истоков их антисемитизма. Другие тезисы, например, 2 или 5, представляются односторонними. В них игнорируется многофакторность исторических событий. В то же время автор прав, считая, что для убедительного ответа на вопрос о причинах поддержки массами нацистов следует глубже изучить идейные, духовные и культурные традиции, а также политическую теологию – будь то теология так называемых «немецких христиан» или церковных епископов, поддержавших Гитлера.

Бэрш правильно ставит вопрос об актуальности изучения политических религий. Сегодня они активны на арабском Востоке, разрушая сложившиеся современные государства. Это может произойти и в других частях света.

Работы немецких, а также ряда других авторов, оценивающих нацизм как политическую религию, подтверждает мнение, что его идеологии были свойственны интеграционные черты. В ней находилось место для взглядов и озлобленных аристократов, и растерянных бюргеров, и антисемитски ориентированных обывателей, и для тех, кто, бедствуя, нуждался в социальной поддержке.

Примечания:

1. *Voegelin, E.* Die politischen Religionen. – Stockholm, 1939 (новое издание – München, 1996).
2. *Aron, R.* Demokratie und Totalitarismus. – Hamburg, 1970.
3. *Mayer, H.* «Totalitarismus» und «politische Religionen» // *Jesse E.* Totalitarismus im 20. Jahrhundert. – 1993. – S. 124–125.
4. *Ibid.* – S. 125.
5. *Nationalsozialismus als politische Religion* / Hrsg. von M. Ley und J.H. Schoeps. – Fr. A. M., 1997.
6. *Ibid.* – S. 3.
7. *Ibid.* – S. 5.
8. *Ley, M.* Apokalyptische Bewegungen in der Moderne // *Nationalsozialismus als politische Religion ...* – S. 24.
9. *Ibidem.*
10. *Ibid.* – S. 25.
11. *Ibid.* – S. 26.
12. *Гитлер, А.* Моя борьба. – ИТФ «Т-ОКО», Лобанов С.Н., 1992. – С. 252–272, 380–382.
13. Ежедневник с претенциозным подзаголовком «Ежедневник борьбы за правду» был основан нацистом Юлиусом Штрайхером в 1923 г. и вел разнузданную антисемитскую пропаганду. В начале его тираж составлял 2000–3000 экземпляров, в 1933 г. – 20000 и почти 400000 в 1944 г. – *Enzyklopädie des Nationalsozialismus* / Hrsg. von W. Benz u.a. – München, 1997. – S. 754.
14. *Ley, M.* Apokalyptische Bewegungen in der Moderne ... – S. 40.
15. *Vondung, K.* Die Apokalypse des Nationalsozialismus // *Nationalsozialismus als politische Religion ...* – S. 41.
16. *Ibid.* – S. 42.
17. *Riedl, J.* Der lange Schatten des Kreuzes. Von Golgotha zur Swastika // *Nationalsozialismus als politische ...* – S. 125.
18. *Wagner, G.* Vom Erlösungswahn Wagners im Lohengrin und Parsifal // *Nationalsozialismus ...* – S. 105.
19. *Moderne Apokalypsen in Literatur, Architektur und Malerei* // *Ibid.* – S. 207–213.
20. *Piper, E.* Alfred Rosenberg – der Prophet des Seelenkrieges. Der gläubige Nazi in der Führungselite des nationalsozialistischen Staates // *Nationalsozialismus als politische Religion ...* – S. 110.
21. *Ibid.* – S. 118.
22. *Ibid.* – S. 120.
23. *Ibid.* – S. 112–114.
24. *Ibid.* – S. 119.
25. *Ibid.* – S. 115.
26. *Ibid.* – S. 118.
27. *Ibid.* – S. 122.
28. *Schoeps, J.H.* Erlösungswahn und Vernichtungswille. Die so genannte Endlösung der Judenfrage als Vision und Programm des Nationalsozialismus // *Nationalsozialismus als politische Religion ...* – S. 267.
29. *Ibid.* – S. 264.

30. Ibid. – S. 265.
31. Ibid. – S. 266.
32. См., напр.: *Browning, Ch.R.* Ganz normale Männer. Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlösung» in Polen. – Reinbeck bei Hamburg, 1996. Neuausgabe, 1999.
33. *Schoeps, J.H.* Erlösungswahn und Vernichtungswille ... – S. 267.
34. Ibidem.
35. Ibid. – S. 269.
36. *Арендт, Х.* Предпосылки тоталитаризма. – М., 1993.
37. *Baersch, C.E.* Die politische Religion des Nationalsozialismus. – München, 1998.
38. Ibid. – S. 110.
39. Ibid. – S. 125.
40. Ibid. – S. 130.
41. *Baersch, C.E.* Die politische Religion des Nationalsozialismus ... – S. 132.
42. Ibid. – S. 133.
43. Ibid. – S. 134-135.
44. *Kershaw, I.* Der Hitler-Mythos. Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich. – Stuttgart, 1980. – S. 91.
45. *Baersch, C.E.* Die politische Religion ... – S. 139.
46. Ibid. – S. 222.
47. Ibid. – S. 325.
48. Ibid. – S. 332.
49. Ibid. – S. 336.
50. *Гитлер, А.* Моя борьба... – С. 322.
51. *Baersch, C.E.* Die politische Religion... – S. 337.
52. Ibid. – S. 341.
53. Ibid. – S. 342.
54. Ibid. – S. 343.
55. Ibid. – S. 370.
56. Ibid. – S. 371.
57. Ibid. – S. 373.
58. Ibid. – S. 381.
59. Ibid. – S. 382.
60. Ibid. – S. 383.

УЛЬТРАПРАВЫЕ В ДАНИИ: ДАТСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ

Дон Ваттс,
доктор истории
(Дания)
ebdw@mail.dk

Перевод с английского Л.А. Кац

Аннотация. Статья посвящена Датской народной партии (ДНП). Ее деятельность рассматривается в рамках понятий и терминологии, позволяющих говорить о ней как о «респектабельной» или «благонадежной». Автор стремится объяснить причины, обусловившие появление партии, ее политический успех и привлекательность среди избирателей, особенно на фоне наметившегося в последнее время притока иммигрантов, прежде всего мусульман. Рассматриваются вызовы, с которыми столкнулись культурные традиции и суверенитет Дании. Исследуются антимусульманские и антиисламские взгляды и риторика ДНП, в частности, проведение аналогий с немецкой оккупацией во время Второй мировой войны. Также анализируются отношения ДНП с другими партиями и организациями. В заключение рассмотрены предложения, которые выдвигают ДНП и другие ультраправые организации по противодействию угрозе, приписываемой иммигрантам из числа мусульман, и их надежды относительно постмусульманской Дании.

Ключевые слова: Дания, Датская народная партия, парламентские выборы, мусульманская иммиграция, датская культура и идентичность, антимусульманская пропаганда.

THE FAR RIGHT IN DENMARK: THE DANSK FOLKEPARTI

Don Watts, Doctor of History, Denmark

Abstract. This paper focuses on the Danish People's Party (Dansk Folkeparti – DF) within the defined framework and terminology of its role as a 'respectable' or 'house trained' organization. It explains the party's origins, political success and electoral appeal, in particular against the background of recently increased immigration into Denmark, above all by Muslims, and by what was seen as their challenge to Danish cultural traditions and sovereignty. Its anti-Muslim and anti-Islamic views and rhetoric are extensively explored as are, comparisons with the German occupation during the Second World War. DF's relationships with other parties and organisations are also discussed. The paper closes by looking at proposals by DF and other far-right organisations on how to deal with the supposed threat posed by Muslim immigrants it also considers the hopes expressed for a post – Muslim Denmark.

Key words: Denmark, Danske Folkeparti, Folketing elections, Muslim immigration, Danish culture and identity, anti-Muslim propaganda.

Датская народная партия, деятельность которой находится в центре внимания автора, не должна идентифицироваться как фашистская или неофашистская. Однако ее идейные установки, во

многом перекликающиеся с лозунгами датских и европейских ультраправых, особенно в условиях массового притока в страну мигрантов с Ближнего Востока, заслуживают детального изучения. Но

вначале остановимся подробнее на вопросах терминологии.

Терминология. Существует огромный диапазон дефиниций, которые применяются к датским ультраправым организациям и группам. Службы безопасности, как правило, используют определение «ультраправые» и «праворадикалы». Среди других дефиниций – «нацисты», «расисты», «нативисты», «ксенофобы», «протестные движения», «антисемиты» и реже «фашисты». Эти названия, отражающие самоидентификацию, охватывают такие организации, как «Белая сила», «Белая гордость», «Датский фронт», «Датская ассоциация», «Ведефольнер» (в старой скандинавской мифологии ястреб, защищавший Данию), а также Датское национал-социалистическое движение. Есть также две праворадикальные парламентские партии – Партия прогресса и Датская народная партия (ДНП), названия которых также можно отнести к самоидентификации. Применительно к этим организациям часто используется и термин «популистские», также имеющий много определений [1].

Найти один всеохватывающий термин для всех указанных определений практически невозможно, поэтому разумным компромиссом можно считать дефиницию «ультраправые». Тем не менее, автор считает полезным употреблять еще одну пару категорий: «респектабельные» и «нереспектабельные». Словом «респектабельные» определяются те группы и организации, которые действуют в рамках существующей системы партий, выборов, членства в международных представительских органах [2]. Существует разговорный датский термин, используемый для описания такой «респектабельности»: «*стуэремент*» (*stuerent*) или «благонадежность», хотя некоторые ультраправые об этой благонадежности зачастую забывают [3]. Категория «нереспектабельные» используется по отношению к ультраправым, которые прибегают к насилию и другим внепарламентским или внеправовым стратегиям, а также периодически «делают набеги» на территорию «респектабельных» ультраправых.

Появление в Дании в начале XXI в. драконовской антииммиграционной риторики, исходящей из уст руководителей ряда политических партий, стало шоком для многих внешних наблюдателей. До этого момента Дания была страной, ассоциировавшейся с идеями либерализма, гуманизма и культурной толерантности. Вот почему однажды в 2001 г. в шведской ежедневной утренней газете «Дагенснюхетер» («Новости дня») появился заголовок: «Спокойной ночи, Дания!» [4]. Не менее шокирующим было появление и укрепление одной из самых влиятельных ультраправых партий в Европе

– Датской народной партии, которая поддерживает баланс сил в парламенте Дании в XXI веке.

Истоки этих процессов восходят к 1973 г., когда недавно созданная Партия прогресса, возглавленная эксцентричным лидером и выступавшая против политики жесткого налогообложения, оказалась в результате выборов второй по величине партией в парламенте Дании. Сложившаяся ситуация нарушила консенсус между социалистами и либералами, который доминировал в датской политике со времен Второй мировой войны. Постепенно внутренние конфликты, а также посыпавшиеся на руководство партии неудачи, включая краткосрочное тюремное заключение ее лидера Могенса Глиструпа за уклонение от уплаты налогов, привело эту организацию к электоральному упадку. Впоследствии, в 1995 г., Пиа Кьерсгор, возглавившая Партию прогресса во время вынужденного отсутствия Глиструпа, сформировала вместе с бывшими членами партии и другими политиками-единомышленниками новую Датскую народную партию (ДНП). Пиа Кьерсгор продолжила строить платформу партии на уже начавшемся переходе от вопросов налогообложения к «антииммиграции» и расизму, укрепила руководящие и организационные структуры, а также заявила о стремлении избежать расколов и недисциплинированности, которые характеризовали стиль руководства ее предшественника. Националистическая политика ДНП нашла поддержку у некоторых видных представителей интеллигенции, руководителей Церкви и богословов. Партия выработала обширные связи со средствами массовой информации, а также начала издавать свою собственную печатную продукцию. Центральную роль в ее последующих электоральных успехах сыграло обращение к проблемам иммиграции (в частности, мусульманской иммиграции), которые отражались в национальной политике и общественном дискурсе. Актуальность этой проблематики была усилена событиями на международной арене, вызвавшими дебаты о предполагаемой угрозе национальному суверенитету со стороны ЕС, а также подъем исламского терроризма и атака на башни-близнецы в Нью-Йорке.

Под руководством Пиа Кьерсгор ДНП выстраивала свою повестку дня на таких вопросах и страхах, которые были актуальными для широкого спектра датского населения, а также на полемике с предполагаемым соперником – остатками Партии прогресса. Кроме того, ДНП применяла умелую тактику неучастия в правительственных коалициях, но при этом делала их функционирование зависимым от голосования членов ДНП в Фолькетинге и добивалась симпатий со стороны отдельных членов партийных коалиций. Число голосующих

за ДНП на национальных выборах неуклонно росло – с 7,4 % и 13 мест в 1998 г. до 21,1 % и 37 мест в 2015 г. ДНП стала второй по величине партией в Фолькетинге [5]. То, что новая партия достигла таких результатов в сложной датской многопартийной системе, было поистине поразительно.

Успех ДНП связан также и с характерной для нее оппозиционной риторикой и политикой по вопросам иммиграции, особенно из мусульманского мира. Мусульмане (и из предыдущих, и из текущих миграционных потоков) насчитывают около 250 000 чел., что составляет примерно 4% от датского населения общей численностью на 2015 г. в 5 680 000 чел. (в 1999 г. их было 170 000 чел.) [6]. Для сравнения, в настоящее время в Великобритании мусульманское население составляет 4,8% и в Германии 5,8%, но там не появилось ни одной партии, подобной ДНП [7].

Ввиду этого притока датский парламент заявил, что Дания «никогда не была страной иммиграции» [8]. Это утверждение является ложным. На протяжении многих веков Дания принимала группы мигрантов и беженцев, в том числе евреев, русских, французов и шведов. В 1950-х – 1960-х гг. некоторые иммигранты также прибывали в Данию в результате политического кризиса в Восточной Европе, а затем из Чили, Вьетнама и охваченных войной Балканских стран. Однако цифры этой иммиграции были небольшими и составляли максимум несколько тысяч человек. Помимо этого мигранты прибывали как приглашенные рабочие, чтобы заполнить ниши на датском рынке труда, в основном из не входящих в ЕС стран, таких, как Югославия и Турция, а также Пакистан. В целом официальная реакция на их прибытие была доброжелательной, и их дальнейшая поддержка была законодательно закреплена в 1972 г. санкционированием воссоединения семей для приглашенных рабочих. Между тем этот процесс привел не только к увеличению числа иммигрантов, но и к ощущению постоянства их присутствия, усилив опасения тех датчан, которые выступают против их проживания в стране. На рубеже веков экономические показатели Дании стали снижаться, а число иммигрантов и беженцев выросло, что легло дополнительным грузом на социальное обеспечение и государственные услуги. В таких условиях появление ДНП дало мощный толчок введению политики ограничения и пересмотра предыдущих подходов в отношении беженцев. В результате давления ДНП на сменявшие друг друга правительства воссоединение семей резко сократилось, а доступ к благосостоянию и денежным пособиям был сокращен. Также личные денежные средства и ценные вещи новых лиц, ищущих убе-

жища, были конфискованы, а получение датского гражданства было затруднено или стало вовсе невозможным.

Продвигаемая ДНП враждебность по отношению к иммигрантам, беженцам и лицам, ищущим убежища, проявилась не только в связи с возросшим давлением мигрантов на экономику и государственные службы. Многие из числа новых беженцев стали рассматриваться в количественном и качественном отношении как «чужеродные элементы». Конфликты в Боснии, Афганистане и особенно на Ближнем Востоке привели к увеличению числа мусульман, хотя в общей сложности они все еще составляли лишь 3% от населения Дании.

Чтобы понять, почему возникла такая враждебность и как она была использована ДНП и другими силами, мы должны рассмотреть некоторые долгосрочные и краткосрочные факторы. Пиа Кьерсгор отвергла перспективу Дании стать мультиэтническим и мультикультурным обществом, назвав эту возможность «национальной катастрофой» [9]. В отличие от других европейских стран, Дания никогда не имела опыта колониальной или многонациональной державы. Помимо немцев незначительное меньшинство, и даже оставшееся число немцев сократилось сначала после 1921 г., а затем вновь после 1945 г. В результате датчане оставались весьма однородной нацией.

Кроме того, на протяжении веков в Дании не велись ни религиозные, ни внутренние политические войны. В результате в датской истории сложилось много непрерывных факторов, которые были взяты на вооружение в манифестах ДНП 2002/2007 гг.: независимость Дании, монархия, датская евангелическая церковь, верховенство закона, центральная роль семьи (объявленной «сердцем датского общества»), а также иные факторы, такие, как права женщин, общедоступное и бесплатное образование и государство всеобщего благосостояния [10].

Эти и другие обстоятельства, такие, как независимое крестьянство и небольшая численность датского населения, способствовали формированию целостной национальной культуры, которую ДНП назвала «Danskhed» («датскостью»). Большинство из выявленных здесь непрерывных культурных и исторических черт воспринимались как исконные и положительные гораздо более широкими слоями населения, чем датские ультраправые. Интересно отметить, что некоторые из этих факторов перечислялись в недавнем международном исследовании, которое объявило датчан «самой счастливой» нацией в Европе [11]. Эти же факторы можно объединить датским непереводимым термином «хугге» (hygge), обозначающим сочетание коллективного благополу-

чия, уюта, консенсуса и органической внутренней связи, лучше всего демонстрируемой на вечеринках, которые датчане любят устраивать по малейшему поводу. На этих вечеринках можно услышать (иногда нескончаемые) речи, местные стихи и песни, зачастую патриотического содержания. Не удивительно, что иммигрантов из стран «третьего мира» редко приглашают на эти и другие, в том числе семейные торжества. «Хугге» рассматривается многими датчанами как квинтэссенция проявления их национальной идентичности, усиленного повсеместным демонстрированием Даннеброга – национального красно-белого флага – в честь государственных или частных праздников. Не удивительно, что этот символ патриотизма и национального единства используется как «респектабельными», так и «нереспектабельными» крыльями ультраправых.

В своих напаках на ближневосточных поселенцев и беженцев ДНП и другие ультраправые нередко называют их всех «мусульманами» или исламистами. Часто не делается никаких различий между шиитами и суннитами, религиозными и светскими группами, теми, кто уже давно укоренился, и вновь прибывшими – все они «другие». Более того, отрицая мультикультурное общество, ДНП противопоставляет почти все характеристики «датскости» всему «мусульманскому», в чем находит свое отражение более широкая западная дискуссия о «столкновении цивилизаций» [12]. Действительно, Пиа Кьерсгор и другие идеологи ДНП часто характеризуют взаимоотношения датчан (и в более широком смысле Запада) и «мусульман» именно как «столкновение цивилизаций» или «культуркамф» (борьбы культур). Более того, Пиа Кьерсгор готова идти еще дальше, заявляя: «Есть только одна цивилизация, и это – наша цивилизация» [13]. Кажется, она не знакома с широкой и нескончаемой дискуссией, которая ведется вокруг влияния на западную культуру средневекового мультикультурализма и ислама. Красноречивым примером такого невежества служит хотя бы ее заявление о том, что «арабы никогда не изучали Аристотеля» [14]. На самом деле западные философы и богословы заново открыли Аристотеля в средние века именно благодаря тому, что существовали арабские и исламские толкования и переводы греческой философии [15].

Вся эта обильная критика строится на противопоставлении датских ценностей исламу с приписанными ему и его последователям характеристиками. Стоит отметить, что многие из этих высказываний принадлежат священнослужителям и богословам, из которых самым известным (или, скорее, печально известным под прозвищем «Черный пастор») является Сёрен Краруп, член парламента от ДНП,

который, как и ряд других церковников в партии, принадлежит к лютеранскому богословскому националистическому движению «Тидевверв», враждебно-го как исламу, так и идеологическому плюрализму. Краруп противопоставляет христианство исламу, сравнивая Христа и пророка Мухаммеда. «Между ними есть разница. Один говорит: «Царство Мое не от мира сего», а другой хочет покорить весь мир во имя Аллаха» [16]. Агрессия, подразумеваемая в этом утверждении, переносится на случаи преступности и насилия в повседневной и семейной жизни. Краруп утверждает, что «ислам дает право мужчине избивать жену и детей» [17]. Культура насилия в исламе, согласно Крарупу, эндемична и заложена с детства. Используя негативную информацию из других контекстов, он пишет: «Террор – это то, как (мусульманские) дети ведут себя ежедневно в школе» [18]. СМИ, отражающие взгляды ДНП, полны информации об актах террора, насилия и изнасилований со стороны взрослых мусульман.

Упоминания Крарупа о семейном насилии приводят нас к другой области предполагаемого конфликта между исламской и датской культурами – отношению мусульман к женщинам. В рабочей программе ДНП положение мусульманок описывается следующим образом: «им запрещено делать карьеру, их принуждают к браку ..., они подвергаются варварскому женскому обрезанию, уходящему корнями в средние века» [19]. Еще одно изображение мусульманского образа семейной жизни принадлежит члену Фолькетинга от социал-демократической партии Могенсу Камре, который, что неудивительно, впоследствии вступил в ряды ДНП:

«Многие женщины-иммигрантки питаются неправильно, потому что их мужчины желают видеть своих женщин крупными и толстыми. Когда я вижу иммигрантов, мне кажется, что они делают деньги неприемлемым для меня способом. Они, скорее всего, преступники и носят слишком дорогую одежду, а их толстые жены рожают много детей» [20].

Также прибегая к риторическому способу увязки различных аспектов критики, Камре в своем обращении к Фолькетингу заявлял: «Есть прямая связь между ужасным насильником и человеком, который делает обрезание своей дочери, заставляет свою жену носить хиджаб и который из-за своего религиозного фанатизма врежется во Всемирный торговый центр» [21].

Но не только мусульманский мужчина угрожает Дании и всему Западу с его «отвращением к женщине» и «больной идеологией». Предполагается, что угроза исходит также и от самих мусульманских женщин. Пиа Кьерсгор в одной из своих газетных статей делает явно странное заявление: «Враг вер-

нулся в черных одеждах» [22]. Но если принять во внимание, что мусульманские женщины часто носят черные хиджабы, то заявление Кьерсгор о том, что происходит оккупация «без войны», и слова Камре о большом количестве мусульманских детей указывают на еще одну угрозу Дании: мусульмане заселят страну своим потомством и таким образом выиграют «войну». Эта связь становится очевидной при сопоставлении двух фотографий. На первой – атака на башни-близнецы, на второй – иммигрантка-мусульманка с новорожденным ребенком.

Illustrations - ref
www.humanisme.dk/billeder/danskeren

[23].

Угрозу исламского поглощения предсказывают и описывают разными способами. Так, например, Крауп называет ее «чумой» и «смертельной угрозой Западу», Лангбалль – «опасностью для любого общества»; мечети рассматриваются как исламские «плацдармы», утверждается, что внутри Дании мусульмане создали «секретную военную сеть» [24].

Действительно, военные аналогии, часто используемые по поводу пресловутого посягательства мусульман на датский образ жизни и суверенитет Дании, можно сравнить с тем, как ДНП рассматривает вторжение Германии в Данию во время Второй мировой войны. ДНП очень редко ссылается на Датскую национал-социалистическую [рабочую] партию межвоенного и военного периода, а также ее различные послевоенные реинкарнации. Эта партия была непопулярна во время оккупации Дании. Она набрала всего лишь 2,2% голосов во время свободных выборов, разрешенных немцами в 1942 г. Гораздо большее значение имеет тот факт, что ДНП делает особый акцент на другие аспекты немецкой оккупации, такие, как роль датского правительства, сдавшего страну без боя; факты сотрудничества датчан с оккупационными властями; прибыли, полученные датским бизнесом от немецких заказов; доносы датчан на антифашистов и бойцов Сопротивления, а также сексуальные связи датских женщин с немецкими солдатами.

Для объективной оценки этой картины необходимо учитывать существование и другой, героической модели датского сопротивления, к которому принадлежали некоторые пожилые сторонники ДНП или отцы членов партии. Имеется подробная информация и о жертвах нацистских преследований. Надо отметить, что количество попавших под немецкие репрессии участников таких групп, как, например, коммунисты или Свидетели Иеговы, было относительно небольшим. Также относительно небольшим было число репрессированных евреев – около 8000 чел. и бойцов Сопротивления – около 7000 чел. (примерно столько же, что и датчан, вступивших в Ваффен-СС). Кроме того, в 1943 г. 2000 датских полицейских, отказавшихся сотрудничать с оккупантами, были отправлены в концентрационные лагеря. Так что значение, которое придавалось датскому Сопротивлению после окончания войны, не было пропорционально численности его участников. Оно не способствовало ни увеличению представительства датчан на послевоенных конференциях, ни изменению имиджа Дании, за которой закрепилась репутация «ручной канарейки Гитлера» [25].

Это относится также и к самому известному акту Сопротивления датчан – спасению большинства датских евреев общей численностью примерно в 7000 чел. В октябре 1943 г. немцы начали подготовку к отсроченной депортации всех евреев Дании; эту отсрочку часто используют в качестве еще одного аргумента в защиту сотрудничества Дании с немцами. Предупрежденные заранее, евреи и датчане организовали отправку в Швецию всех евреев, кроме 600 человек. Однако число датчан, участвовавших

в Сопротивлении, было преувеличено. По текущим оценкам, их было самое большое несколько тысяч человек, однако и этого оказалось достаточно для того, чтобы скрасить военную летопись Дании.

Датская народная партия и ее сторонники не только прославляли героическое сопротивление предков, но и позиционировали себя в качестве их законных преемников в своем собственном «сопротивлении» новым захватчикам-мусульманам. Те же обвинения в попытках умиротворения и коллаборационизме, относившиеся к временам немецкой оккупации, теперь были направлены на нынешнее правительство и администрацию. Работодателей обвиняли в создании рабочих мест для иммигрантов, поскольку они якобы отнимали работу у датчан. При этом проводились прямые параллели, как на этих фотографиях, где мы видим, с одной стороны, немца с датчанкой (таких женщин называли *фельтмадрассен* – «подстилками»), с другой – иммигранта с датчанкой (прозвище то же).

FELTMADRASSEN

1940

1995

1945

2000

[26].

Отметим также угрозу действий против «сотрудничавших» женщин двух поколений в последней паре фотографий. Представляют интерес и лингвистические термины, используемые для обозначения волонтеров и профессионалов, оказывающих помощь иммигрантам и беженцам: «индустрия добра», «попутчики», «дряблые гуманисты» [27].

Опыт и память о нацистской оккупации определили и ряд других особенностей риторики ДНП. Краруп и единомышленники сравнивали хиджаб – якобы символ репрессии женщин в исламе – со свастикой. Также Краруп сравнивал Коран с «Майн Кампф», имея в виду их якобы общую тоталитарную идеологию (хотя для соблюдения «пропорций» он добавил сюда и «Капитал» Маркса). В целом ДНП удалось избежать антисемитизма, хотя Краруп и другие иногда вторгались и на эту «нереспектабельную» территорию [28]. В истории Дании было сравнительно мало еврейских иммигрантов, и они, как правило, были хорошо интегрированы в датское общество и защищены гражданским правом. Явные антиеврейские настроения и погромы были относительно редкими событиями в истории Дании, и спасение евреев в 1943 г. стало главным примером датского сопротивления нацистской оккупации. Эта защита евреев сработала также и на послевоенную репутацию Дании и стала основной картой в сражении ДНП с исламом. Еврейские лидеры объявили ДНП просионистской, а Европейский еврейский конгресс исключил партию из своего списка праворадикальных и антисемитских организаций. Это был именно тот случай, когда «враг моего врага становится моим другом».

Сравнения ислама с историческим нацизмом проводились и относительно других ценностей. Так, утверждалось, что гомосексуалистов преследовали, заточали в тюрьмы или убивали как нацисты, так и исламисты. В противоположность этому Пиа Кьерсгор заявила, что «ДНП проявляет исключительную терпимость по отношению к гомосексуалистам» [29]. Луиза Фреверт, открытая лесбиянка, была членом Фолькетинга от ДНП с 2001 по 2007 гг. Еще одним примером терпимости к нетрадиционному сексуальному поведению со стороны ДНП был тот факт, что та же Фреверт в течение указанного периода выступала одновременно и как порнозвезда под именем Лулу. В то же время Сорен Краруп в отличие от лидера своей партии открыто демонстрировал враждебность по отношению к гомосексуалистам, заявляя, что «СПИД был Божьим наказанием для них», и призывал к их принудительной регистрации [30]. Другой областью, где ДНП смогла расширить свою поддержку и в то же время бороться с исламом, было дело защиты животных. ДНП призывала к запрету продажи в Дании и в европейском Союзе халяльного мяса (при том, что эта политика вступала в противоречие с неприятием кошерного забоя животных). ДНП также боролась за прекращение исключения свинины из мясных блюд в школьных обедах и армейских пайках для мусульман, хотя это было связано, ско-

рее, с продвижением специфически датской кухни, чем с защитой животных [31].

Однако при всем этом партия могла быть осторожной, когда дело касалось связей с «нереспектабельными» организациями и их курсом. Как мы уже видели, ее отдельные члены не всегда придерживались партийной линии, а партийное руководство иногда допускало не совсем респектабельные взгляды и поступки, чтобы продемонстрировать как своему молодежному объединению, так и самой партии то, насколько далеко может зайти партийная толерантность. Но в случае необходимости партия могла исключить из своих рядов или приостановить членство тех лиц, которые отклонялись слишком далеко, особенно, если они демонстрировали пронацистские симпатии. Так произошло, например, с членами ДНП, которых изгнали из партии за присоединение к «нереспектабельному» Датскому Фронту, или с одним из партийных лидеров с злополучной фамилией Мортен Мессершмидт, который также был на какое-то время исключен из ее рядов. ДНП быстро и решительно дистанцировалась от фанатичного противника иммиграции Брейвика после устроенного им побоища молодых членов социал-демократической партии, в том числе мусульман, на летнем сборе в Норвегии. Пиа Кьерсгор в связи с этим заявила: «Какое, черт возьми, отношение имеет к нам Брейвик? Мы демократическая партия, которая решительно выступает против насилия, используемого в политических целях» [32].

Тем не менее, некоторые члены руководства ДНП сами нарушали национальное законодательство по борьбе с расизмом, но им удалось избежать серьезных последствий. Тот же Мессершмидт, а также Могенс Камре были приговорены к отбыванию срока в тюрьме, но исполнение их приговоров было приостановлено. Пиа Кьерсгор сама неоднократно предстала перед судом по обвинению в расизме, но в 2007 г. она могла заявить: «Я десять раз обвинялась в расизме, но меня ни разу не признали виновной» [33]. Тем не менее, она проиграла дело о клевете в свой адрес по поводу нарушения антирасистского законодательства [34].

ДНП поддерживает связи с другими ультраправыми организациями. Так, например, такие видные деятели ДНП, как Серен Крауп и Джеспер Лангбаль, одно время были членами праворадикального крыла «Датской ассоциации». Журнал Ассоциации «Данскерн» хранится в публичных библиотеках и содержит «респектабельные» статьи по таким темам, как «франкфуртская школа» или текущая политика партии. Но в журнале также регулярно появляются оголтелые нападки на мусульман и иммигрантов из стран «третьего мира», а также статьи о прошлом и

настоящем антиисламских «героев», к которым причудливым образом причисляется Дракула и не столь причудливо – генерал Младич. Журнал также публиковал материалы, отрицающие резню в Сребренице. «Данскерн» является и рупором ДНП. В этом качестве он нападает на организации по оказанию помощи беженцам, проводит параллели между мусульманами и нацистами, а также публикует материалы о предполагаемом мусульманском насилии и преступности в Дании. Однако связи журнала и ДНП стали мишенью для нападок, и партия иногда оказывалась вынужденной в силу своего «респектабельного» статуса «приглушать некоторые сверхпротиворечивые идеи из арсенала «Датской ассоциации» [35].

К чему же призывают эти антимусульманские и «аналитические» статьи с точки зрения будущего, ожидающего мусульманских иммигрантов? Рецепты авторов статей сводятся к выбору между включением иммигрантов в датское общество и исключением из него, либо к комбинации этих двух вариантов. Под включением мы понимаем выработку какого-то временного соглашения между датским населением и иммигрантами на основе государственной политики и соответствующих конституционных норм. Проводимая ныне политика чревата негативными последствиями, и будущий курс представляется таким же. Развитие событий, вероятно, будет сопровождаться напряженными и весьма неоднозначными дебатами, например, о ношении хиджаба и изображениях пророка Мухаммеда в датских карикатурах. Как известно, последние стали причиной международных скандалов и актов насилия, в том числе и в отношении датчан. В любом случае члены ДНП считают взаимодействие с мусульманами невозможным. «Еще до 11 сентября ДНП заявила, что датские христианские и исламские пути несовместимы» [36]. События 11 сентября были использованы в качестве дополнительных доказательств насильственных намерений мусульман. Моген Камре заявил: «Мы не можем интегрировать их, так как они пришли не интегрироваться, а завоевывать новые территории» [37].

Альтернативная стратегия состоит в еще более жестких мерах неприятия, начиная с того, чтобы заставлять лиц, ищущих убежища, отправляться в Швецию; изгонять целые семьи, если один из их членов был осужден за преступления; еще больше ограничивать браки среди иммигрантов; предложить России принимать на работу осужденных мигрантов; и самое ужасное, что было предложено Партией прогресса, – ввести этнические чистки и концентрационные лагеря [38]. Какова конечная цель всего этого? Бывший лидер

Партии прогресса Могенс Глиструп выразился следующим образом: «Люди из мусульманских стран должны быть выброшены прочь, даже если они станут хорошими христианами. Такова реальность войны. Они наши смертельные враги. Это не вопрос индивидуальной справедливости; это вопрос военной операции» [39].

Это значит, что целью становится свободная от мусульман Дания и возврат к «старым добрым временам», назад к «счастливой гармоничной Дании» [40], т.е. «хугге». Это означает положить конец страхам, оправданным или нет, с помощью выдворения иммигрантов. Как заявила Пиа Кьерсгор, раньше «мы не боялись выходить одни на улицу. Теперь нам угрожают насильники и насилие» [41]. Возврат к «старым добрым временам» включает в себя также сведение к минимуму вмешательства со стороны ЕС, празднование всех датских национальных дней и традиционных праздников, а также обеды с любимыми фрикадельками, работу на садовых участках, просмотры сентиментальных любовных фильмов 1950-х гг. и пение старомодных хитов с названиями вроде «Дорогая бабуля» и «Три белых голубя».

Дэвид Традс формулирует идеи Пиа Кьерсгор просто: «Она всегда говорила одно и то же слово “Остановить!” Остановить иммиграцию. Остановить насилие. Остановить ЕС. Остановить перемены. Остановить время» [42].

Примечания:

1. См.: *Southwell, P.; Lindgren, E.* The rise of neo populist parties in Scandinavia: the case of Denmark // *Review of European Studies*. – 2013. – Online.
2. См.: *Bale, T.* Cinderella and her ugly sisters; the mainstream and extreme right in Europe's bipolarizing party system // *West European Politics*. – 2003. – Vol. 26, № 3. – P. 69.
3. См.: *Stuerrent? Dansk Folkeparti* / Ed. by A. Jessen. – Frydenlund, 2009. – passim.
4. См.: *Trads, D.* Danskerne Først: en historie om Dansk Folkeparti. – Copenhagen, 2002. – P. 127.
5. *Danske Folkeparti* // Wikipedia. – URL https://da.wikipedia.org/wiki/Dansk_Folkeparti.
6. *Islam in Denmark* // Wikidpedia. – URL https://en.wikipedia.org/wiki/Islam_in_Denmark.
7. *Pear Research Centre. Factbook*. – 2016.
8. *Danske Folkeparti. Party Manifesto*. – 2002/7. (online).
9. *Speech in Folketing*. October. 1997.
10. *Danske Folkeparti. Party Manifesto*...
11. *World Happiness report. UN Sustainable Development Report*. – 2013.
12. *The clash of civilizations. The Debate* / Ed. G. Rose (Foreign Affairs Books, US). – New York, 1999.
13. *Stuerrent? ...* – P. 36.
14. *Ibidem*.
15. *Pascau, R.* The Islamic philosopher who gave us modern philosophy. *Humanities*. – 2011. – Nov / Dec. – № 6; *Shayagan, Y.* The transmission of Greek philosophy into the Islamic world // *History of Islamic philosophy* / Eds. by N. Nasr and O. Leamann. – London, 2011.
16. *Krarup, S.* // *Jylandsposten*. – 2006. Feb. 23.
17. *Krarup, S.* // *Politiken*. – 2003. Nov. 13.
18. *Krarup, S.* // *Tidehverv*. – 2005. – P. 112.
19. *Danske Folkeparti, Ligestillingspolitik, Arbejdsprogram*. – Charlottenburg, 2009.
20. *Explaining the emergence of Radical Right Wing Populist Parties: The case of Denmark* / Quoted, Transl. from G. Andersen, 2004 (no reference) by J. Rydgren // *West European Politics*. – 2004. – Vol. 27, № 3. – P. 294.
21. *Camre, M.* // *Folketing*. – 2001. Nov. 9.
22. *Kjaersgaard, P.* // *Ekstrablade*. – 1997. May 5.
23. *Photo / copyright*.
24. *Krarup, S.* *Nyheds Avisen*, 23.4.2007, Langballe, Information, Trads. – P. 63.
25. «Ручная канарейка Гитлера» – детский роман Сэнди Токсви́г (Random House, 2005). Это выражение своим происхождением обязано Черчиллю, который во время войны пренебрежительно назвал Данию «канарейкой убийц-садистов». Роман отчасти отражает представление о том, что сопротивление датчан нацистам было незначительным. Однако этот взгляд контрастирует с точкой зрения английского историка Дэвида Лампе, книга которого под названием «Яростная канарейка Гитлера» была опубликована в 1957 г. и переиздана в 2010 г. со вступительным словом посла Дании. Читатели этой статьи, возможно, захотят ознакомиться с обеими книгами.
26. *Photos – note / copyright*.
27. *Rydgren, J.* Op. cit. – P. 487.
28. *Wagner, Th.* The Lutheran Church and the Jews 1918–1945 // *Anti-Semitism, Christian ambivalence and the Holocaust* / Ed. K. Spicer. – Indiana, 2007. – P. 4-5.
29. *Kjaersgaard, P.* // *Copenhagen Post*. – 2013. Jul. 20. (online).
30. *Larsen, R.E.* // *Debat*. – 2010. Jul. 21.
31. *Meret, S.* Pork meatballs – Denmark's latest bulwark against migrants // *Open Democracy*. – 2010. Jan. 28.
32. *B.T.* – 2009. Jul. 7.
33. *Avisen*. – 2007. Apr. 3.
34. *Copenhagen Post*. – 2003. Jun. 20.
35. *Rydgren, J.* Op. cit. – P. 483.
36. *Hervik, P.* The annoying difference: The emergence of Danish neo racialism, neo-racism and populism in the post 89 world. – New York. P. 283.
37. *Stuerrent? ...* – P. 96.
38. *Rydgren, J.* Op. cit. – P. 486.
39. *Ibidem*.
40. *Editorial* // *Ekstrablade*. – 2009. Aug. 22.
41. *Trads, D.* Op. cit. – P. 12.
42. *Ibid.* – P. 15.

УДК 94(439)«19»(092)
ББК 63.3(4Вен)6-8

МИКЛОШ ХОРТИ КАК ПОПУТЧИК И СОЮЗНИК ГИТЛЕРА

Томас Лорман,
доктор истории, преподаватель современной
истории стран Центральной Европы
Школы славянских и восточноевропейских
исследований Университетского колледжа
Лондона (Лондон, Великобритания)
t.lorman@ucl.ac.uk

Перевод с английского А.С. Огановой

Аннотация. В статье рассмотрен жизненный путь Миклоша Хорти, возглавлявшего Венгрию с 1920 по 1944 гг. Прослежено его многолетнее сотрудничество с крайне правыми силами и ход растущего сближения с нацистской Германией, в результате которого Венгрия оказалась оккупированной ее вооруженными силами. Вместе с тем автор статьи исходит из того, что Хорти не был фашистом. Он пытался сохранить парламентаризм и верховенство закона, а также по мере возможности затормозить навязанное нацистами истребление еврейского населения Венгрии. Однако в конечном счете проводимая им политика привела страну к тяжелейшей катастрофе.

Ключевые слова: Хорти, Венгрия, Гитлер, Германия, фашизм, крайне правые, евреи.

MIKLÓS HORTHY: HITLER'S RELUCTANT ALLY

Thomas Lorman, Doctor of history,
Teaching Fellow in Modern Central European History,
School of Slavonic and East European Studies,
University College London, United Kingdom

Abstract. This article examines the career of Miklós Horthy who served as Hungary's head of state from 1920–1944. It examines how his conservative attitudes did not prevent him cooperating with the radical right in 1919, promoting them to positions of influence from the 1930s onwards and gradually tightening cooperating with Nazi Germany to the point where Hitler was allowed to occupy Hungary in 1944 without resistance. Nevertheless, this article also argues that Horthy was not a fascist, and sought to preserve parliamentary politics, the rule of law, and Hungary's Jewish population for as long as was feasibly possible. Ultimately, however, his own weaknesses, and the lure of territorial revision, ensured that he led his country into a catastrophe.

Key words: Horthy, Hungary, Hitler, Germany, fascism, the radical right, the Jews, the Second World War, the Soviet Union.

Человека, достигшего при Габсбургах должности Главнокомандующего флотом и почти четверть века (с 1920 по 1944 гг.) возглавлявшего Венгрию, было бы странно считать непоследовательным или готовым подчиняться чужой воле. Тем не менее, именно ему, консерватору, высокомерно убежденному в том, что его слово – закон, пришлось совершить поступки, шедшие вразрез с провозглашенными им самим принципами и ценностями. В результате к тому времени, когда в октябре

1944 г. Хорти был отправлен в ссылку, из которой, как известно, не вернулся, он превратил Венгрию в союзника нацистской Германии и вверг её в разрушительную войну против Великобритании, США и Советского Союза. Хорти позволил Гитлеру оккупировать свою родину, смирился с уничтожением значительной части еврейского населения Венгрии и проложил дорогу к власти презираемому им самим Ференцу Салаши. В свою очередь Ференц Салаши установил в Венгрии разрушительный фаши-

стский режим, ликвидированный лишь в результате победного продвижения Красной армии.

Родился Хорти в 1868 г. в небольшом городе Кендереше на юге Венгрии, входившей тогда в состав монархии Габсбургов. Он был пятым ребенком Иштвана, дворянина-землевладельца, кальвиниста по убеждениям, но лояльного (что было необычно) католикам Габсбургам. После смерти старшего брата Хорти поступил в престижную Академию Флота в Риеке (теперь Хорватия). Окончив ее и находясь на службе, он проявил себя компетентным, дисциплинированным офицером, лояльным власти императора. Будучи в чине контр-адмирала и главнокомандующего флотом империи, в 1917 г., несмотря на полученные ранения, он отличился в битве при Отранто. Венгерские газеты военного времени, всячески пытавшиеся поднять настроение своих читателей, изображали тогда Хорти выдающимся героем, положив тем самым начало его культу, продолжавшемуся с этого времени в течение последующих десятилетий [1].

Во время службы во флоте Хорти принимал участие в большой политике, занимая в 1909–1914 гг. должность одного из адъютантов императора Франца Иосифа. Эта должность предполагала в основном сопровождение императора при его публичных появлениях. Тем не менее, в это время он проникся глубоким уважением к «старикам», который «спасал монархию от распада» силой своей личности. Эту оценку Франца Иосифа Хорти сохранил на протяжении всей своей последующей жизни.

К тому времени он превратился в привлекательного импозантного мужчину с татуировкой, напоминавшей о плаваниях по морям и океанам. Наряду с родным венгерским он хорошо владел немецким и французским языками. Знал он также хорватский, итальянский и английский языки. Находясь на службе, он приобрел немало знакомств в высокопоставленных сферах монархии, включая наследника престола и последнего императора Карла IV.

С окончанием Первой мировой войны жизнь Хорти потеряла прежнюю стабильность. Ему пришлось принимать первые неприятные решения. Карл IV отрекся от престола и приказал Хорти передать флот Габсбургов властям вновь образованной Югославии, к которой тот относился, мягко говоря, с презрением. Не будучи согласным с происходившим, он решил уйти с государственной службы, подал в отставку и вернулся домой в Кендереш, намереваясь прожить там оставшуюся жизнь.

Ситуация на его родине была тогда совсем не простой. Пришедший к власти «красный граф» Михай Каройи распустил парламент и провозгла-

сил независимость Венгрии. Однако ему не удалось навести в стране минимально необходимого порядка. К моменту его отставки в марте 1919 г. Венгрия потеряла три четверти своей территории, на которой проживало две трети населения. Все эти земли отошли к соседним государствам – Чехословакии, Румынии и Югославии. Воспользовавшись сложившейся ситуацией в апреле 1919 г., коммунисты во главе с Бела Куном захватили в Венгрии власть. Ими был провозглашен «красный террор», направленный против дворянства, землевладельцев и всех, связанных с довоенным режимом [3]. В свою очередь, Хорти считал необходимым присоединиться к контрреволюционным силам, сконцентрировавшимся под защитой французских военных на юге Венгрии, в городе Сегед, и как самый старший по званию был провозглашен там военным министром и главой новой «Национальной армии».

Армия эта состояла в основном из бывших офицеров вооруженных сил империи Габсбургов и беженцев с территорий, отошедших к странам-соседям. В ней доминировала праворадикальная идеология, получившая вскоре известность как «идеи Сегеда». Для этой идеологии были характерны ультранационализм, авторитаризм, антибольшевизм и антисемитизм. Будучи радикалами, офицеры этой армии не были намерены просто «перевести часы назад». В частности, они выступали против восстановления монархии Габсбургов. Они исходили также из того, что новая независимая Венгрия вернет потерянные территории и лишь тогда обратится к решению экономических и социальных проблем, оставшихся от времен монархии Габсбургов [4].

Позднее офицеры этой армии попытались внедрить свои идеи в общественное сознание, используя группы давления, в том числе секретные общества и вновь образованные политические партии. При этом главной для них была вера в то, что ставший их лидером Хорти сумеет коренным образом «перестроить страну». И он реально действовал в этом духе. В своих выступлениях он клеймил Будапешт как оплот «большевистского режима», в котором «всем заправляют евреи», как «грешный город, ставший позором нации», и призывал своих солдат «железной рукой» очистить страну «от большевистской заразы» [5]. При этом он сознательно закрывал глаза на «белый террор», развязанный его офицерами, убившими в ходе марша на Будапешт 3000 человек, в том числе около 1000 евреев [6]. Впрочем, свергли власть коммунистов вовсе не хортисты, а румынская армия, вступившая в Будапешт 1 августа 1919 г., за три месяца до армии Хорти.

После утверждения Хорти у власти иностранные дипломаты и влиятельные венгерские кон-

серваторы стали настойчиво призывать его восстановить парламентское правление, и избегать чрезмерного насилия над побежденными. Под их давлением Хорти выразил готовность на то и другое. Первоначально он попытался добиться воссоздания Королевства Венгрии. Однако эти усилия породили новые сложные проблемы. Прежде всего встал вопрос о том, кто же станет главой венгерской монархии. «Законники» утверждали, что королем Венгрии должен быть провозглашен последний Габсбург – Карл IV, коронованный еще в 1916 г. «Сторонники свободы выбора», в том числе большинство офицеров-соратников Хорти, обвиняя Карла IV в отсутствии патриотизма, исходили из того, что независимая Венгрия имеет право избрать удобного ей иного короля. К тому же соседи Венгрии и державы-победительницы предупреждали, что не позволят Карлу IV претендовать на трон, так как это угрожало бы принципам «Новой Европы», провозглашенным после краха Габсбургской империи [7].

В самый разгар дебатов между «законниками» и «сторонниками свободы выбора» Хорти заявил о своем притязании на роль компромиссного и временного главы государства. В этой связи была, в частности, использована ссылка на то, что в 1446–1453 гг. Венгрией успешно правил регент Янош Ханныади. В конечном итоге парламент решил воспроизвести давний опыт. В глазах обеих споривших сторон Хорти выглядел идеальным кандидатом. Для «законников» он был тем, кто принес клятву верности последнему Габсбургу. Для «сторонников свободы выбора» – тем, кто располагает поддержкой многочисленных соратников в Национальной армии и пребывает, как и они, в оппозиции к правлению Габсбургов [8]. Так при соблюдении парламентских процедур, но под наблюдением офицеров-сторонников Хорти он был избран «регентом» Венгрии. За это решение проголосовали 131 из 141 имевших право голоса депутатов. Предполагалось, что регентство Хорти будет временным, но оно продолжалось до 15 октября 1944 г. Шутники в Будапеште называли Хорти «адмиралом без флота в королевстве без короля» [9].

В 1920 г. Карл IV предпринял две попытки вернуть венгерский трон. Но оба раза Хорти выступил против реставрации, ссылаясь на то, что она вызовет в стране хаос и, возможно, спровоцирует иностранное вторжение.

Первая попытка была предпринята на пасху 1920 г. Тогда Хорти нанес частный визит Карлу и убедил его, что время для реставрации еще не пришло. Во второй раз, позднее, но в том же году, Карл IV прибыл в страну на бронепоезде, однако

после короткой перестрелки его остановили студенты, придерживавшиеся праворадикальных взглядов. Нарушив давнюю клятву верности, Хорти приказал отправить бывшего короля в ссылку и подписал указ, официально провозгласивший свержение династии Габсбургов с венгерского престола. В стране еще оставались люди, мечтавшие о реставрации власти Габсбургов, но теперь Хорти прочно занимал позиции регента и даже планировал передать этот пост по наследству своему сыну [10].

Британский историк Брайан Картледж, представивший краткое изложение жизненного пути Хорти в течение двадцати четырех лет его пребывания в качестве главы государства, отмечает, что он «был пылким националистом даже по стандартам Венгрии» и что «верность своему классу» делала его «соучастником ужасных преступлений», совершаемых его соратниками-офицерами, и превратила его не только во врага коммунистов, но и в решительного противника социал-демократов и «даже городского рабочего класса в целом». Картледж, как и другие историки, подчеркивал, что Хорти был бесспорно честен, безгранично предан государственной службе и гордился тем, что всегда вел себя, «как подобает дворянину». Эта позиция и блестящее владение английским языком делали его убежденным англофилом, восхищавшимся консервативными традициями Британии и, конечно, мощью ее морского флота. С другой стороны, он презирал Россию, особенно после захвата власти большевиками, называл Советский Союз «державой сатаны». Из-за него Венгрия одной из последних стран Европы признала Советский Союз, установив дипломатические отношения с ним лишь в 1934 г. [11].

Отношение Хорти к евреям было более сложным. С одной стороны, он находился под влиянием «салонного» антисемитизма, характерного для венгерской элиты, смотревшей на евреев сверху вниз. Он был убежден, что евреи несут прямую ответственность за катастрофу режимов Каройи и Куна. Тот факт, что сам Кун был евреем (правда, лишь номинально), усиливал его антисемитизм. С другой стороны, Хорти осознавал, что венгерские евреи сыграли ключевую роль в экономическом развитии страны до 1918 г. и могли бы помочь ему перестроить Венгрию. Поэтому его отношение к евреям соответствовало популярной в то время двусмысленной поговорке: «антисемит – это тот, кто ненавидит евреев больше, чем это необходимо». Принимая на веру различные теории, описывавшие «заговоры евреев» (такие, как «протоколы сионских мудрецов»), он в то же время делал различие между «гадкими евреями», которых он презирал, и бога-

тыми евреями-патриотами, некоторых из которых он «иногда приглашал к себе играть в карты» [12].

Как регент Хорти был наделен значительными полномочиями. Вместе с тем его власть была ограничена. Например, он мог представлять Венгрию во внешней политике. Но любые внешнеполитические соглашения должны были быть утверждены парламентом. Он был верховным главнокомандующим армии. Но парламент определял военный бюджет. Хорти мог наложить вето на все законы, но только один раз. И если он распускал парламент, то был обязан провести новые выборы в течение 60 дней. В отличие от императоров Габсбургов Хорти не имел права назначать епископов, производить в дворянство, объявлять всеобщую амнистию [13].

Более того, Хорти придерживался мнения, что Венгрия – правовое государство и подчиняется своей неписаной конституции. Именно поэтому он оставался убежденным сторонником парламентаризма, правления кабинета министров и сторонником свободы слова в «приемлемых размерах». Поэтому его идеалом были не личная диктатура или корпоративистское государство, а пример бывших монархов из династии Габсбургов, особенно Франца-Иосифа, передававшего полномочия тем, кому он мог доверять и увольнявшего тех, кого следовало уволить.

Объем официальных полномочий у Хорти вырос за годы его регентства. Например, к 1939 г. он уже не мог быть подвергнут импичменту, имел право просматривать законопроекты еще до их представления в парламент, правительство лишалось права вводить чрезвычайное положение. Он мог арестовывать людей без предъявления обвинения или суда, временно ограничивать свободу слова и собраний. Со всем этим было покончено лишь после вторжения войск Германии в марте 1944 г. [14].

Называть данную политическую систему фашистской или хотя бы корпоративистской было бы неточным. Она оставалась своего рода парламентской системой, при которой соблюдалось верховенство права, существовала левая и правая оппозиция, выступавшая с критикой правительства как в парламенте, так и вне его. Весной 1944 г. выдающийся историк, знаток конституции Венгрии Ференц Экхарт мог еще писать, что «диктатура (фашистская) является чуждой венгерскому народу» [15].

В первое десятилетие регентства Хорти обычно старался отстраниться от повседневной политики и всегда повиновался как духу, так и букве законодательства, определявшего его права и ограничения. Его главная канцелярия и резиденция располагались в королевском дворце, стоявшем на Крепостном холме над Будапештом. Там он и жил

со своей семьей. У него было немного чиновников, набранных в основном из бывших офицеров Национальной армии времен Сегеда. Первоначально эти чиновники лишь отслеживали развитие событий. Основное время Хорти посвящал выполнению таких официальных обязанностей главы государства, как подписание законов, посещение дипломатических приемов, поездки по стране, открытие новых зданий, предоставление ветеранам армии членства в новом «Ордене героев». Как отмечал Томас Сэкмистер, в речах Хорти обычно подчеркивалась «необходимость упорного труда, дисциплины и приверженности традиционным ценностям» и очень редко поднимались актуальные политические вопросы [16].

Право Хорти назначать и увольнять премьер-министров позволяло ему дистанцироваться от повседневной политики. Обычно он стремился подбирать людей, которых хорошо знал и кому лично доверял. Показательно, что первоначально его премьер-министрами были аристократы-консерваторы. За редким исключением это были англофилы. Первый его премьер-министр граф Пал Телеки (глава правительств в 1920–1921 гг. и в 1939–1941-х гг.) – толковый ученый со связями, подготовивший страну к вынужденному подписанию грабительского Трианонского договора, согласно которому три четверти территории Венгрии и две трети населения были переданы ее соседям.

Следующий премьер-министр граф Иштван Бетлен (1921–1931 гг.) был стратегом и природным прагматиком. Он успешно консолидировал контрреволюционный режим и приступил к постепенной реконструкции страны. Бетлен создал «правительственную партию», в которой было несколько фракций и групп интересов, и выигрывал все выборы, состоявшиеся в межвоенный период. Он также осуществил финансовую реконструкцию, добился приема Венгрии в Лигу Наций, облегчил цензуру, отменил процентную норму для поступления евреев в университеты, усмирил самых воинственных сторонников «идеи Сегеда». При Бетлене четверть взрослого населения страны получила право голоса. Началась умеренная земельная реформа, продолжавшаяся до конца межвоенного периода. Была также легализована Социал-демократическая партия, представленная в парламенте до 1944 г.

Тем не менее, критики как слева, так и справа считали политику Бетлена консервативной. Как и на всем протяжении правления Хорти Венгрия оставалась преимущественно аграрной, отсталой страной, в которой немногочисленная элита владела большинством сельскохозяйственных земель и

самыми удачливыми промышленными предприятиями, а три четверти населения жили в нищете, не имея даже права голоса [17].

В области внешней политики Хорти поддерживал усилия Бетлена по развитию отношений с Британией и созданию союза с фашистской Италией, хотя этот союз был предметом острых дискуссий. Кульминацией этого курса стал заключенный в 1927 г. договор о дружбе между двумя странами. Несмотря на то, что некоторые венгерские правые радикалы всячески восхваляли фашистский режим Муссолини, в основе этого союза лежало не совпадение идеологий, а взаимная неудовлетворенность мирными договорами, заключенными после Первой мировой войны. И хотя Хорти оказывал Муссолини высшие почести, которые только и были возможны в Венгрии, первый официальный визит в Италию он совершил лишь в 1936 г., решительно уклоняясь при этом от обсуждения политических вопросов [18].

Наступление великой депрессии положило конец пассивности Хорти [19]. На фоне массового обнищания оживились правые радикалы, объяснявшие сложившуюся ситуацию «возвращением к власти евреев», превративших Венгрию «в страну трех миллионов нищих». Ввиду растущего недовольства Хорти пришлось сместить столь любимого им Бетлена, заменив его графом Дьюлой Кароли, честным политиком, которому, однако, не хватило должной дальновидности и способности добиться общественной поддержки [20]. В отчаянной попытке найти хоть кого-то, кто мог бы заручиться поддержкой народа, Хорти в 1932 г. назначил премьер-министром одного из самых праворадикальных офицеров старой Национальной армии – Дьюлу Гёмбёша. Это был судьбоносный выбор. Гёмбёш не был ни аристократом, ни верным сторонником существующей власти. Он занялся созданием антисемитской «Партии защиты расы», пока его не «притормозили», передвинув на пост министра обороны.

Став премьер-министром, Гёмбёш незамедлительно занял откровенно популистские позиции. Отказавшись ввести в состав кабинета аристократов, он сразу же опубликовал план реконструкции страны, состоявший из 95 пунктов, прозорливо названный Миклошем Зейдлером «противоречивым и зловещим» [21]. Правда, худшие страхи оппонентов Гёмбёша, считавших его маленьким Гитлером, не оправдались. Он продолжал считаться с парламентом, не развернул кампании, направленной против евреев, а его долгосрочные планы по реконструкции страны оставались лишь на бумаге. Вместе с тем он провел чистку в армии, стал выдвигать

на влиятельные должности правых радикалов, придерживавшихся прогерманской ориентации. В этом же духе был обновлен кадровый костяк правящей партии [22].

Консерваторы, подобные Бетлену, вытеснялись из ее руководства, хотя и сохраняли свои места в парламенте. Именно им и удалось в конце концов убедить Хорти, что его премьер-министр способен подорвать стабильность. К 1936 г. Хорти перестал доверять Гёмбёшу, но, зная о его болезни, позволил ему остаться на посту вплоть до его кончины в конце того же года [23].

Однако влияние премьерства Гёмбёша ощущалось еще довольно долго. В 1932–1936 гг. во внешней политике Венгрии произошел сдвиг от раболепия перед Италией и Британией к усилению ориентации на нацистскую Германию. К середине 1930-х гг. стало очевидным, что для Италии хорошие отношения с Францией важнее, чем с Венгрией. Великобритания также была занята собственными экономическими проблемами и мало интересовалась событиями в Европе. Напротив, нацистская Германия денонсировала послевоенные мирные договоры, включая Трианонский, и заявляла о готовности незамедлительно предоставить займы, необходимые для роста венгерского экспорта. В пользу тесного сотрудничества между двумя странами работали и традиционные экономические и культурные связи между Германией и Венгрией. Гёмбёш, немец по происхождению, и Хорти, говоривший по-немецки лучше, чем по-венгерски, послушно двинулись к тесному союзу с немцами. В 1936 г. Хорти совершил первый визит к Гитлеру, которого стал затем именовать «умеренным и мудрым государственным деятелем». Поначалу Хорти и Гитлер провозглашали, что у них много общего. Лишь позднее они стали негласно презирать друг друга [24].

Еще одним важным следствием премьерства Гёмбёша было возникновение нового правого оппозиционного движения, у руля которого встали люди, которые вскоре объявили его предателем, поскольку он «оказался неспособен провести в стране долгожданные изменения». Они все откровеннее высказывали убеждение, что Венгрию нельзя изменить при действовавшей «правящей партии» [25]. Отсюда их возросший интерес к лидеру фашистского движения «Скрещенные стрелы» Ференцу Салаши. Бывший армейский офицер и харизматик, одержимый антисемитизмом, он был убежден, что именно ему предназначено возродить величие Венгрии. Хотя он был поставлен нацистами у власти лишь в конце 1944 г., популярность его партии стала расти значительно раньше, символизируя тем са-

мым дальнейший сдвиг вправо всей политической жизни. Показательно в этом смысле, что последующие премьер-министры, стремясь подорвать влияние Салаши, сами инициировали введение в стране дополнительного праворадикального законодательства [26].

Любопытно также, что Салаши первоначально не был готов прямо бросить вызов власти Хорти. Он был убежден, что регент сам вскоре назначит его премьер-министром. Пока же он продолжал формирование своего движения, ставшего второй по численности партией в парламенте. Однако Хорти продолжал считать национал-социалистов Венгрии «примитивными» и отказывался назначать их на сколько-нибудь влиятельные посты. В 1937 и в 1938–1940 гг. он даже засадил Салаши в тюрьму по обвинениям в подрывной деятельности [27].

Два следующих премьер-министра Хорти – Калман Дарани (1936–1938 гг.) и Бела Имреди (1938–1939 гг.) – провели некоторые реформы, рассчитанные на рост популярности режима. Была введена 48-часовая рабочая неделя, гарантировано право на оплачиваемый отпуск, отменена работа по воскресеньям. В основе этих реформ лежали планы, которые начал реализовывать еще Бетлен в середине 1920-х гг., но от которых из-за Великой депрессии пришлось отказаться [28].

Вместе с тем Имреди протолкнул закон, который вводил юридические ограничения для евреев, – первый со времен отмены процентной нормы в 1920-е гг. На первых порах закон выглядел относительно мягким. Согласно ему для работы евреев в университетах и на аналогичных должностях устанавливалась двадцатипроцентная норма. Однако затем последовала серия законов, дополнительно урезавших права венгерских евреев.

До 1941 г. Хорти избегал вовлечения Венгрии во Вторую мировую войну. Венгрия не участвовала в германском вторжении в Чехословакию в марте 1939 г., в разгроме Польши в сентябре того же года и во вторжении в Западную Европу в 1940 г. При этом она не забывала о своих претензиях на потерянные в прошлом территории. Между тем немцы, одерживая победы, как бы делились с венграми «трофеями», передав им оккупированные территории южной Словакии, Рутении (Закарпатской Украины) и почти половины Трансильвании. Популярность Хорти достигла пика, когда он верхом на белом коне въезжал во главе своей свиты в города, возвращенные Венгрии «благодаря его осторожной прогерманской дипломатии» [30].

Однако, как признают многие историки, существовала и цена, которую Венгрии пришлось заплатить за растущий долг перед нацистской Гер-

манией. В апреле 1941 г. Гитлер предложил Хорти присоединиться к вторжению в Югославию в обмен на часть территории последней. Премьер-министр Пал Телеки посчитал, что этот шаг не только противоречил бы «договору о вечной дружбе», подписанному Венгрией с Югославией в 1940 г., но закончился бы для Венгрии катастрофой. С другой стороны, он не мог не учитывать того, что обещание немцев вернуть Венгрии потерянные территории выглядит весьма соблазнительно. На протяжении всего межвоенного периода идея «территориального пересмотра» прошлых потерь постоянно подхватывалась всеми венгерскими правительствами, постоянно напоминаям народу о несправедливости Трианонского договора. Согласно логике этой пропаганды и утвердившимся в обществе настроениям Венгрия должна была при опоре на сотрудничество с нацистской Германией побыстрее вернуть себе как можно больше потерянных территорий [31].

Более того, сам Хорти как бы воплощал дух милитаризма соотечественников, полных решимости отомстить за поражение в Первой мировой войне. Об этом же шла речь в популярной тогда песне: «Я солдат Миклоша Хорти, его самый прекрасный солдат». Среди венгерских военных доминировали прогерманские настроения. После прихода Гитлера к власти ряд венгерских офицеров обучался в военных колледжах Германии. Некоторые из них были родом из Германии, другие были повышены в звании за свои праворадикальные и прогерманские взгляды Гёмбёшем и его последователями. Многие офицеры восхищались военными победами Германии в первые годы войны. Все они были убеждены, что историю делают в конечном счете именно военные успехи [32].

Находясь под давлением военных и общественного мнения, требовавших вторгнуться в Югославию, премьер-министр Телеки, убежденный в том, что оно обернется катастрофой, впал в депрессию и покончил жизнь самоубийством. Прагматик Хорти поступил по-иному. Не считая Югославию законным государством, он, не колеблясь, дал согласие на вторжение в нее и даже объявил свое решение «благородным» [33].

Той же самой логикой он руководствовался, отдавая приказ о вторжении в Советский Союз. Первоначально Венгрия вроде бы колебалась, размышляя, стоит ли ей присоединяться к действиям нацистской Германии. Однако новый премьер-министр Венгрии Ласло Бардосси, а также командование армии решительно высказались за такое вторжение. Они считали, что Венгрии стоит принять участие в «быстрой», как им казалось, победе. По-

водом, оправдывавшим объявление войны Советскому Союзу, послужила «необъяснимая» бомбардировка 26 июня 1941 г. «самолетами с советскими опознавательными знаками» «венгерского города Кошице» (современная Словакия), в результате которой погибло 26 мирных жителей [34].

Приняв решение о вторжении, Хорти сообщил Гитлеру, что Венгрия «счастлива» присоединиться к «крестовому походу за устранение коммунистической орды и за сохранение нашей культуры». «Не может быть счастья, мира и спокойствия, пока существует советская власть и эта огромная Россия, которая может управляться только террористами – как царями, так и коммунистами», – декларировал Хорти, выражая при этом надежду, что Венгрии достанутся новые территории от ее соседей [35].

Первоначально вторгшаяся на территорию СССР венгерская «Карпатская группа» насчитывала 40 тыс. человек. Предполагалось, что она будет действовать на западе Украины. При этом группа передавалась в полное подчинение германскому командованию. Хорти также одобрил план развертывания в 1942 г. венгерских воинских соединений численностью в 150 тыс. чел. [36].

К этому времени венгерская армия уже дошла до реки Дон. Ее основные силы были сосредоточены к югу от города Воронежа. Именно там в январе 1943 г. она и была разгромлена советскими войсками в ходе знаменитой Сталинградской битвы [37]. Вторжение стоило Хорти потери старшего сына Иштвана, который, как надеялся Хорти, должен был унаследовать его должность. Он погиб в авиакатастрофе 20 августа 1942 г. на территории Советского Союза [38].

Оккупационные войска Венгрии в Советском Союзе вели себя так же, как немцы. Если их жестокость по отношению к гражданскому населению северной Трансильвании в 1940 г. и Югославии в 1941 г. проявлялась лишь в отдельных случаях, то в Советском Союзе она была систематической [39]. Венгерским солдатам было приказано, следуя немецким инструкциям, вести «беспощадную» войну против «еврейско-большевистской системы». С попавшими в плен советскими должностными лицами, военнослужащими, евреями, партизанами обычно «расправлялись на месте» [40].

«Беспощадная война» велась во многом и против евреев, искавших убежища в Венгрии, но не имевших венгерских документов. В июле 1941 г. около 15 тыс. евреев, живших в стране, но объявленных вдруг «неподходящими чужаками», с одобрения Хорти были переданы германским оккупационным войскам, находившимся на территории Советского Союза, и убиты. Депортация евреев

проходила также на вновь присоединенных территориях «Трансильвании» [41]. В 1942 г. 50 тыс. мужчин-евреев были отправлены на «восточный фронт», где они подвергались крайне жестокому обращению и выполняли самые опасные поручения [42, 43].

После Сталинградской катастрофы Хорти задумался о том, как приуменьшить ответственность Венгрии за проводимую агрессивную политику и вывести ее из войны. Тем временем, к марту 1944 г. Гитлер пришел к убеждению, что Венгрия стала ненадежным союзником, и потребовал, чтобы немецким войскам было позволено без ограничений действовать на территории Венгрии. Ему также «надоело» мягкое, на его взгляд, обращение Хорти с еврейской общиной Венгрии, и он потребовал, чтобы премьер-министр Миклош Каллаи, осторожный политик, был заменен на прогерманского посла в Берлине – угодливого Дёме Штоджайи. 19 марта 1944 г. Хорти продемонстрировал свою неспособность в чем-либо отказывать Гитлеру, разрешил фактическую оккупацию страны немецкими войсками, в том числе и соединениями «СС» [44].

Штоджайи вместе с офицером «СС» Адольфом Эйхманом быстро организовал депортацию венгерских евреев «для работы в сельской местности». В результате 458 тыс. евреев были отправлены в концлагеря, размещенные в оккупированной немцами Польше. В этой акции ревностно участвовали венгерская бюрократия, жандармерия и полиция. Между тем, санкционировавший ее Хорти оправдывал себя тем, что депортированные евреи – ненадежная прокоммунистическая публика и что они будут всего лишь использованы немцами в качестве рабочей силы [45]. Впрочем, в июне – после протестов иностранных дипломатов, руководства католической церкви и собственных родственников, доказавших, что высылаемых евреев уничтожают в концлагерях Польши, – он приказал остановить депортации. В результате значительная часть еврейской общины Будапешта смогла пережить войну [46].

В августе Хорти вновь всерьез задумался над тем, как все же выйти из войны. Он отправил в отставку Штоджайи, запретил все политические партии (включая движение Салаши) и изгнал из правительства наиболее рьяных антисемитов. Гитлеру было сообщено, что «Венгрия намерена по-прежнему осуществлять решение еврейского вопроса, но без ненужных и антигуманных действий» [47]. Были начаты секретные переговоры с Советским Союзом о возможности прекращения военных действий. 15 октября 1944 г. Хорти выступил по венгерскому радио и заявил, что война проиграна

и что Венгрия не будет оказывать сопротивление Красной армии при ее вступлении на венгерскую территорию.

Многие офицеры армии Хорти не подчинились его приказу и потребовали от своих солдат хранить верность союзной Германии. Тем временем немецкая разведка похитила сына Хорти Миклоша, начала захват правительственных учреждений и арестовала самого регента. Пленного Хорти вынудили отозвать свое заявление по радио, покинуть пост регента и назначить своим преемником Салаши. Затем Хорти вместе с семьей препроводили в застенки нацистского гестапо, где они пребывали до конца войны [48].

Будучи освобожденным наступавшей американской армией, Хорти выразил величайшее изумление в связи с тем, что с ним обращаются, как с подозреваемым в военных преступлениях. Он явно надеялся вернуться в Венгрию и возобновить свою деятельность как главы государства. Между тем, правительства Венгрии и Югославии решительно требовали от руководителей антигитлеровской коалиции предания его суду за зверства, произошедшие за годы его регентства. Однако Сталин, позитивно оценивая попытку Хорти прекратить войну, согласился на продление его пребывания в Германии, где он выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе нацистских военных преступников. Окончательно Хорти освободили в 1946 г. В 1949 г. ему разрешили переехать в Португалию, где он и умер в 1957 г. В 1993 г. его прах был возвращен в Венгрию и перезахоронен в семейном склепе в Кендереше [49].

Из изложенного выше следует, на наш взгляд, что Хорти не был фашистом [50]. Вместе с тем он явно симпатизировал правым радикалам и даже назначал их премьер-министрами (Гёмбёша в 1932 г., Имреди в 1938 г. и Штоджайи в 1944 г.). Делал это он, правда, лишь во время кризисов и порывал с ними, как только это становилось возможным. Для него было естественным доверять опытным, осторожным людям, предпочтительно из высших кругов общества и разделявшим его собственные взгляды. Его союз с нацистской Германией и готовность согласиться с оккупацию страны и на уничтожение большинства еврейского населения Венгрии заслуживают самого резкого осуждения. Однако во многом эти действия определялись его неспособностью стойко противостоять внешнему давлению. Так, лично он не только ненавидел Гитлера, но и был абсолютно убежден, что Германия проиграет войну с Великобританией. Тем не менее, поскольку другие великие державы не могли (или не хотели) помочь Венгрии в ее борьбе за отмену унижительных положений Трианонского договора,

он считал неизбежным союз с нацистской Германией. Традиционные связи Венгрии с Германией, первоначальные внешнеполитические успехи Гитлера, вера офицерского корпуса Венгрии в непобедимость немецкой армии, собственный антисемитизм и антибольшевизм побудили Хорти согласиться на заключенный без энтузиазма злосчастный союз с германским нацизмом.

Все это, естественно, не освобождает его от ответственности за катастрофу, постигшую его страну в годы Второй мировой войны. Хотя Хорти сохранял в Венгрии парламентаризм и чтил, пока это оставалось возможным, верховенство закона, вместе с тем он лично разжигал милитаризм и ирредентизм, санкционировал законодательство, обернувшееся массовыми убийствами сотен тысяч соотечественников, использовал свои полномочия и политическое влияние для укрепления союза с Гитлером – союза, сохранившегося вплоть до последнего этапа Второй мировой войны. Вынужденный попутчик и союзник Гитлера, Хорти все же много лет оставался таким союзником, за что он и его страна заплатили дорожную цену.

Примечания:

1. О развитии культа Хорти до 1944 г. см.: *Romsics, I. A múlt arcai: történelem, emlékezet, politika.* – Budapest, 2015. – P. 369-392.
2. Подробное описание детства и карьеры Хорти до 1918 г. см.: *Nemere, I. Horthy Miklós magánélete.* – Debrecen, 2004. – P. 1-83 и *Sakmyster, T. Hungary's admiral on horseback: Miklós Horthy, 1918–1944.* – New York, 1994. – P. 1-12.
3. Обзор положения Венгрии после Первой мировой войны дан в: *Swanson, Jh. The remnants of the Habsburg monarchy: the shaping of modern Austria and Hungary, 1918–1922.* – New York, 2001; а также см.: *Cartledge, B. The will to survive: A history of Hungary,* New York, 2011. – P. 325-326.
4. *Macartney, C.A. October 15th. A history of modern Hungary.* – Edinburgh, 1956. – 2 vols. – P. i, 28-36.
5. *Szöveggyűtemény Budapest történetének tanulmányozásához, 1870–1930 / Eds. by A. Sipos and P. Donáth / 2 vols. – Vol. i. – P. 307; также см.: Sakmyster, T. Op. cit. – P. 31.*
6. Лучшую характеристику «белого террора» см.: *Bodó, B. Pál Prónay: paramilitary violence and anti-semitism in Hungary, 1919–1921.* – Pittsburgh, 2011.
7. *Koltay, G. Horthy, A Kormányzó.* – Veszprém, 2007. – P. 53-54.
8. Полное изложение столкновения между двумя лагерями см.: *Vargyai, G. A legitimisták és szabad királyválasztók közjogi vitájáról az ellenforradalmi államban.* – Budapest, 1964.
9. *Püski, L. A Horthy-rendszer, 1919–1945.* – Budapest, 2006. – P. 17-18.

10. Описание этих двух неудачных переворотов у *Sakmyster, T.* Op. cit. – P. 91-121.
11. *Cartledge, B.* Op. cit. – P. 351; также излишне позитивная оценка дается в: *Macartney, C.A.* Op. cit. – Vol. i. – P. 52-60.
12. *Sakmyster, T.* Op. cit. – P. 32; 147-149; также см.: *Püski, L.* Op. cit. – P.35-36.
13. *Macartney, C.A.* Op. cit. – Vol. i. – P. 49-50.
14. См.: *Wittenberg, J.* External influences on the evolution of Hungarian authoritarianism, 1920–1944 // *Rethinking fascism and dictatorship in Europe* / Eds. by A.C. Pinto and A. Kallis. – Basingstoke, 2014. – особенно P. 226-229.
15. *Eckhart, F.* A Magyar alkotmány // *Magyar Szemle.* – 1944/3.
16. *Sakmyster, T.* Op. cit. – P. 141-151; 175-176.
17. *Koltay, G.* Op. cit. – P. 68-69.
18. *Réti, G.* Hungarian –Italian relations in the shadow of Hitler's Germany, 1933–1945. – New York, 2003. – P. 94-95.
19. *Püski, L.* Op. cit. – P. 30.
20. *Ormos, M.* The Horthy era and the fascist epilogue, 1921–1945 // *Hungary, government and politics, 1848–2000* / Eds. by M. Ormos and B. Király. – New York, 2001. – P. 227-228.
21. См.: *Zeidler, M.* Gyula Gömbös // *In the shadow of Hitler: personalities of the right in Central and Eastern Europe* / Eds. by R. Haynes and M. Rady. – London, 2011. – P.126-127.
22. См.: *Lorman, Th.* First World War Veterans in the Inter-War Hungarian Parliament // *Totalitarian Movements and Political Religions.* – 2010. – Spring.
23. Ibid. – P. 133.
24. *Sakmyster, T.* Op. cit. – P. 190-191; также см.: *Koltay, G.* Op. cit. – P. 71-72.
25. *Ormos, M.* Op. cit. – P. 233-235.
26. См. интересное описание пути Салаши к власти: *Rady, M.* Ferenc Szálasi // *In the shadow of Hitler ...*
27. Ibid. – P. 266–267; см. также: *Püski, L.* Op. cit. – P. 35.
28. *Koltay, G.* Op. cit. – P. 64-65.
29. *The Holocaust in Hungary. Evolution of a Genocide* / Eds. by Z. Vági, L. Csósz and G. Kádár. – Plymouth, 2013. – P. 1-33.
30. *Koltay, G.* Op. cit. – P. 75-78.
31. Толковый обзор «цены» территориального пере-смотра и уплаченной «цены» см.: *Cartledge, B.* Op. cit. – P. 385-422.
32. *Szakály, S.* Hungarian-German military cooperation during World War Two // *20th century Hungary and the great powers* / Ed. by I. Romsics. – New York, 1995.
33. *Sakmyster, T.* Op. cit. – P. 255-262; см. также: *Macartney, C.A.* Op. cit. – Vol. i. – P. 55.
34. *Ormos, M.* Op. cit. – P. 252-255.
35. *The confidential papers of Miklós Horthy* / Eds. by M. Szinai and L. Szücs. – Budapest, 1965. – P. 179-183; 296–300; также см.: *Sakmyster, T.* Op. cit. – P. 266-269.
36. *Szakály, S.* Op. cit. – P. 150.
37. *Cornelius, D.* Hungary in World War Two: caught in the cauldron. – New York, 2011. – P. 204-225.
38. *Cartledge, B.* Op. cit. – P. 408-410.
39. См., напр.: *Cornelius, D.* Op. cit. – P. 187-191.
40. *Ungváry, K.* Magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban: esemény, elbeszélés, utóélet. – Budapest, 2015. – P. 33, 57-58, 111-115, 132-137, 198-203, 210-224.
41. *The Holocaust in Hungary ...* – P. 35-42.
42. Ibid. – P.46–61; также см.: *The wartime system of labor service in Hungary: varieties of experience* / Ed. by R. Braham. – New York, 1995.
43. *Ungváry, K.* Op. cit. – P. 36-45, 76-77, 132-137.
44. *The Holocaust in Hungary ...* – P. 65-69.
45. Ibid. – P. 71-134; также см.: *Sakmyster, T.* Op. cit. – P. 343-348.
46. *Cartledge, B.* Op. cit. – P. 413-419.
47. *The confidential papers of Miklós Horthy ...* – P. 316-319.
48. Лучшее всего события, которые привели к провалу попытки Хорти вывести Венгрию из войны, описаны в: *Macartney, C.A.* Op. cit. – Vol. ii. – P. 319-443.
49. *Sakmyster, T.* Op. cit. – P. 381-382; *Koltay, G.* Op. cit. – P. 112-123
50. Серьезный обзор меняющейся историографии по Хорти см.: *Romsics, I.* A múlt arcai – Történelem, emlékezet, politika. – Budapest, 2015. – P. 393-410.

ФАШИСТСКИЕ РЕЖИМЫ В АЛБАНИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бернд Дж. Фишер,
заслуженный профессор исторического
факультета Университета Индианы
(Форт Уэйн, США),
член Албанской академии наук
fischer@ipfw.edu

Перевод с английского С.В. Белкина

Аннотация. Статья посвящена анализу фашизма в Албании в годы Второй мировой войны. В отличие от других Балканских государств до войны в Албании не было фашистского движения на локальном уровне, и до завоевания Албании Муссолини в августе 1939 г. фашизм здесь ещё не внедрился в полной мере.

После аннексии Албании итальянские фашисты и албанские марионеточные режимы намеревались превратить страну в миниатюрную копию фашистской Италии. Были созданы Албанская фашистская партия, милиция «чернорубашечников», студенческие, рабочие и молодёжные профашистские организации, введено фашистское приветствие, в национальный флаг добавлены элементы фашистской символики. Однако итальянцы переоценили свою способность завоевать умы и сердца албанцев. Несмотря на то, что в стране появилось много коллаборационистов, сотрудничавших с фашистами, идеологических сторонников фашизма в Албании было совсем немного. Фашизм в Албании в результате стал символом ненависти к захватчикам страны и приобрёл статус ненавистного символа захватчиков. По мере расширения оккупации усиливалось сопротивление албанцев итальянским захватчикам. В надежде завоевать доверие албанцев, итальянцы удаляли из руководства элементы фашистского истеблишмента. Но было уже слишком поздно что-либо изменить.

После поражения Италии в 1943 г. Албания была оккупирована немецкими нацистами. Главной целью Германии было завоевание Албании с использованием минимального количества ресурсов, и они учились на ошибках итальянцев. Для привлечения на свою сторону большего числа местного населения немецкие фашисты попытались «смягчить» фашизм: Албанская фашистская партия была упразднена, прекратилась «охота» на еврейское население. Подобные действия помогли немецким фашистам добиться в Албании большего успеха по сравнению с итальянцами. Немцы поняли, что албанцы не были фашистами. Провалившаяся попытка итальянцев внедрить фашизм в Албании существенно повлияла на политику страны в период Второй мировой войны. Несмотря на то, что термин «фашизм» часто используется в посткоммунистическом политическом дискурсе Албании, концепт фашизма прекратил своё существование с концом недолгой итальянской оккупации.

Ключевые слова: Албания, Вторая мировая война, итальянские фашисты, немецкие нацисты, коллаборационизм.

FASCIST REGIMES IN ALBANIA DURING THE SECOND WORLD WAR

Bernd J. Fischer, Professor Emeritus,
Department of History, Indiana University, Fort Wayne
Foreign Member, Albanian Academy of Sciences

Abstract. *This paper focuses on the fascist experience in Albania during the Second World War. In contrast to other Balkan states, Albania had no real pre-war indigenous fascist movement and it was not until Mussolini's invasion of Albania in 1939 that the concept was fully introduced. Once Albania had been annexed to the new Italian empire, Italian fascist officials and Albanian puppet leaders hoped to create a miniature version of Fascist Italy. The Albanian Fascist Party was established along with the other usual trappings of fascism, including a Blackshirt militia, as well as student, worker and youth organizations. The fascist salute was introduced, and the fasces itself was added to the Albanian flag. But the Italians overestimated their ability to win over the hearts and minds of Albanians. While there were many Albanian collaborators, the Italians found few ideological partners. Fascism in Albania never moved beyond the status of hated symbol of the invader. As the occupation soured and resistance increased, the Italian hoped to win favor with the Albanians by actually removing elements of the fascist establishment, including the party itself. But it was too late.*

With the collapse of Italy in 1943, German Nazis invaded and occupied Albania. Their principal goal was to hold Albania with as few resources as possible and they had learned from Italian mistakes. To encourage as much local cooperation as possible, the German Nazis deemphasized fascism to the extent that the party was not reestablished and Jews were not hunted. This, along with other policies, allowed the Nazis more success in Albania than the Italian fascists had achieved. The Germans understood that Albanians were not fascists. The failed Italian attempt to impose fascism on Albania contributed to the profound impact that the Second World War would have on the country. While the term is often employed in post-communist Albanian political discourse, the concept itself did not survive the short Italian fascist occupation.

Key words: *Albania, the Second World War, Italian fascists, German Nazis, collaboration.*

История фашизма в Албании началась с итальянской оккупации 7 апреля 1939 г. и закончилась выводом из Албании немецких войск в декабре 1944 г. и установлением в ней коммунистического режима. Пять с половиной лет оккупации привели к страданиям и разрушениям, которые не скоро будут забыты и продолжают оставаться в памяти албанцев даже в XXI в. В результате войны появились две разных «Албании» – *итальянская фашистская и немецкая нацистская*, в каждой из которых соединились заимствованные идеологии и национальные реалии. Преследуя свои собственные цели, итальянские фашисты и в особенности немецкие нацисты оказали существенное влияние на трансформационные процессы в Албании и ускорили процесс социальных, экономических и политических изменений, в результате которых была упразднена предвоенная монархия и открыт путь для коммунистического режима.

Сразу же после оккупации Албании итальянские фашисты поспешили найти оправдание своим агрессивным действиям, поскольку Муссолини опасался реакции со стороны иностранных государств. Его союзники, такие, как Германия и Венгрия, полностью поддержали его действия. Балканские соседи Албании, несмотря на то, что они с недоверием восприняли нелепую ложь итальянцев, оправдывавшую их оккупацию, были не готовы противостоять Италии из-за её мощи. Только Турция отказалась смириться с новой ситуацией и продолжала поддерживать дипломатические отношения с албанским премьер-министром и его кабинетом. На Западе недовольство действиями Италии

было широко распространённым и влиятельным, пресса описывала действия Италии как жестокий и циничный акт неспровоцированной агрессии [1]. Официальная реакция на действия Италии вначале была невнятной. Британцы опасались, что итальянцы могут стать более зависимыми от немцев, и поэтому не выражали открытого недовольства, и в конечном итоге признали итальянскую оккупацию *de facto* и *de jure* [2]. Реакция Лиги Наций на итальянскую оккупацию была ещё сдержаннее. Лига Наций ограничилась признанием того, что оккупация на самом деле имела место [3]. Муссолини устраивала подобная реакция, и он начал планировать дальнейшие завоевания. Таким образом, албанский народ стал очередной жертвой политики попустительства со стороны Запада.

Сразу после оккупации президент США Франклин Рузвельт предложил Гитлеру и Муссолини гарантировать безопасность 29 странам, в то время как Великобритания гарантировала безопасность Греции и Румынии. В определённом смысле оккупация Албании стала важным этапом процесса, благодаря которому происходило постепенное создание коалиции, направленной на разгром фашизма [4]. Пока же жертвоприношение албанцев состоялось, не удовлетворив аппетиты возрождаемой Муссолини «Римской империи».

Министр иностранных дел Италии граф Чиано, который нес непосредственную ответственность за оккупацию албанской территории, планировал аннексировать Албанию. Первым шагом в этом направлении было создание временного правительства, которое возглавил Джафер-бей Ипи – бывший

премьер-министр Албании, а затем шеф-инспектор Королевского суда. Ипи было дано указание направить Муссолини послание, подтверждающее «лояльность албанского народа», который-де надеется на выполнение программы Чиано, обещавшего «порядок, процветание, политическую и социальную справедливость в рамках фашистских свобод». Чиано, ссылаясь на «неспособность албанцев к самоуправлению», имитировал обращение Муссолини с призывом «спасти страну» [5].

Через несколько дней Ипи созвал «Учредительное собрание», в которое вошли помещики, вожди племён, представители деловых кругов, многие из которых отличались друг от друга только по степени подобострастности по отношению к итальянцам. Собрание постановило провозгласить причастность Албании к «Фашистской Эре». Король Албании Зогу и его династия были объявлены низложенными, а сама страна – «неотъемлемой частью союза с Италией, возглавляемого Виктором Эммануилом III». За короткий срок было сформировано новое правительство, в состав которого вошли в основном мало известные стране личности. Правительство возглавил помещик Шефгет Верлаци – злейший враг короля Зогу. В своём дневнике Чиано так описывал новую «албанскую элиту»: после приёма в Королевском дворце Албании «не досчитались восьми зажигалок для сигар, серебряного портсигара, шестидесяти ножей и вилок. Но для дебюта высшего общества Тираны этот приём был не так уж и плох» [6].

Новая конституция 1939 г., написанная итальянцами, поставившая крест на независимости Албании, была типичным примером нового порядка, который устанавливали европейские диктаторы на оккупированных территориях [7]. Власть была сосредоточена в руках итальянского верховного комиссара, находящегося в прямом подчинении Муссолини. Первым представителем Италии, занявшим этот пост, был итальянский посол Франческо Джакомини – заведомо второстепенная фигура. Упомянув о нем, можно лишь отметить, что в отличие от многих других итальянских официальных представителей в Албании он, хотя и считал албанцев «отсталым народом», но все же не относился к ним как к людям низшего сорта [8].

Судебная система была похожа на существовавшую при правлении Зогу, за исключением того, что новые законы были в первую очередь направлены на ограничение свободы личности. Законодательные органы власти также походили на органы власти при короле Зогу и представляли собой бу-тафорию. Коллаборационистское правительство находилось под полным контролем итальянских

властей. Немногочисленная албанская армия, которая уже продемонстрировала свою недееспособность, вошла в состав итальянских вооруженных сил. Местные органы власти, как и при Зогу, в значительной степени контролировались Министерством внутренних дел. Только на уровне местного управления и при появлении несущественных проблем сами албанцы имели полномочия принимать решения.

Двумя другими главными властными структурами, кроме итальянского верховного комиссара, были итальянские военные и вновь созданная Албанская фашистская партия. Итальянские военные в Албании находились под контролем генерала Гуццони, который руководил оккупацией и не был подчинен Джакономи, – ситуация, приводившая к множеству непредсказуемых последствий.

Албанская фашистская партия, бывшая единственной политической партией страны, некоторое время представлявшая собой «третий элемент» в борьбе за власть. Как и в Италии, она была создана в противовес государству и находилась под контролем родственной итальянской фашистской партии. Генеральным секретарём партии был назначен Текик Мборджиа – юрист и бывший депутатом албанского парламента [9]. Как и другие официальные лица, назначенные Чиано, Мборджиа был известен как давний друг его семьи. В качестве лидера партии Мборджиа принимал участие в работе кабинета министров и обладал заметным влиянием. Реагируя на этот выбор, албанская пресса отмечала, что Мборджиа может сыграть определённую роль и в самой итальянской фашистской партии, хотя он сам никогда об этом и не заявлял. Зато впоследствии он откровенно говорил о зависимости албанской партии от итальянской и том, что албанской партии надлежит привести свои структуры в соответствие с теми, которые существуют в родственной итальянской партии [10]. При всем этом реальная власть в партии находилась в руках итальянского генерального инспектора Джованни Гиро, близкого друга Муссолини.

Партийным уставом предусматривалось наличие Центрального совета, который формировал один из двух элементов албанского парламента. Партия оказывала существенное влияние на местные органы власти и контролировала разнообразные вспомогательные организации, в том числе фашистское молодёжное движение, именовавшее себя «Албанской ликторской молодёжью», Женскую фашистскую организацию, Организацию помощи фашистам и некоторые другие [11]. Важной функцией партии считалась пропаганда, которую вела прежде всего газета «Фашизми», пришедшая на смену газетам времен правления Зогу, которые были закрыты.

Выполняя стоявшие перед ней политические, образовательные, социальные и экономические задачи, партия оказывала заметное влияние на албанское население. На деятельность любых других политических организаций итальянцами было наложено абсолютное вето.

Рядовыми членами партии были коренные жители и итальянцы, жившие в Албании. Согласно партийным установкам в партию ни при каких условиях не должны были приниматься евреи. В параграфе, который определял необходимые условия членства, шла речь о верности и отваге как «качествах, характерных для албанского народа» [12]. Члены партии клялись в верности Муссолини как основателю империи и создателю Новой Албании и делу фашистской революции. В члены партии автоматически включались сотрудники добровольной народной милиции, которая носила традиционные чёрные рубашки. Милиция была подразделена на четыре легиона, которым подчинялись десять *когортных* отрядов [13].

Официально приём в члены партии происходил на добровольной основе. При всем этом использовался ряд способов сделать жизнь невыносимой для тех, кто не хотел стать ее членом. Отсюда ее относительная многочисленность. При всем этом в Албании так и не удалось найти такое же число идеологических сторонников фашизма, как в Румынии и Хорватии.

Для многих вступавших в партию этот шаг был чистой формальностью. Привыкшие к системе взяток и коррупции, процветавшей во времена Оттоманской империи и при правлении Зогу, многие албанцы относились к пребыванию в фашистской партии просто как к шансу получить дополнительную наживу. Признавая и принимая оккупацию своей страны, многие коллаборационисты обычно не отдавали себе отчет, что совершают идеологическое предательство. Многие позднее скроются в горах, осознав, к чему привело их сотрудничество с оккупантами [14].

«Итальянизация» Албании продолжалась при сохранении финансовой структуры, существовавшей при короле Зогу. Всеохватывающий финансовый договор предусматривал таможенный союз, дававший итальянцам право нести полную ответственность за албанский бюджет. Новая система образования подразумевала увольнение всех неблагонадёжных преподавателей, закрытие большинства неитальянских иностранных школ и использование новых учебников, дававших «политически корректную интерпретацию истории».

Более трудной задачей оказался контроль за студентами. Итальянцы предприняли попытку ру-

ководить молодёжью, создавая целый ряд фашистских молодёжных организаций, таких, как уже упоминавшаяся «Албанская ликторская молодёжь». Установить контроль над разнообразными религиозными иерархиями оказалось значительно проще. Зогу создал если не покорные, то по крайней мере не сопротивляющиеся религиозные общины. Итальянцы гарантировали продолжение их спокойного существования отчасти благодаря увеличению бюджетных средств, выделявшихся трём основным албанским конфессиям [15].

Подобно Зогу, итальянцы управляли страной, сотрудничая со старой феодальной аристократией, которую составляли влиятельные помещики Центральной и Южной Албании и вожди северных племён. Основная часть этой системы правления покоилась на обычной коррупции – системе, к которой итальянцы привыкли и чувствовали себя в ней весьма комфортно.

Итальянская Албания, несомненно, была более централизованным государством, однако судебные и законодательные структуры уже не были независимыми, как при короле Зогу. На базе государства периода Зогу создавалась миниатюрная фашистская Италия. Этот процесс осуществлялся медленно и в известной степени «тактично». В результате под маской конституционной монархии в стране постепенно установилась фашистская военная диктатура. Проблема, однако, заключалась в том, как убедить албанцев в её легитимности [16].

Фашистская Италия предприняла существенные попытки завоевать умы и сердца населения Албании. По крайней мере, в первый год оккупации проводилась политика «кну́та и пряника». При этом предпочтение отдавалось «политике пряника». Договор обеспечивал итальянцам в Албании и албанцам в Италии те же гражданские и политические права, которые они имели в своих странах. Это стало возможным после «сенсационного открытия», сделанного итальянскими радикально настроенными экспертами, обнаружившими, что албанцы, проживающие на равнине, так же, как и итальянцы, «имели нордические корни».

Чиано нравилось представлять себя в роли благодетеля албанцев. Он лично контролировал распределение продуктов, одежды и денег, большая часть которых распределялась среди бедных. Тысячи албанских детей были отправлены в летние лагеря Италии. Сотням албанцев были предоставлены университетские стипендии [17]. Страну посещали итальянские медицинские и санитарные миссии. С расширением строительства новых дорог и мостов была решена проблема безработицы, существовавшая во времена Зогу [18].

Действуя подобным образом, итальянские власти рассчитывали на то, что, «сформировав Великую Албанию», им удастся создать предпосылки для успешного завоевания всех Балкан, опередившись при этом на албанский национализм [19]. Соответствующая пропаганда среди албанского населения началась уже в первую неделю оккупации, когда Чиано организовал в оккупированной Албании первые массовые демонстрации, потребовавшие присоединения югославского Косова и греческой Химерии.

Чиано занялся в первую очередь решением второй проблемы, пойдя на конфронтацию с Грецией и убедив Муссолини сделать это, не консультируясь с Гитлером, поскольку он оккупировал Румынию, предварительно не посоветовавшись с дуче. Когда главнокомандующий итальянскими вооруженными силами в Албании не проявил должного энтузиазма в отношении этого проекта, его заменили на Себастьяна Праща, который, правда, не совершил подобной ошибки, но и не позаботился о том, чтобы создать боеспособную армию, необходимую для выполнения этой задачи.

Джакомони поддержал план Чиано, сообщив «на самый верх» о высоком моральном духе албанской фашистской милиции и о ее страстном желании сражаться за экспансию Итальянской империи. Сам Чиано был глубоко убежден, что эта операция будет «полезной и несложной» [20]. 15 декабря 1940 года был собран военный совет, на котором Праща заявил, что разработал операцию до мельчайших деталей и что его план безупречен. Он конфиденциально сообщил Муссолини, что готов противостоять тридцатитысячной греческой армии, с которой ему придется сражаться. Вскоре Муссолини заявил, что проблема рассмотрена со всех сторон и что ему больше нечего добавить [21].

22 октября 1940 г. Чиано подготовил ультиматум для предъявления греческому премьер-министру Йонису Метаксасу. В нем от Греции требовалось немедленное согласие на оккупацию Италией нескольких стратегических баз. Посол Италии в Албании Грацци оказался при этом даже не в состоянии информировать Метаксаса о том, какие именно стратегические базы имели в виду итальянцы [22]. Метаксас, не посоветовавшись со своим правительством, немедленно дал получивший широкую известность ответ: «Нет». 28 октября 140 тыс. итальянских солдат при поддержке малочисленного контингента Албанской фашистской милиции, выступив под проливным дождем, ворвались на территорию Греции. К удивлению оккупантов, греки не могли даже поверить в то, что итальянцы настолько глупы, чтобы атаковать в такое время года.

Наспех подготовленные итальянские вооруженные силы были плохо экипированы и плохо обучены, а их командирами были некомпетентные карьеристы [23]. В начале ноября греки остановили наступление итальянских войск и предприняли контрнаступление. Греческие войска были лучше оснащены, обеспечены продовольствием и мотивированы. Они не только выдворили итальянцев из страны, но и вскоре взяли под свой контроль 25% территории Албании. Дуче испытал ещё одно унижение, но обвинил в поражении итальянских командиров и в немалой степени албанцев, продемонстрировавших отсутствие должного энтузиазма. Столкнувшись с жестокой реальностью зимней горной кампании против решительно настроенного противника, албанские военные части либо дезертировали, либо переходили на сторону врага [24]. Итальянцы были спасены только тем, что в апреле 1941 г. немцы, отложив на время вторжение в Советский Союз, быстро захватили Югославию и Грецию.

Несмотря на то, что итальянцы были унижены греками, они всё ещё надеялись подправить в глазах албанцев свою подмоченную репутацию, выдвинув план выгодного территориального урегулирования с немцами. Хотя Муссолини надеялся на большее, немцы все же уступили ему большую часть Косова без некоторых областей Митровицы. В то же время большая часть Химерии осталась под контролем немецкого военного командования.

Поглощение Косова происходило энергично, Албания получила существенные выгоды – особенно это касалось сельскохозяйственной продукции и добычи полезных ископаемых. Десятки тысяч сербов, направленных туда югославским правительством для заселения земель, захваченных у албанцев в период между 1918 и 1940 гг., были выдворены из Косова [25]. Были открыты албанские школы в местах, где их ранее не было.

Хотя аннексия Косова осуществлялась при поддержке национального движения, в котором участвовали этнические албанцы из Косова и самой Албании, итальянцы к этому времени уже заведомо проиграли битву за умы и сердца албанцев. Оккупация Греции обернулась авантюрой, которая фактически разрушила всё то, что итальянцам удалось сделать в Албании, и подорвала относительную стабильность, наблюдавшуюся в стране в ранний период итальянской оккупации.

Чиано совершил множество ошибок в Албании, и одна из главных состояла в том, что он всерьез рассчитывал на поддержку большинства албанцев. Отношение албанцев к итальянцам в 1939 г. было неоднозначным – от безразличия до

недоверия, от пассивной до активной антипатии. К 1940 г. активная неприязнь стала преобладающей. Албанцы с самого начала не очень доверяли итальянцам, однако с ужесточением репрессий к ним взяли верх чувства отторжения и страха. Слишком многие итальянцы, включая инспектора Албанской фашистской партии, представителей итальянского среднего класса, офицеров и особенно их жён, не скрывали своего презрения к албанцам. Чувства албанцев были, в частности, оскорблены и новым флагом Албании, в который были добавлены «ликторские пучки», размещенные по обеим сторонам орла. Это выглядело так, будто налицо было намерение уничтожить старый герб [26]. Итальянские дизайнеры совершили ещё одну ошибку, добавив на флаге корону Савой и крест, оскорбив тем самым религиозные чувства албанских мусульман.

Деятельность итальянской администрации в Албании в конечном итоге потерпела крах. После начального всплеска активности в рядах итальянцев стала наблюдаться неорганизованность, отсутствие плана действий, коррупция, внутренние раздоры в департаментах; пиар-кампании заменяли реальные действия. Коррупция была широко распространена и достигла наивысшего уровня в итальянской администрации. Сам Чиано также был вовлечён в коррупцию, инициируя создание коррупционной сети, существование которой после расследования итальянской полицией скрывали даже от Муссолини.

Склонность Чиано к организации всякого рода «шоу» доходила до абсурда. Во время его визита в Тирану в мае 1941 г. одетые в униформу албанские девушки вышли ему навстречу с сотней теннисных ракеток, в масках для фехтования и рапирами. При этом в городе не было ни теннисных кортов, ни тренеров по теннису, ни фехтовальных клубов [27].

В реальности всё обстояло совсем иначе. По многим показателям ситуация в Албании ухудшалась, особенно в экономической сфере, по сравнению с годами правления Зогу. С появлением тысяч солдат и итальянских переселенцев на рынках возник дефицит жизненно важных товаров. Но самой серьёзной проблемой, вызвавшей тяжёлые последствия, был непомерный рост цен. Цена на картофель повысилась на 200%, втрое увеличилась цена на мясо. По работодателям мелких предприятий был нанесён ещё один удар в виде различных поборов в пользу фашистских партийных организаций и квазисоциальных служб. Итальянцы относились к Албании как к «плантационной экономике», что вызвало враждебность к ним многих албанцев, которые раньше были готовы сотрудничать с Италией.

Внешне могло показаться, что итальянцы удовлетворены сложившейся ситуацией. Во всяком слу-

чае они ничего не меняли, — пока албанцы активно не проявляли своего растущего недовольства.

Однако «спокойствие» албанцев продолжалось недолго. Официальные лица Италии во время своих визитов в Албанию стали отмечать, что некоторые албанцы, особенно учащиеся старших классов, относятся к итальянцам враждебно. Сопротивление в виде нежелания сотрудничать и акты народного неповиновения стали всё чаще проявляться в среде получившей образование за границей интеллигенции, у которой чувство национальной идентичности было развито лучше, чем у крестьян или у неграмотного населения северных племён.

Серьёзные студенческие демонстрации против итальянской оккупации прошли ещё во время празднования Дня флага в Тиране в ноябре 1939 г. Во время парада в Тиране студенты вопреки настойчивым инструкциям местных фашистов отказались разучивать фашистский гимн «Giovinezza» и, несмотря на то, что их окружали полиция и военные, пели албанские патриотические песни [28].

Затем стали то и дело вспыхивать забастовки, появляться антифашистские плакаты, фиксироваться проявления саботажа. Символический саботаж проявлялся в виде обезображивания портретов итальянских лидеров. Более серьёзным он был в промышленности, в частности, разрушали жизненно важные рудники по добыче хрома.

По мере нарастания недовольства оккупацией учащались акты вооружённого сопротивления. Если первоначально отдельные нападения на фашистских полицейских и чиновников оставались малозаметными, то вскоре на них уже нельзя было не обратить внимания [29].

Уже с начала мая 1940 г. итальянцам пришлось регулярно сообщать об операциях, проводимых вооружёнными албанскими группами. Эти группы ещё не были хорошо организованы. Их деятельность не наносила итальянцам серьёзного ущерба. Они обрезают телефонные провода, распространяли антиитальянские листовки, совершали мелкие террористические акты, обращённые на отдельных итальянских чиновников и солдат.

Итальянцы стали обращать более пристальное внимание на их активность после того, как ими была предпринята попытка покушения на Виктора Эммануила III во время его официального визита в Албанию в мае 1941 г. [30].

Растущее сопротивление питалось из разных источников. Ещё в апреле 1940 г. офицеры Британской секретной разведывательной службы, будучи убеждены в том, что Албания — идеальное место для организации партизанских боевых действий, приступили к установлению контактов с албански-

ми патриотами в Косове и в самой Албании. Выполнение этих планов было ускорено после того, как итальянцы объявили войну Великобритании (июнь 1940 г.). Первая военная операция, состоявшаяся после поражения Югославии под руководством британских офицеров, в которой были задействованы небольшие военные силы из нескольких сот албанских добровольцев, провалилась.

Но борьба продолжалась. По сообщению спецслужб, внутри Албании к концу 1941 г. действовало несколько партизанских отрядов, хотя и малочисленных. Ими руководили лидеры эмигрантов, бежавших из Албании после начала ее оккупации. В их числе были пользовавшиеся заметным авторитетом Абаз Купи, Мухаррем Баджрактари и Мюзлим Пеза – активный противник короля Зогу, единственный из командиров первых партизанских отрядов, наладивший близкие отношения с коммунистами. В эту группу первоначальных лидеров сопротивления входил также Баба Мустафа Мартанеши, активный противник антимусульманских установок фашистской Италии. Сотрудничая с коммунистами, он стал затем одним из самых востребованных политиков Албании [31].

Новое организованное движение сопротивления существенно отличалось от первых небольших протестных групп с их единичными выступлениями, став серьезным инструментом борьбы с оккупацией и оккупантами. Вместо того, чтобы нападать на отдельных итальянских солдат и повреждать телефонную связь, представители этого движения атаковали нефтепроводы, рудники и другие экономически важные для итальянцев объекты. Не представляя для итальянцев сколько-нибудь серьезной военной угрозы, сам факт его существования и рост численности участников движения вынуждал оккупантов проявлять все более серьезную озабоченность.

Вначале итальянцы были поистине удивлены ростом радикальной оппозиции, поскольку расходовали на Албанию значительные суммы денег. Более того, первоначально у них просто не было отчетливой политики противостояния такой оппозиции. В результате их поведение представляло собой своеобразную комбинацию возрастающих репрессий и некоторых уступок. Всё более частыми стали акты депортации и интернирования потенциальных оппонентов, сопровождаемые всяческими угрозами, публикуемыми в контролируемой итальянцами прессе. Агенты итальянской военной разведки создали обширную сеть информаторов, используемых для выявления лиц, недовольных политикой итальянцев. Распространялись слухи об образовании специальных истребительных отрядов

для усмирения албанских патриотов. И на самом деле имел место ряд громких нерасследованных убийств.

Уступками оккупационные власти сочли очередное преобразование албанского флага, из символики которого убрали «ликторские пучки» и корону Савои [32]. Скомпрометировавшая себя газета «Фашизми» была заменена газетой «Тотори», названной в честь самой высокой албанской горы. Верладжи и его правительство, состоявшее из реакционных помещиков, было заменено правительством под руководством националиста Мустафы Круя. Его кабинет состоял из более молодых министров, которые, как казалось, были ближе к интеллигенции и народу Албании. Круя удалось добиться некоторой автономии и освобождения из заключения ряда албанских антифашистов, интернированных в Италии. Однако его «достижения» были восприняты населением как малозначимые. Тем временем, всё большее число районов Албании переходило под контроль командиров партизанских отрядов.

Некомпетентность итальянских властей и поражение Италии в войне с Грецией, ухудшавшаяся экономическая ситуация и растущее движение сопротивления свидетельствовали о том, что стабильность первых дней оккупации ушла навсегда. Несмотря на сложившуюся неутешительную картину, итальянцам пока что везло: к концу 1941 г. в Албании ещё не было подлинно общенационального движения сопротивления. Лидеры партизанских отрядов изначально были и оставались вождями племён и не могли покинуть (и никогда бы не покинули на продолжительный срок) свои родные места. Во многих случаях они так же ревностно защищали свои территории от других племён, как и от итальянцев и их албанских марионеток.

Но это преимущество также оказалось недолгим. С развитием коммунистических структур вскоре появилось и нечто похожее на национальное движение сопротивления.

К концу 1941 г. иностранные дипломаты в Тиране сообщали, что ситуация с безопасностью в стране становится всё серьезнее. К началу лета 1942 г. они информировали свои столицы об анархии в сельских районах и о том, что власти Албании в состоянии сохранить под своим контролем лишь крупные города, главные дороги и воинские соединения [33]. Через год оккупационная система уже находилась в полуразрушенном состоянии, а в августе 1943 г. была разрушена полностью.

Причину этого объясняет ряд событий. Самое важное из них происходило за пределами Албании и было связано с общим ходом Второй мировой войны. Однако во многом на поражение Италии

повлияли и события внутри Албании. Самым важным из них был подъём национального движения сопротивления с доминирующей ролью албанских коммунистов и поддержанного британскими офицерами.

Вначале коммунистическое движение Албании развивалось медленно, отчасти из-за того, что его верные сторонники были немногочисленны, а идеи мало знакомы населению и чужды многим местным традициям. В 1941 г. оно было раздробленным и состояло из восьми отдельных соперничающих групп, две из которых были троцкистскими. После вторжения Германии в Советский Союз в июне 1941 г. необходимость в единстве партии резко возросла. В конечном итоге, в ноябре 1941 г. при помощи югославских эмиссаров была создана Албанская коммунистическая партия. Ее генеральным секретарём был избран Энвер Ходжа, мусульманин из южной части страны и активист так называемой группы Корса. Тридцатитрёхлетний Ходжа, уважаемый и образованный, с хорошей репутацией, учился во Франции на стипендию короля Зогу. Там он и стал убеждённым марксистом. После избрания генеральным секретарём новой партии он проявил незаурядный талант и энергию, увеличив численность партии и написав программу, которая могла привлечь в её ряды простых албанцев. Пропаганда, которую вёл Ходжа, не была направлена на социальную революцию. В ней предлагались, главным образом, решение проблемы земли и план сопротивления иностранцам и предателям интересов Албании.

В результате партия росла. В январе 1942 г. в ней уже насчитывалось почти две сотни членов. В партию входили ученики старших классов, ремесленники, мелкие лавочники и неквалифицированные рабочие [34]. У многих из них было личное оружие. Зачастую новые коммунисты осуществляли нападения на коллаборационистов и итальянских фашистских чиновников, не покидая при этом места службы или свои дома [35]. В мае 1942 г. был застрелен комиссар полиции Тираны. Было совершено несколько покушений на Круя. Возможно, самым показательным актом их саботажа было повреждение всех телефонных и телеграфных коммуникаций в июне-июле 1942 г. [36] В августе партия выпустила первый номер газеты «Зери и популит», в которой рекламировала свои достижения, зачастую сильно их преувеличивая.

Ходжа не остановился на достигнутом. У него были более обширные планы. Вскоре он приступил к созданию Народного фронта – национально-освободительного движения с доминирующей ролью в этой организации Албанской коммуни-

стической партии. В сентябре 1942 г. коммунисты собрали командиров северных партизанских формирований, помещиков из южной части страны, либералов старшего поколения и республиканцев, находившихся в оппозиции Зогу, на конференцию в Пезе. На ней было образовано Национально-освободительное движение (NLM) и его Генеральный совет, в который вошли семеро коммунистов и трое беспартийных – Абаз Купи, Мизлим Пеза и Баба Фаджа. Совет принял предложения коммунистов по вопросу о стратегии ведения войны и административной структуры объединения. Были созданы партизанские отряды Национально-освободительного движения и территориальные нерегулярные отряды самообороны, состоявшие из добровольцев и призванные защищать освобождённые зоны и помогать в снабжении партизанских отрядов продовольствием. К концу 1942 г. действовали уже около 2 тыс. партизан и большое количество достаточно активных территориальных подразделений [37], действия которых побуждали итальянцев в ответ создать свои более крупные соединения.

Итальянским вооружённым силам редко удавалось обнаружить партизанские отряды. Поэтому их действия ограничивались проведением карательных операций. Они сжигали деревни, что приводило к массовой гибели гражданского населения. Эта политика неизбежно вызвала глубокую ненависть к оккупантам, прежде всего у тех, кто выжил и пополнял ряды партизан [38].

Тем временем по всей стране создавались Советы национального освобождения. В районах, находившихся под контролем Италии, они занимались пропагандой, собирали информацию о военных действиях, вели разведку, организовывали экономическую борьбу с итальянскими компаниями, саботировали сбор фашистами сельскохозяйственных продуктов. В освобождённых партизанами районах Советы функционировали как новые государственные структуры. В их обязанности входило поддержание законности и порядка, решение проблем образования, культуры, прессы и подготовка к военным действиям.

Многие либерально настроенные националисты, республиканцы и беи, которые отказались принимать участие в конференции в Пезе, были обеспокоены успехами Народно-освободительного движения и понимали: если они не выступят в качестве активной оппозиции захватчикам, то не будут допущены к власти после окончания войны. В результате в ноябре 1942 г. они организовали собственный Национальный фронт (Балли Комбетар), программа которого была опосредованной реакцией на программу Национально-освободительного

движения, хотя основной упор в ней был сделан на «этническую» Албанию», что полностью соответствовало их стремлению «сохранить Косово» [39].

Несмотря на то, что этот пункт программы Национального фронта устраивал многих албанцев, ее несомненным недостатком было то, что в нём не предполагалась борьба как средство создания «этнической Албании», не указывалось, в чьих руках будет в ней власть, и даже не говорилось о том, против кого Национальный фронт намерен вести борьбу. В сущности, Национальный фронт прежде чем призвать к национальному выступлению и сохранить военную силу для решения неизбежного конфликта с Албанской коммунистической партией, планировал дожидаться поражения Оси «Берлин-Рим».

При всем этом Национальный фронт оставался разрозненным. Командирам предоставлялась значительная свобода действий.

Весьма показательно, что его позиция нашла поддержку многих членов назначенного итальянцами правительства Круя и населения деревень Южной Албании, хотя там у коммунистов были сосредоточены основные силы.

В начале 1943 г. стали поступать сообщения о сотрудничестве частей Национального фронта и Национально-освободительного движения, однако по большей части отношения между ними были враждебными, несмотря на то, что вначале их противоречия проявлялись только на уровне пропаганды. Ходжа был по-настоящему обеспокоен усилением влияния Национального фронта и оказывавшимся на него давлением в пользу договорённости с этой организацией. В декабре 1942 г. Коминтерн дал указания Ходже выработать стратегию «народного фронта» и прийти к какому-то соглашению с Национальным фронтом. Британские агенты специальной разведывательной службы, вернувшиеся в Албанию после двухлетнего отсутствия, в апреле 1943 г., с целью вдохновить и поддержать растущее сопротивление, также настаивали на примирении.

В конце концов судьбоносная встреча представителей Национально-освободительного движения и Национального фронта состоялась в Мукье, но она не привела ни к каким результатам главным образом потому, что не был решён вопрос о будущем Косова и ни одна из сторон не проявила должного стремления к сотрудничеству.

По мере расширения как Национально-освободительного движения, так и Национального фронта множились и ряды сторонников сопротивления. Но происходило это в основном в Национально-освободительном движении. Увеличение его состава произошло главным образом после того, как союзные войска объявили в декабре 1942 г. о восстановле-

нии независимости Албании, и после Сталинградской битвы, которая вынудила страны Оси занять оборонительные позиции. К началу 1943 г. отряды движения впервые скоординировали свои усилия, в результате чего оно приобрело действительно общенациональный характер. В марте был создан первый партизанский батальон, в который вошли 3-4 отряда, а в апреле новые соединения совершили атаки на итальянские военные подразделения, расположенные недалеко от рудников Селеницы. В июне, когда партизаны объявили, что в их рядах уже насчитывается 10 тыс. бойцов, объединённых в 20 батальонов, произошло очередное крупное сражение на шоссе Струга-Дибра [40]. В июле главные боевые действия велись в Пермете.

В августе 1943 г. была сформирована первая партизанская бригада, состоявшая из 4-5 батальонов общей численностью в 500 чел., во главе которой встал талантливый военачальник Мехмет Шеху [41]. Правда, несмотря на появление новых воинских структур, традиционный метод ведения партизанской войны – отсутствие устойчивых фронтов – оставался прежним, и его продолжали использовать до 1944 г.

Итальянцами овладели панические настроения. Правительство Круя заменили на другое, еще менее эффективное. Одновременно с усердием, заслуживавшим лучшего применения, была продолжена политика уступок и репрессий. Рим послал в Албанию новые войска. В результате, судя по документам, в ней уже было сосредоточено около 100 тыс. итальянских военных [42]. За этими дополнительными и столь же неэффективными мерами неизбежно последовали ответные действия албанцев, и ряды сопротивления пополнились новыми участниками.

Несмотря на то, что в то время итальянцам еще не грозила опасность быть выдворенными из Албании, переброска военных ресурсов, необходимых для сдерживания албанского сопротивления, сделала более уязвимой Италию – родину самих оккупантов. В конечном итоге успешное вторжение союзных войск в Сицилию в июле 1943 г. привело к свержению Муссолини, а затем и к капитуляции страны в целом. Таким образом Албания внесла свой вклад в поражение фашистской Италии.

Свержение Муссолини и поражение Италии открыли для немецких нацистов возможность вторгнуться в Албанию и оккупировать её, что и произошло в сентябре 1943 г. Тем самым нацистам удалось, используя минимальное количество войск, предотвратить высадку союзных войск в Албании, которая могла создать дополнительную угрозу их позициям в Восточной Европе в целом.

Немецкая оккупация, осуществляемая тремя дивизиями 21-го корпуса, прошла стремительнее и успешнее, чем итальянская, встретив лишь минимальное сопротивление девяти итальянских дивизий и нескольких групп албанского сопротивления. Итальянцы сдавались в плен в таких количествах, что немцы, у которых не было условий для содержания столь большого числа пленных, просто отпускали их на свободу. В конце войны в Албании всё ещё находилось около 20 тыс. измотанных и вызывающих лишь жалость бывших итальянских военных [43].

Поскольку сопротивление было быстро и жестоко подавлено, немцы начали вскоре снижать численность оккупационных войск, доведя ее до двух с половиной второсортных дивизий, призванных защитить побережье Адриатики и пролива Отранто. При этом предполагалось, что о внутренней безопасности страны позаботятся сами албанцы.

Эта цель и способы её достижения были разработаны министром иностранных дел Германии фон Риббентропом, который понимал, что внутренняя безопасность потребует сотрудничества с Албанией и что оно предполагает создание в Албании нейтрального и лояльного Германии правительства.

Первыми начавшими сотрудничать с немцами были албанцы Косова, которые тем самым негативно отреагировали на намерение союзных войск возвратить Косово Югославии. Многие албанские лидеры в Химерии также поспешили начать сотрудничество с немцами, поскольку их надежды, как и надежды косоваров стать частью Большой Албании, также казались им зависящими от поддержки Германии [44]. С предложением сотрудничества с нацистской Германией выступили также некоторые известные представители «старой Албании», такие, как Мехди Фрашери.

Герман Нойбахер, полномочный представитель Германии в Албании на протяжении почти всего периода ее оккупации, незамедлительно восстановил монархическую конституцию 1928 г., однако власть Зогу была им заменена на власть сформированного оккупантами Регентского Совета.

Было также создано правительство, возглавленное косоваром Реджепом Митровице. Некоторое время оно было вроде бы самостоятельным, без явных признаков влияния фашистских оккупантов. Немцы понимали, что итальянцы совершили здесь много ошибок, и старались не повторять их. Они не нуждались в сотрудничестве ни с одной албанской партией и не использовали местное население в сфере услуг. До последних дней своей оккупации немцы воздерживались от преследования и депортации евреев. Это предоставило албанцам возмож-

ность укрыть и спасти значительное количество евреев-беженцев, за что им впоследствии выразило благодарность правительство Израиля [45].

Митровице было даже разрешено разработать довольно прогрессивную программу, в которой населению была обещана аграрная реформа. При этом немецкая пропаганда настойчиво внушала населению оккупированной Албании, что немецкие войска «освободили» албанские территории и что только пребывая под защитой Германии Албания может сохранить территориальную целостность в своих этнических границах и уберечься от угрозы коммунизма. В какой-то степени эти пропагандистские усилия оказали ожидаемое воздействие. Немцам удалось удержаться в Албании, используя лишь незначительные вооруженные силы, а затем покинуть Албанию, не понеся значительных потерь.

При всем этом немцы, как и итальянцы, совершили немало ошибок. Им не удалось найти путь к сердцам простых албанцев. Как и итальянцы, они сотрудничали лишь с небольшой группой элиты, состоявшей из крупных помещиков и беев. Как и итальянцы, они не осознавали силы растущего албанского национализма. Они рассчитывали мобилизовать албанское население на борьбу с коммунизмом, дав ему оружие и используя главные косовские националистические отряды, поддерживая албанскую армию и войска жандармерии. Из обитателей Косова была даже сформирована дивизия СС «Скандерберг». Однако первоначальные иллюзии основной массы албанского населения быстро испарились, когда стало очевидным, что сформированные немцами албанские отряды бесчинствуют против мирных жителей [46].

Свою роль сыграла и обострившаяся экономическая ситуация. Национальная экономика оккупированной Албании приходила в упадок. В отличие от итальянцев немцы практически не обеспечивали албанцев рабочими местами. Расходы на содержание немецких войск привели к росту цен и нехватке продовольствия, что вызвало голод в некоторых южных районах страны. Повсеместно начало нарастать сопротивление, которое стало самым главным фактором, обусловившим крах немецких планов усмирения страны путем создания псевдонезависимого режима.

В рамках самого сопротивления продолжали нарастать противоречия между Национально-освободительным движением и другими группами. Усилился и раскол и в самом движении, стимулированный неудачной попыткой достичь соглашения в Микье. Абаз Купи покинул его ряды, решив сформировать легальное движение сторонников короля

Зогу, установив связи с независимыми лидерами родовых племён, с Национальным фронтом, коллаборационистским правительством и немцами. Националистически настроенные вожди племён, в том числе самые влиятельные из них – Мухаррем Баджрактари и Ганибей Криежи, продолжали маневрировать, рассчитывая извлечь наибольшую выгоду для своих родовых территорий.

Немецкие оккупанты убедили Купи и большинство вождей-националистов проводить политику, поддержанную в годы итальянской оккупации многими членами Национального фронта, чтобы избежать возможных репрессий и разрушений и, дождавшись окончания войны, сохранить свои военные силы для неизбежной конфронтации с коммунистами. В результате партизаны Национально-освободительного фронта, контролируемые Ходжа, остались единственной силой сопротивления.

Для подавления партизан немцы предприняли ряд наступательных операций, достаточно мощных, чтобы нанести им серьёзный ущерб, но не уничтожить их полностью. Первая серьёзная военная операция, известная как «зимняя кампания», началась в ноябре 1943 г. и была традиционной для немецких боевых операций. В отличие от итальянцев немцы использовали немногочисленные военные колонны. С помощью этой стратегии они добились некоторых успехов [47]. Их наступление привело к значительным потерям у партизан, действовавших к северу от реки Шкумбин.

Однако успех немецкой зимней кампании оказался временным. Вопреки ожиданиям немцев, партизаны продолжали оказывать им серьёзное сопротивление. Несмотря на атаки немцев, они дисциплинированно, энергично и на основе чётко поставленных при поддержке британских офицеров задач успешно сдерживали давление немцев и все чаще переходили к контратакам.

Доставалось и националистам. До начала немецкой оккупации борьба между партизанами и националистами велась на уровне пропаганды. Однако к концу ноября Ходжа решил, что пришло время победить Национальный фронт, используя вооружённые силы [48]. Эта задача оказалась сложнее, чем предполагалось. Попав под удары партизан, Национальный фронт, за некоторыми исключениями, расширил сотрудничество с коллаборационистами. Более того, некоторые лидеры Фронта начали поддерживать марионеточное правительство и албанские подразделения, воевавшие на стороне немцев.

К апрелю 1944 г. Ходжа сформировал Албанскую народно-освободительную армию, насчиты-

вавшую 20 тыс. солдат. С увеличением военной мощи партизан их победы стали более частыми, что позволило им еще успешнее противостоять немецким атакам и предпринимать скоординированные оборонительные действия.

В конце весны 1944 г. немцы решили, что им необходима ещё одна военная кампания против партизан. Во время начавшегося летнего наступления им удалось при поддержке переброшенных из Греции первоклассных боевых сил оттеснить партизан в южную Албанию. Тем не менее, партизаны сумели в очередной раз избежать поражения и даже нарастить свою численность. Они даже развернули военные действия в центральной и северной Албании, что существенно обострило правительственный кризис.

Немцам пришлось создать новое правительство во главе с Фигри Дине, который попытался навести желаемый оккупантами жесткий порядок, объединив националистов и «зогулистов» и действуя совместно с немцами в целях «окончательно покончить с коммунистами» [49]. Однако инициированные им переговоры на эту тему не привели к каким-либо практическим результатам. Поражение Румынии после вступления на ее территорию советских войск в августе 1944 г. со всей очевидностью показало, что с немцами скоро будет покончено и что то же самое может произойти с правительством Дине и немецкой версией «независимой Албании». В свою очередь немецкие формирования в Албании, объединившись со структурами «СС», усилили террор, направленный непосредственно против населения: поджигали деревни и казнили заключённых.

Последнее главное сражение между партизанами и оккупантами произошло в Тиране в ноябре 1944 г. После длительных и тяжёлых боев немцам в конечном счете удалось прорваться в северном направлении и уйти в начале декабря из Албании, оставив ее под властью партизан Ходжа.

Ходжа, а следовательно коммунисты одержали победу по ряду причин. Они наметили направление действий и осуществили руководство движением сопротивления. На самом деле только они и оказали достойное сопротивление державам Оси. Коммунисты разработали политическую, социальную и экономическую программу, существенно отличающуюся от провалившейся программы Зогу. Их успехам также способствовали внешние события, такие, как победы союзных войск и значительная помощь Великобритании. Однако одним из самых важных факторов, объясняющих победу коммунистов, следует считать политику Германии в отношении всех других потенциальных претендентов на

власть после окончания войны, включая Народный фронт, «зогулистов» и вождей-националистов.

В заключение следует подчеркнуть, что фашизм в Албании не стал заметным явлением и почти не оставил после себя следов. Итальянские фашисты потерпели поражение в Албании отчасти из-за того, что попытались внедрить фашистскую символику и практику попеременно с колониальными законами. И лишь немногие из албанцев, сотрудничавших с итальянцами, делали это, исходя из идеологических соображений.

Немецкие нацисты, сменившие итальянских фашистов в 1943 г., были ближе албанцам отчасти потому, что оказались достаточно прозорливы, чтобы понять: навязывая Албании фашизм, они совершили бы ошибку, которая могла привести их к поражению. В результате наиболее одиозные проявления фашизма: соответствующие партии, символика и радикализм – насильно не навязывались. Немцы в отличие от итальянцев оказались в состоянии понять, что фашизм в Албании обречён на провал.

В конечном итоге он ушёл из Албании вместе с немецкой оккупацией, чтобы больше никогда в нее не возвратиться.

Примечания:

- Great Britain, Foreign Office Archives, Public Record Office, London, hereafter FO 371/23712 R2487/1335/90 Paris, 8 April 1939.
- FO 371/23785 R2473/1/22 Rome, 8 April 1939; Great Britain, Cabinet Papers, Public Record Office, London, hereafter CAB 23/98 18A, 19 April 1939.
- FO 371/23711 4816/725/90, League of Nations, Events in Albania: Various Communications Addressed to the Secretary-General, A.14, 1939 VII, 10 June 1939.
- Smith, D.M. *Mussolini's Roman Empire*. – London, 1976. – P. 156; United States, Department of State, Records of the Department of State, National Archives, Washington, D.C., hereafter USDS 741.68/28 GDG: Athens, 10 April 1939.
- FO 371/23712 R2712/1335/90, Rome, Perth, 11 April 1939.
- Ciano, C.G. *The Ciano Diaries, 1939–1945*. – New York, 1945. – P. 349.
- Kemper, R.M.W. *The New Constitution of Albania: a Model Constitution for European Vassal States // Tulane Law Review*. – 1941. – V.15. – P. 434.
- FO 371/23715 R6243/1335/90, Athens, Palairret, 24 July 1939.
- FO 371/23714 R3824, Durres, Ryan, 3 May 1939.
- Lemkin, R. *Axis Rule in Occupied Europe*. – Washington, 1944. – P. 103.
- FO/371/23715 R5800, Durres, Ryan, 11 July 1939, and FO/371/23714 R3824, Durres, Ryan, 3 May 1939.
- FO 371/23715 R5800, Durres, Ryan, 11 July 1939.
- Great Britain, War Office Archives, Public Record Office, London, hereafter WO 208/62, Report on Albania, 14 May 1940.
- United States, Department of State, Records of the Office of Strategic Services, National Archives, Washington D.C., hereafter OSS, Research and Analysis, No. 1202, n.d. United States, Department of State, Records of the Office of Strategic Services, National Archives, Washington D.C., hereafter OSS, Research and Analysis, No. 1202, n.d.
- FO 371/23716, R10123/1384/90, Durres, Grafftey-Smith, 7 November 1939.
- Omari, L. *The People's Revolution in Albania and the Question of State Power*. – Tirana, 1986. – P. 19.
- FO 371/23717 R6150/6150/90, Durres, Ryan, 17 July 1939.
- FO 371/24866 R6808/6586/90, Hodgkinson Report, 19 June 1940.
- Ciano, C.G. *The Ciano Diaries ...* – P. 93.
- Ibid. – P. 300.
- Smith, M. *Mussolini's Empire ...* – P. 233; Knox, M. *Mussolini Unleashed, 1939–1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War*. – Cambridge, 1982. – P. 212.
- FO 371/29843 R399/138/19, Athens, Palairret, 20 December 1940.
- Baldwin, H.W. *The Crucial Years, 1939–1941*. – New York, 1976. – P. 188. Подробнее о вторжении Италии в Грецию см.: Cervi, M. *The Hollow Legions: Mussolini's Blunder in Greece, 1940–1941*. – Garden City, N.Y., 1971.
- Germany, Captured German Records, files of the Foreign Ministry and the Wehrmacht high command, National Archives, Washington D.C., hereafter CGR, roll T120/340, Nr. 2159, Rome, 27 November 1940; Badoglio, P. *Italy in the Second World War*. – London, 1948. – P. 28; Knox, M. *Mussolini Unleashed ...* – P. 233.
- Malcolm, N. *Kosovo: A Short History*. – London, 1998. – P. 292.
- CGR, roll T120/340, Nr. 287, Tirana, Pannwitz, 20 April 1940.
- CGR, roll T120/313, Nr. 3821, Tirana, Pannwitz, 4 June 1940.
- FO 371/24866 R783/503/90, Durres, Grafftey-Smith, 30 December 1939.
- FO 371/24866 R6271/503/90, Durres, Grafftey-Smith, 14 May 1940.
- Wiskemann, E. *Albania, 1939–1945 // Hitler's Europe / Eds. by A. and V. Toynbee*. – London, 1954. – P. 674.
- Costa, N. *Invasion – Action and Reaction: Albania, a Case Study // East European Quarterly*. – 1976. – Vol. 10, No. 1. – P. 59.
- Ciano, C.G. *The Ciano Diaries ...* – P. 481.
- CGR, roll T120/340, Nr. 2159, Rome, Rintelen, 27 November 1940; Kuhmel, B. *Deutschland und Albanien 1943–1944: Die Auswirkungen der Besetzung und die*

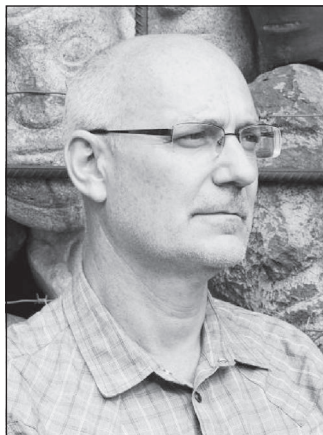

- innenpolitische Entwicklung des Landes (Ph.D. diss., University of Bochum, 1981). – P. 106.
34. *Peters, S.* Ingredients of the Communist Takeover in Albania // *The Anatomy of Communist Takeovers*/ Ed. by T. Hammond. – New Haven, 1972). – P. 281.
35. *Kasneci, L.* Steeled in the Heat of Battle: A Brief Survey of the History of the National Liberation War of the Albanian People, 1939–1945. – Tirana, 1966. – P. 21.
36. Ibidem.
37. History of the Party of Labor / Institute of Marxist-Leninist Studies at the Central Committee of the Party of Labor of Albania. – Tirana, 1971. – P. 129.
38. *Hibbert, R.* Albania's National Liberation Struggle: The Bitter Victory. – London, 1991. – P. 20.
39. *Kuhmel, B.* Deutschland und Albanien ... – P. 56-57.
40. History of the Party of Labor ... – P. 156; *Kasneci, L.* Steeled in the Heat of Battle ... – P. 38-39.
41. *Kasneci, L.* Steeled in the Heat of Battle ... – P. 41; *Hibbert, R.* Albania's National Liberation Struggle ...
42. Italy, Captured Italian Records, files of the Comando Supremo, National Archives, Washington D.C., hereafter CIR, roll T821/250, Comando Supremo, 2 March 1943.
43. WO 9529 B8/14/PL/302, Report on Italian Troops in Albania, 26 February 1944, Report on Italians in Albania, 21 December 1944, and Report on Italian Influence in Albania, April 1945.
44. Подробнее об этом см.: *Kuhmel, B.* Deutschland und Albanien ... – P.168-170.
45. WO 204/9428, Reports and Memos July 1944–February 1945 (материалы о еврейских беженцах, бежавших из Югославии в Корча). Более подробно о еврейском вопросе в Албании см.: *Escape through the Balkans: The Autobiography of Irene Grunbaum* / Ed. by K. Morris. – Lincoln, 1996 и *Sarner, H.* Rescue in Albania. – Cathedral City, Calif., 1997.
46. *Fischer, B.J.* German Political Policy in Albania, 1943–1944 // *Scholar, Patriot, Mentor: Historical Essays in Honor of Dimitrije Djordjevic* / Eds. by R. Spence and L. Nelson. – Boulder, 1992. – P. 226; *Kuhmel, B.* Deutschland und Albanien ... – P. 220.
47. FO 371/43553, B8/1/264, SOE Report, 24 August 1944.
48. *Neuwirth, H.* Widerstand und Kollaboration in Albanien (1939–1944): Eine historische Analyse des kulturellen Musters von Freund und Feind (Ph.D. diss.). – University of Graz, 1997. – P. 106-107.
49. FO 371/43551 R12381/39/G90, Deakin, 1 August 1944.

УДК 329.055 3(4)
ББК 66.3(4)3

ПОДАВАТЬ ПРИМЕР. ВЛИЯНИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ НОВЫХ УЛЬТРАПРАВЫХ ВОСТОКА ЕВРОПЫ НА ЗАПАД (1991–2015 гг.)

Франсиско Вейга, профессор новой и новейшей истории Автономного университета Барселоны (АУБ), член исследовательской группы современной истории АУБ и ассоциации Евразийский центр (Испания)

Veiga@uab.cat

Карлос Гонсалес-Вилья, приглашенный научный сотрудник Института Франклина Университета Алькалы, член исследовательской группы современной истории АУБ и ассоциации Евразийский центр (Испания)

Перевод с испанского Е.Ю. Богуш

Аннотация. После окончания «холодной войны» подъем ультраправых движений и партий в Восточной Европе оказал серьезное влияние на рост современных крайне правых партий в западной части европейского континента. Это явление не прошло через соответствующие идеологические механизмы, однако было реализовано двумя различными способами: во-первых, путем вооруженной мобилизации крайне правых и неонацистов в войнах на территориях бывшей Югославии и Украины и, во-вторых, за счет прохождения крайне правых партий в Европейский парламент. Кроме того, в некоторых странах Восточной Европы, таких, как Польша или Венгрия, они получили – впервые в Европе с 1945 г. – государственные посты, тем самым бросая вызов власти Брюсселя.

Ключевые слова: крайне правые партии, Восточная Европа, милитаристы, военизированные формирования, Европейский Союз, Югославия, Украина.

PREACHING BY EXAMPLE: THE INFLUENCE AND IMPACT OF THE NEW FAR-RIGHT FROM EASTERN TO WESTERN EUROPE, 1991–2015.

Francisco Veiga, Professor of Contemporary History,
Autonomous University of Barcelona, Spain

Carlos González-Villa, Associate Researcher, Institute of International Relations, Complutense University of Madrid, Spain and Visiting Researcher, Franklin Institute, University of Alcalá, Alcalá de Henares, Spain

Abstract. Since the end of the Cold War, the rise of far-right movements and parties in Eastern Europe has had a crucial influence on the rise of contemporary far-right parties in the Western part of the continent. This phenomenon has not principally taken place through ideological mechanisms, but by the armed mobilization of far-right and neo-fascist groups in the wars in the former Yugoslavia and Ukraine and the arrival of far-right parties in the European Parliament. Moreover, in some East European countries, such as Poland or Hungary, far-right parties have occupied government positions for the first time in Europe since 1945, consequently challenging Brussels' authority.

Key words: far-right parties, Eastern Europe, warlordism, paramilitarism, European Union, Yugoslavia, Ukraine.

После Второй мировой войны на деятельность неофашистских и ультраправых партий, виновных в развязывании этого военного конфликта, были наложены серьезные ограничения. В Западной Европе с трудом удалось выжить таким организациям, как Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), Австрийская партия свободы (АПС) и Итальянское социальное движение (ИСД). В Восточной Европе в рамках так называемого советского блока подобное было невозможным. Однако сейчас, двадцать пять лет спустя после окончания «холодной войны», влияние политической культуры ультраправых в Восточной Европе весьма заметно. Вместе с тем исследования этой темы как бы тонут в болотистой почве политического взаимовлияния современных политологических течений. Однако с точки зрения историографии заняться изучением этой темы представляется крайне важным.

Национализм как способ реанимации одряхлевших режимов

Конец «холодной войны» породил важные изменения, сопровождаемые возрождением в бывших социалистических странах ультраконсервативных, националистических и неонацистских партий. Но в некоторых из них еще до падения Берлинской стены уже фиксировалось возникновение внутри правящих партий либо иных официально признанных организаций, ассоциаций и фракций, тенденций националистического толка.

В качестве примера можно назвать появившееся в России общество «Память», объединявшее различные группы, начавшие свою деятельность в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов прошлого века, накануне празднования 600-ой годовщины битвы с войсками ордынского военачальника Мамаю на Куликовом поле. В 1985 г. в этой организации произошло несколько расколов, после чего двумя годами позже был создан Национально-патриотический фронт «Память». Среди известных политических деятелей, прошедших через «Память», выделялся Александр Баркашов, основавший в 1990 г. партию «Русское Национальное Единство».

В этой связи нередко называют и сербского политика Слободана Милошевича. Став членом Союза коммунистов Югославии (СКЮ), он быстро продвинулся вверх, заняв влиятельные позиции. В конце 1980-х годов, используя ситуацию, сложившуюся в связи с конфликтом, возникшим в автономном крае Косово, он установил контроль над своей партией, стимулируя наметившийся в ней сербский национализм. Выступая по-прежнему в облике марксиста, он, тем не менее, заменил в сво-

их выступлениях термин «товарищ» словом «брат», а «рабочий класс» – «нацией». На протяжении 1988 г. десятки тысяч сербских националистов провели свыше 60 бурных манифестаций в различных районах республики, в университетах и на заводах, в профсоюзах и на партийных встречах.

Всплеск националистических настроений, произошедший в Сербии, не являлся чем-то необычным для Восточной Европы конца 1980-х годов. В тот же период в различных странах региона предпринимались аналогичные попытки оживить дряхлеющие коммунистические партии, вдохнув в них националистические установки. И многие увенчались успехом.

«Позитивная» или «негативная» оценка этого процесса на Западе во многом зависела от той интерпретации, которую давали ему СМИ. И это обстоятельство очень важно для понимания причин подъема ультранационализма на всем европейском континенте несколько лет спустя.

Весьма схоже с сербской сложилась ситуация в Венгрии. В 1986 г. на ее политическую сцену вышли новые, реформистски ориентированные политики. В их числе особо выделялся Имре Пожгаи. Пользуясь симпатиями популярных умеренных националистов, он поддержал выступления в поддержку венгров Трансильвании, якобы притесняемых румынским правительством. Эта инициатива обернулась огромным успехом. На улицы Будапешта были выведены тысячи венгров, протестовавших против политики румынского режима.

Это выглядело весьма необычно, поскольку и Венгрия, и Румыния были тогда еще частью коммунистического блока. Но в Венгрии к тому времени уже сложилась сравнительно открытая политическая система, в то время как в Румынии у власти пребывал непопулярный диктатор Николае Чаушеску. Это стало причиной того, что на Западе всячески одобряли венгров и поголовно обвиняли румын. Между тем, по сути, и Милошевич, и Пожгаи пытались реализовать один и тот же сценарий: заявляя о своей озабоченности судьбой соотечественников, «брошенных на произвол к ногам иностранцев», они стремились тем самым укрепить собственную власть, реанимируя с помощью национализма агонизирующие режимы.

Сочетание агрессивных методов новых националистов с проснувшимся энтузиазмом сторонников коммунистического режима было характерным и для стиля польского национализма, возрожденного профсоюзом «Солидарность» в 1980 г. Крестный ход с православными священниками или перенесение мощей царя Лазаря в Сербии сильно напоминали религиозные церемонии на верфях Гданьска,

паломничество в польский храм Ченстохова или массовое помешательство, вызванное визитом папы Кароля Войтылы в Польшу в июне 1979 г. Западные СМИ всячески восхищались одними и высмеивали других, хотя на самом деле и те, и другие придерживались одной и той же политики.

Противоестественные слияния

Второй и третий этапы подъема ультранационализма в Восточной Европе практически совпали во времени: они продолжались на протяжении всех бурных политических и военных конфликтов, разразившихся на Востоке Европы в 1990-е годы. В первую очередь следствием эволюции национализма, возродившегося в некоторых странах советского блока в 1980-е годы, стало попустительство и даже симбиоз, а иногда и политическое слияние ультраправых и ультралевых группировок и партий в рамках новых постсоветских режимов.

В Югославии в 1989 г. в связи с празднованием 600-й годовщины битвы на Косовом поле оживилось движение четников. Воеводой и вождем этого движения в Сербии стал Воислав Шешель. Главой Национального совета сербской обороны в Америке был провозглашен Момчило Джуич, последний из командиров сербских четников, оставшихся в живых после Второй мировой войны. В марте 1990 г. Шешель и Вук Драшкович основали Сербское движение обновления (СДО). Через год оно объединилось с Сербской радикальной партией (СРП), председателем которой стал Шешель. Вошедшие в нее сторонники создания «национально чистой» великой Сербии создали собственные военизированные формирования, принявшие участие в боевых действиях в Хорватии и Боснии и Герцеговине.

В Сербии они активно поддерживали президента Милошевича и его Социалистическую партию — наследницу Союза коммунистов. В ответ им была оказана помощь оружием и деньгами. То же самое произошло с Желько Ражнатовичем, более известным как Аркан, создавшим свое собственное военизированное формирование — Сербскую добровольческую гвардию (СДГ), а затем свою Партию сербского единства (ПСЕ). Некоторое время это небольшое формирование неофашистского типа играло заметную роль в сложной политической игре, которую вел Милошевич.

В свою очередь в Румынии сложился «Красный четырехугольник», как именовали тогда пакт, заключенный правительством, сформированным Социал-демократической партией Румынии (СДПР) и такими ультраправыми организациями, как Партия румынского национального единства (ПРНЕ), Социалистическая партия труда (СПТ) и

Партия «Великая Румыния» (ПВР). Пакт действовал с января 1995 г. до весны 1996 г. [1].

Некоторое время существовал и российский вариант этого явления — так называемый Фронт Национального Спасения, созданный в октябре 1992 г. В него вошли коммунисты, социалисты и националисты, выступавшие против неолиберальных реформ времен правления Бориса Ельцина. Фронту оказали поддержку восходившие тогда звезды новых русских правых, например, евразиец Александр Дугин и его газета «День», а также национал-большевик Эдуард Лимонов.

Военизированные формирования

На третьем этапе в упомянутых выше странах Восточной Европы появились военизированные формирования ультраправых, а иногда и явно неофашистских группировок. Наиболее известным их примером были Хорватские оборонительные силы (ХОС), боевое крыло Хорватской партии права. В критические моменты войны в Хорватии организации ХОС удалось создать несколько батальонов, которые наводили страх даже на самого президента страны Туджмана, бывшего коммуниста, ставшего ультрапатриотом. Действия ХОС получили поддержку множества иностранных волонтеров, представлявших различные неофашистские партии Франции, Германии, Австрии, Англии, Бельгии, Венгрии и Австралии. Западная пресса того времени едва упоминала об этих событиях, что создало тревожную ситуацию: ведь только что созданная Республика Хорватия стала первым со времен Второй мировой войны европейским государством, принявшим фашистских боевиков.

Но за ней последовали и другие. Во время гражданской войны в Югославии (1991–2001 гг.) были зафиксированы многочисленные бесчинства ультрапатриотических военизированных формирований, будь то милиция четников в Сербии, добровольцы Аркана, мусульманская Патриотическая лига Боснии и Герцеговины или албанская АОК (Армия освобождения Косова). С наибольшей очевидностью их преступная деятельность реализовалась на Западных Балканах, где некоторые военные формирования превратились в небольшие армии.

Так впервые со времен Второй мировой войны в Европе началась активизация ультрапатриотиков и неофашистов, хорошо вооруженных и экипированных, что невозможно было представить себе в Западной Европе. Но столь же взрывной, как само это явление, оказалась скорость, с которой западная пресса привыкла к бурлящему водовороту событий после войны в Югославии и распада Со-

ветского Союза. Крупнейшие коммерческие СМИ предпочли склониться на сторону «хороших» антикоммунистов и борцов за свободу, не пытаясь показать их двойное дно – ультранационалистическое и даже неонацистское нутро военизированных группировок, в лучшем случае не придавая ему серьезного значения.

Между тем европейские ультраправые неплохо уловили смысл происходящих событий, послав на помощь своим единомышленникам добровольцев, открыто признававших свои реваншистские устремления.

Аутсорсинг, полевые командиры, мафия и футбольная мобилизация

Процесс либерализации экономики в глобальном масштабе, начавшийся после окончания «холодной войны» и сопровождавшийся приватизацией и/или аутсорсингом функций государства, также способствовал «упорядочиванию» образа неонацистской милиции, вооруженной до зубов и действующей в крупномасштабных военных конфликтах. Убедительным примером этого было расширение бизнеса частных служб безопасности, включая частные военные компании.

Они значительно отличались от классических компаний наемников времен «холодной войны» – в основном американских, действовавших под надзором правительства и служивших внешнеполитическим интересам Вашингтона. Вместе с тем их операции взаимодействовали с огромным миром аутсорсинга услуг деловой разведки, также весьма развившихся после «холодной войны» [2]. Агентства аутсорсинга дополняли государственные структуры, работая для частных военных компаний или оборонных подрядчиков, иногда достаточно крупных. Они играли заметную роль в конфликтах, развязанных после окончания «холодной войны» на Балканах, в Африке к югу от Сахары, на Ближнем Востоке, Кавказе и на Украине. Операции поддержки в этих конфликтах часто оказывали военизированные формирования, в том числе и ультраправые.

Этот тип сводных военизированных формирований не всегда оказывался эффективным. Но это и не было столь важно, ибо основное оправдание их существования заключалось в провозглашении необратимости наступления «новой эры». Это оказалось не очень сложным, ибо большая часть социалистических режимов перестала существовать. Поэтому военно-промышленный комплекс стран Запада уже не был вынужден противостоять милиции или армии, продемонстрировавшим к тому времени свою военную несостоятельность. В этих

условиях новое ультраправое ополчение могло отлично сыграть роль «вооруженного народа» в противостоянии «фальшивым массам» коммунистических режимов.

Деятельность военизированных формирований способствовала распространению и другого феномена: появлению полевых командиров, которое ознаменовало превращение военизированных формирований в инструменты конкретных лиц – своего рода «псов войны», действовавших в качестве политической и военной власти в зонах конфликтов.

«Псами войны» стали такие деятели переходного периода, как Анте Параджик, ставший могущественным лидером хорватских ХОС, Гойко Шушак, предприниматель-эмигрант и советник Туджмана, уже упоминавшийся Желько Ражнатович, известный в Сербии как *Аркан*, албанец Хашим Тачи, один из лидеров косовской АОК, ставший затем государственным деятелем новой республики. Во всех случаях для полевых командиров были характерны особые отношения с государством: они добивались не завоевания независимости, а продолжения своего паразитического существования внутри государства [3].

При всем этом военизированные формирования и «псы войны» были в той или иной степени связаны с другим явлением, получившим развитие после падения Берлинской стены, – мафией. Она действует повсеместно – от Китая и России до Латинской Америки. С незапамятных времен криминальные организации существуют и в Италии.

Мафия была прекрасно подготовлена к использованию бума глобальной экономической либерализации, последовавшей за окончанием «холодной войны». Она умело извлекала выгоды из пробелов в юрисдикции международных организаций, а также из либерализации рынков труда и капитала. С мафией нередко тесно сотрудничали и полевые командиры. Это фиксировалось особенно в тех странах, где потерпели крах социалистические режимы, но еще не консолидировались (или даже не зародились) демократия и правовое государство.

Особенно выгодными для мафии оказались в этом смысле некоторые сферы, ранее игравшие второстепенную роль. Одной из них был футбольный бизнес. В мире размывающихся национальных государств и растущей деидеологизации футбольные клубы стали для многих своего рода малой родиной. На исходе «холодной войны» они приобрели такую власть, что начали превращаться в плацдармы дипломатических и политических влияний.

Показателен в этом смысле известный пример Сильвио Берлускони, сделавшего карьеру в фут-

больном клубе «Милан», а затем окунувшегося в политику, заняв влиятельные позиции на ультраправом фланге общественно-политической системы [4].

Хорошо известно также, что в ходе югославского конфликта многие фанаты футбольного клуба «Црвена звезда» были завербованы в Сербскую добровольческую гвардию [5]. Это событие стало финальной строкой в длительном противостоянии националистов в футбольной сфере поститовской Югославии 1980-х годов. Его самой яркой, но отвратительной демонстрацией стал матч, состоявшийся 13 мая 1990 г. между «Црвена звезда» и «Динамо» на стадионе «Максими́р» в Загребе, превратившийся в поле битвы сербских ультрас из числа болельщиков «Црвена звезда» с болельщиками-хорватами [6].

Связь ультранационализма и футбола была обычным явлением и во многих других странах Восточной Европы – от Польши до Венгрии. Эта связь была во многом вдохновлена многолетними традициями британских болельщиков-хулиганов, действия и методы которых стали моделью, воспринятой международным ультранационализмом. Быть может, это позволит лучше понять, почему появление ультранационалистического и неонацистского ополчения не было вовремя воспринято европейским и международным общественным мнением как неприемлемое и опасное явление.

От Хайдера к Брейвику

Наступление XXI века принесло с собой много перемен, разных по содержанию и интенсивности. Террористический акт в США, произошедший 11 сентября 2001 г., оказал заметное влияние на развитие ультраправых тенденций в Европе и Америке, особенно с того момента, как президент Дж. Буш выдвинул лозунг «мировой войны с терроризмом». Это ускорило динамику уже существовавших настроений. Но сильнее всего стало поразившее Запад ощущение военной угрозы.

В США был принят «Патриотический акт». На некоторых факультетах университетов стали множиться ряды экспертов по «обороне и безопасности». Возросла численность различных «мозговых трестов». Вне зависимости от реальной эффективности их усилий по предотвращению террористической угрозы эта атмосфера способствовала вытеснению образа «внутреннего врага» и милитаризации общества. Тем самым возникала почва, благоприятная для оживления неонацизма.

Вместе с тем все эти перемены были в какой-то мере спокойно восприняты широкой публикой, полагавшей, что речь идет всего лишь о «войнах четвертого поколения». А под ними подразумевались,

говоря словами одного из их главных теоретиков Мартина Ван Кревельда, исключительно конфликты низкой интенсивности, поскольку потеря государством монополии на применение насилия привела к его применению малыми силами – этническими сообществами, криминальными бандами, военизированными группировками, политическими ополченцами, террористами, использующими иногда виртуальные тактики дерегулирования военного конфликта [7].

Мощным следствием теракта 11 сентября было также развязывание исламофобии. Водоразделом ситуации «до и после» послужила в этом контексте публикация в 2005 г. книги «Евразия. Европейско-арабская ось» журналистки Бат Йеор (Жизель Литтман). Ее автор, британка еврейско-египетского происхождения, предсказывала в ней превращение Европы в «Евразию», в которой вследствие молчаливого вторжения (иммиграции) станет господствовать исламская культура. Внешняя политика Евразии будет демонстративно антиамериканской и антиизраильской.

Очерченный в книге образ новой Европы, которую политика интеграции может привести к некой «форме советизма» [8], должен был послужить пугалом для носителей популярной англосаксонской культуры. Одновременно феномену «Евразии» надлежало способствовать забвению частью европейских правых своих антисемитских предрассудков, превращая их в антимусульманские.

Разумеется, «твердолобые» ультраправые и традиционные нацисты продолжали оставаться антисемитами. Но это чувство, будучи основанным на идее превосходства белого человека и на ультрамонтанском христианстве, как бы удваивалось, получив «антимусульманскую прививку».

Вместе с тем появилась и другая ультраправая группировка, восхищавшаяся Израилем, рассматривая его как образец эффективности борьбы с радикальными исламистами и с арабами в целом. Убедительным примером подобного симбиоза можно считать так называемый полк «Азов», первоначально созданный неонацистскими добровольцами, а затем вошедший в состав Национальной гвардии Украины. Одним из его спонсоров был еврей-олигарх, губернатор Днепропетровской области Игорь Коломойский, субсидировавший и другие военизированные подразделения ультраправых: батальоны «Айдар», «Донбасс», «Днепр-1» и «Днепр-2». Между тем его религиозные установки вроде бы не были поверхностны. На протяжении ряда лет он считался руководителем Объединённой еврейской общины Украины и Европейского совета еврейских общин.

После окончания гражданской войны в Югославии и распада страны могло показаться, что вооруженный неофашизм исчез с карты Европы. Однако наступление на Восток, которое начали неолибералы, и соответствующее расширение Европейского Союза вновь стимулировали жесткий национализм, одним из проявлений которого стали так называемые «цветные революции», произошедшие в некоторых бывших советских республиках.

Расширение Евросоюза на Восток имело своим следствием появление в Европейском парламенте ряда новых депутатов, представлявших ультранационалистические, а то и откровенно неофашистские партии. Присутствие ультраправых из Восточной Европы в парламенте ЕС стало особенно заметным после выборов 2009 г. С вхождением в Евросоюз Румынии и Болгарии (2007 г.) в Европарламенте появились такие праворадикальные структуры, как Партия Великой Румынии и «Атака» (Болгария), ставшие заметными благодаря своей непарламентской лексике и патологической цыганофобии. Представлены в нынешнем созыве парламента и такие праворадикальные объединения, как Словацкая национальная партия и венгерский «Йоббик».

Разумеется, внедрение ультраправых в европейский парламент началось еще раньше. Уже на выборах 1994 г. стал очевидным рост влияния партий этого типа и их лидеров. В этой связи есть все основания назвать Фламандский блок (Бельгия) и Австрийскую партию свободы, которую возглавлял тогда Йорг Хайдер. Не миновала эта судьба и другие страны ЕС. В Италии произошла консолидация созданного Джанфранко Фини Национального союза, приобретшего заметную электоральную силу. Во Франции упрочил свои позиции Национальный фронт, впервые получивший 5,8% голосов на выборах в Национальное собрание (1993 г.). В Великобритании была основана Партия независимости Соединённого Королевства.

Все это следует рассматривать как закономерное следствие таких событий, как крушение советского блока, повсеместный кризис левых, «цветные революции» в Восточной Европе, вооруженная борьба, которая велась якобы против наследия коммунизма в Югославии, и, наконец, взрывной характер массовой иммиграции в страны континента из Азии и Африки.

Происходившее значимо сказалось на настроениях и, следовательно, на электоральном поведении заметных групп населения. Началось укрепление позиций правого центра. На политической арене появились новые правые парламентарии, на этот раз с хорошими манерами. Ими были выдви-

нуты слывшие современными лидерами. Началось формирование новых правых коалиций, склонных к более умеренному дискурсу представляемых ими переструктурированных организаций.

Волны исламофобии, последовавшие за террористическим актом 11 сентября 2001 г., дискуссии о возможности вступления Турции в Европейский Союз, в ходе которых выступил сам папа Бенедикт XVI (тогда еще кардинал Ратцингер), – все это существенно способствовало нарастанию парламентского натиска обновленных правых. Но самая мощная волна наступления ультраправых в Западной Европе началась в 2010 г. И немалую долю ответственности за нее несут оказавшиеся в Евросоюзе ультраправые с Востока Европы – гораздо более жесткие, боевые, наглые, неистовые и непреклонные, чем их западные «единоверцы».

Это во многом объяснялось тем, что они опирались на более широкий социальный консенсус, поскольку на их родине исторические левые были сметены с политической сцены и возникла необходимость полностью переориентировать сложившиеся общественные структуры.

Убедительным примером возросшего влияния ультраправых стало место, которое занял в их дискурсе и мифологии ультраправый норвежец Андерс Брейвик, совершивший массовое убийство на острове Утойя в июле 2011 г. и заявивший, что оно было вдохновлено идеями «крестовых походов», провозглашенными сербскими националистами и особенно – действиями войск НАТО в Югославии в 1999 г. [9].

Брейвика можно рассматривать как продукт синтеза эволюции ультраправых в первые годы XXI в. Он был типичным скандинавским неонацистом со всеми присущими им классическими расовыми и политическими предрассудками, включая яростную ненависть к левым, к которой добавлялась люта злоба к исламу. Вместе с тем он был своего рода «одиноким волком», воспринявшим, с одной стороны, террористические традиции европейских ультраправых 70-х годов XX века, а с другой – мифы балканского ультранационализма 1990-х годов.

Ультранационалистический парламентский подъем 2014–2015 годов

Массовые партии правых ультра обычно поднимают головы в годы серьезных рецессий, пытаясь пресечь неизбежное полевение дискурса, а следовательно, и электората. Поэтому не случайно новой отсчетной точкой подъема их влияния стал 2010 год, когда на европейском континенте вспыхнул греческий долговой кризис, сыгравший роль, сходную с банкротством австрийского бан-

ка Creditanstalt в 1931 г. Именно оба эти события спровоцировали в Европе финансовый кризис, начавшийся в США. С этого момента ряд ультранационалистических («жестких») правых партий заручился устойчивой социальной и электоральной поддержкой на выборах в своих странах. Партия свободы (ПС) Герта Вилдерса превратилась в 2010 г. в третью силу нижней палаты голландского парламента. Швейцарская народная партия (ШНП), располагавшая неплохими результатами еще с 1999 г., получила в 2011 г. 26,6% голосов, а спустя четыре года заручилась большинством в Национальном совете страны.

В 2012 г. Национальный фронт Франции, возглавляемый Марин Ле Пен, повторил свой наилучший электоральный результат, собрав 17,9% (почти шесть с половиной миллионов) голосов на президентских выборах и 13,6% голосов на выборах в парламент. Восхождение НФ продолжилось на муниципальных и европейских выборах 2014 г., а на региональных выборах 2015 г. он стал первой политической силой Франции по количеству поданных за него голосов.

В 2013 г. Австрийская партия свободы восстановила свой избирательный потенциал, получив на выборах в парламент 20,5% голосов и превратившись тем самым в главную оппозиционную силу. В том же году Партии прогресса в Норвегии удалось сформировать правительственную коалицию с консерваторами. Этому не помешало снижение ее электорального веса (16,3%). На парламентских выборах 2009 г. она получила значительно больший результат – 22,9% голосов.

В Восточной Европе крайне правые продолжали удерживать свои прежние электоральные позиции. На выборах в Литве в 2012 г. партия «Порядок и справедливость» собрала 7,31% голосов, а «Аграрному союзу» удалось в полной мере возвратить голоса, потерянные им в 2008 г. С 2014 г. он входил в состав правой фракции Европарламента, действующей под названием «Европа наций и свобод». В Болгарии партия «Атака» получила на парламентских выборах 2013 г. четверть миллиона голосов (7,3%).

Затем, в 2014–2015 гг., урожай голосов, поданных за ультраправых, стал гораздо обильнее. В Македонии «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» (ВМРО-ДПМНЕ) побилла все европейские рекорды, получив на парламентских выборах 43% голосов (2014 г.) [10]. Между тем, несмотря на свой внешне благопристойный облик консервативной правой партии, она была и остается политической организацией, склонной к

восприятию фашистской идеологии [11]. Во всяком случае, созданное этой партией правительство может быть отнесено к той категории, которую Стивен Левицкий и Лукан Вэй определили как «конкурентный авторитаризм» – гибридный режим, не отвечающий минимальным стандартам, чтобы считаться демократическим [12].

В том же 2014 году венгерская партия «Йоббик» получила на выборах 20,2%, Национальное объединение «Все для Литвы» – 16,6%, а так называемые «Шведские демократы» – 12,9% голосов.

Восхождение ультрас продолжилось в 2015 г. В Польше «Закон и справедливость» (ЗиС) собрал 37,6%, Датская народная партия – 21,1%, партия «Истинные финны» – 17,7%, турецкая Партия националистического движения (ПНД) – 11,9%, эстонский Союз Отечества и объединение ResPublica – 13,7%, а Консервативная народная партия Эстонии – 8,1%, Партия независимости Соединенного Королевства (Великобритания) – 12,6%, партия «Золотая заря» в Греции – 6,99% голосов.

Рост влияния ультраправых приобрел особый размах после их успеха на выборах в Европарламент в мае 2014 г. и не случайно совпал с началом острого политического кризиса на Украине.

В первом случае было продемонстрировано, что Европейский парламент, считавшийся многими чуждым и политически маргинальным, неожиданно стал своего рода протагонистом европейского жизненного пространства и полем битвы, на котором правым удалось добиться существенных результатов. Ведь Национальный фронт Франции, собрав 26% голосов, приобрел в Европарламенте 24 из 74 отведенных ей депутатских мандатов, «Партия независимости Соединенного Королевства» (Великобритания) – 29% голосов и 24 из 73 мандата. Датской народной партии досталось 26,6%, Австрийской партии свободы – 19,72%, венгерской партии «Йоббик» – 14,68%, литовскому «Порядку и справедливости» – 14,27%, Национальному объединению «Все для Литвы» – 14%, «Истинным финнам» – 12,90% голосов [13]. Убедительная победа Хорватского демократического содружества (HDZ), входившего в Европейскую народную партию и собравшего 41,4% голосов, обеспечила депутатский мандат его партнеру по коалиции, выходцу из экстремистской Хорватской партии права [14].

Массовое «вторжение» ультраправых в Европейский парламент создало ощущение, что правые партии, во многом отличающиеся друг от друга, будут впредь действовать согласованно. Но это ощущение реализовалось лишь частично. Одни вошли во фракцию «Европа наций и свобод», возглавленную Марин Ле Пен, другие предпочли сохранить

свою независимость. Это однако не принизило уровня их возможностей.

Украинское горнило

Заключительным этапом эволюции нового феномена правого экстремизма и неофашизма, возникшего после окончания Второй мировой войны, стал кризис на Украине. Он сыграл роль не только своеобразного «порта назначения», но и горнила, в котором слились и переплавились сформировавшиеся за эти годы различные реакционные силы.

В стране в бурной и драматической форме вспыхнул конфликт, в котором объединились все составляющие, определяющие динамику феномена европейских ультраправых: слабое государство, ауторсинг обороны и безопасности, международное добровольчество, феномен полевых командиров, мафия, бесчинства футбольных болельщиков [15], стратегическая индукция и доминирование гангстерской экономики. В этой нестандартной ситуации «короткого замыкания» за короткий период европейские ультраправые втянули в украинские события немалую часть стран мира. В этой связи имеет смысл еще раз подчеркнуть, что влияние политических и военизированных восточноевропейских правых ультра на западноевропейских крайне правых было, несомненно, большим, чем воздействие идеологических противоречий, всех их оттенков и ответвлений.

Возобновление роста и увеличение числа неонацистских и ультраправых военизированных формирований, как и во время югославских войн за двадцать лет до того, привело к тому, что украинский конфликт был воспринят европейскими партиями и движениями сходных взглядов как призыв к бою. Так же, как и в период гражданской войны в Югославии, части регулярной армии проявили низкую боеспособность. Это породило потребность в оказании им помощи добровольческими соединениями, поддерживаемыми олигархами и иностранными державами.

Киевские власти приступили к реорганизации своих вооруженных сил, уделив особое внимание батальонам территориальной обороны Национальной гвардии, сформированным в основном из военизированных подразделений, созданных на добровольческой базе. Помимо этого на территории всей страны были созданы специальные полицейские части и силы безопасности.

Возникли также части особого территориального назначения, например, батальон «Прикарпатье», сформированный из добровольцев закарпатского региона со значительным венгерским меньшинством, питающим сепаратистские настро-

ения, и призванный обеспечить внутреннюю безопасность. Этот тип военных формирований был тоже открыт для любых желающих, включая иностранцев.

В некоторых наиболее политизированных, откровенно неонацистских соединениях, например, в батальоне «Азов», связанном с Социал-национальной ассамблеей Андрея Билецкого [16], воевали их идеологические единомышленники из разных стран. Первоначально их большинство составляли шведы. Своей откровенной ультранационалистской идеологией кичились и некоторые другие воинские соединения: батальоны «Донбасс», «Айдар», «Батькивщина», «Днипро», «Сич» и специфическая структура, известная как «Правый сектор», в действиях которых принимали участие французские, канадские, словацкие, итальянские добровольцы, и – как это ни удивительно – русские и белорусы.

Противостояли этим батальонам пророссийские ополченцы Донбасса, создавшие свои Объединенные вооруженные силы, представлявшие собой симбиоз милиции и военизированных формирований. Им также – точно и неофициально – оказывала поддержку российская армия. Создание тридцати независимых батальонов и бригад на такой небольшой территории, как Донецкая и Луганская области, стало во многом возможным благодаря притоку добровольцев – прежде всего, казаков и иностранцев. Фактически там были созданы интернациональные воинские структуры: легион Святого Иштвана (венгры), отряд им. Йована Шевича (сербы), Православный рассвет (болгары) и Континентальный союз (французы, сербы и бразильцы). И конечно, так же, как и на украинской стороне, здесь было немало правых радикалов: членов Русского национального единства, национал-большевиков из батальона «Заря», консерваторов из Русской православной армии и даже славянских неоязычников – родноверов, сражавшихся в бригаде «Восток» и в составе Диверсионно-штурмовой разведывательной группы «Русич».

В целом приток на Украину правых и неофашистских добровольцев намного превосходил по количеству, качеству и разнообразию все то, с чем доводилось столкнуться во время гражданской войны в Югославии. При этом их отдельные отряды иногда сражались друг с другом. В ряде случаев речь шла о сведении счетов «между своими». Но временами в столкновения втягивались и группы ультраправых. Особенно часто это происходило в лагере ополченцев. В этом смысле конфликт на Донбассе можно рассматривать и как первое сражение, включавшее компонент «противоестественного слияния», при котором красные флаги

сосуществовали с отличительными знаками правых радикалов.

В целом, однако, основным содержанием конфликта оставалось столкновение националистических сил, в котором побочно принимали участие некоторые «сбитые с толку» левые. Это было очень трудно понять западным аналитикам и журналистам, исходившим из того, что фашизм исторически стремится к объединению в «черный интернационал», создавая единый фронт, ожесточенно противостоящий противоположному единому фронту демократии или социализма.

Между тем, военные столкновения между националистическими группировками – не редкость в истории. Достаточно напомнить, что, когда в сентябре 1939 г. Польша стала объектом нападения Третьего рейха, это была Польша Рыдз-Смиглы – «диктатура без диктатора», как говорили в то время. В войне 1940–1941 гг. Италия Бенито Муссолини сражалась с Грецией Иоанниса Метаксаса, с его фашистским режимом – «Третьей греческой цивилизации». В марте – апреле 1939 г., еще до начала Второй мировой войны, Венгрия и Словакия, два авторитарных режима, союзники Гитлера, сплелись в кратком, но кровавом единоборстве.

В то же время очевидно, что сценарий украинского кризиса серьезно обеспокоил и ультраправых во многих странах. Они, к своему неудовольствию, оказались перед необходимостью определить свою позицию по отношению к конфликту. Это было чем-то похоже на решительную схватку. И тот, кто не успел запечатлеть себя на нужном фотоснимке, мог оказаться отстраненным и даже вытесненным с политической сцены.

Назревший выбор предполагал два основных варианта: за или против украинских ультраправых. Самое сложное состояло (и состоит) в том, что изменения и перемещения с одной позиции на другую должны были происходить в ходе войны: тот, кто вначале был на стороне украинских ультраправых, по необходимости идентифицируя себя с обновленческими позициями, затем вдруг делал разворот в сторону России, которая виделась более традиционной в широких рамках евразийства.

Позиция Москвы и российских правых по отношению к европейским группировкам ультра вызвала на Западе большую тревогу. Примечательно, что ни русские, ни зарубежные группировки не отрицали сближения своих позиций. В свою очередь на Западе заговорили о крупномасштабном заговоре [17], новом фронте «гибридной войны», якобы ведущейся Россией на Украине, но могущей выйти за ее пределы. Начались толки о новых возможностях российской пропаганды, о ее обновленном

умении вести глобальную кибервойну [18]. Вновь очертились призраки финансирования Москвой подрывных действий. Верным во всем этом было лишь то, что Москва явно подавала новый сигнал западным правым, предлагая им свои модели, евразийство как альтернативу западным мифам времен «холодной войны» [19].

Между тем развязанная Западом кампания разоблачений, весьма яростная по своему тону, особенно в социальных сетях, загнала его в им же созданную ловушку. С 1991 по 2008 гг. – годы войны в Грузии – в лозунге «Нового мирового порядка», провозглашенном «победителями в “холодной войне”» и прежде всего США, доминировали лейтмотивы, которые Москва стала использовать против них самих.

Кризис на Украине продемонстрировал это, показав, что позиция президента Путина, поддержавшего сепаратизм русских Крыма, вполне сравнима с поддержкой Западом сепаратизма албанцев в Косове, что прошедшая в 1995 г. федерализация Боснии вполне могла бы стать примером для федерализации Украины – по крайней мере в том, что касается региона Донбасса и перспектив преодоления военного конфликта. В этом контексте поддержка Москвой определенных западных партий в своих геостратегических интересах была прекрасно сопоставима с той поддержкой, которую оказывал Вашингтон оппозиционным партиям во время «цветных революций», и с его вмешательством в события на Западных Балканах. Если американцы и немцы, реализуя свои интересы на Украине, публично поддерживали таких явно неофашистских лидеров, как главу партии «Свобода» Олега Тягнибока, то почему Москва не могла выступить в поддержку Марин Ле Пен? Если Соединенные Штаты яростно защищали Михаила Саакашвили в Грузии, Хашими Тачи в Косове, то почему русские не имели права делать ставку на Виктора Януковича?

Важным ключом для понимания кажущейся сложности украинского конфликта был бы отказ от версии, согласно которой он представляет собой составную часть новой «холодной войны». Этот подход был пущен в оборот Соединенными Штатами еще в 2003 г. в разгар «цветных революций» и стал настоящей чумой, поразившей СМИ с самого начала украинского конфликта. На это, кстати, обратил внимание в 2015 г. российский премьер-министр Дмитрий Медведев.

На самом деле украинский конфликт не стал «холодной войной», поскольку отсутствовало глобальное противостояние двух сверхмощных идеологических противников. Россия Путина уже не была Советским Союзом, а социализм не противостоял капитализму. На Украине произошло стол-

кновение разных национализмов новых моделей, эволюционировавших после 1991 г. При этом Москва поддержала тех европейских правых, которые не заняли антироссийских позиций, в то время как Вашингтон и страны Евросоюза оказали поддержку антироссийским силам, в том числе радикальным правым. И это было составной частью проекта, предусматривавшего создание пояса изоляции России от Балтики до Черного моря.

Данная установка привела к заметному усилению влияния ультраправых в странах западной части европейского континента. Вместе с тем есть все основания предположить, что им не удастся завоевать в них позиций, аналогичных тем, которыми овладели их восточноевропейские партнеры. Для этого пока не созрели обстоятельства, столь благоприятствовавшие ультраправым на Востоке Европы.

Примечания:

1. Veiga, F. On the Social Origins of Ultrnationalism and Radicalism in Romania, 1989–1993 // *Romania in Transition* / Ed. by L. Stan. – Darmouth, Aldershot, Hampshire (UK), 1997. – P. 49-66.
2. Shorrock, T. Spies for Hire. The Secret World of Intelligence Outsourcing. – New York, 2008.
3. Biró, D. «Warlord Governance» // *Warlords, Inc.: Black Markets, Broken States, and the Rise of the Warlord Entrepreneur* / Eds by N. Raford & A. Trabulsi. – Berkeley, Calif., 2015. – P. 51-65.
4. Lavin, R.L. La OCDE ve al fútbol como «vehículo perfecto» para el blanqueo de capitales // *Expansión.com*. – 2009. – 1.07. URL: <http://www.expansion.com/2009/07/01/economia-politica/1246465029.html>; а так же см.: Olmos Gilarranz, C. *Blanqueo de capitales en el mundo del fútbol* // *Economía del Sector Público*, edición.pdf. – 2012. URL: <http://www.prevencionblanqueo.com/wp-content/uploads/2012/04/pbc-en-el-futbol.pdf>
5. Foer, F. How Soccer Explains the World. An Unlikely Theory of Globalization. – Pymble, NSW; New York, 2009. – P. 7-13.
6. Ibid. – P. 13-22; Čolović, I. Fudbal, huligani i rat // *e-novine.com*. – 2009. – 30.09. URL: <http://www.e-novine.com/srbija/srbija-tema/30514-Fudbal-huligani-rat.html>.
7. Van Creveld, M. The Transformation of War. – New York, 1991.
8. Boukovsky, V. L'Union européenne, une nouvelle URSS? – Monaco, 2005.
9. Pidd, H. Anders Behring Breivik attacks inspired by Serbian nationalists, court hears // *The Guardian*. – 2012. – 18 Abr. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/apr/18/anders-behring-breivik-serb-nationalists>.
10. Речь идет о концепции Пальмиро Тольятти из его «Лекций о фашизме» (*Lezioni sul fascismo*. – Roma, 1970), согласно которой фашизм может «пропитать» или «перекрасить» любую партию или политическое движение в определенный момент, на время и с различной степенью интенсивности. Поэтому фашизм может быть (и обычно бывает) промежуточным выбором для движения или партии, ранее опиравшихся на другую идеологию.
11. Интервью Франсиско Вейга с депутатом Анатолием Величковым, Парламент Болгарии, София, январь, 1999.
12. Levitsky, S.; Way, L.A. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*, Cambridge, 2010. – P. 159-176; *Idem*. Elecciones sin democracia. El surgimiento del autoritarismo competitivo // *Estudios Económicos*. 2004. Nr. 24.
13. European elections: results from across Europe // *The Guardian*. – 2014. – 25 de mayo. URL: <http://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2014/may/25/european-elections-results-across-europe-eu-parliament>.
14. European Parliament, *Results of the 2014 European Elections*. Results by Country – Croatia. URL: <http://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/country-results-hr-2014.html>.
15. «Кузницей кадров» были клубы болельщиков киевского «Динамо», харьковского «Металлиста» и донецкого «Шахтера». См.: Færset, Jh. Ukraine's far right forces // *Hate Speech International*. – 2015. – Febr., 3. URL: <https://www.hate-speech.org/ukraines-far-right-forces/>.
16. Билецкий фактически одновременно был лидером Социал-национальной ассамблеи и батальона «Азов». См.: Ibidem.
17. Russia accused of clandestine funding of European parties as US conducts major review of Vladimir Putin's strategy // *The Telegraph*. – 2016. – 16.01.
18. Soldatov, A.; Borogan, I. *The Red Web: The Struggle Between Russia's Digital Dictators and the New Online Revolutionaries*. – New York, 2015.
19. Фактически Александр Дугин вначале находился под сильным влиянием западных ультраправых и неофашизма, что помогло ему сформулировать свою собственную идеологическую программу. См.: Shekhovtsov, A. *Alexander Dugin and the West European New Right, 1989–1994* // *Eurasianism and the European Far Right: Reshaping the Europe–Russia Relationship* / Eds. by M. Laruelle. – Lanham, 2015.

УДК 94:329.17:272(460+469)«1933/1945»
ББК 633(4)62-3

БОГ, ОТЕЧЕСТВО, ВЛАСТЬ: КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ИБЕРИЙСКИЕ ФАШИЗИРОВАВШИЕСЯ РЕЖИМЫ (1933–1945 гг.)* [1]

Мануэл Лофф,

доктор истории и цивилизации,
ассоциированный профессор Университета
Порту; координатор исследований по теме
«История и память: коллективная память,
история настоящего и устная история»
Института современной истории Нового
Лиссабонского университета
(Порту, Португалия)
mloff@letras.up.pt

Перевод с английского Л.А. Кац

Аннотация. Кризис либеральных систем в иберийских странах Европы межвоенного периода представляет особый интерес из-за специфической роли католической составляющей с точки зрения как поддержания политических коалиций, так и формирования авторитарных режимов XX века. В статье речь идет о двух примерах полупериферийных фашистских/фашизированных режимов: в Испании и Португалии.

Ключевые слова: франкизм, салазаризм, политической католицизм, фашизм, фашизация, кризис либеральной системы.

GOD, FATHERLAND, AUTHORITY: THE CATHOLIC CHURCH AND IBERIAN FASCISTICISED REGIMES, 1933–1945

Manuel Loff, PhD in history and civilization at the European University Institute (Florence), is an associate professor in the Department of History and Political and International Studies, University of Porto (Portugal), and coordinator at the Instituto de História Contemporânea of the Universidade Nova de Lisboa on the theme «History and Memory: Collective Memories, History of the Present and Oral History»

Abstract. The crisis of Iberian liberal systems in inter-war Europe is especially interesting to study because of the specific role played by Catholicism in both mainstream political coalitions and in the identity of two «peripheral» European twentieth-century authoritarian regimes: the Iberian Fascist/fascistised regimes in Spain and Portugal.

Key words: Francoism, Salazarism, political Catholicism, Fascism, fascistisation, crisis of the liberal system.

Политический католицизм был главным суб-
ектом процесса модернизации испанских и порту-
гальских правых движений после Первой мировой
войны. Салазар и Франко создали и возглавили ис-
конно католические режимы, в которых католики
были основными партнерами в политических и со-
циальных коалициях, поддерживавших обоих дикта-
торов. В своей борьбе против радикальных форм узаконенного антиклерикального либерализма, таких,
как португальская Первая республика (1910–1926)

и испанская Вторая республика (1931–1939), кон-
сервативные и крайне правые силы уступили по-
литически организованным католикам стратеги-
ческую роль в мобилизации масс и в создании
широких коалиций, которые могли бы стать проч-

* Статья впервые опубликована на английском языке в
книге Catholicism and Fascism in Europe 1918–1945 / Ed. by
J. Nelis, A. Morelli and D. Praet (Series: Historische Texte und
Studien, 26). – Hildesheim Georg Olms Verlag, 2015. – P. 131–148.

ной альтернативой либеральной демократии (еще только возникавшей в Португалии в атмосфере политической нестабильности после Первой мировой войны, но уже явно укрепившейся в Испании в начале 1930-х гг.) и сильному рабочему движению.

Кризис либеральных систем в иберийских странах Европы межвоенного периода представляет особый интерес из-за специфической роли в них католической составляющей как с точки зрения поддержания политических коалиций, так и формирования авторитарных режимов XX века. Речь идет о двух полупериферийных примерах фашистских/фашизированных режимов, которые постоянно упоминаются в исследованиях фашизма, хотя каждый из них используется для демонстрации явно исключительных случаев: гражданской войны в Испании как темы для исследования радикализации нефашистских правых сил и салазаризма как исключительного случая – существовавшего в «эпоху фашизма» нефашизированного реакционного режима.

Португальские католики были политически организованы в «Католическом центре» (1917–1934) – небольшой, но влиятельной партии, которая унаследовала 40-летний опыт нерегулярной, но упорной борьбы за создание политического движения, что порождало трудности в поиске своего места среди португальских консервативных и антиреспубликанских сил [2]. Эту партию возглавляли Лину Нету*, молодой Антониу ди Оливейра Салазар (1889–1970), премьер-министр Португалии с 1932 по 1968 гг. (после четырех лет в качестве министра финансов) и его университетский коллега Мануэл Гонсалвиш Сережейра (1888–1977), кардинал-патриарх Лиссабона с 1929 по 1971 гг. Вскоре они стали центральными политическими и интеллектуальными лидерами партии. При этом Салазар трижды выступал в роли кандидата на избрание в парламент и один раз (в 1921 г.) был избран его депутатом. Как и в случае с партией Центра в 1933 году, партия «Католический центр» была вынуждена распуститься, и почти все ее члены вошли в новую единую партию – «Национальный союз», созданный Салазаром в 1930 г.

В Испании на исходе монархии Альфонсо XIII политический католицизм не сумел приспособиться к сложившимся условиям. Его затмили более успешные эксперименты, такие, как «мауризм»** и диктатура Примо де Риверы (1923–1930), в которые естественно вписались испанские католики [3].

В этом смысле «испанское католическое политическое движение должно быть ограничено периодом Второй республики» (1931–1936) [4]. В 1931 г. на первый план в ней вышло движение

«Аксьон Популар» (первоначальное наименование «Аксьон Насьональ») во главе с Анхелем Эррерой Орьей (1886–1968) и его Национальной католической ассоциацией пропагандистов – строго элитарной католической организацией, созданной в 1923 г. и ставившей своей целью достижение власти в политической, академической и институциональной сферах.

Следует признать, что испанским католикам в 1931 г. не удалось, действуя совместно с остальными правыми монархическими силами, эффективно противостоять республиканско-социалистической коалиции, которая породила новый режим. Тем не менее, они смогли построить (или, скорее, собрать) одну из сильнейших, самую популярную, хотя и эфемерную (1933–1937), католическую политическую партию межвоенного периода – Испанскую конфедерацию автономных правых (СЕДА). Под руководством Хосе Мариа Хиль-Роблеса и вдохновленная Эррерой Орьей, СЕДА в момент создания в 1933 г. насчитывала до полумиллиона последователей и вскоре после этого (в ноябре 1933 г.) выиграла первые национальные выборы. В 1937 г., через несколько месяцев после начала гражданской войны, СЕДА слилась с новой единой франкистской партией – Испанской фалангой.

Как португальские, так и испанские католики разделяли с прочими консерваторами общие базовые ценности – бог, отечество, семья, порядок, ответственность. При этом, однако, приоритет отдавался социальным вопросам, очерченным в социальной доктрине церкви. Непосредственным объектом влияния считались сельские низы, поскольку городские рабочие были склонны разделять взгляды социалистов (последние были особенно сильны в Испании), анархистов и коммунистов.

Подобный правый дискурс можно определить как новаторский для иберийской политической реальности, сложившейся после Первой мировой войны. Более того, у католиков, подписавшихся под доктриной римской церкви о «случайностях всех форм правления», появились тогда весьма благоприятные возможности призвать всех правых прекратить разрушительный и «маниакальный» (как

* Лину Нету (1873–1961) руководил португальской партией «Католический центр» с 1919 по 1934 гг. На этот пост его назначала церковь.

** Мауризм – основанное в 1913 г. правое элитарное движение, вдохновителем которого был Антониу Маура (1853–1925) – консервативный испанский политик, несколько раз возглавлявший правительства Испании. Он выступал с идеями «революции сверху» и модернистского католического национализма. Его взгляды во многих отношениях совпадали с программными положениями «Аксьон франсез».

выразился Лину Нету) спор относительно монархии или республики, который так долго разделял консерваторов и реакционеров в обеих странах. Католики, заметно страдая от внутреннего раскола между монархистами и теми, кто прагматично причислял себя к союзникам республиканских режимов (так называемые «автономисты» в Португалии и «нейтралы» в Испании), стали основными действующими силами в скоординированных усилиях по искоренению «религиозной ненависти». Одним из примеров этого можно считать «Аксьон франсез»: интегральный национализм, по определению Морраса, превратившийся даже после его осуждения Ватиканом в важную идеологическую платформу, объединившую католиков и различные правые движения, близкие фашизму, но остававшиеся принципиально монархическими.

Наряду с этим, католики и сами демонстрировали беспрецедентную способность мобилизовывать реакционные массы. Несмотря на то, что падение иберийских республиканских режимов произошло в двух совершенно разных социальных и политических контекстах, сходство роли в нем католиков очевидно. Упадок португальской Первой Республики и атаки на нее происходили в еще незрелом обществе, где почти не было массовых политических организаций. И все же португальские католики продемонстрировали тогда эффективную способность сплотить население против «Республики безбожников». О том, что значительная часть португальского общества оставалась незатронутой городским антиклерикализмом, свидетельствовали так называемые «Фатимские явления Девы Марии» (май – октябрь 1917 г.).* Если авторитарные республиканцы (сторонники популистского военного режима Сидониу Паеша**) и крайне правые монархисты и упустили шанс свергнуть Республику в решающие 1917–1919 гг., то католики, несмотря ни на что, сохранили свой потенциал мобилизации масс.

Решающая борьба против испанской Второй республики развернулась несколько позже, во время интенсивного процесса фашизации Европы. Возникший в стране социально-политический конфликт побудил католиков, как и остальную часть правых сил, «поддержать экономические, социальные и политические установки фашизма» [5]. В «эпоху фашизма» правые католики и члены церковной иерархии Испании и Португалии заметно сдвинулись в сторону фашистской интерпретации европейского послевоенного политического контекста, в которой активно продвигалась идея о том, что опыт Октябрьской революции в России может приобрести международный размах и означать угрозу. Опыт итальянского фашизма и Латеранские

соглашения 1929 г.*** стали восприниматься как «наилучшее» для того времени решение проблемы взаимоотношения государства и церкви, открывающее для политически организованных правых католиков возможность осуществить превентивные авторитарные действия, направленные против консолидации советского режима и международного коммунистического движения, и тем самым повлиять на радикализирующееся рабочее движение как Португалии, так и Испании.

При всем этом, в первую очередь, имелось в виду – положить конец республиканским режимам – «враждебным» или «равнодушным» к религии. Данная установка в значительной степени подогревалась напряженностью в отношениях государства и церкви, значительно возросшей в 1910-е гг. (хотя снизившейся в 1920-е гг.) в Португалии и обострившейся в 1930-е годы в Испании. В сложившейся ситуации политически организованные правые католики и их духовные иерархи были в полной мере готовы без колебаний использовать любые доступные средства, чтобы добиться авторитарных политических решений, которые позволили бы подорвать секуляристские республиканские устои.

Эти антилиберальные позиции были, несомненно, более заметны на Пиренейском полуострове, чем где-либо еще в Западной Европе, поскольку там не имелось накопленного опыта, который мог бы помочь установлению нелицемерного союза

* По словам трех верующих детей (в возрасте от 7 до 10 лет), Дева Мария «являлась» им 13-го числа каждого месяца в период с мая по октябрь 1917 г. в пустынном районе Кова да Ирия, недалеко от Фатимы (центральная Португалия), после того, как Португалия оказалась втянутой в Первую мировую войну. Явления вызвали широкую религиозную кампанию против республиканского режима, и в следующем десятилетии церковь канонизировала популярный культ Фатимы. В 1941 г. сестра Лусия, единственная из трех детей, оставшаяся в живых, впервые упомянула, что Дева Мария явилась им в 1917 г., за несколько месяцев до Октябрьской революции (*здесь и далее в оригинальном тексте автор использует термин – «советская революция» – прим. ред.*), чтобы помолиться в связи с «преобразованием России».

** Военный переворот (декабрь 1917 г.) во главе с полковником Сидониу Паешем (1872–1918) приостановил действие республиканской конституции 1911 г. и учредил так называемую «Новую Республику». Правление Паеша представляет собой новый тип режимов, на которые ориентировались правоавторитарные лидеры модернистского толка в XX веке. В декабре 1918 г. Паеш был убит, а конституционный порядок был вскоре восстановлен.

*** Латеранские соглашения 1929 г. – конкордат, подписанный впервые с момента объединения Италии в 1861 г. Святым Престолом и итальянским правительством (возглавляемым Б. Муссолини). Согласно соглашениям папство признавало итальянское государство, а последнее признавало Ватикан формально независимым государством.

католических организаций и церкви с республиканскими режимами. Корпоративная социальная риторика правых католиков была направлена главным образом, на то, чтобы побудить рабочий класс выступить против гегемонии социалистов в рабочем движении Испании и анархистов – в Испании и Португалии. Однако на протяжении многих лет это не удавалось. Только 1930-е гг. в Испании в либерально-демократическом контексте с помощью СЕДА они добились некоторых желательных сдвигов на выборах в 1933 и 1936 году. Что касается Португалии, то там корпоративизм стал государственной идеологией в контексте диктатуры.

Заметного политического успеха испанские и португальские католики добились лишь тогда, когда они вместе с большинством правых сил поддержали антидемократический проект, который в отличие от воспроизведения антимодернистских дискурсов XIX в. оправдывал потребность в глобальных подходах к новым сложным послевоенным вызовам XX века. Иными словами, католицизм в тех обществах, где христианская демократия, несмотря на номинальное присутствие в католических элитах, никогда не была практическим политическим проектом (как это было в Германии, Бельгии, в течение короткого периода – в межвоенной Италии и т.д.), стал более или менее эффективным.

Многие исследователи считают, что католичество и фашизм по своей сути несовместимы. Этот вопрос все еще является предметом постоянного спора. И начался этот спор не с 1980 г., когда ревизионистская историография пополнилась новыми работами, посвященными «эпохе фашизма», а еще в 1930-е – 1940-е гг., когда специфические отношения католиков и фашистов прямо вели к столь драматическим последствиям. При этом в ряде исследований, посвященных Испании и Португалии, была представлена точка зрения, согласно которой католики и их церковь предотвратили сползание франкизма и салазаризма к фашизму.

Конечно, при желании нетрудно найти достаточно примеров, когда католики выступали с критикой «тоталитарного государства», особенно когда речь заходила о молодежной политике и подходах к образованию. Очевидно, католиков беспокоило то, что в результате возникнут препятствия осуществлению тоталитарного проекта самой Церкви.

А ведь такой проект действительно существовал. Даже Хуан Х. Линц, традиционный противник причисления иберийских диктатур к числу «фашистских», не так давно поднял «вопрос, могут ли светские католические движения с их влиянием на общество и интегристскими идеологическими концепциями стать основой для какого-либо ино-

го типа тоталитаризма, нежели фашизм». При этом он ссылается на «режимы, установленные в таких странах, как Австрия [Дольфуса], Испания [Франко] и в некоторой степени Португалия [Салазара], близких к фашистским державам, где эти режимы нередко конкурировали с чисто фашистскими движениями за поддержку тех же самых социальных слоев». Линц признает, что «происходила значительная мимикрия режимов, позволившая многим наблюдателям говорить о клерикальном фашизме», хотя «сосуществование тоталитарных амбиций фашизма и тоталитарного потенциала национал-католицизма было с самого начала определенным фактором» «скорее авторитарного, чем тоталитарного развития режима» [6].

Тоталитаризм стал неизбежным – по крайней мере, концептуально – инструментом, с помощью которого церковь могла вмешиваться с поддержкой государства (предпочтительнее) или без нее в каждый аспект общественной жизни: от образования до трудовых отношений, от семьи до самых разнообразных форм общения. Как церковь, так и государство стремились к тщательному идеологическому контролю с помощью инструментов цензуры над всеми видами культурной деятельности. Пройдя болезненный процесс потери влияния на общество и культуру нового времени, католики Испании и Португалии, возглавив и государство, и церковь, стали искать новую форму союза государства и церкви – своего рода «общества взаимной подстраховки. Церковь морально поддерживала государство, а государство делало церковь «церковью власти». [...] В распоряжении церкви оказались все «общественные механизмы» [7]: образование, здравоохранение, социальные отношения, профсоюзы, вооруженные силы, пропаганда, цензура, единая партия, массовые организации... Таким образом, если авторитарное государство, как правило, склонялось в сторону тоталитаризма, то разумно ожидать, как это делает Линц, что обе стороны такого союза обретут общие тоталитарные подходы.

На самом деле католическая церковь Португалии и Испании выражала сомнения при оценке фашистского тоталитаризма, особенно когда были введены ограничения на деятельность движения «Католическое действие», как это случилось в Италии, или было введено обязательное участие в государственных молодежных организациях, препятствовавшее деятельности католических молодежных объединений. Естественно, католики не собирались защищать права граждан на создание объединений и высказывание мнений. Наоборот, католическая иерархия потратила годы на борьбу против «светской демократии», «угнетающей че-

ловека и насаждающей атеистическую жизненную концепцию», согласно которой «понятие государства, осуществляемое от имени многих, не является менее тоталитарным, поскольку не признает ограничений своей власти и полномочий, стремясь к полному поглощению человека» [8]. Сам глава Ватикана папа Пий XI, имя которого наиболее часто упоминают, противопоставляя католицизм тоталитаризму, напоминал в 1930 г., еще до установления нацистского режима и в момент непростых отношений Святого Престола (и католического мира в целом) с фашистской Италией, что «если и существует тоталитарный режим [...], то это режим церкви, так как человек целиком принадлежит церкви» [9]. В 1940 г. кардинал Толедо Исидро Гома возвестил на своем смертном одре, что оставляет Испанию, «благословленную Богом» и защищенную «божественным тоталитаризмом» [10].

В этом смысле полезнее обсудить «плюрализм различных тоталитарных проектов в конкуренции за власть, строго ограниченную основополагающим соглашением между нею и обществом». Тогда «степень тоталитаризма или плюрализма режима будет измеряться не столько отношениями между членами элит», которые являются основными персонажами конкуренции, ограничивающей тоталитарный потенциал каждого из них, «сколько взаимоотношениями между элитой и остальной частью общества» [11]. Исходя из этого, Хулиан Касанова упоминает победившие в гражданской войне «три бюрократии»: «армию, фалангу и церковь», которые «воевали между собой за установление власти своих подразделений» [12]. Это однако не означает, что они не придерживались общих ценностей: порядка, власти вождя [каудильо] и религии [13].

По мнению архетипичного национал-католика Хосе Пемартина, влиятельного чиновника, который занимал важный пост в испанском Министерстве национального образования и контролировал с 1937 по 1951 гг. среднее образование, «испанская нация является, в первую очередь, историко-этическим воплощением сущности католицизма, и она должна пронизывать интегральный фашизм, который будет, по словам Муссолини, «душой души», «религией религии» [14]. Пример Пемартина, который долгие годы был монархистом-традиционалистом, часто публиковавшимся в журнале «Аксьон Эспаньола», весьма нагляден как свидетельство быстрой фашизации испанских правых. Еще в 1933 г. он считал, что итальянскому и, самое главное, германскому фашизму не хватает «духовного содержания» [15].

Можно было ожидать, что Хуан Линц выскажет совершенно иную точку зрения. Десять лет на-

зад, в начале этого века и после более чем 25 лет, посвященных «определению и обсуждению таких терминов, как авторитарный режим, тоталитаризм и фашизм» [16], он подтвердил свое мнение, что «недемократические режимы, установленные [правыми движениями, которые оставались элитарными и, как правило, неспособными организовать массовую поддержку и получить власть] в союзе с военными и бюрократией при поддержке мощных экономических интересов не могли перерасти в тоталитарные системы».

Линц считал, что необходимо различать, особенно после 1945 г., примеры Австрии, Португалии и Испании, где установленные режимы инкорпорировали элементы корпоративистской авторитарной католической мысли и использовали религию в политических целях, что позволило некоторым клерикальным представителям рассматривать это как возможность «использовать политику в религиозных целях». Его определение нового союза церкви и государства, возникшего в «эпоху фашизма» в ряде европейских стран, можно понять из описания стратегии католиков в те годы: «Они почувствовали, что государство можно использовать для повторной христианизации общества, если церковь получит привилегированное положение в общественной жизни, образовании и станет цензором культуры».

Линц думал, что «консервативный авторитарный национализм в католических странах» мог «использовать религию и религиозные учреждения в политических целях, чтобы узаконить власть, но не развивать политическую религию». Тем не менее, он признает, что «религия мешает установлению абсолютной власти, но в отсутствие транснационального центра для авторитетного определения священных текстов, она может служить для легитимизации власти и такого общества, которое было бы полностью подчинено ее принципам и было бы нетерпимо к разнообразию». С этой точки зрения «такое общество может представлять собой новый тип теократического тоталитаризма, основанного на использовании религии в политических целях или политических средств в религиозных целях» [17]. В качестве примера Линц ссылается на некоторые другие национальные режимы, отличные от двух иберийских.

Очевидно, что любые примеры несогласия католиков с «тоталитаризмом» и «культом государства», так часто подчеркиваемые рядом историков (Пейн, Таселл, Брага да Круш и т.д.), должны рассматриваться в конкретно-историческом контексте. Они могут выглядеть более уместными в период, когда строилось португальское «Новое государство» (1933–1934 гг.) и католики знали, что могут

использовать антитоталитарную кампанию для укрепления своих позиций, или когда притязания испанских фалангистов, казалось, перевесили притязания католиков (1939–1941 гг.). Но во время гражданской войны в Испании и в 1940–1942 гг., когда нацисты вели успешные наступления, подобные возражения, как правило, отсутствовали.

Энциклика «*Mit brennender Sorge*» («С огромной обеспокоенностью»)* (1937) Папы Пия XI не публиковалась в испанской гражданской прессе до окончания Второй мировой войны. В Португалии эта энциклика, хотя и была опубликована, но не получила серьезного общественного резонанса.

Католическая Испания не только «вползла» в фашизм. Католики, занявшие высокие посты при режиме Франко, считали, что он и был тем самым «новым государством», к созданию которого они стремились. Влиятельный иезуит Элой Монтеро в своем анализе «современных государств и Новой Испании» (1939 г.) всячески превозносил фашизм как «мужественный протест против абсурдной демократии и пустого либерализма» и, зная о конфликтах между Ватиканом и нацистской Германией, тем не менее провозглашал: «Мы, католики, не должны противостоять движению под названием «фашизм», который является в высшей степени национальным. Мы должны воспринять его с любовью и направить его должным образом по традиционной и христианской стезе. Необходимо согласовать современные авторитарные тенденции с нашей славной традицией. Таким образом, возникнет новое государство, свободное от устаревших демократических и либеральных штампов, впечатанных в наши исторические институты» [18].

Еще в 1933 г. сам Ледесма Рамос, молодой идеолог национал-синдикализма, – лидер, который объединил в том же году свою организацию с Фалангой Примо де Риверы, – позитивно оценил тот факт, что «значительная часть испанских правых «фашизировала» самих себя уже в начале 1930-х гг., по крайней мере, внешне» [19].

В Португалии в июле 1933 г., через несколько месяцев после того, как Гитлер вынудил католическую партию Центра принять в рейхстаге диктаторский «Законодательный акт», ежедневная католическая газета «Новидадеш» достаточно четко сформулировала свою позицию по отношению к Гитлеру: «Большевизм, общий враг Европы, стоит у дверей Германии. Гитлер стремится к порядку, чтобы покончить с анархией. И никто не может отрицать, что католики являются защитниками порядка» [20].

Семь лет спустя, летом 1940 г., уже после победы Германии над Францией, редактор еженедель-

ного журнала «Мундо» католик Висенте Гальего, с которым активно сотрудничали почти все значимые фигуры режима Франко, описал то, что он считал стержнем исторического опыта «народов, которые строят сегодня – в самых разнообразных обстоятельствах – новое государство». Для адекватного отражения этого политического опыта им были использованы два понятия: «авторитарный» и «национальный». По мнению Гальего, «с победой Франко» процессы, происходившие в Испании, оправданы уже тем, что страна «была обязана участвовать в новом мировом порядке», который по сути «помогла создать», и тем, что она разделяла «те универсальные принципы, которые формируют этот порядок и включают национальные особенности самих испанцев, их глубоко укорененную веру в “цельность судьбы”».

В отличие от «либерализма, который в значительной степени существует за счет мутации и средств правовой защиты, утверждал член католической Национальной ассоциации пропагандистов, «новое государство ничего не имитирует, поскольку основой его подлинности является единая партия, которая выступает в качестве посредника между новым государством с его юридическими требованиями и народом с его ежедневными жизненными реалиями... Повторяю, что формула единой партии должна быть всемирно признанной. Она обеспечивает каждому народу полную свободу реагирования на возникающие ситуации в соответствии с порывом национального духа» [21].

Серьезной политической проблемой правых в рассматриваемых странах в то время было отсутствие идеологической самобытности и национального опыта, накопленного как режимами, так и политическими и интеллектуальными движениями, которые обычно лишь имитировали установки итальянского фашистского движения. Это клеймо сохранялось до тех пор, пока утвердившиеся фашистские режимы не помогли Франко выиграть гражданскую войну в Испании (1939 г.), не нанесли

* Речь идет об опубликованной 10 марта 1937 г. (датирована Страстным Воскресеньем 14 марта) папской энциклике, в которой упоминаются нарушения соглашения с церковью и содержится критика расизма и некоторых других аспектов нацистской идеологии. В историографии не прекращаются дискуссии о степени оппозиционности данной энциклики нацистскому режиму. Ряд исследователей убеждены, что «*Mit brennender Sorge*» стала первым крупным официальным документом, авторы которого осмелились критиковать и осуждать нацизм. Однако другая группа ученых настаивает на том, что энциклика осуждала расизм, но не национал-социализм Гитлера. Отмечается также, что этому документу не хватало боевистости; он был недостаточно полемичным, но дипломатически умеренным, поскольку немецкий епископат надеялся установить некий *modus vivendi* с нацистами. – *Прим. ред.*

поражение Абиссинии (1936 г.), не включили Австрию в состав Третьего рейха (1938 г.) и не разрушили Чехословакию (1938–1939 гг.).

До этих событий, пока мир не осознал, насколько Гитлер и Муссолини действительно способны произвести значительные изменения в европейском балансе сил, новые крайне правые режимы и движения были намного осторожнее в своих претензиях на сходство или общие корни с фашизмом и национал-социализмом. Эта осторожность постепенно исчезала по мере того, как немецкая и итальянская империалистическая политика становилась успешной.

При всем этом иберийские, как и все другие фашизированные режимы строились на самоочевидном националистическом дискурсе и посвящали значительную часть своих пропагандистских усилий тому, чтобы противостоять антифашистским аргументам относительно международной угрозы национал-социализма и фашизма. Идеологи этих партий и режимов заверяли всех, что они лишь отражают национальные реалии, которые и порождают то, что Салазар в свое время назвал «захватывающим примером» для Португалии [22]. Спустя четыре года, он, обрушившись на тех, кто «имел предубеждения» относительно сложившейся «политической архитектуры», охарактеризовал происходившее в стране как «универсальный процесс», который «применим везде» [23]. А в ноябре 1941 г., когда немецкие войска и их союзники шествовали по русским равнинам, Салазар торжественно объявил происходившее «генеральной европейской линией», «политическим, экономическим и социальным процессом эволюции, начавшейся много лет назад в Европе, и, хотя пока этот период отмечен войной, победа Германии, несомненно, подтвердит обоснованную генеральную линию». А это заставит всех «признать, что Германия, пребывая ближе всех к генеральной европейской линии, будет иметь особые возможности возглавить выполнение поставленной цели, если сможет должным образом скорректировать свое развитие» [24].

Салазаристы и франкисты, как и любые другие представители правых диктатур «эпохи фашизма», не хотели признать, что их режимы и восприятие мира в значительной степени были всего лишь результатом того, что Клаудио Павоне описывал как «трансмиграцию культурных элементов», в частности, «циркуляцию тоталитарных идей» [25]. Франкисты в отличие от своих португальских соратников были в большей степени готовы признать, что «в разговорах о фашизме вообще, обычно отождествляют слово «фашизм» с итальянским режимом», что неверно (это констатировал и Энцо Коллотти* [26]), поскольку этот термин представляет различные по-

нятия в каждой стране, иначе его невозможно употребить точно» [27].

Салазаристы и франкисты, подчеркивая «различия», «национальные особенности» и фундаментальную «самобытность» каждой из создаваемых национальных моделей, постоянно обращали внимание на «исконно» католический характер как португальских, так и испанских идентичностей, сознательно связывая свою национальную идентичность с исторической и идеологической значимостью режимов [28]. Такой подход стал не только удачным способом избежать критики на международной арене до и после побед Гитлера, но и облегчал интеграцию католиков в коалиции, поддерживавшие обе диктатуры.

Несколько десятилетий спустя в рамках историографического дискурса, в котором настойчиво звучала преднамеренная «христианизация» франкизма после 1945 г., Карме Молинеро настойчиво подчеркивал, что «фалангизм внес свой вклад во франкистский режим на его ранних стадиях благодаря «свежему воздуху социальных реформ», который остался его идеологической базой на протяжении всего его существования». Поэтому «именно фалангистский дискурс и фалангистские организации сделали режим отличным от всех европейских политических систем после 1945 г.» [29].

Нечто подобное наблюдалось и в Португалии. После свержения Первой республики связь между католицизмом и диктатурой «Нового государства» «стала не просто отношениями двух независимых субъектов, а чем-то идеологически внутренне присущим режиму» [30]. Поскольку салазаризм при поддержке коалиции, в которой принимала участие республиканская консервативная составляющая, особенно влиятельная в вооруженных силах, из которых вышли первые два вождя диктатуры (Кармона, 1926–1951 гг., и Кравейру Лопиш, 1951–1957 гг.), и формально поддерживавшая утвердившийся режим как до, так и после подписания конкордата 1940 г. [31], то весьма спорным выглядело

* Энцо Коллотти – итальянский историк, специалист по фашизму, разработавший концепцию «общего фашизма» как «руководящей идеи и наборе тенденций, направленных на эволюцию политических воззрений и институтов». Фашизм, по убеждению ученого, выступал в качестве «силы, способной произвести общий перелом сложившегося политического и социального равновесия, а также мобилизовать государство и международных акторов с целью дестабилизировать существующее положение вещей и предложить, и навязать новый порядок в Европе». Такая концепция противостояла узкой трактовке фашизма как исключительно итальянского феномена, который якобы не экспортировался в другие государства – особенно в режимы, признаваемые авторитарными и (по мнению некоторых авторов) не являвшихся тоталитарными, такие как режимы Салазара и Франко.

бы определение «Нового государства» как «неконфессионального режима» [32].

Начиная с 1935 г., салазаровской Конституцией предписывалось, что образование должно «основываться на традиционных для страны принципах христианской доктрины и морали» [33]. В ней содержался призыв к церкви вновь принять участие в создании и реализации государственной политики. Ей разрешалось восстановить контроль над частным сектором в системе среднего образования. Согласно Миссионерскому соглашению, являвшемуся приложением к конкордату и Миссионерскому статуту, принятому в апреле 1941 г., «португальским католические миссии за рубежом» практически приобрели монополию на начальное обучение в колониях [34]. Конкордат восстановил юридически нерасторжимый религиозный брак, аннулировав одно из первых принятых когда-либо в стране с католическим большинством законодательств о разводе (1911 г.). После Второй мировой войны конституционная реформа 1951 г. провозгласила католицизм «религией португальской нации», а согласно реформе 1971 г. государство юридически обязывалось «осознавать свою ответственность перед Богом» [35].

«Новое государство» проводило целенаправленную католическую индоктринацию молодежных организаций, женского движения и корпоративной системы в целом [36]. Для всех политических и культурных сфер, связанных с пропагандой и цензурой, были разработаны строгие католические критерии, а определенное число представителей режима, работающих в этих сферах, должно было быть священнослужителями.

При этом, хотя «свобода и неприкосновенность религиозных верований и практик» были признаны Конституцией 1933 г. (ст. 8, § 3), «Новое государство» вело себя весьма произвольно в отношении тех религиозных структур, которые выглядели политически «подозрительными» и «антипортугальскими». Под особым наблюдением находились протестантские миссионеры и мусульманские священнослужители. Многие участники африканских религиозных движений, главным образом ангольские токоисты и португальские Свидетели Иеговы, подвергались арестам — особенно в годы колониальной войны — «по подозрению в сотрудничестве с освободительными движениями в португальских колониях и за «призывы масс к восстанию» [37].

В обеих странах церковь, действуя совместно со светскими властями, достигла немалых результатов в деле осуществления своих политических проектов. Правда, иногда она и конкурировала с государством, укрепляя таким образом свой политический и институциональный рейтинг. В этой связи

одна за другой проводились различные массовые пропагандистские кампании.

В Португалии была, например, инициирована яростная атака против «атеистического коммунизма, который угрожает христианской цивилизации». В 1936 г. португальские епископы осудили вторгающуюся в мир «волну язычества». Объектом их критики было, естественно, не нацистское неоязычество, а «восстание трех видов человеческого плотоугодия: похотливости, гордыни и любостяжания». Именно используя их, «нечистая языческая богиня, известная своей жестокостью, являет себя в театрах и кинотеатрах, на пляжах и курортах, на праздниках и в развлечениях» [38]. Можно было подумать, что португальская церковь особенно обеспокоена тем, чтобы «не позволять себе оказаться привязанной «к триумфальной колеснице владык мира». В действительности же она преследовала вполне прагматические цели, замаскировав их под намерение «осветить путь, через который смогут пройти все, уважая права Бога и служа священным целям человека» [39].

Судя по всему, режим Салазара разделял предсудки католических иерархов, утверждавших, что протестантские меньшинства организовали «кошунственное разгосударствление, намериваясь распространить его по всей священной португальской земле». В апреле 1940 г. епископы, выступив в издании «Пасторал Колетива», призвали народ решительно выступить против «сорняка протестантизма», чьи «действия» задевают «наши католические чувства и нашу португальскую гордость». «В трудные времена, когда протестантизм разделил Европу и залил ее кровью, — возвещали они, — мы оставались едины в вере и подняли себя на высоту славы. А теперь, когда он разбит и разделен на множество сект, должны ли мы праздновать с преступным равнодушием следить за его вторжением? Никогда!»

Через четырнадцать лет после падения секулярной Республики, в год принятия конкордата, церковь и государство выдвинули совместный тезис: «величие Португалии основано на неразрывном единстве нашей самой верующей нации»; для бессмертия нашей родины нужны «единый Бог, единый Христос, единая вера и единое Отечество» [40].

Наряду со всем прочим, режим Салазара и католические деятели, как и большинство западных правых (и не только их), разделяли основные предубеждения против евреев. Вместе с тем культурный и теоретический дискурс режима Салазара был в этом смысле менее агрессивным, чем нацистской Германии и ее союзников, включая франкистскую Испанию.

Вместе с тем, наблюдая за геноцидом, сопровождавшим депортации, проводившиеся в Германии и в оккупированных немцами странах и хорошо известные португальским и испанским дипломатам, а иногда распространявшиеся даже на евреев португальского и испанского происхождения (в Нидерландах и во Франции) или евреев, находившихся под португальской или испанской защитой, ни в Лиссабоне, ни тем более в Мадриде, не прозвучало ни одного официального протеста против антисемитского насилия. Более того, до 1944 г. против любого дипломата, который пытался или лишь предполагал протестовать, принимались административные карательные меры [41]. Официальное отношение португальцев и испанцев (как это виделось из Берлина) сводилось к молчаливому согласию и даже внутреннему одобрению репрессий, которым подвергались евреи. Некоторые деятели португальского режима и многие представители испанской власти даже публично и письменно признавали, что понимают и разделяют позицию немцев [42].

Франкизм зашел гораздо дальше, чем салазаризм, в правовом и политическом утверждении позиций католицизма. С самого начала военного мятежа 1936 г. правые католики выступали в роли неотъемлемого участника франкистской коалиции, восторженно поддержанной церковной иерархией за исключением нескольких баскских и каталонских епископов. Наиболее квалифицированные представители церковной иерархии вошли в состав верхушки институциональной архитектуры, которую стал возводить Франко. Все принятые при нем законы в той или иной степени служили «возрождению католической традиции», ориентированной на создание тоталитарной системы» [43]. Испания стала именоваться «католическим государством» [44], которое «подчиняется Божьему Праву и Священной Римско-католической апостольской церкви, единственному истинному закону и вере, неотделимой от национального сознания» [45]. Верные политике режима католические лидеры взяли под свой контроль отделы общественного образования и цензуры. В 1941 г. «католик-фалангист» Ариас Сальгадо был назначен руководителем пропаганды и прессы, заменив в этом качестве более светских фалангистов, таких, как Дионисио Ридруехо или Антонио Товар.

Как справедливо подчеркивает Антонио Каналес, между церковью и государством сложился «общий договор», нацеленный на радикальное переустройство общества, которое бы окончательно положило конец «политическим и социальным установкам либерального государства» [46]. Фелисиано Бласкес называет результат этого переустройства «обществом взаимной подстраховки: церковь морально поддерживает государство, а го-

сударство преобразует ее в «церковь власти». Все ресурсы государства были доступны церковным учреждениям» [47].

В общем католики, особенно политически организованные правые, не оставались в стороне от всеохватывающего идеологического влияния «эпохи фашизма». Они не были простыми наблюдателями за казавшимся им привлекательным фашистским экспериментом, который активно расползался по всей Европе. Есть четкие доказательства того, что испанские и португальские католики, действовавшие в рамках режимов Салазара и Франко, имели много общего с большей частью политических правых сил, на которых зиждился «новый порядок» еврофашистов, хотя между ними существовали и некоторые существенные различия.

Во-первых, католики поддерживали авторитарный подход к разрешению кризиса европейской либеральной системы (за который также несли ответственность), полагая, что этот подход откроет перспективные возможности религиозного возрождения и политического восстановления церковной власти. Большинство деятелей католического движения не отказывались сотрудничать с фашистами в рамках широких коалиций и даже проявляли готовность шествовать за фашистскими лидерами, создававшими «режимы нового типа» и занимали в них свое место, расталкивая нежелательных конкурентов.

Во-вторых, католики полностью поддерживали сакрализацию лидеров этих режимов – «шефа» (Салазар) и «каудильо» (Франко) [48]. Эта сакрализация, ставшая символической процедурой, публично одобренной церковью, обернулась утверждением своего рода гражданской религии, призванной учитывать специфические характеристики каждого из двух иберийских диктаторов и их режимов, а также консолидировать их культ при соблюдении традиционных католических религиозных практик.

В-третьих, они «изобрели» конкретные формы совместимости традиционных католических ценностей с политическими потребностями государства в условиях, когда последнее либо уже было захвачено авторитарной коалицией, либо шло по пути к этому. Это повлекло за собой (особенно в случае Испании), как это всегда бывает во время вооруженных конфликтов, фактическое признание культа насилия и смерти [49].

И наконец, иберийские католики возродили по сути «тридентское отношение» к меньшинствам. Целью их атак были прежде всего религиозные миноритарные общины. И они, безусловно, прекрасно понимали политическую, культурную и особенно репрессивную значимость такого отношения. Их лозунги, такие, как португальский «единый Бог, единый Христос, единая вера, единое Отечество»,

имели зловещий резонанс в стране, где тысячи африканских токоистов, мусульман и португальских Свидетелей Иеговы были отправлены в тюрьмы по политическим обвинениям. В Испании Франко вообще открыто «охотился» на евреев, закрепив собственным декретом «Эдикт об изгнании евреев», изданный «католическими монархами» еще в 1492 г.

Антисемитизм был широко распространен и в средствах массовой информации, и в политическом дискурсе не только во время «эпохи фашизма», но и после 1945 г. Франко сам периодически выступал против «еврейско-масонского заговора» и, как он выражался, «опасных от природы евреев» [50].

Хулиан Касанова обратил наше внимание на «идеальную маску, натянутую на себя церковью, выдававшей себя за убежище от тирании и жестокости» Франко, без которой «ему было бы намного труднее сохранять свою неограниченную власть». Проблема, очевидно, остается по-прежнему актуальной, так как позиция католической церкви во время гражданской войны позволила многим историкам, социологам и политологам отделять франкизм от исторического фашизма, тогда как на самом деле во время и после войны фашизм и католицизм были совместимы в повседневной жизни и при франкистском режиме, и в моделях управления обществом, введенных в обиход победителями» [51].

Тактика салазаристов и франкистов после 1943–1944 гг., направленная на выживание после краха нацистского фашизма, состояла в том, чтобы подчеркивать свою национально-католическую идентичность, делая вид, что их режимы были в ретроспективе единственной значимой и легитимной версией нового государства и его идеологии. Спустя более чем полвека эта преднамеренная попытка переписать недавнее прошлое соотносится с причудливым тезисом, выстроенном на отрицании наличия конкретной идеологической основы салазаризма и франкизма. Этот тезис сводит проблему к абсолютизации личного прагматизма диктаторов, изображает созданные ими режимы как форму выживания [52], намеренно лишенную прототипических, идеологических и самоопределяемых характеристик. Два весьма противоречивых побочных продукта такой интерпретации – это завышенная оценка католической власти и в то же время весьма спорное толкование нового государства как либерального режима, основанного на разделении власти между церковью и государством.

Примечания:

1. Я хотел бы поблагодарить Филипе Пьедаде, который подготовил диссертацию *On the road to the Estado Novo and the Third Reich: Hitler's rise to Power*

- seen through Salazarist press (1930–1933) (Oporto: Faculdade de Letras da Universidade do Porto, 2012) за помощь в сборе документальной информации.
2. См.: *Braga da Cruz, M.* As origens da Democracia Cristã e o Salazarismo. – Lisbon, 1980.
3. См.: *Botti, A.* Cielo y dinero. El nacional-catolicismo en España (1881–1975). – Madrid, 1992; *Hermet, G.* Les catholiques dans l'Espagne franquiste. – Paris, 1980.
4. *Tusell, J.* Franco y los católicos. La política interior española entre 1945 y 1957. – Madrid, 1984. – P. 15.
5. *Preston, P.* La política de la venganza. El fascismo y el militarismo en la España del siglo XX, 1997. – Barcelona. – P. 38.
6. *Linz, J.J.* Fascism, breakdown of democracy, authoritarian and totalitarian regimes: coincidences and distinctions // *Estudio/Working Paper 179*. – 2002. – Oct. – URL: http://www.march.es/ceacs/publicaciones/working/archivos/2002_179.pdf (February 2012). – P. 27–28.
7. *Blázquez, F.* La traición de los clérigos en la España de Franco. Crónica de una intolerancia (1936–1975). – Madrid, 1991. – P. 44.
8. Mensagem de Natal de Sua Excelência o Cardeal Patriarca de Lisboa // *Lumen*. – 1941. – V. 4. – P. 236.
9. Пий XI, цит. по: *De Lucena, M.* Salazar, António de Oliveira // *Dicionário de História de Portugal* / Eds. A. Barreto, M.F. Mónica. – V. IX. – Oporto, 2000. – P. 318.
10. Гома, цит. по: *Casanova, J.* La Iglesia de Franco. – Madrid, 2001. – P. 270–271.
11. *Canales Serrano, A.F.* Iglesia y totalitarismo в: Congreso Internacional. El régimen de Franco (1936–1975). Política y relaciones exteriores. Comunicaciones / Eds. J. Tusell, S. Sueiro, J.M. Marín, M. Casanova. – V. I. – Madrid, 1993. – P. 521.
12. *Casanova, J.* Una dictadura de cuarenta años // *Morir, matar, sobrevivir. La violencia en la dictadura de Franco* / Eds. J. Casanova et al. – Barcelona, 2002. – P. 12.
13. *Santos, J.* Un siglo de España. Política y sociedad. – Madrid, 1999. – P. 155.
14. Пемартин, цит. по: *Qué es 'lo nuevo'. Consideraciones sobre el momento español actual*. – Seville, 1937 // *Historia de la Educación en España. Textos y documentos*. – Tomo V ('Nacional-Catolicismo y Educación en la España de posguerra') / Ed. A. Mayordomo. – Madrid, 1990. – P. 115, 117.
15. Пемартин, цит. по: *Vida cultural, Acción Española 39*, 1933, P. 295–296 // *Morodo, R.* Los orígenes ideológicos del franquismo: Acción Española. – Madrid, 1985. – P. 123.
16. Первая из которых – *Totalitarian and Authoritarian Regimes* // *Handbook of Political Science* / Eds. N. Polsby, F. Greenstein. – V. 3. – Reading, Mass, 1975. – P. 175–411.
17. *Linz, J.J.* Fascism, breakdown of democracy ... – P. 1, 29, 58, 60.
18. Монтеро цитируется в: *Casanova, J.* Una dictadura de cuarenta años ... – P. 11.

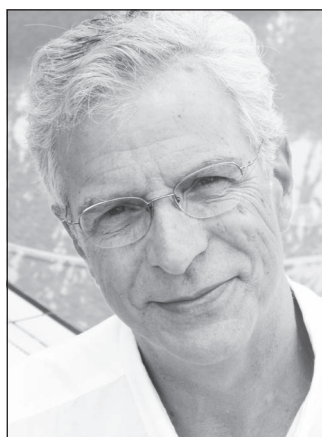

19. Payne, S.G. Historia del Fascismo. – Barcelona, 1995. – P. 331.
20. Santa Rita, J. Cartas de Roma. Concordata com a Alemanha // Novidades. – 1933. – 17.07. – P. 3.
21. Gállego, V. El Partido único, consigna universal // Mundo. – 1940. – 18.08.
22. См.: Salazar, O. Discursos e Notas Políticas. – V. I (1928–1934). – Coimbra, 1935. – P. 367–388.
23. Salazar, O. Discursos e Notas Políticas. – V. III (1938–1943) – Coimbra, 1943. – P. 30–32.
24. Салазар – португальскому министру в Берлине, 30.11.1941. Ministério dos Negócios Estrangeiros, Dez anos de política externa (1936–1947). – V. X. – Lisbon, 1974. – doc. no. 2646. Я обсуждал эти вопросы в своей книге Loff, M. O nosso século é fascista! O mundo visto por Salazar e Franco (1936–1945). – Oporto, 2008. – P. 477–513.
25. Pavone, C. Fascismo e dittature: problemi di una definizione // Nazismo, fascismo, comunismo. Totalitarismi a confront / Ed. M. Flores. – Milan, 2000. – P. 79–80.
26. См.: Collotti, E. Fascismo, fascismi. – Florence, 1989.
27. Beneyto, J. Genio y Figura del Movimiento. – Madrid, 1940. – P. 122.
28. См.: Valentim, A. O roubo das almas. Salazar, a Igreja e os totalitarismos (1930–1939). Chapter I.1 (Salazar: um católico na política). – Lisbon, 2006.
29. Molinero, C. La captación de las masas. Política social y propaganda en el régimen franquista. – Madrid, 2005. – P. 214.
30. Braga da Cruz, M. As origens da Democracia Cristã e o Salazarismo. – Lisbon, 1980. – P. 17. См.: также: Torgal, L.R. Estados Novos, Estado Novo. – V. I. – Chapter II.3 (Estado Novo, Igreja e católicos) – Coimbra, 2009.
31. Хотя Ирене Пиментел (Cerejeira, C. O Príncipe da Igreja. – Lisbon, 2010) и Бруну Кардозу Рейс (Cardoso Reis, B. Salazar e o Vaticano. – Lisbon, 2006) пошли еще дальше католического историка Брага да Круш в своей переоценке внешних признаков независимости церкви от государства.
32. Braga da Cruz, M. O Estado Novo e a Igreja Católica. – Lisbon, 1998. – P. 11.
33. Reforms of art. 43 of the Political Constitution, Law no. 1910, 23.5.1935.
34. João, P. Missões Católicas no Ultramar // Dicionário de História do Estado Novo / Eds. Rosas F., De Brito J. M. B. – V. II. – Lisbon, 1996. – P. 602–604.
35. Reforms of art. 45 of the Political Constitution, Laws nos. 2048, 11.6.1951, 3/71, 16.8.1971.
36. См.: Patriarca, F. A questão social no Salazarismo, 1930–1947. – V. II. – Lisbon, 1995; Rezola, M.I. O sindicalismo católico no Estado Novo, 1931–1948. – Lisbon, 1999.
37. См.: Lage, M. Testemunhas de Jeová // Dicionário de História de Portugal / Eds. A. Barreto, M.F. Mónica. – V. IX (Supplement P/Z). – Oporto, 2000. – P. 513–514. Согласно Педру Пинту, 718 Свидетелей Иеговы были «приговорены к тюремному заключению или заключены под стражу на различные сроки для допросов и заявлений» политической полицией между 1961 и 1974 (Testemunhas de Jeová. Uma minoria perseguida no Estado Novo // História. – 2002. – XXIV/48. – P. 38–45). О токоистах см.: Pélissier, R. La colonie du Minotaure: nationalisme et révoltes en Angola (1926–1961). – Orgeval, 1978. – P. 173–179.
38. Pastoral colectiva sobre o comunismo e alguns problemas da hora presente // Lumen. – 1937. – I/4. – P. 209–226.
39. Cardinal Cerejeira. Mensagem de Natal aos homens de boa vontade // Lumen. – 1938. – II/2. – P. 67.
40. Pastoral Colectiva do Episcopado Português (20.4.1940) // Lumen. – 1940. – IV/6. – P. 349–359.
41. Аристидеш ди Соза Мендеш, португальский консул в Бордо в 1940 году, стал самым известным примером. Он был наказан и лишен всех государственных должностей после подписания почти трех тысяч виз беженцам, в основном евреям, которые спасались от немецкого вторжения во Францию в июне 1940 года, без соответствующего разрешения Салазара (См.: Afonso, R. Injustiça. O caso Sousa Mendes. – Lisbon, 1990; Um homem bom. Aristides Sousa Mendes, o Wallenberg português. – Lisbon, 1995). Другие консулы были наказаны Салазаром по той же причине: Ленкастри Ленкастри и Менешиш (Афины) в 1935 г., Ажинори Магну (Милан) в 1940 г. и Антониу Арчер (Париж) в 1941 г.
42. См.: Milgram, A. Portugal, Salazar e os judeus. – Lisbon, 2010; Pimentel, I.F.; Heinrich, C. Judeus em Portugal durante a II Guerra Mundial. Em fuga de Hitler e do Holocausto. – Lisboa, 2006; Rother, B. Franco y el Holocausto. – Madrid, 2005; Marquina, A.; Ospina, G. I. España y los judíos en el siglo XX. La acción exterior. – Madrid, 1987.
43. Fuero del Trabajo. – 1938. – 09.03.
44. Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado. – 1947. – 07.06.
45. Ley de Principios del Movimiento Nacional. – 1958. – 17.05.
46. Serrano, C. Iglesia y totalitarismo ... – P. 523–524.
47. Blázquez, F. La traición de los clérigos ... – P. 44.
48. См.: Tapia, A.R. Franco 'Caudillo': mito y realidad. – Madrid, 1996; Zenobi, L. La construcción del mito de Franco. – Madrid, 2011.
49. Cautivos, J. R. Campos de concentración en la España franquista, 1936–1947. – Barcelona. – P. 9, 313.
50. Chillida, G.Á. El Antisemitismo en España. La imagen del judío (1812–2002). – Madrid, 2002. – P. 396–401.
51. Casanova, J. Una dictadura de cuarenta años ... – P. 10–11.
52. См.: Tusell, J. La dictadura de Franco. – Madrid, 1988; De Meneses F.R. Salazar. Uma biografia política. – Lisboa, 2010.

УДК 94:323(460)«19»
ББК 63.3(4Исп)6-3

ЕДИНАЯ ПАРТИЯ РЕЖИМА ФРАНКО

Жоан Мария Томас, профессор новейшей истории,
Университет Ровира и Виржили
(Таррагона, Каталония, Испания)
joanmaria.thomas@urv.cat

Перевод с испанского Е.Ю. Богуш

Аннотация. Данная статья посвящена деятельности единой фашистской партии режима Ф. Франко – Испанской традиционалистской фаланге и ХОНС (ИТФ и ХОНС) и ее развитию. ИТФ и ХОНС по сравнению с другими европейскими партиями фашистского толка XX века дольше всех смогла находиться у власти (с 1937 по 1977 гг.). Возникшая в первые годы существования франкистской диктатуры, она разделяла власть с другими авторитарными группами внутри коалиции франкистов: монархистами, поддержавшими принципы корпоративизма католиками, армией, католической церковью и др. ИТФ и ХОНС предоставила диктатору массовую поддержку и помогла регламентировать население Испании.

Ключевые слова: фашизм, франкизм, фалангизм, гражданская война в Испании.

THE FRANCO REGIME'S STATE PARTY

Joan Maria Thomàs, Researcher,
ICREA Academy and Professor of Contemporary History
at the University of Rovira i Virgili, Tarragona, Spain

Abstract. This article deals with the Franco regime's fascist state party, the Falange Española Tradicionalista y de las JONS (FET y de las JONS) and its trajectory. FET y de las JONS was the longest-ruling fascist party in Europe during the twentieth century, in power from 1937 to 1977. Established at the beginning of the Francoist dictatorship, it shared power with other factions of the authoritarian Francoist coalition such as authoritarian monarchists, corporative Catholics, the army and the Catholic Church among others. FET y de las JONS provided mass support for the dictator and served to regiment and mobilize the Spanish population.

Key words: fascism, Francoism, Falange, Spanish civil war.

Самой важной испанской фашистской организацией в годы Второй республики (1931–1936) была Испанская фаланга ХОНС (ИФ ХОНС). 19 апреля 1937 г. в разгар гражданской войны (1936–1939) диктатор Франко создал единую партию, назвав ее Испанской традиционалистской фалангой и ХОНС (ИТФ и ХОНС). В ее рамках было осуществлено слияние фалангистов с Традиционалистской общиной – политическими организациями карлистов, традиционных монархистов, неоабсолютистов и ультраправых католиков. С 1958 г. она стала именовать себя Национальным движением [1].

Схожесть наименований и аббревиатур двух партий не была случайной. Идеология, форма организации и символика единой партии основывались на модели ИФ ХОНС. Аналогичной была структура их руководящих органов (Политической комиссии и Национального совета). Идеологическая платформа новой партии – Двадцать шесть пунктов – была прямо списана с Двадцати семи пунктов предшественницы. Скопировано было и наименование членов партии, и т.д. Все это свидетельствовало о стремлении к подражанию.

В основе решения об объединении партий, принятом *каудильо* (Франко), лежало не просто стремление покончить с наличием различных политических сил, что выглядело несовместимым с антидемократическими установками инициаторов вооруженного мятежа, но, главным образом, стремление Франко установить свое полное господство в политической сфере и сохранить его на продолжительное время. Кроме того, создание объединенной партии рассматривалось как решающий шаг по пути становления так называемого «Нового государства», подобного моделям, которые использовали нацистские и фашистские союзники Франко. При этом сам Франко ощущал себя более близким фашизму, прокламируемому Испанской фалангой с ее демонстративной спекуляцией лозунгами социальной справедливости и классовой интеграции, чем неоабсолютизму карлистов, который он ценил, но считал недостаточно «современным».

Объединение фактически было актом присвоения партий Франко, выступавшим как олицетворение государства. Они были нужны ему не в одинаковой степени. Испанская фаланга являлась более многочисленной – в ней состояли десятки тысяч людей. У нее были свои женские, детские и молодежные (студенческие) организации. Она располагала тысячами ополченцев-фронтовиков, объединенных в сотни и батальоны. Многочисленными были также карлисты. Карлистские батальоны («красные береты») также сражались на переднем крае. Но их было меньше, чем фалангистов.

До начала военного путча соотношение их численности было обратным. Однако когда вспыхнула война, фалангистский фашизм продемонстрировал способность привлечь на свою сторону не только множество носителей правых взглядов, но и, что более важно, немалое число тех, кто прежде оставался вне политики. На волне потрясений, порожденных военными действиями, они проявляли тяготение к казавшейся им интегрирующей гражданской организации. А такой представлялась им фаланга с ее лозунгом «открыть объятия рабочему и крестьянину» и требованиями социальной справедливости.

Между тем, Испанская фаланга оставалась обезглавленной, ибо почти все ее харизматические вожди уже в первые месяцы войны были либо арестованы, либо ликвидированы республиканцами. Так, национальный лидер партии Хосе Антонио Примо де Ривера был расстрелян в Аликанте в ноябре 1936 г. В первые дни войны погиб и руководитель кастильской фаланги Онесимо Редондо. Генеральный секретарь партии Раймундо Фернандес-Куэста, писатель Рафаэль Санчес Масас и

Вальдес Ларраньяга находились в тюрьме на контролируемой республиканцами территории.

В зоне, захваченной войсками Франко, Фалангу возглавил Временный руководящий совет, председателем которого стал Мануэль Эдилья. В совет вошли также представители ближайшего окружения Хосе Антонио Примо де Риверы, в том числе глава ополченцев Агустин Аснар, руководитель партийной организации Андалусии Санчо Давила, двоюродный брат национального лидера Рафаэль Гарсеран и четыре руководителя провинций. Выдающееся место в организации заняла сестра Хосе Антонио Примо де Риверы – Пилар Примо, делегат женской секции партии. Информацию о расстреле национального лидера долгое время скрывали.

С начала 1937 г. работа руководящего совета стала нерегулярной. Когда поступило известие о намерении Франко создать объединенную партию, некоторыми членами совета был поставлен под вопрос авторитет Эдильи. В результате разразился так называемый «кризис апреля 1937 г.». 16 апреля Эдилья созвал Национальный совет, чтобы избрать преемника Примо де Риверы. Однако Аснар, Давила, Гарсеран и Морено объявили о смещении Эдильи и о создании Руководящего триумvirата фаланги. Представитель Сантандера отказался признать это решение и попытался арестовать «бунтовщиков». Произошла перестрелка, в ходе которой погиб охранник Давилы и один из помощников Эдильи.

В конечном итоге Франко поддержал Эдилью. 19 апреля он был провозглашен Национальным лидером ИФ ХОНС [2]. Решение генерала было обусловлено чисто личными мотивами. Первоначально Эдилья всячески демонстрировал Франко согласие с его взглядами и свою готовность неукоснительно считаться с его властью, в то время как организаторы заговора в ряде случаев вели себя по отношению к Франко, мягко говоря, высокомерно.

Франко был намерен приступить к объединению близких ему партий и до этих событий. Однако распри в рядах фалангистов способствовали ускорению его действий. И свое решение он приурочил ко дню избрания Эдильи, выступив вместе с ним перед восторженно настроенной публикой.

Непростым оказался и дальнейший ход событий. Родственники Примо де Риверы обвинили Эдилью в том, что он, руководствуясь личными амбициями, «продал Фалангу Франко». К этому добавилось неожиданное для Эдильи и верхушки Испанской фаланги назначение руководства партии, возникшей в результате объединения. В него включили лишь одного Эдилью. Пытаясь очиститься от персональных обвинений и побудить Франко пойти на расширение численности руководства ИТФ

ХОНС за счет представителей Испанской фаланги, обеспечив себе тем самым большую роль в новом объединении, тот отказался занять предложенное ему место. Этот отказ стоил ему не только дальнейшей карьеры. По распоряжению Франко Эдилья был обвинен в подстрекательстве к описанным выше событиям 16 апреля 1937 г. и вместе с группой сторонников приговорен к смертной казни. В конечном итоге он провел в тюрьме четыре года. Отсюда сложившийся среди части фалангистов миф об Эдилье как о защитнике «истинной Фаланги» в отличие от «ненастоящей Фаланги Франко».

За падением Эдильи в фалангистской среде последовала серия подспудных манипуляций. Клан, представлявший ближний круг Примо де Риверы, установил связь с другим кланом, образованным соратниками бывшего Национального руководителя Испанской фаланги Рамона Серрано Суньеры, в свое время депутата ультраправой фракции Испанской конфедерации автономных правых (СЕДА), зятя и политического советника Франко.

Серрано хотел избежать превращения единой партии в аморфный аналог Патриотического союза, существовавшего в годы диктатуры генерала Мигеля Примо де Риверы, и надеялся превратить ее в реальный стержень новой власти. С этой целью он заключил негласное соглашение с выжившими влиятельными деятелями старой Фаланги, что позволило ему обеспечить существенное влияние на развитие объединенной партии. Так Серрано удалось стать своего рода связующим звеном между Франко и старыми фалангистами. Эта позиция принесла ему существенную личную выгоду: за четыре последовавших года он превратится в «главного тяжеловеса» партии. В 1939 г. его сделали ее лидером и председателем ее политического совета.

Это во многом объясняет, почему в ходе строительства новой партии была избрана специфическая модель фашистской Испанской фаланги и сделана ставка именно на ее кадры. Это повлекло за собой последовательное отчуждение от объединенной партии карлистов и других монархистов, не говоря уже о франкистских вооруженных силах, рассматривавших фалангу как соперника, каковым она и стала после окончания гражданской войны в 1939 г. Не случайно вскоре после создания новой партии карлисты стали жаловаться на то, что вместо объединения с Фалангой они стали объектом поглощения ею.

Таким образом, партия, созданная, чтобы закончить с политическим плюрализмом, стала в итоге воплощением лишь одной из внутренних тенденций режима. При этом формально эта политическая структура обладала солидной долей власти. Прав-

да, несмотря на то, что все прежние ультраправые монархисты и военные кадры официально являлись членами ИТФ и ХОНС и имели ее партийные билеты, немалая их часть не отождествляла себя с фашистскими идеями, продолжая так или иначе хранить верность своему прежнему политическому клану.

Сразу после окончания гражданской войны победивший режим продолжил прежнее наступление, проводя дальнейшую фашизацию. Ее главным проводником оставались по-прежнему Серрано и убежденные фалангисты, опиравшиеся на устойчивую поддержку Франко. Были приняты многочисленные законы тоталитарного типа, стимулировалось укрепление ведущей роли единой партии [3]. В их числе особое упоминание заслуживают законы о молодежном фронте, о профсоюзном единстве и профсоюзном учредительном договоре, впоследствии переименованные в Основы организации профсоюзов. Два названные последними закона предоставляли Национальной делегации профсоюзов исключительные права по формированию «мира труда» и контролю за ним на уровне организаций как предпринимателей, так и профсоюзов.

Фаланге было поручено приобщить к политике женщин через Социальную женскую службу, которая, начиная с 1939 г., находилась в руках женской секции партии, а также молодежь, прежде всего – студентов, опираясь на названный выше Молодежный фронт и Испанский университетский профсоюз (СЕУ).

Подобное наступление было обусловлено не только идейной близостью франкистской Испании к нацистской Германии и фашистской Италии, но и прямым намерением режима Франко принять участие во Второй мировой войне на стороне держав Оси. Попытки реализовать это намерение провалились лишь из-за отказа немцев удовлетворить колониальные притязания Франко к Франции. После вторжения в СССР стран Оси ее сторонники в Испании вновь заявили о своем намерении принять активное участие в боевых действиях, на этот раз на Восточном фронте. Однако в ходе формирования соответствующих вооруженных подразделений вновь возникли трения между Фалангой и армией. В конечном итоге дело свелось к отправке на войну с СССР лишь одной не очень боеспособной «голубой дивизии».

Обида за «невступление в войну» и растущее ощущение, что, несмотря на принятые законы, реальной властью в стране располагает не фалангистская партия, а межеумочное правительство, побудили верхушку ИТФ и ХОНС усилить давление на Серрано, добиваясь передачи реальной власти

в руки своей партии. Согласно ее позиции Серрано надлежало стать председателем правительства, а Франко оставаться главой государства. Чтобы добиться этой цели, был инсценирован так называемый «майский кризис 1941 г.», в ходе которого подали в отставку высшие чины партии, включая самого Серрано.

Однако Франко удалось, манипулируя ставками, свести на нет кризис, предоставив больше министерских постов руководителям ИТФ и ХОНС. Одновременно им были произведены изменения в верхушке партии. В нее направили полностью преданных Франко фалангистов – например, ставшего министром, генеральным секретарем фалангистского движения Хосе Луиса де Арресе. В итоге Серрано был полностью оттеснен от политической жизни. Произошло это в августе 1942 г., после так называемых событий в Бегонье, когда группа радикальных фалангистов напала на праздничное собрание карлистов, происходившее под председательством военного министра, наиболее антифалангистски настроенного из всех министров правительства генерала Варелы [4].

После событий в Бегонье ИТФ ХОНС еще сильнее закрепила свою роль внутри режима. Вместе с тем ей пришлось окончательно отказаться от любых попыток прийти к тотальной власти путем силового захвата. Гарантом подчинения фалангистов диктату Франко стал Арресе. Именно при нем партия ИТФ ХОНС действительно стала фалангой Франко. Она не только отреклась от прежнего стремления овладеть «тотальной властью», но и согласилась подождать, пока Франко не распорядится приступить к реализации «Национал-синдикалистской революции», предусмотренной ее программой.

Неоднозначно складывалась ситуация и в самой партии. Ее мужская секция впала в полулестаргическое состояние. И напротив, повышенную активность стали проявлять ее женская и молодежная (студенческая) секции. Продолжали свою работу фалангистские профсоюзы и пресса. В результате ИТФ ХОНС превратилась в действенную машину индоктринизации, идеологизации и контроля, а также стала источником трудовой занятости и синекур для своих кадров. Тем самым она начала выступать в роли организованной гражданской поддержки Франко и его режима, поскольку была обязана им самими основами своего существования.

Это особенно ярко проявилось в 1945 г., когда после победы союзников режим оказался в международной изоляции. Чтобы смягчить ее последствия, Франко начал то, что можно было бы назвать

процессом затушевывания и маскировки фашистского компонента. После отмены «римского салюта» как официально принятого взаимного приветствия было упразднено министерство генерального секретариата фалангистского движения, а бюджет ИТФ ХОНС был закамуфлирован в совокупности иных расходов. Национальный совет партии не собирался на протяжении одиннадцати лет. С 1942/1943 гг. Арресе стал настойчиво подчеркивать католический характер испанского фашизма.

При всем этом, несмотря на международное (да и внутреннее) давление, Франко не распустил единой партии. Она оставалась источником его силы, важнейшим инструментом организованной поддержки и мобилизации масс. Эта ее роль была наглядно продемонстрирована в ходе массовых демонстраций вроде той, которая состоялась 9 декабря 1946 г. в Мадриде, а также мобилизации населения для участия на референдуме 1947 г. по закону о наследовании.

С началом холодной войны международное давление ослабло. И тут же Франко восстановил генеральный секретариат фалангистского движения. Его возглавил видный деятель фалангизма Фернандес-Куэста. В 1951 г. партия вошла в состав правительства на правах особого министерства.

В целом можно констатировать, что в это время реальное влияние ИТФ ХОНС продолжало оставаться значительным, хотя и ограниченным, в том числе из-за неполного финансирования. Кроме того, ей приходилось во все большей степени считаться с конкуренцией женских, мужских и молодежных католических организаций, которые не переставали действовать и ранее, демонстрируя тем самым свою жизнеспособность.

К 1956 г. возникло впечатление, что ИТФ ХОНС в состоянии завоевывать новые позиции. Незадолго до этого произошел инцидент в Центральном университете Мадрида, где после поражения на выборах делегатов от СЕУ центральный штаб ИТФ ХОНС организовал нападение своих сторонников на студенческую ассамблею, что породило ответные манифестации и беспорядки. Во время них один из членов СЕУ был ранен.

В него стреляли из рядов фалангистов, хотя это никогда не признавалось публично. Между тем, этот выстрел едва не вызвал эскалацию насилия со стороны партии власти. По всей стране была развязана широкая репрессивная кампания, направленная против оппозиции.

Реагируя на происходившее, Франко взвалил политическую ответственность на двух министров – министра национального образования католика Руиса Хименеса и генерального секретаря фалан-

гистского движения, упомянутого выше, Фернандеса-Куэсту. Оба они были отправлены в отставку.

Генеральным секретарем ИФТ ХОНС был вновь провозглашен Арресе. Используя сложившиеся обстоятельства, он попытался полностью восстановить влияние партии и вернуть себе прежние позиции ключевой фигуры институциональной структуры режима. С этой целью была оживлена прежняя активность ИТФ ХОНС, стали регулярно заседать ее Национальный совет и Политическая комиссия, возросли усилия по привлечению в партию новых членов. Началась интенсивная модернизация государственных структур. Также были разработаны и переданы для одобрения в Кортесы новые «Основные законы», в которых партия провозглашалась ядром режима. Все эти действия были изначально одобрены Франко.

Были разработаны и проекты еще трех основных законов: «Принципы национального движения», являвшиеся актуализацией 26 пунктов 1937 г. и подтверждавшие идеи фалангизма; «Органический закон национального движения», дававший высшему партийному органу полномочия следить за тем, чтобы законодательная деятельность правительства и Кортесов соответствовала принципам движения фалангистов; «Регламент правительства», который предоставлял Национальному совету такие права, как увольнение при определенных обстоятельствах глав кабинета министров.

Тексты этих законов вызвали гнев ряда кланов, представленных в Национальном совете, и особенно церковной иерархии. Решающим оказалось давление на Франко церкви, которое вынудило Арресе отозвать все три проекта. В 1957 г., всего лишь через год после своего назначения, он был в очередной раз смещен с должности главы партии.

Действия Арресе отчасти являлись своеобразным ответом на выдвижение на передний план «Опус Деи» – нового франкистского клана, поддерживаемого председателем правительства, министром и ближайшим советником каудильо Карреро Бланко. Благодаря ему члены этого клана – технократы – стали быстро продвигаться, занимая влиятельные посты в государственной администрации, а с 1957 г. вошли и в состав правительства. Но Бланко не только неумоимо продвигал своих ставленников, что резко повысило однородность правительства (если не считать военных министров), но и заметно увеличивал свое личное политическое влияние.

Ответной реакцией движения, которое с 1957 г. представлял министр – генеральный секретарь Хосе Солис Руис, на утверждавшуюся технократическую ориентацию стал поиск путей

усиления влияния своей организации. В этой связи была сделана ставка на активизацию работы с общественными структурами. Предполагалось, что она не должна ограничиваться институциональной сферой. Имелось в виду, сопровождать ее, в пике «Опус Деи», существенной деятельностью в сфере экономики.

Были намечены преобразования и в рамках самой партии. Как уже отмечалось выше, она была переименована в Национальное движение (НД). Предполагалось приступить к созданию «непартийных» политических ассоциаций, в которых однако должна была сохраниться гегемония сторонников как старых, так и новых фалангистов. Последняя инициатива облегчалась Законом о принципах 1958 г., трактовавшим «движение» не как партию, а как «сообщество носителей идеалов». В целом речь шла о выработке более широкого комплекса идей, которые бы направили движение в русло «мирного сопоставления противоположных мнений» [5].

В 1964 г. Солис представил Франко проект декрета о создании ассоциаций. Однако этот проект так и не был одобрен из-за сомнений каудильо в том, стоит ли законодательно расчищать путь политическому плюрализму. Возражали против его утверждения и технократы, не согласные с редакцией указа. Поднятая в нем проблема нашла свое решение лишь в 1974 г., когда технократы уже были оттеснены от власти, а режим был поражен глубоким кризисом, обусловленным резким ухудшением экономического и социально-политического положения и резким усилением демократической оппозиции.

Солис уделял большое внимание вопросам развития профсоюзов. Он пытался модернизировать одряхлевшие официальные вертикальные синдикаты. Также он ликвидировал некоторые внутрипартийные структуры, например, Молодежный фронт и СЕУ. Их место заняли другие подразделения, не демонстрировавшие столь явных тоталитарных притязаний.

Политическая борьба между фалангистским движением и «Опус Деи» велась параллельно с другой, более важной борьбой – между сторонниками демократизации и консерваторами, главным образом технократами из «Опус Деи» и прочих кланов. Но звезда «Опус Деи» стала постепенно гаснуть. Началось это примерно с 1969 г., после так называемого «скандала *MATESA*» – дела о растрате государственных средств, в котором были замешаны несколько министров. Ситуацию усугубило убийство в декабре 1973 г. Карреро Бланко, произошедшее спустя несколько месяцев после его назначения председателем кабинета министров.

Внутриполитическая борьба происходила на фоне сравнительно нового явления – роста трудовых конфликтов, студенческих выступлений и резкого усиления антифранкистской оппозиции, ее способности мобилизовать массы. Режим ответил на это усилением репрессий, хотя они были умеренней, чем в первые послевоенные годы. Вопреки этим репрессиям внутренние противоречия в стране продолжали нарастать. Дополнительным импульсом разрушению режима послужила смерть Франко 20 ноября 1975 г.

Борьба между оппозицией и сторонниками прежнего режима продолжалась вплоть до 1976 г., когда правительство возглавил новый председатель Адольфо Суарес, бывший министр – генеральный секретарь фалангистского движения. Тогда и был принят так называемый Закон о политической реформе. С него начались радикальные преобразования, положившие конец так называемому «государству 18 июля (1936 г.)» и сделавшие возможным проведение демократических выборов 15 июня 1977 г.

За два месяца до того, 1 апреля, было распущено Национальное движение, то самое, которое просуществовало до последних дней режима, не давшего НД полноты власти и не ставшего полностью фашистским, но считавшего фашизм символом своей идентичности и всегда его поддерживав-

шего. Хотя в последние годы своего существования это движение превратилось в бюрократическую мумию, все же оно сохраняло свою способность мобилизовать сторонников, о чем убедительно свидетельствовали манифестации 1975 г., когда после казни пяти политзаключенных-террористов режим столкнулся с последней волной международных протестов.

Примечания:

1. *Payne, S.G.* Franco y José Antonio. El extraño caso del fascismo español. Historia de la Falange y del Movimiento Nacional (1923–1977). – Barcelona, 1997; *Rodríguez Jiménez, J.L.* Historia de Falange Española de las JONS. – Madrid, 2000; *Thomàs, J.M.* Lo que fue la Falange. La Falange y los falangistas de José Antonio. Hedilla y la Unificación. Franco y el fin de Falange Española de las JONS. – Barcelona, 1999.
2. *Thomàs, J.M.* Lo que fue la Falange. La Falange y los falangistas de José Antonio. Hedilla y la Unificación. Franco y el fin de Falange Española de las JONS. – Barcelona, 1999.
3. *Thomàs, J.M.* El Gran Golpe. – Barcelona, 2014.
4. *Thomàs, J.M.* La Falange de Franco. Fascismo y fascistización en el régimen franquista 1937–1945. – Barcelona, 2001.
5. *Thomàs, J.M.* Franquistas contra franquistas. Luchas por el poder en la cúpula del Régimen de Franco. – Barcelona, 2016.

УДК 94:329(8=6)"19"
ББК 633(70)6-3

ДИКТАТУРЫ НА ПИРЕНЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ПОПУЛИЗМ: ЛИЦОМ К ЛИЦУ (ФРАНКО, САЛАЗАР, ВАРГАС И ПЕРОН)

Рубен Домингес Мендес,
доктор истории, Университетский
Институт истории Симанкас,
Университет г. Вальядолид (Испания)
rdominguezmendez@hotmail.com

Перевод с испанского Л.С. Окуневой

Аннотация. В центре анализа данной статьи – особые черты режимов, установленных в Испании (Франсиско Франко, 1939–1975), Португалии (Антониу де Оливейра Салазар, 1933–1968), Бразилии (Жетулиу Варгас, 1937–1945) и Аргентины (Хуан Доминго Перон, 1943–1955). Статья состоит из пяти разделов. В первом мы попытаемся осветить те повороты истории, которые способствовали появлению данного типа режимов на Пиренейском полуострове и в Латинской Америке. Второй параграф посвящен анализу идеологических основ каждого из этих режимов. В третьем будут проанализированы взятые ими на вооружение социальные и экономические постулаты. В четвертом параграфе будет дан обзор их внутренней и внешней политики. В пятом параграфе будут представлены заключительные выводы.

Ключевые слова: диктатура, популизм, Испания, Португалия, Бразилия, Аргентина.

IBERIAN DICTATORSHIPS AND LATIN AMERICAN POPULISM FACE TO FACE: FRANCO, SALAZAR, VARGAS AND PERÓN

Rubén Domínguez Méndez, Doctor in History,
University Institute of History Simancas,
University of Valladolid, Spain

Abstract. In this article, the author analyses the distinguishing features of the regimes established in Spain (Francisco Franco, 1939–1975), Portugal (Antonio de Oliveira Salazar, 1933–1968), Brazil (Getúlio Vargas, 1937–1945) and Argentina (Juan Domingo Perón, 1943–1955). The article explores the historical circumstances which advanced the appearance of such populist, nationalist and fascist regimes in the Iberian Peninsula and Latin America. It also considers the ideological bases of each regime, paying particular attention to their social-economic ideas, domestic programme and foreign policy.

Key words: dictatorship, populism, Spain, Portugal, Brazil, Argentina.

1. Исторический фон укоренения иберийских и латиноамериканских режимов

Подъем авторитарных режимов на протяжении XX в. и изучение их природы продолжает привлекать живой интерес исследователей. В межвоенный период, ставший временем трансформаций,

возникли как движения, критиковавшие традиционные либеральные демократии, так и общее недоверие к парламентаризму. Опасения в отношении нарастающего рабочего движения и социальных протестов способствовали появлению ультранационалистической и авторитаристской идеологии, готовой выступить на защиту статус-кво, достигну-

того правящими элитами соответствующих стран. Революционные события в России стали тревожным звонком, который сигнализировал консервативным силам о необходимости действовать: политика традиционных правительств представлялась им крайне пассивной и чреватой глобальным сломом существующего порядка.

Именно в такой политической атмосфере Европы 1920-х гг. возникали течения консервативного толка, направленные против парламентской демократии. И именно фашизм, ставший первым на этом пути, начал использоваться как своеобразная модель для проведения сравнений с остальными консервативными диктатурами XX в. Действительно, рассматриваемые в данной статье режимы в течение многих лет характеризовались как фашистские (хотя ни один из них не был таковым в чистом виде) по той причине, что они вдохновлялись некоторыми аспектами политики Муссолини [1]. В Латинской Америке возродилось желание сохранить тот социальный строй, который гарантировал экономические выгоды правящих элит. Множившиеся попытки законсервировать данную ситуацию в конце концов завершились тем, что открыли дорогу государственным переворотам, в результате которых к власти в соответствующих странах пришла верхушка армии.

Однако особый исторический контекст, в рамках которого появились эти диктатуры по обе стороны Атлантики, направил их развитие по совершенно иной траектории [2]. Социально-экономические основы развития Латинской Америки в XX в. обусловили длительное существование там структур, основанных на отношениях зависимости. С одной стороны – экономическая зависимость от великих держав, особенно от США. Подобная ситуация сформировалась в период 1870–1930 гг., когда возникла необходимость привязать сырьевую экономику к потребностям индустриальных стран. Иностранному капиталу и компаниям было выгодно использовать в латиноамериканских странах дешевую рабочую силу; помимо этого они использовали в своих интересах тот факт, что эти страны оказались неспособны провести эффективную модернизацию, позволившую бы им самим производить хотя бы часть той промышленной продукции, которую они были вынуждены экспортировать из-за границы. Все это лишь усиливало зависимость от внешних рынков и иностранных торговых марок, от нее проистекало и влияние иностранного капитала на правительства стран континента. С другой стороны, существовал и еще один вид зависимости, уходившей своими корнями в экономические модели доиндустриальной эпохи: речь идет о латифун-

дизме, возникшем в ходе испанской колонизации и предоставлявшем большую власть местным землевладельцам [3].

Все эти реалии способствовали концентрации неограниченной власти в руках латифундистского меньшинства, накопившего свою собственность в эпоху подъема либерализма, когда система ориентированного на рынок аграрного производства и скотоводства противостояла экономике выживания, которая продолжала оставаться уделом большинства общества. И даже первые попытки среднего класса – в сочетании с рабочим движением – решительно изменить данную ситуацию не имели достаточной силы. Политические процессы в Аргентине в 1880–1916 гг. были отмечены влиянием консерватизма, стоявшего на защите интересов процветавшего сельского хозяйства и скотоводства, и продолжительного успеха Национальной автономистской партии на выборах, достигнутого благодаря контролю за ними и фальсификациям (и то, и другое процветало в условиях так называемого «поющего голосования») [4].

Однако с 1916 г. на базе Радикальной партии возникает центристское течение в лице Иполито Иригойена, выступившего на поиски подлинной демократии в противовес олигархической республике и пытавшегося вести политику перемен [5]. В Бразилии же республиканская система установилась с 1889 г.: она положила конец правлению одряхлевшего императора Педру II и предупредила вызывавший проблемы в обществе переход трона к его дочери Изабелле Браганской. Этот новый строй продолжал защищать интересы олигархии, выросшей на латифундизме и сырьевом экспорте; одновременно нарастал вес местных политических правителей, которых называли «полковники». Их власть основывалась на клиентелистском контроле в каждом из составлявших Бразилию штатов; особенно выделялись штаты Сан-Паулу и Минас-Жерайс, определявшие политическое развитие всей остальной страны [6].

Таким образом, латиноамериканские элиты в отличие от европейских были уверены в незыблемости своих социальных, политических и экономических позиций, достигавшейся и благодаря подчиненному положению в мировой экономике, и ценой нарушения интересов большинства общества. Говоря «в отличие от европейских», мы хотим подчеркнуть, что позиции элит Старого Света были поставлены под вопрос успехами социальных движений (рабочего движения, прогрессивных демократических течений, республиканских политических тенденций), которые выступали против либерального государства. Кроме того, кризис конца

XIX столетия нанес окончательный удар старой олигархической вождистской модели, укоренившейся в Испании и Португалии в последние десятилетия того века. Перед лицом растущего натиска англосаксонских государств и Германии с Австро-Венгрией обе страны Пиренейского полуострова теряли вес в международной политике. Факт падения старых заморских империй Испании и Португалии был зафиксирован на Берлинской конференции 1885 г., где иберийским странам достались крохи от колониального пирога [7]. В Испании «катастрофа 1898 г.» [8] ознаменовала начало целого движения, осмыслявшего причины упадка страны и нации («Regeneracionismo») и способствовавшего изменению менталитета испанцев в трех направлениях: нарастание недовольства военных по отношению к политикам, рост антивоенных настроений в народе перед лицом неоспоримой победы США* и появление интеллектуального течения, критиковавшего порочность политической системы Реставрации для развития Испании [9]. Впоследствии процесс реформирования и модернизации страны в ходе Второй республики потерпел провал из-за военного мятежа 17 июля 1936 г., приведшего по окончании гражданской войны в 1939 г. к установлению диктатуры генерала Франко.

Кризис конца XIX в. в Португалии добавил к сложной социально-экономической ситуации (она возникла из-за неспособности промышленности поглотить избыточную рабочую силу, появившуюся в последние десятилетия XIX в. в связи с демографическим ростом) невозможность реализовать свои колониальные притязания. Намерение Португалии соединить собственные африканские владения с востока до запада (от Мозамбика до Анголы) – проект т.н. «розовой карты»** – натолкнулось на планы Великобритании [10]. Следствием данной ситуации явились народные протесты***, которые выявили слабость правительства и способствовали появлению двух набравших силу политических направлений: республиканцев, противостоявших монархии во главе с Карлушем I, и антилиберально настроенных военных – участников африканских колониальных кампаний. Данный кризис мог бы быть разрешен установленной в 1906 г. с согласия короля Карлуша I диктатуры Жоау Франку, имевшей целью восстановление порядка и общественной морали. Однако в 1908 г. монарх был убит, сам Жоау Франку смещен со своего поста, и этот проект потерпел провал. Новый король Мануэл II не смог воспрепятствовать провозглашению в 1910 г. республики, ставшей результатом революции. Внутренняя борьба и восстания как радикально настроенных левых, так и монархических кругов, привели

к установлению в 1926 г. жесткой диктатуры генерала Кармоны, зиждившейся на националистической базе. 5 июля 1932 г. Антониу де Оливейра Салазар был назначен новым премьер-министром. Так было положено начало т.н. «Новому государству», которым Салазар правил железной рукой вплоть до 1968 г. [11]

В Латинской Америке приход к власти Варгаса и Перона свидетельствовал о потребности включить народные слои в политическую жизнь и вместе с тем не устранить полностью традиционные олигархии. Контролируемый процесс перехода от отсталого аграрного общества к современному, урбанизированному и индустриализированному обществу, проходил под руководством олигархических группировок, недовольных той ролью, которую им отвели представители других секторов правящего класса.

В Бразилии вследствие «Великой депрессии» сырьевой экспорт деградировал, а власть политических элит штатов Сан-Паулу и Минас-Жерайс все в большей степени оспаривалась средним классом, растущим городским пролетариатом и молодыми армейскими офицерами, недовольными сложившимся положением дел. Уже ранее, начиная с 1920-х гг. то тут, то там вспыхивали мятежи против клиентелистской системы, поощряемой данными штатами. Кроме того, Ж. Варгас, бывший тогда губернатором штата Риу-Гранди-ду-Сул****, потребовал положить конец процветавшей на выборах коррупции и выдвинул свою кандидатуру на президентский пост. На выборах 1 марта 1930 г. победу одержал официальный кандидат от штата Сан-Паулу Жулиу Престес, что вызвало неудовольствие

*Имеется в виду победа США в испано-американской войне 1898 г., в ходе которой Испания потеряла свои последние заморские колонии: Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины и Гуам. – *Прим. перев.*

** «Розовая карта» была создана в 1890 г. и стала ярким проявлением территориальных притязаний Португалии в Африке. На карте Африки розовым цветом были «соединены» в единое целое пространства, которые находились между португальскими колониями Ангола и Мозамбик (ныне это государства Замбия, Зимбабве и Малави). Задача по реальному соединению этих территорий между двумя колониями стала главной целью португальской колониальной политики второй половины XIX в. Однако Великобритания имела собственный проект – объединить английские колонии от Каира до Кейптауна, т.е. поставить под свой контроль всю Африку от Египта на севере до Южной Африки на юге. – *Прим. перев.*

*** Народные протесты стали результатом провала планов Португалии перед лицом могущественной Великобритании, которая в 1890 г. предъявила первой ультиматум с требованием отказа от «розовой карты». Унижение Португалии, спровоцировавшее недовольство политикой монархии, привело к деградации политической ситуации. – *Прим. перев.*

**** Ж. Варгас был губернатором штата Риу-Гранди-ду-Сул в 1928–1929 гг. – *Прим. перев.*

политиков штата Минас-Жерайс. Это означало прерывание существовавшего соглашения между олигархиями и положило начало борьбе за кресло президента Бразилии. Она достигла кульминации 3 октября 1930 г., когда на арену вступило революционное движение [12]. 24 октября военными была сформирована правительственная хунта, которая в конечном счете сделала Варгаса новым главой государства. С этого момента в стране начали проводиться реформы, стал реализовываться принцип активного вмешательства государства в экономику, получила развитие политика централизации – все это было закреплено в Конституции 1934 г. Однако Варгас произвел «переворот внутри собственного режима», установив «Новое государство», (1937–1945 гг.), в котором он обладал абсолютной политической властью [13]; название режима было позаимствовано им из Португалии.

В Аргентине военный переворот 6 сентября 1930 г. положил конец демократическим устремлениям радикалов* и открыл дорогу так называемому «позорному десятилетию»**. Этот новый этап был связан с деятельностью консервативных правительств, широко применявших фальсификации и подкуп. Подобная ситуация продолжалась вплоть до нового военного переворота 4 июня 1943 г., в ходе которого на политическую арену выдвинулся полковник Хуан Доминго Перон, правивший в Аргентине до 1955 г.

2. Идеологическая основа режимов

Одной из основных черт диктаторской модели было устойчивое политическое лидерство. В условиях латиноамериканских популистских режимов оно возникало в лоне среднего или высшего класса и опиралось на политически незрелые массы, служившие своеобразной «свитой» для вождя. Подобная ситуация сложилась и укрепилась из-за отсутствия традиции объединяться в союзы, партии, ассоциации (традиции, существовавшей в Европе, где народные слои в лице городских рабочих и сельских трудящихся включались в борьбу за свои права, которую вели социалисты, коммунисты и анархисты), а также из-за того, что новые лидеры приступали к решению проблем, унаследованных от прошлого.

Помимо этого как Варгас, так и Перон сумели сконструировать свое персональное политическое лидерство, поставив себе на службу имевший в Латинской Америке долгую историческую традицию феномен – каудильзм. Когда испанская колониальная система была ликвидирована, в Латинской Америке началась борьба за власть, разжигавшаяся местными военными лидерами: они оказались на политической арене на волне Войны за независимость

и требовали свою долю власти, которая до поры до времени оставалась «ничейной». В условиях отсутствия регулярной армии это привело к столкновениям и трениям между предводителями военных группировок. Политическая раздробленность и чувство принадлежности к местному сообществу способствовали формированию соперничавших между собой мелких групп местной элиты, поставивших в зависимость от себя часть населения. Это и вызвало к жизни появление правителей, демонстрировавших немалые лидерские способности. В силу всего вышеизложенного местные каудильо с самых первых дней независимости выступали в качестве гарантов автономного развития молодых республик и, соответственно, защитников политических элит. Их преимущественно военное происхождение (хотя наряду с ними встречались и представители других социальных слоев – например, крупные землевладельцы) давало им возможность использовать военную силу как рычаг политики. В результате отношения между каудильо и военными становились все более тесными, в том числе и потому, что росло количество мятежей как формы завладения властью. Перевороты заменяли собой легитимные электоральные процессы под предлогом того, что победившие на выборах правители злоупотребляли властью и были коррумпированы [14].

В Испании и Португалии участие военных в вооруженном захвате власти было постоянным явлением, и реализовывалось оно посредством пронунсиамьенто*** – действий, в которых (в отличие от государственного переворота) участвовали представители либеральных политических сил – консерваторов и прогрессистов, стремившихся надавить на монархию и протолкнуть к власти нужное им политическое движение. Кроме этого, по мере того, как кризис конца XIX в. принимал все более четкие очертания, нарастала угроза положению знати и рушился авторитет власти, что способствовало зарождению такого политического мышления, которое благоприятствовало появлению «железного хирурга»**** из военных [15]. Не

*Так для краткости называют членов аргентинской партии Гражданско-радикальный союз – ГРС. – *Прим. перев.*

** «Позорное десятилетие» – период аргентинской истории с 1930 по 1943 гг. – *Прим. перев.*

***От исп. pronunciamiento: дословно – «провозглашение». В Испании и странах Латинской Америки – государственный переворот, военный мятеж. – *Прим. перев.*

****«Железный хирург» – ставший нарицательным образ из произведения Хоакина Косты «Олигархия и касикизм» (1901): представление о герое, который из любви к родине железной рукой проведет необходимые обществу реформы. Сам Хоакин Коста был видным деятелем движения за возрождение Испании после «катастрофы 1898 г.» («regeneracionarismo»). – *Прим. перев.*

будем забывать, что в Португалии именно военные похоронили в 1926 г. проект возрождения республики, а их движение, формировавшееся на политическом поле, где действовали многочисленные политические кланы, смогло конституироваться только благодаря приходу к власти Салазара. В Испании военная диктатура Мигеля Примо де Риверы к тому времени уже действовала с определенным успехом (с 1923 г.). Облик лидера в Португалии рисовался в виде патерналистского предводителя, выходца из университетской среды, со спокойными манерами, аскетичного, ведущего образ жизни затворника, который представлял себя публике как человек, «женатый на португальской нации». Этот стиль правления был далек от кичливых поз и бряцания оружием, как у европейских «собратьев-диктаторов», например, Франко. Однако общим у них обоих были речи о собственной мессианской роли и стремление предстать в роли «спасителей» и «искупителей нации» «милостью Божьей» [16].

Политическое лидерство подкреплялось постепенным накоплением должностей и обязанностей. Перон в 1949 г. провел конституционную реформу, предполагавшую возможность переизбрания президента, что явно свидетельствовало о том, что политика не мыслилась им вне персонального правления. Что касается Варгаса, то он выстроил прочный и автономный госаппарат, в котором приобретал все больший вес и все больше функций, пока в конце концов его многочисленные полномочия не сделали его незаменимым для функционирования государственной машины. Нечто подобное произошло в Испании, где лидерство Франко укоренялось постепенно; можно даже сказать, что он стал во главе диктатуры в том числе и волей рока, поскольку возможные претенденты на этот пост погибали при зловещих обстоятельствах [17]. Начиная с гражданской войны, политика Франко была направлена на укрепление собственной власти через объединение в своих руках руководства государством и верховного командования армией (должность генералиссимуса). Именно в таком виде он построил пожизненную диктатуру, которая после 1945 г. трансформировалась из тоталитарного политического проекта в авторитарный, но при этом сохранила свою персоналистскую сущность до такой степени, что получила весьма красноречивое название по имени лидера («франкизм») в отличие от других европейских диктатур.

Итак, действия диктаторов почти ничем не стеснялись. Но одним из немногих ограничителей, благодаря особой роли католической церкви, были ценности католической морали и принципы ответственности правителя только перед Богом и Историей (этот аргумент использовался для легитима-

ции диктатур). Так, режим Варгаса в Бразилии ввел обязательное религиозное образование в школах, католическая церковь Португалии получила широкие привилегии по конкордату 1940 г., а в Испании, уже начиная с гражданской войны, возглавленная Франко борьба была названа подлинным крестовым походом против атеизма, разрушающего западную христианскую цивилизацию. Особый случай в этой панораме диктатур представляла собой Аргентина: если вначале католическая церковь и оказала Перону значительную поддержку, то в конечном счете он был отлучен от церкви, а его политика была квалифицирована как антиклерикальная, особенно когда Перон вошел в жесткое противостояние с церковью по таким вопросам, как разрешение разводов (считается, что это стало немаловажным фактором его свержения с поста президента в 1955 г.) [18].

Несомненно однако то, что именно в иберийских диктатурах, где строгое следование морали подменяло собой некоторые лакуны в идеологии, союз с католической церковью приобрел особое значение. В Португалии католические ценности мощно пропитали собой систему образования и политику правительств. То же произошло и в Испании, где, начиная с 1950-х гг., католическая церковь, ощущая необходимость сближения с западными державами, начала смещать фалангистов с руководящих правительственных постов. Это позволило квалифицировать франкизм как вариант национал-католицизма. Значение католицизма проявилось даже в характерном для обеих иберийских диктатур девизе «Бог, Родина и Семья».

Все эти идеи и лозунги, которые в ряде случаев использовались для характеристики иберийских диктатур, могли бы войти в противоречие с предполагаемым модернистским характером фашистских режимов. Однако консервативный характер испанской и португальской диктатур вынуждал их держать любые виды модернизации под контролем, поскольку правители понимали, что она способна привести к разрушению религиозных, культурных и иных традиционных (восходящих к сельским) ценностей управляемых ими народов. После укоренения в Испании и Португалии наиболее близких к фашизму движений – Испанской Фаланги и «Лузитанского интегрализма» Франсишку Ролау Прету* – цензура накладывала запрет на любые

*Франсишку де Барселуш Ролау Прету – один из основателей португальского (лузитанского) интегрализма и лидер португальских национал-синдикалистов (основанного в 1933 г. праворадикального движения монархического, традиционалистского характера, апеллировавшего к синдикализму и проникнутого идеями корпоративизма; идеологически было близко к Испанской Фаланге). – *Прим. перев.*

высказывания, противоречившие идеологии режима. В латиноамериканских популистских режимах модернизаторский дискурс звучал как раз более явно и последовательно: его целью было представить данные режимы как новацию, как систему, отринувшую своих предшественников, готовую модернизировать государственные институты и открыться трудящимся массам. В этом плане Варгас и Перон также опирались на институты, распространявшие официальную идеологию, и использовали жесткую цензуру средств массовой информации и художественных высказываний представителей творческой интеллигенции.

В целом идеология данных авторитарных режимов была направлена на отрицание иных политических течений, таких, как либерализм, материализм, коммунизм или индивидуализм. Это свидетельствовало об их неглубоком идеологическом развитии и о том, что они в большей степени опирались на стереотипы, чем на строгие концептуальные категории. Выдвижение Варгаса и Перона на политическую арену своих стран говорило об их разрыве с консерватизмом, хотя они не отвергали возможности временного альянса с его представителями. Например, в Аргентине была предложена парадигма, альтернативная всем известным до того моделям развития, – так называемый «хустисиализм»*, – свидетельствующая о том важном значении, которое Перон придавал поиску социальной справедливости. Дискурс Варгаса не был столь прямолинеен, напротив, в своих попытках достичь консенсуса и избежать любой возможной политической конфронтации он был уклончивым и двусмысленным. Варгас уповал на то, что подобная позиция положит конец развивавшемуся на протяжении всей бразильской истории противостоянию между штатами и побудит их сосредоточить свою деятельность на идее мирной национальной и социальной революции. В иберийских диктатурах националистическая экзальтация переплеталась с поношением тех, кого считали «врагами государства», прежде всего коммунистов. В Испании особенно показательными были нападки на две организации**, которых подозревали в участии в «международном жидо-масонском заговоре».

И наконец, говоря об идеологическом аспекте диктатур, следует особо подчеркнуть испытывавшуюся ими экзальтацию от применения насилия и использование ими литургической эстетики и символики. Самый яркий пример – Испания, где символика в виде флагов, гербов, портретов, монументов, марок, медалей, штандартов, униформы, самых разнообразных знаков различия присутствовала во всех общественных местах и в простран-

стве частной жизни. Особое значение в первые годы франкизма имело использование голубой рубашки фалангиста, изображение ярма и стрел, позаимствованных из арсенала католических королей, и создание обновленного герба с претензией на историзм: он включал в себя орла Св. Иоанна*** и девиз «Una Grande Libre»****. В Португалии в символику режима также были включены элементы мемориального и пропагандистского характера, в которых была запечатлена деятельность Салазара и «Нового государства». Что же касается Аргентины и Бразилии, то символика последователей Перона и Варгаса состояла из флагов, маршей, песен, отдельных фраз и знаменательных дат [19].

3. Экономика и общество

Экономическая база рассматриваемых режимов зиждилась на концепции государственного интервенционизма****. Контроль государства укрепился с созданием государственных монополий в стратегических отраслях: роль этих монополий особенно возросла ввиду необходимости индустриализации экономики, характеризовавшейся вековой отсталостью. В Португалии экономическая роль государства воплотилась в создании обладавших большими привилегиями и находившихся под контролем правительства картелей [20]. В Аргентине была проведена модернизация на капиталистической основе, в ходе которой однако были национализированы энергетические ресурсы: природный газ, нефть либо уголь и горнодобыча [21]. Та же практика имела место и в Бразилии, где для обеспе-

*От испанского «justicia» (справедливость). Выдвинутая Пероном доктрина «хустисиализма» была призвана объединить аргентинскую нацию во имя построения общества социальной справедливости с участием всех слоев населения под эгидой надклассового государства, в целях ликвидации зависимости и отсталости. Перон трактовал «хустисиализм» как «третий путь» развития, отличный от капитализма и коммунизма. Хустисиалистская концепция легла в основу перонистского движения, позднее – Перонистской партии, основанной Пероном в 1946 г. и позже получившей название Хустисиалистской. См.: *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. – М., 2008. – С. 145; *Казаков В.П.* Аргентина – поиски места в быстро меняющемся мире. Послесловие // *Луна, Ф.* Краткая история аргентинцев / пер. с исп. – М., 2010. – С. 269–270. – *Прим. перев.*

** Речь идет об анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда (НКТ) и Коммунистической партии Испании (КПИ), которые были разгромлены Франко и ушли в подполье. – *Прим. перев.*

*** Орел – традиционный для католицизма символ евангелиста Иоанна. «Орел Св. Иоанна» был частью гербов многих испанских монархов, начиная с раннего Нового времени, однако после франкистской диктатуры стал часто ассоциироваться именно с ней. – *Прим. перев.*

**** «Единая, великая и свободная» [Испания] – триединый девиз франкизма. – *Прим. перев.*

***** Государственный интервенционизм – вмешательство государства в экономику. – *Прим. перев.*

чения участия государства в развитии индустрии по переработке минерального сырья, в кофейном производстве, производстве сахара или алкоголя были созданы специальные институты; в 1942 г. для руководства монополиями со стороны государства была создана Комиссия по защите национальной экономики [22]. В Испании в 1941 г. также создается Национальный институт индустрии – государственный холдинг, включивший в себя такие предприятия, фирмы и компании, как «Renfe», «Iberia», «Banco Exterior de España» и «Hunosa» [23].

Другая общая для всех режимов черта – значительные государственные инвестиции для совершенствования инфраструктуры. Были предприняты крупные общественные работы по прокладке новых шоссейных дорог, строительству железнодорожного полотна, сооружению водохранилищ, а также постройке водопровода и канализации и созданию инфраструктуры в сфере образования [24]. Все эти мероприятия были призваны заместить собой спад частных иностранных инвестиций, последовавший в результате «Великой депрессии», а впоследствии – Второй мировой войны. Однако в вопросе об иностранных инвестициях можно констатировать наибольшие различия между рассматриваемыми режимами, связанные, впрочем, и с международной конъюнктурой. Так, и Салазар, и Франко были готовы открыть экономику и принять, хотя и под контролем государства, иностранные капиталы лишь во второй фазе своего правления. В Испании состояние автаркии, черпавшей вдохновение в фашизме, держалось на порожденном режимом отвержении внешних влияний. И только со второй половины 1950-х гг. начинается отход от политики автаркии, чему способствовал приход к власти технократов из «Опус Деи»* и запуск в 1959 г. «Плана стабилизации и либерализации экономики», означавшего ослабление государственного интервенционизма и переход к экономической либерализации и антиинфляционной политике [25].

Проведенные в Аргентине и Бразилии экономические реформы, улучшившие положение растущего класса индустриальных рабочих, позволяют квалифицировать режимы этих стран как популистские. Такие меры, как уменьшение недельной нормы рабочих часов или увеличение зарплат, превратили Варгаса и Перона в популярных лидеров [26]. Критика этих мер со стороны консерваторов состояла в том, что в условиях ослабления стимула к экспорту и уменьшения конкурентоспособности предприятий на мировых рынках данные шаги могли бы привести к росту стоимости продукции и вследствие этого – к увеличению ее конечной цены. Но подобной парадиг-

мы удалось избежать путем введения в действие протекционистских мер, которые в целях поддержки зарождавшейся местной промышленности воспрепятствовали бы давлению на внутренний рынок иностранной конкуренции.

Говоря о диктатуре и экономике, весьма важно указать на стремление диктатур направить традиционную классовую борьбу между рабочими и хозяевами в иное русло. Все рассматриваемые нами авторитарные режимы не сомневались в необходимости претворить в жизнь основные постулаты укрупнившегося в фашистской модели корпоративизма для повышения производительности и максимального снижения конфликтного потенциала в трудовых спорах. Во всех режимах осуществлялся интенсивный контроль над профсоюзным движением, проводилась политика запрета классовых профсоюзов и, напротив, поощрялась политика примирения интересов трудящихся и предпринимателей. Португальская Конституция 1933 г. предусмотрела создание подконтрольных государству профессиональных корпораций. В Испании, начиная с 1940 г., все трудящиеся и предприниматели были обязаны объединяться в «вертикальные профсоюзы»** с целью выявления и подавления любых действий, противоречащих интересам режима. В Аргентине уже само отрицание классовой борьбы стало одним из основополагающих принципов перонизма. Для этого внутри единственной разрешенной режимом Хустисиалистской партии была создана Всеобщая конфедерация труда и проводились реформы трудового законодательства, улучшавшие жизнь трудящихся [27]. В Бразилии патерналистская политика проводилась через установление контроля над рабочим движением (аналогичного тому, который осуществлялся в фашистской Италии через «Хартию труда») благодаря принятию в 1939 г. закона о профсоюзах (декрет-закон №1402). Согласно этому закону профсоюзы, создававшиеся в каждой отрасли экономики, должны были в обязательном порядке действовать под эгидой и под контролем Министерства труда [28]. Таким образом, во всех

*«Opus Dei» – институция, относящаяся к католической церкви, создана в 1928 г. и впервые начала свою деятельность в 1941 г. в Испании. Выходцы из этой организации – экономисты-технократы А. Ульястрес, М. Наварро Рубио, Л. Лопес Родó – были введены в правительство с целью реализации программы либерализации экономики. – *Прим. перев.*

**Имеется в виду, что объединение в таком профсоюзе идет по вертикали, в отличие от традиционных «горизонтальных» профсоюзов, которые объединяют трудящихся схожего положения. Официальное название «вертикальных профсоюзов» в Испании – Испанская синдикалистская организация (Organización Sindical Española), единственный профсоюз, существовавший во франкистской Испании, – иными словами, корпорация. – *Прим. перев.*

четырёх рассматриваемых случаях речь шла о мерах, направленных на предупреждение социальных волнений и на получение поддержки со стороны народа, при том что добиться подобной значительной поддержки удалось лишь в латиноамериканских странах.

Корпоративизм предполагал такой взгляд на общество, согласно которому все население стало бы частью государства, а оно, в свою очередь, функционировало бы как единый организм, даже несмотря на сопутствующую этому потерю индивидуальных свобод. В соответствии с подобной концепцией проводилась мобилизация масс с целью доказать преданность общества режиму. В Испании во время тоталитарной фазы режима такие действия стали привычными; они были созвучны соответствующей политике в нацистской Германии и фашистской Италии [29]. Кроме того, в своей последующей, авторитарной фазе франкизм – в моменты появления внешней угрозы – продолжал призывать к мобилизации, которая должна была продемонстрировать мировой общественности сплоченность испанского общества. Однако, как и в случае других диктатур, с годами режим начал склоняться к деполитизации населения (т.е. стремлению отвлечь его от участия в политической борьбе), что было чрезвычайно полезно в деле осуществления контроля над народными классами. Подобные черты отличали диктатуры от латиноамериканских популистских режимов, где народ благодаря проводившимся реформам ощущал себя вовлеченным в процесс развития своих стран.

В латиноамериканских популистских режимах, позиционировавших себя как защитники интересов народных масс, передача тех или иных функций обществу, разделенному на правящее меньшинство и послушное большинство, была достаточно завуалированной. В соответствии с этим Варгас выступал перед своими согражданами как «отец бедных», а Перон – как «отец безрубашечников»*. Использовался дискурс, направленный против элит (он подчас приводил к принижению роли интеллигенции) и обещавший, что политическое развитие страны будет осуществляться «снизу». Для руководства молодежью учреждались организации, которые занимались ее социализацией и воспитанием в духе нового официального мировоззрения. Наряду с использованием в этих целях школьного образования создавались и специальные институты: например, в Аргентине внутри Хустисиалистской партии (речь о которой пойдет в следующем параграфе) создавались молодежные секции и проводилась начальная военная подготовка для мальчиков и девочек с 12 лет. Подчер-

кнем то внимание, которое режимы проявляли к молодежи, осознавая ее значимость в деле политического формирования будущих поколений. И в Португалии, и в Испании все это проявилось в создании организаций, соответственно «Португальская молодежь» и «Молодежный фронт», с целью навязать молодым людям определенную идеологию, заставить их подчиняться лидеру и хранить верность принципам «Нового государства» и Национального движения [30]**. В системе образования господствовали по преимуществу национализм, восхваление исторического прошлого (в иберийских диктатурах воспевалась слава колониальных империй, а в латиноамериканских – роль национальных вождей-освободителей и наиболее важные этапы борьбы за независимость).

Что касается роли женщин, то они занимали подчиненное положение как дома, так и в общественном пространстве, поскольку основная и превосходящая роль отводилась мужчинам. Однако имелось и важное исключение из этого правила – Эва Перон в Аргентине. Она играла очень важную роль и по степени популярности сумела затмить собственного мужа, чем поколебала многие типичные для аргентинского общества machista принципы. Благодаря деятельности Эвы Перон все больше осознавалась необходимость вовлечения женщин в политическую жизнь, что и привело к введению всеобщего избирательного права в 1947 г. и к образованию в 1949 г. женской секции Хустисиалистской партии (женщинам теоретически должна была отводиться треть всех должностей, которые занимали члены партии). Для проведения важных работ в социальной сфере был создан Фонд Эвы Перон [31]. В Бразилии право голоса женщинам, хотя и с некоторыми ограничениями, было предоставлено в период правления Варгаса в 1932 г., еще до установления «Нового государства» [32]. Таким образом, самой отстающей в этом ряду выглядит Испания, ведь даже в Португалии Конституция 1933 г. предоставляла в определенных обстоятельствах право голоса женщинам с высшим образованием и допускала избрание в парламент трех женщин, принадлежавших к высшему общественному слою [33].

*От исп. «descamisados» (букв. «безрубашечники») – «бедняки», «голытьба». Этот термин был очень распространен во времена правления Перона для обозначения важной части его социальной базы. – Прим. перев.

**«Национальное движение» («Movimiento nacional») – совокупность франкистских институтов, объединенных в единый организм, и форма организации франкистского режима. В «Национальное движение» входили «Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС», «вертикальные профсоюзы», «Молодежный фронт», женская фалангистская организация, социальные и образовательные организации. – Прим. перев.

4. Внутренняя и внешняя политика

Что касается внутренней политики, то выше мы уже обрисовали стремление рассматриваемых государств к установлению националистического и авторитарного режима, который не опирался бы на прежние модели. Подобная цель была особенно важна для франкизма, поскольку Испания по сравнению с другими, отличными от испанского националистическими режимами, демонстрировала наибольшую нестабильность из-за серьезных национальных движений в Каталонии, Стране басков и в меньшей степени в Галисии. Необходимость создания режима, основанного на национализме, использовалась как важный аргумент для деполитизации рабочего движения с целью лишить его интернационалистского классового сознания.

Другим важным инструментом для усмирения несогласных было создание единственной партии с жесткой внутренней иерархией; это было сделано, невзирая на существование внутри иберийских диктатур особых групп влияния, называвшихся «семьями». В Португалии такой партией был основанный Салазаром в 1931 г. «Национальный союз», осуществлявший контроль над организациями, которые должны были подменить собой народное представительство: Национальной ассамблеей, которой было придано нечто вроде законодательных функций, и Корпоративной палатой – исключительно консультативным органом. В Испании также была учреждена единственная партия, в которой согласно Декрету по унификации 1937 г. соединились различные политические течения консервативного и реакционного толка (среди них выделялась Фаланга). Согласно статье 47 данного декрета Франко становился вождем и верховным лидером «Национального движения» – единственной разрешенной политической организации.

В Бразилии срежиссированный Варгасом 10 ноября 1937 г. «переворот внутри собственного режима» и введение новой конституции привели к преследованию и ликвидации всех политических партий в период «Нового государства» (1937–1945 гг.) [34]. Необходимо напомнить, что предлогом для возникновения «Нового государства» стало разоблачение якобы существовавшего плана захвата власти коммунистами («план Козна») и лозунги о необходимости избежать конфликтов и соперничества между штатами. Последнее обстоятельство привело к дальнейшему росту иерархизации и к ужесточению централизации власти, для чего был создан Административный департамент государственной

службы, который действовал в качестве министерства, контролировавшего всю систему государственного управления, и главной целью которого была унификация разнородных организаций [35]*. В Аргентине на выборах 1946 г. не удалось применить схему единственной партии (в них участвовали три партии – Трудовая партия, Хунта Обновления – Гражданско-радикальный союз и Независимая партия) [36]. После своей победы на выборах и вступления в должность президента Перон объявил о роспуске этих партий и их включении в новообразованную «Единственную партию революции» (что однако не привело к запрету других партий), которая с таким названием просуществовала до 1947 г., когда была создана Перонистская партия, верховным лидером которой стал сам Перон. После конституционной реформы 1949 г. была создана Женская перонистская партия во главе с Эвой Перон.

Во всех этих случаях над всеми партиями и остальными организациями (деятельность которых сводилась к совещательным функциям) стояли лично диктаторы, принимавшие собственные решения. В своей внутренней политике они опирались на поддержку и других институтов: отрядов народного ополчения, групп давления, особых служб безопасности. Они могли бы иметь и поддержку военных, но, как продемонстрировали обстоятельства падения данных режимов, этого не произошло: военные отвергли как Варгаса, так и Перона. Примером такого института в Аргентине была «Группа объединенных офицеров» (ГОО), организация фашистского толка***, которая выступала за создание специальных репрессивных органов. В других странах ситуация развивалась примерно по тому же сценарию. В Бразилии режим опирался на Департамент по поддержанию политического и социального порядка

*Данный план, скорее всего, был вымышленным и был призван показать, к чему может привести восстание коммунистов. В результате обнародования плана Конгресс большинством голосов спешно утвердил военное положение и отмену конституционных гарантий сроком на 90 дней. 10 ноября 1937 г. Варгас объявил о создании режима «Нового государства» и введении новой конституции. См.: Фаусту Б. Краткая история Бразилии / Борис Фаусту; пер. с порт. Л.С. Окуновой, О.В. Окуновой; предисл. Б.Н. Комиссарова; послеслов. Л.С. Окуновой – М., 2013. – С. 267–268. – Прим. перев.

**Административный департамент государственной службы (Departamento Administrativo do Serviço Público, DASP) был создан в 1938 г. в качестве органа при администрации президента Варгаса и занимался разработкой критериев набора персонала на госслужбу с целью формирования многочисленного слоя бюрократии. См.: Фаусту Б. Указ. соч. – С. 279. – Прим. перев.

***Эту секретную военную организацию считают, как правило, националистической. – Прим. перев.

(ДОПС)*. В Португалии действовала организация под названием «Международная полиция по защите государства» (ПИДЕ), а также полувоенные отряды «Португальского легиона». В Испании же была создана «Политико-социальная бригада», выполнявшая функции секретной полиции.

Целью всех вышеупомянутых групп провозглашалась защита режима от противостоявшей ему идеологии – прежде всего, коммунизма. Поэтому все рассматриваемые режимы проводили систематическую политику по ликвидации оппозиции. В Бразилии после запрета всех политических партий в период «Нового государства» политзаключенных отправляли в такие места заключения, как остров Фернанду ди Норонья**; этим режим стремился свести к минимуму любую возможность переворота, который мог бы быть организован внутри страны или за ее пределами [37]. Подвергались преследованию политические партии и в Аргентине; там репрессировали либералов, коммунистов, социалистов и евреев [38]. В Португалии прибегали к пыткам, тюремному заключению и принудительным работам, причем эти репрессии продолжались до последних лет существования диктатуры [39]. Та же практика применялась и в Испании, где после гражданской войны и принятого по ее окончании Закона о политической ответственности тысячи испанцев подверглись чисткам, были заключены в тюрьмы и направлены на принудительные работы.

Упомянем, наконец, еще один интересный аспект внутренней политики данных диктатур: использование ими плебисцитов для подтверждения репрезентативного характера своих режимов. Отвергая демократическую модель государства, основанную на соответствующих ценностях и институтах, латиноамериканские популистские режимы стремились использовать референдумы для демонстрации того, что их режим представляет собой «прямую демократию», в которой народ в ходе этих референдумов напрямую вступает в общение с лидером (пусть и на неформальном уровне) [40]. В Португалии подобный прием был использован для столь важного события, как принятие на общенациональном референдуме Конституции 1933 г. В Испании Закон о референдуме был принят только в 1945 г.; согласно ему, особо важные законы должны были приниматься через процедуру прямого голосования. И действительно через два года Закон о передаче государственной власти, по которому формой правления после смерти Франко именовалась монархия (она тем самым подлежала восстановлению), был принят именно таким образом. Не следует забывать, что и в Аргентине также происходили электоральные про-

цессы, как, например, вторичные выборы Перона на пост президента в 1951 г.***

В сфере внешней политики на первом этапе своего существования все упомянутые режимы стремились сблизиться с фашистской Италией и нацистской Германией. Но по мере того, как менялось положение на фронтах Второй мировой войны, они начали постепенно отдаляться от этих последних. Так, на этом первом этапе Португалия продемонстрировала решительную поддержку военному мятежу в Испании, предоставив франкистским войскам территорию своей страны для прохода и корпус бойцов «Os Viriatos»****. Уже в ходе войны Португалия была вынуждена изменить свою позицию по отношению к антигитлеровской коалиции; после окончания войны и в период «холодной войны» страна продолжала занимать антикоммунистические позиции, но уже в целях сближения с США и вступления в 1949 г. в НАТО.

Схожей была и позиция Испании. После международного осуждения франкистского режима со стороны ООН, после которой страну покинули иностранные послы, Испания оказалась в экономической блокаде, и только Перон выступил в ее поддержку [41]. В этом контексте важную роль сыграли интересы США: в 1953 г. США подписали с Испанией договоры о военном сотрудничестве, в соответствии с которыми Испания предоставила США территорию для военных баз. Стремясь адаптироваться к новой обстановке, режим развернулся к внешнему миру своей антикоммунистической, националистической и католической стороной, изъясняя из своей политики наиболее «фашистские» элементы. Символом поддержки Испании со стороны США стал визит президента Эйзенхауэра в 1959 г.

В Латинской Америке отношения с североамериканским гигантом всегда были проблемными, поскольку здесь смешивались и претензии со стороны

*Департамент по поддержанию политического и социального порядка (Departamento de Ordem Política e Social, DOPS) был создан в 1924 г. и действовал в основном в период «Нового государства» и в годы правления военных (1964–1985 гг.); в период «Нового государства» он был разделен на два отдела: по поддержанию политического порядка и по поддержанию социального порядка. – *Прим. перев.*

**Архипелаг Фернанду ди Норонья находится в Атлантическом океане, в 565 км от столицы северо-восточного штата Пернамбуку г. Ресифи. Главный остров архипелага издавна, в том числе и в период «Нового государства», был местом тюремного заключения, ссылки и принудительных работ заключенных. – *Прим. перев.*

***Аргентинская Конституция 1949 г. допускала переизбрание президента на второй срок. – *Прим. перев.*

****Назван в честь вождя пиренейских племен Вириато, сражавшегося с римлянами во II в. до н.э. – *Прим. перев.*

националистических правительств, и отношения зависимости от великой державы Севера. В силу этого дипломатическая деятельность по поиску взаимопонимания переплеталась с предъявлением требований, которое шло для «внутреннего потребления»; причем наиболее независимо вело себя правительство Аргентины. После визита Рузвельта в Бразилию в 1943 г. Варгас продемонстрировал свою готовность к сотрудничеству с США в деле совместной борьбы во Второй мировой войне и направил в Италию Бразильский экспедиционный корпус. Однако это не помешало Бразилии выступить с критикой в адрес США за их империалистическую политику [42]. Что касается Перона, то он разорвал отношения со странами Оси в начале 1944 г. и в дальнейшем пытался занимать равноудаленную позицию и от советского коммунизма, и от американского капитализма. Подобный выбор привел к тому, что Аргентина стала поддерживать Движение неприсоединения и продвигать политику согласия и сотрудничества латиноамериканских стран.

Встал вопрос о требованиях реального суверенитета латиноамериканских государств, особенно в условиях существования так называемого «следствия Рузвельта» из доктрины Монро, согласно которому правительство США в случае угрозы своим гражданам имеет право вмешиваться во внутренние дела стран континента. В Аргентине подобные требования переплетались со стремлением зафиксировать свое присутствие в Антарктиде (по этому вопросу 4 марта 1948 г. Аргентина заключила договор с Чили в целях совместной защиты своих территориальных прав в данной зоне) и с желанием вернуть себе Мальвинские острова (1953 г.) [43].

У иберийских диктатур с течением времени и ввиду международных политических реалий – территориальные требования ужались до попытки сохранить и без того поредевшие колониальные владения и отсрочить проводимую под эгидой ООН деколонизацию. Именно этот процесс, приведший к вспышке войны в Анголе, спровоцировал эрозию диктатуры Салазара и привел к притворному выводу испанских войск из Западной Сахары [44]. Но и со стороны Испании был сделан воинственный выпад в отношении Великобритании (в связи с британским присутствием в Гибралтаре).

5. Заключительные соображения

Анализ четырех режимов, располагающихся по обе стороны Атлантики, наглядно продемонстрировал целый ряд свойственных им общих черт. Как правило, при исследовании латиноамерикан-

ских популистских режимов и иберийских диктатур проводится дифференцированный анализ, поскольку первые обращались преимущественно к народным классам и наиболее обездоленным социальным слоям. Однако можно видеть, что в главных направлениях их развития наблюдаются известные сходства, вне зависимости от специфической конъюнктуры каждой отдельной страны. Существует ли между рассматриваемыми режимами какая-либо связующая нить? Ясно одно: определение их как фашистских оказалось в центре споров и было отвергнуто. Однако принимая во внимание все возможные исторические оговорки, мы все же можем заметить, что в каждом из них имелись некоторые компоненты, близкие к фашизму, по крайней мере к «родовым чертам» фашизма [45]. В то время как при обсуждении режимов Испании и Португалии споры идут вокруг таких тем, как влияние фашизма и его длительный характер, при рассмотрении характера диктатур в Аргентине и Бразилии дебаты (среди как правых, так и левых) отличаются большей остротой и порождают больше различных интерпретаций. Однако можно заметить, что все четыре режима имели такие общие черты, как вмешательство государства в экономику, корпоративизм в целях предотвращения конфликтов между трудящимися и работодателями, мобилизация масс либо создание специальных институтов для их вовлечения в поддержку режима, подавление индивидуальных свобод, экзальтация молодежи, представление об обществе как о едином целом, установление националистического и авторитарного режима, приоритет решений лидера перед всеми другими органами государства, преследование оппозиции, нетерпимость к коммунизму и т.д. Развитие событий и сокрушительный разгром стран Оси во Второй мировой войне побудил эти диктатуры немного смягчить режим и умерить (либо замаскировать) свои амбиции. Это можно считать уступкой из соображений прагматизма ради сохранения собственной власти. Напомним сказанные по этому поводу слова Перона: «Муссолини был самым великим человеком нашего столетия, но он совершил несколько катастрофических ошибок. Я же воспользуюсь преимуществом, которое дает мне его пример: последую по проложенному им пути, но сумею избежать повторения его просчетов» [46].

Примечания:

1. Фашистское происхождение данных режимов может быть понято в рамках широкого концептуального определения, которое вопреки устоявшейся

- историографии вопроса было сформулировано для классификации консервативных, националистических, популистских или военных диктатур. См.: Griffin, R. The nature of Fascism. – London, 1991. – P. 1-25. О конкретном случае Латинской Америки см.: Para el caso concreto de Latinoamérica: *Trinidad, H.* El tema del fascismo en América Latina // *Revista de Estudios Políticos*. – 1982. – No. 30. – P.111-142.
2. Имеется целый ряд работ на английском языке, которые содержат общий обзор и первое приближение к проблемам современной истории латиноамериканских стран. В отношении Аргентины и Бразилии полезно обратиться к обширному исследованию: *Bethell, L.* The Cambridge History of Latin America. – Cambridge, 1984. Об Испании см. работу по вопросам, затрагиваемым в данной статье: *Preston, P.* The Politic of Revenge: Fascism and the Military in 20th Century Spain. – London, 1990. О Португалии можно рекомендовать: *Gallagher, T.* A Twentieth-Century Interpretation. – Manchester, 1983; *Robinson, R.* Contemporary Portugal. – London, 1979.
 3. По этим вопросам см. классическую работу: *Cueva, A.* El desarrollo del capitalismo en América Latina. – México, 1977.
 4. Данная система, в ходе которой избиратели реализуют свое право выбора, произнося вслух имя избранника либо выбирая определенный бюллетень в присутствии властей, означала конец гарантии свободных выборов, заключенный в тайном голосовании. Из президентов того времени выделялся Хулио Архентино Рока, дважды приходивший к власти (первый мандат – 1880–1886 гг., второй мандат – 1898–1904 гг.).
 5. Помимо других мер демократического характера он ввел систему тайного голосования. Иригойен был президентом в 1916–1922 гг. и в 1928–1930 гг. О репрессивных тенденциях в политике того времени см.: *Larraquy, M.* Marcados a fuego (1890–1945). De Irigoyen a Perón (1890–1945). – Buenos Aires, 2009.
 6. Тот факт, что эти два штата специализировались, соответственно, на производстве кофе и продукции молочного животноводства, привел к тому, что эта особенность получила название «политика кофе с молоком».
 7. Об этом десятилетиями писала испанская историография. См.: *Pabón, J.* El 98, acontecimiento internacional. – Madrid, 1952.
 8. Речь идет о потере Испанией колоний, которыми она еще продолжала владеть в Америке (Куба и Пуэрто-Рико) и в Азии (Филиппины и Марианские острова) вследствие подъема в этих регионах движений за независимость и последовавшей войны против США.
 9. В то время как в Европе под Реставрацией понимается возврат к абсолютизму после падения Наполеона (чему способствовали действия Священного Союза), в Испании Реставрация означала возвращение на трон после Первой Республики (1873–1874 гг.) династии Бурбонов в лице Альфонса XII. Реставрацию можно подразделить на три периода: правление Альфонса XII (1875–1885 гг.), регентство Марии Кристины (1885–1902 гг.) и правление Альфонса XIII (1902–1931 гг., во время которого проявился кризис этого либерального режима, воплотившийся в диктатуре Примо де Риверы в 1923–1930 гг.).
 10. Соединенное королевство не собиралось допустить ни малейших поползновений со стороны любого государства, которые могли бы воспрепятствовать проекту Сесила Родса по объединению британских владений от Каира до Кейптауна.
 11. «Новое государство» было установлено Конституцией 1933 г. и после вынужденной отставки Салазара просуществовало вплоть до 1974 г., когда в ходе «революции гвоздик» начался переход к демократии.
 12. Этим движением руководил «Либеральный альянс», в рамках которого Варгас получил поддержку штатов Минас-Жерайс, Риу-Гранди-ду-Сул и Парайба.
 13. Оправданием этому он счел поляризацию политических сил, которая проявилась в первых столкновениях фашистского движения «Интегралистское действие» Плиниу Салгаду и коммунистического Национально-освободительного альянса. Воспользовавшись заговором, организованным коммунистами в городах Натал, Ресифе и Рио-де-Жанейро, Варгас объявил чрезвычайное положение для реализации своих целей. См.: *Levine, R.M.* The Vargas Regime: The Critical Years (1934–1938). – New York, 1970.
 14. *Cuesta Domingo, M.; De Arce y Temes, A.* Caudillos y militares como protagonistas del poder en Iberoamérica // *Poder y mentalidad en España e Iberoamérica / Coord. por E. Martínez Ruíz*. – Madrid, 2000. – P. 181-204.
 15. *Seco Serrano, C.* Militarismo y civilismo en la España contemporánea. – Madrid, 1984.
 16. Sobre estas cuestiones *Di Febo, G.* Ritos de guerra y de victoria en la España franquista. – Bilbao, 2002.
 17. Погибшие в результате несчастных случаев Хосе Санхурхо и Эмилио Мола.
 18. *Bianchi, S.* Catolicismo y peronismo: Iglesia católica y Estado en la Argentina // *Trocadero. Revista de historia moderna y contemporánea*. – 1996–1997. – No. 8–9. – P. 351-368.
 19. В Аргентине пользовались большой популярностью музыкальные марши «Перонистские юноши» и «Эвита-предводительница».
 20. *Pires Jiménez, L.E.* Las políticas económicas de la dictadura de Salazar y sus consecuencias en la economía portuguesa // *Studia carande: Revista de ciencias sociales y jurídicas*. – 2002. – Vol. 7, No. 2. – P. 321-342.
 21. *Cortés Conde, R.* La economía política del peronismo (1946–1955) // *Anuario del Centro de Estudios Históricos «Prof. Carlos S. A. Segreti»*. – 2002–2003. – Vol. 2-3, No.1-3. – P. 210-222.

22. В результате деятельности этой комиссии были созданы следующие монополии: Национальный совет по нефти (позже переименованный в «Петробраз»), Гидроэлектрическая компания Сан-Франсиско, Национальная фабрика по производству моторов. Национализация ключевых отраслей экономики и небольшая степень внешней задолженности обрабатывающих отраслей (включая переработку сельхозпродукции) – характерная черта латиноамериканских популистских режимов. См.: *Trias, V. Getulio Vargas, Juan Domingo Perón y Batlle Berres-Herrera. Tres rostros del populismo // Nueva Sociedad. – 1978. – No. 34. – P. 28-39.*
23. Эти компании были созданы ради того, чтобы придать большую динамику железнодорожному и авиа-сообщению, банковскому сектору и электроэнергетике соответственно.
24. В этом плане особо выделяется заявление Перона в 1946 г. о дефиците школ и его обещание построить 10 тысяч новых школьных зданий. См.: *Rein, R. Peronismo, populismo y política: Argentina, 1943–1955. – Buenos Aires, 1998. – P. 93.*
25. Данная политика проводится в рамках процесса привлечения иностранного капитала в страну, которая предлагает ему наибольшие прибыли ввиду низких зарплат трудящихся и наиболее выгодную для инвесторов модель трудового законодательства.
26. *Schemes, C. A relação líder/massas nos governos Vargas e Perón // História Revista. – 1998. – Vol. 3, No.1-2. – P. 27-36.*
27. Основные реформы концентрировались вокруг проблемы коллективных договоров (как например, «Устав о положении сельского поденного рабочего»), создания арбитражных судов для улаживания конфликтных ситуаций и достижения соглашений по пенсиям).
28. Благодаря в том числе и этому Варгас смог успешно бороться против профсоюзов, находившихся под влиянием коммунистов (Всеобщая конфедерация труда Бразилии) и анархистов (Национальная конфедерация труда), и подрывать их социальную базу. Аргентинский режим, стремившийся к той же цели, также нашел поддержку среди крестьян и других отрядов трудящихся благодаря трудовому законодательству, которое до того момента в сфере трудовых отношений было неизвестно. См.: *Losano, M. Un modello italiano per l'economia nel Brasile di Getúlio Vargas: la «Carta del Lavoro» del 1927 // Rechtsgeschichte-Legal History. – 2012. – No. 20. – P. 274-308.*
29. Издание в 2011 г. первых томов «Испанского биографического словаря» (Королевская Академия истории) вызвало споры из-за «благожелательного» взгляда на диктатуру Франко, при котором была затуманена ее первая тоталитарная фаза, сложившаяся под влиянием фашизма и нацизма.
30. Экзальтация молодежи была особенно важна на стадии укоренения обоих пиренейских режимов. Об этой ситуации в Европе см. следующую работу (особое внимание следует уделить параграфам по Испании и Португалии): *Jóvenes y dictaduras de entreguerras. Propaganda, doctrina y encuadramiento: Italia, Alemania, Japón, Portugal y España / Coord. por C. Mir Curcó. – Lérida, 2007.*
31. Деятельность этого фонда (строительство школ, больниц, развлекательных и благотворительных центров, домов отдыха) многократно увеличило ее популярность. Согласно статье 7 Устава фонда, полный контроль над фондом переходил в руки Эвы Перон. См.: *Sánchez Hernández, M.F. Eva Perón y la política argentina. – Madrid, 2013. – P. 86.*
32. До провозглашения «Нового государства» женщины могли воспользоваться своим правом голоса на выборах Учредительного собрания 3 мая 1933 г.
33. *Rodríguez López, S. El patio de la cárcel: la Sección Femenina de FET-JONS en Almería (1937–1977). – Sevilla, 2010. – P. 88.*
34. Не будем забывать, что конституция позволяла ему контролировать также законодательную и судебную ветви власти.
35. *Menon, G. A tentativa de racionalização do Estado brasileiro na era Vargas: uma breve análise sobre o DASP // FIDES: Revista de Filosofia do Direito, do Estado e da Sociedade. – 2010. – Vol. 1, No. 2. – P. 154-167.*
36. *Santoro, M. El golpe de 1943 y el advenimiento de la política de masas (1946–1955): el peronismo // Ideas, política, economía y sociedad en la Argentina (1880–1955) / Ed. by M. Barroetaveña, et. al. – Sevilla, 2007. – P. 90.*
37. *Bellintani, A.I. Conspiração contra o Estado Novo. – Porto Alegre, 2002.*
38. Особенно знаковым был Генеральный приказ №1 (превентивные действия – репрессии) от 18 апреля 1952 г., который разрешал исполнительной власти, Всеобщей конфедерации трудящихся и отделениям Перонистской партии «перед лицом возможных посягательств к изменению государственного строя энергично и решительно уничтожить противника, руководителей и зачинщиков беспорядков всеми возможными средствами». См.: *Luna, F. Perón y su tiempo: La comunidad organizada, 1950–1952. – Buenos Aires, 1986. – P. 128.*
39. «В 1963–1968 гг. ситуация в Португалии осложнилась по причине продолжительных социальных протестов из-за ухудшения условий жизни в связи с кровавой колониальной кампанией. Ответом режима стало усиление репрессий, что еще больше свидетельствовало о его закостенелости и неспособности найти решение насущных проблем». См.: *Alted Vigil, A. La oposición al salazarismo en «Ylberica» (Nueva York, 1953–1974) // España-Portugal. Estudios de Historia Contemporánea / Coord. por H. De la Torre y A. Pedro Vicente. – Madrid, 1998. – P. 240.*

40. Например, известна речь Перона, произнесенная им в День верности (17 октября) 1952 г. на Майской площади в Буэнос-Айресе, во время которой он задавал вопросы, на которые надо было отвечать только «да» или «нет», что давало ему возможность получить поддержку своей политики.
41. *Rein, R.* La salvación de una dictadura: alianza Franco-Perón (1946–1955). – Madrid, 1995.
42. *McCann Jr., F.D.* The Brazilian-American Alliance (1937–1945). – Princeton, 1974.
43. В силу этого Перон возвел «политику единства территории континентальной Аргентины, Антарктиды и Мальвинских островов» в ранг приоритетной. См.: *Barrios, M.A.* Perón y el peronismo en el sistema-mundo del siglo XXI. – Buenos Aires, 2008. – P. 190.
44. См. сноску 39.
45. *Payne, S.* Historia del fascismo. – Barcelona, 1995. – P. 588–591.
46. *Blanksten, G.* Peron's Argentina. – Chicago, 1995. – P. 279. Цит. по: *Payne, S.* Historia del fascismo. – Barcelona, 1995. – P. 438.

УДК 94:329(8-6)«19»
ББК 63.3(70)6-3

ФАШИЗМ В МЕКСИКЕ: УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ ПРИСУТСТВИЕ

Франко Саварино,
профессор, научный сотрудник Национальной
школы антропологии и истории
(Мехико, Мексика)
francosavarino@gmail.com

Перевод с испанского Л.С. Окуневой

Аннотация. Фашизм является одним из тех феноменов новой и новейшей истории, который в наименьшей степени поддается пониманию. Особенно это касается его внеевропейского измерения, где он проявил весьма необычные черты, мало знакомые по его основным образцам. Один из таких регионов – Латинская Америка; здесь фашизм обрел особые характеристики, смешиваясь с различными местными проявлениями популизма и национализма. Весьма символичное и совершенно особенное место среди других латиноамериканских стран занимает в этом плане Мексика. В данной статье исследуются исторический контекст и проявления фашизма, нашедшие свое воплощение в социальных движениях или в образе отдельных интеллектуалов, а также фашистские тенденции внутри самого националистического режима, возникшего после революции 1910–1917 гг.; рассматривается также распространение идей фашизма и национал-социализма среди итальянских и немецких эмигрантов в Мексике. В результате анализа возникает сложная и противоречивая картина, подтверждающая характер фашизма как значительного политического феномена мирового масштаба.

Ключевые слова: фашизм, Латинская Америка, популизм, Мексика, национализм.

FASCISM IN MEXICO: AN ELUSIVE PRESENCE

Franco Savarino, Professor of Contemporary History and Researcher
in the National School of Anthropology and History, Mexico City, Mexico

Abstract. Fascism is one of the least understood political phenomenon of modern times, especially in its diffusion areas outside Europe, where it has unusual traits. Latin America is one of these areas where fascism took on an unusual set of characteristics, accompanying and mingling with various local manifestations of populism and nationalism. Mexico is here an emblematic and, at the same time, peculiar case in Latin America. This essay will explore the different contexts and manifestations of fascism, both in terms of movements and intellectual figures and trends within Mexico's post-revolutionary nationalist regime itself and the influence of Italian fascism and National Socialism on Italian and German emigrants. What emerges here is a complex picture, full of ambiguities, confirming the character of fascism as an epochal political phenomenon.

Key words: fascism, Latin America, populism, Mexico, nationalism.

Введение

Фашизм получил распространение в Латинской Америке как одна из многочисленных политических моделей, которая, зародившись в Европе и приспособившись к местным условиям, приобрела настолько своеобразные, меняющиеся, а то и

ускользающие черты, что могло возникнуть впечатление, будто в этой части мира вообще не было фашизма либо что он присутствовал в ней лишь в очень малой степени [1]. В действительности феномен фашизма в этой части мира обнаружить можно, но только восприняв его как характерное выраже-

ние той эпохи, понимая многообразие его форм и определив точный радиус самого термина. Необходимо также признавать возможные наложения друг на друга фашизма и других режимов, внешние имитации или даже близость фашизма к иным, порой отличным от него феноменам.

Указав на это, начнем свой анализ с исследования черт фашизма в характере мексиканского государства, рожденного революцией 1910 г.,* и в политических и интеллектуальных кругах, затем рассмотрим проявления фашизма в радикальных оппозиционных группировках и закончим статью показом тенденций его развития в среде иностранных, по преимуществу итальянских, иммигрантов.

Фашизм в Мексике?

Государство и интеллектуалы

Мексика (возможно, наряду с Бразилией) представляет собой репрезентативный случай распространения фашизма за пределами Европы и, конечно же, являет собой пример абсолютной особенности фашизма даже по сравнению с другими его латиноамериканскими образцами. В Мексике мы сталкиваемся с целым спектром условий, которые могли бы как способствовать развитию фашистского движения, так и стать факторами его сдерживания. Об этом свидетельствуют проявившаяся в конце 1922 г. в общественном мнении и в прессе популярность итальянского фашизма и неожиданное – уже в ноябре того же года – упрочение позиций Мексиканской фашистской партии. Но ситуация в стране и особая траектория ее развития ориентировали общество в ином направлении.

В академических кругах Мексики (в отличие от политических кругов, где о фашизме говорили даже в избыточной степени) его наличие в стране отрицалось либо о нем избегали упоминать. Например, даже когда речь заходила о таких примерах, как «фашистское содержание» правительства Элиаса Кальеса или некоторых радикальных группировок, за этим не следовало углубленного анализа. Пожалуй, единственным исключением можно считать, наряду с моими работами по данной тематике, очерк британского историка, специалиста по мексиканской революции Алана Найта.

Подытожив уже проведенные исследования, он предложил ряд инструментов выявления «фашистских» элементов» [2]. По его мнению, фашизм не обязательно включает в себя в качестве своего основного компонента антисемитизм, сходство с итальянским фашизмом или германским национал-социализмом и безоговорочную поддержку стран Оси. Не является убедительным свидетельством, по его мнению, и то, что соответствующие режимы

иногда сами называть себя фашистскими; крайне спорны и их обвинения в «фашизме». Исходя из этого, Найт, опираясь на пример Мексики, предлагает сконцентрироваться на исследовании других черт фашизма: его идеологических установок, способов действия, источников социальной поддержки и социально-исторических функций.

Эти установки британского историка представляются правильными. Сомнение вызывает лишь его убежденность в том, что различные типы фашизма всегда совпадали с «правым радикализмом».

Весьма здравыми представляются мне такие положения данного автора, как указание на исключительные условия Мексики по сравнению с остальной Латинской Америкой, описание им фашизма как выражения политики в отношении масс и выделения роли среднего класса. Также надо отметить, в частности, характеристику им мексиканской революции 1910–1917 гг. как социального опыта, аналогичного опыту Первой мировой войны. Революция приучила целое поколение к насилию, к преклонению перед харизматическими лидерами и к восхвалению национализма. Она также ускорила вторжение масс в политику.

В Мексике, как и в Европе, в конце первого десятилетия XX в. прежняя либеральная модель переживала глубокий кризис. Режим Порфирио Диаса погрузился в него еще с 1900-х гг. А после торжественного празднования в 1910 г. столетия начала Войны за независимость, когда старый президент, потерявший способность контролировать вверенное ему государство, несмотря ни на что был переизбран, кризисные процессы проявились с особой силой. Революция, начатая в том же году Франсиско Мадеро, открыла «ящик Пандоры». Ее результатом стали гражданская война и дальнейшая радикализация общества [3].

Важно отметить в этой связи, что мексиканская революция – наряду с китайской – была одной из первых революций XX в., предшественницей русской революции 1917 г. Одержав победу, экспериментируя и начав строительство нового постлиберального государства, не имея никаких предшествовавших образцов, она не разработала собственной модели и была предельно открыта внешним влияниям. В силу этого ее нередко рассматривали как «податливую», рискующую «оказаться погребенной» под грузом заимствований. Вот здесь-то мы и сталкиваемся с влиянием возникшей

* Имеется в виду революция 1910–1917 гг. – крупнейшее событие мексиканской истории, определившее исторические судьбы страны в XX в. – *Прим. перев.*

в 1922 г. фашистской модели, предложившей окружающему миру «новую идеологию и энергетику».

Сказанным я отнюдь не утверждаю, что Мексика ждала появления некоей внешней модели, чтобы взять ее на вооружение. В 1920-х–1940-х гг. страна внедряла и собственные наработки в экономической, образовательной, культурной и политической сферах. Это была первая латиноамериканская страна, которая национализировала такие основные ресурсы, как железные дороги и нефть, осуществила амбициозную политику раздела земельных угодий с целью создания коллективной собственности на землю и активно продвигала национальную культуру, дав импульс поощрению самобытности в противовес европоцентризму и копированию иностранных образцов. Но когда закончилась вооруженная фаза революции и гражданская война и с приходом к власти Альваро Обрегона и Плутарко Элиаса Кальеса, начался процесс институционализации, наступил период поиска за рубежами страны полезных механизмов, при помощи которых можно было бы решить ряд важных задач. Такими задачами были: объединение разноликих и раздробленных революционных сил в рамках единой организации*, обеспечение верховного лидерства революции, формирование государства, которое могло бы сыграть более активную роль в социальной сфере, в проведении экономической политики, в определении национальной идентичности и в защите страны от иностранного империализма.

Подходящей моделью оказался итальянский фашизм, чем воспользовались, не афишируя этого, правительства, которые сменяли друг друга в период от Обрегона до Карденаса. О влиянии фашизма на постреволюционное мексиканское государство упоминают часто, но это влияние никогда не было глубоко изучено. Документальная база, которой мы сегодня располагаем благодаря моим исследованиям, подтверждает, что на протяжении 1920-х–1930-х гг. в Италии постоянно и интенсивно накапливалась информация о Мексике, хотя мы пока не можем детально выявить влияние на этот процесс именно фашизма [4].

Возможно, наиболее важной структурой, испытывавшей на себе данное воздействие, была Национально-революционная партия (НРП), которая с 1929 г. объединила участвовавшие в революции разнообразные силы и превратилась в институциональное выражение всей мексиканской революции. Ее сходство с Национальной фашистской партией Италии признано итальянскими исследователями [5]. Помимо этого, об итальянском влиянии свидетельствуют и корпоративная структура мексиканского государства, и характер его экономической поли-

тики в годы «великой депрессии». Воодушевление итальянским фашизмом проступало со страниц докладов, писем и многих документов, которые поступали от находившихся в Италии с теми или иными поручениями мексиканцев (некоторые из них были основательно погружены в жизнь этой страны), и по дипломатическим каналам, особенно от мексиканского посольства в Риме и консульства в Милане [6].

Следует отметить и правление «жесткой рукой» президента Плутарко Элиаса Кальеса (1928–1934 гг.), получившее название «максимат» (от присвоенного Кальесу титула «Jefe Máximo» – «Верховный вождь»), что также напоминало о муссолиниевской модели. Однако в Мексике было невозможно установить открытую и длительную диктатуру, поскольку характерной чертой революции было как раз свержение диктатуры и установление запрета на переизбрание президента, ставшего непреложной нормой. Если после убийства Обрегона Элиас Кальес и предпринимал попытки превратиться в мексиканского Муссолини, то помешал ему именно этот рожденный революцией жесткий принцип, ставший частью демократических ценностей, от которых в Мексике – в отличие от Италии – никогда не отказывались.

С другой стороны, Кальес не был харизматическим лидером, способным, подобно Муссолини, выступать перед народом. Таким лидером, напротив, являлся Ласаро Карденас (президент в 1934–1940 гг.), но его тяготение к «левому» популизму, как и его геополитические решения, отдаляли его от итальянского фашизма. Международное положение Мексики, действительно, благоприятствовало геополитическому сближению с США.

Однако не все перечисленные выше черты сходства были следствием прямого или скрытого подражания. Напротив, они в наибольшей степени отражали тот факт, что собственно мексиканские реалии развивались как бы «параллельно». Следует отличать фашистское влияние от тенденции развития в направлении фашизма. В случае Мексики надлежит констатировать связанную с той эпохой «зарождавшуюся» тенденцию развития в данном направлении или, иными словами, известное отклонение, вытекавшее из свойственных данному историческому периоду условий. То тяготение или склонность к фашизму, которые можно было бы назвать «структурными», реализовались в Мексике

* Такой организацией стала образованная в 1929 г. по инициативе Кальеса разнородная по составу Национально-революционная партия (НРП), в которую вошли буржуазные группировки, военные, мелкая буржуазия, крестьянские организации, рабочие. – *Прим. перев.*

в сильном государстве, радикальном национализме, антиамериканизме (существовавшем в народе несмотря на сближение с США), корпоративизме (который Мексика взяла на вооружение сама, но с оглядкой на Италию), наличии единственной партии, в авторитарном правлении Обрегона, Кальеса и Карденаса, в поддержке государством авангарда в культуре, в продвижении им в искусстве, архитектуре и литературе модернистских течений и в склонности к евгенике и расизму, выражавшимся в идеализации «мексиканской расы» и в неприятии иммигрантов из Азии [7].

Мексиканский опыт того времени был уникальным для Латинской Америки. Революционный импульс модернистского искусства, мобилизация масс, объединительный радикальный национализм с его антиимпериалистической направленностью – таковы были элементы этой модели, которые не встречались больше ни в одной другой стране. Мексика того времени была подлинной лабораторией, в которой проходили испытание передовых для своей эпохи реформ в социальной области, экономике (национализация железных дорог и нефти), политической сфере (социальное государство), культуре и искусстве [8].

Наиболее очевидные проявления тяготения к фашизму можно было обнаружить, главным образом, в приграничных зонах страны – на севере и в районе Мексиканского залива. Губернатор штата Сонора Родольфо Элиас Кальес (1931–1935 гг.), старший сын генерала Плутарко Элиаса Кальеса, в тридцатые годы проводил в жизнь программу евгеники с целью «отмыwania» государства от китайских иммигрантов и «сохранения чистоты мексиканской расы». Один из лидеров Комитетов в защиту расы Хосе Анхель Эспиноса хвалил Кальеса-отца и Кальеса-сына за принятие законов, направленных на защиту мексиканской расы перед лицом «желтой угрозы». Преследования китайцев в рамках расистской риторики напоминали ситуацию в Германии после прихода к власти гитлеровского национал-социализма.

Губернатор штата Табаско Томас Гарридо Канабаль (1923–1926 гг. и 1930–1934 гг.) в еще большей степени приблизился к фашистскому формату, создав отряды «красных рубашек» (имитировавших итальянские «черные рубахи») и выдвинув программу, заостренную на национализме и антиклерикализме. Преследование участниками этих формирований верующих, интенсивная пропаганда, морализаторские поучения в наставлении народа – все это могло бы только приветствоваться радикально настроенными итальянскими фашистами. Гарридо Канабаль был одним из наиболее

преданных соратников Плутарко Элиаса Кальеса, а после своего назначения в 1934 г. министром сельского хозяйства привел отряды «красных рубашек» в столицу.

Еще до этого склонность к фашистскому подходу проявилась в штате Юкатан в период правления там губернатора Фелипе Карильо Пуэрто (1922–1923 гг.). Проводя социальные эксперименты и стремясь при этом усилить гордость жителей штата за свою историю и культуру, он всячески акцентировал внимание на великом наследии цивилизации майя. Подобное использование древнего прошлого, поставленное на службу возрождению, было идентично тому, как Муссолини в Италии воскрешал образ древнего Рима (причем в обоих случаях упоминались великие правители прошлого: на Юкатане это был Начи Коком, а в Италии – Октавиан Август). Но социальные эксперименты на Юкатане продолжались недолго. Верный сторонник Кальеса Карильо Пуэрто был убит в ходе военного мятежа 1923 г. С его смертью закончился ранний этап сочетания социальных изысков и национализма, которое, не будучи фашистским, все же могло бы во многих своих аспектах развиваться в нечто схожее с фашизмом.

С приходом к власти в 1934 г. президента Карденаса фашистские элементы, проявлявшиеся на федеральном и региональном уровнях, были как бы уравновешены и скрыты антифашистской риторикой и международной деятельностью (осуждение Италии за вторжение в Эфиопию, поддержка испанских республиканцев в годы гражданской войны), а также мобилизацией Конфедерации трудящихся Мексики, руководителем которой Висенте Ломбардо Толедано был убежденным левым противником фашизма. Но даже при Карденасе оставалось заметным наличие губернаторов с «фашистскими чертами», таких, как Роман Йокуписио из штата Сонора (1937–1939 гг.), которого иногда именовали «мексиканским Муссолини», – харизматического националиста антиамериканской и антисемитской направленности, располагавшего поддержкой антикоммунистического Национального союза ветеранов революции. На политической арене действовали также и другие влиятельные политические фигуры, со всей очевидностью дрейфовавшие в направлении к фашизму: генералы Хоакин Амаро, Сатурнино Седильо и Хуан Эндрю Альмасан, возглавлявшие армию, большая часть которой открыто симпатизировала державам Оси [9].

Тот вес, которым обладали фашиствующие элементы на протяжении всего постреволюционного периода, проявился, начиная с 1938 г., и в повороте вправо самого Карденаса, и в еще большей

степени президента Авила Камачо в 1940 г. [10]. В годы Второй мировой войны постреволюционный режим сохранял некоторые черты фашизма (единственная партия, сильный лидер, корпоративизм, национализм). Когда же в 1945 г. влияние и вес фашизма в мире испарились, этот режим стал все яснее приобретать черты латиноамериканского популизма – разумеется, в своеобразной мексиканской форме.

Еще одной средой, в которой угнездился в Мексике фашизм, была интеллигенция. Обычно вспоминают о влиянии в стране коммунистов, имея в виду ведущую роль таких деятелей искусства, как Фрида Кало, Диего Ривера, Альфаре Сикейрос и Тина Модотти. Но наряду с ними в Мексике сказывалось и влияние фашизма. Он был неотъемлемой частью тех европейских по своему происхождению представлений о модернизме, которые завораживали некоторые круги мексиканских интеллектуалов.

В этих кругах доминировал художественный авангард, представленный футуристами (Альфонсо Пальярес), стридентистами* (Маплес Арсе) и сюрреалистами (Леонора Каррингтон). В их среде причудливо переплетались самые различные политические идеологии от фашизма до коммунизма и сходных с ними производных.

В этом плане характерны два интеллектуала, которые выделялись своим открытым сближением с фашизмом: писатель и политик Хосе Васконселос и художник Херардо Мурильо (псевдоним «доктор Атл»). Фашизм Васконселоса был обусловлен его приверженностью культурному авангардизму, противостоявшему космополитичному и материалистичному миру англосаксов.

Полученное Васконселосом образование и окружавшая его среда, в которой были еще сильны идеи позитивизма, способствовали его взглядам, исходившим из необходимости создания новой и сильной Латинской Америки, нацеленной на единство и модернизацию по своим собственным правилам (где духовное превалировало бы над материальным), что позволило бы ей сойти с пути, ведущего к упадку, и сбросить с себя иноземное иго. Васконселос не сразу обнаружил сходство своих взглядов с установками фашизма. Во время посещения им Италии в 1924 г. он скептически отзывался о тамошнем режиме и его усилиях возродить величие древнего Рима, рядясь при этом в неоримские одежды, а в Муссолини видел сходство с латиноамериканским каудильо. Он критиковал «пример высокомерия, который демонстрирует фашизм», и констатировал, что «в первые годы фашистского террора страну наводнил сброд» [11].

Но после того, как Васконселос проиграл президентскую кампанию 1929 г., его идеи быстро эволюционировали. Разочарованный «дрейфом Мексики в сторону демагогии», он счел, что итальянский фашизм способен «бросить вызов материализму и предложить оригинальный культурный проект на основе принадлежности к великому латинскому прошлому». В 1936 г. он писал: «Тот, кто не воодушевится гордостью за эту новую [фашистскую] Италию, тот не достоин принадлежать к латинской цивилизации» [12].

В годы войны Васконселос превратился в активного сторонника держав Оси и возглавил редколлегия журнала «У штурвала» («*Timón*») – влиятельного прогерманского издания. Его решение поддержать Гитлера не должно удивлять. Еще в 1925 г., в своем самом известном произведении «Космическая раса», он уже обращался к расовой тематике и перспективам создания нового сверхчеловека. Этот подход идейно подготовили его к тому, чтобы впоследствии заговорить в унисон с германскими национал-социалистами. Идеализированный Васконселосом метис, «наделенный высшими качествами» и «призванный господствовать над другими», был в какой-то степени латиноамериканским эквивалентом «арийца», воспетого Альфредом Розенбергом. Ко всему прочему, Васконселос верил, что могущественная Германия поможет Латинской Америке нанести решающий удар по «англосаксонским палачам» [13].

Другим близким к фашизму интеллектуалом был художник Херардо Мурильо («доктор Атл»). Он сблизился с фашизмом, двигаясь слева, пройдя «еретически» путь», похожий на тот, который проделал в свое время Муссолини. Мурильо видел в итальянском фашизме духовную и культурную силу, способную разрушить англосаксонское доминирование и основать новую современную цивилизацию с обновленной жизненной энергией. В своих статьях в прессе, собранных под одной обложкой и опубликованных мексиканским отделением итальянского «*Fascio*», он восхищался Муссолини, именуя его «подлинным вождем народов», и исходил поистине утробной ненавистью к «англосаксонскому и еврейскому контролю» над международной финансовой системой [14]. Антисемитизм был для Мурильо чем-то вроде навязчивой идеи.

* Авангардистское художественное течение, сформировавшееся в Мексике в 1920-е гг., впитало в себя черты футуризма, кубизма и дадаизма, одновременно было отмечено чертами народной культуры и социальным содержанием, отражавшим проблематику мексиканской революции 1910–1917 гг. Свое название получило от исп. *estridente* (пронзительный, шумный) – из-за той шумихи, которую поднимали вокруг себя произведения, выполненные в этом жанре. – *Прим. перев.*

Однако открыто поддержать Гитлера он, в конечном счете, так и не решился. Но не из-за убеждений, а из-за действовавших в стране законов военного времени*.

Были в Мексике и другие интеллектуалы, которые так или иначе, пришли к сближению с фашизмом. Например, профессор Национального университета, известный юрист Эдуардо Пальярес и писатель Рубен Саласар Мальен.

Интересно отметить, что и в Италии в 1930-х гг. фиксировалась возросшая притягательность фашизма для мексиканских интеллектуалов, политиков и представителей среднего класса [15]. Некоторые силы в Италии в какой-то момент даже воодушевились казавшейся им мощной потенциальной силой профашистских настроений общест­венности Мексики. Но даже и они никогда всерьез не рассчитывали, что Кальес или Карденас станут открыто эволюционировать в сторону фашистской модели. Вместе с тем при пристальном изучении тех сомнений и той критики, которые высказывались в фашистской Италии в отношении Мексики, можно различить также элементы симпатии и даже восхищения тем, что там происходило. Фашистский писатель Марио Аппелиус, посетивший Мексику в 1928 г., оставил благоприятный отзыв, в котором восхвалял «ее жизненную энергию и усилия, направленные на созидание нации», и «ее героическое сопротивление американскому империализму» [16].

Радикальные группировки

Еще одной зоной, где распространялись фашистские идеи и проекты, были как светские, так и католические радикальные группировки «правых». Следует отметить, что некоторые из них даже отдаленно не напоминают фашистские и не могут быть оценены в этом качестве. Однако именно таковыми их воспринимали как сами их участники, так и противники, включая общественное мнение в целом.

Первым движением праворадикальной направленности была Мексиканская фашистская партия (МФП), созданная в ноябре 1922 г. журналистом и кинопродюсером Густаво Сазнсом де Сисилиа [17]. МФП возникла на волне симпатии к фашистскому движению Муссолини, пришедшему к власти 22 октября того же года. Тогда же по всей Мексике стала распространяться оказавшаяся, правда, скоротечной «мода» на фашизм, продержавшаяся до середины 1923 г. При этом представления о фашизме были весьма смутными и неполными.

МФП быстро привлекла к себе внимание враждебно настроенных к правительству деятелей и группировок, особенно принадлежавших к

католическим кругам. Это серьезно встревожило правительство и профсоюзы. В свою очередь, итальянские наблюдатели оценили происходившее скептически. В августе 1923 г. итальянский посол в Мексике граф Нани Мочениго направил Муссолини (на тот момент премьер-министру и министру иностранных дел Италии) доклад, негативно оценивавший роль, которую играли фашисты. «Эта партия [МФП], – писал он, – представляет собой всего лишь дурную копию нашей, ее происхождение и цели отличаются от наших. Вернее, это политическое движение, стремящееся объединить по всей стране старых консерваторов и католиков, – силы, рассеянные революцией, и сформировать партию, полностью противоположную нынешнему правительству. [...] Правительство генерала Обрегона, правомерно обеспокоенное этим обстоятельством, быстро вмешалось в ситуацию: через подотчетные ему органы [печати] оно подняло яростную кампанию против фашизма и приступило к процедуре высылки папского посланника монсеньора Эрнесто Филиппи, который [...] рассматривался мексиканцами как глава данного движения» [18].

Хотя папский посланник был, без сомнения, «невинновен», все же между мексиканским фашизмом и Католической ассоциацией мексиканской молодежи во главе с Рене Капистраном Гарсой, а также мексиканским духовенством имелись связи. При этом уровень их контактов был существенно преувеличен местной и иностранной прессой. Так, в статье «Нью-Йорк Таймс» сообщалось, что лидер мексиканского фашизма был «одним из наиболее преданных последователей католической церкви в Мексике» и что между церковью и фашизмом «могли существовать связи». Правда, тут же публиковался ответ архиепископа, опровергавший эти обвинения [19].

Во всяком случае, было доподлинно известно, что в новом движении насчитывалось немало католиков, что само по себе казалось тогда парадоксом, поскольку в Италии фашизм зародился в антиклерикальных кругах [20]. Журналист «Нью-Йорк Таймс» Карлтон Билс считал, что мексиканский фашизм не был эквивалентен итальянскому в том числе и потому, что первый носил явно выраженный католический характер: «Итальянский фашизм был в основном антикатолическим. Члены Католической партии подвергались нападениям и отстранялись от своей деятельности. Священни-

* Мексика воевала во Второй мировой войне на стороне союзников (в феврале 1945 г. ее авиаэскадрилья участвовала в боях на тихоокеанском театре военных действий, а 14 тыс. военнослужащих сражались в составе армии США). Разорвала дипломатические отношения со странами Оси 11 декабря 1941 г., объявила им войну 22 мая 1942 г. – *Прим. перев.*

ков захватывали прямо перед алтарем и подвергали наказаниям. Хотя Муссолини намеревался примириться с духовенством и сделал шаги по пути сближения с Ватиканом, ему пришлось [под давлением антиклерикалов] исключить членов Народной партии из своего правительства [21]. [В отличие от этого] в Мексике многие лидеры новых фашистских групп являются католическими священниками или членами организаций мирян-католиков. Антиклерикалы обвиняли церковь в щедром финансировании [фашистского] движения» [22].

Газеты «Сэтэдей Ивнинг Пост» и «Нью-Йорк Трибюн» также публиковали статьи о распространении фашизма к югу от Рио-Браво* и выявляли его связи с католичеством. Газета «Универсаль» также давала понять, что Эрнесто Филиппи был тайным лидером мексиканского фашизма [23]. Со своей стороны газета «Эль демократа» утверждала, что мексиканское духовенство было не прочь выделить «10 млн песо» на дело победы фашистской партии [24].

Шумиха вокруг участия католической оппозиции в МФП и стала подлинной причиной распоряжения Обрегона о высылке папского посланника, послужившей первым шагом к кровопролитной гражданской войне 1926–1929 гг.**

После ухода МФП с политической арены (в связи с чем итальянская дипломатия, опасавшаяся ухудшения двусторонних отношений, вздохнула с облегчением) в Мексике больше не было партий, поддерживавших прямые связи с фашизмом. Что же касается так называемого «максимата» (1928–1934 гг.), то, как об этом уже шла речь выше, для него – как на общенациональном, так и на региональном уровне – были характерны лишь некоторые фашистские черты. Находившееся в 1929 г. в оппозиции движение во главе с Васконселосом*** не было тогда фашистским. Скорее его можно квалифицировать как популистское. Но таким же популистским, с различными оттенками, было и само тогдашнее правительство.

Но в 1935 г., после прихода к власти Л. Карденаса, политическая панорама полностью изменилась. Тогда, с целью нейтрализации того, что расценивалось как дрейф правительства в сторону коммунизма, а также для защиты обедневшего среднего класса, возник целый спектр новых организаций [25]. В 1936 г. Саэнс Сисилия и часть бойцов МФП основали новую группу консервативной и антикоммунистической направленности под названием Конфедерация среднего класса (КСК) с придатком в виде Мексиканской националистической молодежи. В этот период возникают также следующие группировки: Комитет в защиту расы,

Мексиканское гражданское действие, Антикоммунистический фронт, Мексиканская социал-демократическая партия. Особенно выделялось «Мексиканистское революционное действие» (МРД).

Следует также упомянуть две организации, которые часто квалифицируют как «скрыто фашистские» и которые действуют по сей день: образованный в 1937 г. Национальный синархистский союз (НСС) и созданная в 1939 г. Партия национальное действие (ПАН****). Несмотря на некоторые сенсационные утверждения [26], ПАН не имела связи с фашизмом. Об этом свидетельствует дотошное изучение итальянских документов того периода [27]. Кроме того, идеология ПАН зиждется на несовместимом с фашизмом либерализме христианско-демократического оттенка [28]. По-иному обстояло дело с Национальным синархистским союзом. Он демонстрировал некоторые фашизоидные черты: униформу, многотысячные марши, символы, симпатию к авторитарным антикоммунистическим режимам и к испанской Фаланге. Вместе с тем НСС отвергал насилие, использовал правовые методы борьбы и черпал вдохновение не столько в идеях Фаланги или Итальянской фашистской партии, сколько в социал-христианской доктрине. В 1970-е гг. подозрение в «фашизме» НСС уже было развеяно историком Жаном Мейером [29], и данный вывод был подтвержден недавними исследованиями [30].

Конечно, во взвинченной атмосфере 1930-х гг. с их безудержной полемикой и неизбежными преувеличениями было нетрудно объявить синархизм фашистским движением. Ведь оно к тому же (в отличие от других оппозиционных организаций) действительно отличалось массовостью, достигнув в 1944 г. отметки в 500 тыс. чел. (как активистов, так и рядовых членов). Точно так же и у «кристерос»

*Эта река, которая в отечественной традиции (вслед за ее аналогичным наименованием в США) называется Рио-Гранде, служит естественной границей между Мексикой и США. В связи с этим выражение «к югу от Рио-Гранде» означает «в Латинской Америке», «на южноамериканском континенте». В данном случае речь идет о «распространении фашизма в Мексике». – *Прим. перев.*

**Движение или война «кристерос» 1926–1929 гг. – вооруженная борьба между правительством и радикальными католиками, которые боролись против законодательства (вытекавшего из ст. 130 Конституции 1917 г.), лишавшего церковь собственности и запрещавшего ей участие в политике. – *Прим. перев.*

***В 1929 г. Х. Васконселос как оппозиционный политик решил принять участие в президентских выборах, на которых ему противостоял одержавший в итоге победу правительственный кандидат П. Ортис Рубио. – *Прим. перев.*

****Русская аббревиатура данной партии – ПНД, но в российской латиноамериканистике ее принято называть на мексиканский манер – ПАН. Именно в этой, мексиканской, аббревиатуре она уже упоминалась в начале данного раздела статьи. – *Прим. перев.*

(активного «католического сопротивления») в годы религиозного конфликта) нельзя обнаружить черты фашизма. Не было бы необходимости специально говорить здесь об этом, если бы не существовали работы, которые включают данные движения в список фашистских на том основании, что они были «правыми» и «антиреволюционными».

Что же касается организации «Мексиканистское революционное действие», члены которого называли себя «золотыми рубашками», то это была малочисленная группа, возникшая как ударный отряд, которым незримо руководило правительство, желая «держат в узде» левые рабочие организации. Несмотря на свое название и фашизоидный стиль, «золоторубашечники» имели мало общего (либо вообще не имели ничего общего) с фашизмом. Без идеологического флера, без авторитета в массах, без харизматического лидера – они были слишком элитарными, чтобы стать фашистами. Так об этом писали итальянские обозреватели, которые всегда презрительно отзывались о «золотых рубашках» и основателе их движения Николасе Родригесе. Предполагаемый фашизм МРД проявился в абсолютно поверхностных влияниях, и поэтому некорректно включать его в «фашистскую семью» только на основании присущей «золоторубашечникам» эстетики, антисемитизма и использовавшегося ими насилия [31].

Черты фашизма можно, скорее, найти в таких группировках, как Конфедерация среднего класса, Национальный союз ветеранов революции (НСВР) и Мексиканская социал-демократическая партия. Но эти группировки не были широко распространены. Да к тому же, несмотря на исследования Переса Монфорта [32], они вплоть до сегодняшнего дня мало изучены.

«Импортный» фашизм: итальянцы, немцы, испанцы в Мексике

Если в отношении признания черт фашизма в радикальных оппозиционных движениях либо в правительстве существуют сомнения или возражения, то гораздо легче обнаружить «завершенный» фашизм в среде европейских иммигрантов (итальянцев, немцев, испанцев), поскольку он распространялся в этой среде и как продукт прямого идеологического влияния стран происхождения, и как результат активной деятельности соответствующих европейских партий за рубежом.

В германской диаспоре с 1931 г. распространялось, хотя и не без трудностей, влияние НСДАП. В 1935 г. национал-социалистическая организация, возникшая в Мексике, приняла внутреннее наименование «Сообщество немецкого народа», а

перед местными властями выступала как «Германский центр». Распространение национал-социализма среди немцев в Мексике было широким, но не тотальным, и определялось не столько идеологическими причинами, сколько соотношением сил внутри немецкой колонии. Немцы в Мексике (как и итальянцы) считали естественным, что новый авторитарный националистический режим на их исторической родине стал выразителем обновленного величия, которое проецируется на весь мир, отражаясь на положении эмигрантов. Вопросы идей не поднимались, в них не углублялись. Скорее всего, предполагалось как само собой разумеющееся, что для всех эмигрантов позитивную роль играет сильный национализм. При этом немцы старались избегать участия в политической жизни Мексики, поскольку это могло навредить им как сообществу иностранных иммигрантов [33].

Среди мексиканских испанцев, начиная с 1937 г., была распространена так называемая «Зарубежная фаланга». Будучи разделенной отношением к гражданской войне в Испании, испанская община в своем большинстве все же симпатизировала Франко. При этом благодаря своим историческим и культурным связям с Мексикой испанская диаспора занимала в стране особое место. Она с большей легкостью интегрировалась в ее политическую жизнь, находя свое место преимущественно в традиционалистских, консервативных кругах.

Важно отметить, что подлинно фашистский характер был присущ только Фаланге (а также ХОНС*). Коалиция «национальных» сил, возглавляемая Франко, в своем большинстве состояла из военных и клерикально-традиционалистских католиков, не очень склонных к национал-социализму. Но противники этой коалиции считали ее фашистской, особенно после того, как она была поддержана режимами Муссолини и Гитлера. В силу этого «Зарубежная фаланга» вызывала в Мексике гораздо большую тревогу и негативную реакцию, чем «импортированные» фашистские организации, действовавшие среди немцев и итальянцев.

«Зарубежная фаланга», центром которой было Испанское казино**, вела активную пропаганду, а также вербовала испанских и мексиканских добровольцев на войну против «красных» в Испании.

*Хунты национал-синдикалистского наступления (ХОНС) – первая фашистская политическая партия в Испании, была создана в 1931 г., в 1934 г. объединилась с Испанской Фалангой (ИФ-ХОНС). – *Прим. перев.*

**Испанское казино – с 1860-х гг. название учреждений и ассоциаций, собиравших вокруг себя испанских иммигрантов за пределами Испании; существовали в Мексике, на Кубе, в Аргентине и на Филиппинах. Испанское казино в Мексике было основано в 1862 г. – *Прим. перев.*

Весьма показательно, что правительство Карденаса, поддерживавшее республиканцев, проявляло отчетливую терпимость по отношению к деятельности фалангистов. Возможно, она была некоей «платой» за то, что антифранкистским организациям предоставлялось гораздо более широкое поле деятельности, а затем страна приняла 25 тыс. иммигрировавших республиканцев [34].

Итальянская община Мексики была распылена и малочисленна (менее 10 тыс. чел.). Национальная фашистская партия (НФП) присутствовала в ней в виде так называемых зарубежных *«fasci»*, число которых с 1928 по 1932 гг. выросло до девяти тысяч. С 1927 г. они уже не пребывали в прямом подчинении НФП, а зависели от созданной специально для них секции Министерства иностранных дел, что позволяло координировать их деятельность, используя дипломатическую сеть. Членам этой секции было запрещено присоединяться к зарубежным фашистским или родственным им политическим организациям. Она предназначалась лишь для эмигрировавших итальянцев и не должна была превращаться в орган пропаганды фашизма.

Вообще же фашизм как идеология проникал в итальянскую общину Мексики очень легко, не внося в нее раскола, поскольку воспринимался как отвечающее духу времени проявление патриотизма по отношению к исторической родине. Итальянцы, концентрировавшиеся в городах, на крупных фермах и в ряде сельских поселений, использовали приход фашизма для усиления сплоченности своего сообщества, укрепления идентичности и стимулирования национальной гордости [35]. Особенно показательным в этом смысле слыл опыт сельского поселения Чипило, расположенного около г. Пуэбла, расхваливавшийся итальянцами-иммигрантами как пример итальянской колонии, расположенной в Латинской Америке [36]. Мексиканское правительство терпимо относилось к деятельности *«fasci»*, так как они не представляли сколько-нибудь серьезной политической угрозы.

Между находившимися в Мексике фалангистами, итальянскими фашистами и германскими национал-социалистами не было прямого сотрудничества ни во время гражданской войны в Испании, ни после образования Оси и начала Второй мировой войны. Доступные на сегодняшний день документы не дают оснований предполагать наличия каких-либо совместных действий этих организаций и тем более – формирования гипотетической «фашистской» или «нацифашистской» «пятой колонны».

Подводя итоги, следует отметить, что между итальянскими фашистами и испанскими национа-

листами (не только фалангистами) шла конкуренция за культурное влияние в Мексике, скрывавшаяся за спорами о том, что важнее для историко-культурных корней всех латиноамериканских стран – общее культурное наследие, восходящее к древнему Риму и связанное с этим все «латинское» (в случае итальянцев), либо историческая общность испаноязычных народов, так называемая «испанидад» (в случае испанцев). Ввиду альянса Франко и Муссолини во время гражданской войны в Испании эта конкуренция несколько притупилась, но все равно затрудняла отношения между итальянцами и испанцами.

Заключение

Итак, возвратимся к начальному вопросу: можно ли обнаружить в Мексике феномен фашизма? Ответ на этот вопрос, несомненно, положительный. Вместе с тем необходимо пересмотреть применявшиеся вплоть до сегодняшнего дня аналитические приемы и изменить исследовательскую оптику, в которой весь туманный и неопределенный лагерь «правых» представал как единое целое, а главными его субъектами считались антиреволюционные и консервативные силы.

В Мексике фашизм присутствовал прежде всего в период постреволюционного государства, которое, находясь под явным европейским (особенно итальянским) влиянием, развивалось самостоятельно как авторитарный, корпоративный, националистический, модернизационный режим с опорой на «массы» (если выделить здесь черты, характерные для исследуемой эпохи и ставшие причиной возникновения различных видов европейского фашизма). Конечно, этих элементов недостаточно для включения мексиканского политического эксперимента в разряд «фашистских». Гипотетическая «фашистская Мексика» не смогла возникнуть по разным причинам: это и относительно отсталая социально-экономическая структура с еще малочисленным средним классом и лишь зарождавшейся индустриализацией, и находившееся в зачаточном состоянии модерное государство, на которое давило традиционное общество в лице крестьянских общин.

Надо также иметь в виду, что, даже не будучи фашистскими, постреволюционные режимы Мексики фактически соответствовали многим особенностям фашистских режимов. Неудовлетворенность и опасения среднего класса по поводу возможного дрейфа государства в направлении «коммунизма» не были достаточными условиями для формирования открыто фашистской альтернативы, они лишь служили сдерживающим началом,

корректировкой того радикального пути к «левизне», который предпринял Карденас в интересах рабочих и крестьянских масс.

Можно, конечно, выявить незначительный маргинальный фашизм, характерный для некоторых радикальных групп и для общин иммигрантов. Но фашизмом определенно не были ни синархизм, ни «золотые рубашки» (за исключением сближавших их с фашизмом некоторых, хотя и поверхностных; эстетических черт), ни, конечно же, ПАН.

Примечания:

1. Payne, S.G. *Il fascismo*. – Roma, 1999. – P. 345.
2. Knight, A. «No menciones la palabra que empieza con F!» El fascismo mexicano en un panorama interpretativo // *Revolución y exilio en la historia de México / Coords. J. Garcíadiego y F. Katz*. – México, 2010. – P. 271–297.
3. О мексиканской революции имеется огромное количество исследований. Здесь я отмечу только одно из наиболее важных: Meyer, J. *La revolución mexicana*. – México, 1991.
4. Проведенный мной анализ итальянских источников приносит важные данные и определяет направление поиска, но все равно остается задача провести более глубокие и уточняющие исследования. См.: Savarino, F. *México e Italia. Política y diplomacia en la época del fascismo, 1922–1942*. – México, 2003.
5. В статье «Мексика» в Итальянской Энциклопедии [Enciclopedia Italiana. – Roma, 1933 – suplemento 1938. – P. 836] НРП характеризуется как идентичная итальянской Национальной фашистской партии и германской НСДАП.
6. Savarino, F. *México e Italia ...*
7. Необходимо отметить, что евгеника и до некоторой степени внимание к расовым признакам, которые призывали к созданию нового человека – более здорового и более сильного, были частью политической культуры модернизма и социализма того времени, не исключая СССР и, конечно, различные фашистские режимы. При анализе фашизма эти элементы предстают как более значимые, чем антисемитизм, который в общем и целом присущ достаточно разнородным социально-политическим силам. По этой теме см.: Mocek, R. *Socialismo revolucionario y darwinismo social*. – Madrid, 1999.
8. Savarino, F. *Fascismo en América Latina: la perspectiva italiana (1922–1943)* // *Diálogos*. – 2010. – Vol. 14, № 1 – P. 39–81.
9. См.: Ortiz Garza, J.L. *Ideas en tormenta. La opinión pública en México en la Segunda Guerra Mundial*. – México, 2007. – P. 47–50.
10. См.: Sherman, Jh.W. *The Mexican Right. The End of Revolutionary Reform, 1929–1940*. – Westport–London, 1997; а также: Schuler, F.E. *Mexico between Hitler and Roosevelt. Mexican Foreign Relations in the Age of Lázaro Cardenas, 1934–1940*. – Albuquerque, 1998.
11. Vasconcelos, J. *El Desastre* // Vasconcelos, J. *Memorias II*. – México, 2003. – P. 395.
12. Vasconcelos, J. *¿Que es el Comunismo?* – México, 1936. – P. 91.
13. О Васконселосе и фашизме см. дипломную работу по историческим наукам: Estrada Roldán, M. *Simpatías silenciadas: la proximidad ideológica de José Vasconcelos al fenómeno fascista: Tesis de Licenciatura en Historia*. – México, Escuela Nacional de Antropología e Historia, 2011.
14. «Муссолини обладает тремя качествами, которые возвышают его над всеми государственными деятелями нашего времени: способность к умственному сосредоточению, отвага и необыкновенная сила характера [...]. Римский диктатор – подлинный вожь народов и первый после Наполеона, кто преодолевает границы собственной страны с целью нести во внешний мир принципы своей политики»: «Benito Mussolini» [статья Херардо Мурильо в: *Excelsior*, Ciudad de México, 21 de septiembre 1935], в кн.: *La defensa de Italia en México por el Dr. Atl*. – México, 1936. – P. 43–44.
15. Savarino, F. *México e Italia ...* – P. 95–121.
16. Appellius, M. *L'Aquila di Chapultepec*. – Milano, 1933. (1929) О политике итальянского фашизма в Латинской Америке см.: Savarino, F. *En busca de un “eje” latino: la política latinoamericana de Italia entre las dos guerras mundiales* // *Anuario del Centro de Estudios Históricos Prof. Carlos A. Segreti*. – 2006. – P. 239–261; а также: Savarino, F. *Juego de Ilusiones. Brasil, México y los «fascismos» latinoamericanos frente al fascismo italiano* // *Historia Crítica*. – 2009. – № 37. – P. 121–147.
17. Густаво Сээнс де Сисилиа (1888–1950 гг.) – инженер, журналист и кинорежиссер, журналистский псевдоним – «Петух». В своих антикоммунистических настроениях был поддержан газетами «Эксельсиор» и «Омега». О мексиканском фашизме и его связях с итальянским фашизмом см.: Savarino, F. *México e Italia ...*, в частности, P. 96–97.
18. Archivio Storico del Ministero degli Affari Esteri (ASMAE), AP 1919–1930, Messico, 1438, «Situazione generale interna», Nani Mocenigo a Mussolini, 31 de agosto de 1923. Джованни Баттиста Нани Мочениго был послом Италии в Мексике в 1921–1924 гг.
19. Mexican Prelate Denies Fascist Aid. Archbishop, in Church Newspaper, Asserts Church Does Not Back Movement // *New York Times*. – 1922. – Dec., 27.
20. См.: Savarino F.; Mutolo, A. *Los orígenes de la Ciudad del Vaticano. Estado e Iglesia en Italia, 1913–1943*. – México, 2007.
21. Здесь речь идет о католической Итальянской народной партии, Partito Popolare Italiano.
22. См.: Beals, C. *The Mexican Fascisti* // *Current History*. – 1923. – Vol. 19, № 2. – P. 257–261, приведенная цитата – на с. 260.
23. *El Universal*. – 1923. – 28 de ener.
24. *El Demócrata*. – 1923. – 27 de marzo.

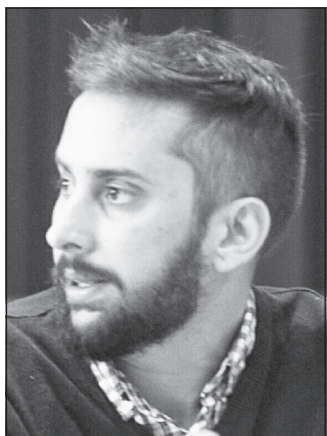

25. См.: *Schuler, F.E.* The Mexican Right ...; см. также: *Pérez Montfort, R.* Por la patria y por la raza. La derecha secular en el sexenio de Lázaro Cárdenas. – México, 1993.
26. *Barajas Durán, R.* La raíz Nazi del PAN. – México, 2014.
27. *Savarino, F.* México e Italia
28. *Hernández, T.* El Partido Acción Nacional y la democracia cristiana // *Perfiles Latinoamericanos*. – 2011. – № 37, enero-junio. – P. 113-138.
29. *Meyer, J.* ¿El sinarquismo: un fascismo mexicano? 1937–1947. – México, 1979.
30. *Hernández García de León, H.* Historia política del Sinarquismo, 1934–1944. – México, 1999.
31. *Gojman de Backal, A.* Camisas, escudos y desfiles militares. Los Dorados y el antisemitismo en México (1934–1940). – México, 2000.
32. *Pérez Montfort, R.* Por la Patria ...
33. *Radkau, V.* «Los nacionalsocialistas en México // *Von Mentz, B.; Radkau, V.; Spenser, D.; Pérez Montfort, R.* Los empresarios alemanes, el Tercer Reich y la oposición de derecha a Cárdenas. – Tomo II. – México, 1988. – P. 143-196.
34. *Pérez Montfort, R.* Hispanismo y Falange. Los sueños imperiales de la derecha española. – México, 1992. – P. 134-154.
35. *Savarino, F.* Bajo el signo del «Littorio». La comunidad italiana en México y el fascismo (1924–1941) // *Revista Mexicana de Sociología*. – 2002. – Vol. LXIV, № 2. – P. 113-139; *Savarino, F.* Nacionalismo en la distancia: los italianos emigrados y el fascismo en México (1922–1945) // *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*. – 2012. – № 11. – P. 41-70.
36. *Savarino, F.* Un pueblo entre dos patrias. Mito, historia e identidad en Chipilo, Puebla (1912–1943) // *Cuicuilco*. – 2006. – vol. 13, № 34. – P. 277-291.

УДК 94:329.18(8=6)«19»
ББК 63.3(70)6-3

(НЕО)ФАШИЗМ И ДИКТАТУРЫ В СТРАНАХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ЮЖНОГО КОНУСА*: ОТ СТАРЫХ ВЗГЛЯДОВ К НОВЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ

Одилон Калдейра Нету,
профессор истории,
Федеральный университет Риу-Гранди
(Бразилия)
odiloncaldeiraneto@gmail.com

Перевод с португальского Л.С. Окуневой

Аннотация. Латиноамериканские диктатуры 1960-х гг. в период от момента собственно военных переворотов вплоть до консолидации режимов сделали возможным развитие неофашизма как явления и как способа действия. Цель данной статьи – показать связь бюрократии ряда военных режимов стран Южного конуса с неофашистскими организациями и выявить сложность данного процесса.

Ключевые слова: неофашизм, диктатуры, Латинская Америка.

(NEO) FASCISM AND DICTATORSHIPS IN THE SOUTHERN CONE: BETWEEN OLD AND NEW PROSPECTS

Odilon Caldeira Neto, Professor of History,
Federal University of Rio Grande, Brazil

Abstract. The Latin American dictatorships (from the military coups up to the regimes' consolidation) made possible the development of neofascism as a phenomenon and as a *modus operandi*. This article aims both to indicate a relationship between the South Cone military regimes' bureaucracy and neofascist organizations and to show the sophisticated and complex character of this process.

Key words: neofascism, dictatorships, Latin America.

Введение: какой (нео)фашизм?

«Долой фашизм!» – этот главный лозунг, широко распространенный в межвоенной Европе, мог бы остаться актуальным и в Латинской Америке, хотя и в иных условиях, и в иных «одеяниях». С окончанием Второй мировой войны в западном мире укоренился так называемый дуализм «свобода – авторитаризм», однако его отражение в разных странах и его конкретная политическая практика были весьма различны, если подчас не противоположны друг другу. В отличие от длительного господства либеральной демократии период, последовавший за эпохой доминирования «классического фашизма», принес с собой авторитарные

режимы, государственный терроризм и глубокое недоверие в отношении различных слоев населения латиноамериканских стран.

31 марта – 1 апреля 1964 г. [1] в Бразилии произошел военный переворот, сместивший со своего поста президента Жоау Гуларта. После краткого периода развития в условиях демократии крупнейшая латиноамериканская страна попала в тиски военно-авторитарного правления, которое осуществля-

* Страны Южного конуса латиноамериканского континента – Бразилия (географически сюда относятся лишь ее южные штаты), Аргентина, Уругвай, Парагвай, Чили; иногда (в большей степени в геополитическом плане) сюда же относят и Боливию. – Прим. перев.

лось в сговоре с консервативными слоями общества (военными, гражданскими, в сфере СМИ) и с политическим классом, не говоря уже о том, что оно отвечало интересам международных сил и должно было оправдать их усилия. Началась интенсивная фаза очередной авторитарной волны, обладавшей относительно новыми чертами: прежде всего речь идет о центральной роли военных и об отсутствии харизматического лидера – характеристиках, столь присущих популистским режимам Ж. Варгаса и Х.Д. Перона, а также и собственно фашизму.

На деле диктатуры «периода после 1964 г.» возникли как побочный продукт «холодной войны» на волне антикоммунизма, неразрывно связанного с образом внутреннего или внешнего врага, а также с политическими последствиями Кубинской революции 1959 г. Военный переворот в Бразилии был «подхвачен» соседними странами, хотя и с некоторыми поправками на исторические и структурные особенности. В 1973 г. в Уругвае началась диктатура, продлившаяся 12 лет. В том же самом году в Чили был свергнут президент Сальвадор Альенде и к власти пришел генерал Аугусто Пиночет, правивший страной вплоть до 1990 г. В 1976 г. настал черед Аргентины: был свергнут президент Исабель Перон, и в стране установилось правление военной хунты, продолжавшееся до 1983 г.

Вскоре после установления данных диктатур (которые в политической теории получили название «военные режимы», «гражданско-военные диктатуры», «военные диктатуры» и тому подобное) в политической науке начинаются дебаты о природе феномена авторитаризма. Так же, как это случилось при осмыслении режимов 1930-х–1940-х гг. (прежде всего в Бразилии и Аргентине), вначале многие исследователи склонялись к их характеристике как фашизоидных режимов, т.е. не чисто фашистских, а лишь имевших фашистские черты в идеологии и практической политике.

Данный анализ как бы перешагнул через старые споры о том, является ли фашизм «движением» или «режимом», – споры, которые получили отражение в работах по фашистской Италии таких авторов, как Ренцо де Феличе и Эмилио Джентиле. В случае же Латинской Америки речь шла о таком контексте, который, если и не был реально антифашистским, то не был и «фашистским». Помимо того, что с 1945 г. международное сообщество стало все более нетерпимым к любым проявлениям фашизма, в странах Южного конуса в 1964–1976 гг. не осталось ни одной «классической» фашистской организации, которая могла бы оказать определяющее влияние на возникавшие диктатуры. Таким образом, это мог бы быть фашизм без опоры на ранее

возникшее фашистское движение или даже фашизм без фашистского правления. В чем же, в таком случае, корень споров?

В 1970-х гг. в общественных науках стран Латинской Америки началась дискуссия о том, возможно ли прийти к консенсусу (в теоретическом и аналитическом плане) по вопросу о сущности «латиноамериканского фашизма» [2], причем фашизма не как особой политической идеологии, а родовой модели, в рамки которой можно было бы «поместить» тогдашние недавно возникшие военные режимы. Подобного рода дискуссия должна была привести к пониманию того, имеются ли общие характеристики и сходство между теми видами фашизма, которые существовали в межвоенный период в Европе, и авторитарными режимами 60-х–80-х годов прошлого века в Бразилии, Аргентине, Уругвае и т.д. Речь шла не столько о том, чтобы с позиций господствовавшего тогда в академических исследованиях марксистского подхода выявить различия между этими диктатурами, сколько понять структурное взаимовлияние при чередовании моделей «зависимо-капиталистического развития» и национального развития, основанного на идеях национал-реформизма, или десарролизма.

Кроме того, участники этих дебатов стремились дистанцироваться от концептов «франкфуртской школы» с ее понятиями «авторитарной личности» [3] или «шкалы Ф» (*теста на определение степени авторитарности личности, где «Ф» обозначает «фашизм»*. – Прим. перев.), а также от многочисленных интерпретаций теории тоталитаризма. В конечном счете данный анализ основывался прежде всего на характере государств (их структуры, принципов решения проблем, имевшихся у них международных связей и экономического сотрудничества), а не на роли индивидуумов и их положения в обществе и не на политической мобилизации масс.

К консенсусу в отношении терминов или определенных концептов исследователи шли разными путями. Большая их часть, которая оценивала режимы как фашистские, исходила из того, что фашизм был выражением развитого капитализма. Подобный подход предполагал новое видение, принимая во внимание влияние Кубинской революции и последовавшую за этим необходимость ей противостоять. Карлос Муньос [4] считал, что «зависимый фашизм» будет выполнять роль «охранителя» процесса перехода «зависимого капитализма» к стадии «монополистического капитализма» – перехода, обусловленного экспортоориентированной индустриализацией, отсутствием мобилизации трудящихся и среднего класса, распространением идей

«общества потребления». Что же касается отношений с США, то им отводилась не обычная, а доминирующая роль.

С подобным подходом, хотя и с некоторыми оговорками, был солидарен Альваро Брионес [5]. Он считал, что кризис «пост-бреттон-вудской» модели капитализма способствовал тому, что главным содержанием внутренней и внешней политики по отношению к «государству-нации» стал экономический аспект. В силу этого страны, зависимые от империалистических держав в экономическом и политическом отношении, будут более восприимчивы к последствиям обострения «кризиса зависимости» и будут, скорее всего, выбирать «империалистические» средства для его преодоления.

У стран «зависимого капитализма», по мысли Брионеса, оставались два основных, но весьма различавшихся между собой варианта развития: путь национального развития на основе десарролизма и популистской модели либо «противоречивый вариант проимпериалистического национализма» – «неофашизма», как называет его автор. Столкновение этих вариантов развития было свойственно именно латиноамериканским странам как раз в силу того, что в данном регионе существовала наиболее глубокая, тесная и ярко выраженная зависимость от империалистических стран, прежде всего от США. По мысли приверженцев данного подхода, национализм в условиях такого «неофашизма», стремившегося к прибылям мирового империализма, был весьма приглушен.

Брионес подчеркивает, что для поддержания «неофашистского» режима (и для характеристики такового как неофашистского) были необходимы авторитарные и репрессивные методы социального контроля, сопровождаемые «антикоммунистической истерией», что сближало бы его с «историческим фашизмом». Он высказывается в пользу того, чтобы называть этот режим неофашистским, поскольку в его лице мы сталкиваемся с «фашизмом в условиях зависимого капитализма», в силу чего здесь отсутствуют массовая мобилизация и выраженный национализм (это связано с полной и неограниченной открытостью по отношению к иностранному капиталу, как это формулирует сам автор). Брионес считает, что на тот момент самые яркие модели неофашизма проявились в Бразилии, Чили и Аргентине, но с некоторой натяжкой такое определение можно применить и к другим странам. В рамках подобной модели, по его мнению, могли иметь место лишь два пути развития латиноамериканских стран: «субимпериализм» (или неофашизм) либо противоположный путь – социализм.

Что касается других авторов, то они выносили на первый план репрессивные методы как главную характеристику, которая могла бы сообщить военным диктатурам качество «неофашистских». Как считает Карлос Рама [6], такие черты, как пытки, ссылки, даже просто принудительный труд, говорили о совпадении с фашизмом. Исследователь проводит детальный анализ, который позволяет не только вывести феномен неофашизма из «идеального типа военной диктатуры», но и дает типологию отношений между различными вариантами диктатур.

В определенный исторический момент диктатуры Бразилии, Аргентины, Чили, Уругвая сосуществовали с такими режимами, как парагвайский, гаитянский, никарагуанский. Последние три режима характеризовались как «классические диктатуры» под американским, конечно же, протекторатом. Неофашистские же диктатуры рассматривались как «ультранационалистический субимпериализм» (Бразилия) либо режимы, действующие в ареале «субимпериализма» (Боливия, Уругвай), либо даже как подчиненные «колониальному неофашизму США и Бразилии» (Чили). Подобная классификация носит весьма упрощенный и даже неверный характер, но вместе с тем она показывает как влияние этих диктатур – политическое, временное или просто территориальное, что видно на примере Бразилии, – так и отношения зависимости, существовавшие между самими этими странами.

В любом случае совершенно очевидно, что споры были сведены к обсуждению весьма специфических моментов – не к теоретико-аналитическим рассуждениям, а к политическим противоречиям. Данное течение, в рамках которого существовали многочисленные подходы, можно рассматривать как непосредственное отражение взглядов поколения исследователей, жившего в условиях авторитарных режимов: эти режимы были сложными, отличались друг от друга, но в определенных моментах совпадали – а именно в применении принуждения и преследования. Однако с течением времени популярность такого подхода уменьшилась, и ныне совсем немногие авторы настаивают на том, что латиноамериканские диктатуры второй половины XX в. были фашистскими или «неофашистскими».

С другой стороны, тот факт, что в странах Южного конуса не было диктатур неофашистского типа, не означает отсутствия движений неофашистского толка, которые проявляли себя и в попытках переворотов, и в радикализации авторитарных режимов, и даже в попытках фашизации этих режимов; нельзя не учитывать и участие в диктатурах отдельных личностей и целых организаций неофа-

шистского типа. Чтобы не погружаться в обширную дискуссию о самом концепте неофашизма, мы рассмотрим в данной статье два дополнительных параметра: организации и политические идеологии, примыкающие к «историческому фашизму» (т.е. к той идеологии, которая возникла в межвоенный период в Европе), и персонажи и лидеры, которые, пройдя через фашистские организации 1930-х гг., пытались перенести ключевые пункты их идеологии в эти диктатуры.

В силу этого необходимо воспринимать неофашизм как практики, связанные с «историческим фашизмом» в «пост-фашистский» период [7]. В конце концов, хотя эти режимы и не были фашистскими, правоавторитарные режимы, навязанные различным латиноамериканским странам, несомненно, создали благоприятную политическую почву для радикальных организаций. Также следует отметить, что в данной статье нет цели рассмотреть все подобные организации или все диктатуры подобного рода, а только уяснить, как случилось так, что в ряде стран произошли сходные процессы как в плане проникновения неофашизма во властный аппарат диктаторских режимов, так и в плане радикализации в направлении неофашизма.

Различные виды фашизма, фашисты и авторитарные режимы после 1964 г.

Начиная с 1960-х гг. праворадикально настроенные военные отходят от свойственных им чисто военных функций и начинают заниматься политикой, а также получают назначения на посты вне военной сферы (впрочем, это не значит, что до этого периода военные в странах Южного конуса не имели никакого отношения к политике, особенно когда на высокие посты назначались сторонники праворадикальных взглядов). Кроме того, авторитарная политическая культура с фашистскими чертами оставалась в достаточной степени распространенной, особенно в таких странах, как Бразилия, Аргентина и Чили.

Как показывает Сандра Дойч [8], в Аргентине и Чили данные тенденции получили свое развитие, начиная с «Националистических лиг», хронологически совпадавших с периодом Первой мировой войны и продолживших свою деятельность в 1920-е гг.; они предварили собой «новую волну» фашизма. В Бразилии наиболее крупным политическим образованием праворадикального толка было «Бразильское интегралистское действие» (1932–1937 гг.), которое представляло собой не только первую массовую политическую организацию, располагавшуюся на правом фланге, но и наиболее эффективно действовавшее внеевропейское фашистское политическое

движение межвоенного периода, хотя ему и не удалось прийти к власти [9].

Влияние фашизма проявлялось не только в политических организациях, но также и в деятельности авторитарных режимов (особенно, как указывалось выше, в Бразилии и Аргентине). Некоторые авторы считают, что данный феномен был свойственен не только двум крупнейшим южноамериканским странам, но и Парагваю. Хотя долго длившаяся там диктатура генерала Альфредо Стресснера (1954–1989) возникла после окончания Второй мировой войны, ее установлению предшествовала политическая нестабильность, на которую влияли режимы соседних стран.

Одним из проявлений такого влияния и заимствования идей можно назвать культ личности Стресснера. Превознесение личности парагвайского диктатора, проявившееся в строительстве жилого квартала, получившего его имя, а также в различных празднествах, проистекало не только из выстраивания его лидерства в системе гражданско-военной власти, но и было связано с представлением о нем как о патриархе нации (наподобие образа Варгаса как «отца бедных»). Кроме того, в случае с выстраиванием образа Стресснера идея политического лидерства передавалась с помощью иконографических атрибутов христианской Троицы.

Стресснеризм не представлял собой отдельного политического направления; нельзя было сравнить его и с «историческим фашизмом»; он являлся вариантом культа личности. Поэтому, хотя этот режим и испытал на себе некоторое влияние политики, характерной для фашистских лидеров, он не дошел до такой точки, когда бы сам использовал политические инструменты подобного рода. Вместе с тем Парагвай эпохи Стресснера стал пристанищем как нацистских преступников [10], так и праворадикальных элементов различного толка – итальянских фашистов, немецких нацистов, хорватских террористов, латиноамериканских военных и т.д. [11].

Некоторые авторы утверждают, что парагвайский лидер, не будучи явным фашистом, восторгался нацизмом и фашизмом [12]. Если это и было так, то никак не повлекло за собой никаких сходств в политических режимах. А после свержения Стресснера 3 февраля 1989 г. культ его личности и восхищение им в одночасье прекратились, его ближнее окружение и сторонники мгновенно прекратили публично заявлять о своей прежней приверженности к нему как к политике и человеку [13]. Таким образом, стресснеризм даже в краткосрочной исторической перспективе не сумел создать долгосрочного политического эффекта от своего правления.

Хотя Стресснер почти полностью поставил под свой контроль партию Колорадо и синдикалистское движение в лице Парагвайской конфедерации трудящихся, использовал массовый спорт (особенно футбол), фольклорное пение и искусство (включая некоторые эстетические практики, восходившие к различным типам фашизма [14]) для достижения социально-психологического воздействия, эффект от этого продлился недолго.

Одна из самых экспрессивных, но и быстро завершивших свое существование парагвайских организаций чисто неофашистской направленности возникла только в 1989 г., вскоре после свержения Стресснера, поэтому можно утверждать, что режим Стресснера не только не перерос в фашистский, но и не позволил в достаточной мере развиваться тем неофашистским объединениям, которые уже существовали в стране. Когда после окончания авторитарного правления появились условия для создания партий, этой возможностью воспользовались не только троцкистские группы, но и некоторые фашистские организации; они образовали парагвайскую Национал-социалистическую партию, которая просуществовала довольно краткий период и была распущена в 1993 г. [15].

В других военных диктатурах после 1964 г. подобный феномен был более распространен и на первый взгляд таил в себе меньше конфликтов; в нем не было ни малейшего намека на ведущую роль неофашизма. Хотя парагвайская диктатура и существовала одновременно с другими латиноамериканскими диктатурами и поддерживала их, сам парагвайский случай обладает особой спецификой. Любопытно то, что по некоторым аспектам диктатуру Стресснера можно сравнить с диктатурой Пиночета в Чили – но только не в экономическом плане (в Чили команда «чикагских мальчиков» провела неолиберальные реформы в духе шоковой терапии), а именно в плане того, насколько вся политическая система замыкалась на фигуре диктатора.

Если одни авторы усматривают в чилийском и других латиноамериканских режимах черты фашизма (или «зависимого фашизма») [16], то другие считают, что, хотя в чилийском режиме и имела место неолиберальная экономическая политика, но классифицировать пиночетовский режим как фашистский позволяют именно консерватизм и авторитаризм, соединенные с культом лидерства самого Пиночета. Авторитаризм, приобретавший черты мессианской борьбы добра со злом (в понимании диктаторов – с коммунизмом), можно обозначить как определяющий признак «ибероамериканского фашизма» [17].

В этом, несомненно, и кроется одно из различий между военными режимами: какой из них был более авторитарным? Какой из них прибегал к поистине религиозному дискурсу при решении вопроса о «добре» и «зле»? И наконец принципиальный вопрос: какой из них может считаться более или менее фашистским? Это, конечно, зависит от того угла зрения, который изберет исследователь.

В Чили авторитаризм опирался на армию, церковь и на постоянное преследование оппозиции, кроме того, в перевороте активно участвовали неофашистские организации. Можно, например, указать на роль лидера «Националистического фронта “Родина и свобода”» Роберто Тиеме [18]. Вначале эта организация представляла собой общественное движение («Гражданское движение “Родина и свобода”») и предлагала различные политические решения. Она продолжала действовать в том же духе или даже активнее в период формирования политической коалиции «Народное единство», от которой и был избран президент Сальвадор Альенде.

Но после 1972 г. организация приобрела идеологические и политические черты неофашизма: она стала мобилизовывать массы под флагом национализма и корпоративизма, а именно создания корпоративных профсоюзов (*гремийос*) взамен политических партий, обычно действующих в буржуазно-либеральной политической системе. Несмотря на свою антилиберальную и в особенности антимарксистскую риторику, деятельность организации «Родина и свобода», как отмечает С. Буазар [19], была весьма двусмысленной: иногда организация выступала в защиту некоторых партий и демократических настроений, с одобрением относилась к либерализации чилийской экономики.

Изменения в идеологии неофашистских организаций можно рассматривать и как отражение их потребностей в установлении связей с властными структурами. Хотя диктатура в Чили и не была в глазах неофашистов наилучшим образцом, не приходится сомневаться, что она в наибольшей степени приближалась к желаемому варианту. Более того, после своего участия в перевороте многие члены «Родины и свободы» вошли в органы разведки, контрразведки, в репрессивные органы; подчеркивалось, что эта работа, в той или иной степени, весьма полезна для них [20].

Праворадикальные движения, относятся ли они к неофашистским или нет, представляют собой феномен, преодолевающий национальные (и даже временные) границы. Сотрудничество неофашистских организаций с военными режимами (а многие из этих режимов обладали глубоким внутренним

сходством, особенно в плане проведения ими ярой антикоммунистической политики) перешагнуло национальные границы.

Радикализация авторитарных режимов, которая привела к усилению политических преследований в рамках военных диктатур, способствовала не только связям между репрессивными аппаратами соседних или относительно близко расположенных стран, но и выработке общей политики праворадикальных режимов на транснациональном уровне.

Возможно, высшим воплощением государственного терроризма в диктаторских режимах Аргентины, Боливии, Бразилии, Парагвая и Уругвая (по крайней мере, в плане взаимного сотрудничества) была программа под названием «Операция «Кондор»». Секретные действия, скоординированные правительствами, были направлены в основном на подавление прав человека, политические преследования, убийства оппозиционных деятелей и противников диктаторских режимов. Помимо контрразведывательных операций в данных странах «Операция «Кондор» использовала приемы пыток, применявшиеся секретными службами Франции (в связке Франция–Аргентина–Чили), а также опиралась на участие разведывательных органов США (они не оставались в стороне с самого начала «военно-гражданских» переворотов).

В сложившейся системе «антидемократического антикоммунизма», парадоксальным образом выступавшего от имени либеральной демократии, возникли связи с другими неофашистскими организациями, которые находились за пределами Южного конуса. Ярким примером может служить организация «Кубинское националистическое движение», основанное в 1959 г. кубинцами Фелипе Риверо Диасом и Гильермо Ново Самполом. Эмигрировав после победы Кубинской революции в Нью-Йорк и Нью-Джерси [21], они учредили ряд изданий («Националист», «Националистическая молодежь», «Молодой националист», «Послание национализма»), в которых пропагандировали близкие к неофашизму взгляды (особенно это касалось символики и униформы), а в отношении кубинского социализма (который они называли «наихудшей из известных раковой опухоли»), а также некоторых форм социально-политической организации общества в режимах либеральной демократии предлагали занять «третью позицию» (т.е. не соглашаться ни с социализмом, ни с капитализмом. – *Прим. перев.*). Неприятие ими левого режима на Кубе и социальных движений в США (особенно «Черных пантер») привело их в конечном счете к сближению не только с такими американскими экстремистскими организациями, как «Ку-клукс-клан» Дэвида Дьюка, но

и с диктатурами Южного конуса, особенно аргентинской и чилийской.

В Чили они участвовали в актах насилия и политической дестабилизации, помогали в деле убийства генерала Карлоса Пратса (который занимал пост главнокомандующего вооруженными силами непосредственно перед тем, как этот пост перешел к Пиночету) и замыслили убийство Бернардо Лейтона – христианско-демократического деятеля, оппозиционного диктатуре. Несмотря на связи данной кубинской группы с такими неофашистскими организациями, как бельгийская «Молодая Европа» во главе с Жаном Тириаром [22], кубинцы не считали себя чисто неофашистским образованием. Впрочем, этот факт больше свидетельствует о сложностях самоидентификации в качестве фашистов в «пост-фашистском» мире, нежели подтверждает действительное отсутствие фашистских ценностей у кубинской группы.

Эпоха «пост-фашизма», с одной стороны, затруднила деятельность организаций, называвших себя неофашистскими, а с другой – ослабила наиболее радикальные и экстремистские проявления правого радикализма. Еще до того, как произошли военные перевороты, группы и течения, использовавшие соответствующую лексику и апеллировавшие к характерным ценностям, размежевались на радикальных и умеренных (т.е. менее нетерпимых в своем национализме и способных к диалогу с правыми консерваторами или даже с международными объединениями). Так случилось, например, в Уругвае, где правые радикалы еще до переворота пытались модифицировать антилиберальный и антисемитский дискурс [23].

Хотя накануне переворота ситуация складывалась не в пользу уругвайских правых, довольно быстро она изменилась. В начале 1970-х гг. наметилась их радикализация, чему способствовали и мелкие группировки – например, «Вставай, молодежь Уругвая», хотя ее и нельзя было окрестить как неофашистскую (как это заочно делали ее противники), все же она активно противопоставляла себя уругвайским левым, брала на вооружение тактику политического насилия, особенно в студенческой среде [24]. И наоборот – такие группы, как «Национал-социалистическое рабочее и студенческое движение Уругвая», явно использовавшие фашистские и нацистские лозунги, не сумели сыграть значительную роль даже после прихода диктатуры к власти.

Как отмечает ряд авторов, в уругвайской диктатуре, особенно в контексте усиления политических репрессий, проявилась связь между различными аспектами идеологии «исторического фашизма»

и взятыми на вооружение режимом «доктринами национальной безопасности». Кроме того, сюда включались и наработки французских колониальных властей в деле организации репрессий, и элементы политики франкистской Испании, и опыт тех военных, которые были связаны с нацистскими и фашистскими кругами [25].

Более сложен случай Аргентины – и по составу диктатуры, и даже по пределам (или отсутствию таковых) действия государственного терроризма. Как показал Хуан Луис Бесоки [26], действия репрессивного аппарата аргентинской диктатуры вышли за пределы деятельности самого государства. Подобное параллельное государству насилие существует не только потому, что оно действует независимо от государства; оно еще более интенсифицирует репрессии. Но следует отметить, что и государство внесло свой вклад в дело углубления репрессий, проводившихся полугосударственными организациями, что проявилось в деятельности организации «ААА» (Аргентинский Антикоммунистический Альянс) – полувоенной группировки, которая до переворота занималась убийствами левых политиков и активистов.

В этом плане необходимо указать на то, что в идеологической подготовке подобных организаций использовался сложный набор относящихся к фашизму элементов, что не означало полной и абсолютной фашизации таких параллельных государственным структурам образований. Этот вопрос более сложный, чем просто утверждение о влиянии фашизма на аргентинский военный режим. При его оценке необходимо принимать во внимание наличие правого (или праворадикального) уклона внутри перонизма в условиях более сложной политической культуры. Такие авторы, как Федерико Финкельштейн, считают, что все это вытекает из того периода, когда аргентинский национализм можно было приравнять к фашистским объединениям [27] в плане проведения политики «креста и шпаги», т.е. упрочения связи между церковью и армией. Тем самым «Грязную войну» (*политику государственного террора по отношению к противникам военной хунты в Аргентине – прим. перев.*) можно было бы трактовать не только как производную и результат «холодной войны», но и как феномен, имеющий более глубокие исторические корни, что и могло бы объяснить появление таких групп, как «Националистическое движение Такуара» [28] или та же самая «ААА».

Подобные взгляды не являются преобладающими в аргентинской историографии – их не придерживаются ни авторы, рассматривающие изменения в аргентинском национализме во второй

половине 20 в. [29], ни исследователи, изучающие деятельность отдельных группировок (например, близких к журналу «Кабиљдо» [30]), которые от католического национализма уже переходили к фашизму (в частности, в своей конспирологии и антисемитизме), но которые при этом заимствовали и несвойственные правым радикалам межвоенного периода положения (или же использовали идеи конца XIX в.).

Гораздо более сложным является вопрос о правом перонизме, т.к. он подразумевает обсуждение влияния, которое политическая культура оказывает на становление различных идеологических течений внутри одного и того же политического направления [31]. Можно ли вписать их в перонизм, или они есть результат разнообразия, изначально заложенного в этом феномене? Есть авторы, которые усматривают наличие специфического фашизма, есть те, кто это отрицают, но все они говорят как о деятельности неофашистов внутри репрессивного аппарата аргентинских диктатур, так и о поддержке правого радикализма со стороны государства [32].

Речь идет о дискуссии, которая затрагивает не только военно-диктаторские режимы в Аргентине после 1970-х гг., но и анализ самого аргентинского национализма. Что же касается непосредственно неофашизма, то его влияние на политические организации, а также на госаппарат и параллельные государственным структуры – одно из возможных объяснений столь активных репрессий и политических преследований в Аргентине, даже по сравнению с Чили, Бразилией и т.д. Несмотря на это, влияние неофашизма не определило собой фашизацию диктатуры [33].

Интенсивность организованных политических преследований или та логика, согласно которой проводились репрессии, – специфика именно аргентинского случая, но, как было показано выше, связь между неофашистами и военными диктатурами не есть особенность Латинской Америки; этот регион лишь демонстрирует различную степень интенсивности такой связи. Любопытно, что в Бразилии, где существовало наиболее крупное на континенте фашистское движение, подобная связь, напротив, была незначительной. Хотя один из основных вдохновителей/исполнителей переворота 1964 г. (как и заговора, открывшего дорогу государственному перевороту Нового государства Варгаса в 1937 г.) генерал Олимпиу Моурау Филью был интегралистом еще с 30-х годов прошлого века, было бы неверно утверждать, что и в 1964 г. он продолжал оставаться безоговорочным сторонником этого идеологического направления и его лидеров.

Объяснение этого феномена кроется в идеях интегрализма, сформулированных Плиниу Салгаду: соединив в себе в 1930-е гг. различные движения и организации праворадикального толка [34], интегрализм в конечном счете превратился в синоним институционализированного бразильского фашизма. Поэтому его провал стал и провалом такого фашизма в целом. После своего изгнания в Португалии [35] бывший лидер Бразильского интегралистского действия П. Салгаду попытался в послевоенный период возродить интегрализм в виде политической партии, создав Партию народного представительства (ПНП) [36].

Хотя у этой партии и были интегралистские черты, сама она вышла за рамки собственно интегрализма. В этом – корень дискуссий о том, насколько прочна связь партии, действовавшей до 1964 г., с интегрализмом 1930-х гг. [37]. Хотя путчисты 1964 г. и «восприняли» правила демократии, реализация ими своего заговора сопровождалась активной поддержкой со стороны интегралистов, но в отличие от 1937 г. (года, когда в результате переворота было установлено Новое государство Ж. Варгаса) интегрализм уже не был на первых ролях на бразильской политической арене.

Таким образом, деятельность неофашистов (или попросту интегралистов), которые действовали заодно с военными и консервативными кругами (в том числе участие в прошедших за несколько дней до переворота 1964 г. «Маршах семей вместе с Богом за свободу»), стала еще одним звеном в подготовке переворота. Лидер интегралистов даже выступил с речью на одном из мероприятий в Сан-Паулу, но его участие было не главным. Поэтому было бы неверно утверждать, что процесс подготовки военного переворота определялся интегрализмом. На деле же, хотя в интегралистской идеологии элементы путчизма были довольно сильны, интегралисты стремились внедриться в госбюрократию или хотя бы в созданную военным режимом двухпартийную систему, конкретно – в проправительственную партию «Национальный союз обновления» (ARENA).

Влияние интегралистов неумолимо уменьшалось: им не удалось создать собственную парламентскую фракцию, и в силу этого и без того неопределенные возможности «фашизации» диктатуры оказались в большей степени связанными с радикализмом военных, чем с бразильским фашизмом (он же – интегрализм) [38]. Конечно, интегралисты не теряли надежды на возможность политического роста. Поэтому они заявляли о том, что обладают большой политической властью и располагают значительным числом членов партии, что совершенно не соответствовало действительности.

Не будем также забывать, что деятельность лидера интегрализма основывалась – в контексте холодной войны – не только на старой апелляции к фашизму, но и на влиянии идей салазаризма, проистекавших от «Нового государства» Португалии [39].

Фашисты сыграли свою роль в процессе ослабления бразильской демократии; они также участвовали и в становлении последовавшей диктатуры, но это не означало, что в обоих случаях они играли центральную роль. Случай Бразилии есть вариация того общего процесса, который происходил в целом в Латинской Америке.

Заключение

В Латинской Америке 1960-е–1980-е гг. были временем бурных политических процессов, отмеченных политическими преследованиями как результатом военно-диктаторских режимов. Современники событий могли усматривать в качестве ближайших аналогов именно фашизм межвоенного периода. Однако следует ли классифицировать данные диктатуры как фашистские или неофашистские? Полагаем, что нет. Ведь несмотря на определенные сходства (политическая нетерпимость, преследование меньшинств и политических противников, использование ультранационалистической риторики правого толка), деятельность этих диктатур не была близка к фашистской (например, не было массовой мобилизации, однопартийной системы, включения в режим профсоюзного движения и т.п.)

Помимо этого, данные диктатуры были весьма далеки от восприятия корпоративизма, находившегося под влиянием социальной доктрины церкви. И главное – они, пусть и в разной степени, олицетворяли собой парадоксальную (а возможно, и не столь парадоксальную) связь между политическим авторитаризмом и экономическим либерализмом. Невозможно себе представить, чтобы еще остающиеся фашисты (или, иными словами, неофашисты) были бы согласны с этим.

Вместе с тем в то же самое время, когда эти различия стали объектом критики со стороны неофашистов, объединявшие их с правыми радикалами общие ценности способствовали их объединению, сотрудничеству в деле радикализации режимов, выработки их идеологии и даже в их ориентации на вдохновляющие их образцы. Если рассматривать военные диктатуры в Латинской Америке в качестве мутации фашизма контрпродуктивно, то так же неверно было бы игнорировать влияние на политическую культуру этих режимов правого экстремизма профашистской ориентации.

Как было показано выше, неофашисты стремились – с разной степенью настойчивости – «при-

своить себе» новые авторитарные тенденции, оседлать их, попытаться продвинуться вперед на гребне этой волны. Это был способ не только заявить о преемственности или о начале новых конкретных институциональных изменений, но и стремление поддержать веру в новую политическую тенденцию, которая, несмотря на свои амбиции и обнадеживающий дискурс, никогда не реализовалась. Хотя диктатуры стран Южного конуса и включали некоторое количество неофашистов в свои ряды, они способствовали тому, чтобы неофашистские организации и активисты оказались еще в большей степени на обочине большой политики, хотя, конечно, даже подобное маргинальное положение не сделало носителей таких взглядов менее вредоносными.

Примечания:

1. Вопрос о дате совсем не случаен. В Бразилии день 1 апреля называют «днем дурака», когда все друг друга обманывают. Поэтому уже начиная с первых дней диктатуры возник спор по вопросу об этом памятном историческом факте. Сторонники переворота считали датой его начала 31 марта 1964 г., а противники, расценивавшие правление военных как фарс, утверждали, что и начался он в соответствующий день (1 апреля); они полагали, что именно в дне 1 апреля совпали переворот и надувательство.
2. По этому вопросу см. для сравнения: *Padrós, E.S.* Como el Uruguay no hay... Terror de Estado e Segurança Nacional – Uruguai (1968–1985): do *Pachecato* à Ditadura Civil-Militar. Tese (Doutorado em História). – Universidade Federal do Rio Grande do Sul, Porto Alegre, 2005. – Tomo I. – P. 17-20.
3. *Adorno, T.W.; Frenkel-Bruniswsk, E.; Levinson, D.J.; Sanford, R.N.* The authoritarian personality. – New York, 1950.
4. *Munõz, C.S.* Doctrina de Seguridad Nacional y otras ideologías en Latinoamérica // *Praxis*. – 1984. – N 29-30 – P. 11-16.
5. *Briones, A.* El neofascismo en América Latina // *Problemas del Desarrollo*. – 1975. – N 23. – P. 25-50.
6. *Rama, C.M.* Modelos autoritarios latinoamericanos del siglo XX // *Papers: Revista de Sociologia*. – 1982. – Vol. 18 – P. 121-137.
7. Здесь я заимствую термин у Роджера Гриффина, однако необходимо иметь в виду различия исторического контекста Европы и Латинской Америки. См.: *Griffin, R.* Studying Fascism in a Postfascist Age. From new consensus to New Wave? // *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*. – 2012 – Vol. 1 – P. 1-17.
8. *Deutsch, S.M.* Las derechas: La extrema derecha en la Argentina, el Brasil y Chile (1890–1939). – Buenos Aires, 2005.
9. Детальный анализ развития интегрализма с 1932 г. до XXI в. дан в кн.: *Caldeira Neto, O.* Sob o signo de Sigma: integralismo, neointegralismo e o antissemitismo. – Maringá, 2014.
10. *Seiferheld, A.* Nazismo y Fascismo en el Paraguay. Los años de la guerra (1936–1945). – Asunción, 2012.
11. См.: *Cuya, E.* La «Operación Cóndor»: el terrorismo de Estado de alcance transnacional // *Em Debate*. – 2007. – P. 44-55.
12. *Maestri, M.* A Guerra no Papel: História e Historiografia da Guerra no Paraguai (1864–1870). – Passo Fundo, 2013 – P. 176.
13. *Vera, M.G.* «Data Feliz» no Paraguai. Festejos de 3 de novembro, aniversário de Alfredo Stroessner // *A construção social dos regimes autoritários: legitimidades, consenso e consentimento no século XX / Organizadores Denise Rollemberg, Samantha Quadrat*. – Rio de Janeiro, 2010.
14. *López, M.H.* Stroessner e «Eu»: a cumplicidade social com a ditadura. // *A construção social dos regimes autoritários: legitimidades, consenso e consentimento no século XX / Organizadores Denise Rollemberg, Samantha Quadrat*. – Rio de Janeiro, 2010.
15. *Arditi, B.* Adiós a Stroessner: Nuevos espacios, viejos problemas // *Nueva Sociedad*. – 1989. – P. 24-32.
16. См., например: *Almeyda-M, C.* El Nacionalismo Latinoamericano y el Fascismo de Pinochet // *Nueva Sociedad*. – 1979. – P. 19-34.
17. *Rojas Mix, M.* El Dios de Pinochet: Fisonomía del fascismo iberoamericano. – Buenos Aires, 2007. Критика данного подхода содержится в статье: *Deutsch, S.M.* Fascismo y dictaduras latinoamericanas // *Sociohistórica*. – 2007. – P. 257-260.
18. *Paredes, A.* La Operación Cóndor y la Guerra Fría // *Universum*. – 2004. – Vol. 1. – P. 122-137.
19. См.: *Boisard, S.* La matriz antiliberal en las derechas radicales: el caso del Frente Nacional Patria y Libertad en Chile (1971–1973) // *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*. – 2016.
20. См.: *Fagundes, P.E.* A Extrema-direita nos golpes militares do cone sul: Patria y Libertad (Chile), Triple A (Argentina) e Juventud Uruguaya de Pie (Uruguai) // *Velhas e novas direitas: a atualidade de uma polêmica. / Organizador Karl Schuster*. – Recife, 2014.
21. См.: *Braga, L.M.* A internacionalização do terror: o caso argentino. – Porto Alegre, 2012; *Mendéz, J.L.M.* Bajo las alas del Condor – Havana, 2006.
22. *Mazzini, J.* Europa, un imperio de 400 millones de hombres // *El Nacionalista*. – Año 1, n. 1. – P. 7.
23. См.: *Broquetas, M.* La trama autoritaria: Derechas y violencia en Uruguay (1958–1966). – Montevideo, 2015. – P. 145-199.
24. *Bucheli, G.* La Juventud Uruguaya de Pie y su relación con la violencia política en la coyuntura previa el golpe de Estado (1970–1973) // *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*. – 2016.
25. *Padrós, E.* A ditadura civil-militar uruguiaia: doutrina e segurança nacional // *Varia História*. – Vol. 28. – 2012.

26. *Besoky, J.L.* Violencia paraestatal y organizaciones de derecha. Aportes para repensar el entramado represivo en la Argentina, 1970–1976 // *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*. – 2016.
27. *Finchelstein, F.* The ideological origins of the Dirty War: Fascism, Populism, and Dictatorship in Twentieth Century Argentina. – Oxford, 2014.
28. *Lvovich, D.* La extrema derecha en la Argentina posperonista entre la sacristía y la revolución: el caso de tacuara // *Diálogos*. – Vol. 13. – 2009. – P. 45-61.
29. *Lvovich, D.* Contextos, especificidades y temporalidades en el estudio del nacionalismo argentino en la segunda mitad del siglo XX // *Nacionalistas y nacionalismos: debates y escenarios en América Latina y Europa* / Organizadores Fortunato Mallimaci. Humberto Cuchetti. – Buenos Aires, 2011.
30. *Saborido, J.* «Solo la revolución nacional salvará a la Pátria». La Revista Cabildo y el ideario del nacionalismo católico argentino en la décadas de 1970 y 1980 // *Nacionalistas y nacionalismos: debates y escenarios en América Latina y Europa* / Organizadores Fortunato Mallimaci. Humberto Cuchetti. – Buenos Aires, 2011.
31. См.: *Carnagui, J.L.* La construcción de un sentido común sobre la «derecha peronista» de los años 70 // *Antíteses*. – Vol. 3. – 2010. – P. 1135-1154.
32. Общий анализ этих дебатов см. в: *Besoky, J.L.* La derecha peronista en perspectiva // *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*. – 2016.
33. *Bertonha, J.F.* Sobre fascismos e ditaduras: a herança fascista na formação dos regimes militares do Brasil, Argentina e Chile // *Revista de História Comparada*. – Vol. 09. – 2015. – P. 203-231.
34. *Trindade, H.* Integralismo: o fascismo brasileiro nos anos 30. – Rio de Janeiro, 1974.
35. *Gonçalves, L.P.* Entre Brasil e Portugal: trajetória e pensamento de Plínio Salgado e a influência do conservadorismo português. – São Paulo, 2012.
36. *Calil, G.G.* Integralismo e Hegemonia Burguesa: a intervenção do PRP na política brasileira (1945–1964). – Cascavel, 2010.
37. См.: *Quadros, M.P.R.* Partido de Representação Popular (PRP): apenas o Integralismo sob nova roupagem? // *Oficina do Historiador*. – Vol. 3. – 2011. – P. 78-92.
38. *Trindade, H.* O Radicalismo Militar em 64 e a Nova Tentação Fascista. // *21 Anos de Regime Militar: Balanços e Perspectivas* / Organizador Maria Celina D'Araújo. – Rio de Janeiro, 1994.
39. *Gonçalves, L.P.* Corporativismo e transnacionalismo na Arena: Portugal como inspiração na ação parlamentar de Plínio Salgado // *Tempos Históricos*. – Vol. 19. – 2015. – P. 358-377.

БРАЗИЛЬСКИЕ УЛЬТРАПРАВЫЕ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ: ИПОСТАСИ НЕОНАЦИЗМА В БРАЗИЛИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Леандру Перейра Гонсалвис, профессор истории, редактор журнала
«Estudos Ibero-Americanos» («Ибероамериканские исследования»)
Католический университет штата Риу-Гранди (Бразилия)
leandro.goncalves@pucrs.br

Одилон Калдейра Нету, профессор истории, профессор,
Федеральный университет Риу-Гранди (Бразилия)
odiloncaldeiraneto@gmail.com

Гильерми И. Франку ди Андради, докторант,
Католический университет штата Риу-Гранди (Бразилия)
guilherme_andrade@hotmail.com

Перевод с португальского Л.С. Окуновой

Аннотация. После ухода авторитарных режимов с политической арены в Латинской Америке наступил период демократизации. Целью данной статьи является исследование тех стратегий, которые применялись крайне правыми на политическом поле, в том числе в рамках электоральных процессов. Эта проблема будет проанализирована на примере деятельности бразильских неонацистов в условиях восстановления демократии.

Ключевые слова: крайне правые, неонацизм, восстановление демократии.

THE EXTREME RIGHT DURING REDEMOCRATIZATION: THE PATHS OF NEO-NAZISM IN BRAZIL AND LATIN AMERICA

Leandro Pereira Gonçalves, Professor of History, Catholic University of Rio Grande do Sul,
Editor of the journal Estudos Ibero-Americanos (Brazil)

Odilon Caldeira Neto, Professor of History, Federal University of Rio Grande (Brazil)

Guilherme I. Franco de Andrade, doctoral student at the Catholic University of Rio Grande do Sul
(Brazil)

Abstract. After the termination of the Latin American right-authoritarian regimes came a period of democratization. The article aims to study the strategies of the extreme right-wing forces, including inside the electoral system. This problem will be studied using the example of Brazilian neo-Nazi activism during the process of redemocratization.

Key words: extreme right-wing forces, neo-Nazism, redemocratization.

В процессе восстановления демократии в Бразилии так же, как и во время политических волнений 1980-х гг., возникали и выдвигались на политическую арену многочисленные политические группировки самых разных идеологических оттенков. При новом политическом режиме не просто оформились в качестве институтов те организации, которые действовали на последнем этапе правления военных: этот новый политический режим выдвинул новых политических персонажей и акторов, сформулировал новые политические практики, получавшие импульс от общества, которое единодушно считало себя демократическим и открытым для нового опыта [1]

Вместе с тем так называемая «Новая Республика»* в противовес этому сконструировала такую модель демократизации, которую можно назвать «консервативной» [2]. Сложилась явно парадоксальная ситуация: помимо унаследования авторитарных институтов процесс восстановления демократии привнес и такие факторы, как продолжение деятельности пришедших из прежнего авторитарного режима политических элит – причем не только в рамках системы госуправления, но и на выборных должностях.

Это противоречие еще больше усиливалось на фоне превратностей политического процесса. Ведь присутствие на политической арене акторов старого режима совпало с феноменом т.н. «стыдливых правых» [3], т.е. большей части политического класса, исторически связанной с диктатурой правого толка, но отрицавшей это родство, будучи не в силах примирить его с нарождавшейся демократией. Таким образом, недавно оформившаяся бразильская демократия начала свою деятельность одновременно и сосуществуя с правыми силами, и отрицая их.

Если политические элиты авторитарного режима отчетливо осознавали необходимость соответствовать новой политической обстановке (и забыть свое прошлое, связанное с поддержкой диктатуры), то правый радикализм и экстремизм должен был сделать выбор между двумя вариантами. С одной стороны – в случае потери своего представительства в обществе и во власти эти течения превратились бы, если можно так выразиться, в образчик «политического сиротства». С другой стороны, в обществе складывалась новая политическая конъюнктура – либо в виде свободного политического пространства для новых институтов, либо в облике нового политического режима, который мог бы способствовать появлению новых возможностей, в том числе и для деятельности антидемократических и неофашистских (в данном случае – неонацистских) организаций.

В силу всего вышесказанного в данной статье мы попытаемся поразмышлять о сложностях феномена неофашизма, делая особый акцент на специфике бразильского случая и приводя некоторые родственные примеры из опыта Латинской Америки. Случай Бразилии важен не только по причине антидемократических проявлений в стране, где демократия была восстановлена, по мировым меркам, поздно, но и из-за национальных особенностей, таких, как миф о бразильской «расовой демократии», наличие внутренних миграций и т.д. Какое место в данном контексте занимает неонацизм? Каковы формы его деятельности и возможного диалога с другими силами? Поисками ответов на эти вопросы мы и руководствовались в данной работе.

В момент «возрождения» бразильской демократии мир страдал от последствий кризиса идеологий, который стал кульминацией процесса постепенного внедрения принципов рыночной экономики, что нашло свое проявление и в Бразилии. Бразильский военный режим, который в годы «холодной войны» был призван гарантировать присоединение латиноамериканских стран к блоку капиталистических стран, завершил свое существование. Однако враждебные отношения между США и СССР все еще имели место.

Десятилетие 80-х годов XX в. отразило общую нестабильность, связанную с глобальными переменами, что не могло не проявиться в бразильской политике. Вступив на пост президента в 1974 г., генерал Эрнесту Гейзел провозгласил переход к политической открытости, который должен был носить *медленный, постепенный и устойчивый* характер; конкретные шаги в этом направлении были приняты сменившим его во главе страны генералом Жоау Батиста Фигейреду. Став президентом в 1979 г., Фигейреду выпустил «Закон об амнистии»**, положил конец двухпартийной системе*** и принял другие меры, способствовавшие оформле-

* Так назывался режим, пришедший на смену военному правлению, его название было призвано подчеркнуть отличия от так называемой «Старой Республики» (она же «олигархическая республика»), сменившей монархию в 1889 г. – *Прим. перев.*

** Речь шла об амнистии политзаключенных и всех, подвергшихся преследованиям по политическим мотивам и пострадавших в годы военного режима. – *Прим. перев.*

*** В 1980 г., в период правления Фигейреду, был совершен переход к многопартийной системе: на смену двум созданным военным режимом партиям (упоминаемой авторами данной статьи т.н. «двухпартийной системе») пришли пять партий. Помимо этого в том же 1980 г. была создана «снизу» Партия трудящихся, впоследствии ставшая крупнейшей левой оппозиционной, а затем и правящей партией, после импичмента президента Д. Руссефф вновь перешедшей в оппозицию. – *Прим. перев.*

нию институционального процесса, который должен был привести к политической автономии на различных уровнях. В 1983–1984 гг. по всей стране распространилось гражданское движение под названием «За немедленные прямые президентские выборы». Однако, несмотря на мощное участие в нем широких масс, это требование не было удовлетворено Национальным конгрессом. И все же конец диктаторского режима наступил – с избранием в 1985 г., хотя и путем не прямых выборов, гражданского президента Танкреду Невиса. Военный режим закончил свое существование.

До этого, в 1970-е гг., наряду с амбициозным «бразильским экономическим чудом» возникли миграционные волны в направлении крупных городов, особенно Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. В «треугольнике ABC paulista»* (города Санту-Андре, Сан-Бернарду-ду-Кампу и Сан-Каэтану) базой для экономического развития страны стали индустриальные комплексы, в которых получили развитие и окрепли синдикалистские движения, прежде всего Единый профцентр трудящихся**. С этим феноменом было непосредственно связано образование Партии трудящихся (ПТ), которая опиралась на различные социальные сектора: например, низовые христианские общины, организации интеллигенции, – сыгравшие основополагающую роль в процессе политического и идеологического оформления партии. Помимо создания ПТ период восстановления демократии был отмечен и выходом из нелегального положения некоторых левых партий, таких, как традиционные Бразильская коммунистическая партия и Коммунистическая партия Бразилии***.

С возрождением левых сил, игравших то главные, то второстепенные роли, возник вопрос о положении крайне правых. Прежде всего, необходимо понять, что теория возникновения в Бразилии неонацизма, которая в мировом масштабе датируется десятилетием 1990-х гг., является ошибочной. Ведь, как мы подчеркнули выше, одна из особенностей бразильского варианта неонацизма проистекает как раз из фактора «запоздалого восстановления демократии».

После окончания Второй мировой войны (нео)фашизм стал перегруппировываться, иными словами, приспосабливаться к новым временам. Пример Италии, без всякого сомнения, является показателем хода развития демократических процессов, которые разворачивались на большей части Западной Европы. В 1946 г. было создано «Итальянское социальное движение», выступившее как непосредственный преемник итальянской «Национальной фашистской партии» и активно действовавшее до

1995 г., когда оно было преобразовано в «Национальный альянс» (1995–2008 гг.). После марта 2009 г. оно слилось с движением «Вперед, Италия» Сильвио Берлускони, а затем объединилось с движением «Народ свободы» [4]. Тут же возникшая неофашистская политическая конфигурация породила новые тенденции, которые можно квалифицировать как постфашистские или даже как правый радикализм либо правый популизм.

Одновременно с тем, что часть представителей прежнего крайне правого спектра все же сумела принять демократию, сформировался и другой феномен: возникший в годы «холодной войны» климат враждебности способствовал тому, что основные политические силы Запада смотрели сквозь пальцы на неофашистские тенденции, т.к. деятельность участников этих движений была полезна в деле борьбы с коммунизмом [5].

Таким образом, в противовес постепенно укреплявшемуся в Западной Европе главенству демократии и рыночной экономики существовала и другая парадигма, характерной особенностью которой были антидемократические и антилиберальные черты. Точно так же наряду с институциональным путем политического развития, ориентированным на включение в электоральный «рынок», был и другой, который, исходя из непрочности и зарегулированности государственных институтов, искал альтернативные решения, которые возникали в виде неофашистских практик [6]. Именно в таком контексте появилось (сначала в Великобритании) одно из главных движений международного неонацизма – «Skinheads White Power». По словам исследователя А. Алмейды, «в конце 1970-х – начале 1980-х гг. это движение было связано с националистической и ксенофобской партией «Национальный фронт», который с помощью своего молодежного отделения – «Молодежного Национального фронта» – снабдил скинхедов всем необходимым для организации музыкальных мероприятий и производства дисков; это было сделано с целью привлечения той части молодежи, которая идентифицировала себя с их идеями, а также для расширения членства в движении. Среди включившихся в движение молодых

* «Треугольник ABC паулиста» – так называют в Бразилии индустриальный пояс в пригородах Сан-Паулу, где сосредоточены наиболее передовые и современные предприятия. – *Прим. перев.*

** Единый профцентр трудящихся (Central Única dos Trabalhadores, CUT) был создан в Сан-Бернарду-ду-Кампу в 1983 г. – *Прим. перев.*

*** Имеются в виду марксистско-ленинская и традиционно ориентированная на «советский социализм» БКП (PCBV) и «неортодоксальная», маоистско-троцкистская КПБ (PCdoB). – *Прим. перев.*

людей выделяется Ян Стюарт Доналдсон, основатель музыкальной группы *Screwdriver*, которая в своих песнях распространяла по всему миру идейные установки скинхедов-неонацистов: любовь к своей расе и к родине, отвращение к иммигрантам и евреям, симпатия к национал-социализму» [7].

Переплетение между различными видами фашизма и неофашизма, особенно в своем наиболее радикальном варианте – неонацизме, имело место и в Бразилии, хотя оно произошло в иной период и с немалыми отличиями в социальном составе группировок. Подобное их разнообразие и разноплановость проистекали из факта отсутствия единого центра, который соединял бы в себе различные политические направления. Кстати сказать, этот феномен характерен не только для бразильского или латиноамериканского варианта (нео)фашизма, но и для неофашизма в целом как для мирового явления, когда необязательность соблюдения строгих институциональных норм дает почву для многообразия движений, которые могут различаться в своей практической деятельности.

На примере Бразилии (с небольшой натяжкой можно говорить и о некоторых других странах Южной Америки) данный феномен можно изучать, исходя из трех взаимосвязанных позиций. Первая – деятельность представителей городской молодежной субкультуры, прежде всего т.н. скинхедов. Во-вторых, практики так или иначе организационно оформленных групп, т.е. мелких группировок, которые ищут признания или стремятся к политической деятельности в прямом смысле слова, заявляя о возможности собственной институционализации, даже путем присоединения к каким-либо партиям. И, наконец, – движения, которые носят в большей степени культурный, чем политический характер, и которые стремятся распространять близкие к неонацизму ценности через книги, журналы, другую печатную продукцию, не чураясь литературы и создавая псевдонаучные работы, претендующие на академическое изложение исторической проблематики.

Первые группировки скинхедов в Бразилии возникли в 1980-е гг., прежде всего в Сан-Паулу, когда кипели страсти вокруг процесса восстановления демократии. Бразильские скинхеды находились, особенно в своих поведенческих и эстетических парадигмах, под влиянием тех же тенденций, которые ранее, в 1960–1980-х гг., возникли в Англии; также они испытали воздействие и со стороны других представителей контркультуры, в частности, панков [8].

Вместе с тем специфика бразильских скинхедов связана с их собственным происхождением. В

отличие от Англии они создали свои организации после панков и, более того, стали по отношению к последним своего рода «внутренними диссидентами» [9]. После начала процесса «демократического прорыва» СМИ и публика полюбили бразильский панк-рок, который утерял присущий контркультуре радикализм; некоторые его направления были «присвоены» городским средним классом, несмотря на то, что изначально панк-рок происходил из городских окраин и периферии. Так, первые «*Caracas*» (бразильский аналог, хотя и не буквальный, слова «*skinhead*») возникли как направление внутри бразильских панков, хотя в дальнейшем, на пути размежевания с панками, «*Caracas*» станут демонстрировать нетерпимость к иным раздражителям.

Несмотря на бразильскую специфику, участники этих движений имели некоторые общие характеристики, которые сближали их с европейскими скинхедами: прежде всего пролетарское происхождение, возникновение в индустриальных центрах, в кварталах низшего среднего класса и бедноты. Таким образом, появление бразильских скинхедов есть реакция контркультуры (либо городской молодежной культуры) того времени, которая соперничала с группировками, обосновавшимися на городской периферии, вырабатывала свою идентичность в противовес либертарным движениям, особенно анархистам и наиболее радикальным левым группам внутри движения панков.

Тот факт, что все эти явления сопутствовали процессу демократизации, не был случайным. Как было подчеркнуто выше, этот процесс, хотя и обеспечил ряд завоеваний тем социальным движениям, которые прежде находились в тени, в то же время привнес настроения неуверенности в другие слои бразильского общества. В конце военного режима общество пребывало в состоянии стагнации, возникшей вследствие падения нефтяных цен на мировых рынках; это нанесло ущерб национальной экономике, спровоцировав социальную нестабильность, боязнь потерять работу и – особенно в молодежной среде – неуверенность в завтрашнем дне. Часть поколения 1980-х гг. утратила перспективы восхождения по социальной лестнице.

Все эти проблемы, затронувшие бразильскую молодежь, нашли свое отражение в некоторых художественных проявлениях, а также в творчестве рок-групп 1980-х гг.: в их песнях затрагивались злободневные темы, тексты отличались значительной политизированностью, в них звучали призывы к большему участию народа в политике и в общенациональных проектах. Для молодых рабочих ситуация была достаточно безрадостной, т.к. они не видели возможностей самореализации ни в обозри-

мом будущем, ни в более отдаленной перспективе. Процессы трансформации, которые происходили внутри рабочего класса под влиянием движений и партий левой ориентации (таких, как, например, Партия трудящихся), ощущались в основном в «треугольнике ABC паулиста» – регионе, который был также и основным полюсом возникновения неонацистских группировок скинхедов.

В контексте холодной войны и под влиянием антикоммунистического настроения военной диктатуры новые формы организации бразильских левых воспринимались с опаской. Страх перед коммунизмом или социализмом толкнул часть молодежи к противоположным по духу объединениям. Таким образом, возникновение в подобной обстановке крайне правых движений в Бразилии стало немедленной реакцией на неудачи рождавшейся демократии и на отсутствие жизненных перспектив. Реагируя на изменения внутри капиталистической экономики и на динамику свободного рынка, молодежь искала в праворадикальных движениях решение встававших перед ней проблем.

Итак, в городской молодежной культурной среде возникло движение под названием «Карекас ду субурбиу» («Carecas do Subúrbio»^{*}), напоминавшее по своим параметрам английские группы (соответствующий уровень социально-экономического развития, социальное происхождение из индустриальных центров, эстетические, культурные и поведенческие черты, включая манеру одеваться, специфическую символику и музыку). Вначале главными политическими идеями группы «Карекас ду субурбиу» были «национализм, союз и братство» – базовые понятия для любого традиционалистского или охранительного движения, что в дальнейшем могло бы способствовать их дрейфу в сторону правых политических сил [10].

Опорной базой движения стала городская агломерация Сан-Паулу [11]. В начале своей деятельности его члены поддерживали дружеские отношения с группировками различных идеологических оттенков – прежде всего поскольку они существовали на одной территории (например, они могли быть соседями по кварталу), но в основном из-за объединявших их занятий музыкой и принадлежности к скинхедам.

При этом по мере развития процесса восстановления демократии, когда социальные перемены и включение в общество наиболее бедных социальных слоев породили целую волну надежд, одновременно возникли и опасения в отношении тех, кто не расценивал социальный прогресс и борьбу за права меньшинств как однозначно позитивный процесс. В этом контексте и произошло присоединение бразильских скинхедов к правым организациям фашистского толка: иными словами, «в противовес прогрессивным явлениям на политической арене укоренялись консервативные организации авторитарной, националистической и антикоммунистической ориентации, которые также хотели участвовать в политических играх» [12].

В известном смысле движение «Карекас ду субурбиу» представляло собой вариант консервативного ответа на поступательное шествие прогресса, поскольку представители этого направления не сумели воспринять ни высокий темп социальных трансформаций, ни их глубину. Страх перед неизвестностью привел к тому, что члены движения приступили к созданию собственной идеологии, в которой они пытались соединить консервативные ценности, отражавшие их собственную идентичность (хотя они и представляли молодежную субкультуру), с тогдашними политическими тенденциями; этим они пытались отыскать нечто, что смогло бы идеологически укрепить их движение, и уже на этой основе выразить волновавшие их разнообразные проблемы, тоску и переживания.

Иными словами, они ощущали насущную необходимость обрести политическую легитимность, которая, по их представлениям, помогла бы им противопоставить себя процессу социальных перемен, даже ценой того, что в этом случае они утратили бы саму возможность сопровождать развитие этих процессов. Так возник конфликт, при котором нарушилась связь скинхедов с прогрессивными группами (панками и анархистами), поскольку «Карекас» полностью перешли на позиции консерватизма, патриотизма и национализма.

Одновременно с этим начало процесса дистанцирования «Карекас» от относительно близких им ранее направлений и их критики пересеклось с другим феноменом: ростом раздражения в их адрес по мере их сближения с наиболее представительными группами бразильских крайне правых (особенно интегралистами – главными представителями того политического направления в Бразилии, которое вдохновлялось идеями фашизма) и создания вместе с ними группы скинхедов-неонацистов. Вдохновленные и подпитываемые соответствующими международными течениями, которые рассматривали свои группировки-банды как воплощение братства в противовес крайнему национализму, они также решили взять на вооружение подобные лозунги [13].

Одновременно с этим начало процесса дистанцирования «Карекас» от относительно близких им ранее направлений и их критики пересеклось с другим феноменом: ростом раздражения в их адрес по мере их сближения с наиболее представительными группами бразильских крайне правых (особенно интегралистами – главными представителями того политического направления в Бразилии, которое вдохновлялось идеями фашизма) и создания вместе с ними группы скинхедов-неонацистов. Вдохновленные и подпитываемые соответствующими международными течениями, которые рассматривали свои группировки-банды как воплощение братства в противовес крайнему национализму, они также решили взять на вооружение подобные лозунги [13].

^{*} Это говорящее название, дословно (в переводе с португальского) означающее «Бритоголовые из предместий»; в нем зафиксирована как принадлежность бреющих наголо голову участников группы к скинхедам, так и их географическая «прописка» как выходцев с городских окраин. – *Прим. перев.*

Процесс переформулирования движением «Карекас» своих идеологических постулатов не был ни мирным, ни резким. Идеи перемен внутри самого движения не были единодушно восприняты всеми его членами, тем более что оно никогда не было однородным, а состояло из различных фракций, постоянно оспаривавших лидерство; конфликты могли доходить до физической агрессии друг против друга. Все это вылилось в постоянные конфликты, которые в итоге привели к тому, что в истории этой группы, которая была символом уникальности бразильского движения скинхедов, была поставлена точка; на месте движения Карекас возникли другие группировки, также базировавшиеся в Сан-Паулу и оспаривавшие между собой право на данное название и на «наследие» этого движения.

Для понимания специфики бразильского варианта движения скинхедов необходимо иметь в виду, что первоначально участниками движения «Карекас» были представители многих этнических групп, в силу чего они не разделяли и не провозглашали принцип расовой сегрегации. Это наиболее яркая отличительная черта движения бритоголовых в Бразилии. В группы этого направления входили в основном рабочие с предприятий восточной зоны г. Сан-Паулу, в них мог участвовать, в рамках предварительно оговоренных условий, любой человек, включая мулатов и темнокожих [14]. На начальном этапе своего существования группа не использовала нацистскую символику и еще в меньшей степени была подвержена расовым предрассудкам; основополагающими принципами были культ физической силы, использование приемов самообороны и запрет употребления наркотиков.

После раскола «Карекас» ее бывшие «инакомыслящие» члены стали проявлять интерес к нацистским идеям и использовать базовую историческую символику нацизма, прежде всего свастику. Вначале это должно было стать символом их самовыражения как радикального движения, но впоследствии они стали навязывать свой авторитет путем физического и вербального насилия, а также с помощью символических актов. Главным средством самовыражения оставалось насилие, ареной которого становились улицы крупных бразильских городов; там же происходили постоянные стычки с соперниками из других группировок.

Включение свастики и компонентов нацистской идеологии в идейный арсенал «Карекас» породило конфликты между ее членами, т.к. часть движения не принимала идеи расовой сегрегации в качестве основополагающей базы своей идеологии. Они исходили из представления о том, что в Бразилии расизм применяться не может (это от-

ражало принципы бразильской «расовой демократии», основанные на идее метисации и совместного проживания представителей различных этносов). Тем более неожиданным оказалось, что на деле расистские предубеждения уже довольно широко распространились среди членов движения, что проявилось в нетерпимости к внутренней миграции (с Севера и Северо-Востока на Юг и Юго-Восток*) и в дискриминации жителей Северо-Востока, евреев и гомосексуалистов. Как результат этих внутренних споров и возникли (усилиями «инакомыслящих» членов) новые группы: «Карекас из [треугольника] ABC»** и «Белая сила» (буквальный перевод английского названия «White Power») [15].

Говоря о процессе трансформации бразильского движения «Карекас», можно назвать три причины завершения его деятельности: во-первых, стремление политизировать движение и придать ему набор простых и непротиворечивых идей; во-вторых, отсутствие структуры, организационных принципов и четко очерченной иерархии, которая насаждалась путем насилия, а не с учетом предпочтений большинства; и в-третьих, неонацистские тенденции, которые сумели увлечь за собой значительное количество участников группы. Последняя причина (со всей ее символической и политической нагрузкой) получила немедленный и довольно мощный отклик в бразильских СМИ [16].

Будь то воспроизведение нацистской символики в фанатских изданиях или нацистское приветствие и дисциплина на манер эсэсовской, которые, возможно, оказали влияние на их поведение, – речь в любом случае шла о внутренней мобилизации, так что скинхеды-неонацисты стали проявлять себя как самостоятельное течение внутри и без того весьма консервативных и нетерпимых бразильских скинхедов (они же «Карекас»), отличаясь при этом еще большей радикальностью и нетерпимостью.

Подобная перемена была быстро воспринята в различных штатах Бразилии, особенно на Юге и Юго-Востоке, где постепенно стали разделять новые идеологические установления «Белой силы» [17]. В отличие от групп, стоявших у истоков бразильского движения скинхедов, основной чертой «Белой силы» стал радикальный расизм (разумеется, наряду с национал-социализмом в качестве идеологической платформы и общего знаменателя, долженствующего обеспечить равенство и братство в рядах организации).

* Север и Северо-Восток – наименее развитые, а Юг и Юго-Восток – наиболее развитые регионы Бразилии. – Прим. перев.

** см. примечание переводчика на с. 258.

Группы, входившие в состав «Белой силы», провозглашали себя наследниками европейского генетического кода и называли себя «высшими» по отношению к другим. Поэтому остальные, хотя и составлявшие большинство, этнические группы Бразилии квалифицировались ими как «зловредные» и «паразитические»: ведь по мысли неонацистов они разрушали и разлагали население, среди которого они проживали. Это возвращение к идеям превосходства арийской расы было связано с желанием экстремистских групп найти в прошлом такую идеологию, с помощью которой можно было бы обосновать идею расового превосходства, причем она должна была выступать и в качестве исходной посылки, и в качестве вытекающего из построенных выводов.

На уровне дискурса речь шла о претензиях на статус «естественных лидеров цивилизации», хотя подобные группы были крайне далеки от политических реалий страны, не имели никакого политического представительства и даже их собственная внутренняя иерархия не была четко очерчена.

В появившихся в 1990-е гг. исследованиях по неонацизму возникновение данных тенденций рассматривалось как заурядное явление, свойственное мелким изолированным группировкам. Это, вероятно, было связано с локальным характером деятельности этих группировок и со скудостью общей информации о них, что не позволяло достаточно глубоко проанализировать их идеологию, ведь по существу речь шла о периоде становления и взращивания подобных идей. Поначалу исследование неонацистских группировок заключалось в систематизации сведений об их влиянии от других радикальных образований.

Необходимо подчеркнуть, что данное направление бразильского неонацизма черпало вдохновение в идеологии, обычаях и поведенческих парадигмах западноевропейского (нео)нацизма. И действительно, исторически в Бразилии не было глубоких корней для возникновения национал-социализма, несмотря на наличие в 1930-е–1940-е гг. различного рода приверженцев этих идей и участников соответствующих движений и партий. В силу этого современные неонацистские течения не обладают глубокими связями с достаточно отдаленным прошлым, и поэтому их позиционируют как организации, созданные исключительно в 1980-е гг. как невиданный до того социальный феномен, не имеющий ничего общего с первоначальным движением.

Вместе с тем в представлениях этих групп все же существует определенная отсылка к истории: в частности, мнение о южных и юго-восточ-

ных регионах Бразилии как месте проживания не запятнавших себя смешением кровей итальянских и германских (или попросту европейских) предков и где были созданы настоящие нацистские (и фашистские) организации [18]. Впрочем, поиск в южных регионах «настоящей» самобытности, которая якобы была утрачена с пришедшим на волне демократизации «хаосом», сам по себе является скорее плодом воображения специфических социальных групп и занимает достаточно маргинальное положение по отношению к историческому процессу в целом.

Вполне очевидно, что консервативное мышление и фашистские идеи имели влияние на эти группы, но в отличие от Европы, где неонацизм существует (вернее, продолжает существовать) с послевоенного периода, в Бразилии нет прямой связи между, с одной стороны, несколькими поколениями участников этих движений (по крайней мере, в случае национал-социализма) и первоначальными, «историческими» движениями – с другой.

Это подтверждает высказанную выше мысль о том, что неонацизм в Бразилии представляет собой сложное явление, поскольку выступает в различных обликах. Прежде всего выделим объединения городской молодежи, в состав которых входят мелкие группы из 15–20 членов; эти группировки носят полувойсковый характер и являются наиболее грубым, приверженным насилию и радикализированным выражением данного феномена. Группировки именно этого направления стали первым в Бразилии отражением идеологии неонацизма; в них вошли молодые мужчины и мальчики-подростки – выходцы из нижних слоев среднего класса, в среде которых необходимость почувствовать себя частью данной группы сопутствует такому интересу, как драки, преследование меньшинств, стремление посеять панику на улицах городов, а в конечном счете – шокировать общественное мнение (при этом теоретически целью провозглашается построение нового общества). Их действия нацелены в основном против негров, гомосексуалистов, бездомных, а также против панков и участников социальных движений.

Не так давно они установили отношения с международными организациями, в частности, в Латинской Америке. Это стало возможно на базе их внутренней радикализации, т.е. когда они в своей собственной политической и культурной среде взяли на вооружение позаимствованную у неонацистов непримиримость. Отрицание связи с другими, не расистскими группировками бразильских скинхедов (например, «Карекас»), и с иными прорадикальными организациями как раз и позволи-

ло им прийти к взаимопониманию прежде всего с аргентинскими неонацистами (Аргентина граничит с южными штатами Бразилии). Судя по всему, наилучшим воплощением этого «латиноамериканского диалога» между аргентинскими и бразильскими неонацистами стала группа «18-ая дивизия», а также музыкальные группы направления «Рок против коммунизма» [19].

С институциональной точки зрения (т.е. с точки зрения создания сколько-нибудь заметных политических организаций или общественных движений) эти попытки эфемерны. Как и в случае с бразильскими скинхедами, оживление деятельности неонацистов стало своеобразным отражением процесса восстановления демократического правления: даже движение с ярко выраженной антидемократической сущностью не преминуло воспользоваться новым и еще не занятым политическим пространством – многопартийной демократией. Примерно в 1988 г. Арманду Занини-мл. предпринял попытку создания Бразильской национал-социалистической партии (БНСП), которая высоко оценивала германский нацизм с его расизмом и антисемитизмом. Так же, как это было сделано в британском варианте этой партии («Национальный фронт»), он попытался, хотя и без малейшего успеха, кооптировать в нее молодежные организации скинхедов. В соответствии с тогдашним электоральным законодательством, имевшим сильный антиавторитарный заряд, партия не смогла зарегистрироваться. Тогда А. Занини-мл. предпринял и вторую попытку, организовав Бразильскую националистическую революционную партию, но и она оказалась абсолютно эфемерной и не получила узаконенного статуса; провал этой попытки подтвердил тот факт, что в Бразилии у неонацизма нет перспектив как у политической партии.

В этом плане бразильский опыт отличается от того, что можно наблюдать в других латиноамериканских странах [20]. В Парагвае Национал-социалистическая партия воспользовалась политическим пространством, образовавшимся, как и в Бразилии, в результате запоздалого восстановления демократического правления (или третьей волны демократизации), и получила право участвовать в выборах. Однако период легального существования этой партии был коротким и завершился в 1993 г. [21] Подобная же ситуация сложилась и в Аргентине вокруг Партии Новый триумф, созданной Алехандро Биондини [22]. Апеллируя к идеологии, эстетике и внешним атрибутам классического нацизма, Биондини попытался войти в аргентинскую политику в качестве альтернативы правым радикалам (полити-

ческий пейзаж Аргентины был гораздо более разнообразен, чем в Бразилии). Изгнанная с политического поля и не обладая сколько-нибудь значимым политическим весом, аргентинская партия все же добилась большего успеха, чем ее бразильский и парагвайский аналоги.

Однако наибольшего политического эффекта, как представляется, достигают те, кто подвизается на ниве исторического ревизионизма и действует на стыке почти недоступной им политики, движений скинхедов и литературы. Речь идет о писателях, которые с якобы научных позиций пытаются отрицать Холокост, газовые камеры или события, сыгравшие ключевую роль в разворачивании Второй мировой войны.

Выступая с позиций антисемитизма и конспирологии, эти авторы стремятся создать некую претенциозную параллельную историографию, где под предлогом ревизии истории они пытаются возродить нацистский дискурс или, как минимум, снять с него историческую вину с нацизма. У таких представителей неонацистов можно легко проследить их международные связи. Будь то попытка создать организации, подобные американскому «Институту пересмотра истории» (*Institute for Historical Review*), или переводы соответствующих произведений, написанных иностранными авторами – выходцами из восточноевропейских стран и живущими в Латинской Америке, – авторы, которые пересматривают или отрицают Холокост («ревизионисты», как они сами себя называют, или «негативисты», как их называют другие) [23], устанавливают связь со своими единомышленниками. В Бразилии такая связь осуществляется через Интернет, который помогает общению бразильцев с аргентинцами и чилийцами, особенно на аргентинском сайте под названием «Свободное мнение» [24].

Цель авторов данного направления – пересмотр истории и попытка «беспристрастно» ее переписать. Но обман уже на уровне аргументов – налицо, так как эти произведения служат не только оправданию вины нацизма, но и являют собой тот тип литературы, который востребован членами и сторонниками различных неонацистских организаций. Помимо гитлеровской «Майн кампф» литературная продукция, пересматривающая Холокост, являлась в рассматриваемый период одним из главных инструментов по привлечению новых участников неонацистских организаций, т.к. она поощряет искаженный взгляд на исторические реалии и призывает старых и современных нацистов к поиску общих точек соприкосновения.

Главным бразильским автором работ, отрицающих Холокост, был Зигфрид Элвангер Кастан

– писатель и владелец издательства «Ревизау»*. Необходимо вновь подчеркнуть, что это издательство, созданное в г. Порту-Алегри (штат Риу-Гранди-ду-Сул)**, возникло именно в тот период, когда на волне восстановления демократии в 1985 г. бразильский неонацизм поднял голову и создал площадку для воспроизведения на бразильской почве теорий, направленных против сионизма (или попросту антисемитских) и антидемократических идей.

Основное произведение, вышедшее в этом издательстве, носило название «Холокост: против евреев или против немцев? За кулисами главной лжи века», автором которого был сам хозяин издательства. В книге, ставшей хитом данного вида «сублитературы», автор утверждал, что факты Холокоста и события Второй мировой войны были сфальсифицированы «международным сионизмом» [25].

В тот момент, во время процесса восстановления демократии, когда постоянно шли дебаты о границах правосудия и пределах компетенции государственной власти, после презентации книги последовали многочисленные отклики на нее в крупных бразильских СМИ, и это повлекло за собой широкомасштабные дискуссии о «ревизионизме» как явлении. Книга о Холокосте (или, точнее говоря, об отрицании такового) была впервые выпущена в 1987 г., что оказало немалое влияние на начальный этап восстановления демократии и в особенности шокировала еврейскую общину Бразилии. По запросам правозащитных и еврейских организаций Зигфрид Кастан, как и издательство «Ревизау», неоднократно подвергались судебным преследованиям за распространение идей расизма и расовой дискриминации [26]. Дело получило столь большой отклик, что даже дошло до высшей бразильской судебной инстанции – Федерального Верховного суда.

В упомянутой книге Кастан пытается отрицать Холокост с помощью различных источников и даже рассказов выживших бывших узников концлагерей, стремясь уверить читателей, что история Второй мировой войны не соответствует действительности, поскольку является «официальной историей», «написанной победителями», и отличается тенденциозностью, призванной представить действия союзников по антигитлеровской коалиции в наиболее выгодном свете [27]. Автор стремится выстроить свои аргументы так, чтобы указать на «подлинных» и «единственных» виновников, заинтересованных в провоцировании войны, а именно – на евреев и международное сообщество, а также на те страны, которые втягивались в новую систему международных отношений. Утверждая, что сионизм стремился к мировому господству, к разведыванию, а затем

и захвату природных ресурсов Германии, Кастан пытается оправдать действия нацистской партии, представляя их как ответ на мнимую постоянную агрессию со стороны сионизма.

Поскольку главной целью этой книги, как и всей «негативистской литературы», было оправдание не только и не столько Германии, сколько прежде всего Гитлера и германской нацистской партии, то и главной идеей стало отрицание Холокоста как исторического факта. Авторы подобной литературной продукции пошли по пути слияния «негативизма» и гитлеровской идеологии; такой подход оказал влияние на другие течения бразильского и международного неонацизма. Эта установка стала для них необходимой для исторического оправдания нацизма. При этом, даже не стремясь к институционализации (в виде политической партии) или к привлечению в свои ряды молодежи или широких масс, в определенный период времени (на этапе восстановления демократии) данное направление бразильского неонацизма получило больше всего откликов и горячей заинтересованности.

С другой стороны, подобный отклик не означал, что его представители и выдвигавшиеся ими инициативы получают историческую и правовую легитимность. Ведь не только Кастан, но и большая часть «негативистов» теснейшим образом связаны с праворадикальными организациями и группировками, и циркуляция их книг ограничивается в основном читателями и организациями пронацистской, неонацистской и просто антисемитской направленности. Дискуссии, предлагаемые теми, кто отрицает Холокост, сводятся к конспирологии как к свойственному антидемократическим группировкам примитивному мышлению, построенному на поисках параллельной реальности и заполняющему определенную нишу политического пространства Бразилии и Латинской Америки.

Таким образом, подводя итог рассмотрению трех ипостасей неонацизма (можно использовать это определение как термин в исследовательской работе), можно заключить, что бразильский неонацизм обладает специфическими чертами, связанными как с бразильской исторической традицией, так и с особенностями имевшего место в Бразилии консервативного варианта демократического транзита, не говоря уже о его в целом запоздалом характере.

Хотя в ряде работ бразильских и европейских авторов [28] наблюдается стремление анализиро-

* Говорящее название: revisão (порт.) – пересмотр, ревизия. – Прим. перев.

** Данный штат в 1930-е гг. был регионом компактного проживания немецких иммигрантов и распространения нацистских идей. – Прим. перев.

вать неонацизм в глобальной перспективе (исходя из международного масштаба этого феномена), а его бразильский вариант (и в ряде случаев варианты некоторых стран Южного конуса) рассматривать как подражание ему, данный подход является упрощенным. Мы же считаем, что те процессы, которые вызвали к жизни восстановление демократии в Бразилии и соответствующие социальные и политические перемены, сыграли важную роль и в развитии специфических форм неонацизма в стране.

Можно задаться вопросом, был ли этот процесс вызван имеющими тенденцию к повторяемости явлениями международной жизни либо это был вариант ответа бразильского правого радикализма неонацистской ориентации на новую – демократическую – политическую повестку дня. Экстремизм скинхедов и другие проявления неонацизма в определенной степени являются непосредственной реакцией на изменение прежних общественных институтов, представляемой ими как демонтаж общества в целом. В их представлениях процесс восстановления демократии символизировал начало крушения их собственного мира. Поэтому, несмотря на то, что бразильский неонацизм как часть международного движения того же типа возник как средство борьбы с анархистскими и левыми движениями, его следует понимать как неразрывно связанный с национальной бразильской спецификой, обусловившей сложность и неоднозначность этого явления.

Примечания:

1. *Sader, E.* Quando novos personagens entraram em cena: experiências, falas e lutas dos trabalhadores da Grande São Paulo (1970–80) – Rio de Janeiro, 2001.
2. *Power, T.J.* The Political Right in Post-authoritarian Brazil: Elites, Institutions, and Democratization. – University Park, 2000.
3. *Pierucci, A.F.* As bases da nova direita // *Novos Estudos (CEBRAP)* – 1987. – N. 19. – Dez.
4. *Marchi, R.* Movimento Sociale Italiano, Alleanza Nazionale, Popolo della Libertà: do neofascismo ao pós-fascismo em Itália // *Análise Social* – 2011. – Vol. XLVI (201). – P. 697-717.
5. *Milza, P.* Fascisme français: passé et présent/ – Paris, 1987; *Winock, M.* Histoire de l'extrême-droite en France – Paris, 1994; *Vizentini, P.F.* O ressurgimento da extrema-direita e do neonazismo: a dimensão histórica e internacional // *Neonazismo, negacionismo e extremismo político* / Organizadores Luis Milman. Paulo Fagundes Vizentini. – Porto Alegre, 2000.
6. *Laqueur, W.* Fascim: Past, Present, Future. – Oxford, 1996.
7. *Almeida, A.* A Divisão 18: a identidade de resistência de uma organização Skinhead White Power Argentino-Brasileira // *Contemporâneos: Revista de Artes e Humanidades*. – 2013. – Vol. 11 – P. 5.
8. *Costa, M.R.* Os carecas do subúrbio: caminhos para o nomadismo moderno. – São Paulo, 2000.
9. *Bivair, A.* O que é Punk? – São Paulo, 1986; *Essinger, S.* Punk – Anarquia Planetária e a Cena brasileira. – São Paulo, 1999.
10. *Costa, M.R.* Op. cit.
11. *Almeida, A.* Skinheads: Os «Mitos Ordenadores» Do Poder Branco Paulista. – São Paulo, 2004.
12. *Almeida, A.* Skinheads... – P. 38.
13. *Costa, M.R.* Op. cit.
14. *Salem, H.* As tribos do mal: o neonazismo no Brasil e no mundo – São Paulo, 1995.
15. *Costa, M.R.* Op. cit.
16. *Almeida, Alexandre.* Skinheads... – P. 38.
17. Термин «Белая сила» возник в США в ходе споров между лидером Американской нацистской партии Джорджем Линкольном Рокуэлом и руководством движения «Черные пантеры»: речь шла о претензии на превосходство представителей белой расы в США в противовес движениям за гражданские права негров. Впоследствии данный термин воплотился в названии газеты вышеуказанной партии.
18. *Gertz, R.* O fascismo no sul do Brasil: germanismo, nazismo, integralismo. – Porto Alegre, 1987; *Athaides, R.* O Partido Nazista no Paraná (1933–1942). – Maringá, 2011.
19. *Almeida, A.* A Divisão 18...
20. *Caro, I.* Extremismos de derecha y movimientos neonazis (Berlin, Madrid, Santiago). – Santiago, 2007.
21. *Arditi, B.* Adiós a Stroessner: Nuevos espacios, viejos problemas. // *Nueva Sociedad*. – 1989. – N. 102, jul-ago. – P. 24-32.
22. *Almeida, F.C.* A «nova» Extrema-Direita: o caráter grupuscular das organizações neofascistas em Portugal e na Argentina // *Locus*. – 2012. – Vol. 18 – P. 187-208.
23. *Jesus, C.G.N.* Anti-semitismo e nacionalismo, negacionismo e memória: Revista Editora Revisão e as estratégias da intolerância. – São Paulo, 2006.
24. *Silva, K.K.J.; Maynard, D.C.S.* Intolerância Digital: história, extrema-direita e cibercultura (1996–2006) // *Scientia Plena* – 2010. – V. 6, n. 12.
25. *Caldeira Neto, O.* Memória e justiça: o negacionismo e a falsificação da história // *Antíteses*. – 2009. – Vol. 02 – P. -27.
26. *Jesus, C.G.N.* Op. cit.
27. *Castan, S.E.* Holocausto: Judeu ou Alemão? – Nos Bastidores da Mentira do Século. – Porto Alegre, 1985.
28. *Costa, M.R.* Op. cit.; *Dias, A.A.M.* Os anacronautas do teutonismo virtual: uma etnografia do neonazismo na Internet. – Campinas, 2007; *Herf, J.* O modernismo reacionário. – Campinas; São Paulo, 1993; *Hockenros, P.* Livres para odiar. Neonazistas: ameaça e poder – São Paulo, 1995; *Lopes, L.R.* Do terceiro Reich ao novo nazismo. – Porto Alegre, 1992; *Salem, H.* Op. cit.

УДК 94(517)«19»
ББК 63.3(5Япо) 6-3

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И ПОДЪЕМ РАДИКАЛЬНОГО СИНТОИСТСКОГО УЛЬТРАНАЦИОНАЛИЗМА В ЯПОНИИ*

Уолтер Скайа,
ассоциированный профессор истории
и директор программы азиатских
исследований Аляскинского университета
в Фэрбенксе (США)
walterskya@gmail.com

Перевод с английского Л.А. Кац

Аннотация. Великая Европейская война была одним из самых важных событий в современной мировой истории. Она открыла путь глобальным противостояниям XX в. Тем не менее, лишь немногие историки знают о том, что Первая мировая война породила массовый национализм в Китае и Корее, а также способствовала росту радикального синтоистского ультра национализма в Японии – идеологии, которая была направлена на мобилизацию японских масс и вдохновляла японскую элиту сделать заявку на глобальное господство в 1930-е–1940-е гг. Еще менее известно, что синтоистский национализм вдохновлял итальянских фашистов, а немецкие нацисты восторгались «народностью» японской государственной религии.

Ключевые слова: Япония, Первая мировая война, синтоистский ультра национализм, фашизм.

THE GREAT EUROPEAN WAR AND THE RISE OF RADICAL SHINTO ULTRANATIONALISM IN JAPAN

Walter Skya, Associate Professor of History
and Director of the Asian Studies Program,
University of Alaska Fairbanks, United States of America

Abstract. The Great European War was one of the most important events in modern world history because it paved the way for the great contestations of the twentieth century. Out of it came communism in Russia, fascism in Italy and Nazism in Germany. However, few students of history know that it produced mass nationalism in China and in Korea, and also led to the rise of radical Shintō ultranationalism in Japan, the ideology that mobilized the Japanese masses and inspired the Japanese elite to embark on a bid for global power in the 1930s and 1940s. Furthermore, few people are aware of the fact that Shintō nationalism served as the inspiration for the Italian Fascists and that German Nazis were in absolute awe of this Völkisch Japanese state religion.

Key words: Japan, First World War, radical Shintō ultranationalism, fascism.

Введение

28 июня 1914 г. в городе Сараево провинции Босния и Герцеговина сербско-боснийский националист и экстремист Гаврило Принцип убил наследника престола Австро-Венгерской империи эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софи фон Хотков. Вскоре за этим последовала цепная реакция объявления войн. Так началось особо же-

стокое кровопролитие, продолжавшееся вплоть до подписания перемирия 11 ноября 1918 г. В ходе боевых действий бесчеловечно и бессмысленно было

* Статья впервые опубликована на английском языке в книге The New Nationalism and the First World War / Eds. by L. Rosenthal and V. Rodić. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 161-181.

убито более 15 млн человек. Кроме того, война принесла материальные разрушения в беспрецедентных для тех времен масштабах.

«Великая война» (так современники называли Первую мировую войну) имела далеко идущие последствия. Она привела к краху исторических империй и монархий в Европе: Гогенцоллернов в Германии, Габсбургов в Австро-Венгерской империи, Романовых в России и Османов в Османской империи. На их обломках в Центральной Европе и на Ближнем Востоке возникли новые национальные государства. Война также привела к идее создания всемирной организации нового типа – Лиги Наций. Но, возможно, одним из самых ее главных последствий было идейное наследие. Она породила новые идеологии в противовес либерально-демократическим ценностям.

Тем не менее, не всем изучающим историю Запада в полной мере известно, что за его пределами Великая война вдохновила и дала направление националистическим движениям в азиатских государствах, в частности, в Китае и Корее [1]. В Японии эта война послужила толчком к подъему новой и опасной формы радикального синтоистского ультра национализма, который подготовил почву для ее борьбы с Западом.

Цель данной статьи – рассмотрение этого явления и, в частности, того, каким образом международные события и тенденции во внутренней политике Японии смогли в своей совокупности породить синтоистский ультра национализм. Кроме того, поскольку немногие имеют представление о связях и взаимовлиянии идеологических течений, таких, как итальянский фашизм, немецкий нацизм и радикальный синтоистский ультра национализм, в этой статье будет показано, как итальянские фашисты и немецкие нацисты вдохновлялись японским синтоистским национализмом. И, наконец, статья докажет на документальной базе, что японские синтоистские ультра националисты в широком смысле придерживались такого же видения мира, как и немецкие нацисты, и итальянские фашисты. Они воспринимали себя в качестве идейного лидера всемирного движения с центром в Германии и Японии задолго до начала Второй мировой войны в Европе.

Происхождение японского императорского государства

В книге *«Национализм и государство»* британский историк Джон Брэйли классифицирует японский национализм как «реформаторский национализм» за пределами Европы. Это был тип национализма, возникшего в государствах, которые, несмотря на глубокое влияние контактов с запад-

ным миром, никогда не подвергались официальному политическому контролю западных держав [2]. Брэйли считает, что националистические движения в таких государствах «стремились реформировать коренное общество в духе современных им тенденций, но отвергая различные формы экономического контроля и культурного превосходства Запада и соединяя реформированное... с национальной идентичностью» [3].

Если согласиться с этим, то следует признать, что происхождение японского национализма и современного японского государства фундаментально отличались от ранних форм национализма в европейских государствах-нациях, которые основывались на общей судьбе, общем языке и культуре в условиях разрушения традиционных универсалистских религиозных общин и полиэтнических династий [4].

Прибытие американского commodора Мэтью С. Перри и его военно-морских сил, состоявших из двух паровых фрегатов и двух корветов, в Урага Харбор возле Эдо (Токио) в июле 1853 г. символически знаменовало собой начало японского «реформаторского национализма». Это событие дало мощный импульс революционерам, желавшим покончить с политикой дипломатического изоляционизма, введенной тогдашним режимом, и централизовать японское государство под императорским правлением для проведения внешней политики экспансионизма. Другими словами, эти люди видели в Перри не угрозу, а возможность омоложения [5] после десятилетий упадка и внутреннего разложения.

В течение 15 лет им удалось свергнуть режим в ходе государственного переворота 1868 г. и объявить 3 января о восстановлении реальной императорской власти. В последующие два десятилетия «серые кардиналы», в основном выходцы из бывшей традиционной военной аристократии, произвели революционный переход от феодализма к национальной государственности. При этом они черпали вдохновение в современных им и доступных централизованных европейских государственных системах. Так им удалось напрямую ознакомиться с опытом США и европейских государств в ходе ознакомительной миссии Ивакуры с 1871 по 1873 гг., когда большая делегация представителей высшего руководства Японии отправилась в длительную поездку в Америку и Европу.

Ивакура Томоми, один из самых влиятельных олигархов первых лет революции, реставрировавшей власть династии Мэйдзи, считал, что суть конституционных дебатов сводилась обычно к тому, какую систему конституционной монархии лучше всего принять японцам: близкую к английскому

или прусскому образцам? «Если мы планируем создать в нашей стране конституционное правительство и парламент, – отмечал он, излагая свою точку зрения, – то будем создавать нечто новое. Проблема заключается вот в чем: будем ли мы следовать английской модели и формировать партийное правительство, делая парламентское большинство ответственным за управление, или же, следуя принципу постепенности, мы предоставим [парламентскому большинству] законодательную власть, а исполнительную власть оставим за императором по прусскому образцу?» [6].

В результате конституционные дебаты закончились поражением тех, кто выступал за английскую систему конституционной монархии. Таким образом, «победа прусской модели конституционной монархии лишила Японию возможности (по крайней мере, теоретически) развиваться в классическое западноевропейское либерально-демократическое государство, основанное на концепции народного суверенитета» [7]. «Выбор немецкой модели имел самые серьезные последствия для основных политических и дипломатических решений, принимавшихся основателями более современной Японии» [8].

Конституция «Великой Японской империи» была обнародована 11 февраля 1889 г. Она была заявлена как дар императора его японским подданным. При этом она не была «клоном» прусской конституции и содержала важные японские характеристики. Самым главным была неразрывная связь религии и государства.

Статья I конституции гласила: «[Великая] Японская империя управляется непрерывно и на вечные времена императорской династией». Эта констатация стала центральной доктриной религии синто и основой синтоистского богословия. Считалось, что царствующий и правящий император – потомок божества Аматэрасу Оомиками.

В статье III утверждалось, что «император является священной и неприкосновенной особой». Аналогичную формулировку можно было найти и в европейских конституциях. Но в Японии она подразумевала нечто существенно большее.

Ито Хиробуми, ответственный за проект конституции, писал в своих комментариях, что «Святой Престол был создан в то время, когда небеса и земля разделились» [9]. В статье IV констатировалось, что «император является главой империи, сочетая в своей особе все права на суверенитет, и осуществляет их в соответствии с положениями настоящей Конституции». Вместе с тем статьей V было предусмотрено, что свою законодательную власть император осуществляет «в согласии» с имперским парламентом».

Таким образом, Ито сочинил конституцию, полную противоречий. Роберт А. Скалапино писал в этой связи в своей работе, что «конституция Мэйдзи была, по существу, попыткой объединить две явно непримиримые концепции: императорский абсолютизм и народное правительство» [10]. Другой проницательный наблюдатель назвал соединение этих непримиримых понятий «абсолютной конституционной монархией» [11].

Политическая жизнь Японии началась с открытия Сейма (парламента) в конце 1890 г. Следующее десятилетие характеризовалось непрекращавшимися враждебными отношениями между правящей олигархией, с одной стороны, и оппозиционными политическими партиями – с другой. Эта враждебность постоянно загоняла правительство в тупик и делала его недееспособным, в первую очередь, из-за препятствий, чинимых олигархам парламентской оппозицией, тормозившей принятие государственных бюджетов. Олигархи в ответ то и дело распускали парламент. Паралич правительства в конечном итоге привел к поиску альтернативных форм государственного устройства и появлению новых националистических течений [12].

Критики сложившейся системы начали поиск иной стабильной и работоспособной формы правления, способной вывести страну из политического тупика, вызванного стремлением парламента заставить правящих олигархов отказаться от власти, и такой же решимостью олигархии сохранить контроль над государством [13]. С одной стороны, на политической арене появились реакционные религиозные фундаменталисты-ультранационалисты, как, например, Ходзуми Яцука, который предлагал передать всю законодательную и исполнительную власть императору и лишить парламент права оспаривать законы и бюджеты, разрабатываемые кабинетом министров. С другой стороны, активизировались более либеральные и демократически настроенные националисты, такие, как Минобэ Тацукити, который добивался передачи всей политической и законодательной власти парламенту, понизив статус императора как политической фигуры.

В своей книге «Национальное образование: патриотизм» (1897) Ходзуми Яцука исходил из теории государства, напоминавшей по своей структуре ту, которая была выдвинута английским политическим теоретиком XVII в. сэром Робертом Филмером, превозносившим абсолютную монархию, у истоков которой он видел сыновей Ноя [14]. При этом Ходзуми вел речь, главным образом, о «семье-государстве», в которой индивидуальное домохозяйство и император неразрывно связаны патриархальным общественным устройством. Глава дома, реализуя

власть предков, осуществляет патриархальное господство над семьей. В свою очередь, император, являющийся представителем божественной силы, осуществляет верховную власть над обществом. И патриархальная, и суверенная власть являются полномочиями, с помощью которых император-отец защищает своих любимых детей – продолжателей рода [15].

По Ходзуми, японская «народность», или этническое государство, смогло избежать свойственной другим народам коррупции, сохранив свою расовую чистоту и оригинальную монархическую политическую систему благодаря непрерывной линии императоров со времен происхождения Земли. Согласно его интерпретации статья V конституции вовсе не означает, что император должен разделять законодательную власть с парламентом. Напротив, парламент не может иметь собственной «законной воли».

Противоположная теория, которую отстаивал Минобе Тацукити, была фактической калькой германской модели императора как главы государственного механизма. Иными словами, Минобе не сформулировал теории народного суверенитета, поэтому японские парламентские правительства с самого начала создавались на непрочной идеологической основе.

Выше уже упоминалось о возникновении в Европе новых опасных форм национализма и об их трансформации во время и после Первой мировой войны в еще более радикальные проявления. Эту тенденцию можно зафиксировать и в Японии в виде яростного антилиберального и антисоциалистического национализма Ходзуми Яцука, привнесшего синтоистский ультранационализм в центр политического дискурса в последнее десятилетие XIX в. и начале XX в.

Зарождение японского экспансионизма

Отличие от ранних европейских форм японский национализм был экспансионистским с самого начала. В 1873 г., всего через четыре года после того, как фракция аристократического военного класса свергла феодальный режим Токугава, в ходе ускоренного созидания нации в правящем Государственном совете прошли дебаты о вторжении в Корею, предложенном радикальной фракцией правящей олигархии. Хотя это предложение не прошло, сам инцидент свидетельствовал об империалистическом менталитете новой японской правящей элиты.

Радикальная фракция не нашла поддержки не по принципиальным причинам, а потому что выбрала неудачное время. С 1870-х до начала 1890-х гг. внешняя политика японского государства была со-

средоточена на том, чтобы вырвать Корею из орбиты китайской династии Цин. Более благоразумные лидеры того времени полагали, что новое японское государство еще не окрепло и не готово к следующему шагу. Нация еще находилась в процессе создания современной механизированной военной машины.

Однако в последующие два десятилетия японцы смогли так стремительно и успешно овладеть достижениями европейских научных и промышленных революций, что поразили весь мир. Япония превратилась в новую индустриальную державу, одержав на протяжении десяти лет ошеломляющие победы над двумя крупнейшими мировыми империями: над густонаселенными владениями династии Цин в 1895 г. и Российской империей в 1905 г. [17].

Война между Японией и династией Цин и поражение последней круто изменили весь восточноазиатский геополитический порядок. С этого времени Япония сменила Китай в качестве центра этой части света, который он олицетворял в течение многих столетий, и превратилась в гегемона Восточной Азии. А спустя десять лет победа Японии над царской Россией потрясла уже западный мир, который начал видеть в Японии новую потенциальную угрозу.

Более того, на Японию обратили внимание националисты всей Азии. Даже и по другую сторону Тихого океана – американскому общественному мнению, в котором уже к концу русско-японской войны начали появляться антияпонские настроения», – пришлось приспособиться к подъему азиатского империализма [18]. Тем временем именно после этой войны в японские университеты устремились многие молодые китайские националисты. Война со всей очевидностью «была расценена некоторыми в Китае как борьба между белой и желтой расами, а также между конституционализмом и диктатурой» [19]. В этих условиях династии Цин пришлось провести реформу по японской модели, что, правда, не спасло режим, который пал в ходе революции 1911 г.

Исход борьбы Японии с Российской империей в русско-японской войне 1904–1905 гг. произвел сильное впечатление и на молодых турецких националистов. На османских Балканах вспыхнуло восстание офицеров «младотурков», принадлежавших к тайной организации «Комитет союза и прогресса» – военной организации, одной из наиболее важных целей которой были военные реформы [20]. Они стали проводиться при поддержке Германии. Ведущую роль в их реализации сыграл фельдмаршал Кольмар фон дер Гольц, состоявший на службе в Османской империи.

При военной реорганизации вооруженных сил Османской империи, начатой в 1910 г., были учтены, в частности, уроки русско-японской войны [21]. Полковник Пертев-бей был на ней османским военным наблюдателем с японской стороны. Он оказался свидетелем знаменитой осады Порт-Артура армией генерала Ноги Марэсука. Победа Японии в русско-японской войне вызвала восхищение в Османской империи и «привлекла внимание к Японии как к образцу современного государства и конституционализма, опровергнув европейские представления об азиатской расовой неполноценности» [22].

«Младотурки» добивались восстановления в Оттоманской империи конституции 1876 г., упраздненной Абдул-Хамидом, «не потому, что были либералами, а потому что рассматривали ее как своего рода символ возрождения, которого Япония достигла после реставрации Мэйдзи в 1868 г.» [23].

Русско-японская война привлекла к себе внимание новых националистов даже в самом сердце Европы. Одним из них был итальянский националист Энрико Коррадини. Он основал правую газету «*Il Regno*» (1903–1905), а в 1910 г. вместе с другими итальянскими националистами создал Итальянскую националистическую ассоциацию, которая в 1923 г. вошла в состав Национальной фашистской партии Бенито Муссолини. Итальянская националистическая ассоциация и ее печатный орган – еженедельная газета «*L'Ida Nazionale*» – агитировали за милитаристский национализм и стремились обратить итальянские массы в светскую религию, которая могла бы противостоять политической мобилизации социалистов и католиков.

Таким образом, «импульс к новой вере пришел с Дальнего Востока» [24]. Коррадини выражал искренний восторг по поводу японского синтоистского «народного» государства. Его покорял синтоизм – «религия героев и сущности Японии» [25], его способность функционировать путем интеграции индивида, формируя коллективное национальное самосознание и придавая японцам силы для победы. «Култ героев был фундаментальным понятием этой религии и не просто как родовая память и печаль, а как активное восславление божественности нации и пробуждение ее к жизни» [26]. «Благодаря героям, – писал Коррадини, – нация становится отечеством, а активность – религией. Герои – живая душа Родины» [27]. Коррадини не мог бы найти лучшую модель подобного религиозного государства, чем японская синтоистская держава.

Победа Японии над Россией стала оправданием революции Мэйдзи. Систематическая программа модернизации и индустриализации, осуществ-

ленная под руководством авторитарного режима Мэйдзи, сработала и привела к победе над двумя великими империями, которые не смогли вовремя провести необходимой модернизации. Однако русско-японская война вызвала и новую волну в истории японского национализма. После того, как был подписан мирный договор в Портсмуте (Нью-Хэмпшир), 5 сентября 1905 г. в японских городах начались беспорядки. Японские подданные были возмущены условиями договора. Беспорядки привели в январе 1906 г. к падению кабинета премьер-министра Кацура Таро. Историки рассматривают данное событие как начало вызревания в Японии уже массового национализма.

Великая [Европейская] война и разжигание националистических страстей в Восточной Азии

Когда 28 июня 1914 г. Австрия объявила войну Сербии, что привело к Великой Европейской войне, Япония в соответствии с англо-японским союзом, заключенным в 1902 г., была британским союзником. Поскольку война была европейской, то от Японии не требовалось принять в ней участие. Тем не менее, объявив войну Германии, Великобритания обратилась к Японии с просьбой атаковать немецкие владения в Китае. 23 августа 1914 г. Япония заявила о своем присоединении к военным действиям. Захватив находившийся под управлением немцев китайский город Циндао и окружающую его провинцию Шаньдун, Япония 14 октября приступила к оккупации Северных Марианских островов.

С энтузиазмом вступая в войну, японцы рассчитывали достичь «давно вынашивавшихся национальных целей» [28]. Японский высокопоставленный государственный чиновник Иноуэ Каору называл войну «божественной помощью новой для судьбы Японии эпохе Тайсё (1912–1925)» [29]. Как выразился другой японский националист, «это была мантия небесная». Фредерик Дикинсон писал, что «военные годы окажут решающее влияние на японскую политику, экономику и общество, определив характер японского государства в XX в.» [30].

Пока европейцы занимались самоуничтожением, Япония предпринимала конкретные шаги, чтобы установить свой контроль над Китаем, выдвинув «21 требование», выполнение которых означало бы ее абсолютное господство над большей частью китайских территорий. При всем этом, как ни парадоксально, но, будучи формально союзниками англичан, японцы на самом деле были во многом настроены прогермански, рассматривая захват немецких владений в Китае как «джентльменскую сделку». Японские офицеры направляли в осажден-

емый ими гарнизон Циндао послания с пожеланием своим немецким друзьям и наставникам удачи и безопасности в период осады. Когда немецких военнопленных доставили в Японию «на время боевых действий», император послал им навстречу своего представителя, а восторженная толпа японцев приветствовала прибывших возгласами «Банзай», размахивая как японскими, так и немецкими флажками [31].

После поражения Германии, зафиксированного в ноябре 1918 г., авторитарные лидеры Японии, строившие и направлявшие японское государство, вдохновляясь примером немцев, «неожиданно оказались как бы по другую сторону глобальных изменений» [32]. Они чувствовали себя осажденными сразу с нескольких сторон, как изнутри, так и извне из-за «опасных событий», происходивших в мире.

Во-первых, окончание Первой мировой войны и документы, подписанные на Версальской мирной конференции, вдохновили народы, находившиеся под колониальным господством. В 1919 г. в самом сердце японской империи вспыхнуло крупное восстание корейских националистов. «Четырнадцать пунктов президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона» призывали утвердить принцип национального самоопределения. Корейские националисты в Японии отреагировали на них, создав организацию «Молодежь за независимость Кореи», и в феврале 1919 г. одобрили декларацию, призывавшую к немедленному провозглашению независимости. В марте на Корейском полуострове, «по оценкам, от 500 тыс. до 1 млн человек» участвовали в демонстрациях, продолжавшихся на протяжении всей весны» [33]. Все это стало шоком для японского руководства, засвидетельствовавшим крах его колониальной политики.

Во-вторых, в Китае с японской точки зрения, наметились «новые тревожные события». В 1919 г. китайские националисты восстали против Версальского урегулирования, предоставившего Японии контроль над Шаньдунским полуостровом. Анти-японские настроения в Китае были столь сильны, что тогдашнее неустойчивое правительство Пекина отказалось присоединиться к договору. «Был начат общенациональный бойкот японских товаров, что побудило Джона Дьюи, находившегося тогда с визитом в Китае, воскликнуть: нарождается новая нация» [34].

Дьюи, несомненно, был абсолютно прав, поскольку сложившаяся ситуация действительно положила начало китайскому массовому национализму. Дипломатическая победа Японии на Версальской мирной конференции, предоставившей

японцам контроль над Шаньдунским полуостровом, обернулась для них кошмаром, вызвав массовые националистические восстания, получившие наименование Движения 4 мая [1919 г.] [35].

В-третьих, весьма тревожным сигналом для японского руководства стал крах монархий на Евразийском континенте.

Важно иметь в виду, что вектором тогдашней основной глобальной политической тенденции было движение к республике и законности на основе народного суверенитета. Между тем, как было показано выше, революция в Японии была нацелена на восстановление политической власти императора. Эта установка было закреплена в «Конституции Великой Японской империи». Как же можно было допустить, чтобы с разрушением монархий во всем мире пала бы и японская монархия?

В-четвертых, Россия в 1917 г. не только перестала быть монархией, но и попала под власть большевиков. Наблюдая за происходившими там событиями, японские националисты почувствовали, что им придется иметь дело с другой враждебной глобальной идеологией.

В-пятых, американский президент Вудро Вильсон заявил, что Соединенные Штаты вступили в войну с целью «положить конец всем войнам» и сделать мир «безопасным для демократии». Авторитарное японское руководство, которое было против демократии, восприняло это как еще одну зловещую глобальную угрозу. Страх перед ней выражали многие японские мыслители. Например, в апреле 1917 г. премьер-министр Японии генерал Тераути Масатаке посетовал, что «приливная волна [демократической] мировой мысли может уничтожить весь порядок и нанести вред самой сути нашего национального государственного устройства» [36].

В-шестых, еще одной проблемой стало создание Лиги Наций, имевшей целью укрепление нового мирового порядка на принципах демократического интернационализма народов. Тем самым, японцы были втянуты в нарождающийся мировой порядок, который в значительной степени формировался под влиянием западных либеральных ценностей и недавно образованного Советского Союза. Таким образом, японцы почувствовали себя в кольце блокады различных враждебных политических течений.

Внутри Японии авторитарное правление олигархов также подвергалось некоторым демократическим преобразованиям. Япония начала сдвигаться к британскому стилю парламентского правления – той самой политической системе, которую должна была предотвратить «Конституция Великой Японской империи», вдохновленная опытом Пруссии.

Но, возможно, самым тревожным был подъем в Японии своеобразного массового национализма. Бунт в Хибии, произошедший в 1905 г., стал первым в серии массовых беспорядков, которые в конечном счете вылились в «рисовые бунты» 1918 г. Этот период наглядно продемонстрировал, что новые политизированные массы не только создают угрозу государственной системе, установленной олигархией Мэйдзи, но и что «их действия на улицах сводят на нет основные положения, на которых зиждилась ультранационалистическая идеология Синто Ходзуми Яцука [37].

Все это сошлось воедино и спровоцировало фундаментальные изменения в характере японского национализма, вызвав дальнейший подъем радикального синтоизма. Уэсуги Синкити, который заменил Ходзуми в качестве ведущего теоретика синтоистской идеологии после смерти последнего в 1912 г., понял, что авторитарная патриархальность, какой представляли себе ее Ходзуми и другие националистические государственные теоретики Мэйдзи, переживает процессе разрушения и не может больше быть жизнеспособной идеологией имперского правления. Он также предсказал будущую войну с США и считал, что японские массы могут быть эффективно мобилизованы лишь «на основе активной преданности императору».

Один из уроков, которые японская армия извлекла из Первой мировой войны, была необходимость готовиться к тотальной войне [38]. Для этого надо было что-то делать. Руководствуясь данным обстоятельством, Уэсуги сформулировал новую теорию государства.

В своей работе 1921 г. *«Новое положение о государстве»* Уэсуги определил японское государство как носителя «высшей морали». Чтобы постичь суть этой морали, необходимо понять высшую природу бытия. Во-первых, «подтвердить существование себя, своего собственного бытия можно, только признав взаимозависимость существования себя с другими существами как органической целостности» [39]. Во-вторых, «своему индивидуальному бытию как составной части “бытия как целостности” свойственно движение». Оно находится в причинно-следственной связи с другими существами в пространственной среде. Движение существа происходит не только в пространстве: «оно также реализуется во взаимосвязи с другими существами в пространственной совокупности и во времени [40]. «Каждое существо как часть “бытия как целостности” развивается взаимозависимо и совершенствует себя по отношению к другим существам в определенной пространственно-временной матрице». Это и есть то, что надлежит определить

как мораль. В-третьих, это совершенствование, являющееся объектом становления человека, следует трактовать как «основное бытие». Цель каждого в жизни – реализация своего сущностного бытия. Самой высокой реализацией себя, осознания своего сущностного бытия является «подчинение воле императора». «Постичь себя и стать частью императора – значит достичь реализации своего сущностного бытия» [41].

Тем самым теория Уэсуги о японском государстве как бы вытеснила культ семьи как ключевого компонента идеологии синтоистского государства. В ней исчез теоретический разрыв между «существом» и императором. «Существо» полностью сливалось с императором. Подчиняться воле императора означало не уступать внешней силе или власти, но реализовывать свое основное бытие, свою сущность. Соответственно, все, что мешало «существу» достичь объединения с императором, должно было быть искоренено – в том числе коррумпированные чиновники, группирующиеся вокруг императора.

Можно с полным основанием утверждать, что это была самая радикальная теория государства в довоенной Японии.

В более широком контексте теория государства Уэсуги представляла собой своеобразную перефразировку прежней синтоистской ультранационалистической идеологии. При этом были объединены синтоистские доктрины и германская метафизика. В результате сложилась та тоталитарная идеология, которая полностью вытеснила прежнюю ориентацию на патриархальную семью, и стала ключевым компонентом государственных установок. В конечном счете объектом нравственной жизни человека была провозглашена смерть, венчающая соединение с императором во имя утверждения его правления во всем мире.

Радикальный синтоистский ультранационализм Уэсуги дал религиозное оправдание ликвидации политических партий и светского правительства и в конечном счете привел к волне политических убийств. Секуляризация политического порядка, утвердившая в Японии в 1920-х гг., привела к синтоистскому терроризму. Его жертвами стали три действующих премьер-министра: Хара Такаси (1856–1921), Осати Хамагучи (1870–1931) и Инукаи Цуёси (1855–1932) – и два бывших премьер-министра: Сайто Макото (1858–1936) и Такахаси Корэкиё (1854–1936). Кроме того, после неудачных попыток на покушения в тот же период едва удалось спастись премьер-министру Кейсукэ Окада (1868–1952) и Кантаро Судзуки (1867–1948).

Выводы

Первая мировая война, несомненно, была ключевым событием в современной мировой истории. Думаю, что никто даже в страшном сне не мог бы себе представить или предвидеть, что эта война, которая началась с убийства одного человека, будет иметь такие катастрофические последствия для всего мира в оставшиеся десятилетия XX в. Самое главное, что она породила новые конкурирующие мировоззрения – в том числе японский синтоистский ультранационализм, проложив тем самым путь столкновению главных идеологий.

Как уже отмечалось выше, наша статья посвящена анализу происхождения, развития, распространения и триумфа идеологии крайнего национализма в Японии. Этой области исследований пока еще не придается должного значения. Мы видели, что фундаментальная трансформация внутренней структуры идеологии государственного синтоизма происходила с конца XIX в. вплоть до Первой мировой войны, а затем – в последовавшие десятилетия. Теория конституционной монархии, вдохновленная кайзеровской Германией, привела к рождению расовой теории абсолютной монархии Ходзуми Яцука, а затем к тоталитарным идеологиям Уэсуги Синкити и других теоретиков-националистов.

Уэсуги проявил идеологическую инициативу, используя распространившийся в Японии массовый национализм в интересах имперского правления. Радикальный ультранационализм Синто был преобразован в массовый этнический национализм, который, став стержнем синтоистской идеологии, придал истории Японских островов и личности императора божественный облик и провозгласил изначальное превосходство японского народа, а также японского государства, дававшее им право на глобальное императорское правление [42].

Становление нового демократического мирового порядка, институционализированного в лице Лиги Наций, а также упрочение влияния коммунистов в России, образование Третьего (коммунистического) Интернационала, призвавшего «пролетариев всего мира» бороться против империалистических держав (1919 г.), создание Коммунистической партии Китая (1920 г.) – все это серьезно напугало многих японцев, придерживавшихся правых взглядов. Отсюда их особый интерес к казавшимся обнадеживающими событиям в Европе – упрочению влияния фашистов в Италии и деятельности *Национал-социалистической немецкой рабочей партии* Адольфа Гитлера в Германии.

Японские радикальные синтоистские ультранационалисты, подобно итальянским фашистам и немецким нацистам, были недовольны сложив-

шимся международным порядком и настроены враждебно по отношению как к демократии, так и к коммунизму. Отсюда их взаимные симпатии, переросшие в конечном счете в Ось, которая, как констатировал журналист Джозеф Соттиль, была «не только европейским феноменом и обусловлена не только национальным характером итальянцев или немцев» [43].

Действительно, японская синтоистская ультранационалистическая миссия глобального императорского правления была японским идеологическим эквивалентом видения итальянских фашистов, намеревавшихся «восстановить “Третий Рим” с его универсальной миссией, распространяющейся на все человечество» [44].

Хотя идеальной моделью национального общества для итальянских фашистов была римская цивилизация, Джованни Джентиле, «философ фашизма» и автор *Доктрины фашизма*, «указывал на современную ему Японию как на модель политического мистицизма нации и государства, которую считал похожей на ту, о которой грезил фашисты» [45]. Джентиле отмечал также, что японское государство не было «мифическим, как римское государство, но существовало на самом деле и было реальным и эффективным» [46]. И вообще он был в восторге от японского радикального расового синтоистского ультранационалистического государства, как и Энрико Коррадини в 1904 г.

В 1942 г. Джентиле утверждал: японский дух продолжает жить в таком же единении божественного и человеческого, каким является основной догмат Церкви. Этот догмат поощряет в человеке надежду исполнять Божью волю, становясь, таким образом, создателем высшей жизни духа. Для японцев же он является создателем в первую очередь священной реальности своей страны в ее бессмертном единении живых и мертвых. И, возможно, стойкость японцев «происходит из их общих моральных норм, которые и составляют силу японского духа и придают ему непоколебимую веру в его миссию» [47].

Немецкие нацисты тоже восхищались японским радикальным синтоизмом. Например, нацистский пропагандист Альбрехт фон Урах, написавший в 1943 г. книгу о Японии «Секрет силы Японии», утверждал: «Подъем Японии до уровня мировой державы на протяжении последних восьмидесяти лет является самым большим чудом в мировой истории. ... Всего лишь восемьдесят лет спустя она является одной из немногих великих держав, определяющих судьбу мира» [48]. По словам Клауса Антони, в секретных отчетах «СС» с 1938 по 1945 гг., которые дают исчерпывающую информа-

цию об общественном имидже Японии в то время, говорится, в частности, о том, что готовность японских солдат принести себя в жертву практически привела к комплексу неполноценности [в Германии]]» [49]. В том же докладе поднимался также вопрос, «не могла ли Япония служить идеологической моделью для Германии» [50].

В 1938 г. в книге «Миф двадцатого века: оценка духовно-интеллектуального противостояния нашего века», переведенной вскоре на японский язык, ее автор Альфред Розенберг, ведущий нацистский идеолог, сформулировал главное духовное, интеллектуальное и идеологическое противостояние XX в. как борьбу между «религиями крови» и универсальными религиями человечества, а значит – их светскими производными. Японские синтоисты точно так же рассматривали это противостояние. По их мнению, борьба идет между сторонниками либеральной демократии и социализма/коммунизма, с одной стороны, и этническим или «народническим» национализмом – с другой.

В таком взгляде на историю между японцами и немцами царил полное согласие. Например, в 1938 г. ведущий японский синтоист, интеллектуал Фудзисава Тикао посетил Германию, где встречался с представителями высшего руководства НСДАП, в том числе с Альфредом Розенбергом. Там он не раз заявлял, что японцы имеют такой же «народнический» взгляд на мир, как немцы и итальянцы в их борьбе с демократией и коммунизмом. Фудзисава также высоко оценил Адольфа Гитлера как «философа и государственного деятеля» [51], который вызывает «глубокое восхищение и преданность у 98% немецких граждан» [52].

При всем этом японские радикальные синтоисты считали себя духовными лидерами всей Оси. В этой связи Германия и Италия рассматривались ими в большей или меньшей степени как младшие партнеры. Это проявилось, в частности, во время выступления Фудзисава Тикао перед немецкой аудиторией в Берлинском университете в 1938 г. В нем он отметил, что «чистый нацизм являлся на самом деле проявлением японского духа на немецкой земле» [53]. Иными словами, он публично провозглашал то, о чем обычно рассуждали в своем кругу синтоисты, – идеологическое превосходство Японии над Германией и Италией.

Это, однако, не препятствовало дальнейшей конвергенции их взглядов на мир, которая должна была послужить основой будущего нового «народнического» миропорядка, который пребывал бы под контролем новой радикальной синтоистской ультранационалистической Японии и обновленных Германии и Италии.

Прошло не так много времени, и синтоистские мечты о мировом господстве были буквально развезены гигантским атомным грибом, вознесшимся над Японией в августе 1945 г. Как это ни парадоксально, но некоторые из ближайших соратников японского императора Хирохито приветствовали это далеко не однозначное событие. Адмирал Ионай Мицумаса, член ближнего круга Хирохито – Верховного Совета руководства войной, принимавшего решение о прекращении военных действий на Тихом океане, осознав, что идеология радикального синтоизма загнала японскую империю на грань национального самоубийства, доверительно признал в беседе с адмиралом Такаги, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, призванная положить конец военному безумию, была «даром богов» [54].

Примечания:

1. Dickinson, F.R. War and National Reinvention: Japan in the Great War, 1914–1919. – Cambridge, MA – London, 1999. – P. 1.
2. Breuilly, J. Nationalism and the State. – Chicago, 1985. – P. 230.
3. Ibid. – P. 230.
4. См. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. – New York, 1983.
5. Dickinson, F.R. War and National Reinvention: Japan in the Great War, 1914–1919. – Cambridge, MA – London, 1999. – P. 12.
6. Pittau, J. Political Thought in Early Meiji Japan, 1868–1889. – Cambridge, MA, 1967. – P. 88.
7. Skya, W. Japan's Holy War: The Ideology of Radical Shinto Ultrnationalism. – Durham and London, 2009. – P. 39.
8. Dickinson, F.R. Op. cit. – P. 22–23.
9. Hirobumi, I. Commentaries on the Constitution of the Empire of Japan (Kempo Gikai) / Trans. by M. Ito. – Tokyo, 1906.
10. Scalapino, R. Democracy and the Party Movement in Prewar Japan ... – P. 150.
11. Pittau, J. Op. cit. – P. 201.
12. Skya, W. Op. cit. – P. 48–49.
13. Ibid. – P. 49.
14. Ibid. – P. 56.
15. Ibid. – P. 64.
16. Ibid. – P. 72.
17. Ibid. – P. 263.
18. Iriye, A. Across the Pacific: An Inner History of American-East Asian Relations. – New York and London, 1967. – P. 83.
19. Ibid. – P. 91.
20. Findley, C.V. Turkey, Islam, Nationalism, and Modernity: A History, 1789–2007. – New Haven & London, 2010. – P. 194.

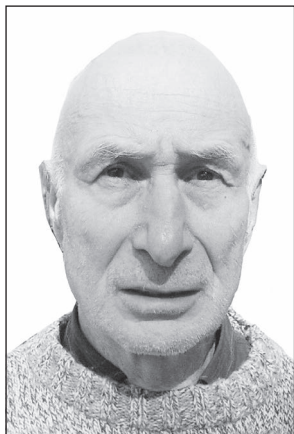

21. Ibid. – P. 199.
22. Ibid. – P. 163.
23. Ibid. – P. 165.
24. *Gentile, E.* The Sacralization of Politics in Fascist Italy / Trans. by K. Botsford. – Cambridge, MA, – London, 1996. – P. 14.
25. Ibid.
26. Ibid. – P. 15.
27. Ibidem.
28. *Dickinson, F.R.* Op. cit. – P. 34.
29. Ibid. – P. 35.
30. Ibid. – P. 34.
31. Ibid. – P. 117–118.
32. Ibid. – P. 3.
33. *Seth, M.J.* A History of Korea: From Antiquity to the Present. – Lanham, 2011. – P. 268–269.
34. *Iriye, A.* Op. cit. – P. 142–143.
35. *Roderick, J.* Covering China: The Story of an American Reporter from Revolutionary Days to the Deng Era. – Chicago, 1993. – P. 46.
36. *Dickinson, F.R.* Op. cit. – P. 1.
37. *Skya, W.* Op. cit. – P. 156.
38. См. *Barnhart, M. A.* Japan Prepares for Total War: The Search for Economic Security, 1919–1941.
39. *Skya, W.* Op. cit. – P. 166.
40. Ibidem.
41. Ibid. – P. 169.
42. Ibid. – P. 19.
43. *Sottile, J.* The fascist era: Imperial Japan and the axis alliance in historical perspective // Japan in the Fascist Era / Ed. by E.B. Reynolds. – New York, 2004. – P. 19. Соттиль утверждал, что альянс Ось сам по себе является концептуальной основой для лучшего понимания эпохи фашизма.
44. *Gentile, E.* La Grande Italia: The Myth of the Nation in the 20th Century / Trans. by S. Dingee and J. Pudney. – Madison, 2009. – P. 43.
45. Ibid. – P. 169.
46. Ibidem.
47. Ibid. – P. 170.
48. *Skya, W.* Fascist encounters: German Nazis and Japanese Shinto ultranationalists // Japan in the Fascist Era ... – P. 147.
49. *Antoni, K.* Karagokoro: Opposing the 'Chinese Spirit': On the Nativistic Roots of Japanese Fascism // Japan in the Fascist Era ... – New York, 2004. – P. 64.
50. Ibid. – P. 65.
51. *Chicao, F.* Tairiku Keirin no Shido Genri (Guiding Principles for the Administration of the [Asian] Continent). – Tokyo, 1938. – P. 322. Я хотел бы поблагодарить Тисато Имура, каталогизатора Библиотеки Кита Б. Мэтэра Университета Аляски в Фэрбенксе за предоставленный экземпляр оригинального текста на японском языке.
52. Ibid. – P. 277.
53. Ibid. – P. 362–363. Я впервые натолкнулся на это заявление Фуджисава в эссе Брюса Рейнольдса (см.: *Reynolds, E.B.* Peculiar characteristics: The Japanese political system in the Fascist Era // Japan in the Fascist Era ...). Он, в свою очередь, обнаружил его в книге Тецца Моррис-Сузуки (см.: *Morris-Suzuki, T.* Re-Inventing Japan: Time Space Nation).
54. *Sdkichi, T.* Takagi Kaigun Shosho Oboegaki [Remembrances of Navy Rear-Admiral Sokichi Takagi]. – Tokyo, 1979. – P. 351. Я впервые прочитал об этом в *Bix, H.* Hirohito and the Making of Modern Japan. – New York, 2000. – P. 509. Бикс блестяще перевел *tenyu* как «дары богов».

УДК 94:329.17(520)«19»
ББК 63.3(48Япо)6-3

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФАШИЗМЕ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЯПОНИИ (1918 – 1941) [1]

Кристофер Спилман,
приглашенный научный сорудник
Института сравнительной культуры
Софийского университета
(Токио, Япония)
C.Szpilman@aol.com

Перевод с английского С.В. Белкина

Аннотация. В данной статье основное внимание сосредоточено на проблеме значимости фашизма / национал-социализма для истории Японии. В первую очередь, автор опровергает мнение, согласно которому Япония была фашистским государством. Это понятие восходит к 1930-м гг., когда под влиянием преимущественно марксистских ученых была начата дискуссия о фашизме в Японии. Далее в статье прослеживается история этой дискуссии, которая продолжалась в различных формах и проявлениях после 1945 г. между марксистскими историками и их критиками, представлявшими либеральную и консервативную историографию.

В статье утверждается, что, хотя Япония и не была фашистским государством, тем не менее, фашистские идеи получили там много влиятельных сторонников и стали общепринятыми как якобы отвечающие «здравому смыслу» в период 1930-х гг. К концу 1930-х – началу 1940-х гг. защитники фашизма оказались настолько сильны, что и фашистские идеи, которые они проповедовали, стали оказывать существенное влияние на политику японского правительства, проложив путь для заключения альянса Оси, а также объявления Японией войны Соединенным Штатам и Великобритании.

Ключевые слова: японский фашизм, японский национал-социализм, тоталитаризм, японские правые, Япония в XX веке, дебаты о фашизме.

SOME REFLECTIONS ON THE QUESTION OF FASCISM IN MODERN JAPANESE HISTORY, 1918–1941

Christopher W.A. Szpilman, Visiting Fellow,
Institute of Comparative Culture,
Sophia University, Tokyo, Japan

Abstract. This article focuses on the question of the relevance of fascism and National Socialism to Japanese history. The article dismisses the notion that Japan was a fascist state. This notion goes back to the 1930s when predominantly Marxist-influenced scholars began a debate on fascism in Japan. The article then traces the history of this debate which continued in various shapes and forms after 1945 between Marxist historians and their liberal and conservative critics.

The article next argues that although Japan was not a fascist state, fascist ideas had gained many influential advocates in Japan and become generally accepted as common sense by the 1930s. By the end of the 1930s and the beginning of the 1940s these fascist advocates had become so powerful that they and the fascist ideas they propagated significantly affected the policies of the Japanese government, paving the way for the conclusion of the Axis alliance as well as propelling Japan towards war with the United States and Britain.

Key words: *Japanese fascism, Japanese national socialism, totalitarianism, Japanese right wing, 20th century Japan, debates on fascism.*

В работе рассмотрена проблема значимости фашизма/национал-социализма для истории Японии. Автор исходит из того, что Япония не была фашистским государством. В основе этой позиции лежат следующие соображения:

1. В Японии не было массового фашистского движения. Все без исключения попытки организовать подобное движение оказались безуспешными. Первая из них была всерьез предпринята «Ассоциацией помощи трону», основанной принцем Коноэ Фумимаро (1891–1945 гг.), который был в то время премьер-министром. Первоначально казалось, что он близок к успеху. Однако в конечном итоге эта организация не стала фашистской. Намерения Коноэ столкнулись с сильной оппозицией законодательной власти, судебных чиновников, консервативных бюрократов и даже военных, которые не захотели оказаться под контролем гражданской структуры. В результате движение ослабло, продемонстрировав свою неэффективность. В той форме, в которой оно сложилось, его никак нельзя было отнести к разряду фашистских партий.

Усилиям Коноэ предшествовали и другие, хотя и не такие значительные, попытки организовать массовое фашистское движение. В этой связи можно упомянуть движения «Аикоку Кинрото» (*Патриотическая рабочая партия*) под руководством Шимонака Ясабура и «Тохокан» (*Восточная ассоциация*), которое возглавлял Накано Сейго, созданные соответственно в 1930 и 1936 гг. [2]. Ни один из упомянутых лидеров даже не приблизился к созданию массовой организации и тем более к перспективам захвата власти. Несмотря на их амбиции, они оставались маргиналами японской политики.

2. В Японии не оказалось серьезных харизматических лидеров. Коноэ, который обладал некоторой харизмой и не был чужд диктаторских амбиций, не проявлял достаточной жесткости и решительности, чтобы сделаться диктатором. Однако он, по крайней мере, стал премьер-министром. Упомянутый же выше Накано Сейго (1886–1945 гг.) никогда не был заметной политической фигурой. Несмотря на свой ораторский дар и шарм, он неизменно оставался мелкой сошкой. В конечном итоге в 1943 г. этот самовлюбленный фашист покончил жизнь самоубийством.

Более значительной политической фигурой был генерал Тодзио Хидеки (1884–1948 гг.). Ему удалось сосредоточить в своих руках больше власти, чем кому-либо еще в новейшей истории Япо-

нии. Будучи премьер-министром, он время от времени занимал также посты министра иностранных дел, министра по снабжению вооруженных сил и начальника Генерального штаба армии. Поэтому многие оппоненты неправомерно обвиняли его в диктаторских замашках, сравнивали с Гитлером и Муссолини. Тем не менее за всю его карьеру ему так и не удалось стать всемогущим хозяином страны.

Между Тодзио и названными фашистскими диктаторами имелась существенная разница. В отличие от этих харизматиков, сумевших привлечь на свою сторону массы, Тодзио был лишь квалифицированным военным бюрократом. Контролируя бюрократическую машину, он вместе с тем зависел от нее. Если Гитлер и Муссолини создали жестко управляемые ими массовые движения и политические партии, то Тодзио никогда не руководил ни массовым движением, ни политической партией. Если Гитлер и Муссолини гипнотизировали толпы, то Тодзио не располагал харизмой и другими необходимыми для этого способностями. Да он в них и не нуждался: в отличие от фашистских диктаторов, ему не приходилось «очаровывать толпы». От него требовалось иное: эффективно руководить различными департаментами власти. Как только стало очевидным, что он не в состоянии это делать, от его услуг просто отказались. С этой точки зрения разница между фашистскими диктаторами и Тодзио очевидна.

3. В Японии не произошло захвата власти фашистским движением. Да, в ней были попытки переворотов, но предпринимали их не гражданские фашистские силы, а военные. Кроме того, всех их постигала неудача. На протяжении всего рассматриваемого периода в стране соблюдались конституционные и иные законы. Растущая репрессивность японского государства была обусловлена не фашизмом, а военной ситуацией.

4. В Японии того времени фиксировались некоторые акты террора, в том числе спонсированные государством. Однако жестоким наказаниям были подвергнуты лишь немногие противники правительства. Репрессии по своей жестокости были несравнимы с теми, которые практиковались в нацистской Германии, фашистской Италии или франкистской Испании.

Принимая во внимание перечисленные аргументы, представляется неправомерным вывод о том, что Япония была фашистским государством [3]. Тем не менее японское государство приобрело репута-

цию фашистского. Эта репутация возникла, главным образом, из-за союза Японии с гитлеровской Германией и муссолиниевской Италией. Благодаря пропаганде стран антигитлеровской коалиции Япония стала выглядеть фашистским государством, а японский император Хирохито и в некоторых случаях Тодзио – уподоблены Гитлеру и Муссолини. Последствия подобной пропаганды сказались и в послевоенный период, заметно повлияв на представления о Японии.

Дискуссии о фашизме в Японии

Впрочем, утверждение, что Япония была фашистским государством – не только результат пропаганды, которая велась во время войны. Эта оценка появилась еще задолго до войны. Напомним, что некоторые японские обозреватели рассматривали Японию как фашистское государство еще в 1930-е гг.

В ходе известных дебатов того времени между двумя группами марксистов – Козаха (группа преподавателей учебных заведений) и Роноха (группа рабочих и крестьян) – была тщательно проанализирована природа реставрации Мейдзи и обсуждено, была ли она буржуазной революцией. Спорили и о том, можно ли отнести ее к состоявшимся или к неудавшимся революциям, было ли появившееся в ее результате государство еще феодальным или стало капиталистическим? Во время дискуссии шла речь и о природе фашизма, в частности, о том, не стала ли Япония фашистским государством. Фашизм при этом трактовался в соответствии с марксистской теорией как продукт кризиса высшей, монополистической стадии капитализма. Он-де превращается в фашизм в отчаянной попытке избежать коммунистической революции, диктуемой диалектикой исторического процесса.

Историки, поддерживавшие взгляды группы Козаха, считали, что реставрации Мейдзи была неудавшейся революцией, и поэтому не могла стать фашистской, т.к. доминирующей характеристикой японского государства оставался феодализм. Рассуждая в аналогичной манере, члены группы Роноха, напротив, исходили из того, что в Японии на самом деле произошла буржуазная революция, и это в конечном счете создало благоприятные условия для вызревания монополистического капитализма: тем самым возникла возможность утверждения фашизма, что и случилось на деле.

Однако считали Японию фашистской не только марксисты. В 1937 г. профессор университета Васеда Гораи Кинзо (1875–1944 гг.), которого никак нельзя причислить к марксистам, также рассматривал Японию как фашистскую державу, хотя в отличие от марксистов совсем по другим

причинам. «В соответствии с духом имперского правления, – констатировал он, – император и государство считались в Японии единым целым и функционировали на благо государства и всего народа. И тоталитаризм, и этатизм (статизм), рассматриваемые Рокко [4] и Дитрихом [5], являются частью концепта имперского тоталитаризма в духе японского имперского правления» [6].

Дебаты о фашизме среди небольшой группы марксистов не представляли бы ценности, если бы не имели продолжения в послевоенный период, когда обе эти группы возобновили свою дискуссию, не уже будучи ограничены цензурой и законами, карающими за оскорбление монарха.

В начале 1950-х и в начале 1960-х гг. они в какой-то мере монополизировали исторические исследования в Японии, по-прежнему настойчиво характеризуя ее как фашистское государство [7]. Японский фашизм, по мнению входивших в них историков, представлял собой цитадель монополистического капитализма [8]. При этом, учитывая названные выше различия, они прибегли к гибкой формуле, определив японский фашизм как «специфическое явление» [9].

Один из этих историков Абэ Хироэми (р. 1929), продолжив активные исследования в 1990-х гг., определял фашизм следующим образом: «это особая форма превентивной контрреволюции в период общего кризиса капитализма». При этом Абэ не считал, что фашизм играет исключительно негативную роль в «подавлении революционного движения и роста антигосударственных сил». С его точки зрения, он может быть также направлен на то, чтобы «обратить энергию нации на борьбу с иностранной агрессией» [10].

Отстаивая свои позиции, Абэ, как и другие японские историки-марксисты, обращал главное внимание на наличие в Японии авторитарного правления, тоталитарных амбиций, террористического насилия, сильной оппозиции коммунизму и опасного национализма [11]. При этом упускалось из виду, что перечисленные выше характеристики свойственны всем авторитарным или военным режимам, и поэтому их наличие не может служить доказательством того, что Япония – фашистская держава.

Сторонником признания Японии фашистским государством был и известный японский ученый Маруяма Масао (1914–1996 гг.), не разделявший марксистских взглядов. Маруяма подразделял фашистское движение в Японии на три этапа. Первый из них – *подготовительный* с 1919 по 1931 гг. (маньчжурский инцидент). В этот период доминировали движения правых сил, организованные

гражданским населением. Второй этап – *зрелость*, приходящийся на период между маньчжурским инцидентом и событиями 26 февраля 1936 г. В это время военные, поддержанные гражданскими правыми силами, стали движущей силой фашистского движения. Это был также период попыток государственного переворота и террористических акций. Третий этап – между мартом 1936 и концом войны в августе 1945 г. – Маруяма именовал «*периодом консолидации японского фашизма*» [12].

Маруяма считал, что первые два периода можно охарактеризовать как «фашизм снизу», а последний – как «фашизм сверху». Под «фашизмом снизу» он подразумевал фашизм, который является результатом захвата власти хорошо организованной фашистской партией. «Фашизм сверху», напротив, – это фашизм, который проникает в существующую властную структуру изнутри. Италию и Германию можно считать примерами «фашизма снизу», а Японию – примером «фашизма сверху» [13]. Маруяма считал при этом подобную дихотомию относительной, поскольку «фашизм снизу» обычно проявляет тенденцию к сращиванию с «фашизмом сверху». «На практике эти два явления неразрывны» [14].

По мнению Маруямы, фашизм отличаются следующие критерии: во-первых, появление диктатора и культа личности в лице императора/правителя, во-вторых, диктаторская политика, отрицающая партийность, в-третьих, антиконституционная практика, в-четвертых, отмена свободы слова, собраний, ассоциаций и запрет независимых коммуникаций, в-пятых, формирование единообразия масс путем применения специальных технологий и средств массовой информации, в-шестых, утверждение страха, порождаемого насилием и террором.

Отсутствие в Японии фашистской партии и захвата власти фашистами Маруяма объяснял следующим образом: «В процессе развития фашизма соответствующие партии и организации представляют собой подобие неофициальной армии. В Японии ее роль стали выполнять вооруженные силы, образовавшие нечто вроде неофициальной фашистской партии» [15].

Подобный подход, как и аргументы марксистов, заслуживает содержательной критики. Как отмечал Цуцуй Кийотада (р. 1948), критерии, предлагаемые Маруямой для определения фашизма, могут быть применены к любому тоталитарному правому или левому режиму. Фактически они очень напоминают концепцию тоталитаризма в трактовке Фридриха и Бжезинского [16]. Утверждение Маруямы о том, будто японская армия выполняла роль неофициальной фашистской партии, не позволяет

разграничить фашизм и милитаризм в их традиционном смысле.

Стремясь избежать подобных упреков, историки Фуруйя Тетсуо (1931–2006 гг.) и Кокетсу Атсуши (р. 1951) предложили считать определяющими характеристиками фашизма «интеграцию» и «мобилизацию». Используя их, они также пришли к выводу, что Япония была фашистским государством [17]. Однако, как считают критики, и этот подход, как и предыдущие, неприемлем. Если использовать интеграцию и мобилизацию как критерии при определении фашизма, то как же в этом случае оценивать социалистические государства, такие, как Советский Союз, Северная Корея или Куба? Очевидно, что названные критерии применимы и к этим странам? [18]

Йошими Йошиаки использует в своих работах понятие «фашизм низов». Они используют его для оценки активной поддержки японскими массами войны и власти [19]. Однако приводимые ими доводы могут объяснить отсутствие в тогдашней Японии оппозиции или сопротивления, но не помочь нам определить понятие фашизма.

Многие японские историки стали определять фашизм как, главным образом, аналитическую категорию, ссылаясь при этом на Ито Такаши (р. 1932) – авторитетного исследователя истории Японии, который твердо убежден, что Япония не была фашистским государством [20]. Ито оценивает правое крыло японской политики как традиционное и радикальное [21]. Подобная оценка, как показало время, была воспринята положительно. Ее взяли на вооружение такие разные по взглядам японские историки, как Отсука Такехиро (р. 1958), Фурукава Такахиса (р. 1962) в Японии и англоязычные Гордон Бергер, Шелдон Гарон, Грегори Каза и Роджер Браун. Тем не менее, классификации Ито тоже свойственны недостатки. В соответствии с ней Япония выглядит уникальной страной, в отношении которой не действуют традиционные исторические категории, используемые для объяснения исторического процесса в других странах. И вообще, очевидно, что различия между традиционным крылом и радикальным значительно более расплывчатые, чем предполагает Ито [22].

В США концепция фашизма в том, что касается Японии, была опровергнута Питером Дуусом и Даниэлом Окимото [23]. В целом многие западные историки начала 1960-х гг. [24] не использовали понятие фашизм, оценивая природу предвоенного японского государства. Тем не менее, встречаются исключения. В частности, в исследовании Герберта Бикса идет речь о «фашизме в императорском стиле» и о «композиционном фашистском государстве» [25].

Эндрю Гордон использовал понятие «имперский фашизм» [26]. Брюс Рейнольдс формулирует вывод, согласно которому «идеология, сосредоточенная на императорском правлении, являлась одной из форм фашизма в японском стиле» [27].

Вместе с тем в последнее время у историков Запада наметился рост интереса к проблематике фашизма в Японии. Известное игнорирование в США в последние двадцать лет политической истории Японии, частично связанное с пренебрежением к «архивному фетишизму», проходит одновременно с проявлением интереса к применению литературных теорий к японскому менталитету и культуре. В результате ряд ученых пришли к выводу о продуктивности анализа эстетического кризиса, вызванного переходом Японии к «модернизму», как источника фашизма и фашистских тенденций [28].

Примером могут послужить два тома исследований Алана Тансмана [29]. Он, как и другие авторы тома, вышедшего под его редакцией, не проявляет никакого интереса к определениям фашизма или к тому, каким образом он был связан с политической властью. Гораздо больший интерес вызывает у него «диффузия фашизма как идеологии и репрезентативность его корней и последствий как политического движения или режима». С этих позиций он рассуждает о «наличии фашистской культуры в Японии и о фашистских методах борьбы с кризисом в период военного времени» [30]. Данный подход может быть также применен к анализу США и Великобритании, где он, несомненно, привел бы к открытию «культуры фашизма» или «фашистской эстетики», не говоря уж о «фашистских методах борьбы с кризисом». При таком подходе к историческому анализу представляется очевидным, что дебаты по фашизму в Японии могут продолжаться еще многие годы, вызывая горячие споры и мало что проясняя.

Учитывая сказанное выше, можно предположить, что вместо вопроса, «была ли Япония фашистским государством», более уместно задаться вопросом, до какой степени фашистские идеи были приняты японским правящим классом и обществом. В этой связи важно также задуматься, влияли ли и, если да, то в какой степени, фашистские идеи на политику японского правительства.

Фашисты в Японии

Несмотря на сомнения в том, была ли Япония фашистским государством, неоспоримым является тот факт, что фашисты в ней наличествовали. В 1920-х – 1930-х гг. многие японцы исповедовали и пропагандировали целый ряд фашистских и национал-социалистических идей. Это обусловило по-

явление «фашистской культуры», но не означало, что Япония стала фашистской так же, как наличие марксистов не сделало ее коммунистической, а деятельность в Великобритании сэра Освальда Мосли и его единомышленников не превратило ее в оплот фашизма [31].

Нельзя игнорировать разницу между фашистскими (национал-социалистическими) идеями и установлением фашистских режимов. Фашистские и национал-социалистические идеи были распространены во многих странах. Они располагали различной степенью влияния. Однако фашистскими стали лишь некоторые государства. В них сложилась фашистская система правления, ими руководили фашистские вожди. Япония, вне всякого сомнения, таким государством не являлась.

Конечно, прописной истиной является положение, что идеология влияет на решения правительств. И эту истину не следует забывать. Понятно, что идеи, которые приносили фашисты, оказали существенное влияние на их страны. Несмотря на то, что они могли и не захватить власть, их взгляды и ценности влияли на мировоззрение и поведение тех, кто находился у власти, в том числе и на решения правительств.

Проиллюстрируем важность фашистской идеологии, обратившись к не очень относящемуся к теме примеру. А. Дж. Тэйлор однажды смело предположил, что Рузвельту и Черчиллю пришлось бы нелегко, если бы Гитлер, получив известие об атаке японцев на Перл Харбор, объявил войну не США, а Японии. Но, как мы знаем, он был пленником не только своей мании величия, но и идеологии. А это предопределило его многие другие решения. Скорее идеологические соображения, чем стратегические планы, побудили его напасть на Советский Союз в то время, когда Германия была близка к победе над Великобританией. Таким образом, он начал войну на два фронта, что было кошмаром для любого трезвомыслящего немецкого стратега. Решение напасть на Россию было фатальной ошибкой. Но это была ошибка, которую невозможно объяснить, не принимая во внимание идеологию. И только идеологией можно объяснить, почему объявление войны Японии после 8 декабря 1941 г. не входило в планы Гитлера.

Продолжим это гипотетическое размышление и спросим себя, почему японское правительство не объявило тогда войну Германии? Есть все основания считать, что Великобритания, которая вела войну с Японией на выживание, могла бы предложить ей всевозможные концессии взамен на военную поддержку. Уинстон Черчилль сказал однажды: «Если бы Гитлер завоевал ад, Великобритания

поддержала бы в Палате общин самого дьявола». В войне с Гитлером он заключил союз со Сталиным. Следовательно, вполне вероятно, что он мог бы сделать своим союзником и Японию. Если бы она объявила войну Германии, подобный шаг мог бы также изолировать Чан Кайши более эффективно, чем любой иной шаг Японии, направленный на его изоляцию.

В порядке доказательства того, что это не просто мои фантазии, замечу, что аналогичная идея приходила в голову и некоторым обозревателям того времени. Например, в одном из репортажей из Токио корреспондент Отто Толишус (1890–1967 гг.) рассматривал эту возможность как очевидную для иностранца, только что прибывшего в Японию, но не вполне очевидную для опытных японских политиков. «Есть опасение, – писал он, – что в своей программе помощи России США и Великобритания могут сделать Владивосток еще одной военной базой для атаки на Японию, завершив, таким образом, окружение страны. Разумеется, есть одно решение этой проблемы, и оно заключается в том, что Япония должна присоединиться к странам, взявшим ее в кольцо, но не угрожающим ей самой». Однако (и это было хорошо известно Толишусу), подобной альтернативы для Японии не существовало, поскольку, как отмечает он сам, «подобный крутой поворот мог бы означать отказ от всего того, за что боролась Япония на протяжении последних десяти лет. Это было бы трудным делом для нации и невозможным для существующего кабинета [32].

Не подлежит сомнению, что рассмотренная «альтернатива» выходит за рамки идеологии. Подобный шаг означал бы потерю огромных территорий, захваченных Японией после 1931 г. Но сам факт, что подобная альтернатива японскими политиками даже не обсуждалась, предполагает, что творцы этой политики не были заняты поисками альтернатив и для них предметом первостепенной важности являлось идеологическое влияние. На протяжении предыдущих десяти лет фашисты формировали общественное мнение, и благодаря их влиянию альтернативы для японцев не существовало.

Но это не единственная причина, по которой довоенные фашисты, их взгляды и влияние на людей, вершивших японскую политику, заслуживают внимания.

Роль фашизма в Японии

Ключевой вопрос: насколько влиятельны были фашистские идеи в 1930-х гг.? Как будет показано ниже, они играли важную роль в политике японского правительства. Этим влиянием частично объяс-

няется связь Японии с фашистскими диктатурами. Именно фашисты убедили многих японцев в том, что Великобритания и США являются «выдохшимися/отработанными демократиями», политические системы которых не могут дать эффективного ответа, необходимого для решения проблем Японии. Им всячески противопоставлялись итальянские фашисты и нацисты, которые, мол, нашли такое решение, создав новую идеологию, отрицающую и демократию, и либерализм.

Прежде, чем осветить конкретную роль фашистской идеологии, обратимся к историческим обстоятельствам, вызвавшим интерес японцев к фашизму.

Внимание японских журналистов он привлек уже в начале 1920-х гг. В 1922 г. японские газеты и другие периодические издания того времени подробно сообщали о «достижениях Муссолини» [33]. Они восторгались его «пламенным духом», с которым он отвергал «вильсонские ценности». Их восхищало неприятие им международных рабочих организаций. Они высоко ценили его за то, что он реставрировал «атрофированные формы» правления Италии, вернув им очарование древности, за то, что он продемонстрировал преданность итальянской монархии [34]. Некоторые комментаторы рассуждали о необходимости появления японского эквивалента Муссолини, который бы уничтожил политические партии и профсоюзы, покончил с либерализмом и индивидуализмом и создал тем самым «новую Японию» [35].

Одним из возможных «японских Муссолини» называли Хиранума Киичиро (1867–1952 гг.).

Хиранума первоначально не был фашистом. Некоторые ученые считали его консерватором [36]. Непреклонный и немногословный бюрократ, бывший генеральный прокурор и министр юстиции, он мог бы быть или, точнее, быть причислен к ультраконсервативным националистам. Тем не менее, со временем он также попал под влияние фашизма. В 1920-е гг. он не скрывал своего восхищения Муссолини и методами его действий. Публикации созданного и возглавленного им «Национального общественного фонда» всячески восхваляли фашизм.

Однако восхищение Муссолини не помогло Хиранума сделать карьеру и даже помешало его продвижению по службе. В декабре 1926 г. Хиранума [37] встретился с принцем Сайонджи Кинмочи (1849–1940 гг.) – последним из живых олигархов эпохи Мейдзи, влиятельным политическим деятелем, в обязанности которого входило назначение премьер-министров. Хиранума сделал все возможное, чтобы произвести хорошее впечатление на Сайонджи. Тем не менее, после беседы, длившейся

более часа, Сайонжи заявил, что Хиранума – фашист и что «Япония еще не готова принять своего Муссолини» [38]. С этого времени Сайонджи, поддерживавший либеральные идеи, всячески препятствовал карьерному росту Хиранума [39].

К началу 1930-х гг. оценка Хиранума как очевидного фашиста стала общим местом. В качестве примера сошлемся на получившую широкий отклик статью журналиста Ишихама Томоюки (1895–1950 гг.) [40], опубликованную во влиятельном ежемесячном журнале «Реконструкция», в которой руководимый Хиранума «Национальный общественный фонд» был однозначно назван фашистской организацией [41]. После этого Хиранума, осознав, что его репутация как фашиста стала непреодолимой преградой на пути к желанному посту премьер-министра, попытался опровергнуть доводы оппонентов и прежде всего Ишихамы. Это однако не дало должного эффекта. Публикации, в которых представляли его фашистом, не прекратились [42].

Судьба Хиранума и его «Национального общественного фонда» может показаться недостаточно показательным примером. Приведем другие, в том числе связанные с деятельностью философа Канокочи Казунобу (1884–1949 гг.), профессора Кита Рейкичи (1885–1961 гг.), младшего братом знаменитого радикала Кита Икки (1883–1937 гг.), журналиста и политика Накано Сеиго (1893–1943 гг.) и Хаяши Кимио (1883–1947 гг.).

Как уже отмечалось, в 1939 г. Канокоджи был одним из организаторов «Патриотической рабочей партии», созданной по образцу гитлеровской НСДАП. В конце 1930-х гг. он обычно завершал свои речи словами «Хайль Гитлер» [43]. Кита провозгласил себя «японским фашистским лидером» и заявлял, что намерен посетить Европу для изучения там фашистских идей и методов [44]. Накано образовал «Восточное общество» – имитацию нацистских организаций. Его члены носили униформу, напоминавшую ту, в которой щеголяли фашисты.

Хаяши Кимио, коллега Кита Рейкичи, специалиста в области социальной политики и проблем рабочего движения Японии, открыто заявлял о себе как о национал-социалисте. Вместе с Шимонака Йасабуру (1878–1961 гг.) и Окава Шумеи (1886–1957 гг.) он образовал в апреле 1932 г. «Японскую лигу государственного социализма», в которой занял пост генерального секретаря [45]. Одной из структур этой организации стала «Лига фашистов Японии». Хаяши постоянно подчеркивал свое убеждение, что Япония станет фашистским государством, поскольку верил, что фашизм – историческая неизбежность современного этапа общественного развития» [46].

При этом он утверждал, что Япония должна стать «фашистской и национал-социалистической» [47], чтобы эффективно противостоять «иностранным давлению». Под ним он подразумевал Версальский мирный договор, деятельность Лиги Наций, агрессивность иностранного финансового капитала, политическое вмешательство иностранных государств и тому подобное» [48].

Было немало и других японцев, симпатизировавших фашизму. «Многие в нынешней Японии считают, что “национал-социализм” – это то, что им нужно», – отмечал политический комментатор и эксперт по международным отношениям Нинагава Арата (1873–1959 гг.), придерживавшийся правых взглядов, но не разделявший установки национал-социализма [49].

К началу 1930-х гг. фашистские идеи были настолько распространены, что популярные журналы предприняли попытку оценить их влияние на японскую интеллигенцию [50]. В частности, в 1932 г., т.е. менее чем за год до прихода Гитлера к власти, популярный журнал «Сплетни о людях» разослал наиболее влиятельным читателям анкету [51] с одним единственным вопросом: «Как вы относитесь к фашистским тенденциям?» Из опрошенных респондентов только очень немногие категорически высказались против фашизма.

Против профашистских настроений решительно высказались адвокат Фусе Тацуи (1880–1953 гг.) и писатель Нии Итару (1888–1951 гг.). О своем негативном отношении к фашизму заявил и писатель Хирабаяши Таико (1905–1972 гг.). Другие опрошенные воспринимали происходившую в Японии фашизацию как неизбежное явление и даже приветствовали этот процесс, хотя и прямо не заявляли об этом.

Феминистка Такамуре Ицуе (1894–1964 гг.) высказала, в частности, мнение, что фашизм неизбежен, независимо от того, как к нему относиться. При этом она назвала интернационализм «донкихотским идеализмом», который следует решительно отбросить.

Депутат Палаты представителей и будущий влиятельный член кабинета Коноэ Казами Акира (1886–1961 гг.) подчеркнул, что фашизм неизбежен и признал, что проявляет интерес к этому феномену.

Журналист Чибя Касиро (1878–1935 гг.) проявил интерес к фашизму, указав, что на подъем фашистского движения и популярность фашистских идей существенно повлияли сложившиеся в Японии социальные условия.

Актриса Куришима Сумико (1902–1987 гг.) сообщила, что разделяет фашистские идеи, не очень интересуясь ими.

Поэт Ногучи Уйо (1882–1945 гг.) посчитал, что, хотя фашизм – это не японское явление, он играл важную роль в «защите государства».

Адмирал виконт Огасавара Наганари (1867–1958 гг.), получивший образование в Йельском университете (США), выразил в принципе поддержку взглядов Ногучи. По его мнению, «фашизм не так уж плох, тем более, если его японизировать и избегать крайностей».

Уже упоминавшийся Хаяши Кимио «высоко оценил роль фашизма», считая, что японский фашизм «не должен быть имитацией фашизма по итальянскому или немецкому образцу». Ему надлежит в конечном счете стать одним из способов реализации национал-социализма при сохранении уникальных традиций и культуры Японии» [52].

Результаты этого опроса, безусловно, представляют ценность, поскольку свидетельствуют о том, в какой степени фашизм влиял на японское общество 1932 г. Очевидно, что восхищение японцев фашизмом стимулировалось подъемом фашизма/национал-социализма в Европе. Однако поклонение японцев перед фашизмом объясняется не только приходом Гитлера к власти. Немалую роль сыграла также степень совпадения импортированных фашистских идей с японской национальной авторитарной традицией, которую некоторые историки расценивают как тоталитаризм.

Подтверждению сказанного выше может послужить анализ, проведенный видным японским политологом Маруяма Масао. В статье, опубликованной в 1959 г., он проследил корни японской тоталитарной традиции в период Эдо. В частности, он описал Японию Токугавы как тоталитарное «гарнизонное государство» [53]. Под этим он подразумевал очень закрытое авторитарное и милитаристское правление с высокой степенью контроля. И с его суждением нельзя не согласиться.

Возникает вопрос, до какой степени авторитарные ценности эпохи Эдо – такие, как представление, что общество должно быть иерархичным, что власти надлежит быть миропомазанной, что необходимы неприязнь и презрение к прибыли, ненависть к коммерческой деятельности, отрицание права на свободы и т.п., – определяли мировоззрение японцев в постмейдзистский период и обращали японцев в ненавистников демократии, либерализма и рыночного капитализма [54].

Да, есть все основания считать, что традиции времен Токугавы способствовали внедрению в общество враждебного отношения к демократии, либерализму, партийности и рыночному капитализму, создавая, тем самым, благодатную почву для роста антидемократических, антилиберальных и антиин-

дивидуалистских фашистских идей, приходивших с Запада. Подобная враждебность только усиливалась тогда, когда распространялись либеральные идеи и к власти приходили партии.

Изложенное выше может служить объяснением популярности в Японии идей, присущих также западному фашизму. Иногда эти идеи были заимствованы оттуда. Но во многих случаях они появлялись в Японии независимо от Запада.

Представляется уместным рассмотреть некоторые из этих идей.

Японские доморощенные фашистские идеи и влияние Запада

Вначале рассмотрим саму концепцию тоталитарности. Западные историки считают, что понятие «тоталитаризм» вначале использовалось в негативном смысле критиками Муссолини на первом этапе его правления. Только позднее, в 1925 г., он начал применять это понятие в позитивном плане, придав ему смысл «сущности фашизма» [55]. В Японии понятие тоталитарность впервые использовал Канокоги Казунобу в позитивном смысле еще за несколько лет до того, как его начали применять Муссолини и его оппоненты.

Будучи сторонником тоталитарности, Канокоги намеривался реорганизовать государство таким образом, чтобы все его действия оказались направлены на создание великой национальной державы, в которой будет уничтожена частная собственность. Он считал, что экономика Японии должна быть централизована, общество организовано по военному принципу, запрещены роскошь и инакомыслие.

В августе 1919 г. Кита-младший выдвинул похожую идею в своей знаменитой работе «Проект плана национальной реорганизации». Идеи Кита нашли поддержку, оттеснив на второй план более ранние идеи Канокоги [56]. Представления Канокоги и Кита о тоталитарном государстве как о государстве с плановой и централизованной экономикой во многом совпадали с взглядами Нагаты Тецузаны (1884–1935 гг.) и других штабных офицеров, которые разрабатывали в то время планы тотальной войны и тотальной национальной мобилизации [57].

Подобно Канокоги и Кита военные стратегии извлекли из Первой мировой войны немало важных уроков. Они были развиты на протяжении 1920-х гг. и стали общепринятыми в военных кругах. В 1925 г. генерал Хата Эйтаро (1872–1930 гг.), не причисляемый обычно к радикалам, заявлял, в частности, о необходимости введения в Японии «национального тоталитаризма».

Хата, как Канокоги, Кита и Нагата, черпал свои идеи из опыта Первой мировой войны. Она, как отмечал генерал, «превратила обычные сражения между армиями в схватку национальных держав с тотальной властью и направила все имеющиеся национальные ресурсы в лоно государства. Это, по мнению Хата, потребовало «дисциплины, усердия» и «тотальной мобилизации» ресурсов. Во имя достижения названной цели он призывал к установлению жесткого контроля над промышленностью, средствами массовой информации, финансовыми структурами и научными учреждениями. По его убеждению, только такие крутые широкомасштабные меры смогут обеспечить наиболее рациональное и эффективное использование ресурсов в военное время и предоставить Японии шанс выйти из войны победительницей [58].

Похожие тоталитарные идеи нашли многочисленных сторонников в 1930-гг., будучи стимулированы как кризисом в Маньчжурии, так и успехами фашистов в Германии и Италии. Впоследствии они, по иронии судьбы, были взяты на вооружение и партийными политиками, которых сторонники тоталитаризма намеривались отстранить от власти.

Так, видный политический деятель Мори Каку (1882–1932 гг.), занимавший пост парламентского секретаря министерства внутренних дел в кабинете Танаки Гиичи (1927–1929 гг.) и секретаря кабинета Инукаи Цуйоши (1931–1932 гг.), провозгласил принципы партийной политики неэффективными и устаревшими. В начале 1930-х гг. он заявил о необходимости избавиться от «всяческих законов и постановлений, ограничивающих свободу действий японцев». В число нежелательных он включил закон о всеобщем избирательном праве и закон, позволявший рабочим организовывать профсоюзы. Мори хотел, чтобы в Японии была отменена рыночная экономика и призывал, в частности, ввести жесткий контроль над банками, страховыми компаниями, всеми отраслями сельского хозяйства и рыболовства и ввести монополию на выращивание риса [59].

Канокоги, Кита, Нагата, Мори и другие сторонники тоталитарности, призывая к мобилизации ресурсов и созданию авторитарной экономической системы, решительно отвергали либеральные ценности, экономику свободного рынка, индивидуализм, международное сотрудничество и пацифизм. Фашистские идеи, которые они поддерживали, были очень схожи с идеями фашистов Запада.

Стремление к мобилизации всех ресурсов и достижению автаркии – то, что Канокоги и его последователи называли тоталитарностью, – часто сопровождалось пропагандой взглядов социального дарвинизма, которые тоже были составной частью

идеологии европейского фашизма [60]. Существовали при этом и некоторые различия. На протяжении первых двух десятилетий XX в. японские приверженцы социального дарвинизма, отвергая индивидуалистические аспекты социального дарвинизма Герберта Спенсера, предпочитали им органическую теорию государства. Именно эта трактовка социального дарвинизма повлияла на взгляды Канокоги о войне и мире, в том числе на его резко отрицательное отношение к пацифизму.

По мнению Канокоги, пропаганда пацифизма была направлена на то, чтобы не дать Японии и другим «неимущим» державам возможности реализовать территориальную экспансию, сохранив, таким образом, «порядок», выгодный «зажиточным» западным государствам (прежде всего США и Великобритании). Канокоги был также противником сложившихся взглядов на войну и мир. Он исходил из того, что мир коррумпирует японцев, разрушит их моральные и духовные ценности, нацию сделает слабой и в конечном итоге приведет к исчезновению японцев как расы. Поэтому он прославлял войну, которая, мол, оказывает позитивное влияние на человеческое общество. Война, по его мнению, приводит к улучшению расы, избавляя ее от ненужных – слабых, коррумпированных, отрицательных – личностей [61]. Правом на существование, по мнению Канокоги, располагают «только нации, обладающие сильным воинским духом» [62]. Нации, способные на выживание, находятся в непрекращающейся борьбе, которая обеспечивает процветание сильных и честных, т.е. всех хороших людей, «возвышает национальный дух» [63]. Она необходима и «исторически неизбежна» [64].

Социальный дарвинизм, как известно, положил начало псевдоучению, известному как евгеника. Ее ярким сторонником и пропагандистом в Японии был Нагаи Хисому (1876–1957 гг.), профессор медицины Токийского императорского университета. В своих рассуждениях он исходил из того, что современное общество страдает от расовой деградации и что, если данный процесс не будет остановлен, это может привести к уничтожению японцев как расы. Это, по его мнению, обусловлено тем, что процесс естественного отбора перестал действовать должным образом «из-за цивилизации». Нагаи утверждал, что он нашел решение этой проблемы в евгенике и всячески давил на правительство, добиваясь принятия программы стерилизации, которая бы «избавила Японию» от «внутренних врагов» – «дебилов» и других умственно и морально неполноценных личностей» [65]. Правда, надо отдать должное японским властям, которые в конечном счете проигнорировали идеи Нагаи.

Об источнике его взглядов можно с полным основанием судить по принадлежавшей ему цитате: «Всего за три года после прихода нацистов к власти и введения закона о стерилизации нацистами было стерилизовано более 100000 особей. И только в прошлом году они стерилизовали 56244 единиц. Программа стерилизации в Германии осуществляется очень успешно, и я не могу удержаться от восклицания «Хайль Гитлер» [66].

Накатани Такейо (1898–1990 гг.), начавшего свою карьеру в 1921 г. в рядах правого движения, у истоков которого стояли Окава Шумей, Кита Икки и Канокоги, мало интересовала евгеника, но, как и Нагаи, он был увлечен фашистскими идеями. Уже в июле 1929 г. он стал «выражать беспокойство» тем, что воспринималось им как «дисфункция» японской политической системы. По мнению Накатани, единственным решением проблемы «ужасающего беспорядка в парламентской системе» было бы «создание фашистского движения» [67], способного фундаментально реструктурировать политическую систему Японии [68].

В 1932 г. Накатани выражал восторг в связи с «впечатляющим ростом» фашистского движения. При этом он определял фашизм как «радикальный активный национализм с антисоциалистическими и антикапиталистическими тенденциями» и как «антиинтернациональное, антииндивидуалистическое и антиклассовое явление». «Фашизм, – по его словам, – заменит рыночный капитализм экономикой, контролируемой государством» [69]. Накатани отмечал также, что фашизм, не будучи монолитным, проявлялся в разнообразных вариантах. «Итальянский фашизм имеет целью возродить идеи великого Мадзини. Германский фашизм – это национальное движение, пытающееся возродить идеи великого философа-патриота Фихте. Сущность японского фашизма ясна без каких-либо объяснений» [70]. Вместе с тем Накатани считал, что, несмотря на разнообразие форм фашизма, он представляет собой общую идеологию неизбежного будущего. Даже в Японии он «представляет собой главное направление социальной и политической мысли» [71].

Полный список японских сторонников фашизма – нацистов и антисемитов – занял бы слишком много места. Поэтому придется добавить в него имена лишь некоторых, наиболее видных «энтузиастов». Это адмирал Като Хирохару (1870–1939 гг.), генералы Шиоден Нобутака (1879–1962 гг.), Хата Шиндзи (1879–1950 гг.), чиновники и политики Акаике Атсуши (1879–1945 гг.), Хиранума Киичиро, журналисты и ученые Вакамия Уносукэ (1872–1938 гг.) и Имаи Токио (1889–1972 гг.) [72].

Аутентичный японский фашизм?

Японские сторонники фашизма обычно подчеркивали необходимость создания такой его версии, которая была бы аутентично японской, но не изменяла при этом своей основы. Они утверждали, что фашизм/национал-социализм может быть вполне приспособлен к условиям Японии. Эти рассуждения отчасти имели целью избежать критики, обусловленной иностранным происхождением фашизма, а отчасти были отражением специфики японского национализма. Особенности этого подхода можно проиллюстрировать, приведя несколько примеров.

В книге, опубликованной в 1933 г., журналист, сторонник правого крыла Цуда Козо (1889–1956 гг.), считавший, что фашизм проявляется по-разному в разных странах в зависимости от местных условий, доказывал, что японский фашизм должен быть аутентичным: «Патриотическое движение в Германии под руководством Гитлера, – писал он, – принимает такие же формы, как и патриотическое движение, возглавляемое Муссолини. Иными словами, это тоже фашистское движение, хотя сам Гитлер никогда не называл его фашизмом. Используя свой язык, он именовал его «нацизмом». Если японское патриотическое движение также основано на чувстве уважения к уникальной культуре Японии, оно, несомненно, также должно иметь уникальное японское название. Я думаю, что уместно было бы назвать его движением поклонения императору» [73]. И далее: «Японские слова “национальная солидарность” и “этническая солидарность” наиболее полно отражают сущность фашизма» [74].

Очевидно, что для Цуда японский фашизм был всего лишь патриотическим движением, в центре которого пребывал император.

Макино Йоширо приравнивал «японский фашизм» к тому, что он называл «японизмом». Этот японизм, считал он, отличается «особой индивидуальностью, способной воплотить в жизнь идеалы международного сообщества». Восхваляя добродетели аутентичного японского фашизма, Макино произнес несколько грубых слов в адрес фашизма Муссолини и национал-социализма Гитлера, возложив на них вину за неудачную попытку «осознать конкретную сущность национальной жизни». Гитлера Макино обвинял в «эгоцентризме» и в «ксенофобских взглядах». Однако эти недостатки, по его словам, компенсируются целым рядом позитивных аспектов. В частности, он похвалил Гитлера и Муссолини за успешную борьбу с «тремя пороками – марксизмом, парламентаризмом и финансовым капитализмом», выразив радость в связи с тем, что

нацизм одержал победу в борьбе за освобождение Германии от «рабской зависимости» от Лиги Наций и договоров о сокращении вооружений [75].

Подчеркивание важности национальных корней японского фашизма усилилось с появлением в 1935 г. так называемого «Движения за реформу государственного строя», значительно окрепшего после кровавого, но неудавшегося путча 1936 г., вошедшего в историю как «Инцидент 26 февраля». В этом путче участвовало 1400 соединений, руководимых молодыми офицерами, вдохновленными идеями «обновления» и подстрекаемыми группой старших офицеров. Восставшие убили несколько политиков, но на этом все закончилось. После четырех дней сопротивления они сдались. Войска были отправлены обратно в казармы, а офицеры-путчисты приговорены военным судом к смертной казни и казнены.

Среди них было и несколько гражданских лиц, включая Кита Икки (старшего) и его единомышленника Нишида Мицуги (1901–1937 гг.). Казнь Кита старшего не вызвала удивления. В своей книге, опубликованной в 1906 г., он высмеивал идею национального государственного устройства и имперские мифы, в которые были вынуждены верить доверчивые японцы. В другой книге, написанной в 1919 г., он критиковал «нерушимый национальный государственный строй», предлагал приостановить действие конституции и ввести налог на частную собственность. На протяжении всего времени Кита последовательно выступал за превращение Японии в тоталитарное национал-социалистическое государство. В его иконоборческих взглядах отражалось презрение ко всем японским «священным традициям». Более того, в них чувствовался явный привкус ереси.

Кита-старшему были предъявлены обвинения не только в участии в путче, но и в шантаже высоких должностных лиц из Министерства императорского двора. Вполне вероятно, что власти Японии просто сочли целесообразным использовать произошедший мятеж как предлог, чтобы избавиться и от Кита, который многое знал и слишком часто болтал [76].

Неудивительно, что перед лицом военных путчей и судебных процессов, сторонники фашизма попытались дистанцироваться от ассоциаций, с которыми был связан Кита. Один из примеров такого дистанцирования можно найти в вышедшей в 1937 г. книге под редакцией Кита Рейкичи – младшего брата Кита. Кита-младший попытался провести разграничение между «добром» – фашизмом – и «злом» – национал-социализмом, «находящимся под влиянием коммунизма». «Фашизм и нацио-

нализм, – утверждал он, – это совершенно разные явления. Неумение понять это свидетельствует об «узости мышления» [77].

Страстный поклонник Муссолини Шимои Харукичи (1883–1954 гг.) также утверждал, что итальянский фашизм в отличие от немецкого национал-социализма вполне совместим с традициями Японии. «Фашизм, – подчеркивал он, – это не более чем «экстремальный статизм», в котором наличествуют уважение к национальной форме правления, к национальному менталитету и который объединяет нацию» [78].

Профессор Университета Васеда Сугимори Кодзи (1881–1968 гг.), присоединившись к дискуссии, заявлял, что национал-социализм в Японии был схож с советской идеей построения социализма в отдельно взятой стране. По мнению адвоката Айакавы Такедзи (1891–1966 гг.), японские национал-социалисты были «скрытыми коммунистами». Задавая себе вопрос, был ли Гитлер национал-социалистом, Айакава отвечал решительным «нет». «Вопреки утверждениям исследователей, он не национал-социалист, а фашист». Как писал, поддерживая это утверждение, Кита-младший, «нацисты проводили политику, совершенно отличающуюся от установок национал-социализма» [79].

Все эти рассуждения можно правильно оценить только в контексте провала путча 26 февраля 1936 г.

Пик фашистского влияния в Японии

Фашистское влияние достигло своего пика в годы правления администраций Коноэ (1937–1939 гг., 1940–1941 гг.). Именно во время второго правления кабинета Коноэ Япония была ближе всего к тому, чтобы стать фашистским государством. В 1938 г., в первый период правления кабинета Коноэ, его окружение было еще далеко от введения силу таких правовых актов, как Закон о национальной мобилизации и Проект национального постановления о службе, которые привели Японию в состояние активной боеготовности.

Следует отметить, что Коноэ еще раньше стал проявлять склонность к радикальным идеям. Уже в 1919 г. он проявил себя сторонником политики Германии и противником мирного урегулирования в Версале, считая его несправедливыми с точки зрения интересов Японии.

Будучи личным представителем древнейшей придворной знати, Коноэ еще в детстве испытывал презрение к «привилегированному классу», к которому он относил местных богачей и «зажиточные» англо-саксонские державы [80]. Именно ненависть Коноэ к этому «классу» стала первопричиной его

стремления разрушить систему статус-кво, представленную Лигой Наций. Коноэ считал, что она выгодна лишь Великобритании и США, но вредна Японии. Его также не устраивала партийная система и парламентаризм, которые он считал неэффективными.

Став премьер-министром, Коноэ сразу же столкнулся с планами заговоров, направленных на свержение парламентской системы. Имеются данные, прямо подтверждающие, что, находясь на этом посту, он поддержал неудавшийся путч, подготовленный Накамизо Тамакичи и другими лидерами «Группы защиты государства от коммунизма» в феврале 1938 г. [81].

В планы путчистов входил арест парламентариев, недовольных реформами, которые предполагал осуществить кабинет Коноэ. Коноэ рассчитывал, что после такого усмирения оппозиции ему будет легче реализовать радикальные преобразования, включавшие создание новой массовой партии и введение регулируемой экономики. Заговорщики проинформировали о своих намерениях не только Коноэ, но и секретаря кабинета Казами Акира и министра внутренних дел адмирала Суэцугу Нобумаса (1880–1944 гг.) [82].

Однако путч не состоялся. Некоторые заговорщики и сторонники заговора труслили и отказались принимать в нем участие. А если бы он состоялся, то Япония могла бы точно превратиться в фашистское государство.

Причиной неудачи заговора можно также считать отсутствие у Коноэ необходимых волевых качеств. Намерение совершить государственный переворот столкнулось с сильной оппозицией. Промышленники и финансисты опасались потерять остатки своей автономии, которая уже в значительной степени была подорвана законами о всеобщей мобилизации и новом экономическом порядке. Партийные политики не были готовы расстаться с остатками своего политического влияния. Многие государственные чиновники опасались потерять свои синекуры. Против планов заговорщиков выступили даже многие военные, не готовые нарушать прерогативу «имперского правления» [83].

Оказавшийся под сильным давлением, Коноэ, поразмыслив, начал постепенно избавляться от окружавших его активных радикалов. Наиболее заметным свидетельством его решения стала замена министра внутренних дел Ясуи Эйджии бывшим премьер-министром Хиранума, уже отмежевывавшимся от радикалов. По-иному стал расставлять акценты в своих выступлениях в парламенте и министр иностранных дел кабинета Коноэ.

Тем не менее, опасность превращения Японии в фашистское государство полностью не исчезла. Это стало очевидным, когда в сентябре 1940 г. Коноэ после непростых колебаний все же вступил в союз с Германией и Италией, став членом созданной ими Оси. И все же это превращение не состоялось. Его в конечном счете предотвратило сопротивление консервативных чиновников государственного аппарата, политиков-парламентариев и армии, которая, несмотря на свою приверженность радикальным реформам, не имела намерений сдавать свои командные позиции в политической структуре.

Заключение

Влияние фашистских идей на умы японских государственных чиновников, политиков и военных в значительной степени обусловило вступление страны в военный союз с Германией и Италией. Оно также помогает понять причины радикальных реформ, которые способствовали введению в стране системы контролируемой государством экономики и привели государство в состояние перманентной военизации. Влияние фашистских идей проливает свет на причины строгой регламентации жизни и мобилизации народных масс.

Однако это влияние оказались недостаточно сильным, чтобы превратить Японию в фашистское государство, хотя по ходу дела это все же могло случиться. В конечном итоге укоренившиеся интересы и стабильность государства способствовали тому, что фашистский переворот не состоялся. Однако благодаря стечению обстоятельств они оказались недостаточно сильны, чтобы предотвратить вступление Японии в союз с Гитлером и Муссолини, который привел к катастрофической войне. Вот почему изучение фашистских идей и их влияния столь необходимы для лучшего осмысления истории предвоенной Японии.

Примечания:

1. Автор выражает признательность Роджеру Брауну и Свену Саалеру за их ценные комментарии.
2. См. ниже в ссылках дополнительную информацию о «Аикоку Кинмото» и «Тохокаи».
3. *Duus, P.; Okimoto, D.I.* Fascism and the History of Pre-War Japan: The Failure of a Concept // *Journal of Asian Studies*. – 1979. – Vol. 39, No. 1. – P. 65-76.
4. Альфредо Рокко (1875–1935) – теоретик итальянского фашизма, автор книги «Формирование фашистского государства» (1925).
5. Якоб Отто Дитрих (1897–1952) – пресс-секретарь Имперского правительства нацистской Германии, автор книг «Философские основы национал-социализма» (1935) и «Фюрер и немецкий народ» (1936).

6. *Gorai, K.* Fuashizumu to sono kokka riron. – Tokyo, 1937. – P. 166.
7. Обзор этих дебатов представлен в исследовании Абэ Хироэму: *Nihon fuashizumu kenkyū josetsu*. – Tokyo, 1973.
8. *Sims, R.* Japanese Fascism // *History Today*. – 1982. – Vol. 32. – No. 1.
9. *Ibidem*.
10. *Ibidem*.
11. *Ibidem*.
12. *Maruyama, M.* Thought and Behaviour in Modern Japanese Politics, Expanded Edition / Ed. by I. Morris. – Oxford, 1969. – P. 26-27.
13. *Ibid.* – P. 167. Интересно, что Маруяма обнаружил наличие «фашизма сверху» в США в 1950-е гг.
14. *Ibidem*.
15. *Ibid.* – P. 166.
16. *Tsutsui, K.* Shōwaki Nihon no kōzō: 2/26 jiken no jidai. – Tokyo, 1996. – P. 12-14. О тоталитаризме в контексте «холодной войны» см.: *Friedrich C.J.; Brzezinski, Z.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. – Cambridge, MA, 1965. См. также: *Arendt, H.* The Origins of Totalitarianism. – 2nd expanded edition – New York, 1958.
17. См.: *Furuya, T.* Nihon fuashizumu ron // *Iwanami kōza Nihon rekishi* 20, Kindai. – Tokyo, 1976; *Kōketsu, A.* Sōryokusen taisei kenkyū: Nihon rikugun no kokka sōdōin kōsō. – Tokyo, 1981 и *Kindai Nihon no seigun kankei: gunjin seijika Tanaka Giichi*. – Tokyo, 1987.
18. Интересно, что Франц Боркенау (1900–1957) оценивал фашизм как переходное явление в контексте революционных развивающихся режимов, которые подготавливают предпосылки для установления индустриального капитализма. Исходя из этого он расширил понятие фашизма, включив в число фашистов такие разные личности, как Вильгельм Оранский, Кромвель, Бисмарк и их современники Ататюрк, Чан Кайши и лидеры японского государства. Необходимо отметить, что, поскольку он считал, что Германия прошла период развития в конце 1920-х и в начале 1930-х гг., он не причислял эту страну к фашистской. Однако в конце 1930-х гг. он пришел к заключению, что сталинская Россия стала к 1929 г. фашистским государством. См.: *McCormack, G.* Nineteen-Thirties Japan: Fascism? // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. – 1982. – Vol. 14, No. 2. – P. 22-23.
19. *Yoshimi, Y.* Kusa no ne fuashizumu. – Tokyo, 1988, translated by E. Mark as *Grassroots Fascism: The War Experience of the Japanese People*. – New York, 2015.
20. Несмотря на то, среди японских историков нет единого мнения по вопросу, была ли Япония фашистским государством, сегодня многие из них не используют этот термин для характеристики Японии. Кроме Ито к этим историкам относятся Цуцуи Кийотада, Арима Манабу, Фурукава Такахиса, Кобаяши Мичихико. С другой стороны, такие историки, как Сузаки Шиничи (см.: *Suzaki, S.* Nihon Fuashizumu to sono jidai: tennōsei, gunbu, sensō, minshū – Tokyo, 1998). Окабэ Макио, Отабэ Юдзи, Амэмия Шоичи, Такэяма Морио и др., настаивают на том, что Япония была фашистским государством с марксистской точки зрения. (Кратко о взглядах Окабэ, Отабэи Амэмия см. *Nihon Fuashizumu*: 1) *Kokka to shakai* / Ed. by Nihon gendaishi kenkyūkai. – Tokyo, 1981, о взглядах Такэяма см.: *Takeyama, M.* Kin-dai Nihon no bunka to fuashizumu. – Tokyo, 2009. См. также: *Yamaguchi, Y.* Fuashizumu. – Tokyo, 1979 и *Yoshimi, Y.* Op. cit..
21. См., напр.: *Itō, T.* Shōwa shoki seijishi kenkyū. – Tokyo, 1969; *Itō, T.* Taishōki no «kakushin» ha no seiritsu. – Tokyo, 1976.
22. *Szpilman, C.W.A.* Kindai Nihon no kakushinron to Ajiashugi. – Tokyo, 2015 – P. 10.
23. *Duus, P.; Okimoto, D.I.* Op. cit. – P. 65-76. См. также: *Wilson, G.M.* A New Look at the Problem of Japanese Fascism // *Comparative Studies in Society and History*. – 1968. – P. 401-412. *Kasza, G.* 'Fascism from Below?': A Comparative Perspective on the Japanese Right, 1931–1936 // *Journal of Contemporary History*. 1984. – Vol. 19, No. 4; *Idem.* Fascism from Above? Japan's *Kakushin* Right in Comparative Perspective // *Fascism Outside Europe. The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism* / Ed. by S.U. Larsen. – Boulder, 2001. – P. 183-232.
24. Я главным образом полагаюсь на презентацию Роджера Брауна (ICAS 8, Macau, 24–27 June 2013), и его неопубликованную работу. В самом начале послевоенного периода западные ученые широко использовали понятие фашизма для описания «базовой атаки на индивидуализм, демократию, марксизм и интернационализм. Например, *Scalapino, R.* Democracy and the Party Movement in Pre-War Japan. – Berkeley, 1953. См.: *Japan in the Fascist Era* / Ed. by E.B. Reynolds. – New York, 2004. – P. 179.
25. *Bix, H.* Rethinking «Emperor-System Fascism»: Ruptures and Continuities in Modern Japanese History // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. – 1982. – Vol. 14, No.2. – P. 2-19. Описание Японии как «составного фашистского государства» см. на P. 6
26. *Gordon, A.* Labor and Imperial Democracy in Prewar Japan. – Berkeley, CA., 1992.
27. *Reynolds, E.B.* Peculiar Characteristics: The Japanese Political System in the Fascist Era // *Japan in the Fascist Era ...* – P. 187.
28. См., напр.: *Harootyan, H.D.* Overcome by Modernity: History, Culture, and Community in Interwar Japan. – Princeton, NJ, 2000.
29. См. также: *The Culture of Japanese Fascism* / Ed. by A. Tansman. – Durham, NC, 2009; *Tansman, A.* The Aesthetics of Japanese Fascism. – Berkeley, CA., 2009. Концепт фашистской культуры расплывчат и потому мало что добавляет к нашему пониманию того, что происходило в Японии в 1930-е гг. См.: *Duus, P.* Review of *The Culture of Japanese Fascism*

- // Journal of Asian Studies. – 2010. – Vol. 69, No. 2. – P. 612-615.
30. *Tansman, A.* Introduction // The Culture of Japanese Fascism ... – P. 1. См. также: The Aesthetics of Japanese Fascism ... На мое понимание литературно-культурологического подхода к фашизму существенно повлияла презентация Роджера Брауна в Макао (2013 ICAS conference) и последующие дискуссии. См.: *Brown, R.* Review of *The Culture of Japanese Fascism* // Social Science Japan Journal. – 2009. – Vol. 12, No. 2. – P. 288-292.
 31. Вот в чем ошибка Тансмана: понятие фашистской культуры расплывчато. Оно не часто используется историками, поскольку в этом понятии игнорируется важный вопрос о политической власти и ее функционировании. Это понятие мало помогает нам осознать политические события в Японии 1930-х гг. См.: *Duus, P.* Review of *The Culture of Japanese Fascism* ...
 32. *Tolischus, O.D.* Tokyo Record. – New York, 1943. – P. 143-144.
 33. Для краткости я ограничусь примерами из газеты «Kokuhon», однако аналогичные суждения с легкостью можно найти и в других газетах и журналах.
 34. *Henshūshitsu yori* // Kokuhon. – 1922. – Vol. 2, No. 12. – P. 136; *Ōta, K.*, Nan-Ō ni tatsu Mususorini // Kokuhon. – 1922. – Vol. 2, No. 12. – P. 29-35; *Ishiyama, I.* Mususorini no kokkakan // Kokuhon. – 1924 – Vol. 4, No. 9. – P. 61; *Nagai, Z.* Fuashisuchi no shūseika no Itari rōdō kumiai // Kokuhon. – 1924. – Vol. 4, No. 3. – P. 58-66.
 35. *Takeuchi, K.* Mondai no kenkyū // Kokuhon. – 1925 – Vol. 5, No. 6. – P. 34.
 36. *Itō, T.* Shōwa shoki seijishi kenkyū. – Tokyo, 1969. – P. 359-361; *Yasko, R.* Hiranuma Kiichirō and Conservative Politics in Pre-war Japan: unpublished PhD dissertation. – University of Chicago, 1973.
 37. Хиранума присвоили титул барона в октябре 1926 г.
 38. *Taishō demokurashii-ki no seiji*: Matsumoto Gōkichi seiji nisshi / Ed. by Oka Y. et al. – Tokyo, 1969. – P. 544.
 39. Принц Сайонжи и другие (консервативные) советники императора представляли, пожалуй, единственную политическую группу, отрицавшую фашистские идеи, эта группа, как могла, препятствовала продвижению людей с фашистской репутацией, таких как Хиранума.
 40. Коммунист Ишихама был вынужден покинуть профессорский пост Императорского университета Киушу в 1928 г.
 41. *Nihon Kokumin shakaishugi no shochōryū* // Kaizō. – 1932. – Vol. 14, No. 5. – P. 54.
 42. Напр., два года спустя Хиранума был охарактеризован как главарь японского фашизма. См.: *Takata, S.*, Yakushin Nihon o ayatsuru hitobito: seikai, zaikai, – Tokyo, 1934. – P. 160-161.
 43. *Szpilman, C.W.A.* Kanokogi Kazunobu: Pioneer of Platonic Fascism and Imperial Pan-Asianism // Monumenta Nipponica. – 2013. – Vol. 68, No. 2. – P. 233, 249.
 44. Active Japanese Fascist Closes Cambridge Visit. – Harvard Crimson – 1932. – Oct. 31.
 45. О Шимонака см.: *Shimonaka Yasaburō jiten* / Ed. by Shimonaka Yasaburō den kankōkai – Tokyo, 1965; а также см.: *Nakajima Takeshi.* Shimonaka Yasaburō: Ajiashugi kara sekai renpō undō e. – Tokyo, 2015.
 46. *Hayashi, K.* Fuashizumu no honshitsu to Nihon no shōrai // Kokuhon. – 1932. – Vol. 12, No. 3. – P. 29.
 47. Ibid. – P. 32
 48. Ibid. – P. 30.
 49. *Ninagawa, A.* Kokka shakaishugi no higōrisei. – Tokyo, 1932. – P. 3.
 50. См.: *Imasato, K.* Kokkashakaishugi to fuasshizumu. – Tokyo, 1932. Имасато писал: «слова 'Fuassho' и фашизм стали общепринятыми в Японии в последние годы».
 51. *Fuasshoka no keikō o kō miru* // Hito no Uwasa. – 1932. – Vol. 3, No. 5.
 52. Ibidem.
 53. *Maruyama, M.* Kaikoku // *Maruyama, M.* Maruyama Masao shū – Tokyo, 1996. – P. 50.
 54. О взглядах Ишида Баиган, см. *Najita, T.* Visions of Virtue in Tokugawa Japan. – Chicago, 1987.
 55. *Bosworth, R.* Explaining Auschwitz and Hiroshima: Historical Writing and the Second World War, 1945–1990 – London, 1993 – P. 20.
 56. См.: *Szpilman, C.W.A.* Kanokogi Kazunobu ...
 57. См., напр.: *Kurosawa, F.* Taisenkanki no Nihon rikugun. – Tokyo, 2000. – P. 76-103.
 58. *Hata, E.* Kokka sōdōin no hitsuyō ni tsuite // Kokuhon. – Vol. 5, No. 12. – P. 11-17.
 59. См.: *Szpilman, C.W.A.* Fascist and Quasi-Fascist Ideas in Interwar Japan, 1918–1941 // Japan in the Fascist Era ... – P. 76.
 60. *Payne, S.G.* Fascism: Comparison and Definition. – Madison, WI, 1980. – P. 12.
 61. *Szpilman, C.W.A.* Kanokogi ... – P. 245.
 62. Ibidem.
 63. *Kanokogi, K.* Sentōteki jinseikan ... – Tokyo, 1917. – P. 58.
 64. Ibidem.
 65. Мой анализ евгеники опирается на: *Szpilman C.W.A.*, Fascist and Quasi-Fascist Ideas... – P. 80.
 66. Ibidem.
 67. A letter from Nakatani to Mitsukawa Kametarō, 27 July 1929, in Mitsukawa Kametarō shokanshū/ Ed. by Hasegawa Yūichi, Christopher W.A. Szpilman, Imazu Takaaki. Tokyo, 2012. – P. 142 (NB. in the book the letter is wrongly dated as 1928).
 68. Ibidem.
 69. *Nakatani, T.* Fuashizumu no honshitsu to sono kokka kannen // Kokuhon. – 1932. – Vol. 12, No. 4 – P. 19-20.
 70. Ibid. – P. 21.
 71. Ibid. – P. 23.
 72. Дискуссию на эту тему можно найти в *Szpilman, C.W.A.* Fascist and Quasi-Fascist Ideas ... и *Krebs, G.*

- The 'Jewish Problem' in Japanese-German Relations, 1933–1945 // *Japan in the Fascist Era* – P. 107-132.
73. Tsuda, K. *Nihon fuassho no gensei: kaisetsu, hihan oyobi kensetsu riron.* – Tokyo 1933. – P. 4.
 74. Ibidem.
 75. Makino, Y. *Fuasshizumu no tetsugakuteki kiso kentō, part 2* // *Kokuhon.* – 1934. – Vol. 14, No. 3 – P. 45-50.
 76. Szpilman, C.W.A. *Kita Ikki and the Politics of Coercion* // *Modern Asian Studies.* – 2002. – Vol. 36, No. 2. – P. 467-490.
 77. Kita, R. *Nachisu to kokka shakaishugi* // *Fuassho to kokka shakaishugi* / Ed. by Kita Reikichi. – Tokyo, 1937. – P. 166.
 78. Shimoi, H. *Mussorini to kokka shakaishugi* // *Fuassho to kokka shakaishugi?* – P. 20. О Шимои, в целом, см.: Hofmann, R. *The Fascist Effect: Japan and Italy, 1915–1952.* – Ithaca, N.Y., 2015.
 79. Kita, R. *Nachisu to kokkashakaishugi ...* – P. 167.
 80. Oka, Y. *Konoe Fumimaro: unmei no seijika ...* – Tokyo, 1972. – P. 5.
 81. Itō, T. *Konoe shintaisei.* – Tokyo, 1983. – P. 72-73.
 82. Ibidem.
 83. Ито Itō, T. *Konoe shintaisei ...* – P. 145. Министр армии Тодзио Хидеки выразил сомнения военных следующим образом: «Мы согласны *in spirit* с тем, что необходимо единство военных, чиновников и гражданского населения, однако под словом «военный» (“military”) (gun), насколько я понимаю, подразумевается армия. Армией руководит Его Величество Император, поэтому необходимо выяснить, каким образом можно объединить этот факт с идеей единства» (Ibidem). Это высказывание показывает, что японская армия могла бы поддержать реформы Коноэ, которые привели Японию в состояние боеготовности, но у военных не было ни малейшего желания находиться под контролем гражданских диктаторов, как это было в Германии и Италии.

УДК 321(520)
ББК 66.0(5Япо)

ИДЕОЛОГИЯ И КОНТРОЛЬ: ИНСТРУМЕНТЫ АВТОРИТАРИЗМА В ЯПОНСКОЙ МАНЬЧЖУРИИ*

Томас Дэвид Дюбуа,
старший научный сотрудник,
Австралийский национальный университет
(Австралия)
thomas.dubois@anu.edu.au

Перевод с английского Л.А. Кац

Аннотация. Политическая и социальная мысль Японской империи отличалась от идеологии фашизма, провозглашенной ее союзниками в Европе. Риторика японского империализма опиралась на философию «добродетельного девелопментализма», который мог бы очистить Азию от отсталых обычаев и европейского колониализма. Подобное развитие основывалось на контроле со стороны Японии и оставляло мало места таким вопросам, как свобода слова или самоопределение.

В данной статье рассматривается идеология японского империализма через институты власти в Маньчжурии. Основанное в 1932 г. государство-сателлит Маньчжоу-го было кульминацией развития японского империализма. Япония инвестировала в него значительные средства для создания юридического аппарата и механизмов социальной инженерии. Хотя Японию часто обвиняют в предательстве своей же риторики, она была последовательна в проведении идеологии трансформации посредством контроля в этих институтах. Эта идеология не являлась секретом для общества, даже когда оккупация принимала более жестокие формы.

Ключевые слова: Маньчжурия, Маньчжоу-го, Китай, Япония, девелопментализм, юридические и правовые режимы, контроль прессы, социальная инженерия, государственные ритуалы.

IDEOLOGY AND CONTROL: INSTRUMENTS OF AUTHORITARIANISM IN JAPANESE MANCHURIA

Thomas David DuBois, Senior Research Fellow,
Australian National University, Australia

Abstract. The political and social thought of the Japanese Empire was distinct from its fascist allies in Europe. Japanese imperialism rhetorically espoused a philosophy of benevolent developmentalism that would purge Asia of backward customs and European colonialism. Even in theory this development was premised on Japanese control, and had little regard for issues such as free speech or self-determination.

This article examines the ideology of Japanese imperialism through the institutions of rule in Manchuria. Founded in 1932, the client state of Manchukuo was the highpoint of Japanese developmental imperialism,

* Ставя в центр анализа проблематику формирования авторитарного политического сознания в Японии, автор правомерно усматривает в этом корни и истоки японского милитаризма, в полной мере проявившегося в годы Второй мировой войны. – Прим. ред.

where Japan invested heavily to create a legal apparatus and the mechanisms of social engineering. Although Japan is often accused of betraying its rhetoric, the ideology inherent in these institutions was consistently one of transformation through control. This ideology was kept in public view, even as the reality of the occupation grew increasingly brutal.

Key words: *Manchuria, Manchukuo, China, Japan, developmentalism, law and legal regimes, press control, social engineering, state ritual.*

Тот факт, что в годы Второй мировой войны Япония являлась участницей Тройственного пакта, который связал ее с державами Оси, дает некоторым историкам основания предполагать, что и она была фашистской державой. Однако, несмотря на несомненно жесткую, агрессивную и тоталитарную политику Японии во время войны, было бы ошибкой считать, что ее союз с Италией Муссолини и Германией Гитлера был основан на общей идеологии. На деле многие аспекты японской политической идеологии в отношении Восточной Азии оставались достаточно изменчивыми вплоть до начала в декабре 1941 г. военных действий с Великобританией и США. И хотя было бы удобно именовать японский режим фашистским для более выразительного очерчивания его преступлений, мы не должны думать, что альянсы и действия Японии основывались на азиатском варианте европейской идеологии.

Различия с европейскими державами Оси очевидны даже на уровне провозглашенных идеалов режима: в то время, как нападение нацистской Германии на ее восточных соседей всегда понималось как оправданное завоевание более слабых народов высшей арийской расой, правящие элиты Японии представляли свои действия на континенте как нечто более благородное. С их точки зрения это было вызволение азиатских братьев из тисков западного колониализма или их освобождение от коммунистического повстанческого движения либо просто от их собственной отсталости. Даже если эти ролевые образы не выглядят убедительно на фоне той жестокости, которую Япония часто демонстрировала народам, находившимся под ее управлением, специфика их идеологического обоснования показывает, что идейная близость Японии с ее партнерами по Оси сама по себе не может убедительно и в полной мере объяснить все ее действия.

Вот почему в данной статье основное внимание будет уделено не самой идеологии японской континентальной экспансии, а скорее тому, как эта идеология выражалась через институты авторитаризма. Идеологическая обработка населения была целью большинства этих институтов: системы образования, обязательной схемы общественных ритуалов, жесткого контроля над прессой, а также своего рода союза с организованной религией. Дру-

гие механизмы контроля были по своей природе либо политическими, либо экономическими, и они также применялись в соответствии с государственной идеологией, которую не всегда легко идентифицировать как правую.

В географическом плане статья охватывает действия Японии в Маньчжурии как до, так и после создания в 1932 г. японского государства-сателлита Маньчжоу-го. Весь японский имперский опыт охватывает семь десятилетий, начиная с политических изменений 1868 г., известных как Реставрация Мэйдзи, до безоговорочной капитуляции Японии перед западными державами в 1945 г. Этот опыт включает в себя большие идеологические и институциональные изменения в самой Японии, а также периоды интенсивной активности на Тайване, в Корее, Китае и Монголии, Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана. Эта активность сопровождалась как благодеяниями, так и невероятно жестокими действиями. В рамках этого широкого спектра политику Японии в Маньчжурии можно считать кульминацией: там осуществлялся самый амбициозный имперский проект, в рамках которого объединились самые значительные японские коммерческие и политические интересы. Этот исторический момент (сопровожденный драматическим выходом Японии из Лиги Наций) ознаменовал собой начало отчуждения Японии от англо-американского порядка и ее переход к новым альянсам между Берлином и Токио. Маньчжурия была «жемчужиной в короне» японской империи, а также микрокосмом самой империи.

Японская империя и Маньчжурия

После длительного периода затворничества в XIX в. Япония пришла к осознанию связи своих судеб со всем азиатским континентом. Еще до официальной отмены новым правительством Мэйдзи 250-летнего запрета на выезд за границу японские предприниматели, студенты и искатели приключений начали странствовать в поисках фортуны по всей Азии. Новый интерес к азиатскому континенту совпал с ощутимым упадком китайской империи Цин, которая в 1840-е гг. терпела крупные поражения на море от англичан, а затем, спустя десятилетие, столкнулась с катастрофическими внутренними беспорядками, ко-

торые свидетельствовали о слабости китайской армии. Уже в 1870-е гг. ведущие государственные деятели Мэйдзи, такие, как Сайго Такамори (1828–1877), призывали Японию использовать свою новую армию, чтобы заполнить вакуум, созданный упадком империи Цин, и отражать потенциальные угрозы со стороны новых конкурентов, таких, как Великобритания и особенно Россия. В 1894–1895 гг. такое сочетание угроз и возможностей привело Японию к войне с Китаем из-за контроля де-факто над Корейским полуостровом, а через десять лет – к войне с Россией, так как обе страны боролись за влияние над Маньчжурией. Япония вышла победительницей в обеих войнах, в результате чего она завладела Тайванем (Симоносэцкий договор, 1895), Корея получила короткую «независимость» (Япония аннексировала ее в 1910 г.), а в Маньчжурии она взяла в аренду на 99 лет Квантунский полуостров и завладела Российской железной дорогой от Чанчуня до небольшого порта Дальний (ныне Далянь, известный в Японии как Дайрен). Тем не менее, эти победы достались дорогой ценой. Финансовые издержки двух войн дестабилизировали японские финансы на десятилетия вперед. Цена же человеческих потерь, особенно в войне с Россией, превратила места битв в Маньчжурии в священные для японских националистов, что делало для них немыслимым отказ от завоеванных там земель.

В первые годы XX в. Япония расширяла свое влияние в Маньчжурии по различным каналам. Центральным пунктом этой экспансии стало обладание городом Дайрен и Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). В течение нескольких лет Дайрен превратился в процветающий порт, а железная дорога, которая включала в себя буферную зону протяженностью в несколько километров вдоль рельсового пути, привлекала все большее количество японских предпринимателей и поселенцев. Как в городе, так и на железной дороге располагались большие гарнизоны японской Квантунской армии. Управление осуществлялось со стороны колониального правительства, которое инвестировало значительные средства в инфраструктуру, например, в сооружение трех основных причалов для глубоководного порта, в строительство дорог, канализации, а также в государственную систему здравоохранения. Подавляющее большинство инвестиций было сделано через саму ЮМЖД, которая функционировала как полугосударственное учреждение, одновременно продвигая свои интересы в области сельского хозяйства, тяжелой промышленности, финансов и туризма. Город Дайрен стал своеобразным символом, который должен был

продемонстрировать всему миру и не в последнюю очередь японской общественности преимущества просвещенного японского колониализма.

Однако за этим фасадом назревали напряженные конфликты. Япония действовала агрессивно, желая расширить свое влияние за пределы арендованной территории. В 1920-е гг. японские консульства в таких городах, как Тяньцзинь, Шэньян и Харбин, превратились в центры обширной сети шпионов и осведомителей, собиравших разведывательную информацию через организованные ими разного рода легальные и нелегальные предприятия. В Маньчжурии военнотруженики Квантунского гарнизона добивались расположения Чжан Цзолиня, крупнейшего политического и военного деятеля региона. Когда же отношения испортились, специально оборудованный железнодорожный вагон Чжан Цзолиня был подорван, а сам он погиб. Убийство 1928 г. стало отражением не только разочарования в военных и экономических неудачах Чжана, но и назревшей к концу 1920-х гг. необходимости срочных действий. После десяти лет гражданской войны Китай сумел в 1927 г. воссоединиться под руководством нового, на словах антиимпериалистического, правительства, которое призвало к возврату территорий, утраченных в предыдущие десятилетия. Среди первых таких действий был пограничный конфликт с Советским Союзом в 1929 г. за возврат Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в Северной Маньчжурии.

Решив, что наступил подходящий момент для обеспечения японских интересов, два младших офицера Исигавы Канцзи и Итагаки Сэйсиро в конце 1931 г. повели Квантунскую армию в наступление для захвата Маньчжурии. Они быстро заняли все крупные города и вернулись в Японию как герои, в результате чего японское правительство было вынуждено дать этим действиям политическое обоснование. Не желая возвращать территории, но и не имея возможности сразу же аннексировать или формально колонизировать их, Япония в 1932 г. выбрала путь создания нового государства, которое она окрестила как «Маньчжоу-го», что означает «нация Маньчжурии».

Образование Маньчжоу-го вбило глубокий клин в отношения между Японией и большей частью международного сообщества. Попытка Японии представить новое государство как триумф народного суверенитета, «единодушную волю тридцати миллионов жителей Маньчжурии и Монголии», подавляющим большинством стран рассматривалась как неуклюжая попытка маскировки неприкрытого милитаризма. Маньчжурский кризис привел к формированию доктрины Стимсона, или

доктрины непризнания завоеваний, приобретенных в результате агрессии. Когда Комиссия Литтона, направленная в Маньчжоу-го по поручению Лиги Наций, пришла к выводу, что новое государство действительно является государством-сателлитом японской империи, японские дипломаты ответили на это выходом из организации. Это был первый из множества поступков, приведших Японию на путь милитаристской паранойи и агрессии.

Несмотря на то, что новое государство часто называли марионеточным, его основатели были по-своему «идеалистически» настроенными идеологами. Именно они, а не «реалисты», инициировали военную экспансию, так как духовное и моральное предназначение Японии для них заключалось в том, чтобы развеять призрак европейского колониализма, устранить «плохое» азиатское (в частности, китайское) правление и принести на Восток эру японского просвещения. Хотя государство Маньчжоу-го было отвергнуто большей частью мирового сообщества, некоторые из его наиболее преданных идеологов продолжали закладывать основы для масштабного эксперимента в области социальной инженерии. За тринадцать лет существования государства возвышенная риторика его основателей сменится на практике все возрастающей жестокостью, но никогда не исчезнет полностью, так же, как и влияние коммерческих интересов, в том числе ЮМжд, или желание различных военных, торговых и политических кругов искать конкретные материальные выгоды в Маньчжурии, сделав ее «зарезервированным» рынком для японской продукции или поставщиком таких жизненно важных товаров, как зерно и уголь. Различные механизмы контроля, применявшиеся в Маньчжоу-го, отражали как роль идеологии, так и это большое разнообразие интересов.

Право и политический контроль [1]

На протяжении тринадцати лет своего существования, с момента формального основания и до последних дней обороны Японии, Маньчжоу-го оставалось легалистским государством. Тем не менее, несмотря на краткость своей истории, правоприменение в ранние и поздние годы Маньчжоу-го существенно изменилось. Создание правовой структуры первоначально вписывалось в контекст имперского строительства: суды и кодексы, введенные Японией, были частью проекта по формированию школ, общественных и коммерческих организаций, а также других учреждений, которые любая эффективная колониальная власть устанавливает на новых территориях. Но поскольку Маньчжоу-го было призвано стать организационной и духовной моделью для будущей панasiatской империи, все эти учреждения

функционировали как бы напоказ, и многое было поставлено на карту в случае их неуспеха. Однако к концу 1930-х гг. и особенно позже акценты сместились. Законотворчество стало не столько вопросом социального строительства, сколько вопросом открытого контроля, направленного на подавление партизанского повстанческого движения и обеспечение бесперебойного военного производства.

Структура нового правительства была изложена в 1932 г. в виде подробного проекта, известного под названием «Органический закон». По форме структура нового правительства устанавливала баланс между органами законодательной и исполнительной власти. Для обеспечения независимости судов судебная система должна была стать отдельной ветвью власти; судьи назначались пожизненно, а в финансовом отношении все судебные органы находились под контролем центрального правительства во избежание коррупции, которая якобы характеризовала предыдущую систему правосудия [2].

Несмотря на равновесие сил внутри правительства, вся государственная структура строилась на фундаменте внешней, спиритуалистической власти. Даже если бы государство и было основано на принципах народного волеизъявления, оно действовало не через выборное представительство, а, скорее, через духовную связь между государством и народом, известную как «королевский путь» (*Вандао*). Теория «королевского пути» – во многом личный проект Чжэн Сяосюя (1860–1938), бывшего чиновника империи Цин, а в 1920-е гг. – постоянного спутника свергнутого императора Пу И из династии Цин и первого премьер-министра Маньчжоу-го. Эта теория представляла собой попытку соединить риторику конфуцианского морального управления с современным государственным устройством, создавая тем самым основу новой азиатской формы правления. Во всех своих публичных заявлениях новое государство подчеркивало это духовное ядро, называя его попеременно то «королевский путь», то, позднее, столь же туманно – «дух основы нации» (*цзяньго цзиньшэнь*). Краткое заявление о создании правительства Маньчжоу-го, сделанное номинальным главой государства (а затем императором Маньчжоу-го) Пу И 9 марта 1932 г., является типичным образцом моральной риторики Маньчжоу-го: «Наша нация была основана на морали, милосердии и любви. Когда будет покончено с расовыми различиями и войнами между народами, мы увидим создание истинного рая “королевского пути”. Наши граждане должны посвятить себя этой задаче» [3].

Такие заявления интересны не только с точки зрения приукрашенного изображения нового государства, но и с точки зрения того, о чем они умал-

чивают. Подчеркивая духовный ренессанс «королевского пути», они ни словом не упоминали о законах, судопроизводстве или эффективности права. Даже в таких документах, как Декларация государственности Маньчжоу-го (*Мансюоку кэнкоку сэнгэн*), которая оправдывала создание нового государства с точки зрения народного благосостояния и критиковала старый режим как некомпетентный, коррумпированный и, следовательно, неспособный защитить народ перед лицом двух одинаковых бед – коммунизма и бандитизма, – отсутствовало описание нового государства как инструмента восстановления законности и порядка. Речь в них шла о новом нравственном отношении к управлению.

Тем не менее, режим был глубоко привержен закону как инструменту власти. Одним из свидетельств той значимости, которая приписывалась праву, является мучительно медленное принятие новых законов, в частности, конституции и кодексов нового государства, а также правовой основы для отмены экстерриториальности, которой японские граждане продолжали пользоваться. Дипломаты, наблюдавшие за новым государством, ожидали, что новая конституция будет «косметическим» документом, введенным Японией после незначительных дебатов, и были озадачены тем, что ее обнародование постоянно задерживалось. Тем не менее, дебаты продолжались, так как конституция Маньчжоу-го потенциально могла создать прецеденты, которые в дальнейшем оказывали бы влияние на всю империю, включая саму Японию. Точно так же переработка новых правовых кодексов для приведения их в соответствие с «национальными чувствами» (*guoqing*) Маньчжоу-го оказалась неожиданно сложным процессом, отражавшим различные интересы, которые выходили за рамки самого Маньчжоу-го [4].

Тем не менее, эти задержки ни в коей мере не мешали использовать право в качестве инструмента для поддержания порядка. Как до, так и после обнародования официальных кодексов многочисленные законотворческие органы Маньчжоу-го издавали целые тома уголовных законов по конкретным вопросам. Кроме того, полиция также сохранила широкие права производить аресты по обвинению в политических преступлениях. Эти своего рода общие полномочия, закрепленные за ней в 1932 г. во «Временном законе о наказании политических преступников», позволяли привлекать к ответственности за любое поведение, которое «подрывало основы государства». Приняв за образец японский «Закон о сохранении мира» (*ти'ан идзи хо*) 1925 г., этот закон позволил провести несколько волн массовых арестов перед визитом японского принца Чичибу в

Маньчжоу-го в 1934 г. и трехдневным визитом императора Пу И в Харбин в сентябре 1935 г., что привело к превентивному задержанию 2000 китайцев и 400 русских. Властям было явно выгодно оставить эти законы действующими именно потому, что срок их действия не был оговорен [5].

Точно так же Япония всегда поддерживала механизмы контроля над функционированием судебной системы. Закон о реорганизации судов, принятый в январе 1936 г., значительно расширил существующую китайскую систему, заменив ее четырехуровневой структурой: Верховный, высший, территориальные и первичные суды. Независимая от судов прокуратура (*цзяньча юань*) на каждом уровне несла ответственность и за расследование, и за судебное преследование преступников. Как судами, так и прокуратурой управляли японцы (из Японии и Маньчжоу-го) и китайцы из Маньчжоу-го. Система была устроена так, чтобы в ней всегда доминировали японские юристы. В 1933 г. директор Бюро по общим вопросам Департамента юстиции Фурута Масатаке инициировал «План по трудоустройству японских юристов» (*Нихон сихокан сёэи кэикаку*), согласно которому все суды должны были состоять из японских и китайских судей [6].

Усилия по обеспечению подлинной судебной реформы, похоже, не принесли желаемых результатов. Несмотря на значительные усилия многих японских и китайских юристов по замене системы, которую они считали нерасторопной, неэффективной и коррумпированной, вскоре стало ясно, что судебная система, как и гражданская администрация в целом, остается явно подчиненной интересам военных, в частности, Квантунской армии. Такое положение дел быстро разрушило идеализм и реальную власть гражданских чиновников.

Неэффективность и ограниченность реальной власти судов Маньчжоу-го ярко проявились в деле Симона Каспе, французского пианиста еврейского происхождения, который в 1933 г. был похищен в Харбине русскими уголовниками, а затем, когда выкуп за него не был внесен, убит. Постоянные попытки обхаживать русскую общину (местных органов власти Харбина и для ведения шпионажа на советском Дальнем Востоке), а также распространенные среди местной полиции антиеврейские настроения привели к тому, что расследование по факту этого убийства велось официальными лицами Харбина небрежно. Японский шеф полиции в Харбине публично заявил, что преступники заслуживают снисхождения, так как выкуп предположительно должен был быть использован в «патриотических» (т.е. антисоветских) целях. Как отмечали сотрудники британского консульства, в следствен-

ную комиссию входил некий Мартынов – «местный негодай», который, как они предполагали, был соучастником преступления. Несмотря на все попытки ускорить процедуру, к 1936 г. по делу не было принято никакого решения, что позволило все тем же британским наблюдателям охарактеризовать столь расхваливаемые реформы как «не более чем просто разговоры» [7]. Дело Каспе демонстрирует легкость, с которой суды можно было лишить полномочий и направить их в нужное русло.

После 1937 г. все более навязчивая роль государственных органов и ущемление личных прав населения Маньчжоу-го получили правовую основу в связи с введением в стране чрезвычайного положения. «Тоталитарная» реорганизация правительства 1 июля того же года передала большие дискреционные полномочия в руки центрального правительства и сопровождалась «принудительным проведением в жизнь потока законов в соответствии с новой структурой» [8]. К их числу относились такие акты, как обнародованный 26 февраля 1938 г. «Маньчжурский национальный закон о мобилизации», который вступал в силу в «период чрезвычайного положения», а также предоставлял широкие полномочия в отношении имущества и отдельных действий граждан. «Закон об обороне» от 1 апреля того же года создавал условия для создания военных трибуналов и национального командования обороны с диктаторскими полномочиями. Тем не менее, даже если эти новые законы удивили некоторых наблюдателей, надо иметь в виду, что военное законодательство появилось намного раньше. Логика «Временного закона о наказании политических преступников» 1932 г., который использовался, чтобы отсеять «тех, кто был не согласен с направлением национального мышления», достигла своего апогея с обнародованием зловеще звучащего «Закона о ректификации мысли» (*сысян цзяочжэн фа*) 1944 г. [9]. Также в этот период было введено превентивное задержание и упрощенное судопроизводство в отношении «преступников мысли» (*сысян фань*). Такая практика корнями уходила в обстоятельства основания Маньчжоу-го, а до этого успешно применялась в самой японской империи.

Тенденция к упрощенному судопроизводству усилилась во второй половине 1941 г., по мере того, как Япония готовилась расширить сферу своих военных действий. Это было, несомненно, вызвано необходимостью рассмотрения большого количества дел, поэтому решения в специальных судах были быстрыми и окончательными. «Специальные процедуры для рассмотрения дел о внутренней безопасности в судах внутренней безопасности»,

изданные 25 августа 1941 г., предусматривали, что обвиняемые в таких судах не имели права на защиту или апелляцию. К японскому «Закону о сохранении мира» версия закона Маньчжоу-го добавляла, что «в целях укрепления сотрудничества между судами общественной безопасности и военной полицией» дела, связанные с внутренней безопасностью, будут рассматриваться на месте [10]. К 1942 г. суды общественной безопасности были созданы на всех уровнях правовой системы.

Теоретически обычные суды и суды общественной безопасности имели различные юрисдикции. Последние не рассматривали обычные преступления, только нарушения неясных полицейских постановлений и постановлений о безопасности. Ближе к концу существования режима большинство обвинений были переведены в последнюю категорию. Это было не только проще в плане процедур, но также позволило характеризовать распространение движений сопротивления как бандитизм. Особенно интересное описание состояния преступности в Маньчжоу-го можно найти в официальной статистике. Статистические данные делят дела на обычные преступления (из которых кража со взломом, воровство, азартные игры и убийства составляют большинство) и нарушения специальных законов и нормативных актов. Хотя обе категории преступлений выделялись с самого начала, за период существования государства вторая быстро опередила первую. Статистические данные 1933 г. показывают, что большинству из 25538 лиц, осужденных за преступления в Маньчжоу-го, были предъявлены обвинения в обычных преступлениях, из которых наиболее заметными были азартные игры, воровство и нападение. Только 6865 чел. были осуждены в соответствии со специальными законами, и более половины из них – за преступления, связанные с опиумом. Десять лет спустя число приговоров за обычные преступления выросло чуть более чем вдвое, в то время как число лиц, осужденных в соответствии со специальными законами и постановлениями, выросло в пять раз; из них число осужденных за преступления, связанные с опиумом, оставалось практически постоянным и составляло приблизительно 3500 чел. Напротив, число осужденных по широко применявшемуся «Закону о подавлении грабителей и бандитов» и за неясные нарушения «Положения о полиции» увеличивалось особенно быстро. Очевидно, эти две категории, по которым только в 1943 г. было заведено более 26 тыс. дел, были удобными обобщающими терминами для обозначения общей подрывной деятельности [11].

Число произвольных арестов резко возросло в последние годы войны. Согласно одной оценке,

в 1943 г. в «Центры ректификации мысли» (*сысян цзяочжэн юань*) были доставлены 6 тыс. чел., в 1944 г. – 8-10 тыс. чел., в 1945 г. – 12-15 тыс. чел. В 1943 г. полиция начала предупредительные аресты «бродяг»; во время одной облавы сразу в трех городах было произведено более 7400 арестов. Только небольшая часть из арестованных была официально приговорена к казни. Подавляющее большинство, скорее всего, было мобилизовано на принудительный труд, чтобы покрыть острую нехватку рабочей силы после 1942 г. [12].

Контроль над прессой

Инструменты социальной инженерии, используемые в Маньчжоу-го, основывались на фундаменте, построенном в предыдущие десятилетия. Японские предприниматели начали издавать здесь газеты на японском и китайском языках уже с 1907 г. Большинство из этих первых изданий были коммерческими. На протяжении 1920-х гг. консорциум «Мантецу» активно приобретал различные газеты, а в 1924 г. купил контрольный пакет акций крупнейшей ежедневной газеты на китайском языке «Шэнцзин шибao». Эта сделка была осуществлена непосредственно под контролем министра иностранных дел Японии Сидэхара и консула провинции Фэнтянь (Шэньянь) Фунацу Чоичиро. К концу десятилетия консорциум «Мантецу» был признан наиболее значимым издателем региона, а его публикации открыто поддерживали японскую политику [13].

Создание государства Маньчжоу-го и установление в нем правового контроля не оказали большого влияния на состояние прессы. Радикальное преобразование прессы в 1930-х – начале 1940-х гг. было вызвано, скорее всего, началом военных действий с Китаем, а затем и с западными державами. Учреждение в Японии в 1937 г. «консультационной системы» для всех средств массовой информации резко увеличило влияние государства в газетной индустрии. Затем, в 1938 г., был принят «Закон о всеобщей мобилизации нации» (*Кокка содоин хо*), что позволило установить прямой контроль государства над всеми жизненно важными отраслями, включая прессу. В начале 1941 г. в целях обеспечения соблюдения законодательства и устранения якобы «расточительной» конкуренции большое число изданий, особенно на местном уровне, были закрыты. К концу 1942 г. реструктуризация газет была практически закончена, и «никто, знакомый со структурой медиа-индустрии Японии в 1937 г., не узнал бы ее спустя пять лет» [14].

В Маньчжоу-го этот процесс сокращения количества изданий и усиления контроля начался

чуть раньше. В 1935 г. была образована ассоциация прессы Маньчжоу-го под патронажем генерала Такаянаги – откровенного шовиниста, редактора англоязычной газеты «Маньчжоу нити-нити синбун» [15]. Процесс еще более ускорился после 1937 г., когда британский консул в Мукдене сообщал, возможно, преждевременно, что «кастрация прессы достигла своего апогея». Как и в Японии, газеты в Маньчжоу-го были либо закрыты, либо объединены. Оставалось одно-два названия газет на китайском, японском, английском и русском языках. В одном только 1937 г. семь газет на китайском языке были выведены из бизнеса [16].

Во всей Империи эта власть над прессой была использована в соответствии с культурным видением, в котором соединились идеализированный традиционный японский спиритуализм и современная бюрократическая система. Это новое видение потребовало активного сотрудничества со стороны прессы. В отличие от предыдущих периодов уже было недостаточно просто запрещать критику; роль средств массовой информации теперь открыто заключалась в перевоспитании и просвещении читающей публики. Этот сдвиг особенно заметно проявлялся в агрессивно-националистическом пропагандистском тоне, принятом газетой «Шэнцзин шибao» во второй половине 1930-х гг. С конца 1930-х гг. новостные репортажи газеты в отличие от относительно сдержанного освещения более ранних событий, таких, как создание Маньчжоу-го или коронации Императора Пу И в 1934 г., были насыщены пропагандой. Выпуск от 1 января 1939 г. был увенчан изображениями императора и императрицы Маньчжоу-го, и с тех пор на первой странице большинства номеров содержались материалы об Императорском Доме. Усиление контроля центральных властей над «Шэнцзин шибao» давало о себе знать не только в политизации содержания, но и в той скорости, с которой разные темы то поднимались, то отбрасывались. В предыдущие годы конкретные темы могли постепенно развиваться в течение ряда месяцев или даже лет; ныне же репортажи были насыщены информацией по определенной теме в течение всего нескольких дней, после чего эта тема затухала. Неудивительно, что интенсивность пропаганды зависела от военных успехов японской империи и усиливалась по мере неудач. В последние два года своего существования газета «Шэнцзин шибao» была посвящена, хотя и не полностью, войне. Ее заголовки были полны преувеличенного оптимизма, что отражало все более отчаянное военное положение.

Образование

В начале XX в. система образования в Маньчжурии складывалась в основном из небольших частных школ, которые были нормой и в других районах китайской империи Цин. Несмотря на энергичные попытки, направленные на создание современных сельских школ, успехи реформы образования в регионе в 1910-е – 1920-е гг. оставались довольно скромными. Еще долгий период после того, как остальная часть Китая перешла на обучение на родном языке, в Маньчжурии местная власть продолжала утверждать свою независимость, сохраняя использование классического языка в школьной программе [17]. До 1920-х гг. высшее образование было редким явлением, и в нем полностью доминировали иностранцы. Шотландские миссионеры учредили Маньчжурский миссионерский колледж и Мукденский медицинский колледж в Шэньяне, но обучение проводилось в очень ограниченном объеме. Гораздо большее влияние на высшее образование оказывала Япония. На территории, арендованной Канто (вокруг города Далянь), Японское культурное бюро (*Monbushō*) основало в последние годы правления Мэйдзи Технологический университет г. Люйшунь, а также в 1922 г. инженерное училище при ЮМЖД. Первым японским учебным заведением за пределами Канто стал Южно-Маньчжурский медицинский университет (*Нан-ман игакудо*), позже переименованный в Маньчжурский медицинский колледж (*Мансю ика даигаку*), открытый в Шэньяне по указу императора Японии 1911 г.

Японская система образования с самого начала была построена так, чтобы развивать политическую лояльность и продвигать общественные ценности. По указу 1905 г. была сформирована учебная программа школ на территории Канто, которая требовала, чтобы учащиеся не только изучали японский язык, но чтобы и идейное содержание образования формировало «мышление и мораль». В последующие несколько лет был принят ряд подобных указов, которые распространялись на регионы, прилегавшие к ЮМЖД и находившиеся под японским управлением [18]. Университетское образование, выражаясь современным языком, было японской «мягкой силой», которая показала себя вполне эффективной: большое количество китайских студентов не только отправлялись учиться в Японию, но и поступили в японские университеты в Маньчжурии.

В ответ на засилье Японии в университетском образовании Чжан Цзолинь разработал планы по созданию китайского университета в Шэньяне. В 1922 г. Чжан создал комиссию по планированию для

Северо-Восточного университета (*Дунбэй дасюэ*), в которую вошли десять членов, включая преподавателя имперской эпохи Ван Юнцзян (1872–1927) в качестве заведующего будущим отделением гуманитарных наук. Такие действия не вызвали энтузиазма со стороны японцев. В первый год работы комиссии по планированию представитель японского консульства связался с Ваном и сообщил ему, что создание университета будет не только дорогостоящим предприятием, но и излишним, учитывая наличие японских учебных заведений: «Если вы хотите иметь инженерные специальности, то они есть в Люйшуне, если медицинские – то они есть в Южно-Маньчжурском медицинском университете, если гуманитарные науки – то мы можем направить студентов в Императорский университет». Это предупреждение только усилило решимость Чжана. В 1923 г. новый университет принял первых 480 студентов, из них 130 были зачислены на несколько гуманитарных отделений, которые вели обучение по следующим дисциплинам: английский язык, русский язык, политология и право. В последующие годы учебный план гуманитарного профиля был расширен; в него добавились национальные (то есть, китайские) исследования (*госюэ*) (в 1926 г.) и философия (в 1928 г.). Национально-ориентированный характер университета был виден по составу его преподавателей. Почти все они были китайцами (единственное исключение составляли преподаватели иностранных языков), подавляющее большинство которых получили образование либо в США, либо в ведущих учебных заведениях Китая. Демонстративно отсутствовали представители элиты, получившие японское образование [19].

Националистическая ориентация Северо-Восточного университета, выступавшего против японского влияния, только усилилась после убийства Чжан Цзолиня в 1928 г. и прихода к власти его сына Чжан Сюэяня (1901–2001). Младший Чжан занял пост президента университета и принял активное участие в создании новых исследовательских групп и научных журналов. В 1929 г. университет установил новую стипендию, которая позволила лучшим выпускникам по каждой дисциплине обучаться за рубежом в различных странах. Из списка этих стран была демонстративно исключена Япония. Так же, как в Пекине и Тяньцзине, политические привязанности преподавательского состава делились между двумя китайскими политическими группировками (сторонниками Чан Кай-ши и Ван Цзинвэя соответственно), а члены небольшой прояпонской фракции все чаще оказывались на обочине. Но лучшим свидетельством политической позиции университета

стали события 1931 г., когда вспышка военных действий побудила преподавателей следовать за Чжан Сюэлянем в изгнание. Университет был восстановлен в Пекине и просуществовал до 1935 г., когда создание прояпонского режима стало причиной еще одного переезда в Сиань и, наконец, в Чунцин [20].

Образование Маньчжоу-го устранило возможность дальнейшей конкуренции такого рода, и Япония получила полную свободу для значительного расширения инфраструктуры своей системы образования. Самые большие изменения коснулись начального уровня. В течение первых десяти лет число начальных школ увеличилось почти в два раза: с 11595 в 1932 г. до 21940 в 1942 г., а число учащихся выросло более чем в три раза – с 661 тыс. 795 до 2 млн 159 тыс. 864 учеников. Расширение высшего образования было не таким значительным: только 84060 учащихся были зачислены в средние школы Маньчжоу-го в 1942 г., а это означает, что большинство учащихся заканчивало свою учебу в возрасте 13 лет. Однако в Маньчжоу-го открылось не менее 20 новых университетов. Ожидалось, что все большее число студентов будут в них из самого Маньчжоу-го, но также планировалось, что постепенно эти университеты будут интегрированы в систему образования «великой Японии». Как Императорский университет Тайбея/Тайхоку на Тайване или Императорский университет Кэйдзэ в Корее, так и университеты в Маньчжоу-го приняли большое количество японских студентов, расширив возможности получения образования для выпускников средних школ Японии. При этом шло формирование таких образовательных сетей, которые обеспечивали бы плавную интеграцию империи [21].

Среди этих новых университетов уникальным стал Университет национального созидания (*Цзяньго дасюэ*). Большинство новых университетов были технические или профессиональные, специализирующиеся в таких областях, как сельское хозяйство, промышленность и медицина. Лишь немногие вузы, такие, как Национальный педагогический университет (*Голи шидо дасюэ*), предлагали курсы по гуманитарным наукам. Хотя все университеты в Маньчжоу-го занимались духовным воспитанием и идеологической подготовкой, в центре внимания большинства учебных программ находились другие предметы. Университет же национального созидания, напротив, был откровенно идеологизированным учебным заведением и был задуман как уникальный опыт образования для лучших студентов Японской империи. Помимо обычных аудиторных занятий в нем были предусмотрены военная подготовка и буддийские медитации студентов; кроме того, они собственноручно выращивали себе

продукты питания на университетской ферме. Пятнадцать глав колледжей отвечали за «воспитание характера» (*сингэ цзяюй*) студентов. Идеологическая направленность университета, пожалуй, ярче всего проявилась в учебной программе: студенты могли выбрать для изучения такие предметы, как управление, экономику и гуманитарные науки, политику и географию (дополненные «японским духом»), плановую экономику и антикоммунизм. В Японии этот университет считался весьма престижным, а его выпускники могли рассчитывать, что по возвращении домой смогут сделать карьеру среди элиты государственной службы [22].

Социальная инженерия и организованная религия

Необходимо сказать несколько слов и о роли государственных ритуалов, нравственного воспитания и организованной религии. Как уже отмечалось, государство Маньчжоу-го было призвано стать образцом новой формы просвещенного империализма. Преступления режима не должны заслонять от нас тот факт, что эта идея овладела умами самых активных ее сторонников и идеологов, стремившихся реализовать ее на практике. Многие из этих сторонников были также членами религиозных организаций, таких, как Омотокио (учения Великого Источника), чьи теологические устремления соответствовали спиритуалистической риторике нового государства, а в некотором роде и сформировали ее [23].

В глазах своих китайских граждан правительство Маньчжоу-го хотело выглядеть поборником нравственного возрождения и воссоздания конфуцианской традиции. Действительно, оно всерьез обеспечивало юридическую, моральную и финансовую поддержку распространению дидактических текстов и конфуцианской морали. Правительство инвестировало финансовые и политические ресурсы в создание сети священных мест. Этот процесс начался со строительства синтоистских святилищ и памятников погибшим в годы русско-японской войны. К 1930-м гг. такие святыни стали характерной чертой почти каждого города в Маньчжурии, но существовали они в первую очередь для удобства и духовного вдохновения проживавших в них японцев. В годы существования Маньчжоу-го много энергии было направлено на строительство сначала конфуцианских храмов, а затем святынь «Духа основы нации», вдохновленного синтоистскими идеями, и монументов, посвященных «лояльным духам», т.е. погибшим на полях продолжавшейся по всей Азии «священной битвы». К началу 1940-х гг. в каждом административном центре, тор-

говом городе, а также военном гарнизоне было, по крайней мере, одно такое священное место, а китайские и японские местные чиновники возглавляли регулярное отправление ритуалов. Каждый тип святынь выступал в качестве главного узла в иерархически выстроенной сети официальных ритуальных мест и связанных с ними мероприятий, а также поддерживал государственную религию по всей стране. Эти святыни дополнялись неофициальными местами паломничества, возникавшими вокруг таких мест, как могилы знаменитых деятелей [24].

Государство Маньчжоу-го с его духовными притязаниями предъявляло своим подданным требования соблюдения ритуалов. Как и в Японии, существовал ритуал возвеличивания режима, основанный на почитании императора (как японского, так и императора Маньчжоу-го), поклонения синтоистским святилищам, а также ритуалы благодарности погибшим в войне. В Японии такие ритуалы давно уже стали обязательными. Когда в 1932 г. группа католических студентов Софийского университета в Токио отказалась выражать почтение погибшим в годы войны в японском храме Ясукуни, этот поступок был немедленно направлен в Министерство армии для расследования, и только с помощью личного вмешательства архиепископа и ряда высокопоставленных японских католиков эту ситуацию удалось уладить.

Государство Маньчжоу-го не учредило синтоистский ритуал как таковой, а расширило конфуцианские обряды и придало им форму ритуалов. К 1934 г. ритуальные инициативы были полностью разработаны и уже включали в себя выражение почтения императорскому дому (в том числе возведение храмов Аматаэрасу) и погибшим в годы войны. Католические миссионеры интерпретировали эти ритуалы в первую очередь как выражение политической лояльности государству, которое не допускало любые признаки неуважения. Они дали свое согласие на отправление подобных ритуалов, посчитав, что церковь обязана проявлять гражданскую лояльность по отношению к любому государству и что все ритуалы, совершавшиеся при предыдущем суверене, должны сохраняться и при нынешнем.

Террор

Целью данной работы является объективное исследование японской идеологии и институтов. Государство Маньчжоу-го было столь *привлекательным* для различных слоёв общества, что не только японские деятели, но и многие китайские реформаторы относились к Японии как к стране, способной указать направление преодоления от-

сталости и разобщенности. Тем не менее, это не дает основания *обелять* действия Японии и игнорировать факты насилия, которые с течением времени проявлялись все чаще, особенно когда это насилие становилось все более явным. В результате идеология государства Маньчжоу-го теряла свое влияние. К 1940-м гг. террор и насилие стали в такой же степени институтами японского правления, как и его идеология и судебная система. Однако следует отметить, что террор и насилие – это не одно и то же. Террор – это видимая часть насилия либо угроза насилия для создания атмосферы страха. С помощью таких институтов, как военная полиция *Кэмэйтай*, инструменты террора оказались направлены против самого народа Японии и впоследствии использованы при оккупации Кореи и японских владений на континенте, где люди вскоре поняли, что любая критика войны могла обернуться ужасными последствиями. Так как Маньчжурия была оккупирована раньше и без сопротивления со стороны гражданского населения и партизан, сама война на этой территории не была такой жестокой, как в других районах. Наиболее ужасные проявления жестокости наблюдались к югу от Великой Стены, и эти проявления усилились, когда военные действия оказались направлены против Японии. Уничтожение по крайней мере 200 тыс. гражданских лиц после захвата Нанкина в конце 1937 г., несомненно, было местью японцев за яростную оборону и одновременно предупреждением для каждого: все должны были увидеть, какой может быть цена подобного сопротивления. Однако Нанкин был лишь верхушкой айсберга. Плохо снабжавшиеся провизией японские войска совершали набеги на районы северного Китая в поисках хлеба, уничтожая при этом целые общины, подозреваемые в укрытии продовольствия. В этих районах террор и насилие происходили одновременно, но иногда самые ужасные преступления совершались тайно. Поскольку Маньчжурия не подвергалась открытому террору, она не была местом, где зверства агрессоров проявлялись с особой силой в сравнении с другими районами азиатского театра военных действий. Расположенная в укрытом районе около Харбина, Маньчжурия использовалась для испытания массового химического и биологического оружия, для экспериментов на заключенных, таких, как вивисекция, содержание в экстремально холодных условиях, заражение сибирской язвой, сифилисом и чумой; подобным пыткам подвергались сотни тысяч заключенных. В отличие от актов террора, направленных против гражданского населения, действия Отряда 731 держались в строгом секрете.

Выводы

Японская империя продолжает оставаться загадкой для историков. Действительно, трудно примирить возвышенные и, несомненно, искренние цели с преступлениями, совершенными Японией в континентальной Азии. Что касается идеологии, то не было ни одного японского эквивалента человеконенавистнической гитлеровской «Майн Кампф», хотя медицинские эксперименты Отряда 731 или Нанкинская резня по уровню зверств приближались к нацистским.

Возвышенная риторика японского империализма все же основывалась на всеобщем контроле. Духовный идеал основателей нации состоял в том, что народы-вассалы будут охотно подчиняться повелениям их господ. Инструменты контроля в правовой сфере, прессе и духовной жизни государства не предавали идеалы Маньчжоу-го, они превосходно их воплощали. Даже в период роста жесточайших актов насилия зверства режима тщательно скрывались от населения.

Примечания:

1. Более полное обсуждение правовых вопросов содержится в: *DuBois, Th.D.* Rule of Law in a Brave New Empire: Legal Rhetoric and Practice in Manchukuo // *Law and History Review*. – 2008. – Vol. 26, No. 2. – P. 285-317; *DuBois, Th.D.* Inauthentic Sovereignty: Law and Legal Institutions in Manchukuo // *Journal of Asian Studies*. – 2010. – Vol. 69, No. 3. – P. 749-770.
2. *The Manchoukuo Year Book*, 1943. – Xijing. – P. 427; *Manshūkoku no kaibō* [Anatomy of Manchukuo]. – Tokyo, 1932.
3. *Pu Yi*. *Manshūkoku shisei sengen* [Declaration establishing Manchukuo]: *Yamada Rikutsui*. *Manshūkoku no soshiki oyobi kokuhō kōgi* [Lectures on the organization and national law of Manchukuo]: *Man-Mō zenshu*. [Complete works on Manchuria and Mongolia] / Ed. Sono Hideo. – Tokyo, 1935. – P. 11-12.
4. В 1937 г. были обнародованы: Уголовный кодекс (4 января), Закон об уголовном судопроизводстве (8 марта), Законы о торговле, перевозке и хранении грузов, Закон о морской торговле (13 мая), Гражданский кодекс (17 июня) и Гражданско-процессуальный кодекс (30 июня).
5. *British Consular Report* (далее BCR) Fengtian, January 4, 1936; Japan and Dependencies: Political and Economic Reports, 1906–1960, Vols. 12-15. – London, 1994; BCR Harbin, September 30, 1935; Fengtian, March 31, 1935.
6. *Wu Hsin-Che*. *Riben zhiminzhuyi xia de Manzhouguo fazhi*, 1932–1945 [The Legal System of Manchukuo under Japanese Colonialism, 1932–1945] (M.A. thesis, National Chengchi University, Department of Law, 2004). – P. 96-101.
7. BCR Fengtian, December 24, 1934; BCR Harbin, October 1, 1936.
8. BCR Fengtian, December 31, 1937.
9. BCR Fengtian, December 31, 1937; April 2, 1938. *Yao Hongshan*. *Weiman Siping jianchating jianjie* [Brief introduction to the Siping Procuracy]: *Zhimin zhengquan* [Political rights of colonies] / Ed. Sun Bang et al. – Changchun, 1993. – P. 475-484.
10. Многие из законов о безопасности, обнародованных в течение этого периода, были, по всей видимости, личной инициативой Накаи Кюдзима – японского юриста, который являлся советником (цаньши юань) судебной власти по пенитенциарной системе в 1941 г. и руководителем Департамента по ректификации мысли (тоже при судебной власти) в 1943 г. Он был взят в плен советскими войсками в ноябре 1945 г. и предстал перед судом за военные преступления в Фушуне в 1954 г. Его признание: «Я убил 93000 китайцев» – можно найти в различных изданиях, где после войны были опубликованы признания военных преступников, таких, как *Zui'e de zigongzhuang – Xin zhongguo dui Riben zhan fan de lishi shenpan* [The most horrible confessions – new China casts history's judgment on Japanese war criminals]. – Beijing, 2001.
11. Приговоры по специальным опиумным законам за номерами 3528 1933 г. и 3484 в. 1943 г. *Shihō bu sōmu ji chōsa ka* [Judicial department, general affairs section, investigations office], *Manshū teikoku shihō tōkei nenpō* [Empire of Manchukuo judicial statistics annual report]. – Fengtian, 1935). – P. 148-158; *Manchoukuo Year Book*, 1943. – P. 431-432, 440.
12. *Zhang Runsheng*. *Wei Manzhouguo shi xinbian* [Newly compiled history of the pretender Manchukuo]. – Beijing, 1995. – P. 656-660.
13. *Ri Sōtetsu*. *Manshū ni okeru Nihonjin keiei shinbun no rekishi*. – Tokyo, 2000. – P. 120-123.
14. Этот процесс подробно описан в *Kasza, G.J.* *The State and the Mass Media in Japan, 1918–1945*. – Berkeley, 1993. – P. 194-231. Цитата из P. 165.
15. Примечательно, что Такаянаги не говорил по-английски. BCR Harbin December 31, 1935, BCR Harbin March, 1934.
16. BCR Mukden 12/31/37. Закрытие изданий также распространялось и на крайне правые газеты. В 1938 г. был закрыто русское фашистское издание «Наш путь», осталась только газета «Харбинское Время». BCR Harbin 3/38.
17. *VanderVen, E.* *Village-State Cooperation: Modern Community Schools and Their Funding*, Haicheng County, Fengtian, 1905–1931 // *Modern China*. – 2005. – Vol. 31, No. 2. – P. 204-235; *Manshū nenkan*. – Shinkyō, 1933. – P. 536; *Mackenzie, A.* *Church and Missions in Manchuria: A Survey of a Strategic Field*. – London, 1928. – P. 19-21.
18. *Qu Tiehua*. *Riben qin Hua jiaoyu quanshi*, 1. – Dongbei juan Beijing, 2005. – P. 89-90.
19. *Wang Zhenquan, et al.* *Dongbei daxue shi gao* [Draft history of Northeast University]. – Changchun, 1988. – P. 2-12.

20. Ibid.
21. *Liu Dingming*. Wei-Man daxue jiaoyu shikuang ji kangzhan shengli hou zhengli yijian. – Minguo dang'an 4, 2001. – P. 31-41.
22. *Yamane Yukio*. Kenkoku Daigaku no kenkyū: Nihon Teikoku shugi no ichi danmen. – Tokyo, 2003. – P. 294-301 перечисляет темы дипломных работ 25 выпускников гуманитарных отделений 1942 г.
23. О Мотокио см.: *DuBois, Th.D.* The salvation of religion? Public charity and the new religions of the early Republic // *Minsu quyi*. – Vol. 172, June 2011. – P. 73-126.
24. *Nakajima Michio*. Kyū Mansūkokoku ni okeru jinja no setsuristu ni tsuite: *Nitchū ryōgoku no shiten kara kataru shokuminchiki Manshū no shūkyō* / Eds. Kiba Akeshi and Cheng Shuwei. – Tokyo, 2007. – P. 139-170; *Cheng Shuwei*. Shokuminchi jiki no Manshū no sho shūkyō yakuatsu: Kiba and Cheng. – *Nitchū ryōgoku*. – P. 19-44; *DuBois, Th.D.* Manchukuo's filial sons: States, sects and the transformation of graveside piety // *East Asian History*. – Vol. 35, December 2008.

УДК 94(593) «1933-1945»
ББК 63.3(5Таи)6

ТАЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ЭПОХУ ФАШИЗМА*

Э. Брюс Рейнольдс,
профессор истории,
колледж социальных наук,
Университет штата Калифорния в Сан-Хосе
(США)
bruce.reynolds@sjsu.edu

Перевод с английского Л.А. Кац

Аннотация. В 1930-е гг. способ политического правления, который обычно определяют как фашистский, оказал заметное влияние на антиколониально ориентированные политические силы во многих азиатских странах. К числу деятелей этих стран, попавших под влияние идеологии и практики фашистских государств, может быть отнесен Пхибун Сонгкхрам, военный диктатор единственной независимой страны Юго-Восточной Азии – Таиланда. Пхибун и его советник Вичит Ватакан поставили своей целью милитаризацию тайской нации, а после военного поражения Франции в июне 1940 г. стали вести себя крайне агрессивно по отношению к соседнему, считавшемуся французским Индокитаю. В краткосрочной перспективе проводимая ими политика способствовала консолидации личной власти Пхибуна и претворению в жизнь его планов, предусматривавших преобразование тайского общества. Однако сотрудничество Пхибуна с Японией и высадка японских войск в Таиланде в декабре 1941 г. имели следствием временную потерю Пхибуном политического влияния и пересмотр наиболее экстремистских черт его программы.

Ключевые слова: тайский национализм, Пхибун Сонгкхрам, эпоха фашизма, Вторая мировая война.

THAI NATIONALISM IN THE FASCIST ERA

**E. Bruce Reynolds, Professor, Area Studies Advisor,
College of Social Sciences, San José State University,
United States of America**

Abstract. During the late 1930s a political style, generally called 'fascist,' aimed at mobilising nations in the pursuit of expansionist aims had a profound impact around the world. Based on the apparent success of Germany, Italy, and Japan and the impending victory of Francisco Franco's forces in the Spanish Civil War, by early 1939 many observers saw fascism as the wave of the future. Among the Asian political leaders strongly influenced by the success of the fascist states was Phibun Songkhram, the military strongman of Thailand, the lone independent nation in Southeast Asia. Phibun and his adviser Wichit Wathakan promoted a jingoistic version of Thai nationalism, sought to militarise the nation, and adopted an aggressive policy towards neighbouring French Indochina in the wake of France's defeat in June 1940. In the short term these actions gave momentum to Phibun's efforts to consolidate his power and his plans to transform Thai society. Phibun's involvement with Japan and the

* Сокращенный перевод с английского статьи Phibun Songkhram and Thai Nationalism in the Fascist Era // European Journal of East Asian Studies. – 2004. – Vol. 3, No. 1. – P. 99-134.

arrival of Japanese troops in Thailand in December 1941, however, would lead to his temporary political eclipse in 1944 and modification of the more extreme elements of his program.

Key words: *Thai Nationalism, Phibun Songkhram, Fascist Era, World War Two.*

В 1930-е гг. способ политического правления, который обычно определяют как фашистский, оказал заметное влияние на антиколониально ориентированные политические силы во многих азиатских странах. К числу деятелей этих стран, попавших под влияние идеологии и практики фашистских государств, может быть отнесен Пхибун Сонгкхрам, военный диктатор единственного независимого государства Юго-Восточной Азии – Таиланда. В краткосрочной перспективе проводимая им политика способствовала консолидации его личной власти и претворению в жизнь лелеемых им планов, предусматривавших преобразование тайского общества. Затем последовала расплата.

Пхибун и фашизм

Во время пребывания во Франции в 1920-е гг. молодой артиллерийский офицер Пхибун Сонгкхрам вступил в Народную партию, созданную группой молодых военных и гражданских чиновников. В 1932 г. она осуществила в Таиланде (тогда он именовался Сиамом) государственный переворот, положив конец традиционно господствующей абсолютной монархии [1]. Разумеется, ни республиканцами, ни сторонниками народовластия они не были. Об этом свидетельствовали созданные ими структуры политической власти. Показательно, что даже консервативная лондонская «Таймс», оценивая сооруженные после переворота конституционные механизмы, отмечала, что их создатели, ограничивая власть электората, продемонстрировали «подозрительное отношение к демократии» и «сохранили возможность следования примеру современных диктатур, если таковой потребуются». Там же, в колонке редактора, подчеркивалось, что навязанная новой властью конституция «с самого начала практически нацелена на создание однопартийного правительства с фашистским уклоном» [2].

Члены Народной партии не были политическими единомышленниками. Однако в соответствии со своим бюрократическим менталитетом и основными политическими установками времени они сходились в ориентации на сильные и активные управленческие структуры. Показательно в этой связи, что главный интеллектуал этой партии, юрист Приди Паномионг, получивший образование во Франции и слышавший одно время левым, положительно отзывался о захвате Гитлером власти. Находясь под воздействием идей Фридриха Листа, Приди делал упор на то, что «страна развивается

правильно, когда ее возглавляет правительство, занимающееся экономикой». Поэтому, утверждал он, Германия и «поверила Гитлеру, который выступил за правительство, управляющее экономикой» [3].

Оппоненты Приди в рядах Народной партии первоначально посчитали его экономические планы чересчур радикальными и отвергли их. Тем не менее, последующие правительства Народной партии стали последовательно использовать государственную власть, пытаясь добиться экономической самодостаточности [4].

Великобритания, имевшая давнее доминирующее влияние на Бангкок, не одобряла экономической политики новых властей. В 1935 г. «Таймс» предостерегал, что «доверие к Сиаму и его стабильность не должно укрепляться за счет искусственного создания производств, до которых его народ еще не дорос, или за счет националистической и изоляционистской политики, не соответствующей нуждам страны, которая должна жить за счет своего сельского хозяйства, шахт и лесов» [5]. Не очень нравился Великобритании и установившийся в Сиаме «новый политический порядок». Тем не менее, склонности вмешиваться в его внутренние дела англичане явно не проявляли. Так, тогдашний посол Великобритании в Таиланде Джозия Кросби пытался влиять на ход событий исключительно путем «дружественных советов» [6].

Пхибун быстро продвинулся вверх в новых властных структурах. После того, как негативная реакция элит на первые политические и экономические усилия подорвала позиции основной фракции Народной партии, он стал ключевой фигурой второго успешного государственного переворота, происшедшего в июне 1933 г. В том же году он возглавил подавление пророялистского восстания, а в октябре 1934 г. стал министром обороны. Одним из его «первых достижений» на этом посту было удвоение расходов на оборону [7].

По мере укрепления своей власти в военной сфере Пхибун начал проявлять все большие амбиции. В материале, опубликованном в мае 1936 г., он настойчиво подчеркивал, что для укрепления нации «важно поддерживать дисциплину; если выражаться прямо, нужно использовать методы диктатуры». Реагируя на это выступление, Кросби высказал предположение, что оно было инициировано агрессией Муссолини в Эфиопии. Позже, в ноябре 1936 г., выступая с докладом, посол подчеркнул духовное родство Пхибуна с европейскими дикта-

торами. В апреле 1937 г. Кросби назвал Пхибуна и его военное окружение «всемогущими, так как они имеют в своем распоряжении средства подавления любого противодействия их желаниям» [8].

Занимая все более высокие должности, Пхибун начал подражать фашистским лидерам. Это побудило его прежнего партнера и партийного соратника Приди, возглавившего гражданскую фракцию Народной партии, демонстративно подчеркивать свои симпатии к установкам либеральной демократии. После попытки очередного военного переворота (1936 г.) он, судя по всему, окончательно убедился, что подражание методам, применяемым фашистскими государствами, будет работать лишь на политическое всевластие Пхибуна и армии [9]. Возникшее в этой связи соперничество между Пхибуном и Приди превратилось в ключевую проблему тайской политики на протяжении всего последующего десятилетия.

Интеллектуалы в Таиланде и за рубежом склонны, как правило, сочувствовать Приди. Его убежденные сторонники, например, современный тайский социолог Сулак Сиваракса, изображают Пхибуна эгоистичным оппортунистом, властолюбивым военным диктатором, чья политика привела нацию к опасной черте и перекрыла перспективы демократии [10]. Напротив, выдающийся тайский историк Чанвит Касетсири выступил в 1990-е гг. за переоценку роли Пхибуна, характеризуя его как важного политического деятеля [11].

В англоязычных исследованиях начало пересмотру роли Пхибуна было положено Найджелом Брэйли. В своей книге *«Таиланд и падение Сингапура»*, вышедшей в свет в 1986 г., он изобразил его как преданного защитника нации и конституции. В 1995 г. вышла биография Пхибуна, написанная Кобкуа Саванатат-Пьян, — *«Долговечный премьер Таиланда»*, в которой представлена аналогичная точка зрения [12]. Брэйлине считает наличие в режиме Пхибуна аспектов фашистского толка несерьезными и называет их «поверхностными», основанными на подражании международной моде [13]. В свою очередь, Кобкуа добавляет, что сравнение программы Пхибуна с программами фашистских диктаторов «может привести только к академическому тупику» и «дать искаженное представление о том, чего достиг фельдмаршал» [14].

Разумеется, Пхибуна не следует изображать карикатурно. И Брэйли, и Кобкуа правы, говоря, что он время от времени отдавал дань демократическим идеалам революции 1932 г. [15] Известно, что он даже поставил памятник в честь ее участников. И все же его действия со всей очевидностью демонстрировали склонность к фашизму. Она,

как констатирует Брэйли, может быть, и отражала «международную моду», но была гораздо глубже «поверхностной».

Фашистские методы в немалой степени формировали черты первого режима Пхибуна и оказали значительное влияние на тайское общество и его культуру. В частности, Пхибун, как и Гитлер, вскоре осознал полезность воинствующего ирредентистского национализма в качестве средства мобилизации народа, который слыл политически инертным. Так, в 1935 г., стремясь «разогреть патриотический пыл», руководимое им Министерство обороны стимулировало выпуск милитаристского фильма *«Кровь тайских солдат»*. В том же году Министерство обороны размножило географические карты, на которых были особо выделены территории Сиамы, отторгнутые имперскими захватчиками — Великобританией и Францией. Главный идеолог и пропагандист Пхибуна, Вичит Ватакан начал срочно публиковать свои пьесы, превозносившие героев прошлых войн. Одной из них была получившая широкую популярность пьеса *«Кровь Суфанбури»* [16]. Милитаристские установки нашли также отражение в тексте национального гимна, который исполняется и ныне. Слова этого гимна, как писал в свое время тайский журналист, «подчеркивают значение жертвенности, единства тайской расы и отваги в духе националистической жертвенности под руководством военных» [17].

Кеннет П. Лэндон, миссионер, действовавший в Сиаме с 1927 по 1937 гг., оценивал усилия армии и Вичита как «преднамеренную попытку разработать воинственную политическую философию, которая сделает людей готовыми жертвовать всем ради пользы дела». Приводя в качестве примера такие повсеместно распространенные лозунги, как «Раса, правитель и религия» и «Страна — наш дом, а военные — наш щит», Лэндон отмечал: «Сердцем пропагандистской доктрины является положение, что нация — это все, а отдельный человек — ничто» [18]. Эта доктрина дополняла усилия по навязыванию обществу военных ценностей прошлого в качестве лекарства, преодолевающего упадок общества. Муссолини с этой целью прославлял римские легионы, Гитлер — тевтонских рыцарей, а японские милитаристы — самопожертвование самураев. Использование этого штампа свидетельствует о том, что и Пхибун, и Вичит старательно учились у вождей фашистских государств-агрессоров.

Оба они были скромного социального происхождения. В 1924–1927 гг. Пхибун учился во французских военных школах, а Вичит в 1921–1927 гг. служил младшим дипломатом в Париже, Женеве и Лондоне. Находясь в Европе, они имели полную

возможность непосредственно наблюдать за восхождением к власти Муссолини. Свое увлечение «сильными лидерами» Вичит отразил в 1928 г. в книге биографических очерков, изданной под названием «Великие люди», в которой были восторженные главы, посвященные Муссолини, Наполеону и Бисмарку [19].

Пхибун, по-видимому, разделял восхищение Вичита итальянским лидером. Во всяком случае, журналист Халлетт Абенд сообщал, что, будучи премьер-министром, Пхибун «принимал иностранных посетителей, за исключением высокопоставленных дипломатов, сидя под огромным фотопортретом Муссолини с личным автографом последнего» [20].

Как Пхибун, так и Вичит всячески восхваляли «успехи Японии в достижении положения мировой державы». Пхибун не раз приводил пример Японии как поучительного образца, призывая к увеличению расходов на оборону [21]. Он также рассматривал мощь Японии как полезный противовес Великобритании и Франции. Культурные обмены между двумя странами постоянно возрастали, а японские военные и военно-морские атташе активно поддерживали личные связи с Пхибуном как «восходящей звездой Бангкока» [22].

Важную роль в укреплении отношений с Токио играл и Вичит. Самым ранним свидетельством его восхищения Японией было включение им в свою книгу о великих деятелях мировой истории главы о лидере эпохи Мэйдзи Окубо Тосимити. В 1933 г. Вичит сформулировал семь человеческих качеств, необходимых тайцам для того, чтобы создать великую нацию, и шесть из них были заимствованы из трактата Нитобэ Инадзо Бусидо «*Душа Японии*» [23]. В начале 1934 г., будучи генеральным директором Департамента изящных искусств, Вичит развернул кампанию по продвижению «национальной культуры». Аналогичная деятельность уже осуществлялась в фашистских странах и нашла полную поддержку японской миссии в Бангкоке. В следующем году японское правительство субсидировало тур по Японии, Корее и Маньчжоу-го 35 членов труппы танцоров и музыкантов департамента Вичита [24]. Японский посол в Таиланде в 1930-х гг. Ишии Итаро вспоминал, что Вичит проявлял «необыкновенную страсть к культурному обмену с Японией» [25].

Однако наиболее привлекательную модель Пхибун видел, по его собственному признанию, в мощной национал-социалистической Германии. Выступая 31 марта 1937 г. с речью, в которой шла речь о необходимости наращивания военных ассигнований, способных укрепить статус страны и

защитить ее от внешнего вторжения, он всячески подчеркивал опыт «возрождения Германии», которого, по его словам, «добился своей политикой Гитлер» [26]. В декабре 1941 г. Пхибун в беседе с немецким журналистом Карлом Мелчерсом характеризовал Таиланд и Германию как «интеллектуальных союзников» [27].

Копируя нацистскую молодежную организацию «Гитлерюгенд», Пхибун и его соратники создали в Таиланде военизированные группы «Ювачон» (для мальчиков) и «Юванари» (для девочек). И те, и другие проходили в этих организациях соответствующую подготовку. Руководство «Ювачон» было поручено в 1938 г. Пхамонмонтри – армейскому офицеру, наполовину немцу, который был одно время заместителем Пхибуна по вопросам образования, а также его главным личным связным с немецкими и итальянскими службами [28].

Брэйли в своих работах изображает «Ювачон» как организацию бойскаутов, рассчитанную всего лишь на формирование социальной ответственности [29]. Между тем, швейцарский исследователь д-р Лили Абегг, напротив, обращает особое внимание на то, что «высшей целью» «Ювачон» было «укрепление у молодых людей национального самосознания, духа жертвенности и стремления служить своей стране» и что организацией управляли действующие офицеры, «использовавшие военные методы подготовки» [30]. В докладе японского информационного агентства «Домей», подготовленном в середине 1943 г., также подчеркивался «строгий милитаристский» характер «Ювачон» и то, что трехлетнее обучение в молодежном корпусе расценивается как прохождение сержантской службы в тайской армии [31].

В сентябре 1943 г. все молодежные структуры страны были объединены в «Национальное молодежное движение», рассчитанное на вовлечение в свои ряды всех дееспособных молодых людей в возрасте от 15 до 22 лет. «Когда цели движения будут полностью реализованы, – говорилось в докладе «Домей», – весь народ Таиланда станет солдатами» [32]. Неудивительно, что в своих мемуарах, опубликованных во время Второй мировой войны, Кросби называл индоктринацию тайской молодежи «самым опасным аспектом» националистической программы Пхибуна [33].

Нацистская Германия послужила привлекательной моделью для тайских властей и при определении методов обращения со средствами массовых коммуникаций. Власти установили строжайшую цензуру печати и монополизировали радиовещание. В годы Второй мировой войны генеральный директор таиландского Департамента пропаганды

Пхайрот Чаянам в беседе с журналистом Мелчерсу признал, что его ведомство было смоделировано по образцу Министерства пропаганды германского рейха [34].

Американский миссионер Лэндон писал, что в течение десяти лет его работы в Таиланде в беседах с тайцами всех социальных уровней четко проявлялись их симпатии к Германии. Что касается Вичита, которого Кросби метко окрестил «карманным Геббельсом», то он тоже открыто выражал свое восхищение нацистами [35]. В 1943 г., будучи тайским министром иностранных дел и выступая по случаю десятой годовщины их прихода к власти, он всячески воспевал Гитлера как «божественную личность, которая полностью заслуживает любви и почитания не только немецкого народа, но и народов всего мира» [36].

Наиболее откровенная публичная пропаганда Вичитом нацистской модели пришлась на время антияпонских бойкотов китайской общины Бангкока, вызванных нападением Японии на Китай в 1937 г. Тайские националисты, включая короля Ва-чиравуда, опасались, что выходцы из Китая могут стать своего рода «пятой колонной». В своей ставшей знаменитой статье король окрестил выходцев из Китая «евреями Востока», обвинив их в растущем нежелании ассимилироваться и в склонности переправлять заработанные деньги на родину [37]. Выступая в Университете Чулалонгкорн в июле 1938 г., Вичит, процитировав эти слова короля и напомнив о недавнем присоединении Австрии к Германии, высказал убеждение в том, что правительство Бангкока могло бы последовать для сдерживания китайцев примеру нацистской политики в отношении евреев [38].

В действительности депортация китайских активистов и ограничительные меры, наложенные впоследствии тайским правительством на китайскую общину, вряд ли были сопоставимы с нацистским «окончательным решением еврейского вопроса». Кроме того, в Таиланде, суть проблемы отношений между тайцами и китайцами лежала не в расовой, а в культурной плоскости в немалой степени потому, что многие влиятельные тайцы, в том числе Приди и даже сам Вичит, были частично китайцами [39]. Целью правительства было, главным образом, уменьшение китайского экономического господства и ассимиляция китайцев в тайское общество. Тем не менее, как отмечал историк Стивен Грин, китайцев было очень удобно использовать для разжигания тайского национализма [40].

Как ни странно, но важным каналом фашистского влияния на националистическое движение Пхибуна стал Китай. Многие фашизоидные взгля-

ды были почерпнуты им из вторых рук, у «Движения за новую жизнь» Чан Кайши, программа которого рассматривалась многими современниками как вдохновленная фашистами. Она, по признанию самого Чан Кайши, была направлена на «глубокую милитаризацию жизни граждан, которая помогла бы им культивировать в себе мужество и стремительность, выносливость к страданиям и терпение в тяжелой работе, а особенно способность и привычку к единому действию с тем, чтобы в любой момент принести себя в жертву нации» [41]. Эта программа стала непосредственной моделью для ряда радикальных «культурных инициатив», осуществлявшихся Пхибуном с 1939 г. и направленных, в частности, на установление контроля за соблюдением правил надлежащего поведения и т.д. [42]. Чан Кайши также скопировал программу «Гитлерюгенда» и создал ее военизированные версии для мальчиков и девочек, послужившие еще одним примером для Пхибуна [43].

Критики неоднократно высмеивали установки «Движения», ориентированные на новую жизнь, в том числе его призывы искоренить привычку «небрежно плевать» [44]. Высмеивали они и распоряжение Пхибуна, предписывавшее гражданам носить головные уборы в общественных местах. Однако все подобные распоряжения имели единую цель: внедрить военизированные стандарты одежды и поведения [45]. Во всяком случае, на Таиланд эти усилия оказали значительное влияние. Лэндон писал в 1949 г., что предписанные правила в целом оказали «глубокое воздействие» на тайское общество, так как в нем «уже не наблюдалось возврата назад, к прежним культурным практикам» [46]. Позднее наблюдатели также отмечали сильное влияние на тайское общество националистической программы Пхибуна в целом и ее «культурных установок» в частности [47].

Заимствование Пхибуном многих положений программы Чан Кайши было вполне естественным. Оба были профессиональными военными, желавшими кардинально трансформировать свои страны, которым, по их мнению, не хватало сплоченности и национального духа. Оба стремились к милитаризации путем коренных преобразований, направляемых политической властью. В 1933 г. Чан Кайши обратился к своим последователям со словами, которые могли бы так же легко принадлежать и Пхибуну: «Мы все должны приобрести привычки и дух солдата. Мы все должны располагать армейской организацией и дисциплиной. Другими словами, мы все должны повиноваться, приносить жертвы, быть суровыми и серьезными, аккуратными и дисциплинированными, опрятными и солидными,

бдительными и усердными, скрытными, простыми в одежде и привычках, едиными в нашей стойкости и мужестве, жертвуя всем ради коллективизма, ради партии, ради нации» [48].

Вопрос, до какой степени националистическое «Движение за новую жизнь» Китая отражало фашистские влияния, остается, правда, спорным, как и вопрос, какие страны можно считать фашистскими.

На пути к фашистской диктатуре

Официально Пхибун стал лидером своей страны в декабре 1938 г., когда Национальное собрание, в котором доминировала Народная партия, избрало его на пост премьер-министра вместо Пхрая Пхахон Пхаюхасена, чей главный вклад состоял в удержании баланса между конкурирующими группировками правящей клики. Три покушения на жизнь и, возможно, тревога за последствия теплого приема, оказанного молодому монарху Ананда Махидону (находившемуся в королевской резиденции вне столицы), когда тот посетил Бангкок в ноябре 1938 г., побудили Пхибуна решительно добиваться абсолютной власти. В своем первом радиообращении он дал слушателям понять, что не потерпит никаких препонов со стороны Национального собрания. Им было также высказано мнение, что предусмотренный конституцией переход к полностью избираемым законодательным органам может и должен быть отложен.

В конце января 1939 г. начальник его полиции Адун Адундетшарат, ссылаясь на якобы обнаруженный заговор против режима, арестовал многих сторонников главного армейского конкурента Пхибуна Прайя Сонг Сурадета. В сетях Адуна оказалось также несколько видных роялистов, в том числе принц Рангсит, дядя и ближайший советник молодого короля. Решением закрытого заседания специального военного трибунала 18 человек были расстреляны, а принц Рангсит и еще 24 деятеля – приговорены к пожизненному заключению. Была конфискована большая часть имущества отрекшегося от престола короля Прачадипока. Прайя Сонг, главная фигура военного переворота 1932 г., был выслан во французский Индокитай [49].

В поддержку действий Пхибуна, направленных на концентрацию власти, его сторонники развернули кампанию по популяризации своего шефа как лидера нации. С этой целью в июне 1939 г. было с размахом проведено первое празднование «Дня нации» [50]. Еще одним национальным праздником стал День рождения Пхибуна (14 июля). Национальными символами стали любимый цвет вождя (зеленый) и петух (знак, под которым он родился). Главный тайский лозунг времен Второй

мировой войны «Одна нация – Таиланд; один лидер – Пхибун Сонгкхрам, одна цель – победа» дублировал нацистский слоган: «*Ein Volk, Ein Reich, Ein Führer*» («Единый народ, единый рейх, единый вождь» [51]. Другими лозунгами военного времени стали «Хайль Пхибун Сонгкхрам», «Безопасность народа зависит от веры в нашего лидера», «Нация выживет, если мы будем верить в Пхибуна Сонгкхрама» и «Спаси нацию с помощью веры в Пхибуна». В кинотеатрах зрители должны были вставать и кланяться изображению Пхибуна на экране, а Вичит написал пьесу, в которой уподобил Пхибуна божеству, способному творить чудеса [52].

Пхибун, подражая Муссолини, занял многочисленные властные должности. К середине 1939 г. он присвоил себе звание генерал-майора и занял не только пост премьер-министра, но и главнокомандующего вооруженными силами, министра иностранных дел, министра внутренних дел и ректора университета Чулалонгкорн. Его политические противники даже подозревали, что он намерен пополнить свою коллекцию еще и титулом монарха [53].

Кросби отмечал, что еще в июле 1939 г. Пхибун начал выступать как диктатор [54]. Кобкуа подтвердила точность данной оценки, соглашаясь, однако, и с самооправданиями Пхибуна [55].

Одно из них звучало так: «Я позволил проводить кампанию, изображавшую меня непререкаемым лидером, чтобы все увидели, что мы – единая нация и поэтому можем следовать за одним человеком – вождем, уже совершившим множество добрых дел. Эта кампания должна была убедить наших тайских братьев и сестер в необходимости следовать за лидером с радостным сердцем, особенно во время войны, которую мы сейчас ведем. Если бы не было лидера, который пользуется доверием народа, стали ли бы иностранные государства уважать нашу страну?» [56].

Кобкуа оправдывает диктаторский режим Пхибуна на том основании, что против него активно не выступил ни один из его соратников и что он пользовался поддержкой народа [57]. Но так, очевидно, можно в равной степени оправдать власть Муссолини и Гитлера.

Защищая Пхибуна от обвинений в диктаторском режиме, его сторонники обычно ссылаются на то, что он разрешал своему сопернику Приди сохранять важный пост министра финансов «вплоть до прихода японцев в декабре 1941 г.» [58]. Очевидно, что этот факт отражает нежелание Пхибуна нарушать ту степень единства, которая до тех пор существовала в правящих кругах. Не исключено, что его позиция может рассматриваться и как сви-

детельство признания талантов Приди. Однако нет никаких сомнений, что с середины 1939 г. по мере укрепления позиций военных в кабинете министров влияние последнего на политику правительства резко сократилось.

Национальное собрание продолжало функционировать. Однако на фоне растущей коррупции и повсеместных бесчинств полиции привлекательность националистической программы правительства стала блекнуть, что превратило этот орган власти в «машину одобрения» политики Пхибуна [59]. Это лучше всего иллюстрирует единодушное одобрение Национальным собранием закона от 19 сентября 1940 г., который добавил еще десять лет «переходу к полной демократии», заложенному в конституции, тем самым позволив «назначенцам» правительства оккупировать половину мест в парламенте вплоть до 1952 г., что в нормальной обстановке наверняка породило бы бурные споры и стимулировало оппозицию [60].

Даже Кобкуа признает, что после принятия этого закона Пхибун стал еще больше игнорировать Национальное собрание, нередко прибегая к тактике его запугивания [61].

Ирредентизм фашистского толка

В результате другого неожиданно единогласного голосования, состоявшегося в 1939 г., Национальное собрание приняло предложение Пхибуна об изменении официального названия страны. В результате Сиам стал Таиландом [62]. При этом утверждалось, что будто бы тем самым наименование страны на тайском языке прозвучало правильно. Однако в действительности это изменение всего лишь отражало стремление Пхибуна вернуть «потерянные в прошлом территории» и подчинить Бангкоку соседние этнические родственные народы. Как писала в 1941 г. Абегг, изменением названия страна «продемонстрировала политические амбиции, направленные на объединение в одну великую империю всех тайцев» [63].

Очевидно, Пхибун, наблюдавший незадолго до этого экспансию фашистских держав, понял, что расширение границ Таиланда повысит его престиж и ускорит дальнейшую консолидацию власти [64]. Он обосновывал свои территориальные притязания тем, что в середине XIX в. империя Сиам владела территориями от Малайского полуострова на юге до Камбоджи на востоке и Лаоса на севере. Тайцы установили свое доминирующее влияние в Камбодже после более десяти лет борьбы с амбициозным соседом – королевством Вьетнам. В 1827–1828 гг. Бангкок овладел также нижними землями Лаоса, нанеся поражение непокорному вассалу – государ-

ству Вьентьян [65].

Однако после 1850 г. Великобритания и Франция отняли у Бангкока почти половину его империи. Особенно возмущали тайцев агрессивные действия французов, установивших в 1867 г. свой протекторат над Камбоджой. К 1890 гг. они распространили свой контроль на лаосские земли, подготовив почву для классического эпизода «дипломатии канонеров» (Пакнамский инцидент 1893 г.), в результате которого Бангкок был вынужден отказаться от территории на восточном берегу реки Меконг [66]. Англичане же тем временем приобрели контроль над Шанскими землями [67].

Сиам был вынужден пойти на дополнительные территориальные уступки Франции и Великобритании, и в первом десятилетии XX в. в рамках договора от 1904 г. Франция получила контроль над лаосскими провинциями Саябури, напротив Луангпрабанга на севере, и Чампассак на юге. Три года спустя французам отошли камбоджийские провинции Баттамбанг, Сисофон и Сиамреап [68]. В 1909 г. англичане положили конец претензиям Бангкока на сюзеренитет над северными малайскими штатами Кедах, Перлис, Тренгану и Келантан [69].

Правящая династия Чакри неохотно отказывалась от своих притязаний на эти территории, но пошла на это во имя национального выживания. Принеся в жертву 176 тыс. квадратных миль (457 тыс. 600 км²) периферийных территорий, на большей части которых действовало не прямое правление, стране удалось избежать полной колонизации. Тем не менее, понесенные потери не давали покоя тайцам, а рост националистических настроений во время правления короля Вачиравада породил надежды, что эти земли можно будет когда-нибудь вернуть. В середине 1940 г. перед лицом поражения Франции Пхибун и его последователи решили, что такой момент наступил.

С точки зрения Вичита, «тайцами» были не только лаосцы, шаны и племена на юге Китая, но даже камбоджийцы. Последнее утверждение звучало особенно необоснованно, поскольку его впервые сформулировал сам автор в одной из своих исторических пьес в 1937 г. Вичит утверждал также, что тайское население насчитывало 60 млн чел. [70]. Однако Абегг считала даже оценку в 40 млн чел. диким преувеличением, поскольку в самом Таиланде с его населением в 14 млн чел. численность этнических тайцев составляла примерно от 10 до 11 млн чел. [71]. В одной из газетных статей, опубликованных в мае 1938 г., Вичит дал ясно понять, на каком основании он делал свои заявления: он руководствовался ловкой пропагандистской кампа-

нией Йозефа Геббельса, убедившей весь мир в том, что немцы и австрийцы составляют один народ, облегчив тем самым аншлюс Австрии [2].

События в мире, пришедшиеся на первые месяцы правления Пхибуна, давали основание полагать, что статус-кво в Юго-Восточной Азии может быть и, вероятно, будет изменен. Фашистские силы в Европе наращивали свои позиции. Франко при поддержке Муссолини и Гитлера одержал победу в испанской гражданской войне. Немцы поглотили Чехословакию, а Италия вторглась в Албанию. Вместе с тем находящаяся рядом Япония не только оккупировала острова Хайнань и Спратли, но и предприняла блокаду британской концессии в китайском городе Тяньцзинь.

На протяжении всего лета 1939 г. Пхибун пристально следил за тем, как лидеры Японии готовились к союзу с Германией и Италией. Он и его сторонники все положительней оценивали перспективы возможного союза Таиланда с этим потенциальным блоком казавшихся успешными держав. В своих беседах с друзьями министр финансов Приди откровенно сетовал на то, что, отстаивая веру в демократические страны, он «поставил деньги не на ту лошадь» и что теперь его власть и влияние ослабли [73].

Однако ситуация складывалась не совсем так, как ожидалось. Японцы замешкались, и Гитлер пошел на переговоры с Советским Союзом, а затем развязал войну в Европе. Тогда Пхибун провозгласил нейтралитет по отношению к европейской войне и принял предложение Франции о заключении договора о ненападении. В основе этого шага лежал расчет на то, что втягивание Франции в европейский конфликт облегчит Таиланду возможность добиться изменения границы между ним и французским Индокитаем. И в какой-то степени он оправдался.

Первоначально французские колониальные власти были против любых, даже малейших уступок. Однако суровые реалии европейской ситуации вскоре вынудили Париж пойти на попятную. Между тем Пхибун непрерывно наращивал свои притязания, мобилизуя на их поддержку значительную часть населения.

Первое публичное свидетельство тайских намерений использовать тактику, во многом заимствованную у гитлеровцев, появилось в начале сентября 1940 г. Тайское правительство неожиданно объявило, что в течение двух лет «тайцам, проживающим в настоящее время в зарубежных странах», будет разрешено въезжать в страну через расположенные вдоль границы с французским Индокитаем города без уплаты пошлин за регистрацию и иммиграционных сборов [74]. Подчеркивая таким обра-

зом официальную линию, согласно которой все лаосцы и камбоджийцы являются тайцами, эта мера создала нестабильность на границе, провоцируя исход граждан из французского Индокитае. Через две недели тайская пресса сообщила, что границы стран пересекли «сотни беженцев» [75]. В начале октября в прессу поступила информация, что индокитайские полицейские убили тайского торговца и что французы открыли огонь по тайскому самолету, летевшему вдоль тайской стороны границы. Ханой ответил, что тайский самолет расстрелял из пулеметов французские позиции в глубине Индокитае в 45 милях от границы [76].

Публично излагая тайские территориальные притязания на пресс-конференции 13 сентября, Пхибун утверждал, что они основаны на гуманной тревоге за судьбы «тайского» народа, который «очень хочет вернуться к своим братьям» [77]. Десять дней спустя он сообщил об отказе Франции принять тайские требования, но выразил надежду на урегулирование конфликта путем переговоров [78].

В своих публичных выступлениях, как и в беседах с западными дипломатами, Пхибун стремился принять образ умеренного лидера, находящегося под сильным давлением армии и общественности, обеспокоенных судьбой угнетенных «тайцев» в Индокитае. Он настолько хорошо сыграл эту роль, что вновь прибывший американский посол Хью Г. Грант поверил в то, что Пхибун действительно потерял контроль над развитием событий [79]. Однако японский военный атташе полковник Тамура Хироши, который был гораздо ближе к Пхибуну и его окружению, несколько позже сообщал, что власть премьер-министра на самом деле достигла пика, потому что общественность решительно поддерживает его политику, позволяя действовать «в диктаторском духе» [80].

Грант, который был свидетелем итальянского вторжения в Албанию, хотя и неправильно оценил роль Пхибуна, оказался в состоянии должным образом распознать его фашистские методы. И он был, безусловно, прав, указав, что тайцев вдохновлял подход Гитлера к возврату Германией Судетской области [81]. Отрицательная реакция Гранта на тайландские действия побудила Вашингтон, который поддерживал дипломатические отношения с правительством Виши, занять враждебную позицию по отношению к Таиланду. Это резко контрастировало с британским подходом, обусловленным тем, что Кросби, несмотря на сомнения относительно использованных Пхибуном методов, проводил политику умиротворения, отдавая предпочтение тайскому контролю над пограничными районами их японской оккупации.

С 1 октября в Бангкоке начались хорошо отрежиссированные демонстрации, требовавшие решительных действий против французов. Антифранцузские листовки, изданные «Партией тайской крови», связанной с правительством, призывали тайский народ взять реванш за прошлые и нынешние унижения, став могущественной нацией [82]. Более 10 тыс. членов «Ювачон» собрались 4 октября, «чтобы продемонстрировать верность национальному делу» и услышать своего командира Праюна, который заявил, что тайцы, желая мира, не боятся войны [83]. 8 октября Пхибун лично приветствовал толпу из более 3 тыс. студентов университета Чулалонгкорн, обратившись к ним в стиле Муссолини с балкона Министерства обороны. Немецкий корреспондент Мелчерс писал в этой связи, что стал «свидетелем пробуждения национального духа Таиланда» [84]. Во второй половине этого же дня Пхибун выступил с аналогичной речью перед более пятью тысячами участников еще одной демонстрации, проходившей под руководством студентов Университета нравственных и политических наук (ныне Университет Таммасат) [85].

Вслед за новым отказом Франции выполнить требования Таиланда 12 октября в столице состоялся еще более крупный марш, организованный группой «Тайская кровь», в котором приняли участие примерно 30 тыс. чел. Чтобы развеять впечатление, что демонстрации были отрежиссированы, Пхибун не появился перед толпой. Тем не менее, в подготовленном им заранее заявлении он выразил признательность собравшимся за поддержку и провозгласил приближение кульминации событий [86].

После вторжения японцев 22 сентября в область Тонкин (Индокитай) и заключения 27 сентября Тройственного пакта, создавшего Ось «Берлин-Рим-Токио», Пхибун понял, что Таиланд сможет добиться реализации своих территориальных притязаний только при активной поддержке Японии. Из контактов с японскими военными и военно-морскими атташе ему также стало известно, что Япония хотела бы использовать южный Таиланд как стартовую площадку для готовящегося нападения на Британскую Малайю. Руководствуясь этим, 30 сентября, без консультации со своим кабинетом, Пхибун сообщил японской стороне, что не будет возражать против высадки японских войск на южном побережье Таиланда, если японцы помогут ему в возврате территорий, которыми владеют французы. Лидеры японской армии и флота охотно откликнулись на это предложение и убедили свой кабинет министров одобрить сделку [87]. Тем временем, Пхибун отправил Праюна в Берлин якобы для осуществления контроля над тайскими студен-

тами, а на самом деле для того, чтобы заручиться поддержкой требований Таиланда со стороны Германии и Италии. Эта поездка вызвала предположения, что Таиланд готов присоединиться к Оси, что, правда, было опровергнуто заместителем министра иностранных дел Дирек Чаянам [88].

Уверившись в поддержке Японии, Пхибун усилил конфронтацию с французами. В своей речи 20 октября он, вроде бы выражая надежду на урегулирование конфликта, активно ссылаясь на высказывания исторических героев, акцентируя, главным образом, тему подготовки к применению силы в качестве последнего аргумента. При этом он назвал уход французов из Индокитая как неизбежный и осудил колониальные власти Индокитая за «дискриминацию его жителей». Выступление Пхибуна имело следствием очередную серию демонстраций, состоявшихся после 22 октября [89].

Ноябрь принес с собой новые частые пограничные столкновения. При этом активно использовались два ключевых аргумента, призванных оправдать дальнейшее наращивание агрессивной политики. Первый сформулировал Вичит, который, ссылаясь на Пхибуна, заявил, что «нация должна либо стать сильной, либо погибнуть». Оправдывая эту «оценку мироустройства», автор одного из опубликованных писем к редактору дошел до утверждения, что «малые народы неизбежно должны быть поглощены более сильными» [90]. Вторым аргументом озвучил Дирек, подчеркнув в своем публичном выступлении 27 ноября: «...Люди одного и того же расового происхождения должны жить вместе, в соответствии с законом природы. Этот принцип признан и принят различными государствами в Европе, но он редко применяется, что создает трудности. До тех пор пока люди одной и той же расы, культуры и цивилизации не будут жить вместе, не может быть ни мира, ни счастья» [91].

Очевидно, что усилия правительства, направленные на то, чтобы стимулировать антифранцузские настроения, повлияли и на отношение тайцев к любым иностранцам. Так, датчанин Нольгорт во время своего путешествия по стране столкнулся с явно враждебным отношением таможенников и персонала на транспорте, о чем поведал своему другу – давнему жителю Бангкока. Отвечая ему, тот с сожалением сообщал, что в стране «в последние несколько недель все изменилось. Хорошо относятся сейчас только к немцам и японцам».

Вскоре под давлением оказались и тайские христиане. Их вынуждали обращаться в буддизм. На буддийском празднике 11 февраля 1941 г. присутствовавшая на нем примерно тысяча участников, в своем большинстве католиков, включая

некоторых видных чиновников, оказалась перед необходимостью публично заявить о своем переходе в национальную религию [92].

В январе 1941 г. Пхибун, чья власть была подкреплена поставками оборудования из Японии, а также очередным титулом верховного главнокомандующего, начал вторжение в Индокитай. Его войска заняли две лаосские провинции на западном берегу Меконга и двинулись через камбоджийскую границу. Вместе с тем 17 января тайский флот потерпел сокрушительное поражение от французов в Сиамском заливе [93]. Пхибун, хорошо осведомленный о реальных возможностях своих вооруженных сил, незамедлительно призвал Японию помочь прекратить войну и согласился на предложенное ею мирное урегулирование. Французы, первоначально упиравшиеся, пошли на него под давлением Японии [94].

Надеясь на полную поддержку Японией тайских притязаний на мирной конференции в Токио, Пхибун рассчитывал на присоединение не только территорий, оккупированных тайской армией, но и всего Лаоса и Камбоджи. При этом он оказался заложником разногласий в рядах японцев. Армейские офицеры, жаждущие приобрести базы в Таиланде, были склонны удовлетворить тайские притязания. Этому, однако, воспротивился министр иностранных дел Японии Мацуока Есукэ. Он хотел сохранить рабочие отношения с французскими колониальными властями и поэтому был готов поддержать лишь ограниченные тайские требования. По его мнению, более сбалансированный подход позволил бы Японии вести игру как с тайцами, так и французами, натравливая их друг на друга.

Чрезмерные притязания тайцев, неуступчивость французов и стремление Мацуока контролировать результаты мирных переговоров делали их длительными и трудными. К огорчению Пхибуна, Мацуока в конечном счете преуспел. Мало того, что тайские территориальные притязания были ограничены лаосскими провинциями Саябури и Чампасак и камбоджийскими – Баттамбангом и Сиенреапом, тайцы также были вынуждены выплатить французам компенсацию за их активы на уступаемых территориях и создать демилитаризованную зону на тайской стороне границы [95].

Хотя завышенные ожидания Пхибуна и не оправдались, он использовал ситуацию по максимуму. Им были выставлены на всеобщее обозрение захваченная военная техника и запертые в клетки французские военнопленные. В марте он возглавил трехдневное празднование своей «блестящей победы» [96]. Вскоре он развернул строительство «памятника победы», который был официально от-

крыт в День нации в 1942 г. [97]. В июле 1941 г., менее чем через три недели после того, как Пхибун заявил, что не будет принимать более высоких титулов, он произвел себя в ранг фельдмаршала, адмирала флота и маршала военно-воздушных сил, а также присвоил свое имя одной из камбоджийских провинций [98].

Предоставив Пхибуну большую территорию, чем завоевали его армии, японские военные рассчитывали, что выполнили свою часть тайной сделки, и ожидали, что тайский премьер предпримет ответные действия. Однако, к их разочарованию, Пхибун нервно отреагировал на продвижение японских войск в Южном Индокитае в июле 1941 г. [99]. Получив новые территории и осознав всю опасность оказаться под полным влиянием Японии, Пхибун попытался подтолкнуть Великобританию и США к тому, чтобы остановить дальнейшее японское наступление. К разочарованию Японии, он неожиданно для нее объявил об абсолютном нейтралитете Таиланда и высказал предостережение, что вторжение с любой стороны будет встречено тотальным сопротивлением, вплоть до реализации политики выжженной земли [100]. Очевидно, что он хотел тем самым избежать той опасности, которую тайло его секретное обещание [101].

Злополучный альянс

К началу декабря 1941 г. Пхибун уже знал, что японцы вскоре начнут продвижение и что эффективной защиты от англичан и американцев ожидать не приходится. Он осознал также, что затянувшееся сопротивление японцам разрушит основу его власти – тайскую армию – и в лучшем случае заставит его отправиться в изгнание. Тем не менее, в свете громко провозглашенной политики нейтралитета и неуверенности в успехе японского наступления на союзников он не решался объявить об открытом переходе на сторону Японии. За кулисами он попытался получить гарантии, что японские войска будут держаться подальше от Бангкока. Однако японская армия такие гарантии предоставить отказалась.

Пхибун решил эту дилемму, покинув Бангкок, чтобы его не нашли местные представители Японии, если они потребуют от него сдержать свое секретное обещание и предоставить японской армии свободный проход через территорию Таиланда. В результате тайские войска, выполняя постоянно действующий приказ, стали оказывать сопротивление высадке японцев на юге Таиланда. И продолжалось оно на протяжении нескольких часов, пока Пхибун вновь не появился утром 8 декабря 1941 г. на своем рабочем месте. Он сразу же приказал прекратить

огонь и предоставить свободный проход японской армии. Это краткое сопротивление предоставило ему основание для последующего утверждения, будто он противостоял вторжению японцев, но был вынужден покориться превосходящей силе, чтобы спасти нацию от уничтожения [102].

Теперь, однако, Пхибуну пришлось иметь дело с японскими дипломатами, которых его исчезновение привело в негодование, и армейскими офицерами, не ожидавшими сопротивления тайской армии. Их давление продемонстрировало Пхибуну реальную возможность того, что японцы могут приступить к разоружению его вооруженных сил. Кроме того, он оказался под впечатлением первых военных успехов Японии, в том числе потопления ею британских военных кораблей *Prince of Wales* и *Repulse*.

В конечном итоге Пхибун согласился на договор с Японией, заключенный 11 декабря 1941 г. Несмотря на недовольство его поведением, японцы гарантировали ему статус-кво в случае его всеобъемлющего сотрудничества с ними, а также дали ему туманное обещание, что будут способствовать дальнейшему возврату «утраченных тайских территорий». В январе 1942 г. Пхибун объявил войну Великобритании и Соединенным Штатам [103].

Вичит, ставший в декабре 1941 г. заместителем министра, а в 1942 г. – министром иностранных дел, приложил все усилия, чтобы сделать Таиланд полноправным членом Оси. Он явно рассчитывал, что этот шаг будет способствовать укреплению положения Таиланда и даст Бангкоку преимущества в противостоянии Токио. Однако решительное сопротивление Японии обрекло его инициативу на провал [104].

Правда, Пхибун все еще надеялся, что ему удастся установить партнерские отношения с японцами, что позволило бы ему создать свою собственную мини-империю как «дочернюю компанию» японского властелина. Его расчеты, однако, не совпали с видением властей Японии. Поскольку их войска на тот момент уже вольно чувствовали себя на тайской земле, они теперь не считали необходимым учитывать желания Пхибуна. Для них моделью, пригодной для других государств в пределах «Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», было Маньчжоу-го. Отсюда их убеждение, что тайцы безоговорочно признают приоритеты и ведущую роль Японии. Раньше независимость Таиланда и ультранационализм Пхибуна были выгодны Японии. Теперь же они оказались под вопросом [105].

То, что отношения с японцами никогда не будут соответствовать его ожиданиям, стало оконча-

тельно ясным Пхибуну уже в течение первого года войны. Это, в частности, подтвердило нежелание японцев использовать тайские вооруженные силы во время вторжения в Бирму. Пхибун жаждал его потому, что претендовал на две территории Бирмы. Одна из них, Тенассерим (полоса земли на побережье Андаманского моря на юге Бирмы), когда-то находилась под тайским контролем и, таким образом, могла считаться «утраченной территорией». Вторая – труднодоступные Шанские государства на севере – была заселена этнически родственными тайцам племенами и была объектом неудачной тайской военной кампании в 1850-х гг. Однако вместо того, чтобы предоставить тайским военным активную роль при вторжении в Бирму, японцы направили тайские войска на север с целью охраны границы. Только после долгих увещаний, в мае 1942 г., когда бирманская кампания была практически завершена, японцы разрешили тайской армии вторгнуться в Шанские государства. Но даже тогда Япония держала тайцев «на коротком поводке», не позволяя им аннексировать оккупированную территорию [106].

Негативное влияние альянса с Японией на экономику Таиланда лишило тайцев иллюзий и ожесточило их. Особенно неприятным для администрации Пхибуна явилось настойчивое требование Токио, чтобы таиландский бат, который до войны оценивался в 1,55 иены, был девальвирован по курсу один к одному. Еще более негативные и долгосрочные последствия имело требование, чтобы правительство Таиланда предоставило японским вооруженным силам местную валюту в объеме, необходимом для покрытия их затрат внутри страны. Японские запросы на денежные средства особенно раздулись с началом строительства железной дороги между Таиландом и Бирмой и по мере подготовки Японии к контратакам США, Великобритании и их союзников. Неспособность японцев поставлять Таиланду необходимые потребительские и другие промышленные товары дополнительно подстегивала инфляцию и порождала процветающий черный рынок [107].

Разочарование вызывали также конфликты между тайскими гражданами и японскими солдатами. Гордясь независимостью своей страны, тайцы болезненно воспринимали давление, которое оказывала на страну Япония. Большинство населения возмущалось присутствием на ее территории японских войск. Это возмущение дополнительно обострялось тем, что лишь немногие японские солдаты считали тайцев равноправными союзниками. Между тайцами и японскими солдатами часто происходили острые столкновения [108].

Только после массовой кровавой схватки между тайскими гражданами и японскими солдатами, произошедшей 18 декабря 1942 г., и обострения ситуации на Тихоокеанском театре военных действий лидеры Японии начали осознавать необходимость более гибких отношений с тайцами и другими азиатами. В поисках способа хотя бы внешне сдержать обещание посодействовать Таиланду в возврате «утраченных территорий» они решили отдать ему часть Шанских государств, уже занятых тайской армией, и четыре северные малайские территории, над которыми Бангкок в прошлом уже утверждал свое господство [109].

Стремясь подчеркнуть значимость уступки, премьер-министр Японии Тодзио Хидэки лично объявил Пхибуну об этом решении во время своего визита в Бангкок в начале июля 1943 г. Сдержанная реакция на него Пхибуна отразила его понимание изменившихся военных судеб Японии и Оси. В феврале 1943 г. он отправил представителей своей армии в Шанские государства вести тайные переговоры с китайскими националистами в провинции Юньнань. Впоследствии он привел в ярость японцев, отказавшись принять участие в состоявшейся в Токио в ноябре 1943 г. конференции «Великой Восточной Азии», кульминационном событии для Японии, которая приложила немало усилий, чтобы улучшить отношения с членами «Сферы взаимного процветания» [110].

Обеспокоенный тем, что его может постигнуть судьба Муссолини, Пхибун сосредоточил свои усилия на строительстве новой столицы в расположенном на севере городе Пхетчабун. Истинный мотив этого шага – сооружение военной цитадели, из которой он мог бы независимо руководить страной, – не укрылся ни от кого, в том числе и от японцев. Многие тайские политики, которые ждали теперь победы союзников, считали проект Пхибуна напрасным и все чаще рассматривали бывшего «великого вождя» из-за его союза с Японией источником бед для нации. Командующие тайским военно-морским флотом и глава тайской полиции Адун стали все откровеннее дистанцироваться от Пхибуна [111].

К июлю 1944 г. отношения между ним и японцами настолько ухудшились, что последние стали на деле оказывать помощь внутренним политическим противникам Пхибуна, намеревавшимся лишить его власти. Убедившись, наконец, что он сам загнал себя в политический тупик, Пхибун удалился в свою загородную резиденцию в Бангкоке, где стал ждать дальнейшего развития событий. Было образовано новое правительство Таиланда, во главе которого встал Кхуанг Апхаивонг.

Формально это правительство продолжало сотрудничать с японцами. Вместе с тем его действительный вдохновитель Приди безотлагательно установил радиосвязь с союзниками и начал готовить подпольную силу, которая могла бы выступить в поддержку стран, воевавших с японцами. Сам Кхуанг сразу же выпустил на свободу политзаключенных и демонстративно начал менять программы действий, инициированные Пхибуном [112].

Выводы

Сильное фашистское влияние на национализм режима Пхибуна Сонгкхрама и на проводившуюся им экспансионистскую политику является очевидным. Учитывая международные тенденции того периода, это влияние не было исключением.

Пхибун и его сторонники полагали, что он проводил всего лишь оборонительную политику, защищая национальные интересы в смутные времена. Но это было далеко не так. Он, как и другие современные ему диктаторы, стал выдавать свои личные интересы за интересы нации. Предпринятая им попытка превратить малонаселенное государство с неразвитой промышленностью в региональную военную державу способствовала его собственному политическому восхождению, но была обречена на провал. Агрессивная политика Пхибуна в отношении французского Индокитае отвечала его краткосрочным политическим целям, но принесла стране мало преимуществ. Таиланду надлежало развивать уже имевшиеся обширные территории, а не присоединять новые. Хотя некоторые лаосцы и камбоджийцы предпочитали тайское господство французскому, большинство из них хотело истинной независимости. Тайная приверженность Пхибуна Японии, а также ущерб, нанесенный тайско-американским отношениям пограничной войной, значительно усложнили его стремление занять нейтральную позицию в региональных военных столкновениях. Владение «возвращенными территориями» затруднило послевоенное примирение с Францией.

Никакой другой тайский лидер, как и никакая иная политика, не смогли бы предотвратить оккупацию страны Японией в декабре 1941 г. Однако решение Пхибуна перейти на сторону Японии имело трагические последствия. В конце войны он признал свою ошибку и попытался изменить курс, но было поздно. К счастью для Пхибуна, сухопутная война в регионе закончилась до того, как она достигла границ Таиланда. Приди удалось добиться значительного успеха в смягчении гнева союзников, вызванного альянсом Таиланда с Японией. Именно этот относительно благоприятный исход и

сделал правдоподобным утверждение, что альянс Пхибун с Японией якобы «послужил национальным интересам», придав японской оккупации менее неприятный характер, чем это могло бы быть.

Только необыкновенная удача и невероятные повороты судьбы позволили Пхибуну избежать судебного преследования как военного преступника и снова превратиться в лидера Таиланда в 1948 г. [113]. Наученный горьким опытом, «новый» Пхибун заявлял, что не будет больше тем «тигром», каким он был в юности [114]. Он оставался премьер-министром Таиланда вплоть до 1957 г., но уже никогда больше не обладал той степенью личной власти, какой пользовался в свое первое премьерство. Кобкуа характеризует «нового» Пхибуна как «осторожного, реалистичного и проницательного политика», основной целью которого было лишь стремление «просто выжить» [115]. Тем не менее, ему удалось восстановить некоторые аспекты своей старой программы, в том числе вернуть избранное им название страны. После краткого возврата к «Сиаму» страна в 1949 г. вновь стала «Таиландом».

По иронии судьбы, стареющий «вождь» в последнем стремлении остаться у власти попытался, хотя и тщетно, изобразить себя демократом. В 1957 г. в результате военного переворота Пхибун был свергнут своими армейскими соратниками и бежал из страны. В его отсутствие фельдмаршал Сарит Танарат, по совету «воскресшего» Вичита, возродил тайский национализм как способ поддержки новой диктатуры [116].

Подходящим постскриптумом к изложенному выше может послужить эпизод, произошедший во время международного турне Пхибуна в 1955 г., к концу его второго длительного пребывания на посту лидера страны. Поездка, которая была его первым выездом за границу с 1927 г., включала, в частности, посещение Испании, где тайский лидер наградили Франко орденом и заявил о своем восхищении достопочтенным диктатором [117]. Можно легко себе представить, почему Пхибун так «зауважал» Франко. Испанский диктатор пришел к власти на волне фашизма, но смог избежать судьбы Пхибуна военного времени, держась на расстоянии вытянутой руки от государств Оси. Хитрому Франко удалось сделать то, чего не смог Пхибун, – сохранить свою власть и в послевоенный период без какого бы то ни было перерыва.

Примечания:

1. Stowe, J. Siam Becomes Thailand. – Honolulu, 1991. (дается блестящий обзор государственного переворота 1932 г. и политики Таиланда в 1930-е гг.).

2. The Times. – 1932. – Aug., 4.
3. Banomyong, P. Pridi by Pridi / Ed. and tr. Ch. Baker and Pasuk Phongpaichit. – Chiang Mai, 2000. – P. 106.
4. См.: Suwannathat-Pian, K. Thailand's Durable Premier. – Kuala Lumpur, 1995. – P. 144-150.
5. The Times. – 1935. – Mar., 4.
6. Aldrich, R.J. The Key to the South. – New York, 1993. – P. 153-156. Британский подход к Таиланду стал предвестником последующей политики приспособления к реалиям нарастающего национализма. Дэвид Каннадин анализирует становление такой политики и отказ от нее в книге: Ornamentalism: How the British Saw Their Empire. – New York, 2001.
7. Landon, K.P. Siam in Transition. – New York, 1968. – P. 54.
8. Aldrich, R.J. Op. cit. – P. 174, 176.
9. Flood, E.Th. Japan's Relations with Thailand: 1928–1941: Ph.D. diss. – University of Washington, 1967. – P. 130-141.
10. См.: Sivaraksa, S. The Crisis of Siamese Identity // National Identity and Its Defenders, 1939–1989 / Ed. by C.J. Reynolds. – Chiang Mai, 1991. – P. 41-47.
11. Rojanaphruk, P. A Portrait in Flux // The Nation (Bangkok). – 1997. – Aug., 2. В 1993 г. в Университете Таммасат проходила конференция на тему влияния Пхибуна на современную тайскую историю. Дебаты обобщены в: Ekachai, S. Pibul: In search of a missing link // Bangkok Post. – 1993. – Jul., 5.
12. Brailey, N.J. Thailand and the Fall of Singapore. – Boulder, 1986. – P. 63, 78; Suwannathat-Pian, K. Op. cit. – P. 43, 57-67.
13. Brailey, N.J. Op. cit. – P. 74.
14. Suwannathat-Pian, K. Op. cit. – P. 103.
15. Например, в середине 1940 г. он высказался в прессе в пользу сохранения «демократии» в том виде, что существовала тогда в Таиланде. См.: Murashima, E. Democracy and the Development of Political Parties in Thailand, 1932–1945 // Murashima, E.; Mektrairat, N.; Wantana, S. The Making of Modern Thai Politics. – Tokyo, 1991. – P. 7-9.
16. Barme, S. Luang Wichit Wathakan and the Creation of a Thai Identity. – Singapore, 1993. – P. 119-124, 125. Перечень и описание девяти пьес Вичита воспроизводятся в статье: Kasetsiri, C. The First Phibun Government and Its Involvement in World War II // Journal of the Siam Society. – 1974. – Vol. 62. – P. 40-41.
17. Ekachai, S. Op. cit. Сулак в The Crisis of Siamese Identity на стр. 47 пишет, что слова гимна можно рассматривать как «расистские», и характеризует их как «смехотворные и шовинистические».
18. Landon, K.P. The Factor of Increased Japanese Influence in Thailand. – P. 33 // OSS/State Department Intelligence and Research Reports: Japan and Its Occupied Territories During World War II. – Washington, D.C., 1977. – микрофильм.
19. Barme, S. Op. cit. – P. 53-54.
20. Abend, H. Japan Unmasked. – New York, 1941. – P. 85.

21. Bangkok Times and Weekly Mail. – 1934. – Apr., 5; Aldrich, R.J. Op. cit. – P. 175.
22. Flood, E.Th. Op. cit. – P. 48-65, 73-75, 90-97.
23. Barme, S. Op. cit. – P. 53, 87-88. Вичит знал Нитобэ лично, он встречал его в Женеве, где Нитобэ работал в Лиге Наций.
24. Ibid. – P. 119. Культурная миссия 1935 г. в Японию описана в специальном выпуске «Сиамско-японская культурная миссия»: Siam Chronicle. – 1937. – Apr., 4.
25. Itaro, I. Gaikokan no issho [The Life of a Diplomat]. – Tokyo, 1986. – P. 282.
26. Цит. по: Aldrich, R.J. Op. cit. – P. 175.
27. Bangkok Chronicle. – 1941. – Dec., 29.
28. Stowe, J. Op. cit. – P. 93, 100.
29. См.: Brailey, N.J. Op. cit. – P. 76.
30. Abegg, L. Thailand – Old and New // The XXth Century (Shanghai). – 1941. – Vol. 1. Nov. – P. 44. Статья была перепечатана в: Japan Times and Advertiser. – 1942. – Mar., 28.
31. Nippon Times. – 1943. – Jul., 20.
32. Bangkok Chronicle. – 1943. – Sep., 17; Nippon Times. – 1944. – Jan., 21.
33. Crosby, J. Siam: The Crossroads. – London, 1945. – P. 116.
34. Недатированное трансокеанское донесение circa June 1943, Karl Melchers Papers, Krock Library, Cornell University.
35. Landon, K.P. The Factor of Increased Japanese Influence in Thailand ... – P. 1.
36. Barme, S. Op. cit. – P. 180 and Statement of His Excellency Nai Wichit Wathakan, Minister of Foreign Affairs of Thailand, on the 10th Anniversary of the National Socialist Regime in Germany, Melchers Papers.
37. Vella, W. Chaiyo! King Vajiravudh and the Development of Thai Nationalism. – Honolulu, 1978. – P. 193-194.
38. Barme, S. Op. cit. – P. 129. Кобкуа в книге «Thailand's Durable Premier» изображает Вичита как «самозванного идеолога» (с. 104) и экстремиста, чьи взгляды по этому и другим вопросам Пхибун не разделял (с. 106, 152, примечание 8, с. 255-256, 295). Несмотря на то, что Пхибун мог публично дистанцироваться от некоторых несколько странных заявлений Вичита, степень влияния идей последнего на идеологию и действия правительства Пхибуна служит убедительным доказательством обратного.
39. Skinner, G.W. Chinese Society in Thailand. – Ithaca, 1957. – P. 244-245.
40. Greene, S.L.W. Absolute Dreams: Thai Government under Rama VI, 1910–1925. – Bangkok, 1999. – P. 71. Кобкуа в книге «Thailand's Durable Premier» на с. 106 утверждает, с одной стороны, что «национализм, поддерживаемый Пхибуном и его правительством во время его первого премьерства, никак не был похож на ультра-национализм Муссолини в Италии или Гитлера в Германии, которые настаивали на превосходстве их расы. Тем не менее, далее в том же абзаце она признает, что для Пхибуна «национализм» означал «тайскость» и буддизм, которые, в свою очередь, служили основой для единообразия национальной культуры и социальных ценностей, а также предписанного образа жизни. Другими словами, Пхибун... считал, что единое государство как наиболее важный критерий современной, сильной и динамичной нации может быть построено только на одной общей вере и одном общем наборе обычаев и традиций, которые разделяет этническое большинство, т.е. тайцы. Конечно, «раса» в биологическом смысле не имела в виду так, как, например, этнические китайцы могли стать тайскими гражданами, если «вели себя как тайцы». Тем не менее, понятие «раса» свободно и широко использовалось с конца XIX в. по отношению к людям определенной нации или этнической группы. Вот почему другие меньшинства наверняка рассматривали насаждение тайских норм как утверждение «превосходства и власти» конкретной «расы».
41. Цит. по: Eastman, L.E. Fascism in Kuomintang China: The Blue Shirts // The China Quarterly. – 1972. – No. 49. – P. 20.
42. По вопросу о германском и фашистском влиянии на «Движение за новую жизнь» см.: Eastman, L.E. The Abortive Revolution. – Cambridge, MA, 1975. – P. 31-84 и Kirby, W.J. Germany and Republican China. – Stanford, 1984. – P. 176-185. Не отрицая европейского влияния, в «Elitist Fascism» Чан утверждает (см., например, с. 55-66), что влияние японского фашизма имело большее значение в Китае, потому что Чан Кайши и другие китайские военные, получившие образование в Японии, восхищались дисциплиной и националистическим духом Императорской армии. Самый недавний контраргумент, что «Движение за новую жизнь» не находилось под влиянием фашизма, появился в книге: Gregor, A.J. A Place in the Sun. – Boulder, 2000. – P. 75-81. Тайландские культурные мандаты подробно обсуждаются в: Barme, S. Op. cit. – P. 156-160. Переведенные тексты 12 мандатов опубликованы в: Thai Politics, 1932–1957 / Ed. by T. Chaloeontiarana. – Bangkok, 1978. – P. 244-254, а «Кодекс доблести» 1944 г. был напечатан в: Numnonda, T. Thailand and the Japanese Presence. – Singapore, 1977. – P. 37. Также см.: Suwannathat-Pian, K. Op. cit. – P. 110-135. Сулак убедительно доказывает в The Crisis of Siamese Identity на с. 49, что реформы Ататюрка в Турции также оказали влияние на попытки Вичита и Пхибуна вестернизировать различные аспекты культуры.
43. Eastman, L.E. Fascism in Kuomintang China... – P. 10-11 и Chung, D. Elitist Fascism: Chiang Kaishek's Blueshirts in 1930s China. – Aldershot; Burlington, Vt., 2000. – P. 231-236.
44. См.: Eastman, L.E. Fascism in Kuomintang China... – P. 19.

45. Пхибун утверждал, что за его «культурной программой» стояли антияпонские настроения (*Numnonda, T. Thailand and the Japanese Presence 1941–1945.* – Singapore, 1977. – P. 38-39). Как я уже писал в *Imperial Japan's Cultural Program in Thailand // Japanese Cultural Policies in Southeast Asia during World War 2 / Ed. by G.K. Goodman.* – New York, 1991. – P. 93–116, это верно относительно периода с 1942 по 1944 гг. Тем не менее, большинство культурных установок появились до участия Таиланда во Второй мировой войне и отражали стремление Пхибуна к милитаризации и мобилизации тайского общества.
46. *Kenneth, P. Siam // The New World of Southeast Asia / Eds. by L.A. Mills, et al. Minneapolis, 1949.* – P. 251.
47. *Suwannathat-Pian, K. Thailand's Durable Premie.* – P. 82-83, 134-135 и *Ekachai, S. Pibul: In search of a missing link // Bangkok Post.* – 1993. – Jul., 5.
48. Цит. по: *Wakeman Jr., F. A Revisionist View of the Nanjing Decade: Confucian Fascism // Reappraising Republican China / Eds. by F. Wakeman Jr., and R.L. Edmonds.* – Oxford, 2000. – P. 171. *Brailey, N.J. Op. cit.* на с. 70 проводит различие между Пхибуном и Чан Кайши, утверждая, что первый был гораздо менее традиционным лидером и более склонным к социально-экономическим реформам, чем второй. Хотя этот аргумент можно и принять, я бы сказал, что главное различие между этими двумя лидерами – это личное обаяние. Пхибун обладал этим качеством в полной мере, а Чан Кайши его катастрофически не хватало. В целом, однако, я считаю, что сходства между ними было больше, чем различий.
49. *Stowe, J. Op. cit.* – P. 112-117; *Suwannathat-Pian, K. Op. cit.* – P. 17.
50. *Suwannathat-Pian, K. Op. cit.* – P. 124-125. О праздновании «Дня нации» в 1939 г. см.: *Barme, S. Op. cit.* – P. 139-144.
51. Этот лозунг впервые появился в: *Bangkok Chronicle.* – 1942. – Aug., 26.
52. *Numnonda, T. Op. cit.* – P. 29; *Suwannathat-Pian, K. Op. cit.* – P. 135.
53. *Thai Nation-Building Program during the Japanese Military Presence // Journal of Southeast Asian Studies.* – 1978. – Vol. 8. – Sep. – P. 244.
54. Послание Кросби в министерство иностранных дел 10 июля 1939 г., Файл 371-23595-6536/ No.7486/1860/40, British Public Record Office, Kew.
55. *Suwannathat-Pian, K. Op. cit.* – P. 17-18.
56. Цит. по: *Ibid.* – P. 82.
57. *Ibid.* – P. 83-84.
58. См., напр.: *Brailey, N.J. Op. cit.* – P. 67-73 и *Suwannathat-Pian, K. Op. cit.* – P. 182-185. Брэйли придает большое значение тому, что Пхибун был толерантен по отношению к различным реформам, проводимым Приди, исключая создание Университета Таммасат, который стал главной основой политической поддержки Приди. Речь идет о реформах, которые у Пхибуна не было никаких ос- нований не поддерживать, разве только по причине обыкновенного личного соперничества. Кроме того, из всех реформ, которые упоминает Брэйли, только последняя, а именно, крупная инициатива Приди – введение нового налогового кодекса – была осуществлена после того, как Пхибун стал премьер-министром.
59. *Suwannathat-Pian, K. Op. cit.* – P. 18, 65-66.
60. *Bangkok Chronicle.* – 1940. – Sept., 20. Более подробную информацию о продлении переходного периода см.: *Murashima, E. Democracy and the Development of Political Parties ...* – P. 47-49.
61. *Suwannathat-Pian, K. Op. cit.* – P. 18.
62. *Bangkok Chronicle.* – 1939. – Sep., 29. Чай-Анан Самудаваия, *State-Identity Creation, State-Building and Civil Society 1939–1989 / Ed. by C.J. Reynolds // National Identity and Its Defenders.* – P. 62 отмечает, что сам кабинет министров обсуждал вопрос об изменении названия всего в течение десяти минут.
63. *Abegg, L. Thailand – Old and New // The XXth Century (Shanghai).* – 1941. – Vol. 1. – Nov. Статья была перепечатана в *Japan Times and Advertiser.* – 1942. – Mar., 28. – P. 44.
64. *Suwannathat-Pian, K. Op. cit.* утверждает, что за исключением территорий западного берега реки Меконг «Пхибун никогда публично не заявлял о расширении территории Таиланда за пределами статус-кво». Возможно, не публично (это за него делали заместители), но его правительство претендовало на весь Лаос и всю Камбоджу. Во время переговоров в Токио 1941 г. оно согласилось на секретную сделку с Японией, которая обещала помощь в возврате «утраченных территорий», и стремительно вторглось в Шанские государства в 1942 г.
65. *Wyatt, D.K. Thailand: A Short History.* – New Haven, 1984. – P. 139-180. Об отношениях между Лаосом и Таиландом см.: *Ngaosyvathn, M.; Ngaosyvathn, P. Kith and Kin Politics: The Relationship Between Laos and Thailand.* – Manila, 1994.
66. *Tuck, P. The French Wolf and the Siamese Lamb: The French Threat to Siamese Independence 1858–1907.* Bangkok, 1995. – P. 13-133.
67. *Wyatt, D.K. Thailand ...* – P. 182.
68. *Ibid.* – P. 208
69. *Ibid.* – P. 206.
70. *Barme, S. Op. cit.* – P. 124-127, 147-149. Вичит позже сочинил трактат на английском языке, оправдывая свои требования в отношении камбоджийцев: *Vadakarn, V. (Wichit Wathakan). Thai-Khmer Racial Relations.* – Bangkok, 1940.
71. *Abegg, L. Thailand – Old and New ...* – P. 41.
72. *Barme, S. Op. cit.* – P. 127-128.
73. Crosby to London, 11 August 1939, FO 371-23595 (F9143/1860/40), British Public Record Office, Kew.
74. *Bangkok Chronicle.* – 1940. – Sep., 7.
75. *Bangkok Chronicle.* – 1940. – Sep., 16.
76. *Bangkok Chronicle.* – 1940. – Oct., 2.
77. *Bangkok Chronicle.* – 1940. – Sep., 14.

78. Bangkok Chronicle. – 1940. – Sep., 23 и Transocean dispatch of 27 September, 1940, Melchers Papers.
79. Grant to Hull, 4 and 12 October 1940, Record Group 59, 751G.92/52 and 751G.92/61, US National Archives, College Park, MD. *Brailey, N.J.* Op. cit. – P.91 и *Suwannathat-Pian, K.* Op. cit. – P.352) полагают, что осенью 1940 г. Пхибун стал жертвой шовинистического давления.
80. War History Research Office of the National Institute for Defense Studies / Ed. by Maree shinko sakusen (The Advance in Malaya). – Tokyo, 1966. – P. 149.
81. Grant to Hull, 1 October 1940, 751G.92/41, Record Group 59, US National Archives.
82. Transocean dispatches of 2 and 4 October 1940, Melchers Papers и *Stowe, J.* Op. cit. – P. 57.
83. Bangkok Chronicle. – 1940. – Oct., 5 и Transocean dispatch of 5 October, 1940, Melchers Papers.
84. Bangkok Chronicle. – 1940. – Oct., 8 и Transocean dispatch of 8 October, 1940, Melchers Papers.
85. Bangkok Chronicle. – 1940. – Oct., 9.
86. Bangkok Chronicle. – 1940. – Oct., 12 and 15 и Transocean dispatches of 12 and 14 October 1940, Melchers Papers.
87. Nihon gaikoshi: nanshin mondai (Japanese Diplomatic History: The Southern Advance Issue) / Eds. by Matsumoto Shun'ichi and Ando Yoshiro. – Tokyo, 1973. – P. 267-269.
88. Transocean dispatch of 14 October 1940. Melchers Papers и Bangkok Chronicle. – 1940. – Oct., 14.
89. Bangkok Chronicle. – 1940. – Oct., 21 and 23 и Transocean dispatches of 20 and 22 October 1940, Melchers Papers.
90. Bangkok Chronicle. – 1940. – Nov., 4.
91. Bangkok Chronicle. – 1940. – Nov., 28.
92. *Landon, K.P.* The Factor of Increased Japanese Influence in Thailand ... – P. 7, 24-27; *Crosby, J.* Op. cit. – P. 199-120; и Thailand Hails Border Victory // The Christian Century. – 1941 – Vol. 58. – Feb., 15. – P. 436. *Suwannathat-Pian, K.* Op. cit. – P. 132-133 признает, что попытка навязать буддизм в качестве национальной религии была не только провальной, но и непродуктивной, особенно в преимущественно мусульманских южных провинциях.
93. *Stowe, J.* Op. cit. На стр. 166 Стоу подробно излагает ход войны. Интересен рассказ французского солдата Пьера Буля, дислоцированного в Лаосе. См.: The Source of the River Kwai. – London, 1966. – P. 27-36.
94. *Reynolds, E.B.* Thailand and Japan's Southern Advance. – New York, 1994. – P. 43-45. Одно качество, которое отличает Пхибуна от некоторых других диктаторов, – это реалистичная оценка ограниченной силы своих вооруженных сил.
95. *Flood, E.Th.* Japan's Relations with Thailand... – P. 415-584. Автор дает наиболее широкое освещение мирного урегулирования.
96. Transocean dispatch of 12 March 1941, Melchers Papers.
97. Bangkok Chronicle. – 1942. – Jun., 23. Сулак в «The Crisis of Siamese Identity» (на с. 48) пишет, что монумент должен быть переименован в «памятник позора».
98. Bangkok Chronicle. – 1941. – Jul., 9 и Bangkok Times and Weekly Mail. – 1941. – Jul., 29.
99. Tamura Hiroshi, Tamura bukan memo, No. 2, National Institute for Defense Studies, Tokyo and Asada to Foreign Minister, 4 September 1941, File A700, 9-63, Vol. 2, Japan Foreign Ministry Archives, Tokyo.
100. Политическая линия тайского правительства была оглашена в официальном радиообращении 10 августа 1941 г. Его текст приводится в: Thai Politics 1932–1957 / Ed. by T. Chaloehtiarana. – Bangkok, 1978. – P. 260-267. Законопроект о «долге тайского народа во время войны» был принят Национальным собранием 28 августа: Bangkok Chronicle. – 1941. – Aug. 29.
101. *Reynolds, E.B.* Thailand and Japan's Southern Advance... – P. 50-55, 59-60, 71-72, 75, 80.
102. Ibid. – P. 81-96.
103. Ibid. – P. 103-111.
104. *Jayanama, D. (Chayanam).* Siam and World War II/ Transl. by J.G. Keyes. – Bangkok, 1978. – P. 76-78.
105. См.: *Reynolds, E.B.* Anomaly or Model? Independent Thailand's Role in Japan's Asian Strategy, 1941–1943 // The Japanese Wartime Empire / Eds. by P. Duus, R.H. Myers, M.R. Peattie. – Princeton, 1996. – P. 249-260.
106. *Reynolds, E.B.* Thailand and Japan's Southern Advance ... – P. 115-117.
107. Ibid. – P. 122-129 и Swan, W. Thai-Japan Monetary Relations at the Start of the Pacific War // Modern Asian Studies. – 1989. – Vol. 23. – P. 313-347.
108. *Reynolds, E.B.* Thailand and Japan's Southern Advance... – P.101, 106-107, 136-137.
109. Ibid. – P. 154-155 и *Reynolds, E.B.* Anomaly... – P. 313-347.
110. *Reynolds, E.B.* Thailand and Japan's Southern Advance... – P. 155-160, 163-168 и *Aketo, N.* Hotokoe no Shireikan (The Buddha's Commander). – Tokyo, 1958. – P. 73-91.
111. *Reynolds, E.B.* Thailand and Japan's Southern Advance ... – P. 161-162, 169-172.
112. Ibid. – P. 183-198. Как отмечается в книге *Suwannathat-Pian, K.* Op. cit. – P. 20, к чести Пхибуна должно сказать, что в конце концов он решил уйти тихо.
113. *Fineman, D.A.* Special Relationship: The United States and Military Government in Thailand, 1947–1958. – Honolulu, 1997. Автор описывает второе премьерство Пхибуна.
114. Скептиков убедить не удалось. См.: Bangkok Post. – 1948. – Apr., 22.
115. *Suwannathat-Pian, K.* Op. cit. – P. 24.
116. *Chaloemtiarana, T.* Thailand: The Politics of Despotism. – Bangkok, 1979. – P. 179-186.
117. *Darling, F.C.* Thailand and the United States. – Washington, 1965. – P. 141.

УДК
ББК

ИСТОКИ ИНДИЙСКОГО ФАШИЗМА

Бенжамин Захария,
доктор истории, старший научный сотрудник,
Университет Триера (Германия)
zachariah@uni-trier.de

Перевод с английского С.В. Белкина

Аннотация. В Индии, как и во всём мире, появление фашизма воображаемого и фашистского набора политических организаций в 1920-1930-х гг. в большой степени зависело от идей, движений и институтов, которые видели себя как членов одной и той же «семьи», при этом имея качества «более удачного ребёнка». Некоторые из этих идей, главной особенностью которых были категории «раса» и «народ» («фольк»), существовали в своих ранних версиях с начала прошлого века. В статье рассматриваются четыре набора из фашистского репертуара: эксплицитные организационные и институциональные связи с нацистами и организациями, связанными с германским нацизмом; концепты «народ» (фольк) и «цивилизация»; евгеника и национальное устройство; национальная дисциплина.

Ключевые слова: фашизм, нацизм, добровольный глейхшальтунг, фашистский репертуар, народ, Ариец (арийский), евгеника.

LINEAGES OF INDIAN FASCISM

Benjamin Zachariah, PhD in Hist., Senior Researcher Fellow,
University of Trier, Germany.

Abstract. In India as elsewhere, the emergence of a fascist imaginary and a fascist set of political organizations in the 1920s and 1930s depended to a large extent on a coming together of ideas, movements, and institutions, which saw themselves as belonging to the same family but adopted the characteristics of a more successful sibling. A number of these ideas, in which race and Volk were operative categories, existed in earlier versions from the previous century. This essay deals with four sets of engagements that were part of the fascist repertoire: explicit organizational and institutional links with Nazi and Nazi-aligned organizations in Germany; concepts of Volk and civilization; eugenics and the national body; and national discipline.

Key words: fascism, Nazism, voluntary Gleichschaltung, fascist repertoire, Volk, Aryan, eugenics.

В 1939 г., когда Европа и весь мир стояли на пороге войны, а фашизм и нацизм уже не воспринимались как новые и малоизвестные движения, когда газеты были полны сообщений об Испании, Чехословакии и немецкой агрессии, мальчику Ганешу Багчи из школы на южной окраине Калькутты был вручен приз как лучшему ученику. Этой наградой стала книга Гитлера «Майн Кампф» на английском языке. Ученик, о котором идёт речь, был родом из бедной семьи браминов, выходцев из восточной Бенгалии; самый известный представитель этого

рода в прошлом состоял на службе у британского правительства, занимая там низшие посты. Учителя высоко ценили способности молодого человека, особенно в освоении английского языка, к которому его семья не имела никакого отношения. Многие из его учителей преклонялись перед Гитлером и были убеждены, что свое восхищение следует передать их лучшим ученикам. «Я никогда не читал эту книгу», — признавался многими годами позже этот ученик, который впоследствии стал членом индийской компартии. Пытаясь объяснить феномен обожания

Гитлера его учителями, он рассказал, что в основе их преклонения перед фюрером лежал принцип «враг моего врага – мой друг» [1]. Это высказывание не имело бы никакого смысла перед Первой мировой войной или для читателей «Майн Кампф» в тот период, когда Британия еще не была врагом Германии; возможно это восприятие было пережитком, оставшимся после Первой мировой войны, когда многие индийцы поддерживали Германию, и эта поддержка, по словам Джавахарлала Неру, была своего рода «косвенной мстью» Британии [2].

В данной статье предпринята попытка рассмотреть вопрос о том, были ли тенденции, обычно ассоциируемые с фашизмом, более распространены в Индии, чем это считалось ранее, или наше понимание фашизма необходимо переосмыслить. В литературе о фашизме в Индии можно встретить противоречивые мнения: с одной стороны, фашизм представлен как европейский феномен, неадекватно воспринимаемый в других странах и таким образом копируемый без полного понимания «оригинала» [3], а с другой стороны, присутствует восприятие фашизма или *протофашистских* тенденций в Индии как явлений, присущих правому крылу Хинду [4]. Однако и в этом случае не учитываются корни более глубоких интеллектуальных, институциональных, организационных и социально-исторических влияний фашизма на Индию [5].

Не всякая присущая фашизму идея либо её практическое применение обязательно и неизбежно должна быть свойственна фашизму как идеологии; историю подобных идей и их воплощений необходимо рассматривать как с точки зрения прошлого опыта, так и с современных позиций. Существовали идеи, которые не полностью вписывались в его рамки, – в частности, евгеника, или идея «*дисциплинирования тела*» и «*политика тела*», или различные связи с народным (*фольк*) опытом в поисках аутентичной «нации».

Необходимо осторожно подходить к использованию категории «фа-шизм», чтобы избежать его избыточного употребления. Необходимо воспринимать фашизм как идеологию, вписанную в глубокий политический контекст. В этой статье я использую подход, где не так строго придерживаюсь фактора «фашистский минимум» или «минимум фашизма» [6]. Данный подход представляет собой набор характеристик, без которых некое «подобие фашизма» не может быть квалифицировано как фашизм.

Существует несколько отличительных черт фашизма. Это различия между фашистским движением, направленным на захват государственной власти, и фашизмом, уже обладающим властью [7],

различия между фашизмом в его «классическом» периоде между двумя мировыми войнами и во время Второй мировой войны, и «поздним» фашизмом, когда его ключевые категории и доминантные дискурсы (по крайней мере в какой-то отрезок времени и в определённом контексте) были дискредитированы.

Однако необходимо принять во внимание, что ключевыми словами, определяющими фашизм, стали «Холокост» и «Аушвиц». Несомненно, что эти слова – убийственные для характеристики любого движения, которое может быть определено как фашистское, но на деле таковым не является. Не случайно историки многократно предупреждали о том, что нацизм представляет собой особый, экстремальный пример, который по многим параметрам необходимо рассматривать отдельно [8]. Именно исходя из такого представления многие ученые не обозначают исследуемое ими явление как фашизм. Но в таком случае возникает вопрос, следует ли столь придирчиво относиться к точности определения понятия «фашизм». Ведь в конкретной политической ситуации некритическое восприятие фашизма может привести к тому, что фашистское движение может захватить власть в государстве, а набор профашистских идей превратится в открытый фашизм – только вот заниматься софизмами будет уже слишком поздно.

Я полагаю, что зарождение фашизма и разнообразных профашистских политических организаций в 1920-е – 1930-е гг. зависело в большой степени от того, что я называю «добровольный Гляйхшальтунг», включающий в себя набор идей, движений и институтов, которые считали себя принадлежащими к одной и той же «семье», но в качестве «более успешного ребёнка» [9]. Некоторые подобные идеи, главным стержнем которых были народ (*фольк*) и раса [10], входили в так называемый *фашистский репертуар* [11], характерный для периода между мировыми войнами и сложившийся одновременно в нескольких движениях, которым было присвоено название «фашистские». Индийские интеллектуалы имели представление об этих идеях и принимали участие в фашистских и нацистских организациях и в *институционализации* или в попытках *институционализации* нацизма в Германии и Индии.

В данной статье рассматриваются четыре набора связей, входящие в «фашистский репертуар»: эксплицитно организационные и институциональные связи с нацистами и организациями, связанными с ними в Германии; концепты «народ» (*Фольк*) и «цивилизация»; евгеника и национальная организация; национальная дисциплина.

Связи нацизма с Индией

Зачастую связи Индии с нацизмом/фашизмом остаются непонятыми. Однако они реально существовали и на уровне организации, и на уровне идеологии. Индийские активисты испытывали интерес к нацистской идеологии, и данные связи были основаны на сотрудничестве и взаимопонимании.

Однако следует отметить, что в данном вопросе имелись две тенденции, олицетворявшиеся двумя книгами о Германии, опубликованными в 1933 г. бенгальцами. С одной стороны, социолог, экономист, историк, просветитель, активист движения *Свадеш* Беной Кумар Саркар приветствовал восхождение Гитлера к власти, представляя его как «Вивекананду, помноженного на Бисмарка» [12]. (Вивекананда был первым интернациональным «богом-человеком», который впервые представил миру «индуизм» на Всемирном религиозном парламенте в Чикаго).

Беной Кумар Саркар был абсолютно прямолинеен в своих суждениях: «Гитлер – величайший из всех немецких учителей и вдохновителей со времён Фихте» [13]. Он заявлял, что «более всего Индия нуждается в моральном идеализме, помноженном на неслышимую волю Бисмарка. Гитлер был продолжателем этой идеи, он вооружил народ двумя духовными лозунгами: самопожертвование и отечество» [14]. К еврейскому вопросу Саркар относился с точки зрения *Культуркампф* (борьбы за культуру), похожая ситуация наблюдалась в период противостояния католиков и правительства Бисмарка. Рассматривая *Культуркампф* в историческом контексте, Саркар заявлял: «Еврейский вопрос... может быть решен в нацистской Германии в течение нескольких лет» [15] (хотя нет очевидных доказательств того, что Саркар имел в виду нечто связанное с «окончательным решением. Необходимость нацистских акций по отношению к евреям была, по его мнению, вызвана «переизбытком иудеев в государственных учреждениях Берлина и в других немецких городах», отсюда, по его мнению, возникала необходимость «очистки государственных учреждений от евреев и определения для них легитимной пропорции в госучреждениях, не превышающей демографического процента» [16].

Другая тенденция была воплощена в трудах Саумьендраната Тагора (племянника поэта Рабиндраната Тагора), который с конца 1920-х гг. по 1933 г. часто посещал Берлин, писал о зверствах нацистского режима. Обращаясь к индийским читателям, Саумьендранат Тагор отмечал, что индийцы были одурачены нацистами, поверив в их заявления об их «глубоком и искреннем уважении» к «арийской культуре» и арийской расе, к которой принадлежа-

ли индийцы. По ироничному замечанию автора, они не знали, что нацисты считали индийцев «дегенеративными арийцами» по причине того, что во многих поколениях происходило смешение рас, и поэтому хотели бросить индийцев на произвол судьбы, оставив их под британским контролем [17].

Труд Саумьендраната Тагора *«Гитлеризм: арийское правление в Германии»* был основан на статьях, написанных в период между апрелем-декабрём 1933 г. В книге документально описаны зверства нацистов и представлена информация о концентрационных лагерях. Как человек со стороны и объективный наблюдатель, Саумьендранат Тагор довольно быстро осознал то, о чём даже многие немцы не имели представления: «Таким известным на весь мир людям, как профессор Эйнштейн и художник Макс Либерман, не было места в нацистской Германии Гитлера» [18]. «В концентрационных лагерях коммунисты уничтожались под предлогом попытки к бегству» [19]. Тагор характеризовал провозглашение нацистами «окончания безработицы» как пример одурачивания нацистами немецких граждан: давая женщинам денежные пособия за то, что они сидели дома, нацисты экономили громадные деньги на зарплатах. Целью политики нацистского государства, по определению Тагора, было «возвращение женщин в то место, которое им надлежит занимать, – в их дома» [20].

Эти две точки зрения отражают противоположные взгляды и наличие различных политических тенденций внутри группы индийских эмигрантов, тесно сотрудничавших с немецким правительством в попытке сломить Британскую империю во время Первой мировой войны [21]. Главными участниками этого сопротивления были индийцы, сочувствовавшие коммунизму, – такие как Вивендранат Чаттопадхьей «Чатто» и Вилли Мюнценберг, входившие в число организаторов «Конференции угнетённых наций и народов» в 1927 г. в Брюсселе. (Это историческое для Индии событие нашло своё отражение в литературе и исторических исследованиях [22]). Благодаря дружеским связям с Джавахарларом Неру, Чатто основал в Берлине Индийское информационное бюро, которое частично финансировалось партией Индийский национальный конгресс. Руководимое главным образом зятем Чатто Намбиаром и любовницей Намбиара Евой Гайсслер, работавшей машинисткой в берлинском отделении Германской компартии (КПГ), бюро, по всей видимости, было создано для поддержки индийских студентов, обучавшихся в Германии. Фактически же бюро было местом политической вербовки индийцев в Германии, связанное с антифашистской политической сетью в Берлине [23].

Кроме этого, в индийских эмигрантских кругах существовали и правые группировки. Попытки нацистов привлечь индийцев и других «восточных людей» к делу поддержки их режима малоисследованны. Однако известно, что уже в 1923 г. «баварский экстремистский лидер Гитлер», по информации британской разведки, намеревался мобилизовать силы на поддержку различных «инакомыслящих интеллектуалов» из Турции, Египта и Индии [24]. Хотя эти ранние попытки были не совсем удачными (так, итальянским фашистам удалось завербовать гораздо больше индийцев), позднее как идеологические, так и организационные связи между индийцами и нацистами все же были сформированы.

В 1928 г. был создан Индийский институт Немецкой академии наук: головная организация была создана в 1925 г. и стала предшественницей современного Института Гёте. Вначале это был филиал Немецкой академии, главной задачей которого было обучение немецкому языку [25]. Основателями Индийского института были доктор Карл Хаусхофер – специалист в области «геополитики» и один из популяризаторов популярной среди национал-социалистов теории «жизненного пространства» (*Lebensraum*) – и бенгальский националист Тарак Нат Дас [26]. Тарак Нат Дас и Беной Кумар Саркар входили в состав Национального совета по образованию в Бенгалии, члены которого считали, что в учебном плане *Свадешии* не должны доминировать колониальные модели образования и аккультурации, которые, по их мнению, привносили в образование идеологию колониального доминирования. Дас эмигрировал в США как «жертва британского правосудия» по причине его связей с движением *Свадешии*. В Америке он занимался организацией рабочих мест для индийских эмигрантов в США и Канаде и принял участие в создании печально известной партии Гадар (*Ghadar Party*), которая во время Первой мировой войны занималась мобилизацией индийской рабочей силы с целью послать отряды эмигрантов в Индию для организации там повстанческого движения [27]. Ещё в 1913 г. Дас получил американское гражданство, а в годы войны стал членом Комитета по борьбе за независимость Индии, действовавшим в Германии. Дас долгие годы провёл в фашистской Италии, а затем окончательно туда переехал [28].

В 1929–1938 гг. Индийский институт Немецкой академии предоставлял стипендии примерно 100 индийским студентам. С 1937 г. им руководил индолог, член СС профессор Вальтер Вюст [29], сменивший на этом посту доктора Франца Тиерфельдера, также преданного нациста, подписывавшего свои письма словами «с немецким приветом

и “Хайль Гитлер”» [30]. Институт начал также активно вести прогерманскую пропаганду, а в период нацистского правления вошел в состав зарубежных организаций НСДАП и принимал участие в создании нацистских ячеек в различных фирмах Калькутты, находившихся под контролем Германии. Институт также финансировал германских преподавателей, обучавших немецкому языку студентов, желавших поехать в Германию. Хорст Поле, преподававший немецкий язык в университете Калькутты, был нацистским агентом и находился в тесном контакте с организацией *Ариа Самадж*, члены которой рассматривались как «желанные студенты» для Института Индии, базировавшегося в Мюнхене [31]. Среди других студентов, имевших тесные связи с Институтом, были указанные выше Беной Кумар Саркар, впоследствии убежденный сторонник национал-социалистов, и Ашок Босе – племянник Субхаса Чандра Босе – будущего коллаборациониста, сотрудничавшего с нацистами [32].

В 1933 г. Индийское информационное бюро левого толка, признанное ИНК и представлявшее интересы Индии в Германии, было в прямом смысле слова разбито нацистами: помещение этой организации на Фридрихштрассе, 24 в Берлине было разгромлено, из него были изъяты документы и вывезено оборудование. Гестапо арестовало Намбиара, избитого членами «гитлерюгенд». Впоследствии его освободили благодаря вмешательству Субхаса Чандры Босе в Вене, который весьма высоко котиrowался людьми, имевшими контакты с нацистами. Нацисты выплатили Намбиару компенсацию в размере 2 тыс. марок, и он согласился подать жалобу, но не на гестапо, а на членов «гитлерюгенд» [33]. После этого он вступил в связь с Евой Гейсслер, в то время занимавшей пост секретаря в Индийском информационном бюро в Праге. Намбиар находился в Праге в качестве корреспондента принадлежавшей Неру газеты «Нэшнл геральд», которая была создана в том же году. Сам Неру посетил Прагу примерно в то время, когда по Мюнхенскому пакту 1938 г. Франция и Британия отдали Чехословакию гитлеровской Германии [34].

Германию вскоре начали покидать левые (индийские и неиндийские) политические активисты, бежавшие в другие страны. Саумьендранат Тагор после тюремного заключения по обвинению в его возможном участии в покушении на Гитлера (впоследствии он заявил, что у него не было подобных намерений, но при малейшей возможности он бы это сделал) уехал в Париж вместе с немцами, бежавшими от нацистского режима, и вступил в Антифашистскую лигу Анри Барбюсса и в Народный фронт [35]. Вирендранат Чаттопадхьяй эмигрировал

в СССР и пропал без вести во время сталинских репрессий в 1937 г. [36].

Представители правого политического крыла Тарак Нат Дас и Беной Кумар Саркар продолжали сотрудничать с расширившимся кругом нацистов, главным образом, в кругах Немецкой академии [37]. Индийские студенты в течение 1930-х гг. продолжали обучение в немецких университетах и политехнических институтах и в большей или меньшей степени были воодушевлены фашизмом. Многие из них продолжали спонсировать и поддерживать Индийский институт Немецкой академии наук [38]. Хотя и не все индийские студенты полностью вдохновлялись немецким нацизмом, но все же некоторые вернулись в индийские университеты, традиционно поддерживавшие национал-социалистов; в их число входил и университет Калькутты, в котором Беной Кумар Саркар был вдохновителем и лидером «Немецкого клуба» [39]. В Алигаре преподаватель немецкого языка доктор Спайс, начиная с 1935 г., руководил университетской нацистской ячейкой вместе с профессором Аб-дуром Саттаром Кери, который ранее, во время Первой мировой войны, был официально связан с берлинским Индийским комитетом. В 1937 г. Кери возглавил марш «коричневых рубашек» в своём университете в честь дня рождения Гитлера [40]. В дальнейшем немецкая жена Кери руководила публикацией и распространением нацистского журнала «Спирит оф зе Тайм» («Дух времени») – английской версией немецкого журнала «Гайстдер Цайт», являвшегося официальным нацистским журналом за рубежом [41].

Увлечение некоторых ортодоксальных мусульман фашизмом – тема, которая требует дальнейшего изучения, поскольку это явление невозможно объяснить только с помощью концепта «арийцы». Примером могут служить братья Кери – Абдур Саттар Кери и Абдул Джабар Кери. Ранее они назывались «беirutскими братьями», были воспитателями бойскаутов в Ливане, преподавателями языка в Стамбуле, пан-исламистами в Берлине, посещали Советский Союз, а возвратившись в Индию, пропагандировали национал-социализм [42]. Братья обращались с прошением о разрешении вернуться в Индию задолго до того, как им было позволено это сделать. Их доводы заключались в том, что у них как у верующих мусульман не было выбора, кроме как бороться с Британской империей во время Первой мировой войны, поскольку британцы вели войну с Халифатом [43].

Во время углубления кризиса 1938 г. находившийся в Европе Джавахарлал Неру написал в своей газете «Нэшнл геральд» о «покорении Мюнхена» Гитлером, что повлекло за собой завоевание Че-

хословакии нацистской Германией. Хорст Поле, нацистский профессор, назначенный и оплачиваемый Немецкой академией, писал высшему начальству в Мюнхене о том, что вояж Неру по Европе и его журналистские расследования наносили вред нацистам в Индии: именно благодаря убедительным публикациям Неру большая степень доверия к фашизму в Индии была утрачена [44].

Когда в том же году Неру остановился в Мюнхене, в докладах британской разведки было сказано, что его антифашистские взгляды являются достаточной причиной, по которой ему можно полностью доверять [45]. Также Неру пытался привлечь еврейских инженеров для работы в Индии, где их навыки были бы востребованы. Он считал, что это будет способствовать преодолению гуманитарной катастрофы, которую он предвидел, поскольку евреи на его глазах лишались прав в Германии и Австрии [46]. В 1938 г. президент Индийского национального конгресса Субас Чандра Босе настойчиво рекомендовал Неру не вмешиваться в «еврейские дела», которые, по мнению Босе, не имели никакого отношения к Индии. Это, как впоследствии отмечал Неру в своей частной переписке с Босе, стало камнем преткновения в отношениях между бывшими друзьями и соратниками: «Ты должен помнить о том, что совсем недавно в Германии прошли ужасные, потрясшие весь мир еврейские погромы. Я считаю, что мы должны выразить своё отношение к этому. Ты пишешь, что “был очень удивлён, когда я издал резолюцию, призывающую сделать Индию убежищем для евреев”» [47]. В результате Неру удалось обеспечить нескольких евреев работой в Индии [48].

Когда в августе 1939 г. был подписан советско-германский пакт, разрушивший последнюю надежду «на коллективную безопасность» в борьбе против нацистской угрозы, начало войны стало просто вопросом времени. По многим причинам сентябрь 1939 г. стал периодом разочарования для индийцев, которые с интересом наблюдали за происходившими в мире событиями. После двух лет войны Субас Чандра Босе бежал из Индии в нацистский Берлин, где воссоединился со своей семьёй и друзьями, с которыми познакомился в Вене [49]. Это самый известный эпизод из истории отношений между Индией и Германией в тот период. Следует отметить, что, несмотря на то, что Босе охотно сотрудничал с нацистами, он был не полностью уверен в искренности их намерений предоставить Индии независимость [50].

Ещё одним индийцем, неожиданно вернувшимся в Берлин, был Намбиар, завербованный нацистами в оккупированной Франции; ему было

предписано вернуться в Берлин, где он стал правой рукой Субаса Босе, который попытался добиться от нацистского руководства гарантий независимости Индии. Когда Босе покинул Германию и перебрался в Японию, Намбиар стал в Германии лидером Индийского легиона и ранее возглавлявшегося Босе Центра освобождения Индии, в который он вступил в январе 1942 г. После войны Намбиар был арестован за сотрудничество с немцами, в 1946 г. бежал в Швейцарию, а временное правительство Неру выдало ему паспорт, что вызвало большое недовольство со стороны британцев (хотя ранее они также намеревались завербовать его как шпиона, который действовал бы в послевоенной Европе, учитывая его опыт пребывания в нацистской Германии и возможного «доступа» в СССР «на правах» бывшего коммуниста) [51]. В 1951 г. Намбиар вернулся в Германию как первый посол Индии в ФРГ [52].

Приведённые выше факты свидетельствуют о широко распространённой и развитой организационной инфраструктуре и устойчивых связях Индии с нацистскими организациями и идеологами фашизма; эти факты свидетельствуют о том, что индийские и прочие неевропейские коллаборационисты, сотрудничавшие с нацистами, не осознавали того, что они делают [53]. Но вместе с тем нельзя сказать, что в Индии ничего не знали о фашизме, поскольку большая информация шла как от индийских эмигрантов в Италии и Германии, придерживавшихся и профашистских, и антифашистских взглядов, так и от отдельных индийцев, перемещавшихся по Европе [54].

Народ (Фольк) и цивилизация

Представители одного из направлений в исследовании по Индии отстаивали идею духовного ядра «индийской цивилизации», подчеркивая её антииндивидуализм и наличие в ней народных элементов (*фёлькишэлементс*) и в то же время не считая индийскую цивилизацию исключительно «внеземной» и духовной [55]. Обновление и усиление подверженной распаду «нации» необходимо осуществлять с помощью «народного элемента»: эта идея осознавалась и активно продвигалась в Индии. Такой же влиятельной была и идея нации, включавшая в себя милитаристское представление о массовой мобилизации в период до и после Первой мировой войны [56]. Этот миф о военной доблести появился в результате эмоциональной реакции индийцев на оскорбления со стороны Британии, которая говорила о слабости и *женеподобии* индийцев, в частности, бенгальцев [57]. Примером может служить Субас Чандра Босе: возглавляя бенгальских добровольцев во время Конгресса в Калькутте в 1928 г., он для до-

казательства своей «гипермужественности» сел верхом на коня и облачился в униформу, обувь и прочие атрибуты Муссолини [58].

Более продолжительный интерес к возрождению «*арья-дхармы*», или индийской расы, был связан с европейским теософским пониманием арийской расы как наиболее развитой среди всех исторически великих рас [59]. *Арианизм* теософов вызывал интерес у нацистов и играл важную роль в ранних нацистских организациях в Германии и Австрии [60].

Стремление Беной Саркара к возвращению к аутентичности можно сравнить с иным подходом к тому же вопросу, который продемонстрировал Ганди в своей работе «*Hind Swaraj*» [61]. Эти взгляды давно имели место в традиции колониального мышления индийцев, и они заслуживают внимания. Саркар в своих работах был более оригинален, он считал, что Индия может обеспечить и уже обеспечила мир ценными интеллектуальными продуктами. В качестве доказательства он заявил, что Ницше, чью идею «*стремления к власти*» он высоко ценил, черпал свою философию из «*ману-смрити*», а политические взгляды – из *Артхашастра* [62].

«*Народному элементу Индии всех времён*» – так звучит посвящение в его книге «Народный элемент в индуистской культуре всех времён» [63]. «Реконструируя историю Индии, современная наука должна учитывать то влияние, которое массы оказали на развитие цивилизации в стране», – прагматически заявляет Беной Саркар [64]. Для понимания этого *народного элемента необходимо осознать его «за-рождение в недрах народной гущи»* [65]. Предваряя основной текст книги, он выделяет несколько основополагающих пунктов:

1. Массы и народ внесли в индуистскую культуру вклад не меньший, чем знать и высший класс.
2. Светские, материальные и общественные интересы в сравнении с мировыми и духовными идеалами имели значительное влияние на становление образа жизни индийцев и их философию.
3. Кастовая система никогда не являлась дезинтегрирующим фактором в общинном образе жизни индийцев и является для Индии новым институтом.
4. Индуизм является эклектической и постоянно расширяющейся социально-религиозной системой, построенной на основании ассимиляции разнообразных этнических, природных и духовных сил в течение *сменяющихся* эпох индийской истории.
5. Всегда имела место попытка управления народной культурой, народной верой, поклонением перед личностями и народными праздниками,

для чего использовались концепции божественности человека и мимолётности (*Transitoriness*) этого мира. Фольклор индусов является не более чем адаптацией их метафизической культуры к инстинктам и способностям простого гражданина/человека с улицы» [66].

С точки зрения культуры, по мысли Саркара, просматривается преемственность с азиатскими народными формами религии [67]. Этот взгляд – следствие аргументов о «Великой Индии», представленных рядом коллег Саркара [68]. Исходя из наличия в Юго-Восточной Азии индуистских и буддистских памятников, эти исследователи считали, что понятие «*Великая Индия*» в контексте культурной и экономической экспансии могло быть прослежено в истории и этих стран [69].

Возможно, хотя и не очевидно, что нацистский мистицизм имел «ин-дийские корни», а идеи «арийской цивилизации», или «превосходства», преодолевали барьеры между «Западом» и «Востоком», чего и следовало ожидать, поскольку народы «Запада» и «Востока» были отделены друг от друга только в риторике, но никоим образом не были изолированы друг от друга. И поскольку непосредственные связи между идеями «народности» и фашистскими идеями расплывчаты и содержат эклектический набор идеологем, сосуществующих в трудах разных ученых, использующих *Фольк* как категорию (психоанализ, биология, раса) [70], мы можем с определённой степенью уверенности сказать, что эти наборы идей были частью *фашистского репертуара*, даже если при этом они не являлись элементами *только фашистского репертуара* [71].

Евгеника и национальная организация Индии

Известно, что евгеника имела место далеко не только в нацистской/фашистской идеологии и политике. Есть примеры того, что отдельные ее элементы использовались во вполне «респектабельных» странах (например, в Швеции при правлении социал-демократов до 1970 г.). Евгеника рисует национальное государство как физическое единство, составленное из морально и физически здоровых граждан, а сама нация представляет собой большое «тело», составленное из граждан, которые от природы являются его частью.

В Индии в 1938 г. Подкомитет по образованию Национального комитета по планированию предложил ввести *обязательную общественную или трудовую повинность* с целью обязать юношей и девушек в возрасте от 18 до 22 лет посвятить год «службе государству». Более того, было предложено установить стандарты необходимой физической формы для молодых людей Индии [72]. Подкоми-

тет по населению, говоря о необходимости ввести контроль над рождаемостью, предлагал снять запреты на смешанные браки в соответствии с требованиями евгеники [73]. Подкомитет Национального комитета по планированию в постановлении «О роли женщины в плановой экономике» вынес следующую резолюцию: «Государственная программа здравоохранения должна быть направлена на преодоление серьёзных заболеваний, особенно таких, которые передаются при непосредственном общении или вследствие браков. Государство должно выполнять программу по евгенике для того чтобы сделать расу физически и морально здоровой. Это предотвратит браки между неполноценными представителями общества и обеспечит стерилизацию людей, страдающих от серьёзных и передающихся по наследству заболеваний, таких как эпилепсия или умопомешательство» [74].

Данная задача была вынесена на суд общества как необходимая и в социальном плане, и для поддержания «национального единства»; одновременно с этим просвещённой элите была уготована роль «руководителя нации» [75].

В течение длительного времени общественные дебаты в Индии, особенно те, которые фокусировались вокруг идеологии национализма, выносили в центр внимания вопросы о том, как избавиться от ярлыка «отсталой нации». Для решения этой задачи предлагалось ввести различные формы образования и нормы дисциплины. Все это позднее было облечено в форму дискуссий о развитии. При этом социалисты стремились дистанцироваться от идей, которые они считали фашистскими, поскольку лозунги о национальном очищении и здоровье, дисциплине и контроле могли составлять часть в том числе и фашистских установок.

Ведь фашизм 1930-х годов имел известную привлекательность для индийцев – в той части его идеологии, где говорилось о процессе строительства нации – т.е. «обычной агрессивной форме национализма». Данная фраза принадлежит Сабасу Чандра Босе в интервью Раджани Палм Даттом* в 1938 г., в котором он повторил свои замечания о фашизме, сделанные в его книге «Борьба Индии».

Особый интерес в индийском контексте представляет работа Генри Роузбума и Седрика Довера «Евразийское сообщество и проблема евгеники» [76], в которой отстаивается идея влияния окружающей среды и смешения рас на характеристики того или иного общества. Была выдвинута идея «гибридной

* Видный деятель международного коммунистического движения, второй секретарь ком-партии Великобритании. – *Прим. ред.*

силы»: «тщательно выращенный гибрид превосходит каждого из своих родителей». Авторы выступают в защиту смешанных браков, поскольку «образование смешанных пород», по их мысли, должно было способствовать уничтожению расовых конфликтов, и видят будущий мир как состоящий из «одной композитной расы» [77].

В Индии, как и в других странах, наблюдалась сильная тенденция к использованию таких взаимозаменяемых терминов, как «раса», «нация» и «цивилизация», в частности, применительно к таким понятиям, как «индийская нация» или «индийская раса» [78]. Приверженцы теософского учения сыграли ключевую роль в возрождении индуизма в Индии и признании нацистами теории «превосходства арийцев». Более того, именно в Индии соблазн заявить о своем превосходстве на основании арийского происхождения был особенно велик, хотя далеко не все индийцы претендовали на такое «наследство» [79].

Процесс государственного строительства и дисциплина нации

Главными для политического класса Индии стали аргументы сторонников развития («*девелопментистов*», от англ. *development* – развитие. – *Прим. перев.*) в пользу дисциплины и государственного планирования. При этом широко дебатировались идеи о важности науки и техники, об обязанности правительства проявлять заботу о социальных нуждах населения, о необходимости «национальной дисциплины» как основе «морального единства нации». И венчала эти дискуссии идея о том, что путь национального развития должен быть исключительно «автохтонно индийским», а не заимствованным из-за границы [80].

Тема дисциплины и государственного планирования, несомненно, обязана своим возникновением фашизму (это был отголосок *про-* или *протофашистских* идей в индийском обществе). В 1931 г. индийский инженер-технократ сэр М. Висвесварая подчеркивал необходимость «улучшения производительности труда крестьянина с помощью системы «домашней дисциплины, способствующей совершенствованию тела, ума и характера крестьянина и его образования» [81]. Он выступал за «воспитание граждан», подчеркивая, что «Индия заселена людьми, находящимися на разных уровнях цивилизации – от примитивной до наиболее продвинутой» [82]. Особое значение он придавал экономическому прогрессу, который привел бы к прогрессу всей нации и включал бы в себя «политические, социальные и экономические перемены» [83]. Население же «нуждается в воспитании для тесного сотрудничества с соседями» [84].

К 1934 г. риторика Висвесварая стала более авторитарной: он стремился внедрить «национальную дисциплину» в «повседневную жизнь индийского населения». При этом он цитировал Рузвельта, заявлявшего о необходимости для народа действовать «как хорошо обученная и преданная государству армия, готовая к самопожертвованию» [85]. Цитируя манифест итальянских фашистов, он приводил в пример создание в Италии «институтов свободного времени», которые «позволят трудящимся эффективно отдыхать и повышать свой интеллектуальный, моральный, физический и социальный статус в соответствии с политикой, направленной на сохранение национальных ценностей» [86]. Он отмечал: «Недостаток населения Индии – в слабости его коллективной воли... В таких странах, как Германия и Япония, и в целом во многих европейских государствах правительства предпринимают решительные меры, направленные на обеспечение физической и экономической эффективности своих граждан...» [87].

Заключение

О фашизме в Индии мало что известно. Тем не менее, важно рассматривать фашизм как явление, которое было более широко распространено за пределами Европы, как в период между войнами, так и в послевоенное время. Следует отметить, что в большинстве исследований, посвященных «глобальному фашизму за пределами Европы», по не совсем понятным причинам Европа всё ещё рассматривается как естественная родина фашизма [88].

Исследуя наличие *узнаваемо* фашистских идей в Индии в «классический» фашистский период между двумя мировыми войнами и после Второй мировой войны, мы предлагаем оспорить существующее в историографии предположение о том, что фашизм был и мог быть только европейским явлением. Также необходимо внести коррективы в утверждение, согласно которому фашизм существовал *только в правом Хинду*, при этом не рассматривая фашизм в Индии в целом. В Индии имели место профашистские настроения, тенденции, группировки, индийцы участвовали в фашистских организациях. Были популярны идеи национализма, «очищения нации», которые при определенных условиях могли сближаться с элементами фашизма.

Примечания:

1. Интервью с Ганешем Багчи, 9th May 2006, London.
2. *Nehru, J. An Autobiography.* – London, 1936. – P. 31.
3. Более обширную информацию по этому вопросу см. в: *Zachariah, B. A Voluntary Gleichschaltung? Perspectives from India towards a non-Eurocentric*

- understanding of fascism // *Transcultural Studies*. – 2014. – Dec. – P. 63-100; *Idem*. Rethinking (the Absence of) Fascism in India, c. 1922–1945 // *Cosmopolitan Thought Zones: South Asia and the Global Circulation of Ideas* / Ed. by S. Bose and K. Manjapra. – New York, 2010. – P. 178-209. Теоретические проблемы, затронутые в этой статье, более подробно освещены в работе *Zachariah, B.* The theoretical issues raised in this essay are dealt with in more detail // *Idem*. A Voluntary Gleichschaltung? ... См. также: *Zachariah, B.* At the Fuzzy Edges of Fascism: Framing the Volk in India // *Völkisch and fascist movements in South Asia* / South Asia. – 2015. – Dec. – P. 639-655; и *Idem*. Global Fascisms and the Volk: The Framing of Narratives and the Crossing of Lines // *Völkisch and Fascist movements in South Asia* / South Asia. – 2015. – Dec. – P. 608-612.
4. См., напр.: *Sarkar, S.* The Fascism of the Sangh Parivar // *Economic and Political Weekly*. – 1993. – Vol. 28, No. 5. – P. 163-167; *Casolari, M.* Hindutva's Foreign Tie-Up in the 1930s. Archival Evidence // *Economic & Political Weekly*. – 2002. – Vol. 22. – P. 218-228; *Delfs, T.* Hindu-Nationalismus und europäischer Faschismus: Vergleich, Transfer- und Beziehungsgeschichte. – Hamburg, 2008 и *Fascism: Essays on Europe and India* / Ed. by J. Banaji. – Delhi, 2013.
5. На этом фоне выделяется работа: *Banaji, J.* Trajectories of fascism: extreme right movements in India and elsewhere // *Fascism: Essays on Europe and India* ... – P. 215-230. См. также: *Simeon, D.* The law of killing: a brief history of Indian fascism // *Ibid.* – P. 153-214; *Jaffrelot, C.* The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics 1925 to the 1990s. Strategies of Identity-Building, Implantation and Mobilisation. – London, 1996 и *Anderson, W.; Damle, S.* Brotherhood in Saffron: The RSS and Hindu Revivalism. – Boulder, 1987, обходит вопрос о фашизме; см. также: *Prayer, M.* Self, Other and *alter idem*: Bengali Internationalism and Fascist Italy in the 1920s and 30s // *Calcutta Historical Journal*. – 2006. – Vol. 26, No. 1. – P. 1-32; *Framke, M.* Delhi-Rom-Berlin: die indische Wahrnehmung von Faschismus und Nationalsozialismus 1922–1939. – Darmstadt, 2013; *Voigt, J.* Indien im Zweiten Weltkrieg. – Stuttgart, 1978; *Hauner, M.* India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. – Stuttgart, 1981; *Hayes, R.* Subhas Chandra Bose in Nazi Germany: Politics, Intelligence, and Propaganda 1941–43. – New York, 2011; *Kuhlmann, J.* Subhas Chandra Bose und die Indienpolitik der Achsenmächte. – Berlin, 2003; *Zöllner, H.-B.* Der Feind meines Feindes ist mein Freund. Subhas Chandra Bose und das zeitgenössische Deutschland unter dem Nationalsozialismus. 1933–1943. – Münster, 2000.
6. См.: *Fascism* / Ed. by R. Griffin. – Oxford, 1995, во вступлении на стр. 1–12 автор выделяет 10 основных элементов фашизма и возможность определения «фашистского минимума» в контексте «общего мифического ядра» в подтверждение своих собственных доводов в книге *Griffin, R.* The Nature of Fascism. – London, 1991. см. также: *Eatwell, R.* Fascism: A History. – 1995; repr., London, 1996.
7. По этому вопросу см.: *Bach, M.; Breuer, S.* Faschismus als Bewegung und Regime: Italien und Deutschland im Vergleich. – Wiesbaden, 2010.
8. См., например: *Kershaw, I.* Hitler and the Uniqueness of Nazism // *Journal of Contemporary History*. – 2004. – Vol. 39, No. 2. – P. 239-254.
9. Термин «добровольный глянцхальтунг» принадлежит мне, однако в литературе, посвященной сходству итальянского фашизма с немецким нацизмом после начала образования Оси (особенно в проявлениях антисемитизма), этот термин может быть уместен. См., напр.: *Ledeer, M.A.* The Evolution of Italian Fascist Antisemitism // *Jewish Social Studies*. – 1975. – Vol. 37, No. 1. – P. 3-17.
10. О двух подходах к вопросу о факторе «фёлькише» в Германии см.: *Puschner, U.* Die Völkische Bewegung im wilhelminischen Deutschland. Sprache-Rasse-Religion. – Darmstadt, 2001 и *Breuer, S.* Die Völkischen in Deutschland. Kaiserreich und Weimarer Republik. – Darmstadt, 2008.
11. Я использую термин «фашистский репертуар» в значении, которое Федерико Финчельштейн использовал во фразе «фашистский каталог идей»: *Finchelstein, F.* Transatlantic Fascism: Ideology, Violence, and the Sacred in Argentina and Italy, 1919–1945. – Durham, 2010. – P. 6. См. мою рецензию на книгу Финчельштейна в журнале *Social History*. – 2011. – Vol. 36, No. 2. – P. 215-216.
12. *Sarkar, B.K.* The Hitler State: a Landmark in the Political, Economic and Social Remaking of the German People. – Calcutta, 1933. – P. 13.
13. *Ibid.* – P. 4.
14. *Ibid.* – P. 13.
15. *Ibid.* – P. 31.
16. *Ibidem*.
17. *Tagore, S.* Hitlerism: the Aryan Rule in Germany. – Calcutta, 1934. – P. 42-43.
18. *Ibid.* – P. 18.
19. *Ibid.* – P. 21.
20. *Ibid.* – P. 26.
21. Об истории и предыстории этого эпизода см.: *Barooah, N.K.* India and the Official Germany 1886–1914. – Frankfurt, 1977; *Idem*. Chatto: The Life and Times of an Indian Anti-Imperialist in Europe. – Delhi, 2004; *Sareen, T.R.* Indian Revolutionary Movement Abroad (1905–1920). – Delhi, 1979 и, вероятно, наиболее системный труд, основанный на немецких архивах: *Oesterheld, F.* “Der Feind meines Feindes”: Zur Tätigkeit des Indian Independence Committee (IIC) während des Ersten Weltkrieges in Berlin: *Magister thesis*. – Humboldt University, Berlin, 2004. В подходах к этой проблеме в вышеуказанных исследованиях идеологии принадлежит второстепенная роль.

22. Barooah, N.K. Op. cit.; Sareen, T.R. Op. cit.; Bose, A.C. Indian Revolutionaries Abroad 1905–1922 in the Background of International Developments. – Patna, 1971; Manjappa, K.K. The Mirrored World: Cosmopolitan Encounter between Indian Anti-Colonial Intellectuals and German Radicals, 1905–1939: PhD diss. – Harvard University, 2009; Ali, S.M. Chacha Kahini (in Bengali). – 1952; repr., Calcutta, 1417 b.s. 2010. Также см.: Zachariah, B. Indian Political Activities in Germany, 1914–1945 // Transcultural Encounters between Germany and India: Kindred Spirits in the Nineteenth and Twentieth Centuries / Eds. by J.M. Cho, E. Kurlander, and D.T. McGetchin. – New York, 2014. – P. 141–154.
23. All-India Congress Committee (AICC) Files, Nehru Memorial Library (NML), New Delhi: FD 20 (KW 1), 1929; FD 20 (ii), 1929.
24. India Office Records, British Library, London [IOR]: L/PJ/ 12/102, 1923, f. 2.
25. Bundesarchiv, Berlin: R51/1–16 & 144.
26. Информацию по истории Института можно найти на его официальном сайте: *Indien-Institut V. München*, accessed April 20, 2013, URL, <http://www.indien-institut.de/en/chronicle>. Следует обратить внимание на то, что в этом источнике ничего не говорится о периоде между 1932 и 1946 гг.
27. Самым лучшим историческим исследованием на эту тему следует считать Puri, K. Ghadar Movement: Ideology, Organisation and Strategy. – Amritsar, 1983.
28. IOR: L/PJ/12/166
29. См.: Sailer, A. Der Indologe Walther Wüst und das NS-Regime, 1933–1945: Masters thesis. – Humboldt University, Berlin, 2008.
30. Bundesarchiv, Berlin, R51/16, R51/8. Тьерфильду принадлежит написанный в 1945 г. документ, в котором говорится о том, что Немецкая академия не являлась нацистским учреждением, что подтверждается участием в этой организации Тарака Нат Даса. Обвинения в нацистских тенденциях автор предъявляет Вусту. См.: Bundesarchiv, Berlin, R51/8, ff. 0203054–0203067, written in 1945. Тьерфильд вместе с Тараком Нат Дасом возглавил Институт в 1946 г. (<http://www.indien-institut.de/en/chronicle>).
31. IOR: Indian Political Intelligence (IPI) file L/PJ/12/505, ff. 80–81. From printed report: “Strictly Secret: An Examination of the Activities of the Auslands Organization of the National Socialistische Deutsche Arbeiter Partei [sic], Part II: In India”.
32. В материалах, посвященных Институту Индии, изданных по случаю его 75-ой годовщины в 2003 г., не упомянуты Ашок Босе и Беной Кумар Саркар. В более ранней версии веб-сайта их имена упоминались. Accessed: May 20, 2010, <http://www.indien-institut.de>. В исследовании Леонарда Гордона: Gordon, L. Brothers Against the Raj: a Biography of Indian Nationalists Saratand Subhas Chandra Bose. – New York, 1990. – P. 256–257, упоминается о присутствии Ашока Босе в Мюнхене после 1931 г. в качестве студента прикладной химии. Беной Саркар регулярно печатался в журнале Карла Хаусхофера “Geopolitik”.
33. IOR: L/PJ/12/73
34. IOR: L/PJ/12/74
35. Intelligence Bureau file on Soumendranath Tagore, IB Sl. No. 106/26, File No. 166/26 HS Folder Part II, West Bengal State Archives [WBSA], Calcutta.
36. Horst Krüger papers, Zentrum Moderner Orient [ZMO], Berlin, Box 68, No. 457,1.
37. “Akademie zur wissenschaftliche Erforschung und zur Pflege des Deutschtums.” Bundesarchiv, Berlin, R51/1, rules of the association, 1925, end of file, no page numbers.
38. Bundesarchiv, Berlin, R51/16. Информация об этих студентах достаточно скудная, поэтому не ясно, была ли эта информация потеряна в результате войны или её уничтожили умышленно.
39. Maharashtra State Archives, Bombay (MSA), Home Department (Special), files 830A, 1939 and 830(i), 1939. См. также: D’Souza, E. Nazi Propaganda in India // Social Scientist. – 2000. – Vol. 28, No. 5/6. – P. 77–90, публикация, основанная на двух вышеупомянутых документах, но без упоминания ссылки на них.
40. National Archives of India, New Delhi [NAI]: Home Department, Government of India, File No. 21/65/39 Poll. (Int.). “Consideration of steps to be taken to combat Nazi activity in the Aligarh University,” 1–7. Copy in Jawaharlal Nehru University (JNU), Archives on Contemporary History (ACH), PC Joshi Archive, File 11–1939.
41. NAI: Home Department, Government of India, File No. 21/65/39 Poll. (Int.). “Consideration of steps to be taken to combat Nazi activity in the Aligarh University,” 1–7. Copy in Jawaharlal Nehru University (JNU), Archives on Contemporary History (ACH), PC Joshi Archive, File 11–1939.
42. Siddiqui, M.H. Bluff, Doubt and Fear: The Kheiri Brothers and the Colonial State 1904–45 // Indian Economic and Social History Review. – 1987. – Vol. 24, No. 3. – P. 233–263.
43. NAI: Home (Political), file 30/5/30, copy in JNU, ACH, PC Joshi Archive, File 74/1930: “Question of the grant of an assurance of immunity from prosecution to Abdul JabbarKheiri in the event of his return to India”.
44. Bundesarchiv, Berlin, R51/144, Horst Pohle’s report from Calcutta, 1938.
45. Report dated August 29, 1938, IOR: L/PJ/12/293, f. 136.
46. All India Congress Committee [AICC] Papers, NML, File No. 12/1938 and File No. FD 42/1938.
47. Jawaharlal Nehru Papers [JNP], NML, Vol. IX, ff. 193–197 (ff. 291–223), Jawaharlal Nehru to Subhas Chandra Bose, Allahabad, April 3, 1939: quote from f. 195 (f. 221). Вероятно, Неру имеет в виду погромы «хрустальной ночи» конца 1938 г.

48. *Zachariah, B.* Nehru. – London, 2004. – P. 97.
49. *Gordon, L.* Op. cit. – P. 441-490.
50. IOR: L/PJ/12/73
51. *Decipher* of D.I.B. [Director, Intelligence Bureau] private telegram No. 347, sent 11.12.45, received 12.12.45, in recently released file (2014), National Archives (UK), KV-2 3904, 41.
52. IOR: L/PJ/12/74
53. Современный биограф Субхаса Чандры Босе – один из его родственников, который надеялся сделать политическую карьеру, описывая Босе как националиста, при этом он либо сознательно скрывал имевшиеся у него материалы, либо просто не удосужился в них заглянуть, в его материале содержится информации не меньше, чем в моих работах: *Bose, S.* His Majesty's Opponent: Subhas Chandra Bose and India's Struggle against Empire. – Cambridge, MA, 2011. См. также мою рецензию на эту книгу в *American Historical Review*. – 2012. – Apr. – P. 509-510.
54. Ibid. – P. vii.
55. По этому вопросу см.: *Sarkar, B.K.* The Futurism of Young Asia. – Berlin, 1922, особенно главный очерк: 'The Futurism of Young Asia'. – P. 1-22.
56. Ibid. – P. x.
57. *Sinha, M.* Colonial Masculinity: the 'Manly Englishman' and the 'Effeminate Bengali' in the Late Nineteenth Century. – Manchester, 1995; *Rosselli, Jh.* The Self-Image of Effemiteness: Physical Education and Nationalism in Nineteenth-Century Bengal // *Past & Present*. – 1980. – No. 86. – P. 121-148.
58. Имеется множество фотографий, запечатлевших этот исторический момент; сама униформа демонстрируется под стеклянным колпаком в Нетаджи Баване – бывшей резиденции Субхаса Босе на Элгин роуд в Калькутте; сейчас это музей.
59. Более широкую аргументацию этого тезиса см. в: *Zachariah, B.* The Invention of Hinduism for National Use // *Playing the Nation Game; The Ambiguities of Nationalism in India*. – Delhi, 2011. – P. 153-204.
60. См., напр.: *Goodrick-Clarke, N.* The Occult Roots of Nazism: Secret Aryan Cults and their Influence on Nazi Ideology. – New York, 1992, *Kurlander, E.* The orientalist roots of National Socialism? Nazism, occultism, and South Asian spirituality, 1919-1945 // *Transcultural encounters between Germany and India* ... – P. 155-169.
61. *Zachariah, B.* Developing India: An Intellectual and Social History, c. 1930–1950. – Delhi, 2005. – P. 168-173.
62. *Sarkar, B.K.* The Influence of India on Western Civilisation // *Journal of Race Development*. – 1918–1919. – Vol. 9. – P. 91–104; 101–102. См. в: Columbia University, New York, April 1918.
63. *Sarkar, B.K.* The Folk-Element in Hindu Culture: A Contribution to Socio-Religious Studies in Hindu Folk-Institutions. – London, 1917. – Dedication.
64. Ibid. – P. vii.
65. Ibid. – P. ix, Саркар цитирует доклад профессора Р.Р. Марретти «Фольклор и психология», сделанный в Лондонском фольклорном обществе.
66. Ibid. – P. x.
67. Ibid. – P. xvi. Также см.: *Sarkar, B.K.* Chinese Religion Through Hindu Eyes: A Study in the Tendencies of Asiatic Mentality. – Shanghai, 1916, который он цитирует во введении *The Folk Element in Hindu Culture* ...
68. *Mookerji, R.* Indian Shipping: a history of the sea-borne trade and maritime activity of the Indians from the earliest times. – London, 1912; *Idem.* Borderlands of Economics. – London, 1925; *Sarkar, B.K.* The Folk Element in Hindu Culture ...
69. О «Великой Индии» см.: *Bayly, S.* Imagining 'Greater India': French and Indic Visions of Colonialism in the Indic Mode // *Modern Asian Studies*. – 2004. – Vol. 38, No. 3. – P. 703-744, и последняя неопубликованная работа: *Zabarskaite, J.* Greater India in Indian Scholarship and in the Public Domain. Выражаю признательность автору за предоставление мне её книги.
70. *Mukherji, R.* Borderlands of Economics ...
71. *Korom, F.* Gurusaday Dutt, Vernacular Nationalism, and the Folk Culture Revival in Colonial Bengal // *Folklore in Context* / Eds. by F. Mahmud and S. Zaman. – Dhaka, 2010. – P. 256-293; *Korom, F.* Inventing Traditions: Folklore and nationalism as Historical Process in Bengal // *Folklore and Historical Process* / Eds. by D. Rohtman-Augustin and M. Pourzqhov. – Zagreb, 1989. – P. 59-83.
72. Report: National Planning Committee. – P. 207-208.
73. Ibid. – P. 148-149.
74. Ibid. – P. 114. В это самое время Неру находился в Европе и устанавливал связи с антифашистскими и социалистическими силами, о чем постоянно писал в своих статьях в «*Нэшнл Геральд*».
75. Report: National Planning Committee. – P. 10, см. также предыдущую сноску.
76. *Roseboom, H.E.*; *Dover, C.* The Eurasian Community as a Eugenic Problem // *A Decade of Progress in Eugenics*. Scientific papers of the third International congress of eugenics, held at American museum of natural history, New York, August 21–23, 1932. – Baltimore, 1934. – P. 89, 90-93.
77. Ibid. – P. 89, 92-93; *Muller, H.J.* The dominance of Economics over Eugenics // *A Decade of Progress in Eugenics* ... – P. 138.
78. По этому вопросу см.: *Jaffrelot, C.* The Idea of the Hindu Race in the Writings of Hindu Nationalist Ideologues in the 1920s and 1930s: A Concept Between Two Cultures // *The Concept of Race in South Asia* / Ed. by P. Robb. – Delhi, 1995; *Bayly, S.* Caste and «Race» in the Colonial Ethnography of India // *Ibidem*; об антропометрии и ее использовании в колониальных странах см.: *Bates, C.* Race, Caste and Tribe in Central India: The Early Origins of Indian Anthropometry // *Ibidem*. См. также: *Watt, C.* Education for National Efficiency: Constructive Nationalism in North India,

- 1909–1916 // *Modern Asian Studies*. – 1997. – Vol. 31, No. 2.
79. *Arvindsson, S.* Aryan Idols: Indo-European Mythology as Ideology and Science. – 2004; repr. Chicago, 2006; см. также комментарии Ганди по вопросу об индуизме: *Gandhi, M.K.* An Autobiography, or The Story of My Experiments with Truth / 2 vols. – Ahmedabad, 1927 and 1929; this edn. Harmondsworth, 1982. – P. 76-77. См. также: *The Theosophical journal*, The Aryan Path.
80. См.: *Zachariah, B.* Developing India ...
81. *Visvesvaraya, M.* Rural Reconstruction in India: an Outline of a Scheme. – Bangalore City, 1931. – P. 15.
82. *Visvesvaraya, M.* Nation Building: A Five-Year Plan for the Provinces. – Bangalore City, 1937. – Chapter VI, 'Citizenship Training'. – P 38-39.
83. *Visvesvaraya, M.* District Development Scheme: Economic Progress by Forced Marches. – Bangalore City, 1939. – P. 60. В этом контексте кастовые различия, «общинность» и неприкосновенность могут быть рассмотрены через призму экономического прогресса. Эту идею Висвесварая представил в: *Reconstructing India*. – London, 1920; особенно см. P. 8, 13–15.
84. *Visvesvaraya, M.* District Development Scheme ... – P. 12.
85. Так как без дисциплины невозможно достичь прогресса и осуществить эффективное правление. *Ibidem*.
86. *Sillani, T.* What is Fascism and Why? – 1931. Цит. по: *Visvesvaraya, M.* Planned Economy ... – P. 260.
87. *Visvesvaraya, M.* Planned Economy ... – P. 203; 205, 263. Также он сформулировал набор «Правил повышения эффективности деятельности граждан» ('Rules for Citizen Efficiency') (P. 264–265).
88. Майкл Манн (*Mann, M.* *Fascists*. – Cambridge, 2004. – P. ix), рассматривая «семейное сходство» между фашизмом и «нефашизмом», предлагает их разграничивать.

УДК 329.17
ББК 66.3(0)3

АРАБЫ И ФАШИЗМ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ*

Питер Вьен,

ассоциированный профессор истории
Ближнего Востока и ассоциированный декан
исторического факультета Мэрилендского
университета в Колледж-Парке (США)
peter.wien@gmail.com

Перевод с английского А.С. Огановой

Аннотация. В статье рассматривается отношение арабов Ближнего Востока к фашизму в 1930-е годы и во время Второй мировой войны. Сторонники модели исламофашизма описывают этот период как время реализации антилиберальных склонностей значительного большинства арабов и мусульман в целом. Они считают, что в основе их симпатии к фашизму лежали авторитарные и тоталитарные структуры, присущие исламу. При более серьезном подходе проблему можно понять лишь в контексте деколонизации. Фашизм рассматривался тогда в этих странах как орудие сплочения общества, стремившегося избавиться от колониального господства. Вместе с тем профашистские тенденции в этих странах, их воплощение в платформах партий, молодежных организаций и в рамках сотрудничества с нацистской Германией и фашистской Италией составляли неотъемлемую часть феномена глобального фашизма. В рамках этой теории тоталитарные и расистские идеологические системы и формы социальной организации, ориентирующейся на дисциплинирующего народ лидера, надо понимать как проявления всемирного тренда, сравнимого с идеологией марксизма или капитализма. Примеры Индии и Латинской Америки дают материал для сравнения. Ни один из двух подходов не подтверждает тезис об арабской «исключительности» в принятии фашизма. Отношение к фашизму в арабском мире и в мусульманских обществах в целом серьезно не отличалось от других колониальных обществ.

Ключевые слова: международный фашизм, стандартный фашизм, арабский мир, деколонизация.

ARABS AND FASCISM: EMPIRICAL AND THEORETICAL PERSPECTIVES

Peter Wien, Associate Professor for Modern
Middle Eastern History, Associate Chair,
Department of History, University of Maryland in College Park,
United States of America

Abstract. The article establishes an interpretive framework for Arab responses to fascism during the 1930s and Second World War. Promoters of the Islamofascism paradigm refer to this period as simply a manifestation of the allegedly illiberal inclinations of a vast majority of Arabs and Muslims. They present Arab expressions of sympathy for fascism as conditioned by alleged authoritarian or totalitarian structures inherent in the Islamic religion. In a more nuanced interpretation, Arab reactions to fascism form a phenomenon that can only be understood in the local and chronological contexts of decolonization, in which fascism was a model and reference as a tool of social disciplining with the ultimate goal of getting rid of colonial control. According to this framework, totalitarian references in political discourse were a means to an end that was widespread at the time. Other, equally nuanced interpretations see pro-fascist trends in Middle Eastern states – as they became manifest

* Статья впервые опубликована на английском языке в журнале Die Welt des Islams. – 2012. – Jg. 52. – S. 331-350.

in party platforms, uniformed youth organizations, or collaboration schemes with Nazi Germany and Fascist Italy – as manifestations of global fascism as a «type». According to this reading, totalitarian and racial ideological systems and leader- and discipline oriented forms of social organization have to be understood as representations of a worldwide trend comparable to Marxist or Capitalist ideology. Examples from India and Latin America provide a comparative framework for this. Neither of the two latter approaches subscribes to a thesis of an Arab «Sonderweg» in the adoption of fascism. Reactions in the Arab world in particular and in Muslim societies in general did not differ substantially from those in other colonial societies.

Key words: international fascism, generic fascism, Arab world, decolonization.

В статье приведены данные эмпирических исследований профашистских тенденций в странах Ближнего Востока, преимущественно до 1945 г., и предпринята попытка определить место фашизма в арабском мире и в более широком контексте – в рамках *международного или стандартного фашизма* неевропейских обществ. Эта последняя часть статьи носит сравнительный и теоретический характер, но остается несколько эклектичной из-за сравнительно небольшого формата.

Рассуждать на эту тему непросто на фоне нынешней антиисламской риторики, вызванной всплеском исламского терроризма. В ходе продолжающегося обсуждения термина «*исламофашизм*» главную роль поныне играют ссылки на прошлые отношения арабов с нацистской Германией и на влияние антисемитизма нацистов на арабскую националистическую идеологию. В них неизменно присутствуют напоминания о деятельности Амина аль Хусейни, муфтия Иерусалима, жившего в 1941–1945 гг. в Германии и тесно связанного с нацистской антисемитской пропагандой на Ближнем Востоке, которые обычно конституируются в непосредственную связь между нацистским тоталитаризмом и современным арабским национализмом [1]. В этом же духе трактуется взаимодействие арабов с фашистами в Германии и на оккупированных ею территориях, оценка арабами информации о Холокосте до и после 1948 г. и адаптация элементов фашистской идеологии на современном Ближнем Востоке. При этом полностью игнорируется, что эти явления несовместны, неоднозначны и во многом не связаны друг с другом [2].

Сторонники понятия исламофашизм часто игнорируют также и то, что основание государства Израиль и первая арабо-израильская война были событиями, приведшими к кардинальным изменениям в арабском историческом сознании, в том числе – к трансформации коллективной оценки евреев, Холокоста и нацистского государства. Нежелание считаться с этим крайне важным обстоятельством, определившим структуру исторического сознания арабов и прежде всего палестинцев, порождает своего рода эпистемологический разрыв, демон-

стрирующий, в частности, то, как общественное мнение соотносится с историческими фактами и питает популистские и псевдонаучные дебаты. Эта констатация касается обеих сторон ближневосточного конфликта.

В данном случае особо необходим дифференцированный подход, который надлежит применять к оценке ситуации как до, так и после 1948 г., поскольку распространение тоталитарных, профашистских тенденций на межвоенном Ближнем Востоке требует системного объяснения, а не просто ссылки на отдельные примеры [3].

В исследованиях, посвященных антисемитизму на Ближнем Востоке после Второй мировой войны, рисуется мрачная картина массовой поддержки там нацистских и антисемитских настроений. Между тем до 1948 г. арабы в своем большинстве с пониманием и сочувствием относились к евреям и к их страданиям в годы Холокоста. Только после 1948 г. в арабской среде стало доминировать представление, что государство Израиль злоупотребляет информацией о Холокосте в своих эгоистических интересах. Сразу после 1948 г. стали набирать популярность и антисемитские стереотипы, основанные в значительной степени на «Протоколах сионских мудрецов» [4]. Между тем, анализ арабской прессы предвоенного периода свидетельствует об обратном – об отсутствии расизма и антисемитизма и о критическом отношении ко всем формам фашизма [5].

В дальнейшем мною будет предпринята попытка проследить два подхода к теме нацизма и фашизма в арабском мире. В этой связи будут рассмотрены следующие проблемы: противодействие стереотипам, контекстуализация и феноменология, а также типология стандартного фашизма.

Противодействие стереотипам

В исследованиях, отвергающих аргументацию сторонников концепции исламофашизма, указывается на критическое восприятие арабами идей национал-социализма. Тем самым опровергается широко распространенное представление, что арабов в немалой степени привлекал нацизм. Тем самым заведомо игнорируются социалистическое, коммунистическое и, в широком смысле, антифашистское

движения, заметно представленные на Ближнем Востоке [6].

В вышедшей сравнительно недавно книге, посвященной истории Ирака, Орит Башкин рисует яркую картину политического плюрализма в Ираке в межвоенный период, в том числе и роль, которую играла в нем социал-демократия [7]. В свою очередь Гётц Нордбрух и Рене Вильдангель считают необходимым отметить, что в Сирии и Палестине в то время были представлены самые разные точки зрения. Я сам убежден и неоднократно доказывал это, что даже у непоколебимых арабских националистов Ирака были крайне эклектичные представления о европейских политических течениях [8]. Восхищение организационными успехами тоталитарных государств сочеталось у них с крайним скептицизмом в отношении всего того, что пришло к ним с Запада.

В работах Израэля Гершони и Джеймса Янковского описываются дебаты о фашизме, состоявшиеся в Египте и освещенные в журналах для интеллигенции, игравших большую роль в формировании общественного мнения. Их участники убедительно продемонстрировали, как интеллектуалы (например, египтянин Салама Мусса) сравнительно легко переходили от поддержки фашизма в начале 1930-х гг. к его отрицанию во второй половине десятилетия — главным образом, под впечатлением войны в Абиссинии. Авторы убедительно освещают также антинацистские позиции основателя движения «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банна. В то же время они приводят и множество примеров поддержки нацизма в 1930-е гг., свойственной, например, партии «Молодой Египет» [9].

Удивительным, действительно, представляется то, как арабы, включая политиков и интеллектуалов, без особых усилий переходили от критики нацизма в предвоенные годы к симпатии в отношении расистской политики нацистов. А ведь подобные переходы стали основополагающим элементом публичных дискуссий арабов с конца Второй мировой войны [10].

Как стало возможным, что язык фашизма и антисемитизма был так быстро воспринят многими арабами? Анализ арабской прессы свидетельствует [11], что арабы жадно ловили новости, поступавшие к ним из каналов массовой информации, и хорошо знали, что происходило в Европе в 1930-е гг. и во время войны. Философия антисемитизма была в арабском мире хорошо известна, и отдельные политические деятели активно использовали ее в пропагандистской конфронтации во второй половине 1930-х гг. во время восстания в Палестине [12]. Пропагандистские речи Амина аль-Хусейни при-

влекали внимание, даже если они звучали слишком резко, еще тогда, когда конфликт в Палестине был заморожен из-за войны [13]. Не все это первоначально оставалось на задворках общественного сознания. Затем, однако, в полной мере сказались изменения, наступившие после войны 1948 г.: появление коллективной психологической травмы в результате поражения и унижения от рук сионистов. Отсюда появление идей и образов, которые могли быть использованы, чтобы очернить оппонента, а в психологическом смысле — способствовать преодолению полученной травмы. Теории заговора при- шлись тут кстати.

Контекстуализация и феноменология

Установить то, что я определяю как *феноменологию* прототалитарных и профашистских тенденций в межвоенный период, означает воздать должное фашистским тенденциям. Они были воплощением не только более широких тенденций. Их следует также рассматривать в контексте специфики их возникновения.

Кстати, то, что я употребляю термин *феноменология*, не означает, что я поддерживаю позиции немецкого историка Эрнста Нольте в так называемом «Споре историков» середины 1980-х гг. Тезис Нольте, согласно которому германский нацизм и советский сталинизм были двумя различными проявлениями одного и того же явления, был решительно отвергнут многими его коллегами как апология преступлений нацизма. Особенно это касается его утверждения, что Холокост был просто реакцией на более ранние сталинские преступления.

По моему мнению, употребление термина *феноменология* дает многое для дискуссии о фашизме в арабском мире. Терминология Нольте является нечеткой или даже неопределенной [14]. Тем не менее она полезна для данных дебатов, поскольку открывает возможность более гибкого анализа, чем жесткая типология, пытающаяся определить и описать все черты неевропейских авторитарных режимов, позволяющие включить их в систему транснационального фашизма. Вместе с тем я не поддерживаю модель Нольте и тогда, когда утверждаю, что профашистские тенденции межвоенного периода, в частности, в 1930-е гг., были формой политического радикализма, оказывавшего в этот период большое влияние на подростков и юношей.

В своей недавно вышедшей книге Ильхам Хури-Макдиси рассматривает «культуру радикализма» перед Первой мировой войной. Она использует этот термин для обозначения левого радикализма, противостоявшего, например, национализму и характерного для средиземноморско-

го региона с его свободным обменом идеями [15]. Анархизм и футуризм, как левый, так и правый радикализм, были не очень заметны в то время, особенно в годы хаоса сразу после 1918 г. Даже позднее, в межвоенный период, радикализм был всего лишь одной из черт глобального рынка идей, особенно в колониальном мире, где усилилась активность и политизация молодой образованной молодежи, не имевшей, однако, возможности активно участвовать в политике.

В своей книге об Ираке я отразил суть прототалитарных и профашистских взглядов, распространившихся в Ираке в межвоенный период. Дискуссии в националистической прессе Ирака отражали многие накопившиеся явления, в том числе и проблематику нацизма. Интеллектуалы и публицисты высказывались по этим вопросам непоследовательно и эклектично. Они перерабатывали все то, что воспринимали извне, адаптируя полученное к местным условиям с учетом потребности в деколонизации. В этой связи я привожу взгляды Юнуса ал-Сабави, выступавшего в роли распространителя радикальных идей, воспринятых им самим крайне непоследовательно. Сам он тоже испытывал смятение, признавая, что его поколение страдало из-за того, что было вынуждено выдергивать идеи начала XX в. у таких теоретиков, как Ле Бон и Бергсон, вскормивших правых экстремистов. Ал-Сабави и его соратники впитывали эти идеи, но одновременно, хотя и в меньшей степени, поддерживали связи с коммунистами [16].

При описании этого явления мною использован термин «фашистская образность» для объяснения значимости фашистских символов в публичной политике (приветствие, униформа и т.д.) и показана роль молодежных организаций, так наминавших молодежные фашистские объединения в Европе. Я не называл эти организации фашистскими, поскольку у них не было многих черт, характерных для организаций подобного рода в Италии или в Германии. Молодежная организация *Футувва* в Ираке не была аффилирована ни с одной партией, но в то время, когда Ясин аль-Хашими был премьер-министром (1935–1936 гг.), она слыла государственной организацией. Ее поддерживала своеобразная коалиция, включавшая британских дипломатов, рассматривавших её не как фашистскую организацию, угрожающую гегемонии монархической элиты, но скорее как ответвление бойскаутского движения. Первоначально *Футувва* включала представителей разных этнических групп и религий. Иракские евреи с энтузиазмом участвовали в ее спортивных и туристических мероприятиях, распевали там национальные гимны [17].

В других арабских странах молодежные организации были ударной силой политических партий и, таким образом, по-разному представляли идеи фашистского типа. Во многих случаях они отражали не проблемы страны, а узкопартийные интересы (например, «Христианские Белые Символы» в Алеппо). Под униформой «Железных Рубашек» в Дамаске и Алеппо скрывались группы обычных городских головорезов, которые представляли скорее клиентуру буржуазной партии «Национальный блок», осуществлявшей контроль над традиционными структурами города, нежели выражали дух и устремления молодых националистов-экстремистов [18].

Однако некоторые организации того времени выделялись из числа других. К ним относилась, например, «Национал-социалистическая партия Сирии» (НСПС), основанная Антуном Саада в 1930-е гг. Название и партийный символ «аль-зо-баа», наминавший свастику, были вполне очевидной калькой с известного образца. Вместе с тем отрицание этнического расизма в видении сирийской нации, свойственное, хотя и с оттенком расового мышления, Сааду, может служить немаловажным примером адаптации европейской идеологии к конкретному локальному контексту [19]. Немецкий историк и политолог Кристоф Шуман констатировал, что идеология играла лишь незначительную роль в приверженности молодых националистов: они меньше интересовались содержанием книг и трактатов, но зато в большей степени наслаждались совместными действиями и демонстрацией силы [20]. Они больше «задавались», чем настаивали на какой-то точке зрения.

Рассмотрение отдельных молодежных движений, источников их возникновения, анализ употребляемой ими фашистской образности и прототалитарных обсуждений в прессе того времени показывают, что их следует оценивать в более узком контексте – бед и страданий, обусловленных социально-политическими проблемами. В случае с ближневосточными странами на передний план в межвоенный период выходили требования деколонизации. В то же время представителям элиты надо было изобразить то, что казалось им современными взглядами, и скрыть свое патерналистское и потребительское видение общества, подлежавшего «умирению дисциплиной».

Старшие поколения тогдашней элиты опасались потери власти и привилегий. Вместе с тем им становилось все очевидней, что их позиции подорваны сотрудничеством с колониальными властями [21]. Отсюда стремление к привлечению на свою сторону молодежи. А это, в свою очередь,

влекло за собой значительную радикализацию политических установок и готовность к активному восприятию тоталитарных идей. Не случайно благодаря этому принятие фашистских принципов частью арабского общества оставалось очень поверхностным, поскольку объяснялось главным образом стремлением «быть современным» [22] и бросить вызов той части властвующей элиты, которая все еще проявляла приверженность к национализму либерального толка.

Типология стандартного фашизма

Есть ли что-нибудь общее в том, как фашистская трактовка и образность использовались в неевропейских обществах, особенно в тех из них, которые пребывали в состоянии деколонизации? Следует ли рассматривать совокупность соответствующих движений как часть глобальной типологии стандартного фашизма? Не будет ли отрицание того, что такая специфическая совокупность существовала, всего лишь проявлением европоцентризма со свойственным ему игнорированием особенностей неевропейских обществ? Иными словами, складывался ли стандартный неевропейский фашизм, в частности, фашизм *колонимального типа*?

Попробую ответить на эти вопросы.

Строго говоря, термин *глобальный фашизм* выглядит противоречиво. Он не только включает национализм, но и исключителен по его трактовке, покоясь на жестокости и насилии по отношению к «другим». Фашизм надлежит классифицировать по различным категориям. Существуют разные «фашизмы». Рассуждая о глобальном фашизме, необходимо выделить его типологию, а также определить международные контакты и транснациональные каналы идеологического обмена. Однако наличие образной специфики итальянского фашизма и германского нацизма затрудняет выработку такой типологии. Между тем Италия и Германия, определив параметры фашистской образности, внедрили в общепринятую культуру бренд фашизма как эффективного средства распространения определенного посыла. Однако бренд еще не говорит о содержании [23].

Что касается содержания, то существует множество теорий фашизма, и отдать им всем должное в рамках этой статьи просто невозможно. Более того, эти теории неоднозначны и едва ли выдерживают критику не только марксистов, рассматривающих фашизм как проявление *кризиса капитализма*, но и авторов иных, очень нечетко сформулированных теорий, в рамках которых каждый случай требует своей отдельной классификации [24]. Во многих теориях фашизма выделяются общие черты, такие,

как антикоммунизм, антилиберализм, наличие массовой поддержки и массовой партии, культ насилия и принцип вождизма, а также радикальный национализм. Нередко к этому добавляется еще расизм и особый фашистский стиль политики. Некоторые ученые затрудняются дать определение фашизму, поскольку не существует единой основополагающей оценки всех его оттенков.

Было бы однако неверным, исходя из этого, считать, что фашизм как феномен лишен идеологии. Британский историк и политолог Роджер Гриффин рассматривает фашизм как продукт антипросветительских тенденций конца XIX – начала XX вв. По его мнению, фашизм возникает из мифического понимания стоящего на краю пропасти мира, предлагая «возрождение» или перерождение совокупности индивидуумов в полноценное национальное сообщество и оставляя в стороне фрагментированную реальность начала XX в., взорванного Первой мировой войной. Гриффин, как и многие другие теоретики фашизма, считает, что фронтовой опыт Первой мировой войны во многом способствовал привлечению в ряды фашистских движений единомышленников, мечтавших о чем-то новом, формируемом «коммунитаризмом» и «фестивальной культурой», свойственными этим движениям.

Роджер Итвел добавляет к этому, что фашистская идеология претендовала на то, чтобы предложить «радикальный третий путь», основанный на создании исключительно интегративного (тоталитарного) национального сообщества. Согласно его модели, лежавший на поверхности фашистский стиль (свойственный движению чернорубашечников) – преобладание действий над теорией, культ насилия, демонизация «других» – достаточно случаен. Таковы же «минусы» и других определений фашизма (антикоммунизм, антилиберализм). Все это было лишь частью фашистской пропаганды, но не составляло её сущности [25]. Этот подход дополняет оценку движений арабского мира, возникших после 1945 г., таких, как баасизм и насеризм, и основанных на них режимов.

Зеев Стернхелл, подобно Роджеру Гриффину, настаивает на том, что фашизм был не только результатом хаоса, порожденного Первой мировой войной. Фашизм нельзя сводить лишь к реакции на разрушение общества XIX в. и на появление ленинской и сталинской систем, как это предполагает феноменология Нольте. Стернхелл, напротив, указывает на революционные корни фашистской мысли, а также на ее ненависть к Просвещению [26].

Были ли на Ближнем Востоке аналогичные настроения, враждебные Просвещению? В течение межвоенного периода страстные поклонники фа-

шизма, такие, как Салама Мусса (только в начале 1930-х гг.) или молодые энтузиасты-националисты в Ираке и Сирии, видели себя в качестве силы модернизации в духе Просвещения, в результате которой будет высвобожден или по крайней мере лучше использован потенциал личности [27].

Вообще авторитаризм арабских государств межвоенного периода и послевоенного времени основывался скорее на патерналистских и авторитарных традициях правления поздней Османской империи, чем на принятии тоталитарных идей [28]. Констатируя это, нередко утверждают, что вторая половина 1930-х гг., в частности, в Египте, но также и в целом на Ближнем Востоке, была периодом «кризиса ориентации» интеллигенции, временем ее разочарования в связи с провалом так называемого «либерального эксперимента» [29]. Этот довод переключается с рассуждениями Эрнста Нольте об основах радикальных политических движений в межвоенный период. Нольте, как известно, предполагал, что либеральная система (не как реальность, а как доминирующее мировоззрение буржуазии) предлагала «радикальную свободу понимания противоположного» и допускала возможность поддаться «искушению тоталитаризма» [30]. Это верно, но лишь отчасти.

Я утверждал и утверждаю, что положение различных поколений перед Второй мировой войной благоприятствовало изменению менталитета молодых интеллектуалов и побуждало их заигрывать со всеми видами радикализма. Вместе с тем было бы банальным оспаривать, что колониальная зависимость не давала арабским политикам и интеллектуалам достаточно возможностей полностью «поддаваться» этим «радикальным искушениям». Единственным примером тоталитарного эксперимента на арабском Ближнем Востоке в первой половине XX в. было так называемое движение Рашида Али в Ираке (1941 г.), которое, как уже отмечалось, оставалось географически ограниченным и неоднозначным по ориентации. Движение не просуществовало достаточно долго, чтобы можно было сделать вывод о «целесообразности» тоталитарного радикализма в арабской стране [31]. Сложные отношения между местными элитами и их соперниками из молодого поколения, с одной стороны, и британскими и французскими империалистами – гегемонами, сторонниками порядка, установленного после мировой войны – с другой, создавали пестрый фон политической жизни с ее многообразием мнений и возможностей, что резко отличалось от социально-политической ситуации, предшествовавшей приходу к власти фашистских движений в Европе после 1918 г. В уже упоминавшемся исследовании

Гершони и Янковского рассматривается указанный «кризис ориентации» и утверждается, что в среде египетской и арабской интеллигенции в целом при всем утвердившемся тогда плюрализме мнений авторитарные и профашистские взгляды встречались очень редко.

При таком разнообразии приведенных (и не приведенных) мнений невозможен вывод о том, что ближневосточные интеллектуалы и политики того времени отвергали гуманизм. Более того, особая геостратегическая ситуация Второй мировой войны не позволяет сделать однозначный вывод о причинах тех решений, которые были приняты арабскими политиками в Ираке в 1941 г. и в Тунисе во время немецкой оккупации в 1942–1943 гг., когда монарх Монсеф Бей пытался сохранять равноудаленность как от союзников, так и от держав Оси и когда в Египте 4 февраля 1942 г. при приближении войск Роммеля англичанам удалось вынудить короля Фарука под дулом пистолета отказаться от назначения пронацистски настроенного деятеля Али Махира на пост премьер-министра.

Формально можно было бы утверждать, что радикальные политические и интеллектуальные движения на арабском востоке и фашизм в Европе имели мало общего. Но это не совсем так. Фактически правый радикализм, существовавший в межвоенный период и во время войны в арабских странах, имел заметное сходство с фашистскими движениями в Европе и во всем мире. Возможно, он и не оказывал непосредственного влияния на арабскую политику в то время, но зато подготовил почву для авторитарных тенденций в послевоенных арабских государствах.

В своем сравнительно недавнем анализе Федерико Финчелштейн дает пример того, как надо изучать глобальный фашизм между двумя мировыми войнами, работая над конкретным материалом – в данном случае Аргентины. Он утверждает, что только открытый (по моей терминологии феноменологический) подход дает возможность употреблять термин *фашизм* применительно к неевропейскому контексту. Стремление многих историков фашизма установить жесткую градацию и исключить на ее основе возможность существования фашизма за пределами Европы представляется Финчелштейну проявлением европоцентристской исключительности. Вопреки ей он утверждает, что принятие Аргентиной фашизма надо рассматривать как хаотичный и бессистемный процесс. Между тем, он проводился вполне сознательно, с использованием пришедших издалека идей применительно к местным своеобразным условиям. Финчелштейн доказывает также, что этот процесс характерен для многих стран мира.

Аналогичную позицию занимают историки Южной Азии, решая вопрос о контекстуализации проявлений фашистского мышления среди интеллектуалов, таких, как Инайятулла Хан ал-Машрики, и фашистской эстетики, свойственной молодежному движению Хаксар в 30-е годы прошлого века [32]. Хотя в то время и не было полнокровного глобального фашизма, он тем не менее уже обладал транснациональной идеологией и служил своего рода точкой отсчета [33].

Открытая и гибкая систематика возможных проявлений фашистских тенденций очень полезна для исследователя сравнительных глобальных политических и идеологических движений, изучающего в том числе их распространение по всему миру. Этот подход противоположен тому, к чему стремятся сторонники модели исламофашизма. В отличие от исследователей, признающих только европейские проявления фашизма как действительно фашистские, они рассматривают подобные неевропейские группы и партии как чисто подражательные образования. Поклонники исламофашизма используют отдельные поверхностные свидетельства личных контактов и оценок для распространения понятия «фашистский» на политически активных мусульман, принимая их ссылки на тождественность их взглядов фашистским установкам и уподобляя их практику свойственным фашизму формам крайнего насилия.

Возможность должным образом отреагировать на эти утверждения дают, несмотря на их слабости, даже европоцентристские теории фашизма. Уподобление современного исламизма и фашизма сторонниками исламофашизма предполагает, что оба феномена имеют общую идеологическую основу. На уровне абстракции, применяемой теоретиками вроде Гриффина, Итвела и Стернхелла, это предполагает прежде всего отрицание гуманизма [34] и идеологии Просвещения. Между тем, установки современного исламизма, судя по всему, совсем другие. Ему вовсе не свойственно отрицание разума и науки, хотя эти вопросы и обсуждались в ходе дебатов о реформе ислама XIX в. Сказанное не исключает возможности обсуждения того, являются ли воинственные, радикальные и кровопролитные проявления современного исламизма случайным отклонением или они симптоматичны для отступления в «темную» область, которое совершил исламизм в 1960-е гг. [35]. Реформаторы ислама XIX в., такие, как Рифа аль-Тахтави, Хейр ал-Дин ал-Тунису, Мухаммад Абдух, и деятели XX в. Рашид Рида и Абдаль-Хамид Бен Бадис пытались примирить достижения европейского века разума с наследием ислама. Они стремились защитить ис-

ламское сообщество от суеверий и заявляли, что наука и разум характерны для альтернативного модернизированного ислама [36].

В конце 1930-х гг. основатель движения «Братьев-мусульман» Хасан аль-Банна окончательно отверг фашизм, а также национализм и расизм, бушевавшие тогда в Европе, включая преследование евреев. Тем самым он хотел представить членов своей организации не только равными европейцам, но и превосходящими их морально [37]. Если для фашизма, как утверждает Итвел, были несущественны стиль и культ насилия, то же самое можно было бы сказать о крайних проявлениях политического ислама. Очевидно, что фашизм и исламизм имеют различную основу: первый отвергает, последний поддерживает разум. Иначе говоря, нет сходства и между исламизмом и клерикальным фашизмом крайне правых в католических странах. В клерикальном фашизме мы видим соединение фашистского движения и институциональной церкви [38]. Происхождение же современного исламизма идет от движения, противостоящего религиозному строю мусульманских стран, воспринимаемому как негибкий и враждебный рационализму.

Заключение

В 1930-е гг. на арабском Востоке возникли движения, принявшие фашизм как мировоззрение. Однако при этом там не было групп или партий, называвших себя «фашистскими», – в отличие, например, от Аргентины [39]. Арабские радикалы старались идеологически отмежеваться от европейских крайних правых. Было ли это обусловлено системой отношений с колониальными властями, до сих пор не ясно. Поэтому я считаю, что соответствующие движения были фашистскими [40] прежде всего в том, что касалось подражания фашистскому стилю: дисциплине, униформе, культу насилия. Вместе с тем они не отвечали главному критерию фашизма – революционным устремлениям и радикальному отрицанию идей Просвещения. И так происходило на протяжении, по крайней мере, всего межвоенного периода, если не позже. Пребывавшие у власти движения: *аль-Фитуува* в Ираке, отряды буржуазной партии Вафд в Египте и Национального Блока Сирии – будучи иногда воинственными, не были объединениями радикального толка. В этих движениях не было четко представленного антикоммунизма или ставки на расовые различия. Наиболее полно фашистскую тенденцию демонстрировали «Национал-социалистическая партия Сирии» (НСПС) и «Молодой Египет». Но у них не было окопного опыта Первой мировой войны и последовавшей за ним трансформации мыш-

ления. У этих партий насчитывалось мало членов, и они были слишком близки к местным элитам [41]. Они не добивались революционных изменений, а боролись за повышение роли молодого поколения в управлении страной. Партия «Баас» («Возрождение»), возникшая в 1940 г., приобрела массовую поддержку лишь тогда, когда слилась с «Арабской социалистической партией» Акрама Хаурани в Сирии в 1953 г., а затем, после 1968 г., оказалась у власти в Ираке. Для сравнения отметим, что крайне правый национализм в Аргентине стал массовым движением уже в 1930-е – 1940-е гг. [42].

Как НСПС Саада, так и основатели партии «Баас» считали, что в их политической пропаганде должны превалировать эмоции, а не разум. Но как тогда быть с идеологом Антуаном Саада, который действительно воспринял отдельные элементы того, что может быть отнесено к багажу стандартного фашизма, – принципы вождизма и корпоративистские проекты формирования общества – и в то же время решительно заявлял, что его партия никоим образом не является фашистской или пронацистской, и призывал своих сторонников не верить немецкой и итальянской пропаганде? [43] Эта позиция во многом совпадала с антифашистской позицией упоминавшегося выше Хасана аль-Банна с его стремлением отмежеваться от европейских (фашистских) моделей.

При использовании феноменологического подхода оценки движений фашистского толка на Ближнем Востоке появляется возможность скорее определить их место в социальных конфликтах того времени, чем выяснить их идеологическое значение. Весьма показателен в этом смысле опыт Роберта Пэкстона, одного из ведущих исследователей фашизма, который рассматривал правительственные меры для разграничения фашистских и авторитарных установок. Только тогда, когда авторитарные движения находятся у власти, доказывал он, можно всерьез проследить, чем они отличаются от фашистских. Если фашисты действуют бескомпромиссно в отношении существующих структур элиты [44], то авторитарные движения принимают экономические меры, противоречащие провозглашенным ими революционным принципам.

Ни одно из рассматриваемых нами движений не достигло значительного политического влияния в 1930-е гг. и даже во второй половине XX в., когда пришло к власти. Разрыв между риторикой и действительной структурой руководства режимами, такими, как у баасистов в Ираке или в Сирии, свидетельствует, что идеология в процессе принятия решений была у них на последнем месте [45].

Заключая, отметим, что дальнейшим серьезным исследованиям проблемы надлежит опреде-

лить место каждого из рассмотренных движений и их представителей в региональном контексте. Это особенно очевидно при проведении их транснационального сравнения с другими политическими направлениями. Пока, однако, очевидно, что обсуждение проблем стандартного транснационального фашизма и фашизма за пределами Европы все еще находится на начальной стадии.

Примечания

1. *Gensicke, K.* Der Mufti von Jerusalem und die Nationalsozialisten: Eine Politische Biographie Amin el-Husseini / Veröffentlichungen der Forschungsstelle Ludwigsburg der Universität Stuttgart. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007; *Künzel, M.J.; Künzel, J.-H.* Islamism, Nazism and the Roots of 9/11. – New York, 2007; *Mallmann K.-M.; Cuppers, M.* Halbmond und Hakenkreuz: Das Dritte Reich, die Araber und Palästina. – Darmstadt, 2006; *Herf, J.* Nazi Propaganda for the Arab World. – New Haven, CT, 2009. Критику этого подхода смотри в *Freitag, U.; Gershoni, I.* The Politics of Memory: Necessity for Historical Investigation into Arab Responses to Fascism and Nazism // *Geschichte und Gesellschaft*. – 2011. – Jg. 37. – S. 311-331; *Nordbruch, G.* «Cultural Fusion» of Thought and Ambitions? Memory, Politics and the History of Arab-Nazi German Encounters // *MES*. – 2011. – Vol. 47. – P. 183-194; *Wien, P.* Coming to Terms with the Past: German Academia and Historical Relations between the Arab Lands and Nazi Germany // *IJMES*. – 2010. – Vol. 42. – P. 311-321. Аналогичная, иногда полемическая критика в *Achcar, G.* The Arabs and the Holocaust: The Arab-Israeli War of Narratives. – New York, 2010.
2. Сравни статью Нордбруха в этом номере.
3. *Rohde, A.* State-Society Relations in Ba'hist Iraq: Facing Dictatorship. – London/New York: Routledge, 2010.
4. *Litvak, M.; Webman, E.* From Empathy to Denial: Arab Responses to the Holocaust. – New York, 2009; *Wild, S.* Die Arabische Rezeption der «Protokolle der Weisen von Zion» // *Islamstudien ohne Ende: Festschrift für Werner Ende zum 65. Geburtstag / Hrsg. von R. Brunner u.a., Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes 54,1.* – Würzburg, 2002. – P. 517-528.
5. *Gershoni, I.; Jankowski, J.P.* Confronting Fascism in Egypt: Dictatorship Versus Democracy in the 1930s. – Stanford, 2010; *Wien, P.* Iraqi Arab Nationalism: Authoritarian, Totalitarian and Pro-Fascist Inclinations, 1932–1941. – London/New York, 2006.
6. Об антифашизме см.: *Ḥannā, A.* al-Ḥaraka al-munāhiḍa li-l-fāshīyya fī Sūriyā wa-Lubnān: 1933–1945. *Dirāsa wathā'iqīya*. – Bayrūt, 1975.
7. *Bashkin, O.* The Other Iraq: Pluralism and Culture in Hashemite Iraq. – Stanford, CA, 2008.
8. *Nordbruch, G.* Nazism in Syria and Lebanon: The Ambivalence of the German Option, 1933–1945. –

- Milton Park, Abingdon, Oxon/New York, NY, 2008); *Wien, P.* Iraqi Arab Nationalism ...; *Wildangel, R.* Zwischen Achse und Mandatsmacht: Palästina und der Nationalsozialismus / Hrsg. von Zentrum Moderner Orient, ZMO-Studien 24. – Berlin, 2007.
9. *Gershoni, I.; Jankowski, J.P.* Confronting Fascism ... См. также: *Gershoni, I.* Egyptian Liberalism in an Age of «Crisis of Orientation»: *Al-Risāla's* Reaction to Fascism and Nazism, 1933–39 // *IJMES*. – 1999. – Vol. 31. – P. 551-576; *Arielli, N.* Fascist Italy and the Middle East, 1933–1940. – Basingstoke/New York, 2010; *Erlich, H.* Periphery and Youth: Fascist Italy and the Middle East // *Fascism outside Europe: The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism* / Ed. by S.U. Larsen. – Boulder/New York, 2001. – P. 393-423.
10. См.: *Nordbruch, G.* Geschichte im Konflikt. Der Nationalsozialismus als Thema aktueller Debatten in der ägyptischen Öffentlichkeit // *Blind für die Geschichte? Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus* / Hrsg. von G. Hopp, P. Wien, and R. Wildangel, ZMO-Studien 19. – Berlin, 2004. – S. 269-294; *Litvak, M.; Webman, E.* From Empathy to Denial ...
11. *Gershoni, I.* «Der Verfolgte Jude». Al-Hilals Reaktionen auf den Antisemitismus in Europa und Hitlers Machtergreifung, в *Blind für die Geschichte?* ... – P. 39-72.
12. *Wildangel, R.* Zwischen Achse und Mandatsmacht ...
13. В Джидде, Саудовская Аравия, дипломатическая миссия США отмечала, что общественность высоко оценивала Германию во время Второй мировой войны, когда шли сообщения о победах Германии. С падением числа побед снизились и оценки. См.: National Archives and Record Administration, College Park, RG 84 Records of the Foreign Service Posts of the Department of State, Egypt, U.S. Embassy and Legation, Cairo, Classified and Unclassified General records, 1936–1955, Box 78, 1942: 820.02 Jidda, Saudi Arabia, to the Department of State (copy to American Legation, Cairo), October 17, 1942: Materials supplied by the Office of War Information for Distribution in Saudi Arabia, pp. 2f.
14. Критику терминологии Нольте за недостаточную строгость см.: *Kitchen, M.* Ernst Nolte and the Phenomenology of Fascism // *Science & Society*. – 1974. – Vol. 38. – P. 131-148.
15. *Khuri-Makdisi, I.* The Eastern Mediterranean and the Making of Global Radicalism, 1860–1914. – Berkeley, 2010. – P. 3-11.
16. *Wien, P.* Iraqi Arab Nationalism ... – P. 42.
17. *Wien, P.* Iraqi Arab Nationalism ... Материалы по евреям в движении аль-Футувва см.: в *Bashkin, O.* New Babylonians: A History of Jews in Modern Iraq. – Stanford, 2012. – P. 79.
18. *Watenpaugh, K.D.* Being Modern in the Middle East: Revolution, Nationalism, Colonialism, and the Arab Middle Class. – Princeton, NJ, 2006. – P. 255-278; *Khoury, P.S.* Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. – Princeton, NJ, 1987. – P. 471-476. По Египту см.: *Jankowski, J.P.* Egypt's Young Rebels: «Young Egypt»: 1933–1952. – Stanford, 1975.
19. *Yamak, L.Z.* The Syrian Social Nationalist Party: An Ideological Analysis (Harvard Middle Eastern Monographs 14). – Cambridge, 1966. – P. 77-88.
20. *Schumann, C.* Radikalnationalismus in Syrien und Libanon: Politische Sozialisation und Elitenbildung 1930–1958. – Hamburg, 2001. – P. 282-285; *Schumann, C.* Symbolische Aneignungen. Antūn Sa'ādas Radikalnationalismus in der Epoche des Faschismus // *Blind für die Geschichte?* ... – P. 155-189.
21. О том, как элита привлекала молодежь, см.: *Wien, P.* Iraqi Arab Nationalism ... – P. 33. См. также: *Khalidi, R.* Arab Nationalism: Historical Problems in the Literature // *American Historical Review*. – 1991. – Vol. 96. – P. 1364f.
22. Как в *Watenpaugh, K.D.* Being Modern ...
23. См.: *Larsen, S.U.* Was There Fascism Outside Europe? // *Fascism outside Europe* ... – P. 720ff.
24. *International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus* / Ed. by R. Griffin. (Arnold Readers in History Series). – London/New York, 1998. – P. 1-20.
25. *Griffin, R.* Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler. – Basingstoke, 2007. – P. 6-10; *Eatwell, R.* Universal Fascism? Approaches and Definitions // *Fascism outside Europe* ... – P. 15-45.
26. *Sternhell, Z.* How to Think about Fascism ... – P. 280-290.
27. *Gershoni, I.; Jankowski, J.P.* Confronting Fascism ...; *Bashkin, O.* The Other Iraq ...; *Nordbruch, G.* Nazism in Syria and Lebanon ...; *Wien, P.* Iraqi Arab Nationalism ...
28. *Thompson, E.* Colonial Citizens: Republican Rights, Paternal Privilege, and Gender in French Syria and Lebanon. – New York, 2000. – P. 19-57.
29. Обзор и критику этого положения, обсуждавшегося такими учеными, как Н. Сафран, П.Дж. Ватикю-тис, С. Смит и А. Лютфи аль-Сайиид Марсо см. в *Gershoni, I.* Egyptian Liberalism ... – P. 551-554; и в *Gershoni, I.; Jankowski, J.P.* Confronting Fascism ... – P. 6ff.
30. *Nolte, E.* Die Krise des Liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. – München, 1968. Цит. по: *Möller, H.* Ernst Nolte und das «liberale System» // *Weltbürgerkrieg der Ideologien: Antworten an Ernst Nolte: Festschrift zum 70. Geburtstag* / Hrsg. von T. Nipperdey, A. Doering-Manteuffel and H.-U. Thamer. – Berlin, 1993. – P. 60. См. также о связи степени либерализации и потенциала развития фашистских движений в *Larsen, S.U.* Was there Fascism Outside Europe? ... – P. 812-815.
31. *Wien, P.* Iraqi Arab Nationalism ... – P. 14-51, 105-112.

32. *Daechsel, M.* Scientism and its Discontents: The Indo-Muslim «Fascism» of Inayatullah Khan Al-Mashriqi // *Modern Intellectual History*. – 2006. – Vol. 3. – P. 443–472. Существуют потрясающие параллели в ближневосточном контексте в трактовке Дэчсела, но есть тенденция использовать термин «фашистский» огульно, без разбора. Я бы хотел сказать, что наша тема основана исключительно на теоретических размышлениях одного эксцентричного ученого. Идеи, аналогичные изложенным Финчелштейном, в *Zachariah, B.* Rethinking (the Absence of) Fascism in India, C. 1922–1945 // *Cosmopolitan Thought Zones: South Asia and the Global Circulation of Ideas* / Eds. by S. Bose and K. Manjapra. (Palgrave Macmillan Transnational History Series). – Houndmills, Basingstoke/New York, 2010. – P. 178–209. Остается вопрос, способствует ли пониманию сущности феномена в долгосрочной перспективе разбивка термина «фашизм» по категориям, как это делают европейские историки, в то же время сохраняя его для неевропейского контекста, как Зачария предполагает.
33. *Finchelstein, F.* Transatlantic Fascism: Ideology, Violence, and the Sacred in Argentina and Italy, 1919–1945. – Durham, 2010. – P. 4–11. К подобным же проблемам обращаются в ряде кратких обследований в монографии *Fascism outside Europe ...*
34. Особых рассуждений не приводилось, хотя фашизм был «антирациональным» по своему характеру, но в то же время не был и «иррациональным». *Eatwell, R.* Universal Fascism // *Fascism outside Europe ...* – P. 27.
35. *Daechsel, M.* Scientism and its Discontents ... – P. 443.
36. См.: *Zubaida, S.* Islam and Nationalism: Continuities and Contradictions // *Nations and Nationalism*. – 2004. – Vol. 10. – P. 409.
37. *Gershoni, I.; Jankowski, J.P.* Confronting Fascism ... – P. 214–218.
38. *Finchelstein, F.* Transatlantic Fascism ... – P. 118–137.
39. *Ibid.* – P. 42, 112f.
40. Немецкий историк и специалист по исламу Фриц Штеппат использовал термин «приписываемый фашизм»: *Steppat, F.* Das Jahr 1933 und seine Folgen für die arabischen Länder des Vorderen Orients // *Die Große Krise der dreißiger Jahre: Vom Niedergang der Weltwirtschaft zum Zweiten Weltkrieg* / Hrsg. von G. Schulz. – Göttingen, 1985. – P. 274. Наоборот, Батенпо использует термин «фашистский» совершенно без разбора в *Watenpaugh, K.D.* Being Modern ... – P. 255–278.
41. Это также верно для «Братьев-Мусульман» и «Молодого Египта»: *Gershoni, I.; Jankowski, J.P.* Redefining the Egyptian Nation, 1930–1945. (Cambridge Middle East Studies). – Cambridge/New York, 1995. – P. 15f.
42. *Finchelstein, F.* Transatlantic Fascism ... – P. 62.
43. Antun Sa'adeh Declares His Vision of «Greater Syria» or Regional Nationalism, June 1, 1935 // Ed. by A.F. Khater. (Sources in the History of the Modern Middle East). – 2nd ed. – Boston, 2011. – P. 128ff.
44. *Paxton, R.O.* The Five Stages of Fascism // *Journal of Modern History*. – 1988. – Vol. 70. – P. 14–21.
45. Ср., напр.: *Davis, E.* Memories of State: Politics, History, and Collective Identity in Modern Iraq. – Berkeley, 2005; *Wedeen, L.* Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric, and Symbols in Contemporary Syria. – Chicago, 1999.

УДК 94:32917(560)«19»
ББК 63.3(5 Туц)6-3

ТУРЕЦКИЕ КОРНИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА?

Стефан Ириш,
научный сотрудник Института Ван Леера,
(Иерусалим, Израиль)
stefani@vanleer.org.il

Перевод с английского Л.А. Кац

Аннотация. История национал-социализма обычно исследуется лишь в рамках национального немецкого контекста. Очевидно однако, что в то время Германия поддерживала всесторонние отношения со многими странами, и это не могло не сказаться на том, что в ней происходило. В данной статье автор исследует турецкий аспект этой проблемы и, прежде всего, ситуацию на раннем этапе становления национал-социализма. В статье показано, как события в Турции и связанные с ними дебаты оказывали влияние на позиции немецких СМИ в первые годы Веймарской республики. Статья вносит вклад в изучение истории политических хитросплетений и предлагает новый подход к пониманию той стороны истории международных отношений, которая прослеживается в результате анализа публичных и непубличных политических дебатов и их отражения в прессе.

Ключевые слова: Мустафа Кемаль Ататюрк, национал-социализм, Турецкая Республика, Веймарская республика, геноцид армян, медиадискурс.

THE TURKISH ROOTS OF NATIONAL SOCIALISM? EXAMPLES FROM THE EARLY 1920s, THE TURKISH WAR OF INDEPENDENCE AND THE ARMENIAN GENOCIDE

Stefan Ihrig, Polonsky Fellow, Van Leer Jerusalem Institute

Abstract. The history of National Socialism is mostly narrated and researched within its national, German context. While it appears obvious that Germany was interconnected with the broader world at the time, this has had little impact on our understanding of the history of National Socialism. This article investigates the Turkish dimension of National Socialism in its formative period and shows how debates on Turkey and recent events there influenced and shaped debates in the German media in the early Weimar republic. It is a contribution to entangled history and media history as it proposes a new way to understand international history and influences through public debates, news coverage, and political discourse.

Key words: Mustafa Kemal Atatürk, Adolf Hitler, National Socialism, Turkish Republic, Weimar Republic, entangled history, media discourses, Armenian Genocide.

Одной из тенденций последних лет, наметившихся в исторических исследованиях, стало изучение запутанных транснациональных политических хитросплетений. Мы предлагаем новый взгляд на многие проблемы.

Один из основных мотивов появления этого подхода – чрезмерное доминирование сугубо на-

циональной точки зрения на многие важнейшие темы, оборачивающееся игнорированием более широкого международного контекста. Отказ от него особенно актуален при изучении наиболее важных явлений современной истории, в том числе фашизма вообще и национал-социализма в частности.

Германия 20-х–30-х годов прошлого века была активным участником уже наметившихся глобализационных процессов. Однако возникновение и истоки утвердившегося в ней национал-социализма рассматриваются до сих пор почти исключительно в национальных рамках – как продукт становления Германской империи, Первой мировой войны и проблем Веймарской республики. Исключение в какой-то мере делается лишь для итальянского фашизма, влияние которого на национал-социализм столь очевидно, что игнорировать его просто невозможно [1]. Однако даже в этом случае во многих работах по истории национал-социализма об итальянском примере нет ни слова.

Конечно, существуют веские причины для изложения истории национал-социализма/фашизма в основном с точки зрения национальных проблем Германии. Внутренние события и внутренняя политика со всей очевидностью играют ключевую роль в жизни любой страны. Никакие хитросплетения и транснациональные процессы не в состоянии изменить ее ключевые детерминанты. Национал-социализм был явлением немецкой истории. И ответственность за его деяния лежит на Германии. Никакие внешние влияния не могут изменить этого обстоятельства.

Новые подходы к запутанной немецкой истории и историографии, несомненно, сдерживали два обстоятельства. Во-первых, страх историков быть обвиненными в попытке приглушить вину Германии. Во-вторых, влияние длительного «спора историков», развернувшегося в связи с позицией маститого исследователя фашизма Эрнста Нольте. В конце 1980-х гг. он выстроил схему, в которой фашизм выступал всего лишь как реакция на внешние силы и прежде всего – на угрозу большевизма [2]. Есть все основания утверждать, что эта точка зрения, как и последовавшие дебаты, отрицательно повлияли на изучение национал-социализма не только в Германии, но и за ее пределами.

Сейчас однако, хотя и медленно, но тем не менее все же вырисовываются и новые подходы. Как это ни странно, но один из них ориентирован на поиски «русских корней нацизма». В частности, этот подход представлен в книге Майкла Келлога «Русские корни нацизма», вышедшей в 2005 г. [3]. В ней идет речь о том, как русские белоэмигрантские круги (а также этнические немцы из бывшей царской империи) оказывали влияние на зарождающийся национал-социализм. Соответственно, рассматриваются как персоналии, так и темы, которые позволяют предположить наличие таких немецко-русских связей.

Нижее автор предлагает краткое изложение другого транснационального влияния на ранний

национал-социализм – нередко забываемой «турецкой ролевой модели». События, происходившие в Турции сразу же после Первой мировой войны, оказывали столь мощное воздействие на ситуацию в других странах, что под их влияние попали и немецкие националисты.

Война за независимость Турции и ее влияние на события в Германии

Хитросплетения международной политики всегда предполагают различные формы воздействия [4]. Но в данном случае речь пойдет, в первую очередь, о роли средств массовой информации.

Можно ли было ожидать, что в центре внимания немецких послевоенных СМИ окажутся исключительно события, происходившие в самой Германии? Она переживала тогда глубокие революционные потрясения: поражение в войне, гибель империи, крах прежнего политического порядка, неоднократные попытки государственного переворота. И все же главной темой немецких СМИ вплоть до 1923 г. оставалась ситуация в Турции. Причина этого была проста: происходившее в ней во многом корреспондировало с тем, что переживали сами немцы [5].

Определяющую роль при этом играли два обстоятельства. Во-первых, Германия и Турция на протяжении многих лет тесно сотрудничали друг с другом. Немалое значение имело и то, что обе страны были союзниками в годы Первой мировой войны. Поэтому имена многих турецких политиков, названия территорий, где происходили события, недавняя история Турции и т.д. были во многом знакомы читателям немецких газет. Во-вторых, положение Турции воспринималось немецкой публикой как ситуация, параллельная сложившейся в Германии. Турция тоже проиграла войну. Она также была жертвой жестоких положений навязанного ей мирного договора.

Уже одно это делало «нормальным» включение событий в Турции в публикации немецких СМИ, посвященные послевоенной обстановке. Именно в таком ключе (а также учитывая случайные новости о судьбе немецких военнослужащих, служивших в Османской империи) положение в Турции время от времени обсуждалась сразу после войны в немецкой прессе [6]. Так, на протяжении нескольких месяцев Турция пребывала в роли незначительной темы в немецких газетах.

Но в 1919 г. ситуация кардинально изменилась. Положение в Турции приобрело драматический характер. Греческая армия высадились в Измире. На турецких территориях возникло националистическое движение сопротивления. Несколько позже

его возглавил Мустафа Кемаль-паша. Примерно в это же время немецкая пресса сообщила своим подавленным и шокированным читателям, что Германия подписала Версальский договор. И сразу после этого немецкая печать впервые представила Мустафу Кемаль своей читающей публике как выдающегося лидера турецкого движения сопротивления [7].

С этого момента, после некоторого замешательства, немцы прониклись сочувствием и особо глубоким интересом к кемалистским силам. Война за независимость Турции стала для немецкой прессы истинным «медиасобытием». Об этом мы вправе судить, обратившись к примеру очень влиятельной тогда газеты «Нойе пройсше цайтунг». В 1919 г. она опубликовала по меньшей мере 194 материала о Турции; в 1920 г. их численность возросла до 369, в 1921 г. – до 454, а в 1922 г. – до 853. И так продолжалось вплоть до августа 1923 г., когда было опубликовано еще примерно 323 материала [8].

Иногда, правда, эти материалы представляли собой короткие заметки. Тем не менее, их общее количество дает представление о том значении, которое придавалось этой теме. Нетрудно подсчитать, что в рассматриваемый период в газете ежедневно публиковались как минимум одна, а то и две статьи или заметки, посвященные событиям в Турции. Часто на протяжении многих дней подряд Турции посвящалась половина первой полосы. Иногда сообщения о происходившем там занимали 3 или даже 4 полосы в разделе «Последние новости». Информация о Турции регулярно появлялась как в утренних, так и вечерних изданиях. Как писала в начале 1923 г. популярная газета «Дойче альгемайне цайтунг», летом 1922 г. в немецкой печати можно было читать о Турции «ежедневно и тысячекратно» [9].

Но значение имела не только численность материалов. Важным было и то, каким образом подавались в них Турция и Мустафа Кемаль и как осмысливались турецкие события применительно к ситуации в Германии. Назвать его образцом «позитивного освещения» – значило бы допустить крайнее преуменьшение. Происходившее в то время в Турции изображалось воплощением мечты отчаявшихся и подавленных националистов. И это в те дни и месяцы, когда сама Германия переживала (по крайней мере в национальном воображении) наиболее тяжелые времена всей своей новой истории. В этих условиях казалось просто невероятным видеть, как бывший союзник – пусть и не очень почитаемый и полноправный в прошлом – сумел собрать силы, чтобы подняться на борьбу с союзниками Антанты и ее греческой марионеткой.

Еще невероятнее казался последующий ход событий. Турецкие националисты стали одерживать

победы. Еще задолго до того, как это стало очевидным, немецкие националистические газеты утешали своих читателей, утверждая, что странам Антанты не удастся разделаться с Турцией ввиду специфики ее географии и собственного изнеможения, порожденного недавней войной [10]. При этом обсуждение ситуации в Турции сопровождалось выплескиванием на Антанту немалых порций злорадства. Всячески подчеркивались слабости Антанты и разногласия между входившими в нее странами, а саму ее неизменно именовали союзом, исключительная цель которого – завоевания и нажива [11].

Мустафа Кемаль стал для немецких националистов яркой звездой, «светом во тьме», как назвал несколько позже «турецкую ролевую модель» Гитлер. Обсуждение последней вышло далеко за рамки радикальной ультраправой периферии. Даже вне ее пределов появились статьи, стимулировавшие дебаты об этой «ролевой модели» и о том, как лучше всего применять «турецкие уроки» в Германии.

Дебаты о Турции и Мустафе Кемале были непосредственно связаны с произошедшими революционными переменами в государственной системе Германии и многих других стран Европы. В этой связи националистическая пресса часто обсуждала метафизический вопрос о том, кто же все-таки «делал» историю и приводил нации к величию – отдельные личности или массы, самодержцы или демократы.

Появился даже лозунг «Мустафу на Рейн», который отражал установку на поиск такого немецкого лидера, который бы сыграл роль Мустафы Кемаль для Германии [12]. Конечно, раздавались и голоса, направленные против применения «турецкого опыта». Особенно ярко выступил в этой связи в июне 1921 г. Карл фон Осецкий [13]. Опубликованная им статья была примечательна в двух отношениях. Во-первых, он принципиально отвергал любые «турецкие уроки», а во-вторых, она появилась в тот же день, что и другая, настойчиво пропагандировавшая эти «уроки» статья, автором которой был Фридрих Гусонг, с полным основанием славивший впоследствии учителем Геббельса. На этом фоне голос Осецкого прозвучал как зов одиночки, заглушаемый хором пребывающих в эйфории националистов.

Образчиком этой эйфории была и сама статья Гусонга. Он выступал как откровенный и яркий антидемократ, реваншист и антисемит. Его подобного рода «труды» регулярно появлялись в радикально националистических газетах. Он открыто симпатизировал Гитлеру и нацистскому путчу 1923 г. Ему приписывали завоевание многих читателей в качестве будущих избирателей нацистов.

В своем эссе «Человек и массы» Гусонг избражал Германию «кастрированной нацией», которую обуял «бред масс», иными словами – демократии [14]. Единственным «замечательным примером выхода из сложившейся ситуации» он считал появление творческой «личности “фюрера” типа Мустафы Кемалья, “человека, который преобразил дезориентированную и беспомощную массу в нацию и армию; человека, который дал массам цель”». «Человек по имени Мустафа Кемаль встает и превращает, казалось бы, беспомощные и колеблющиеся, дезориентированные и нерешительные массы в единую нацию, воля которого отводит страну от края гибели; фюрер встает и указывает путь там, где когда-то были только бездна и обреченность».

Для Гусонга Кемаль был «стальным человеком», «заряженным, как аккумулятор», с волей, подобной «штампованной стали», способным «сделать все, что потребуется». В своем эссе он вновь излагал биографию Кемалья и историю его успеха с тем, чтобы «доказать ложность немецкой демократии, если не вообще демократии как таковой», и поведать Германии о том, что ей необходимо. Он в эпическом стиле рассказывал о недавней турецкой истории, подчеркивая при этом «волю человека», который сумел разорвать «цепи порабощения» Севрского договора, и перечислял все стороны, подписавшие этот договор, чтобы показать, насколько невозможными казались тогда усилия Кемалья Ататюрка. Вне зависимости от того, как сложится его судьба в будущем, подчеркивал Гусонг, его роль уже превзошла все ожидания: «Мы обязаны ему реабилитацией чести человека перед идолопоклонниками масс». Этими словами Гусонг завершил призыв к пришествию немецкого фюрера.

Можно привести множество других примеров того, как война за независимость Турции и роль Мустафы Кемалья стали частью более широких дебатов о будущем наций и человечества. Так, поместив на своих страницах развернутый материал о положении в Турции, газета «Кройццайтунг» восклицала: «Историю делают люди!» В своей статье об Ататюрке, опубликованной в газете «Дойче альгемайне цайтунг», Теа фон Путткаммер, подводя итоги «турецким урокам», писала: «в Германии, где героика ценится позорно мало, гораздо больше внимания следует уделять тому, сколь многого может достичь воля одного человека» [15].

Приведенные, как и многие другие, аналогичные печатные материалы могут послужить необходимой иллюстрацией того, насколько глубоко пример Турции проник в Германию и каким образом он стал формировать сознание немалого количества

немцев. А именно в эти годы и в этой атмосфере возникло национал-социалистическое движение. Неудивительно, что нацисты тоже оказались под сильным впечатлением реализации «турецкой ролевой модели». В конце 1928 г. газета «Фелькише беобахтер», ставшая вскоре рупором нацистов, а затем и флагманом прессы Третьего рейха, была приобретена нацистской партией. И почти сразу же – 1 января 1921 г. – она вышла под знаменательным заголовком «Героическая Турция» [16]. Неполный месяц спустя та же газета поместила статью, озаглавленную «Турция – ролевая модель» [17]: «Сегодня турки, – отмечалось в статье, – самая молодая нация. В один прекрасный день у немецкого народа не будет другого выбора, как лишь использовать турецкие методы». Выступив с этим призывом, этот нацистский печатный орган значительно опередил большинство газет. На протяжении целого месяца газета вновь и вновь повторила, что в какой-то момент Германии «не останется ничего иного», кроме как «применить на практике» турецкий опыт [18].

Правда, после апреля 1921 г. газета переключилась прежде всего на внутренние проблемы Германии. Освещение зарубежной тематики стало делом другого печатного органа нацистской партии – «Хайматлянд». В нем нашла широкое освещение продолжавшаяся дискуссия о «турецкой модели». Апофеозом этой дискуссии стала серия из двух статей под общим заголовком «Национальное самосохранение “больного”» [20].

Но еще большее значение придавалось нацистами серии из шести статей, озаглавленной «Мустафа Кемаль и его достижения». Ее автором был Ханс Тробс – единственный иностранец, участвовавший на стороне кемалистов в ходе их борьбы за независимость. Серия статей в «Хайматлянд» была первым шагом Тробса в карьере журналиста. Написать серию статей об Анкаре и кемалистах для нацистского еженедельника его побудил «герой войны», а затем центральная фигура в лагере ультраправых реваншистов Эрих Людендорф [21]. Она стала самым обширным материалом, посвященным Турции в «Хайматлянд», а возможно и во всей послевоенной [после Первой мировой войны. – Прим. перев.] прессе Германии.

Редакция нацистского еженедельника с радостью приняла эту серию. Во введении к ней было подчеркнуто: «Судьба Турции демонстрирует чрезвычайно много общего с нашей собственной. Сквозь призму Турции мы осознали, как нам надо было бы поступить. Если мы хотим быть свободными, то у нас не будет иного выбора, кроме как в той или иной форме следовать турецкому примеру» [22]. Таким образом, редакторы издания с самого начала дали

ясно понять, что «турецкая ролевая модель» не ограничена ни по времени, ни по месту.

Дух и содержание серии отражало и то, как представлял ее читателям сам автор.

Политическое положение Турции после подписания Севрского договора, писал он, хорошо известно. Оно такое же, как и положение нашего отечества сегодня, спустя четыре года после подписания Версальского договора. Империя пала и стала колонией Антанты. Жизненно важные области отрезаны росчерком пера. Враг таится внутри страны. Анархия и гражданская война неизбежны, а народ беззащитен и обесчещен...

В шести пространных статьях Тробст, описывая войну за независимость, уделял особое внимание вопросам тактики и логистики. При этом он неоднократно применял уроки Турции к ситуации в Германии, сводя их к трем пунктам: армия добровольцев, нация, объединенная под руководством сильного лидера, и «ее очищение» от меньшинств.

Вывод, который он сформулировал, гласил: для возрождения нации необходимы единый фронт, национальное очищение и армия добровольцев. «Это, вкратце, великий урок, который мы можем вывести из борьбы Турции за свободу. Но для того чтобы его реализовать, должен появиться спаситель страны, тот, кто выполнит требования момента» [23].

Вслед за публикацией данной серии статей в еженедельнике появились материалы, продолжившие обсуждение «турецкой ролевой модели». Через две недели после ее завершения главный заголовок на первой странице издания гласил: «Дайте нам правительство Анкары!» [24]. Редакция «Хайматлянд» выступила с декларацией, в которой призывала немецких националистов «подняться» и провозгласить Мюнхен новой, альтернативной столицей Германии, подобно тому, как Мустафа Кемаль сделал столицей Анкару, противопоставив ее коррумпированному и бессильному Стамбулу. Тогда из Мюнхена, как из Анкары в Турции, придет освобождение Германии.

В следующем выпуске «Хаймлянд» вновь обсуждалась «турецкая ролевая модель» [25]. И всего через пять дней после появления этого выпуска Гитлер решил, что пришло время для государственного переворота в Мюнхене, подчеркнув тем самым, что так называемый «пивной путч» 1923 г. вдохновлен скорее «турецкой моделью», чем «походом на Рим» Муссолини.

Это обстоятельство было дополнительно подчеркнуто рядом заявлений, сделанных во время суда в 1924 г. после неудачи государственного переворота. Сам Гитлер в своей защитительной речи цитировал Мустафу Кемаль, ссылаясь, в частности,

на «ролевую модель турок». [26]. После суда шум вокруг турецкого примера заметно утих, поскольку говорить о нем стало опасно. Но когда Гитлера еще раз, в конце 1920-х гг., попытались осудить за измену, он снова сослался в заготовленной им защитительной речи на пример Ататюрка [27].

Возможным вернуться к обсуждению «турецкой ролевой модели» стало лишь после того, как нацисты пришли к власти. Более того, начиная с 1933 г., в Третьем рейхе начал внедряться своего рода культ Ататюрка и Новой Турции. И хотя он не получил дальнейшего развития, но остался важной частью официальных дискурсов о фюрере, национальном возрождении и реваншизме [28].

В 1933 г. Гитлер, как упоминалось выше, заявил в интервью, что Ататюрк был для него «сияющей звездой во тьме» 1920-х гг. С тех пор эта оценка стала определяющей для официальных позиций Третьего рейха [29]. Гитлером было сделано немало и других аналогичных заявлений. Но не менее важно и то, что пресса Третьего рейха продолжила восхваление кемалистов. Новая Турция была использована ею в качестве «ролевой модели» при изложении нацистских представлений об идеальном государстве во главе с фюрером, заново строящим энергичное и бескомпромиссное национальное общество и т.д.

Естественно, это был искаженный образ Новой Турции. Многие аспекты ее развития, не соответствовавшие нацистскому мировоззрению, игнорировались или преуменьшались. Это, в первую очередь, касалось реформы языка, эмансипации женщин и ориентированной на мирное развитие внешней политики Ататюрка. Другие аспекты, такие, как радикальная секуляризация турецкого общества, были важны для нацистов, но говорить о них можно было только за закрытыми дверями. Они были чересчур радикальны, чтобы отстаивать их публично. Несмотря на это, они дают представление о том, в каком направлении предполагали менять немецкое общество некоторые высокопоставленные нацисты.

Немецкие дебаты о геноциде

Радикальными были также установки, направленные на «решение» вопроса о меньшинствах, утвердившиеся еще до 1933 г. (прежде всего так называемый «еврейский вопрос»). Они составляли ключевой компонент нацистского видения нового «народного» государства, сложившийся еще в ходе обсуждения специфики Новой Турции в начале 1920-х гг.

Дебаты по этому вопросу начались параллельно с шумихой в немецкой прессе вокруг войны за независимость Турции. Обе эти дискуссии не были

связаны друг с другом. Их объединили лишь на короткое время в 1923 г. дебаты вокруг Лозаннского договора, положившего конец этой войне. Но тогда этническое измерение было сосредоточено не на современных для того времени событиях, а на недавнем прошлом Турции. Во время Первой мировой войны в Османской империи прошел геноцид армян, в ходе которого погибло свыше миллиона ее граждан. Этот факт был хорошо известен ключевым международным игрокам, включая Германию [30]. Однако в годы войны вопрос о геноциде армян не стал в ней важной темой общественных дискуссий. Военные действия и цензура не дали хода этой теме. Были лишь моменты, особенно в 1915 г., когда Германия отбивалась от обвинений стран Антанты, и многие подробности происходившего проникли в немецкую прессу [31].

Таким образом, первоначально по армянскому вопросу не было полноценных дебатов. И все же читатели немецких газет, скорее всего, догадывались о том, что с османскими армянами произошло нечто, выходящее далеко за рамки обычных погромов и депортаций. Просто слишком много громких самооправданий слышалось в немецкой и османской пропаганде. Смысл их сводился к тому, что, мол, армяне восстали против османского государства, в то время как его войска боролись за выживание империи. Так было уже в 1915 г., когда турецкая пресса писала о коварном ударе ножом в спину, нанесенном армянами азиатским туркам.

В 1919–1923 гг. в связи с интересом общественности к турецкой войне за независимость в Германии состоялись дебаты о геноциде армян в военные годы [32]. При этом проблема рассматривалась с оглядкой на германские реалии.

Начало разговору на эту тему положили немецкие проармянские активисты, начавшие путем публикации разоблачительных материалов информировать читающую публику о том, что в действительности происходило с османскими армянами. Затем эта тема явно заинтересовала министерство иностранных дел Германии, которое вывело эту тему на первый план [33].

Причина этого была вполне очевидна. Еще в разгар геноцида армян МИД стал выражать беспокойство в связи с тем, что происходившее может быть после войны использовано против Германии [34]. В 1919 г. эта тревога усилилась до такой степени, что МИД Германии решил обратиться к известному во всем мире проармянскому активисту Йогану Лепсиусу с просьбой отредактировать и подготовить к печати том документов, отражающих дипломатическую переписку по армянскому вопросу. Идея заключалась в том, чтобы убедительно по-

казать, что Германия не виновна в геноциде и не состояла «в сговоре с османами»; напротив, МИД якобы делал все, чтобы пресечь геноцид и помочь армянам. В действительности все было не совсем так. Поэтому трудно не согласиться с оценкой документов этого тома и самой роли Германии, которую дала в свое время газета «Нью-Йорк Трибюн»: «Что же сделала Германия, чтобы спасти армянский народ от уничтожения? Она намекала Турции, что та плохая, а сама пожимала плечами. Так выглядела ее «полная защита» на самом деле. Все оставалось без изменений [35].

Таким образом, попытку МИДа обелить позицию Германии вряд ли можно было считать удавшейся в том, что касалось оценки немецкой позиции за рубежом. Тем не менее, внутри страны она была во многом успешной. Немецкие газеты активной обсуждали содержание этого тома, появившегося на книжном рынке уже летом 1919 г., и, как правило, охотно соглашались с тем, что Германия не виновна в произошедшем геноциде [36]. Тем не менее, публикация тома все же инициировала тему геноцида армян. В передовицах многих газет шла речь об «убийстве нации», подробно описывалось происходившее и выражалась надежда на то, что пришло время раскрытия тайн и признания варварства минувшей войны.

Ключевой комментарий к документам тома, появившимся на первой полосе газеты «Берлинер Тагесблят», был написан одним из ведущих публицистов того времени Теодором Вольфом [37]. Будучи наиболее пространным и одним из первых, этот комментарий задал тон отношению к публикуемым документам как в Германии, так и за рубежом [38]. Вольф писал, что, читая эти документы, хочется «трижды взмолиться грозному богу», и подчеркивал: «Есть такая мера страданий и низости, которая делает мелкими самые высокие слова [...] Существует такого рода ужас, перед которым бессилён любой пафос».

Подробно описывая происходившие события, начиная с арестов вплоть до последующих убийств армянской интеллигенции в Стамбуле, «когда стал невозможен любой громкий звук протеста», он откровенно называл главных идеологов и стратегов этой кровавой кампании: «После того, как банда Энвера в ходе спровоцированных конфликтов получила предлог для якобы необходимых из военных соображений «мер безопасности», она начала депортации и бойню, и «удушающий ангел смерти подтолкнул несчастную нацию к зверской агонии в могиле».

Вольф описывал, как «мужчин, женщин и детей поголовно вывозили в пустыню, в «концентра-

ционные лагеря», как первыми убивали мужчин, а женщин и девочек продавали в гаремы и кочевым племенам. Ознакомив читателей с ужасами геноцида, Вольф заключал: «Если хотите больших подробностей, то ими заполнены пять сотен страниц тома. На турецкой земле, по имеющимся оценкам, было невыразимо жестоко уничтожено около одного миллиона человек. То же самое стало уделом ста тысяч человек на Кавказе».

Эссе Вольфа дает представление о глубине состоявшихся дискуссий, а также о степени возмущения, вызванного публикацией материалов Министерства иностранных дел Германии. Многие комментаторы последовали примеру Вольфа. Аналогичных статей появлялось немало. Одна из них, напечатанная в газете «Фоссише цайтунг», была названа «Истребление турецких армян» [39].

На этом вроде бы можно было бы поставить точку. Но это было бы неверным. После некоторого спада волны негодования и осуждения геноцида резко активизировались немецкие националисты. На протяжении почти полутора лет (с конца 1919 г. до начала 1921 г.) контролируемая ими печать предприняла небезрезультатную попытку изменить сложившиеся настроения, обелив организаторов массовых убийств. Был инициирован поток статей и комментариев, отрицавших масштабы того, что происходило в годы Первой мировой войны в Турции, и оправдывавших состоявшееся насилие [40].

Масла в огонь подлило еще одно нашедшее широкий отклик событие. В марте 1921 г. в Берлине армянин Согомон Тейлирян застрелил Талаат-пашу, бывшего великого визиря и министра внутренних дел Османской империи, которого часто рассматривали как главного подстрекателя и исполнителя геноцида. Это возродило дебаты на армянскую тему. Сначала они велись достаточно осторожно [41]. Однако драматичный судебный процесс над Тейлирианом, происходивший летом 1921 г., обострил реакцию возмущенной общественности [42].

Сам по себе этот судебный процесс характеризовался многократным разворотом ролей: в результате перед судом «предстали» не убийца, а Талаат-паша и Османская империя [43]. В конечном итоге Тейлирян был оправдан, что еще усилило дискуссии о геноциде, продолжавшиеся на протяжении нескольких последовавших месяцев.

Судебный процесс коренным образом изменил точку зрения немецкой прессы на геноцид. Теперь уже не только левые, но и несколько других газет в полной мере демонстрировали публике истинную сущность геноцида. Перед необходимостью ее признания оказались и многие другие органы печати. В июне 1921 г. «геноцид» – в различных его трактов-

ках, таких, как «убийство людей» или «уничтожение армян», – утвердился как факт с последующим полномасштабным обсуждением стоявших за ним намерений и политики.

До начала суда газеты, общественность и немецкие политики делились на тех, кто признавал геноцид в Османской империи во время войны, и тех, кто отрицал как наличие, так и масштабы зверств, а также стоявших за ними намерений. На протяжении первых лет это противостояние между «признававшими» и «отрицавшими» оставалось железобетонным. Лишь несколько газет колебались между про- и антиармянскими установками. Позиции тех, кто отрицал наличие геноцида, были глубоко укоренены в истории немецкой проосманской политики и в устоявшихся антиармянских настроениях. В течение двух лет, но особенно в год до убийства Талаат-паши, они «бомбардировали» немецкую публику антиармянскими статьями и эссе, утверждая, что в случившемся виноваты сами армяне, так как они пошли на «военную измену» и нанесли туркам удар в спину. Их депортация была вызвана крайней «военной необходимостью», а некоторые понесенные потери были побочными продуктами войны или, выражаясь на военном жаргоне, «сопутствующим ущербом» [44].

Однако летом 1921 г., по-видимому, окончательно исчезла возможность полностью отрицать геноцид. Критическая масса, возникшая во время судебного процесса, привела к тому, что все немецкие СМИ вынуждены были признать геноцид, включая газеты, которые его ранее отрицали. Тем не менее, они продолжали, даже еще более агрессивно, оправдывать то, что в свое время происходило в Анатолии. Такие оправдания уже были ранее неотъемлемой частью дискурса. Однако тогда их главной целью было доказать, что во время войны в Анатолии не происходило нечто, достойное особого внимания. Теперь же их усилия были направлены прежде всего на то, чтобы по сути защитить и оправдать геноцид как таковой.

После произошедшего «тектонического сдвига» эти же аргументы были особенно широко использованы «оправдывающими» газетами, в «авангарде» которых шествовал Ганс Гуманн из «Дойче альгемайне цайтунг» и следовали «Дойче цайтунг», «Дойче тагесцайтунг» и некоторые другие [45]. Так, например, газета «Франкфуртер альгемайне» уже 7 июня поместила эссе, в котором признавалось «варварское истребление» армянского народа и в то же время подчеркивалось, что армяне не были «невинными ангелами» и сами спровоцировали ту-рок на их жестокие действия [46]. В том же июне, а также в последовавшие за ним недели и месяцы,

их примеру последовали многие другие газеты националистического толка, в том числе «Берлинер локальцайтунг» и «Кройццайтунг». Бывшие «немецкие турки» – Отто фон Фельдман и Бронзарт фон Шеллендорф – опубликовали в «Дойче альгемайне цайтунг» статьи, в которых подчеркивалось, что произошедшее в Османской империи было «военной необходимостью», вызванной поведением самих армян [47]. В середине сентября в статье «Слово в защиту Турции» газета «Дойче цайтунг» вновь подчеркивала, что армяне были «пятой колонной» и что во время войны они нанесли туркам удар в спину. Там же, как и ранее в других газетах, в ней вновь утверждалось, что вину за произошедшее несут сами армяне, и в абстрактной манере давалось понять, что туркам просто не оставалось ничего другого, кроме как устроить геноцид [48].

Таковы были настроения в националистических кругах, когда в начале 1922 г. в Берлине вновь прозвучали выстрелы, в результате которых армянами были убиты два младотурецких функционера. О реакции националистов на произошедшее можно судить по позиции националистической «Дойче цайтунг», которая воспользовалась убийством как возможностью с особой настойчивостью поставить «вопрос о иностранцах – и в первую очередь о проживающих в Берлине армянах и евреях. Эта тема была подана как притча, в которой шла речь о том, что врач, прежде чем приписать лекарство, должен определить болезнь. «Дойче цайтунг» определила «болезнь» как «присутствие евреев». Заявив это, она вопрошала: кому выгодна разобщенность Германии? Ответ был зашифрован ссылкой на «Западный Берлин», который слыл тогда синонимом убежища для восточных евреев, армян и других «иностранцев». Настроения в националистических СМИ того времени убедительно иллюстрируют сделанные газетой завершающие выводы. «Только что, – писала она, – мы прочли, как некоторые издания оправдывают убийство в Берлине дружественных Германии турок только потому, что трусливые преступники были «кузенами семитов». Эти издания демонстрируют такое же поведение в отношении еврейского вопроса. Разрушение всего того, что почитают немцы, в конце концов, служит той же цели [...] Немецкую болезнь нельзя излечить с помощью конституционных лекарств или таблеток социализации. Это можно сделать исключительно при помощи острого ножа народного хирурга. Возбудители распространяющегося гниения должны быть удалены! В противном случае Германия умрет от негерманской сущности» [49].

Аналогичные статьи появились в те дни во всех националистических газетах. Когда же год

спустя обсуждался Лозаннский договор, на этот раз армяне упоминались в них лишь вскользь и в контексте того, что Турция разрешила проблему меньшинств «образцовым образом», уничтожив армян и изгнав греков.

Описанные выше выступления продемонстрировали тогдашним наблюдателям, таким, как Гитлер и его сообщники, что в послевоенной Германии имеется националистически жестко ориентированная часть общества, открыто оправдывающая геноцид как таковой. Обсуждение в прессе геноцида армян длилось почти пять лет. Это была широкая дискуссия с обширными эссе на первых полосах газет, с развернутыми авторскими материалами и дебатами между различными изданиями. Это было не просто перепечатка с лент информационных агентств или копирование материалов других публикаций. Стороны неплохо разбирались в теме, которую обсуждали. Геноцид рассматривался ими, главным образом, в рамках «военной необходимости» и оправдывался расовыми признаками. Объединение двух тем, «армянской» и «еврейской», и их созвучие с традиционными немецкими антиармянскими и антисemitскими настроениями не ускользнули от Гитлера, который в этом же духе неоднократно ссылался на армянский вопрос в 1920-е гг. Не была проигнорирована нацистами и кульминация дискуссии о геноциде, вызванная судебным процессом, последовавшим за покушением на Талаат-пашу. Друг Гитлера и его политический советник того времени Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, бывший вице-консул в Восточной Анатолии, находился в зале суда в качестве свидетеля защиты. А Альфред Розенберг в 1928 г. в своей статье все еще продолжал комментировать судебный процесс Талаат-паши [50].

Далекое, но близкое?

Ни одно из описанных выше событий не оказало решающего воздействия на становление национал-социализма. Тем не менее, турецкие (и армянские) примеры свидетельствуют, что для понимания некоторых поворотов в истории нацизма важно иметь в виду события, происходившие в свое время Турции, и порожденные ими дебаты.

Нередко утверждают, что геноцид немецких и европейских евреев был невозможен до конца 1930-х гг. Однако опыт дискуссии о геноциде армян, происходившей в начале 1920-х гг., свидетельствует об обратном. Понятие «геноцид» вошло в сферу практики гораздо раньше. Уже тогда действовали политические силы, считавшие «оправданным» такое расово обусловленное уничтожение массы людей – будь то армяне, евреи или представители каких-либо других народов.

Очевидно, что многие аспекты событий в Турции так или иначе оказывали влияние на мировую политику. Не случайно они стали объектом ключевых общественных дебатов, состоявшихся в то время.

Что касается Германии, то она оказалась не на периферии, а в самом центре происходивших дебатов. И все это несмотря на то, что никаких прямых двухсторонних отношений между ней и Турцией не существовало. То было время, когда приобретали популярность новые стили в политике, и их нужно было понять, «адаптировать», принять или отклонить. Одним из проявлений этого процесса был кемализм, другим – большевизм, еще одним – фашизм и его ответвление – зарождавшийся национал-социализм. И все это – в хаосе перехода от старых режимов (империи и монархических систем) к чему-то новому [51].

В заключение несколько методологических соображений.

Война за независимость Турции, ставшая важным медиасобытием в первые годы Веймарской Германии, и развернувшиеся в ней дебаты вокруг геноцида армянского народа должны побудить нас переосмыслить многие сложившиеся подходы к ряду событий мировой истории. Это, разумеется, не так просто сделать. Так, изучение архивов немецких и турецких иностранных ведомств, относящихся к рассматриваемому времени, не дает нам никакой информации о состоявшихся в Германии описанных нами дебатах. Одной из важных причин этого является то, что в это время между двумя странами не было официальных отношений. В Германии они были запрещены договорами о перемирии и мире, а кемалисты, естественно, были озабочены в то время не тем, как их воспринимали в Германии, а совсем другими, жизненно важными обстоятельствами.

Между странами, несомненно, существовали взаимоотношения на уровне личных связей. Но они не были столь важны, как этого можно было бы ожидать. Следовательно, за то, что тема Турции неожиданно стала темой Германии, надлежит поблагодарить не специалистов-востоковедов, а немецких писателей и журналистов. Это свидетельствует, в частности, о том, что перенос мировых событий – далеких и близких – на национальную почву средствами массовой информации может стать важным компонентом исторического восприятия и исследования. Он в состоянии многое прояснить, так как способствует пониманию политических настроений. И это относится не только к прошлому, но и к настоящему.

Примечания:

1. Сравните некоторые почти случайные примеры из огромного свода литературы по теме: *Kershaw, I.* Hitler, 1889–1936: Hubris. – London, 2001 [1998]. – P. 180-185; *Bullock, A.* Hitler: A Study in Tyranny. – London, 2005 [1952]. – P. 86-87; *Burleigh, M.* The Third Reich: A New History. – London, 2001. – P. 59; *Wright, J.* Germany and the Origins of the Second World War. – Basingstoke, 2007. – P. 5.
2. *Nolte, E.* Der Faschismus in seiner Epoche: Action française, italienischer Faschismus, Nationalsozialismus. – München, 2000 [1963]; *Idem.* Der europäische Bürgerkrieg, 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. – Berlin, 1987; сравните *Evans, R.J.* In Hitler's Shadow: West German Historians and the Attempt to Escape from the Nazi Past. – New York, 1989. – P. 24-46. *Kellogg, M.* The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–194. – Cambridge, 2005.
3. См. мое обсуждение «немецких османов» в: *Ihrig, S.* Atatürk in the Nazi Imagination. – Cambridge, MA, 2014. – P. 101-104.
4. Для получения более подробной информации о последующем обсуждении см.: *Ihrig, S.* Atatürk in the Nazi Imagination. – Chapters 1-3.
5. См., напр.: *Das Schicksal Liman von Sanders* // *Kreuzzeitung*. – 1919. – Jun. 8; *Die äußere Politik der Woche* // *Kreuzzeitung*. – 1920. – Jan. 28; *Auslieferungsbegehren auch an die ehemaligen Bundesgenossen?* // *Kreuzzeitung*. – 1920. – Feb. 7; *Fortsetzung der Auslieferungsliste* // *Kreuzzeitung*. – 1920. – Feb., 12; *Imhoff Pascha verhaftet* // *Kreuzzeitung*. – 1920. – Feb. 21.
6. См., напр.: *Aufstandsbewegung in Anatolien* // *Kreuzzeitung*. – 1919. – Jul. 1; *Aufstand in Anatolien* // *Vossische Zeitung*. – 1919. – Jul., 1.
7. Обсуждение, посвященное исключительно *Kreuzzeitung* и войне за независимость Турции, см. в: *Ihrig, S.* 'Why them and not us?' – The *Kreuzzeitung*, the German Far Right, and the Turkish War of Independence, 1919–1923 // *Beyond the Balkans – Towards an Inclusive History of Southeastern Europe*/ Ed. by S. Rutar. – Zürich, 2014. – P. 377-404.
8. *Levante und deutsche Not* // *Deutsche Allgemeine Zeitung*. – 1923. – Feb. 10.
9. Сравните: "Die äußere Politik der Woche," *Kreuzzeitung*, December 15, 1920; "Die Lage der Entente im Orient," *Frankfurter Zeitung*, November 12, 1922.
10. Сравните мое обсуждение в *Ihrig, S.* Atatürk in the Nazi Imagination. – P. 33-43.
11. Критический ответ: *Mustapha am Rhein?* // *Vorwärts*. – 1922. – Mar. 28. *Ossietzky, Carl von.* Der Fall Angora // *Berliner Volks-Zeitung*. – 1921. – Jun. 19.
12. *Hussong, F.* Mann und Masse // *Berliner Lokal-Anzeiger*. – 1922. – Oct. 1.

13. *Puttkammer, Thea von.* Begegnungen mit Mustafa Kemal // Deutsche Allgemeine Zeitung. – 1922. – Sept. 27.
14. Außenpolitische Rundschau: Die heldenhafte Türkei // Völkischer Beobachter. – 1921. – Jan. 1.
15. Die Türkei: Der Vorkämpfer // Völkischer Beobachter. – 1921. – Feb. 6.
16. Die Entente und die Türkei // Völkischer Beobachter. – 1921. – Mar. 10.
17. Более детальное обсуждение газеты *Heimatland* и Турции см.в: *Ihrig, S.* Atatürk in the Nazi Imagination. – P. 71-101.
18. Die nationale Selbsthilfe des 'kranken Mannes' // Heimatland. – 1921. – pt.1. – Jun. 18; pt. 2. – Jun. 25.
19. *Gebhardt, H.* Mir fehlt eben ein anständiger Beruf: Leben und Arbeit des Auslands korrespondenten Hans Tröbst, 1891–1939. – Bremen, 2007. – P. 20, 23.
20. *Tröbst, H.* Mustafa Kemal Pascha und sein Werk (I) // Heimatland. – 1923. – Sep. 1.
21. *Tröbst, H.* Mustafa Kemal Pascha und sein Werk (VI) // Heimatland. – 1923. – Oct. 15.
22. Her die Angora-Regierung! // Heimatland. – 1923. – Oct. 27.
23. Например: Berliner Brief // Heimatland. – 1923. – Nov. 3.
24. См. особенно: Der Hitler-Prozess 1924 / Eds. L. Gruchmann et al. – Vol.4: 19–25 Verhandlungstag. – Munich, 1997. – P. 1574-1575.
25. Stellungnahme zu einem Ermittlungsverfahren wegen Hochverrats, doc. no. 7 // Hitler: Reden, Schriften, Anordnungen, Februar 1925 bis Januar 1933 / Ed. Institut für Zeitgeschichte. – Vol. 2. – Pt. 2. – Munich, 1992. – P. 72-100, здесь P. 83.
26. См. *Ihrig, S.* Atatürk in the Nazi Imagination. – главы 4 и 5.
27. См. мое обсуждение: *Ihrig, S.* Atatürk in the Nazi Imagination. – P. 114-143.
28. *Ihrig, S.* Justifying Genocide – Germany and the Armenians, from Bismarck to Hitler. – Cambridge, MA, 2016; См. также статьи в недавно опубликованных документах: Der Völkermord an den Armeniern im Spiegel der deutschsprachigen Tagespresse (1912–1922) / Ed. Yetvart Ficiciyan. – Bremen, 2015.
29. Реакцию на конкретные заявления в 1915 г. см. в: *Ihrig, S.* Lord Bryce and the Armenian Genocide in German wartime propaganda // Journal of Levantine Studies. – 2015. – No.2. – P. 51-70.
30. *Ihrig, S.* Justifying Genocide – Germany and the Armenians from Bismarck to Hitler. – Cambridge, MA, 2016. – главы 9-12.
31. См. некоторые примеры (ранних) статей об армянских активистах: *Lepsius, J.* Washatmanden Armenierngetan? Die Zeit zu reden ist gekommen // Aus der Arbeit von Dr. Johannes Lepsius 11/12, September/December 1918. – P. 113-118; здесь P. 116; *Stier, E.* Armenien // Frankfurter Zeitung. – 1919. – Jan.21; *Richter, J.* Die deutschen evangelischen Missionskreise und das armenische Volk // Allgemeine Missionszeitschrift. – 1919. – Feb. 6; *Wegner, A.T.* Armenien – Offener Brief an den Präsidenten der Vereinigten Staaten // Berliner Tageblatt. – 1919. – Feb. 23.
32. См. *Ihrig, S.* Justifying Genocide. – P. 129-134.
33. Germany and the Armenians // New York Tribune. – 1919. – Aug. 14 // Armenocide – Documents from the State Archives / Ed. W. Gust, online at www.armenocide.net.
34. *Lepsius, J.* Deutschland und Armenien, 1914–1918: Sammlung diplomatischer Aktenstücke. – Potsdam, 1919.
35. *Wolff, Th.* (неозаглавленный комментарий, 1-2) // Berliner Tageblatt. – 1919. – Jul. 28.
36. Сравните: Ein Dokument jungtürkischer Schande // Braunschweiger Landeszeitung. – 1919. – Jul.29; Die Ausrottung der türkischen Armenier // Vossische Zeitung. – 1919. – Jul.30; Der Massenmord am Armeniervolk // Kölnische Volkszeitung. – 1919. – Aug. 2; для большего количества примеров из этих недель и месяцев см.: Der Völkermord an den Armeniern im Spiegel der deutschsprachigen Tagespresse (1912–1922) / Ed. Yetvart Ficiciyan. – Bremen, 2015. – P. 302-318.
37. Die Ausrottung der türkischen Armenier // Vossische Zeitung. – 1919. – Jul.30.
38. Подробнее об этом см: *Ihrig, S.* Justifying Genocide. – P. 219-225.
39. См.: *Ihrig, S.* Justifying Genocide. – P. 227-233.
40. *Ihrig, S.* Justifying Genocide in Weimar Germany – The Armenian Genocide, German nationalists, and assassinated Young Turks in Berlin, 1919-1923 // Re-writing German History – New Perspectives on Modern Germany / Eds. Jan Rüger & Nikolaus Wachsmann. – London, 2015. – P. 215-232.
41. См., например: Die Ermordung Talaat Paschas vor Gericht – Die Vernehmung des Angeklagten // Berliner Börsenzeitung. – 1921. – Jun. 3; Das Attentat auf Talaat Pascha – Der Armenier Teilirian vor den Geschworenen // Berliner Morgenpost. – 1921. – Jun. 3; Die Ermordung Talaat Paschas – Berichte der Zeugen über die Armenier-Greuel // Berliner Lokal-Anzeiger. – 1921. – Jun. 3; Der Mörder Talaat Paschas vor Gericht – Die armenischen Greuel // Germania. – 1921. – Jun. 3; Die Ermordung Talaat Paschas // Deutsche Zeitung. – 1921. – Jun.3.
42. О немецком дискурсе относительно «военной необходимости» сравните: *Hull, I.V.* Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. – Ithaca/London, 2005.
43. См., например: Der Freispruch des Mörders // Deutsche Allgemeine Zeitung. – 1921. – Jun. 4; Der Freispruch // Deutsche Zeitung. – 1921. – Jun.4; Zum Freispruch des Mörders Talaat Paschas // Deutsche Tageszeitung. – 1921. – Jun. 4.
44. Teilirian // Frankfurter Zeitung. – 1921. – Jun. 7.
45. *Feldmann, Otto von.* Zum Talaatprozeß // Deutsche Allgemeine Zeitung. – 1921. – Jun. 30; также в Weser

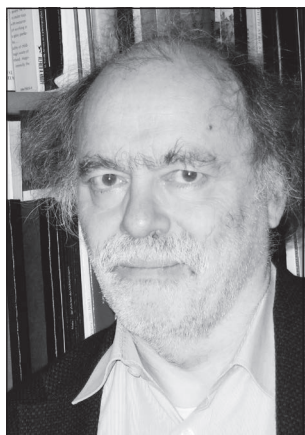

- Zeitung. – 1921. – Jul. 4; *Schellendorff, Bronsart von*. Ein Zeugnis für Talaat // *Deutsche Allgemeine Zeitung*. – 1921. – Jul. 24.
46. Ein Wort für die Türkei // *Deutsche Zeitung*. – 1921. – Sep. 15.
47. Politik der Woche // *Deutsche Zeitung*. – 1922. – Apr. 22.
48. *Rosenberg, A.* Mörder und Mörderschutz // *Der Weltkampf*. – 1926. – Jul.; что касается Гитлера, см., например: Rede auf General Mitgliederversammlung der NSDAP/NSDAV e.V. in München. Document no. 159 (30 July 1927) // *Hitler: Reden, Schriften, Anordnungen*, Februar 1925 bis Januar 1933 / Ed. Institut für Zeitgeschichte. – Vol. 2. – Pt. 2. – München, 1992. – P. 429; Rede auf NSDAP-Versammlung in Nürnberg. Document no. 61 (3 December 1928) // *Hitler – Reden, Schriften, Anordnungen*, Februar 1925 bis Januar 1933 / Ed. Institut für Zeitgeschichte. – Vol. 2. – Pt. 1. – München, 1992. – P. 297-316, здесь P. 310.
49. Сравните итальянскую точку зрения и дебаты: *Carretto, G.E.* Polemiche fra kemalismo, fascismo, comunismo negli anni '30 // *Storia contemporanea*. – 1977. – No.3. – P. 489–530.

УДК 329.18(68)
ББК 66.69(6)

ОССЕВАБРАНДВАГ КАК ФАШИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Христоф Маркс,
профессор внеевропейской истории
Университета Дуйсбург-Эссен (Германия)
christoph.marx@uni-duisburg-essen.de

Перевод с немецкого С.Г. Алленова

Аннотация. Оссевабрандваг – широкое движение националистически настроенных буров в Южной Африке – быстро развивалось и стало массовым, когда Южная Африка вступила во Вторую мировую войну в качестве союзника Великобритании. Поскольку многие африканеры были возмущены этим шагом правительства, они создали внепарламентскую организацию, около одной четверти членов которой были белые африкаанс. Когда идеолог Ханс ван Ренсбург стал лидером движения Оссевабрандваг, оно стало быстро развиваться: от движения с размытой и неясной политической повесткой дня Оссевабрандваг превратился в фашистскую организацию, которая поддерживала гитлеровскую Германию пропагандистски и логистически. Это идеологическое развитие оказалось основной причиной возможного распада Оссевабрандваг, так как его основной соперник – Национальная партия – настаивал, что фашизм не был совместим с африканерским национализмом и является чуждой идеологией.

Ключевые слова: фашизм, африканерский национализм, культурный национализм, насилие, предательство, расизм.

THE OSSEWABRANDWAG AS A FASCIST ORGANIZATION

Christoph Marx, Professor of Extra-European History,
University of Duisburg-Essen, Germany

Abstract. The Ossewabrandwag, a broad movement of nationalist Afrikaners in South Africa, developed quickly into a mass movement when South Africa entered the Second World War as an ally of Great Britain. Since many Afrikaners resented this policy on the part of their government, they increasingly supported an extra-parliamentary organization which about one quarter of the Afrikaans white population ultimately became members of. When the ideologically-committed Hans van Rensburg took over as the movement's leader the Ossewabrandwag quickly developed from a movement with a blurred and unclear political agenda into a fascist organisation that supported Hitler's Germany propagandistically and logistically. This ideological development proved to be the main reason for the eventual demise of the Ossewabrandwag, since its rival, the National Party, insisted that fascism was not compatible with Afrikaner nationalism, but rather was a foreign ideology.

Key words: fascism, Afrikaner nationalism, cultural nationalism, violence, treason, racism.

Национализм африканеров в Южной Африке вряд ли превратился бы в широкое политическое движение, не будь англо-бурской войны 1899–1902 гг. Осознание бурами себя как жертвы захватнической империалистической политики, проводимой к тому же методами, гораздо более привычными при обращении с черными, нежели чем

с белыми противниками, и обилие послевоенных экономических проблем – все это подготовило питательную почву, на которой основанная в 1914 г. Национальная партия смогла быстро превратиться в крупнейшую оппозиционную силу Африканского союза. Войдя в 1924 г. в правительство, она отставила политическую программу, направленную на

обеспечение привилегий белого электората, к которой принадлежала также и политика разделения рас – «сегрегации».

Основанная генералом времен англо-бурской войны Дж. Б. М. Герцогом Национальная партия была первоначально центром притяжения для буров, недовольных правительственным курсом, проводимым Л. Боте и Я. Смэтсом, и чувствовавших себя обделенными. Идентифицировать этих белых в соответствии с их историей и культурой как нацию было принято тогда лишь в кругах небольшой части интеллектуалов как состоявших в рядах новообразованной партии, так и находившихся вне ее.

Сторонники культурного национализма преобладали и в созданном в 1918 г. тайном объединении – Брудербонд («Союза братьев африканеров»), а также в постоянно расширявшейся сети его организаций, которые объединяли белых, говоривших на языке «африкаанс» [1]. Но и сама Национальная партия представляла собой рыхлый союз четырех действовавших на провинциальном уровне региональных объединений Капской провинции, которая изначально была цитаделью культурного национализма.

В 1933 г. под влиянием мирового экономического кризиса в Южной Африке сложилась «большая коалиция», в которую вошла и находившаяся до тех пор в оппозиции Южноафриканская партия, руководимая Смэтсом. Спустя год обе правящие партии слились в Объединенную партию. Национальная партия Капской провинции на слияние не пошла и провозгласила себя «очищенной» Национальной партией.

Потрясения, вызванные мировым экономическим кризисом, и прежде всего обнищание значительной части говоривших на «африкаанс» белых, данные о котором были обнародованы в начале 1930-х гг. в пятитомном отчете Карнеги, как и посткризисный экономический рост с его сопутствовавшими негативными последствиями, имели следствием заметную радикализацию новой Национальной партии, превратившей культурный национализм в свою идеологию. При этом влияние фашистских движений, утвердившихся тогда в Европе, на резкое поправление Национальной партии было гораздо меньшим, чем перечисленные выше внутренние процессы.

Первый пик культурного национализма и превращение его носителей в массовое движение пришелся на 1938 г. Начало им было положено празднованием столетия «Битвы при Кровавой реке», воспетой националистами как поворотный пункт «Большого трека» – мифологизированного события истории похода буров на новые земли и их самоутверждения как нации.

Искусно инсценированный тогда символический караван запряженных волами повозок послужил завершению Брудербондом и Национальной партией их десятилетних усилий по «завоеванию» уже существовавших культурных организаций и созданию прочного сплава культуры «африкаанс» с национализмом. Африканерский культурный национализм стал поистине массовым движением.

При этом, однако, у Национальной партии и Брудербонда появился грозный конкурент на их же почве – приобретшее еще более массовую поддержку радикальное движение под названием Оссевабрандваг («Огненная стража воловых повозок») [2].

1. Основание Оссевабрандваг

Его появлению способствовал ряд объективных обстоятельств. Образование «большой коалиции» с последующим слиянием обеих правящих партий усилило ощущение нарастающего кризиса и породило глубокое недоверие к парламентско-демократическим институтам. Одним из результатов этого стало появление множества небольших внепарламентских группировок, бравших за образец фашистские движения Европы. Юбилейные торжества, а затем и начало Второй мировой войны вызвали вторую волну культурного национализма.

Поначалу фашистский характер Оссевабрандвага был не вполне очевиден. Вплоть до 1941 г. он оставался в основном массовым националистическим и популистским движением африканеров. Название «Оссевабрандваг» указывало на прямую связь с описанным выше символическим «воловым походом». И действительно, все разнообразные инициативы, приведшие в феврале 1939 г. к созданию Оссевабрандвага, так или иначе восходили к этому памяtnому событию. В кругу основателей движения всячески подчеркивалось намерение сохранить «дух» этого похода [3].

Первый шаг к его образованию состоялся в конце 1938 г. в Блумфонтейне, где группа представителей местной знати, объединившаяся вокруг пастора местной реформаторской «Двуглавой церкви» Х.Р. Котце, решила придать националистическому воодушевлению прочные организационные формы [4]. Ввиду видной роли, которую Котце играл в то время в Брудербонде, в исторической литературе принято считать, что к данному «действию» приложило руку это тайное общество. Документального подтверждения подобного утверждения нет, несмотря на совпадение по времени встреч Братства и основания Оссевабрандвага [5]. Оно может быть также объяснено и личной активностью Котце. Тем не менее, нельзя исключать и того, что Брудербонд наблюдал за активностью мелких культурно-националистических организаций

и в какой-то момент, скорее всего несколько позже, решил оказать влияние на движение Оссевабрандваг, которое выросло к тому времени в самостоятельную влиятельную силу.

Блумфонтейнская знать нашла союзника в армейском офицере, полковнике Д.Х.Х. Лаасе, уже успевшем зарекомендовать себя в качестве пламенного националиста и завоевать симпатии в армейской среде, выступая в роли организатора товарищеских вечеринок и других аналогичных увеселительных мероприятий [6].

Лаас был в то время подчиненным и политическим соратником администратора Оранжевого свободного государства и командира расквартированной в Блумфонтейне военной бригады д-ра Й.Ф.Я. ван Ренсбурга [7]. Ренсбург, проявлявший особое внимание ко всему тому, что имело отношение к армии, всячески содействовал организации акций, посвященных «Большому треку», и пытался придать им военизированный характер. И хотя его усилия в данном направлении по большей части не имели успеха, это лишь укрепляло его уверенность в том, что пришло время придать национализму более строгие организационные формы, отражающие армейские ценности [8]. В ходе подготовки к празднованию столетней годовщины «Большого трека» он обнаружил, что Лаас преследовал аналогичные цели и на свой страх и риск уже создавал специальные отряды – командос.

Чтобы не вызвать недовольства военного руководства, ван Ренсбург посоветовал Лаасу сделать упор на сугубо гражданский характер этих отрядов, увязав их при этом с символически столь значимым походом. Он-то и предложил назвать их «Оссевабрандваг», то есть теми, кто несет вахту у воловых повозок [9]. Тем самым должна была быть подчеркнута ассоциация с временами реального «Большого трека» XIX в., когда ночные стоянки колонистов приходилось охранять от диких животных. Их посты, располагавшиеся у лагерных костров, именовались «брандваг», т.е. огненная стража. Предложение ван Ренсбурга так удачно объединило в одно целое стремление к увековечению культурного национализма, милитаристские импульсы и вновь обретенный национальный символ – воловью повозку, что термин Оссевабрандваг надолго пережил инсценировку похода, с которой первоначально был связан, и превратился в название возникшей организации.

Ее военным руководителем – командант-генералом – стал Лаас, а председателем Гроотраада («Большого совета») – контрольного органа, первоначально состоявшего из представителей блюмфонтейнской знати, – пастор Котце [10]. На

первых порах компетенции этих институтов не были определены, и ОБ, как вскоре стали сокращенно называть новое движение, вступив в стадию стихийного роста, превратилось в вотчину одного Лааса. Чрезвычайно эксцентричный [11] Лаас, будучи весьма посредственным организатором, оказался, однако, превосходным агитатором. Совершив серию турне – сначала по Оранжевому свободному государству, а затем и по всей Южной Африке, – он сумел привлечь на свою сторону и побудить к вступлению в ОБ множество граждан, говоривших на африкаанс [12]. Правда, он не имел представления о том, как придать стабильность руководимому им движению. И оно распалось бы, если бы не появившиеся лидеры местного и регионального уровня [13]. Их основу составляли отставные военные, прошедшие соответствующую подготовку и нашедшие в парамилитаристской ОБ свою вторую родину [14]. В своем большинстве они были тесно сплочены, прежде всего благодаря личным знакомствам и связям, и образовали первоначальную жизнеспособную организационную ткань.

Однако по-настоящему жизненную силу влило в ОБ начало Второй мировой войны. К тому времени ее положение было далеко не блестящим. Заседания Гроотраада фактически перестали собираться. Большинство членов движения покинуло ряды организации [15]. Немалую роль в этом сыграло и то, что ОБ было далеко не единственной организацией радикально-националистического толка. После символической инсценировки «волового похода» в стране возникало множество движений, ставивших схожие цели.

По мере совпавшего с началом войны притока в движение новых членов стала все более очевидной ограниченность лидерских качеств Лааса. Поэтому в октябре 1940 г. объединенными усилиями бывших военных и обновленного Гроотраада под руководством того же Котце его без лишних церемоний сместили. Первое время дела движения продолжал вести Котце [16]. Между тем, новые влиятельные члены занялись поиском преемника лидера. Вскоре они сошлись на кандидатуре ван Ренсбурга, согласившегося возглавить движение [17]. К концу 1940 г. он покинул прежнюю должность администратора Оранжевого свободного государства и взял на себя руководство Оссевабрандваг.

2. Оссевабрандваг как массовое движение

За неполные два года с момента начала Второй мировой войны ОБ вновь превратилось в массовое движение [18]. Этот процесс пришелся в основном на тот период, когда командант-генералом движения был ван Ренсбург [19]. Первоначально ОБ оставалось локальным образованием с центром в

Блумфонтейне – аграрной столице Оранжевого свободного государства. Однако очень скоро оно переросло эти рамки. Руководство движением переместилось в Трансвааль, где его оплотом стал индустриальный район Витватерсранд. Оттуда оно стало продвигаться дальше, в сельскую периферию. Утвердилось оно и в Капской провинции, а также в провинции Натал. Происходившее с движением нередко сравнивали тогда с пожаром в зарослях буша [20]. За короткое время к нему примкнули тысячи людей. К концу 1940 г. численность его членов составила, по некоторым, пусть даже завышенным оценкам, около 400 тыс. чел. – т.е. около трети всех тогдашних африканеров.

Подобный рост представляется удивительным и требующим объяснения.

Прежде всего он был обусловлен политическим вакуумом, который возник на правом фланге после раскола старой Национальной партии в 1934 г. Ее остатки, руководимые Д.Ф. Маланом, которые именовались воссоединенной Национальной партией, сохранили сильную опору в Капской провинции. Однако во многих других, прежде всего северных регионах ее позиции оставались организационно крайне слабыми. Она даже не имела представительства в парламенте.

Начало Второй мировой войны подтолкнуло африканеров, считавших свое участие в очередной «английской войне» не вполне добровольным, в ряды движения, привлечшее их внимание своими радикальными националистическими лозунгами, слухами о предстоящем путче и намеками на скорые перемены [21]. Однако ОБ привлекало людей не только в силу их недовольства политическим положением или слабостью Национальной партии. Им импонировали его организационная структура, а также умелое обращение с народной культурой [22].

ОБ строилось как парамилитаристская организация, основные боевые единицы которой составляли командос. Руководящие должности в ней занимали офицеры, звания которых были такими же, как в прежних бурских республиках. Тем самым ОБ выступало в роли своего рода военизированной противовеса армии Южно-Африканского Союза, хотя никогда и не находилось с ней в силовой конфронтации.

Парамилитаристская организационная структура ОБ служила, в частности, удовлетворению авторитарных запросов общества и прежде всего потребности африканеров в «дисциплине». Многие из них были убеждены, что их прежние испытания были порождены недостатком дисциплинированности, в подтверждение чего обычно использовались ссылки на опыт англо-бурской войны. Дис-

циплина стала волшебным ключом, призванным открыть путь желательным переменам [23]. В свою очередь, парамилитаристская структура ОБ создавала впечатление о царившей в ней солидарности, поскольку командос строились на локальном уровне, на основе соседской, а иногда даже семейной общности [24].

Но наибольшее значение для привлекательности ОБ имел его демонстративный эгалитаризм, который оно не только постулировало, но и на деле практиковало: «Для меня, – говорил в своем интервью один из видных деятелей движения, – самым прекрасным в организации было то, что мы брали из общества людей, которые иначе никогда бы не получили признания: бригадиры с ферм становились для нас капралами... Если человек был хорош, то он ставился начальником над своим хозяином. В таком случае его хозяин становился членом его команды. Уже это так окрыляло человека, а организация так воодушевляла его, что ее функционирование осуществлялось практически само собой» [25].

Таким образом ОБ стал как бы символом того, что долго искали, но не находили политики, а именно – «народного единства» [26]. Впрочем, достигнутая с началом войны партийно-политическая консолидация африканеров оказалась краткосрочной.

Протестуя против принятого парламентом решения о вступлении Южной Африки в войну, председатель правительства Герцог покинул свой пост и вместе со своими сторонниками присоединился к оппозиционной Национальной партии, возглавляемой Д.Ф. Маланом. Правда, вскоре молодые политики из этой партии, искусно маневрируя, переиграли соратников Герцога и выдворили их из партийных рядов. На объединительном съезде Национальной партии Оранжевого свободного государства в декабре 1940 г. разыгрывались драматические сцены, воспринятые многими как недостойное и ненужное унижение Герцога. В результате Оссевабрандваг существенно пополнился за счет его сторонников [27], к числу которых, наряду с прочими, принадлежал и ван Ренсбург. Но движение привлекало также и всех тех, кому надоели партийные распри и кто стремился к преодолению раздоров [28].

Впрочем, Оссевабрандваг мог предложить и нечто большее. Вступление Южной Африки в войну подтолкнуло его руководство к выводу, что только выход страны из Африканского Союза, находившегося под британским господством, мог бы предотвратить подобные шаги в будущем. Поэтому ОБ стал знаменосцем республиканизма, который по своей решительности не уступал радикальным республиканцам из Национальной партии. Тем самым ОБ начал казаться многим за-

служивавшим особого доверия, ибо прямо объявил своей важнейшей целью создание республики и был, в отличие от Национальной партии, предельно прямолинейным [29].

Привлекательность ОБ состояла и в том, что он утверждал себя как не политическое, а культурное сообщество. Проведение широкомасштабных акций национально-культурной направленности помогло ему привлекать в свои ряды множество заинтересованных в них африканеров [30]. Во многих сельских округах ОБ был зачастую единственным источником подобной активности. В этой сфере действовали прежде всего женщины [31] и молодежь [32]. Множество традиций, утвердившихся в ходе юбилейных празднеств и укоренившихся в ОБ, обычно сочетались с начальной военной подготовкой. Благодаря этому, он получал возможность подчеркивать свою роль организации, заботливее всех иных хранящей и защищающей культурное наследие африканеров.

По своему социальному составу движение было предельно гетерогенным. Его классовая база практически не могла быть выявлена – несмотря на то, что в последующие годы ОБ стал приобретать все более очевидный сельский характер и позиционировал себя как движение «простых людей». Но первоначально об этом не шло и речи. Его социальный состав определяла специфика переходной эпохи. Одной «ногой» ОБ стоял в отсталом аграрном мире, другой – в урбанизированном индустриальном обществе. Этому соответствовала и описанная выше неопределенность его целевых установок, обращенность к классово слабо дифференцированной этнической идентичности.

Это, кстати, и было одной из причин его успеха. Своими расплывчатыми установками [33], туманными обещаниями всеобщего улучшения ситуации в результате утверждения народного единства и провозглашения республики ОБ импонировал всем, поскольку не защищал чьих-либо особых интересов и не отпугивал тем самым остальных.

Обращение ОБ к культурному национализму сталкивало его в среднесрочной перспективе с Национальной партией и с разветвленной сетью Брудербонда. Обеспокоенность ОБ вызывало наличие у него радикального подпольного крыла – боевых егерей «Стормьярс». В этих формированиях, созданных для выполнения задач активистского и конспиративного плана [34], состояли молодые сорвиголовы – демобилизованные солдаты, а также студенты [35], полицейские [36] и молодые рабочие. Всего их было от 6 до 8 тысяч [37].

При всем том, что ОБ с его десятками тысяч членов обладал огромным разрушительным потен-

циалом, опасность, исходившая от «Стормьярс», ощущалась в стране достаточно остро. Поэтому государство предприняло против них превентивные меры, оказавшиеся весьма эффективными. Нейтрализация «Стормьярс» была в значительной степени реализована присутствием находившихся в готовности войск и постоянной перспективой интернирования его членов. Действия «Стормьярс» были осуждены и Национальной партией, к которой вскоре пришло понимание того, что путь к власти могут обеспечить лишь выборы, и которое побудило ее дистанцироваться от внепарламентского активизма [38].

Все это вынудило «Стормьярс» свести свою деятельность к актам мелкого саботажа, вроде повреждения телефонных проводов [39]. Наиболее активно вели себя его активисты в северных провинциях, преимущественно в Трансваале [40], в его городских агломерациях [41]. В конечном итоге многие из них были заключены в лагеря для интернированных, так что для ОБ, как бы забывшем о прежней конкуренции, открылось новое поле деятельности по оказанию материальной и моральной поддержки интернированным и по созданию вокруг них своего рода культа [42].

В конце 1940 г. Малан заключил соглашение с руководством ОБ, которое возглавлял еще Котце, и без того поддерживавший тесные отношения с Национальной партией. Это соглашение разграничивало сферы их деятельности и тем самым фактически накладывало запрет на политическую активность ОБ [43]. Однако их отношения вновь резко изменились после того, как руководство ОБ перешло к ван Ренсбургу.

3. Оссевабрандваг под руководством ван Ренсбурга. Отношения с Национальной партией

Ханс ван Ренсбург слыл среди своих сторонников исключительно деятельной личностью [44]. Он сделал быструю карьеру в органах государственной службы, заняв в конце концов весьма почетную должность администратора – управляющего делами Оранжевого свободного государства [45]. При этом он с полным основанием прослыл откровенным милитаристом [46], а свое преклонение перед Третьим рейхом скрывал так же мало, как и активное неприятие демократии и парламентаризма [47].

Взгляды ван Ренсбурга представляли собой примечательную смесь элитарных и эгалитарных устремлений. Будучи командант-генералом ОБ, он делал в своих публичных выступлениях упор на эгалитаризм, который отчасти демонстрировал, еще будучи высокопоставленным чиновником с докторской степенью [48]. Вместе с тем он всяче-

ски демонстрировал свой пиетет к ведущим политическим деятелям (к числу которых негласно причислял и себя), порой невзирая на разногласия с ними. Так, на протяжении всей своей жизни ван Ренсбург оставался почитателем Смэтса, хотя тот был его главным политическим противником, внесшим решающий вклад в досрочное прекращение его административной карьеры [49]. Ван Ренсбургу импонировали сильные личности, обладавшие качествами вождя [50], что все сильнее связывало его в последующие годы со «Стормьярс», ставшими впоследствии элитой Оссевабрандваг.

Связь между элитарными и эгалитарными установками ван Ренсбурга вытекала из свойственного ему расизма. Ведь его идея равенства распространялась только на белых, прежде всего на африканеров, рассматривавшихся им одновременно и как расовая элита. Не случайно после прекращения деятельности в ОБ он закончил свои дни сотрудником аппарата апартеида [51] и даже превратился в сторонника и почитателя Х. Фервурда, бывшего в годы войны объектом его ненависти и нападок [52].

Фантастические представления о «магнетической личности» ван Ренсбурга, еще десятилетия спустя бытовавшие среди его поклонников [53], должны объясняться скорее его самоуверенностью, а также тем, что он завоевал свои высокие позиции на государственной службе, минуя политику, так что его неожиданное появление на ее авансцене придавало ему незаслуженную ауру харизматического вождя.

Поначалу ван Ренсбург, получивший от всех фракций правого лагеря высокий кредит доверия, а также всеобщее признание его административных способностей, постарался установить хорошие отношения с Национальной партией Малана. Однако эти отношения вскоре омрачились, что было неизбежным, так как оба политика не могли не понимать, что руководимое ван Ренсбургом ОБ будет неизбежно превращаться из потенциальной партийной армии в серьезного соперника Национальной партии.

Непосредственным поводом для разрыва послужила позиция, занятая Освальдом Пирровым. Пирров, крайне правый член кабинета Герцога и ближайший сподвижник экс-премьера, хотя и примкнул к Объединенной Национальной партии, возникшей в результате слияния в 1941 г. «очищенной» Национальной партии во главе с Маланом и разрозненных остатков сторонников Герцога, вряд ли мог претендовать в ней на столь же высокое место, какое занимал ранее. Он вызывал недоверие у многих членов новой партии, особенно у более молодых деятелей, последовавших в 1934 г. за Ма-

ланом. Одним из таких деятелей был Й.Г. Стрейдом, глава Национальной партии Трансвааля, который считал Пиррова недостаточно серьезным и в то же время видел в нем потенциального конкурента [54]. Последнее было вполне оправданным, поскольку Пирров располагал в Трансваале сильной поддержкой, в том числе и прежде всего среди парламентариев.

С января 1941 г. он стал активно заявлять о себе также на идеологическом поприще, опубликовав памфлет «Новый порядок для Южной Африки», в котором изложил свой идеал будущего южноафриканского фашистского государства. Действуя на базе этого манифеста, он приступил к объединению своих сторонников в Национальной партии и в учебные группы «Нового порядка» [55]. Речь определенно шла о создании партии внутри партии, хотя сам Пирров и отрицал это. Стрейдом вполне отдавал себе отчет в том, что бывший министр руководствуется сугубо личными целями. Весной 1941 г. в кругах истеблишмента Национальной партии развернулась неприкрытая политическая травля Пиррова и его сторонников [56].

Ван Ренсбург, который не только лично дружил с Пирровым, но был в 1930-е гг. его ближайшим сотрудником в тогдашнем министерстве юстиции и к тому же придерживался максимально близких к нему идейных позиций, демонстративно встал на сторону преследуемого. Выступая в августе 1941 г. в Эльсбурге, он заявил об идущей полным ходом «облаве» на несогласных и подчеркнул, что в ОБ открыта дорога также и национал-социалистам [57]. Тем самым он дал Национальной партии повод, которого она, по всей видимости, уже давно ожидала.

Последовавшую за этим политическую борьбу вряд ли имеет смысл детально описывать, поскольку этот эпизод истории ОБ очень хорошо документирован и обстоятельно изучен [58]. Однако стоит указать на один аспект, который оставался до сих пор почти незамеченным.

Ван Ренсбург, найдя мощных союзников в рядах других организаций, особенно в Брудербонде, решил, действуя с позиции силы, изолировать Национальную партию. Его главным союзником в этом деле стал Николаас Дидерихс, способствовавший в свое время назначению ван Ренсбурга командант-генералом ОБ и пребывавший на посту шефа Реддингсдаадбонда («Союза действия во имя спасения») и председателя Брудербонда [59]. К их усилиям присоединился П.Й. Мейер, занимавший множество стратегически важных постов в африканерских националистических организациях. Для достижения поставленной цели в Брудербонде была создана рабочая группа под председательством крайне правого деятеля – профессора Л. дю

Плесси. Ей было, в частности, поручено составление базовой политической программы [60].

Весной 1941 г. группа представила проект конституции будущей республики, который предусматривал отмену сохранившихся демократических процедур и установление авторитарного президентского правления. Малан оказался перед необходимостью принять этот проект, тем более что в работе группы принимали участие некоторые представители Национальной партии, прежде всего Фервурд [61]. Тем не менее, ему удалось предотвратить формальную поддержку Национальной партией предложенного документа. Ее руководство сочло, что Брудербонд, как и ван Ренсбург, проявив эту инициативу, вмешались в ее внутренние дела, бесцеремонно выйдя за рамки своих компетенций.

В конечном итоге Малану и его сотрудникам удалось добиться политической изоляции ван Ренсбурга и провести чистку Брудербонда. Его председатель Дидерихс был вынужден уступить свой пост проверенному временем прежнему руководителю Братства профессору Й.К. ван Руй [62]. Затем был смещен со всех своих должностей и Мейер [63]. Одновременно был дезавуирован и публично осужден их сторонник дю Плесси – председатель Комитета африканерского единства при Брудербонде, выступавший в роли посредника между Национальной партией и ОБ.

Свой успех Малан увенчал публичным призывом ко всем членам партии воздерживаться от участия в Оссевабрандваге до тех пор, пока оно не перестанет преследовать политические цели [64]. Это обращение возымело действие, и, начиная с сентября 1941 г., ОБ пришлось столкнуться с серьезным сокращением численности своих членов [65]. Тем самым начался спад массового движения, сделавшего первоочередную ставку на победу немецкого оружия над британской империей. Тем не менее, оно до самого конца войны продолжало оставаться влиятельным политическим фактором, с которым приходилось считаться даже Малану, – в немалой степени и потому, что он, как и Пирров, покинувший партию вместе со своим «Новым порядком» весной 1942 г., в идеологическом плане во все в большей степени скатывался на экстремистские позиции.

4. Оссевабрандваг как фашистская организация

Проигранный первый раунд борьбы, бойкот партийной прессы, начатый в 1942 г., а также массовый исход членов нанесли ОБ очень серьезный урон [66]. Тем не менее и после него ОБ вновь попытался заявить о себе, более четко обозначив свои политические установки. К решению этой задачи ОБ привлек ряд интеллектуалов, встававших

во главе его вновь образованных низовых организаций. Наряду с профессором дю Плесси и Мейером к руководству правого лагеря примкнули и другие интеллектуалы-тяжеловесы [67]. Однако их представления о возможностях и целях движения были для большинства его сторонников слишком отвлеченными. Будучи изложены вычурным, академическим языком, они оставались непонятными большинству членов ОБ, состоявшему из простых фермером, проживавших в сельской глубинке. Отсюда – множившиеся сетования низов движения на то, что люди вообще перестали понимать, за что оно выступает и какова его политическая ориентация [68].

Между тем оно, пытаясь выработать более четкое направление, последовательно смещалось в сторону фашизма, правда такого, который, при известном старании, мог выглядеть как «народный» и «африканерский». Тем самым имелось в виду выстроить защиту от упреков в импорте идеологии, которыми осыпала ОБ Национальная партия.

Впрочем, сходство Оссевабрандвага с соответствующими европейскими образцами становилось настолько очевидным, что, начиная с 1942 г., его можно было с полным основанием характеризовать как фашистское движение [69]. При этом, однако, на руководящих постах в ОБ все еще пребывал ряд представителей протестантского фундаментализма, стремившихся придать его идеологии специфическую африканерско-кальвинистскую окраску [70].

В 1942 г. в Оссевабрандваг было предпринято считавшееся уже давно назревшим реструктурирование. Оно привело к усилению принципа «вождизма», что повлекло за собой превращение ван Ренсбурга в «фюрера» всех низовых организаций движения. Соответственно, резко сократилась роль всесильного прежде Гроотраада. Более четкой стала военная структура ОБ. Подвергся уточнению порядок соподчинения. Так называемые «головные генералы» и «головные команданты» во многом лишались прежних полномочий. Вместе с тем им поручалось крепить контакты с основной базой движения [71]. Сам Гроотраад стал формироваться после прихода ван Ренсбурга (а в полной мере после ухода Котце) из его прямых подчиненных, т.е. офицеров из военных командных структур. Позиции командант-генерала были существенно расширены. Отделы, которыми по собственному усмотрению управляли четыре ассистент-командант-генерала, были ликвидированы, что, по всей вероятности, было направлено против строптивого Х. Ерлинга, занимавшего этот пост в Трансваале. Вместо них был создан отдел заместителя командант-генерала, руководство которым при-

нял Дж.А. Смит, бывший до этого региональным лидером Капской провинции. Ему передавались административные функции, что позволяло командант-генералу сосредоточиться на проблемах политико-идеологического порядка [72]. Низовые организации выводились из подчинения, «областные генералы» [73] ставились под контроль лично ван Ренсбурга. Создавались также новые учреждения, служившие площадками для интеллектуальных разминок и представлявшие собой нечто вроде научно-исследовательских клубов, находившихся под руководством дю Плесси и выполнявших роль идеологических мозговых центров. Руководители этих организаций были произведены в «генералы» и получили места в Гроотрааде, что дополнительно усиливало позиции ван Ренсбурга в его взаимоотношениях с региональными вождями [74].

5. Идеология Оссевабрандваг

Именно в это время Оссевабрандваг и совершил открытый идеологический поворот к фашизму [75]. Наряду с ярко выраженным антисемитизмом, он особенно сильно ударил в «антикоммунистические барабаны». Этот поворот стал решающим вкладом в созданную впоследствии систему апартеида. Неслучайно давние члены ОБ, либо близкие к нему активисты – Б.Дж. Форстер, Х. ван ден Берг и другие, вернувшиеся позднее в истеблишмент Национальной партии, – оказались в первых рядах тех, кто приступил к построению «государства безопасности» 1960-х – 1970-х гг.

Крайние формы приобрел и традиционализм. Близкие ОБ интеллектуалы рьяно подчеркивали необходимость сохранения авторитарной семьи [76] и проповедовали реакционные взгляды на место и роль в обществе женщин [77]. Всячески превозносилось авторитарное государство [78], которому-де не нужны ни партии, ни парламент, поскольку всем будет распоряжаться вождь, занимающий должность президента.

Позднее авторитарный акцент был несколько смещен, и речь пошла о «беспартийном» государстве, причем содержание этого понятия оставалось предельно нечетким. Похожим образом обстояло дело и с ориентацией на корпоративизм, с которым ОБ связывал свои надежды на преодоление классовых противоречий [79].

При всех идеологических различиях между Национальной партией и ОБ в их позициях легко просматривался ряд совпадений. Они отстаивали не принципиально разные подходы, а их различную трактовку, отражавшую различную степень радикализма. Многие взгляды, за которые ратовали деятели Оссевабрандваг, разделяли и представители Национальной партии. Так, антикоммунизм

ОБ фактически не отличался от его интерпретации видным парламентарием Э. Лоувом, а антисемитизм ван Ренсбурга – от его трактовки депутатом от Национальной партии Л. ван Ниропом.

Национальная партия долгое время занимала однозначно антидемократические позиции и вспомнила о преимуществах парламентаризма и партийной демократии лишь тогда, когда вступила в конфликт с ОБ. Первоначально, после появления «Серых рубашек» (в 1930-е гг.), партия, заигрывая с маргинальными правоэкстремистскими группировками, совершила сильный крен в их сторону. Обратное движение наметилось лишь тогда, когда ОБ начал более четко очерчивать свои позиции, отличая их от позиций Национальной партии и разворачивая против нее полемику, вышел на уровень настоящего крестового похода. Обращение Национальной партии к парламентаризму и демократии, с которыми солидаризовались и ее вновь обращенные члены, вроде бывшего «головного генерала» ОБ и будущего премьер-министра Дж. Форстера, выглядят особенно неправдоподобно, если вспомнить о ее массированных атаках на правовое государство, которыми она отличилась после 1948 г.

6. Поворот «влево»

В начале войны Оссевабрандваг, опираясь на фашистскую концепцию порядка, пытался подчеркнуть свою идентичность, отличавшую его от Национальной партии. В свою очередь к концу войны партия «в пик ему» начала прибегать к антикапиталистической риторике, всячески демонстрируя свою заботу «о благе трудящихся африкаанс» [80]. Она не только активно включилась в бои соратников А. Герцога с руководством «Национального союза шахтеров», не только приняла участие в травле С. Сакса и «Союза работников по пошиву одежды», но и попыталась проникнуть во все профсоюзы и даже основала собственный «Рабочий фронт». Хотя эти начинания не принесли ощутимого успеха [81], сам поворот «влево» все же заслуживает внимания, поскольку натолкнулся на сильное неприятие, а иногда и открытое противодействие даже в собственных рядах [82].

7. Триумфальное шествие Национальной партии

Реорганизация Оссевабрандваг совпала с парламентскими выборами 1943 г. Именно в ходе этих событий и стала очевидной основная слабость ОБ, а именно то, что он так и не стал реальной альтернативой Национальной партии. ОБ не решился пойти на выборы в качестве самостоятельной силы, упустив тем самым возможность конвертировать свою конкуренцию с Национальной партией в сильную политическую позицию, которая бы по-

зволила вынудить ее к компромиссу. Вместо этого ОБ бойкотировал выборы, ссылаясь на то, что не желает иметь дело с парламентской системой – элементом «британско-еврейской демократии». Национальная партия увидела в этом свой шанс и тут же стала вербовать не желавших голосовать избирателей ОБ, изображая себя единственной альтернативой правительству Смэтса и подчеркивая и без того очевидное обстоятельство, что каждый неподанный голос будет означать косвенную поддержку правительства. Ван Ренсбург, будучи не чужд этой логике и понимая, что она может оказаться убедительной сохранившим ему верность сторонникам, в конце концов дезавуировал призыв к бойкоту, попытавшись, однако, прикрыть свой маневр крайне воинственной риторикой [83]. Но было уже поздно.

Правительство направило все имевшиеся у него средства на то, чтобы выиграть выборы. К тому же на руку ему сыграла военная обстановка и прежде всего наметившийся в ней в 1943 г. коренной поворот, особенно на африканском фронте, где было задействовано большинство южноафриканских солдат. Сами эти солдаты сохраняли право голоса, и именно их голосам Объединенная партия была обязана своей впечатляющей победой, принесшей ей 89 мандатов против 43 у Национальной партии [84]. Правда, немалую роль в этом – на что с полным основанием указывали эксперты – сыграли искажения избирательного права в сочетании с привилегированным положением провинциальных избирательных округов [85]. Если бы не это, Национальная партия сумела бы существенно укрепить свои парламентские позиции. Даже относительно небольшой переток голосов в наиболее значимых округах мог спровоцировать настоящий обвал и принести ей безусловную победу [86]. Но и так она вышла из выборов с явно окрепшей верой в собственные силы. Этому способствовало и то, что партия смогла вытеснить из выборного пространства многих своих конкурентов. Из парламента исчез, например, Новый порядок, как и подавляющее большинство крайне правых групп. Не удалось попасть в парламент и Партии африканеров, руководимой последователями Герцога. На несколько лет она канула в небытие и пребывала там до тех пор, пока ван Ренсбургу не удалось вновь вдохнуть в нее жизнь.

Руководству ОБ, объявившему так и не состоявшийся бойкот выборам, пришлось пережить кризис доверия, еще больше обострившийся после Сталинградской битвы, продемонстрировавшей полную иллюзорность надежд на победу нацистской Германии и следовательно на приход к власти и создание южноафриканской республики.

Поэтому после выборов 1943 г. ван Ренсбург начал менять ориентиры. Он попытался активизировать свою деятельность в рамках существующих структур, начал все чаще говорить о необходимости создания «общего парламентского фронта», вызвав тем самым некоторое замешательство в Национальной партии [87]. При этом, однако, вероятно из-за сопротивления в рядах собственного движения он никогда не пытался всерьез претворить свои слова в дело. Не исключено, что он продолжал в душе верить в секретное «чудо-оружие» Гитлера и в превосходство Третьего рейха над западными демократиями. Поражение Германии оказалось для него не только политическим, но тяжелым личным потрясением [88].

Поскольку в новой ситуации стало предельно очевидным, что время Оссевабрандваг ушло, личные связи с главой Партии африканеров Хавенга подсказали ван Ренсбурну возможный выход. Он решил вывести остатки членского состава ОБ из политической изоляции, обеспечив им возможность вступления в Партию африканеров и, оживив последнюю, подготовить ее к следующим парламентским выборам [89]. В выигрыше, по его мнению, была бы сама партия Хавенги, которая приобрела бы политический вес, выступив в качестве силы, обеспечившей парламентское большинство Национальной партии.

При этом ван Ренсбург не принял в расчет недоверие Национальной партии, вызванное его многократными заявлениями об «общем парламентском фронте». Переговоры Хавенги с Маланом о возможности сотрудничества и избирательных соглашений на 1948 г. [90], подготовленные при посредничестве Брудербонда, вызвали в руководстве Национальной партии бурю возмущения. Противники ОБ в рядах ее руководства, в том числе Стрейдом, Фервурд и Лоув, заявили Малану решительный протест, обвинив его в отходе от партийных принципов и указав на опасность того, что ОБ использует Партию африканеров в качестве своей «пятой колонны».

Внутрипартийное сопротивление достигло кульминации в 1947 г., когда Стрейдом пригрозил коллегам покинуть свой пост руководителя партийной организации в Трансваале [91]. Его уход мог иметь исключительно серьезные непоправимые последствия ввиду того, что этой провинции предстояло стать главной опорой партии на следующих выборах.

Тем не менее, Малан продолжил свои поиски взаимопонимания с Хавенги, они казались ему перспективными, тем более что последний постоянно и настойчиво заверял партнера по переговорам в том,

что ОБ не собирается подчинить себе Партию африканеров [92]. Между тем, известия, которые Стрейдом получал с мест от своих сторонников, были все тревожнее. Согласно им, в Трансваале, в котором Партия африканеров прежде практически не присутствовала, повсеместно отмечалась активность Оссевабрандваг, создававшего все новые отделения. В этом свете соглашение с Партией африканеров выглядело соглашением с ОБ [93]. В письме в одну из местных партийных организаций Стрейдом предостерегал: «Один лишь тот факт, что люди теперь повсеместно принимают видных представителей ОБ и допускают их в качестве членов в свою партию, может очень легко погубить все дело» [94]. Позиция, изложенная в этом предостережении, вполне очевидна, хотя его автор, судя по всему, явно недооценивал уровня деморализации в стане ОБ [95].

В итоге верх одержал все же Малан. Члены ОБ, вступавшие в Партию африканеров, вели себя в большинстве лояльно и не пытались направить ее в откровенно экстремистское русло. Такая сдержанность могла быть объяснена тем, что в их наметившемся «вхождении в мир парламентаризма» не принимали участия крайне правые идеологи ОБ. Правда, эта констатация ни в коей мере не оспаривает тот факт, что члены ОБ в долгосрочной перспективе оказывали в ряде случаев значительное влияние на политический курс Национальной партии.

В конечном счете Малан и его политическое окружение, выстояв под натиском Стрейдома, продолжали придерживаться договоренности о коалиции и избирательных соглашениях с Партией африканеров. Сплоченный таким образом националистический лагерь получил возможность с уверенностью идти на выборы 1948 г., приняв при этом на вооружение в качестве эффективного предвыборного лозунга призыв к апартеиду.

Степень влияния Оссевабрандваг на последовавшее становление «государства апартеида» можно оценить лишь с трудом, так как оно осуществлялось через отдельных людей и сеть неформальных связей бывших членов ОБ, которые не во всем поддаются теоретической реконструкции. Было бы ошибкой сводить насильственный и авторитарный характер апартеида к наследию ОБ даже несмотря на то, что в некоторых элементах идеологии можно проследить и его воздействие. «Государство» апартеида не было фашистским, хотя его правовой характер на протяжении десятилетий постепенно сводился к минимуму. Представления ОБ об авторитарном государстве в том виде, в каком они нашли отражение в проекте Конституции 1941 г., основанной на подражании образцам европейского фашизма, никогда не были претворены в жизнь.

Южная Африка сохраняла институты парламентской демократии даже в 1970-е гг., когда за этим фасадом носителями реальной власти во все большей степени становились армия и полиция.

Именно при реализации этого процесса и давало о себе знать, пусть и косвенно, влияние Оссевабрандваг. Джон Форстер, некогда видный функционер ОБ, назначенный Фервурдом в 1958 г. министром юстиции, выстроил, находясь сначала на этом посту, а с 1966 г. будучи премьер-министром, разветвленную систему органов безопасности. Приобретая централизованный характер и все очевиднее выходя из-под контроля конституционных органов, эта система, действуя подобно гигантскому спруту, перерастала в «государство в государстве». Ближайшими соратниками Форстера в этом деле были давние соратники по Оссевабрандваг, вроде умершего в 1997 г. шефа государственной безопасности Х. ван ден Берга. Форстер, при котором «государство апартеида» приобретало все более отчетливые черты авторитаризма, сменил начатую его предшественником риторику абсолютной расовой сегрегации на «оборонительную» идеологию антикоммунизма. В ней-то, собственно, и давали о себе знать вклад и влияние ОБ, который, будучи по существу фашистским, в огромных масштабах внедрил в южноафриканское общественное сознание свои многообразные установки.

Разумеется, не следует односторонне сводить внедрение антикоммунизма к влиянию ОБ, как и в целом переоценивать воздействие самого ОБ на установление системы апартеида. Праворадикальные и авторитарные устремления были укоренены и в Национальной партии. Ее политической культуре была присуща такая же неразборчивость в выборе средств борьбы с оппонентами. Начиная с 1930-х гг., Оссевабрандваг являлся, скорее всего, носителем самых радикальных, правоэкстремистских тенденций в многообразном лагере африканерского национализма, в то время как Национальная партия может быть в большей степени оценена как застрельщица этих тенденций.

Примечания:

1. См.: Marx, C. Organized Afrikaner Nationalism: The National Party and the Afrikaner Broederbond, 1910–1948, paper submitted to the Wiener Seminar on Nationalism. – Tel Aviv University, 1992/1993.
2. Этот раздел представляет собой краткую версию основной части докторской диссертации автора: Marx, C. Im Zeichen des Ochsenwagens. Der radikale Afrikaner-Nationalismus in Südafrika und die Geschichte der Ossewabrandwag / Studien zur Afrikanischen Geschichte. Bd. 22. – Münster, Hamburg, 1998.

3. Die Burger. – 16.12.1938, 19.12.1938; *Smit J.V.* (Uitg.). Die Saamwerk – Eeufees-Gedenkuitgawe, 1938. – P. 9.
4. Kotzé, C.R. Die Ossewa-Brandwag: sy ontstaan, ontwikkeling en botsing. – Bloemfontein, 1942. – P. 3; Volksblad. – 14.01.1939, 06.02.1939; Ossewabrandwag-Argief. Potchefstroomse Universiteit vir Christelike Hoër Onderwys, Ferdinand Postma Biblioteek (далее – OB-Argief). N.G.S. van der Walt-slg. 5/25 (Дневник от 12 февраля 1939 г.); См. также: Forum 1. – N. 46. – 11.02.1939. – P. 3.
5. На это указывает прежде всего Баденхорст: *Badenhorst, J.J.* Die Organisasiestruktuur van die Ossewa-Brandwag. – Potchefstroom, 1985. – P. 35ff.
6. Volksblad. – 04.08.1937.
7. Human Sciences Research Council (далее – HSRC). J.F.J. van Rensburg (jnr.) (Приложение 1. Док. 43. Организационная структура 4-й бригады).
8. HSRC. J.F.J. van Rensburg (jnr.) (Приложение 1. Док. 45. Речь от 22 февраля 1937 г.).
9. *Rensburg, J.F.J. van.* 10 Jaar Ossewabrandwag // Ossewabrandwag (Uitg.). Ossewabrandwag-Jaarboek. 1941. – Pretoria, 1949. P. 7; *Rensburg, J.F.J. van.* Der witte Sündenbock – Erinnerungen an die antienglische Widerstandsbewegung. – Göttingen, 1964. – P. 124f.
10. OB-Argief. Grootraad-slg. 1/2/11 (Рукописный протокол заседания от 27 мая 1939 г.). Документов, из которых однозначно явствовало бы, что ОБ взял название для Гроотраада по примеру Национальной фашистской партии Муссолини, в наличии не имеется.
11. Ossewabrandwag-Argief. Transkripte von Interviews. Die Ossewabrandwag herinneringe van... (далее: OB-Argief – Interviews). J.H. Coetzee (Bd. 76-77, 1974). – P. 3; Ibidem. van Botha (Bd. 61-62, 1978). – P. 9; *Rensburg, J.F.J. van.* Der witte Sündenbock... – P. 119, 123ff.
12. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. Universiteit van die Oranje Vrystaat (далее – Instituut vir Eietydse Geskiedenis). PV 18/3/1/33. J.L. (Письмо Й.Л. Уйса Ч.Р. Сварту от 06.12.1940). См. также: OB-Argief – Interviews. F.D. Rousseau (Bd. 179, 1978). – P. 2; Ibidem. C.A. Pienaar (Bd. 105/06, 1975). – P. 9; Ibidem. C.L. de Jager (1974). – P. 20.
13. OB-Argief – Interviews. C.L. de Jager. – P. 18; Ibidem. H.M. van der Westhuysen (Bd. 51, 1973). – P. 3; Ibidem. J.D. Vorster (Bd. 226, 1981). – P. 5; Ibidem. A.S. Spies (Bd. 216-219, 1983). – P. 14; OB-Argief. N.G.S. van der Walt-slg. 2/13 (Ges. v.d. OB). – P. 3; Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 103/2/2/1/1/2 (Письмо Я.Х. Линде (Фуриесбург) Й.Ф. ван дер Мерве от 11.12.1939).
14. OB-Argief – Interviews. N. Deacon (Bd. 69, 1975). – P. 14. Н. Деакон считает, что именно бывшие солдаты нашли в ОБ свою вторую родину, поскольку здесь им не надо было доказывать, что они не трусы.
15. OB-Argief. N.G.S. van der Walt-slg. 2/13 (Ges. v. d. OB). – P. 3.
16. OB-Argief. Grootraad-slg. 1/2/11 (03.10.1940). См. также: Die Transvaler. – 05.10.1940.
17. HSRC. J.F.J. van Rensburg (jnr.). – P. 74ff.; OB-Argief – Interviews. A.S. Spies (Bd. 216-219, 1983). – P. 95, 22 (см. также: Bd. 3-5, Bd. 120. – P. 78, Bd. 222. – P. 12f.).
18. OB-Argief – Interviews. M.L.P. Slabbert (1979). – P. 1; Ibidem. J.F. Marais (Bd. 5-7, 1973). – P. 21; Ibidem. C.H. Rautenbach (Bd. 23, 1973). – P. 1f. См. также: *Calpin, G.H.* There are no South Africans. – London, 1941. – P. 286.
19. Об ОБ как массовом движении см. подробнее: *Marx, C.* The Ossewabrandwag as a Mass Movement, 1939–1941 // Journal of Southern African Studies. – 1994. – Jg. 20, Nr. 2. – P. 195-219.
20. См. напр.: *Thom, H.B.* D.F. Malan. – Cape Town, 1980. – P. 100.
21. *Marx, C.* Im Zeichen des Ochsenwagens... – P. 284ff.
22. См.: *Marx, C.* The Ossewabrandwag...
23. OB-Argief, Nel, O.L. Wat is die Ossewa-Brandwag. – 1941. – P. 2; Die Burger. – 05.10.1940, 27.09.40; OB-Argief – Interviews. J.W. Bell (Bd. 214-215, 1977). – P. 24. Cp.: Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 158/13 (Кодекс поведения Оссевабрандваг и Повестка дня заседания Гроотраада 10./11.12.1940). См. также речи ван Ренсбурга от 21.12.1937 (OB-Argief. J.F.J. van Rensburg-slg. 4/34) и от 22.02.1937 (Ibidem. 4/33), а также от 07.10.1938 и 26.10.1938 (Ibidem. 4/36).
24. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 158/12 (Циркулярное письмо, Трансвааль, июнь 1940 г.). – P. 1. См. также: OB-Argief – Interviews. C.H. Rautenbach. – P. 3.
25. OB-Argief – Interviews. W. de V. Rabie (Bd. 203, 1977). – P. 3. См. также: Ibidem. D. du Toit (Bd. 195, 1979). – P. 3; Ibidem. J.H. Coetzee. – P. 33; Ibidem. J.C. Neethling (Bd. 19-20, 1973). – P. 5; Ibidem. J.B. Roode (Bd. 168-171, 1978). – P. 6. См. также: HAD. – 18.03.1941. – col. 4731ff.
26. OB-Argief – Interviews. B.J. Vorster. – P. 6; Ibidem. D.W. Krüger (Bd. 155, 1978). – P. 2. См. также: *Walt, A.J.H. van der.* 'n Volk op trek, of 'n kort geskiedenis van die ontstaan en ontwikkeling van die Ossewa-Brandwag (Ossewa-Brandwag-uitgawes N. 5). – Johannesburg, 1944. – P. 21f.
27. *Trapido, S.* The South African Party System // Journal of Commonwealth Political Studies. – 1966. – N. 4. – P. 87.
28. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 154/5 (*Marais, J.F.* Ons oorlede erepresident die KG dr. J.F.J. van Rensburg. – P. 1).
29. *Meyer, P.J.* Politieke verset teen die oorlog // Bond van Oud-Geïnterneerdes en Politieke Gevangenes (Uitg.). Agter Tralies en Doringdraad. – Stellenbosch, 1953. – P. 25; OB-Argief – Interviews. C.H. Rautenbach. – P. 12; Ibidem. C.L. de Jager. – P. 21; Ibidem. W. de V. Rabie. – P. 3.
30. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 220/8/2/1/1/1 (Конституция Оссевабрандваг: IV. Цели, V. Функ-

- ции). См. также: Ibidem. PV 158/30 (Клятва Оссевабрандваг). OB-Argief. M.S.F. Grobler-slg. 1/7. Pretoria Verslae. – P. 5f; Ibidem. K.J.H. Behrens-slg. 2/15/1 (Собрание офицеров 07.05.1941); Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 103/2/2/3/3/2 (Приказ по Оранжевому свободному государству 9/42 от 01.06.1942. Приложение А. Оссева); Theron, E. Sonder hoed of handskoен. – Cape Town, 1983. – P. 45. См. также перечень этих мероприятий у П. Принслоу: *Prinsloo, P.J.J.* Kultuurbeeld van die Ossewa-Brandwag 1939–1952 (M.A. – thesis, PU vir CHO). – Potchefstroom, 1983. – P. 53.
31. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 158/13. – P. 2. (Заседание Исполнительного комитета Гоотраада 28.11.1941). См. также описание у Й. Баденхорста: *Badenhorst, J.J.* Die Organisasiestruktuur van die Ossewa-Brandwag. – Potchefstroom, 1985. – P. 118.
 32. *Badenhorst, J.J.* Vroeë organisasiestruktuur // Schyff, P.F. van der (Uitg.). Die Ossewa-Brandwag: Vuurtjie in die droë gras. – Potchefstroom, 1991. – P. 28ff; Die Ossewa-Brandwag. – Jg. 2, Nr. 34. – 14.07.1943. – P. 3.
 33. OB-Argief. M.S.F. Grobler-slg. 2/15 (Регистрационный формуляр). См. также: Die Transvaler. – 31.01.1940.
 34. OB-Argief – Interviews. A.S. Spies (Bd. 3-5, 120). – P. 69f.; Ibidem. J.C. Neethling. – P. 15; Instituut vir Eietydse Geskiedenis. 329/1 (Предварительное следствие по делу Кроне против дю Плесси и 51 других, показания Краукампа). – P. 4ff.
 35. University of South Africa (далее – UNISA). United Party, Central Head Office 17.12 (Секретные донесения капитана Дж. Риббинка от 19.11.1941).
 36. Многие полицейские набирались из белых бедняков: *Grosskopf, J.F.W.* The Poor White Problem in South Africa – Report of the Carnegie Commission. – Part I. Economic Report. Rural Impoverishment and Rural Exodus. – Stellenbosch, 1932. – P. 194f.; OB-Argief – Interviews. H.J.R. Anderson (Bd. 57-57a). – P. 8.
 37. OB-Argief – Interviews. J.C.J. van der Westhuysen (Bd. 51, 1973). – P. 14. Численность в 40 000 участников, которую приводит Й. Мараис, представляется сильно завышенной: *d'Oliveira, J.* Vorster – The Man. – Johannesburg, 1978. – P. 83.
 38. Die Transvaler. – 26.07.1940. Во время проведения мероприятия в Ворчестере Малан настойчиво предостерегал от насильственных действий.
 39. Тем не менее, дело дошло до убийств «предателей» по приговорам фемы, а также актов насилия в отношении тех членов Национальной партии, которые были объявлены противниками Стормьярс: *Marx, C.* Im Zeichen des Ochsenwagens... – P. 639ff.
 40. OB-Argief. H.M. van der Westhuysen-slg. 4/27 (Отчет следственной комиссии). – P. 15.
 41. OB-Argief – Interviews. H.J.R. Anderson (Bd. 16-18); HSRC. J.F.J. van Rensburg (jnr.). – P. 88.
 42. OB-Argief – Interviews. J. Trümpelmann (1978). – P. 19. См. также: University of Cape Town, Jagger-Library (далее – Jagger-Library). BC 640. K 4.3. (Статья для Энциклопедии Южной Африки об интернированиях во Второй мировой войне). Согласно этой статье в августе 1940 г. были интернированы 174 гражданина Союза). См. также: *Marais, J.F.* Geskiedenis van die kampe en tronke van die Tweede Wereldoorlog // Bond van Oud-Geïnterneerdes en Politieke Gevangenes (Uitg.). Agter Tralies en Doringdraad. – Stellenbosch, 1953. – P. 171-175. Й. Мараис оценивает общее число интернированных африканеров в 2 тыс. чел. (P. 174). См. также: *Hancock, W.K.* Smuts. 2 Vols. – Cambridge, 1962. – Vol. 2. – P. 339f. О поддержке, которая оказывалась интернированным, см.: OB-Argief – Interviews. W.J. van der Linde (Bd. 89). – P. 5, 7; Ibidem. W.J. Seymore (Bd. 82, 1975). – P. 14; Ibidem. F.G.T. Radloff (Bd. 220-221, 1983). – P. 10; Ibidem. C.L. de Jager. – P. 41; Ibidem. G.M. van der Walt (Bd. 81-82, 1975). – P. 8, 11. Что касается процедур, посредством которых близкие заключенных могли оказывать им помощь, то Дж. М. ван дер Вальт, работавший в бюро ОБ в Претории и Йоханнесбурге, называл в качестве главного направления деятельности ОБ сбор денег для интернированных и заключенных, а также для самого руководства ОБ (Ibidem. – P. 7). В. Рабие вспоминал, что для благотворительных фондов организовывались базары (Ibidem. W.V. de Rabie. – P. 7). См. также: Die Ossewa-Brandwag. – Jg. 3, Nr. 35. – 05.07.1944. – P. 1. Хотя организация благотворительных базаров в каждом регионе осуществлялась, по всей видимости, автономно (OB-Argief – Interviews. C.A. Pienaar. – P. 24). Этот аспект деятельности ОБ подчеркивала в своем издании и сама организация: Iets oor die Ossewa Brandwag. – Pretoria, 1946. – P. 119ff.
 43. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 158/13 (Пепеговоры Малана с Гроотраатом 29.10.1940). См. также: Die Transvaler. – 31.10.1940. О ставшей в ходе этих переговоров очевидной неопределенности того, что следует понимать под «политическим», см. в частности: *Fourie, L.M.* Die Ossewa-Brandwag en Afrikanereenheid 1939–1942 (Ph. D. Diss., PU vir CHO). – Potchefstroom, 1987. – P. 94.
 44. OB-Argief – Interviews. Steyn (Bd. 134, 1979). – P. 6 («Те редкие случаи, когда я его видел, произвели на меня впечатление: вот это человек! Однажды он станет нашим президентом. Он может вести за собой – таким я его видел»).
 45. HSRC. J.F.J. van Rensburg (jnr.).
 46. *Sachs, B.* Dr. Hans van Rensburg: The Tragedy of an Afrikaner // *Sachs, B.* Personalities and places (second series). – Johannesburg, 1965. – P. 13.
 47. OB-Argief. J.F.J. van Rensburg-slg. 4/33 (Выступление Ренсбурга в Стелленбосе перед Африканерским национальным студенческим союзом, февраль 1937); *Rensburg, J.F.J. van.* Their Paths Crossed Mine – Memoirs of the Commandant-General of the Ossewa-Brandwag. – 1956. – P. 107f.; О встрече ван

- Ренсбург с А. Гитлером см.: *Rensburg, J.F.J. van. Der witte Sündenbock...* – P. 104
48. OB-Argief – Interviews. J.B. Roode. – P. 6.
 49. *Sachs, B. Op. cit.* – P. 11; *Rensburg, J.F.J. van. Their Paths Crossed Mine...* – P. 72ff.
 50. UNISA. Central Head Office. Broederbond 1943–1965. The Ossewa Brandwag. «Exhibit A». – P. 1 (Текст ван Ренсбурга на английском языке). В этой связи следует указать также и на его реакцию на известие о смерти Б. Муссолини: *Rensburg, J.F.J. van. Their Paths Crossed Mine...* – P. 243f.
 51. В частности, он был членом фракции Областного совета Капского полуострова (см.: *Cape Argus*. – 07.08.1956).
 52. OB-Argief. Bond van Oud-Geïnterneerdes en Politieke Gevangenes (BOPG)-slg. 22/105/6 (Речь премьер-министра Б.И. Форстера при открытии памятника на могиле ван Ренсбурга 10 октября 1967 г.). – P. 7). *Die Transvaler*. – 05.10.1966 («Последнее письмо руководителя ОБ премьер-министру»).
 53. OB-Argief – Interviews. H.M. Robinson (Bd. 43, 45, 1973). – P. 5.
 54. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 18/3/1/21 (Письмо Стрейдома Сварту от 08.06.1939); *Villiers, D. de, Villiers, J. de. Paul Sauer*. – Cape Town, 1977. – P. 69, 76. Даже сам Герцог относился к Пиррову с некоторым предубеждением: «К несчастью, он недостаточно глубоко проникнут африканерским духом, а потому не передает те чувства, которые владеют африканерами, и также не всегда может вынести взвешенное суждение» (Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 451/1/320/49/1 (Генерал-лейтенант Герцог о Пиррове, 15.5.1942). Пирров и в самом деле нападал в конце 1930-х гг. в присутствии Малане на то, что спустя несколько лет сам же будет отстаивать. Выступая в 1937 г. в парламенте, он говорил о Национальной партии: «Сегодня она выделяется как партия, полностью основанная на отрицании, на ненависти и непримиримости. Она всегда готова использовать антибританские и антиеврейские чувства, играть на неприязни к туземцам, азиатам и всем цветным и, кажется, даже приступила к попытке расшевелить антикатолические настроения» (Ibidem. PV 108/2 (Недатированная запись парламентского заседания 1937 г.)).
 55. *Die Transvaler*. – 05.03.1941 (вероятно, эта статья стала первой нападкой Малане на Пиррова в связи с его фракционной деятельностью).
 56. *Die Vaderland*, – 07.03.1949, 15.03.1941; *Die Burger*. – 17.03.1941. См. также: *Basson, J.L. J.G. Strijdom. Sy politieke loopban van 1929 tot 1948*. – Pretoria, 1980. – P. 361ff.
 57. *Die Transvaler*. – 11.08.1941.
 58. По-прежнему лучшим исследованием на эту тему остается: *Roberts, M., Trollip, A.E.G. The South African Opposition 1939–1945 – An Essay in Contemporary History*. – London, Cape Town, New York, 1947, а также: *Stultz, N.M. The Nationalists in Opposition 1934–1948*. – Cape Town, Pretoria, 1974; *Fourie, L.M. Mobilisering van die Afrikanerdom // Schyff, P.F. van der (Uitg.). Die Ossewa-Brandwag: Vuurtjie in die droë gras*. – Potchefstroom, 1991. – P. 45–182.
 59. В числе членов Брудербонда, отвергавших альянс с Национальной партией и симпатизировавших внепарламентским группам вроде «Нового порядка», ОБ или даже Партии африканеров, Б.М. Шоманн называет Герцога, Т.Е.В. Шумана, Малане, Дидерихса, дю Плесси и П. Мейера (*Schoeman, B.M. Die broederbond in die Afrikaner-politiek*. – Pretoria, 1982. – P. 18f.). См. также: *Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 125/1/8/2/1/1 (Заседание 28/29.11.1940)*. «Открытое письмо политическим лидерам африканерства и их последователям-африканерам», подписанное шефами ОБ, Федерации африканерских культурных объединений, Лиги спасения, Экономического института и Межцерковной комиссии, также выражало претензии на право голоса при выработке «основных направлений» политики и должно было оставить у партии ощущение изолированности от этой фаланги (см.: Ibidem. PV 125/2/7/1/1/1).
 60. *Bekker, A.E. Eben Dönges – Lewe en loopbaan tot 1948*. – Stellenbosch, 1987. – P. 187. О подоплеке этих событий см.: *Meyer, P.J. Nog nie ver genoeg nie – 'n Persoonlike rekenskap van vyftig jaar georganiseerde Afrikanerskap*. – Johannesburg, Cape Town, 1984. – P. 35f.
 61. *Ons Party en die Ossewa-Brandwag: Samewerking Misluk, collected party statements / National Party, Cape Province (Uitg.)*. – Cape Town, 1941. – P. 11. В связи с этим см. также высказывания П. Зауера (цит. в: *Robins, E. This Man Malan*. – Cape Town, 1953. – P. 69f.). См. также: *Die Volkstem*. – 05.10.1940, где содержатся ожесточенные нападки на памфлет «Бурская республика», который базировался в основном на том же проекте.
 62. Неудачи немногочисленных попыток Брудербонда оказывать влияние на политику признал и сам Й.К. ван Руй (см.: UNISA. Broederbond 1943–1965. – P. 19 (Митинг Брудербонда по случаю его 25-летнего юбилея). Принятое решение должно было идти навстречу настроениям, царившим в Брудербонде. Это подтверждают, в частности, письма в Исполнительный комитет, в которых содержались призывы к отходу Братства от участия в политике и одновременно критика определенных лиц, сосредоточивших в своих руках слишком большие полномочия (см.: *Jagger-Library. BC 640. E3.264*. – P. 6b (Письмо ячейки Брудербонда Порт Элизабет в Исполнительный комитет от 30.10.1941)).
 63. *State Archive Cape Town. A 1646/75/1. (Съезд Федерации африканерских культурных объединений. 28.01.1943. Протокол, §8)*. Подсластить горечь прощания Мейеру должны были торжественные

- проводы. В протоколе нет никаких указаний на причины его ухода. Сам он умалчивает об этом больше, чем сообщает (см.: *Meyer, P.J. Nog nie ver genoeg nie...* – P. 21, 29). Относительно роли, которую сыграл Фервурд в его вынужденном уходе, см.: *Ibidem.* – P. 31, 40.
64. Universiteit Stellenbosch. Gericke-Biblioteek (далее – Gericke-Biblioteek). D.F. Malan-slg. 1/1/1898 en 1899 («Dringende Versoek aan H.N.P.-lede»). Малан подготовил такое же заявление уже к 30 августа 1941 г. (*Ibidem.* 1/1/1844). См. также заранее подготовленный образец заявления о выходе из ОБ, разосланный в циркулярном письме секретаря Национальной партии в Бетале (Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 158/11).
 65. См. напр.: *Rand Daily Mail.* – 23.08.1941. См. также комментарий Дж. Херда в той же газете за 22.08.1941, содержащий типичные примеры теорий заговора, витавших вокруг Брудербонда. Согласно Херду, Братство стремилось расколоть ОБ и лишить ван Ренсбурга полномочий – представление, которое не имеет ни малейших документальных подтверждений. В гораздо большей степени в рядах самого Брудербонда проходил раскол между сторонниками Национальной партии и ОБ. Склонность к теориям заговора делает Херда и в прочих случаях не слишком надежным свидетелем, как, например, в случае с его утверждением о том, что за ОБ стоят интересы денежных тузов без попытки их как-то идентифицировать (*Sunday Times.* – 19.01.1941).
 66. См.: *Die Ossewa-Brandwag.* – Jg. 1, Nr. 16. – 25.02.1942. – P. 6. Согласно этому изданию «Ди Трансвалер» опубликовала 3 700 фамилий. Оно объявило это число пренебрежительно малой величиной, а поэтому сам факт исхода – не заслуживающим внимания. См. также: *Forum.* – Jg. 5, Nr. 11. – 13.06.1942. – P. 15f.
 67. OB-Argief. GR-slg. 1/2/12 (Заседания Гроотраада от 16/17.07.1942 и 01.10.1942).
 68. См. напр.: OB-Argief. Gebied E 8(i)(a)/1/3/2 (Сообщение Консультативного отдела командант-генералу, ноябрь 1945 г.).
 69. К похожему выводу приходит и П. де Клерк: *Klerk, P. de. Die Ossewa-Brandwag se ideaal van 'n nuwe samelewingsorde in Suid-Afrika // Joernaal vir Eietydse Geskiedenis.* – 1989. – Jg. 14, Nr. 2. – P. 90-131.
 70. Это относится в особенности к редактору издания ОБ «Ди Оссева-Брандваг», Н.Г.С. ван дер Вальту, чья диссертация, защищенная в 1960-е гг., пронизана ярко выраженным радикал-кальвинистским республиканизмом (*Walt, N.G.S. van der. Die Republikeinse Strew. Dryfvere en probleme binne die Suid-Afrikaanse partypolitiek, 1902–1961.* – Potchefstroom, 1968).
 71. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 103/2/2/3/2/1. – P. 4f. (Приказ по округу С 10/43, 20.10.1943
 - «Обязанности офицера», Приказ по округу С 1/44, 07.02.1944 «Наказания для офицеров»). Самым серьезным наказанием для офицера было лишение звания.
 72. OB-Argief. Gebied С 6/2 (Приказ по округу С 5/43, 08.06.1943), а также: *Ibidem.* GR-slg. 1/2/12, 02-04.11.1943.
 73. OB-Argief. AKG-slg. 3/4/31/4 (Приказ O.L. 2/43, 01.05.1943), *Ibidem.* 3/43, 14.05.1943, *Ibidem.* 4/43, 15.05.1943, *Ibidem.* 5/43, 17.05.1943. *Die Ossewa-Brandwag.* – Jg. 2, Nr. 26. – 19.05.1943. – P. 1. См. также: *Die Vaderland.* – 10.05.1943; *Instituut vir Eietydse Geskiedenis.* PV 158/29 (Второй Uniale Studielae в Претории, 02/03.12.1942. Приложение E).
 74. OB-Argief. AKG-slg. 3/4/31 (Приказ O.L. 4/43, 15.05.1943). См. также: *Instituut vir Eietydse Geskiedenis.* PV 158/30. Bl. 12 (Схематическое изображение: Оссевабрандваг – Гроотраад. Руководство и иерархия ОБ после реорганизации). *Ibidem.* Bl. 56f. (Заявление Исполнительного комитета Гроотраада о реорганизации ОБ «Оссевабрандваг как народное движение», в котором описаны нововведения).
 75. Отдельные аспекты идеологии Оссевабрандваг рассматривает П. де Клерк: *Klerk, P. de. Afrikanerdenkers en die beginsels van die Ossewabrandwag // Joernaal vir eietydse geskiedenis.* – 1989. – Jg. 14, Nr. 1. – P. 43-81; *Klerk, P. de. Die Ossewa-Brandwag...* О прямом сотрудничестве ОБ с Третьим рейхом см.: *Hagemann, A. Südafrika und das «Dritte Reich» – Rassenpolitische Affinität und machtpolitische Rivalität.* – Frankfurt, New York, 1989. – P. 261ff. О нацистской пропаганде в пользу ОБ см.: *Marx, C. «Dear Listeners in South Africa»: German Propaganda Broadcasts to South Africa, 1940–1941 // South African Historical Journal.* – 1992. – Nr. 27. – P. 148-172.
 76. См.: *Gesonde Huisgesinne Bou 'n Lewenskragtige Volk! Amptelike gesinsbeleid van die Ossewabrandwag (O.B.-Uitgawes Nr. 2).* – Stellenbosch, 1942; *Cronjé, G. Die huisgesin in die Afrikaanse kultuurgemeenskap // Heever, C.M. v.d., Pienaar, P. de (Uitg.). Kultuureskiedenis van die Afrikaner.* – Vol. 1. – Cape Town, Bloemfontein, Port Elizabeth, 1945. – P. 309; *Gesonde Huisgesinne Bou 'n...* – P. 6ff.
 77. *Die Ossewa-Brandwag.* – Jg. 1, Nr. 37. – 22.07.1942. – P. 4; OB-Argief. H.M. van der Westhuysen-slg. 3/17 (Африканерская семейная политика).
 78. *Meyer, P.J. Die Stryd van die Afrikanerwerker.* – Johannesburg, 1942; *Meyer, P.J. Demokrasie of Volkstaat, A.N.S. and A.N.J.* – Stellenbosch. 1942. См. также: *Die Ossewa-Brandwag: vanwaar en waarheen.* – Pretoria, 1942. – P. 50ff.
 79. *Iets oor die Ossewa Brandwag...* – P. 11ff и особенно 22ff.
 80. *Die Ossewa-Brandwag: vanwaar en waarheen.* – Pretoria, 1942. – P. 38f., особенно 45f., далее passim.
 81. OB-Argief – Interviews. N.J.R. Roets. – P. 27, похоже: *Meyer, P.J. Nog nie ver genoeg nie...* – P. 43; *Gericke-*

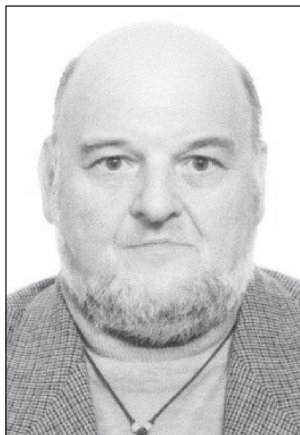

- Biblioteek. D.F. Malan-slg. 1/1/2169 (Письмо С. Потгитера Малану от 05.04.1945).
82. OB-Argief. AKG-slg. 3/1/7 (Письмо Смита дю Плесса от 06.09.1944).
 83. Die Ossewa-Brandwag. – Jg. 2, Nr. 29. – 09.06.1943. – P. 2.
 84. Более подробный анализ условий, в которых проходили выборы, см.: *Tothill, F.D.* The 1943 General Election (M.A. Diss, UNISA). – Pretoria, 1987 (Kap. 4. – P. 202ff.), а также разбор результатов этих выборов: *Ibidem.* Kap. 4. – P. 345ff., Kap. 5. – P. 274ff., Kap. 6. – P. 332ff., 376ff. См. также: *Tothill, F.D.* The South African General Election of 1943 // *Historia*. – 1989. – Jg. 34, Nr. 1. – P. 84ff.
 85. *Heard, K.A.* General Elections in South Africa, 1943–1970. – London, 1974. – P. 23f., 29. См. также о результатах выборов: *Schoeman, B.M.* Parlementêre Verkiesings 1910 tot 1976. – Pretoria, 1977. – P. 247ff.
 86. *Tothill, F.D.* The 1943 General Election... – P. 397.
 87. Die Ossewa-Brandwag. – Jg. 3, Nr. 39. – 16.08.1944. – P. 1 («Die O.B. se beleid»), – P. 4 («Forum»); *Ibidem.* – Jg. 7, Nr. 20. – 12.08.1944. – P. 16; *Ibidem.* – Jg. 3, Nr. 45. – 27.09.1944. – P. 1 («Grootraad Gaan Skepping van Parlementêre Front Oorweeg – Geleentheid vir Duisende Afrikaners Om Broedertwis te Beëndig sê K.G.»); *Ibidem.* – Jg. 3, Nr. 46. – 04.10.1944. – P. 1 («Grootraad Besluit Oor Parlementêre Front – Ruime Volksfront Onder Leiding Van Ossewabrandwag»); *Ibidem.* – Jg. 3, Nr. 50. – 01.11.1944. – P. 1. См. также: *Trek*. – Jg. 9, Nr. 5. – 08.09.1944. – P. 6; *Ibidem.* – Jg. 9, Nr. 7. – 06.10.1944. – P. 7. Публикации «Трека» были направлены прежде всего на дезавуирование усилий ОБ по перевербовке рабочих. Уже на партийном съезде в сентябре 1944 г. предложения «примиренца» Дж.Ф. Науде получили недвусмысленную отповедь со стороны Стрейдома (см.: *Die Vaderland*. – 21.09.1944).
 88. Личная беседа автора с К. Баккесом 06.08.1990.
 89. OB-Argief – Interviews. J.S. Labuschagne (Bd. 65–66, 1974). – P. 12.
 90. Instituut vir Eietydse Geskiedenis. PV 51/4. Hoofbestuur. 04.02.1948 (Текст соглашения с Национальной партией).
 91. Gericke-Biblioteek. D.F. Malan-slg. 1/1/2298 (Письмо Стрейдома Малану от 04.06.1947). Похожим образом Стрейдом подчеркивал принципиальные различия, исключавшие сближение с ОБ, также и в письмах к другим лицам, например, Кронину (Зее-руст, 14.04.1947) (см.: *State Archive Pretoria*. A2/57; Gericke-Biblioteek. D.F. Malan-slg. 1/1/2299 (Копия письма Малана Стрейдому от 05.06.1947).
 92. *State Archive Pretoria*. A2/59 (Письмо Малана Хавенге от 25.06.1947); Gericke-Biblioteek. D.F. Malan-slg. 1/1/2302 (Письмо Хавенги Малану от 10.07.1947); *Ibidem.* D.F. Malan-slg. 1/1/2308 (Письмо Малана Хавенге от 21.07.1947); *Ibidem.* 1/1/2319 (Письмо Хавенги Малану от 24.08.1947).
 93. Gericke-Biblioteek. D.F. Malan-slg. 1/1/2298 (Письмо Стрейдома Малану от 04.06.1947).
 94. *State Archive Pretoria*. A2/59 (Письмо Стрейдома Б.Й. ван дер Вальту от 14.05.1947).
 95. Этот ключевой вопрос Х.Б. Том вообще не затрагивает (*Thom, H.B.* Politieke Driehoek, 1947–1948 – Malan, Strijdom, Havenga – Genl. J.B.M. Hertzog-gedenklesing VI, Stellenbosch 26.4.1976. – Stellenbosch, 1976). Решающим в этом конфликте является вопрос о том, почему Хавенга возложил на себя не столь уж незначительный риск, допустив инфильтрацию в свою партию численно более сильной ОБ. Ответ может заключаться лишь в том, что Хавенга знал о разброде и деморализации в рядах ОБ и, возможно, заручился заверениями ван Ренсбурга в том, что ОБ не будет оказывать влияния на политическую линию Партии африканеров. Как показало время, Хавенга был прав в своих расчетах, и ОБ впоследствии действительно не играл никакой политической роли в его партии. Выводы Тома свидетельствуют о том, что он не анализировал состояние, в котором находился тогда ОБ (*Ibidem.* – P. 28). С тех пор ОБ официально не стремился к установлению авторитарного государства, а ван Ренсбург приступил к поискам пути назад, к парламентаризму.

УДК 329.18(68)
ББК 66.69(6)

ФАШИЗМ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

Балезин Александр Степанович,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)
alex.balezin@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе материалов из архивов Намибии (бывшей Юго-Западной Африки) и Германии рассматривается история фашизма и фашистской организации в этой стране, находившейся под управлением ЮАС/ЮАР. Деятельность ландесгруппы НСДАП была запрещена властями Южно-Африканского Союза уже в 1934 г. В статье показаны и причины этого запрета.

Ключевые слова: фашизм, Юго-Западная Африка, ландесгруппа НСДАП, гитлерюгенд, запрет деятельности фашистской партии.

FASCISM IN SOUTH-WEST AFRICA

A.S. Balezin, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Principal Researcher, Institute of World History,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Contrary to traditional interpretations, the archive files suggest that by no means everyone and not even most members of the German community in South-West Africa supported the Nazis. The data on the total number of local NSDAP Landesgruppe members is not available from archival sources, but according to the author's calculations based on membership fee lists, in all the nine districts of the Landesgruppe in South-West Africa, on the eve of its ban the NSDAP numbered only about 996 members. As the total number of German-speaking people in South-West Africa in 1934 must have been around 8 000, this figure is not large. To this should be added the youth united in the Hitlerjugend whose membership certainly increased the total number of Nazi supporters.

On the other hand, there is evidence suggesting significant activity by the Nazis in South-West Africa. In the former party archive in Moscow, in the Comintern files, there is a report by a Comintern activist R. Naumann showing that even in the late 1930s fascists were still very active in the country despite various bans.

Similarly, archival documents show that there were important differences of opinion among the Germans in South-West Africa in respect of their attitude to Nazism. Interviewees stressed, though, that for the «pioneers» of German colonization in South-West Africa whose ideals were connected with the Kaiser Hitler and his clique, and consequently the National Socialist regime, could not be considered politically attractive since they were thought of as being «upstarts».

Key words: fascism, South-West Africa, NSDAP Landesgruppe, Hitlerjugend, prohibition of the activities of the Fascist Party.

Юго-Западная Африка, ныне Республика Намибия, была германским протекторатом с 1884 по 1915 гг. С 1915 по 1990 гг. эта страна находилась под управлением Южно-Африканского Союза (ЮАС)/Южно-Африканской Республики (ЮАР). В годы

германского протектората там сложилась немецкая поселенческая община. После захвата страны войсками ЮАС немецкие солдаты и офицеры были интернированы, а значительная часть гражданского населения покинула страну. Однако в 1920-е –

1930-е гг. многие вернулись в Юго-Западную Африку, и к ним прибавились новые поселенцы из Германии [1].

Идеи фашизма активно распространялись среди немецких поселенцев в ЮЗА в основном вновь прибывшими из Германии начиная с 1931 г. В 1932 г. в ЮЗА была создана маленькая ландесгруппа НСДАП. Гитлеровские эмиссары постоянно вели в ЮЗА активные поиски новых членов партии, и, надо сказать, им удавалось находить желающих стать партайгеноссе.

Кто же присоединялся к фашистской партии, и какие перспективы она имела в ЮЗА? Об этом имеется интереснейшее свидетельство – архивное письмо активиста партии Шрёдера в Заграничный отдел НСДАП в Гамбурге от 18 января 1932 г. Вот что в нем говорилось:

«РЕХОБОТ. Вступление в партию г-на Фрица Бютова в Рехоботе, следующем крупном пункте южнее Виндхука, означает, что и в этом городе у нас имеется доверенный человек. Бютов, конечно, еще молод, однако я надеюсь, что, поскольку он многие годы был группенфюрером следопытов, он сможет хорошо поработать на своем посту. Важным для ведения пропаганды является тот факт, что родители Бютова имеют в Р. постоянный двор, в котором можно будет вывешивать наши газеты.

ЛЮДЕРИЦ – местопребывание «Стального шлема», самые хорошие возможности для прорыва, пока нет лишь подходящего человека.

ЦУМЕБ – надеюсь на поступление в партию и более подробные отчеты на следующей неделе. Почва благоприятна во всех отношениях... «Стальной шлем» не существует, однако есть более сильная группа марксистского объединения рабочих.

СВАКОПМУНД – не дает о себе больше знать. Партайгеноссе Зур не осуществил свой запланированный визит туда. На наши оба послания ответа пока нет.

ОКАХАНДЬЯ – возможно создание опорного пункта...

ГОБАБИС – создание опорного пункта может последовать в самое ближайшее время, доверенный человек в данный момент – фон Дюринген.

ФРАНЦФОНТЕЙН – некий г-н Хоффман потребовал членский билет после того, как ему были посланы пропагандистские материалы... Он – бывший член «Стального шлема».

СЕЛЬСКИЕ РАЙОНЫ ЮЗА: интерес из дистриктов Гобапис, Оучо, Карибиб и Хрутфонтейн. Особая активность в дистрикте Гобапис, где старый фермер Э. Шмидт ведет особо оживленную пропаганду. В Альт-Сейсе (округ Виндхук) фермеры-члены партии Виттманн, фон Бранд и Тальхельм создали сельский опорный пункт. Предварительная

работа проведена здесь партайгеноссе Вундером (фронтовым офицером)...

ГОРОД ВИНДХУК – 12 января – вечер бесед в переполненном зале. Рост интереса населения, следует рассчитывать на регулярное пополнение. Сильная нужда в библиотеке...» [2].

Из этого крайне интересного документа явствует, во-первых, что для вербовки новых членов НСДАП в ЮЗА велась активнейшая работа еще до прихода Гитлера к власти. Во-вторых, что вступали в нацистскую партию люди разного возраста и разных социальных групп. В-третьих, хорошую питательную среду для фашистских идей представляли организации военно-имперского толка, такие, как «Стальной шлем» или «Следопыты».

Документ интересен еще и тем, что в нем упоминается существование марксистской рабочей организации в ЮЗА, других материалов о которой мне в архивах встретить не удалось. Эта тематика – марксистское и рабочее движение в ЮЗА – далеко выходит за рамки данного исследования, однако, поскольку среди членов марксистской рабочей организации были и немецкие поселенцы, приведу еще некоторые сведения о ней – из дополнения к процитированному письму Шрёдера:

«ОБЪЕДИНЕНИЕ РАБОЧИХ: Следует ожидать краха этой марксистской организации, поскольку внутренние противоречия внутри объединения усиливаются: его секретарем является Фольмер (свободный каменщик!), и на него часто нападают отдельные члены по поводу его принадлежности к ложе. Кроме того, финансы объединения подорваны за счет необоснованных выплат самим его работникам, а в условиях теперешнего плохого экономического положения ЮЗА они, конечно, не получают никакого подкрепления. Пособия не выплачиваются более, о пособиях по безработице вообще больше думать не приходится. Предпринимается попытка создания «партии фермеров и рабочих» с оглядкой на советскую систему, чтобы таким образом наполнить паруса ветром. Однако такая попытка никогда не будет иметь успеха, к тому же совершенно исключено объединить под лозунгом: «Первым делом – ЮЗА» – буров, немцев и англичан – это попытка с негодными средствами. С точки зрения человеческого материала Объединение рабочих дает нам мало, этот материал там неполноценен» [3].

Но гитлеровские эмиссары находили в ЮЗА и «полноценный человеческий материал». Каналом распространения идей немецкого фашизма в ЮЗА должен был стать Союз немцев, руководству которого постоянно делались соответствующие представления. Однако в намибийских архивах сохранился любопытнейший документ, датированный

10 августа 1933 г. (Гитлер уже у власти!), свидетельствующий не только о попытках поставить Союз немцев ЮЗА на службу интересам фашизма, но и о том, что попытки эти не находили отклика не только у руководства Союза, но и у консула Германии в ЮЗА Фрике, назначенного еще Веймарской республикой. Это секретное письмо консула исполняющему обязанности председателя Союза немцев Петеру Мюллеру. В нем говорилось:

«Я еще раз подтверждаю настоящим уже сделанное мной 31 числа предыдущего месяца (31 июля 1933 г. – А.Б.) г-ну Альберту Фогтсу следующее устное заявление:

1) МИД стоит на той позиции, что следует придерживаться прежней позиции Союза немцев.

2) Внешнеполитический отдел НСДАП сообщил по телеграфу фюреру местной ландесгруппы г-ну Эрнсту Вандтке, чтобы он придерживался прежней политики Союза немцев, ориентированной на согласие всех групп населения.

3) Внешнеполитический отдел НСДАП, через мое посредничество, призвал г-на Бреннера прекратить всяческую политическую деятельность и держаться в стороне от школьных дел» [4].

Такая позиция немецкого консула имеет личностные объяснения, о которых речь пойдет несколько ниже. Что же до официального Берлина, то его поведение, видимо, можно объяснить определенным заигрыванием гитлеровского режима в первые месяцы своей власти в Германии с Великобританией по колониальным вопросам [5]. Однако отношение внешнеполитического отдела нацистской партии к Союзу немцев ЮЗА быстро изменились.

Уже к концу того же 1933 г. решено было активно привлечь эту организацию к политической деятельности в интересах гитлеровской Германии. А для этого необходимо было сменить руководителя Союза А. Фогтса, довольно равнодушно относившегося к идеям национал-социализма. В качестве альтернативы ему виделся упоминавшийся в письме консула Фогтсу один из активных сторонников фашизма из числа немецких поселенцев в ЮЗА д-р Бреннер. Его-то и попытались в ноябре 1933 г. во время очередного съезда Союза немцев сделать руководителем Союза эмиссары гитлеровской Германии: инициатива исходила от генерального консула (впоследствии посланника в Претории) Э. Вилля и штандартенфюрера СС из Колониального отдела штаб-квартиры НСДАП Г. Баусцуса, прибывших для этого в Виндхук. Однако они быстро поняли, что их кандидатура не пройдет, и предложили другую – свакопмундского врача Швитеринга, который, хотя не был членом нацистской партии, но сочувствовал ее идеям. Союз немцев во главе

со Швитерингом стал проводником идей нацизма, принял новый устав, проникнутый идеей фюрерства [6], а его документы с тех пор неизменно заканчивались словами «Хайль Гитлер!»

Число членов фашистской партии в ЮЗА быстро росло. Хотя данные об этом в документах ландесгруппы фигурируют из конспиративных соображений крайне редко и в разрозненном виде, тем не менее удалось установить следующее. Уже в сентябре 1932 г. во всей ЮЗА, как свидетельствует отчет от 2 октября 1932 г. о переводе ландесгруппой денег в Гамбург, насчитывался 641 член партии (правда, как явствует из документа, значительная их часть была не вновь вступившие, а «старые» члены НСДАП, прибывшие из Германии [7]). В 1934 г., как видно из документа о структуре ландесгруппы НСДАП в ЮЗА, она состояла из 9 округов и в ней насчитывалось 996 членов [8]. К этому надо еще добавить членов гитлерюгенда, действовавшего в ЮЗА весьма активно. Общую численность членов молодежной организации гитлеровской партии установить не удалось, однако в том же Виндхуке согласно спискам рот в 1934 г. в двух ротах насчитывался вместе 81 человек [9]. Если учесть, что по некоторым данным, таких рот предусматривалось создать около 10, а в каждой должно было быть 15–50 человек, то это максимум еще 500 человек.

Много это или мало? Вспомним, что по переписи 1936 г. в стране насчитывалось 9 632 немецких поселенца, а прирост немецкой поселенческой общины в 1935–1936 гг. за счет приехавших на постоянное место жительства составил 1036 человек, следовательно, в 1934 г. немцев в ЮЗА было свыше 8 тыс. чел. Таким образом, члены НСДАП и гитлерюгенда по самым приблизительным подсчетам составляли в 1934 г. менее четверти немецких поселенцев.

Это не удивительно, если учесть, что, во-первых, в 1934 г. деятельность НСДАП в ЮЗА была официально запрещена, а во-вторых, у фашистов в среде немецких поселенцев было, как свидетельствуют документы, достаточно много противников.

Один из таких документов – протокол собрания школьного объединения Виндхука от 21 сентября 1933 г., на котором обсуждался «проступок» некоего Ганса Виртца на предыдущем собрании, которое проходило 9 августа того же года. Тогда Виртц позволил себе сказать: «Эти зас...цы, нацисты, считают, что теперь они могут все сделать сами, а мы, которые живем здесь уже долго, должны попридержаться язык». Виртца поддержал репликой с места некий Эдмайер: «Да, вы зас...цы!». Так вот, на втором собрании Виртца заставили дать письменное извинение за нападки на НСДАП –

именно так было расценено его непарламентское выражение [10].

В бумагах Германского колониального общества я обнаружил другое очень интересное свидетельство отсутствия единства немецких поселенцев по вопросу фашизма. Причем касалось это не только давних жителей ЮЗА, но и вновь прибывших и даже официального представителя Германии – консула в Виндхуке. Это полученное в Берлине в октябре 1933 г. анонимное письмо из Виндхука следующего содержания:

«Немцы (в ЮЗА – А.Б.) совсем не так едины, как это пытаются представить Вам в Германии. Создавая клики, они наносят вред и поражения друг другу... Учителя немецкого реального училища, чем выше, тем больше индифферентны. Недавно еще директор этого училища с радостью вывешивал черно-красно-золотой флаг, сегодня он вывешивает с такой же радостью черно-бело-красный. Единственное, что заботит этих людей, – это их жалование... Представитель Германского рейха, консул Фрике, является камнем преткновения для многих. Он – инженер по профессии, а консулом стал, видимо, потому, что у него в кармане был социалистический партбилет. Его жена, очевидно, литовская еврейка, которой немецкий язык иногда доставляет трудности» [11].

Эта анонимка проливает свет на политические взгляды немецкого консула в Виндхуке Фрике, убежденного антифашиста. Становятся понятными и его настойчивое стремление оградить Союз немцев от фашистского влияния, и его позиция в деле Ганса Виртца, которому он сказал по следам сакраментального выступления в адрес местных нацистов: «Вы говорили великолепно!» [12] Также прояснен вопрос о том, почему Фрике был довольно скоро смещен со своей должности новыми берлинскими властями.

Основные направления деятельности ландесгруппы нацистской партии в ЮЗА в одном из циркуляров ее руководителя Вейгеля от 3 марта 1934 г. были сформулированы следующим образом:

«Задача нашего движения состоит в пропитке немецкой общины ЮЗА идейным богатством национал-социализма и воплощении его в конкретные дела. Эта задача может быть выполнена лишь в том случае, если каждый партайгеноссе и прежде всего каждый политический руководитель проникнется сознанием того, что он – боец воинства Адольфа Гитлера за каждого немецкого человека...» [13].

О деятельности фашистской партии в ЮЗА дают представление также и протоколы многочисленных партийных собраний. Вот, например, закрытое собрание в Свакопмунде 12 апреля 1934 г.

Партайгеноссе Халль призвал собравшихся «показать хороший пример» и ежемесячно вносить определенную сумму в пользу бедных в Свакопмунде. Крайслайтер Занер подчеркнул большой дух жертвенности, царящий в Германии, и призвал следовать ее примеру. Тут же был пущен по кругу подписной лист и собрано 12 фунтов в пользу бедных. Часть этой суммы было предложено передать в кассу местной организации НСДАП «на случай особых обстоятельств» [14].

Однако собравшиеся в Свакопмунде не ограничились показушной заботой о бедных. Важным в тот момент им казалось воспрепятствовать распространению правды о фашистской Германии: «Партайгеноссе Занер сказал, что в последнее время с родины вернулись разные либерально настроенные торговцы и другие, которые не нашли ничего лучшего, как мелочно критиковать новую Германию. Прежде всего такие лица подчеркивают, что Германия якобы находится в плохой экономической ситуации. Пг (партайгеноссе – А.Б.) З. сказал, что нам не надо говорить, что родине все еще приходится тяжело в экономическом отношении. Однако в первый же год правления Гитлера здесь сделано невероятно много, и лишить нас нашей непоколебимой веры в своего фюрера и его молодой народ не смогут даже самые отъявленные нытики» [15].

Большое значение фашисты придавали распространению своего влияния среди молодежи ЮЗА и деятельности гитлерюгенда. Привлекать молодежь в гитлерюгенд старались всеми способами. Руководитель этой организации во всей ЮЗА Штрукк, бывший «следопыт», пытался использовать для этого старые организации немцев в стране, в том числе тех же «Следопытов», а также «Стальной шлем». Например, 1 февраля 1934 г. он пишет письмо руководителю организации «Стального шлема» в Кольманскоппе, в котором подчеркивает: «Поскольку в Германии «Молодежь стального шлема» переводится в гитлерюгенд, я предполагаю, что Вы согласитесь с тем, что я переговорил с руководителем группы (т.е. организации в масштабах ЮЗА – А.Б.) об объединении ее с нашей молодежной организацией... За это руководство молодежным движением рейха снабжало бы их книгами, газетами и оказывало бы другую помощь, они могли бы принимать участие во встречах, экскурсиях, неделях обучения молодежи ЮЗА и принадлежали бы к нашему братству...» [16].

Активно велась работа и среди девушек, которые объединялись в «девические группы» гитлерюгенда. О характере их деятельности может, например, свидетельствовать письмо начальника штаба гитлерюгенда ЮЗА Герда Мартинга руко-

водителю такой «девической группы» в Окахандье Хельге Хайнце от 19 февраля 1934 г. В письме говорится, что девушкам будут регулярно пересылать журнал «Немецкая девушка», а пока шлют книги для организуемого вечера. Финансовую поддержку, однако, штаб гитлерюгенда оказать девической организации в Окахандье не может [17]. Что касается программы действий группы, Мартинг дает Хельге Хайнце такой совет: «Прежде всего я рекомендую Тебе подробнейшим образом изложить Твоим девушкам жизнь нашего фюрера. Расскажи им о его молодых годах, о войне, о времени борьбы за то, чтобы Германия проснулась... Я думаю, что у Тебя есть книга о жизни Гитлера, или ты можешь ее достать. Прочти ее очень подробно и расскажи о ней своим девушкам. Не рассказывай всю жизнь Гитлера за один вечер, подели ее на 5–6 вечеров. Важно, чтобы каждая девушка-гитлеровка хорошо знала жизнь своего великого вождя. Конечно, мы не должны быть как школа, все это должно рассказываться так живо, чтобы Твои девочки сами собой все усвоили и запомнили самое важное. Кроме того, пусть Твои девочки поют песни, занимаются каким-нибудь рукоделием, или читай им что-нибудь интересное. Кроме того, вы, конечно, должны ходить в походы» [18].

Самым крупным мероприятием гитлерюгенда в ЮЗА в 1934 г. был День немецкой молодежи, организованный совместно с виндхукской парторганизацией НСДАП. Это мероприятие проходило в Виндхуке с 5 по 8 июля. На его организацию было получено специальное разрешение мэрии Виндхука [19]. Спортивно-культурные мероприятия в Виндхуке собрали большое количество сочувствующей фашизму молодежи. Поначалу ожидалось участие в них около 200 человек из ЮЗА и около 30 представителей фашистской молодежи из ЮАС [20]. На самом деле число фашиствующих молодчиков в те июльские дни 1934 г. в Виндхуке, белое население которого составляло около 4,5 тыс. чел., превысило по некоторым подсчетам 800 чел. [21].

Свидетельством большого значения, которое фашисты придавали работе с молодежью, является тот факт, что в апреле 1934 г. Штрукка на посту руководителя гитлерюгенда ЮЗА сменил присланный из Германии Лосницер. По его прибытии к нему обратился с письмом руководитель ландесгруппы НСДАП в ЮЗА Вейгель. В этом письме от 25 апреля 1934 г., оценивающим ситуацию и перспективы фашизма в ЮЗА, в частности говорилось: «Я могу крайне хорошо использовать Вас, учитывая очень трудные местные условия. Мы ведем здесь ожесточенную борьбу на два фронта, с немецкой реакцией и либерализмом, которые идут

рука об руку с южноафриканцами. При этом партия вследствие неумелой деятельности моего предшественника не достигла внутренней консолидации. Нам еще предстоят тяжелые времена, и нам нужны твердые и преданные люди, для которых партия стоит на первом месте» [22].

Мрачные предвидения Вейгеля сбылись: в 1934 г. деятельность НСДАП была в ЮЗА запрещена. Окончательный импульс к ее запрещению дали как раз нацистские боевые песни и бурные речи во время Дня немецкой молодежи, вылившегося в четырехдневную демонстрацию гитлеровцев, всколыхнувшую в июле 1934 г. весь Виндхук. Однако призыв к запрещению фашистской партии в ЮЗА раздался в ландесрате ранее: еще 2 августа 1933 г. Законодательный совет проголосовал за разработку и последующее принятие антинацистского закона. Инициатором этой резолюции была Объединенная националистическая партия ЮЗА, а против нее, естественно, проголосовали все немецкие депутаты ландесрата. Как сообщала «Берлинер Бёрзенцайтунг» 3 августа 1933 г., «немецкие депутаты Законодательного собрания Юго-Западной Африки... покинули зал заседаний в знак протеста против решения, направленного против национал-социализма. Немцы вернулись только к голосованию, однако решение было принято 9 голосами против 7» (в ландесрате после выборов 1929 г. насчитывалось именно семеро немецких депутатов – 4 избранных и 3 назначенных. – А.Б.) [23].

В результате было принято знаменитое постановление 13/33 о внесении изменений в уголовное право, дававшее губернатору право запрещать те политические организации, которые нарушали бы мир и порядок в стране, ношение форм и знаков отличия подобных организаций, а также право запрещать нежелательные иностранные издания и в целом действия, вызывавшие межнациональную рознь. Однако Союз немцев высказал протест по поводу этого постановления, и глава администрации ЮЗА подписал его не сразу, а лишь в феврале 1934 г. Практически же оно было применено именно после Дней немецкой молодежи: были запрещены НСДАП и гитлерюгенд, их документы конфискованы (они составили «Дело А 221» фонда «ЮЗА-Наследие», материалы некоторых из 249 томов и еще 26 томов публикаций которого здесь цитируются). Более того, руководители обеих организаций – соответственно, Вейгель и Лосницер – были высланы из ЮЗА.

Почему же Объединенная националистическая партия ЮЗА выступила против НСДАП? Думается, это понятно в контексте вышеизложенных перипетий политической борьбы, когда немцы и

все остальные белые жители ЮЗА оказались по разные стороны баррикад. И дело тут не только в вопросе о полном поглощении ЮЗА Южно-Африканским Союзом, против которого последовательно выступал Союз немцев и еще более активно выступали фашисты. Отталкиваясь от идеи о неприсоединении ЮЗА к Южной Африке, они довольно быстро пошли еще дальше – потребовали возвращения ЮЗА Германии. Так, 14 февраля 1934 г. по всем организациям ландесгруппы НСДАП в ЮЗА был распространен составленный неким Р. Матисеном «проект решения», в котором в частности говорилось: «Прошедшие 15 лет составляют цепь ярких доказательств того, что держава-мандатарий не в состоянии или не хочет выполнять взятую на себя задачу. И ныне, спустя 15 лет после окончания войны, через 8 лет после натурализации, мы, немцы, которые в тяжелой борьбе и тяжелым трудом окультурили эту страну, являемся в правовом, административном и языковом отношении гражданами второго сорта... Нынешняя инициатива южно-африканских депутатов ландесрата о превращении ЮЗА в пятую провинцию [Южно-Африканского] Союза – краеугольный камень политики, планомерно растаптывающей права немцев... Южно-африканцы развернули свое знамя. Поэтому и мы объявляем свою цель: немцы построили эту страну, немецкая кровь удобрила ее почву. Мы – часть немецкой нации, и поэтому мы требуем возвращения [ЮЗА] Германскому Рейху!» [24].

Однако для понимания причин запрета – и весьма решительного – НСДАП в ЮЗА необходимо учитывать ситуацию и в ЮАС, ведь, как бы то ни было, в Виндхуке правили представители Южной Африки. Выше говорилось о том, что именно бурские националисты и в частности Националистическая партия ЮАС поддерживали немцев в ЮЗА. Однако в среде самих бурских националистов и даже в самой Националистической партии постоянно происходили брожения и даже расколы. Очередной раскол Националистической партии, когда из нее вышли более радикально настроенные элементы, произошел в начале 1933 г., а в мае 1933 г. на всеобщих выборах в ЮАС победила коалиция Националистической партии Д. Герцога с Южно-Африканской партией Д. Малана. Одним из важнейших пунктов, на основе которых была создана коалиция этих двух партий, была верность Британскому содружеству наций [25]. Это означало, что в ЮАС победил пробританский и, следовательно, антигерманский политический курс.

Однако руководство ландесгруппы НСДАП в ЮЗА, видя, куда идет дело, заранее позаботилось о том, чтобы партия продолжила свою работу и в

подполье. Еще до вступления в силу постановления 13/33, 5 февраля 1934 г., Вейгель разослал по всем парторганизациям ЮЗА секретный циркуляр, готовивший «партайгеноссен» к действиям в новых условиях. В нем предписывалось «уходить от любых провокаций», «сохранять сдержанность и самообладание», «не афишировать свою принадлежность к партии», а также запрещалось «надевать коричневые рубашки на официальные встречи и беседы» [26]. Циркуляр также предписывал позаботиться о сохранности документов, в особенности секретных, а также денежных средств партийных организаций, быть осторожными в частной переписке. Особо указывалось на необходимость уклоняться от автоматической натурализации, последний срок которой истек 14 февраля. Однако оговаривалось, что, хотя натурализация влечет за собой потерю германского гражданства и, следовательно, членства в НСДАП, в тех случаях, когда отказ от нее угрожает «экономическому существованию», отказываться от нее не следует [27].

Надо сказать, что с вопросом о гражданстве Вейгель тут слухавил. Действительно, членом НСДАП мог быть только гражданин германского рейха. Однако, как говорилось выше, вся двойственность натурализации немцев в ЮЗА состояла в том, что, становясь гражданами Великобритании, они в то же время *не теряли немецкого гражданства*. Доказательством тому служат факты, приведенные В. Бертельсманном. Он пишет, что с 1936 г. по заданию немецкого консула в Виндхук врачи-немцы вели регулярное освидетельствование немцев-военнообязанных, причем не только граждан рейха, но и «лиц с двойным гражданством». Более того, в 1937–1940 гг. ежегодно группы немецких юношей – граждан Германии, а также «лиц с двойным гражданством» выезжали в Германию для прохождения военной службы [28].

Как и следовало ожидать, запрет НСДАП в ЮЗА вызвал бурный протест в Германии. Гитлеровская «Националь-Цайтунг» писала по этому поводу 31 октября 1934 г.: «Обоснование этого запрета еще не было объявлено. Мы, однако, можем смело предположить, что любое обоснование может быть только предлогом... Этой мерой, которую иначе, как изнасилованием немцев, и назвать нельзя, затронуты практически все немцы, ведь еще задолго до 1933 г. живущие там немцы за некоторыми отдельными исключениями присоединились к НСДАП...» [29].

Пропагандистская трескотня, характерная для этого печатного органа, ярко проявилась и в данном случае: как видно из вышеприведенных цифр, далеко не все и даже не половина немцев, живших

в ЮЗА, присоединились к фашистской партии. В моих многочисленных беседах с представителями немецкой общины в Намибии в 1991 г. они объясняли мне это следующим образом. Для большинства представителей первой волны иммигрантов идеалом оставалась Германия кайзеровская, а Гитлер был для них «безродным выскочкой». Другие же – либо те, кто приехал в ЮЗА после Первой мировой войны, либо те, кто побывал там в это время, – видели страну разоренной, страдающей от экономического кризиса, и для них Гитлер был «хорошим парнем, возрождающим Германию» [30]. Дальнейшие события лишь усилили размежевание в среде немецкой общины по вопросу фашизма.

В условиях подполья ландесгруппа НСДАП нуждалась в легальной «крыше», и эту роль она предназначала Союзу немцев. Еще в январе 1934 г., до официального запрета нацистской партии в ЮЗА, ее руководитель Вейгель в циркуляре, адресованном всем парторганизациям на местах, подчеркивал: «Я вменяю в обязанность всем членам и руководителям партии поставить себя на службу Союзу немцев в качестве отдельных членов и ни в коем случае не давать повода к трениям. С другой стороны, мы ожидаем от Союза немцев, что нам не будут создаваться трудности в выполнении нашей задачи – внедрении в наших соотечественников мировоззрения и знаний о построении Третьего рейха» [31]. В свою очередь, руководитель Союза немцев Швитеринг пишет 22 июня 1934 г. строго секретный циркуляр, который вменяет в обязанность организациям Союза на местах «строжайшим образом избегать всего того, что могло бы вызвать разногласия между НСДАП и Союзом» [32].

Швитеринг упоминает в этом циркуляре о том, что «ландесгруппенляйтер (Вейгель. – А.Б.), к сожалению, настаивает ныне на разрыве отношений» с Союзом немцев [33]. Действительно, Швитеринг перестал устраивать фашистов в качестве руководителя Союза. На следующих выборах на его место они протащили А. Фогтса, уже занимавшего прежде этот пост. Фогтс заранее объявил, что хочет жить на своей ферме, и нацисты рассчитывали, что он не будет особо вмешиваться в дела Союза, фактическим руководителем которого станет новый руководитель ландесгруппы НСДАП в ЮЗА Нойендорф.

Однако Фогтс отказался сделать Нойендорфа своим заместителем. Тогда тот при поддержке немецкого консула создал альтернативную организацию – Немецкий фронт. И тут в ходе широких обсуждений этого размежевания и даже голосований среди немецких поселенцев в ЮЗА выяснилось, что около 80% из них поддерживают линию Фогтса, а не Нойендорфа [34].

Тогда в это дело вмешался Берлин, куда были вызваны Фогтс, Нойендорф и некоторые другие политические деятели из ЮЗА. В ходе переговоров, в которых участвовали даже Риббентроп и Гитлер, было решено, что Немецкий фронт будет распущен, а через год – в 1936 г. – руководство Союзом немцев перейдет к Нойендорфу.

Однако это событие дало хороший повод к вмешательству властям ЮЗА. Было заявлено, что сложилась невозможная ситуация, когда граждане ЮАС (т.е. натурализованные немцы) подчиняются иностранцу (Нойендорфу), «склоняющему» их к повиновению главе иностранного государства (Гитлеру). В результате администрация ЮЗА не признавала более двойного, т.е. немецкого гражданства натурализованных немцев. Указ 51 от 2 апреля 1937 г. давал право главе администрации ЮЗА объявлять те или иные объединения политическими организациями, членами которых не могли быть иностранцы. Кроме того, указ запрещал британским подданным присягать на верность главам иностранных государств и правительств, а также политическим организациям. Иностранцам запрещалось вести политическую пропаганду. Нарушителям грозил штраф в 100 фунтов или год тюремного заключения, а иностранцы, кроме того, должны были подвергнуться высылке из страны как нежелательные лица [35].

Эти формулировки достаточно прозрачно намекали на объекты будущих запретов. Немудрено, что они были восприняты Берлином с раздражением, вылившимся в соответствующую ноту, направленную ЮАС. Правительство Южно-Африканского Союза, верное проанглийскому курсу как одному из основных принципов коалиции, ответило, что оно действует в рамках Лондонского соглашения, чему мешают взгляды, препятствующие сотрудничеству немцев с южноафриканцами. Эта обтекаемая формулировка означала, что оно не намерено отказываться от целей указа 51/1937 [36].

В апреле 1937 г. администрация объявила Союз немцев в числе прочих (например, Объединенной националистической партии ЮЗА) политической организацией, из которой согласно указу, должны были до 1 августа 1937 г. уйти иностранцы. В ответ Нойендорф 27 июня 1937 г. распустил Союз немцев. В прокламации, написанной им по этому поводу, говорилось: «Осознание внутренней связанности всех немцев привело руководство Союза немцев на заседании от 4 июня 1937 г. к убеждению и единогласному решению о том, что в целях сохранения чести и достоинства немцев Союз должен быть распущен» [37].

В прокламации Нойендорфа говорилось, что в голосовании по этому вопросу приняло участие большинство членов Союза и 84% голосовавших были за роспуск своей организации [38]. Однако если даже эта цифра не была подтасована, это не значило, что немецкие поселенцы действительно хотели роспуска Союза. Доказательством тому служит создание старыми поселенцами, имевшими британское гражданство, в частности Хирзекорном и виндхукским коммерсантом Джоном Мейнертом, Немецкого Союза ЮЗА (*Deutscher Südwesterbund*) как организации, свободной от влияния фашизма. Однако Берлин при содействии консула в ЮЗА и того же Нойендорфа провели активную работу по втягиванию в орбиту НСДАП этой организации, и в результате в 1939 г. ее руководитель Хирзекорн был заменен на натурализованного члена НСДАП Дресслея.

Новое руководство Союза тут же отправило приветственный адрес Гитлеру и приняло решение, осуждавшее добровольный отказ от германского гражданства [39]. Во вновь созданной газете «Дойчер Беобахтер» Дресель выступает с программной статьей, начинающейся цитатой Гитлера: «Нет лучшего гаранта мира, чем фанатичное единство немецкой нации». Он призывает к единству немцев в ЮЗА, к верности Третьему рейху и фюреру под знаком возвращения Германии ее бывших колоний [40].

Что касается деятельности собственно фашистской партии, ландесгруппа НСДАП действовала в ЮЗА после своего официального запрета также и вне Союза немцев. Среди партийных билетов членов НСДАП в ЮЗА, сохранившихся в архиве, есть множество, свидетельствующих о том, что их обладатели вступили в партию после ее официального запрета. Например, билет за номером 2.166.215 Вернера Хоффманна, фермера из ЮЗА, жителя фермы Боцана близ Окахандьи, уроженца Тюрингии, 1907 года рождения, свидетельствует о том, что он вступил в партию в ЮЗА 1 октября 1934 г. [41], т.е. практически вслед за ее официальным запретом.

Очень интересное свидетельство о деятельности нацистов в ЮЗА хранится в архивах Коминтерна в РЦХИДНИ. Это составленный на немецком языке по материалам ЮАСовской прессы доклад Р. Науманна, который так и называется: «Деятельность германских фашистов в Юго-Западной Африке» [42]. В этом докладе, написанном в 1937 г., в частности говорится: «Нацисты непосредственно связаны с: 1) немецким консулом в Виндхуке д-ром фон Оельхафером, 2) с немецким посланником в Претории д-ром Вилем и 3) с зарубежным отделом нацистской партии в Гамбурге» [43]. Приводится множество фактов о деятельности нацистов, на-

пример, о том, как в феврале 1937 г. в г. Людериц нацистами был сорван концерт, поскольку один из музыкантов был неарийцем [44]. Общий вывод доклада таков: «Несмотря на все меры, активность фашистов сегодня шире, чем когда-либо» [45].

В РЦХИДНИ хранится и еще одно свидетельство активности нацистов в ЮЗА – уже из 1938 г.: листовка Лиги в поддержку демократии ЮАС, призывающая граждан на демонстрацию против нацистской угрозы в ЮЗА. Демонстрация должна была состояться в Йоханнесбурге 15 сентября 1938 г., на ней планировалось выступление двух членов Законодательного совета ЮЗА (естественно, не принадлежавших к немецкой общине) [46].

Интересное свидетельство есть и о нацистской молодежи ЮЗА. 21 июля 1935 г. 107 молодых людей из ЮЗА на встрече в германском городе Госларе создали организацию фашистского толка – Землячество ЮЗА (*Landesmannschaft SWA*). Целью этой организации было «распространение новой немецкой идеи и борьба за единство немецкой общины в ЮЗА». Главными объектами деятельности этой организации были молодые немцы из ЮЗА, временно попадавшие в Германию. Членами организации можно было оставаться и за пределами Германии. В 1939 г. таких членов организации всего, т.е. как в Германии, так и за ее пределами (читай: в ЮЗА), насчитывалось около 1200 чел. [47]. Эти интересные данные означают, что с молодежью из ЮЗА, приезжавшей в Германию (главным образом, видимо, на военную службу), велась активная работа в нацистском духе. Возвращавшиеся же в ЮЗА молодые немцы вели нацистскую пропаганду дальше.

Говоря о национал-социализме в ЮЗА, исследователь из ФРГ Лотар Энгель подчеркивает, что интерес немецких поселенцев в этой стране к Гитлеру объяснялся тем, что с ним они связывали надежды на улучшение собственного положения. Именно поэтому, показывает он, их симпатии к Гитлеру и его идеям возросли после присоединения Саарской области в 1935 г. – этот акт усилил надежды на возвращение Германии и ее бывших колоний. Симпатии свои к Гитлеру некоторые представители немецкой общины в ЮЗА продемонстрировали достаточно громко: например, в 1936 г. в «Альгемейне Цайтунг» ко дню рождения Гитлера впервые был опубликован его большой портрет с соответствующей статьей, а в 1936 г. ему в знак верности немецких поселенцев была вручена горсть земли из ЮЗА в вазочке из карибского мрамора [48].

Немецкий ученый Г. Вейланд на прошедшем в 1992 г. в Намибии семинаре подчеркнул, что распространение фашистской идеологии в ЮЗА объ-

яняется привлекательностью для тамошних немцев, ощущавших себя все же гражданами второго сорта, идеи о немцах как расе господ. Он отметил: «Идеи фашизма объединили и значительно усилили немецкую общину и существовали еще долго после внезапного краха Тысячелетнего рейха» [49]. Думается, что он, следуя традиционной точке зрения, все же преувеличил степень влияния фашизма в ЮЗА. Главный вывод, который можно сделать о фашизме в ЮЗА на основании архивных документов, состоит в том, что нацистская идеология никогда не захватывала ни всех, ни даже большинство немецких поселенцев в этой стране. Косвенным подтверждением этого вывода служат данные того же Л. Энгеля о расколе в рядах лютеранских общин в ЮЗА по вопросу об отношении к национал-социализму [50]. Главным привлекательным моментом в германском фашизме для немецких поселенцев следует считать связываемую с ним надежду на возвращение Германии бывших немецких колоний, и в частности ЮЗА. С этой надеждой, в свою очередь, связывались чаяния на изменение статуса немцев в самой ЮЗА, ибо идеалом для большинства из них оставались годы германского колониального господства.

Примечания:

1. Подробней см.: *Балезин, А.С.* Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке/Намибии. 1814–1990. – М., 1996.
2. Намибийский национальный архив – Namibia National Archives – (далее NNA), фонд SWAA, A 221, vol. 188.
3. Ibidem.
4. NNA, SWAA, A 231, vol. 8. Deutscher Bund. Correspondence & Reports.
5. См.: *Бальхауз, Йоланда.* Колониальные цели и приготовления фашистского режима (1933–1939) // История германского колониализма в Африке / Под ред. Г. Штеккера. – М., 1983. – С. 282.
6. *Bertelsmann, W.* Die deutsche Sprachgruppe Südwestafrikas in Politik und Recht seit 1915. – Windhoek, 1979. – P. 57–58.
7. NNA, SWAA, A 221, vol. 188.
8. Ibidem.
9. NNA, SWAA, A 221, vol. 173. 90/11. HJ. Standort Windhuk.
10. Федеральный архив ФРГ – Bundesarchiv (далее BA), фонд DKG, д. 535, Bl. 11/1.
11. Ibid., Bl. 48.
12. Ibid., Bl. 13.
13. NNA, SWAA, A 221, vol. 187. NSDAP. III-A. Rundschreiben, Verfügungen.
14. NNA, SWAA, A 221, vol. 189. NSDAP Gauleitung. Protokolle 1933–1934. Ortsgruppe Swakopmund. Geschlossener Sprechabend am 12. 4. – 1934.
15. Ibidem.
16. NNA, SWAA, A 221, vol. 173. 90/6. Landesjugendführung.
17. NNA, SWAA, A 221, vol. 173. 90/5. Landesgruppenführung. Schriftwechsel.
18. Ibidem.
19. Ibid., 90/8. Tag der deutschen Jugend.
20. Ibidem.
21. *Bertelsmann, W.* Die deutsche ... – P. 61.
22. NNA, SWAA, A 221, vol. 173. 90/7. Schriftwechsel E. von Lossnitzer.
23. Berliner Börsenzeitung. – No. 358. – 3.8.1933; *Bertelsmann, W.* Die deutsche... – P. 61.
24. NNA, SWAA, A 221, vol. 188.
25. См.: *Тухомиров, В.И.* Партия апартхеида. – М., 1987. – С. 53.
26. NNA, SWAA, A 221, vol. 188. NSDAP. Gauleitung. Rundschreiben 1933–1934.
27. Ibidem.
28. *Bertelsmann, W.* Die deutsche ... – P. 98.
29. National Zeitung. – No. 300. – 31.10.1934.
30. Беседы с д-ром К. Будаком (Виндхук, май 1991 г.), М. Кройтцбергер (Свакопмунд, апрель 1991 г.) и др.
31. NNA, SWAA, A 221, vol. 188. NSDAP. Gauleitung. Rundschreiben 1933–1934.
32. NNA, SWAA, A 221, vol. 95. 81/4. Deutscher Bund. Rundschreiben 1934.
33. Ibidem.
34. *Bertelsmann, W.* Die deutsche ... – P. 62.
35. Kölnische Zeitung. – No. 167. – 04.04.1937.
36. *Bertelsmann, W.* Die deutsche ... – P. 63–64.
37. NNA, SWAA, A 221, vol. 95. 81/6. Deutscher Bund. Rundschreiben 1937–1939.
38. Ibidem.
39. *Bertelsmann, W.* Die deutsche ... – P. 63–64, 68.
40. См.: *Engel, L.* Kolonialismus und Nationalsozialismus im deutschen Protestantismus in Namibia. 1907 bis 1945. – Bern-Frankfurt/M., 1976. – P. 358.
41. NNA, SWAA, A 221, vol. 191.
42. *R. Naumann.* Die Tätigkeit der deutschen Faschisten in Süd-West-Afrika. – РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, ед. хр. 612, рукопись.
43. Там же, л. 9.
44. Там же, л. 14.
45. Там же, л. 14.
46. РГАСПИ, ф. 495. Оп. 14, ед. хр. 360-а.
47. NNA, SWAA, A 221, vol. 173. 90/9. Landesjugendführung.
48. *Engel, L.* Kolonialismus und Nationalismus ... – P. 361–373.
49. *Weiland, H.* Persistent Detachment from the State: German-Speaking Namibians' Identity and Patterns of Political Thought // The Identity and Role of the German-Speaking Community in Namibia. – Rehoboth, 1993. – P. 20–21.
50. *Engel, L.* Kolonialismus und Nationalismus... – P. 461–488.

НАШИ АВТОРЫ

Джулия Альбанезе – научный сотрудник Падуанского университета (Италия). Занимается изучением истоков фашизма, политического насилия и авторитарных диктатур. В настоящее время работает над проектом по изучению Средиземноморской Европы в 20-е годы XX в. Автор книг «Истоки фашизма. Политическое насилие в Венеции в 1919–1922 гг.» (2001), «Поход на Рим» (2006).

Балезин Александр Степанович – историк-африканист. Окончил Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. Автор более 150 научных работ, в том числе книг: «Африканские правители и вожди в Уганде» (1986), «Степан Афанасьевич Балезин» (1988, в соавторстве), «У Великих африканских озер» (1989), «История Намибии в новое и новейшее время» (1991, в соавторстве), «Цивилизаторы в стране дикарей?» (1996), «Архивные источники по новой и новейшей истории Африки на языке суахили. Хрестоматия» (2002), «По Африке в поисках России. Путевые заметки историка» (2004, 2-е изд. – 2012), «Тропическая и Южная Африка в новое и новейшее время: люди, проблемы, события. Учебное пособие» (2008). Инициатор и соредатор альманаха «Под небом Африки моей. История, языки, культура народов Африки» (Выпуск 1–6, 2000–2012).

Ричард Джеймс Бун Босворт – австралийский историк, ведущий специалист в области изучения фашистской Италии. Получил степень бакалавра и магистра в Университете Сиднея, окончил докторантуру в Колледже Сент-Джонс Кембриджского университета. До выхода на пенсию в 2011 г. преподавал в Университете Сиднея и Университете Западной Австралии. Старший научный сотрудник Колледжа Иисуса Оксфордского университета (Великобритания). В 2007–2012 гг. – профессор Университета Рединга (Великобритания). Член Академии социальных наук Австралии и Австралийской Академии гуманитарных наук. Автор фундаментальных монографий «Муссолини» (2002), «Муссолиниевская Италия: жизнь при диктатуре» (2005), «Национализм» (2007).

Дон Ваттс – доктор истории, на протяжении многих лет являлся научным директором направления «исторические науки» в Университете Англия Раскин в Кембридже. Преподавал курсы европейской истории, философии и литературы. Основная область исследований и публикаций – современная немецкая история и культура. В настоящее время на пенсии, проживает в Дании, где опубликовал ряд статей. Выступает с лекциями по проблемам истории Дании, в том числе о кризисе, связанном с карикатурами на пророка Мохаммеда, о спасении датских евреев в 1943 г. и о Датской народной партии.

Франсиско Вейга – историк и политолог, профессор новой и новейшей истории Автономного университета Барселоны (АУБ), член исследовательской группы современной истории АУБ и ассоциации Евразийский центр (Испания). Специалист в области истории «холодной войны» и современных политических процессов в странах Юго-Восточной Европы после 1989 г. Среди его публикаций – монографии «Искусственный мир. История “холодной войны” (1941–1991)» (1996, переизд. в 2001); «Слобо. Несанкционированная биография С. Милошевича» (2004), «Турция. Десять веков у ворот Европы» (2006, переизд. в 2007), «Балканская ловушка» (1994, переизд. в 2002), «Изобретение границ. Гражданские войны в Югославии: 1991–2001» (2011), «Неустойчивость как мировой порядок. Ход истории после “холодной войны”: 1990–2008» (2009).

Питер Вьен – ассоциированный профессор истории Ближнего Востока и ассоциированный декан Департамента истории Мэрилендского университета в Колледж-Парке (США), президент Института научных исследований в Ираке (TARII). Его основные научные интересы сосредоточены на изучении взаимодействия национализма и религии в процессе формирования современных обществ Ближнего Востока. Подготовленная им к печати монография «Арабский национализм. Политика в области истории и культуры на современном Ближнем Востоке» будет опубликована в 2017 г. издательством Routledge. В 2006 г. издал книгу «Арабский национализм в Ираке: авторитарные, тоталитарные и профашистские тенденции в 1932–1941 гг.»

Карлос Гонсалес-Вилья – приглашенный научный сотрудник Института Франклина Университета Алькалы (Испания), член исследовательской группы современной истории Автономного университета Барселоны (АУБ) и ассоциации Евразийский центр (Испания). Специалист по современным политическим процессам в странах Юго-Восточной Европы после 1989 г. Автор многочисленных статей, глав в коллективных монографиях и других публикаций.

Алессио Гальярди – ассистент профессора Болонского университета (Италия). Занимается исследованием проблем итальянского фашизма, антифашистского движения, политических взглядов Антонио Грамши и общественных движений в современной Италии. Является автором монографий «Невозможная автаркия. Экономическая политика фашизма и министерство финансов Италии» (2006), «Фашистский корпоративизм» (2010). Член редакционных коллегий журналов «Le Carte e la Storia», «Il Mestiere di storico».

Роберт Геллатели – канадский ученый, в настоящее время – один из ведущих исследователей национал-социализма и истории Европы периода Второй мировой войны. Профессор им. Эрла Рейя Бека департамента истории Государственного университета Флориды (США). Автор многочисленных публикаций по истории нацистской Германии и европейской истории XX в. Наибольшую известность автору принесли монографии «Гестапо и немецкое общество: обеспечение расовой политики в 1933–1945 гг.» (1991), «Политика экономического отчаяния: торговцы в немецкой политике 1890–1914 гг.», «Поддержка Гитлера: согласие и принуждение в нацистской Германии (1933–1945)» (2001) и др.

Рубен Домингес Мендес – доктор современной европейской истории, преподает в Университетском Институте истории Симанкас Университета г.Вальядолид (Испания). Его научные интересы сосредоточены на изучении истории международных отношений, внешней политики Италии, особенно ее культурных аспектов. Автор монографии «Муссолини и экспорт итальянской культуры в Испанию» (2012), а также многочисленных статей, опубликованных в испанских и итальянских журналах («Spagna Contemporanea», «Memoria e ricerca», «Investigaciones históricas», «Hispania Nova», «Pasado y Memoria», «Historia Contemporánea»).

Томас Дэвид Дюбуа – доктор китайской истории Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. В настоящее время – приглашенный научный сотрудник Китайского университета в Гонконге, а также старший научный сотрудник Австралийского национального университета. Ранее являлся ассоциированным профессором Национального университета Сингапура. Автор многочисленных статей, посвященных японскому империализму в Маньчжурии, и трех книг: «Империя и смысл религии в Маньчжурии 1900–1945 гг.», «Священная деревня: социальные изменения и религиозная жизнь в сельских районах Северного Китая» (2005), «Религия и формирование современной Восточной Азии» (2011). Главный редактор серии «Historical Studies of Contemporary China» (Исторические исследования современного Китая) (Brill Publishing).

Стефан Ириш – историк, научный сотрудник Университета Хайфы (Израиль). Автор многочисленных публикаций, среди которых монографии «Ататюрк в представлениях нацистов» (2014), «Оправданная геноцид. Германия и армяне: от Бисмарка к Гитлеру» (2016), а также книги на немецком языке о национализме и национальной идентичности в постсоветской Молдавии «Кто такие молдаване?» (2008).

Одилон Калдейра Нету – профессор истории Университета Риу-Гранди (Бразилия). Окончил Университет г. Лондрина (Бразилия), в 2011 г. получил степень магистра истории в Университете г. Марингá (Бразилия). После стажировки в Институте социальных наук Лиссабонского университета получил степень доктора истории в Федеральном университете Риу-Гранди-ду-Сул (2016). Диссертация была посвящена анализу деятельности в 1989–2006 гг. одной из правых и ультранационалистических партий Бразилии (PRONA). Сфера научных интересов – правый радикализм, консерватизм, авторитаризм, национализм, фашизм в его различных проявлениях, неофашизм, антисемитизм. Координатор и член международной исследовательской группы при бразильской Национальной ассоциации историков Бразилии «Правые силы: история и память». Член исследовательской рабочей группы при Латиноамериканском совете по социальным наукам (CLACSO) «Современные правые: диктатуры и демократии». Автор монографии «Под знаком сигмы: интегрализм, неинтегрализм и антисемитизм» (2014).

Аристотель Каллис – профессор новой и новейшей истории Килского университета (Великобритания). До назначения на эту должность преподавал в различных университетах Великобритании: Эдинбургском университете (2001–2002), Бристольском университете (2002–2003), Университете Ланкастера (2010–2016). Известный специалист в области изучения феномена фашизма, фашистской идеологии, геноцида, современных праворадикальных движений. Автор многочисленных публикаций по данной проблематике, среди которых фундаментальные монографии «Фашистская идеология: территория и экспансионизм в Италии и Германии в 1922–1945 гг.» (2000), «Фашизм. Книга для чтения» (2003), «Нацистская пропаганда и Вторая мировая война» (2005), «Геноцид и фашизм: истребление неудобных в фашистской Европе» (2009), «Радикальные правые в современной Европе» (2015). Совместно с португальским исследователем Антониу Кошта Пинту подготовил к изданию сборник статей «Переосмысление фашизма и диктатуры в Европе 1919–1945 гг.» (2014).

Жан-Ив Камю – член исследовательского проекта «История фашизма в Европе и Евразии» (руководитель проф. Марлен Ларюэль), Институт европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона (США); приглашённый исследователь Института международных и стратегических исследований (Франция), директор Центра по изучению политического радикализма при Фонде им. Жана Жореса (Франция).

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. Специалист в области германской историографии национал-социализма. Автор многочисленных работ по данной проблематике, среди которых монография «Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005)» (2007).

Николя Лебур – член исследовательского проекта «История фашизма в Европе и Евразии» (руководитель проф. Марлен Ларюэль), Институт европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона (США); приглашённый исследователь Центра политических исследований Латинской Америки (Университет Монпелье – Национальный центр научных исследований, Франция), сотрудник Центра по изучению политического радикализма при Фонде им. Жана Жореса (Франция).

Томас Лорман – доктор истории, преподаватель современной истории стран Центральной Европы в Школе славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона (Великобритания). Защитил докторскую диссертацию в Школе славянских и восточноевропейских исследований в 2002 г. по теме «Высокая политика в Венгрии в 1920–1925 гг.», а затем в 2006 г. опубликовал ее в виде монографии. Автор ряда статей по истории Венгрии и Чехословакии в межвоенный период, в том числе исследований, посвященных анализу внутренней и внешней политики, роли католической церкви и праворадикальных политических движений в данных странах.

Мануэл Лофф – получил степень кандидата наук в области истории и цивилизации в Европейском университете-институте во Флоренции. Ассоциированный профессор кафедры истории, политических и международных исследований Университета Порту (Португалия), координатор исследований по теме «История и память: коллективная память, история настоящего и устная история» в Институте современной истории Нового Лиссабонского университета. Преподавал в Мадридском автономном университете, был приглашенным профессором в Еврейском университете Иерусалима и читал лекции в ряде европейских и латиноамериканских университетов, а также в Египте. Автор и редактор многочисленных исследований, среди которых «Салазаризм и франкизм в эпоху Гитлера (1936–1942): политика конвергенции, идеологические предрассудки и эволюция положения Испании и Португалии на международной арене» (1996), «Португалия. 30 лет демократии (1974–2004)» (соредактор, 2006), «"Наш век фашистский!" Мир глазами Салазара и Франко (1936–1945)» (2008), «Диктатуры и революции. Демократия и политика памяти» (соредактор, 2014), «Исторический словарь Первой Республики и республиканизма» (в 3-х томах) (соредактор, 2013–2015).

Христоф Маркс – профессор внеевропейской истории Университета Дуйсбург-Эссен (Германия). Изучал историю и музыковедение во Фрайбургском университете (Германия) и Грэхемстауне (Южная

Африка). Во Фрайбургском университете защитил две докторские диссертации (в 1987 и 1996). Специалист в области истории Южной Африки. Автор статьи «Под знаком *Ochsenwagens*. Радикальный африканерский национализм в Южной Африке и история Оссевабрандвага», опубликованной в журнале «*Studien zur Afrikanischen Geschichte*» (том 22, Мюнстер–Гамбург, 1998), монографий «Африканская история с 1800 года до наших дней» (2004), «Южная Африка. Прошлое и настоящее» (2012).

Марк Неоклеус – профессор политической экономики Брунельского Университета, член редколлегии журнала «*Radical Philosophy*». Его работы охватывают широкий круг проблем: функционирование государственной власти и общественного порядка, история фашизма и политического воображения. С одной стороны, он рассматривает механизмы управления современным капиталистическим миром через понятия «полиция», «безопасность», «война», а также их связь с реакционными сдвигами в политическом мироустройстве. С другой стороны, его интересуют вопросы, связанные с природой политического воображения: как можно представить государство с помощью категорий, связанных с человеческой субъективностью, как можно представить врагов чудовищами и как мы можем представить себе наши политические отношения с погибшими. Основные книги: «Создание социального порядка: критическая теория полицейской власти» (2000), «Воображая государство» (2003), «Чудовища и погибшие: Бёрк, Маркс, фашизм» (2005), «Критика безопасности» (2008), «Власть войны, власть полиции» (2014), «Глобальный противник: безопасность, капитал и “враги человечества”» (2016).

Окунева Людмила Семеновна – историк и политолог, окончила исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России. Вице-президент Совета Иberoамериканского центра МГИМО, директор Центра БРИКС Института международных исследований МГИМО, председатель бюро секции латиноамериканистики Российской ассоциации международных исследований (РАМИ). Ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН. Специалист по истории и современным политическим процессам в Бразилии и других странах Латинской Америки. Автор свыше 215 научных трудов общим объемом около 330 п.л. по проблемам истории Бразилии, современных социально-политических процессов и политической мысли Бразилии и других стран Латинской Америки, особенностей демократического транзита в Бразилии, сравнительно-исторического анализа основных параметров развития Бразилии и России, модернизации и демократизации поставторитарных стран. Автор фундаментальной монографии «Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.)» (2008). Переводчик (в соавторстве с О.В. Окуневой) книги известного бразильского историка Б.Фаусту «Краткая история Бразилии» (2013). Автор опубликованных переводов статей бразильских, латиноамериканских, испанских историков и политологов по истории и современному развитию Бразилии и Латинской Америки.

Роберта Пергер – ассистент профессора департамента истории Индианского университета в Блумингтоне (США). После получения степени доктора истории в Мичиганском университете в 2007 г. работала в Европейском университете-институте во Флоренции и в Школе исторических исследований Института перспективных исследований в Принстоне. Автор многочисленных работ по итальянскому фашизму и поселенческой политике. Совместно с Джулией Альбанезе являлась редактором книги «В обществе фашистов: шумное одобрение, молчаливое согласие и насилие в муссолиниевской Италии» (2012). В настоящее время завершает работу над рукописью книги «Фашистские приграничные земли: нация, империя и итальянская программа урегулирования споров в 1922–1943 гг.».

Леандру Перейра Гонсалвис – профессор истории Католического университета штата Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия). Защитил диссертацию «Между Бразилией и Португалией: траектория и мышление Плиниу Салгаду и влияние португальского консерватизма». Ассоциированный иностранный исследователь Центра по изучению истории религии Католического университета Португалии. Руководитель исследовательской группы «Португалия и Бразилия в современном мире: идентичность и память». Координатор исследовательской группы при бразильской Национальной ассоциации историков Бразилии «Правые силы: история и память». Автор ряда работ по проблематике консерватизма в XX в., христианства и авторитаризма, правых движений, фашизма, бразильского интегрализма, деятельности бразильских иммигрантских организаций, сравнения политической культуры иберийских и латиноамериканских

стран. Под его редакцией были изданы книги: «История авторитаризма: национал-синдикализм, нацизм и различные виды фашизма» (2010, 2-ое изд. 2016), «Эпоха Варгаса: политзаключенные и преследуемые иностранцы» (2014), «От типографской литеры до газетной вырезки: история интегралистской прессы» (2 тома, 2011–2012), «Измерение власти: история, политика международные отношения» (2015).

Э. Брюс Рейнольдс – профессор истории колледжа социальных наук Университета штата Калифорния в г. Сан-Хосе (США). Специалист в области трансокеанских международных отношений в XX в., новейшей истории Японии, Китая и Юго-Восточной Азии, истории Азии в годы Второй мировой войны. Автор многочисленных публикаций, среди которых монографии «Южное наступление Японии и Таиланда (1940–1945)» (1994), «Секретная война Таиланда: УСС, УСО и подпольное движение “Свободный Таиланд” в годы Второй мировой войны» (2005). Редактор и автор раздела книги «Япония в “эпоху фашизма”» (2004).

Дэвид Д. Робертс – заслуженный профессор истории им. Альберта Берри Сейя Университета Джорджии (США), в котором он преподавал с 1988 по 2007 гг. и возглавлял исторический факультет с 1993 по 1998 гг. До поступления на работу в университет Джорджии преподавал в Университете штата Вирджиния и Рочестерском университете. Публикации Дэвида Робертса связаны с проблемами фашизма: монографии «Синдикалистская традиция и итальянский фашизм» (1979), «Тоталитарный эксперимент в Европе XX в.» (2006), «Историзм и фашизм в современной Италии» (2007).

Франко Саварино – профессор, научный сотрудник Национальной школы антропологии и истории (г. Мехико, Мексика). Специалист в области истории католицизма, государственно-церковных отношений, истории фашизма, новейшей истории Мексики, истории международных отношений и истории Италии первой половины XX в. Автор многочисленных научных публикаций, среди которых монографии «Народы и национализм: олигархический режим в массовом обществе Юкатана в 1894–1925 гг.» (1997), «Мексика и Италия. Политика и дипломатия в “эпоху фашизма”» (2003), «Романские народы: взгляды латиноамериканцев на итальянский фашизм» (2015).

Уолтер Скайя – ассоциированный профессор кафедры истории и директор программы азиатских исследований Аляскинского университета в Фэрбенксе (США). Получил степень бакалавра в Институте дальневосточных и российских исследований Университета штата Вашингтон (ныне – Школа международных исследований им. Генри М. Джексона). Более десяти лет жил в Японии, в том числе шесть лет был аспирантом Токийского университета, а также три года работал в головном офисе корпорации «Мицубиси» в Токио. Вернувшись в США, окончил магистратуру, а затем защитил докторскую диссертацию в Чикагском университете. Является автором книги «Священная война Японии: идеология радикального синтоистского ультранационализма» (2009; переиздана в 2012). В настоящее время готовит к публикации монографию «Дебаты о политической экономике в современной Японии: Фридрих Лист и интеллектуальные основы японской индустриальной державы».

Кристофер Спильман – приглашенный научный сотрудник Института сравнительной культуры Софийского университета в Токио. Получил степень доктора японской истории в Йельском университете в 1993 г. В 2005–2015 гг. – профессор современной истории Японии в Университете Кюсю Сангё. Специалист в области новейшей истории Японии. Является автором монографии «Обновленческие идеи и паназиатизм в современной истории Японии» (2015). Редактор «Корейского альманаха» (2016), со-редактор сборников «Паназиатизм: документальная история» (2011), «Дневник Мицукава Камэтаро» (2011) и «Письма Мицукава Камэтаро» (2012). Автор многочисленных статей на английском и японском языках о японских правых и о паназиатских концепциях.

Терехов Олег Эдуардович – историк, окончил исторический факультет Кемеровского государственного университета. Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. Занимается изучением истории Веймарской республики, истории и историографии немецкой «консервативной революции». Автор более 60 публикаций, в том числе монографии «Феномен “консервативной революции” в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации» (2011).

Жоан Мария Томас – академический исследователь и профессор новейшей истории Университета Ровира и Виржли (Таррагона, Каталония, Испания). Автор 11 книг, посвященных проблемам испанского фашизма, истории Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС, отношениям США и Испании в годы Второй мировой войны. Был приглашенным профессором и исследователем Джорджтаунского университета (США), Университета Отаго (Новая Зеландия), Аделаидского университета (Австралия), Университета Джавахарлала Неру (Индия), Университета Джамиа Миллия Исламия (Индия), Университета Тель-Авива (Израиль), Токийского столичного университета (Япония), Даляньского университета (Китай) и др.

Бернд Дж. Фишер – заслуженный профессор исторического факультета Университета Индианы (Форт Уэйн, США), член Албанской академии наук. Специалист в области новейшей истории балканских государств и их отношений со странами Запада. Автор монографий «Король Зогу и борьба за стабильность в Албании» (1984), «Албания в войне 1939–1945 гг.» (1999), «Албания в 1943–1945 гг.: обзор западных документальных источников» (2012). Под редакцией Бернда Фишера были изданы книги «Албанская идентичность: история и мифы» (2002), «Властные лидеры Балканских государств: диктаторы и авторитарные правители Юго-Восточной Европы» (2007), «Лондонская конференция послов и геополитические изменения на Балканах» (соредактор, 2014).

Гильерми И. Франку ди Андради – докторант в области исторических исследований Католического университета штата Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия), член исследовательской группы по проблематике «История и власть». Сфера научных интересов – исследование нацизма, фашизма, анализ праворадикальных партий и движений (в частности, французского Национального фронта во главе с Марин Ле Пен).

Лючия Чечи – доктор истории, ассистент профессора современной истории в Римском университете Тор Вергата (Италия). Ее научные интересы сосредоточены на изучении взаимоотношений между церковью и властью, религиозной составляющей в массовом обществе. В последние годы изучает отношение католической церкви к фашизму и к войнам, которые он вел 30-е годы XX в. Соавтор и редактор многих коллективных трудов, опубликованных в Италии, США, Германии, Франции, Испании. Автор книг «Теология освобождения в Латинской Америке. Деятельность Густаво Гутьерреса» (1999), «Флаг и крест. Колониализм, ислам и католические миссии в Сомали (1903–1924 гг.)» (2006), «Папа не должен говорить. Церковь, фашизм и война в Эфиопии» (2010). Лауреат премии «Desiderio Pirovano» в области развития исторических исследований. Под редакцией Люции Чечи был опубликован сборник «Ватикан и Италия времен Муссолини» (2013).

Бенжамин Захария – доктор истории, изучал историю в Президентском колледже Калькуттского университета и в Тринити Колледже Кэмбриджского университета, где защитил докторскую диссертацию. В число его публикаций входят *Nehru* (2004), *Developing India: an Intellectual and Social History c.1930-1950* (2005, 2 изд. – 2012), и *Playing the Nation Game: the Ambiguities of Nationalism in India* (2011). Его научные интересы связаны с проблематикой транснациональных революционных объединений, глобального фашизма, холодной войны, теорией истории и историографии. В настоящее время – старший научный сотрудник Триерского университета в Германии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ:

Формат А4, поля 20 мм со всех 4-х сторон, полуторный интервал, шрифт Times New Roman 14 pt. Текст должен быть набран в текстовом редакторе WORD, рисунки и таблицы включаются в текст статьи. Отступ абзаца: слева – 0; справа – 0; первая строка – 1,25 см. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 в алфавитном порядке. Ссылки оформляются в тексте в квадратных скобках на соответствующий источник списка литературы, например [1, с. 99]. Постраничные ссылки не допускаются.

При оформлении статьи следует после ее названия приводить ФИО (полностью), краткую аннотацию и ключевые слова. Фамилия, имя, отчество автора статьи, его научная степень и научное звание, аннотация и ключевые слова даются также в переводе на английский язык.

Объем статьи от 5 до 24 страниц, по согласованию с Редакционным советом может быть больше.

Статьи рецензируются.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ:

УДК 327:973

ББК 66.4(1Сое)6

ПОЛИТИКА США НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Доброхотов Леонид Николаевич,
доктор философских наук, профессор
(г. Москва)

Аннотация. В статье в историческом ракурсе и в контексте современности рассматривается политика США на территории бывшего СССР. Подчеркивается последовательность и преемственность этой политики, начиная с периода Гражданской войны в России и до сегодняшнего дня, направленной на усиление геополитической роли и влияния США на данной территории и максимальное ограничение интересов России.

Ключевые слова: геополитика, СССР, Россия, США, бывшие союзные республики.

U.S. POLICY AT POST-SOVIET TERRITORIES IN THE PAST AND IN CURRENT TIMES

Dobrokhотов L.N., doctor of philosophic sciences, professor

Abstract. At the essay US Policy at the territory of formen USSR is considered from historical perspektive to current days. The sequence and continuity of this policy is underlined starts from Civil War in Russia to the current times. The goals are to strengten U.S. geopolitical role and influence jn those territories, and strongly limit the Russian interests there.

Key words: geopolitics, USSR, Russia, Former Soviet republics

Для рубрики журнала «Наши авторы» предоставляются краткие данные об авторе – сведения об окончании вуза, научных звании и степени, количестве научных публикаций с указанием названий 3-4 статей (монографий).

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзора)

Свидетельство

о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-58459 от 25 июня 2014 г.

Адрес редакции: 117393, г. Москва, ул. Академика Пилюгина, д. 14, корп. 4, пом. IV, комн. 3.

Верстка: Сотникова О.И.

Корректор: Мартянова О.В.

Подписано в печать г.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. . Тираж 1000 экз. Заказ №.

е-mail: rus-1945@mail.ru

Яндекс Берегиня-777-сова. РФ

Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»

394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.

